ЛУЧШЕЕ

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

АНТОЛОГИЯ

Эдмонд ГАМИЛЬТОН, Роберт ШЕКЛИ,
Лоис Макмастер БУДЖОЛД, Дэн СИММОНС
и многие другие

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82/89
ББК 84.7 США
К 71

The Space Opera Renaissance

Edited by David G. Hartwell & Kathryn Cramer

Copyright © 2006 by David G. Hartwell and Kathryn Cramer
All rights reserved

Публикуется с разрешения редакторов-составителей
и их литературных агентов, Susan Ann Protter (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Б. Александрова, Н. Габриелевой, Р. Германа, Д. Горбачева,
А. Грузберга, Г. Грэя, В. Двининой, И. Дернова-Пигарева,
А. Кабалкина, М. Кондратьева, М. Пчелинцева,
О. Ратниковой, И. Русаковой, В. Серебрякова, А. Соколова,
Тимура Туганова, LazyImp

Иллюстрация на обложке Stephen Youll

Оформление Александра Золотухина

© Б. Александров (наследник), Н. Габриелева, Р. Герман,
Д. Горбачев, А. Грузберг, Г. Грэй, В. Двинина,
И. Дернов-Пигарев, А. Кабалкин, М. Кондратьев (наследник),
М. Пчелинцев, О. Ратникова, И. Русакова, В. Серебряков,
А. Соколов, Тимур Туганов, LazyImp, перевод, 2010
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-9985-0791-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАК БАРАХЛО СТАЛО БРИЛЛИАНТОМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ

ПРОЛОГ

В предисловии к нашей антологии «Восхождение чуда» («The Ascent of Wonder») почти пятнадцать лет назад мы сообщали, что намереваемся выявить истинную сущность твердой НФ. Собирая материал, мы обнаружили, что почти все полагали, будто знают, что такое настоящая, твердая НФ, но, когда мы просили дать определение и назвать конкретные произведения, результатом оказывалось множество противоречивых утверждений и неоднородных примеров. Поэтому в подборке материала и в примечаниях мы решили представить все варианты твердой НФ. А во вступительных статьях попытались все обобщить.

Взявшись за космическую оперу, мы столкнулись с такими же проблемами. Почти все обозреватели и критики, а также множество писателей и читателей, с которыми мы говорили, согласились, что новая космоопера стала одним из самых примечательных явлений современной НФ литературы. «Locus» в 2003 году даже посвятил космоопере специальный выпуск, статьи в котором были написаны выдающимися авторами. Но общего согласия по поводу того, что же это за жанр, какие авторы являются наиболее яркими его представителями или хотя бы какие именно произведения относятся к космической опере, нет — особенно среди самих писателей.

Именно потому в этой книге мы стремимся добиться ясности, возможно представляя противоречивые примеры, и пытаемся продемонстрировать космооперу в историческом контексте. Однако в случае с космоперой, в отличие от твердой НФ, мы решили начать с четкого определения и показать далее, как литературная политика и другие факторы десятилетиями изменяли жанр, превращая его в нечто совершенно иное.

То, что некогда было сайнс-фэнтези (вместе с частью твердой НФ), теперь стало космической оперой, а то, что раньше было космической оперой, бесповоротно забыто. Объясняем.

I. КОСМООПЕРА — ХАЛТУРА

За последние двадцать лет (1982—2002) почти все премии «Хьюго» в номинации «лучший роман» были вручены космооперам — от Дэвида Брина, К. Дж. Черри, Орсона Скотта Карда до Лоис Макмастер Буджолд и Вернора Винджа. (Премии за малые формы, как правило, распределялись между разными поджанрами НФ и фэнтези.) Можно зайти и дальше, утверждая, что премия «Хьюго» за лучший роман всегда доставалась космооперe, в ее теперешнем понимании, хотя многие ранние лауреаты, вплоть до конца 1970-х, были бы смертельно оскорблены тем, что на их книги навешивают такой ярлык. Космоопера считалась уничижительным определением; не поджанр, не тип, но худшая форма литературной поденщины. Воистину плохая НФ.

Многие уже не помнят этого, и потому наше восприятие как настоящего, так и прошлого научной фантастики искажено. Высокоразумные и при этом совершенно невежественные люди пишут ревизионистскую историю (особенно в последнее десятилетие) и тщательно выстраивают эпоху космооперы, основываясь на переопределениях поджанра, произошедших в 1950-е, 1960-е и 1970-е в угоду литературной моде. Вообще говоря, до середины 1970-х никто за всю историю фантастики не брался намеренно и сознательно писать ничего, что можно было бы назвать космооперой. (Разве что Джек Вэнс и Сэмюэль Дилэни: Вэнс в конце 1960-х принял от «Berkley Books» заказ создать роман, подходящий под название «Космическая опера» («Space Opera»), тогда же Филип Дик согласился написать «Духовное ружье» («The Zap Gun»). Издательские шутки для фэнов. Но Дилэни, как всегда опережая время, написал несколько космоопер, намеренно высоколитературных, из которых значительнее остальных «Нова» («Nova»); ее он в конце 1968 года характеризовал именно как грандиозную космооперу.) Тем не менее многие из ныне здравствующих представителей ранних эпох приключенческой НФ теперь именуют свои произведения, да и книги других, космооперой — эдакий иронический знак отличия, возможно вслед за Ли Брэкетт 1970-х годов (см. ниже, а также вступление к повести Джека Уильямсона).

С другой стороны, есть достаточно примеров работ конца 1940-х и более поздних, изданных как сознательные пародии

на космооперу, к ним этот термин применялся в юмористическом ключе, часто чтобы посмеяться над великими именами прошлого. Некогда знаменитый пример — «Мечеиосцы Варниса» (1950). Здесь тоже сработали литературная политика и смена определений (о чем мы подискутируем еще во вступительных заметках к произведениям). И все же отныне это настоящая литература, номинируемая на премии и часто их завоевывающая, и ее вполне сознательно называют космической оперой. Большинство этих книг оказываются на ведущих позициях НФ двух последних десятилетий.

Вот как описывается происхождение и значение термина в раннем словаре НФ «Fancyclopedia», 1959.

> **КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА** (Space opera). Термин введен Уилсоном Такером. Халтурная научно-фантастическая литература, переодетый вестерн; назван так по аналогии с «конской оперой», вестерн-фильмами типа «бахбахтоптоп», «мыльными операми» для радио и желтыми видеодрамами. [Здесь оканчивалась статья в «Fancyclopedia» 1944 года.] Конечно, некоторые космооперы куда примитивнее остальных; в раннем ТВ-сериале «Капитан Видео» («Captain Video») казалось, что оригинальные космические сцены выстроены по сюжету старого киновестерна. Терри Карр как-то отыскал публикацию под названием «Космо-Вестерн-Комиксы», где персонаж по имени Шпоры Джексон переживает различные приключения в футуристическом вестерновом антураже с «космическими повстанцами», и старый предвоенный «Planet Comics», беспрерывно печатавший полосу о Пяти Марсианских Копьеносцах и их битвах с мятежными дикарями.

Но это — разбавленная версия оригинального определения, утратившая точность и ясность, с которой писал Такер. То, что Такер на самом деле сказал в 1941 году в своем фэнзине, выглядело так:

«В эти времена фразоделания и мы предлагаем свою версию. Вестерны именовали „конскими операми", утренние слезливые сериалы для домохозяек называются „мыльной оперой". Для дешевых, занудных, грубых, затасканных космокорабельных небылиц или историй об очередном спасении мира мы предлагаем ярлык „космическая опера"».

Подчеркнем, что это определение применимо ко всей низкопробной НФ. Оно не относится к отличным космическим

рассказам из «Astounding» или к Э. Э. «Доку» Смиту и Эдмонду Гамильтону, звездам этого неба, но скорее к халтуре, печатавшейся, к примеру, в «Amazing» и более никогда не переиздававшейся и не вспоминавшейся. Его не связывали ни с будущим, ни с внеземными декорациями, ни с добрыми старыми временами. Такие толкования появятся позже, преимущественно после 1950-х.

Космоопера и тогда еще была негативным определением. И на последних страницах обложек ранних выпусков «Galaxy» (1950), в то время амбициозного нового журнала, под заголовком «Вы никогда не увидите этого в „Galaxy“» печатался типичный пример космической оперы:

ВЫ НИКОГДА НЕ УВИДИТЕ ЭТОГО В «GALAXY»

Полыхая дюзами, Бэт Дарстон с визгом ворвался в атмосферу Ббллизнадж, крохотной планетки в семи миллионах световых лет от Солнца. Готовясь к посадке, он вырубил свой супергипердрайв... и в этот момент долговязый тощий космонавт выступил из кормового отсека с протонным бластером в выдубленной космосом лапище.

— Отойди от пульта управления, Бэт Дарстон, — хрипло процедил высокий незнакомец. — Ты, верно, не знаешь, но это твое последнее космическое путешествие.

Гремя подковами, Бэт Дарстон галопом вылетел сквозь узкое ущелье Орлиной Глотки, крохотного золотого прииска четырьмястами милями севернее Томбстоуна. Бэт придержал коня перед нависавшим краем скалы, и в этот момент долговязый тощий бродяга выступил из-за большого валуна с шестизарядным револьвером в выдубленной солнцем лапище.

— Слезай с лошади, Бэт Дарстон, — хрипло процедил высокий незнакомец. — Ты, верно, не знаешь, но это твоя последняя скачка в этих местах.

«Похоже? Да уж конечно. Вестери автоматически пересажен на чужую и невероятную планету. Если это ваше представление о фантастике, можете оставаться при нем! В „GALAXY“ ВЫ ЭТОГО НИКОГДА НЕ НАЙДЕТЕ!

В „Galaxy“ вы найдете только лучшую фантастику... настоящую, правдоподобную, вдумчивую... написанную авторами, которые не переключаются механически с гангстерских войн на вторжение инопланетян; людьми, которые любят и знают фантастику... для людей, которые ее тоже знают — и любят».

Вероятно, реклама в «Galaxy» способствовала возникновению путаницы в терминологии и тому, что космоперой стали называть любую халтурную НФ, полную стереотипов, заимствованных из

вестернов. Смотрите вступление к «Меченосцам Варниса» — там больше деталей, поясняющих данное употребление, и подробнее сказано о смешении разных типов НФ текстов под общим определением «космическая опера», особенно это касается произведений Ли Брэкетт, печатавшихся в журнале «Planet Stories».

Когда термин появился в колонках обозревателей 1950-х, некоторые критики, кажется даже Джеймс Блиш, приводили низкопробный сериал Эдмонда Гамильтона «Капитан Фьючер» («Captain Future») в качестве примера космооперы, но отделяя его при этом от более достойных работ писателя. Деймон Найт так отзывался о Ли Брэккет (приводится во втором издании «В поисках чуда», с. 262):

«„Долгое завтра" („The Long Tomorrow") Ли Брэккет — потрясающий успех талантливого автора многих, но совершенно разных произведений в жанре сайнс-фэнтези. Поклонники любят мисс Брэкетт за напряженные, эмоциональные, брутальные эпосы о приключениях героев на далеких планетах, все крайне поэтичны и фантастичны, и все очень похожи один на другой».

Но критика 1950-х не слишком затруднялась поиском различий между космооперой и «дешевыми, занудными, грубыми, затасканными» НФ текстами. Снова приводим высказывание Найта, на этот раз о сборнике Эдмонда Купера «Дар из будущего» («Tomorrow's Gift», 1958). Он отметает пять из десяти рассказов словами: «...остальное — просто космическая опера, со многими признаками небрежного и равнодушного написания; но даже это частично искупается концовками. После залихватского космического „бру-га-га" Кунер неожиданно переходит к спокойному описанию, например, лунного пейзажа, и тайный смысл рассказа высвечивается.

Тем не менее семьдесят пять процентов рассказов остается халтурой. Соотношение слишком неравное».

Так он устанавливает параллель между космооперой и халтурой. А ведь действие некоторых рассказов даже не происходило в космических декорациях.

Отметим также, что Найт использовал термин «сайнс-фэнтези» как нейтральную характеристику произведений Ли Брэкетт. Это определение еще со времен Эдгара Райса Берроуза и включая Ли Брэкстт, Кэтрин Мур, Рея Брэдбери («Марсианские хроники») применялось к фантастике, где в некотором роде нарушались представления о современной науке. Позже так вполне справедливо называли цикл о Дарковере Марион З. Брэдли. «Сайнс-фэнтези» как термин продержался в обороте до 1980-х, и я бы сказал, что он до сих пор очень полезен.

С другой стороны, преобразование берроузовского сайнс-фэнтези, действие которого происходит на другой планете (теперь его часто называют «планетарным романсом»), в космооперу завершилось в начале 1950-х, в среде довольно популярных писателей, если не в кругу самого Найта. Фредерик Браун даст следующую очень вольную характеристику в примечании к одному из рассказов в антологии «Карнавал НФ» («Science Fiction Carnival»): «...тип фантастики, известный как космическая опера (сплошное действие, аналогичное вестерну, „конской опере“)» — однако рассказ на самом деле представляет собой явную пародию на марсианский цикл Берроуза и сайнс-фэнтези Ли Брэккет.

С конца 1950-х термином «космическая опера» стали регулярно называть затасканную, глуповатую и старомодную НФ, запретное удовольствие. В качестве примера можно привести примечание Деймона Найта к реалистическому рассказу Эдмонда Гамильтона «Ну и как там у вас?» («What's It Like Out There?»), опубликованному в сборнике «Столетие научной фантастики» («A Century of Science Fiction», 1962): «Произведения о космических путешествиях в американской НФ поначалу были довольно реалистичными, но быстро переросли в дикие и вестерновые космооперы, в которых гигантские флоты ракетных кораблей летели все быстрее и дальше, все меньше заботясь о горючем и ускорении. Королем в создании таких космических приключений был Эдмонд Гамильтон». Хотя Найт не относит космооперу к хорошей фантастике, он сужает определение, сосредоточиваясь на произведениях определенного типа, а не использует термин как синоним халтуры. И «планетарные романсы» он сюда тоже не включает. Позиция Найта, как мы увидим, не возобладала.

Мы не знаем, кто впервые назвал космооперой произведения «Дока» Смита или ранние работы Джона Кэмпбелла, но где-то в середине 1960-х и даже раньше, еще в 1950-х, такие отзывы встречались.

Пример можно отыскать как раз в 1950-х, в фэнзине «Slant», хотя здесь он осложнен контекстом. Клайв Джексон комментирует космооперу (Slant 4: fanac.org/fanzines/Slant/ Slant4-16.html): «Лично мне нравится. Думаю, что это очень хорошая форма для научной фантастики, хотя бы потому, что автор может заставить своих марионеток убедительно двигаться, не углубляясь в их эмоциональные и умственные терзания и ограничиваясь лишь сиюминутными характеристиками. Мне кажется, что наделять личности, вовлеченные в космическое путешествие, той же душевной организацией, что и человека середины XX века, невер-

но; однако это делается постоянно. Многие персонажи „Дока" Смита куда лучше чувствовали бы себя, разя индейцев из винчестера, чем преследуя пиратов Боскопии своими Линзами».

В 1970 году в мартовском выпуске фэнзина «Yandro» Бак Кулсон комментирует переиздания циклов «Дока» Смита о Ленсменах: «Эти произведения — классика научной фантастики... полагаю, их можно счесть предельным выражением космической оперы...» Такое употребление термина «космическая опера» подтверждает изменение значения — он приобретает оттенок ностальгического одобрения. Защитники американской НФ в других фэнзинах, отбивая атаки сторонников «новой волны», часто применяли этот термин в конце 1960-х. В 1968 году в том же «Yandro» (№ 179) Кулсон использовал его трижды. «Джеймс Шмиц в „Ведьмах Карреса" („The Witches of Karres") демонстрирует снижение качества сразу после первой части. Остаток книги — типичная космоопера. Очень хорошо сработанная космоопера, но все же отступающая от первоначальной идеи. Несмотря на этот недостаток, книга превосходная». Он ставит роман Пола Андерсона из цикла о Фландри «Эти звезды — наши!» («We Claim These Stars») в обойму «халтурной космооперы». Комментируя «Звездного волка-2: Замкнутые миры» («Starwolf # 2: The Closed Worlds»), он подытоживает: «Это космоопера, сплетающаяся с поэтической образностью, заметной в большинстве книг Ли Брэкетт и некоторых прежних рассказах Гамильтона. Литература не слишком высокого качества, но крайне занимательная...» В «Yandro» (№ 174) он заключает, что «SOS трех миров» («SOS from Three Worlds») Мюррея Лейнстера всего-навсего «хорошая космическая опера». А в 1968-м классик научной фантастастики Джордж О. Смит в колонке писем журнала «Analog» упоминает «Звездный путь» («Star Trek») как «нашу любимую космооперу». Вот и вестник грядущего.

II. КОСМООПЕРА МЕРТВА

Следующая веха — британский проект «новая волна». Разжигая революцию, Майкл Муркок и Дж. Г. Баллард в начале 1960-х воспользовались своим престижем и полемическим даром, чтобы низвергнуть большую часть фантастики предшествующих десятилетий.

«В 1960-х годах мириады горделивых звездных флотов, запускавшихся в фантастике с 1930-х годов, наконец отправились домой. Дж. Г. Баллард был среди тех, кто нажимал кнопку воз-

врата („Где дорога во внутренний космос?“ („Which Way to Inner Space“), „New Worlds“, май 1962 г.): „Я думаю, что научной фантастике следует повернуться спиной к космосу, межзвездным скитаниям, внеземным формам жизни, галактическим войнам и прочим подобным темам, заполняющим страницы девяноста процентов НФ журналов...“» (Колин Гринленд. «Энтропическая выставка» («The Entropy Exhibition»), с. 44).

Они провозгласили космическую фантастику закончившейся, оставив право быть единственной по-настоящему современной фантастикой литературе о ближайшем будущем, внутреннем мире и человеческом разуме. В ходе спора они вогнали всю приключенческую фантастику о далеком будущем или далеком космосе в рамки космооперы и объявили, что вся она плоха, вся осталась в прошлом и никогда больше не будет живой частью НФ.

«Успех „новой волны“ в распространении нового видения тормозился уверенностью ее представителей, будто всем понятно, что это такое, а если нет, это не важно. Еще более опасным являлось их стремление не просто расширить традиционную НФ, но заменить ее другой. Это было бы осуществимо, если бы новые писатели оставались в рамках жанра с давно установленными границами, занимающего малую часть издательского рынка, но они хотели уничтожить жанровую фантастику и передать ее функцию более широкой и точной прозе; это делало их амбиции невыполнимыми» (Гринленд, с. 189).

«Новая волна» ассоциируется с концом 1960-х и началом 1970-х, когда Гарри Гаррисон (пародии «Билл, герой Галактики» («Bill, The Galactic Hero») и «Звездные похождения галактических Рейнджеров» («Star Smashers of Galaxy Rangers»)), Джон Гаррисон («Машина с Центавра» («The Centauri Device»)) и Брайан Олдисс (в его двухтомной антологии «Космическая опера» («Space Opera») и «Галактические империи» («Galactic Empires»)) воплощали эти идеи в жизнь, пародируя стиль космооперы или подражая ему.

Когда Олдисс в 1974 году издал «Космическую оперу», он приближался к пику своей славы как писателя и литературного критика (также он совместно с Гарри Гаррисоном выпускал престижную серию антологий «НФ. Лучшее за год» («SF: The Year's Best»)). В предисловии Олдисс отказался от использования термина «космическая опера» в отношении уже признанных сайнс-фэнтези текстов, а также космических приключений любого сорта, в полном соответствии с линией «новой волны» объявляя космооперу покойницей или по крайней мере тепличным растением: «По существу космическая опера

зародилась в пэп-журналах, процвела там и там же умерла. Ее еще пишут, но в большинстве те самые авторы, которые обязаны своим вдохновением тем самым пэп-журналам».

Но, совершив серьезное отступление от «новой волны», он представил космическую оперу как запретное удовольствие для читателей хорошей, серьезной фантастики: «Это не серьезная антология. Оба тома трещат от приторного вакуума. Их собрали только для развлечения».

Олдисс также дает пространное объяснение, равнозначное новому определению: «Термин одинаково туманен и вдохновенен и придуман, видимо [тут Олдисс особенно стыдлив — происхождение термина отлично известно и понятно], одновременно с любовью и некоторым презрением... Параметры этого понятия определены несколькими мощными идеями, стоящими как сторожевые башни вдоль пустынных границ. То, что происходит между ними, абсолютно просто: это рассказ о любви и ненависти, победе или поражении — значение имеют лишь сами башни. Нам уже знакомы некоторые из них: вопрос о реальности, ограниченность познания, изгнанничество, масштабность вселенной, бесконечность времени».

В итоге с помощью этого изысканного объяснения сайнс-фэнтези преобразуется в добрую старую космическую оперу. Аналогия с «конской оперой» исчезает полностью. Вестерн больше не упоминается как двойник или как источник влияния на структуру текста.

Около 1973 года критики получили возможность разделить космооперу 1920-х — 1970-х годов и популярную приключенческую фантастику (какую писал, например, Пол Андерсон или Генри Каттнер, ее иногда называли сайнс-фэнтези, а позже планетарными романсами). НФ приключения от Эдгара Райса Берроуза, а потом и от Ли Брэкетт были динамичными, яркими, героическими и (по крайней мере в случае Брэкетт) хорошо написанными, на фоне всех пэп-клише и заимствований из вестернов. Произведения этих мэтров никогда не называли откровенной халтурой (все ведущие авторы НФ писали ради денег), вот разве только Берроуза в 1950-х считали тем самым «запретным удовольствием». Но и это разделение исчезло с появлением и принятием формулировки Олдисса. Она до сих пор считается рабочим определением для некоторых авторов современной НФ, а особенно для литературоведов.

Определение Олдисса свело все формы фантастических приключений к различным вариантам космической оперы; с тех пор в спорах о НФ их обычно не отличают — к примеру,

вышеупомянутые тексты Эдварда Э. Смита когда-то относили к ранней твердой приключенческой НФ. «Док» Смит публиковался в «Astounding» даже в «золотые» кэмпбелловские годы, а Роберт Э. Хайнлайн ценил и хвалил книги Смита. Но сегодня Смит считается символом эпохи ранней космооперы, сменившим Эдмонда Гамильтона.

Времена НФ до 1950-х часто называют временами космической оперы, что является хотя бы частичным триумфом литературной политики британской «новой волны». Вот как Джек Уильямсон вспоминал Эдмонда Гамильтона, своего близкого друга: «Талант Гамильтона исключительно подходил для палпфантастики. Он переживал свои сочинения, колотя по клавишам машинки с такой силой, что по мере приближения к пику буква О пробивала бумагу. Зависевшие скорее от движения сюжета, чем от тонкостей стиля или характеров, его рассказы стремительно развивались. Он быстро писал рассказы, обычно отправлял в редакцию первый же вариант. Он был плодовитым автором, и его космическая опера снискала ему репутацию „Разрушителя миров" или „Спасителя миров"» (Джек Уильямсон «Эдмонд Гамильтон, каким я его знал» («Edmond Hamilton: As I Knew Him», 1999)).

А вот как в начале 1970-х воспринимали те времена непочтительные молодые авторы, склонные к пародиям (на музыку заставки к сериалу «Бат Мастерсон» («Bat Masterson»)): «Когда было юным ремесло, жил-был писатель Уильямсон; ну и фуфло писал же он! И звался Фуфел Уильямсон!» Спешу добавить, что те же пародисты любили и любят Уильямсона как писателя, поднявшегося так высоко, что его лучшие вещи считались классикой еще в 1940-е годы, а затем он рос и менялся как автор каждое десятилетие. Но раннюю его халтуру они уважать не собираются.

III. ВСЕ, ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ, — НЕВЕРНО

Теперь о следующей вехе. Ли Брэкетт, жена Эдмонда Гамильтона, к середине 1970-х была одним из самых уважаемых старших авторов НФ: во второй половине 1970-х «Del Rey Books» переиздали почти все ее ранние произведения, называя их космооперой уже в качестве похвалы!

Сама Брэкетт публиковала провокационные и на удивление оборонительные предисловия — но, скорее всего, она отчасти относила на свой счет критические замечания о работах

Эдмонда Гамильтона. Ведь абсолютно бесспорно, что в 1940-х и 1950-х у космооперы была дурная репутация, а это задевало и ранило Брэкетт. Поэтому она защищалась, занимая оппозицию по отношению к антологии Брайана Олдисса: «„Planet Stories", не опасаясь позора, печатали космическую оперу. Это, как наверняка известно любому читателю, уничижительный термин, часто применяемый к произведениям, включающим приключенческий элемент. Десятилетиями появлялись блестящие и даровитые авторы, имевшие широкое признание, и от каждого из них ждали по меньшей мере одной статьи, где утверждалось бы, что дни космической оперы сочтены или остались позади, хвала господу, и наконец эти грубые сказки о межпланетной чепухе сменятся чем-нибудь, что автор уважает, — камерной драмой, психологической драмой, сексуальными драмами и так далее, но, опять-таки хвала господу, *значительными* драмами, содержащими только высокие идеи».

Высказывание Брэкетт интересно как свидетельство исторической беззащитности литературы.

«Одно время было модно среди некоторых представителей фэндома ненавидеть „Planet Stories". Они ненавидели этот журнал, видимо, потому, что это был не „Astounding Stories"... Конечно, „Planet" не „Astounding"; он никогда и не претендовал на звание „Astounding", и это было сущим благом для нас, тех, кто умер бы с голоду, если бы журнал Джона Кэмпбелла был единственным рынком сбыта для наших произведений... мы, писавшие для „Planet", явно больше тяготели к чудесам, чем к дифференциальному исчислению или теории и практике гидравлического тарана, если бы даже мы знали о таких вещах всё. (Я — не знала.) „Astounding" был для мозгов, „Planet" для чрева, и мне всегда казалось, что одна цель ничем не хуже другой. *Chacun a son gout*"[1] («Лучшее из „Planet Stories"». 1976. № 1).

Вот текст со «спинки» этого издания, написанный Лестером или Джуди Линн дель Рей:

PLANET STORIES
1939—1955

В золотой век пэлп-журналов — этих сказочных изданий, представлявших невероятных героев, которые сражались с чудовищными пришельцами на враждебных планетах или преследовали аппетитных богинь в золотых

[1] О вкусах не спорят *(фр.)*.

мирах, — было напечатано около 70 выпусков «Planet Stories». Когда журнал закрылся вместе со множеством других пэлп-изданий, исчезла и космическая опера. Исчезли те замечательные рассказы, что уносили нас из-под наших тесных небес в межпланетные просторы, к миллионам безымянных планет, давших приют бесконечному и загадочному разнообразию живых форм.

Очевидно, что произошло еще одно смещение: Лестер дель Рей после того, что он назвал претенциозностью, избыточностью и провалившимися экспериментами «новой волны», попытался вернуть фантастику обратно, к корням, когда она была еще не литературным или даже антилитературным развлечением, и отрицать вторжение модернистов в НФ. Лестер и его новая жена Джуди Линн согласились на принятый «новой волной» сплав «космической оперы» и «НФ приключений» (и отказались от термина «сайнс-фэнтези») и использовали термины синонимически и когда Джуди занималась маркстингом «Del Rey Books», и когда Лестер вел колонку обозревателя в «Analog».

Я (Дэвид) часто слышал, как они говорили прилюдно о космической опере, но не сознавал, пока не прошли годы, что это была полная и окончательная смена полюсов космооперы. Тогда, в конце 1970-х, пока Гарднер Дозуа, Терри Карр, Чарли Браун и я с горсткой других на ночных посиделках «Уорлдкона» высмеивали дель Рея и его страстный антилитературный НФ популизм, «космическая опера» начинала обозначать поджанр, *лучший* вид современной и прошлой НФ — как раз того типа, который Олдисс объявил мертвым.

В своей книге об истории НФ «Мир научной фантастики: 1926—1976» («The World of Science Fiction 1926—1976», 1978) Лестер дель Рей предлагает собственное новое определение космической оперы: «...практически любое произведение о космосе, хотя лучше всего это сочетается с повествованием, где действие преобладает над деталями описания. Аналог — „конская опера“ в вестерне». В этой книге дель Рей дошел до крайности — отрицал, будто на почве НФ можно создавать произведения искусства. Конечно, это был выпад в сторону оси Найт—Мерилл—Старджон в США и команды «новой волны» — Муркок, Баллард, Олдисс — в Великобритании. Они и многие другие уже верили, что НФ может быть высоким искусством и хорошие писатели способны прийти к нему через новую НФ о внутреннем космосе — если им удастся отбросить традиции халтуры (то есть космооперы).

Потребовалось почти десять лет, чтобы подтвердить новое определение, но в начале 1980-х старания супругов дель Рей завершились успехом и значение термина «космическая опера» изменилось полностью. Эта модель к концу 1970-х дала дель Рею «Звездные войны» — сперва книгу, а потом фильм и все их сиквелы. Лестер дель Рей говорит о «Звездных войнах» в своей книге: «Это очевидный пример того, что мы называли „космической оперой", любимая форма приключенческой научной фантастики».

В конце концов дель Рей удачно присоединил весомый авторитет Брэкетт к проекту «Звездные войны», попросив ее написать сценарий для фильма «Империя наносит ответный удар» («The Empire Strikes Back»). «Del Rey Books» выпустил новеллизацию сценария под именем Брэкетт, но и с фамилией новеллизатора. Поэтому в сознании обычного потребителя через несколько лет «Звездные войны» прочно соединились с романами цикла «Звездный путь» и очертили новые рамки жанра: в самом начале 1990-х термин «космическая опера» уже был кодом в маркетинговых кругах США, означая высоколиквидную популярную НФ развлекаловку.

IV. «НОВЫЕ ВОЛНЫ» КОСМООПЕРЫ

Изрядная доля иронии заключалась в том, что супруги дель Рей, консерваторы, бились за возрождение былых ценностей, а вместо этого ворвались в будущее и открыли новые возможности для литературных амбиций. Они помогли сложиться постмодернистскому сплаву маркетинга и искусства, способствовали вторжению массмедиа в художественные проекты НФ и смешению всех уровней и видов искусства в индивидуальных работах. Супруги дель Рей создали благоприятную среду для произведений, которые сами никогда бы не подумали публиковать или поддерживать. Они подготовили почву для разнообразия всех новых типов произведений, включая постмодернистскую космическую оперу.

Многие читатели и писатели, почти все исследователи и фанаты медиа, открывшие для себя фантастику после 1975-го, никогда не воспринимали термин «космоопера» как принижающий; многие удивились, узнав об этом. Так что понятие вернулось в серьезный дискурс современной НФ в начале 1980-х измененным полностью: отныне «космическая опера» означала и до сих означает колоритную, драматичную, масштабную

приключенческую НФ, умело, а иногда и отлично написанную, как правило, сфокусированную на привлекательном, отважном центральном персонаже; сюжет, полный действия (эта деталь отделяет ее от прочего литературного постмодернизма), обычно разворачивающийся в относительно удаленном будущем и космосе или в иных мирах; по настроению отличается оптимизмом. Космоопера часто повествует о войнах, пиратстве, боевой доблести. Действие очень масштабно, ставки высокие.

Однако важнее всего то, что этот жанр позволяет писателю участвовать в проектах, одинаково значительных как в коммерческом, так и в литературном плане. Свободное употребление этого термина встречается лишь с конца 1990-х, и я повторю утверждение, приведенное в начале этой статьи, что большинство работ, именуемых теперь «космооперой», не были задуманы таковыми даже в начале 1990-х. Обычно самим авторам казалось, что они пишут приключенческую или даже твердую НФ.

Новые традиции современной космической оперы лишь отчасти проистекают из маркетинга и перемен в философии «Del Rey Books», хотя начало берут в них. Хорошие писатели еще в 1980-х принялись отслеживать собственные корни в классике космооперы, а затем переоценивать эту классику. Самые амбициозные примеры современной космической оперы построены по таким моделям, как «Шпага Рианнона» («The Sword of Rhiannon») Брэкетт, «Роза» («The Rose») Чарльза Харнесса, «Умирающая Земля» («The Dying Earth») Джека Вэнса, цикл Кордвайнера Смита о Нострилии, «Нова» («Nova») Сэмюэля Дилэни, «Мошка в зенице Господней» («The Mote in God's Eye») Ларри Нивена и Джерри Пурнелла, цикл Майкла Муркока «Танцоры на Краю времени» («Dancers at the End of Time»), «Верхом на фонаре» («Riding the Torch») и «Рассказ капитана Пустоты» («The Void Captain's Tale») Нормана Спинрада, «Последняя база» («Downbelow Station») К. Дж. Черри, тетралогия Джина Вулфа «Книга Нового Солнца» («Book of the New Sun») и особенно сиквел «И явилось Новое Солнце» («The Urth of the New Sun»), «Игра Эндера» («Ender's Game») Орсона Скотта Карда и ее продолжения, цикл Дэвида Брина о Возвышении («Uplift»), «Пять двенадцатых Небес» («Five-Twelfths of Heaven») Мелиссы Скотт, «Сантьяго» («Santiago») Майка Резника, цикл о Майлзе Форкосигане Лоис Макмастер Буджолд, «Вернуть изобилие» («Take Back Plenty») Колина Гринленда и его продолжения, «Вспомни о Флебе» («Consider Phlebas») Иэна Бэнкса и все последующие романы о Культуре.

Вместе все эти произведения формируют не один пласт, но много, настоящее созвездие образцов (раз уж границы определения сметены и все эти произведения могут считаться частью традиции космооперы) для честолюбивых молодых авторов конца 1980-х, воистину дивного десятилетия для космической оперы.

Так как романы Бэнкса стали в Англии бестселлерами, явно и неожиданно успешными, он, несмотря на его сравнительно малое влияние в США, с началом 1990-х оказался ведущим автором в Англии. Пол Кинкейд в своем эссе о фантастике 1990-х «Новый оптимизм» («New Optimism») назвал Бэнкса наиболее влиятельным писателем сегодняшней Британии, сказав при этом: «Его внушительный коммерческий успех (больший, чем у любого представителя жанра, за исключением Терри Пратчетта) породил множество подражателей, от тех, кто подхалимски имитирует его, до тех, кто и вправду вдохновляется его методом, его выдающимся стилем или его взглядами на будущее».

Новая космическая опера не является чем-то единым; тем не менее (доказательством послужит специальный выпуск «Locus» по новой космической опере) так думают некоторые британские критики. Существует много неприсоединившихся, однако значительных и амбициозных авторов, пишущих космооперу в мире НФ, благодаря им границы поджанра расширяются; это Дэн Симмонс, Джон Варли, Дэвид Брин, Иэн Бэнкс, Кэтрин Азаро, Орсон Скотт Кард, Джон Клют, Питер Гамильтон, Лоис Макмастер Буджолд, Джон Гаррисон, Дональд Кингсбери, Дэвид Вебер, Кен Маклеод, Аластер Рейнольдс, Майк Резник, К. Дж. Черри и многие другие. Некоторые из них сделали очень серьезную заявку на право писать настоящую космооперу, но все они есть или были популярны, влиятельны и в глазах других являлись авторами космической оперы. Пересмотр термина в 1970-х не был общественной дискуссией, но лишь литературной битвой местного значения, и границы жанра остались подвижными и размытыми, постоянно обновляемыми новыми примерами, — взглянем на «Звездный прилив» («Startide Rising») Брина, «Игру Эндера» («Ender's Game») Карда, «Сантьяго» («Santiago») Резника, «Выбор оружия» («Use of Weapon») Бэнкса, «Гиперион» («Hyperion») Симмонса, «Пламя над бездной» («A Fire Upon the Deep») Винджа, «Эпплсид» («Appleseed») Клюта. Новая космическая опера последнего двадцатилетия, хотя с этим можно спорить, занимает передовые позиции в научной фантастике нового тысячелетия.

Доминанта возрождения космической оперы — в романе. Воистину некоторые из мастеров современной космической оперы никогда не писали малых форм в этом жанре или писали по случаю, но и тогда чаще всего повести. Тем не менее оказалось вполне достаточно примеров, чтобы составить эту внушительную антологию. Мы отобрали среди работ ведущих авторов последних десятилетий типичные образцы, демонстрирующие разнообразие современной космической оперы и доказывающие богатство и потенциал того, что стало главной формой НФ.

В заключение можем лишь отметить, что большинство вебсайтов, посвященных нынешней космической опере, — это фэнсайты, которые с убийственной серьезностью отслеживают происхождение кино- и телекосмоопер от «Капитана Видео», до «Звездных войн», «Звездного пути» и «Вавилона — 5». Авторы «Fancyclopedia» могут хохотать. Но не мы. Их больше, чем нас.

Дэвид Дж. Хартвелл и Кэтрин Крамер,
Плезантвилл, Нью-Йорк

I

ПИСАТЕЛИ, ОТКРЫТЫЕ ЗАНОВО

Пухленькая брюнетка Юнис Киннисон сидела в качалке,
читая воскресные газеты и слушая радио.
Ее муж Ральф растянулся на диване. Он курил сигарету
и читал свежий выпуск «Необыкновенных историй»,
не обращая внимания на музыку.
Мысленно он был далеко от Теллуса,
пролетая в своем супердредноуте парсек за парсеком
в космическом пространстве[1].

Э. Э. «Док» Смит. Союз трех планет (глава 5: «1941»)

[1] Пер. Н. Эдельмана.

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

Похитители звезд

Эдмонд Гамильтон (1904—1977) — один из самых известных основоположников жанра космической оперы. Джек Уильямсон вспоминает: «Его повести, посвященные Межзвездному патрулю, начиная со „Сталкивающихся светил“ („Crashing Suns“, 1928), вероятно, явились первыми произведениями в этом жанре. Гамильтон был увлечен прогрессом, хотя ему и недоставало научных знаний; он описывал могучую межзвездную цивилизацию, вечно подвергающуюся опасности погибнуть от какой-нибудь космической катастрофы. Эту цивилизацию в последний момент спасает небольшая группа героев — людей и инопланетян».

Гамильтон родился в Янгстауне, штат Огайо, и жил с родителями в Ньюкасле, Пенсильвания, до 1940-х годов, то есть до женитьбы на Ли Брэкетт. Информацию об авторе можно найти в Интернете на www.pulpgen.com/pulp/edmond_hamilton. В 1975 году в интервью Патрику Нильсену Хейдену (www.pulpgen.com/pulp/edmond_hamilton/twibbet_interview.html) он рассказывал, что в детстве и юности находился под влиянием пэлп-фантастики Гомера Эона Флинта. «Он писал о передвижении Земли к Юпитеру и тому подобном. И это воспламенило мое воображение. Я всегда с радостью признаю, что многим обязан мистеру Флинту». Гамильтон опубликовал свое первое произведение в журнале «Weird Tales» в 1925 году, там же были напечатаны его следующие сорок рассказов. Большинство из них — научно-фантастические, хотя «Weird Tales» называл их «научно-сверхъестественными» (weird-scientific), поскольку термин «научная фантастика» возник лишь в 1930 году.

К началу 1930-х годов Гамильтон уже считался одним из титанов научной фантастики. Он первым из авторов, работавших в этом жанре, изобразил межзвездное путешествие. «Думаю, что так. По крайней мере в крупном масштабе. За эти годы я обнаружил одну вещь: всякий раз, когда думаешь, что изобрел нечто новое („Я сделал это первым!“), натыкаешься на какого-нибудь парня преклонных лет, который сделал это еще в 1895 году. И так каждый раз, как назло» (из интервью П. Н. Хейдену). Также Гамильтон первым описал дружественных инопланетян. «Да... думаю, что первым, в некотором смысле. Это произошло в 1932 году в рассказе „Отступник“ („Renegade“). Он был опубликован

под названием „Покорение двух миров" („Conquest of Two Worlds"). В журнале решили, что исходное название звучит недостаточно научно-фантастически... Но мне показалось, не годится все время изображать, что земляне правы. Я хотел продемонстрировать нечто иное» (Там же).

Один из печальных парадоксов литературной истории заключается в том, что сегодня творчество Гамильтона почти забыто, в то время как книги его современника Э. Э. «Дока» Смита, который умер в 1960-х, по-прежнему популярны и переиздаются, хотя кое в чем они уступают произведениям Гамильтона. Лучший друг писателя Джек Уильямсон, скончавшийся в возрасте девяноста восьми лет и даже в последние годы продолжавший создавать научную фантастику и космическую оперу, вспоминал: «Талант Гамильтона исключительно подходил для пэлп-фантастики... Он быстро писал рассказы, обычно отправлял в редакцию первый же вариант. Он был плодовитым автором, и его космическая опера снискала ему репутацию „Разрушителя миров" или „Спасителя миров". <...>

Гамильтон написал почти все произведения сериала „Капитан Фьючер" („Captain Future"), которые выходили раз в три месяца с 1940 по 1944 год. Это была пэлп-фантастика в чистом виде, полностью соответствующая канонам, установленным Мортом Вайзингером, издателем журнала „Thrilling". Помимо самого капитана, в сериале действуют робот, андроид и мозг, заключенный в ящик. Модель диктовала все: даже описание персонажей и последовательность событий в первой главе. <...>

Вторая мировая война многое изменила. Прежний рынок пэлп-литературы исчез. И хотя Эд в состоянии был приспособиться, когда хотел, — писал же он такие замечательные рассказы, как „Имеющий крылья" („He That Hath Wings"), — все же в течение последующих двух десятилетий он в основном выступал в качестве ведущего автора сценариев для комиксов про Бэтмена и Супермена» (цит. по: Джек Уильямсон. «Эдмонд Гамильтон, каким я его знал» («Edmond Hamilton: As I Knew Him»)).

В своем интервью П. Н. Хейдену Гамильтон говорит также, что он и его жена решили не печататься в журнале «Astounding», после того как его редактором стал Джон Кэмпбелл: слишком много времени уходило на то, чтобы исправлять и переписывать произведения для него. «Больше я не посылал ему рассказов. По простой причине: я не мог заработать на жизнь, сочиняя для Джона Кэмпбелла. А ему не нравились авторы... сотрудничающие с другими журналами».

К сожалению, такова судьба хорошего писателя, который разработал прекрасный арсенал технических приемов, а также профессионально относился к творчеству в эпоху пэлп-фантастики и не изменил выбранному направлению, даже когда эта эпоха закончилась.

Сейчас, по прошествии стольких лет, оглядываясь назад, можно предположить, что Уилсон Такер, в 1941 году в своем фэнзине назвавший космическую оперу «дешевой грубой поденщиной» — а именно тогда Гамильтон зарабатывал на жизнь своими повестями о капитане Фьючере, — не имел в виду ранние работы писателя. Но с другой стороны, может создаться впечатление, что некогда видный автор скатывался вниз, в то время как Смит и Уильямсон получали внушительные гонорары у Кэмпбелла за материал более высокого качества. Гэри Вестфаль (не видящий в ярлыке «космическая опера» ничего оскорбительного, вовсе даже наоборот) говорит об этом в своем очерке в «The Cambridge Companion to Science Fiction»: «Несмотря на достижения Смита и его современников, таких как Кэмпбелл, Уильямсон, Рэй Каммингс и Клиффорд Саймак, самым плодовитым и выдающимся писателем в жанре классической космической оперы был Эдмонд Гамильтон. Особенно увлекавшийся сюжетами о планетах, которые находятся под угрозой уничтожения или таки уничтожаются, он заслужил прозвища „Спаситель миров" или „Разрушитель миров". Упоминание Такера о „спасении миров" свидетельствует, что он, по всей видимости, относился к Гамильтону одобрительно [sic]. Кроме того, Гамильтон доказал, что способен писать более глубокие произведения, такие как „Мертвая планета" („The Dead Planet", 1946), где группа исследователей обнаруживает голографические записи о давно погибшей инопланетной цивилизации, которая пожертвовала собой, чтобы спасти галактику от смертельно опасных энергетических тварей. В конце мы узнаем, что эти „инопланетяне" на самом деле были людьми. Гамильтон создал также первый сериал в жанре космической оперы „Капитан Фьючер", ставший прототипом „Звездного пути" („Star Trek") в изображении подвигов космического капитана и его команды (робота, андроида и мозга, лишенного тела)».

Но нам кажется, что ситуация немного сложнее. Да и Гамильтон придерживался такого же мнения. В эссе Дэвида Прингла «Что это за штука такая под названием космическая опера?» («What is This Thing Called Space Opera?») сказано: «В интервью, данном в 1977 году, незадолго до своей смерти, Эдмонд Гамильтон, один из основателей жанра, говорит: „Боб Такер придумал этот термин, когда был фэном,

и прошлой весной я в очередной раз упрекнул его за это. Я давний почитатель космической оперы; мне не нравится, когда ее высмеивают"». Нам кажется, что уничижительное определение относилось к бесталанным эпигонам, которые паразитировали на гамильтоновских сюжетах о спасении планет и сражениях космических флотов. В начале 1940-х годов подобные рассказы были очень распространены в мелких палп-журналах, таких как «Amazing Stories». Но с течением времени, когда словосочетание «космическая опера» вошло в широкое употребление, стало казаться, что упреки были направлены против Гамильтона, Смита и Уильямсона.

После того как Гамильтон женился на Брэкетт и стал успешным сценаристом комиксов — а в те дни считалось, что комиксы лишены какой-либо эстетической ценности, их ставили ниже палп-литературы (именно в это время Альфред Бестер перестал писать для комиксов), — он все же порой создавал более серьезные произведения, поскольку количество неоплаченных счетов уменьшилось и появилось время исправлять и переписывать. Гамильтон продолжал публиковаться до 1970-х, но его давно уже не считали актуальным представителем жанра. В сборнике «Эдмонд Гамильтон: Лучшее» («The Best of Edmond Hamilton», 1977) представлены достойные образцы малой прозы, в основном созданной до 1939 года. В 1999 и 2002 годах появились первые два тома нового собрания рассказов Гамильтона, вскоре выйдет третий, в который включены его ранние произведения, так что возродившаяся мода на космическую оперу, возможно, посмертно восстановит репутацию писателя. Его творчество требует переоценки. Следует помнить его лучшие, а не посредственные работы.

Рассказ «Похитители звезд» относится к самому началу карьеры Гамильтона и к эпохе зарождения жанра научной фантастики. Впервые произведение было опубликовано в журнале «Weird Tales» в феврале 1929 года. Очевидно, какое влияние этот образец приключенческой фантастики оказал на комиксы, телесериалы (в частности, «Звездный путь») и позднее на фильмы, такие как «Звездные войны». Подобная литература существовала уже тогда, в 1929 году, динамичная, масштабная, немного неуклюжая и несколько абсурдная, наполненная удивительными образами. Здесь много шероховатостей, но читатель без труда поймет, как в восприятии поколений это произведение эволюционировало от увлекательной передовой научной фантастики до трэша и почему сейчас оно вызывает ностальгию.

1

Когда я вошел на мостик — это было длинное, узкое помещение, — пилот, сидевший у контрольной панели, обернулся, приветствуя меня.

— Альфа Центавра прямо по курсу, сэр, — доложил он.

— Поверните на тридцать градусов, — приказал я, — и сбросьте скорость до восьмидесяти световых; она должна оставаться такой, пока мы не пролетим мимо.

Сверкающие рычаги тут же защелкали под его пальцами, и, подойдя ближе, я увидел, как стрелки спидометров ползут назад, — мы замедлялись. Затем перевел взгляд на широкий иллюминатор, занимавший переднюю часть помещения, и принялся наблюдать, как звездная панорама по мере изменения курса сдвигается в сторону.

Мостик находился на верхушке длинного, похожего на сигару корпуса нашего корабля, и в его иллюминаторы видно было сверкающее звездное небо. Впереди пылала гигантская двойная звезда альфа Центавра. Два мощных ослепительных солнца, которые затмевали все остальные светила, медленно ползли в сторону по мере того, как мы огибали их. Справа от нас на фоне черного неба протянулись обширные, похожие на облака пыли участки Галактики, тесное скопление звезд, среди которых выделялись рубин Бетельгейзе, ярко сверкающий Канопус и излучающий горячий белый свет Ригель. А далеко впереди, за звездами-близнецами, сияла яркая желтая точка — Солнце нашей родной системы.

Я смотрел на желтую звезду — туда, куда наш корабль летел со скоростью, в восемьдесят раз превышавшей скорость света. Прошло уже более двух лет с того дня, как наш крейсер покинул Солнечную систему, чтобы присоединиться к могучему флоту Звездной Федерации, который поддерживал порядок в Галактике. За эти два года мы проделали немалый путь, избороздили Млечный Путь вдоль и поперек, патрулируя в составе флота космические трассы и помогая уничтожать редкие пиратские корабли, которые взимали дань с межпланетных торговцев. Но сейчас приказ властей Солнечной системы призвал нас домой, и мы с неподдельной радостью ожидали возвращения. Жители планет, на которых мы

побывали, относились к нам вполне дружелюбно, как к собратьям по великой Федерации, но, несмотря на все их гостеприимство, мы были рады вернуться. Хотя мы давно привыкли к инопланетным, негуманоидным формам жизни, расам, населявшим иные системы, от странных людей-мозгов Алголя до жителей Сириуса, похожих на птиц, их миры были для нас чужими. Мы тосковали по восьми знакомым маленьким планетам, вращавшимся вокруг нашего Солнца, и поэтому спешили изо всех сил.

Пока я таким образом размышлял у иллюминатора, два солнца альфы Центавра остались позади, и теперь, быстро щелкая рычагами, пилот включил двигатели на полную мощность. Через несколько минут корабль уже несся вперед со скоростью, почти в тысячу раз превышавшей скорость света. Мы двигались при помощи недавно изобретенных детрансформирующих генераторов, они вырабатывают поступательные колебания с частотой почти в тысячу раз больше световых. На огромной скорости, которую могли развивать лишь несколько судов во всей Галактике, мы преодолевали миллионы миль в секунду, но сияющая желтая звезда, казалось, не менялась в размере.

Позади меня, щелкнув, отворилась дверь, пропустив Дал Нару, второго помощника капитана, происходившую из старого рода знаменитых космолетчиков; отдав честь, молодая девушка улыбнулась мне.

— Еще двенадцать часов, сэр, и мы на месте, — сказала она.

Я улыбнулся, видя ее рвение, и спросил:

— Вы ведь не пожалеете, что вернулись к нашему маленькому Солнцу, а?

Она покачала головой:

— Только не я! Возможно, по сравнению с Канопусом и остальными это всего лишь булавочная головка, но во всей Галактике нет ни одного места, похожего на нашу систему. Однако любопытно: почему нас так внезапно отозвали из флота?

При этих словах я нахмурился.

— Не знаю, — медленно проговорил я. — Не припомню случая, чтобы какая-нибудь планета отзывала свои корабли из флота Федерации, для этого должна существовать серьезная причина...

— Ну что ж, — весело произнесла Дал Нара, оборачиваясь к двери, — причина не имеет значения — главное, что мы летим домой. Экипажу приходится хуже, чем мне, — они там, внизу, сражаются с генераторами, пытаются выжать из них еще несколько световых скоростей.

Дверь за Дал Нарой со щелчком закрылась, и я рассмеялся, но, когда снова обернулся к иллюминатору, понял, что заданный ею вопрос беспокоит меня, и задумчиво взглянул вперед, на желтую звезду. Ведь дело обстояло именно так, как я сказал Дал Наре: неслыханно, чтобы планета отзывала свой крейсер из могучего флота Федерации. Федерация, в состав которой входили все населенные миры Галактики, полностью зависела от своего флота в обеспечении безопасности межзвездного пространства, и каждая звезда обязана была предоставить ему определенное количество боевых кораблей. Я знал, что корабли эти можно отзывать только в крайнем случае, но сообщение, полученное нами, предписывало нам возвращаться в Солнечную систему как можно скорее и доложить о своем прибытии в Бюро астрономической информации на Нептуне. Я решил, что скоро узнаю, что скрывается за этим приказом, потому что мы преодолевали последний этап нашего пути домой; так что я постарался до поры до времени выбросить эту проблему из головы.

Но вопрос, как ни странно, продолжал тревожить меня, и двенадцатью часами позже, когда мы оказались в пределах родной системы, я нетерпеливо наблюдал, как увеличивается в размерах желтая звезда — наше Солнце. Постепенно замедляя движение на подлете к самой отдаленной от центра планете — Нептуну[1], точке прибытия и отправления всех торговцев в Солнечной системе, — мы уже достигли одной

[1] В 1929 году, когда был опубликован рассказ «Похитители звезд», астрономы насчитывали в Солнечной системе восемь планет, последней из которых являлся Нептун. В 1930 году молодой американский астроном Клайд Томбо открыл девятую планету — Плутон. Однако в 2006 году астрономы пересмотрели официальное значение термина «планета», после чего Плутон стал считаться карликовой планетой, а Нептун вновь — восьмой и последней планетой Солнечной системы. Так что в этом Гамильтон оказался прав. Не прав он в другом — Нептун не мог бы стать торговой базой Солнечной системы, потому что у него, как и у других газовых планет-гигантов, нет твердой поверхности.

световой скорости. Продолжая замедляться, мы миновали единственный спутник Нептуна и по переполненной трассе устремились к поверхности планеты.

Наблюдателю из космоса поверхность ее не видна из-за тысяч огромных кораблей, которые плотной массой висели на высоте пятидесяти миль над Нептуном. Запутанное движение и так делает планету-гиганта грозой для неопытных пилотов, а тут еще и пространство от одного горизонта до другого было заполнено теснившимися кораблями, прибывшими изо всех уголков Галактики. Огромные корабли с зерном с Бетельгейзе, просторные роскошные лайнеры с Арктура и Веги, танкеры, груженные радиоактивной породой, с планет, вращающихся вокруг гиганта Антареса, длинные, проворные почтовые корабли с далекого Денеба. Все они и мириады других вращались и кружились над планетой, снижаясь по одному по мере того, как официальные регулировщики со своих кораблей вспышками света подавали сигналы, разрешающие счастливчику посадку. Время от времени в просветы, образующиеся между кораблями, можно было видеть движение ниже над планетой — рой проворных маленьких катеров, беспрестанно снующих взад-вперед на своих коротких трассах, перевозя толпы пассажиров на Юпитер, Венеру и Землю, — рядом с могучими силуэтами межзвездных кораблей они казались детскими игрушками.

Однако, когда наш крейсер начал снижаться, приближаясь к массе кораблей, все немедленно расступились; символ Федерации, изображенный у нас на носу, был известен от Канопуса до Фомальгаута, и крейсерам ее флота уступали дорогу на всех трассах Галактики. Мы стрелой пронеслись вниз по внезапно открывшемуся пути и плавно скользнули к поверхности планеты, зависнув на мгновение над удивительным лабиринтом белых строений и зеленых садов, а затем снизились над величественным зданием с плоской крышей, в котором размещалось Бюро астрономической информации. Пока мы снижались, я невольно сравнивал залитый ласковым солнцем пейзаж с ледяной пустыней, которая простиралась на этой планете две тысячи лет назад. С тех пор ученые Солнечной системы изобрели гигантские передатчики тепла, которые улавливали энергию Солнца у его пылающей поверхности и в виде высокочастотных ко-

лебаний передавали ее к приемникам на Нептуне; там эти колебания снова преобразовывались в тепло, согревающее планету. Через несколько мгновений мы уже мягко приземлились на широкой крыше, на которой уже располагались несколько десятков других сверкающих крейсеров; команды их наблюдали за нашим прибытием.

Пять минут спустя я уже несся вниз в небольшом конусообразном автоматическом лифте, а выйдя из него, оказался в длинном белом коридоре. Там меня ожидал служащий, и я следом за ним направился по коридору к высокой черной двери, которую он распахнул передо мной и закрыл, едва я вошел.

Я попал в комнату с высоким потолком и стенами цвета слоновой кости; дальняя стена была сделана из стекла, и сквозь него открывался вид на зеленые сады, освещенные солнцем и обдуваемые легким ветерком. За письменным столом посередине комнаты сидел невысокий человек с волосами, серебрившимися сединой, и проницательными глазами; когда я вошел, он вскочил и направился ко мне.

— Ран Рарак! — воскликнул он. — Наконец-то! Мы ждем вас уже два дня.

— Мы задержались на Альдебаране, сэр, неполадки с генератором, — ответил я с поклоном, узнав в своем собеседнике Хуруса Хола, главу Бюро астрономической информации. Затем, повинуясь его жесту, я сел на стул у стола, а он опустился в свое кресло.

Несколько мгновений Хурус Хол молча рассматривал меня, затем неторопливо заговорил.

— Ран Рарак, — начал он, — должно быть, вы удивляетесь, зачем вашему кораблю было приказано возвращаться в Солнечную систему. Отвечу вам: причину вызова мы не рискнули сообщать в открытом послании; если она станет известна, то Солнечную систему тут же охватят паника и всеобщий хаос!

Он снова на минуту смолк, глядя мне прямо в глаза, затем продолжал:

— Вам известно, Ран Рарак, что Вселенная включает неизмеримые пространства, среди которых движутся огромные скопления солнц, группы звезд, отделенные друг от друга миллиардами световых лет. Вы также знаете, что наше

собственное скопление звезд, которое мы называем Галактикой, приближенно имеет форму диска и что Солнце расположено на самом краю этого диска. За пределами Галактики лежат огромные просторы космоса, отделяющие нас от соседних галактик, маленьких вселенных, просторы, которые никогда не пересекали ни наши корабли, ни что-либо другое.

Но сейчас наконец эти бездны пересек, точнее, пересекает некий объект; более трех недель назад наши астрономы открыли гигантскую темную звезду, мертвое солнце-титан, которое приближается к нашей Галактике из глубин космоса. Астрономические приборы показывают, что по размерам оно превосходит все известные нам небесные тела; хотя звезда эта потухла, она больше самых могучих живых звезд нашей Галактики — больше Канопуса, Антареса или Бетельгейзе. Это темная потухшая звезда в миллионы раз больше нашего Солнца — гигантский странник из некоего отдаленного места в бесконечной Вселенной несется к Галактике с невообразимой скоростью!

Расчеты специалистов показали, что эта темная звезда не войдет в пределы нашей Галактики, а лишь скользнет по краю и снова вылетит в межзвездное пространство, максимальное приближение к Солнцу составит пятнадцать миллиардов миль. Поэтому мы сочли, что нам не угрожает столкновение или какая-либо опасность; и хотя всем в Солнечной системе известно о приближении темной звезды, никто не придает этому большого значения. Но есть один факт, который мы держим в секрете от жителей Солнечной системы,— он известен только нескольким астрономам и официальным лицам. Дело в том, что за последние несколько недель траектория полета темной звезды изменилась: раньше она летела по прямой линии, а теперь по дуге. Она должна вторгнуться в пределы нашей Галактики меньше чем через двенадцать недель и пролететь мимо нашего Солнца на расстоянии менее трех миллиардов миль вместо пятнадцати! А если подобная гигантская темная звезда окажется так близко от нашего Солнца, результат может быть только один. Солнце неизбежно попадет в мощное гравитационное поле темного гиганта, и его увлечет вместе со всеми планетами в бесконечные глубины космоса, откуда нет возврата!

Хурус Хол смолк; лицо его побледнело и застыло, широко раскрытыми, невидящими глазами он смотрел куда-то мимо меня. Пытаясь переварить ужасное сообщение, я сидел прямо, не произнося ни слова, и через минуту он продолжил.

— Если эти сведения получат огласку, всю Солнечную систему немедленно охватит паника, поэтому лишь горстка людей знает о приближающейся катастрофе. Улететь отсюда, — медленно произнес мой собеседник, — невозможно, в Галактике не хватит кораблей, чтобы за оставшиеся нам недели перевезти триллионы обитателей Солнечной системы к другой звезде. Но существует один шанс — отчаянный, хрупкий шанс: мы могли бы развернуть несущуюся нам навстречу темную звезду, изменить ее курс, заставить ее пролететь достаточно далеко от нашего Солнца и края Галактики, не причинив вреда. Именно по этой причине мы приказали вам вернуться.

Мой план состоит в том, чтобы вылететь как можно скорее, покинуть Галактику и встретить эту темную звезду, взяв с собой всю научную аппаратуру и оборудование, которое можно использовать для изменения теперешнего курса звезды. За последнюю неделю я собрал оборудование для экспедиции и флот из пятидесяти звездных крейсеров, которые сейчас ожидают на крыше этого здания, укомплектованные и готовые к путешествию. Однако это лишь быстроходные почтовые суда, специально оборудованные для нашей миссии, и мне показалось необходимым иметь в составе флота хотя бы один боевой корабль в качестве флагманского, так что мы вызвали вас. И несмотря на то что я, разумеется, отправляюсь с экспедицией, я предлагаю вам принять командование этим флотом. Вы имеете полное право отказаться, так как провели последние два года на службе во флоте Федерации; если вы откажетесь, мы назначим на эту должность кого-нибудь другого. Это опасный пост... я думаю, гораздо опаснее, чем мы себе представляем.

Хурус Хол замолчал, пристально глядя на меня. Минуту я сидел молча, затем поднялся и подошел к огромному иллюминатору в дальней стене кабинета. Снаружи раскинулась зелень садов, за ними белые крыши строений сверкали под мягким солнечным светом. Инстинктивно я поднял

взгляд в поисках источника света, — крошечное солнце, далекое и тусклое, но все же солнце. Долго я глядел на него, затем обернулся к Хурусу Холу.

— Я принимаю ваше предложение, сэр, — сказал я.

Он поднялся; глаза его засверкали.

— Я знал, что вы согласитесь, — просто сказал он. — Все подготовлено уже несколько дней назад, Ран Рарак. Мы отправляемся немедленно.

Десять минут спустя мы уже очутились на широкой крыше, и экипажи наших пятидесяти кораблей поспешили занять свои посты, повинуясь пронзительному сигналу колокола. Еще пять минут — и Хурус Хол, Дал Нара и я уже стояли на мостике моего корабля и наблюдали, как белая крыша скрывается из виду. Через минуту полсотни крейсеров, находившихся на крыше, поднялись в воздух и, образовав тесный строй в виде клина, последовали за нами, направляясь к зениту.

Над нами быстро замигали сигналы кораблей-регулировщиков, расчищая для нас широкий проход, мы миновали заторы и устремились по космической трассе, увеличивая скорость, но сохраняя тот же строй.

Теперь вокруг и позади нас сверкала величественная панорама огненных звезд Галактики, но впереди лежала лишь тьма — загадочная тьма, и в эту тьму со страшной скоростью неслись наши корабли. Нептун скрылся из виду, далеко позади осталась одинокая желтая искра — единственный видимый объект в нашей Солнечной системе. Мы устремлялись прочь за пределы Галактики, в мрачную бездну, навстречу неизведанным глубинам бесконечного космоса, чтобы спасти наше Солнце от уничтожения.

2

Через двадцать четыре часа после старта я снова стоял на мостике, рядом была молчаливая и невозмутимая фигура моего неизменного рулевого — бдительного Нал Джака, и вместе с ним мы вглядывались в черную бездну, лежавшую впереди. Трудно сказать, сколько часов за предшествующие годы простояли мы вот так — бок о бок, изучая межзвездное пространство с мостика нашего крейсера, но

никогда еще мой взгляд не падал на такую мрачную картину, как сейчас.

И действительно, корабль преодолевал область, где свет, казалось, почти не существовал, здесь царила тьма, которую не описать словами. Позади лежала покинутая нами Галактика, гигантское скопление сверкающих точек; она медленно уменьшалась в размере по мере того, как мы уносились прочь от нее. Справа от нас во тьме слабо мерцало несколько едва видных туманных облачков; но я знал, что это другие галактики, скопления звезд, подобные нашему Млечному Пути, гигантские конгломераты миллионов солнц, которые казались крошечными искорками, — ведь нас отделяли от них невообразимые расстояния.

Если не считать этого, нас окружала пустота, которая поражала наблюдателя своей бесконечностью; это были вечный мрак и безмолвие, среди которых наш корабль был единственным движущимся объектом. Я знал, что сразу за нами следуют пятьдесят кораблей, каждый из которых отделен от соседних расстоянием в пятьсот миль и мчится со скоростью, не уступающей нашей. Но несмотря на то, что мы знали об их присутствии, мы, естественно, не могли их видеть, и теперь, когда я вглядывался в мрачные глубины космоса, лежавшие впереди, меня подавляло наше одиночество.

Внезапно дверь позади распахнулась, и едва я успел обернуться, как вошел Хурус Хол. Он мельком взглянул на наши спидометры и удивленно поднял брови.

— Неплохо, — заметил он. — Если остальные наши корабли в состоянии поддерживать такую скорость, мы достигнем темной звезды через шесть дней.

Я кивнул, задумчиво глядя вперед.

— Возможно, даже быстрее, — уточнил я. — Вспомните, темная звезда несется к нам с чудовищной скоростью. Взгляните на телекарту...

Мы вместе подошли к большой телекарте, огромной прямоугольной пластине из тщательно отполированного серебристого металла; такие карты оказывали неоценимую помощь в межзвездных путешествиях. На ней при помощи проецируемых и отражаемых лучей были тщательно воспроизведены положение и траектории движения всех небесных тел, находившихся поблизости от корабля. У нижнего

края прямоугольника на гладком металле мерцала дюжина или больше маленьких светлых кружочков различного размера, изображавших звезды на краю Галактики, позади нас. Дальше всего от центра Галактики сверкал диск, представлявший наше Солнце, и вокруг него Хурус Хол провел сверкающий круг, отстоявший от Солнца более чем на четыре миллиарда миль. Он рассчитал, что если темный гигант приблизится к нашему Солнцу на расстояние, меньшее обозначенного кругом, то его мощное гравитационное поле неизбежно увлечет звезду за собой в космос; так что блестящая линия для нас представляла собой опасный предел. По направлению к этой линии и нашему Солнцу, сверху, оттуда, где на металлической пластине оставалось пустое пространство, полз одинокий большой кружок черного цвета, диск, в сотню раз превосходящий диаметром наше крошечное мерцающее Солнце. Описывая огромную кривую, диск полз вниз, к границе нашей Галактики.

Хурус Хол задумчиво взглянул на зловещий черный круг, затем покачал головой.

— В этой темной звезде есть что-то странное, — медленно произнес он. — Эта искривленная траектория противоречит всем законам небесной механики. Интересно, что...

Но он не успел закончить — слова застряли у него в горле. В этот момент раздался ужасный удар, наш корабль «нырнул» и бешено завертелся, затем перевернулся, словно его схватила и тряхнула какая-то гигантская рука. Пилот, Хурус Хол и я после первого удара отлетели к дальней стене, затем, когда нас швырнуло в сторону, я отчаянно вцепился в контрольную панель. В иллюминатор я мельком увидел пятьдесят наших крейсеров, которые беспомощно метались, словно соломинки на ветру. Еще через мгновение два из них столкнулись, разлетевшись вдребезги от чудовищного удара, как яичная скорлупа; экипажи их погибли на месте. Затем, когда наш корабль снова оказался в нормальном положении, я увидел, как Хурус Хол ползет по полу к контрольной панели, и мгновение спустя я скользнул вниз, к нему. Еще секунда — и мы схватились за рычаги и медленно потянули их на себя.

Наш крейсер, ставший игрушкой каких-то могучих сил, медленно выпрямился и внезапно прыгнул вперед; каза-

лось, сила, удерживавшая нас, ослабевала по мере того, как мы продвигались. Послышался резкий скрежещущий звук, от которого у меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди, — это один из крейсеров пронесся мимо нас, задел наш корпус, а затем внезапно могучая рука, схватившая нас, разжалась — и мы снова с безумной скоростью понеслись сквозь ту же тьму и тишину, что и несколько минут назад.

Я снижал скорость до тех пор, пока мы не остановились, и затем мы ошарашенно оглядели друг друга — избитые, задыхающиеся. Однако, прежде чем с губ у нас успели сорваться изумленные восклицания, дверь распахнулась и в помещение ворвалась Дал Нара; по лицу ее текла кровь из раны на лбу.

— Что это было? — воскликнула она, дрожащей рукой дотрагиваясь до головы. — Нас поймали и швыряли, словно игрушки, и остальные корабли...

Никто из нас не успел ответить — рядом со мной резко зазвенел звонок, и из динамика донесся голос нашего связного.

— Корабли тридцать семь, двенадцать, девятнадцать и сорок четыре уничтожены при столкновениях, сэр, — доложил он дрожащим голосом. — Остальные сообщают, что опять образуют строй позади нас.

— Очень хорошо, — ответил я. — Прикажите им снова двигаться вперед через три минуты, на первой скорости.

Отвернувшись от переговорного устройства, я испустил глубокий вздох.

— Четыре корабля уничтожены меньше чем за минуту, — сказал я. — Но *что* уничтожило их?

— Водоворот эфира, вне всякого сомнения, — сказал Хурус Хол. Мы с недоумением уставились на него, и он, жестикулируя, начал быстро объяснять. — Вы знаете, что в эфире существуют потоки — они были обнаружены несколько веков назад — и что эти потоки в Галактике всегда считались сравнительно медленными и неопасными, но здесь, в межзвездном пространстве, должны существовать потоки гигантского размера и скорости; очевидно, мы случайно наткнулись на какой-то водоворот или воронку. Нам повезло, что мы потеряли только четыре корабля, — мрачно добавил он.

Я покачал головой.

— Я летал от Сириуса до Ригеля, — возразил я, — но никогда не сталкивался с подобным. Если мы попадем в еще одну такую же...

По правде говоря, необычное происшествие вывело меня из равновесия; даже после того, как мы залечили наши ушибы и снова устремились вперед сквозь пустоту, я смотрел вперед со страхом. Я знал, что в любой момент мы можем угодить в такой же или еще более мощный водоворот, и у нас не было способа избежать опасности. Мы должны были слепо лететь вперед на полной скорости и полагаться на удачу. Неизвестно, какие еще опасности подстерегают нас на пути к цели.

Но проходил час за часом, и мой страх постепенно ослабевал; больше мы не встречали на своем пути ужасных водоворотов. И все же, по мере того как мы неслись все вперед и вперед, мною овладевала новая тревога; с каждым днем мы оставляли позади миллиарды миль и приближались к своей цели — потухшей звезде. Мы видели на большой карте, как темный диск ползет нам навстречу, устремляясь к Галактике, откуда он похитит Солнце, если мы потерпим неудачу.

Если мы потерпим неудачу! Но можем ли мы выполнить свою миссию? Существует ли во Вселенной сила, способная сбить с курса приближающийся темный гигант и предотвратить похищение Солнца? С каждым днем во мне росло сомнение относительно успеха нашей миссии. Мы устремились в отчаянное, опасное предприятие, ухватились за последний шанс, и теперь я наконец-то начал понимать, как этот шанс хрупок. Дал Нара тоже чувствовала это, и даже Хурус Хол, как мне казалось, понимал безнадежность нашего положения. Однако мы ни словом не обмолвились друг другу о своих мыслях; часы напролет мы молча простаивали на мостике, задумчиво глядя во тьму, где лежала наша цель.

На шестой день путешествия мы при помощи телекарты и бортового журнала рассчитали, что до темного гиганта осталось меньше миллиарда миль, и снизили скорость; вскоре мы едва ползли, пытаясь обнаружить звезду в непроглядном мраке.

Напрягая глаза, мы трое стояли у иллюминатора, изо всех сил вглядываясь вперед, а рулевой, Нал Джак, сидя рядом со мной, молча регулировал скорость корабля, подчиняясь моим указаниям. Шли минуты, мы продвигались вперед, но перед нами лежала все та же абсолютная тьма. Неужели мы заблудились, неужели наши расчеты оказались неверными? Неужели... и в этот момент отчаянные мысли, возникшие в моем мозгу, были забыты — Дал Нара, стоявшая рядом со мной, коротко вскрикнула, затем молча указала вперед.

Сначала я ничего не заметил, затем постепенно разглядел на фоне космической тьмы слабое свечение, странное тусклое светлое облачко. Оно было едва заметным, и наши усталые глаза с трудом различали его. Но свечение быстро усиливалось, облако принимало форму огромного бледного круга, который занимал все пространство перед кораблем. Я негромко приказал пилоту снизить скорость, но даже после этого свет становился ярче с каждой секундой.

— Свет! — прошептал Хурус Хол. — Свет на потухшей звезде! Это невозможно — и все-таки...

В следующий момент, повинуясь очередному приказу, корабль резко устремился вверх, к верхнему полушарию огромной звезды, за нами последовали остальные корабли. И по мере того как мы поднимались все выше и выше, круг на наших глазах превращался в сферу — гигантскую, слабо светящуюся сферу невероятного размера, заполнившую все небо, похожую на призрак какого-то огромного солнца, несущуюся сквозь пространство нам навстречу, в то время как мы огибали ее сверху. И теперь мы наконец оказались над ней, наш маленький флот летел на высоте полмиллиона миль над ее поверхностью, и мы безмолвно, в ужасе рассматривали титанический, слабо светящийся шар, проносившийся внизу.

Несмотря на то что мы летели на огромной высоте, шар протянулся под нами от одного горизонта до другого; мы видели гладкую, закругляющуюся поверхность, светящуюся странным тусклым светом, источник которого невозможно было определить. Этот свет исходил не от огня, не от раскаленного газа — ведь звезда, раскинувшаяся внизу, действительно потухла, какой бы огромной она ни была. Это был *холодный* свет, слабая, но устойчивая фосфоресценция, не

похожая ни на что виденное мною ранее, тусклый белый свет, который освещал всю огромную планету. Мы потрясенно смотрели вниз, а затем, по сигналу пилота, корабль начал плавно опускаться, его примеру последовали сорок с лишним крейсеров. Крейсер снижался все медленнее и медленнее, и внезапно мы вздрогнули, услышав донесшийся снаружи высокий шипящий звук.

— Воздух! — воскликнул я. — На этой звезде есть атмосфера! И этот свет — смотрите!

Взмахнув рукой, я указал на поверхность темного гиганта. Стремительно снижаясь, мы наконец смогли разглядеть, что свет, озарявший небесное тело, был не искусственным, не отраженным, но что сама огромная планета излучала его; равнины, скалы и долины испускали одинаковое слабое свечение — мягкое, приглушенное свечение, свойственное радиоактивным минералам. Светящийся мир, мир, вечно излучающий холодный белый свет, титаническая люминесцентная сфера мчалась сквозь тьму и бесконечность космоса, подобно какой-то гигантской бледной луне. На мерцающих равнинах внизу поднимались плотные переплетенные массы темных безлиственных растений, искореженные древесные стволы и путаница низкорослого кустарника; все это было мрачного черного цвета. Растения возникали из светящейся почвы и сплетали свои гротескные стебли над мерцающей поверхностью, скрывая равнины, холмы и долины; все это походило на чудовищный пейзаж какого-то кошмарного ада!

Корабль продолжал снижаться, пролетая над поверхностью гигантской сферы, и впереди показалось какое-то светлое пятно; излучаемый свет все усиливался. Это оказался город! Город, огромные постройки которого имели форму усеченных пирамид и вздымались к небу на тысячи футов. Каждое строение, улица и площадь испускали тот же слабый свет, что и почва, на которой они располагались. Это был город из ночного кошмара; тьму, царившую в нем, рассеивало только свечение его могучих зданий и улиц. Здания протянулись на огромное расстояние, покрывая милю за милей поверхность странной планеты. Вдали в сумеречное небо поднимались светящиеся башни и пирамиды других городов.

Мы выпрямились, дрожа всем телом, побелев, и взглянули друг на друга. А затем, прежде чем кто-либо из нас

смог произнести хоть слово, Дал Нара резко развернулась к иллюминатору и хрипло вскрикнула.

— Смотрите! — воскликнула она и указала вперед и вниз, на гигантские странные здания; с их плоских верхушек внезапно поднялся рой длинных черных летательных аппаратов, и эта орда черных конусов устремилась прямо к нам.

Я выкрикнул приказание пилоту, корабль немедленно развернулся и резко пошел вверх, и следовавшие за нами крейсеры повторили наш маневр. Тогда снизу выстрелили блестящим металлическим цилиндром, который попал в корабль, летевший рядом с нами. Он тут же взорвался, сверкнула ослепительная вспышка, пламя окутало корабль, затем свет погас, вместе с ним исчез и несчастный крейсер. А конусы, преследовавшие нас, продолжали обстреливать нас такими же металлическими цилиндрами, сбивая наши корабли, которые беззвучно взрывались и исчезали в огромных вспышках света.

— Эфирные бомбы! — воскликнул я. — И у нас единственный боевой корабль — на остальных нет никакого оружия!

Я развернулся, выкрикнул очередной приказ, и наш крейсер внезапно остановился, затем нырнул вниз, устремившись к группе атакующих кораблей. Навстречу нам вылетело два десятка металлических цилиндров, оцарапавших нам корпус. А затем наши орудия выпустили сверкающие зеленые лучи — смертоносные расщепляющие лучи, бывшие на вооружении кораблей флота Федерации. Они сбили два десятка вражеских кораблей, которые на мгновение вспыхнули зеленым светом, а затем разлетелись на кусочки, и вниз посыпался дождь мельчайших обломков — луч разорвал сцепление составлявших их частичек. Наш крейсер обрушился на скопление конусов и устремился вниз, к светящейся равнине, затем развернулся и снова полетел вверх, а навстречу нам со всех сторон неслись атакующие черные корабли.

Мы поднимались все выше, и тогда я увидел, что наш удар был напрасным: последние наши крейсера исчезли среди вспышек эфирных бомб. Остался лишь один из них — он на полной скорости летел вверх, а на хвосте у него висела дюжина огромных конусов. Прошла секунда —

и снова мы развернулись и полетели на врагов, а вокруг нас безмолвно, с ослепительными вспышками взрывались эфирные бомбы. И снова наш корабль, летя вниз, разрубил зелеными лучами рой конусов; затем я услышал крик Хуруса Хола, развернулся к иллюминатору и заметил вверху, над нами, одинокий гигантский конус, который стремительно несся вниз, идя на таран. Я что-то крикнул пилоту, подскочил к панели управления, но было слишком поздно — мы не могли отвратить смертельный удар. В хвосте корабля раздался ужасный треск; мгновение мы бешено вертелись в воздухе, потом со страшной скоростью начали камнем падать вниз, на мерцающую равнину, с высоты в дюжину миль.

3

Сейчас я думаю, что безумное падение нашего крейсера длилось по меньшей мере несколько минут, но тогда мне показалось, что все произошло в одно мгновение. У меня остались обрывочные воспоминания о том, как помещение вращалось вокруг меня, а наш корабль, кувыркаясь в воздухе, падал вниз, как я последним осмысленным движением бросился к рычагам, а затем раздался скрежет ломающегося металла, сильнейший удар, и меня со страшной силой отбросило в угол.

У меня кружилась голова после стремительно сменявших друг друга событий последних минут, и я несколько секунд лежал неподвижно, затем кое-как поднялся на ноги. Хурус Хол и Дал Нара тоже, шатаясь, встали с пола, и последняя тотчас же поспешила вниз, в хвост корабля, но Нал Джак, пилот, неподвижно лежал у стены, оглушенный ударом. Прежде всего мы постарались простейшими способами привести его в сознание, затем выпрямились и огляделись.

Очевидно, корабль наш лежал на килс, но накренился набок под большим углом, о чем говорил наклон пола кабины. Сквозь широкие иллюминаторы мы видели, что вокруг упавшего корабля раскинулась густая, заслонявшая его от посторонних взглядов роща толстых деревьев, которые мы заметили сверху; мы врезались в нее после нашего

ужасного падения. Позднее я понял, что только упругость растений, смягчивших удар, и мой последний рывок к рычагам замедлили наше падение и спасли нас от гибели.

Снизу, из других помещений, послышались голоса возбужденного экипажа, затем Хурус Хол внезапно вскрикнул, и, обернувшись к нему, я увидел, что он указывает вверх, на наблюдательное отверстие в потолке кабины. Я взглянул и отшатнулся. Там, высоко в небе, кружили десятка два или больше длинных черных кораблей, которые только что напали на нас; очевидно, они обследовали местность в поисках остатков нашего крейсера. Враги снизились прямо над нами, и я резко втянул в себя воздух, затем мы упали на пол; сердца наши бешено колотились. Корабли приближались. Затем мы одновременно вздохнули с облегчением: конусы внезапно снова устремились в небо, видимо уверенные в нашей гибели. Они собрались вместе, развернулись и полетели к мерцающему городу, из которого поднялись, чтобы атаковать нас.

Мы снова поднялись на ноги, и сразу же, щелкнув дверью, появилась Дал Нара. Она была покрыта синяками, взъерошена, как и все мы, но на лице ее мелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Конус, который протаранил нас, разнес на кусочки два задних колебательных контура, — объявила она, — но это единственное повреждение. И кроме одного человека, у которого сломано плечо, команда в порядке.

— Отлично! — воскликнул я. — Замена сломанных контуров не отнимет много времени.

Дал Нара кивнула.

— Я приказала установить на их место запасные, — пояснила она. — Но что потом?

Я поразмыслил несколько мгновений.

— Ни один из наших крейсеров не спасся, верно? — спросил я.

Дал Нара медленно кивнула.

— Думаю, что нет, — ответила она. — Почти все они были уничтожены в первые несколько минут. Я видела, как корабль шестнадцать рванулся вверх в попытке спастись, направляясь обратно к Галактике, но конусы догнали его, и он не смог оторваться.

Негромкий голос Хуруса Хола перебил нас.

— В таком случае только мы одни можем сообщить Федерации о том, что здесь происходит, — заявил он. В глазах его внезапно зажглись огоньки. — Нам известны две вещи, — объяснил он. — Мы знаем, что криволинейная траектория этой темной звезды, следуя которой она приблизится на роковое расстояние к нашему Солнцу, противоречит всем законам астрономии. Теперь мы также знаем, что на этой потухшей звезде, в этих светящихся городах, живут какие-то существа, обладающие, судя по всему, необычайным интеллектом и могуществом.

Наши взгляды встретились.

— Вы хотите сказать... — начал я, но он живо перебил меня.

— Я хочу сказать, что уверен: ответ на эту загадку находится там, в светящемся городе, и именно туда мы должны отправиться, чтобы найти этот ответ.

— Но каким образом? — спросил я. — Если крейсер приблизится к городу, они заметят нас и уничтожат.

— Есть другой путь, — возразил Хурус Хол. — Мы можем оставить крейсер и его экипаж здесь, в безопасном месте, а сами подойдем к городу пешком — как можно ближе — и узнаем о нем все, что сможем.

Наверное, у всех нас перехватило дыхание при этих словах, но я быстро обдумал их и понял, что на самом деле это наш единственный шанс раздобыть какую-либо информацию для Федерации. Итак, мы приняли предложение не обсуждая и быстро составили план похода. Сначала мы решили идти втроем, но Дал Нара настояла, чтобы мы включили в состав отряда и пилота; я согласился с ней, поскольку не раз имел возможность убедиться в его находчивости и сообразительности.

По совету Хуруса Хола мы поспали два часа, затем торопливо поели и осмотрели свое оружие — небольшие излучатели, сходные с огромными лучевыми трубками корабля. Два разрушенных колебательных контура уже заменили запасными, и мы отдали последний приказ экипажу и младшим офицерам — ждать нашего возвращения и ни в коем случае не покидать корабль. Затем распахнулся люк, и мы четверо ступили наружу, готовые к выполнению миссии.

Песчаная почва испускала слабый белый свет, который, казалось, исходил от всей породы, составлявшей эту странную планету. Этот зловещий свет лился на нас снизу, а не сверху. Он освещал невиданные искривленные деревья без листьев, поднимавшиеся вокруг нас к сумеречному небу, их гладкие темные ветви переплетались и образовывали балдахин высоко у нас над головой. Мы недолго остановились, и Хурус Хол, подняв с земли светящийся камешек, минуту внимательно рассматривал его.

— Радиоактивность, — заметил он. — Все эти светящиеся камни и песок радиоактивны. — Он выпрямился, огляделся и уверенно направился сквозь черные заросли, в которые рухнул наш корабль.

Мы молча последовали за ним, шагая друг за другом по светящейся земле, под странными извивающимися ветвями чужих деревьев. Вскоре лес кончился, и перед нами раскинулась обширная, освещенная призрачным светом открытая равнина. Нашим глазам предстал фантастический пейзаж — фосфоресцирующие равнины и неглубокие долины, кое-где покрытые участками темного леса. Бледный свет, испускаемый планетой, слабо освещал мрачные сумеречные небеса. В отдалении, примерно в двух милях впереди, темное небо было озарено более интенсивным светом, исходившим от скопления зданий светящегося города. Туда мы и направились, шагая без остановки через светящиеся равнины и овраги, через небольшой быстрый ручеек, воды которого мерцали, словно потоки света. Через час мы приблизились к крайним пирамидам города на пятьсот футов и спрятались в небольшой рощице черных деревьев, глядя на незнакомый город как зачарованные.

Нашим глазам предстала необычайная картина активной жизни. Над множеством огромных зданий мелькали многочисленные эскадрильи длинных черных конусов, перелетавших с крыши на крышу; внизу, по светящимся улицам двигались толпы каких-то существ — это были жители города. Когда мы рассмотрели их внимательнее, нас объял ужас, несмотря на то что нам приходилось встречаться с самыми разными инопланетянами, населявшими тысячи миров Галактики.

Но эти существа ничем не напоминали людей, в них не было ничего, что наш пораженный разум мог бы счесть

знакомым. Представьте себе стоящий вертикально черный конус диаметром в несколько футов и немного больше в высоту, передвигающийся на дюжине или более гладких длинных щупалец, растущих из его основания, — гибких, бескостных конечностей, словно у осьминога. Щупальца поддерживали конусообразное тело в вертикальном положении и служили в качестве ног и рук. У верхушки конуса находились единственные органы чувств — два небольших отверстия, уши, а между ними — один круглый белый глаз с красным ободком. Такова была внешность этих существ, черных конусов, двигавшихся бесконечными бурлящими толпами по улицам, площадям и зданиям радиоактивного города.

Мы беспомощно уставились на них из своего укрытия. Было ясно, что показаться таким существам означает верную смерть. Я обернулся к Хурусу Холу и вздрогнул: из города послышался низкий нарастающий звук; глубокий и громкий, он разнесся над домами, словно рев трубы. За ним последовал другой, затем еще один, и уже казалось, что два десятка могучих труб оглашают своим ревом город, а затем все стихло. Мы снова взглянули на город и увидели, что светящиеся улицы внезапно опустели; толпы черных конусов-осьминогов скрылись в пирамидальных зданиях, а летавшие в небе корабли опустились на крыши. Через несколько минут единственным признаком жизни во всем городе остались лишь несколько аппаратов, которые продолжали парить в небе. Пораженные, мы смотрели на все это, а затем мне внезапно пришел в голову ответ.

— Наступило время сна! — воскликнул я. — Их ночь! Они должны отдыхать, должны спать, как и все живые существа, а на этой светящейся планете нет ночей, и поэтому трубные звуки нужны, чтобы оповещать о наступлении времени отдыха.

Хурус Хол вскочил на ноги, глаза его внезапно загорелись.

— Нам выпал один шанс из тысячи, чтобы попасть в город! — вскричал он.

Тотчас мы выскочили из нашего укрытия и пересекли пространство, отделявшее нас от поселения конусов. Пять минут спустя мы уже стояли на пустой светящейся улице,

разглядывая вблизи уходящие наклонно вверх могучие стены окружавших нас зданий.

Хурус Хол сразу же повел нас по улице к центру города и, пока мы спешили за ним, ответил на мой вопрос.

— Мы должны попасть в центр города. Там находится нечто страшное, я заметил это еще с корабля, и если это то, что я думаю...

Он бросился бежать по широкой пустой светящейся улице, мы — за ним. На бегу я размышлял о том, что произойдет, если жители снова покажутся из окружавших нас гигантских зданий, прежде чем мы сможем отсюда выбраться. Внезапно Хурус Хол остановился, и, повинуясь его жесту, мы быстро спрятались за ближайшую пирамиду. Неподалеку от нас улицу пересекало полдюжины существ; они беззвучно скользили к открытой двери одной из пирамид. Мы на мгновение съежились и задержали дыхание, затем существа вошли в здание и дверь за ними закрылась. Мы тотчас же бросились дальше.

Я понял, что мы приближаемся к центру; широкая освещенная улица, по которой мы бежали, вела к какому-то открытому пространству. По мере того как мы подходили к этому месту, впереди все отчетливее слышалось какое-то слабое жужжание, которое постепенно становилось громче. Открытое пространство впереди приближалось, и, миновав последние здания на улице, мы внезапно оказались прямо на краю его и остановились, потрясенно глядя на открывшееся зрелище.

Перед нами была не площадь и не открытая площадка, а яма — неглубокая круглая яма глубиной не более ста футов, но имевшая милю в диаметре; мы стояли на ее краю. Дно ямы было гладким, и на нем группами располагались сотни полушарий, каждое диаметром пятьдесят футов; они лежали округлыми сторонами вверх. Каждое полушарие излучало свет, но этот свет резко отличался от слабого свечения зданий и улиц, это был яркий голубой свет, слепивший глаза. От ярких полушарий исходило громкое жужжание. В дальнем конце ямы мы заметили небольшое цилиндрическое сооружение из металла, расположенное на тонком гладком металлическом стержне высотой в несколько сот футов и походившее на большой скворечник. Хурус Хол с горящими глазами указал на этот предмет.

— Вот и контрольный щит, управляющий всей этой штукой! — вскричал он. — А эти сверкающие полушария отмечают невероятный путь темной звезды — теперь все ясно! Все...

Внезапно он смолк; Нал Джак с криком указал куда-то вверх. Мы забыли о летательных аппаратах, паривших над городом, и теперь один из них стремительно несся вниз, прямо на нас.

Мы развернулись и бросились бежать, и в следующее мгновение там, где мы только что стояли, беззвучно разорвалась эфирная бомба, вспыхнули языки белого пламени. Еще одна бомба упала и взорвалась уже ближе, и тогда мной внезапно овладела ярость; я обернулся и навел свой маленький излучатель на конус, летевший за нами. Узкий ослепительный луч врезался в него, черный конус на мгновение застыл, затем рухнул на землю и разбился вдребезги.

Но сверху со всех сторон на нас устремлялись другие корабли, а из зданий-пирамид по тревожному сигналу хлынули орды черных существ со щупальцами.

Они обрушились на нас плотной массой; сопротивляться было невозможно. Я услышал поблизости пронзительный крик Дал Нары, шипение наших лучей, разрезающих черную плоть, а затем враги набросились на нас. На какое-то мгновение мы очутились среди беспорядочной свалки; мелькали человеческие руки, извивающиеся щупальца; затем кто-то предупреждающе крикнул, нечто тяжелое со страшной силой опустилось мне на голову, и я провалился во тьму.

4

Когда сознание вернулось ко мне, я первым делом различил сквозь веки слабый свет. Открыв глаза, я с трудом сел, затем снова повалился на спину. Голова кружилась. Я огляделся и понял, что лежу в маленькой квадратной комнате. Единственный свет исходил от фосфоресцирующих стен и потолка; одна стена косо уходила вверх, в ней было проделано небольшое окно, забранное решеткой; больше в комнате окон не было. Напротив кровати я разглядел низкую решетчатую дверь из металлических бру-

сьев, за ней виднелся длинный коридор со светящимися стенами. Внезапно все это заслонило склонившееся надо мной взволнованное лицо Хуруса Хола.

— Вы очнулись! — воскликнул он, и лицо его просветлело. — Вы узнаете меня, Ран Рарак?

Вместо ответа я снова попытался сесть, мне помогла появившаяся откуда-то Дал Нара. Я ощущал странную слабость и усталость; в голове пульсировала боль, череп словно жгло огнем.

— Где мы? — наконец выдавил я. — Бой в городе... я помню... Но где мы сейчас? И где Нал Джак?

Мои друзья переглянулись и отвели глаза; я встревоженно смотрел на них. Затем Хурус Хол медленно заговорил.

— Мы заключены в этой комнатке, в одной из гигантских пирамид светящегося города, — сказал он. — И вы лежите здесь уже несколько недель, Ран Рарак.

— Недель? — потрясенно повторил я, и он кивнул.

— Прошло почти десять недель с того дня, как нас захватили в плен там, в городе, — продолжал Хурус Холл, — и все это время вы лежали здесь без сознания после полученного удара, порой в горячке и бреду, порой полностью без чувств. И все время эта темная планета или, вернее, темная звезда неслась сквозь пространство к нашей Галактике, к нашему Солнцу, приближая его похищение и нашу гибель. Через десять дней она пролетит мимо Солнца и утащит его прочь. А я, узнав наконец, что стоит за всем этим, заключен в клетку!

После того как нас схватили и поместили в эту камеру, меня призвали к нашим тюремщикам, чтобы я предстал перед советом этих странных существ со щупальцами, который состоял, как мне кажется, из их ученых. Они изучили меня, мою одежду, все, что у меня было с собой, и попытались вступить со мной в контакт. Они не говорили — они общаются друг с другом при помощи телепатии, — но пытались общаться со мной, проецируя на стену изображения. Там были изображения их темной звезды, нашей Галактики, нашего Солнца — картинка за картинкой; наконец я начал понимать их смысл, историю и цель существования этих странных созданий и их еще более странного мира.

Я узнал, что в течение многих веков и тысячелетий их мощное солнце летело сквозь бесконечные пространства космоса, одинокое, если не считать многочисленные планеты, на которых жили существа-конусы. Тогда солнце излучало живительное тепло, и обитатели окружавших его планет приобрели огромные знания и огромное могущество, пока их система, вместе с одинокой блуждающей звездой, преодолевала неизведанные глубины космоса. Но прошли миллионы лет, и пылающее солнце начало остывать, а температура на окружавших его планетах постепенно понижалась. В конце концов оно остыло слишком сильно, и для того, чтобы снова разжечь угасающий огонь, существа сорвали одну из своих планет с ее орбиты и направили ее прямо на солнце. Прошло еще несколько веков, и солнце снова начало гаснуть; они повторили свою попытку, отправили туда еще одну планету — и так продолжали делать много лет, пытаясь предотвратить смерть солнца, принося ему в жертву планеты, пока наконец у них не осталась только одна. А солнце все остывало, свет его тускнел, оно умирало.

Еще несколько столетий им удавалось поддерживать ненадежное существование на оставшейся планете, согревая ее искусственно. За это время солнце погасло, поверхность его затвердела до такой степени, что на нем стало возможно жить. Эта поверхность, благодаря заключенным в ней радиоактивным элементам, испускала слабый свет, и существа-конусы переселились на потухшее солнце. При помощи мощных аппаратов они перенесли атмосферу своей планеты на солнце, затем избавились от своего бывшего дома, предоставив ему самостоятельно блуждать по космосу, так как боялись, что он врежется в их темную звезду, вокруг которой он когда-то вращался. Они расселились и размножились на теплой, светящейся поверхности огромной потухшей звезды, выстроили города из ее фосфоресцирующей породы и жили здесь, пока она неслась все дальше и дальше через темные бескрайние пространства Вселенной.

Но в конце концов, когда протекли века такого существования, конусы снова увидели, что им угрожает гибель; подчиняясь неумолимым законам природы, темная звезда продолжала остывать, расплавленная порода в ее центре,

которая согревала поверхность, постепенно затвердевала, и на звезде становилось все холоднее. Они поняли, что пройдет немного времени и огонь в ядре звезды погаснет окончательно, после чего их огромная планета превратится в мертвый, холодный кусок камня, если они не придумают что-нибудь для своего спасения.

В это время их астрономы выяснили, что темная звезда, летящая через безжизненные пространства, вскоре минует огромное скопление звезд — нашу Галактику, — пройдя от него на расстоянии примерно пятнадцати миллиардов миль. Они понимали, что им не под силу захватить планету в этой Галактике, потому что они обнаружили, что в ее системах обитают триллионы разумных существ, которые смогут противостоять такой попытке. Следовательно, им остался только один выход: пролетая мимо, попытаться вырвать из Галактики одно из ее солнц, похитить из нее звезду и увлечь ее за собой в космос; звезда эта стала бы вращаться вокруг их темного гиганта и обеспечивать их жизнедеятельность.

Звезда, которую они решили похитить, расположенная на самом краю Галактики, оказалась нашим Солнцем. Если бы они прошли мимо него на расстоянии пятнадцати миллиардов миль, как предполагалось, они ничего не смогли бы сделать. Но если бы они смогли изменить курс своей звезды, пройдя по дуге и оказавшись в трех миллиардах миль от нее вместо пятнадцати, то мощное гравитационное поле их гиганта увлекло бы за собой Солнце и унесло бы его прочь в космос. Планеты Солнечной системы последовали бы за ним, но конусы планировали направить их на Солнце, чтобы увеличить его размер и яркость. Таким образом, оставалось найти способ изменить траекторию движения темной звезды, и для этого они воспользовались огромными гравитационными конденсаторами, которые они уже применяли для управления планетами.

Вы знаете, что лишь сила гравитации удерживает звезды и планеты на их орбитах, и знаете, что гравитационное поле любого тела, солнца или планеты распространяется во всех направлениях и притягивает все предметы к этому телу. Таким же образом Галактика распространяет вокруг себя общее гравитационное поле от всех составляющих ее солнц, и небольшая часть этого поля воздействовала на

темную звезду, слабо притягивая ее к Галактике. Если увеличить силу этого притяжения, то темную звезду притянуло бы к Галактике с большей силой и она, пролетая мимо, приблизилась бы к краю Галактики на нужное расстояние.

Они смогли осуществить свой замысел с помощью гравитационного конденсатора. В неглубокой яме в сердце одного из их городов — того города, в котором мы оказались,— они разместили свой конденсатор, множество сверкающих приспособлений в виде полушарий, которые усиливали силу притяжения Галактики и заставили ее воздействовать на темную звезду. Таким образом, звезда приближалась к краю Галактики, следуя по изогнутой траектории. Они планируют отключить конденсатор, оказавшись на расстоянии трех миллиардов миль от края Галактики, тогда звезда пролетит мимо нее, захватив по пути наше Солнце за счет своего собственного мощного гравитационного поля. Если выключить конденсатор раньше, то они пролетят слишком далеко от Солнца, чтобы сорвать его с орбиты, и снова окажутся в открытом космосе в одиночестве, ожидая полного охлаждения звезды и своей гибели. Именно поэтому конденсатор и его огромный переключатель всегда охраняются летающими конусами, чтобы предотвратить его выключение раньше времени.

Таким образом, огромный гравитационный конденсатор постоянно работает, а темная звезда несется по направлению к Галактике по необычной траектории. Еще находясь дома, в Солнечной системе, я понял, каков будет результат встречи с этой звездой, поэтому мы прилетели сюда — и попали в плен! В результате за эти недели, пока вы лежали здесь без сознания, в бреду, темная звезда продолжала приближаться к Галактике и к нашему Солнцу. Еще десять дней — и она достигнет своей цели, унесет с собой Солнце в бесконечную тьму космоса, если прежде не отключить конденсатор. Осталось всего десять дней, а мы сидим здесь, будучи не в состоянии предотвратить гибель нашей Солнечной системы!

Хурус Хол смолк, и надолго воцарилась тишина — напряженная, тревожная тишина, которую я наконец нарушил одним-единственным вопросом.

— Но как же Нал Джак? — спросил я, и на лицах моих товарищей внезапно появилось странное выражение, а Дал Нара отвернулась.

В конце концов Хурус Хол заговорил.

— После того как существа-копусы обследовали меня, — мягко начал он, — они привели Нал Джака. Думаю, они на время оставили меня в живых из-за того, что я явно обладаю большими знаниями, но Нал Джак... они подвергли его вивисекции.

Мы снова надолго замолчали, и перед моим внезапно затуманившимся взором возникла фигура храброго, немногословного пилота, моего спутника во время всей службы во флоте. Затем я резко вскочил с узкой койки, на которой лежал, у меня закружилась голова, и я ухватился за своих спутников, чтобы не упасть, и нетвердыми шагами приблизился к маленькому зарешеченному окошку. Внизу раскинулся город, населенный странными существами, бескрайняя масса пирамидальных светящихся зданий; улицы были заполнены скользящими темными фигурами, над ними носились рои летающих конусов. Мерцающая стена пирамиды, в которой мы были заключены, наклонно уходила вниз на пятьсот футов, и до верхушки ее было примерно столько же. Подняв глаза, я увидел небо, покрытое россыпью ярких огоньков — это были звезды нашей Галактики, к которой стремительно приближалась темная звезда. И ярче всех сверкала среди них ближайшая к нам звезда, большая желтая точка — наше Солнце.

Сейчас я думаю, что именно вид желтой звезды, увеличивающейся в размере с каждым днем, приводил нас в такое отчаяние в течение последовавших за этим разговором часов и дней. Мы знали, что там, за городом, в черном лесу, прячется наш корабль, ожидая нас, и если бы мы могли сбежать, то предупредили бы Федерацию о приближающейся опасности, но побег был неосуществим. При этом силы быстро возвращались ко мне, несмотря на то что странная пища, которой тюремщики кормили нас раз в день, была почти несъедобной. Но вот духовное состояние становилось все хуже, мы все меньше разговаривали о приближавшейся гибели нашего Солнца. Шли дни, каждые двадцать четыре часа сигнал трубы оповещал жителей города о наступлении четырехчасовой «ночи»,

а мы все глубже погружались в пучину тупого отчаяния и апатии.

Но однажды мы внезапно очнулись от своей спячки и поняли, что со времени моего выздоровления прошло девять дней и завтра темная звезда должна пролететь мимо горящего над нами Солнца и увлечь его за собой. Тогда в конце концов мы стряхнули с себя апатию и припялись в бессмысленной ярости колотить в стены нашей темницы. А затем, совершенно неожиданно, мы получили возможность спастись.

В тот день уже в течение нескольких часов сверху доносился непрерывный стук и шум каких-то инструментов и машин, множество конусов прошло мимо нашей двери, таща куда-то наверх орудия и приспособления. Мы вскоре перестали обращать на них внимание, но вдруг, после того как мимо прошло одно существо, снаружи раздались звон и брякание, и, обернувшись к двери, мы заметили, что оно уронило большой моток тонкой металлической цепи и не заметило потери.

В мгновение ока мы оказались у двери и попытались достать моток, но, несмотря на то что мы по очереди изо всех сил вытягивали руки, до цепи оставалось каких-то несколько дюймов. Минуту мы смотрели на нее, не зная, что предпринять, опасаясь возвращения существа, которое уронило цепь, а затем Дал Нара, повинуясь внезапному порыву, легла на пол и просунула ногу между решетками. Мгновение спустя она уже зацепила ногой моток цепи, и в следующее мгновение мы уже втянули его в клетку и разглядывали.

Цепь оказалась не толще мизинца, но была необыкновенно прочной, и мы, примерно оценив ее длину, поняли, что ее вполне хватит для того, чтобы добраться до земли. Мы спрятали наше сокровище в угол комнаты и припялись с нетерпением ожидать «ночи», чтобы работать, не опасаясь тюремщиков.

Наконец, когда нам стало казаться, что время тянется бесконечно, снаружи донеслись трубные звуки, и улицы мгновенно опустели, а шум в нашей пирамиде стих. И наступила полная тишина, нарушаемая лишь жужжанием нескольких конусов-наблюдателей над гигантским конденсатором и низким гудением самого конденсатора, доносившимся издалека. Мы немедленно приступили к работе.

Мы яростно ковыряли камень у основания одного из прутьев решетки, пользуясь несколькими обломками металла, оказавшимися в нашем распоряжении, но прошло два часа, а нам удалось удалить лишь дюйм светящегося камня. Еще через час мы освободили нижний край прута, но до окончания периода сна осталось совсем немного времени, а затем улицы наполнятся жителями, что сделает побег невозможным. Мы работали изо всех сил, обливаясь потом; наконец, когда наши часы показали, что до наступления «утра» осталось меньше получаса, я бросил ковырять камень и крепко привязал цепь к нижнему концу прута. Затем мы немного отошли в сторону, уперлись в стену под окном и изо всех сил потянули цепь на себя.

Несколько секунд мы напрягали все силы — толстый прут держался крепко, затем он вывалился из своего гнезда и с громким звоном упал на пол. Мы рухнули друг на друга, задыхаясь и прислушиваясь, не привлек ли звук внимания врагов, затем поднялись и торопливо привязали цепь к одному из оставшихся прутьев. Цепь мы спустили за окно; она, развернувшись, повисла вдоль стены, конец ее оказался далеко внизу, на светящейся мостовой. Я тут же подтолкнул Хуруса Хола к окну, еще секунда — и он протиснулся через решетку и, перебирая руками, начал спускаться вниз. Не успел он проползти и десяти футов, как за ним последовала Дал Нара, затем я тоже выбрался наружу и скользнул вниз; мы трое, держась за цепь, ползли по стене гигантской пирамиды, словно мухи.

Я уже отполз от окна на десять—двадцать футов и взглянул вниз, на мерцающую пустынную улицу. До нее оставалось пятьсот футов, которые казались тысячью. Затем внезапно я услышал сверху какой-то звук и, подняв голову, испытал самый сильный приступ страха за всю свою жизнь. Из окна, из которого мы только что выбрались, в двадцати футах надо мной, высунулось существо-конус, привлеченное в камеру, несомненно, звоном упавшего металлического прута, и его белый глаз, окруженный красным ободком, уставился прямо на меня.

Я услышал снизу полные ужаса восклицания своих товарищей, и какой-то момент мы неподвижно висели, ухватившись за цепь, раскачиваясь у светящейся стены на высоте нескольких сотен футов над землей. Затем существо

подняло щупальце, в котором было зажато металлическое орудие, и с резким звоном ударило им по цепи, лежавшей на окне. Оно повторило удар снова и снова.

Оно рубило цепь!

5

Несколько секунд я висел без движения, а затем, когда орудие, зажатое в щупальце чудовища, снова с резким стуком опустилось на цепь, звук этот побудил меня к действию.

— Двигайтесь вниз! — крикнул я своим товарищам.

Но они не послушались меня и поползли вверх, ко мне, прямо в лапы ужасного существа. Я изо всех сил ухватился за цепь, подтягиваясь к окну и конусу, выглядывавшему из него в двадцати футах от меня.

Трижды его орудие опускалось на цепь, пока я полз, и каждый раз я ожидал, что звенья треснут и мы рухнем вниз, навстречу верной смерти, но прочный металл выдержал удары, и, прежде чем существо успело снова рубануть по цепи, я оказался на уровне окна и попытался схватить врага.

Проворные черные щупальца немедленно вытянулись вперед и вцепились в меня и Дал Нару, еще одна змееподобная конечность взмахнула зажатым в ней орудием, целясь мне в голову. Но оно не успело нанести удар — я вытянул правую руку, левой держась за цепь, схватил врага за туловище и вытащил его наружу, прежде чем он смог оказать сопротивление. При этом хватка моя немного ослабла, и мы повисли в нескольких футах под окном, цепляясь за тонкую цепь и нанося отчаянные удары друг другу: он — металлическим орудием, а я — кулаком.

Какое-то время мы раскачивались в нескольких сотнях футов над светящейся улицей, затем щупальце стремительно обвилось вокруг моей шеи, сжимаясь, пытаясь задушить меня. Отчаянно ухватившись за тонкую цепь одной рукой, я вслепую нанес удар другой, но безжалостное щупальце продолжало сжимать меня, и я почувствовал, что теряю сознание. Затем последним усилием я крепко ухватился за цепь обеими руками, подогнул ноги и ударил вра-

га изо всех сил. Удар пришелся прямо в туловище противника, и он выпустил цепь, шея моя резко дернулась, и я оказался свободен. Мы с Дал Нарой увидели, как темное тело полетело вниз, вдоль стены пирамиды, переворачиваясь на лету, и наконец рухнуло на гладкую светящуюся мостовую, превратившись в бесформенную черную кучу.

Задыхаясь, я взглянул вниз и увидел, что Хурус Хол добрался до конца цепи и стоит на пустой улице, ожидая нас. Посмотрев вверх, я обнаружил, что существо, с которым я боролся, наполовину перерубило одно из звеньев, но у меня не было времени исправлять повреждение; молясь, чтобы цепь выдержала еще несколько минут, мы с Дал Нарой начали спускаться, скользя вдоль стены.

Острые края звеньев больно царапали нам руки, и один раз мне показалось, что она немного подалась под нашим весом. Я испуганно взглянул вверх, затем вниз, туда, где Хурус Хол ободряюще махал нам рукой. Мы продолжали ползти вниз, не осмеливаясь поднять глаза, не зная, сколько еще осталось до земли. Затем мы почувствовали, что цепь подается, послышался скрежет, слабое звено внезапно разжалось, мы рухнули вниз и, пролетев десять футов, упали прямо в объятия Хуруса Хола.

Мы повалились друг на друга на светящуюся мостовую, затем, шатаясь, поднялись на ноги.

— Бежим прочь из города! — воскликнул Хурус Хол. — Самим нам никогда не добраться до выключателя конденсатора, но на корабле у нас есть шанс. А до конца «ночи» осталось всего несколько минут!

Мы бросились бежать по улице, мимо площадей и аллей, мимо огромных светящихся пирамид, прячась каждый раз, когда наверху пролетали конусы, затем снова бежали прочь. Я знал, что в любую минуту над городом может раздаться рев гигантских горнов и на улицы хлынут толпы обитателей, и наш единственный шанс выжить — это выбраться из города до наступления «дня». И вот мы уже спешили по улице, по которой вошли в город, вдали показался ее конец, а за ним раскинулись светящаяся равнина и черный лес, из которого мы пришли. Мы изо всех сил бежали по этой равнине, преодолели четверть мили, полмили, милю...

Внезапно позади нас послышались резкие нарастающие звуки мощных труб, отмечавших конец «ночи», вызывавших существа-конусы обратно на улицы. Мы понимали, что через несколько минут наш побег будет обнаружен, и, задыхаясь от быстрого бега, прислушивались, ожидая сигнала тревоги.

И он раздался! Когда до черного леса, где скрывался наш корабль, осталось полмили, над светящимся городом разнесся рев трубы, высокий, дрожащий, полный ярости. Оглянувшись, мы увидели, что с верхушек пирамид поднимаются тучи черных конусов, они кружили над городом, ища нас, устремлялись к равнинам, окружавшим город, и плотная масса их неслась прямо на нас.

— Вперед! — крикнул Хурус Хол. — Это наш последний шанс — вперед, к кораблю!

Спотыкаясь, шатаясь, мы из последних сил спешили по светящемуся песку и камням к опушке черного леса, до которого оставалось каких-то четверть мили. Внезапно Хурус Хол зацепился за что-то, споткнулся и упал. Я остановился, обернулся к нему, но в этот момент Дал Нара с глухим криком указала вверх. Нас заметили летающие конусы, и два из них летели прямо к нам.

Мгновение мы, оцепенев, стояли на месте, ожидая неминуемой смерти, а огромные вражеские корабли неслись на нас. Внезапно откуда-то сзади в небе показалась огромная черная тень, из нее возникли яркие зеленые лучи, ослепительные лучи, несущие разрушение, и ударили по двум снижавшимся конусам; те рухнули на землю, превратившись в кучи мелких обломков. Могучая тень быстро опустилась рядом с нами, и мы увидели, что это наш корабль.

Мы с трудом подошли к нему, забрались в открытый люк, ожидавший нас. Шатаясь, я добрался до мостика, и третий помощник крикнул мне в ухо:

— Мы заметили вас из леса и вылетели, чтобы помочь.

Оказавшись на мостике, я отшвырнул пилота от панели управления и резко направил корабль вверх. Хурус Хол уже стоял рядом, указывая на телекарту и крича мне что-то. Я оглянулся, и сердце мое замерло. Большой чер-

ный диск на карте находился всего в одном дюйме от светлой линии, окружавшей Солнечную систему, от последней черты.

— Конденсатор! — крикнул я. — Мы должны добраться до этого переключателя — разрушить его! Это наш единственный шанс!

Мы уже неслись к светящемуся городу. Огромная стая конусов слеталась и образовывала строй, чтобы встретить нас спереди, в то время как сзади и с боков прямо на нас летели другие стаи. Но хлопнула дверь, и на мостик ворвалась Дал Нара.

— Лучевые трубки корабля отказали! — крикнула она. — Последние заряды израсходованы!

При этих словах мои руки, лежавшие на рычагах, дрогнули, корабль замедлил движение и остановился. На мостике, на всем корабле воцарилась тишина, полная смертельного отчаяния. Мы потерпели поражение. Наш корабль, безоружный, неподвижно висел в воздухе, а со всех сторон к нему устремлялись тучи быстроходных конусов. Десятки, сотни их летели к нам — длинные черные вестники смерти, а на огромной телекарте могучая темная звезда подползала все ближе к сверкающему кружку, обозначавшему наше Солнце, к окружавшей его роковой линии. Мы потерпели поражение, и всех ожидала неминуемая гибель.

Черные орды конусов были уже совсем близко, они немного замедлили ход, словно боясь какого-то подвоха с нашей стороны, двигались медленнее, но все же приближались, а мы ждали их, впав в тупое отчаяние. Они подбирались все ближе, ближе...

Внезапно сзади, откуда-то из недр корабля, донесся громкий торжествующий крик, подхваченный множеством нестройных голосов, и затем Дал Нара с хриплым возгласом указала вверх, на наблюдательные отверстия, и я увидел стройный блестящий силуэт, который устремлялся к нам с неба, а за ним следовал огромный флот других кораблей, длинных, черных, мощных крейсеров.

— Это же наш корабль! — как безумная, кричала Дал Нара. — Это корабль шестнадцать! Они спаслись, вернулись в Галактику... и смотрите... там, за ними... это флот, флот Федерации!

В ушах у меня зашумело; я поднял голову, увидел множество могучих черных кораблей, спешащих к нам на помощь вслед за сверкающим крейсером, — пять тысяч боевых кораблей Федерации.

Флот! Тысячи военных кораблей со всей Галактики, крейсеры с Антареса и Сириуса, с Регула и Спики, патрульные корабли Млечного Пути, избранные воины Вселенной! Корабли, с которыми я летал от Арктура до Денеба, рядом с которыми я сражался в стольких боях! Флот! Они развернулись, зависли высоко над нами, перестроились, затем одним титаническим броском атаковали тучу конусов, окружавшую нас.

Вокруг засверкали ярко-зеленые лучи и огненные вспышки; смертоносные лучи и эфирные бомбы крушили корабль за кораблем. Наш крейсер беспомощно висел в воздухе, в центре этой невиданной битвы, а вокруг нас могучие корабли Галактики и длинные черные конусы с темной звезды сталкивались, вращались, вспыхивали огнем, взлетая в небо, ныряя вниз, устремляясь друг на друга, обрушивались на светящуюся землю сотнями обломков, исчезали в ослепительных беззвучных вспышках. Издалека, из городов светящейся планеты, с верхушек башен, в воздух поднимались тысячи новых конусов, летели к месту битвы, бесстрашно бросались в атаку, падали, рассыпались на кусочки под ужасными разрушительными лучами, шли на таран и падали на землю в самоубийственных атаках. Но теперь число их быстро убывало, они исчезали под сверкающими лучами.

Хурус Хол подбежал ко мне, крича и указывая вниз, на светящийся город.

— Конденсатор! — воскликнул он, указывая туда, где по-прежнему виднелось голубое сияние. — Темная звезда — смотрите!

Он махнул рукой в сторону телекарты: крошечное расстояние от светлой линии до звезды быстро сокращалось. Я окинул взглядом кипевшую вокруг нас битву; крейсера Федерации сотнями сбивали конусы, о конденсаторе все забыли. Этот конденсатор находился в какой-то полумиле от нас, там был переключатель, клетка на шесте, которую могло разрушить одно лишь прикосновение зеленого луча. А наши лучевые трубки были бесполезны!

В мозгу у меня мелькнула безумная мысль; я рванул на себя рычаги. И наш корабль, словно огромное металлическое ядро, устремился вниз, к конденсатору и его выключателю.

— Держитесь крепче! — крикнул я, когда мы начали падать. — Я хочу протаранить выключатель!

Навстречу нам неслись сверкающие голубые полушария в яме, высокий столб и клетка на нем; мы летели на них со скоростью молнии. Послышался грохот, и страшный удар сотряс корабль от носа до кормы; его нос сломал металлический цилиндр, оторвал его от столба и швырнул на землю. Крейсер завертелся, на мгновение повис, словно перед тем, как рухнуть наземь, затем выправился, а мы, стоя у окон, радостно кричали.

Там, внизу, ослепительное сияние, исходившее от множества полусфер, внезапно погасло! Бой, кипевший вокруг нас и в небе над нами, прекратился — последние конусы рухнули на землю под огнем смертоносных лучей могучего флота, и мы быстро обернулись к телекарте, впившись в нее пристальными взглядами. Мы увидели, что огромная темная звезда продолжает ползти к линии, окружающей Солнце; она двигалась все медленнее и медленнее — и все же двигалась... Неужели мы проиграли в последний миг? Черный диск, двигаясь с трудом, почти касался роковой границы, его отделял от нее зазор не толще волоса. Мгновение мы смотрели, как он застыл на месте, — это мгновение решило судьбу Солнечной системы. А затем с наших уст сорвались нестройные крики. Зазор начал *расширяться!*

Черный диск удалялся прочь, снова летел в космос, прочь от Галактики и нашего Солнца, углубляясь по кривой в черные глубины Вселенной, откуда он пришел, без звезды, которую собирался похитить. Прочь, прочь, прочь — и мы поняли, что все-таки победили.

И экипажи кораблей нашего флота тоже поняли это, глядя на свои карты. Они сгруппировались вокруг нас и замерли на месте, а светящийся темный гигант внизу понесся прочь в неведомые глубины космоса; вскоре он уже казался нам тусклой огромной луной. Он отступал все дальше от сверкающих звезд Галактики, унося с собой светящиеся города и орды существ-конусов, чтобы никогда больше не

возвращаться. Стоя на мостике, окруженные могучим флотом, мы трое смотрели, как он удаляется, затем обернулись к своей желтой звезде, далекой, безмятежной и ласковой, желтой звезде, вокруг которой вращались наши восемь маленьких планет. И тогда Дал Нара протянула к ней руки, чуть не плача.

— Солнце! — воскликнула она.— Солнце! Старое доброе Солнце, мы боролись и спасли тебя! Наше Солнце, наше навеки!

6

Вечером, неделю спустя, мы с Дал Нарой простились с Хурусом Холом, стоя на крыше того огромного здания на Нептуне, с которого мы вместе с пятьюдесятью другими кораблями отправились в путь несколько недель назад. За это время мы узнали, что единственному уцелевшему из этих кораблей, кораблю шестнадцать, удалось избавиться от преследования конусов после первой яростной атаки и он направился обратно в Галактику, чтобы поднять тревогу. Могучий флот Федерации поспешил через всю Галактику с Антареса навстречу приближавшейся темной звезде, чтобы помочь нам, и достиг ее как раз вовремя, чтобы спасти наш корабль и наше Солнце.

Я не буду описывать все события этой недели и почести, которыми нас осыпали. Мы могли бы получить от соотечественников все, что пожелаем, но Хурус Хол ценил только занятия наукой, которая была делом его жизни; Дал Нара ограничилась тем, что по обыкновению представительниц своего пола отправилась в косметический кабинет, а я попросил лишь чести продолжать на своем крейсере службу во флоте Федерации. Солнечная система была нашим домом, всегда останется им, но я знал, что мы не сможем отказаться от увлекательной службы в могучем галактическом флоте, перелетов от звезды до звезды, долгих безмолвных часов космической ночи и сияния звезд. Мы, Дал Нара и я, останемся космическими бродягами на всю жизнь.

И сейчас, готовый присоединиться к своему флоту, я стоял на крыше могучего здания, позади возвышалась чер-

ная громада нашего крейсера, над нами раскинулся потрясающий воображение звездный ковер Галактики. Внизу, на улицах, тоже сверкали ослепительные огни, там толпы народа продолжали праздновать спасение мира. Хурус Хол заговорил; я никогда не видел его таким взволнованным.

— Если бы Нал Джак был здесь... — начал он, и мы на минуту замолчали.

Затем он протянул нам руку, мы молча пожали ее, а затем направились к люку своего корабля.

Дверь за нами захлопнулась, мы поднялись на мостик и оттуда наблюдали, как широкая крыша удаляется прочь, — мы снова взлетали с нее, и на миг на фоне огней города мелькнула темная фигура Хуруса Хола, затем скрылась. И планета под нами продолжала уменьшаться, пока наконец Солнечная система не осталась позади и мы могли различить только одинокую желтую искру — наше Солнце.

Наш крейсер, спешивший прочь, окружила вечная ночь бесконечного космического пространства — ночь и неизменные мерцающие россыпи пылающих звезд.

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН

Принц Космоса[1]

Джек Уильямсон (1908—2006) — один из основоположников научной фантастики и один из лучших мастеров жанра.

Уильямсон жил в городе Порталес, штат Нью-Мексико. В университете Восточного Нью-Мексико, где писатель в течение двадцати лет преподавал английский язык, создана библиотека научной фантастики, носящая его имя. Критик Джон Клют отмечает (www.infinitematrix.net/columns/clute1.html): «Личное достижение Джека Уильямсона заключается в том, что он сумел преодолеть застой, в котором пребывала научная фантастика, когда он начинал; с 1940 года в течение нескольких десятилетий его творческая мысль оставалась на переднем рубеже. Уильямсон прошел долгий путь наверх, прежде чем стать тем, кем он стал».

Клют имеет в виду факты биографии Уильямсона: писатель родился в 1908 году в Бисби, штат Аризона, жил в Мексике и Техасе, в семь лет переехал с семьей в Нью-Мексико в крытом фургоне и вырос на уединенном ранчо, где мог дать полную волю своему воображению.

«В 1926 году, когда я только что окончил сельскую школу и у меня не было ни денег, ни работы, Хьюго Гернсбек начал издавать журнал „Amazing Stories". Я сразу же увлекся и стал писать „scientifiction". Он купил мой первый рассказ в 1928 году, за год до того, как придумал термин „science fiction"».

В девяносто четыре года Уильямсон получил премии «Хьюго» и «Небьюла» за повесть «Перевоплощенная планета» («The Ultimate Earth»). Его последнее произведение — роман «Врата Стонхенджа» («The Stonehenge Gate», 2005).

В Оксфордском словаре английского языка Джек Уильямсон отмечен как изобретатель слова «терраформирование». «Когда-то, — рассказывал писатель в одном из интервью (www.scifi.com/swf/issue284/interview.html), — я претендовал на то, что первым употребил выражение „генная инженерия" в своем романе „Остров дракона" („Dragon's Island"), опубликованном в 1951 году, но сейчас я знаю, что некий ученый опередил меня на пару лет. Заявлять о своем первенстве рискованно, но искусственное оплодотворение, например, описано мной в „Девушке с Марса" („The Girl from

[1] Amazing Stories. 1931, январь.

Mars"), изданной в 1929 году. Космический город, в котором искусственная гравитация создается с помощью вращения, появляется в „Принце Космоса" (1931). Банки органов и пересадка органов описаны в „Рифах космоса" („The Reefs of Space"), романе, который я создал совместно с Фредом Полом за несколько лет до первой операции по пересадке сердца. В моих рассказах о Сити, позднее преобразованных в „Корабль Сити" („Seetee Ship"), впервые в художественной литературе фигурирует антивещество».

В предисловии к роману «Жаворонок-три» («Skylark Three») Эдварда «Дока» Смита (переиздание 2003 года) Уильямсон называет Смита основателем жанра космической оперы и вспоминает, как Смит и молодой Джон Кэмпбелл в 1930-е годы старались перещеголять друг друга масштабами космических сражений и супероружия. Эти характерные черты космической оперы привыкли с уверенностью выделять все, в том числе специалисты, которым должно быть виднее. Однако Уильямсон, разумеется, понимал жанр по-своему: «Что такое космическая опера? Существуют различные определения этого литературного направления. Мэрион Циммер Брэдли обиделась, когда однажды я намекнул, что она работает в этом жанре. Я не хотел оскорбить ее. Я употребляю выражение „космическая опера", подразумевая литературу, описывающую человека в космосе, великий эпос открытий и галактической экспансии. Термин происходит от словосочетания „конская опера", которым пренебрежительно называли вестерны, полвека являвшиеся основным продуктом Голливуда. Разумеется, большинство сюжетов вестернов были дешевыми и избитыми; видимо, здесь действует закон Старджона[1]. Тем не менее я считаю, что и вестерны, и космическая опера так популярны благодаря тому, что они взывают к общечеловеческим ценностям. И те и другие воплощают традиции классического эпоса.

Герой настоящего эпоса — это сказочный герой. У него есть великая цель. Он покоряет новые территории. Он сражается с могущественными врагами. Он создает новое общество».

Сам Уильямсон как коммерческий писатель, посвятивший себя научной фантастике, упорно исследовал взаимоотношения между наукой и художественной литературой. В его

[1] *Закон Старджона* — утверждение писателя-фантаста Теодора Старджона о том, что среди произведений того или иного жанра внимания заслуживает лишь небольшая часть («Девяносто процентов чего бы то ни было — дерьмо»).

космической опере всегда присутствуют научные идеи, так что Уильямсона часто относят к представителям твердой НФ. Неудивительно, что Мэрион Циммер Брэдли, писавшая преимущественно сайнс-фэнтези в стиле Брэкетт, была недовольна: ее назвал автором космической оперы человек, сумевший подняться над общим уровнем этой литературной поденщины. Брэдли также увлекалась данным жанром в 1940-е годы и знала потребности аудитории. Уильямсон совершенствовал свое мастерство в течение восьми десятилетий, но по-прежнему оставался честным ремесленником, который помнил, что ему приходилось работать ради денег. Он писал для комиксов, он писал для телевидения, для «Капитана Видео» («Captain Video») — воплощения дешевой космической оперы (см. определение из «Fancyclopedia» в предисловии). Он не гнушался писать научную фантастику для любой аудитории и никогда не ожидал большого уважения к своему литературному труду, хотя, разумеется, ему было приятно, когда уважение пришло. Словом, даже используя такой уничижительный по своему происхождению термин, как космическая опера, он не имел в виду ничего дурного.

«Принц Космоса» прекрасно укладывается в современное понятие космической оперы, но в 1930-е годы это был просто достойный научно-фантастический рассказ о космическом пирате и инопланетянах. Использованная в этом произведении идея, относящаяся, бесспорно, к твердой НФ, вошла в привычный арсенал жанра и встречается в «Космической одиссее 2001 года» («2001: A Space Odysey») Кубрика и Кларка. Это идея космической станции, на которой вращением создается искусственная гравитация.

Глава 1
Десять миллионов долларов вознаграждения!

«Обнаружен дрейфующий космический корабль с двумя сотнями погибших на борту!

Предполагается, что это жуткое преступление — дело рук печально известного межпланетного пирата — Принца Космоса!»

Мистер Уильям Виндзор, деловитый сорокалетний газетчик с мрачным выражением лица, с небрежным видом стоял на движущемся тротуаре, который быстро нес его по

Пятой авеню. Он с вполне понятной гордостью улыбался, слушая хриплые голоса магнитных громкоговорителей. Эффектные фразы привлекали возбужденные толпы к торговым автоматам-роботам, продававшим только что распечатанные полосы новой стенограммы. Именно Билл был автором отчета о нападении; он рисковал жизнью в безумном полете на мчащемся со страшной скоростью корабле, чтобы вовремя доставить свою лаконичную статью в Нью-Йорк и побить конкурентов. Смысл своего существования Билл видел в том, чтобы, невзирая на угрозу для жизни и здоровья, раскрывать самые сокровенные подробности загадочных, важных или любопытных событий, определявших лицо сегодняшнего, 2131 года, и преподносить эти подробности десяти миллионам жаждущих новостей читателей крупной ежедневной газеты «Геральд Сан».

Между прочим, сейчас самое время предупредить читателя, что Билл, собственно говоря, не является героем этого повествования. Он лишь наблюдатель, а настоящий герой — это загадочная личность, предпочитающая называть себя Принцем Космоса. Эта история взята из дневника Уильяма Виндзора, который он добросовестно вел, надеясь написать книгу о своем великом приключении.

Билл сошел с движущейся дорожки на углу у автомата, сунул в щель монету, и из магнитной трубки выполз только что отпечатанный, еще влажный экземпляр стенограммы. Стоя на оживленной улице, он просматривал свою статью, а вокруг негромко шуршали и жужжали подвижные тротуары и едва слышно гудели тысячи электрических гелиокаров. Аппараты мягко катились мимо на резиновых колесах или легко взмывали в небо и скользили между кружащимися вверху вертолетами.

В гелиографическом сообщении с судна Лунного патруля «Эвенджер» говорилось, что корабль на солнечных батареях «Геликон» был обнаружен сегодня, в 16.19 по универсальному времени, дрейфующим в двух тысячах миль от лунной трассы. Шлюзы корабля были открыты, воздух вышел, все люди на борту погибли и превратились в лед. В числе жертв — и капитан Стормбург, и экипаж из семидесяти одного офицера и рядовых, и сто тридцать два пассажира, среди них сорок одна женщина. «Геликон» направлялся в Лос-Анджелес из лунного курорта Тихо. Сообщалось, что

тела были варварски изувечены, над ними совершили ужасное, неслыханное насилие. Груз корабля исчез. Самая серьезная потеря — это несколько тысяч брусков нового радиоактивного металла виталия, предположительно на сумму почти миллион долларов.

«Эвенджер» оставил на борту «Геликона» временный экипаж, который приведет корабль собственным ходом на межпланетную базу в Майами, Флорида, и уже там будет проведена полная официальная экспертиза. Пока не было предпринято попыток опознать тела, в приложении к тексту приводился лишь регистрационный список пассажиров. Новые подробности газета обещала доводить до сведения читателей незамедлительно.

Сообщалось, что военные власти склонны винить в преступлении печально известного межпланетного пирата, который называет себя Принцем Космоса. С этим стоящим вне закона Принцем уже было связано несколько случаев ограбления кораблей на солнечных батареях с грузом виталия, хотя прежде он никогда не совершал таких чудовищных злодеяний, как убийство десятков невинных пассажиров. Гравированная визитная карточка, которую, как говорят, Принц всегда передает капитану захваченного судна, также не была найдена на борту несчастного корабля.

Награда за поимку Принца Космоса, живого или мертвого, после этого случая существенно возросла. Общая сумма, предложенная Международной Конфедерацией, Межпланетной Лунной горнодобывающей транспортной корпорацией, Гелиоэнергетической корпорацией, Корпорацией виталиевой энергетики и различными другими обществами, компаниями, газетами и частными лицами, достигла десяти миллионов долларов.

«Десять миллионов долларов! — причмокнул Билл. — Это как минимум частный гелиокар и длинные, длинные каникулы в Южных морях!»

Он фыркнул, сложил листок, сунул его в карман зеленой шелковой туники и проворно вскочил на ленту движущегося тротуара.

«Интересно, каковы мои шансы встретить Принца Космоса?»

Над ним стройные шпили расположенных далеко друг от друга двухсотэтажных зданий поднимались в голубое

небо, прочь от облаков пыли и дыма. Белое солнце сверкало на корпусах тысяч электрических гелиокаров, бесшумно сновавших вокруг. Билл откинул назад голову, жадно вглядываясь в удивительное сооружение, выросшее перед ним, — в здание, которое называли архитектурным чудом двадцать второго столетия.

Башня Трейнора, начатая в 2125 году, была закончена менее года назад. Тонкий белый стержень из алюминия и стального сплава поднимался на двадцать тысяч футов над лабиринтами столицы. Шесть лет назад архитекторы только посмеялись над доктором Трейнором, никому не известным профессором одного из западных университетов, который тогда только что вернулся из туристической поездки на Луну. Трейнор заявил о своих планах соорудить башню, достаточно высокую для того, чтобы устроить на ней астрономическую обсерваторию с условиями, приближенными к высокогорным. Здание, по высоте в пять раз превышающее все известные до сих пор! Глупости, говорили все. А некоторые скептики спрашивали, откуда скромный профессор возьмет деньги на строительство. Мир был немного удивлен, когда строительство началось. Он был потрясен, когда стало известно, что башня благополучно достигла полной высоты — почти двух с половиной миль. Это было прекрасное зрелище. В стройном удивительном небоскребе чувствовалась сила — у земли это была сетка блестящих металлических перекладин, последние несколько тысяч футов представляли собой узкий белый цилиндр.

Конечно же, всем хотелось узнать, что за люди пользуются привилегией подниматься в скоростном лифте по необыкновенному многоэтажному цилиндру на верхушку удивительной башни. Билл много часов провел в небольшой приемной перед закрытыми дверями лифта — на подкуп охранников ушла немалая доля щедрой суммы, выдаваемой на специальные расходы. Но даже деньги не открыли ему доступа в таинственный лифт.

Тем не менее Билл раздобыл для своей газеты кос-какие сведения о людях, которые иногда проходили через холл. Среди них, разумеется, был доктор Трейнор, тихий лысоватый человечек с добрыми голубыми глазами и вялой,

терпеливой улыбкой. И Паула, его жизнерадостная, красивая дочь — невысокая стройная девушка, которая ездила вместе с отцом в путешествие на Луну. Мимо проходили дюжины других людей — от уборщиков и охранников до астрономов с мировым именем и специалистов по солнечной энергетике, — но все они, как один, молчали о том, что происходит в Башне Трейнора.

И еще там был мистер Кейн — «загадочный мистер Кейн», как назвал его Билл. Журналист видел его дважды: это был худощавый мужчина, высокий и гибкий, смуглолицый и темноглазый. Но репортер ничего не смог разузнать о нем — а если Билл не мог чего-то откопать, значит, это был необыкновенный секрет. Иногда Кейн посещал Башню Трейнора, но очень редко. Ходили слухи, что он предоставил средства на сооружение здания и астрономические исследования, для которых оно было, очевидно, предназначено.

Проезжая мимо Башни Трейнора, Билл по привычке спрыгнул с тротуара. Он как раз глядел на бесстрастных охранников, когда мимо прошел какой-то человек. Это оказался сам мистер Кейн, с обычной для него легкой улыбкой на узком смуглом лице, которое было красиво суровой мужской красотой. Билл встрепенулся, навострил уши и решил не выпускать этого таинственного молодого человека из виду. Вдруг ему удастся узнать о нем что-нибудь?

К немалому удивлению Билла, мистер Кейн решительным шагом направился прямо к нему, пристально разглядывая журналиста насмешливыми темными глазами. Он заговорил без предисловий:

— Предполагаю, что вы — мистер Уильям Виндзор из «Геральд Сан».

— Верно. А вы — мистер Кейн, загадочный мистер Кейн!

Высокий молодой человек усмехнулся:

— Да. Вообще-то мне кажется, что «загадочностью» я обязан вам. Но, мистер Виндзор...

— Называйте меня просто Билл.

— Если я не ошибаюсь, вы жаждете получить доступ в башню.

— Я сделал все, что в моих силах, чтобы попасть туда.

— Я хочу предложить вам кое-какие сведения при условии, что вы опубликуете их только с моего разрешения.

— Благодарю вас! — согласился Билл. — Вы можете мне доверять.

— У меня есть на это причины. Башня Трейнора была построена с определенной целью. Эта цель очень скоро потребует огласки. Вы лучше любого другого человека в мире подходите, чтобы обеспечить эту огласку.

— Я могу сделать это — при условии, что...

— Я уверен, что наше дело получит вашу горячую поддержку. От вас не потребуется ничего бесчестного.

Мистер Кейн вынул из кармана узкую белую карточку, что-то быстро нацарапал на ней и передал Биллу. Слова на карточке гласили: «Доступ разрешен. Кейн».

— Покажите это у лифта сегодня в восемь вечера. Попросите, чтобы вас провели к доктору Трейнору.

Мистер Кейн быстро удалился пружинистым шагом, а Билл остался стоять, продолжая в некотором изумлении рассматривать карточку.

Вечером, в восемь часов, удивленный охранник проводил Билла в приемную. Служащий у лифта взглянул на пропуск.

— Хорошо. Доктор Трейнор наверху, в обсерватории.

Кабина рванулась вверх, унося Билла в самое длинное путешествие над поверхностью Земли. Прошли минуты, прежде чем мимо замелькали огни множества этажей цилиндрического здания, находящегося в верхней части башни. Лифт остановился. Двери распахнулись, и Билл ступил под прозрачный купол астрономической обсерватории.

Он находился на самой вершине Башни Трейнора.

Ослепительные звезды, ясные и холодные, сияли сквозь купол из полированного витролита, поддерживаемый металлическим каркасом. Через нижние панели прозрачной стены Билл видел огни города, раскинувшегося внизу, — мозаику из крошечных светлых точек, перемешанных с разноцветными мигающими глазами дорожных знаков; город находился так далеко, что его можно было увидеть весь целиком.

Огромный черный ствол телескопа, который был экваториально смонтирован на громоздкой станине, прорезал

прозрачный купол под углом. В механизме негромко жужжали электрические моторы, мигали маленькие лампочки. У окуляра сидел какой-то человек; Билл понял, что это доктор Трейнор. Он казался карликом рядом с гигантским инструментом. Больше в комнате никого не было, не было и других сколько-нибудь значительных инструментов. Громада телескопа подавляла все остальное.

Трейнор поднялся и подошел поприветствовать Билла. Спокойная задумчивость на его лице сменилась дружелюбной улыбкой, а в голубых глазах засветились мягкость и доброта. Лысина блестела в приглушенном свете ламп.

— Мистер Виндзор из «Геральд Сан», верно?

Билл кивнул и достал записную книжку.

— Очень рад, что вы пришли. Я хочу показать вам кое-что интересное. Кое-что на планете Марс.

— Что...

— Нет. Никаких вопросов, прошу вас. Они подождут до прихода мистера Кейна.

Билл неохотно закрыл свой блокнот. Трейнор уселся перед телескопом, а Билл ждал, пока ученый смотрел в трубу, нажимал кнопки и двигал яркие рычаги. Загудели моторы, и огромный цилиндр повернулся.

— А теперь смотрите, — велел Трейнор.

Билл сел и приложил глаз к окуляру. Поле зрения представляло собой круг сине-черного цвета, испещренный искорками; посередине его висел светлый диск поменьше, который слегка раскачивался. Диск был оранжево-красного цвета, усеян неровными темными пятнами, со сверкающими белыми шапками на полюсах.

— Перед вами Марс. Таким его видят обычные астрономы, — сказал Трейнор. — А теперь я сменю окуляры, и вы увидите то, чего не видел ни один человек, за исключением тех, кто смотрел в этот телескоп.

Он быстро настроил мощный инструмент, и Билл взглянул еще раз.

Алый диск увеличился во много раз, стала видна каждая деталь. Он превратился в гигантский шар с ясно видимыми невысокими горами и неровной поверхностью. Призматические полярные шапки сверкали слепящей белизной. Темные серо-зеленые пятна, разбросанные по выжженной оранжевой пустыне, и тонкие темно-зеленые линии — преслову-

тые каналы Марса — пересекали поверхность планеты от покрытых льдом полюсов до более темной экваториальной зоны, пересекались, образуя небольшие круглые зеленоватые точки.

— Смотрите внимательнее, — сказал Трейнор. — Что вы видите на краю верхней левой четверти, недалеко от центра диска, прямо над экватором?

Билл вгляделся и заметил небольшую голубую круглую точку — она была очень маленькой, но резко очерченной, имела очертания совершенной окружности и ярко выделялась на тускло-красной поверхности планеты.

— Я вижу крошечное голубое пятнышко.

— Боюсь, что вы видите смертный приговор человечеству!

В другое время Билл фыркнул бы — газетчики склонны к крайнему скептицизму. Но в мрачном тоне, каким Трейнор произнес эти слова, и в странной картине, увиденной им в гигантском телескопе, было нечто такое, что удержало его.

— За последние пару сотен лет, — наконец заметил Билл, — про это было написано множество книг. Например, «Война миров», старый роман Уэллса. По-видимому, большинство писателей придерживается теории, что на Марсе кончается вода и марсиане хотят воспользоваться нашими ресурсами. Но я никогда на самом деле...

— Я не знаю, каковы их мотивы, — ответил Трейнор. — Но мы знаем, что на Марсе существует разумная жизнь — каналы тому доказательство. И у нас есть веская причина считать, что этой цивилизации известно о нашем существовании, причем она не желает нам добра. Вы помните экспедицию Энверса?

— Да. Это было в две тысячи девяносто девятом году. Энверс совершил ошибку: он думал, что если корабль на солнечных батареях может долететь до Луны, то он сможет добраться и до Марса. Наверное, его сбил какой-нибудь метеорит.

— Не вижу причин, по которым Энверс не мог бы долететь до Марса в две тысячи сотом году, — возразил Трейнор. — Гелиографические сообщения от него получали, пока он не преодолел добрую половину пути. До тех пор не

было никаких проблем. Я имею основания полагать, что он совершил посадку, но что его возвращению помешали разумные существа с Марса. Боюсь, что, изучив его захваченный корабль, они смогли организовать собственную межпланетную экспедицию!

— И голубое пятнышко имеет ко всему этому отношение?

— Мы считаем, что да. Но у меня нет права рассказывать вам больше. По мере того как будут разворачиваться события, нам потребуется оповестить о них общество через газеты, и мы хотим, чтобы вы это устроили. Отвечает за все, разумеется, мистер Кейн. Помните, вы дали слово ждать его разрешения на публикацию.

Трейнор снова отвернулся к телескопу.

Послышался звук — у двери в обсерваторию снова остановился лифт. Из него вышла стройная девушка и подбежала к ученому.

— Моя дочь Паула, мистер Виндзор, — представил их Трейнор.

Паула Трейнор была удивительным созданием. Ее глаза мерцали необычным оттенком коричневого, их цвет все время изменялся. Коротко подстриженные черные волосы позволяли видеть голову прекрасной формы. Маленькое лицо обладало тонкой красотой, кожа была почти прозрачной. Но самым замечательным в Пауле все же являлись глаза. В их мерцающих глубинах искрилась смесь детской невинности, интуитивного древнего знания и живого ума — не холодного, рационального ума, но кипучего, инстинктивно, мгновенно приходящего к верным заключениям. Необычное, загадочное лицо, выражающее лишь минутное настроение! Глядя на него, нельзя было сказать, добра ли его обладательница или зла, снисходительна или строга, мягка или сурова. Оно могло, по ее желанию, точно отражать мысли, которым она предавалась в данный момент, но ее истинный характер оставался скрытым.

Билл окинул девушку острым взглядом, заметил все это и сделал пометку в записной книжке своей памяти. Впрочем, в Пауле журналист увидел лишь предмет для интересного очерка.

— Папа рассказывал вам об угрожающем нам вторжении марсиан, да? — спросила она низким, чуть хриплым

голосом, очаровательно мелодичным. — Звучит жутковато, верно? Нам повезло, что мы об этом знаем и можем бороться, вместо того чтобы продолжать жить, как прочие люди, не подозревающие об опасности!

Билл согласился.

— Подумайте об этом! Мы даже можем полететь на Марс, чтобы победить на их собственной территории!

— Помни, Паула, — предупредил ее Трейнор. — Не рассказывай мистеру Виндзору слишком много.

— Хорошо, папа.

И снова послышался негромкий шум лифта. В обсерваторию вошел мистер Кейн. Его таинственная улыбка и темные глаза были почти такими же загадочными, как у Паулы. Наблюдая за девушкой, Билл заметил, что на щеках у нее вспыхнул румянец и она невольно вздрогнула. Сразу стало ясно, что Паула испытывает к вошедшему глубокое чувство. Но Кейн, казалось, даже не подозревал об этом. Он лишь кивнул девушке, мельком взглянул на доктора Трейнора и быстро обратился к репортеру.

— Извините меня, мистер Вин... э-э, Билл, но мне необходимо поговорить с доктором Трейнором наедине. Мы свяжемся с вами, когда возникнет необходимость. А до тех пор, надеюсь, вы забудете обо всем, что сегодня видели здесь, и о том, что рассказал вам доктор Трейнор. До свидания.

Подчинившись сказанному, Билл вошел в лифт и пять минут спустя покинул Башню Трейнора. Оказавшись на ярко освещенной улице, среди движущихся тротуаров и мелькающих гелиокаров, он несознанно взглянул вверх, инстинктивно ожидая увидеть звездное небо, которое наблюдал из обсерватории. Но в миле над землей висели плотные тучи; отражая огни города, они светились, подобно балдахину из желтого шелка. Верхние несколько тысяч футов стройной башни были скрыты за облачным покровом.

На следующее утро, после завтрака, Билл купил у робота полосу с новостями. С изумлением и некоторым испугом он прочел:

«Принц Космоса совершил налет на башню Трейнора.

Этой ночью, под прикрытием облаков, нависших над городом, дерзкий космический пират, самозваный Принц Космоса,

подозреваемый в преступлении на „Геликоне", совершил налет на Башню Трейнора. По-видимому, доктор Трейнор, его дочь Паула и некий мистер Кейн были похищены — сегодня утром было обнаружено, что они исчезли.

Судя по всему, пиратский корабль подкрался к башне и с помощью лучевого оружия проделал отверстие в стене. Утром во внешних металлических перегородках были найдены дыры, достаточно большие, чтобы через них мог пройти человек.

То, что нападение совершил именно Принц Космоса, несомненно, поскольку на столе оставлена гравированная визитная карточка с его титулом. Это первый известный случай, когда пират действовал на поверхности Земли — или, по крайней мере, поблизости от нее, в Башне Трейнора.

Вкупе со вчерашней трагедией „Геликона" данное происшествие вызывает немалую тревогу. Лунный патруль, учитывая награду в десять миллионов долларов, предпримет самые энергичные усилия к тому, чтобы разыскать пресловутого разбойника».

Глава 2
Гончие Космоса

Два дня спустя Билл, выпрыгнув из гелиокара, представил свое удостоверение специального корреспондента и был впущен на базу Лунного патруля Лейкхерст.

Девять стройных кораблей на солнечных батареях стояли на краю широкого поля, обнесенного высокой оградой, прямо перед своими ангарами. В ярком свете утреннего солнца они поблескивали, словно девять огромных полированных брусков серебра.

Боевые корабли Лунного патруля представляли собой восьмигранники двадцати футов в диаметре и ста футов в длину. Сделанные из стали и новых алюминиевых сплавов, они имели широкие обзорные панели из прочного витролита, и каждый был оснащен шестнадцатью огромными трубками, извергающими потоки положительно заряженных частиц. Эти гигантские вакуумные трубки, использующие мощное напряжение, создаваемое виталиевыми батареями, в принципе мало отличались от аппарата анодных лучей, созданного несколько сот лет назад. Их положитель-

ные лучи — потоки атомов, лишенных одного или более электронов, — служили для того, чтобы приводить в движение корабль, — так применялся хорошо известный принцип ракетного двигателя.

Эти же шестнадцать трубок, расположенные в виде двух колец с обоих концов корабля, не менее эффективно служили в качестве орудий. Когда их направляли на цель, ударное давление лучей достигало давления снаряда, выпущенного из древней пушки. Металл в положительном луче плавился, живые существа обугливались и сгорали. Положительного заряда, который нес луч, было достаточно, чтобы любое существо, попавшее в него, погибло от электрошока.

Эскадра Лунного патруля, состоявшая из девяти кораблей, собиралась отправиться в погоню за межпланетным пиратом Принцем Космоса, а Билл летел с ней в качестве специального корреспондента «Геральд Сан».

Прошлой ночью «Геликон», космический корабль, атаковавший на пути с Луны, привела в Майами спасательная команда с «Эвенджера». Мир содрогнулся, когда был опубликован отчет экспертов, обследовавших тела двухсот погибших, найденные на борту.

«Из жертв на „Геликоне" высосали кровь! — оглушительно хрипели громкоговорители. — Загадка разграбленного корабля приводит мир в смятение! Медицинская экспертиза двухсот тел, найденных на потерпевшем крушение космическом корабле, показывает, что кровь из тел была высосана, очевидно, через странные круглые ранки на горле и всем теле. На каждой жертве найдены дюжины таких странных ран. Медики затрудняются объяснить, каким образом могли быть нанесены подобные увечья».

«В более суеверную эпоху можно было бы предположить, что Принц Космоса вообще не человек, но зловещий вампир, появившийся из космических глубин. На самом деле не исключено, что преступник является представителем иной формы жизни, существующей на другой планете, поскольку раны не могли быть нанесены ни одним известным земным животным».

Билл нашел капитана Бранда, командира экспедиции, поднимающимся на борт стройного серебристого «Фьюри», флагманского корабля эскадры. Журналисту уже

приходилось летать с этим грубовато-добродушным, отважным стражем космических дорог; ему оказали радушный прием.

— Судя по всему, охота за этим Принцем будет делом нелегким, — заметил Билл.

— Скорее всего, — согласился рослый краснолицый капитан Бранд. — За последние несколько лет нам семь или восемь раз приходилось гоняться за ним — но, думаю, никто никогда не видел его корабля. Должно быть, он ограбил не менее дюжины торговых судов.

— Знаете, я даже в некотором роде восхищаюсь Принцем... — сказал Билл, — или восхищался до этого случая с «Геликоном». Но зверское убийство пассажиров просто не укладывается у меня в голове. Высосать кровь!

— Трудно поверить, что Принц ответствен за это. Он никогда прежде не убивал людей без необходимости — несмотря на все украденные им припасы, деньги и виталий на миллионы долларов. И он всегда оставлял свою визитную карточку — только не на «Геликоне».

— Но как бы то ни было, как только мы встретим его, сразу отправим к праотцам!

Перед ними распахнулась дверь шлюза, они вошли и поднялись по лестнице (расположенной горизонтально, поскольку корабль лежал на боку) на мостик, находившийся на носу. Билл внимательно разглядывал необычное тесное помещение, витролитовый купол и сверкающее оборудование, пока капитан Бранд с помощью световых сигналов отдавал приказ остальным кораблям закрыть шлюзы и включить лучевые генераторы.

Над «Фьюри» вспыхнула алая ракета. Белые огненные копья вырвались из направленных вниз вакуумных трубок. Как один, девять кораблей приподнялись над ровным полем. Затем они медленно развернулись, приняв вертикальное положение, и взмыли вверх, оставляя за собой тонкие белые лучи, вырывавшиеся из восьми кормовых двигателей.

Билл, стоя под хрустальным куполом, почувствовал, как корабль разворачивается. Он ощутил, как ускорение прижимает его тело к полу, и уселся в удобное мягкое кресло. Земля на глазах уходила вниз и превращалась в подобие карты, с сапфировым морем с одной стороны, буро-зеле-

цым берегом и уменьшающимся в размерах, но пока ясно видимым городом — с другой. Он смотрел, как скрытое дымкой голубое небо приобретает темно-лазурный цвет, затем черный, с миллионами неподвижных звезд, сверкающих ярко-желтым, алым и голубым цветами. Билл снова взглянул вниз и увидел, что Земля стала выпуклой, подобно гигантскому синему глобусу, смутно различимому сквозь завесу воздуха и облаков.

Глобус быстро удалялся. Крошечный серебристый шарик, наполовину черный, наполовину окаймленный ослепительным сиянием, с резко выделяющимися бесчисленными круглыми кратерами, показался за туманным краем глобуса — это была Луна. А еще дальше пылало Солнце — шар слепящего пламени, окруженный багровыми огненными языками, — оно швыряло дрожащие копья белого света в витролитовые панели. Смотреть на него без темных защитных очков было невозможно.

Перед пилотами открывалась бездонная черная пропасть космоса, покрытая россыпью холодных, неподвижных звезд, сияющих и мерцающих, словно крошечные точки света, на бесконечном расстоянии от них. Галактика окружала корабли широким светящимся серебристым поясом, усеянным десятками тысяч разноцветных бриллиантов. Где-то в этой бескрайней пустоте им предстояло найти отчаянного человека, смеявшегося над всем обществом, который называл себя Принцем Космоса.

Девять кораблей разделились, разойдясь на несколько тысяч миль друг от друга. С помощью мигания гелиографов — вращающихся зеркал, отражавших солнечный свет, — они поддерживали связь с отважным капитаном Брандом, в то время как множество дежурных у телескопов осматривали черное, усыпанное звездами небо в поисках загадочного пирата.

Шли дни, измеряемые лишь хронометром, так как огненное белое солнце сияло день и ночь. Земля превратилась в крошечный ярко-зеленый шарик, светлый с солнечной стороны, покрытый ослепительно-белыми пятнами облаков и полярных шапок.

Время от времени корабли расправляли виталиевые «крылья», чтобы запастись энергией от солнца. Корабль приводился в движение при помощи солнечных батарей.

Он использовал уникальные свойства редкого радиоактивного металла, виталия, который, как считалось, является основой самой жизни, поскольку впервые он был обнаружен в микроколичествах в составе сложных молекул, которые так необходимы для существования жизни, — в витаминах. В двадцать первом веке значительные залежи виталия были обнаружены в кратере Кеплера и других местах на Луне. Под воздействием солнечных лучей виталий переходит в трехатомную форму, запасая значительное количество энергии. В солнечной батарее виталиевые пластины чередовались с медными, что давало возможность преобразовывать солнечную энергию в электрическую. Когда батарея разряжалась, виталий переходил в более стабильную аллотропную форму и мог быть использован снова и снова. Заводы Корпорации виталиевой энергетики в Аризоне, Чили, Австралии, Сахаре и Гоби обеспечивали энергией бо́льшую часть нужд человечества. Космический корабль, подзаряжая свои батареи от Солнца, мог путешествовать практически бесконечно.

Это произошло на пятый день после того, как они покинули Лейкхерст. «Фьюри» и его спутники, рассеянные по огромному пространству, летели со скоростью пять тысяч миль в час и находились в точке с координатами: гелиоцентрическая высота 93,243546, эклиптическое склонение 7°18′46″ к северу, прямое восхождение — девятнадцать часов двадцать минут тридцать одна секунда. Земля виднелась неподалеку, похожая на крошечный зеленый шарик, за ней висел тонкий серебристый полумесяц Луны.

— Объект прямо по курсу! — воскликнул дежурный у телескопа в куполообразной рубке «Фьюри», обернувшись к капитану Бранду и Биллу, которые стояли и курили, пользуясь удобствами движения с ускорением. — В созвездии Скорпиона, примерно на пять градусов выше Антареса. Расстояние пятнадцать тысяч миль. Кажется, он округлой формы, голубого цвета.

— Принц! Наконец-то! — обрадовался Бранд, и на его квадратном лице с широкой челюстью появилась энергичная улыбка, синие глаза загорелись предвкушением битвы.

Он отдал приказы, и гелиографические зеркала замигали, передавая сигналы девяти кораблям Лунного патруля окружить неизвестный объект, образуя широкий полукруг. Черные «крылья», несущие виталиевые пластины, были убраны, лучевые трубки включены на полную мощность, и стройные звездолеты разогнались до предельного ускорения.

Четыре телескопа «Фьюри» были направлены на неопознанный объект. Капитан Бранд и Билл по очереди смотрели в один из них. Билл, взглянув в окуляр, увидел неизмеримую бездну космоса, усыпанную серебристой звездной пылью далеких туманностей. В черной пустоте висела лазоревая сфера, сверкающая, словно огромный шар, вырезанный из бирюзы. Биллу она напомнила другой голубой шар — тот, который он видел в гигантский телескоп в Башне Трейнора, — крошечный голубой круг на фоне красных пустынь Марса.

Бранд два-три раза взглянул в телескоп, что-то быстро вычисляя.

— Оно движется, — сказал он. — Со скоростью примерно четырнадцать тысяч миль в час. Забавно! Оно движется прямо к Земле, почти из той точки, где сейчас находится Марс. Интересно... — Он схватил карандаш, произвел еще какие-то вычисления. — Странно. По-видимому, эта штука направляется к Земле из некоторой точки на орбите Марса, расположенной там, где планета находилась примерно сорок дней назад. Как вы думаете, может быть, марсиане собираются нанести нам визит?

— Значит, это не Принц Космоса?

— Не знаю. Его курс может быть просто совпадением. И, насколько мы знаем, Принц вполне может оказаться марсианином. В любом случае мы выясним, что это за голубой шар!

Два часа спустя девять кораблей образовали широкую дугу, стремительно окружая неизвестный звездолет, диаметр которого по расчетам составлял около сотни футов. Корабли находились на расстоянии примерно тысячи миль от шара и образовали полукруг длиной две тысячи миль. Капитан Бранд отдал приказ быть готовыми использовать восемь передних лучевых трубок каждого звездолета в качестве орудий. Со своего корабля он отправил гелиографический сигнал:

«„Фьюри", корабль Лунного патруля, требует, чтобы вы предъявили корабельные документы, идентификационные карточки всех пассажиров и разрешили осмотр на предмет контрабанды».

Сообщение было повторено трижды, но лазурный шар никак не отреагировал на него. Он продолжал следовать своим курсом. Стройные белые корабли устремились к нему, пока между краями образованного ими полукруга не осталось двести миль, а до голубого шара — сто.

А затем Билл, приложив глаз к окуляру, заметил, что рядом с голубым шаром появилась малепькая алая искорка. Это была едва заметная яркая точка багрово-красного огня, из которой к центру сферы протянулся белый луч. Пурпурная искра росла, белая линия удлинялась. Внезапно журналист понял, что эта искра — объект, приближающийся к ним с невероятной скоростью.

Не успела эта мысль промелькнуть у него, как искра превратилась в маленький красно-голубой шар, светящийся ослепительным светом. За ним тянулся белый луч, который, казалось, толкал шар вперед все быстрее и быстрее. Пурпурная сфера пронеслась мимо, исчезла, белый луч погас.

— Оружие! — воскликнул Билл.

— Оружие и предупреждение! — отвстил Бранд, смотревший в другой окуляр. — И мы им ответим! — Гелиограф! — крикнул он в микрофон. — Каждому кораблю открыть одну переднюю трубку, действовать с частотой двенадцать раз в минуту. Увеличить мощность задних трубок, чтобы компенсировать отдачу.

Белые зеркала замигали. Ослепительно сверкающие лучи, словно бруски невыносимо яркого света, вырывались периодически из каждого из девяти кораблей, стрелявших с расстояния в сотни миль, обливая голубой шар потоками заряженных атомов.

И снова из сапфировой сферы возникла пурпурная искра, за ней следовал белый луч. Крошечный багровый шарик несся с невероятной скоростью на конце копья белого пламени. Он стремился вперед, несколько медленно, но все же достаточно быстро — человек мог лишь смотреть, не в силах ничего предпринять.

Шарик ударил в корабль, находившийся на конце «полумесяца».

Возникла ослепительная вспышка фиолетового пламени. Казалось, крошечный шарик взорвался, образовав гигантский ало-голубой костер. А там, где только что находился длинный, тонкий восьмигранник корабля, осталась искореженная, бесформенная глыба металла.

— Твердый снаряд! — воскликнул Бранд. — Приводимый в движение положительным лучом! Наши эксперты пытались создать нечто подобное, но луч взрывал бомбу. И что это был за взрыв! Я не знаю, что это может быть, — разве что атомная энергия!

Восемь оставшихся кораблей сжимали кольцо вокруг врага, попеременно стреляя огненными белыми лучами. Они попадали прямо в голубой шар — боевые экипажи Лунного патруля получали хорошую подготовку, их пушки били со смертоносной точностью. Лазурная сфера, невредимая, ярко светилась — казалось, вокруг нее собралась тонкая завеса мерцающих голубых частиц, словно облако сапфировой пыли.

Бирюзовый корабль изверг еще одну пурпурную искру.

Наблюдатели едва успели перевести взгляд с движущейся точки на стройный, блестящий корабль, как белый луч перенес ее через огромное расстояние. Еще одна яркая фиолетовая вспышка. И еще один корабль превратился во вращающуюся массу искореженных обломков.

— Нас осталось семеро! — мрачно заметил Бранд. — Гелиограф! — крикнул он в микрофон. — Стрелять изо всех передних трубок с периодичностью двадцать раз в минуту. Увеличить мощность задних двигателей до максимума.

Семь кораблей немедленно выстрелили белыми лучами. Сапфировая сфера засветилась с необычной яркостью. Тонкая завеса мерцающих голубых частиц, казалось, стала плотнее.

— Очевидно, наши выстрелы бесполезны, — озадаченно пробормотал Бранд. — Эта синяя штука вокруг шара, должно быть, какой-то вид вибрирующего экрана.

Очередная алая искра с тонким белым хвостом устремилась к кораблю, находившемуся на противоположном

конце «полумесяца», взорвалась, обратившись в красно-багровый костер. Еще один корабль стал грудой металлолома.

— Нас уже шесть! — угрюмо обратился Бранд к Биллу.

— Похоже, что Принц нас одолеваст! — вскричал репортер.

— Нет, пока остается хоть один корабль, способный сражаться! — возразил капитан. — Он имеет дело с Лунным патрулем!

Крошечный пурпурный шарик прочертил темное, усыпанное звездами небо. Корабль исчез в фиолетовой вспышке.

— Они уничтожают их с краев, — заметил Билл. — Мы в середине, так что, думаю, будем последними.

— Значит, — сказал капитан Бранд, — у нас есть время, чтобы протаранить их. Контрольный пункт! — произнес он в микрофон. — Выключите передние трубки и направляйтесь к вражескому кораблю с максимальной скоростью. Гелиограф! Сражаться до последнего! Я собираюсь протаранить их!

Еще одна смертоносная искра со страшной скоростью пронеслась мимо. Пурпурный взрыв оставил от очередного корабля бесформенные обломки.

Билл оторвался от телескопа. Голубой шар, ярко светящийся под огнем положительных лучей, окутанный загадочной сапфировой дымкой, находился всего в двадцати милях от них. Журналист уже мог видеть невооруженным глазом врага, движущегося среди знакомых очертаний созвездия Скорпиона.

Он быстро увеличивался в размере.

С быстротой мысли пурпурные искры попеременно стреляли вправо и влево. И стреляли без промаха. Каждая взрывалась облаком лилового огня, сокрушая новый корабль.

— Осталось три, — сказал Билл, не сводя глаз с растущего голубого шара. — Уже два. Прощайте, Бранд. — Он схватил отважного капитана за руку. — Остался только один. Есть у нас время?

Он взглянул вперед. Голубой шар, скрытый за переливчатой, искрящейся пеленой сапфировых искр, увеличивался с каждой секундой.

— Последний! Теперь наша очередь!

Билл увидел, как из лазурной сферы, которую они надеялись протаранить, возник красный огонек. Казалось, его окружало багрово-фиолетовое пламя. Журналист почувствовал, что пол задрожал у него под ногами, услышал шум ужасного толчка, затрещало разбивающееся стекло. А затем сознание милосердно покинуло его.

Глава 3
Космический Город

Билл лежал на альпийском леднике; болела сломанная нога, безнадежно застрявшая в трещине. Было темно и ужасно холодно. Он напрасно старался шевелиться, ползти на поиски света и тепла — зловещий ледник не отпускал его, вокруг ревела снежная буря, пронизывающий холод проникал до костей, тело постепенно немело.

Вздрогнув, репортер пришел в себя и понял, что это был кошмар. Но он на самом деле замерзал, хватая ртом ледяной разреженный воздух, который почему-то не хотел поступать в легкие. Вокруг царила полная темнота. Он лежал на чем-то холодном, металлическом.

«Я на разбитом „Фьюри"! — подумал Билл. — Воздух уходит. Это холод космоса! Ледяная могила!»

Должно быть, он издал какой-то звук, потому что рядом кто-то застонал. Репортер с усилием втянул в себя воздух, попытался заговорить, но задохнулся, и голос его оказался странно высоким и тонким.

— Кто здесь?..

Он не договорил, сраженный приступом кашля, и почувствовал, как горячая струйка крови потекла изо рта. Рядом раздался чей-то трудноразличимый шепот:

— Это Бранд. Мы — Лунный патруль... мы сражались до последнего!

Билл не смог больше произнести ни слова, и, очевидно, отважный капитан тоже лишился последних сил. Какое-то время они лежали молча, замерзая все больше и больше. Билл не надеялся выжить, мрачное удовлетворение приносило лишь осознание того, что они с Брандом не погибли на месте.

Но внезапно перед ним промелькнул лучик надежды. Он услышал в разреженном воздухе удары молотка по металлу, резкие, словно звон бьющегося стекла. А затем до него донеслось негромкое шипение газосварочного аппарата.

Кто-то прорубался к ним через переборки разрушенного корабля. Казалось, прошло несколько секунд, и яркий луч света прорезал тьму, обшаривая разбитый мостик, затем остановился на двух беспомощных телах. Билл разглядел две гротескные фигуры в громоздких металлических скафандрах, пробирающиеся через прорубленную в стене дыру. Он почувствовал, как ему на голову надевают кислородный шлем, услышал тонкое шипение подаваемого газа и наконец смог вздохнуть свободно.

И опять впал в беспамятство.

Билл очнулся с чувством, будто прошло бесконечно много времени. Он быстро сел, чувствуя себя бодрым, готовым к действию, полностью здоровым. Перед ним сразу же ясно возникли воспоминания о каждой подробности катастрофической встречи с голубым кораблем-шаром.

Билл находился в чистой постели в небольшой комнате с белыми стенами. Напротив него, на другой кровати, сидел капитан Бранд; его грубоватое лицо выглядело слегка озадаченным. У дверей стояли двое служителей в белой униформе; нервный маленький человечек в черном костюме, судя по всему врач, торопливо складывал в кожаную сумку сверкающие инструменты.

Внезапно в дверях появился высокий человек в ярком костюме, сочетавшем черный, алый и золотой цвета, — на нем были черные брюки, красный военный китель и фуражка, украшенные золотыми пуговицами и позументом. В руках он держал блестящий лучевой пистолет.

— Джентльмены, — произнес незнакомец отрывистым, твердым голосом, — вы можете считать себя пленниками Принца Космоса.

— Как мы сюда попали? — хрипло поинтересовался Бранд.

— Принц был настолько добр, что забрал вас с останков вашего корабля и доставил на борт своего судна «Ред Ровер». Вы были в бессознательном состоянии, но сейчас полностью поправились.

— И что вы собираетесь с нами делать? — Тон Бранда был весьма агрессивен.

Человек с пистолетом улыбнулся:

— А это, позвольте сообщить вам, джентльмены, будет зависеть целиком от вас.

— Я офицер Лунного патруля, — сказал Бранд. — Я предпочту смерть каким-либо...

— Погодите, капитан. Мой командир, Принц Космоса, заслужил вашу благодарность. Я не прошу у вас ничего, кроме обещания вести себя, как подобает гостю Принца. Дав слово, вы ничего не потеряете, но многое приобретете.

— Ну ладно, обещаю, — подумав несколько секунд, согласился Бранд. — В течение двадцати четырех часов.

Он вытащил часы и взглянул на них. Человек у двери опустил пистолет, улыбнулся и подошел пожать руку Бранду.

— Называйте меня Смит, — представился он. — Я капитан крейсера Принца «Ред Ровер».

Все еще улыбаясь, он сделал жест в сторону двери.

— Если пожелаете, джентльмены, можете пройти со мной на мостик. «Ред Ровер» сядет через час.

Бранд проворно спрыгнул на пол, и Билл последовал его примеру. Корабль двигался с небольшим ускорением — сила тяжести была слабой, но люди могли без труда передвигаться. За дверью находилась круглая шахта, по всей длине которой тянулась лестница. Капитан Смит взобрался наверх, Бранд и Билл вскарабкались следом.

После нетрудного подъема примерно на пятьдесят футов они вошли в кабину пилотов с куполообразным потолком, витролитовыми панелями обозрения, оснащенную телескопами, картами, таблицами и переговорным устройством, — подобие мостика на «Фьюри».

Перед ними простиралась черная бездна космоса, усыпанная точками звезд. Билл поискал Землю и обнаружил ее на перископическом экране почти позади корабля — крошечный зеленый диск, рядом — белая точка Луны.

— Как мы можем приземлиться через час? — воскликнул он.

— Я не сказал, что мы сядем на Земле, — улыбнулся капитан Смит. — Место нашей посадки находится на расстоянии миллиона миль от этой планеты.

— Не на Земле! Тогда где же...

— В Космическом Городе.

— В Космическом Городе!

— Это столица Принца Космоса. До нее меньше тысячи миль.

Билл вгляделся в даль сквозь витролитовую панель и различил яркое созвездие Стрельца, а за ним — светящееся облако Млечного Пути.

— Я ничего не вижу...

— Принц не стремится оповещать всех о местонахождении своей столицы. Поверхность Космического Города покрыта черным слоем виталия, что обеспечивает нас энергией. Металл не отражает солнечных лучей, и на черном фоне космоса город невидим, кроме тех случаев, когда он заслоняет собой звезды.

Капитан Смит занялся подготовкой к посадке. Билл и Бранд долго стояли, глядя вперед сквозь витролитовый купол, пока лучевые трубки, служившие двигателями, тормозили корабль. Через некоторое время на серебристом фоне Млечного Пути возникла небольшая черная точка. Она росла, загораживая звезды, пока значительная часть звездного неба перед ними не стала абсолютно черной.

— Космический Город представляет собой цилиндр, — объяснил капитан Смит. — Он имеет примерно пять тысяч футов в диаметре и столько же в длину. Он сооружен в основном из метеоритного железа, которое мы добыли в скоплениях метеоритов, — так мы можем обезопасить наши полеты и одновременно обеспечить себя ценным материалом. Цилиндр постоянно вращается с такой скоростью, что центробежная сила на стенках его равняется силе тяжести на Земле. Город построен на внутренней стороне цилиндра — так что вы можете, подняв голову, увидеть дом соседа, расположенный вверх тормашками, в миле над головой. Мы войдем через шлюзовой отсек, находящийся в одном из торцов цилиндра.

Теперь в нескольких ярдах от витролитовых панелей появился гигантский диск из тусклого черного металла. В нем открылся огромный металлический затвор, за ним показалось ярко освещенное помещение. «Ред Ровер» вошел в шлюзовую камеру, мощный клапан захлопнулся за

ним, запинел подаваемый воздух, затем открылась внутренняя дверь — и корабль скользнул в Космический Город.

Билл увидел, что они находятся в центре огромного цилиндра. Стороны его, расположенные в полумиле над и под ними, были заняты зданиями, выстроенными вдоль опрятных, усаженных деревьями улиц, там и сям виднелись зеленые лужайки, небольшие садики и рощи. Биллу было странно видеть эти бесконечные улицы, извивавшиеся по внутренней стороне трубки, так что пешеход, пройдя немногим более трех миль в одном направлении, снова оказывался в исходной точке, так же как, обойдя вокруг Земли, возвращаешься в место, откуда начал путешествие.

В торцах цилиндра, на огромных металлических дисках, которые закрывали Город с обеих сторон, располагались сложные массивные механизмы необычного вида. «Должно быть, они обеспечивают Город воздухом, — подумал Билл, — очищают его, снабжают людей светом и энергией, а может быть, даже способствуют вращению цилиндра». Шлюз, через который вошел корабль, был частью такого механизма.

В центре каждой из торцовых пластин находился мощный источник света, величиной и формой напоминавший Солнце, они заливали Город ярким, но мягким светом.

— Здесь живет пять тысяч человек, — рассказывал капитан Смит. — Принц всегда готов оставить у себя лучших представителей рода человеческого, выбирая их среди пленников, остальные же приехали сюда добровольно. Мы сами обеспечиваем свою жизнедеятельность, подобно Земле. Для этого мы используем энергию Солнца — с помощью виталиевых батарей. Мы обеспечиваем себя растительной и животной пищей. Мы перерабатываем отходы — здесь имеет место такой же регулярный цикл жизни и смерти, как и на Земле. Люди потребляют пищу, содержащую углерод, дышат кислородом, выдыхают углекислый газ; наши заводы расщепляют углекислый газ, производят продукты, содержащие тот же самый углерод, и высвобождают кислород для дыхания. Азот, кислород и водород проходят через такой же цикл. Все, что нам нужно, — это солнечная энергия.

Капитан Смит провел своих «гостей» вниз по лестнице и наружу через шлюз корабля. Они вошли в лифт и спустя

три минуты ступили на поверхность гигантского цилиндра, вмещавшего Город, а затем, пройдя сквозь какое-то здание, очутились на широкой бетонной дороге. Когда они шли по ней, у Билла возникло странное ощущение головокружения — взглянув вверх, он увидел в миле над собой оживленные улицы, по которым люди ходили вниз головой. Лежавшая перед ними дорога, обсаженная прекрасными деревьями, уходила вверх под небольшим углом и встречалась со своим началом над головами путешественников.

Центробежная сила, притягивавшая объекты к поверхности цилиндра, действовала точно так же, как земная гравитация, — за исключением того, что она была направлена от центра цилиндра, а не к его центру.

Откуда-то сверху, жужжа лопастями, появился сверкающий гелиокар, затем он опустился на резиновые колеса и покатился рядом. Из него выскочил молодой человек с военной выправкой, одетый в броскую красно-черно-золотую униформу, и четко отдал честь.

— Капитан Смит, — сказал он, — Принц желает немедленно видеть вас и ваших гостей в своем личном офисе.

Смит жестом пригласил Билла и капитана Бранда войти в роскошно отделанную кабину гелиокара. Билл, внимательно взглянув на торец огромного цилиндра, в первый раз заметил «Ред Ровер», корабль, доставивший их в Космический Город. Он висел рядом с массивным механизмом шлюза, поддерживаемый тяжелой металлической люлькой, и шахта лифта вела от него прямо к зданию, которое находилось у них за спиной.

— Смотрите, Бранд! — вырвалось у Билла. — Это же не голубой шар. Это вообще не тот корабль, с которым мы сражались!

Бранд взглянул в указанную сторону. Внешне «Ред Ровер» сильно напоминал погибший «Фьюри». Он имел узкий, сигарообразный корпус, заостренный на конце, длиной примерно двести футов, двадцати пяти футов в диаметре — почти вдвое больше «Фьюри». Корабль представлял собой не восьмигранник, а цилиндр и нес двадцать четыре трубки-двигателя, расположенные в виде двух колец на носу и корме корабля, по двенадцать штук вместо восьми, как у судов Лунного патруля.

Бранд обернулся к Смиту.

— Что это значит? — спросил он. — Где голубой шар? У вас что, два корабля?

На суровом лице Смита промелькнула улыбка.

— Вас ждут кое-какие открытия. Но лучше не заставлять Принца ждать.

Они взобрались в кабину гелиокара. Пилот прыгнул на место, зажужжали электромоторы. Машина легко покатилась вперед, завертелись лопасти, и гелиокар взмыл в воздух. Дорога, обрамленная зелеными садами и яркими коттеджами, понеслась «вниз», а дома на противоположной стороне приблизились. Оказавшись в центре цилиндра, молодой человек искусно развернул летательный аппарат, и они направились прямо к внушительному бетонному зданию, которое теперь оказалось «внизу».

Гелиокар сел; пассажиры вышли и направились к многоэтажному зданию, выделявшемуся среди остальных. У дверей дежурили охранники, облаченные в красное, черное и золотое, с лучевыми пистолетами наготове. Смит торопливо провел своих гостей мимо и ввел в длинную комнату с высоким потолком. Это оказалось великолепное, даже роскошное помещение. Стены были отделаны дорогими панелями из темного дерева, украшены несколькими прекрасными полотнами. В комнате почти не было мебели, только у дальней стены стоял тяжелый письменный стол. Из-за стола поднялся высокий молодой человек и быстро подошел к прибывшим.

— Мои гости, сэр, — сказал Смит. — Капитан Бранд с «Фьюри» и репортер.

— Загадочный мистер Кейн! — Билл открыл рот от удивления.

И верно — перед ним стоял мистер Кейн, высокий, стройный и гибкий молодой человек, с суровым, но не лишенным приятности смуглым лицом. В его загадочных черных глазах мелькала улыбка, но тем не менее в них легко могло загореться властное выражение.

— И мистер Вин... о, простите, вы просили меня называть вас Билл. Видно, от вас нелегко ускользнуть!

Продолжая загадочно улыбаться, мистер Кейн пожал руку Биллу, затем обменялся рукопожатием с капитаном Брандом.

— Но... неужели вы — Принц Космоса? — не верил Билл.

— Да. Кейн всего лишь, так сказать, nom de guerre[1]. Джентльмены, добро пожаловать в Космический Город!

— Значит, вы сами себя похитили?

— Мои люди прибыли за мной на «Ред Ровере».

— А доктор Трейнор и его дочь? — воскликнул Билл.

— Это мои друзья. Они здесь.

— А этот голубой шар? — спросил капитан Бранд. — Что это было?

— Вы видели, каким курсом он следовал?

— Он направлялся к земной орбите, и его курс пересекал орбиту Марса в точке, где планета находилась сорок дней назад.

Принц обернулся к Биллу:

— Ведь вам уже приходилось видеть нечто похожее на этот голубой шар?

— А ведь верно! Этот маленький круг на Марсе я видел в мощный телескоп в Башне Трейнора.

Невеселая усмешка скользнула по узкому смуглому лицу Принца.

— В таком случае, джентльмены, вы должны мне поверить. Земле угрожает ужасная опасность, исходящая с Марса. Голубой шар, который уничтожил ваш флот, — это марсианский корабль. Другой корабль инопланетян напал на «Геликон». Если не ошибаюсь, мне приписывают страшное преступление: высасывание крови пассажиров. — Улыбка его стала мрачной. — Одна из отрицательных сторон моего положения.

— Марсианские корабли? — повторил капитан Бранд. — Тогда каким образом мы оказались у вас?

— У меня нет орудий, способных соперничать с этими пурпурными атомными бомбами, хотя в настоящий момент мы работаем над неким новым устройством. Я приказал Смиту курсировать поблизости от голубого шара на «Ред Ровере», чтобы посмотреть, не узнаем ли мы чего-нибудь нового. Он обследовал разбитые корабли и нашел вас живыми.

— Вы действительно хотите сказать, что люди с Марса летят к Земле? — Капитан Бранд откровенно не верил услышанному.

---

[1] Псевдоним *(фр.)*.

— Не люди, — поправил Принц, улыбаясь. — Мы имеем дело с некими *существами*. Вообще говоря, они уже сели на Землю.

Он обернулся к столу и взял с него лист плотной бумаги.

— У меня есть цветная фотография.

Билл изучил рисунок, походивший на аэроснимок большого участка гор и пустыни: была видна однообразная серая равнина, местами испещренная зелеными и красными пятнами.

— Это фотография части мексиканского штата Чиуауа, сделанная из космоса. Смотрите!

Он указал на небольшой голубой диск, выделявшийся на серо-зеленом фоне прерии, неподалеку от узкого горного хребта и тонкой зеленой линии, означавшей реку.

— Этот голубой кружочек — первый прибывший на Землю корабль. Имеешо существа, летевшие на его борту, высосали кровь из пассажиров «Геликона».

Капитан Бранд пристально смотрел на своего собеседника, и на его красном лице с квадратным подбородком появилось странное выражение. Внезапно он заговорил:

— Ваше высочество, или как там мы должны звать вас...

— Называйте меня просто Принцем. Кейн не настоящее имя. Когда-то у меня было имя, но его больше нет!

Узкое смуглое лицо внезапно исказила боль, губы сомкнулись в тонкую линию. Принц провел ладонью по высокому лбу, словно для того, чтобы стереть какое-то неприятное воспоминание.

— Что ж, Принц. Я с вами. То есть если вам нужен офицер Лунного патруля! — Широкое лицо Бранда осветила скромная улыбка. — Я убил бы того, кто сказал бы мне, что я совершу нечто подобное. Но я буду сражаться вместе с вами так же, как когда-то сражался за честь патруля.

— Благодарю вас, Бранд! — Принц пожал капитану руку, снова улыбаясь.

— Меня тоже считайте, разумеется, — вставил Билл.

— Вы оба будете ценным пополнением, — сказал Принц.

Он взял пачку бумаг, быстро проглядел их, отметил что-то на одном из документов и добавил несколько слов.

— «Ред Ровер» отправляется на Землю через час, джентльмены. Мы собираемся неожиданно напасть на этот голубой шар в пустыне. Вы оба полетите с нами.

— Я тоже лечу! — раздался позади них женский голос, мягкий, с небольшой хрипотцой.

Билл узнал его и, обернувшись, увидел Паулу Трейнор; на ее прекрасном, словно у феи, лице сияла улыбка. Ее удивительные карие глаза были устремлены на Принца, и в глубине их на миг промелькнуло задумчивое, тоскующее выражение.

— Что ты, Паула, — возразил Принц. — Это опасно!

Золотистые глаза затуманились слезами.

— Я полечу! Я должна! Должна! — выкрикнула девушка, и в голосе ее послышалось рыдание.

— Ну хорошо, — согласился Принц, рассеянно улыбнувшись. — Конечно же, твой отец будет с нами. Однако с тобой может случиться все, что угодно.

— Но вы же тоже подвергнетесь опасности! — вскричала Паула.

— Мы отбываем через час, — напомнил Принц. — Смит, можете снова взять Бранда и Виндзора на борт «Ред Ровера».

— Будь проклято его отеческое безразличие! — вполголоса пробормотал Билл, когда они выходили через дверь, охраняемую часовыми. — Неужели он не видит, что она любит его?

Должно быть, Смит услышал слова журналиста — он обернулся и тихо произнес:

— Принц — упорный женоненавистник. Думаю, его жизнь разрушила несчастная любовная история, там, на Земле. Но он никому не рассказывает свою историю, даже не открывает своего имени. Мне кажется, дело было в женщине. Теперь он и смотреть на них не хочет.

Они снова оказались на улице, и Билла опять поразило удивительное зрелище — улицы с домами и деревьями, концы которых полого уходили вверх и встречались над головой, так что люди шли по тротуару вверх ногами.

Их ожидал гелиокар. Все трое забрались в кабину, и машина, поднявшись в воздух, быстро перенесла их к сереб-

ристому цилиндру «Ред Ровера», висевшему среди массивных механизмов шлюза, в торце огромного цилиндра, вмещавшего удивительный Космический Город.

— Я покажу вам ваши каюты, — сказал капитан Смит. — Через час мы вылетаем, чтобы атаковать марсиан в Мексике.

Глава 4
Вампиры в пустыне

Сорок часов спустя «Ред Ровер» вошел в земную атмосферу над Северной Мексикой. Стояла ночь, пустыня была погружена во тьму. Телескопы уловили лишь огни нескольких ранчо, расположенных так же уединенно, как два века тому назад.

Билл был на мостике, с капитаном Смитом.

— Голубой шар, уничтоживший ваш флот, тоже приземлился здесь, — сообщил капитан Смит. — Мы оба видели их, прежде чем наступила ночь. Они находятся рядом, и, по-видимому, между ними сооружена какая-то металлическая конструкция.

— Принц хочет атаковать? Несмотря на эти пурпурные атомные бомбы? — удивился Билл.

— Да. Шары находятся по другую сторону от невысокой горной цепи. Мы приземлимся на противоположной стороне, в дюжине миль от них, и застанем их врасплох на рассвете.

— Лучше нам быть поосторожнее, — недоверчиво произнес Билл. — Скорее это они застанут нас врасплох. Вам-то не случалось оказаться на мушке у одной из этих маленьких красных штук, летящих на белых лучах!

— У нас есть нечто вроде ракетной торпеды, которую сконструировал доктор Трейнор. Принц намеревается испытать ее на марсианах.

«Ред Ровер» быстро снижался под руководством своего опытного капитана. Казалось, прошло всего несколько минут, и вот уже черная тень Земли под ними внезапно превратилась в плоскую равнину, на фоне которой неясно вырисовывались очертания зарослей полыни и мескитовых деревьев. Тонкий серебристый цилиндр бесшумно опустился среди пустыни, под ясным небом, усыпанным сверкающими

звездами, — они показались Биллу едва заметными по сравнению с замечательным зрелищем, которое он видел из космоса.

За три часа до рассвета через шлюз с корабля сошли пять человек. Отряд вел сам Принц, за ним следовали капитаны Бранд и Смит, Билл и молодой офицер по имени Уокер. Каждый из них нес фонарь и лучевой пистолет. За спиной у мужчин ремнями были укреплены ракетные торпеды — гладкие белые металлические трубки длиной четыре фута и толщиной четыре дюйма, весом примерно восемьдесят фунтов.

Доктор Трейнор остался командовать кораблем. Они с дочерью вышли из шлюза в темноту, чтобы попрощаться со своими пятью отважными спутниками.

— Мы вернемся к вечеру, — сказал Принц, блеснув в темноте ровными зубами. — Ждите нас до этого времени. Если мы не придем, немедленно возвращайтесь в Космический Город. Я не хочу, чтобы кто-либо следовал за нами или предпринимал попытки спасти нас, если мы не вернемся. Если нас не будет здесь к завтрашнему вечеру, значит, мы мертвы.

— Очень хорошо, сэр, — кивнул Трейнор.

— Тогда я иду с вами, — внезапно заявила Паула.

— Это совершенно исключено! — воскликнул Принц. — Доктор Трейнор, я приказываю вам не отпускать дочь с корабля до нашего возвращения.

Паула быстро отвернулась — смутная тонкая белая фигурка, едва различимая в ночи. Билл уловил тихий всхлип; он понял, что девушка разрыдалась.

— Я не могу позволить вам идти на такое опасное дело без меня! — крикнула она почти истерическим голосом. — Не могу!

Принц поудобнее устроил на плече тяжелую торпеду и широкими шагами направился прочь от корабля. Остальные четверо молча последовали за ним. Они шли по голым камням на север, к невысокому скалистому склону, который смутно виднелся в свете звезд. Стройный космический корабль, старый ученый и его рыдающая дочь, стоявшие у двери шлюза, быстро исчезли из вида.

Лишь изредка осторожно зажигая фонари, пятеро мужчин пробирались по голой твердой земле, среди беспоря-

дочно расположенных зарослей мескитовых деревьев. Через некоторое время они наткнулись на застывший лавовый поток, когда-то принесший сюда огромные куски искореженной черной вулканической породы. Люди с трудом карабкались вверх по склону, обливаясь потом под тяжестью своего снаряжения, натыкаясь на колючие кактусы, спотыкаясь о валуны и кустарник.

Когда на востоке пурпурное небо окрасилось серебряными и розовыми красками рассвета, пятеро людей лежали на голой скале на вершине невысокого хребта, глядя вниз, на плоскую, покрытую мескитовыми зарослями долину. В свете утра земля казалась коричневато-зеленой, холмы, поднимавшиеся за горизонтом, были скрыты серо-голубой пеленой, смутно виднелись зеленые пятна на источенных временем склонах.

Словно изумрудное ожерелье, упавшее в долину, извивалась бесконечная лента тополей, светлая, ярко-зеленая листва выделялась на тусклом фоне равнины. Деревья росли вдоль берегов Рио-Касас-Грандес.

На фоне тополей, поднимаясь над их верхушками, лежали две огромные голубые сферы, сверкая в утреннем свете, словно шары лапис-лазури. Они располагались недалеко друг от друга, и между ними возвышалось странное куполообразное сооружение из серебристо-белого металла.

Все пятеро подняли оружие. Принц, оживленный и улыбающийся, несмотря на пыль и грязь, покрывавшие его после перехода через пустыню, обратился к остальным:

— Эта маленькая трубка наверху торпеды — телескопический прицел. Вам нужно посмотреть в него, навести перекрестье прямо на цель, затем нажать на этот никелированный рычаг. При этом снаряд, находящийся внутри, начнет вращаться в целях лучшей корректировки курса. Затем, убедившись, что вы точно навели орудие на цель, нажмите на красную кнопку. Торпеду выбросит из ствола при помощи сжатого воздуха, и механизм, основанный на положительных лучах, доставит ее точно к цели. Когда торпеда попадет в цель, пятьдесят фунтов новой взрывчатки доктора Трейнора, *трейнита*, взорвутся и уничтожат ее. Уокер, вы и Виндзор возьмете на себя правый шар. Смит и Бранд — левый. Я буду стрелять в эту странную конструкцию между ними.

Билл устроил поудобнее свою торпеду, взглянул в прицел и нажал на рычаг. В тяжелой трубке послышалось жужжание мотора.

— Все готовы? — спросил Принц.

— Готовы, — прозвучали четыре голоса.

— Огонь!

Билл нажал на красную кнопку. Трубку с силой отбросило назад, а затем в руках у него осталась лишь легкая оболочка из листового металла. Он увидел вдалеке крошечный белый огонек, уменьшающуюся точку на фоне голубого шара. Это был лучевой мотор, который нес его торпеду к цели.

Огромные огненные вспышки скрыли лазоревые сферы и белый купол, соединявший их. Сферы и купол обрушились и исчезли, и над их остатками повисла тонкая завеса голубоватого дыма.

— Отличные выстрелы! — воскликнул Принц. — После этой моторной торпеды Трейнора бóльшую часть старого стрелкового оружия можно было бы сдать в музей — если бы мы захотели поделиться с человечеством такой опасной игрушкой. Но давайте подойдем поближе и посмотрим, что произошло.

Подхватив лучевые пистолеты, они вскочили на ноги и устремились к каменистому склону. До реки было пять миль. Примерно через два часа пятеро мужчин выскользнули из мескитовых зарослей и взглянули через открытую, поросшую травой равнину туда, где в двухстах ярдах от них текла река, окаймленная зеленой лентой деревьев.

На земле валялись огромные кучи обломков. Справа и слева виднелись груды искореженных кусков блестящего серебристого металла — очевидно, остатки сфер. Посередине лежала еще одна куча скрученного и погнутого металла — все, что осталось от куполообразного здания.

— Забавно. Сейчас эти голубые шары выглядят как обыкновенный белый металл, — заметил Смит.

— Интересно, а может быть, эта голубая штука — какой-то эфирный экран? — предположил Бранд. — Когда мы сражались с ними, наши лучевые орудия не причиняли их кораблям вреда. Мне пришло в голову, что их защищает какая-то колебательная преграда.

— Возможно, — согласился Принц. — Мы обсудим это предположение с Трейнором. Если у них есть такой экран, то он препятствует также воздействию гравитационного поля. Очень удобно для маневрирования.

Разговаривая, они осторожно приближались к обломкам, время от времени останавливаясь, чтобы подобрать небольшие куски, разбросанные взрывом вокруг.

Внезапно Билл уловил за грудой металла, в которую превратился белый купол, какое-то движение. Ему показалось, что из-под развалин быстро вырастает зеленое растение. Выстрелили удивительные зеленые щупальца. Затем он заметил на верхушке искривленного ствола пурпурный отросток, чем-то напоминающий глаз.

При виде этого зрелища журналист застыл в изумлении, навел на существо смертоносный лучевой пистолет и крикнул: «Берегитесь!»

Но прежде чем крик его замер в воздухе, прежде чем остальные успели обернуться, среди переплетающихся зеленых ветвей блеснуло что-то металлическое. Существо поднимало какой-то предмет.

Затем Билл увидел, как из блестящего металлического устройства в зеленых лапах вылетела крошечная пурпурная искра. Перед глазами мелькнула ослепительная фиолетовая вспышка, и Билл внезапно потерял сознание.

Очнувшись, он понял, что лежит на спине на камнях. Он чувствовал себя избитым и измотанным, правый глаз распух так сильно, что открыть его было невозможно. Попытавшись сесть, Билл обнаружил, что руки и ноги его скованы окровавленными наручниками незнакомой конструкции. Рядом с ним на боку лежал капитан Бранд, полускрытый слабой тенью мескитового дерева. Бранд выглядел измученным и взъерошенным; по лицу его струилась кровь из раны на голове. Руки и ноги его также были скованы кандалами из белого металла.

— Что произошло? — едва выговорил Билл.

— Не так громко, — прошептал Бранд. — Думаю, эта тварь — оставшийся в живых марсианин. Должно быть, прятался где-то там, в кустах, когда мы стреляли. Он напал на нас с атомной бомбой. Смит и Уокер мертвы — их разнесло на куски.

— А Принц?

— Я могу сам за себя ответить.

Услышав знакомый негромкий голос, Билл обернулся и увидел Принца — тот сидел на корточках под палящим солнцем, руки и ноги его были скованы, шляпа слетела, лицо покрывали кровь и грязь.

— Что это было — эта зеленая штука? — спросил Билл.

— Похоже на какое-то ожившее растение, — ответил Принц. — Пучок зеленых щупалец вместо рук. Три пурпурных глаза на зеленых ножках. И немного тела, чтобы скрепить все это вместе. Ничего похожего я в жизни не видел. Но марсиане, развивавшиеся при других условиях, должны выглядеть иначе, чем люди.

— А что теперь станет с нами? — спросил Билл.

— Вероятно, оно высосет из нас кровь, как из пассажиров «Геликона», — мрачно предположил Бранд.

Виндзор смолк. Было около полудня. Солнце пустыни палило изо всех сил. Неподвижный воздух был сухим, обжигающе горячим; над кровоточащими ранами жужжали назойливые мухи. Ныли запястья и щиколотки, сдавленные кандалами.

— Хоть бы тварь эта вернулась и поскорее покончила с нами, — пробормотал Бранд.

Билл с удовлетворением размышлял о том, что у него не осталось родных, которые будут горевать о его кончине. Он не слишком боялся смерти. Работа газетчика в двадцать втором веке мало напоминала рутину; репортер-ветеран привык к опасностям.

— Я рад, что никто не будет волноваться из-за меня, — заметил он.

— Я тоже, — горько произнес Принц. — Я лишился всех своих близких много лет назад.

— Но у вас есть близкий человек! — воскликнул Билл. — Это не мое дело, но сейчас уже все равно. Как глупо, что вы не видите этого. Паула Трейнор любит вас! Ваша гибель убьет ее!

Принц поднял взгляд, и на его худом смуглом лице, под грязью и кровью, мелькнула горькая усмешка.

— Паула — влюблена в меня?! Мы друзья, разумеется. Но любовь! Когда-то я верил в любовь. Я не всегда был безымянным изгнанником, скитальцем космоса. Когда-то у

меня было имя, семья, даже богатство и положение в обществе. Я доверил свое имя и честь красивой женщине. Я любил ее! Она говорила, что любит меня, и я верил, что это правда. Но она лишь воспользовалась мной как ступенькой. Я был доверчив; она была умна.

В темных глазах Принца загорелся неистовый гнев.

— Когда я стал ей больше не нужен, она оставила меня позорно умирать. Я едва спасся. Она отняла у меня мое имя, состояние, положение. Она сделала меня изгоем, стоящим вне закона. Она выставила меня предателем перед теми, кто мне доверял, а потом посмеялась надо мной. Она смеялась надо мной и называла меня глупцом. Да, я был глупцом — но больше этого не случится!

Сначала я был полон гнева на весь мир, на несправедливые законы, глупые условности, жестокость и нетерпимость людей. Я стал космическим пиратом. Парией. Я сражался со своим собственным народом. Отчаянно сражался за власть.

На несколько минут он погрузился в мрачное молчание, отгоняя мух, которые вились над кровавыми ранами.

— И я получил власть. Затем я узнал об опасности, исходящей с Марса. Сначала я обрадовался. Обрадовался тому, что увижу, как будет сметено с лица земли человечество. Люди казались мне какими-то паразитами. Насекомыми. Что такое жизнь, как не бесконечный распад на пылинке, летящей в бесконечность? Затем я взглянул на вещи более здраво, построил Космический Город, чтобы спасти горстку людей. После этого мне показалось, что эта горстка обладает благородными чертами, и я решил попытаться спасти весь мир.

Но уже слишком поздно. Мы проиграли. И с меня довольно любви, довольно женщин с их нежными, соблазнительными телами, с их сладкими лживыми голосами и бессердечными расчетами.

Принц впал в угрюмое молчание и лежал неподвижно, не замечая круживших вокруг мух. Некоторое время спустя Бранд ухитрился, несмотря на наручники, выудить из кармана пачку сигарет, вытащил одну и бросил остальное Биллу, который смог зажечь сигарету для Принца.

Трое узников сидели под безжалостным солнцем, в невыносимом пекле, курили и пытались забыть о жаре, мухах и отвратительных кандалах. И о смерти, которая витала совсем близко...

Вскоре после полудня Билл услышал негромкое шуршание за мескитовыми деревьями. Мгновение спустя появился марсианин. Это было гротескное, наводящее страх существо. Дюжины зеленых щупалец, тонких, извивающихся, росли из небольшого тела. Три пурпурных глаза, лишенных век, смотрели пристально с чуждым, зловещим выражением с отростков длиной в фут, поднимавшихся над телом. Существо передвигалось при помощи зеленых выростов, хватаясь за ветви. В одной из этих «рук» толщиной дюйм оно держало странный инструмент из блестящего хрусталя и белого металла — эта незнакомая сверкающая вещь напоминала лучевой пистолет. К другому щупальцу было прикреплено маленькое металлическое кольцо, с которого свисал небольшой странного вида брусок.

Тварь приблизилась к Принцу. Билл предупреждающе крикнул. Принц заметил врага, перекатился по земле, отчаянно пытаясь уползти. Существо вытянуло тонкое щупальце длиной в несколько ярдов и, схватив человека за шею, подтащило его к себе.

Еще миг — и кошмарный монстр, словно извивающаяся зеленая масса, навис над беспомощным пленником. Лишь один раз тот отчаянно вскрикнул, затем наступила тишина, прерываемая громкими, отрывистыми вздохами. Мускулы его сокращались — он боролся, отчаянно пытаясь вырваться из оков и щупалец монстра.

Билл и капитан Бранд лежали, не в силах ни бежать, ни помочь несчастному. Они наблюдали эту сцену в безмолвном ужасе. Они увидели, что каждое тонкое зеленое щупальце заканчивается присоской с острыми краями. Присоски вгрызлись в горло несчастной жертвы, продираясь через ткань к телу. Билл и Бранд видели сокращения, проходящие по зеленым щупальцам, словно сделанным из резины,— они высасывали кровь, и на краях присосок выступили капли алой жидкости.

— Скоро наша очередь, — пробормотал капитан Бранд.

— А после нас настанет очередь всего мира! — выдохнул Билл, напрягшийся всем телом от ужаса.

Среди тусклых зеленых листьев мескитового дерева блеснул узкий белый, ослепительно-яркий луч. Он поколебался и уперся в монстра. Тот, не издав ни звука, подпрыгнул и упал рядом с телом Принца. Враг поднял свое странное оружие, и из него вырвалась крошечная пурпурная искра.

Неподалеку раздался грохот и тонкий крик — крик женщины.

Затем белый луч снова ужалил монстра, и враг рухнул на тело Принца, превратившись в корчащуюся груду зеленых змей.

Из-за куста выбежала стройная девушка, отшвырнула в сторону лучевой пистолет и бросилась на чудовище, пытаясь оттащить его от Принца. Разумеется, это была Паула Трейнор. В изорванной одежде, вся покрытая кровоточащими царапинами — она, очевидно, пробежала многие мили по пустыне, среди камней, кактусов и колючего кустарника,— Паула была явно измождена, но с отчаянной энергией бросилась спасать раненого.

Тело зеленой твари оказалось довольно легким, но присоски никак не отрывались от тела. Они раздирали плоть, когда девушка тянула за них. Она изо всех сил пыталась оторвать их, то всхлипывая, то истерически смеясь.

— Если бы вы освободили нас, мы бы могли помочь вам,— предложил Билл.

Девушка подняла голову; на лице ее появилось жалобное выражение.

— О, мистер Билл! Капитан Бранд! Он мертв?

— Думаю, что нет, мисс Паула. Эта тварь только что прыгнула на него. Поспешите!

— Видите этот маленький брусок? Похоже на серебро или алюминий, он прицеплен к металлическому кольцу на щупальце,— сказал Бранд.— Возможно, это ключ от наших наручников. Мне кажется, конец у него как раз подходящей формы. Может, вы попробуете им воспользоваться?

В нервной спешке девушка оторвала брусок от кольца. С помощью Бранда она смогла открыть его наручники. Капитан, не теряя времени, освободил Билла и снял оковы с бесчувственного Принца.

Тонкие щупальца, похожие на резиновые, никак не отрывались от плоти. Бранд перерезал их ножом. Они оказались жесткими и волокнистыми. Из разрезов хлынула алая кровь.

Билл отнес раненого в тень тополей, принес ему в шляпе воды из грязного ручейка, протекавшего внизу. Через несколько минут Принц пришел в сознание, но был еще очень слаб из-за потери крови.

Капитан Бранд, убедившись, что Паула прикончила марсианина и что он был единственным выжившим после гибели голубых шаров и металлического купола, отправился в поход через горы за кораблем.

Вечером, когда на горизонте показался «Ред Ровер» — прекрасный, стройный серебристый цилиндр на сияющем золотом и пурпуром фоне пустынного заката, — Принц Космоса, прихрамывая, расхаживал вокруг, опираясь на руку Билла, и исследовал остатки марсианских кораблей.

Паула неотступно следовала за ним, готовая помочь. Билл заметил боль и отчаяние в ее карих глазах. Она поддерживала голову Принца, пока тот приходил в сознание. Ее губы были совсем близко к его губам, и на ее прекрасном лице сверкали слезы.

Билл видел, как Принц оттолкнул ее, затем немногословно поблагодарил, узнав, что она сделала для него.

— Паула, ты принесла огромную пользу человечеству, — услышал Билл.

— Я сделала это вовсе не для человечества! Я сделала это для вас! — с отчаянием в голосе воскликнула девушка.

Она отвернулась, чтобы скрыть слезы. А Принц ничего больше не сказал.

«Ред Ровер» приземлился неподалеку от остатков марсианских кораблей. Проведя несколько часов за изучением и фотографированием обломков, собрав образцы белого сплава, из которого они состояли, и других материалов, люди отправились обратно на корабль, забрав с собой убитого марсианина и еще несколько объектов для более подробного исследования. Бранд поднялся в верхние слои атмосферы.

— Капитан Бранд, — обратился к нему Принц, когда они стояли на мостике, — после капитана Смита, погибшего сегодня утром, я считаю вас самым искусным офицером-кос-

монавтом в моем экипаже. Отныне вы командир «Ред Ровера», а Харрис и Винсент будут вашими помощниками. Перед нами стоит великая задача. Битва, выигранная нами, — это лишь первая партия в игре, от которой зависит судьба Земли.

Глава 5
Сокровище «Тритона»

— Мне необходимо самое меньшее две тонны виталия, — сказал Принц Космоса Биллу, когда журналист после двадцати часов отдыха пришел на мостик.

Принц был бледен и слаб от потери крови, но, видимо, марсианин не заразил его никакими инфекциями.

— Две тонны виталия! — воскликнул Билл. — Ничего себе запросы! Сомневаюсь, что на рынке вообще имеется такое количество этого металла, обладай вы даже всеми богатствами Конфедерации, чтобы купить его.

— Он нужен мне, и немедленно! Я намереваюсь оснастить «Ред Ровер» для полета на Марс. Именно такое количество виталия необходимо для сооружения батарей.

— Мы летим на Марс?!

— Человечество может выжить, только если мы нанесем по врагам удар, и смертельный удар!

— Если бы мир знал об опасности, мы могли бы получить помощь.

— Именно здесь на сцене появлятесь вы. Я уже говорил вам, что мне может потребоваться ваше содействие. Ваша задача — поведать обо всем общественности. Мне нужно, чтобы человечество узнало об опасности, угрожающей ему с Марса. Расскажите обо всем убедительно, так, чтобы это звучало серьезно! Говорите все, что хотите, только не упоминайте о Принце Космоса. У нас имеется заспиртованное тело напавшего на меня марсианина. Вы также можете подтвердить правдивость своего рассказа, предъявив обломки, найденные в пустыне. Сегодня вечером я высажу вас в Нью-Йорке, на Башне Трейнора. У вас будет двадцать четыре часа на то, чтобы оповестить обо всем мир и раздобыть две тонны виталия. Это жизненно важно!

— Задача не из легких, — с сомнением заметил Билл. — Но я сделаю все, что в моих силах.

«Ред Ровер» устремился с черного неба вниз, к ночному городу, похожему на яркий, мерцающий миллионами огней ковер, и на несколько мгновений застыл над Башней Трейнора. Когда он скользнул прочь, Билл стоял в одиночестве на крыше самого высокого здания на Земле с пачкой рукописей в кармане — это была работа многих часов; рядом с ним лежал громоздкий сверток, содержавший заспиртованное тело злобного чудовища с Марса.

Журналист поднял люк, предусмотрительно оставленный открытым, взял свой сверток и спустился вниз по лестнице в обсерваторию. За большим телескопом сосредоточенно трудился какой-то человек — телескоп был направлен на Марс. Человек понимающе взглянул на Билла и кивнул в сторону лифта.

Через полчаса Билл уже демонстрировал содержимое пакета и свою рукопись ночному редактору «Геральд Сан».

— Это величайшая сенсация столетия! — восклицал он. — Марсиане атакуют Землю! «Геликон» был захвачен именно марсианским кораблем. В этой коробке — тело одного из враждебных существ.

Изумленный редактор счел, что ведущий репортер попал в какую-то жуткую переделку, в результате чего его рассудок повредился. Он скептически выслушал довольно близкий к истине рассказ Билла об экспедиции кораблей Лунного патруля и о сражении с голубыми шарами. Билл избегал упоминания о Космическом Городе и его таинственном правителе, но дал понять, что «Фьюри» протаранил один из шаров и тот упал в пустыне. Закончил он вымышленным рассказом о загадочном ученом, забравшем его на свой корабль и поведавшем ему о врагах с Марса; этот ученый якобы послал его, Билла, собрать две тонны виталия, чтобы снарядить корабль для экспедиции на Марс. Журналист потратил немало времени, сочиняя свой рассказ; он был уверен, что его вымысел звучит не менее правдоподобно, чем поразительная правда о Принце Космоса и его чудесном городе.

Редактор в конце концов поверил ему, причем здесь сыграла роль скорее вера в честность Билла, чем вид зеленого монстра, куски неизвестного белого металла и фотографии, которые тот представил в качестве доказательств. Редактор запросил по радио самолет из Эль-Пасо в Техасе,

чтобы обследовать место крушения. Когда сообщение Билла подтвердилось, «Геральд Сан» выпустила экстренное сообщение, содержавшее полный отчет Билла, фотографии мертвого монстра и научное описание остальных доказательств. Газета призывала собрать две тонны виталия, чтобы дать возможность неизвестному ученому атаковать марсиан и спасти Землю.

Эта история наделала много шуму во всем мире. Немало людей поверило Биллу. «Геральд Сан» получила полмиллиона долларов на покупку виталия — сумму, достаточную для того, чтобы приобрести около одиннадцати унций драгоценного металла.

Бóльшая часть человечества посмеялась над рассказом о марсианах. Говорили, что Билл сошел с ума. Говорили, что «Геральд Сан» пытается увеличить число подписчиков с помощью смехотворной утки. Хуже того, Билла обвиняли в том, что он, в соучастии с редакцией знаменитой газеты, воспользовался обнаружением какого-то неизвестного существа в отдаленном уголке планеты для грандиозного мошенничества, имевшего целью захватить огромное количество виталия.

Обследование показало, что объекты, остатки которых были найдены в пустыне, были разрушены в результате взрыва, а не падения. На «Геральд Сан» наложили судебный запрет, чтобы воспрепятствовать сбору денег; Билла арестовали бы, но он предусмотрительно скрылся в Башне Трейнора.

И наконец появились слухи, что за всем этим стоит пират Принц Космоса, — возможно, эти слухи возникли потому, что основным объектом грабежей Принца был именно виталий. Конкурирующая газета утверждала, что пират скорее всего захватил Билла в плен и послал его на Землю, чтобы провернуть мошенничество.

Страсти в обществе достигли такого накала, что награда за поимку Принца Космоса, живым или мертвым, возросла от десяти до пятнадцати миллионов долларов.

Спустя двадцать четыре часа после того, как Билл приземлился на Башне Трейнора, он снова очутился там, ожидая «Ред Ровер»; в небе ярко сверкали звезды, внизу раскинулся гигантский огненный ковер Нью-Йорка. Узкий серебристый корабль плавно снизился над башней и завис рядом

с витролитовым куполом, а чьи-то сильные руки помогли Биллу забраться в шлюз. Внутри корабля Билл встретился с Принцем — тот ждал с вопросительным видом.

— Полный провал, — безнадежно проворчал журналист. — Никто мне не поверил. А в городе для меня стало слишком жарко. К счастью, мне удалось ускользнуть.

Принц горько усмехнулся, слушая рассказ репортера о его попытке привлечь человечество на свою сторону.

— Я ожидал чего-то в этом духе, — сказал он. — Люди всегда остаются людьми. Возможно, для космоса было бы лучше, если бы марсиане уничтожили этот старый мир. Может быть, они смогут создать на его месте нечто более совершенное. Но я хочу дать человечеству шанс — если смогу. Надеюсь, что через миллион лет человек станет лучше.

— Значит, у нас еще есть шанс? Даже без виталия? — с надеждой воскликнул Билл.

— Нет, без виталия мы бессильны. Нам нужно попасть на Марс. И мы должны добыть металл для корабля. Но мне уже приходилось испытывать нужду в виталии, а купить его я не мог. И я брал его.

— Вы имеете в виду пиратство?

— А разве я не Принц Космоса — «печально известный межпланетный пират», как вы окрестили меня в своей газете? И разве ради того, чтобы принести добро многим, нельзя отнять сокровище у кучки богачей? Разве я не могу забрать несколько фунтов металла у богатой корпорации, чтобы спасти Землю и человечество?

— Я уже говорил вам, что вы можете считать меня членом своей команды, — ответил Билл. — Просто эта идея немного революционна.

— Пока вы были в Нью-Йорке, мы не тратили времени зря. У меня есть свои способы узнавать о транспортировке виталия с Луны. Мы выяснили, что космический корабль «Тритон» вылетает на Землю через двадцать часов, груженный запасами виталия, добытыми за три месяца в кратере Кеплера. Там должно быть больше двух тонн.

Тридцать часов спустя «Ред Ровер» дрейфовал на лунной трассе, выключив лучевые трубки и погасив все огни. Дежурные у телескопов изучали небо вокруг Луны в поисках белых отражательных лучей «Тритона» и его конвоя.

Билл был на мостике с капитаном Брандом. Бранд вглядывался в окуляры телескопов, наблюдал за показаниями приборов, отдавал четкие приказания в переговорную трубу, и в глазах его горел хищный огонек.

— Каково оказаться в роли пирата, — спросил Билл, — проведя столько лет в погоне за ними?

Капитан Бранд ухмыльнулся.

— Знаете, — сказал он, — я хотел стать пиратом с тех пор, как мне исполнилось четыре года. Разумеется, мне не представилось такой возможности, и я выбрал путь, оказавшийся ничем не хуже, и стал гоняться за ними. Я не слишком горюю о том, что произошло. Но мне жаль старых друзей из Лунного патруля. Кто-то сегодня получит пару царапин!

— А возможно, это будем мы, — возразил Билл. — «Тритон» летит в сопровождении конвоя из нескольких боевых кораблей, и он может сражаться с помощью своих лучевых трубок. Мне кажется, он будет твердым орешком.

— Когда-то я размышлял, как бы захватил корабль, будучи на месте Принца Космоса, — сказал капитан Бранд. — Я только что обсудил с ним наши действия. Мы разработали план.

Через час на мостик вошли Принц и доктор Трейнор. Следом за ними появилась Паула. Ее лицо было искажено; страдание даже погасило блеск карих глаз. Она с нетерпением спросила Принца, как он себя чувствует.

— О, да почти так же, как обычно, спасибо, — небрежно ответил молодой человек.

Но, должно быть, Принц заметил ее бледность и очевидное уныние. На мгновение глаза их встретились, затем он быстро шагнул к девушке. Билл понял, что под влиянием порыва нежности Принц почти готов отбросить свой горький цинизм. Но он овладел собой и лишь коротко сказал:

— Мы готовимся к бою, Паула. Возможно, лучше будет, если ты останешься в своей каюте до тех пор, пока все не закончится.

Девушка молча повернулась и вышла из помещения. Билл подумал, что она споткнулась бы и упала, если бы сила тяжести была достаточно велика, чтобы упасть.

Через несколько минут впереди на фоне звезд, совсем рядом с огромным, усеянным кратерами золотым лунным диском, появилась кучка мигающих огоньков.

— «Тритон» и его конвой! — крикнули дежурные у телескопов.

— Всем занять свои места и подготовиться к бою! — приказал капитан Бранд.

— Прямо по курсу два корабля Лунного патруля, летят в пятидесяти милях друг от друга, — последовал доклад. — В ста милях за ними «Тритон», еще два корабля патруля сзади от него на расстоянии двадцати пяти миль, между ними — пятьдесят миль.

Бранд что-то сказал Принцу, тот кивнул. Бранд отдал приказ:

— Погасить все огни. Ведите корабль при помощи гироскопов, пока наша задняя батарея не окажется напротив переднего правого патрульного корабля, а носовая не будет направлена на другой корабль.

Снизу послышалось жужжание электромоторов. Корабли развернулись, продолжая держаться перед приближающимся «Тритоном».

— Все готовы, сэр, — донесся голос из переговорного устройства.

Прошло несколько тревожных минут. Затем невидимый «Ред Ровер», бесшумно двигаясь, очутился прямо между двумя передними кораблями патруля, на расстоянии примерно двадцати пяти миль от каждого из них.

— Откройте непрерывный огонь из всех орудий, передних и задних, пока не увидите, что противник обезврежен,— приказал Бранд. Принц что-то сказал ему, и он добавил: — Не причинять ненужного ущерба.

Из трубок вырвались слепящие белые лучи и мгновенно поразили два передних корабля. Узкие серебристые восьмигранники засияли белым светом. Они закружились, завертелись вокруг своей оси под страшным давлением потока атомов. Мгновение спустя корабли засветились тускло-красным светом, быстро сменившимся белым. Вокруг них возникло голубоватое сияние — это был электрический разряд, несомый атомами, способный убить человека, оказавшегося на пути смертоносных лучей.

Огненные белые лучи сверкнули со стороны трех оставшихся кораблей, рыская в поисках «Ред Ровера». Но Бранд уже приказал выключить трубки, и противник не мог найти цель. Два атакованных судна превратились во вращаю-

щиеся груды бесполезного металла и полностью вышли из строя, хотя бо́льшая часть их экипажа выжила, укрытая в своих изолированных каютах.

Сам Принц отдал приказ в переговорную трубу:

— Маневр номер сорок один. Летите к «Тритону».

Перемещаясь попеременно при помощи передних и задних двигателей, «Ред Ровер», следуя странным зигзагообразным курсом, направился к грузовому кораблю. Вращаясь и описывая неправильные дуги, он представлял собой исключительно трудную мишень.

И дважды во время каждого поворота, в то время, когда ось его оказывалась параллельной «Тритону», он палил из всех орудий, и от ударов грузовой корабль вращался и раскачивался, покрытие его частично расплавилось, было покорежено и разбито.

Трижды лучи противника на мгновение останавливались на «Ред Ровере», но его удивительные маневры, которые явно были давно отработаны командой, помогали ему двигаться настолько необычным курсом, что лучи били мимо цели.

Когда пиратский корабль приблизился к «Тритону», тот беспомощно дрейфовал, лишенный всех своих трубок. «Ред Ровер» пролетел мимо, продолжая вращаться с головокружительной скоростью, пока не оказался между двумя оставшимися боевыми кораблями.

— Стоп! — крикнул Принц. — Огонь из всех орудий, передних и задних.

Две батареи с ужасной силой выстрелили ослепительными опаловыми лучами. Поскольку «Ред Ровер» находился между двумя кораблями, они неизбежно обстреливали друг друга. Пушки пирата, стрелявшие в противоположных направлениях, помогали ему сохранять равновесие и неподвижность, в то время как выстрелы его, попадавшие прямо в цель, заставляли конвойные корабли вращаться вокруг своей оси.

Ослепительная вспышка затмила витролитовые панели, прочные стенки «Ред Ровера» застонали под напором потока атомов. Мгновение — и они раскалятся, начнут размягчаться и рушиться. Или сгорит изоляция — и электрический ток убьет его пассажиров.

Враг был не в лучшем состоянии. Белые лучи пиратского корабля поразили его раньше, и нацелены они были более точно. Это было состязание в выносливости.

Внезапно опаловые струи, заливавшие пирата, исчезли. Билл, пристально вглядевшись в усыпанное звездами небо, увидел, что два патрульных корабля бешено вращаются под натиском вражеских лучей и их искореженные корпуса раскалены добела.

Несколько минут спустя «Ред Ровер» уже был состыкован с «Тритоном», удерживаясь рядом с поврежденным грузовым кораблем при помощи электромагнитов. Шлюз пиратского корабля открылся, и из него вышли несколько человек в металлических вакуумных костюмах, вооруженные лучевыми пистолетами, спасательным оборудованием и сварочными аппаратами. Во главе их шел Принц.

Через час «Ред Ровер» несся через пространство на полной скорости. Принц Космоса находился на мостике в компании Билла, капитана Бранда, доктора Трейнора и Паулы. Билл видел, что девушка трогательно радуется тому, что Принц остался невредим, а тот едва смотрит на нее.

— У нас есть две тонны виталия, — сообщил Принц. — Точнее, примерно сорок шесть сотен фунтов. С их помощью мы легко получим энергию, требуемую для полета на Марс. Металл у нас есть — осталось только благополучно скрыться вместе с ним.

— Значит, опасность не миновала? — взволнованно спросила Паула.

— Нет. Бóльшая часть команды «Тритона» осталась в живых. Когда я вручил капитану свою карточку, он сообщил мне, что они послали гелиографический сигнал SOS, как только мы на них напали. Так что скоро на хвосте у нас окажутся сорок—пятьдесят кораблей Лунного патруля.

«Ред Ровер» мчался вперед, включив моторы на полную мощность. Некоторое время спустя дежурные заметили позади дюжину крошечных мерцающих огоньков. Лунный патруль вышел на охоту.

— Мои старые друзья, — заметил капитан Бранд. — Каждый из них жизнь отдаст, лишь бы увидеть нас за решеткой. И думаю, что все они воображают себя обладате-

лями части из этих пятнадцати миллионов награды! Лунный патруль никогда не сдается и никогда не признает себя побежденным.

Текли часы, полные напряженного, тревожного ожидания, из каждой батареи выжимали максимальную мощность, каждая лучевая трубка работала на пределе возможностей.

Паула находилась на мостике, встревоженная и озабоченная здоровьем Принца (он по-прежнему был бледен и слаб после приключения в пустыне), пока тот, очевидно заметив, как она устала и встревожена, не отослал ее в каюту отдыхать. Она удалилась в слезах.

— Если они догонят нас, мы не сможем выиграть бой, сказал капитан Бранд. — Мы способны победить четыре корабля, но не сорок.

Время ползло медленно. «Ред Ровер» летел мимо Луны таким курсом, чтобы не привести преследователей к Космическому Городу. Максимальное ускорение его немного превышало ускорение кораблей патруля, так как он обладал большим числом моторных трубок значительной мощности. Постепенно он начал отрываться от преследователей.

Наконец мерцающие позади огоньки исчезли.

Но «Ред Ровер» продолжал еще много часов лететь по прямой на максимальной скорости и лишь затем наконец развернулся и осторожно направился к надежно скрытому Космическому Городу. Корабль благополучно добрался до города и вошел в шлюз. И снова Билл увидел удивительный город, расположенный на внутренней стороне вращающегося цилиндра. Он наслаждался необычной прогулкой по улице длиной в три мили, которая, огибая цилиндр, приводила его к тому месту, откуда он отправился в путь.

Оснащение «Ред Ровера» и подготовка к путешествию на Марс заняли неделю. Моторные лучевые трубки были переоборудованы, корабль оснастили дополнительными виталиевыми генераторами. Драгоценный металл, добытый на «Тритоне», был использован для постройки новых батарей, обеспечивающих корабль энергией для длительного путешествия. На борт взяли значительные запасы воды, пищи и сжатого кислорода, а также оружие и разнообразное научное оборудование.

— Мы отправляемся на Марс через тридцать минут, — сообщил капитан Бранд Биллу, когда сигнал гонга созвал всю команду на борт.

Глава 6
Алая звезда войны

«Ред Ровер», пройдя через огромный шлюз, покинул Космический Город и направился к Марсу. Названная в честь бога войны охряно-красная звездочка висела перед ним среди тьмы, усыпанной серебристой пылью, на фоне слабо светящегося созвездия Козерога. Принц Космоса, изгнанный с родной планеты, спешил к Марсу в отчаянной попытке спасти Землю от вторжения инопланетян.

Алая точка Марса застыла, казалось, почти над ними, над центром витролитового купола, закрывавшего помещение.

— Но мы летим не прямо к планете, — объяснял Биллу капитан. — Необходимо учитывать ее орбитальную скорость. Мы двигаемся к точке, в которой она окажется через двадцать дней.

— Мы сможем добраться туда за двадцать дней? Со скоростью три миллиона миль в день?

— Легко, если нам хватит виталия и мы не столкнемся с каким-нибудь метеоритом. Для скоростей в космосе нет предела, практически никаких ограничений. Самое важное — это ускорение.

— Вы говорите, мы можем столкнуться с метеоритом? Эта опасность существенна?

— Довольно-таки существенна. Метеориты перемещаются в виде скоплений, которые движутся вокруг Солнца по правильным орбитам. У нас есть подробные карты расположения тех скоплений, орбиты которых пересекаются с траекториями движения Земли и Луны. Но сейчас мы вступаем на незнакомую территорию. Разумеется, большинство метеоритов настолько малы, что ни один телескоп не сможет вовремя их обнаружить. Это просто галька небольшого размера, движущаяся со скоростью, в дюжину раз превышающей скорость пули, выпущенной из древней винтовки.

— А что мы будем делать, если целыми и невредимыми доберемся до Марса?

— Это серьезный вопрос! — ухмыльнулся Бранд. — Вряд ли мы сможем очистить планету с помощью моторных трубок. И нескольких ракетных торпед Трейнора явно недостаточно, чтобы произвести большое впечатление на воинственных жителей. Но Принц и Трейнор сидят в лаборатории и работают без устали. Над новым оружием, как я понимаю. Не знаю, что из всего этого выйдет.

Билл спустился по лестнице в лабораторию. Он нашел Принца Космоса и доктора Трейнора погруженными в работу. Наблюдая за ними, он мало что понял; они проводили какие-то эксперименты с небольшими животными, зелеными растениями и образцами виталия. Билл видел, что они используют в экспериментах ток высокого напряжения, электронно-лучевые трубки и источники различного рода лучей.

Заметив его интерес, Принц сказал:

— Вы знаете, что следы виталия впервые были обнаружены в составе витаминов. По-видимому, этот металл является основой жизни. Именно наличие небольшого количества виталия в хлорофилле позволяет зеленым листьям растений преобразовывать солнечную энергию. Мы пытаемся установить природу движущей силы, управляющей жизнью; похоже, дело в радиоактивности виталия. Мы уже продвинулись довольно далеко и надеемся, что окончательный успех даст нам в руки мощное оружие.

Паула тоже работала в лаборатории; она была способным и энергичным ассистентом, поскольку с самого детства помогала отцу в его экспериментах. Билл заметил, что девушка становилась счастливой лишь рядом с Принцем; несчастное, тревожное выражение исчезало из ее взгляда, когда ей удавалось помочь ему в какой-нибудь работе или когда ее действия вызывали у него одобрительный взгляд или слово.

Сам Принц, казалось, был полностью поглощен работой; он обращался с девушкой довольно вежливо, но, по-видимому, совершенно не замечал ее эмоций. Для него она была лишь коллегой-ученым. Но Билл-то знал, что Принцу известно о ее любви, и подозревал, что молодой человек пытается заглушить растущее ответное чувство.

Репортер проводил долгие часы на мостике с капитаном Брандом, напряженно всматриваясь в вечную космическую ночь, сверкающую мириадами звезд. Земля быстро уменьшалась в размерах и наконец превратилась в крошечный зеленый шарик, рядом с которым виднелось почти незаметное белое пятнышко Луны. С каждым днем Марс становился все больше. Оранжевая точка превратилась в небольшой алый шарик.

Билл часто рассматривал вращающийся красный шар в телескоп. Он различал белые полярные шапки, темные экваториальные области, черные линии каналов. Через несколько дней он смог разглядеть маленький голубой кружок, который уже видел в гигантский телескоп в Башне Трейнора.

— Это должно быть нечто огромное, раз его так хорошо видно, — предположил он, показав круг капитану Бранду.

— Согласен с вами. Даже сейчас мы можем различить лишь объекты диаметром больше мили.

Прошло несколько часов; Билл стоял, глядя сквозь витролитовые панели на величественный солнечный диск, обрамленный языками багрового пламени; внезапно корабль содрогнулся от серии страшных толчков. Пол под ними закачался и задрожал; Билл услышал, как по кораблю прокатилось эхо удара и раздалось шипение выходящего воздуха.

— Метеорит! — крикнул Бранд.

Он в ужасе указал вверх, на витролитовый купол. Толстое стекло треснуло в трех местах, в нем появилась небольшая дыра, от которой во все стороны расходились трещины. На прочных металлических стенках в двух местах образовались вмятины. Воздух с шипением выходил через отверстия. Он образовал снаружи белое облачко, и на прозрачных панелях быстро выросли ледяные узоры.

Билл почувствовал себя так, словно из легких его внезапно выкачали весь воздух. Задыхаясь, он открыл рот. На мостике вдруг стало невыносимо холодно. Вокруг заплясали снежинки.

— Воздух выходит! — прохрипел Бранд. — Мы задохнемся!

Он повернул рычаг, и тяжелый люк закрыл шахту с лестницей, ведущей в остальные помещения; образовалась

воздухонепроницаемая перегородка, и кабина, таким образом, была изолирована.

— Правильно, — хотел было сказать Билл. — Надо дать остальным... шанс.

Но голос изменил ему. В ушах загудело. Биллу показалось, будто его душит какой-то злой великан. Все завертелось перед глазами. Он покачнулся и словно ослеп. Внезапно тело его сковал холод — страшный холод космоса. Из носа хлынула кровь, замерзая у него на лице. Он услышал, как Бранд шевелится, затем пошатнулся и потерял сознание.

Когда журналист пришел в себя и огляделся, то почувствовал, как тепло снова возвращается к нему. Люк по-прежнему был закрыт, но через клапан в помещение поступал воздух. Капитан Бранд неподвижно лежал рядом на полу. Билл посмотрел вверх, на купол, и увидел, что отверстия залеплены небольшими кусочками резины; давление воздуха прочно удерживало «пробки» на месте. Капитан, прежде чем потерять сознание, спас корабль.

Открылась дверь, и вбежали доктор Трейнор, за ним Принц и остальные. Они подхватили бесчувственного Бранда и быстро отнесли его в лазарет. Еще немного — и отважный капитан погиб бы, но чистый кислород вернул его к жизни. На следующий день он снова занял свое место на мостике.

Прошло восемнадцать дней с тех пор, как «Ред Ровер» покинул Космический Город. Потеря воздуха в результате столкновения с метеоритами доставила им некоторые неудобства, но они двигались с хорошей скоростью, и до Марса оставалось всего два дня пути. На несколько часов были включены передние моторы, чтобы замедлить движение корабля.

— Прямо по курсу объект! — крикнул дежурный, смотревший в телескоп. — Небольшой голубой шар, направляется прямо к нам, — добавил он через некоторое время.

— Еще один вражеский корабль, летящий на Землю, — пробормотал Бранд. — Того и гляди, он нам все испортит!

Через несколько минут из лаборатории прибежали Принц и доктор Трейнор. Голубой шар стремительно приближался;

«Ред Ровер» несся вперед на скорости много тысяч миль в час.

— Мы не можем избежать встречи с врагом, — сказал Бранд. — До него еще пятьдесят тысяч миль, но мы движемся слишком быстро и не успеем остановиться. Мы пройдем мимо него примерно через пять минут.

— Если нельзя остановиться, будем двигаться вперед, — сказал Принц, мрачно улыбаясь.

— Можно попробовать сбить их торпедой, — предложил доктор Трейнор. Он установил на мостике орудие для стрельбы ракетными торпедами. — Она полетит со скоростью, которую обеспечивает ее собственная лучевая трубка, плюс скорость корабля, плюс относительная скорость шара. Таким образом, она быстро достигнет цели.

Принц кивком выразил свое согласие.

Трейнор зарядил орудие узкой блестящей ракетой, навел его на цель, повернул рычаг, приводящий снаряд в движение, и выстрелил. Крошечный белый огонек луча мелькнул перед ними и исчез. Трейнор быстро выстрелил снова, затем еще раз.

— Выключите лучевые трубки и погасите все огни, — приказал Принц. — Двигаясь относительно шара со скоростью десять тысяч миль в минуту, мы можем миновать их незамеченными — если они уже не засекли нас.

Несколько томительно долгих секунд они летели вперед в напряженном молчании. Билл сидел у телескопа. Небольшой голубой диск марсианского корабля, выделяющийся на черном фоне звездного неба, быстро увеличивался в размерах.

Внезапно из голубого шара возникла маленькая пурпурная искра, она росла, приближалась.

— Атомная бомба! — вскричал он. — Они нас заметили. Мы пропали!

Билл напрягся, ожидая приближения алого огонька, означавшего их гибель. Но не успел он выговорить эти слова, как увидел далеко впереди фиолетовую вспышку. Она возникла внезапно и тут же погасла. Голубой диск корабля по-прежнему висел перед ними, но пурпурный огонек бомбы исчез. Мгновение Билл был озадачен. Затем он все понял.

— Атомная бомба попала в торпеду! — вскричал он. — Она взорвалась. И если они думают, что сбили нас...

— Возможно, они нас не видят, ведь огни у нас погашены, — предположил Бранд.

— Не думаю, — возразил Трейнор, — что бомба действительно попала в одну из наших торпед. Скорее, она детонировала, оказавшись в пределах гравитационного поля какого-то пролетавшего мимо объекта.

Билл, не сводивший взгляда с лазоревого шара, внезапно увидел на его фоне огненную вспышку. Полыхнуло желтое пламя. Голубой шар съежился. Затем огонь погас, и вместе с ним исчезла голубая завеса. Остались лишь искореженные куски белого металла.

— Вторая торпеда попала в марсианина! — сообщил Билл.

— И, как вы заметили, голубой цвет исчез, — добавил доктор Трейнор. — Должно быть, это был просто вибрационный экран.

«Ред Ровер» продолжал свой путь через пустоту к алой планете, которая с каждым часом и с каждой минутой становилась все больше. Голубой диск стал явственно виден на красном фоне. Это оказался огромный шар, походивший на встреченные ими корабли, но диаметром по меньшей мере в милю. Он лежал прямо посреди пустыни, неподалеку от крупного пересечения «каналов».

— Какой-то огромный механизм, скрытый голубым защитным экраном, — предположил доктор Трейнор.

Последние два дня Принц, доктор и их усердная помощница провели за работой в лаборатории, не прерываясь даже для отдыха. Билл присутствовал, когда Принц отбросил карандаш и объявил результаты своих последних расчетов.

— Задача решена, — сказал он. — И ответ означает одновременно наш успех и неудачу. Мы постигли секрет жизни. Мы разгадали загадку, над которой веками билось человечество! В нашем распоряжении чудовищная сила — достаточная для того, чтобы смести человечество с лица Земли, опустошить нашу планету! Но сила эта бесполезна — у нас нет аппарата, необходимого для того, чтобы воспользоваться ею.

— У нас есть лаборатория... — начал доктор Трейнор.

— Но нам не хватает самого главного. Нам необходимо небольшое количество церия, редкоземельного металла.

Вы знаете, он нужен для электрода, находящегося внутри виталисвой энергетической установки в нашей новой вакуумной трубке. А у нас нет ни грамма церия.

— Мы можем вернуться на Землю, — предложил Трейнор.

— А это значит потерять сорок дней, даже больше, ведь нам придется остановиться в Космическом Городе для заправки. И снова подвергнуться опасности столкновения с метеоритами. Я уверен, что меньше чем через сорок дней марсиане приведут в действие свою ужасную машину, заключенную в этом гигантском шаре.

— Тогда мы должны сесть на Марсе и найти там этот металл! — вмешался капитан Бранд, который слушал разговор, стоя в дверях.

— Именно, — подтвердил Принц. — Вы выберете достаточно пустынное место, подальше от голубого шара. Где-нибудь в горах, как можно дальше от каналов. Приземлимся там после полуночи. К утру мы подготовим оборудование для разведки и горных работ. Почти любая порода содержит необходимое нам небольшое количество церия.

— Отлично, сэр, — ответил Бранд.

Несколько часов спустя «Ред Ровер» уже летел вокруг Марса, описывая широкую кривую на высоте многих тысяч миль над алой планетой.

— Мы выберем место для посадки, когда взойдет солнце, — объяснил Биллу капитан Бранд. — Затем мы будем лететь над планетой до тех пор, пока она не скроется в тени, и приземлимся сразу после полуночи.

— А есть опасность, что нас заметят?

— Разумеется. Мы можем только уменьшить ее, днем держась на высоте нескольких миль над поверхностью, и приземлившись ночью в пустынной местности.

Когда они подлетели ближе, поверхность враждебной планеты стала видна в телескоп более четко. Билл сосредоточенно смотрел в окуляр, ища на красной планете следы пребывания ее зловещих обитателей.

— Каналы, как мне кажется, — это полосы зеленоватой растительности, орошаемые с помощью какой-то ирригационной системы, которая доставляет воду с тающих полярных шапок, — сказал он.

— Лоуэлл[1], древний американский астроном, понял это уже двести лет назад, — заметил капитан Бранд, — хотя некоторые из его современников заявляли, что не видят на Марсе никаких каналов.

— Я могу различить низкорослые зеленые деревья и металлические конструкции. По-моему, там есть длинные трубки, которые наряду с открытыми каналами помогают распределять воду. Еще я вижу огромный купол из белого металла — должно быть, футов пятьсот в диаметре... Видно несколько таких куполов, большая часть их расположена около пересечения каналов.

— Может быть, это огромные поселения, города, — предположил Бранд. — Ведь на поверхности планеты часто бушуют пыльные бури, и марсианам нужно как-то защитить свои дома.

— А сейчас я вижу какое-то движение. Вроде бы голубая точка. Возможно, небольшой летательный аппарат, похожий на те, что мы видели; но всего несколько футов в диаметре. Кажется, он перелетает от одного белого купола к другому.

Бранд подошел ко второму телескопу.

— Да, я их вижу. Две штуки. Летят параллельно, высоко над поверхностью, с большой скоростью. А неподалеку, справа, их целая цепочка, летят один за другим. Пересекают участок красной пустыни.

— Что это? — в некотором возбуждении воскликнул Билл. — Похоже на каких-то животных в загоне. Хотя они больше похожи на людей.

— Что! Дайте мне взглянуть!

Бранд оставил свой телескоп, и Билл уступил ему место.

— Смотрите. Прямо над центром поля. Как раз на краю этой засаженной зеленью полосы, у большой алюминиевой трубы.

— Да. Да, я что-то вижу. Высокая ограда. А внутри нее — какие-то существа. Но не думаю, что это люди. У них серая волосатая шкура. Но они, по-видимому, передвигаются на двух ногах.

— Возможно, что-то вроде обезьян.

---

[1] *Персиваль Лоуэлл* (1855—1916) — американский астроном, выдвинувший гипотезу о существовании на Марсе каналов.

— Понял! — воскликнул Бранд. — Это домашние животные! Их хозяева, марсиане, — паразиты. Им нужен кто-то, чтобы пить кровь. Они живут, питаясь кровью этих существ!

— Может, и так, — согласился Билл. — Как вы думаете, они будут держать людей в таких же загонах, когда захватят Землю?

— Похоже на то. — Капитан содрогнулся. — Не хочу об этом думать. Нужно выбрать место для посадки.

Он вернулся к своему телескопу.

— Нашел, — сказал Бранд через некоторое время. — Невысокая гора посреди обширного участка пустыни. Примерно шестьдесят градусов к северу от экватора. На сотню миль вокруг нет ни каналов, ни белых куполов.

Потянулись долгие часы; «Ред Ровер» висел над выбранным для посадки местом, ожидая, пока его скроет ночная тень. Билл сосредоточенно смотрел в свой телескоп, разглядывая узкие полоски растительности, протянувшиеся через голую оранжевую пустыню. Он изучал белые металлические конструкции и серую каменную кладку ирригационных сооружений; разбросанные на большом пространстве белые металлические купола, под которыми, видимо, скрывались города; голубые шары, стремительно, словно молнии, проносившиеся между ними. Два-три раза Биллу удавалось разглядеть крошечные ползающие зеленые точки; он решил, что это и есть отвратительные кровососы-марсиане. И еще он насчитал полдюжины широких металлических загонов, или пастбищ, в которых были собраны волосатые серые двуногие.

По зеленым полоскам плодородной почвы двигались сверкающие машины — очевидно, они возделывали «поля».

Принц, доктор Трейнор и Паула спали в своих каютах. Билл ненадолго ушел отдохнуть, а когда вернулся, увидел, что планета внизу погружена во тьму. «Ред Ровер» стремительно снижался, капитан Бранд по-прежнему дежурил на мостике.

Звезды быстро исчезали, и диск планеты увеличивался. Фобос и Деймос, спутники Марса, плывущие по небу с разными скоростями, отбрасывали скудный свет на бесплодную пустыню. Капитан Бранд снизил скорость, стараясь как можно меньше задействовать лучи, чтобы не быть замеченным.

«Ред Ровер» бесшумно опустился посередине невысокого, окруженного утесами плато, поднимавшегося над крас-

ной равниной. В слабом свете звезд и двух лун раскинулись плоские красноватые пространства, покрытые песком, — на Марсе нет гор. Воздух был чистым и таким прозрачным, что звезды сияли необыкновенно ярко — почти так же, подумал Билл, как если бы корабль находился в открытом космосе.

В тишине они принялись ждать рассвета; потянулись бесконечные часы. Хрупкий белый диск ближайшей из двух лун скользнул за черный восточный горизонт, затем поднялся снова, чтобы продолжить свой полет по небу.

Незадолго до рассвета появился Принц; на его энергичном худом лице сияла радостная улыбка — очевидно, он хорошо отдохнул после долгого изнурительного труда в лаборатории.

— Я подготовил все необходимое снаряжение для горных работ, — сказал ему капитан Бранд. — Мы можем выходить, как только воздух достаточно прогреется, — сейчас снаружи около ста пятидесяти градусов ниже нуля.

— Сразу после восхода солнца должно потеплеть, хотя воздух здесь очень разреженный. Отлично, вы, мне кажется, выбрали чуть ли не самый уединенный уголок на всей планете. Но существует большая опасность, что нас обнаружат, прежде чем мы добудем церий.

— Необычно чувствовать себя первым человеком, ступающим на новую планету, — заметил Билл.

— Но мы не первые, — возразил Принц. — Я уверен, что Энверс сел на Марсе. Думаю, марсианские летательные аппараты построены по тому же принципу, что и его корабль.

— Может быть, и Энверс ждал здесь, в пустыне, пока взойдет солнце, так же, как и мы, — пробормотал Бранд. — Действительно, если он хотел незаметно осмотреть Марс, то должен был приземлиться где-то здесь. Возможно, это лучшее место на всей планете, где можно незаметно сесть.

Глава 7
Рудник на Марсе

Взошло солнце — маленькое, белое и горячее; с черного неба оно светило на бесконечную, ровную оранжевую равнину, покрытую камнями и песком, однообразие которой

нарушалось лишь темным углублением далеко на севере. Даже с высоты источенного временем плато прямой горизонт казался намного ближе, чем на Земле, из-за большей кривизны поверхности планеты.

Члены экипажа собирались около шлюза, подготавливая горное оборудование под руководством Принца.

— Разве мы сможем выйти наружу без скафандров? — спросил Билл у капитана Бранда.

— Думаю, что да, когда станет достаточно тепло. Воздух здесь беден кислородом — количество этого газа у поверхности примерно такое же, как на Земле на высоте девяти миль над уровнем моря. Но сила тяжести здесь составляет примерно одну треть земной, так что во время движения кислорода потребляется меньше. Думаю, нам этого хватит, если мы не будем слишком сильно напрягаться.

Лучи непривычно маленького солнца яростно жгли разреженный воздух. Вскоре Принц вошел в шлюзовую камеру, закрыл внутреннюю дверь и включил насосы. Когда приборы показали, что давление уравновешено, он открыл внешнюю дверь и шагнул наружу, на красные камни.

Все напряженно наблюдали за ним сквозь витролитовые панели. Паула нервно стиснула руки. Билл увидел, что Принц уверенно вышел наружу, втянул в себя воздух, словно пробуя его, и несколько раз глубоко вдохнул. Затем он присел и сделал поразительно высокий прыжок, подпрыгнув на двадцать футов. Он описал широкую дугу и упал на бок на груду сыпучего красного песка. Затем поднялся, хватая ртом воздух, словно это усилие утомило его, и, шатаясь, направился обратно к кораблю. Он быстро закрыл внешнюю дверь, открыл клапан и поднял давление в камере.

— Забавное чувство, — сказал Принц, открыв внутреннюю дверь. — Как будто находишься на вершине горы — только еще труднее дышать. Прыгать здорово, только очень утомительно. Думаю, что для тех, у кого слабое сердце, это опасно. Сейчас уже можно выходить. Воздух по-прежнему прохладный, но камни нагрелись на солнце.

Он открыл дверь.

— Первыми пусть идут часовые.

Шестеро из тридцати с лишним членов экипажа были назначены часовыми — Принц стремился избежать неожиданностей. Каждый был вооружен двумя ракетными тор-

педами — на планете с низкой гравитацией нести их было не слишком тяжело. Задачей часовых было наблюдать за местностью с обрывов на краю маленького плато, на котором приземлился корабль.

Билл и четверо астронавтов вошли в шлюз. Дверь за ними закрылась, воздух выкачивали, пока Билл не начал задыхаться и не почувствовал, как жужжит в ушах. Затем открылась внешняя дверь, и перед ними показался Марс. Двигаться было легко, но малейшее усилие изматывало. Билл обнаружил, что задыхается, всего лишь взвалив на плечи две тяжелые торпеды. Воздух был холодным и разреженным. Сыпучий красный песок подавался под ногами.

У дверей часовые разделились; Билл отправился к южному концу плато, Паула — к северному, остальные заняли позиции вдоль длинных сторон.

— Просто лежите на вершине обрыва и наблюдайте, — приказал им Принц. — Если заметите что-нибудь подозрительное, подайте кодовый сигнал с помощью лучевого пистолета. В любом случае давайте о себе знать каждые тридцать минут. Мы оставим на мостике наблюдателя. Сообщайте ему о появлении движущихся объектов. Когда настанет время возвращаться, мы просигналим вам красной ракетой.

Принц пытался удержать Паулу от выхода на поверхность, но девушка настаивала на своем. В конце концов он согласился.

— Для тебя лучше нести вахту, чем орудовать киркой и лопатой или таскать тачки, — сказал он. — Но мне не нравится то, что тебе придется уйти так далеко. Может случиться все, что угодно. Если они нас обнаружат, то прикончат всех. Береги себя.

Когда они входили в шлюзовую камеру, Билл заметил, что Принц озабоченно взглянул на стройную кареглазую девушку. Он увидел, что Принц сделал шаг вперед, словно желая удержать ее, затем отвернулся, и на щеках его вспыхнул румянец, сменившийся горькой, циничной улыбкой.

Шагая по голому красному плато, Билл оглянулся на девушку, которая медленно шла в противоположную сторону. Покидая корабль, он на мгновение встретился с ней взглядом. В ее глазах, полускрытых под припухшими веками, мелькнули отчаяние и трагическая решимость. Билл,

глядя на Паулу, подумал, что жизненная энергия почти покинула ее. Она была похожа на бессловесный автомат, движимый лишь остатками воли. Казалось, она лишилась надежды, энергии, жизнерадостности. И все же она шла с таким видом, будто перед ней стояла некая трудная задача.

— Что бы это могло значить, — пробормотал Билл. — Неужели она собирается... покончить с собой?

Он неуверенно повернулся, хотел было пойти следом за ней. Затем, подумав, что это просто его фантазия, он бегом отправился через красное плато на свой пост.

Билл увидел, что из шлюза выходят остальные. Принц и доктор Трейнор устанавливали какой-то аппарат — журналист подумал, что это оборудование для магнитных и метеорологических измерений. Люди с молотками для разведки грунта рассеялись по плато.

— Почти любая железосодержащая порода наверняка содержит необходимое нам количество церия, — сказал доктор Трейнор.

Билл добрался до края плато. Источенный ветрами утес, сложенный из красного гранита и застывшей лавы, отвесно опускался на сотню футов, затем переходил в длинную осыпь. За этим скатом, покрытым песком и булыжниками, тянулась плоская пустыня; она скрывалась за обманчиво недалеким алым горизонтом.

Пейзаж опаленной солнцем планеты представлял собой удручающую картину. Не было видно следов каких-либо живых существ, никакого движения, никакой зелени — каналы, окруженные растительностью, находились где-то за горизонтом.

— Трудно представить себе, что там, далеко, в огромных металлических куполах, обитает раса вампиров, — бормотал Билл, растянувшись на камнях на краю обрыва и устанавливая перед собой одну из торпед. — Однако нельзя винить их за то, что они отправились на поиски более жизнерадостной на вид планеты.

Оглянувшись, он заметил, что команда корабля с помощью электрических буров сверлит грунт в ста ярдах от стройного серебристого цилиндра «Ред Ровера». Заложенный заряд подорвали, и почва под Биллом содрогнулась, в воздух поднялся гигантский фонтан каменных обломков.

Через час люди с тележками уже тащили куски породы к сверкающему электрическому измельчителю, который доктор Трейнор и Принц установили рядом с кораблем. Очевидно, они без труда обнаружили руду, содержащую достаточное количество церия.

Билл продолжал осматривать оранжево-красную пустыню в мощный телескоп, встроенный в ракетную трубку. Он не сводил взгляда с пустыни и каждые полчаса посылал три коротких сигнала с помощью лучевого пистолета, что означало: «Все в порядке».

Должно быть, прошло два часа, когда он заметил голубой шар. Летательный аппарат показался над красной линией горизонта и приближался, летя какими-то рывками.

«Вижу марсианский корабль, — просигналил Билл. — Голубой шар, примерно десять футов в диаметре. Следует необычным зигзагообразным курсом, словно преследует кого-то».

«Держите его на прицеле, — последовал осторожный ответ. — Стреляйте, если он заметит нас».

«Шар преследует животных, — ответил Билл. — Два серых двуногих прыгают перед ним. Бегут с удивительным проворством».

Он взглянул в телескопический прицел своего орудия, поймал в перекрестье маленький синий летательный аппарат. Существа, бежавшие от марсиан, походили на людей — или прямоходящих обезьян, покрытых серой шерстью. Они передвигались на двух ногах, руки их напоминали человеческие, они держали голову прямо. Шкуру их покрывала короткая серая шерсть или волосы, и они не были вооружены никакими орудиями.

Животные спасались от врагов, передвигаясь не то бегом, не то большими прыжками, и это позволяло им развивать значительную скорость на плоской красной поверхности. Они подбежали прямо к подножию холма, с которого наблюдал за ними Билл; голубой шар не отставал от них. Когда одна из «обезьян» споткнулась об обломок застывшей лавы и растянулась во весь рост на песке, вторая остановилась помочь ей. Голубой шар тоже приостановился, завис на высоте двадцати футов над красным песком, ожидая, пока жертвы не поднимутся и не продолжат свое отчаянное бегство.

Билл почувствовал прилив сострадания к серым животным. Одно из них остановилось, чтобы помочь другому. Значит, они способны испытывать привязанность. А марсиане ждали, пока жертвы снова побегут. Очевидно, травить их было для монстров отвратительным развлечением. Билл чуть было не выстрелил. Но он получил приказ: стрелять лишь в том случае, если «Ред Ровер» будет обнаружен.

Теперь беглецы находились уже в миле от Билла. Внезапно он заметил крошечный светло-серый предмет, который крепко прижимало к груди одно из двуногих. По-видимому, это был детеныш в руках матери. Другое животное, следовательно, было самцом. Это мать споткнулась о камень.

Они приблизились к обрыву.

Билл ясно видел их; до них было не более пятисот ярдов, когда мать снова упала. Самец остановился помочь ей, шар завис над ними, ожидая продолжения погони. Самка, видимо, не в состоянии была встать. Второе существо подняло ее, но она безвольно рухнула обратно на камни.

Серый самец, словно в ярости, припал к земле и прыгнул к голубому шару.

Корабль выпустил маленькую красную искорку. Животное охватило фиолетовое пламя, его отбросило назад; оно извивалось и корчилось. Обгоревший, израненный, истекающий кровью самец поднялся на четвереньки и пополз к голубому шару.

Внезапно сфера опустилась на землю. В боку ее открылась круглая дверь — отверстие было обращено в противоположную сторону от Билла, и он не мог видеть, что находится внутри. Наружу выползли зеленые существа. Они были точь-в-точь такими же, как то, которое он видел в мексиканской пустыне, — пучок тонких, гибких зеленых щупалец, вооруженных присосками, хилое зеленое тело и три злобных красных глаза, сидящих на отростках длиной в фут.

Их было трое.

Ползущий по земле самец отчаянно набросился на одного из врагов. Тот обвил его своими щупальцами; присоски впились в кожу. Какое-то время «обезьяна» извивалась и дергалась, билась в агонии, пытаясь вырваться из сжимающих ее зеленых щупалец. Затем она затихла.

Одно из зеленых существ выхватило детеныша из рук матери. Она попыталась защитить его, прикрыть своим телом,

но его оторвали от матери, и он исчез среди извивающихся зеленых змей.

Третий монстр бросился на мать, обвил ее похожими на змей конечностями, подтащил ее упирающееся, извивающееся в агонии тело к себе и принялся высасывать из нее кровь.

Билл молча смотрел на все это, дрожа от ужаса.

— Эти твари охотились за ними! — яростно бормотал он.— Пример того, что может произойти на Земле, если мы их не остановим.

Через некоторое время зеленые чудовища отбросили прочь тела своих жертв, превратившиеся в сморщенные мумии, и поползли к голубому шару. Круглая дверь закрылась, и тот быстро поднялся в воздух.

Со своего наблюдательного поста на скале Билл смотрел в телескопический прицел ракеты на шар, держа его на мушке. Шар поднялся до высоты обрыва — затем еще выше. Внезапно он остановился. Билл понял, что твари, сидящие в нем, заметили «Ред Ровер».

Он, не теряя ни мгновения, нажал на маленький никелированный рычаг. В ракетной трубке послышалось негромкое жужжание. Он нажал на красную кнопку. Торпеда вырвалась из орудия, оставляя за собой белый хвост. Пустой ствол отбросило назад.

Огромная вспышка ярко-оранжевого пламени окутала синий шар, и он рассыпался на тысячи белых металлических обломков.

— Получите, проклятые твари! — с яростным удовлетворением проговорил Билл.

«Шар успешно уничтожен, — просигналил он. — Очевидно, нас заметили. Зеленые марсиане, летевшие на нем, убили серых двуногих. Могу я исследовать останки?»

«Разрешаю, — ответил Принц. — Но возвращайтесь через полчаса».

Мгновение спустя Билл получил второе сообщение: «Всем часовым удвоить внимание. Шар могут искать. Добыча руды идет успешно. Мы сможем вылететь на закате. Держитесь! Принц».

Пристегнув за спину оставшуюся торпеду и засунув готовый к бою лучевой пистолет за пояс, Билл зашагал вдоль края обрыва, пока не нашел относительно легкий спуск на

красную равнину, затем перелез через край. Ветер, точивший эти камни бесчисленное множество лет, оставил в скале трещины и неровности. В слабой гравитации Марса Биллу было нетрудно держаться за камни. Через пять минут он дополз до осыпи, затем торопливо принялся перебираться через огромные валуны, задыхаясь и хватая ртом бедный кислородом воздух.

Билл добрался до красной песчаной равнины — песок за тысячелетия истерся, превратившись в мягкую алую пыль, которая поднималась вокруг него тонким грязноватым облачком и оседала в виде кроваво-красных пятен на взмокшем от пота теле. Сухая пыль проседала у него под ногами, затрудняя передвижение, когда он шел к неподвижным серым телам.

Почти лишившись сил, Билл добрался до серых животных и осмотрел их. Они мало напоминали людей, несмотря на кажущееся сходство. На каждой из «рук» имелось лишь по три пальца, заканчивавшихся когтями; странный круглый вырост служил вместо носа. Скелет их тоже сильно отличался от скелета homo sapiens.

Билл устало потащился к возвышавшемуся впереди алому утесу, поднимая облака пыли. Его сильно утомила эта вылазка, какой бы пустячной она ни казалась. Бурая пыль, которую он невольно вдыхал, раздражала ноздри; он задыхался и чихал. Пот струился по его телу грязными красными струйками, и внезапно Билл ощутил сильную жажду.

Вершина гранитного плато — вероятно, ядро какой-то древней горы — была скрыта от него. Он не видел ни «Ред Ровера», ни его экипажа. Он не видел ни одного живого существа.

Перед одиноким путником простиралась плоская равнина, покрытая красной пылью, уходящая за недалекий искривленный горизонт. Рассыпчатая пыль липла к ногам, окутывала его удушающим шафрановым облаком. Солнце, маленький багровый шар, ослепительно сияло на черно-синем небе. Небо было угрюмым, холодным и враждебным. Билла охватила тревога, и он поспешил к возвышавшемуся вдали обрыву.

И тут он увидел на красном песке какой-то белый предмет.

Остановившись, чтобы перевести дыхание и вытереть с лица пот и грязь, журналист с любопытством поддал предмет ногой. Из пыли выкатился выбеленный солнцем человеческий череп. Билл сразу понял, что череп принадлежал человеку, а не одному из серых существ, лежавших там, на песке.

С неприятным чувством, что он открывает забытые страницы какой-то давней трагедии, журналист опустился на колени и пошарил в пыли вокруг черепа. Правая рука его нащупала человеческую бедренную кость, левой он наткнулся на полусгнивший кожаный пояс, за ним из пыли возник человеческий позвоночник.

К поясу была прикреплена потускневшая серебряная пряжка, и он, взглянув на нее, задохнулся от изумления.

На пряжке была выгравирована изящная буква «Э».

— «Э»! — пробормотал Билл. — Энверс! Он попал на Марс. И умер здесь. Наверное, пытался добраться до горы. Боже! Какая смерть! В полном одиночестве, в пыли, под палящим солнцем. На чужой планете. Среди жутких монстров.

Одиночество, царившее в красной пустыне, загадочная атмосфера чужой планеты окутали его, словно покрывало страха. Он, шатаясь, поднялся на ноги и неверным шагом направился через пески к своему обрыву. Но минуту спустя остановился.

— Он должен был что-то оставить! — сказал Билл про себя.

Он развернулся и потащился обратно, туда, где лежали череп и сгнивший пояс, и снова принялся раскапывать песок вокруг. Он нашел остальные части скелета, даже остатки волос, одежды и человеческой кожи, сохранившейся в сухом песке. Он обнаружил пустую флягу, ржавый перочинный нож, пуговицы, монеты и вышедший из строя лучевой пистолет.

Затем пальцы его нащупали в пыли маленькую черную книжку.

Это был дневник Энверса.

Бóльшую часть записей еще можно было прочесть. Сейчас этот дневник напечатан, из него можно почерпнуть полный отчет о трагическом путешествии Энверса. Отправление с Земли, полное надежд. Опасности и разочарования

пути. Мятеж; половина экипажа погибла. Волнующая посадка на другую планету. Нападение голубых шаров. Они захватили корабль, отвезли пленников в загоны и пытались использовать их для выведения новой породы домашних животных. Побег Эпверса, отчаянная попытка добраться до корабля, оставленного в пустыне.

Тогда Билл не стал читать всего. У него было время прочесть лишь последнюю трагическую запись.

«Воды больше нет. Теперь я понимаю, что мне никогда не добраться до горы, где мы сели. Хотя, возможно, они куда-нибудь перевезли корабль. Наверное, лучше бы мне было остаться в загоне. Там есть еда и вода... Но как мог Господь сотворить подобные существа? Такие омерзительные, такие злобные! Молюсь, чтобы они не воспользовались моим кораблем, чтобы попасть на Землю. Я надеялся найти и уничтожить его. Но уже слишком поздно».

Плотный смерч красной пыли ударил в лицо Биллу. Он попытался сделать вдох, но поперхнулся, чихнул и чуть не задохнулся. Подняв глаза от пожелтевших страниц книги погибшего исследователя, он увидел, что темно-синее небо на востоке скрыли густые тучи красной пыли. Казалось, что к нему стремительно движется гигантский красновато-желтый цилиндр.

Надвигалась пыльная буря! Одна из ужасных пыльных бурь Марса, таких яростных, что их видят астрономы с расстояния сорок миллионов миль.

Схватив выцветший дневник, Билл снова побежал по песку к красным утесам. Позади него завывал ветер, догонял его и свистел в ушах. Удушающая рыжая пыль вилась у лица. Линия утесов впереди исчезла за плотной красной пеленой. Ветер яростно свистел, но он был слабым и не мог сбить с ног. Насыщенный пылью воздух словно превратился в едкую жидкость, удушающую, забивающую нос и рот.

Билл вслепую, спотыкаясь, полз вперед, к скалам. Он добрался до них, вскарабкался по осыпи, перебрался через гигантские куски лавы. Перед ним открылось основание утеса, массивная отвесная стена; вершина ее была скрыта алой пеленой. Он пошел вдоль подножия, нашел подходящий подъем и вскарабкался вверх.

Наконец, задыхаясь, он дотащился до вершины и упал навзничь. Вокруг него плясали пыльные облака; он не видел

ничего на расстоянии двадцати ярдов. Он не пытался даже отыскать «Ред Ровер»; он знал, что не сможет увидеть его в пыли.

Прошли часы, а он все лежал, ослепнув, задыхаясь в горячей, разъедающей пыли; пот засох на коже, превратившись в отвратительную корку. Слабый ветер завывал в скалах, раскаленный, как воздух, идущий из печи. Билл установил перед собой торпеду, попытался оглядеться по сторонам. Но он видел лишь плотную красную стену, и сквозь нее просвечивало солнце, словно крошечный круглый кроваво-красный рубин.

Алое светило миновало зенит и медленно поползло вниз, к невидимому горизонту. Лишь по солнцу можно было кое-как определить направление и судить о времени. Вскоре оно тоже исчезло в пыли.

Внезапно ветер стих. Пыль медленно осела. Через полчаса снова показалось красное солнце, висящее низко над багровым восточным горизонтом. Объекты, расположенные на плато, вновь обрели форму. «Ред Ровер» находился на прежнем месте, посредине. Люди по-прежнему трудились у оборудования — они не прекращали работу даже в бурю.

«Все часовые, доложите обстановку», — просигналил Принц с корабля.

«Я обнаружил тело Эйверса и забрал его дневник», — сообщил Билл, когда пришла его очередь.

«Сейчас мы готовимся к отлету, — ответил Принц. — Поднимаем на борт аппарат. Необходимое количество церия добыто. Вскоре подадим сигнал к возвращению».

Билл всматривался в пыльное небо — прежде темно-синее, теперь оно было скрыто желтоватой завесой. Через несколько минут он заметил голубой шар. Затем еще один, и еще. Они были далеко на юго-востоке, быстро неслись высоко над шафрановой пеленой. Казалось, они следуют по маршруту, по которому летел сбитый Биллом корабль.

«Вижу три корабля-шара, — просигналил он. — Приближаются к нам».

Остальные часовые, очевидно, тоже заметили врага — Билл увидел на другой стороне плато мигание лучевых пистолетов.

Без предупреждения выстрелила красная сигнальная ракета. Билл услышал звук выстрела — резкий и слабый в разреженной атмосфере. Вспыхнуло багрово-красное пламя.

Билл вскочил на ноги, взвалил на плечо тяжелое орудие с торпедой и, спотыкаясь, побежал к «Ред Роверу». Он увидел других бегущих людей, увидел, как остальные, напрягая все силы, втаскивают на борт горное оборудование.

Оглянувшись, Билл заметил, что три голубых шара стремительно приближаются. Затем он заметил остальные — целую дюжину. Эти были еще далеко — синие точки на желтом небе. Враги на полной скорости летели по направлению к «Ред Роверу».

Билл с тревогой посмотрел на север, куда ушла Паула. Но ее не было видно. Она не вернулась после сигнала ракеты.

Добравшись до корабля, он полностью лишился сил, задыхался, хватал разреженный воздух. Остальные чувствовали себя не лучше; все были покрыты засохшей красной пылью, астматически хрипели, задыхаясь от напряжения и возбуждения. Люди пытались втащить на борт корабля тяжелые части механизмов — виталиевые генераторы, которые использовались для нагрева руды, моторные лучевые трубки, снятые с корабля, чтобы соорудить импровизированную плавильную печь.

Принц и доктор Трейнор яростно трудились над странным аппаратом. На красном песке рядом с серебристым корпусом корабля они установили треногу, на которую водрузили любопытное блестящее устройство, состоявшее из линз, призм, конденсаторов и зеркал. Ядром его, по-видимому, являлась странная вакуумная трубка — цериевый электрод, окруженный необычной решеткой из виталия. Внутри нее тлела тонкая нить; индукционная катушка, подключенная к виталиевым батареям, которая питала устройство, непрерывно жужжала.

— Лучше всем нам быстрее оказаться на борту и улететь отсюда! — крикнул Билл. — Нет смысла рисковать своими жизнями, возможностью спасти мир — и все из-за каких-то машин.

Принц на мгновение поднял взгляд к небу, оставив странное устройство доктору Трейнору.

— Посмотрите на марсианские корабли! — воскликнул он, взмахнув рукой. — Их не меньше тридцати, словно рой

мух. Нам не скрыться. И против их пурпурных атомных бомб у торпед нет ни малейшего шанса. А кроме того, мы еще не погрузили кое-какое оборудование с корабля. Несколько генераторов и лучевую трубку.

Билл оглянулся, посмотрел на стаю голубых шаров, кружащихся над ними в желтом небе, некоторые из них — на высоте ниже мили. Он безнадежно пожал плечами, затем снова озабоченно взглянул на юг, пристально осмотрел красное плато.

— Паула! Куда она делась? — спросил он.

— Паула? Она пропала? — Принц резко обернулся, оглядел плато. — Паула! Что могло с ней случиться?

— У нее разбито сердце, — сказал ему Билл.

— Вы думаете... думаете... — запнулся Принц.

В его темных глазах мелькнули внезапная тревога, нежность и тоска. Горькая циничная усмешка куда-то исчезла.

— Не могла же она погибнуть! — вскричал он с мукой в голосе.

— Вы знаете, что она находилась на посту на северном краю плато. Она не вернулась.

— Я должен найти ее!

— Зачем вам это? Мне казалось, вам нет дела до нее, — сурово проговорил Билл.

— Я тоже так думал, думал, она мне только друг. Но я ошибался. Если она погибнет, Билл, это убьет меня!

Принц решительно развернулся.

— Всем подняться на борт, подготовить корабль к отлету как можно скорее, — приказал он. — Доктор Трейнор остается за главного. Помогайте ему во всем. Бранд, проверьте все приборы, когда трубки вернут на место; пусть корабль будет готов к взлету. — Он быстро обернулся к Трейнору, который по-прежнему колдовал над блестящей машиной на треноге. — Док, вы сами можете справиться с этим, как если бы я был с вами. Постарайтесь изо всех сил — ради человечества! Я отправляюсь на поиски вашей дочери.

Трейнор молча кивнул, не отрываясь от работы.

Принц, засовывая за пояс лучевой пистолет, бегом направился к северному краю плато. Помедлив мгновение, Билл, пошатываясь, побежал за ним, не сняв ракетной торпеды, пристегнутой за спиной.

До края обрыва было меньше полумили. Через несколько минут Принц был уже там. Билл догнал его как раз в тот момент, когда он читал строчки, нацарапанные на листке бумаги, который он нашел на камне, на посту Паулы.

«Принцу Космоса, – говорилось в ней. – Я не могу так больше жить. Вы должны знать, что я люблю вас — люблю безнадежно. Ваше присутствие сводит меня с ума, ведь я знаю, что я вам безразлична. Я знаю историю вашей жизни, знаю, что вы никогда не сможете испытывать ко мне какие-либо чувства. Поднялась песчаная буря, и я спускаюсь вниз, в пустыню, чтобы умереть там. Пожалуйста, не ищите меня, это не поможет. Простите меня за это письмо, но я хотела, чтобы вы знали, почему я ушла. Потому что я люблю вас. Паула».

Глава 8
Витомат

— Я люблю Паулу! — воскликнул Принц. — Я понял это, когда вы сказали, что она пропала. Словно свет вспыхнул в моем мозгу. Должно быть, это зрело неделями. Дошло до того, что я не мог работать в лаборатории, если ее там не было. Боже! Как ей, наверное, было тяжело. Я боролся с этим чувство, я пытался скрыть его, пытался обращаться с ней, как с мужчиной. А теперь она умерла!

Билл оглянулся на «Ред Ровер», оставшийся в полумиле позади них. Он лежал неподвижно — отполированный серебристый цилиндр на фоне красного песка. Он видел рядом с кораблем Трейнора, который все еще работал над странным маленьким устройством на треноге. Остальные поднялись на борт. И дюжина голубых кораблей-шаров, словно маленькие сапфировые луны, кружилась в нескольких тысячах футов над ним — постепенно снижаясь, медленно, плавно, подобно грифам, парящим над падалью.

Принц спрятал лицо в ладонях, поза его говорила о полном упадке сил.

Билл обернулся, окинул взглядом красное пространство марсианской пустыни. Далеко внизу он заметил извивающуюся линию следов, уводящую к горизонту, наполовину

стертую недавней бурей. Они исчезали вдали, сливаясь с сине-черным небом.

— Ее следы, — указал он вниз.

— Следы! — Принц поднял взгляд, в его темных глазах мелькнули надежда и решимость. — Значит, мы можем найти ее! Может быть, еще не поздно!

Он побежал к краю обрыва.

Билл схватил его за рукав.

— Подождите! Подумайте, что вы делаете, друг! Мы пытаемся спасти мир. Вы не можете вот так просто взять и убежать. В любом случае солнце уже низко. Становится холодно. Через две минуты после того, как сядет солнце, здесь наступит дьявольский мороз! Вы погибнете в пустыне!

Принц вырвался.

— К черту мир! Если бы вы знали, как мне дорога Паула! Боже, каким я был глупцом! Довести ее до этого!

На его смуглом лице отразилась мука; он прикусил тонкую губу, и струйка крови смешалась с красной коркой грязи, покрывавшей его лицо.

— Во всяком случае, *витомат* закончен. Трейнор сможет управиться с ним не хуже меня. Я должен найти Паулу — или умереть, разыскивая ее.

Он снова направился к краю обрыва. Помедлив мгновение, Билл пошел за ним. Принц резко обернулся:

— Какого черта вы здесь делаете?

— Ну, — начал Билл, — «Ред Ровер» в качестве укрытия не очень привлекательное место, со всеми этими марсианскими кораблями. И мне небезразлична судьба мисс Паулы. Я хочу помочь вам искать ее.

— Не ходите за мной, — сказал Принц. — Возможно, меня ждет смерть...

— Я не младенец. Мне приходилось бывать во всяких переделках. А сейчас я представляю, каково это — умирать ночью в пустыне. Сегодня я нашел в песке человеческие кости. Но я хочу идти.

Принц сжал руку Билла. На мгновение теплая, дружеская улыбка появилась на его худом лице, выражавшем одновременно отчаяние и решимость.

Вскоре они нашли на красном гранитном обрыве довольно пологий склон и спустились вниз, на плоскую равнину, покрытую ядовитой красной пылью. В отчаянной спешке

они ползли, задыхаясь, вперед, по слабым следам Паулы, оставшимся после бури. Вокруг них клубилась завеса алой пыли, жгла ноздри. Они задыхались, отчаянно хватали ртом разреженный пыльный воздух. Пыль, смешанная с потом, покрыла их грязной красной коркой.

Они шли по следам примерно милю. Затем Паула перешла на голый склон, сложенный из источенной временем вулканической породы. Ветер уничтожил ее следы, если они там и были. Путники обогнули каменную площадку, но в песке не было никаких отпечатков. Маленький красный глаз солнца висел над оранжевым западным горизонтом. Покрытые потом, Принц и журналист дрожали — начиналась ледяная марсианская ночь.

— Бесполезно, — пробормотал Билл, садясь на гранитный валун и вытирая с лица красную грязь. — Наверное, ее уже много часов нет в живых. Никаких шансов.

— Я должен ее найти! — воскликнул Принц. На его худом лице, покрытом красными пятнами, застыло решительное выражение. — Я немного похожу вокруг, посмотрю, нет ли каких-нибудь следов.

Билл остался сидеть на камне. Он оглянулся на низкую темную линию утесов, оставшуюся в миле позади них, зловеще выделявшуюся на фоне мрачного темно-синего неба. На западе угасал багровый марсианский закат.

Серебристого корабля не было видно за обрывом. Но Билл видел маленькие голубые шары, похожие на сапфировые звездочки, которые в ожидании чего-то кружили в небе. Теперь они снизились, некоторые летали всего в тысяче футов над невидимым снизу кораблем.

Внезапно один из них охватило ярко-оранжевое пламя. Голубое свечение исчезло, и корабль превратился в куски искореженного белого металла. Билл понял, что по кораблю выстрелили ракетной торпедой.

Ответ был быстрым и ужасным. Тонкие, слепящие белые лучи протянулись вниз, к кораблю, и на конце каждого из них сверкала и переливалась крошечная ярко-красная искорка.

Билл знал, что это атомные бомбы. Должно быть, марсиане выпустили целую дюжину, по одной с каждого корабля. Через несколько секунд до него донесся звук взрыва — в разреженном неподвижном воздухе это был лишь резкий треск,

словно выстрел из пистолета. Билл не мог видеть со своего места взрывов бомб. Больше с невидимого корабля не стреляли торпедами. Билл ничего не видел, но он был уверен, что корабль уничтожен.

Он услышал крик Принца — тот находился в сотне метров от Билла.

— Я нашел след.

Билл вскочил, потащился следом. Принц нетерпеливо ждал, с трудом переводя дыхание. В темно-синем небе была видна лишь половина красного солнечного диска — вторая половина уже скрылась за горизонтом, и путников обдувал ледяной ветер.

— Думаю, это конец, у мира больше нет шансов! — задыхаясь, произнес Билл.

— Наверно, вы правы. Должно быть, какой-то глупец запустил в них торпеду, несмотря на приказ. *Витомат* мог нас спасти, если бы у Трейнора была возможность им воспользоваться.

Они с трудом пробирались по песку, напрягая зрение, чтобы различить в угасающем свете полустертые следы. Быстро холодало — ведь у Марса, в отличие от Земли, нет плотной атмосферы, удерживающей накопленное за день тепло.

Сумерки быстро сменились ночью. На мгновение на западе сверкнули языки темно-багрового пламени, затем засияли золотые лучи. Потом небо потемнело, на нем зажглись миллионы холодных, прекрасных звезд — сверкающих бесстрастных свидетелей драмы, разыгрывающейся среди пустыни.

Билл почувствовал леденящий холод. Казалось, пот и грязь, покрывающие его тело, замерзли. На одежде и даже на красной пыли появились блестящие белые кристаллики изморози. Биллу казалось, что воздух, которым он дышит, замораживает его легкие. Он дрожал. Кожа болела, превратившись в жесткую, онемевшую оболочку, мешающую двигаться. Принц, спотыкаясь, ковылял впереди, превратившись в смутную черную тень, и время от времени окликал Паулу странным, напряженным голосом.

Билл остановился и оглянулся, дрожащий и несчастный.

— Нет смысла идти дальше, — выговорил он. — Нет смысла. — Он стоял, хлопая себя по телу онемевшими руками.

Перед ним предстала отчетливая картина — голый, побелевший на солнце череп с пустыми глазницами, лежащий среди красного песка. — Кости в песке, — бормотал он. — Кости в песке. Кости Энверса. И Паулы. Кости Принца. Мои.

И тут он увидел нечто такое, что заставило его застыть на месте, несмотря на холод.

Красный утес превратился в низкую темную линию, выделявшуюся на фоне усыпанного звездами неба. Дюжина маленьких синих шариков по-прежнему парила над ним, описывая бесконечные круги, наблюдая, выжидая. Они ярко светились среди звезд.

Над темным обрывом возникло маленькое облачко зеленого пара, похожее на крошечную светящуюся сферу. Оно вращалось и сияло ясным, сверкающим зеленым светом; это был цвет весны, цвет самой жизни.

Облако с удивительной скоростью рванулось вверх и столкнулось с одним из кораблей. Искрящаяся завеса танцующих изумрудных частичек окутала лазурную сферу и растворила ее.

Билл протер глаза. Там, где только что находился голубой корабль, осталась лишь кружащаяся масса зеленого тумана, облако переливающихся зеленых частичек, сияющих прекрасным изумрудным светом, который, казалось, принадлежит самой жизни.

Внезапно вращающееся облако взорвалось и распалось на десятки крошечных округлых скоплений ярко светящихся атомов. Зеленое облако «ело» и росло. А теперь оно воспроизводило себе подобных, как живое существо, которое питается, растет и выбрасывает споры.

И каждый из маленьких изумрудных шариков полетел к голубой сфере. Биллу показалось, что голубые корабли притягивают их, словно вращающиеся комочки зеленого тумана были живыми и искали себе пищу.

Мгновение спустя изумрудные облачка врезались каждый в свой шар. Вражеские корабли окутала мерцающая зеленая завеса. И сферы начали таять, бледнеть и исчезли в живом ярко-зеленом тумане.

Все это заняло несколько мгновений. Не прошло и секунды, подумал Билл, после того, как появился первый вращающийся зеленый шарик и был проглочен первый

марсианский корабль. Затем так же внезапно, как и появились, зеленые облака исчезли. Их просто не стало.

Над темными утесами висели холодные, переливающиеся разноцветными огнями звезды. Марсианские корабли исчезли.

— *Витомат!* — пробормотал Билл. — Принц говорил о каком-то *витомате*. Новое оружие, использующее энергию жизни. И эта зеленая штука была похожа на живое существо, пожирающее сферы!

Внезапно он снова ощутил леденящий холод. Билл пошевелился и почувствовал, что одежда затвердела на морозе. Холод сковал тело — теперь у него почти ничего не болело. Билл чувствовал странную легкость, свободу — и встревожившее его желание уснуть. Но свинцовая боль, вызванная холодом, по-прежнему пряталась где-то внутри, глухая, пульсирующая.

— Шевелись! Шевелись! — бормотал он онемевшими от холода губами. — Двигайся, не то замерзнешь!

Он, спотыкаясь, направился по песку в направлении, в котором скрылся Принц. Холод не давал ему идти. Выдыхаемый воздух превращался в ледяные облачка. Изо всех сил Билл боролся со смертоносным желанием лечь и уснуть.

Он прошел немного, когда наткнулся на смутную фигуру, едва различимую в ночи. Это был Принц, он нес на руках Паулу.

— Я нашел ее на песке, — прошептал он, обращаясь к Биллу. — Она была в сознании. Она обрадовалась... простила меня... теперь она счастлива.

Принц с трудом пробирался по песку, сгибаясь под тяжестью тела девушки.

— А зачем нам идти? — едва выговорил Билл заледеневшими губами. — Нам никогда не добраться туда. Они стреляли в «Ред Ровер» атомными бомбами. А затем с ними что-то случилось. Зеленый свет.

— *Витомат!* — воскликнул Принц. Чувствовалось, что ему трудно говорить. — Воронка преобразованных атомов. Контролируемая на расстоянии. Живая. Поглощает любое вещество. Разлагает его на атомы, превращает в ничто!

Он заковылял к темной линии холмов, прижимая к себе неподвижное тело девушки.

— Но Паула! Я люблю ее. Я должен отнести ее на корабль. Это моя вина. Мы должны добраться до корабля.

Билл тащился следом за ним.

— Слишком далеко! — бормотал он. — Несколько миль. В холоде. Нам никогда...

Он остановился, издав тонкий, хриплый крик.

Впереди, над узкой черной полосой плато, возник стройный сверкающий серебристый цилиндр. Это был тонкий остроконечный корпус «Ред Ровера»; двенадцать задних моторных трубок выстрелили ослепительным белым светом. Корабль, целый и невредимый, покидал планету!

— Боже мой! — вскричал Билл. — Они бросают нас!

Он рванулся вперед — жалкая, дрожащая фигурка, закованная в жесткую, обледенелую одежду. Он размахивал руками, кричал. Это выглядело нелепо, смехотворно.

Принц остановился, не выпуская из рук Паулу.

— Они думают, что марсиане прикончили нас! — крикнул он дрожащим голосом. — Остановите их! Стреляйте торпедой по камню. Они увидят!

Билл услышал его слабый крик. Он отстегнул тяжелую трубку, все еще висевшую у него за плечами, и выставил перед собой. Онемевшими, непослушными пальцами он попытался повернуть рычаг. Пальцы его, казалось, заледенели — они отказывались шевелиться. Из глаз у него брызнули слезы, замерзая на щеках. Он стоял, сжимая в руках тяжелое орудие, и всхлипывал, как ребенок.

Узкий белый цилиндр «Ред Ровера» устремлялся вверх, в усыпанное звездами небо, ослепительные опаловые лучи били в темные скалы, оставшиеся внизу.

— Они уходят, — пролепетал Билл. — Они думают, что мы погибли. У них нет времени ждать. Они летят спасать мир.

Дрожа, он рухнул на сыпучий холодный песок.

Неожиданно Принц опустил Паулу на землю и подошел к Биллу.

— Поднимите ракету, — с трудом выговорил он. — Прицельтесь. Я выстрелю.

Билл механически поднял трубку, взглянул в телескопический прицел. Его так сильно трясло, что он едва мог удерживать орудие на камне. Принц попытался сдвинуть рычаг,

но тщетно. Тогда он напрягся, прижал его подбородком. Рычаг соскользнул, оставив на коже алую царапину. Он попытался еще раз, и наконец послышалось урчание мотора. Он приложил подбородок к маленькой красной кнопке, нажал на нее. Пустую оболочку отбросило назад, она вывалилась из онемевших рук Билла и покатилась по песку.

Торпеда вылетела, оставив за собой огненный хвост.

Принц снова подхватил Паулу на руки, прижал к себе ее холодное тело. Билл смотрел на «Ред Ровер». Внезапно у него вырвался невнятный радостный крик. Двигатели, поднимавшие корабль вверх, отключились. Тонкий серебристый цилиндр развернулся и направился вниз, описав длинную дугу.

Казалось, прошло лишь мгновение, и вот он уже пролетел над ними; луч прожектора скользил по красному песку. Вскоре они оказались в круге света. Корабль быстро опустился рядом с ними. Из шлюза выпрыгнули странные фигуры в вакуумных костюмах.

Через несколько секунд несчастные уже были на борту, в тепле, среди света. Горячий влажный воздух с шипением наполнил шлюзовую камеру, и они снова смогли свободно дышать. Шипение воздуха в клапанах было последним, что слышал Билл перед тем, как потерять сознание; очнулся он в удобной кровати, чувствуя себя согревшимся и очень голодным. В дверях стоял капитан Брэнд, разглядывая его своими голубыми глазами.

— Я просто заглянул навестить вас по дороге на пост, Билл, — сказал он. — Доктор Трейнор говорит, что теперь вы вне опасности. Принц и Паула тоже. Вы довольно сильно переохладились, но никто не получил серьезного обморожения. Как удачно получилось, что вы выстрелили. Мы уже потеряли всякую надежду.

С Принцем произошла странная перемена. Он давно уже пришел в себя и сидит у кровати Паулы. Необычно для женоненавистника и космического отшельника, а? Ну что ж, приходите на мостик, когда перекусите. Битва с марсианами, похоже, состоится в ближайшие несколько часов. Думаю, там будет на что посмотреть.

Выложив всю эту информацию так быстро, что сонный Билл едва успел воспринять ее, отважный космолетчик исчез за дверью.

Час спустя Билл появился на мостике.

Сквозь витролитовые панели он смотрел на знакомую картину межзвездного пространства — ясные, сверкающие разноцветные точки, мерцающие на фоне затянутого серебристой пылью черного неба. Пылающее солнце, окруженное багровыми языками пламени, казалось далеким и маленьким. Земля представала в виде зеленой звезды, сияющей неописуемо прекрасным изумрудным блеском; рядом с ней сверкала серебристая точка Луны.

Мрачный алый диск Марса заслонял значительную часть неба. Билл поискал крошечную голубую точку, которая так долго виднелась на фоне красной планеты, — лазурный кружок, который он впервые увидел в телескоп в Башне Трейнора. Билл нашел то место, где должна была располагаться точка, в верхнем полушарии планеты, но страшный объект исчез.

— Эта штука покинула Марс, — сообщил журналисту капитан Бранд. — Она отправилась в свою смертоносную миссию к Земле!

— Что же это было?

— Она защищена голубым колебательным экраном, как и все остальные. Никто не знает, какое дьявольское оружие находится у нее на борту и сколько там миллионов этих демонов-марсиан. Она огромна — больше мили в диаметре.

— Мы можем что-нибудь предпринять?

— Я не вижу, что можно здесь сделать. Но мы можем попытаться. Трейнор и Принц собираются применить свой *витомат*.

— Скажите, а разве прошлой ночью марсиане не стреляли по кораблю атомными бомбами? — спросил Билл. — Его не было видно, но я решил, что они уничтожили вас.

— Часовой, возвращавшийся последним, сбил ракетой один из шаров. Они выпустили множество пурпурных бомб, чтобы напугать нас. Но мне кажется, они хотели взять нас живыми. И доктор Трейнор привел в действие *витомат*, прежде чем они смогли что-либо сделать.

Билл вглядывался в космическую ночь. Капитан Бранд указал ему на небольшой голубой шарик, двигавшийся на фоне звезд.

— Вот эта дьявольская штука! Она несет смерть на нашу Землю!

Через несколько минут доктор Трейнор, Принц и Паула один за другим взобрались по лестнице на мостик. Трейнор нес треногу; в руках у Принца был небольшой черный ящик, в котором находилась странная вакуумная трубка с цериевым электродом и какие-то принадлежности; Паула принесла небольшой калькулятор и сборник математических таблиц.

Трейнор и Принц установили треногу и поместили на ней маленький черный ящик. Аппарат походил на небольшую кинокамеру. Паула точными, хладнокровными движениями начала работать с калькулятором, занося в него цифры из книги и называя результаты вычислений Принцу, который устанавливал значения на многочисленных табло в черном ящике.

Доктор Трейнор смотрел в компактный телескоп, который, очевидно, являлся частью странного аппарата, направив его на крошечный голубой диск, несущий Земле смерть. Время от времени он называл какие-то числа, которые, видимо, входили в расчеты Паулы.

Билл, с любопытством разглядывавший Паулу и Принца, не замечал никаких признаков взаимного влечения. Оба казались поглощенными работой. Словно их личные чувства исчезли и они стали лишь учеными.

Наконец доктор Трейнор поднял глаза от маленького телескопа, и Принц замер, держа пальцы на каком-то рычажке. Индукционная катушка, часть мощного виталиевого генератора, монотонно жужжала, между ее клеммами проскакивали пурпурные искры. Паула по-прежнему была занята своим калькулятором, пальцы ее бегали по кнопкам, негромко гудел механизм.

— Все готово, — объявил Трейнор, — осталось лишь Пауле закончить интегрирование. — Он обернулся к Биллу и капитану Бранду, которые с напряженным интересом рассматривали аппарат. — Если вы заглянете внутрь этой электронной трубки в тот момент, когда Принц повернет рычаг, то увидите маленькую зеленую искру. Прямо в фокусе лучей, исходящих от цериевого электрода, внутри виталиевой спирали.

— Так эта зеленая искорка — живое существо!

— В ней содержится то, что составляет основу всего живого. Она может поглощать материю — питаться. Может

расти. Она может делиться, воспроизводить себя. Она реагирует на внешние раздражители — подчинятся приказам, которые мы сообщаем ей с помощью этого направленного лучевого передатчика. — Он постучал по неприметному маленькому цилиндру. — И она исчезает, когда мы выключаем ток. Это живое существо, которому требуется пища. И оно расщепляет пищу более эффективно, чем остальные живые существа, — оно разрушает поглощаемые атомы. Оно преобразует их в чистую колебательную энергию, в свободные протоны и электроны.

Паула мягким, немного хриплым голосом назвала очередную цифру. Принц быстро ввел в аппарат последнее значение, нажал маленький рычаг. Билл, взглянув сквозь тонкие стенки небольшой электронной трубки, увидел раскаленную нить, увидел, как цериевый диск раскалился добела — вероятно, под воздействием катодной бомбардировки. Затем он заметил, что в аппарате возникла крошечная зеленая искра — в центре спирали из тонкой виталиевой проволоки. Некоторое время она висела там, раскачиваясь из стороны в сторону и медленно увеличиваясь в размере.

Принц неторопливо, одну за другой нажал несколько клавиш на черной панели, находившейся за трубкой. Зеленая искорка задрожала. Внезапно она вылетела вперед, проникнув сквозь стенку трубки. Она неуверенно проплыла по мостику, разрастаясь, пока не достигла размеров шарика для детской игры. Принц нажал очередную клавишу, и искра рванулась сквозь витролитовую панель и устремилась к голубому кораблю с Марса.

Искра проделала в прозрачной панели небольшую круглую дыру диаметром в палец. Материал, с которым она соприкоснулась, полностью исчез. А небольшое зеленоватое облачко, повисшее снаружи, снова выросло. Оно было теперь размером с мужской кулак — маленький кружащийся вихрь дрожащих изумрудных частичек.

Воздух с шипением выходил через крошечное отверстие, образуя снаружи ледяное облачко. Капитан Бранд быстро достал небольшой диск из мягкой резины и прижал его к дыре. Давление воздуха крепко прижало пробку, запечатав отверстие.

Принц нажал очередную клавишу, и вращающаяся зеленая сфера исчезла. Принц стоял, готовый снова нажать на

кнопки, внимательно глядя на бешено вращавшиеся красные стрелки приборов. Внезапно щелкнула еще одна клавиша. Он отодвинул прибор и взглянул наружу сквозь витролитовую панель.

Билл увидел, как зеленая завеса неожиданно окутала голубой шарик, плывущий среди звезд. Лазоревая сфера, казалось, растаяла, растворилась, превратившись в искристый, сияющий зеленый сгусток. В одно мгновение на месте огромного голубого корабля остался лишь вращающийся сверкающий изумрудный вихрь.

— Взгляните на Марс! — воскликнул Принц. — Это был наш вызов. Если они хотят мира, они его получат. Но если они предпочтут войну, они испытают на себе мощь *витомата!*

Билл, едва понимая, что происходит, обернулся и посмотрел на огромный диск алой планеты. Он видел сверкающее белое пятно северной полярной шапки, бескрайние оранжевые пустыни, темные полосы у экватора, зеленые линии каналов. Несмотря на свой тусклый багровый цвет, планета ярким пятном выделялась на фоне усыпанной блестками пустоты.

В следующую секунду Марс удивительным образом изменился.

Над оранжево-красными пустынями возникла голубоватая пелена. Казалось, внезапно в атмосфере планеты появился полупрозрачный голубой туман. Он темнел и внезапно стал как будто твердым. Синяя стена скрыла красную планету. Марс превратился в колоссальный шар. Поверхность его была сверкающей и безупречной, как у только что уничтоженного корабля.

Марс превратился в сферу из гладкого сапфира.

— Колебательная завеса, как мне кажется, — сказал Принц. — Какое научное достижение мы вынуждены уничтожить!

Огромные шары багрового огня — пурпурные сферы размером с космический корабль, — летящие на мощных лучах, вырвались из двадцати мест на поверхности лазоревой брони, скрывавшей планету. С невероятной скоростью они устремились к «Ред Роверу».

— Атомные бомбы, оружие возмездия! — воскликнул Принц. — Одна такая бомба способна изменить орбиту

Земли, швырнуть ее прямо на Солнце. — Он резко обернулся к Паулс. — Быстрее! Расчеты для планеты!

Она схватила калькулятор; тонкие пальцы забегали по клавишам. Трейнор развернул свой аппарат к гладкому голубому шару, в который превратился Марс, взглянул в прицел и назвал Пауле несколько цифр. Она быстро закончила расчеты и сообщила результаты Принцу.

Он снова склонился над клавиатурой.

Билл с любопытством, смешанным с ужасом, рассматривал голубой шар Марса и гигантские светящиеся красновато-пурпурные атомные бомбы, которые неслись к ним на мощных белых лучах.

— В этих атомных бомбах заключено поразительное количество энергии, — заметил доктор Трейнор, и в его кротких глазах сверкнул энтузиазм. — Думаю, что даже сам вакуум не выдержит их взрыва. Если они попадут в нас, то, скорее всего, они разрушат пространственно-временной континуум и вышвырнут нас из Вселенной, из пространства и времени!

Билл наблюдал за бешеным зеленым вихрем, кружащимся там, где недавно находился марсианский корабль. Он увидел, что смерч внезапно сдвинулся с места, рванулся через освещенное звездами космическое пространство прямо к Марсу и врезался в него. По гигантскому лазоревому шару быстро расползся изумрудный туман.

Марс начал таять.

Планета растворилась, превратилась в огромное, бешено вращающееся облако сверкающего зеленого тумана, который испускал странный свет — свет жизни! Планета превратилась в зеленую полупрозрачную сферу, в вихрь малахитовой пыли.

Принц щелкнул небольшим рычагом, и зеленый свет погас.

Там, где только что находился Марс, зияла пустота! Лишь ослепительно светили звезды. Аппарат размером с кинокамеру уничтожил планету. Билл был потрясен, ошеломлен.

Торжественно, почти печально Принц провел по лбу смуглой рукой.

— Это ужасно, — медленно произнес он. — Ужасно вот так уничтожить целый мир. Мир, который создавался мил-

лионы лет и который мог изменить историю космоса... Но они выбрали войну. У нас не было иного выхода.

Внезапно он покачал головой и улыбнулся:

— Все кончено. Великая задача моей жизни выполнена. Доктор, прошу вас, упакуйте *витомат* как можно тщательнее, заприте его в нашем лучшем сейфе и постарайтесь забыть шифр. Это великое изобретение. Но я надеюсь, у нас никогда не возникнет необходимости использовать его еще раз.

А затем Принц Космоса сделал вещь, поразившую его соратников не меньше, чем гибель Марса. Он быстрыми шагами подошел к Пауле Трейнор, обнял ее, медленно приподнял ее узкое лицо, на котором светились золотистые глаза, теперь излучающие радость. Он наклонился и почти с мальчишеской жадностью поцеловал ее горячие алые губы.

Когда он обернулся к пораженному капитану Бранду и остальным, в глазах его плясали веселые огоньки.

— Позвольте мне,— сказал он,— представить вам Принцессу Космоса!

Через несколько месяцев, когда Билл приземлился на Башне Трейнора, прибыв с визитом из своего нового дома в Космическом Городе, он обнаружил, что уничтожение Марса вызвало невероятную шумиху. Астрономы выдвигали смелые гипотезы, объясняющие, почему алая планета сначала стала голубой, затем зеленой и наконец полностью исчезла. Корабли Лунного патруля по-прежнему энергично охотились за Принцем Космоса. После захвата сокровища «Тритона» награда за его поимку возросла до двадцати пяти миллионов долларов.

ЛИ БРЭКЕТТ

Венерианская колдунья

Ли Брэкетт (1915—1978) родилась в Лос-Анджелесе, росла в окрестностях Санта-Моники. В детстве Брэкетт была девчонкой-сорванцом, зачитывалась романами Эдгара Райса Берроуза и Генри Райдера Хаггарда, а вскоре начала сочинять собственные истории о фантастических приключениях. В биографической заметке к сборнику ранних произведений писательницы «Марсианский гладиатор» («The Martian Quest») говорится, что с первыми пробами пера Ли Брэкетт ознакомился Генри Каттнер, который и представил ее калифорнийским фантастам: Кливу Картмиллу, Роберту Хайнлайну, Джулиусу Шварцу, Джеку Уильямсону, Эдмонду Гамильтону и многим другим, включая тогда еще не печатавшегося Рея Брэдбери. Свой первый рассказ Брэкетт опубликовала в 1939 году в журнале Джона Кэмпбелла «Astounding», но быстро переметнулась в лагерь пэлп-фантастики, став постоянным автором «Planet Stories». Брэкетт писала также «крутые» детективы, например ее первый роман «Нет толка от трупа» («No Good from a Corpse»).

Писательница вышла замуж за Эдмонда Гамильтона в канун Нового, 1946 года. Пара обзавелась домом в калифорнийской пустыне и фермой в Кинсмане, Огайо. В эссе «Эдмонд Гамильтон, каким я его знал» («Edmond Hamilton: As I Knew Him») Джек Уильямсон вспоминает: «Они познакомились в 1940-м, в год, когда был опубликован ее первый рассказ. Мы тогда находились в Лос-Анджелесе вместе с Джулиусом Шварцем, литературным агентом Эда. Ли начала как автор искусного, яркого фэнтези и научной фантастики, а также „крутых" детективов. Во время войны она стала успешным сценаристом, написав в соавторстве с Уильямом Фолкнером сценарий для фильма Говарда Хоукса „Глубокий сон" („The Big Sleep") по роману Раймонда Чандлера. Когда я спрашивал ее о Фолкнере, она называла его крайне любезным джентльменом с Юга, который был постоянно озабочен мыслями о том, как бы вернуться на берега Миссисипи и получать по 500 долларов в неделю».

Друг и почитатель таланта Брэкетт Майкл Муркок рассказывал: «Как и большинство ее героев, Ли предпочитала жить не по правилам. Она всегда твердила, что ее первой любовью было сайнс-фэнтези. Твердила нарочито вызывающе, хотя платили за работы в этом жанре куда

меньше, чем за прочие публикации в пэлп-журналах. Меньше даже, чем за другие разновидности фантастики. Если бы она решила писать о трущобах Лос-Анджелеса, а не о закоулках космических далей, она заработала бы гораздо больше... Жажда свободы заставила ее и многих других современников выбрать менее прибыльный жанр». И далее: «Было время, когда на сайнс-фэнтези смотрели свысока, как на внебрачное дитя научной фантастики (жанра, посвященного научным догадкам) и фэнтези (жанра, посвященного магии)».

За несколько недель до кончины, в 1978 году, Ли Брэкетт сдала на студию черновик сценария к фильму «Империя наносит ответный удар» («The Empire Strikes Back»). Картина посмертно посвящена писательнице. Причастность королевы космической оперы к «Звездным войнам» («Star Wars»), крупнейшей фантастической саге того времени, явилась решающей в дальнейшем коммерческом успехе жанра в целом.

Поскольку литературный жанр — это форма общения между писателями, один из возможных подходов к исследованию заключается в том, чтобы отыскать авторов, которые утверждают, что создают космическую оперу, и посмотреть, что именно они делают и что об этом говорят. Особого внимания заслуживают те, кто выбивается из общего ряда, выбирает необычный подход и нетрадиционные методы сочетания науки и фантастики. Основываясь на интервью и эссе, посвященных представлениям подобных авторов о собственной работе, можно заключить, что эти люди абсолютно не сходятся во мнениях относительно того, какой должна быть научная фантастика и как ее, собственно, писать. Такое разногласие является благодатной почвой для формирования жанра. Во вступительной статье к единственной составленной ею антологии «Планетарные истории. Лучшее. Выпуск № 1» («The Best of Planet Stories № 1») Ли Брэкетт заявила, что пишет космическую оперу: «В течение пятнадцати лет, с 1940 по 1955 год, когда журнал не выходил, мои отношения с издателями „Planet Stories“ складывались так хорошо, как можно только мечтать. Мне была предоставлена испытательная площадка, где я пробовала свои силы и набиралась опыта, — уникальная возможность для начинающего автора. Мне присылали чеки, спасавшие от голодной смерти. В последующие годы журнал обеспечил мне стабильный рынок сбыта историй, которые мне больше всего нравилось писать. Короче говоря, я им чертовски обязана. „Planet Stories“, не стыдясь, печатали космическую оперу».

Далее следует целый панегирик любимому жанру: «Так называемая космическая опера — это сказка, героический эпос о нашем месте в истории. Еще несколько лет назад Циолковского называли фантазером. Годдард, гений, опередивший свое время, должен был притворяться, что его ракеты предназначены для исследования верхних слоев атмосферы, просто потому, что опасался произносить слово „космос". Важные шишки, у которых мозги в заднем кармане, продолжали сидеть на них, презрительно посмеиваясь, пока спутник не вышел на околоземную орбиту, напугав их до заикания. Но космическая опера уже давно рассказывала о межзвездных перелетах, путешествиях по Солнечной системе и к другим мирам, к иным галактикам; рассказывала десятилетиями, с большим или меньшим мастерством, но с огромной любовью и энтузиазмом. Те истории были призваны расширить наше узкое сознание, вырвать за пределы небосклона в бесконечные дали глубокого космоса, где сияют огромные светила и сверхновые простирают свои огненные вуали длиной в парсеки. Где туманности Угольный Мешок и Конская Голова исполнены темной тайны; где зловеще подмигивают цефеиды и миллиарды безымянных планет могут оказаться пристанищем для многочисленных странных жизненных форм. Эскапизм? Да, черт возьми! Но вот что смешно: сейчас очевидно, что бежали мы в ту реальность, которую до сих пор некоторые пытаются отрицать, шарахаются от нее, словно дьявол от святой воды, в страхе посмотреть вверх и вовне».

В середине 1970-х годов один европейский критик заявил (в «Le Space Opera et l'Heroic Fantasy»), что у жанра два полюса: Эдгар Райс Берроуз и Эдмонд Гамильтон. Гамильтона отличают «сражения галактического масштаба, четко обозначенное противостояние между человечеством и враждебными инопланетными расами, поставленная под угрозу судьба мироздания». А стиль Берроуза несет печать живописной, «анахроничной барочности первых комиксов о Флэше Гордоне». И если впоследствии кто-либо и занимал в жанре ведущую позицию, полярную по отношению к Гамильтону, то это Ли Брэкетт.

Дэвид Прингл в эссе 1990 года об истории развития космической оперы пишет: «...До космической оперы существовала еще одна, менее пафосная и более развлекательная форма фантастики, посвященная космическим путешествиям. И если появившиеся в 1928 году „Космический жаворонок" („The Skylark of Space") „Дока" Смита и первая повесть о Межзвездном патруле Гамильтона стали лучшими образцами жанра на ран-

нем этапе, то предшественник мог похвастаться собственным „эталоном качества" за полтора десятилетия до этого... В 1912 году журнал „All-Story" начал публиковать роман „Под лунами Марса" („Under the Moons of Mars") Эдгара Райса Берроуза, который позже был переиздан под названием „Принцесса Марса" („A Princess of Mars"). Жанр произведения со временем получил название „планетарного романса". Я нахожу этот термин крайне точным для обозначения еще одного обособленного поджанра фантастики, противопоставленного космической опере по ряду признаков, но имеющего с нею достаточно общих черт. Многие путают эти два поджанра...»

А Муркок в своем уже цитировавшемся эссе писал: «Общеизвестно, поскольку Рэй сам говорил об этом, что его Марс, как и Пурпурные пески Балларда, вовсе не так уж отличается от Марса, каким его представляла Брэкетт. И до того, как весь мир убедился, насколько Брэдбери хорош, он с завидным постоянством печатался в тех же пэлп-журналах, что и Ли. Сама Брэкетт боготворила Берроуза, но тому явно не хватало ее поэтического видения, ее особого описательного таланта, и, на мой взгляд, лучшие из ее марсианских историй до сих пор дадут сто очков вперед чьим угодно другим».

Главный герой «Венерианской колдуньи» Эрик Джон Старк является центральным персонажем многих марсианских рассказов Брэкетт и трех романов, написанных в 1970-е годы. Рожденный на Меркурии и воспитанный дикими полулюдьми, он напоминает этакого Тарзана, путешествующего по Солнечной системе, и в данном случае приключения его разворачиваются на покрытой водой Венере, какой она рисовалась в ранней НФ. Повесть представляет собой один из архетипов или моделей космической оперы, сложившихся к 1970-м годам и сохранивших актуальность по сей день.

Глава 1

Корабль плыл по Красному Морю, медленно продираясь сквозь пелену тумана. Ленивые вдохи ветра едва наполняли его паруса. Корпус из тонкого легкого металла беззвучно резал тихие струи огня, пляшущие на поверхности странного моря.

Над кораблем сгущалась ночь, наплывающая с запада медленным потоком густого индиго.

Человек, известный под именем Старка, в одиночестве стоял у задних поручней и следил за наступлением ночи. Нетерпение и тревога переполняли его душу. Он чувствовал угрозу даже в горячем дуновении морского ветра.

Рулевой сонно склонился над веслом.

Это был рослый человек с молочно-белыми волосами и бледной кожей. Он молчал, но Старк чувствовал, что глаза рулевого время от времени обращаются к нему, белесые, расчетливые, с тайной жадностью поблескивающие из-под полуопущенных век.

Капитан и двое матросов маленького каботажного суденышка сидели впереди, расправляясь с ужином. Раза два Старк слышал взрывы приглушенного смеха.

Казалось, будто все четверо участвуют в какой-то веселой игре, но принять в нее Старка решительно отказываются.

Жара угнетала. На смуглом лице Старка выступил пот. Рубашка прилипла к спине.

Тяжелый воздух был наполнен влагой и душным, дурманящим запахом жирного чернозема, доносившимся с недальнего, укрытого туманом берега.

В самом море чудилось что-то зловещее. Даже среди самих венерианцев Красное Море пользовалось дурной славой. Оно лежит за Облачными Горами — гигантским барьером, скрывающим половину планеты.

Очень немногие осмелились перейти этот барьер, навстречу тайнам Внутренней Венеры, вернулось же еще меньше.

Старк был одним из этих немногих. Он три раза пересекал горы и один раз жил там почти год, но и он так и не привык к Красному Морю.

Оно состояло не из воды, а из газа, достаточно плотного, чтобы по нему могли плыть металлические корпуса кораблей, и вечно горевшего глубоким внутренним огнем. Туман, окутывавший его, был окрашен кровавым румянцем. В глубине же, там, где проходили ленивые течения, Старк видел наносы пламени и маленькие вспышки искр, летящие вверх, разбегающиеся в стороны и сливающиеся с другими вспышками. Поверхность моря напоминала ночное небо, усеянное малиновыми звездами.

В густом, сочном мраке эта картина была очень красивой, красивой и странной.

Послышались шаги босых ног. Капитан Мальфор подошел к Старку. В сияющем тумане его силуэт казался призрачным.

— Подходим к Шарааиу.

— Хорошо.

Старк кивнул.

Путешествие длилось бесконечно, и тесное пространство узкой палубы действовало Старку на нервы.

— Тебе понравится Шарааи, — радостно улыбнулся капитан. — У нас есть все, что нужно: вино, пища, женщины, — жаловаться грех. И посетителей мало. Мы держимся особняком, ты увидишь. Но те, кто приходит...

Он засмеялся и хлопнул Старка по плечу.

— Да, ты будешь счастлив в Шарааис.

Старку послышалось, что матросы тоже смеются. Похоже, они оценили шутку Мальфора, но соль этой шутки должна быть скрытой от посторонних.

— Прекрасно, — кивнул он.

— Вероятно, — заметил Мальфор, — тебе понравится жить у меня. Я с тебя возьму по-божески, по-доброму.

За проезд он тоже взял со Старка вполне по-божески, как-то чересчур по-доброму.

— Нет, — произнес Старк.

— Да ты не бойся, — доверительно подмигнул венерианец. — У всех чужаков, приезжающих в Шарааи, одна забота на уме. Я-то знаю. Но мы тебя спрячем, не беспокойся. До нас никто не дотянется.

Он сделал паузу, но Старк не поддался на приманку. Мальфор хихикнул и продолжил:

— В сущности, это настолько безопасное место, что большинство иноземцев решили остаться там навсегда. В моем доме я дам тебе...

— Нет, — равнодушно повторил Старк.

Капитан пожал плечами.

— Ладно. Но ты все-таки подумай об этом.

Он взглянул вперед, в красные завитки тумана.

— Ага, видишь?

Вдали показались очертания утесов.

— Мы входим в пролив.

Мальфор повернулся и сам взялся за рулевое весло, а помощник пошел к остальным.

Судно начало набирать скорость. Старк увидел, что оно захвачено течением, несущимся к утесам, а река огня еще быстрее устремилась в глубины моря.

Из тумана перед ними выпырнула темная стена. Сначала Старк не увидел в ней никакого прохода, но тут стену прорезала узкая малиновая полоса. Она расширилась и вскоре превратилась в поток бурлящего пламени, мчавшегося вокруг разбитых скал. Красный туман.

Корабль дрожал, словно безумный, и неумолимо летел в самое сердце ада.

Руки Старка невольно стиснули поручень. Клочья тумана проносились мимо. Казалось, что море, воздух и сам корабль пропитались кровью. Мощный стремительный поток беззвучно катил свои огненные волны меж скалистых берегов пролива, на которых то тут, то там вспыхивали зловещие огоньки.

Эти частые вспышки, отблески, блики подсказали Старку, что проливы Шараана охраняются. Среди утесов притаились приземистые укрепления, стояли наготове баллисты и большие лебедки, установленные здесь, чтобы тянуть сети через узкую горловину. Вероятно, люди Шараана издали закон, который запрещал иностранным купцам появляться в проливе. Что ж, у них были основания бояться чужаков. По официальной версии, Шараан питала торговля вином и кружевами — изумительной красоты изделиями, сплетенными из паутины шелкового паука. Но на самом деле город жил за счет пиратства, разбоя и контрабандной торговли перегнанным соком мака.

Глядя на скалы и укрепления, Старк понял, как Шараану много столетий подряд удавалось безнаказанно грабить торговые флотилии в Красном Море, даруя убежище ворам, убийцам и нарушителям табу.

С ошеломляющей быстротой они прошли через узкий пролив и поплыли по спокойной поверхности того, что было, по существу, внутренним заливом Красного Моря.

Густой туман все еще скрывал от Старка землю, но запах ее стал теперь сильнее — запах прелой почвы, гнилостный дух заболоченных джунглей. Один раз ему показалось, что сквозь пар он видит темную глыбу какого-то острова, но через секунду видение исчезло.

После дух захватывающей стремительности пролива Старку казалось, что корабль едва ползет. Нетерпение и тревога усилились. Старк принялся нервно мерить шагами палубу, ступая бесшумно и быстро, словно дикий кот.

Еще вчера Старк находился на Марсе, и после чистого сухого воздуха этой планеты густой венерианский туман был настоящей душегубкой.

Внезапно он остановился и, откинув голову, прислушался.

Ленивое дыхание ветра принесло слабый звук. Он шел отовсюду и ниоткуда, нечто смутное, без источника и направления.

То говорила сама ночь, жаркая синяя ночь Венеры в безутешном горе кричала сквозь туман.

Звук стих и умер, едва услышанный, оставив в душе чувство некой вселенской скорби.

Старк вздрогнул. На минуту воцарилась тишина, а затем тихий таинственный стон, переливающийся в тяжелом воздухе, вновь пронесся над морем и тихим пением взлетел к небесам. Не было слов в этой песне, да и невозможно выразить словами столь глубокую печаль. Вскоре невидимые певцы умолкли.

Старк повернулся к Мальфору:

— Что это?

Капитан с удивлением взглянул на своего пассажира. Видимо, он ничего не слышал.

— Плачущий звук! — нетерпеливо пояснил Старк.

— Ах, это! — Венерианец пожал плечами. — Фокусы ветра. Он свистит в полых камнях вокруг пролива.

Капитан зевнул, уступил свое место у рулевого весла помощнику и подошел к Старку. Землянин не обратил на него внимания. Загадочный, едва различимый в тумане звук резко усилил его тревогу.

Цивилизация лишь слегка коснулась Старка. С детства воспитанный полулюдьми, он сохранил в своей душе нечто дикарское. Слух у него был превосходный.

Мальфор врал. В свисте ветра никогда не услышишь такое живое, безнадежное страдание.

— Знал я кое-кого из земля́н, — заметил Мальфор. — Они не похожи на тебя.

Он сменил тему, хотя и не слишком ловко.

— Я не с Земли, — ответил Старк, — я с Меркурия.

Мальфор вытаращил глаза. Венера — мир, укрытый облаками, где люди никогда не видели Солнца и мало что знают о планетах. Капитан что-то слышал о них. Он знал о существовании Земли и Марса, но о Меркурии понятия не имел.

Старк объяснил:

— Это ближайшая к Солнцу планета. Там очень жарко. Солнце пылает, как гигантский костер, и нет облаков, чтобы прикрыть его.

— А! Вот почему у тебя такая темная кожа.

Мальфор сравнил свою бледную руку с рукой Старка и покачал головой.

— Я никогда не видел такой кожи и таких мускулов, — добавил он и восхищенно улыбнулся. — Я хочу, чтобы ты остановился у меня. Лучшего жилища не найти во всем Шараане. И заметь: люди в городе рады поживиться за счет иноземцев, грабят их и даже убивают. А меня все знают как честного человека. Под моей кровлей ты можешь спать спокойно.

Он помолчал и с улыбкой добавил:

— К тому же у меня есть дочь. Она отличная кухарка и притом красавица.

Горестное пение раздалось снова, далекое, приглушенное ветром, оно, казалось, пытается предупредить людей, рассказать о подстерегающем их неведомом злом роке.

— Нет, — в третий раз сказал Старк.

Не требовалось особой интуиции, чтобы держаться подальше от капитана: он был явным и не слишком хитрым мошенником.

На миг в глазах Мальфора блеснула злость.

— Ты упрям, а Шарааи не место для упрямых людей.

Он повернулся и отошел. Старк остался на месте. Корабль шел через медленно текущую вечность по спокойному заливу Красного Моря, сквозь жару и туман. Призрачная песня преследовала Старка, скорбная, как вопль погибших душ в забытом аду.

Наконец курс корабля изменился. Мальфор снова вышел на заднюю палубу и спокойным голосом отдал несколько распоряжений.

Впереди Старк увидел землю — темное пятно в ночи, а затем различил и контуры города.

На набережных и улицах горели факелы, а низкие здания освещали красноватые блики морских волн. Приземистый и безобразный Шараан скорчился, как ведьма, на скалистом берегу, обмакивая в кровь рваные юбки.

Корабль двигался к набережной. Старк услышал за собой легкое движение, приглушенные шаги босых ног. Быстро, точно почуявший угрозу зверь, он развернулся и положил руку на пистолет.

Нагель, брошенный помощником, с силой ударил Старка по голове.

Шатающийся, полуослепленный, он смутно увидел приближавшихся людей. Низко и резко в воздухе просвистел второй нагель и попал в плечо Старка.

Чьи-то руки схватили его. Тяжелые крепкие тела старались повалить раненого чужака. Мальфор захохотал.

Старк оскалился, сверкнул белыми зубами, впился ими в чью-то оказавшуюся рядом щеку и издал такое рычание, какое, наверное, никогда не исходило из человеческой глотки.

Венерианцы в испуге отшатнулись: они вообразили, что их пленник колдовским образом превратился в какого-то хищного зверя

Человек с разодранной щекой взвыл.

Шарканье ног, устрашающая суетливость движений — и громадное смуглое тело выпуталось из тугого клубка, поднялось и исчезло за поручнями, оставив в руках Мальфора лишь обрывки шелковой сорочки.

Поверхность Красного Моря без всплеска сомкнулась над головой Старка. Только вспышка малиновых искр, мимолетный след огня, летящий в глубину, как затонувшая комета, — вот и все.

Глава 2

Старк медленно погружался в багровую бездну. С дыханием не было никаких затруднений, не то что в настоящем море.

Газы Красного Моря прекрасно поддерживали жизнь, и создания, жившие в нем, имели нормальные легкие.

Впрочем, Старк, еще не пришедший в себя от боли и злобы, не обратил на это никакого внимания: его сил хватало лишь на то, чтобы удерживаться в глубине этого густого красного тумана.

Дикарь в нем, которого звали не Старк, а Н'Чака, который сражался, голодал и охотился в кипящих долинах Сумеречного Пояса Меркурия, научился многому и не забыл ничего. Ему хотелось вернуться и убить Мальфора вместе с его бандой. Он сожалел, что не смог перегрызть им глотки: ведь теперь они никогда не оставят его, они будут идти за ним по следу.

Но человек Старк, который получил куда более горькие уроки от так называемой цивилизации, сознавал неблагоразумие таких желаний. Он рычал, он боролся со жгучей головной болью, проклинал венерианцев на грубом примитивном наречии своей матери, но не спешил вернуться обратно. Он еще успеет посчитаться с Мальфором.

Тут он заметил, что залив очень глубок. Утихомирив [illegible]ость, он поплыл к берегу. Признаков преследования не было, и он рассудил, что Мальфор оставил его в покое. Старк не понимал причин нападения. Вряд ли это был грабеж: на что они могли позариться? На одежду? На те медяки, что бренчали у него в кармане?

Нет, причина таилась глубже. Она была связана с настойчивым желанием Мальфора поселить Старка у себя. Старк криво улыбнулся. Он подумал о Шараане, вспомнил слухи об этом городе, ходившие по всему побережью Красного Моря.

Затем лицо его омрачилось. Туман огненных сполохов, по которому он плыл, напомнил ему о том дне, когда он отправился в плавание по Красному Морю.

Он уходил не один, с ним был Хильви, высокий парень, сын варварского царька верхнего побережья Ярелла. Они охотились на удивительных животных в хрустальных лесах морского дна и купались в оздоравливающем пламени, которое выбивалось из ядра Венеры, чтобы питать океан. Они были как братья.

Теперь Хильви исчез в Шараане и не вернулся.

Старк медленно плыл в газообразной «влаге» моря. Вдруг в красном сиянии под собой он увидел нечто такое,

что заставило его опуститься пониже. Он с удивлением нахмурился...

Под ним были деревья, громадные лесные гиганты, поднимающиеся к настоящему небу.

В медленных струях огня их ветви слабо шевелились.

Старк был поражен. Леса, где охотились он и Хильви, были кристаллическими, без малейшего намека на жизнь. «Деревья» там — это то же самое, что ветвящиеся кораллы в южных океанах Земли.

Но здесь-то они живые или, по крайней мере, кажутся живыми. У них зеленые листья, а местами их обвивают лианы с большими поникшими цветами, золотыми, пурпурными и восково-белыми, но, подплыв поближе и прикоснувшись к ним, он понял, что все это мертво — и деревья, и листья, и цветы.

Они не мумифицировались, не обратились в камень, они остались гибкими, и краски их сияли свежестью. Они просто перестали жить, а газы моря чарами какой-то химической магии сохранили их, да так, что ни один лист не опал.

Старк не рискнул плыть в темную гущу верхних ветвей: странный ужас овладел им при виде этого гигантского леса, спящего в глубинах залива, затонувшего и забытого. Казалось, деревья недоумевают: куда девались птицы, теплые дожди, дневной свет? Он поднялся вверх и поплыл над ветвями, словно большая темная птица. Переполненный стремлением уйти из этого неземного места, он плыл вперед. Его дикое, первобытное чутье обострилось, а тело вздрагивало, почти физически ощущая присутствие зла, такого большого, что он, призвав весь свой здравый смысл, едва смог убедить себя, что его не преследуют демоны.

Наконец, выплыв на поверхность, он обнаружил, что сбился с пути и сделал большой круг, оказавшись теперь много ниже Шараана. Он не спеша поплыл обратно и в конце концов выбрался на черные скалы.

Он встал на край грязной тропы, ведущей к городу, и пошел по ней, не быстро и не медленно, но очень осторожно.

Из тумана показались редкие хижины-мазанки. Вскоре они стали попадаться все чаще и постепенно образовали целую улицу.

Кое-где сквозь узкие окна пробивался свет.

На пороге ближайшей хижины стояли мужчина и женщина. Увидев его, они бросились в стороны, женщина вскрикнула.

Старк прошел мимо. Он не оглядывался, но знал, что они недалеко и идут за ним.

Тропа извивалась, как змея, и ползла между тесно стоявшими домами. Стало больше света, появилось больше народу — высоких белокожих людей, жителей болотных окраин, с бледными глазами, кудельными волосами и волчьими лицами.

Старк шел мимо них, чужой, странный, черноволосый и загорелый.

Люди ничего не говорили и не пытались остановить его. Прячась за красной пеленой тумана, они с любопытством и страхом следили за незнакомцем. Кое-кто даже осмелился — сохраняя, разумеется, почтительную дистанцию — последовать за ним. Откуда-то появилась стайка ребятишек, совсем голых: они с криками побежали рядом, но близко не подходили, пока один мальчишка не закричал что-то непонятное.

Старк уловил только одно слово: «Ліхари». Все ребята в ужасе остановились, а затем бросились наутек.

Старк зашагал через квартал плетельщиков кружев. Инстинкт вел его к пристани.

Сияние, шедшее с Красного Моря, пронизывало воздух, и казалось, что на город опустилась туча, состоящая из мельчайших капелек крови. Запах, несшийся отовсюду, не нравился Старку: пахло грязью, скученными, потными телами, вишнем перегаром и зернами мака. Шараан был нечистым городом, и воняло от него злом.

Было что-то еще, нечто неуловимое, холодными пальцами пробегающее по нервам Старка: страх. Он видел тень этого страха в людских глазах, слышал его отзвуки в их голосах. Волки Шараана даже в собственном логове не чувствовали себя в безопасности.

По мере того как это ощущение росло, Старк бессознательно становился все более настороженным, глаза его наливались холодом, взгляд тяжелел.

Он вышел на широкую площадь перед гаванью и увидел призрачные корабли, пришвартованные у набережных,

груды винных бочонков, путаницу мачт и снастей на фоне пылающего залива.

Чадило множество горящих факелов. Вокруг площади стояли широкие приземистые строения. Оттуда, с темных веранд, доносились смех и голоса, где-то под заунывные звуки камышовой дудки пела женщина.

Яркая вспышка света вдали ударила в глаза Старка. Здесь улицы поднимались вверх, и, глядя сквозь туман, Старк смутно разглядел контуры замка, построенного на невысоких утесах, глядевшего яркими глазами в ночь, на улицы Шараана. Старк поколебался, а затем пошел через площадь к большой таверне.

На площади толпилось много народу, в основном матросы и их женщины. Все были развязны и глупы от вина, но тем не менее они останавливались и смотрели на смуглого чужака, а затем обходили его, продолжая разглядывать.

Те, кто шел за Старком, тоже вышли на площадь, остановились, а затем, перешептываясь, разошлись по другим группам.

Полная женщина замолкла на середине фразы. На площади стало удивительно тихо, но нервное шушуканье еще кружилось в этой тишине, и отовсюду — с веранд, из винных погребков — медленно выходили люди. Внезапно растрепанная женщина указала на Старка и визгливо засмеялась.

Три молодых человека с жестокими глазами и хищными ртами загородили Старку дорогу, улыбаясь, как улыбаются собаки перед убийством.

— Иноземец, — прохрипел один, — землянин?

— Вне закона, — ответил Старк, солгав лишь наполовину.

Один из парней шагнул вперед.

— Ты перелетел, как дракон, через Облачные Горы или упал с неба?

— Я прибыл на корабле Мальфора.

По площади прокатился вздох, и общий шепот эхом повторил имя капитана. Жадные лица юношей выразили разочарование. Их вожак ухмыльнулся и заметил:

— Я был на набережной, когда Мальфор швартовался, и не видел тебя на борту.

Настал черед Старка улыбнуться. При свете факелов его глаза казались холодными и искрящимися, как лед на солнце.

— Вот пусть Мальфор тебе это и объяснит, — сказал он и мягко добавил: — А может, ты хочешь узнать на себе?

Парень хмуро, со странной нерешительностью взглянул на него. Старк весь подобрался, напрягая мускулы. Женщина, которая смеялась, подошла ближе, разглядывая Старка через свои спутанные, свисающие на лицо волосы и обдавая его запахом макового вина. Она сказала:

— Он пришел из моря, вот откуда. Он...

Один из молодых людей ударил ее по губам, и она упала в грязь. Плотный моряк подбежал к ней и, схватив за волосы, рывком поставил на ноги. Лицо его исказилось от страха и злобы. Он потащил женщину прочь, колотя и ругая ее за глупость.

Она сплевывала кровь, но ответить не решалась.

— Ну, — обратился Старк к парням, — наладили свои мозги?

— Мозги? — переспросил кто-то из толпы.

Это был грубый, скрипящий, неумело подражающий певучему венерианскому произношению голос.

— Нет у них никаких мозгов, у этих щенков. Кабы не так, они бы занимались делом, а не торчали бы тут и не приставали к иноземцам!

Молодые люди обернулись, и в просвете между ними Старк увидел говорившего. Он стоял на ступенях таверны. Это был землянин, и в первую минуту Старк принял его за старика, потому что волосы его давно поседели, а лицо прочерчивали глубокие морщины. Тело его было истощено лихорадкой, мускулы превратились в веревочные узлы на костях. Он тяжело опирался на палку: одна нога была скрючена и покрыта шрамами. Старик ухмыльнулся и сказал на разговорном английском:

— Гляди, как я их сейчас отделаю!

И он принялся на все лады честить парней, называя их ослами, ублюдками, сыновьями болотных жаб, неотесанной деревенщиной, бесполыми выродками.

— Если вы не верите чужаку, олухи, — хрипел он, — так почему бы вам в самом деле не обратиться к Мальфору? Уж он-то вам все объяснит!

В конце концов, истощив свой запас ругательств, он взмахнул палкой и завопил:

— А теперь пошли вон! Убирайтесь! Я хочу поговорить с моим земляком!

Парни неуверенно покосились на Старка, переглянулись, пожали плечами и пошли через площадь, несколько смущенные, словно пойманные на каком-нибудь проступке детишки.

Седовласый землянин поманил Старка и, когда тот подошел, угрюмо шепнул ему:

— Ты в западне.

Старк оглянулся. На краю площади три парня встретили человека, лицо которого было обвязано тряпкой. Увидев, что их заметили, они тотчас скрылись за углом, но Старк успел узнать в четвертом Мальфора.

Что ж, значит, ему все же удалось разукрасить физиономию капитана.

А хромой крикнул — очень громко и очень радостно:

— Пойдем со мной, брат! Выпьем и поговорим о Земле.

Глава 3

Это была обычная венерианская таверна низшего класса — большая открытая терраса под соломенной крышей, где вместо стен — тростниковые шторы, которые можно свернуть и укрепить под потолком, а вместо пола — ветхий бревенчатый настил, который подпирают шаткие сваи. Вдоль низкой стойки размещались маленькие столики, а на полу вокруг них громоздились грязные шкуры и груды подозрительных подушек. В дальнем углу комнаты бурлило веселье: два старика с барабаном и камышовой дудкой и две хмурые, истасканные девицы.

Хромой подвел Старка к угловому столику, велел подать вина и уселся на груду шкур. Его глаза, темные, затаившие давнюю боль, горели от возбуждения, руки тряслись. Старк еще не успел присесть, а старик уже приступил к расспросам, торопясь и запинаясь, от нетерпения проглатывая целые слова.

— Как там теперь? Изменилось что-нибудь? Расскажи мне о Земле, о городах, о Солнце. Господи, я отдал бы все, чтобы снова увидеть Солнце, темноволосых женщин и их наряды!

Он наклонился, жадно вглядываясь в лицо Старка, словно надеялся увидеть в нем отражение того, о чем он так мечтал все эти годы.

— Ради бога, говори по-английски и расскажи мне о Земле!

— Ты давно здесь? — спросил Старк.

— Не знаю. Как считать время без Солнца, без единой распроклятой звездочки? Десять лет, сто лет — откуда я знаю! Вечность. Рассказывай о Земле.

Старк криво улыбнулся.

— Я там был очень давно, и, если попаду снова, полиция устроит мне роскошную встречу. Но когда я в последний раз видел Землю, она была такая же, как всегда.

Хромой вздрогнул. Он смотрел не на Старка, а куда-то мимо него, вдаль.

— Осенние деревья, красные и золотые на коричневых холмах. Снег. Я помню, что такое холод. Воздух кусается, когда его вдыхаешь. Женщины носят туфли на высоких каблуках. Маленькие голые ноги шлепают по грязи, а острые каблучки стучат по чистой мостовой.

Он взглянул на Старка, и глаза его наполнились слезами бессильной ярости.

— Какого дьявола ты явился сюда? Я не хочу вспоминать о Земле! Я Ларраби. Я живу в Шараане. Я живу здесь целую вечность, и сдохнуть мне суждено именно в этих болотах. Нет никакой Земли. Она пропала. Все пропало, все, кроме облаков, Венеры и грязи.

Нервная дрожь сотрясла его тело, он задохнулся и растерянно посмотрел по сторонам.

Слуга принес вино, поставил кувшин и отошел. В таверне воцарилась тишина. Развалившиеся на подушках посетители молча потягивали маковое вино и выжидающе посматривали на землян.

Вдруг Ларраби хлопнул себя по лбу и разразился веселым, искренним смехом.

— Слушай, ну и нюни я распустил! Подумай только, какая горячая любовь к Земле!.. А ведь раньше, когда я там жил, мне бы и в голову не пришло петь ей такие хвалебные песни!

Однако глаза его оставались мрачными, рука, держащая стакан, дрожала, и на стол пролилось несколько капель вина. Старк смотрел на него, не веря своим глазам.

— Ларраби, — произнес он. — Ты — Майк Ларраби. Ты тот, кто взял полмиллиона кредитов из закрытого сейфа «Королевской Венеры»?

Ларраби кивнул:

— Я ушел с ними прямо через Облачные Горы, хотя говорят, что через них нельзя перебраться. А знаешь, где теперь эти полмиллиона? На дне Красного Моря вместе с моим кораблем и командой. Один Бог знает, почему я остался жив.

И он пожал плечами.

— Как бы то ни было, я хотел попасть в Шарааи и попал сюда, а посему жаловаться нечего.

Он снова сделал большой глоток.

Старк покачал головой.

— Ты здесь девять лет по земному времени.

Он никогда не встречался с Ларраби, но помнил его портреты, которые передавались через космос на частотах полиции. Тогда Ларраби был молодым человеком, гордым и красивым.

Собеседник угадал его мысли и со смехом спросил:

— Я изменился, верно?

Старк насторожился, пытаясь уловить снаружи какой-нибудь подозрительный шум, но все было тихо. Тогда он резко повернулся к Ларраби:

— Что там насчет западни, в которую я попал?

— Я скажу тебе только одно, — ответил Ларраби. — Из нее не выбраться. Я не смогу помочь тебе. Не смогу, а если бы и мог, то, честно говоря, не стал бы.

— Что ж, и на том спасибо, — вздохнул Старк. — Но ты можешь хотя бы сказать, что меня ожидает?

— Слушай, — сказал Ларраби, — я калека, старик, а Шарааи — не самое лучшее место в Солнечной системе. Но я живу. У меня есть жена, неряшливая шлюха, признаться, но, в сущности, неплохая баба. Может, ты заметил нескольких маленьких черноволосых щенков, катающихся в грязи? Это тоже мои. Я еще помню, как лечить переломы, вывихи и все такое прочее, а значит, могу пить бесплатно, когда захочу, то есть весьма часто. К тому же из-за своей проклятой ноги я безвреден, как младенец. Так что не спрашивай меня, что случится. Я предпочел бы не знать.

— Кто такие Лхари? — спросил Старк.

— А это тебе зачем? Ты что, в гости к ним собрался?

Ларраби, кажется, нашел эту мысль забавной.

— Тогда иди наверх, в замок. Они живут там. Это Лорды Шараана, они всегда рады иноземцам. — Он вдруг наклонился вперед. — Кто ты такой? Как тебя зовут и какой дьявол притащил тебя сюда?

— Меня зовут Старк. А пришел я сюда по тем же причинам, что и ты.

— Старк, — медленно повторил Ларраби, пристально вглядываясь в собеседника. — Да, да, был такой... Что-то припоминается, какие-то колокольчики звенят... Приходит на ум один верзила с юпитерских колоний, который вздумал устроить там бунт... Здоровенный был малый, с холодными глазами, а чтобы нагнать побольше страху на людей, его именовали не иначе как Меркурианским Дикарем.

Он кивнул, довольный собой.

— Так, значит, Дикарь? Ну ничего, в Шараане тебя выдрессируют.

— Возможно, — согласился Старк.

Его взгляд опять скользнул от Ларраби к двери, от двери к посетителям и от посетителей вновь к Ларраби.

— Кстати, об иноземцах. Один пришел сюда в минувший сезон дождей. Он венерианец, с Верхнего побережья, крупный такой парень. Я знал его. Может, он окажет мне помощь.

Ларраби фыркнул. К этому времени он выпил и свое вино, и вино Старка.

— Никто тебе не поможет. Друга твоего я в глаза не видал. Сдается мне, что и тебя я повстречал напрасно.

Он схватил свою палку, не без труда поднялся на ноги и, не глядя на Старка, грубо бросил:

— Тебе лучше проваливать отсюда.

После чего повернулся и заковылял к бару. Старк встал, посмотрел вслед Ларраби, и снова его ноздри ощутили запах страха.

Он вышел из таверны так же, как и вошел, — через переднюю дверь.

Никто не остановил его. Площадь была пуста. Начался дождь. Старк по щиколотки утонул в вязкой теплой грязи. Внезапно он понял, что ему следует предпринять, улыбнулся

и отправился в путь, держась края площади и продолжая обдумывать пришедшую в голову идею.

Дождь усилился. Его струи глухо шуршали в соломенных крышах, звонко лупили по булькающей грязи, и от голых мокрых плеч Старка валил густой пар. Пар окутывал и гавань: дождь, соприкасаясь с поверхностью Красного Моря, тут же испарялся и багровыми, бурлящими облаками поднимался к небесам. Набережные и смежные с ними улицы поглотил непроницаемый туман.

Жуткими синеватыми росчерками проносились молнии, следом за ними катились гулкие раскаты грома.

Старк свернул на узкую дорогу, ведущую к замку. Освещенные окна причудливого дворца гасли одно за другим, утопая в наползающем тумане. На мгновение молния выгравировала на фоне ночного неба темную груду замка, и сквозь грохот ударившего затем грома Старку послышался окрик.

Он остановился, пригнулся и положил руку на оружие. Крик раздался снова. Это был девичий голос, тонкий, как плач морской птицы, доносящийся сквозь пелену дождя. Затем он увидел на затемненной улице маленькое белое пятно.

Девушка бежала к Старку, и даже при беглом взгляде на нее в каждой линии ее тела чувствовался страх.

Старк прислонился к стене и ждал. С ней, похоже, никого не было, но в грозу и в темноте об этом судить было трудно.

Она подбежала и остановилась прямо перед ним, с болезненной нерешительностью глядя то на него, то назад. В яркой вспышке молнии он отчетливо разглядел ее. Она была совсем юной, едва вышедшей из подросткового возраста, и довольно привлекательной. Но теперь ее губы дрожали, а испуганные глаза широко раскрылись.

Юбка прилипла к ее стройным бедрам, а выше юбки голое тело, едва сформировавшееся по-женски, блестело, как мокрый снег. Светлые волосы падали на плечи.

— Чего ты хочешь от меня? — ласково спросил он. Она так напомнила ему брошенную мокрую куклу, и взгляд ее казался таким несчастным, что он улыбнулся.

От этой улыбки девушка совсем растерялась, упала на колени и зарыдала.

— Я не могу этого сделать, — сквозь плач выдавила она. — Он убьет меня, но я все равно не могу этого сделать!

— О чем ты? — спросил Старк.

Она подняла на него глаза.

— Беги немедленно! — сказала она. — Ты умрешь в болотах, но это лучше, чем отправиться к Потерянным Душам.

И она протянула к нему тонкие руки.

— Беги же!

Глава 4

Темная, безлюдная улица замерла. Старк наклонился, поднял девушку и затащил ее под навес крыши.

— Ну-ка перестань кричать и объясни мне толком, в чем дело.

Всхлипывая, она начала свой рассказ.

— Я — Зерит, — сказала она, — дочь Мальфора. Он помнит, как ты вел себя на корабле, и теперь боится тебя. Он приказал мне идти на площадь и ждать, пока ты не выйдешь из таверны. Затем я должна была идти за тобой и...

Она замолчала, и Старк похлопал ее по плечу.

— Давай дальше.

— Если я скажу, обещай, что ты не будешь бить меня...

Оружие Старка очень пугало ее.

— Обещаю.

Она вгляделась в его лицо, пытаясь различить в этой кромешной тьме его выражение, и, кажется, немного успокоилась.

— Я должна была остановить тебя и сказать то, что уже сказала, то есть что я дочь Мальфора, что он велел привести тебя в засаду, а я якобы хочу спасти тебя, потому что ненавижу Мальфора и все это дело с Потерянными Душами. Если бы ты поверил мне и пошел за мной, я привела бы тебя к засаде.

Она покачала головой и снова заплакала, на этот раз тише, и теперь в ней не было ничего от взрослой женщины. Теперь перед ним сидел жалкий, перепуганный ребенок,

и Старк с удовольствием вспомнил, как досталось Мальфору.

— Но я не могу вести тебя в ловушку, я действительно ненавижу Мальфора. Он, конечно, мой отец, но он бьет меня... А Потерянные Души...

Она сделала паузу.

— Иногда ночью я слышу их: они поют где-то далеко в тумане. Это очень страшно.

— Да, — сказал Старк, — я слышал их. Кто такие Потерянные Души, Зерит?

— Лучше не спрашивай, — ответила она. — О них запрещено даже упоминать. Во всяком случае, я ничего не знаю. Люди исчезают, вот и все. Не наши люди из Шараана — эти редко. В основном иноземцы, вроде тебя. Я уверена, что, когда мой отец охотится в болотах с тамошними племенами, он не приносит иной добычи, кроме людей с какого-нибудь захваченного судна. Зачем? Этого я не знаю. Да я и вообще ничего не знаю, я только слышала пение.

— Эти Потерянные Души живут в заливе?

— Наверное. Там много островов.

— А что Лхари, лорды Шараана? Разве они не знают, что делается? Или они сами участвуют в этом?

Она вздрогнула.

— Не наше дело — гадать, чем занимаются Лхари. Люди исчезают из Шараана, и никто не знает куда.

Старк кивнул и задумался. Маленькая рука Зерит коснулась его плеча.

— Уходи, затеряйся в болотах. Ты сильный, ты не похож на других. Ты сможешь выжить и найти свой путь.

— Нет. Прежде чем уйти из Шараана, я должен кое-что сделать.

Он обнял ладонями маленькую голову Зерит и поцеловал девушку в лоб.

— Ты милая и храбрая девочка, Зерит. Скажи Мальфору, что ты сделала все, что он велел, и не твоя вина, что я не пошел за тобой.

— Ну что ж, так или иначе, но мне от него достанется, — философски заметила Зерит, — но, может, не очень сильно.

— Да он тебя пальцем не тронет, поверь. Скажи ему, что я пошел в замок Лхари, и он тут же заткнется.

Последовало долгое молчание. Глаза Зерит медленно наливались ужасом, дождь стучал по крыше, раскаты грома и клубы тумана перекатывались над Шарааном.

— В замок! — прошептала она. — Ой, не надо, пожалуйста, не надо! Лучше в болота, лучше в руки к Мальфору, но только не в замок.

Она крепко, до боли, вцепилась в его руку.

— Ты — чужеземец, ты не знаешь... Прошу тебя не ходить туда!

— Почему? — спросил Старк. — Разве Лхари — демоны? Они пожирают людей?

Он мягко отстранил ее руки.

— Тебе пора идти. Скажи отцу, где я. Посмотрим, хватит ли у него смелости последовать за мной.

Зерит медленно отступила и сквозь пелену дождя испуганно воззрилась на Старка — человека, одной ногой стоящего в преисподней, человека, который еще жив, но вскоре позавидует мертвым. Изумление и острая жалость боролись в ее душе. Она хотела было сказать что-то, но только покачала головой, отвернулась и пустилась бежать, не в силах более находиться рядом с этим живым покойником. Через секунду ее силуэт растаял среди тумана и дождя.

С неожиданной для себя растроганностью Старк посмотрел ей вслед, а затем шагнул под дождь и направился вверх по ступеням к замку лордов Шараана.

Туман ослепил его. Шаг за шагом, почти на ощупь, Старк поднимался все выше и выше над городом, и постепенно багровая тьма совсем скрыла от него окружающее. Подул горячий ветер, и каждая вспышка молнии превращала тусклые завесы малинового тумана в клубящийся пурпурный ад.

Дождевые струи с шипением исчезали в глубинах залива, и ночь была полна этим тихим, непрестанным шелестом. Старк остановился и спрятал свое оружие в расщелине между скалами.

Вскоре он натолкнулся на резной столб из черного камня, а рядом — массивные ворота, окованные металлом. Он постучал, но его стук утонул в вязком тумане.

И тут рядом с воротами он увидел гонг — огромный диск кованого золота.

Старк взял лежавший тут же молоток, и глубокий голос гонга разрушил короткий миг тишины между двумя раскатами грома.

Приоткрылась щель, и на пришельца уставились человеческие глаза. Старк опустил молоток.

— Откройте! Я хочу поговорить с Лхари!

Изнутри послышался смех. Ветер донес обрывки голосов, новые взрывы смеха, а затем тяжелые створки ворот медленно отошли в стороны — ровно настолько, чтобы пропустить нежданного гостя.

И он прошел, и ворота с лязгом закрылись.

Перед Старком раскинулся широкий двор, настолько широкий, что на нем уместилось несколько хижин, открытый навес для стряпни, а за ними загоны для животных — бескрылых болотных драконов.

Люди, которые впустили Старка, столпились вокруг него, подталкивая гостя вперед, к свету, струившемуся из хижин.

— Он хочет говорить с Лхари! — крикнул один из них женщинам и детям, стоявшим в дверях.

Слова его были подхвачены, и по всему двору прокатился злорадный, издевательский хохот.

Старк молча оглядел местных жителей. Непонятное племя. Мужчины одеты в доспехи, а следовательно, это солдаты и телохранители Лхари. Все же прочие — это солдатские чада и домочадцы, никогда не вылезавшие за ограду замка и никаких контактов с жителями Шараана не имевшие. Но к какой же расе они принадлежат?

Некоторая толика крови жителей шараанских болот в них все же текла: об этом говорили и молочно-белые волосы, и широкие лица. Но Старк с удивлением замечал в них и другие черты, черты той расы, что никогда не встречалась здесь, за Облачными Горами, в жарких, окутанных вечным туманом приморских низинах.

Стражники рассматривали пришельца с неменьшим любопытством, изумляясь его черным волосам, смуглой коже и вытянутому овалу лица. Женщины подталкивали друг друга локтями, перешептывались, хихикали, а одна сказала:

— Где же взять ошейник на такую шею? Тут нужен обод от бочки!

Стражники сомкнулись теснее.

— Что ж, раз ты желаешь увидеть Лхари, то ты их увидишь, — громко сказал начальник, — но сначала мы проверим тебя.

Его окружили ощетинившиеся острия копий. Старк не сопротивлялся, и с него сорвали всю одежду, оставив только шорты и сандалии. Иного он и не ждал, и процедура обыска только позабавила его: стражники старались впустую.

— Ладно, — произнес наконец начальник, — пошли.

Вся деревня не поленилась выйти под дождь только для того, чтобы проводить Старка до дверей замка. Они смотрели на него с тем же плотоядным любопытством, что и жители Шараана, но, в отличие от них, эти знали, что именно ждет неосторожного гостя, знали все и поэтому вдвойне наслаждались неожиданным развлечением.

Громадные двери имели простую четырехугольную форму, однако не казались грубыми или некрасивыми. Сам замок был выстроен из черного камня. Каждый блок был идеально вырезан и подогнан к другому, а двери были обшиты тем же металлом, что и ворота, потемневшим, но не проржавевшим. Начальник стражи крикнул охраннику:

— Смотри, кого я привел! Этот парень хочет поговорить с Лхари!

Охранник заржал.

— Если хочет — значит поговорит! Ночь долгая, а им скучно.

Он открыл тяжелые двери и что-то крикнул в зал. Тут же из темноты вынырнули разодетые в шелк слуги. Шею каждого из них стягивал украшенный драгоценными камнями ошейник. По гортанному тону их смеха Старк догадался, что у них нет языков.

Только тут Старк вздрогнул. Дверь в преисподнюю раскрылась, и в лицо ему ударило тяжелое дыхание Зла, того самого Зла, о котором предупреждала Зерит. Зачем он не послушался ее совета? Но вспомнив о Хильви, о тысячах людей, пропавших в Шараане, он почувствовал, что страх его сменился злостью. Молнии прожигали небо, последний крик умирающей грозы потряс залитую дождем землю. Старк оттолкнул ухмылявшегося охранника и вошел в замок, неся с собой вуаль красного тумана. Он не слышал, как закрылась за ним дверь, бесшумно, словно поступь приближающейся Смерти.

Вдоль стен горели факелы. В их дымном пламени он увидел длинный, как коридор, зал, четырехугольный, без всяких украшений, облицованный черным камнем.

Зал был просторный, с высоким потолком, в его архитектуре чувствовалось спокойное достоинство, и спартанская простота его линий производила куда большее впечатление, чем изломанные контуры развалин марсианских дворцов.

Здесь не было ни картин, ни резьбы, ни фресок. Казалось, строители чувствовали, что зал прекрасен сам по себе — массивностью, изысканностью пропорций и темным блеском полированного камня.

Украшены были только оконные амбразуры.

Сейчас они были открыты в небо, и красный туман затянул их, но остатки драгоценного витража в резных рамах показывали, какими эти окна когда-то были.

Странное ощущение охватило Старка.

Дикарь, меркурианский туземец, он был необычайно чувствителен к тому, на что большинство людей вовсе не обращало внимания.

Шагая по залу в сопровождении безъязыких созданий в ярких шелках и сверкающих ошейниках, он был поражен неуловимой враждебностью этого места. Замок, совершенное воплощение замысла неведомых строителей, возвышался над городом, как ставшая явью мечта, но чья темная душа могла мечтать о подобном чуде? В каком холодном мраке зародилась эта идея, чей мозг вынашивал ее? Человеческий? Вряд ли.

Зал заканчивался низкими широкими дверьми из золота, сделанными с той же целомудренной простотой.

Мягкие быстрые шаги слуг, их неопределенное хихиканье, злобные, насмешливые взгляды, затем золотые двери распахнулись, и Старк предстал перед Лхари.

Глава 5

Вначале они показались ему порождениями горячечного бреда, ослепительными, нездешними существами, окруженными зыбкой аурой светящегося тумана, сквозь который их черты казались еще прекраснее.

Помещение, в котором очутился землянин, своими размерами напоминало собор.

Стены и потолок его скрывались в темноте, и из-за этого оно казалось безграничным. Сквозь черный полированный камень под ногами сочился тусклый свет, и пол выглядел легкой пленкой, расстеленной над бездной.

Далеко в сумеречной глубине комнаты горело несколько ламп — крошечная галактика, узкими серебряными лучами освещающая фигуры лордов Шараана.

Когда Старк вошел, в комнате воцарилось молчание: взоры лордов обратились к раскрытым золотым дверям, в которых стоял незнакомец. В напряженной тишине Старк направился к хозяевам замка.

Откуда-то справа из непроницаемого мрака раздалось резкое шуршание, царапанье когтей, шипение рептилии и что-то вроде тихого бормотания. Все эти звуки искажались и усиливались высокими сводами, превращаясь в демонический шепот, слышимый со всех сторон сразу.

Старк быстро развернулся и застыл, готовый к прыжку, глаза его сверкнули, тело покрылось холодным потом. Шум приблизился. Где-то вдалеке, под лампами, засмеялась женщина, и смех ее разбился под сводами, как тонкий хрусталь. Шипение и рычание усилились, и Старк увидел темный расплывчатый силуэт неизвестного ему, но, видимо, опасного существа.

Старк протянул руки, чтобы перехватить нападающего, но ничего не случилось: странная фигура оказалась мальчиком лет десяти, тащившим за собой на обрывке веревки молодого дракона, еще беззубого, недавно вылупившегося. Дракончик изо всех сил упирался, пытаясь перекусить душащую его веревку.

Старк с досадой выпрямился, чувствуя, как холодная злоба наполняет его душу. Мальчик хмуро взглянул на него сквозь серебряные локоны, грубо выругался и побежал обратно, не забыв наградить свое животное хорошим пинком, после чего то совсем разъярилось и заорало — грозно, как сам Отец всех драконов.

Из-под ламп донесся голос, тягучий, хриплый, бесполый и тонкий, как стальной клинок. В нем не слышалось жалости, каждое слово звучало как приказ — говорящий не привык к неповиновению.

— Иди сюда, к свету.

Старк повиновался. Он подошел к лампам, и силуэты Лхари, неясные и туманные, обрели четкость. Красота их осталась, но стала другой. Да, они напоминали ангелов, но теперь, увидев их вблизи, Старк подумал, что Лхари могли бы быть детьми самого Люцифера.

Их было шестеро, включая мальчика.

Двое мужчин примерно того же возраста, что и Старк, задумались над какой-то сложной игрой, женщина-красавица, одетая в белый шелк, сидела, сложив руки на коленях. Рядом устроилась женщина помоложе, не столь ослепительная, как первая, но яростный взгляд ее огромных глаз был исполнен какой-то горечи. Тело ее прикрывала только короткая малиновая туника, на левой руке, стянутой крепкой кожаной перчаткой, сидела хищная птица в колпачке, скрывающем ее голову.

Мальчик встал возле мужчин и надменно поднял голову. Время от времени он шлепал дракончика, и тот хватал его руку бессильными челюстями. Мальчику эта игра нравилась. «Интересно, — подумал Старк, — как будет вести себя юный Лхари, когда у этой твари вырастут клыки?»

Напротив Старка, скорчившись на груде подушек, сидел третий мужчина, или, вернее, юноша, жалкий калека, с тщедушным телом и длинными паучьими руками. На коленях его лежали острый нож и кусок дерева, из которого он вырезал фигурку некоего тучного существа — то ли женщины, то ли демоницы, воплощения чистого Зла. Старк с удивлением заметил, что лицо молодого калеки как и лица всех хозяев замка, было поистине человеческим и действительно прекрасным. На мальчишеском лице — старые, мудрые и очень грустные глаза. Он улыбнулся Старку, и его улыбка тронула пришельца больше, чем самые искренние слезы сострадания.

Прочие Лхари смотрели на Старка беспокойными голодными глазами. Отпрыски древнего рода, в чьих жилах текла чистейшая кровь чуждой здесь расы, они поделились этой кровью со своими бледноволосыми рабами, наложив на них печать некоторого благородства. Лхари происходили от Облачного Народа, жившего на Высоких Плато, королей страны, лежащей на дальних склонах Облачных Гор. Страшно было видеть их здесь, на темной

стороне барьера, однако же глаза не обманывали Старка. Как они пришли и почему предпочли свои богатые прохладные равнины зловонию чужих болот — этого он понять не мог. Но ошибки быть не могло — гордая, изящная осанка, алебастровая кожа, глаза, многоцветные, как радуга, и одновременно прозрачные, как капля воды, волосы чистого теплого серебра.

Они молчали. Могло показаться, будто они ждут разрешения заговорить, и Старк попытался угадать, у кого из них такой властный, суровый голос.

И этот голос прозвучал снова:

— Иди сюда, подойди ближе.

Старк осмотрел хозяев, затем бросил взгляд на круг ламп и только тогда увидел говорившую. Она лежала на низкой постели, и голова ее утопала в шелковых подушках. Чудовищной толщины тело прикрывало шелковое одеяло, открыты были только руки — две бесформенные массы белой плоти, заканчивавшиеся крошечными кистями.

Время от времени она протягивала одну руку, брала кусочки пищи из запаса, лежавшего рядом с ней, и, сопя и отдуваясь, глотала их со страшной жадностью. Черты лица ее давно расплылись в трясущееся желе, из которого торчал только нос — тонкий, горбатый, жесткий, словно клюв птицы, сидевшей на запястье девушки и видевшей кровавые сны под своим колпачком. А глаза женщины...

Старк посмотрел в ее глаза, вздрогнул, бросил быстрый взгляд на незаконченную фигурку в руках калеки и понял, какая мысль руководила ножом.

То ли женщина, то ли демоница, воплощение чистого Зла. Воплощение Силы. Сила светилась в ее глазах, и была эта сила скверной: мощь урагана, который все разрушает, но ничего не создает.

Женщина посмотрела в глаза гостю, и взгляд ее — тяжелый и пронзительный, проникающий, казалось, в самые глубины души, — почти невозможно было вынести. Хозяйка замка знала это, она привыкла, что все опускают глаза перед ней, но Старк только улыбнулся и сказал:

— Я не отводил глаз даже под взглядом каменной ящерицы. От этого зависела моя жизнь, и я сам превращался в камень, когда следил за ней.

Она поняла, что гость говорит правду.

Старк решил, что его слова вызовут гнев, но он ошибся. По жирному телу старухи прокатилась какая-то рябь — очевидно, женщина смеялась.

— Видали? — обратилась она к другим. — Вы — отродье Лхари, но никто из вас не смеет глядеть мне в лицо, а вот это темное создание, бог весть откуда явившееся, посмело, и да будет вам теперь стыдно!

Она снова взглянула на Старка.

— Кровь каких демонов течет в тебе? Почему ты не ведаешь ни осторожности, ни страха?

— Я знаю и то и другое, знал всегда, еще до того, как научился ходить. Но мне ведомо и иное чувство — оно зовется злобой.

— Так ты злой?

— Спроси об этом у Мальфора!

Двое мужчин подались вперед, а по губам девушки прошла улыбка.

— Мальфор? — пробурчала туша на кровати. Она набила рот жареным мясом, и капли жира упали с ее губ на постель. — Это интересно. Но не злость на Мальфора привела тебя сюда. Я любопытна, чужеземец. Говори же.

— Хорошо.

Старк огляделся вокруг. Это место было могилой, западней. В воздухе разливался острый запах опасности. Младшие Лхари молча следили за Старком. С тех пор как он вошел, никто из них не раскрыл рта, если не считать выругавшегося мальчишки, а такое молчание не предвещало ничего хорошего. Девушка наклонилась вперед и лениво погладила птицу. Та встрепенулась и с наслаждением выпустила из костяных ножен острые когти. Девушка взглянула на Старка самоуверенно, холодно и даже с неким вызовом. Из всех Лхари только она одна видела в пришельце человека, мужчину, для остальных он был всего лишь любопытной головоломкой, игрушкой, развлечением — не более того.

— В последний сезон дождей Шараан посетил один человек. Его имя Хильви, он сын маленького царька в Ярсло. Он пришел разыскивать брата, который нарушил табу и бежал, спасая жизнь. Хильви пришел сказать ему, что проклятие снято и он может вернуться. Но не вернулись ни тот ни другой.

Старуха не без усилия приоткрыла тяжелые от жира веки.

— И что же?

— Я пришел за Хильви, потому что он мой друг.

Бесформенная туша вновь всколыхнулась от смеха, и отзвуки ее хохота тихим змеиным шипением прошелестели под сводами.

— Ты любишь своих друзей, иноземец. Что ж... Лхари — народ добрый. Ты найдешь своего друга.

И она замолчала, словно решив наконец передать право голоса молодым. И Лхари нарушили свое безмолвие: взрыв хохота прокатился по огромному залу, разбился о стены и потолок, рассыпался грохотом, оглушительным, точно смех демонов, доносящийся от пределов преисподней.

Не смеялся только калека. Он склонился над своей резьбой и вздохнул.

— Но бабушка!.. Зачем же так сразу?.. — воскликнула юная Лхари. — Пусть он чуть-чуть погостит у нас!..

Холодные жестокие глаза повернулись к ней.

— А что ты будешь делать с ним, Барра? Таскать на веревке, как Бор таскает этого жалкого зверя?

— Может быть. Хотя я думаю, что для этого понадобится цепь покрепче.

Барра повернулась к Старку, прикидывая его рост и вес, вглядываясь в могучие упругие мышцы, в железную линию челюсти. Видимо, она осталась довольна этим зрелищем: на губах девушки сверкнула улыбка. Рот ее был очень привлекателен и напоминал красный плод болотного дерева, чья терпкая сладость полна отравы и несет смерть.

— Как-никак, а это — мужчина, — продолжала она, — первый мужчина, которого я вижу с тех пор, как умер мой отец.

Мужчины за игорным столиком встали, покраснев от гнева. Один из них шагнул вперед и грубо схватил девушку за руку.

— Значит, я, по-твоему, не мужчина, — сказал он удивительно мягко. — Печально, поскольку я буду твоим мужем. Нам лучше уладить это теперь же.

Барра кивнула. Старк увидел, как мужские пальцы яростно впились в крепкую мышцу ее руки, но девушка не дрогнула.

— Давно пора все это уладить, Эджил. Ты достаточно помучился со мной. Но времена дрессировки прошли. Теперь я должна уметь склонять шею и признавать своего господина.

Старк не сразу понял смысл сказанного: насмешливая нотка в ее голосе была едва заметна.

И тут женщина в белом, которая за все это время не двинула и бровью, вдруг залилась тонким звенящим смехом, уже знакомым Старку. По этому смеху и темной волне крови, прихлынувшей к лицу Эджила, Старк понял, что Барра просто повторила Эджилу его собственные слова.

Мальчик насмешливо фыркнул и замолк. Барра посмотрела на Старка.

— Ты будешь драться за меня?

Старк неожиданно засмеялся.

— Нет!

Барра пожала плечами.

— Ну что ж. Тогда я буду драться сама.

— Мужчина? — рявкнул Эджил. — Я покажу тебе, кто мужчина, глупая маленькая ведьма!

Он сдернул с себя ремень и рывком пригнул девушку к земле, собираясь нанести ей хороший удар. Хищная птица, вцепившаяся в ее запястье, забила крыльями и закричала, дергая закрытой колпачком головой. Молниеносным движением девушка сдернула колпачок и швырнула птицу прямо в лицо Эджилу.

Эджил выпустил девушку и взмахнул руками, защищаясь от когтей и разящего клюва.

Широкие шумные крылья яростно били его по лицу.

Эджил взвыл. Мальчик Бор отскочил от стола и заплясал вокруг, визжа от радости.

Барра хранила спокойствие. На ее руке чернели синяки, но она не соблаговолила даже дотронуться до них. Эджил ударился об игорный столик и скинул фигурки, резные костяшки покатились по полу. Затем он зацепился за подушку и упал ничком, а злобствующие когти рвали в клочья его тунику.

Барра повелительно свистнула. Птица в последний раз клюнула Эджила в затылок и недовольно вернулась на свой насест — на руку девушки. Теперь Барра повернулась к Старку — так решительно, что тот вообразил, будто настал

его черед и сейчас крылатая хищница бросится на него. Но девушка внимательно оглядела пришедшего и покачала головой.

— Не стоит, — сказала она и надела на голову птицы колпачок. — Ты, пожалуй, сможешь убить ее...

Эджил встал и ушел в темноту, облизывая рану на руке. Лицо его почернело от ярости. Второй мужчина взглянул на Барру.

— Если бы ты предназначалась мне, я бы выбил из тебя твою спесь!

— Подойди и попробуй, — ответила Барра.

Мужчина пожал плечами и сел.

— Это не мое дело. В своем собственном доме я поддерживаю мир.

Он глянул на женщину в белом, и Старк увидел, что на ее лицо, до сих пор ничего не выражавшее, опустилась тень униженного страха.

— Да, поддерживаешь, — заметила Барра. — Но на месте Эйрил я зарезала бы тебя сонного. Впрочем, тебе нечего бояться: у нее не хватит на это духу.

Эйрил вздрогнула и посмотрела на свои руки. Собирая разбросанные фигурки, мужчина небрежно произнес:

— В один прекрасный день Эджил свернет тебе шею, и это не слишком огорчит меня.

Тем временем глаза жирной старухи с жадностью наблюдали за происходящим, а рот ее с такой же жадностью поглощал пищу.

Оба этих занятия чрезвычайно занимали ее.

— Приятная семейка, не правда ли? — обратилась она к Старку. — Они взрослые люди, а ссорятся, как ястребята в гнезде. Поэтому я и держу их около себя: за ними нужен глаз да глаз. За всеми, кроме Триона.

Она показала на уродливого юношу.

— Он ни на что не годен. Он тупой и мягкотелый, хуже Эйрил. Не внук, а проклятие! Зато у его сестры огонька на двоих!

И она снова принялась жевать, что-то гордо бормоча.

Трион поднял голову и заговорил. Голос его звучал как музыка.

— Может, я и туп, бабушка, может, я слаб телом, и нечего ждать мне от жизни, однако я буду последним Лха-

ри. Смерть притаилась на башнях, она ждет, она возьмет вас раньше, чем меня. Я знаю это, ветры все рассказали мне.

Он перевел на Старка свои полные страдания глаза и улыбнулся с такой болью и покорностью, что у землянина сжалось сердце. Но была в этой улыбке и благодарность, благодарность человека, который долго ждал и чувствует, что его ожидание подходит к концу.

— Ты,— сказал он мягко,— иноземец с неистовыми глазами. Я видел, как ты выходишь из мрака, и там, где прошли твои ноги, остались кровавые следы. Твои руки были красными до локтей, твоя грудь была забрызгана алым, и на твоем челе — символ смерти. И пока я смотрел на тебя, ветер шептал мне в ухо: «Так и должно быть. Этот человек разрушит замок, засыплет камнями Шараан и освободит Потерянные Души».

Он спокойно засмеялся.

— Смотрите на него, все смотрите! Он станет вашей гибелью!

Последовала минута молчания, и Старк, суеверный, как всякий дикарь, почувствовал, что ужас охватил все его существо. Старуха с отвращением прошипела:

— Значит, тебе об этом нашептали ветры, несчастный идиот?

С удивительной силой и меткостью она швырнула в Триона спелый плод.

— Заткнись, ублюдок, я до смерти устала от твоих пророчеств.

Трион посмотрел на малиновый сок, стекавший по его груди и капавший на его работу. Наполовину законченная головка была залита соком. Судорога восторга все еще сотрясала его тело.

— Ну, — сказала Барра, подходя к Старку. — Что ты думаешь о Лхари, о гордых Лхари, унизившихся до того, чтобы смешивать свою кровь с кровью быдла, обитающего на болотах, о моем полоумном братце, о моих ничего не стоящих кузенах, о маленьком чудовище Боре, последнем отпрыске древа? Тебя не удивило то, что я выпустила своего сокола на Эджила?

Вскинув голову, она ждала ответа. Ее серебряные локоны обрамляли лицо, как клочья грозового облака. В ней

было самодовольство, которое одновременно раздражало и восхищало Старка.

«Адская кошка, — думал он, — но очаровательная кошка. Наглая, но благородная».

Ее губы приоткрылись не то в ярости, не то в улыбке.

Старк внезапно схватил ее и поцеловал.

Он сжимал в руках ее гладкое и сильное тело, сжимал, как куклу, и не спешил отпускать. Наконец он выпустил ее и ухмыльнулся.

— Ты этого хотела?

— Да, — ответила Барра, — именно этого.

Она повернулась. Скулы ее опасно затвердели.

— Бабушка...

Она не успела закончить. Старк увидел, что жирная старуха пытается сесть, лицо ее побагровело от усилий, в глазах горело страшное бешенство.

— Ты... — начала она.

И задохнулась от злобы.

Неслышно появился Эджил. В руке он сжимал какой-то странный тупоносый предмет из черного металла.

— Ляг, бабушка, — сказал он. — Я хотел приберечь это для Барры...

Говоря это, он нажал кнопку. Старк отпрыгнул в спасительную темноту, упал и остался лежать как мертвый. В тишине не прозвучало ни звука, но громадная рука погрузила Старка в забвение.

— ...но нашел лучшую цель, — закончил Эджил.

Глава 6

Все красное. Кровь застилала его глаза. Он стал вспоминать. Тот, кого он выслеживал, бросился на него, они боролись на голых пузырчатых камнях.

Н'Чака не убил. Повелитель Скал огромен, он гигант среди ящериц, а Н'Чака маленький.

Повелитель Скал навалился на голову Н'Чака прежде, чем деревянное копье успело хотя бы оцарапать его бок.

Странно, что Н'Чака был еще жив. Видно, Повелитель Скал сегодня сыт, сыт по горло. Только это и спасло Н'Чаку.

Н'Чака застонал — не от боли, а от стыда. Он промахнулся. Рассчитывая на великий триумф, он нарушил закон племени, запрещавший мальчику охотиться на добычу, достойную лишь мужчин, и потерпел неудачу. Старейшина не наградит его поясом и кремневым копьем мужчины, он отдаст Н'Чаку женщинам, чтобы те отхлестали его маленькими кнутами.

Тика будет смеяться над ним, и пройдет много сезонов, прежде чем Старейшина дарует ему разрешение на мужскую Охоту.

Кровь в глазах. Он моргнул. В нем пробудился инстинкт самосохранения. Он должен как-то подняться и отползти, пока Повелитель Скал не вернулся и не сожрал его.

Но красный туман не рассеивался. Он протер глаза, попытался поднять голову, но не смог, и страх навалился на него, как ночной мороз на скалы долины.

Все было не так. Он отчетливо видел себя, голого мальчишку, шатающегося от боли, поднимающегося и с трудом карабкающегося по сухой глине к сулящему безопасность черному провалу пещеры. Он видел это, но не мог двинуться.

Все не так. Время, пространство, вселенная, потемневшая и кружащаяся.

Голос заговорил с ним. Девичий голос, но это не Тика. И речь была чужой.

Тика умерла. Воспоминания пронеслись через его сознание, горькие, жестокие. И Старейшина умер, и все остальные...

Голос снова заговорил и назвал его по имени, но это было не его имя.

Старк.

Воспоминания рассыпались, как стекляшки в калейдоскопе. Они бежали, кружились, и он плыл среди них, захлебываясь и теряя силы, и наконец вопль ужаса и отчаяния вырвался из его горла.

Мягкие руки коснулись его лица, в ушах раздался торопливый шепот, ласковый и успокаивающий. Красный туман рассеялся, стал прозрачным, и внезапно он снова обрел самого себя, и память вернулась к нему.

Он лежал на спине, и Зерит, дочь Мальфора, стояла над ним. Теперь он понял, что за туман это был. Он видел его слишком часто, чтобы не вспомнить теперь.

Он лежал на дне Красного Моря, этого жуткого оксана, в котором человек может дышать.

И он не мог шевелиться. Это чувство не покинуло Старка. Его тело было мертвым.

Ужас, который он чувствовал раньше, был пустяком в сравнении с той агонией, которая охватила его сейчас. Он лежал, похороненный в собственном теле, и смотрел на Зерит, ожидая ответа на вопрос, который боялся задать. Она поняла.

— Все в порядке, — сказала она и улыбнулась. — Это пройдет. Ты будешь здоров. Это оружие Лхари. Оно каким-то образом усыпляет тело, но со временем это проходит.

Старк вспомнил черный предмет, который держал в руках Эджил. Излучатель неизвестного типа. Лучевой поток высокочастотной вибрации, парализующий нервные центры. Удивительно. Предки Лхари — Облачные люди — стояли, конечно, выше обитателей болот, но все же они были и остались варварами, которым чужды и цивилизация, и наука. Где же в таком случае Лхари могли добыть такое оружие?..

Но, в сущности, это не важно. По крайней мере сейчас. Сейчас рядом с ним человек, которому можно доверять, который доверяет ему, и удивительное ощущение этой близости растрогало его почти до слез.

Впрочем, слабость сейчас неуместна. В данный момент Старка беспокоило только это.

Он снова посмотрел на Зерит. Ее светлые волосы тихо колыхались в ленивых струях подводного течения — молочное облако на малиновом, испещренном искрами фоне. Теперь он увидел, что лицо ее осунулось и затуманилось, а в глазах появилась безнадежность отчаяния. В ту первую встречу ее переполняли страх, упрямство, решимость — простые чувства простой девочки, перепуганной собственной смелостью. Теперь эти искры, эта живость и эмоциональность погасли.

На ее белой шее висел ошейник из темного металла с навечно запаянными концами.

— Где мы? — спросил Старк.

— В жилище Потерянных Душ.

Насколько позволила одеревеневшая шея, Старк взглянул по сторонам и очень удивился.

Черные стены, черный свод. Громадный зал, полный морских волн, которые вливались в высокие амбразуры шипящим потоком огня. Зал был двойником того, где он встретил Лхари.

— Здесь лежит целый город, — угрюмо сказала Зерит. — Ты скоро увидишь его и больше ничего не увидишь до самой смерти.

— Как ты попала сюда, малышка? — очень мягко спросил Старк.

— Из-за отца. Я расскажу тебе все, что знаю, то есть очень немногое. Мальфор с давних пор служил работорговцем у Лхари. Таких очень много среди капитанов судов в Шараане, но об этом никто никогда не говорит, так что даже я, его дочь, могла только догадываться о его службе. Я окончательно поняла это, когда он послал меня за тобой.

Она засмеялась так горько и зло, как не смеется ни одна девушка в ее возрасте. Потом она взглянула на Старка, и ее руки застенчиво, почти ласково коснулись его волос. В широко раскрытых глазах Зерит застыли слезы.

— Почему ты не ушел в болота? Я же предупреждала тебя.

— Теперь поздно жалеть об этом, — флегматично ответил он. — Так ты говоришь, Мальфор здесь и стал рабом?

Да.

В ее глазах снова появилось удивление и восхищение.

— Я не знаю, что ты сделал Лхари, но лорд Эджил был в черной ярости. Он ругал моего отца за глупость, за то, что отец не сумел схватить тебя. Отец скулил и просил прощения, и его бы простили, но отца подвело любопытство. Он спросил лорда Эджила, откуда у того такие раны на лице. Не этот ли дикий зверь тому причиной? И здорова ли леди Барра? «Надеюсь, — сказал отец, — ваш гость не причинил ей вреда». Тут лорд Эджил стал прямо пурпурным. Я думала, с ним случится припадок.

— Да, спрашивать об этом не стоило. — Старк ухмыльнулся. — Это было его ошибкой.

Он вдруг громко рассмеялся.

— Мальфору стоило держать язык за зубами.

— Эджил крикнул стражников и приказал взять Мальфора. Когда до Мальфора дошло, он тут же свалил все на меня — мол, это я упустила тебя.

Старк прервал свой смех.

Она тихо продолжала:

— Эджил, похоже, совсем взбесился от злости. Говорят, все Лхари сумасшедшие. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, он приказал схватить и меня тоже, чтобы семя Мальфора было навеки втоптано в грязь. Вот мы и очутились здесь.

Настало долгое молчание. Старк не мог придумать слов утешения. Пока он лежит, скованный по рукам и ногам, — надежды нет. Со злости Эджил мог обездвижить его надолго. Старк вообще удивлялся, что еще жив. Он снова взглянул на ошейник Зерит. Рабыня Лхари в городе Потерянных Душ.

Но какого дьявола им понадобились рабы на дне моря?

Тяжелые газы хорошо проводили звук: донесся шум приближающихся голосов. Зерит повернула голову Старка, чтобы он мог видеть.

Потерянные Души возвращались с работы. Из тусклой красной темноты они медленно вплывали в громадный зал, наполненный той же багровой мглой. За их большими телами тянулся шлейф сумрачного пламени. Толпа проклятых пленников красного ада, усталых, потерявших надежду. Один за другим они падали на тюфяки, рядами лежавшие на черном каменном полу. Силы совсем оставили невольников. Их светлые волосы плыли в медленных водоворотах газового моря. На шее у каждого блестел ошейник.

Лишь один из рабов не лег, а двинулся к Старку. Старк узнал его.

— Хильви!

— Брат!

Хильви присел на корточки. Когда Старк видел его в последний раз, это был красивый юноша, теперь же он превратился в сильного, угрюмого мужчину.

Его веселый смех стал мрачным, глубокие морщины пролегли вокруг рта, кости лица выдавались, как гранитные выступы.

— Брат, — повторил Хильви.

Он не стыдился слез.

— Ох, и дурак же ты!

Он принялся ругать Старка, он назвал его глупцом, пришедшим в Шараан только за тем, чтобы взглянуть на такого же глупца и навеки остаться с ним в этой могиле.

— А ты не пошел бы за мной? — спросил Старк.

— Я всего лишь невежественное дитя болот, — ответил Хильви, — а ты пришел из космоса, ты видел другие миры, ты умеешь читать и писать. Ты должен был соображать получше.

Старк хмыкнул:

— Я все еще невежественное дитя скал. Так что мы оба дураки. Где Тобал?

Тобал был братом Хильви, нарушившим ритуальный запрет и бежавшим в Шараан.

Видимо, теперь он обрел покой, потому что Хильви покачал головой.

— Человек не может долго жить на дне моря. Дышать и есть — это еще не все. Тобал прожил свой срок, и конец моего тоже близок.

Он поднял руку и резко опустил ее, наблюдая за взметнувшимися вдоль руки огнями.

— Мозг погибнет раньше, чем тело, — добавил он небрежно, будто речь шла о пустяках.

— Хильви охранял тебя, пока другие спали, — сказала Зерит.

— Не я один, — возразил Хильви. — Малышка тоже была со мной.

— А зачем меня охранять? — спросил Старк.

Вместо ответа Хильви показал рукой на тюфяк неподалеку. Там лежал Мальфор. Полузакрытые глаза его были полны злобы, свежий шрам красовался на щеке.

Старк похолодел от ужаса. Беспомощно лежать и ждать, пока Мальфор подойдет и протянет растопыренные пальцы к его беззащитному горлу...

Он сделал отчаянное усилие двинуться, но задохнулся и, обессиленный, замер.

Хильви усмехнулся.

— Теперь мне самое время побороться с тобой! Раньше мне ни разу не удавалось тебя повалить!

Он потрепал Старка по голове — очень нежно, хотя с виду этот жест мог показаться грубоватым.

— Ты снова повалишь меня. А теперь спи и не беспокойся ни о чем.

И он приготовился к долгому ночному бдению. Старк против своей воли заснул, а Зерит свернулась у его ног, как собачка.

На дне Красного Моря не существовало времени. Не было ни дня, ни рассвета, ни ночного мрака. Ни ветер, ни дождь, ни гром не нарушали вечную тишину города Потерянных Душ. Лишь ленивые струи газа шептались на своем пути в никуда, танцевали красные искры, и громадный зал дремал, вспоминая прошлое.

Старк ждал. Долго ли — он не знал. Он привык ждать. Он научился терпению на коленях у великих гор, которые гордо поднимались в космос, чтобы увидеть солнце. Он хорошо усвоил их презрение ко времени.

Жизнь понемногу возвращалась в его тело. Ублюдок-стражник время от времени приходил осматривать Старка и покалывал ножом его тело, проверяя реакцию: ведь Старк мог и сплутовать. Но стражник не учел выдержки нового пленника. Землянин выносил уколы не моргнув глазом, пока его члены не стали полностью принадлежать ему. Тогда, в один прекрасный момент, он вскочил и швырнул стражника на самую середину зала. Тот перевернулся через голову и завопил от страха и злости.

В следующую смену Старк вместе со всеми пошел на работу в город Потерянных Душ.

Глава 7

Старку случалось бывать в подобных местах, темных, зловещих, чуждых человеку: Синхарат, прекрасные коралловые и золотые равнины, затерянные в марсианских пустынях, Джеккарта, Валкис, города Лау-Канала, пахнувшие кровью и вином, утесы-пещеры Арианрода на краю Темной Стороны, пылающие гробницы города Каллисто. Но здесь... Это напоминало кошмарный сон.

Шагая в длинной цепи рабов, Старк смотрел на город и чувствовал такие холодные спазмы в животе, каких не испытывал ни разу.

Широкие улицы, вымощенные полированными каменными плитами, блестящие и черные, как высохшие пятна туши, огромные здания, величественные, чистые и ровные, полные спокойной силы, которая могла противостоять векам. Ни резьба, ни роспись не украшали их черных стен, ничто не смягчало их облик, лишь кое-где, слов-

но бриллианты из-под воды, смутно мерцали оконные стекла.

С крыш домов каскадами спускались мертвые виноградные лозы, подобные застывшей на лету снежной лавине. Сады с коротко остриженным дерном, цветы, поднимавшиеся на длинных стеблях, с венчиками, раскрытыми ушедшему дню, их головки качались в струях газовых течений, как качались бы они на поверхности, под порывами свежего ветра. Все чисто, ухожено, ветви подрезаны, земля, вскопанная сегодня утром чьими-то руками.

Старк вспомнил гигантский лес, спящий в заливе, и поежился. Не хотелось думать, как давно эти цветы раскрыли бутоны в последний раз, ибо теперь они были мертвыми, как лес, как город, вечно цветущими и мертвыми.

Должно быть, в этом городе всегда царила такая гнетущая тишина. Трудно было представить здесь толпы, стекающиеся на рыночную площадь по этим огромным улицам. Черные стены не отражали ни единого звука, эхо не повторяло ни слов, ни смеха...

Даже дети, вероятно, тихо ходили по садовым дорожкам, маленькие мудрые создания с врожденным древним достоинством.

Теперь он начал понимать, откуда взялся тот жуткий лес. Залив Шараана не всегда был заливом. Он был богатой, плодородной долиной с громадным городом, а кое-где на верхних склонах размещались тайные убежища знати или философов. От этих убежищ уцелел только замок Лхари.

Каменная стена не пускала Красное Море в долину. Потом она каким-то образом треснула, и зловещий поток медленно просочился в город, поднимался выше, взвихренными языками пламени лизал башни и верхушки деревьев и затопил страну навеки. Знал ли народ о наступлении бедствия? Как уходили отсюда жители? Вероятно, даже в этот последний час они не потеряли своего гордого достоинства, и главной их заботой стали сады, которые должны были навсегда сохранить свою красоту в бальзамирующих волнах моря.

Колонны рабов под руководством надсмотрщиков, вооруженных маленькими черными предметами вроде того, каким пользовался Эджил, вышли на широкую площадь, дальний конец которой скрывался в красной тьме.

Старк увидел развалины.

Давным-давно в центре площади рухнуло громадное здание. Только богам известно, какая сила взорвала стены и, словно мелкие камешки, расшвыряла вокруг тяжелые плиты. Только эта гора обломков и напоминала о постигшей город катастрофе.

Похоже, что площадь была священным для горожан местом: всю ее опоясывали храмы — и ни один из них не пострадал от взрыва, разрушившего центральное здание.

Тусклые огни мерцали в их открытых портиках. Старку показалось, что внутри, в тени, он различает смутные силуэты гигантских статуй.

Но ему не удалось рассмотреть их. Надсмотрщики ругались, и теперь Старк увидел, зачем здесь рабы: они очищали площадь от обломков упавшего здания.

— Шестнадцать лет люди работают и умирают здесь, — шепнул Хильви, — а работа и наполовину не сделана. И зачем вообще она нужна Лхари? Я тебе скажу так: потому что они безумны!

Это и впрямь казалось безумием: расчищать всеми забытый мертвый город на дне моря. Безумие, сумасшествие.

Однако пусть Лхари и не в своем уме, но они отнюдь не дураки. Значит, есть какая-то причина, и хозяевам замка она представляется весьма веской.

Надсмотрщик подошел к Старку и грубо подтолкнул его к саням, уже частично нагруженным битым камнем. Глаза Старка зло сверкнули, но Хильви сказал:

— Иди, дурак! Или ты хочешь снова лежать на спине?

Старк покосился на маленькое оружие и неохотно принялся за работу. Так началось его рабство.

С тех пор его дни затянулись сплошной кровавой пеленой. Он пытался отсчитывать время по периодам работы и сна, но сбился со счета и в конце концов решил, что все это ни к чему.

Он работал вместе с другими, перетаскивая громадные блоки, очищая подвалы, частично уже открытые, подпирал непрочные стены подземелья. Рабы продолжали по старинке называть рабочий период «днем», а время сна — «ночью».

Каждый день Эджил или его брат Конд приходили посмотреть, что сделано, и уходили насупленные и недовольные, приказывая ускорить работу.

Трион также проводил здесь много времени. Он появлялся неслышно и, неуклюже, по-крабьи, передвигаясь, усаживался на камни и молча смотрел на суетящихся рабов своими красными печальными глазами. В молчаливом терпении Триона было что-то пугающее. Казалось, он ждал начала некой ужасной катастрофы, которая пока задерживается, но рано или поздно все же разразится. Старк вспоминал пророчество Триона и вздрагивал.

Через некоторое время Старку стало ясно, что Лхари хотят добраться до подвалов.

Много громадных пещер было уже расчищено. В них ничего не обнаружили, но братья все еще надеялись. Эджил и Конд снова и снова простукивали стены и полы и злились на задержку раскопок подземного лабиринта. Что они хотели найти, никто не знал.

Приходила сюда и Барра. Загадочно улыбаясь, стояла она в вихре тусклых огней и тоже наблюдала за работой. Течения играли ее серебряными волосами. С Эджилом она почти не разговаривала, но не сводила глаз с высокого смуглого землянина, и от этого взгляда дикарская кровь Старка начинала закипать.

Эджил не был слеп. Взгляды девушки волновали и его, только волнение это было совсем другого свойства.

Зерит тоже все видела. Она держалась как можно ближе к Старку, ничего не требуя, но с какой-то спокойной преданностью следуя за ним повсюду. Ей было достаточно того, что он рядом.

Однажды ночью в бараке рабов она присела у тюфяка Старка и положила руку на его голое колено. Она молчала, ее лицо скрывала плывущая масса волос.

Старк повернулся к ней и осторожно отвел светлое колыхавшееся облако от ее лица.

— Что тебя тревожит, сестренка?

Ее глаза, полные смутного страха, были широко раскрыты.

— Не мое дело говорить.

— Почему?

— Потому...

Ее губы дрогнули.

— Ох, я понимаю, это глупо. Но женщина Лхари... Она все время следит за тобой, а лорд Эджил взбешен. Она что-то задумала, что-то злое, очень злое! Я знаю это!

— Мне кажется, — искренне сказал Старк, — что Лхари уже сделали всем нам столько зла, сколько могли.

— Нет, — ответила Зерит со странной мудростью, — наши сердца еще чисты.

Старк улыбнулся и поцеловал Зерит.

— Я буду осторожен, сестренка.

Неожиданно она крепко обхватила руками его шею. Старка это взволновало. Его лицо стало серьезным. Он неловко погладил Зерит по волосам. Она отодвинулась и свернулась калачиком на своем тюфяке, спрятав голову в руках.

Старк лег. Сердце его переполняла печаль, а глаза — слезы.

Бескрайний красный туман растворял в себе души людей. Теперь Старк знал, что имел в виду Хильви, когда сказал, что мозг гибнет раньше тела.

Морское дно — не место для детей воздуха.

Вскоре он узнал, зачем нужны металлические ошейники, и понял, как умер Тобал.

— Здесь есть границы, — объяснил Хильви. — Внутри них мы можем ходить, если после работы у нас еще сохраняются силы и желания, но выйти за их пределы мы не можем. Пробиться через барьер нельзя. Как это сделано, я не понимаю, но это так, и ошейник — ключ к этому.

Он помолчал, потом продолжил:

— Когда раб приближается к барьеру, ошейник начинает блестеть, словно огонь, и раб падает. Я знаю это по собственному опыту. Наполовину парализованный, отползаешь назад, в безопасное место... Но если спятишь, как Тобал, и лезешь дальше, заряд барьера усиливается...

Он сделал руками рубящее движение.

Старк кивнул. Он не стал объяснять Хильви свойства электрических и электронных колебаний, но самому ему было ясно, каким образом Лхари держат своих рабов взаперти. Ошейники действуют как проводники, возможно, тех же самых лучей, которые генерировались в ручном оружии. Когда раб нарушает невидимую пограничную линию, включается силовой луч.

Границы оказались достаточно широкими.

Они проходили вокруг города и захватывали порядочный кусок леса за ним. Раб не мог спрятаться среди дере-

вьев: луч выслеживал его и здесь, а беглеца ждало такое наказание, что желающих рисковать почти не находилось.

Поверхность, разумеется, была полностью под запретом. Единственным неохраняемым местом оставался остров, на котором располагалась центральная энергетическая станция. Рабам иногда разрешалось бывать там ночью. Лхари заметили, что рабы живут дольше и работают лучше, если иной раз подышат воздухом и посмотрят на небо.

Старк не раз совершал подобное паломничество с другими рабами. Они должны были подняться из красных глубин через полосы огня, где проходили течения, через облака малиновых искр и через мрачные штилевые пятна, похожие на лужи крови. Толпа белых призраков, обернутых в пламя, поднималась из своих могил, чтобы вкусить немного утраченного ими мира.

Они так уставали на работе, что у них едва хватало сил вернуться в барак. Но желание снова пройти по земле, избавиться от вечно малиновой тьмы и давления на грудную клетку и увидеть жаркую синюю ночь Венеры, вдохнуть аромат цветов, принесенный ветром, было сильнее усталости.

Они пели там, сидя на камнях, и смотрели сквозь туман в сторону берега, которого никогда больше не увидят. Это их пение и слышал Старк, когда входил с Мальфором в залив, — бессловесный крик скорби и утраты.

А теперь он сам оказался здесь, устраивал поудобнее Зерит и присоединял свой низкий голос к общему упреку богам.

И пока Старк сидел, завывая, как истинный дикарь, он изучал энергетическую установку — приземистый блокгауз. В те ночи, когда приходили рабы, блокгауз охранялся шоковым излучением. Попытка захватить строение означала верную смерть.

Старк сразу же отказался от этой идеи.

Не было ни секунды, когда бы он не думал о побеге, однако он был достаточно искушен в игре, чтобы биться головой о каменную стену. Как и Мальфор, он предпочитал ждать.

С появлением Старка Зерит и Хильви заметно изменились. Хотя они никогда не говорили об освобождении, но печать безнадежности исчезла с их лиц. Старк ничего им

не обещал, но Хильви давно знал его, а девушка чувствовала больше, чем понимала.

Однажды днем, когда работа была закончена, из красной тьмы появилась улыбающаяся Барра и поманила Старка. Сердце его дрогнуло. Не оглядываясь, он отошел от Хильви и Зерит и пошел к Барре по тихой, широкой улице, ведущей к лесу.

Глава 8

Они оставили далеко позади величественные здания и шли теперь среди деревьев. Старку очень не нравился лес. Город тоже был плох, но он был мертвым, а в этих громадных деревьях было что-то страшное, пугающее. Они стояли, как толпа мертвецов, украшенных с помощью погребального искусства. Они качались и шелестели под взмахами свивавшихся огней, их ветви склонялись под этой ужасной пародией на ветер. Старк все время чувствовал себя здесь пойманным в ловушку, задушенным жестокими листьями и лианами.

Однако он шел, а Барра скользила между громадными стволами, как серебряная птица, и, видимо, была счастлива.

— Я часто приходила сюда, как только подросла. Этот лес — чудо. Здесь я могу летать, как мои соколы.

Она засмеялась, воткнула в волосы золотой цветок и снова побежала, сверкая белыми ногами.

Старк последовал за ней. Он понимал, что она имела в виду. Здесь, в этом странном море, достаточно было одного движения, чтобы взлететь или всплыть, потому что давление уравновешивало вес тела. Было что-то захватывающее в том, чтобы подняться над вершинами деревьев, пронестись сквозь перепутанные лианы и вновь взлететь вверх.

Барра играла со Старком, он это знал.

Кровь его бунтовала. Он легко мог бы схватить Барру, но не делал этого. Он только обгонял ее время от времени, показывая свою силу и мощь.

Они увеличивали скорость, и шлейфы тусклого пламени тянулись за ними: черный сокол охотился за серебряной голубкой в лесах грез.

Однако голубка выросла в орлином гнезде. Старк наконец устал от этой игры.

Он схватил Барру, и они медленно поплыли в этом удивительном невесомом полете.

Ее первый поцелуй был ленивым, подразнивающим, любопытствующим. Потом она начала целоваться иначе. Ярость, чей жаркий огонь полыхал в душе Старка, вдруг вспыхнула с новой силой и превратилась в неудержимый порыв желания. Он грубо и жестоко сжимал Барру, а она беззвучно смеялась, и объятия ее были столь же неистовы, а губы подобны горькому ядовитому плоду, чей сок сковывал тело мучительной судорогой.

Наконец она разжала руки и села на широкую ветку, прислонясь к стволу гибкой спиной. Она смеялась, и глаза ее, как и глаза Старка, были яркими и жестокими. Он сел у ее ног.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

Барра улыбнулась. Она не привыкла уходить от прямых вопросов, она ничего не боялась. Она была крепка, как только что закаленный клинок.

— Хорошо, Дикарь. Я все расскажу тебе.

Он с изумлением взглянул на нее.

— Как ты меня назвала? Откуда ты знаешь?..

— От Ларраби. Он все рассказал мне. Что ж, эта кличка тебе неплохо подходит. — Тут Барра склонилась к его уху.— Вот что я хочу от тебя: убей Эджила, его брата Конда и Бора тоже. Когда подрастет, он заткнет своих братцев за пояс. А впрочем, если тебе претит убивать ребенка, это я могу сделать и сама. Впрочем, Бор не ребенок, а маленькое чудовище. Ну а бабушка не вечна, и без моих кузенов она мне не угроза. Трион вообще не в счет.

— А если я это сделаю, что тогда?

— Свобода и я. Ты будешь вместе со мной править Шарааном.

Старк насмешливо прищурился.

— Надолго ли, Барра?

— Кто знает? Да это и не важно. Время покажет. — Она пожала плечами. — Кровь Лхари истощилась, пора влить в нее свежую струю. Наши дети будут править после нас, и они будут людьми.

Старк громко захохотал.

— Мало того, что я раб Лхари, я должен быть заодно и палачом, и племенным быком! — И он резко повернулся к ней.— А почему я, Барра? Почему ты выбрала меня?

— Я же говорила тебе: ты первый мужчина, которого я увидела с тех пор, как умер мой отец. Кроме того, в тебе есть что-то... — Она лениво потянулась и тихонько шлепнула его по губам: — Я вижу, Дикарь, тебя не прельщает моя любовь? Ты не хочешь жить со мной?

Она и манила, и отталкивала, эта серебряная ведьма, сверкающая в тусклых огнях моря, полная то злобы, то дикого веселья. Старк притянул ее к себе.

— Хочу, — пробормотал он, — но это опасно.

Он поцеловал ее. Барра шепнула:

— Я думала, ты не боишься опасности.

— Напротив, я человек осторожный.

Он отодвинул девушку и заглянул ей в глаза.

— С Эджилом у меня свои счеты, но я не убийца. Бой должен быть честным, и Конд пусть позаботится о себе.

— Честный бой? А с тобой Эджил был честным? Или со мной?

Он пожал плечами.

— Тогда и говорить не о чем.

Она задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Что касается Конда, то ты напомнишь ему о долге крови, и гордость заставит его драться. Все Лхари гордые. — Затем она горько добавила: — Это наше проклятие. Ты сам увидишь.

— Еще одно: Зерит и Хильви тоже должны быть освобождены. И вообще нужно положить конец рабству.

Она посмотрела на него.

— Ты ставишь жесткие условия, Дикарь.

— Да или нет?

— Да и нет. Зерит и Хильви ты получишь, если настаиваешь, хотя одним богам известно, что ты нашел в этой бледной девчонке. Что касается других... — Она насмешливо улыбнулась. — Я не так глупа, Старк. Ты хочешь обойти меня, а двое должны играть честно.

Он засмеялся.

— Справедливо. Теперь скажи мне, ведьма с серебряными локонами, как мне добраться до Эджила, чтобы прикончить его?

— Я это устрою, — сказала она с такой злой уверенностью, что Старк тотчас поверил ей.

Он помолчал и спросил:

— Барра, что Лхари ищут на дне моря?

Она нетерпеливо ответила:

— Я тебе говорила, что мы гордый клан. Из-за своей гордости мы ушли с Высоких Плато много столетий назад. Теперь наша единственная надежда здесь, в мертвом городе.

Она помолчала.

— Я думаю, о городе мы знали давно, но никому не было до него никакого дела, пока им не заинтересовался мой отец. Он проводил здесь целые дни, изучил каждое здание и в конце концов в одном из складов он нашел оружие, а на острове — машину. Потом он отыскал какой-то тайник. В нем лежали карта и металлическая книга. Книга была написана пиктограммами, как бы предназначенными для расшифровки, а карта показывала площадь с храмами и разрушенными зданиями, а также содержала отдельный план подземных катакомб. В книге говорилось о какой-то удивительной и страшной вещи. Мой отец был уверен, что разрушенное здание завалило вход в катакомбы. Он решил найти его.

«Шестнадцать лет поисков, тысячи погибших рабов», — подумал Старк и содрогнулся.

— Так что это за вещь, Барра?

— Способ управлять жизнью. Как это делается, я не знаю, но можно создавать расу гигантов, чудовищ и богов. Ты понимаешь, что это значит для гордого и умирающего клана?!

— Да, — задумчиво протянул Старк, — понимаю.

Величие идеи потрясло его. Строители города были воистину мудры, если могли переделывать живые клетки тела по своей воле.

Раса гигантов или богов. Лхари могли стать ею, переделать свою дегенеративную плоть, превратить ее во что-то новое, увидеть, как их дети превосходят всех человеческих детей. Старк пришел в ужас, представив себе, сколько зла они совершат, если откроют этот секрет.

— В книге содержалось предупреждение, — сказала Барра. — Значение его не совсем понятно, но, похоже, древние сознавали, что согрешили перед богами и будут наказаны за это чем-то вроде чумы. Это была чужая раса, не человеческая. Во всяком случае, они разрушили громадное здание, чтобы это стало барьером для тех, кто придет после них, и выпустили в долину Красное Море, чтобы навеки скрыть свой город. Видимо, несмотря на все их знания, они были суеверны, как дети.

— Значит, вы плюнули на предупреждение, и вас не беспокоит, что для подтверждения его погиб целый город?

Она пожала плечами.

— Трион много лет бормочет какие-то пророчества, но его никто не слушает. Что касается меня, то мне плевать, откроют ли они секрет или нет. Я уверена, что тайна погибла вместе со зданием, а кроме того, я вообще не верю в подобные вещи.

— Кроме того,— с жестокой насмешкой добавил Старк,— тебе наплевать, что Эджил и Конд воссядут на небесах Венеры. Тебе наплевать на место в этом новом пантеоне. Тебя такие мелочи не интересуют.

Она осклабилась.

— Ты чересчур умен, чтобы быть счастливым. А теперь — до свидания.

Она быстро и крепко поцеловала его и исчезла, всплыв на поверхность. Он не рискнул последовать за ней.

Старк медленно направился обратно к городу, расстроенный и очень задумчивый.

Выйдя на большую площадь перед бараками, он вдруг остановился, и каждый его нерв напрягся.

Где-то в одном из темных храмов качался потревоженный кем-то обрядовый колокольчик, посылая в темноту свои пронизывающие, дрожащие ноты. Звуки медленно плыли один за другим, как редкие удары умирающего сердца, и смешивались с голосом Зерит, издалека зовущим Старка.

Глава 9

Старк осторожно перешел площадь и вскоре увидел девушку.

Найти ее не представляло труда. Один храм на площади был больше остальных, и Старк подумал, что когда-то он стоял напротив входа в разрушенное здание. Громадная фигура внутри храма была поставлена для того, чтобы наблюдать за учеными и философами, приходившими сюда грезить о неких великих, а иногда и ужасных вещах.

Философы исчезли, ученые уничтожили сами себя, но статуя все еще следит за утонувшим городом, и руки ее подняты в предупреждении и благословении.

Зерит лежала на коленях каменного истукана. Храм был открыт со всех сторон, и Старк ясно видел ее — маленького, беззащитного человека, прижавшегося к мертвой, черной нежити.

Рядом с ней стоял Мальфор. Он и звонил в обрядовый колокольчик. Теперь звон умолк, и слова Зерит отчетливо доносились до Старка:

— Уходи! Они ждут тебя! Не подходи сюда!

— Я жду тебя, Старк, — крикнул Мальфор и ехидно рассмеялся: — Ты боишься подойти?

Он схватил Зерит за волосы и медленно, расчетливо дважды ударил ее по лицу.

Лицо Старка окаменело, и лишь глаза разгорелись мрачным огнем. Он двинулся к храму не спеша, но казалось, что целая армия не смогла бы остановить его.

Зерит вырвалась из рук отца. Возможно, так и было задумано.

— Это ловушка! — закричала она. — Эджил...

Мальфор снова схватил ее и ударил уже сильнее, так что девушка опять рухнула на колени статуи, которая смотрела добрыми глазами и ничего не видела.

— Она боится за тебя, — крикнул Мальфор. — Она знает, что я убью тебя, если смогу. Ну да, возможно, Эджил здесь, а может, и нет. Но Зерит точно здесь. Я здорово избил ее и буду бить, пока она не издохнет, за то, что эта дрянь предала меня. И если ты, чужеземная собака, хочешь спасти ее, тебе придется убить меня. Боишься?

Старк боялся. Мальфор и Зерит были в храме одни, колоннада казалась пустой. Однако Старк боялся, потому что инстинкт более древний, чем человеческий разум, предупреждал его об опасности.

Но это не имело значения. Белая кожа Зерит была исцарапана черными кровоподтеками. Мальфор улыбался.

Старк быстро прошел под тенью крыши, оставив за собой полосу огня. Мальфор увидел его глаза, и улыбка капитана, дрогнув, исчезла.

В последний момент, когда смуглое тело бросилось на него, он успел пригнуться, выхватил спрятанный в поясе нож и ударил нападающего.

Старк не ожидал этого. Рабов обыскивали ежедневно, и невозможно было утаить оружие от стражников, даже

осколок камня был под запретом. Значит, кто-то дал Мальфору нож, кто-то...

Он попытался увернуться от удара, но почувствовал, что сила инерции несет его прямо на острие, и понял: слишком поздно.

Но рефлексы у дикаря работают быстрее, чем у любого другого человека. Доля секунды, и мускулы его напряглись, центр равновесия в ужасающе болезненном усилии переместился, руки сжались, точно пытаясь вцепиться в зыбкое, простреленное огнями красное марево.

Лезвие прочертило длинную царапину через грудь Старка, но серьезной раны не нанесло. Он отклонился всего лишь на долю дюйма, и это спасло его.

Старк еще не успел найти равновесие, как Мальфор вновь ринулся на него. Они схватились. Лезвие ножа сверкало — голодный язык, жаждущий слизнуть жизнь Старка. Мужчины катались, вспенивая газовое море искрами, а статуя невозмутимо следила за их поединком. Спокойное лицо рептилии оставалось добрым и мудрым. Нити более темного красного цвета протянулись через танцующие огни.

Старк прижал к стене ладонь Мальфора и крепко держал ее обеими руками. Теперь он оказался спиной к своему противнику. Тот пинал Старка, царапал его пальцами ног, а свободная левая рука капитана пыталась ухватить Старка за горло, но дикарь прижал свой подбородок к груди. Тогда Мальфор вцепился ему в лицо, изо всех сил стараясь дотянуться до глаз.

Старк издал глухой звериный рык, неожиданно дернул головой и поймал челюстями руку Мальфора. Зубы впились в основание большого пальца и не выпускали. Капитан завизжал, но Старк переключил все свое внимание на ту руку Мальфора, которая сжимала нож. Жадное предчувствие близкого убийства овладело им.

Раздался глухой треск, рука противника переломилась, неестественно выгнулась и выронила нож. Мальфор уже не мог кричать.

Когда Старк освободил его, он пытался отползти, но не смог, и землянин сломал ему шею.

Старк оттолкнул от себя обмякшее тело, и оно медленно поплыло по течению через колоннаду, задевая черные столбы, пока наконец не выплыло на площадь. Маль-

фор не спешил, теперь перед ним открылась целая вечность.

Старк осторожно отошел подальше от девушки, которая теперь пыталась сесть.

В тени навеса кто-то скрывался. Землянин почувствовал это и крикнул:

— Мальфор звал тебя, Эджил. Что же ты не пришел?

Рой вспугнутых искр вырвался из-за колонн.

— А зачем? — раздался голос лорда Эджила. — Я обещал ему свободу, если он убьет тебя, но, похоже, он не справился с моим заданием. А ведь я дал ему нож и наркотик, чтобы усыпить твоего дружка Хильви.

Он вышел из темноты, красный, в желтой шелковой тунике, с черным тупоносым ружьем в руке.

— Самое сложное заключалось в том, чтобы заманить тебя в ловушку. Просто так ты бы сюда не пришел.

Он поднял оружие.

— Конечно, я мог бы убить тебя за работой, но моя семья подняла бы такой шум... Ты ведь незаменимый раб — равных тебе нет.

— Они назвали бы тебя трусом — и это в лучшем случае, — мягко сказал Старк, — а сокол Барры вновь нашел бы себе работу.

Эджил кивнул. Губы его жестоко искривились.

— Именно. Тебя это, кажется, забавляет? Но моя милая кузина тренирует теперь другого сокола. Она не забыла накрыть тебя сегодня колпачком, иноземец?

Он засмеялся.

— Прекрасно. Я не стану убивать тебя открыто, есть способ и получше. Я не хочу, чтобы по всему Красному Морю болтали, как моя кузина променяла меня на чужеземного раба. Я не хочу, чтобы знали, как я ненавижу тебя и за что. Нет. Мальфора я убил бы все равно: он слишком много знал. А когда я убью тебя и девчонку, я унесу ваши тела к барьеру, и тогда всем, даже Барре, будет ясно, что вы погибли при попытке к бегству.

Тупой короткий ствол уперся в грудь Старка, пальцы Эджила задрожали на спусковой кнопке.

На этот раз полный заряд — не паралич, а смерть. Старк прикинул расстояние между собой и Эджилом. Возможно, он умрет раньше, чем ударит, но инерция его прыжка может

опрокинуть Эджила и даст возможность Зерит убежать. Он напряг мышцы.

— А кто поймет, почему умер я, Эджил? — произнес чей-то голос. — Если ты убьешь их, тебе придется убить и меня.

Откуда возник Трион, Старк не знал, но он был здесь. Голос его звучал, как громкая музыка, глаза сияли светом обреченности.

Эджил яростно выругался.

— Идиот! Кривой уродец, откуда ты явился?

— Откуда приходят ветер или дождь? Я не такой, как другие. — Он печально засмеялся. — Я здесь, Эджил, и это главное. Ты не убьешь этого чужака, который больше зверь, чем человек, и больше человек, чем любой из нас. Он — орудие богов.

Он встал между Старком и Эджилом.

— Уйди с дороги, — выдохнул Эджил.

Трион покачал головой.

— Отлично, — усмехнулся Эджил. — Если ты хочешь умереть — пожалуйста.

Глаза Триона вспыхнули.

— Это день смерти, — произнес он тихо, — но не моей и не этого дикаря.

Эджил коротко выругался и поднял оружие.

Все произошло очень быстро. Старк прыгнул и, как огненная стрела, пронесся над головой Триона. Эджил отступил и нажал кнопку. Заряд промчался мимо. Эджил сделал еще один шаг назад и снова выстрелил. Нечто белое бросилось между противниками и приняло на себя всю силу заряда.

Что-то белое. Тело девушки, увенчанное струящимися волосами, с ярко блестевшим металлическим ошейником на стройной, нежной шее.

Зерит!

Они забыли о ней, о избитой девочке, скорчившейся на коленях статуи. Старк старался держать ее подальше от опасности, для Эджила она не представляла угрозы, а голова Триона была занята таинственными шепотами вещих ветров. Зерит незаметно сползла с места, и один последний рывок поставил ее между Старком и смертью.

Прыжок Старка стремительно перенес его через девушку и бросил на Эджила.

Это произошло так быстро, что лорд Лхари не успел пустить второй заряд.

Старк вырвал оружие из его рук. Ледяное спокойствие овладело дикарем, а глаза застлал кровавый туман, из которого проглядывало лишь лицо Эджила. Тот заверещал. Старк издал душераздирающий вопль обезумевшей дикой кошки.

Трион наблюдал, как кровь струится в море, слышал, как наступила тишина, увидел, как то, что раньше было его кузеном, медленно поплыло по течению, переворачиваясь в газовом скоплении, и не удивился, словно видел все случившееся и раньше.

Старк подошел к телу Зерит. Девушка еще слабо дышала. Ее глаза повернулись к Старку, на губах появилась улыбка.

Теперь Старк ослеп от слез. Вся его ярость ушла с кровью Эджила, осталась только горькая жалость, острая печаль и благоговение. Он нежно поднял Зерит и держал ее на руках. Его слезы падали на ее неподвижное лицо. Вскоре он понял, что она умерла.

Минуту спустя к нему подошел Трион.

— Она была рождена для такого конца, — тихо сказал он, — она это знала и была очень счастлива. Даже сейчас она улыбается и будет улыбаться вечно, потому что многие из нас позавидуют такой легкой смерти.

Он положил руку на плечо Старка.

— Пойдем, я покажу тебе, где положить ее, а завтра ты похоронишь ее там, где она хотела.

Старк пошел за ним, неся на руках Зерит.

Трион подошел к пьедесталу статуи, в определенном порядке нажал несколько скрытых кнопок, и тяжелая плита бесшумно откинулась в сторону, показав каменные ступени, идущие вниз.

Глава 10

Трион повел Старка по ступеням, в темноту, которая освещалась только тусклыми полосами огня, тянувшимися за их спинами. Красный глаз лежал плотно и спокойно, закрытый стенами из черного камня.

— Катакомбы, — сказал Трион. — Лабиринт показан на карте, которую нашел мой отец.

И он рассказал то, о чем уже говорила Старку Барра.

Трион шел уверенно, его искалеченное тело без колебаний двигалось мимо боковых коридоров, за которыми таился мрак, мимо загадочных дверей, которые скрывали тьму.

— Здесь история города. Все книги, все знания, уничтожить которые у них не хватило духу. Оружия здесь нет. Это был не воинственный народ, и я думаю, что сила, которую мы, Лхари, использовали по-другому, была лишь оборонительной, защищала от хищных животных и набегов диких племен с болот.

С большим трудом Старк отвлекся от мыслей о своем горьком грузе.

— Я думал, — глухо произнес он, — что лабиринт находится под разрушенным зданием.

— Мы все так думали. Нас заставили так думать: для этого здание и разрушили. А мы, Лхари, шестнадцать лет убивали мужчин и женщин, чтобы убрать камни. Храм тоже был обозначен на карте, но мы думали, что это просто ориентир. Однако я начал размышлять...

— Давно ты узнал?..

— Недавно. Много месяцев я искал секрет этого прохода. Я приходил сюда по ночам, пока остальные спали.

— И ты им ничего не сказал?

— Нет. Ты думаешь, что, если бы я рассказал, это положило бы конец рабству и смертям? Нет. Для рабов лучше умереть.

Он свернул в сторону и через полуоткрытые золоченые двери протиснулся в огромное помещение.

— Это усыпальница королей. Оставь девушку здесь.

Старк огляделся вокруг, слишком ошеломленный, чтобы чувствовать страх. Но сумрак угрюмого зала заставил и его насторожиться.

Ровными рядами стояли ложа из черного мрамора, и ряды эти были так длинны, что им, казалось, не было конца. На ложах спали древние короли. Их тела, чудесно набальзамированные, были покрыты шелковыми покрывалами, руки сложены на груди, мудрые нечеловеческие лица отмечены печатью мира и покоя.

Старк осторожно опустил Зерит на мраморное ложе, покрыл ее шелком, закрыл ей глаза, сложил руки, и ему

показалось, что на лице девушки тоже застыли мир и покой.

Выходя из усыпальницы, он подумал, что никто из них не заслужил места в зале королей так, как заслужила этого Зерит.

— Трион...

— Да?

— Ты произнес пророчество, когда я пришел в замок. Я должен выполнить его?

Трион кивнул:

— Таков путь пророчества.

К храму он не свернул, но повел Старка вглубь катакомб. Нечеловеческое возбуждение овладело им, и даже Старк почувствовал исходящую от него таинственную энергию.

Теперь Трион казался живым воплощением самой Судьбы, он неудержимо двигался вперед, и землянин ощущал себя крошечной щепкой, попавшей в мощный, бурный поток. Тело Старка вздрагивало.

Наконец они достигли конца коридора.

Там, в красной тьме, перед черной, наглухо запертой дверью сидело странное, невероятно уродливое существо, уродливое до такой степени, что несчастный калека Трион казался по сравнению с ним почти красавцем.

Однако лицо существа хранило такую же печать мудрости и доброты, какую Старк видел у городских статуй и мертвых королей в усыпальнице.

Глубоко ввалившиеся глаза все еще блестели, а одна из семипалых рук казалась теплой и нежной.

Старк отшатнулся. Вид этого существа вызвал в нем острый приступ отвращения, почти тошноты. Он хотел повернуть обратно, однако Трион удержал его.

— Подойди ближе. Он мертв, набальзамирован, но у него есть сообщение для нас. Он так долго ждал гостей. Он хочет предупредить входящих сюда.

Старк неохотно шагнул вперед, и вдруг существо заговорило:

— Посмотри на меня и подумай, прежде чем захватить ту силу, которая хранится за дверью.

Старк вскрикнул и отскочил назад. Трион улыбнулся.

— Так было и со мной. Но затем я выслушал сказанное, выслушал много раз. Он говорит не голосом, его мысль

сама проникает в твой мозг, и только в том случае, если человек перейдет определенную границу.

Старк задумался. Что ж, древние позаботились о том, чтобы их послание было услышано и понято. Телепатическая передача не нуждается в переводе. Он снова шагнул вперед, и голос в его мозгу зазвучал снова.

— Мы вмешались в тайны богов. Мы не хотели зла. Мы любили совершенство и хотели сделать все живые существа такими же совершенными, как сама природа. Мы не знали, что нарушаем Закон. Я был одним из тех, кто нашел способ изменять живые клетки. Мы пользовались невидимой силой, пришедшей из Страны Богов из-за Неба, и овладели ею в таком совершенстве, что сумели лепить новые формы из живой плоти, как гончар лепит из глины новые кувшины. Мы излечивали хромых и увечных, восстанавливали рост, выпрямляли тех, кто выходил из яйца согнутым, и вскоре каждый из нас стал равен богам. И я, даже я познал радость совершенства. А затем пришла расплата. Клетка, измененная однажды, не останавливается в своем изменении. Увеличение шло медленно, и сначала мы не замечали его, а когда заметили, было уже поздно. Мы превратились в чудовищ, а город наш стал логовом монстров. Сила, которой мы воспользовались, принесла нам только вред и зло, потому что чем больше мы старались привести чудовищную плоть к ее нормальному состоянию, тем больше стимулировали клетки к росту, пока наконец тела, над которыми мы постоянно работали, не стали похожими на мокрую глину, расползавшуюся прямо на наших глазах. Жители некогда прекрасного города один за другим убивали себя, а те, кто оставался, поняли, что их настигла кара богов. Они осознали всю тяжесть своей вины и догадались, что нужно теперь делать. Мы все приготовили заранее, мы направили сюда волны Красного Моря, чтобы оно навеки скрыло нас от тех, кто придет потом. Однако мы не уничтожили наши знания. Может быть, виной тому — гордость, но мы просто не нашли в себе сил сделать это. Что если другие боги, другие расы, более мудрые и опытные, смогут вытравить ростки зла и направить наше открытие ко всеобщему благу, ибо благо для всех созданий — если не полное физическое совершенство, то, по крайней мере, сила и здоровье. Но ты, кто бы ты ни был, выслушай внимательно

это предупреждение. Если твои боги ревнивы, если твой народ не имеет такой мудрости и знаний, чтобы преуспеть в контроле над этой силой, тогда не касайся ее, иначе все вы станете такими же, как я.

Голос умолк.

Старк снова отступил назад и недоверчиво спросил Триона:

— И твоя семья не побоялась бы такой участи?

Трион засмеялся:

— Они глупы и жестоки. Даже боль не останавливает их. Жадные гордецы! Они скажут, что это придумано для отпугивания дураков, что человеческая плоть не подчиняется тем законам, которые управляют плотью рептилий, или еще что-нибудь в этом роде. Они скажут все что угодно, потому что эта мечта слишком долго владела их душами.

Старк пожал плечами и взглянул на черную дверь.

— Подземелье надо уничтожить.

— Да, — тихо согласился Трион.

Глаза его сияли, полные какой-то тайной, глубоко выстраданной им мыслью. Он шагнул вперед. Старк хотел идти за ним, но Трион отстранил землянина, сказав:

— Нет. Твой путь не здесь.

Потом он покачал головой и прошептал:

— А я так долго ждал...

Трион говорил тихо, не заботясь о том, чтобы Старк услышал его:

— Ветры приказали мне ждать. Мой день зреет на дереве смерти и, созрев, сам упадет мне в руки. Я ждал, и сегодня на рассвете ветер сказал мне: «Настало время снять с ветки созревший плод».

Он взглянул на Старка, и в глазах его сверкнул свет истинной мудрости.

— Ты слышал, Старк: «Мы восстанавливаем рост и выпрямляем тех, кто выходит из яйца согнутым». Настал мой час. Перед смертью я стану человеком — пусть ненадолго, но мне хватит и этого.

Он повернулся, и Старк не пошел за ним, молча наблюдая за несчастным калекой, с трудом ковылявшим мимо чудовищной фигуры мертвого стража прямо к черной тяжелой двери. Длинные руки протянулись вперед и отодвинули засов. Дверь медленно качнулась. Старк мельком увидел

комнату. Там высилось сооружение, собранное из хрустальных дисков и стержней и укрепленное на причудливом металлическом основании. Все оно сияло и сверкало тревожным синеватым светом, который порывисто тускнел и вновь разгорался, как бы ограждая от вмешательства извне какой-то пульсирующий луч. Были там и другие аппараты — замысловатые нагромождения трубок, перевитых проводов и конденсаторов, но первый механизм был сердцем, центром всего, и сердце это все еще жило и функционировало.

Трион вошел и закрыл за собой дверь.

Старк отступил на несколько шагов и присел на корточки у стены. Он попытался разгадать принцип действия загадочной машины. Невидимая сила, пришедшая из-за неба, — это, видимо, космические лучи. Даже теперь все их потенциальные возможности еще до конца не изучены. Однако некоторые космолетчики-неудачники случайно обнаружили, что при определенных условиях эти лучи могут совершать с тканями человеческого тела поистине поразительные вещи.

Эта мысль Старку вовсе не понравилась. Он попытался забыть о Трионе, забыть обо всем, что случилось сегодня, не думать, не вспоминать. В коридоре было темно и очень тихо, бесформенный ужас спокойно сидел у двери и ждал вместе со Старком. Старк терпеливо считал часы. Вскоре ему стало казаться, что Трион давно умер, но и после этого землянин не двинулся с места. Ему не хотелось проверять свою догадку и заходить в страшную комнату.

Он упорно ждал.

И тут по коридору прокатился тонкий жалобный звон — звон разбитого хрусталя, — прокатился и замер на высокой, чистой ноте. Старк в ужасе вскочил.

Дверь открылась, из нее вышел мужчина — высокий, сильный и красивый, как ангел. Стройный атлет с лицом Триона, с его трагически-печальными глазами. Свет в таинственной комнате погас. Пульсирующее сердце механизмов остановилось.

Дверь закрылась, засов задвинулся.

Голос Триона сказал:

— Остались пленки и много аппаратуры, так что секрет утерян не полностью. Однако теперь он недосягаем. — Он подошел к Старку и протянул руку. — Давай сражаться

вместе как настоящие мужчины. И не бойся: я умру задолго до того, как это тело начнет изменяться.

И вошедший улыбнулся знакомой улыбкой, полной жалости ко всему живому:

— Я знаю. Ветры мне сказали.

Старк взял протянутую руку и крепко пожал ее.

— Хорошо,— кивнул Трион.— А теперь веди меня, иноземец с неистовыми глазами, потому что пророчество говорит о тебе, и этот день твой, а я, всю жизнь ползавший, как улитка, мало знаю о битвах. Веди, и я пойду за тобой.

Старк потрогал свой ошейник.

— Ты можешь избавить меня от этого?

Трион кивнул.

— В одной из комнат есть инструмент и кислота.

Он быстро нашел их и принялся за работу, а Старк размышлял, и улыбка светилась на его лице, но не было в этой улыбке жалости.

Наконец они вернулись в храм, и Трион закрыл вход в катакомбы. Утро еще не наступило, и рабов на площадке не было.

Старк нашел оружие Эджила.

— Нам надо спешить,— сказал он.— Пошли.

Глава 11

Остров был плотно окутан туманом и едва виднелся в синей тьме ночи.

Старк и Трион тихо пробирались между камней, пока не увидели свет факелов, пробивавшийся сквозь узкие окна энергетической станции.

Там находилось семеро стражников — пятеро внутри, двое снаружи.

Бесплотной тенью Старк тихо скользил вперед, ни один камешек не сдвинулся под его босыми ногами. В конце концов он нашел подходящее укрытие и притаился там. Не далее чем в трех футах от него стоял часовой. Он позевывал и с надеждой поглядывал на «небо», ожидая первых признаков рассвета.

В тишине гулко прозвучал приятный голос Триона — солдаты хорошо знали его:

— Эй, стража!

Часовой обернулся. Вдоль каменной стены торопливо бежал второй стражник, беспорядочно шлепая сандалиями по мягкой земле.

— Кто говорит? — окликнул первый. — Лорд Трион?

Он напряженно вглядывался в темноту.

Трион ответил:

— Да.

Он был достаточно далеко, и они могли различить лишь лицо своего господина, но тело его скрывалось за камнями и кустарником.

— Быстрее! Открывайте дверь! — приказал Трион.

Он говорил прерывисто, как будто очень спешил.

— Катастрофа! Беда! Прикажите им открыть!

Один из стражников со всех ног бросился выполнять приказ и усердно замолотил в массивную дверь, запертую изнутри, другой стоял, вытаращив глаза.

Дверь распахнулась, и красный туман завихрился в потоках желтого света факелов.

— В чем дело? — прокричал голос изнутри. — Что случилось?

— Выходите! — задыхаясь, выкрикнул Трион. — Мой кузен лорд Эджил умер, убит рабом!

Трое или четверо быстро выскочили наружу, в круг света, словно боясь, что их сочтут ответственными за убийство.

— Вы его знаете, — выкрикнул Трион, — высокий черноволосый землянин. Он убил Эджила и бежал в лес. Нам нужны дополнительные силы, чтобы организовать на него охоту. Вполне возможно, что его охраняют другие мятежники. Вот ты, ты, ты и ты...

Он ткнул пальцем в четырех самых крупных охранников.

— Идите сейчас же, присоединяйтесь к поисковому отряду. Я с остальными останусь здесь.

Это заявление почти сработало. Четверка сделала несколько неуверенных шагов, но затем один остановился и с сомнением произнес:

— Милорд, ведь нам запрещено покидать свой пост, что бы ни случилось. Лорд Конд убьет нас...

— А вы боитесь лорда Конда больше, чем меня? — философски заметил Трион. — Что ж, все ясно...

Он шагнул вперед, под яркие лучи света.

Раздался приглушенный вздох, затем испуганный вопль. Люди, вышедшие со станции, были вооружены только мечами, но часовые снаружи имели парализаторы. Один из стражников завопил:

— Это демон с голосом Триона!

Оба ствола черного оружия тупо уставились на лорда Лхари. Старк, притаившийся позади часовых, быстро и уверенно выпустил два бесшумных заряда. Часовые рухнули на землю — несколько часов они не смогут даже пошевелиться. Старк бросился к двери.

Два стражника побежали наперерез и столкнулись со Старком, в то время как третий повернулся к Триону, чтобы удержать его мечом, пока те не скроются в здании.

Увидев, что безоружный Трион в опасности, Старк выскользнул из рук налетевших на него стражников и уложил того, который угрожал Триону. Через секунду на него обрушился град ударов и чья-то ловкая, мускулистая нога выбила из рук Старка оружие.

Трион с разбегу врезался в толпу обступивших землянина часовых. Радуясь своей новой силе, он схватил одного стражника за шею и отшвырнул его в сторону.

Стражники были крупными и сильными людьми. Они дрались отчаянно и умело.

Старк был избит и окровавлен, прежде чем смог нанести решающий удар.

Кто-то бросился мимо него к двери.

Трион взвыл. Краешком глаза Старк увидел, что Лхари сидит на земле, а дверь закрылась.

Старк бросился к двери и с такой силой ударил плечом в тяжелую панель, что чуть не задохнулся от боли. Дверь распахнулась, и из-за нее послышался крик боли и звук падения. Старк без промедления ворвался внутрь и увидел, что последний из стражников торопливо тащил к двери что-то тяжелое, пытаясь забаррикадироваться.

Вытащить меч ему не удалось.

Не сбавляя скорости, Старк нырнул вперед, ударом головы сшиб часового с ног и покончил с ним с быстротой дикаря.

Старк поднялся, перевел дух, сплюнул кровь и огляделся. Один из стражников сбежал, явно для того, чтобы поднять тревогу.

Механизм оказался очень простым. Он состоял из большого черного предмета, размером и формой напоминавшего гроб и снабженного решетками, линзами и циферблатами. Он мягко жужжал, но какая энергия питала его, Старк не знал. Может быть, те же самые космические лучи, только приспособленные для другой цели?..

Старк повернул то, что напоминало главный выключатель. Жужжание прекратилось, мерцающий свет в линзах умер.

Земянин поднял меч убитого стражника, тщательно переломал все, что можно было сломать, а затем вышел.

В дверях появился Трион. Он качал головой и печально улыбался.

— Похоже, одной силы недостаточно, — заметил Лхари. — Нужно иметь еще и ловкость.

— Барьеры сняты, — отозвался Старк, — путь свободен.

Трион кивнул, и они пошли обратно в море. На этот раз оба несли парализаторы, взятые у стражников. Парализаторов, считая и оружие Эджила, было шесть. Этого хватило бы для небольшой, но весьма энергичной схватки.

Пока они быстро погружались в красные газовые глубины, Старк спросил:

— А как насчет народа Шараана? Как они будут сражаться?

— Люди из команды Мальфора будут стоять за Лхари. Это их единственная надежда. Другие станут выжидать, гадая, на чьей стороне окажется перевес.

Старк кивнул и больше не разговаривал.

Они прошли над молчаливым городом, и Старк подумал об Эджиле и Мальфоре, которые стали теперь частью этой неестественной тишины, медленно проплывая по пустынным улицам древнего города, где их подхватывают слабые течения, а рой искр укутывает тускло мерцающим саваном. Он подумал о Зерит, спящей вечным сном в зале королей, и глаза его вспыхнули холодным жестоким огнем.

Они спустились к убогим баракам рабов.

Трион остался на страже, а Старк, взяв с собой лишнее оружие, вошел внутрь.

Рабы спали. Одни стонали во сне, других можно было принять за мертвых — так бледны были их изможден-

ные лица со впалыми щеками и темными, провалившимися глазницами. Рабы. Сто шесть человек, считая женщин.

Старк закричал, они проснулись, и смертельный ужас наполнил их души. Вскоре они узнали его, увидели, что он без ошейника и вооружен, и подняли такой гвалт, что Старк снова был вынужден громко закричать, призывая к тишине. К нему присоединился Хильви, очнувшийся от наркотического сна.

Старк вкратце рассказал окружившим его людям о случившемся.

— Теперь вы свободны, — закончил он. — Вы можете сохранить свою жизнь, а можете и умереть, но умрете вы как свободные люди, а не как рабы.

Он сделал паузу.

— Кто пойдет со мной в Шараан?

Они ответили единым вздохом, торжествующим воплем Потерянных Душ, увидевших, что красное покрывало неминуемой смерти начинает рассеиваться, а впереди уже мерцает надежда.

Старк засмеялся. Он был счастлив. Он раздал оружие Хильви и трем другим, по своему выбору. Хильви посмотрел ему в глаза и тоже рассмеялся.

Трион крикнул в открытую дверь:

— Идут!

Старк быстро проинструктировал Хильви и выскочил, прихватив с собой одного из мужчин. Вместе с Трионом они спрятались в аллее сада.

Подошли двадцать стражников, высоких, хорошо вооруженных людей, готовых вывести рабов на работу — бессмысленно таскать бесполезные камни.

Но тут из-за укрытия заговорило оружие, и никто не услышал его бесшумной речи, но все увидели, как восемь стражников упали внутри барака, а девять рухнули снаружи.

Потом настала очередь рабов. Десять из них умерли прежде, чем толпа расправилась с тремя уцелевшими солдатами.

Теперь у девяноста четырех повстанцев имелось двадцать мечей.

Рабы прошли через город, двигаясь решительно и целеустремленно, поднялись над спящим лесом и вышли из красной колыхавшейся тьмы, чтобы снова обрести настоящий свет.

Первый бледный отблеск зари струился сквозь облака, когда они поднялись на скалы под замком Лхари. Старк отошел от рабов и, как тень, скользнул к тому месту, где он спрятал свой пистолет. С моря кровавым облаком поднялся туман, и ни один солнечный луч не освещал еще лицо утренней Венеры. Только облака слегка тронул легкий перламутр утренней зари.

Старк вернулся к остальным. Один из парализаторов он отдал жителю болот, в глазах у которого сверкало холодное безумие.

Затем он сказал несколько слов Хильви и пошел с Трионом назад, на дно Красного Моря.

Шагая вдоль прибрежного утеса, Трион коснулся руки Старка и указал на круглое отверстие:

— Оно сделано очень давно, чтобы никто не видел, как рабы Лхари исчезают из Шараана. Заходи сюда, но старайся не шуметь.

Они проплыли вниз по туннелю, в темноту, пока поток багровых газов не вынес их на поверхность. Затем они бесшумно ползли по камням, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Вся надежда была на внезапность. Трион сказал, что двое могут пройти по туннелю, а большее число людей наверняка будет замечено и стражники сделают все, что от них требуется.

Старк целиком полагался на Триона, и не напрасно.

Они подошли к гладкой стене из полированного камня. Трион нажал на нее плечом, и громадный блок медленно повернулся, открывая проход в пустое, освещенное факелами помещение.

Они шагнули туда, и одновременно с ними в комнату вошел слуга в ярких шелковых одеждах. Он собирался заменить угасающий факел на свежий. Увидев пришельцев, слуга в изумлении замер и выронил факел. Рот его беззвучно раскрылся. Старк вспомнил, что у здешних слуг языков не было. Лхари не любили лишней болтовни.

Трион попытался что-то сказать, но человек повернулся и пустился бежать по длинному, тускло освещенному коридору. Старк без труда догнал его и ударил рукояткой пистолета.

Слуга упал и затих.

Трион направился наверх. Лицо его сияло странным воодушевлением, а безумный блеск глаз почти пугал Старка. Они прошли по длинной анфиладе пустых комнат, никого не встретив на своем пути. Наконец Трион остановился у маленькой двери из полированного золота, взглянул на Старка, кивнул, толкнул дверь и вошел.

Глава 12

Они стояли в громадном зале, противоположная стена которого исчезла в темноте. Здесь, как и раньше, горела гроздь серебряных ламп, а из освещенного круга за чужаками, осмелившимися войти через тайную дверь, наблюдали сами Лхари.

Здесь были Конд, Эйрил, покорно сложившая руки на коленях, Бор, колотивший маленького дракона, чтобы заставить того шипеть и щелкать челюстями, и смеявшийся над бессилием звереныша. Барра, держа птицу на запястье, пробовала белым пальцем остроту ее клюва. Здесь же находилась и старуха, не успевшая донести до сального рта кусочки жирного мяса.

Все они застыли на своих местах, а Трион медленно подошел к свету.

— Узнаете меня? — спросил он.

По телам тех, к кому он обратился, пробежала странная дрожь. Как и в прошлый раз, старуха заговорила первой. Глаза ее жадно блестели.

— Ты Трион, — сказала она.

Все ее громадное тело всколыхнулось. Под сводами зашелестело:

— Трион, Трион...

Конд бросился вперед и дрожащими пальцами коснулся стройного, сильного тела своего кузена.

— Ты нашел секрет!

— Да.

Трион вскинул свою серебряную голову, и по залу рассыпался его ясный, точно звон далекого колокольчика, тихий смех.

— Да, я нашел ваш секрет, но теперь он исчез, уничтожен, и вам не получить его. Эджил умер, дни Лхари сочтены.

Наступило долгое недоуменное молчание. Затем старая туша прошептала:

— Ты лжешь.

Трион повернулся к Старку.

— Спроси чужеземца, который принес на своем челе знамение смерти, он скажет тебе, лгу ли я.

Лицо Конда стало каким-то нечеловеческим. Он издал страшный, безумный вопль и стремительным движением потянулся к горлу Триона.

Бор вдруг закричал. Его одного не интересовала ни находка, ни утрата тайны, и, кажется, только он один понял — здесь находится Старк. Он вопил, глядя на этого чужого смуглого мужчину, и вдруг бросился вон из зала, на бегу истошно созывая стражу. Когда, выбегая, он распахнул большие двери, со двора в зал донеслись звуки битвы.

Рабы с мечами, дубинами, копьями и камнями перебрались через стену замка.

Старк подался вперед, но Трион не нуждался в его помощи: он держал Конда за горло и улыбался. Старк не стал ему мешать.

Старуха, задыхаясь, что-то выкрикивала, плевалась, ругалась, приказывала. Эйрил вдруг засмеялась. Она не сдвинулась с места, руки ее по-прежнему праздно лежали на коленях, но она смеялась и смеялась, а Барра с ненавистью смотрела на Старка.

— Ты не Дикарь, ты просто дурак, — сказала она. — Ты не хотел взять то, что я тебе предлагала, так теперь не получишь ничего, кроме смерти.

Она сдернула колпачок с птицы и бросила ее прямо в лицо землянину, а потом выхватила из-за пояса нож и быстро вонзила его в бок Триону.

Трион покачнулся. Рука его, сжимавшая горло Конда, ослабла, и Конд вырвался из его хватки, разъяренный, с пеной на губах.

Он выдернул свой короткий меч и занес его над Трионом.

Яростные крылья били воздух и грохотали над головой Старка. Острые когти вцепились в его глаза. Старк взмахнул левой рукой, схватил птицу за ногу и держал ее, дергавшуюся и шипевшую, недолго, но достаточно для того, чтобы успеть выстрелить в Конда.

Затем он моментально свернул птице шею.

Старк швырнул сокола к ногам Барры и снова поднял пистолет. С дальнего конца зала бежали стражники, теперь нужно было защититься от них.

Трион, покачиваясь, сидел на полу. Кровь непрерывно сочилась из его раны, но он по-прежнему твердо сжимал в руке парализатор и улыбался.

Снаружи доносился угрожающий шум и рев.

Там дрались люди, убивали, умирали сами, кричали от радости, возбуждения и боли. В зале бушевало эхо сражения, а выстрелы Старка напоминали отдаленный гром. Стражники, вооруженные только мечами, падали, как колосья под секущим серпом, но их было слишком много, чтобы Старк и Трион могли удержать их.

Без умолку визжащая старуха вдруг затихла. Сквозь ряды стражников, расшвыривая охранников Лхари, пробился Хильви, за которым по пятам следовала кучка яростных рабов в ошейниках. Все смешалось в бешено крутившемся хаосе, наполненном воплями, мельканием мечей и копий, глухим стуком падающих тел.

Старк резко отбросил разряженный пистолет, схватил меч мертвого стражника и стал прорубать себе дорогу к Хильви.

Внезапно Трион выкрикнул его имя.

Старк стремительно отскочил в сторону от человека, с которым только что сцепился, и увидел, как падает Барра с кинжалом в руке.

Она собиралась ударить Старка в спину, но Трион увидел это и успел нажать на спуск.

В первый раз на глазах Триона выступили слезы.

Старка замутило. Было что-то ужасное в открывшемся перед ним зрелище семейной резни, родственного самоуничтожения. Его дикарская душа была далека от сентиментальности, к Барре он не питал особой привязанности, и все же поступок Триона заставил его содрогнуться.

Теперь он стоял с Хильви спиной к спине. Их мечи дружно отражали беспрестанные атаки врагов, а бесполезные разряженные парализаторы валялись где-то на полу. Задыхаясь, Хильви тяжело проговорил:

— Хороший был бой, брат! Победить мы не сможем, но зато нас ждет великолепная смерть, а это куда лучше рабства.

Казалось, что слова Хильви подтвердились: рабы, истощенные долгим затворничеством и непосильной работой, были отброшены.

Поток их хлынул вспять, и Старка вынесло на двор, но и там упорно и яростно он продолжал драться.

Громадные ворота были открыты. За ними толпился народ Шараана, наблюдая за схваткой полными ужаса глазами. Люди нерешительно переминались с ноги на ногу. Трион был прав: они лишь наблюдали и ждали исхода. Впереди всех, опираясь на суковатую палку, стоял Ларраби, землянин.

— Чего вы ждете, трусливые бабы? Лхари мертвы. Потерянные Души освобождены. Неужели мы, земляне, должны страдать за вас?

Он взглянул прямо в глаза Ларраби.

Ларраби встретил этот взгляд. Его темные страдающие глаза были полны горькой радости.

— Да, Дикарь, — ответил он по-английски. — Почему бы и не присоединиться к вам?

Он вскинул голову, засмеялся, и не было горечи в этом смехе.

Потом Ларраби поднял свою палку, словно дубину, слабым, старческим голосом издал пронзительный воинственный клич и заковылял к распахнутым воротам. Только тут жители Шараана очнулись и с глухим ропотом медленно двинулись вслед за стариком.

Очень скоро все было кончено.

Тело Бора нашли в стойле, где он собирался переждать битву. Драконы, очумевшие от запаха крови, быстро растерзали мальчишку.

Хильви не пострадал, Ларраби тоже.

Подвигнув жителей Шараана на бой, старый землянин почувствовал себя не в своей тарелке и теперь осторожно держался в стороне.

Почти половина рабов погибла, остальные были ранены. Из тех, кто служил Лхари, уцелели лишь немногие.

Старк вернулся в большой зал. Он шел медленно, потому что страшная усталость последних суток все-таки дала о себе знать. Отяжелевшие ноги его оставляли кровавые следы, руки были красны до локтей, на груди темнели бурые засохшие пятна.

Трион смотрел на него и тихо улыбался.

— Все произошло так, как я говорил. Я пережил их всех!

Истерический смех Эйрил уже не звенел под сводами зала. Она не пыталась бежать, и яростная волна сражения прокатилась по ней, придавила горой мертвых тел, и под этим кровавым грузом женщина задохнулась.

Старуха возлежала на своей постели неподвижной горой плоти. Руки ее все еще сжимали спелый плод, она конвульсивно вцепилась в него перед смертью, и красный сок бесшумно и мирно стекал по ее скрюченным пальцам.

— Теперь и я ухожу, — сказал Трион. — Я очень доволен. Со мной уходят последние капли нашей гнилой крови, и Венера станет чище. Похорони мое тело поглубже, иноземец с неистовыми глазами. Я не хочу, чтобы оно видело то, что будет после нас.

Он вздохнул и упал.

Маленький дракончик Бора с протяжным плачем выполз из-под старухиной постели и заковылял прочь из зала, волоча за собой измочаленную веревку.

Старк наклонился над гакобортом, глядя на темную громаду Шараана, уходившую в красный туман.

Палуба была полна бывшими рабами, которые возвращались домой. С Лхари было покончено. Потерянные Души обрели свободу, и теперь Шараан стал всего лишь заурядным портом в Красном Море. Его люди по-прежнему останутся разбойниками и пиратами, но кто изменит людскую природу. Черное зло ушло отсюда — и это главное.

Старк радовался: он видел, как умирало это Зло, и вскоре увидит другой берег Красного Моря.

Береговой ветер быстро нес корабль по заливу. Старк подумал о Ларраби, который вместе со всеми мечтами о земном снеге, о городских улицах и о женщинах с изящными ножками остался в Шараане. Он так долго прожил здесь, что у него не хватило духу покинуть насиженное место.

— Бедняга Ларраби, — сказал он Хильви, стоявшему рядом на палубе. — Он умрет в грязи, проклиная ее.

Позади кто-то хихикнул. Старк услышал шарканье старческих ног, обернулся и увидел Ларраби.

— В последнюю минуту я передумал, — усмехнулся старик. — Я прятался в трюме, чтобы мой грязный выводок не увидел меня и не заставил передумать еще раз.

Он наклонился к Старку, покачивая головой.

— Ничего, они прекрасно обойдутся и без меня. Я старик и имею право выбирать место, где умереть. Я полечу с тобой на Землю.

Старк взглянул на него:

— Но я-то собрался вовсе не туда.

Ларраби вздохнул.

— Вот как? Не думал.. Впрочем, ты же не настоящий землянин, ты обычный дикарь с Меркурия. А что до твоей земной крови, то это — так, случайность... И куда же ты направляешься?

— Не знаю. Во всяком случае, подальше от Венеры.

Темные глаза Ларраби пронзительно взглянули на него.

— Знаешь, что говорила о тебе Барра? Она назвала тебя сумасшедшим тигром с ледяными глазами, тигром, который что-то потерял и теперь не может найти, а искать будет всю свою жизнь.

Воцарилась долгая тишина. Красный туман окутал их, усиливавшийся ветер стремительно понес судно.

Издалека раздался слабый, протяжный плач, похожий на прерывающееся пение, и у Старка мороз прошел по коже. Все на борту слышали эти звуки и внимали им в полном молчании, как вдруг одна из женщин заплакала.

Старк тряхнул головой.

— Это только ветер, — сказал он резко, — блуждающий в скалах у пролива.

Звук взлетал и падал, усталый, бесконечно тоскливый, и та часть Старка, которая была Н'Чакой, уверяла, что Старк солгал.

Ветер не мог завывать так печально, это рыдали Потерянные Души, оставшиеся там навеки, — Зерит, спящая в зале королей, и все те, кто никогда не оставит спящий город, никогда не увидит солнечного света.

Старк вздрогнул и отвернулся. Перед ним плясали багровые огни шараанского залива.

КЛАЙВ ДЖЕКСОН

Меченосцы Варниса

Клайв Джексон — фанат научной фантастики, которому в 1950—1951 годах пророчили карьеру профессионального писателя. Джексон был компетентным критиком и талантливым автором, однако он исчез из поля зрения коллег и дальнейшая его судьба неизвестна. В своей рецензии на фильм «Пункт назначения — Луна» («Destination Moon»), опубликованной в четвертом выпуске фэнзина «Slant», Джексон высказался по поводу космической оперы (fanac.org/fanzines/Slant/Slant4-16.html): «Лично мне нравится. Думаю, это очень хорошая форма для научной фантастики хотя бы потому, что автор может заставить своих марионеток убедительно двигаться, не углубляясь в их эмоциональные и умственные терзания и ограничиваясь лишь сиюминутными характеристиками...»

И далее: «То, что публика стала расценивать научно-фантастические фильмы так же, как и научно-фантастические журналы, то есть как хлам и макулатуру, было, я полагаю, неизбежно, ведь стоящие вещи обычно скрыты от нас под грудами мусора. Но если дать шанс „Пункту назначения — Луна", то в дальнейшем мы могли бы познакомиться еще с некоторыми подобными работами. Мне бы хотелось увидеть одну из космических опер „Дока" Смита на кинопленке хотя бы для того, чтобы узнать, каким образом они собираются продемонстрировать зрителю, как Ленсмены[1] готовятся швырнуть в противника планету через гиперкосмическую трубу!»

Приведенный ниже рассказ впервые был опубликован под псевдонимом Джеффри Кобб в 1950 году в известном фэнзине Уолта Уиллиса «Slant», а затем появился в американском журнале «Other Worlds». Впоследствии, в 1953 году, он вошел в состав «Science Fiction Carnival», антологии под редакцией Фредерика Брауна и Мака Рейнольдса, которые назвали это произведение пародией на космическую оперу. На наш взгляд, это указывает на то, что данный уничижительный термин был широко распространен, охватывая к началу 1950-х годов и так называемое сайнс-фэнтези (которое сейчас порой име-

---

[1] Ленсмены (Lensmans) — люди линз — герои цикла из восьми романов «Дока» Смита о межгалактических войнах и Галактическом патруле, которая в свое время пользовалась большой популярностью. Если брать знакомые русскому читателю произведения, то Ленсменов встречают в своем путешествии по мирам герои романа Р. Хайнлайна «Число Зверя».

нуется планетарным романсом) в традициях марсианских романов Эдгара Райса Берроуза и произведений Ли Брэкетт (на ум приходит ее классическое сайнс-фэнтези «Шпага Рианона» («The Sword of Rhiannon»)).

Главная идея рассказа Джексона воплощается в одном из комедийных приемов в первом фильме об Индиане Джонсе.

Две луны нависли над багровыми пустынями Марса и руинами Кха-Лоуниса. Ночной ветер вздыхал вокруг хрупких шпилей опустевших храмов и нашептывал в прямоугольные окна с частым переплетом, а красная пыль превращала Кха-Лоунис в медный город.

Ближе к полуночи до городских стен донесся топот копыт, и вскоре под арку древних ворот ворвались всадники. Сарн, Лорд Воинов Лоуниса, опережал своих преследователей всего на каких-то двадцать ярдов. Чувствуя, что дистанция сокращается, он вонзил беспощадные шпоры в чешуйчатые бока своего шестиногого воркла. Преданная тварь взревела, отчаянно пытаясь исполнить волю хозяина, но не оправдала его надежд.

Перед Сарном в большом двойном седле сидела Ленитэл-Лоунис, Принцесса Марса, и с грациозной легкостью правила неуклюжим животным. Склонившись к изогнутой шее воркла, девушка промурлыкала приободряющие слова в его опустившиеся уши. Потом она откинулась на облаченную в доспехи грудь Сарна и повернула к нему свое прекрасное лицо; щеки ее раскраснелись от быстрой скачки, в янтарных глазах полыхал огонь любви к герою-чужестранцу, явившемуся из неизведанных миров и эпох.

— Мы победим в этой скачке, мой Сарн, — воскликнула она. — Как только мы окажемся в храме Живой Химеры, мы сможем вызвать на бой все Орды Варниса!

Порыв ветра взметнул нехитрые одежды девушки, открыв взору плавный изгиб шеи, грудь и бедро. Глядя на ее неземную красоту, Сарн понял, что, даже если ему суждено пасть в бою с Меченосцами Варниса, предпринятая им одиссея не была напрасной.

Однако юная наездница верно оценила расстояние, отделяющее их от преследователей, и Сарн остановил свое-

го фыркающего воркла у массивных дверей храма как раз в тот момент, когда враги достигли внешней стороны арки и сгрудились там, сыпля проклятиями. Потратив лишь несколько секунд, они перестроились, цепочкой проехали под аркой и пересекли площадь перед храмом. Но этой отсрочки оказалось достаточно, чтобы Сарн успел спешиться и занять позицию в проеме у входа в храм. Он был уверен, что сможет продержаться несколько мгновений, за которые Лени-тэл-Лоунис сумеет открыть двери. Тогда они завладеют секретом Живой Химеры и станут владыками всех земель Лоуниса.

Сначала Меченосцы попытались атаковать верхом, но проход к дверям был слишком узок и глубок, так что Сарну потребовалось нанести всего один удар мечом в глотку первого воркла — и грузное животное свалилось замертво. Его наездник был оглушен падением; Сарн запрыгнул на поверженное животное и без колебаний лишил незадачливого Меченосца головы. Оставалось еще десять врагов, и они, спешившись, ринулись вперед, но в узком проходе помещались максимум четверо, а позиция Сарна на громоздкой туше воркла давала ему необходимое преимущество. Огонь битвы играл в его жилах, он оскалился и расхохотался в лицо врагам, обагренный кровью меч выводил в воздухе узоры холодной, неизбежной смерти.

Лени-тэл-Лоунис быстро пробежала прохладными пальцами по выщербинам на бронзовой двери, нащупала углубление и прижала к нему опал, вставленный в перстень на ее руке. Услышав, как сработал скрытый замок, девушка тихонько всхлипнула от облегчения. Древний механизм мучительно медленно начал открывать двери, и вскоре Сарн за лязгом скрещивающихся клинков услышал зовущий его чистый голосок:

— Сюда, мой Сарн, секрет Живой Химеры наш!

Но Сарн, сразивший четверых и отбивающийся от оставшихся семи врагов, не мог оставить свою позицию без риска быть изрубленным в куски. Лени-тэл-Лоунис, быстро оценив ситуацию, тоже вскочила на тушу убитого животного и обнажила свой узкий меч.

— Я с тобой, любовь моя! Я буду твоей левой рукой!

Ледяная хватка поражения сжала сердца Меченосцев Варниса. Кровь еще двоих, троих, четверых Меченосцев

смешалась с красной пылью, покрывавшей землю у храма. Сарн и его воинственная принцесса в унисон орудовали своими не знающими пощады клинками. Казалось, ничто не может помешать им завладеть тайной Живой Химеры. Но они недооценили врага. Один из оставшихся в живых Меченосцев вероломно отскочил назад, подальше от схватки, и с отвращением швырнул свой меч на землю.

— Да пропади оно все пропадом! — буркнул Меченосец, отстегнул от пояса протонный пистолет и энергетическим лучом отправил в небытие Лени-тэл-Лоунис и ее Лорда Воинов.

II

ПРИЗЫВНИКИ

(1960-е годы)

Новой космической опере двадцать восемь лет.
Начало ей (и едва ли не конец) было положено
в 1975 году, когда «Машина с Центавра»
(«The Centauri Device») М. Джона Гаррисона
примерила установки британской «новой волны»
к космическим далям.
Надпись на обложке гласила, что читатель
держит в руках настоящее космическое приключение
галактического размаха в лучших традициях
«Дока» Смита и Ван Вогта.
Все, кого ввел в заблуждение подобный рекламный ход,
готовы были разорвать книжку на мелкие кусочки.
Ибо в романах «Дока» Смита и Ван Вогта
главный герой этого произведения в лучшем случае оказался бы
одиозным злодеем: «Он горланил революционные
песни, сливал метамфетамины ночной смене на Морфее –
не для того, чтобы возглавить восстание,
погубившее в конце концов планету,
а потому что застрял там без гроша в кармане».
Автор ставил задачу похоронить космическую оперу,
а не продлить ее существование.
Майк Гаррисон намеревался скрутить жанр в бараний рог и
удалиться, довольно потирая руки.

Кен Маклеод («Locus»)

КОРДВАЙНЕР СМИТ

Игра с крысодраконом

Кордвайнер Смит (1913—1966) — псевдоним доктора Пола Майрона Энтони Лайнбарджера. Информацию об авторе можно найти на www.cordwainer-smith.com. Лайнбарджер преподавал востоковедение в Университете Джона Хопкинса, в Школе современных международных исследований (School of Advanced International Studies), а также сотрудничал с американским разведывательным сообществом по вопросам методов пропаганды и ведения психологической войны. Согласно биографии, приведенной на сайте Арлингтонского национального кладбища, с 1937 по 1946 год Лайнбарджер преподавал в Университете Дьюка. В 1940-е годы Лайнбарджер выпустил три романа под другими псевдонимами: Феликс Форрест (намек на его китайское имя Лин Ба Ло, означающее «Лес Пламенного Блаженства») и Кармайкл Смит. Он был шпионом, ловкачом, секретным агентом и впечатляющим теоретиком, автором основополагающего труда «Психологическая война» («Psychological Warfare»).

В возрасте шести лет в результате несчастного случая Лайнбарджер ослеп на один глаз. По словам дочери писателя Розаны Харт (www.cordwainer-smith.com), это обстоятельство усугубило его сознание собственной инаковости и, вероятно, положило начало теме боли и страданий, прошедшей через все его творчество. Личные проблемы Лайнбарджера и его интерес к психологической войне побудили писателя заняться изучением психиатрии и психоанализа. Все это, а также увлеченность христианской философией наложили заметный отпечаток на произведения Кордвайнера Смита. Вскоре увидит свет психобиография Лайнбарджера, которую Алан Элмс составлял на протяжении двадцати пяти лет.

Первой работой, опубликованной под псевдонимом Кордвайнер Смит, стал рассказ «Сканнеры живут напрасно» («Scanners Live in Vain»). Это произведение, написанное в 1945 году, вышло только в 1949-м. Арлингтонский биограф говорит: «Рассказ является полноценной аллегорией на Новый Завет, демонстрирующей передовое понимание библейских сюжетов и их типологии (к примеру, запах жарящегося мяса ягненка напоминает главному персонажу запах горящей человеческой плоти), а также теологических и философских догм христианской религии».

Роберт Сильверберг называет этот рассказ «классикой научной фантастики»: «Для меня это настоящее откровение. Я перечитывал его снова и снова, не переставая поражаться мощи произведения».

Однако в начале 1950-х годов эта работа мало переиздавалась, а второй рассказ «Игра с крысодраконом», широко известный, снискавший многочисленные похвалы и ставший важной вехой в научной фантастике, просто-напросто повесил на Смита ярлык писателя двух произведений. Регулярно публиковаться Лайнбарджер начал только в 1959 году — журналы, недорогие издания... Вскоре после кончины писателя его произведения перестали выпускаться. Умер он в 1966-м.

Как становится ясным из комментария Сильверберга, работы Лайнбарджера запомнились и поклонникам жанра, и коллегам-фантастам. И один преданный поклонник Дж. Дж. Пирс в период с 1966 по 1975 год сделал все, чтобы наследие Смита не постигло забвение. В итоге в 1970-е годы издательство «Del Rey Books» при содействии Дж. Дж. Пирса выпустило все произведения Лайнбарджера в мягкой обложке, а также впервые опубликовало полную версию единственного романа писателя «Норстрилия» («Norstrilia», 1975) (в 1960-е годы он выходил в двух томах). Таково было триумфальное возвращение непризнанного классика. В качестве апофеоза престижное жанровое издательство «NESFA» выпустило сборник «Заново открытый человек: Полное собрание повестей и рассказов Кордвайнера Смита» («The Rediscovery of Man: The Complete Short Science Fiction of Cordwainer Smith», 1993). Кроме того, была учреждена премия имени Лайнбарджера, которую ежегодно на Всемирном конвенте научной фантастики (World Science Fiction Convention) посмертно присуждают тем авторам, чье творчество оказалось незаслуженно забытым.

За исключением пяти рассказов, действие всех произведений Смита разворачивается в будущем Инструменталий Человечества (Instrumentality of Mankind), которое к 1990-м годам многочисленные поклонники изучили досконально. Хотя работы Лайнбарджера (как и работы Брэкетт) имеют все ключевые признаки космической оперы, при жизни писателя никто не относил их к этому жанру. В книге Карен Хелликсон «Научная фантастика Кордвайнера Смита» («The Science Fiction of Cordwainer Smith») приведены следующие слова самого автора: «В своих произведениях я использую некоторые экзотические декорации, как в китайском театре. Они предназначены для того, чтобы обнажить человеческий разум, высветить подземные воды человеческой души, потаен-

ные уголки, где скрываются вечные драмы, связанные с достоинством, Богом, отвагой, сексом, любовью, надеждой, завистью, благонравием и властью». Сейчас творчество Смита рассматривается как одна из исторических моделей космической оперы, его работы продолжают оказывать влияние на облик жанра.

Рассказ «Игра с крысодраконом» впервые был опубликован в 1955 году. Это весьма своеобразная история об ужасах межзвездных перелетов: космическое пространство с его непроглядной тьмой представляет собой подлинную обитель ночных кошмаров. В произведении присутствуют два излюбленных объекта описания Смита: кошки и телепатия. Монстры, живущие в межзвездном пространстве, непостижимы. Люди-телепаты воспринимают их как драконов; а Партнеры людей — великие кошки-воины Капитан Гав и Леди Май — как гигантских крыс. Свет — погибель этих чудовищ. Выходя за пределы спасительного солнечного света, люди обрекают себя на смерть или безумие. Таким образом, межзвездные перелеты оборачиваются вечной битвой за выживание.

I. Ломберный стол

Да это черт знает что за профессия — светострелок! Разъяренный Андерхилл закрыл за собой дверь. Что толку носить форму, похожую на военную, если люди не понимают, как нужен твой труд?

Он сел на свое рабочее место, откинул голову на подголовник и по самые брови надвинул шлем.

Он стал ждать, пока аппаратура в шлеме разогреется, и ему опять вспомнилась девушка, которую он только что встретил в коридоре. Она посмотрела сперва на шлем, потом презрительно на него.

«Мяу», — только это она и сказала. Однако его словно ударили хлыстом.

Кто он такой, по ее мнению, — дурак, бездельник, ничтожество, одетое в форму? Неужели она не знает, что светострелок, поработавший полчаса, потом два месяца валяется на больничной койке?

Шлем разогрелся. Теперь Андерхилл ощущал вокруг космическое пространство и мог легко делить его мысленно на квадраты и кубы. Здесь, в этой пустоте, его подстерегал

гложущий страх перед лицом бесконечности, и невыносимая тревога охватывала его каждый раз, как он обнаруживал хотя бы малейший след инертной пыли.

Он расслабился — и опять, как всегда, заявила о себе успокаивающая надежность Солнца, привычный часовой механизм планет и Луны. Лишь около полутонны пыли ощущал он сейчас в пространстве, да и та была далеко от плоскости эклиптики, в стороне от трасс, по которым двигались люди. Здесь же, внутри Солнечной системы, не с кем было драться, ничто не бросало вызова человеку, не вырывало ни у кого из тела живую душу, обнажая ее сочащиеся кровью корни.

В Солнечную систему извне не залетало ничто и никогда. Не снимай с себя шлем хоть целую вечность — все равно ты, пока остаешься в пределах системы, будешь всего лишь чем-то вроде ясновидца-астронома, будешь чувствовать, что твой разум находится под надежной защитой пульсирующего, обжигающе жаркого Солнца.

Вошел Вудли.

— В мире все по-прежнему, — сказал Андерхилл. — Никаких происшествий. Неудивительно, что наши шлемы придумали и стали сажать нас, светострелков, в корабли только тогда, когда начали переходить в плоскоту и двинулись за пределы системы. А вообще-то не так уж плохо, наверно, жилось в древние времена. Переходить в плоскоту не было надобности. Не нужно было отправляться к звездам, чтобы заработать себе на жизнь. Не нужно было увертываться от Крыс, участвовать в Игре. Светострелков не было, потому что в них не было необходимости — правда, Вудли?

— Угу, — буркнул тот.

Вудли было двадцать шесть лет, и через год он должен был уйти в отставку. Он уже присмотрел для себя ферму. За спиной у него было десять лет этой трудной работы, и его считали одним из лучших. Он не слишком задумывался о работе, честно, не жалея себя, отдавал все силы, а в перерывах не вспоминал о ней до тех пор, пока не нужен был снова.

Вудли никогда не добивался расположения Партнеров; может быть, поэтому никто из Партнеров расположения к нему и не испытывал. Некоторые из них прямо-таки терпеть его не могли. Его даже подозревали в том, что време-

нами он плохо думает о Партнерах, но, поскольку ни один из Партнеров ни разу не придал своей мысленной жалобе необходимую членораздельность, светострелки и Творцы величия человечества не предъявляли к нему претензий.

Андерхилла до сих пор все не покидало изумление перед собственной профессией. Она постоянно занимала его мысли, и сейчас он с воодушевлением опять говорил об их работе:

— Что происходит с нами в плоскоте, как по-твоему? Это похоже на смерть? Сам ты видел кого-нибудь, из кого вырвана душа?

— Вырванная душа — это не более чем оборот речи, — ответил Вудли. — До сих пор никто еще не знает точно, есть у нас душа или нет. Но кое-что я однажды видел. Видел, что было с Догвудом. Из него вышло что-то странное, мокрое и будто клейкое на вид — и знаешь, что они сделали с Догвудом? Увели наверх, в ту часть больницы, в которую нас с тобой никогда не клали, туда, куда отправляют тех, на кого напал в верходали крысодракон и кто все-таки остался жив.

Вудли сел, взял в рот то, что древние называли трубкой, и зажег в ней нечто, называемое табаком. Довольно-таки противная привычка, но когда Вудли это делал, он выглядел смелым и уверенным.

— Послушай, что я скажу тебе, юноша. Тебе не нужно ни о чем этом тревожиться. Работать светострелком становится все легче. Лучше становятся Партнеры. Я видел, как они убили двух крысодраконов за какие-нибудь полторы миллисекунды. Пока светострелки работали одни, без Партнеров, всегда была вероятность, что мы не успеем убить крысодракона достаточно быстро и не защитим свой перешедший в плоскоту корабль, — ведь меньше чем за четыреста миллисекунд человеческому мозгу здесь не управиться. Партнеры изменили все. Они опережают крысодраконов. И будут опережать всегда. Знаю — не очень-то легко бывает, когда допускаешь Партнера к себе в сознание.

— А разве им легко, когда они допускают нас? — сказал Андерхилл.

— О них не беспокойся. Они не люди. Они пусть заботятся о себе сами. Я только знаю, что от неосторожного

обращения с Партнерами нас спятило больше, чем от крысодраконов. А вообще говоря, сам ты много знаешь таких, кто бы пострадал от крысодраконов?

Андерхилл посмотрел на свои пальцы, одни зеленые, а другие лиловые в резком свете, исходящем от включенного шлема, и стал на них считать.

Большой палец — «Андромеда», пропавшая без вести со всем экипажем и пассажирами; указательный и средний — «Платформа-43» и «Платформа-56», на которых все до единого мужчины, женщины и дети оказались мертвыми или безумными, а шлемы светострелков были пережжены. Безымянный, мизинец, большой палец другой руки — первые три военных корабля, чьи экипажи стали жертвами крысодраконов, стали уже тогда, когда люди поняли: откуда-то со дна пространства появляется, чтобы нанести смертельный удар, что-то непредсказуемое и злое.

При переходе в плоскоту ощущение было немного странное. Такое, будто...

Будто ничего особенного не произошло.

Будто тебя совсем-совсем слабо ударило током.

Будто, кусая, ты почувствовал боль в зубе.

Будто перед глазами у тебя вспыхнул очень яркий свет.

И однако за это мгновение сорокатысячетонный корабль, поднимавшийся над Землей, исчезал, переходя каким-то образом в два измерения, и появлялся вновь в половине светового года или в пятидесяти световых годах от места исчезновения.

Только-только ты сидел в боевом отсеке, шлем включен и работает, в голове у тебя, как часовой механизм, тикала вместившаяся в нее целиком вся Солнечная система. То ли за секунду, то ли за год (он не мог бы сказать, за сколько именно) сквозь тебя пробегает что-то вроде разряда — и вот ты уже в верходали, в леденящих душу пространствах между звезд, где сами эти звезды ощущаются как маленькие бугорки на внутренней стороне сферы твоего телепатического восприятия, а планеты не ощущаются вообще.

И где-то в этих пространствах ждала смерть, отвратительная и страшная, какую человек узнал только тогда, когда осмелился выйти в межзвездные просторы. Судя по всему, «драконы» боялись света солнц и держались от них подальше.

«Драконы». Так называли их люди. Для обыкновенного человека за этим словом не стояло ничего — ничего, кроме прыжка в плоскоту, смерти, разбившей тебя, как удар молота, или темной, надрывной ноты безумия, погасившей свет твоего разума.

Но для телепата это были «драконы».

За долю секунды, истекавшую между осознанием того, что в бездонной черной пустоте космоса шевелится что-то враждебное, и всесокрушающим ударом по всему живому внутри корабля, в воображении телепатов возникало нечто напоминающее драконов древних легенд Земли — хищные звери коварней всех хищных зверей, вместе взятых, демоны реальнее демонов, вихри ненависти, голодные и живые, родившиеся из вещества, распыленного между звезд.

Известно о них стало по возвращении одного чудом уцелевшего корабля: в нем по чистой случайности у телепата, обязанность которого была поддерживать связь с Землей, оказался наготове источник мощного светового излучения, он направил его на внешне невинные клубы космической пыли — и «дракон», появившийся было в панораме его сознания, рассеялся, превратился в ничто, а остальным людям на корабле, не телепатам, даже в голову не пришло, что они только что были на волосок от гибели.

После этого все стало просто — почти все.

В экипаж межзвездного корабля стали обязательно включать телепатов. Способности их резко возрастали благодаря специальным шлемам-усилителям. Шлем через электронные реле контролировал мощные излучатели света.

Нужен был только свет — и ничего больше.

Свет уничтожал «драконов», позволял кораблям между прыжками от звезды к звезде возвращаться в три измерения.

Вместо ста шансов к одному против человечества теперь стало шестьдесят к сорока в его пользу.

Мало того, телепатов стали тренировать, развивать их чувствительность, чтобы любой из них мог обнаружить «дракона» меньше чем за миллисекунду.

Но выяснилось, что расстояние в миллион километров «дракон» покрывает меньше чем за две миллисекунды. Ни один человек не успевал за такой промежуток времени включить и направить на «дракона» мощный луч света.

Попробовали одевать корабли в свет.

Такая защита вскоре стала недостаточной.

В то время как люди узнавали повадки «драконов», те в свою очередь узнавали повадки людей. Каким-то образом они тоже научились уплощаться и в таком виде перемещались в пространстве с огромной скоростью.

Теперь, чтобы уничтожить их, был необходим свет, по яркости сравнимый с солнечным. Его могли дать только световые ядерные заряды.

Светострелок метал в «дракона» миниатюрную ядерную бомбу, при взрыве которой несколько граммов изотопа магния целиком превращались в электромагнитное излучение видимой части спектра.

Однако корабли исчезали по-прежнему.

Людям даже не хотелось разыскивать исчезнувшие корабли, потому что они заранее знали, что там увидят. Ужасно было привозить на Землю разом триста мертвых тел или триста сумасшедших, которых нужно будить, кормить, мыть, укладывать спать, потом будить и кормить снова, и так до конца их дней.

Телепаты пытались заглядывать в голову к тому, кого «драконы» лишили разума, но только гейзеры обжигающего ужаса находили они там, ужаса, бьющего из первооснов личности, из вулканического источника самой жизни.

И тогда на выручку пришли Партнеры.

Вместе Человеку и Партнеру оказалось под силу то, что было не по плечу одному только Человеку. У Человека был разум. У Партнера была мгновенная реакция.

В своих крохотных, с футбольный мяч величиной и в шесть фунтов весом, кораблях Партнеры неслись рядом с огромными кораблями Человека и вместе с ними переходили в плоскоту.

Корабли-крошки были необычайно быстрыми.

И каждый нес дюжину световых бомб с наперсток величиной.

Посредством включаемых движением мысли боевых реле светострелки бросали кораблики с Партнерами прямо в «драконов».

Что человеческому сознанию представлялось драконом, Партнеру представлялось огромной крысой.

И даже там, в безжалостной пустоте, Партнер повиновался древнему, как жизнь, инстинкту. Партнер нападал со ско-

ростью, превосходящей человеческую, нападал снова и снова, пока не погибнет «крыса» или он сам.

Почти всегда гибла «крыса».

Как только прыжки от звезды к звезде стали безопасными для кораблей, торговля расцвела, увеличилось население колоний и возрос спрос на Партнеров.

Андерхилл и Вудли принадлежали всего лишь к третьему поколению светострелков, однако им казалось, будто профессия их существовала всегда.

Подключение сознания к космосу при посредстве специального шлема, устойчивая телепатическая связь с Партнером, подготовка психики к бою, от исхода которого зависит все, — с такой нагрузкой синапсы человеческого мозга подолгу справляться не могли. После получасового боя Андерхилл нуждался в двух месяцах отдыха. После десяти лет работы Вудли нужно было уходить на пенсию. Оба они были молоды. Оба — из лучших в своем деле. Но физические и психические возможности их были не безграничны. Очень многое зависело от того, какой Партнер тебе достанется, и от везения.

II. Тасовка

В комнату вошли Папаша Мунтри и девочка по имени Вест. Они тоже были светострелками. Команда боевого отсека (точнее, та часть ее, что состояла из людей) была вся в сборе.

Папаша Мунтри, краснолицый, сорокапятилетний, жил, пока ему не пошел сороковой год, мирной жизнью фермера. Только тогда, довольно-таки поздно, обнаружились его парапсихические способности и ему позволили, несмотря на возраст, стать светострелком. Справлялся с работой он хорошо.

Сейчас он смотрел на угрюмого Вудли и погруженного в свои мысли Андерхилла.

— Ну как, молодые люди? К бою приготовились?

— Папаша все рвется в бой, — сказала, засмеявшись, девочка по имени Вест.

Она была еще совсем маленькая. Смеялась как дети ее возраста — звонко. Уж про нее-то никак нельзя было

подумать, что она в шлеме светострелка снова и снова вступает в жестокое единоборство со смертью.

Андерхилла очень позабавило, когда он однажды увидел, как один из самых медлительных Партнеров уходил счастливый после контакта с сознанием девочки по имени Вест.

Обычно Партнера мало волновало сознание человека, с которым на время путешествия его соединяла судьба. По-видимому, все Партнеры придерживались того мнения, что сознание человека сложно и невероятно захламлено.

Превосходство человеческого разума ни один Партнер под сомнение не ставил, однако лишь очень немногие Партнеры перед этим превосходством преклонялись.

Партнеры привязывались к людям. Они готовы были драться бок о бок с ними. Готовы были даже умереть за них. Но когда Партнер привязывался к кому-нибудь так, как, например, Леди Май или Капитан Гав были привязаны к Андерхиллу, к интеллектуальному превосходству последнего это не имело никакого отношения. Все зависело от сходства темпераментов.

Андерхилл прекрасно знал, что Капитан Гав считает его глупым. Что нравилось в нем Капитану Гаву, так это дружелюбие, бодрость духа и пронизывающая все его подсознательные мыслительные процессы ироническая усмешка, а также радость, с которой он идет в бой. Зато человеческую речь, историю человечества, абстрактные идеи, науку Капитан Гав отбрасывал как несусветную чушь, что вполне явственно и ощущало сознание Андерхилла.

Вест подняла на него глаза:

— Поспорю, что вы смошенничаете.

— Нет!

Андерхилл почувствовал, как уши его краснеют. Во время своего ученичества он, когда светострелки разыгрывали Партнеров, однажды попытался схитрить, чтобы заполучить себе в пару красивую молодую кошку по имени Мурр, которая ему особенно полюбилась. Так легко было обороняться и нападать вместе с ней, так привязана была она к нему — и он забыл на время, что учили его вовсе не для того, чтобы они с Партнером приятно проводили время.

Одной попыткой все и кончилось. Его уличили, и он надолго стал всеобщим посмешищем.

Папаша Мунтри взял пластиковую чашку и встряхнул кости, решавшие, с кем из Партнеров предстоит быть в паре в этом путешествии каждому светострелку. Старший по возрасту, он бросал кости первым.

И тут же скорчил недовольную гримасу. Судьба преподнесла ему старого, вечно голодного жадюгу, внутренний мир которого, казалось, исходит слюной — так переполнен он был образами сеты, целых океанов, доверху наполненных несвежей рыбой. Когда-то Папаша Мунтри рассказывал, что, поработав в паре с этим обжорой, он потом несколько недель подряд поглощал невероятные количества рыбьего жира — настолько глубоко вошел в его сознание телепатический образ рыбы. Но Партнер этот, столь жадный до еды, был не менее жадным до опасности. На его счету было шестьдесят три убитых крысодракона, больше, чем у любого другого Партнера на службе в межзвездных кораблях людей.

Следующей бросала кости маленькая Вест. Ей выпал Капитан Гав. Увидев это, она улыбнулась.

— Как он мне нравится! — сказала она. — Так здорово драться вместе с ним! Он такой пушистый и мягкий у тебя в голове, такой милый!

— Уж куда милее! — буркнул Вудли. — Я ведь тоже бывал с ним в паре. Лукавей его никого на корабле нет.

— Злой человек, — сказала девочка. Сказала констатируя, не упрекая.

Андерхилл посмотрел на нее, и по коже у него пробежали мурашки.

Он не понимал, как это можно сохранять спокойствие, имея дело с Капитаном Гавом. В голове у Капитана лукавства и в самом деле было хоть отбавляй.

Жаль, подумал Андерхилл, что никто, кроме кошек, абсолютно никто на всем белом свете не годится в Партнеры. Кошка, когда войдешь с ней в телепатический контакт, оказывается как раз то, что надо. Трудности боя ей по плечу, хотя мотивы и желания ее, безусловно, мало похожи на человеческие.

Кошка готова с тобой общаться, когда ты телепатически посылаешь ей конкретные образы, но она сразу отгородит от тебя свой внутренний мир и заснет, если начнешь читать ей мысленно Шекспира или попытаешься объяснить, что такое пространство.

Как-то не укладывалось в голове, что Партнеры, такие серьезные и собранные здесь, в космосе, — это те самые грациозные зверьки, которых еще тысячи лет назад люди на Земле держали в своих домах, украшая их присутствием свою жизнь. Андерхилл не раз ловил себя на том, что, увидев самую обыкновенную кошку, забывал, что это не Партнер, и, как полагается по уставу при встрече с Партнерами, отдавал ей честь.

Он высыпал кости на стол.

Ему повезло — ему выпала Леди Май.

Такой ясной головы, как у нее, он не встречал ни у какого другого Партнера. В Леди Май благородная родословная персидской кошки достигла одной из своих высочайших вершин.

Впервые вступив с ней в телепатический контакт, он удивился этой ясности. Он вспомнил вместе с Леди Май время, когда она еще была котенком. Вспомнил все ее любовные встречи. Увидел ее глазами целую галерею светострелков, в паре с которыми она дралась, и хоть и с трудом, но узнал их всех. Увидел себя, несущего радость, веселого и желанного.

Вудли выпало то, чего он заслуживал, — мрачный, весь в шрамах старый кот, личность куда более бледная, чем Капитан Гав. От животного в нем было больше, чем в других Партнерах, он был тупой зверюга с самыми низменными наклонностями. Даже телепатические способности не смогли облагородить его.

Еще в молодости половину ушей ему отгрызли соперники.

Он удовлетворял требованиям, предъявляемым к бойцу, и только.

Папаша Мунтри посмотрел на светострелков.

— Ну что ж, теперь каждый идет за своим Партнером. А я сообщу, что мы готовы выходить в верходаль.

III. Расклад

Андерхилл набрал цифры на замке клетки Леди Май. Разбудил ее ласково, взял на руки. Она лениво потянулась, выпустила когти, замурлыкала, потом перестала и лизнула ему запястье. Шлемов ни на нем, ни на ней еще не было, и потому ни он, ни она не знали, что сейчас творится

в голове у другого, но судя по тому, как Леди Май топорщила усы и двигала ушами, она была довольна, что оказалась именно его Партнером.

Он заговорил с нею вслух, хотя знал, что человеческая речь для кошки лишена смысла.

— Как же это не стыдно людям зашвыривать такое милое крошечное существо в холодную пустоту, чтобы оно носилось там и охотилось на крыс, которые больше и страшнее нас всех, вместе взятых? Ведь ты не просилась в этот бой, правда?

В ответ она лизнула его руку, замурлыкала, опять провела по его щеке длинным пушистым хвостом и уставилась на него сверкающими золотыми глазами.

Их взгляды встретились, и несколько мгновений они смотрели друг на друга: он — сидя на корточках, она — стоя на задних лапах, а когтями передних слегка впиваясь в его колено. Никаким словам не преодолеть было бесконечности, лежавшей между глазами человека и глазами кошки, однако достаточно было короткого взгляда, чтобы расстояние это перешагнула любовь.

— Ну, нам пора, — сказал он.

Она послушно вошла в свой маленький шарообразный корабль. Андерхилл надел на нее миниатюрный шлем светострелка и закрепил его удобно и надежно у нее на затылке. Укрепил на ее лапах мягкие подушечки, чтобы, опьяненная битвой, она не нанесла ран самой себе.

— Готова? — спросил он ее негромко.

В ответ она, насколько позволяла державшая ее теперь сбруя, выгнула спину и тихонько замурлыкала.

Он захлопнул крышку и стал смотреть, как намертво запечатывается кораблик. Теперь на несколько часов Леди Май была запаяна внутри, а потом, когда она исполнит свой долг, электросварщик снимет крышку и освободит ее.

Обеими руками он поднял кораблик и вложил в стартовую трубу. Закрыл дверцу трубы, запер ее, набрав цифры, а потом сел в свое кресло и надел шлем.

Он снова нажал на тумблер. Он сидел в небольшой каюте, *очень небольшой, очень теплой*, остальные три светострелка были тут же, до них можно было дотронуться рукой, и свет ярких ламп в потолке, казалось, давил на его сомкнутые веки.

Когда шлем начал разогреваться, стены как бы растаяли. Те трое, кто был с ним в каюте, утратили очертания и казались теперь кучками тлеющих углей — это горело, дышало жаром живое сознание.

Когда шлем разогрелся еще больше, Андерхилл ощутил Землю, ощутил, как уходит из пут ее тяготения корабль, ощутил Луну, она была сейчас по ту сторону Земли, ощутил планеты и жаркую, ясную, спасительную щедрость Солнца, не подпускающего «драконов» к родине человечества.

И наконец в его телепатическое сознание вошло все на многие миллионы миль вокруг. Он ощутил пыль, которую еще раньше заметил над плоскостью эклиптики. Ощутил — и словно волна тепла и нежности прошла сквозь него, — как в него вливается внутренний мир Леди Май. На вкус мир этот был как ароматизированное масло, такой же нежный, чистый и немного острый. Этот мир освобождал от напряжения и взбадривал. Теперь Андерхилл чувствовал, как рада ему Леди Май.

Наконец они снова стали одним целым.

Где-то в закоулке его сознания, закоулке таком же крохотном, как самая малюсенькая игрушка его детства, еще были каюта и корабль, и Папаша Мунтри там взял микрофон и начал докладывать капитану корабля.

Телепатическое сознание Андерхилла восприняло мысль задолго до того, как слух его уловил формулирующие ее слова:

— В боевом отсеке все на местах. К переходу в плоскоту готовы.

IV. Игра

Андерхилла всегда немного раздражало, что Леди Май все воспринимает раньше его.

Сцепив зубы, он приготовился к мгновенной муке перехода, но узнал от Леди Май о том, что переход уже произошел, еще до того, как сотряслись собственные его нервы.

Земля словно упала куда-то далеко-далеко, и прошло несколько миллисекунд, прежде чем он нашел Солнце в верхнем заднем правом углу своего телепатического сознания.

«Хороший прыжок, — подумал он. — Четыре-пять таких прыжков, и мы на месте назначения».

Леди Май в нескольких сотнях миль от корабля откликнулась: «О теплый, о щедрый, о великан! О смелый, о добрый, о нежный и огромный Партнер! О как хорошо, хорошо, тепло, тепло, тепло с тобой вместе драться, с тобой, с тобой...»

Он знал, что это собственное его сознание придает словесную форму ее смутным, полным огромного расположения к нему мыслям, переводит их на язык понятных ему образов.

Ни его, ни ее обмен приветствиями, однако, не поглотил целиком. Андерхилл вгляделся дальше, чем могла увидеть она, — не изменилось ли что-нибудь в пространстве вокруг? Было как-то странно, что ты можешь делать два дела сразу. Когда на нем был шлем светострелка, внутренним зрением он мог оглядывать космос и в то же время ловить праздные мысли Леди Май — например, полную нежности и любви мысль о сыне, у которого золотистая мордочка, а на груди мягкий, невероятно пушистый белый мех.

Все еще обегая взглядом космос, он уловил предупреждение от нее: *«Прыгаем снова!»*

Да, второй прыжок. Звезды были другие. Солнце осталось позади, немыслимо далеко. Страшно далеко было теперь даже до ближайших к кораблю звезд. В таких вот местах, в таком вот открытом космосе и появлялись крысодраконы. Андерхилл искал опасность, готовый, едва найдет, метнуть Леди Май прямо на нее.

Внезапно его пронизал ужас, острый, как боль от перелома руки или ноги. Это Вест только что нашла нечто огромное, длинное, черное, заостренное, прожорливое, леденящее душу. И Вест метнула на это Капитана Гава.

Андерхилл попытался сохранить ясную голову. «Берегитесь!» — телепатически крикнул он остальным, начиная в то же время перемещать Леди Май.

С какого-то места на поле боя в его сознание ворвалась хищная ярость Капитана Гава — это персидский кот, подлетая к скоплению пыли, угрожавшей кораблю и людям внутри его, бросал световые бомбы.

Хоть и ненамного, но Капитан Гав промахнулся.

Скопление пыли перестало быть похожим на электрического ската и приобрело форму копья.

Длилось все это меньше трех миллисекунд.

— К-а-п-и-т-а-н... — медленно начал Папаша Мунтри.

Но Андерхилл уже знал, что он скажет: «Капитан, скорей!». И до того, как Папаша Мунтри договорит свою фразу, бой кончится.

Теперь в игру вошла Леди Май.

Вот когда нужна молниеносная реакция Партнера — она и решает все. Леди Май реагировала на опасность быстрей, чем он. Огромная «крыса», несущаяся прямо на нее, — вот что такое была для Леди Май эта опасность.

Световые бомбы Леди Май бросала с недоступной для него точностью.

Он был связан с ней, но угнаться за ней не мог.

Сознание Андерхилла приняло страшную рваную рану, нанесенную столь не похожим на человека врагом. Никто на Земле не знал подобных ран, этой раздирающей, безумной боли, начавшейся с ощущения ожога в пупке. Он почувствовал, что его корчит.

Но еще ни одна мышца у него не успела дернуться, а Леди Май уже нанесла их общему врагу ответный удар.

Через равные расстояния на общем протяжении в сто тысяч миль вспыхнули пять световых ядерных бомб.

Боль исчезла.

Он пережил мгновение страшного в своей свирепости, чисто животного восторга, охватившего Леди Май, когда она приканчивала врага. А потом ее разочарование — кошки всегда бывали разочарованы, когда обнаруживали, что враг, казавшийся им огромной «крысой», бесследно исчезал в миг своей гибели. И только потом докатилась до него волна страданий, боли и страха, испытанных ею во время боя.

И опять укол боли — при переходе в плоскоту.

Корабль прыгнул снова.

Андерхилла достигла обращенная к нему мысль Вудли: «Не беспокойся ни о чем. Мы с этим старым негодяем вас подменим».

Еще два укола боли, два новых прыжка.

Когда Андерхилл пришел в себя, внизу сияли огни космической станции Каледония.

Потребовалось огромное усилие, чтобы ввести сознание в нужный режим, но когда это ему удалось, он, как всегда, точно и бережно вернул кораблик Леди Май назад, в трубу запуска.

Она была полумертвой от усталости, но он ощущал биение ее сердца, ее прерывистое дыхание и ее благодарность.

V. Подсчет

На Каледонии его положили в госпиталь.

Врач говорил с ним приветливо, но твердо:

— Крысодракон вас только задел. Случай редчайший, вам необыкновенно повезло. Наука не скоро поймет, что тут было, слишком быстро все происходит, но уверен, что, продлись соприкосновение хоть на несколько десятых миллисекунды дольше, вам бы не миновать вечной койки. Что за кошка с вами работала?

Андерхилл заговорил, и ему казалось, что произносит слова он страшно медленно. Ведь слова так медлительны и безрадостны рядом с мыслью, ясной, острой, стремительной, из разума в разум! Но обычные люди, такие как этот врач, понимают только слова.

— Не называйте наших Партнеров кошками, — с трудом проговорил Андерхилл. — Правильно называть их Партнерами. Они дерутся за нас, и они с нами в паре. Как чувствует себя мой Партнер?

— Не знаю, — смущенно ответил врач. — Мы это выясним. А пока, дружище, отбросьте от себя все заботы. Помочь вам может только отдых. Вы хорошо спите? Не дать ли вам снотворного?

— Я сплю хорошо, — ответил Андерхилл. — Я только хочу знать, что с Леди Май.

В разговор включилась сестра. Ее что-то раздражало.

— А что с людьми на корабле, вы знать не хотите?

— С ними все в порядке, — сказал Андерхилл. — Это я знал еще до того, как меня сюда доставили.

Он потянулся, вздохнул и широко улыбнулся им. Напряжение начало покидать врача и сестру, теперь они видели в нем человека, а не больного. — Я себя чувствую хорошо, —

сказал он. — Но когда мне можно будет пойти к Партнеру, вы мне об этом сразу скажите.

И его как громом поразила внезапная мысль. Он резко повернулся к врачу:

— Ведь Леди Май не отправили на корабле дальше? Неужели отправили?

— Выясню сейчас же, — сказал врач. Он дружески сжал плечо Андерхилла и вышел из комнаты.

Сестра сняла салфетку с бокала холодного фруктового сока.

Андерхилл попытался ей улыбнуться. Что-то с этой девушкой было не так. Пожалуй, лучше было бы, если бы она ушла. Сперва говорила с ним приветливо, теперь отдалилась снова. До чего же это докучно — быть телепатом! Контакта не получается, а ты все равно лезешь из кожи вон, чтобы установить его.

Вдруг она резко повернулась к нему:

— А ну вас светострелков с вашими проклятыми кошками!

Уже, громко топая, она выходила в коридор, когда он ворвался в тайники ее сознания. Там он увидел себя излучающим сияние героем в замшевой форме светострелка и в шлеме, так похожем на корону древних царей, сверкающую драгоценными камнями. Увидел собственное свое лицо, красивое, мужественное и светлое. И увидел ее ненависть.

Она ненавидела Андерхилла. Ненавидела за то, что он (так она считала) богат, горд и непонятен, за то, что он лучше и красивее таких, как она.

Он оторвал от этих тайников чужой души свой внутренний взгляд, но, зарываясь лицом в подушку, успел еще увидеть образ Леди Май.

«Да, она кошка, — подумал он. — Кошка, не более того!»

Но видел он Леди Май совсем другой, чем ее видела медицинская сестра, — быстрой настолько, что это не укладывалось в воображении, проницательной, умной, невероятно грациозной, прекрасной, легко обходящейся без слов и ничего не требующей.

Где женщина, которая могла бы с ней сравниться?

СЭМЮЭЛЬ ДИЛЭНИ

Имперская звезда

Сэмюэль Дилэни (р. 1942) живет в Нью-Йорке и преподает в Университете Темпл, Филадельфия. Информацию об авторе можно найти на www.pcc.com/~jay/delany. Один из ярчайших талантов 1960-х, в период с 1962 по 1968 год Дилэни выпустил девять научно-фантастических романов, самым сильным из которых стала великолепная космическая опера «Нова» («Nova»,1968). В целом все ранние произведения писателя можно отнести к космической опере. Помимо романов, в 1960-е годы Дилэни опубликовал десять рассказов, позже объединенных в сборник «Стекляшки» («Driftglass», 1971).

Последующие пять лет писатель посвятил работе над внушительным по объему и впечатляющим по содержанию романом «Далгрен» («Dhalgren», 1975), который нельзя отнести к НФ в чистом виде. Зато после Дилэни выпустил два блестящих научно-фантастических романа «Тритон» («Triton», 1976) и «Звезды в моем кармане, как песчинки» («Stars in My Pocket Like Grains of Sand», 1984), а также замечательный сборник фэнтези «Легенды Невериона» («Tales of Nevervon», 1979), положивший начало четырехтомному сериалу. Помимо этого, в 1970-х Дилэни начал публиковать критические статьи и работы по теории литературы и на сегодняшний день, пожалуй, является самым влиятельным критиком НФ. Научно-фантастические романы Дилэни больше не писал. В своей автобиографической повести 1988 года под названием «Движение света в воде: Секс и научная фантастика в Ист-Вилидж 1957—1965» («The Motion of Light in Water: Sex and Science Fiction Writing in the East Village 1957—1965), отмеченной несколькими наградами, автор блестяще воссоздал атмосферу 1960-х годов, когда происходило формирование жанра. Это весьма откровенная история становления темнокожего бисексуального писателя-фантаста того времени. Сказать, что Дилэни вел насыщенную жизнь, значит не сказать ничего.

Повесть «Имперская звезда» впервые была опубликована в 1966 году издательством «Ace Books». В 1978 году Дилэни написал предисловие к комиксу по этому произведению (художником стал Говард В. Чайкин; в период с 1960 по 1990 год Дилэни время от времени сочинял комиксы) под названием «Заметки о космической опере» («Some Notes on Space Opera»). Там он говорит: «Нам хорошо известно, что научная фантастика — это прежде всего экшн и приключения, а также

возможность взглянуть на другие миры, иные цивилизации, внеземные культуры. Но именно подобная многоликость миров, каждый из которых движется по своей орбите сквозь бесконечную межзвездную ночь, становится едва ли не самым изысканным, обязательным и ценным элементом жанра. Это основополагающее представление, которое, если только позволить, способно в корне изменить наше приземленное, выстроенное исключительно по вертикали мышление».

Вырисовывается удивительная параллель позиции Урсулы Ле Гуин, выраженной в рассказе «История шобиков» («The Shobies' Story», 1990). Об «Имперской звезде» Дилэни говорит следующее: «Вся концепция бесконечной вертикали системы ценностей, беспредельного восхождения к высотам сменилась идеей центров, представлением о разных вселенных и кардинально отличных точках зрения, соотносящихся лишь по направлению, дистанции и траектории... На самых свежих астрономических картах и в моделях-симуляторах миллиона новых обнаруженных галактик отсутствует какое-либо центрообразующее начало, хотя существуют многочисленные кластеры (к примеру, скопление Девы, Местное сверхскопление галактик, скопление Волос Вероники, галактика M81). Вместо того чтобы объединиться вокруг центральной точки, они, подобно паутинам, охватили огромное пространство „мультивервума", нового концепта, вытесняющего привычное понятие Вселенной, универсума, которое было изобретено еще до Сократа и давно устарело. <...>

Значит ли это, что линейное мышление, основанное на системе вертикали, не пригодно для космической оперы? Вовсе нет. Наоборот, здесь оно превалирует, как и в любом другом продукте нашего мира. Даже в „Имперской звезде" вы столкнетесь с этим. Но любопытно, что классическая космическая опера, основанная на идее множества миров и полетов между ними, осуществляет смещение ориентиров и предлагает способы пошатнуть, преодолеть, разрушить линейное мышление».

По большому счету Дилэни здесь постулирует один из ранних принципов рационального подхода к написанию космической оперы, — заслуживающее уважения напутствие амбициозным и интеллектуально одаренным фантастам-современникам.

В 2003 году критик Рассел Летсон написал для «Locus» специальную статью на тему новой космической оперы, где попытался сформулировать если не определение, то по крайней мере характерные черты жанра: «Если только термин не был шуткой (или случайным набором слов), то слово „космическая" определяет физические установки, а „опера" —

степень эмоциональной составляющей действия. Как и в музыкальном аналоге, страсти здесь накалены до предела. Все те же сияющие доспехи, гарцующие лошади, верховные жрецы, широкие жесты, высокие чувства, боги и монстры, и все это с лихвой приправлено пришельцами и армадами космических кораблей.

Неизменными остаются следующие особенности жанра: межпланетный или межзвездный космос, по крайней мере частично колонизированный и соответственно управляемый. Это должен быть огромный, загадочный мир, где происходят экстремальные события, где, подвергаясь смертельной опасности, можно отыскать потаенные сокровища. Добавьте сюжет, обусловленный особенностями данного мира, и лучше на масштаб не скупиться: спасение планет (или империй, или цивилизаций), предотвращение (или совершение) геноцида, поиск смысла жизни или центра галактики. Космическая опера — это не просто старомодная история, это супермасштабное повествование, воспевающее супермасштабные вселенские просторы. Опровергая идею всеохватности Творения, космическая опера тем не менее преклоняется перед его размахом. Лучшие образцы космической оперы поистине трансценденты».

В 1960-е годы грандиозные романы Дилэни космическими операми не называли, за исключением случаев, когда они становились объектами беспощадной критики. Чаще его работы относили к передовой спекулятивной фантастике, и Дилэни тогда действительно шел в авангарде НФ. Именно стойкое желание писателя обретаться в рамках низшего жанра, создавая при этом прозу высочайшего качества, сделало его творчество широко известным, одновременно придав ему шарм эпохи радикальных перемен.

О ситуации, в которой издавалась «Имперская звезда», Дилэни рассказывает следующее: «Муркок и авторы, чьи имена ассоциировались с „новой волной", мои работы не жаловали. Мы отлично ладили, но Муркок заявил мне однажды, что единственное мое произведение, которое бы он сам опубликовал, была „Имперская звезда". Безусловно, она ему столь приглянулась благодаря четкой политической аллегории между североамериканским рабством и Лл. В обзоре „Новы" для журнала „New Worlds" М.Джон Гаррисон весьма резко отозвался о романе, заявив, что это позор, если кто-то, наделенный большим талантом, тратит драгоценное время на чушь вроде далекого будущего и космических опер. А сам Муркок в истории „New Worlds", выходившей в 1970-х, заявил, что „Время точно низка самоцветов" („Time Considered as a Helix of Semi-Precious Stones", 1968) — это произведение „банальное" и „из жанра космической оперы".

Не все работы в духе космической оперы „новая волна" нещадно критиковала. В конце концов именно адепты движения являлись безусловными поклонниками романа „Тигр! Тигр!" („Tiger! Tiger!") Альфреда Бестера. Тем не менее определение „космическая опера" оставалось для них сродни презрительному прозвищу. Чтобы произведение имело в их глазах хоть какую-то ценность, оно должно быть пронизано мощной антиавторитарной идеей или четкой либеральной аллегорией. По правде сказать, космические оперы того времени ничем таким похвастаться не могли.

Занимательно, что антиавторитарная направленность, взлелеянная „новой волной", сегодня является обычным делом, если не клише. Взгляните на фантастические фильмы последних тридцати лет — начиная с „Чужих" и заканчивая трилогией „Матрица". В „Звездных войнах" эта идея становится все более мощной с каждым эпизодом. Не говоря уже о том, как она представлена в фэнтези, особенно во „Властелине Колец"».

Задавшись идеей
До Атлантиды добраться,
Ты, разумеется, выяснил —
В этом году лишь
Корабль Дураков туда отплывает
И страшной силы штормы
Предсказаны. Стало быть,
Следует быть готовым
Вести себя столь нелепо,
Чтобы одним из Парней прослыть,
По меньшей мере любя
Спиртное, скачки, шумные игры.

У. Х. Оден

...правда — это точка зрения на вещи.

Марсель Пруст

I

У него были: светлая коса по пояс; тело, смуглое и стройное, совсем как у кошки, говорили они, когда он в полудреме сворачивался калачиком у гаснущего костра Полевого Смотрителя в Новом Цикле; окарина; черные перчатки и черные сапожки, при помощи которых он мог взбираться на стены и ползать по потолкам; серые глаза, слишком большие

для маленькой мрачной физиономии; латунные когти на левой руке, которыми он к тому времени уже успел убить трех диких кепардов, прокравшихся через пролом в силовой изгороди во время его стражи в Новом Цикле (а однажды в драке с Билли Джеймсом — простой потасовке, когда один удар вдруг вышел слишком быстрым и жестким, обращая дружескую стычку в настоящую,— он убил парня, но это случилось два года назад, когда ему было только шестнадцать, а теперь ему не нравилось об этом вспоминать); восемнадцать лет суровой жизни в пещерах спутника под названием Рис, работы на подземных полях, пока Рис крутился возле гигантского красного солнца тау Кита; склонность бродить вдали от Родных Пещер и смотреть на звезды, которая доставляла ему неприятности по меньшей мере четыре раза за один только прошлый месяц, а за последние четырнадцать лет обеспечила ему кличку Комета Джо; дядюшка по имени Клеменс, которого он терпеть не мог.

И впоследствии, когда он потерял все, кроме (чудесным образом) окарины, он подумал про все эти вещи — что они для него значили, в какой мере определили его юность и как скверно подготовили его ко взрослой жизни.

Однако, прежде чем начал терять, он приобрел две вещи, которые наряду с окариной хранил до самого конца. Одной был дьяволов котенок по кличке Дьяк. Другой был я. Я — Самоцвет. У меня мультиплексное сознание, а это означает, что я вижу вещи с разных точек зрения. Это есть функция ряда обертонов в гармоническом узоре моей внутренней структуры. Посему бóльшую часть этой истории я изложу с точки зрения, именуемой в литературных кругах всеведущим наблюдателем.

* * *

Малиновая тау Кита метила синяками западные утесы. Шина, громадная, как солнечный Юпитер, казалась черным изгибом поперек четверти горизонта, а белый карлик Глаз серебрил восточные скалы. Комета Джо, мотая пшеничного цвета волосами, брел позади двух своих теней, одной длинной и серой, другой ржавой и приземистой. Голова его была обращена назад, и в суматохе окрашенного старым вином вечера он глазел на первые звезды. В длиннопалой правой рукой с обгрызенными, как у всякого парнишки, ногтями он

держал окарину. Он знал, что ему придется вернуться, придется выползти из почи в лучистый кокон Родной Пещеры. Ему следует уважительно относиться к дядюшке Клеменсу, нельзя ему ввязываться в драки с другими парнями на Полевой Страже; столько всего ему нельзя...

Звук. Камень и не-камень в соударении...

Он резко пригнулся, и его когтистая левая кисть, смертоносное орудие тощей левой руки, взлетела, защищая лицо. Кепарды бьют по глазам. Но это был не кепард. Он опустил когти.

Дьяволов котенок с шипением выбрался из расщелины, балансируя на пяти из восьми своих лап. Он был в фут длиной, имел три рога и глаза того же цвета, что и у Джо. Затем он захихикал, а так дьяволовы котята поступают, когда не на шутку расстроены — к примеру, когда теряют своих родителей — дьяволовых котов и кошек, которые пятидесяти футов в длину и совершенно безвредны, если только случайно на тебя не наступят.

— Чо там ище? — спросил Комета Джо. — У тя чо, пап с мам свалили?

Дьяволов котенок снова захихикал.

— Да чо там такое? — настаивал Джо.

Котенок оглянулся через левое плечо и зашипел.

— А ну глянем, — кивнул Комета Джо. — Пашли, киска.

Хмурясь, он устремился вперед, движения его голого тела по скалам были столь же грациозны, сколь груба была его речь. Джо спрыгнул со скального выступа на осыпающуюся красную землю, желтые волосы в полувзлете туманом окутали его плечи, затем опять упали на глаза. Джо откинул их назад. Котенок потерся о его лодыжку, снова захихикал, затем скакнул за валун.

Джо последовал за ним — и тут же отпрянул обратно к твердому камню. Когти его левой руки и костяшки правой заскребли по граниту. Он мигом вспотел. Крупная вена на горле яростно забилась, а мошонка сжалась, как чернослива.

Зеленый склон пенился и горел словно бы в гейзере на два фута выше самого Джо. В пылающей мешанине метались две твари, которых он видеть не мог, зато он мог их почуять — как они корчатся, безмолвно вопят и в страшных мучениях умирают.

Одна из этих тварей отчаянно пыталась вырваться на свободу.

Дьяволов котенок, безразличный к адскому страданию внутри гейзера, гоголем прошелся к его основанию, высокомерно сплюнул, затем таким же гоголем вернулся обратно.

Когда Джо отважился сделать вдох, тварь наконец вырвалась.

Дымясь, заковыляла вперед. Подняла серые глаза. Ветерок подхватил длинные, пшеничного цвета волосы и сдул их с плеч, пока она, какой-то недолгий момент, с отчетливо кошачьей грацией двигалась вперед. Затем она упала ничком.

Что-то более глубокое, нежели страх, заставило Комету Джо потянуться и ухватить простертые к нему руки. Только когда Комета Джо опустился на колени и фигура стала задыхаться у него на руках, он понял, что это его двойник.

Изумление взорвалось у него в голове, и одной из вырвавшихся при этом на свободу вещей стал язык.

— Ты кто?

— Ты должен доставить... — начала фигура, затем закашлялась, и на мгновение черты ее лица потеряли ясность.

— ...доставить, — повторила она.

— Чо? Чо? — Джо был озадачен и напуган.

— ...доставить на Имперскую звезду сообщение. — Фигура изъяснялась на ясном, четком интерлинге внеплапетников. — Ты должен доставить на Имперскую звезду сообщение!

— А чо сказать?

— Просто доберись туда и скажи... — Фигура снова закашлялась. — Просто доберись туда, сколько бы времени на это ни ушло.

— Да чо сказать, када даберусь? — уперся Джо. Тут он подумал обо всем том, что уже следовало спросить. — А ты откеда? И куда?

Чо такое?

Пораженная внезапной судорогой, фигура выгнула спину и соскользнула с рук Кометы Джо. Парнишка потянулся раскрыть твари рот, чтобы она не проглотила язык, но, прежде чем он ее коснулся, она... растаяла.

Она пузырилась и испускала пар, пенилась и дымилась.

Более крупный феномен теперь утих, стал всего лишь лужицей, растекающейся по сорнякам. Дьяволов котенок подошел к краю, понюхал, затем лапой что-то оттуда выловил. Лужица ненадолго застыла, после чего начала быстро испаряться. Переместив находку в рот, котенок, стремительно моргая, подошел и выложил ее Джо на колени, а затем уселся помыть пушистую розовую грудку.

Джо опустил глаза. Многоцветная, многогранная, мультиплексная находка была мной... Я — Самоцвет.

II

Ох, и долго же мы путешествовали — Норн, Ки, Марбика и я сам, — прежде чем все так внезапно и катастрофично закончилось. Я их, конечно, предупредил, когда наш первоначальный корабль вышел из строя и мы взяли органиформный крейсер от созвездия Золотой Рыбы. Пока мы оставались в сравнительно пыльном регионе Магеллановых Облаков, все шло прекрасно, однако стоило нам достичь более пустого пространства Родной Спирали, как капсулообразующему механизму стало не на чем катализироваться.

Мы намеревались облететь созвездие Кита и направиться к Имперской звезде с грузом новостей — хороших и скверных, с хроникой успехов и поражений. Но мы потеряли оболочку, и органиформа, будто дикая амеба, плюхнулась на спутник Рис. Такая нагрузка стала фатальной. Ки погиб сразу по приземлении. Марбика распался на тысячи дебильных компонентов, которые боролись и гибли в питательном студне, где все мы были подвешены.

Мы с Норном провели быстрое совещание. А кроме того, поставили весьма ненадежный перцептор сканировать по стомильному радиусу от места катастрофы. Органиформа уже начала уничтожать самое себя; ее примитивный разум обвинил в аварии нас, и теперь он хотел убивать. Сканирование перцептора выявило присутствие небольшой колонии землян, которые занимались выработкой миназина, что произрастал в подземных пещерах.

Примерно в двадцати милях к югу располагалась небольшая транспортная станция, откуда миназин переправ-

ляли к галактическому центру, чтобы нужным образом распределить среди звезд. Но сам спутник был невероятно отсталым.

— Пожалуй, это самое примитивное из всех разумных сообществ, с какими мне приходилось сталкиваться, — констатировал Норн. — Во всей округе я могу зафиксировать не более десяти разумов, которые когда-либо бывали в другой звездной системе, и все они работают на транспортной станции.

— Где у них, между прочим, надежные неорганические корабли, которые нипочем не спятят и не станут тебе враждебны, — заметил я. — А из-за этой штуковины мы оба обречены на гибель, и теперь нам уже никогда не добраться до Имперской звезды.

Нам бы на нормальном корабле оказаться. А эта штуковина чуть что — и абзац! Температура протоплазмы уже становилась малоприятной.

— Тут где-то поблизости ребенок, — сказал Норн. — И... черт возьми, а это еще что за зверь?

— Земляне зовут его дьяволовым котенком, — отозвался я, извлекая информацию.

— Разум у него определенно не симплексный!

— Но и не вполне мультиплексный, — сказал я. — Впрочем, это уже что-то. Быть может, он сумеет доставить сообщение?

— Но его интеллект субдебилен, — возразил Норн. — У землян, по крайней мере, есть приличная масса серого вещества. Вот если бы нам удалось заставить их сотрудничать... Этот ребенок довольно смышленый — но такой симплексный! Котенок как минимум комплексный, и этого хватит, чтобы доставить сообщение. Что ж, попытаемся. Постарайся их сюда завлечь. Если ты кристаллизуешься, ты ведь сможешь на какое-то время отложить смерть?

— Да, — с неловкостью подтвердил я. — Но я не уверен, хочу я этого или нет. Не думаю, что смогу вынести существование столь пассивное и быть всего-навсего точкой зрения.

— Даже пассивный, — резонно заметил Норн, — ты сможешь быть очень полезен — особенно для этого симплексного парнишки. Его ждут большие неприятности, если он согласится.

— Идет, — согласился я. — Я кристаллизуюсь, хотя мне это и не нравится. А ты давай наружу и попробуй там что-нибудь сделать.

— Проклятие, — выругался Норн. — Умирать мне совсем не по вкусу. Не хочу умирать. Хочу жить, хочу отправиться к Имперской звезде и все там рассказать.

— Поторопись, — сказал я. — Ты только время теряешь.

— Ладно, ладно. Как по-твоему, какую форму мне лучше всего принять?

— Помни, ты имеешь дело с симплексным разумом. Ты можешь принять только одну форму, которой он уделит достаточно внимания и которую завтра утром не припишет к скверному сновидению.

— Ладно, — повторил Норн. — Поехали. Прощай, Самоцвет.

— Прощай, — сказал я и начал кристаллизоваться.

Норн рванулся вперед, и кипящий студень провис, когда он выбрался из него на скалы, где ждал ребенок. «Сюда, киска, сюда, сюда», — спроецировал я в сторону дьяволова котенка. Он оказался весьма сговорчив.

III

Комета Джо брел обратно к пещерам, наигрывая медленные мотивы на окарине и размышляя. Драгоценный камень (который был Самоцветом — то есть мной) лежал в сумке у него на поясе. Дьяволов котенок сперва пытался хватать зубами светлячков, затем остановился, чтобы выдернуть щетинки из подушечек у себя на лапах. Один раз он перекатился на спину и зашипел на звезду, но тут же снова заспешил за Кометой. Разум его был вовсе не симплексным.

Комета добрался до выступа Зубодера. Оглядев скалу, он заметил у двери в пещеру дядюшку Клеменса. Вид у дяди был явно недовольный. Языком Комета поискал за щеками остатки завтрака, поскольку сразу сообразил, что обед ему не светит.

Сверху послышался голос:

— Эй, баббес! А дя Клем на тя не на шукку озлился!

Джо поднял глаза. Его троюродная кузина Лилли торчала на выступе еще более высокой скалы, глазея вниз.

Он поманил девчонку к себе, и она спустилась. Как всегда, Джо посмотрел на ее короткую стрижку, из-за которой он всем девчонкам завидовал.

— Эта твой дьявов ктенок? И как ево звать?

— Сассем он не мой, — возразил Джо. — Слышь, а кто скаал, что те можна май печчатки с сапожками таскать?

На Лилли были черные сапожки по колено и перчатки по локоть, которые Чарона подарила ему па восемнадцатилетие.

— Я хатела тя падажжать и скаать, как дя Клем на тя озлился. Вот и наа было залессь туда, откеда видать, как ты падходиш.

— Жлуп, ну ты и залезла! А терь аддай. Ты их проста панасить хатела. А ну аддай. Я те их таскать не велел.

Лилли неохотно стянула перчатки.

— Ну и жлуп с тобой, — сказала она. — Значить, не дашь мне их панасить? — Она вылезла из сапожек.

— Жлуп те, — твердо сказал Джо.

— Дя Клем, Камета вернусся!

— Заткнись! — прошипел Комета, затем повернулся и побежал назад по выступу.

— Дя Клем, а он апять деру дает...

И тут дьяволов котенок очень кстати вонзил два из трех своих рогов Лилли в лодыжки, пастью подобрал перчатки и сапожки и полетел вслед за Кометой — поступок, надо сказать, весьма мультиплексный, учитывая, что никто ему ничего не скомандовал.

Пятнадцатью минутами позже Комета затаился в залитых звездным светом скалах, рассерженный и напуганный. А тут как раз дьяволов котенок подошел и бросил ему сапожки и перчатки.

— Чо? — сказал Комета, поначалу не узнав их в бордовом полумраке. — А, сассибо! — Тут он взял их и надел. — Чарона, — продолжил он, вставая. — К Чароне бы наа. —

А все потому, что Чарона подарила ему сапожки, потому что Чарона никогда на него не злилась, а еще потому, что Чарона наверняка знала, что это еще за Имперская звезда.

Джо тронулся было в путь, затем обернулся и хмуро поглядел на дьяволова котенка. Дьяволовы котята славятся своей независимостью и, в отличие от собак, никогда у людей на побегушках не бывают.

— Дьявов ктенок,— произнес он.— Дья-кот. Дьяк — вот те кликуха. Ну чо, Дьяк, хошь со мной?

Этот поступок был вовсе не симплексным — меня он, по крайней мере, удивил.

Комета Джо пустился в путь, и Дьяк за ним последовал.

IV

Дождь лил аж до рассвета. Брызги усеивали лицо и разукрашивали ресницы Кометы, пока он свисал с нижней стороны утеса, глядя на ворота транспортной зоны. Он висел, как ленивец, а Дьяк сидел в колыбельке его живота.

Между скал в краснеющем свете вперед тащились два грузовика с миназином. Очень скоро Чарона выйдет их пропустить.

Запрокидывая голову и разглядывая перевернутый мир, Джо мог видеть всю каменистую равнину, будто циркулем отчерченную двумя перегибами Бруклинского моста, до самых погрузочных платформ, где в красном дожде рассвета балансировали звездолеты.

Когда грузовики приблизились к зарослям чаппачансов, которые в одном месте подступали к дороге, Джо увидел, как Чарона размеренным шагом идет к воротам. 3-пес бежал впереди нее, гавкая через сетку на машины, пока они тормозили. Дьяволов котенок нервно заворочался. Чем он, пожалуй, особенно напоминал своего земного тезку, так это неприязнью к собакам.

Чарона потянула рычаг ворот, и прутья быстро поднялись.

Когда второй грузовик потащился вперед, Джо крикнул с утеса:

— *Эй, Чарона! Придежжи их малеха!*

Чарона подняла лысую голову и скорчила морщинистую физиономию, приглядываясь:

— Кто там?

3-пес гавкнул.

— А вона кто! — крикнул Джо, затем отлип от камня и выгнулся в воздухе. Падая, они с Дьяком выполнили ловкий перекат. Затем Комета легко вскочил на ноги и встал перед Чароной.

— Ну и ну, — рассмеялась она, засовывая оба кулака в большой карман своего серебристого комбинезона, который блестел от дождя. — Ты прямо как ловкий эльф. А где ты почти весь месяц прятался?

— На страже в Но-Цикле, — ухмыляясь, ответил Джо. — Глянь, на мне твой падарок.

— Рада, что ты по-прежнему его носишь. Ну, входи, пора и ворота закрывать.

Комета нырнул под наполовину опущенные прутья.

— Слышь, Чарона, — сказал он, когда они вместе пошли по влажной дороге, — а Имперская звезда эта чо такое? И где ана? И как туда добрасся?

По молчаливому согласию они свернули с дороги и стали пробираться по грубой земле долины в тени металлического языка под названием Бруклинский мост.

— Это, дружок, великая звезда, которую твои прапрапрадедушки на Земле звали альфой Возничего, или Капеллой. Она отсюда в семидесяти двух градусах по ступице галактики на гиперстатическом расстоянии в пятьдесят пять и девять десятых, и тебе — если цитировать древнюю поговорку — «отсюда туда не добраться».

— Почему?

Чарона рассмеялась. Э-пес пробежал вперед и залаял на Дьяка, который тут же выгнул спину и начал было высказывать что-то в ответ на своем котеночьем, но затем передумал и гоголем отошел в сторонку.

— Кто-то мог бы вписаться на какой-нибудь транспорт и с этого начать; но у тебя не получится. И это самое главное.

Комета Джо нахмурился:

— Эта ищо пачему? — Он махнул ребром ладони по сорнякам и сшиб головки. — Я свалю с этой планеты — и пряма сичас!

Чарона приподняла голую кожу на том месте, где раньше были ее брови.

— А ты, похоже, серьезно настроен. За четыреста лет ты первый из родившихся на этой планете, кто мне такое говорит. Возвращался бы ты, Комета Джо, к своему дядюшке и жил себе с миром в Родной Пещере.

— Жлуп, — выругался Комета Джо и пнул камушек. — Хачу паехать. Пачему мне не паехать?

— Симплекс, комплекс и мультиплекс, — произнесла Чарона. И я тут же проснулся в сумке у Джо. Похоже, в конце концов появилась надежда. Если найдется кто-то, кто ему объяснит, путешествие станет проще. — Пойми, Комета, здесь симплексное общество. С космическими путешествиями оно не знакомо. Если не считать грузовиков с мишазином и нескольких любопытных детишек вроде тебя, никто за эти ворота не проходит. А через год и ты перестанешь приходить, и все твои визиты в конечном итоге выразятся лишь в том, что ты будешь более снисходителен к своим детишкам, когда они станут приходить к воротам или возвращаться в Родные Пещеры с волшебными ерундовинами со звезд. Чтобы путешествовать между мирами, человек должен по меньшей мере иметь дело с комплексными существами, а часто и с мультиплексными. Ты запутаешься в том, где и как себя вести. Уже через полчаса межзвездного перелета ты передумаешь и решишь вернуться, отвергнешь всю эту затею как дурацкую.

То, что у тебя симплексный разум, в каком-то смысле даже неплохо, ибо так тебе спокойней на Рисе. И хотя ты проходишь через ворота, тебя, скорее всего, не «развратят» ни визиты в транспортную зону, ни случайное столкновение с предметами из других миров вроде тех сапожек и перчаток, что я тебе подарила.

Она, похоже, закончила, и я опечалился, ибо это определенно не было объяснением. А теперь я знал, что Джо наверняка отправится в путешествие.

Но тут Комета Джо сунул руку в сумку, отпихнул в сторону окарину и поднял меня на ладони.

— А эта ты, Чарона, видала?

Вместе они нависли надо мной. За остриями когтей Кометы, за затененными лицами черная лента Бруклинского моста прочерчивала розовато-лиловое небо. Ладонь Джо под моей верхней частью была теплой. Прохладная капля упала на мои передние грани, искажая их облик.

— Ну... по-моему... нет, не может быть. Где ты его нашел?

Джо пожал плечами:

— Да нашел. А чо эта?

— Клянусь всеми лучами семи солнц, это похоже на кристаллизованного тритонца.

Чарона, разумеется, не ошиблась, и я тут же понял, что она была немалого опыта космолетчицей. Кристаллизованные, мы, тритонцы, не так уж часто попадаемся.

— Наа к Имперской звезде его подвесси.

За сморщенной маской лица Чароны тихо работала мысль, и по обертонам я смог понять, что разум ее был мультиплексным, с образами космоса и звезд, увиденных в черноте галактической ночи, с волшебными пейзажами, незнакомыми даже мне. Четыреста лет в качестве стражницы у ворот в транспортную зону Риса разровняли ее разум почти до симплексного. Но мультиплексность уже пробудилась.

— Попробую тебе, Комета, кое-что объяснить. Скажи мне, что самое важное на свете?

— Жлуп, — охотно ответил Джо и тут же увидел, как она хмурится. Парнишка был в недоумении. — Миназин то ись. Без грязных славечек, извинясь.

— Меня, Комета, никакие слова не трогают. Честно говоря, мне всегда казалось немного забавным, что у вашего народца есть такая вещь, как «грязное словечко» для миназина. Хотя, наверное, становится не так смешно, когда я вспоминаю «грязные словечки» в том мире, откуда я родом. Там, где я выросла, запретным словом считалось «вода» — ее было совсем мало, и про нее нельзя было упоминать иначе как по технической формуле в технологической дискуссии, и никогда перед твоим учителем. А на Земле, во времена наших прапрапрадедушек, о пище, съеденной и прошедшей через тело, в приличной компании вообще не упоминали.

— А чо грязнаво в пище и ваде?

— А что грязного в жлупе?

Комету не на шутку удивило то, как легко Чарона пользуется обычным жаргоном. Хотя, подумалось ему, она постоянно общается с водителями и грузчиками, которые славятся своим сквернословием и недостатком уважения ко всему на свете — так, по крайней мере, дядюшка Клеменс говорил.

— Не знаа, — наконец ответил он.

— Это органический пластик, вырастающий в цветке злака мутантного штамма, который распускается только в условиях радиации, проникающей во тьму пещер из самого сердца Риса. На этой планете он используется только как уплотнитель сплава других пластиков, и все же единственное назначение Риса во вселенском плане — обеспечивать

миназином остальную галактику. Все мужчины и женщины на Рисе заняты на его производстве — возделывании или транспортировке. Вот и все, что он из себя представляет. Нигде во всем описании я ни разу не упомянула о грязи.

— Ну, када сво мешок рвесся или рассыпаесся, он вроде как... ну, не грязный, а неприятный.

— Пролитая вода или просыпанная пища тоже неприятные. Но по природе своей они не таковы.

— Проста с парядочными людьми кой о чем не талкуют. Так дя Клем грит. — Джо наконец нашел прибежище в своей выучке. — И раз ты гришь, жлуп самое важнос из всего, значить, нада... ну, малеха ево уважать.

— Я ничего такого не сказала. Это ты сказал. И именно поэтому у тебя симплексный разум. Если ты пройдешь через вторые ворота и попросишь капитана одного из транспортов тебя подвезти — а тебя, скорее всего, подвезут, потому что там таких много, — ты попадешь в другой мир, где миназин значит всего-навсего сорок кредиток за тонну и куда менее важен по сравнению со скверниям, шматенциями, хлопотопами и сикось-накосем, каждый из которых стоит больше пятидесяти кредиток. И ты можешь кричать все эти названия где угодно, но ничего, кроме пустого шума, никто в этом не усмотрит.

— Я и не думаю нигде ничо кричать, — заверил ее Комета. — И из тваго базара пра симплекс мне ясна тока то, шо я знаа, как ся вести, даже есси куча народу пра эта не ведает. Может, я ищо не такой вежливый, как нада, но как ся вести, я знаа.

Чарона рассмеялась, и пес прибежал назад и потерся мордой о ее бедро.

— Возможно, я сумела бы объяснить это чисто в технологических терминах, но с прискорбием понимаю, что пока ты сам не увидишь, ты этого не поймешь. Поэтому остановись и посмотри наверх.

Помедлив у расколотого камня, они посмотрели наверх.

— Дырки видишь? — спросила Чарона.

В панелях мостового настила тут и там были точечки света.

— Похоже на случайные точки, верно?

Джо кивнул.

— Это симплексный взгляд. Теперь иди дальше и продолжай смотреть.

Глазея вверх, Комета размеренным шагом двинулся вперед.

Точки света погасли, зато тут и там появились другие, затем и эти погасли, но другие — или, возможно, первоначальные — появились.

— Надстройка балок над мостом перекрывает некоторые дырки и не дает тебе воспринимать все сразу. Но теперь встаешь на комплексную точку зрения, ибо сознаешь, что там есть больше, чем видится с любого отдельно взятого места. А теперь беги и не опускай головы.

Джо побежал по камням. Скорость мерцания возросла, и он вдруг понял, что дырки образуют узор — шестиконечные звезды, пересеченные диагоналями из семи дырок каждая. Только когда мерцание происходило так быстро, можно было воспринимать весь узор...

Споткнувшись, он плюхнулся на четвереньки.

— Видел узор?

— Уфф... ага. — Джо покачал головой. Его ладони под перчатками саднило, а одно колено было содрано.

— Это был мультиплексный взгляд.

З-пес нагнулся и лизнул ему лицо.

За всем этим с трезубой развилины куста несколько укоризненно наблюдал Дьяк.

— Ты столкнулся с одной из главных проблем симплексного разума, пытающегося охватить мультиплексную точку зрения. При этом запросто можно плюхнуться на четыре точки. Я действительно не знаю, сможешь ли ты совершить переход, хотя ты очень молод, а многим людям постарше приходилось отступать. Конечно, я желаю тебе удачи. Хотя, что касается первых ступеней путешествия, ты всегда сможешь обернуться и сдать назад, и даже после первого короткого прыжка к Крысиной Дыре ты увидишь куда более обширную часть Вселенной, чем большинство людей Риса. Но чем дальше ты будешь заходить, тем сложнее будет вернуться.

Комета Джо оттолкнул З-пса в сторону и встал. Его следующий вопрос родился как из страха перед попыткой, так и из-за боли в ладонях.

— Бруклинский мост, — произнес он, все еще глядя вверх. — А пачему ево ваще так завут? — Джо задал этот вопрос так, как задают вопрос без ответа, и будь его разум достаточно остр, чтобы выразить подлинный смысл, он бы

спросил: «Почему вон то сооружение должно ловить меня на ошибке?»

Но Чарона уже отвечала:

— На Земле есть сооружение, схожее с этим, которое тянется меж двух островов — хотя оно немного поменьше. «Мост» — это название строения такого рода, а «Бруклин» — название места, к которому оно ведет, потому оно и называется «Бруклинский мост». Первые колонисты принесли с собой название и дали его тому, что ты здесь видишь.

— То ись эта неспроста?

Чарона кивнула.

Внезапно в голове у Джо родилась идея, резко вильнула и со звоном и лязгом вновь появилась где-то в затылке.

— А смагу я Землю увидеть?

— Слишком далеко в сторону это тебя не заведет, — ответила Чарона.

— И я смагу увидеть Бруклинский мост? — Его ноги вдруг стали буквально зудеть.

— Я видела его четыреста лет назад, и он все еще там стоял.

Комета Джо внезапно вскочил и попытался поколотить кулаками небо, что показалось мне безукоризненно комплексным поступком и вселило еще большую надежду; затем он пробежал вперед, запрыгнул на одну из опор моста и из чистого избытка чувств разом вскарабкался на сотню футов вверх.

На полпути к вершине Джо остановился и посмотрел вниз.

— Эй, Чарона! — крикнул он. — Я думаю на Землю слетать! Я, Камета Джо, думаю слетать на Землю и увидеть Бруклинский мост!

Внизу под нами привратница улыбнулась и погладила З-пса.

V

Когда дождь перестал, они вышли из-под балюстрады. Затем перебрались через ограду и по черной от воды гудронированной трассе зашагали ко вторым воротам.

— Ты уверен? — снова спросила его Чарона.

С легкой опаской Джо кивнул.

— А что мне сказать твоему дядюшке, когда он придет? Ведь он обязательно придет.

При мысли о дядюшке Клеменсе опаска возросла.

— Проста скажи, я уехал.

Кивнув, Чарона потянула за второй рычаг, и ворота поднялись.

— А этого ты с собой возьмешь? — Чарона указала на Дьяка.

— А чо? Пачему нет? — И с этими словами Джо смело зашагал вперед.

Дьяк глянул вправо, влево, затем бросился вслед за ним. Чарона и сама сходила бы проводить парня, но внезапно вспыхнул сигнальный фонарь, который указывал, что ее присутствие снова требуется у первых ворот. Так что только ее пристальный взгляд следовал за Джо, пока опускались ворота. Затем она оглянулась на мост.

* * *

Самое большее, что Джо до сих пор доводилось делать,— это лишь вглядываться через вторые ворота в выпуклые формы кораблей, в грузовые здания, в механические погрузчики и тележки, что загромождали перепутья транспортной зоны. Войдя туда, он огляделся, ожидая, что мир станет совсем другим, как предупреждала Чарона.

Однако его понятие о «другом» было весьма симплексным, так что первые двадцать футов ходьбы его решительно разочаровали.

Еще через двадцать футов разочарование сменилось обычным любопытством. К нему скользили тарельчатые салазки, строго направляемые по трассе высокой фигурой. Последовал небольшой всплеск страха и удивления, когда Джо понял, что тарелка сдет прямо на него. Мгновение спустя она остановилась.

Там стояла женщина. Джо далеко не сразу это понял, поскольку волосы ее были длинными, как у мужчины; убраны они были в такую затейливую прическу, какой он никогда в жизни не видел. Кроме того, на женщине было блестящее алое платье, где вставки с тканями разной плотности, хотя цвет везде был один и тот же, тесно прилегали к телу или отбрасывались сырым рассветным ветром. Волосы ее,

губы и ногти также были алыми, тут же сообразил Джо. Вот это уже и впрямь было странно.

Женщина взглянула на него и сказала:

— А ты красивый парнишка.

— Чо? — переспросил Комета.

— Я сказала, что ты красивый парнишка.

— Ж-жлуп... то ись... мм... — Тут он перестал смотреть себе под ноги и бросил на нее ответный взгляд.

— Только вот волосы у тебя в беспорядке.

Джо нахмурился:

— Эта как эта в беспарядке?

— Так это. Интересно, где ты выучился на интерлингве разговаривать? Или я просто получаю туманный телепатический эквивалент твоего орального высказывания?

— Чо?

— Да ничего. Ты все равно красивый парнишка. Я дам тебе расческу, а кроме того, уроки дикции. Приходи ко мне на корабль. Ты так и так попадешь на мой корабль, потому что никакие другие в ближайшее время не отбывают. Спроси Сан-Северину.

И тарелка заскользила прочь.

— Эй, а вы куда? — крикнул Комета Джо.

— Сперва причешись, а потом мы это на уроках обсудим. — Женщина вынула что-то из вставки у себя на платье и швырнула это Джо.

Он поймал вещицу и рассмотрел. Это была красная расческа.

Джо вытянул копну своих волос из-за плеч, чтобы получше их изучить. После ночного путешествия к транспортной зоне они порядком спутались. Тогда он несколько раз ударил по ним расческой, думая, что она какого-то особого типа, который облегчает расчесывание. Ничего подобного. Расческа оказалась самой обычной. Минут десять Джо упорно расчесывался, а затем, чтобы как можно дольше избегать повторения неприятного процесса, заплел волосы в косу и забросил ее за плечо. После этого он положил расческу в карман и достал окарину.

Проходя мимо одного из штабелей груза, Джо заметил молодого человека несколькими годами старше его самого, который, рассевшись на вершине пирамиды из ящиков и подтянув к себе колени, внимательно на него смотрел.

Парень был босоног, без рубашки, а его истрепанные штаны были подвязаны веревкой.

Волосы его были непонятно бесполой длины и спутаны куда хуже, чем прежде у Джо. Жутко грязный, он улыбался.

— Привет! — сказал Джо. — Не знашь, на каком карабле мне отседа выбрасся?

— Чапукну, — отозвался парень, указывая куда-то в поле. — Карго — жлуп и Ллл.

Не разобрав ни единого слова, кроме бранного, Джо немного растерялся.

— Мне на карабль нада, — повторил Джо.

— Чапукну, — повторил парень и снова указал. Затем он приложил руки ко рту, словно тоже играл на окарине.

— Хошь попроовать? — спросил Джо и тут же пожелал, чтобы парень не хотел. Слишком уж он был грязный.

Но парень, улыбаясь, покачал головой.

— Проста челночник. Музыку не умей.

Это уже почти имело смысл. По крайней мере наполовину.

— Ты откеда? — спросил Джо.

— Проста челночник, — повторил парень. Теперь он указал на розовую луну-луну над горизонтом. — Туда-сюда, туда-сюда — токо и бывай. — Он снова улыбнулся.

— Угу, — пробурчал Джо и улыбнулся — просто ничего другого в голову не пришло.

Он сильно сомневался, извлек ли он из этого разговора хоть какую-то информацию. Снова принявшись играть на окарине, он пошел дальше.

На сей раз он направился прямиком к кораблям; один стоял под погрузкой, так что к нему он и устремился.

Тучный мужчина управлял робопогрузчиками, проверяя вещи по списку. Его сальная рубашка была все еще мокра от дождя, и он завязал ее на пузе, которое выпирало по обе стороны от узла.

Еще один парень, почти ровесник Джо, стоял, прислонясь к тросу-оттяжке, тянущемуся от корабля. Подобно первому, он был грязен, бос и без рубашки. Одна его штанина была оторвана у колена, а две петли ремня были примотаны друг к другу куском проволоки. На загорелом

и обветренном лице не было даже той готовности улыбнуться, которая еще оставалась у первого знакомца Джо. Парень оторвался от оттяжки, медленно поворачиваясь, чтобы получше разглядеть Джо, пока тот проходил мимо.

Джо направился было к тучному мужчине, занятому погрузкой, но тот как раз не на шутку углубился в перебор штабеля, который один из погрузчиков неправильно уложил, так что Джо сдал назад. Он снова взглянул на парня, изобразил слабую улыбку и кивнул. Комете не очень-то хотелось вступать в разговор, но парень кратко кивнул в ответ, а мужчина, похоже, собирался еще очень долго быть не на шутку занятым.

— Челночник? — спросил Джо.

Парень кивнул.

— Туда-сюда мотаесся? — продолжил Джо расспрос, указывая на диск луны-луны.

Парень снова кивнул.

— А есь у мя шанс сесть на папутку до... ну, докуданибудь.

— Есть, если работу получить хочешь, — ответил парень.

Джо удивился его цивильному выговору.

— Ясна дело, — сказал Джо. — Есси нада работать, я завсегда.

Парень снова оторвался от троса.

— Эй, Элмер, — позвал он.

Мужчина оглянулся, затем щелкнул выключателем на наручном пульте, и все робопогрузчики замерли. «Как просто», — подумал Джо.

— Чего тебе? — спросил Элмер, поворачиваясь и вытирая лоб.

— У нас тут второй челночник. Этому парнишке работа нужна.

— Вот и славно, — сказал Элмер. — Тогда ты о нем позаботься. На вид он подходящий. Надо только его покормить, а работать он будет, ручаюсь. — Ухмыльнувшись, он снова повернулся к робопогрузчикам.

— Считай, принят, — сказал парень. — Меня зовут Рон.

— А я — Камета Джо, — сказал Джо. — Или проста Джо.

Рон громко расхохотался и пожал Джо руку.

— Ничуть бы не угадал. Я уже шесть месяцев по стазиспотокам мотаюсь, и всякий настоящий, испытанный космонавт, которого там встречаешь, всегда оказывается Бобом, Хэнком или Элмером. А тут, стоит только попасть на какую-нибудь темную и невежественную планетку с монопродуктной симплексной культурой, каждый там не иначе как Суперпилот, Космический Смит или Комета Джо. — Он хлопнул Джо по плечу. — Не обижайся, но свою комету ты очень скоро потеряешь.

Джо не обиделся — главным образом потому, что не понял, о чем говорит Рон. Вместо этого он улыбнулся.

— А ты откеда?

— Я взял годик академического отпуска в Кентаврийском университете, чтобы поболтаться среди звезд, поработать немного, когда придется. В этой четверти спирали я уже пару месяцев челночничаю. Ты заметил, что Элмер со мной как с настоящим космонавтом разговаривает?

— А который тама сидит? Он чо, тоже из... университета?

— Кто, Хэнк? Тот темный, неплексный олух, который там на штабеле сидит? — Рон рассмеялся.

— Неплексный? — переспросил Джо, связывая это слово с другими, уже выученными им в это утро. — Типа симплекс, комплекс и все такое?

Рон, судя по всему, понял, что расспрос серьезен.

— На самом деле такой вещи, как неплекс, конечно, не существует. Хотя порой стоит задуматься. Хэнк просто болтается между Рисом и луной-луной. Его народец совсем захудалый, и я сильно сомневаюсь, что он сможет хотя бы свое имя написать или прочесть. Большинство челночников приходят из схожих миров, ты скоро это поймешь. У них бывает только один перегон, обычно между двумя планетами, и это все, что они вообще видят. Но я еще и между звезд путешествую. Хочу до конца Полуоборота занять место помощника капитана, чтобы в университет с какими-то деньгами вернуться. Надо же человеку с чего-то начинать. А ты как далеко путь держишь?

— До Имперской звезды, — ответил Джо. — Хател тя... мм, хотел тебя спросить — не знашь, где ана?

— Уже акцент космонавта зацепить пробуешь? — спросил Рон. — Не беспокойся, он к тебе раньше, чем успеешь

заметить, прилипнет. А что до Имперской звезды... думаю, это порядка семидесяти — семидесяти пяти градусов вокруг галактического центра.

— Семьдесят два градуса, на расстоянии пятьдесят пять и девять, — уточнил Джо.

— Зачем тогда спрашиваешь? — сказал Джо.

— А мне эта ничо не грит.

Рон снова рассмеялся:

— Понятно. Никогда в космосе не бывал?

Джо кивнул.

— Понятно, — повторил Рон и еще громче рассмеялся. — Ничего, очень скоро будет многое говорить. Уж ты мне поверь, будет! — Тут Рон увидел Дьяка. — Это твой?

Джо кивнул:

— Я ить могу ево с сабой взять?

— Капитан тут Элмер. Его спроси.

Джо посмотрел на капитана, который ожесточенно перекладывал штабель груза, чтобы уравновесить его на погрузчике.

— Ладна, — сказал он и направился туда. — Элм...

Ухватив Джо за плечо, Рон развернул его обратно.

— Чо? Ты, жлуп тя...

— Не сейчас, неплекс. Погоди, пока он закончит.

— Но ить ты проста...

— Я не ты, — объяснил Рон. — И он не пытался уравновесить груз, когда я его остановил. Если ты позовешь его по имени, он должен будет остановиться, и ты можешь убить его, если груз упадет.

— Ага. А как мне ево звать?

— Попробуй капитаном, — сказал Рон. — Он и есть капитан, и когда ты его так позовешь, он не должен будет прекращать работу до тех пор, пока сам не сочтет удобным. Зови его Элмером только в случае крайней нужды. — Он искоса глянул на Джо. — А по зрелом размышлении предоставь кому-то другому решить, крайняя это нужда или нет. Короче, для тебя он капитан, пока он сам тебе иначе не скажет.

— А чо была за нужда, када ты ево звал?

— Для этого перелета ему был нужен еще один челночник, а потом я видел, что он не занят ничем таким, что ему

нельзя останавливать, и... ну, тебе еще много чего предстоит усвоить.

Вид у Джо стал совсем удрученный.

— Не вешай носа, — подбодрил его Рон. — Ты славные штуки на этом батате выделываешь. У меня на борту гитара — сейчас я ее притащу, и мы вместе поиграем, идет?

Он ухватился за оттяжку и, ловко перебирая руками, стал по ней взбираться. Затем исчез в нависающем люке. Джо круглыми глазами за ним наблюдал. У Рона даже перчаток не было.

Как раз в этот момент капитан Элмер заговорил:

— Эй, можешь взять своего котенка. А вот перчатки и сапоги оставь.

— Чо? Пачему?

— Потому что я так сказал. Рон?

Челночник высунулся из люка.

— Что? — В руках он держал гитару.

— Объясни ему про культурно-запрещенные артефакты.

— Ага, — сказал Рон и снова при помощи одной руки и ноги ловко соскользнул по оттяжке. — Лучше прямо сейчас их сбрось.

Джо с неохотой принялся стягивать перчатки и сапожки.

— Понимаешь, мы планируем отправиться к некоторым комплексным культурам, чья технология намного ниже той, которая эти сапожки произвела. Если ты их там покажешь, это может подорвать всю их культуру.

— Но мы тоже эти сапожки не делам, — заметил Джо. — Мне Чарона их подарила.

— Это потому, что вы здесь симплексные. Вашу культуру не может подорвать ничто, кроме перемещения ее в другую окружающую среду. Но даже тогда у вас наверняка вышло бы то же самое. А вот комплексные культуры куда чувствительнее. Груз жлупа мы забираем на Генезис. Затем Ллл отправляются дальше в Крысиную Дыру. Там ты, наверное, сможешь сесть на корабль до Земли, если захочешь. Полагаю, ты хочешь увидеть Землю. Все хотят.

Джо кивнул.

— С Земли ты сможешь отправиться куда угодно. Может статься, тебе даже повезет поймать попутку прямо до Имперской звезды. А зачем тебе туда нужно?

— Сообщение нада даставить.

— В самом деле? — Рон взялся настраивать гитару.

Джо открыл сумочку и вынул меня наружу. Вообще-то мне бы хотелось, чтобы он прекратил показывать меня всем подряд. Кое-кто сильно расстраивается, когда я обнаруживаюсь — не важно, кристаллизованный или нет.

— Вот, — сказал Джо. — Я должен вот это туда доставить.

Рон пристально на меня посмотрел.

— А, понимаю. — Он положил гитару. — Тогда я думаю, очень кстати, что ты отправляешься вместе с грузом Ллл.

Я улыбнулся себе под нос. Рон был мультиплексно образованным молодым человеком. Я вздрогнул при мысли о том, что случилось бы, покажи меня Джо Хэнку; тот челночник вполне мог попытаться вынудить Джо на что-нибудь меня обменять, а это было бы катастрофой.

— А что ищо за Ллл? — спросил Джо. — Эта из тех штук, что важнее жлупа?

— Да, черт возьми, — ответил Рон. — Ты ведь еще никогда их не видел?

Джо кивнул.

— Тогда идем, — сказал Рон. — Поиграть сможем после. Полезли в люк, и брось ты свои сапоги и перчатки.

Джо оставил их на асфальте и стал взбираться по тросу. Это оказалось проще, чем он думал, но тем не менее к вершине он уже успел вспотеть. Дьяк по-особому подобрал лапы и взобрался прямо по корпусу корабля, а затем стал дожидаться у люка.

Джо последовал за Роном по коридору, затем еще через один люк, дальше по короткой лесенке.

— Ллл здесь, — сказал Рон перед округлой дверцей.

Он по-прежнему держал за гриф гитару. Затем он распахнул дверцу — и тут же что-то схватило Джо за живот, сгибая пополам. Глаза его наполнились слезами, а рот распахнулся. Он еле дышал.

— Здорово врезало? — негромко спросил Рон. — Давай, заходи.

Джо и так был напуган, а с каждым шагом в полумрак его мужество падало футов на двадцать. Он поморгал, проясняя зрение, но слезы скопились снова.

— Вот они, Ллл, — сказал Рон.

Джо заметил слезы и на обветренном лице Рона. Затем он снова взглянул вперед.

Они были прикованы к полу за кисти и лодыжки; Джо насчитал семерых. Их громадные зеленые глаза моргали в синем свете грузового отсека. Спины были горбаты, головы нечесаны. Тела казались невероятно сильными.

— Чо я... — Джо попытался сказать, но что-то застряло у него в горле, и фраза оборвалась. — Чо я чую? — еле слышно прошептал он, поскольку громче говорить не мог.

— Скорбь, — ответил Рон.

Обозначенная эмоция сделалась узнаваемой — безмерная, всеподавляющая скорбь, что вытягивала все движение из мышц, всю радость из глаз.

— Из-за них я скорбь чую? — спросил Джо. — Пачему?

— Они рабы, — объяснил Рон. — Они строят — строят прекрасно, неподражаемо. Ценность их колоссальна. Они отстроили половину Империи. И Империя их таким образом защищает.

— Защищает? — переспросил Джо.

— К ним нельзя приблизиться, не ощущая этой скорби.

— Кто же их тада пакупает?

— Немногие. Но покупателей все же достаточно, чтобы они были невероятно ценными рабами.

— Пачему же их не ослобонят? — спросил Джо, и этот вопрос стал застрявшим в горле воплем.

— Экономика, — ответил Рон.

— Жлуп, как ты можешь пра экономику, када такое чуешь?

— Некоторые могут, — сказал Рон. — Хотя очень мало кто. В этом защита *Ллл*.

Джо прижал к глазам кулаки.

— Пашли отседа.

— Останемся еще ненадолго, — возразил Рон. — Мы сейчас для них поиграем. — Он сел на ящик, положил гитару себе на колено и извлек из струн ладовый аккорд. — Давай, — сказал он Джо. — Я тебе подыграю.

Джо подул, но дыхание его было таким слабым, что нота задрожала и умерла, так толком и не родившись.

— Я... я не хачу, — запротестовал Джо.

— Это твоя работа, челночник, — просто сказал Рон. — Ты должен заботиться о грузе, когда он на борту. Они любят музыку. Она сделает их счастливей.

— А мя... мя ана тоже счастливей сдеет? — спросил Джо.

Рон покачал головой:

— Нет.

Джо поднес окарину к губам, набрал побольше воздуха и подул. Длинные ноты наполнили грузовой отсек корабля, и, когда Джо закрыл глаза, слезы растопили темноту по ту сторону век.

Облигато Рона оплетало мелодию, которую Джо извлекал из окарины. Каждая нота обретала терпкость, подобную хорошим духам, и вызывала перед Джо различные образы, пока он с закрытыми глазами играл: вот Новый Цикл в пору неурожая миназина, вот похороны Билли Джеймса, вот тот день, когда Лилли посмеялась над ним, когда он попытался поцеловать ее за генератором силовой ограды, вот тот раз, когда убитые кепарды были взвешены и выяснилось, что его добыча потянула на десять фунтов меньше, чем у Ил Оди, а ведь Ил была на три года его младше, и все всегда говорили, какая она замечательная, — короче говоря, все грустные воспоминания его симплексного существования.

Когда они через полчаса вылезали из грузового отсека, ощущение скорби катилось за ними подобно схлынувшей волне. Рон закрепил крышку люка, и Джо почувствовал полное изнеможение.

— Ну как, тяжелая работенка? — улыбаясь, спросил Рон. Слезы прочертили дорожки на его запыленном лице.

Джо ничего не ответил — он изо всех сил старался удержаться от того, чтобы в голос не зарыдать от тоски по дому, которая все еще сжимала его горло. «Ты всегда сможешь обернуться и сдать назад», — сказала тогда Чарона. Он почти было собрался.

Но тут голос из динамика произнес:

— Пусть красивый парнишка будет так добр прийти ко мне на урок интерлинга.

— Это Сан-Северина, — сказал Рон. — Она наша единственная пассажирка. Ллл принадлежат ей.

Целая гамма чувств взорвалась в голове у Джо. Среди них оказались гнев, страх и любопытство. Любопытство взяло верх.

— Ее каюта вон там за углом, — сказал Рон.

Джо направился туда. Как же она смогла заставить себя владеть столь невероятными существами?

VI

— Заметное улучшение, — сказала Сан-Северина, когда он открыл дверь. — Тебе непонятно, как я смогла заставить себя владеть столь невероятными существами.

Она сидела в пышном дутом кресле, затянутая в голубое от шеи до лодыжек. Ее волосы, губы и ногти также были голубыми.

— Это непросто, — сказала она.

Джо вошел в комнату. Одну стену сплошь покрывали стеллажи, полные книг.

— Ты, по крайней мере, — продолжила Сан-Северина, — должен испытывать это чувство только в их присутствии. Я же, как владелица, подвержена ему на протяжении всего периода моего владения. Это входит в контракт.

— И сичас... тоже?

— Причем куда более интенсивно, чем ты только что. Диапазон моей чувствительности намного шире твоего.

— Но... зачем?

— Иначе никак. Я должна заново выстроить восемь миров, пятьдесят две цивилизации и тридцать две тысячи пятьдесят семь полных и самостоятельных этических систем. Без Ллл мне этого никак не проделать. Три из этих восьми миров выжжены дотла, там на поверхности нет ни капли воды. Один наполовину вулканический и весь должен быть заново покрыт коркой. Еще один потерял бо́льшую часть своей атмосферы. Три других по крайней мере обитаемы.

— А чо тама стряслось? — недоверчиво спросил Джо.

— Война, — ответила Сан-Северина. — И сегодня все куда катастрофичнее, чем тысячу лет назад. Население в шестьдесят восемь миллиардов пятьсот тысяч двести пять человек уменьшилось до двадцати семи. Не оставалось ничего другого, кроме как собрать все оставшиеся ценности

и согласиться купить Ллл. Теперь я транзитом через Землю везу их назад.

— Ллл, — повторил Джо. — А кто они ваще?

— Может, ты другого молодого человека спросишь?

— Да, но...

Улыбка Сан-Северины остановила его.

— А, семена комплексности. Получив один ответ, ты просишь второй. Очень хорошо. Я дам тебе второй. Они стыд и трагедия мультиплексной Вселенной. Никто не может быть свободен, пока не станут свободны они. Пока их покупают и продают, любой может быть куплен и продан — если цена достаточно высока. А теперь пришла пора твоего урока интерлинга. Подай мне, пожалуйста, вон ту книгу.

Послушный, хотя и озадаченный, Джо взял книгу со стола.

— А зачем мне грить учисься? — спросил он, вручая книгу Сан-Северине.

— Чтобы люди могли тебя понимать. Тебе предстоит длинное путешествие, в конце которого ты должен будешь передать сообщение — очень точно, очень аккуратно.

— Да я дажнть не знав, в чем ано! — воскликнул Джо.

— К тому времени, как доставишь, будешь знать, — сказала Сан-Северина. — Но лучше начать работать сейчас.

Джо опасливо посмотрел на книгу.

— А у вас ессь чо-то... ну, чо-то, чтоб я все быстро-быстро выучил... можеть, во сне или под гипнозом каким? — Он вспомнил свое разочарование ее расческой.

— Сейчас у меня ничего такого с собой нет, — грустно сказала Сан-Северина. — Я думала, другой молодой человек тебе объяснил. Мы минуем некоторые довольно примитивные комплексные общества. Никаких культурно-запрещенных артефактов не дозволяется. Боюсь, тебе придется хорошенько постараться.

— Жлуп, — выругался Джо. — Дамой хачу.

— Пожалуйста. Но теперь тебе придется искать попутку назад от Крысиной Дыры. Мы уже в ста пятидесяти милях от Риса.

— Чо?

Сан-Северина встала и подняла жалюзи, что покрывали стену.

По ту сторону стекла: тьма, звезды и красный ободок тау Кита.

Комета Джо встал с разинутым ртом.

— А пока ты ждешь, мы могли бы немного позаниматься.

Ободок тау Кита становился все меньше.

VII

Настоящая работа на корабле была, разумеется, не сложней обработки подземных полей миназина. Не считая игры для Ллл — она, сделавшись рутинной, стала довольно приятна. Ум и обаяние Сан-Северины превращали уроки языка в пик удовольствия и без того прекрасного дня. Однажды она не на шутку удивила Джо и меня, сказав во время одного из уроков, когда Джо показался ей особенно упрямым и потребовал еще одну причину для улучшения своего интерлинга:

— А кроме того, подумай, какой утомительной будет твоя нескладная речь для твоих читателей.

— Моих кого? — в изумлении переспросил Джо.

— Ты взялся за предприятие колоссальной важности и масштаба, и я уверена, что однажды кто-то его опишет. Если ты не улучшишь свою дикцию, то растеряешь всех читателей уже к тридцатой странице. Я предлагаю тебе серьезно взяться за дело, ибо тебе предстоит восхитительный отрезок времени, и будет весьма прискорбно, если все бросят тебя на полдороге из-за твоей скверной грамматики и произношения.

Ее мультиплексность Сан-Северина, конечно же, меня раскусила.

Четверо суток спустя, сидя у окна и насвистывая, Джо внимательно наблюдал за Элмером. Определенно удостоверившись, что капитан не занят ничем таким, что было бы фатально прервать, он сложил руки у себя за спиной и спросил:

— Элмер?

Элмер обернулся.

— Да. Что такое?

— Скажите, Элмер, как так выходит, что все больше моего знают про то, что я делаю на этом судне?

— Потому что они дольше тебя этим занимаются.

— Я не про мою работу. Я про мое путешествие, сообщение и тому подобное.

— А... — Элмер пожал плечами. — Симплекс, комплекс и мультиплекс.

Джо уже привык, что эти три слова ему подсовывали в качестве ответа почти на все, чего он не понимал, но на сей раз он этим не удовлетворился и сказал:

— Мне нужен другой ответ.

Капитан подался вперед, потер большим пальцем ноздрю и нахмурился.

— Слушай, ты пришел на борт и сказал, что тебе нужно доставить на Имперскую звезду сообщение по поводу Ллл, так что мы...

— Элмер, минутку. Откуда вы знаете, что сообщение связано с Ллл?

Элмер удивился:

— А разве нет?

— Не знаю, — сказал Джо.

— Гм, — буркнул Элмер. — Ну да я знаю. Оно и правда связано с Ллл. Как оно связано с Ллл, тебе предстоит выяснить позже, но могу тебя заверить, что оно связано. Именно потому Рон тебе первым делом их показал, и именно потому Сан-Северина так в тебе заинтересована.

— Но как так — все это знают, когда я не знаю? — Джо чувствовал, как в горле снова растет раздражение.

— Ты держишь путь на Имперскую звезду, — снова терпеливо начал Элмер, — а Империя защищает Ллл.

Комета Джо кивнул.

— Они там, понятное дело, предельно ими озабочены, как и мы все. У тебя есть кристаллизованный тритонец, а именно тритонцы возглавили движение за освобождение Ллл. Они уже почти тысячу лет этим занимаются. Следовательно, очень высока вероятность, что сообщение касается Ллл.

— Гм... Звучит разумно. Но Сан-Северина, похоже, знает то, чего она даже не могла увидеть или просчитать.

Элмер дал Джо знак подойти ближе.

— Если человек пережил войну, которая уменьшила население с шестидесяти восьми миллиардов до двадцати семи человек, он должен знать массу всякой всячины. И до-

вольно глупо удивляться, что такой человек знает немножко больше тебя или меня. Не только глупо, но и невероятно симплексно. А теперь, челночник, снова за работу.

Вынужденный признать, что это и впрямь чертовски симплексно, Джо спустился в грузовой отсек, чтобы перевернуть сикось-накось порнодокс и шматенции. Время играть для Ллл наступало только после ужина.

Еще через двое суток они приземлились на Крысиной Дыре.

Сан-Северина пригласила Джо сделать покупки на открытом рынке и приобрела ему контурный плащ черного бархата с серебряной вышивкой, узоры которой менялись в зависимости от давления света, при котором на них смотрели. Дальше она привела его в салон красоты. За время путешествия Джо уже успел стать таким же чумазым, как и любой другой челночник. Нежно держа его за ухо, Сан-Северина передала Джо одетому в белый халат хозяину салона.

— Вот, будьте добры подготовить, — сказала она.

— К чему? — спросил хозяин.

— Сначала к Земле, затем к долгому путешествию.

Когда с Джо закончили, его коса исчезла, когти были сострижены, а сам он был вычищен от пяток до макушки.

— Ну, и как ты себе нравишься? — поинтересовалась Сан-Северина, накидывая ему на плечи плащ.

Джо пробежал рукой по коротким желтым волосам.

— Я как девчонка,— нахмурился он. Затем Джо посмотрел на свои ногти. — Очень надеюсь, что по пути не наткнусь ни на каких кепардов. — Тут он снова посмотрел в зеркало: — Хотя плащик классный.

Когда они снова вышли наружу, Дьяк глянул на Джо, несколько раз моргнул и так расстроился, что дохихикался до икоты, после чего ему пришлось чесать брюшко и нести в транспортную зону, пока он снова собирался с духом.

— Какая досада, что придется опять стать грязным,— сказал Джо Сан-Северине.— Но это грязная работа.

Сан-Северина рассмеялась.

— До чего симплексный ребенок! Просто восхитительно! Оставшуюся часть маршрута до Земли ты проделаешь в качестве моего протеже.

— А что Рон и Элмер?

— Они уже снялись. Ллл были переведены на другой корабль.

Джо удивился, затем загрустил, а затем полюбопытствовал:

— Сан-Северина!

— Что?

— Зачем вы все это для меня проделываете?

Она чмокнула его в щеку, затем ловко уклонилась от вялого удара, который попытался нанести ей Дьяк своими рогами. Джо все еще чесал ему брюшко.

— Потому что ты очень красивый парнишка. И очень важный.

— А, — сказал Джо.

— Понимаешь?

— Нет.

И они пошли дальше к кораблю.

* * *

Неделю спустя они стояли на каменистом подъеме, наблюдая за сравнительно небольшим диском солнца, садящегося за Бруклинским мостом. Тонкий червячок воды полз по высохшей канаве черной грязи, которая все еще значилась в путеводителях как Ист-Ривер. Позади них шелестели джунгли, а по другую сторону «реки» сплетенные тросы опускали мост к белым пескам Бруклина.

— Он меньше того, что дома, — заметил Джо. — Но тоже очень милый.

— Похоже, ты расстроен.

— Да, но не из-за моста, — сказал Джо.

— Из-за того, что здесь я должна тебя покинуть?

— Ну... — Он замялся. — Пожалуй, да. Потому что мне кажется, так вам было бы легче. Но я не хочу лгать.

— Правда всегда мультиплексна, — сказала Сан-Северина, — а ты должен взять в привычку иметь дело с мультиплексностью. Так что у тебя на уме?

— Помните, я говорил, какими до сих пор все были милыми? А вы велели мне перестать ожидать, что люди будут милыми, как только я попаду на Землю? Это меня пугает.

— Я еще сказала, что будут существа, отличные от людей, которые будут милыми.

– Но под людьми имеются в виду любые разумные существа из любой жизненной системы. Вы сами меня так учили. Что же они еще, если не люди? — Внезапно он поймал ее за руку. — Вы собираетесь оставить меня совсем одного, и я могу больше никогда вас не увидеть!

— Все верно, — отозвалась Сан-Северина. — Но я не выброшу тебя во Вселенную просто так, без ничего. Поэтому дам тебе небольшой совет: постарайся найти Кома.

— Жлуп... и где я, по-вашему, должен его найти? — Джо снова был озадачен.

— Он слишком большой, чтобы прибыть на Землю. Последний раз я видела его на Луне. Он там какого-то приключения ждал. Ты можешь оказаться именно тем, чего он ждет. Уверена, он будет с тобой мил; со мной он всегда был мил.

— Это не человек?

— Нет. Итак, я дала тебе совет. Теперь я ухожу. У меня куча дел, а кроме того, ты имеешь некоторое представление о той боли, которую я испытываю, пока все не закончу.

— Сан-Северина!

Она ждала.

— В тот день на Крысиной Дыре, когда мы отправились за покупками и вы рассмеялись и назвали меня восхитительно симплексным ребенком... когда вы смеялись, вы были счастливы?

Улыбаясь, она покачала головой:

— Ллл всегда со мной. А теперь я должна идти.

Сан-Северина стала пятиться, пока листья не коснулись ее серебристых губ, платья и кончиков пальцев. Тогда она повернулась и пошла прочь, унося с собой невероятную скорбь владения Ллл. Джо понаблюдал за ней, а затем снова развернулся к Бруклинскому мосту, чтобы увидеть, как последняя точка солнечного света тает на песке.

VIII

Был уже вечер, когда Джо вернулся к транспортному терминалу. Земля представляла собой достаточно крупную туристскую зону, а посему под сверкающим потолком терминала всегда толпился народ. Джо даже еще не начал

задумываться о том, как он собирается попасть на Луну, и со все возрастающим любопытством бродил повсюду, когда к нему вдруг обратился осанистый, хорошо одетый джентльмен.

— Думается мне, мой юный друг, вы тут уже довольно давно, не так ли? Корабля ожидаете?

— Нет, — ответил Джо.

— Я видел вас здесь сегодня днем с очаровательной молодой леди и не смог удержаться от того, чтобы этим вечером вас повидать. Меня зовут Оскар. — Он протянул руку.

— Комета Джо, — сказал Джо и пожал руку.

— Куда путь держите?

— Я бы хотел на Луну попасть. А сюда на попутках от Риса добрался.

— Надо же. Какой длинный путь. Так на какой корабль вы садитесь?

— Не знаю. Наверное, в этом терминале на попутку особо не сядешь. Пожалуй, я на торговой стоянке попробую.

— Конечно, если вам нужна попутка. Впрочем, если мой друг Альфред так и не покажется, вы сможете воспользоваться его билетом. Он уже два корабля пропустил; не знаю, чего ради мне дальше тут болтаться и его ждать. Если не считать того, что мы действительно собирались вместе отправиться.

— На Луну?

— Именно.

— Вот как славно, — сказал Джо, вновь обретая присутствие духа. — Надеюсь, он так сюда и не доберется.

Тут он поймал себя за язык.

— Как симплексно вышло, не правда ли?

— Правда всегда мультиплексна, — провозгласил Оскар.

— Ага. Именно так она и сказала.

— Та молодая леди, с которой вы были сегодня днем?

Джо кивнул.

— А кто она, между прочим?

— Сан-Северина.

— Я слышал это имя. Что же она в этой части галактики делала?

— Просто она купила себе несколько Ллл. Ей кое-какую работу требовалось проделать.

— Купила себе несколько Ллл? И оставила вас без денег на билет? Вы не думаете, что она могла бы ссудить вам сто пять кредиток на билет до Луны?

— О, она очень щедрая,— возразил Джо.— И вы не должны плохо о ней думать из-за того, что она купила Ллл. Ими владеть — страшная тоска.

— Будь у меня деньги, чтобы купить Ллл,— сказал Оскар,— я бы ни о чем не тосковал. Несколько Ллл? Сколько же она купила?

— Семерых.

Приложив ладонь ко лбу, Оскар присвистнул:

— И цена возрастает геометрически! Ведь купить двоих стоит вчетверо больше, чем купить одного. И она не дала вам совсем никаких денег?

Джо покачал головой.

— Невероятно. Вы хоть представляете себе, как сказочно богата должна быть та женщина?

Джо снова покачал головой.

— Сами-то вы не очень сообразительны?

— Я никогда не спрашивал, сколько они стоят, а она мне никогда не говорила. Я был простым челночником на ее корабле.

— Челночником? Как восхитительно! В ваши годы мне тоже хотелось что-то такое отчебучить. Только вот духу никогда не хватало.— Внезапно осанистый мужчина с волнением на лице огляделся.— Послушайте, Альфред, похоже, так и не покажется. Воспользуйтесь его билетом. Просто подойдите к одному из вон тех окошечек и спросите.

— Но у меня нет никаких удостоверений на имя Альфреда,— сказал Джо.

— У Альфреда с собой никогда не бывает удостоверений. Он вечно теряет бумажник и все тому подобное. Всякий раз, как я заказываю для него билет, я всегда особо оговариваю, что у него, скорее всего, не будет с собой никакого удостоверения. Просто скажите, что вы Альфред А. Дуглас. И вам дадут билет. А теперь давайте поспешим.

— Ну ладно.

Сквозь толпу Джо пробрался к одному из окошечек.

— Прошу прощения,— сказал он клерку.— У вас есть билет для А. Дугласа?

Клерк просмотрел папку.

— Да. Вот он. — Он ухмыльнулся Джо. — Должно быть, вы здесь славно время провели.

— Что?

— Этот билет трое суток вас дожидался.

— А, — сказал Джо. — Ну, я вроде как был в неважной форме и не хотел, чтобы родители меня увидели, пока я не приведу себя в порядок.

Клерк кивнул и подмигнул Джо.

— Вот ваш билет.

— Спасибо, — поблагодарил Джо и вернулся к Оскару.

— Посадка на очередной рейс прямо сейчас, — сказал Оскар. — Идемте, идемте. Теперь Альфреду придется найти другой способ туда добраться.

Уже на корабле Джо спросил:

— А вы не знаете, Ком по-прежнему на Луне?

— Наверное, да. Насколько я слышал, он никогда оттуда не выбирается.

— Как по-вашему, трудно мне будет его найти?

— Не думаю... Не правда ли, какой прекрасный отсюда вид?

* * *

Оскар рассказывал еще одну бесцветную историю, пока они шли от терминала на Луне. Яркий полумесяц солнечного света очерчивал пластикупол, что выгибался в миле над их головами.

Справа вдаль уходила череда лунных гор, а позади, будто зелсноватая покерная фишка, висела Земля.

Вдруг кто-то крикнул:

— Вот они!

Какая-то женщина завизжала и отскочила назад.

— Держи их! — крикнул кто-то еще.

— Да что такое... — залопотал Оскар.

Джо огляделся, и привычка заставила его вскинуть левую руку. Но когтей на ней уже не было. Нападавших было четверо — один сзади, один спереди, по одному с боков. Джо пригнулся и налетел на Оскара, который вдруг распался на части. Куски осанистого мужчины закрутились вокруг Джо, падая ему под ноги.

Джо снова огляделся — и тут четверо нападавших тоже взорвались. Их шумно гудящие фрагменты носились в воз-

духе, окружая Джо, уплотняясь вокруг него, замутняя озадаченные лица других высадившихся с того же рейса. Затем они все вдруг плотно слиплись, и Джо оказался в трясущемся мраке. Как только он упал, кругом зажегся свет.

— Бози! — завопил кто-то. — Бози!..

Джо приземлился в дутое кресло в совсем крошечной комнатенке, которая, казалось, куда-то двигалась. Впрочем, уверенности не было. Тут голос Оскара произнес:

— С первым апреля. Тебе сюрприз.

— Жлуп! — рявкнул Джо и встал. — Что еще за жлупня? Что тут происходит?

— С первым апреля, — повторил голос. — Сегодня мой день рождения. А ты хреново выглядишь. Ты что, расстроился?

— Я до смерти перепугался. Что это? Кто вы?

— Я Ком, — сказал Ком. — Я думал, ты понял.

— Что понял?

— Все это дельце с Оскаром, Альфредом и Бози. Я думал, ты просто подыгрываешь.

— Чему подыгрываю? Где я?

— На Луне, конечно. Я просто подумал, так будет удобнее тебя сюда доставить. Дело в том, что Сан-Северина действительно не оплатила твой проезд. Наверное, она подумала, что я сам это сделаю. А кто платит деньги, тот и музыку заказывает. Ну что, так и не понял?

— Чего я не понял?

— Это была всего лишь литературная аллюзия. Я их все время делаю.

— В следующий раз поосторожнее. А что вы, между прочим, за жлуп с горы?

— Я квазивездесущий общелингвистический мультиплекс. Для тебя — просто Ком.

— Что-то вроде компьютера?

— Гм. Более или менее.

— Ну, а дальше что будет?

— Дальше ты мне расскажешь, — ответил Ком. — Я просто помогаю.

— Понятно, — сказал Джо.

Из-за спинки дутого кресла послышалось хихиканье, и Дьяк гоголем вышел оттуда. Усевшись перед Джо, он посмотрел на него с укоризной.

— Куда вы меня везете?

— К моему пульту управления. Там ты сможешь отдохнуть и наметить дальнейшие планы. Сядь спокойно и расслабься. Мы там будем через три-четыре минуты.

Джо откинулся на спинку кресла. Расслабляться он не стал, а вынул из сумки окарину и играл на ней, пока в передней стенке не раскрылась дверца.

— Снова дома, снова дома, назад в тот же день, — нараспев произнес Ком. — Войти не желаешь?

IX

— Я... — Джо бросил свой плащ на пульт управления, — должен... — он швырнул свою сумку в стеклянную стену, — отсюда... — он плюнул на пульт управления, — выбраться! — Его последним жестом стал пинок в адрес Дьяка. Дьяк ловко отскочил.

Джо споткнулся, затем, трясясь от гнева, восстановил равновесие.

— А кто тебя держит? — поинтересовался Ком.

— Ты, наставник жлупов, — проворчал Джо. — Послушай, я здесь уже три недели, и всякий раз, как я готов отправиться в путь, мы заканчиваем одним из тех нелепых разговоров, которые длятся по восемь часов, а потом я слишком устаю. — Он прошел к пульту и подобрал свой плащ. — Ну ладно, жлуп с ним, я дурак. Но почему тебе так нравится это обсасывать? Я ничего не могу поделать с тем, что я темный неплекс...

— Ты не неплекс, — возразил Ком. — Теперь твой взгляд на вещи вполне комплексный — хотя есть в тебе много вполне понятной ностальгии по твоим прежним симплексным представлениям. Порой ты пытаешься поддерживать их просто ради спора. Как в тот раз, когда мы обсуждали сдерживающие психологические факторы в понятии обманчивого настоящего и ты настаивал на том утверждении, что...

— Жлуп, да прекрати же! — взмолился Джо. — Не хочу снова в это влезать. — К этому времени он уже добрался до своей сумки в другом конце помещения. — Я уезжаю. Дьяк, идем.

— Ты, — заметил Ком куда авторитетней обычного, — очень глупо себя ведешь.

— Хорошо, я симплекс. Но я все равно ухожу.

— Интеллект и плексность не имеют друг с другом ничего общего.

— Вот звездолет, которым ты последние четверо суток учил меня управлять, — сказал Джо, указывая через стеклянную стену. — Ты вложил мне в голову гипноимплантат маршрута в первую же ночь, которую я здесь провел. Что под светом семи солнц меня останавливает?

— Ничто тебя не останавливает, — ответил Ком. — И если ты выбросишь из головы мысль, что тебя что-то останавливало, ты сможешь расслабиться и проделать все с умом.

В раздражении Джо повернулся лицом к шестидесятифутовой стене микросхем и логических блоков, поблескивающих индикаторных лампочек и перепрограммирующих клавиатур.

— Пойми, Ком, мне здесь очень нравится. С тобой славно дружить, действительно славно. Но я получаю всю пищу, все упражнения — и я схожу с ума. Думаешь, легко просто выйти отсюда и вот так тебя бросить?

— Не будь так эмоционален, — посоветовал Ком. — На такие отношения я не настроен.

— А ты знаешь, что с тех пор, как я перестал быть челночником, я работал меньше, чем за любой другой такой же период моей жизни?

— Ты также изменился больше, чем за любой другой такой же период твоей жизни.

— Джуп тебе в нос, Ком, да постарайся же понять. — Джо бросил плащ и вернулся к пульту управления — большому столу красного дерева. Вытащив стул, он забрался под стол и прижал к себе колени. — Честно говоря, Ком, я сомневаюсь, что ты действительно понимаешь. А потому слушай. Вот ты тут расположился, в контакте со всеми музеями и библиотеками этой части галактики. У тебя куча друзей вроде Сан-Северины и других людей, которые всегда заглядывают с тобой повидаться. Ты пишешь книги и картины, музыку сочиняешь. Как думаешь, смог бы ты быть счастлив в маленькой моноцродуктной культуре, где субботним вечером совсем нечего делать, кроме как

напиваться, где только один телетеатр и ни одной библиотеки, где, быть может, только четыре человека когда-то учились в университете, да и их ты никогда не видел, потому что они зарабатывали слишком большие деньги, и где все решительно всё про всех знают?

— Нет.

— А вот я смог бы.

— Тогда почему ты уехал?

— Ну, из-за сообщения, а еще потому, что там была масса вещей, которые, как мне кажется, я не до конца ценил. Мне кажется, я не был готов уехать. Ты бы не смог быть там счастлив. А я бы смог. Вот так все просто, и я правда не думаю, что ты до конца это понимаешь.

— Понимаю, будь уверен, — отозвался Ком. — Очень надеюсь, что ты сможешь в каком-то подобном месте быть счастлив. Потому что именно они составляют большую часть Вселенной. Ты обречен проводить массу времени в подобных местах, и если ты не способен их ценить, все выходит очень печально.

Дьяк заглянул под стол, а затем прыгнул Джо на колени. Под столом всегда было на несколько градусов теплее, и два теплокровных существа, Дьяк и Джо, по отдельности или вместе, снова и снова выбирали это прибежище.

— А теперь ты послушай, — сказал Ком.

Джо привалился головой к стенке стола. Дьяк спрыгнул с его коленей, вышел — и считаные секунды спустя вернулся, волоча пластиковую сумку. Джо открыл сумку и достал окарину.

— Есть вещи, про которые я могу тебе рассказать, и про бóльшую их часть я уже рассказал. Есть вещи, про которые ты должен меня спрашивать. Ты пока что спросил про очень немногие. Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне. И если нам предстоит остаться друзьями — что очень важно и для тебя, и для меня, — это положение должно измениться.

Джо отложил окарину:

— Это верно, Ком. Я не так много о тебе знаю. Откуда ты взялся?

— Меня построил один умирающий Ллл, чтобы я вместил его распадающееся сознание.

— Ллл? — переспросил Джо.

— Ты ведь про них уже почти забыл, правда?

— Нет, не забыл.

— Так что мой разум — это разум Ллл.

— Но ты не ввергаешь меня в скорбь.

— Я наполовину Ллл и наполовину машина. Поэтому я лишился защиты.

— Так ты Ллл? — снова с недоверием спросил Джо. — Надо же, никогда не приходило в голову. А теперь, когда ты мне сказал, ты не думаешь, что это несколько меняет дело?

— Сомневаюсь, — сказал Ком. — Но если ты что-нибудь скажешь про кого-то из своих лучших друзей, я почти все уважение к тебе потеряю.

— При чем тут лучшие друзья? — спросил Джо.

— Еще одна аллюзия. Все точно так же, как с предыдущей.

— Послушай, Ком, а почему бы нам не отправиться дальше вместе? — вдруг предложил Джо. — Я уезжаю — это я уже решил. Так почему бы и тебе со мной не отправиться?

— Отличная мысль. Я уже думал, ты никогда не предложишь. Так или иначе, это единственный способ отсюда выбраться. Конечно, зона, в которую мы отправляемся, очень враждебна для свободного Ллл. Это непосредственная территория Империи. Они защищают Ллл и очень сильно расстраиваются, если кто-то сбрасывает их защиту и сам решает оставаться свободным. За ними уже числятся кое-какие отчаянные жестокости.

— Ну, если кто-то спросит, просто скажи, что ты компьютер. Как я уже говорил, я бы ничего не узнал, если бы ты сам не сказал.

— Я ничего не намерен скрывать, — твердо сказал Ком.

— Тогда я скажу, что ты компьютер. Но давай уже двигаться. А то мы здесь еще много часов проторчим. Я уже чувствую, как очередная дискуссия завязывается. — Джо вылез из-под стола и направился к двери.

— Комета!

Джо остановился и оглянулся через плечо.

— Что? Только уж теперь мнения не меняй.

— Нет-нет. Я определенно отправляюсь. Но вот что... Скажем, если бы я — а теперь будь откровенен — просто

волокся бы по улице, ты правда думаешь, что люди сказали бы: «Вон идет квазивездесущий общелингвистический мультиплекс» — и не подумали бы про Ллл?

— Именно так я бы и сказал. Если бы вообще что-то сказал.

— Хорошо. Вылетай по трубе до Джорнал-сквер, и через сорок минут я там с тобой встречусь.

Дьяк осьмин ожил вслед за Джо, пока тот по пыльной, растрескавшейся равнине Луны бежал к яйцевидному звездолету.

* * *

Труба представляла собой искусственный стазис-поток, который быстро переправлял корабли по ту сторону Плутона, откуда они могли покидать систему, не опасаясь тяжелых повреждений солнечной пылью. Громадная пластиковая плита десяти миль в поперечнике поддерживала здания, собственную атмосферу и несколько развлекательных зон. Припарковав корабль на боковой улочке, Джо вышел на прохладный воздух.

На площади солдаты практиковались в строевой подготовке.

— Зачем они это делают? — спросил Джо мужчину в форме, отдыхавшего в стороне.

— Это полевая бригада Имперской армии. Через несколько дней они отбывают, надолго здесь не задержатся.

— Да я не против, — сказал Джо. — Просто любопытно.

— Ну-ну, — сказал солдат, но никакого дальнейшего объяснения не предложил.

— А куда они отправляются? — после паузы поинтересовался Джо.

— Послушай, — проговорил солдат, поворачиваясь к Джо, точно к назойливому ребенку, — все, связанное с Имперской армией, чего ты не видишь непосредственно, представляет собой военную тайну. Если место назначения бригады тебя не касается, забудь про него. А если касается, попробуй получить допуск у принца Нактора.

— У принца Нактора? — переспросил Джо.

— Вон у того. — Солдат указал на смуглого мужчину с козлиной бородкой, который командовал одним из взводов.

— Не думаю, что касается, — сказал Джо.

Мужчина с презрением на него посмотрел, затем встал и направился прочь. Черные плащи дружно взлетели, когда солдаты выполнили резкий разворот.

Тут среди зрителей началась какая-то суматоха. Все стали смотреть вверх, тыкать пальцами и возбужденно переговариваться.

Ловя солнечные лучи, штуковина крутилась в сторону площади, все вырастая и вырастая в размере. Она была приблизительно кубической формы и неопределенно огромная! Когда одна грань обращалась к свету, другая исчезала, пока Джо вдруг не восстановил свое чувство пропорции: штуковина была почти четверть мили в длину по каждой стороне.

Она ударилась о площадь — и Джо, а также все солдаты и одно из самых высоких зданий разом упали. Началась массовая паника, завыли сирены, какие-то люди неслись к неведомому объекту и от него.

Джо пустился бежать к штуковине. Низкая гравитация позволяла двигаться очень быстро. После удара в площади появилась пара крупных неровных трещин. Перепрыгнув одну из них, Джо увидел под собой звезды.

Наконец, затаив дыхание, Джо приземлился на другой стороне и дальше стал продвигаться намного медленней. Кубический объект, сообразил он, был покрыт каким-то кипящим студнем; студень казался до боли знакомым, но Джо так и не смог вспомнить, где он его видел. Грань объекта, обращенная к нему, как смог различить Джо сквозь ее слегка дымящийся склон, была стеклянной. А за стеклом в трансплутонской ночи смутно просматривались микросхемы, логические блоки и слабое свечение индикаторных лампочек.

— Ком! — заорал Джо, устремляясь вперед.

— Тсс,— прошипел знакомый голос, приглушенный студнем. — Я тут стараюсь внимания не привлекать, а ты орешь как резаный.

Теперь туда примаршировали и солдаты.

— Так, а это еще что за ерундовина? — спросил один.

— Это квазивездесущий общелингвистический мультиплекс, — объяснил другой.

Первый почесал в затылке и оглядел всю поверхность стены.

— Да уж, чертовски вездесущий.

Третий солдат изучал край трещины в площади.

— Пожалуй, теперь придется доставить сюда долбаного Ллл, чтобы это дело поправить.

— Пусть только кто-нибудь из них мне что-то в лицо скажет, — прошептал Ком. — Пусть только скажет...

— Да заткнись, — сказал Джо. — Или жлун ты на моей дочери женишься.

— Это еще что?

— Аллюзия, — объяснил Джо. — Я тут на прошлой неделе кое-что почитал, пока ты дрых.

— Очень, очень смешно, — одобрил Ком.

Солдаты побрели прочь.

— Вонючего Ллл сюда не доставят, — сказал один из солдат, почесывая за ухом. — Это солдатская работенка. Все равно всем настоящим строительством здесь занимаемся мы. Хотя очень бы не мешало, чтобы где-то в округе и впрямь какой-нибудь долбаный Ллл оказался.

Несколько индикаторных лампочек Кома сменили цвет под студнем.

— Что это на тебе за жлупня? — осведомился Джо, отступая назад.

— Мой звездолет, — объяснил Ком. — Я использую органиформу. Для неодушевленных объектов вроде меня она гораздо удобнее. А ты что, раньше ее не видел?

— Не видел... нет, видел! Там, на Рисе. Именно в такой ерунде прибыл тритонец и другие существа.

— Странно, — удивился Ком. — Обычно они органиформами не пользуются. Они не очень-то неодушевленные.

Вокруг компьютера собралось еще больше народу. Сирены завыли ближе.

— Давай отсюда убираться, — предложил Джо. — У тебя все в порядке?

— Все отлично, — отозвался Ком. — Я просто про площадь подумал.

— Израненная, но непокоренная, — сказал Джо. — Еще одна аллюзия. Давай вперед, и разведаем, как там на Тантамаунте.

— Идет, — согласился Ком. — Отойди. Я стартую.

Последовало бульканье, затем чудовищный всос — и Джо запатался на ветру. Люди опять заорали.

Снова оказавшись у Джо в корабле, Дьяк спрятался под приборным щитком, держа передние лапы над головой. Джо ткнул кнопку взлета, и робокоманда взялась за дело. Сумато-шная площадь резко упала вниз. Джо проделал гиперстазисную проверку, затем просигналил для прыжка.

Генераторы стазиса заструячили, и корабль начал соскальзывать в гиперстазис. Джо еще не кончил скользить, когда корабль вдруг накренился, и его бросило на приборный щиток. Спружинив на кистях, Джо отскочил. Руки тут же заныли. Дьяк заверещал.

— Смотри, куда прешь, — рявкнул голос из динамика.

X

Джо осторожно извлек свои клыки из нижней губы.

— Тут тебе не шахматы, — продолжил голос. — Если займешь мою клетку, меня с доски не снимут. Другой раз смотри.

— Жлуп... — промычал Джо, вытирая рот.

— Тебе того же — и в двойном размере.

Джо покачал головой и напялил сенсорный шлем. Пахло в шлеме лежалым жлупом. А звучал он как металлолом, который сплющивают под гидравлическим прессом. Зато вид давал просто роскошный.

Пандусы дугами уходили к строениям, что распускались, точно цветки. Тонкие шпили извергались на их кончиках металлическими фонтанами, а хрупкие наблюдательные купола поддерживались изящными пилонами.

— Ты мог бы, по крайней мере, оттуда вылезти и посмотреть, не причинил ли ты нам серьезного ущерба.

— Ах, — спохватился Джо. — Да-да. Конечно.

Добравшись до шлюза, он уже собрался было его открыть, как вдруг заметил, что сигнальная лампочка все еще горит.

— Послушайте, — крикнул он в интерком. — Там нет воздуха.

— Я думал, ты сам об этом позаботишься, — отозвался голос. — Сейчас. — Лампочка погасла.

— Спасибо, — поблагодарил Джо и отпустил запор. — А вы вообще-то кто?

Снаружи шлюза по одному из пандусов спускался лысеющий мужчина в белом халате.

— Щенок, ты только что чуть на Геодезическую исследовательскую станцию не налетел. — На самом деле голос оказался совсем не так грозен. — Пока эта атмосфера не разлетелась, тебе лучше в силовое поле войти. О чем ты, хлесть-хлобысть, себе думал?

— Я как раз заканчивал стазисный прыжок по дороге на Тантамаунт. Довольно симплексно с моей стороны, не правда ли? — Джо направился обратно вверх по пандусу вместе с мужчиной, который в ответ на его реплику пожал плечами.

— Таких приговоров я не выношу, — сказал затем мужчина. — А теперь скажи мне свою специальность.

— Сомневаюсь, что она у меня есть.

Мужчина нахмурился:

— Не думаю, что нам прямо сейчас синтезатор требуется. Они обычно предельно долгоживущие.

— Я знаю почти все, что можно знать, о взращивании и хранении миназина, — сказал Джо.

Мужчина улыбнулся:

— Боюсь, от этого мало толку. Мы дошли только до сто шестьдесят седьмого тома: «Бба до Ббааб».

— Его обычно жлупом называют, — добавил Джо.

Мужчина по-доброму ему улыбнулся:

— «Ж» еще очень далеко. Но если ты проживешь еще лет пятьсот—шестьсот, мы примем твое заявление.

— Спасибо, — поблагодарил Джо. — Но тогда я уже наверняка об этом забуду.

— Очень хорошо, — сказал мужчина, поворачиваясь к нему. — До свидания.

— Эй, а как насчет ущерба моему кораблю? Вы не собираетесь его проверить? Кстати говоря, вам тут быть не полагалось. Я получил допуск на этот маршрут.

— Вот что, молодой человек, — произнес джентльмен. — Во-первых, у нас есть приоритет. Во-вторых, если вам не нужна работа, вы злоупотребляете нашим гостеприимством, бессовестно тратя наш воздух. В-третьих, здесь проводится предварительная работа к статье «Биология человека», и если вы еще хоть чуть-чуть меня достанете, я спишу вас в качестве пробного экземпляра и дам моим лаборан-

там разрезать вас на кусочки. Будьте уверены, именно так я и поступлю.

— А как же мое сообщение? — поинтересовался Джо. — Я должен доставить на Имперскую звезду сообщение, связанное с Ллл. Это очень важно. Вот почему, кстати говоря, я сюда и воткнулся.

На лице мужчины застыла враждебность.

— В конечном итоге,— ровным голосом проговорил он,— мы завершим наш проект, и тогда знания будет столько, что Ллл станут экономически невыгодны, ибо строительство прекрасно будет проходить и без них. Если вы хотите блага Ллл, я немедленно прикажу настругать вас на ломтики. Мой отец сейчас как раз работает над аденоидами. Массу работы предстоит проделать над бицепсами. Мы только-только приступили к вульве и гипофизу, а двенадцатиперстная кишка остается полной загадкой. Если вам так нужно передать ваше сообщение, передайте его здесь.

— Но я даже не знаю, в чем оно заключается! — воскликнул Джо, пятясь к краю силового поля. — Пожалуй, я лучше пойду.

— Как раз для таких проблем, как ваша, у нас есть компьютер, — сказал мужчина. — Но только ни одного глотка нашего воздуха вы больше не получите,— добавил он, бросаясь на Джо.

Увидев его бросок, Джо убрался в сторонку.

Силовое поле было проницаемо, и он вынырнул наружу. Подскочив к шлюзу корабля, он захлопнул его за собой. Буквально секунду спустя вспыхнула сигнальная лампочка.

Джо переключил систему на задний ход и взмолился, чтобы автопилот по-прежнему мог сообщаться с потоками и переходить на более глубокий уровень стазиса. Слегка судорожно, но все же автопилоту это удалось. Геодезическая исследовательская станция пропала с обзорных пластин сенсорного шлема, который Джо оставил на приборном щитке.

* * *

Джо легко состыковался с Комом на орбите Тантамаунта. Это была планета застывшего метана с такой вулканической активностью, что корка ее поверхности постоянно рвалась и ломалась.

Тантамаунт в одиночестве вращался вокруг белого карлика, так что со стороны они напоминали два глаза: один разукрашенный драгоценностями и сверкающий, другой серебристо-серый, шпионящий в ночи.

— Ком, я хочу домой. Обратно на Рис. Плевать на все это дело.

— Это еще почему? — пришел из интеркома недовольный голос компьютера.

Джо развалился в кресле, мрачно разглядывая свою окарину.

— Мультиплексная Вселенная меня не привлекает. Она мне не по вкусу. Жлуппя, и больше ничего. Хочу убраться от нее куда подальше. Я теперь комплексный, и это очень плохо, это ошибка. Если я когда-нибудь вернусь на Рис, я изо всех сил постараюсь быть симплексным. Правда.

— Да что тебя заело?

— Просто мне люди не нравятся. Вот так все просто. Ты когда-нибудь о Геодезической исследовательской станции слышал?

— Конечно. Ты на них налетел?

— Ага.

— Вот неудача. Что ж, в этой мультиплексной Вселенной есть несколько вещей, с которыми приходится иметь дело. И одна из этих вещей — симплексность.

— Симплексность? — переспросил Джо, — Ты о чем?

— И тебе следует быть благодарным, что ты уже приобрел столько мультиплексности. Иначе живым тебе оттуда не выбраться. Я слышал рассказы о других симплексных существах, которые с ними столкнулись. И как в воду канули.

— Так они симплексные?

— Да, черт побери. Ты что, сам не понял?

— Но они там кучу информации накапливают. И место, где они живут, — оно такое красивое. Идиотам такого не построить.

— Во-первых, почти всю Геодезическую исследовательскую станцию построили Ллл. А во-вторых, как я уже не раз тебе говорил, интеллект и плексность совсем не обязательно идут рука об руку.

— Откуда мне было знать?

— Полагаю, не вредно очертить симптомы. Задали тебе там хоть один вопрос?

— Нет.

— Это первый признак, хотя и не решающий. Судили они о тебе верно, насколько ты мог понять из их высказываний?

— Нет. Они подумали, я работу ищу.

— А это подразумевает, что они должны были задать вопросы. Мультиплексное сознание всегда задает вопросы, если это необходимо.

— Я помню, — сказал Джо, откладывая окарину. — Когда Чарона пыталась меня просветить, она спросила, что самое важное на свете. Не сомневаюсь, если бы я их об этом спросил, они бы ответили, что самое важное — их проклятый словарь, или энциклопедия, или что там у них еще.

— Очень хорошо. Всякий, кто дает несообразный ответ на этот вопрос, является симплексом.

— Я ответил, что жлуп, — припомнил Джо.

— Они развернули процесс каталогизации всего знания во Вселенной.

— Это как нить дать важнее жлупа, — заметил Джо.

— С комплексной точки зрения — возможно. А с мультиплексной точки зрения это примерно одно и то же. Кстати говоря, они взялись за чертовски трудную задачу. Когда я в последний раз про них слышал, они уже добрались до «Б», но уверен, что у них нет ничего про «Ааааааааааааавдкс».

— Про... что ты сейчас сказал?

— Это название довольно запутанного набора детерминистских моральных оценок, сделанных посредством релятивистского взгляда на динамический момент. Несколько лет назад я его изучал.

— Лично мне термин незнаком.

— Так я сам его и ввел. Но то, что он означает, весьма реально и вполне стоит научной статьи. Не думаю, что они смогли бы его хотя бы осмыслить. Но отныне я буду ссылаться на него как на «Ааааааааааааавдкс», и теперь мы двое знаем это слово, так что оно законно.

— Кажется, суть я ухватил.

— А кроме того, каталогизация всего знания, даже всего доступного знания, хотя и достойна восхищения, все-таки... гм, иначе как симплексна, и не скажешь.

— Почему?

— Можно выучиться всему, что требуется знать, или можно выучиться тому, что хочешь знать. Однако потребность выучиться всему, что хочешь знать, а именно этим занимается Геодезическая исследовательская станция, рассыпается даже чисто семантически. А что такое с твоим кораблем?

— Опять Геодезическая исследовательская станция. Мы столкнулись.

— Не нравится мне, как он выглядит.

— Стартовал я довольно дергано.

— Нет, он мне совсем не нравится. Особенно если учесть, как далеко нам предстоит отправиться. Почему бы тебе не перебраться сюда и не путешествовать вместе со мной? Эта органиформа просто замечательная, и, по-моему, я мало-мальски держу свои взлеты и посадки под контролем.

— Если ты обещаешь не сломать мне хребет, когда мы приземлимся.

— Обещаю, — заверил Ком. — Сейчас я раскроюсь. Развернись влево, а потом можешь оставить свой драндулет там, где он сейчас стоит.

Они вступили в контакт.

— Послушай, Джо, — сказал Ком, когда гибкая трубка присоединилась к его воздушному шлюзу, — если ты правда хочешь, ты еще можешь вернуться. Но скоро наступит момент, после которого вернуться будет куда сложнее, чем двигаться дальше. Ты получил массу весьма специфических знаний. Ведь не только мы с Сан-Севериной старались тебя обучить. Ты еще на Рисе учился.

Джо вошел в трубку.

— Я все еще хочу домой. — Он замедлил шаг, двигаясь к аппаратной. — Порой, Ком, даже если ты симплекс, ты спрашиваешь себя: кто я такой? Ладно, раз ты говоришь, что Геодезическая исследовательская станция симплексна, мне от этого гораздо легче. Но я по-прежнему самый обычный парень, которому хотелось бы вернуться на жлуповое поле и, если повезет, разогнать пару-другую диких кепардов. Вот кто я такой. Вот что я знаю.

— Если ты вернешься, ты выяснишь, что окружающие очень похожи на тех, кого ты обнаружил на Геодезической

станции. Ты покинул свой дом, Джо, потому что не был там счастлив. Помнишь почему?

Джо уже добрался до аппаратной, но остановился у входа, обеими ладонями упираясь в косяки.

— Жлуп, да конечно. Жлуп даю, помню. Потому что я подумал, что я другой. А тут подвернулось сообщение, и я подумал, что это доказательство того, что я особенный. Иначе бы мне его не дали. Понимаешь, Ком, — он подался чуть вперед, — если б я действительно знал, что я какой-то особенный — то есть если б я был уверен, — тогда бы меня так не расстраивала всякая ерунда вроде исследовательской станции! Но почти все время я чувствую себя потерянным, несчастным и самым обычным. Хуже жлупа.

— Ты — это ты, Джо. Ты — это ты и все, что в тебя вошло. Начиная с того, как ты часами сидишь и наблюдаешь за Дьяком, когда хочешь поразмыслить, и кончая тем, как ты откликаешься на десятую долю секунды быстрее в ответ на что-то синее, чем на что-то красное. Ты — это все, о чем ты когда-либо думал, на что надеялся, а также все, что ты ненавидел. И все, чему ты выучился. Ты очень многому выучился, Джо.

— Но если б я только знал, что это мое, Ком. Вот в чем я хочу быть уверен: что сообщение действительно важное и что только я смогу его доставить. Если б я действительно знал, что все полученное образование сделало меня... каким-то до жлупа особенным, тогда я с легкой душой пошел бы дальше. Жлуп, да я бы просто счастлив был это проделать.

— Пойми, Джо, ты — это ты. И в этом ровно столько важности, сколько ты сам пожелаешь этому придать.

— Возможно, это самое важное на свете. Знаешь, Ком, если есть ответ на этот жлупатый вопрос, то самое важное — это знать, что ты — это ты, и никто другой.

Как только Джо вошел в аппаратную, из динамиков коммуникационного блока послышался шелест. Пока Джо оглядывался вокруг, шелест усилился.

— Что это, Ком?

— Точно не знаю.

Дверь закрылась, трубка отскочила, и разбитый корабль потянуло прочь. Джо наблюдал за ним через стеклянную стену, покрытую смутно искажающей обзор органиформой.

Теперь из динамика доносился смех.

Дьяк одной лапой почесал за ухом.

— Оно вон оттуда идет, — сказал Ком. — И чертовски быстро.

Смех стал громче, достиг уровня истерики, наполнил собой высокий отсек. Что-то пронеслось мимо стеклянной стены Кома, затем развернулось и, подлетев вплотную, зависло в двадцати футах.

Смех прекратился, и вместо него слышалось изнуренное дыхание.

Зависшая снаружи штуковина выглядела как большой кусок скалы с отполированной передней гранью. Когда они слегка сместились в сиянии Тантамаунта, под поверхностью проглянул белый свет. Тут Джо понял, что отполированная плита прозрачна.

За ней вперед подалась чья-то фигура — руки ее были подняты над головой, ноги широко расставлены. Даже отсюда Джо было хорошо видно, как грудь фигуры вздымается в такт со вдохами и выдохами, которые штормом прорывались в аппаратную.

— Жлуп, Ком, да убавь же ты громкость!

— Ах, извини.— Пыхтение перестало быть чем-то у Джо в голове и осело до разумного звука в солидном числе футов от него.— Ты с ним поговоришь или я?

— Давай ты.

— Кто ты? — спросил Ком.

— Ни Тай Ли. А ты, черт возьми, кто такой интересный?

— Я Ком. Я слышал о тебе, Ни Тай Ли.

— А я о тебе, Ком, никогда не слышал. Но, похоже, следовало. Почему ты такой интересный?

— Кто он такой? — прошептал Джо.

— Тсс, — прошипел Ком. — Потом расскажу. Так что ты, Ни Тай Ли, здесь делал?

— Я бежал вон к тому солнцу, смотрел на него, думал, какое оно красивое, и смеялся, потому что оно было такое красивое, и смеялся, потому что оно должно было меня уничтожить и все равно остаться красивым, и я писал стихи о том, какое красивое это солнце и какая красивая планета, что возле него кружит; и все это я делал, пока не увидел что-то более интересное, а интересным мне показалось выяснить, кто ты такой.

— Тогда зайди на борт и еще кое-что выяснишь.

— Я уже знаю, что ты квазивездесущий общелингвистический мультиплекс с Ллл-базированным сознанием, — ответил Ни Тай Ли. — Есть что-то еще, что мне следует выяснить, прежде чем я поплыву в огонь?

— У меня на борту парень твоего возраста, о котором ты совсем ничего не знаешь.

— Тогда я иду. Давай твою трубку. — И он пустился вперед.

— Откуда он знает, что ты Ллл? — спросил Джо, когда кусок скалы приблизился.

— Не знаю, — сказал Ком. — Некоторые люди могут прямо так сказать. Они намного лучше, чем те, которые битый час с тобой сидят, прежде чем удосужатся спросить. Только ручаюсь, что он не знает, какой я именно Ллл.

Трубка соединилась с судном Ни. Секунду спустя дверца раскрылась, и Ни Тай Ли неторопливо вошел. Затем он, держа большие пальцы в карманах брюк, огляделся.

На Джо по-прежнему был черный плащ, который ему в Крысиной Дыре купила Сан-Северина. Ни Тай Ли, однако, выглядел как настоящий челночник. Он был босиком, без рубашки и в выцветших рабочих брюках с одним насквозь протертым коленом. Слишком длинные светлые волосы с серебряным отливом в беспорядке падали ему на уши и лоб; на лице с высокими скулами горели раскосые восточные глаза асфидно-черного цвета.

Эти глаза сосредоточились на Джо, и Ни Тай Ли улыбнулся.

— Привет, — сказал он и шагнул вперед.

Он протянул руку, и Джо с трудом заставил себя ее пожать.

На пальцах правой руки гостя были когти.

Ни склонил голову набок:

— Хочу написать стихи о выражениях, которые только что пробежали по твоему лицу. Ты с Риса, ты привык работать на жлуповых полях, греться у костров в Новый Цикл и убивать кепардов, когда они прорываются за ограду. — Не открывая рта, он испустил одновременно и грустное, и довольное хмыканье. — Эй, Ком, теперь я все про него знаю, а потому иду дальше. — Он повернулся к дверце.

— Ты был на Рисе? — спросил Джо. — Ты правда был на Рисе?

Ни развернулся обратно:

— Да, был. Три года назад. Добрался туда на попутке как челночник и довольно долго проработал на седьмом поле. Там я вот это и приобрел. — Он показал когти.

Горло Джо запульсировало болью, которой он не испытывал с тех пор, как играл для Ллл.

— Я работал на седьмом поле как раз перед Новым Циклом.

— А смотритель Джеймс не вбил малость ума в своего придурочного сыночка? Я очень со многими лажу, но с этим упрямым бараном четырежды в драку ввязывался. Один раз чуть его не убил.

— Я... я его убил, — прошептал Джо.

— Ух ты, — сказал Ни и подмигнул. — Славно. Хотя не сказал бы, что удивлен. — Вид у него тем не менее был потрясенный.

— Ты правда там был? — спросил Джо. — Ведь ты не просто читаешь у меня в голове?

— Я там был. Собственной персоной. Три с половиной недели.

— Не очень долго, — заметил Джо.

— Я и не сказал, что долго.

— Но ты правда там был, — повторил Джо.

— Эта Вселенная, приятель, довольно тесна. Очень скверно, что твоя культура такая симплексная, иначе о тебе стоило бы побольше узнать и я бы здесь задержался. А так... — Он снова повернулся к выходу.

— Погоди! — крикнул Джо. — Я хочу... мне очень нужно с тобой поговорить.

— В самом деле?

Джо кивнул.

Ни Тай снова сунул руки в карманы.

— Давно уже я никому не требовался. Это, должно быть, достаточно интересно, чтобы написать об этом стихи. — Он вразвалку прошел к пульту управления и сел на стол. — Тогда я тут немного поболтаюсь. О чем тебе нужно поговорить?

Джо молчал, а мозг его лихорадочно работал.

— Ж-жлуп... скажи, из чего твой звездолет сделан? — наконец спросил он.

Ни Тай посмотрел в потолок.

— Эй, Ком, — крикнул он. — Этот парень надо мной издевается? На самом-то деле ему совсем не нужно знать, из чего сделан мой корабль, так? Если он надо мной издевается, я лучше пойду. Люди без конца надо мной издеваются, я все про это знаю, и это меня совсем не интересует.

— Ему просто надо разогреться перед важными вещами, — сказал Ком. — А тебе следует иметь терпение.

Ни Тай снова взглянул на Джо:

— А знаешь, он прав. Из моих стихов вечно выпадают слова и строфы, потому что я слишком быстро пишу. Тогда их никто не понимает. С другой стороны, я не слишком много знаю про то, как быть терпеливым. В конце концов, это должно быть очень интересно. Это твоя окарина?

Джо кивнул.

— Я на одной из таких штуковин играл.

Ни Тай поднес ее к губам и сыграл бодрую, яркую мелодию, которая в конце неожиданно замедлилась.

Комок в горле у Джо заметно уплотнился. Мотив оказался первой песенкой, которую он выучил на этом инструменте.

— Только эту мелодию я и знаю. Надо было подольше этим позаниматься. На, поиграй. Может, это тебя разогреет.

Джо только головой покачал.

Ни Тай пожал плечами, покрутил окарину в руках, затем спросил:

— Так больно?

— Да, — после паузы отозвался Джо.

— Ничем не могу помочь, — сказал Ни Тай. — Я и так только что массу вещей проделал.

— Можно мне вмешаться? — спросил Ком.

Ни снова пожал плечами:

— Конечно.

Джо кивнул.

— В процессе чтения, Джо, ты выяснишь, что некоторые авторы, похоже, открыли все, что ты открыл, проделали все, что ты проделал. Есть такой древний научный фантаст по имени Теодор Старджон, который расстраивает меня всякий раз, как я его читаю. Похоже, он видел каждый отблеск света на окне, каждую тень листа на сетчатой двери, которые когда-либо видел я; он занимался всем, чем я когда-либо

занимался, — от игры на гитаре до двухнедельного спуска на лодке по Арканзас-Пасс, что в штате Техас. И он предположительно писал художественную литературу, и было это четыре тысячи лет назад. Дальше ты выяснишь, что масса других людей находит то же самое в том же самом писателе — людей, которые не делали ничего из того, что ты делал, и не видели ничего из того, что ты видел. Это редкий тип писателя. Но Ни Тай Ли именно такого типа. Я читал многие твои стихи, Ни Тай. Моя оценка, если бы потребовалось ее дать, только усилила бы мое изумление.

— Ага, — отозвался Ни Тай. — Спасибо. — И он нацепил на лицо ухмылку слишком широкую, чтобы ее спрятать, даже хотя он смотрел на свои колени. — Большинство самых лучших я потерял. Или не записал. Хотел бы я показать тебе некоторые из них. Они правда замечательные.

— Мне бы тоже этого хотелось, — сказал Ком.

— Эй, приятель. — Ни Тай поднял глаза на Джо. — Ведь я тебе нужен. Но я даже не могу вспомнить, про что ты спросил.

— Про твой корабль, — напомнил Джо.

— Я просто выдолбил кусок непористого метеора и привинтил сзади мотор «кейзон», да еще установил управление на огневую проницаемость.

— Да-да! — воскликнул Ком. — Именно так это и было проделано! Привинтил «кейзон» с левовинтовым храповиком. Отвертку в обратную сторону крутишь, верно? Это было годы тому назад, но кораблик вышел такой красивый!

— Про отвертку ты прав, — сказал Ни Тай. — Только я плоскогубцы использовал.

— Это не важно. Главное, что ты действительно это сделал. Я же тебе, Джо, сказал — с некоторыми писателями просто кошмар какой-то.

— Впрочем, есть одна проблема, — сказал Ни Тай. — Я никогда ничем не занимался достаточно долго, чтобы действительно это узнать. Занимался ровно столько, чтобы определить это в строчке или предложении, а затем переходил на что-то другое. Боюсь, порой я только думаю. И пишу, чтобы заменить все те вещи, которых реально сделать не могу.

Тут я ощутил легкую боль. То же самое я сказал Норну за час до того, как мы разбились на Рисе, когда мы обсуждали мою последнюю книгу. Помните? Я — Самоцвет.

— Но ты всего лишь мой ровесник, — наконец сказал Джо. — Как же ты смог так рано все это сделать и обо всем этом написать?

— Ну, я... то есть я хочу сказать... пожалуй, я даже и не знаю. Я просто делаю. Наверное, очень многого я никогда не сделаю, потому что слишком занят писаниной.

— Еще одно вмешательство, — сказал Ком. — Ничего, если я кое-что ему расскажу?

Ни Тай пожал плечами.

— Это как с Оскаром и Альфредом, — сказал Ком.

Ни Тай, похоже, испытал сильное облегчение.

— Или как с Полем В. и Артюром Р., — добавил он.

— Как с Жаном К. и Раймоном Р., — в тон ему сказал Ком.

— Или с Вилли и Колетт.

— Это рекуррентный литературный образчик, — объяснил Ком. — Писатель постарше, писатель помоложе, зачастую почти ребенок, — и какая-то трагедия. В результате нечто чудесное дарется миру. Это случается каждые двадцать пять или пятьдесят лет со времен романтизма.

— А кто был писателем постарше? — спросил Джо.

Ни Тай опустил глаза:

— Мюэльс Эрэйнилид.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Джо.

Ни Тай вздрогнул:

— Да ну. Мне казалось, эту скверную историю все на свете знают.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — сказал Джо.

— Сомневаюсь, что это тебе удастся, — вмешался Ком. — А то, что случилось, было очень, очень трагично.

— Эрэйнилид был Ллл. — Ни Тай перевел дыхание и начал рассказывать: — Мы вместе совершили длинное путешествие, и...

— Ты совершил длинное путешествие с Ллл?

— Ну, на самом деле он был только отчасти... — Тут он замялся. — Нет, ничего не могу поделать, — сказал он. — Это из-за того, что я натворил. Клянусь, ничего не могу поделать.

— Значит, ты знаешь про скорбь Ллл, — сказал Джо.

Ни Тай кивнул:

— Еще как. Понимаешь, я его продал. Я был в отчаянии, я нуждался в деньгах, и он велел мне действовать.

— Ты его продал? Но почему...

— Экономика.

— Жлуп.

— И на эти деньги я купил не такого дорогого Ллл, чтобы заново отстроить мир, который мы разрушили; так что я знаю и про скорбь Ллл, и про скорбь владельца Ллл — пусть даже это был совсем маленький мир и много времени он не занял. Несколько дней назад я объяснял это Сан-Северине, и она очень расстроилась — она тоже купила и продала Ллл и использовала их для воссоздания...

— Ты знаешь Сан-Северину?

— Да. Она давала мне уроки интерлинга, когда я был челночником...

— Нет! — воскликнул Джо.

Склонив голову, Ни Тай прошептал:

— Клянусь, я ничего не могу поделать! Клянусь!

— Не-ет! — Отвернувшись к стене, Джо прижал ладони к ушам, сел на корточки и закачался.

— Ком! — крикнул Ни Тай. — Ты сказал, он во мне нуждается?

— Да, и ты прекрасно его нужду удовлетворяешь.

Джо резко развернулся:

— Вон отсюда!

Ни Тай, похоже, испугался и слез со стола.

— Это моя жизнь, не твоя! Моя, жлуп! — Джо схватил когтистую руку Ни. — Моя. Я от нее отказался — но это не значит, что ты можешь ее получить.

Ни сделал быстрый вдох.

— Это уже неинтересно, — торопливо проговорил он, отодвигаясь от стола. — Через это я уже много раз проходил.

— А я нет! — выкрикнул Джо. Он чувствовал себя так, будто что-то у него внутри изнасиловали и унизили. — Ты не смеешь воровать мою жизнь!

Внезапно Ни оттолкнул его. Джо упал на пол, и поэт встал над ним, тоже трясясь от возбуждения.

— Какого жлупа ты решил, что она твоя? Может, это ты у меня ее украл. Почему я никогда ничего не могу закончить?

Почему всякий раз, как я получаю работу, влюбляюсь, завожу ребенка, меня вдруг срывает прочь и бросает в очередную кучу дерьма, откуда мне снова надо начинать ту же

самую мышиную возню? Не ты ли это со мной проделываешь? Не ты ли отрываешь меня от того, что мое, забираешь себе тысячи роскошных жизней, которые я начал? — Внезапно он закрыл глаза и прижал правую руку к левому плечу. Затем, запрокинув голову, зашипел в потолок: — Боже, я уже столько раз это говорил! И будь оно все проклято, мне это надоело! Надоело!

Ни Тай провел когтями по плечу, и пять ручейков крови заструились ему на грудь. А в голове у Джо на одно краткое мгновение вспыхнула сцена, когда он убежал от смеха Лилли и, стоя с плотно закрытыми глазами и запрокинутой головой, скреб когтями по плечу. Яростно заморгав, он вытряс воспоминание из головы. Плечо Ни Тая под дорожками свежих шрамов опоясывала целая сеть старых рубцов.

— Вечно возвращаться, вечно идти назад, всегда одно и то же — снова и снова! — воскликнул Ни Тай.

И он заковылял к двери.

— Погоди!

Джо перекатился на живот и пополз за ним на четвереньках.

— Что ты задумал? — Он бросился на Ни Тая и рукой перекрыл ему путь наружу.

Ни Тай положил когтистую руку на предплечье Джо. Тот покачал головой — Билли Джеймс перекрыл ему путь от канала, и он именно так положил свои когти на руку мальчика. Именно так все и началось.

— Я думаю попасть на свой корабль, — ровным голосом произнес Ни Тай. — Я думаю повернуть к этому солнцу и дать полный газ. Однажды я сделал это, смеясь. На сей раз я, наверное, буду плакать. И так будет куда интереснее.

— Но почему?

— Потому что однажды... — тут лицо Ни Тая исказилось от напряжения, — однажды кому-то еще придется нырять к серебряному солнцу — сначала смеясь, потом плача, — и тогда они уже об этом прочтут, и вспомнят, и внезапно они узнают, понимаешь? Они узнают, что они не единственные...

— Но никто никогда не прочтет того, что ты должен сказать про...

Ни Тай отбросил его руку и побежал по трубке. По дороге он чуть не сшиб Дьяка, который шагал ему навстречу со стопкой бумаги в зубах.

Трубка отскочила, и органиформа сомкнулась, когда дверца в аппаратную захлопнулась. Джо увидел, как Ни Тай склонился над пультом управления; затем он выпрямился, прижимая лицо и ладони к смотровому окну, пока автопилот вел пустотелый метеор в сияние солнца. Джо, щурясь, наблюдал, пока глаза не заныли. Рыдания доносились из интеркома еще добрую минуту после того, как корабль скрылся из вида.

Джо вытер лоб и отвернулся от стены.

Дьяк сидел на стопке бумаги, пожевывая обтрепанный уголок.

— Что это?

— Стихи Ни Тая, — сказал Ком. — Последний сборник, над которым он работал.

— Дьяк, ты что, из его корабля их стащил? — гневно спросил Джо.

— С такими, как Ни, иначе не бывает. Единственный способ — это забрать у них работу, прежде чем они ее уничтожат. Именно так мы и получали то, что он делал. Все это уже случалось раньше, — устало промолвил Ком.

— Но Дьяк-то этого не знал, — заметил Джо. — Ты ведь просто украл, верно? — Он пытался говорить с укоризной.

— Ты недооцениваешь дьяволова котенка, — сказал Ком. — У него вовсе не симплексный разум.

Джо нагнулся и принялся вытягивать листки из-под Дьяка.

В конце концов тот, пару раз хлопнув Джо по рукам, откатился в сторонку. Тогда Джо отнес стихи к пульту управления и забрался под стол.

XI

Через три часа, выбравшись из-под стола, Джо медленно подошел к стеклянной стене и с прищуром взглянул на белого карлика. Затем отвернулся, выдул три ноты на окарине и бессильно опустил руки.

— Пожалуй, это самый мультиплексный разум из всех, какие мне до сих пор попадались.

— Возможно, — согласился Ком. — Но в этом случае теперь и ты такой же.

— Надеюсь, он не нырнул в солнце, — сказал Джо.

— Он не станет, если в промежутке найдет что-то более интересное.

— Там очень мало чего в промежутке.

— Чтобы заинтересовать разум таких, как Ли, много не надо.

— Помнишь, что ты мне говорил про мультиплексность и понимание точек зрения? Он полностью принял мою точку зрения, и ты был прав — получился сущий кошмар.

— Требуется, знаешь ли, мультиплексный разум, чтобы воспринимать мультиплексность других разумов.

— Я знаю почему, — сказал Джо. — Он использовал все свои переживания, чтобы понять мои. От этого у меня возникло страшное чувство.

— А ведь, знаешь, он написал эти стихи раньше, чем узнал о твоем существовании.

— Это правда. Но от этого все еще страннее.

— Мне кажется, — сказал Ком, — ты свой силлогизм задом наперед выстроил. На самом деле это ты использовал свои переживания, чтобы понять его.

— Я?

— В последнее время у тебя была масса переживаний. Упорядочи их мультиплексно, и они станут гораздо яснее. А когда они станут вполне ясными, останется еще достаточно беспорядка, чтобы ты задал соответствующие вопросы.

Джо немного помолчал, упорядочивая. Затем он спросил:

— Как звали того Ллл, на котором базируется твой разум?

— Мюэльс Эрэйнилид, — ответил Ком.

Джо отвернулся к окну:

— Значит, все это уже случалось раньше.

После еще одной минуты молчания Ком сказал:

— А знаешь, последний отрезок маршрута тебе придется проделать без меня.

— Я уже начал это упорядочивать, — отозвался Джо. — Будь уверен, мультиплексно.

— Вот и хорошо.

— Мне будет чертовски страшно.

— Тебе нечего бояться.

— Почему?

— У тебя в сумке кристаллизованный тритонец.

Он, понятное дело, имел в виду меня. Надеюсь, вы про меня не забыли. А то, если вдруг забыли, оставшаяся часть истории будет вам непонятна.

XII

— И что я должен с ним делать? — спросил Джо.

Он выложил меня на бархатную ткань стола. Лампы в высоком потолке аппаратной светили мутно, и в слабом тумане от увлажнителей воздуха вокруг них возникали гало.

— Какой поступок будет самым мультиплексным, когда ты не знаешь, что делать?

— Задавать вопросы.

— Вот и спрашивай.

— А он ответит?

— Есть куда более простой способ это выяснить, чем спрашивать меня, — заметил Ком.

— Секунду, — сказал Джо. — Я должен упорядочить свои восприятия мультиплексно, а это может занять некоторое время. Я еще не привык. — Вскоре он спросил: — Почему я должен буду вступить в Имперскую армию и служить под началом принца Нактора?

— Блестяще, — похвалил Ком. — Я и сам не на шутку об этом задумывался.

«Потому что, — передал я, — тебе с армией по пути». Возможность заговорить стала большим облегчением. Но и тут остается одна из невзгод кристаллизации: отвечать ты можешь, только когда спрашивают напрямую.

Между прочим, в промежутке между моментом, когда Джо сказал «я еще не привык», и моментом, когда он задал свой вопрос, вдруг врубилось радио и громовой голос принца Нактора объявил о том, что все люди в этой зоне подлежат немедленному призыву на военную службу, по поводу чего Ком заметил: «Думаю, это и решит твою проблему». Так что в вопросе Джо вовсе нет ничего загадочного. Для тех, кто дал себе труд проследить за развитием темы вплоть до этого момента, хочу особо подчеркнуть, что мультиплексность идеально соответствует законам логики. Я оставил инцидент с радио в стороне, поскольку подумал, что он только отвлекает, и решил, что он прекрасно выводится из вопроса

Джо, уверенный в том, что мультиплексный читатель и сам запросто его сочинит. Должен также сказать, что на протяжении этого рассказа я уже несколько раз так делал.

— Почему я не могу просто доставить сообщение, а дальше отправиться сам по себе? — спросил Джо.

В кристаллизованном состоянии всегда обладаешь воображаемой способностью задавать риторические вопросы. «Ты готов доставить сообщение?» — передал я.

Джо треснул обоими кулаками по столу. Комната словно заходила ходуном, когда я закачался взад-вперед.

— Жлуп! Какое сообщение? Именно это я сейчас и должен выяснить. В чем оно?

«Некто пришел освободить Ллл».

Джо встал, и на его молодом лице воцарилась озабоченность.

— Это очень важное сообщение. — Озабоченность превратилась в неодобрение. — Когда я буду готов его доставить?

«Как только некто придет их освободить».

— Но я прошел весь этот путь... — Джо осекся. — Я? Мне их освободить? Но... Возможно, я готов доставить сообщение, но как мне узнать, когда я буду готов их освободить?

«Если ты не знаешь, — передал я, — очевидно, это не то сообщение».

Джо почувствовал стыд и замешательство.

— Но это должно быть именно то.

Он не задал никаких вопросов, а потому я не смог ничего передать. Впрочем, Ком сказал это за меня:

— Это и есть то самое сообщение, только ты не правильно его понял. Постарайся придумать другую интерпретацию, которая не содержит противоречий.

Джо отвернулся от стола.

— Я слишком мало вижу, — сказал он с унынием.

— Порой требуется видеть еще чьими-то глазами, — заметил Ком. — Сейчас я бы сказал, что если ты сможешь использовать глаза Самоцвета, то окажешь себе большую услугу.

— Почему?

— Ты постепенно становишься все более непосредственно связан с Ллл и нашей борьбой за освобождение. В этой борьбе тритонцы самые активные из всех рас, отличных от Ллл. Вот так все просто. А кроме того, это сильно облегчит твою военную карьеру.

— Но как это проделать? — спросил Джо.

— Операция очень проста, — ответил Ком. — Можешь сам ее выполнить. Возьми тритонца.

Джо вернулся к столу и поднял меня с бархата.

— Теперь подними правое веко.

Джо так и сделал. Затем он сделал кое-что еще согласно инструкциям Кома. Мгновением позже он завизжал от боли, резко развернулся от стола и упал на колени, прижав ладони к лицу.

— Боль скоро пройдет, — спокойно сказал Ком. — Если очень колет, могу дать глазные капли.

Джо покачал головой.

— Это не боль, Ком, — прошептал он. — Просто я в одно и то же время вижу тебя, себя, Дьяка, Самоцвета — всех сразу. Вижу ожидающий меня линкор и даже принца Нактора. Но корабль в ста семидесяти милях отсюда, Дьяк у меня за спиной, ты вокруг меня, Самоцвет внутри меня, а я уже не я.

— Лучше бы ты немного попрактиковался в ходьбе, — посоветовал Ком. — Винтовые лестницы поначалу особенно трудны. А еще следует подумать: сперва тебе лучше привыкнуть просто сидеть смирно и думать. Дальше мы перейдем к чему-то более сложному.

— Я уже не я, — тихо повторил Джо.

— Поиграй на окарине, — предложил Ком.

Извлекая инструмент из сумки и прикладывая его к губам, Джо наблюдал за собой. Он увидел, как его веки опускаются — одно над левым глазом, другое над сверкающим кристаллом, что заменил ему правый. Услышал, как он заводит долгий, медленный мотив. И с закрытыми глазами наблюдал, как Дьяк осторожно подходит, а затем трется о его колено.

* * *

Немного позже Джо сказал:

— Знаешь, Ком, я не думаю, что разговор с Самоцветом что-то мне дал.

— Наверняка куда меньше, чем взгляд сквозь него.

— У меня в голове по-прежнему страшный туман по поводу сообщения.

— Ты должен внести поправку. Когда становишься таким воинственным, как Самоцвет, твой разум превращает-

ся в нечто чертовски прямолинейное. Но сердце у него там, где надо. На самом деле он очень много тебе сказал, если ты сможешь взглянуть на это мультиплексно.

Джо наблюдал, как его лицо постепенно становится более сосредоточенным. «Довольно забавно, — мимоходом подумал он, — как чересчур озабоченный блондинистый чудак с алмазным моноклем».

— Сообщение должно быть фразой: «Некто пришел освободить Ллл». И я должен быть готов освободить Ллл. Но только не я их освобожу.

Джо подождал, пока Ком одобрит его рассуждения. Однако в аппаратной висела тишина. Тогда он продолжил:

— Лучше бы это был я. Но полагаю, есть причины, почему это будет иначе. Я также должен быть готов передать сообщение. Единственный способ по-настоящему подготовиться — это постараться убедиться в том, что тот, кто должен освободить Ллл, готов.

— Замечательно, — одобрил Ком.

— Но где мне найти этого человека и как убедиться, что он готов освободить Ллл?

— Ты сам можешь его подготовить.

— Я?

— За последние несколько месяцев ты получил солидное образование. Ты должен поделиться этим образованием с кем-то столь же симплексным, каким ты был в начале этого путешествия.

— И потерять ту уникальность, которую мне оставил Ни Тай?

— Да.

— Тогда я не стану этого делать, — заявил Джо.

— Ну-ну, брось.

— Послушай, Ком, моя прошлая жизнь была у меня украдена. Теперь ты хочешь отдать кому-то еще мою новую жизнь. Я не стану этого делать.

— Весьма эгоистичный способ...

— А кроме того, я знаю достаточно о симплексных культурах, чтобы понять: единственное, что можно с ними сделать при помощи армии, — это их разрушить. И я этого делать не стану.

— Ну и ну, — сказал Ком, — Ты и это прикинул.

— Ага, прикинул. И тут будет одна сплошная боль.

— Разрушение все равно случится — пойдешь ты на это или нет. Единственная разница будет в том, что ты не сможешь передать сообщение.

— А без меня этот человек не будет готов?

— Суть в том, что у тебя не будет возможности это узнать.

— Я рискну, — пробормотал Джо. — Отправлюсь дальше. Пойду на риск и стану надеяться, что все получится как надо, буду я там или нет.

— Ты даже понятия не имеешь, насколько это рискованно. Послушай, у нас еще есть немного времени. Давай предпримем небольшое отступление от намеченного маршрута. Хочу показать тебе одну вещь, которая заставит тебя переменить мнение.

— Знаешь, Ком, я не думаю, что еще одна встреча с обращенными в рабство, эксплуатируемыми, многострадальными Ллл прямо сейчас пойдет мне на пользу. Ведь ты именно туда хочешь меня доставить?

— Страдание Ллл происходит прежде всего с тобой, а не с Ллл, — сказал Ком. — Невозможно понять страдание Ллл с точки зрения самого Ллл, если ты таковым не являешься. Понимание — одна из тех вещей, от которых их защищает Империя. Даже сами Ллл не могут договориться о том, что же все-таки столь ужасно в их положении. Но есть достаточно проявлений, так что можешь поверить нам на слово. Некоторые стены даже мультиплексность не в силах измерить. Временами она способна их взрывать, но это очень сложно, а кроме того, оставляет на земле шрамы. Признание непроницаемости этих стен — первый шаг к их разрушению. Я хочу кое-что тебе показать — можешь оценить это в любом плексе по твоему выбору. Мы отправимся поговорить с Сан-Севериной.

XIII

— Не один ли это из тех миров, которые она воссоздала при помощи Ллл? — спросил Джо, оглядывая серебристые улицы пустого города, а затем снова оборачиваясь на покатые лесистые холмы, что подступали к самому краю овеваемого нежным ветерком озера у него за спиной.

— Это один из них, — подтвердил Оскар. — Он первый из законченных и станет последним из вновь заселенных.

— Почему? — спросил Джо, переступая через новенькую чугунную решетку на тротуаре.

Голубоватое солнце горело, отражаясь в спиральном окне громадной башни слева от них. А справа пусто громоздился величественный фонтан. Джо пробежал пальцами по сухому гранитному ободу сорокафутового бассейна, когда они проходили мимо.

— Потому что она здесь.

— Много еще работы осталось?

— Все миры уже воссозданы. И сорок шесть цивилизаций восстановлены. А вот на этические системы уходит много времени. Они еще месяцев шесть будут в работе. — Оскар указал на черную металлическую дверь, усеянную латунными шипами. — Вот туда.

Джо оглядел головокружительные шпили.

— Какая красота, — сказал он. — Настоящая. Пожалуй, теперь я немного лучше понимаю, почему она хотела это воссоздать.

— Сюда, — сказал Оскар.

Джо вошел.

— Вниз по лестнице.

Их шаги гулко отзывались в просторном лестничном колодце.

— Теперь сюда. — Оскар открыл дверь поменьше в серой каменной стене.

Войдя внутрь, Джо скривился:

— Какой странный запах...

И тут он увидел ее.

Она была голая.

Ее запястья и лодыжки были прикованы к полу.

Когда серое лезвие света упало на ее сгорбленную спину, она потянула на себя кандалы и завыла. Зубы ее оскалились — зубы, которые вдруг показались Джо такими длинными и острыми.

Вой прервался скрежещущим вдохом.

Джо наблюдал за ней.

Он смотрел, как он за ней наблюдает, а потом смотрел, как он пятится к двери, но дверь наглухо захлопнулась у него за спиной.

Мышцы ее плеч сделались от напряжения твердыми и четко очерченными. Спадая мимо жилистой шеи, спутанные, нечесаные волосы закрывали половину ее лица. «Расческа, — пришла нелепая мысль. — Жлуп, красная расческа». И Джо смотрел, как слезы скапливаются в его настоящем глазу. Другой же глаз стал совсем сухим.

— Теперь они ее здесь держат, — объяснил Оскар. — Длина цепей подобрана таким образом, чтобы она никак с собой не покончила.

— Кто...

— Если ты помнишь, там было еще двадцать шесть человек. Она уже давно миновала ту точку, после которой она освободила бы Ллл, если б только могла. Но остальные теперь держат ее здесь — таким вот образом. И ее Ллл продолжают работать.

— Так нечестно! — воскликнул Джо. — Почему никто ее не освободит?

— Она знала, на что шла. И еще раньше сказала им, что им придется проделать. Она знала свои пределы. — Оскар скривился от боли. — Ллл всего семеро. Это больше, чем любой другой человек когда-либо одновременно имел. Это правда очень много. И чем больше Ллл строят, тем сильнее возрастает скорбь. В геометрической прогрессии. Как цена.

Джо таращился на нее — потрясенный, завороженный, измученный.

— Ты пришел, чтобы с ней поговорить, — напомнил Оскар. — Давай, поговори.

Джо осторожно прошел вперед, наблюдая за собой. Ее запястья и лодыжки были покрыты струпьями.

— Сан-Северина?

Испустив сдавленный хрип, она подалась назад.

— Сан-Северина? Я должен с вами поговорить.

Тонкий ручеек крови заструился по связкам на тыльной стороне ее левой ладони.

— Можете вы со мной поговорить? Сан-Северина...

Лязгая цепями, она бросилась на Джо и наверняка схватила бы его зубами за ногу, если бы он не отпрянул. Тогда она прикусила язык и с визгом плюхнулась на камни, губы ее увлажнились кровью.

Следующее, что Джо увидел, — это как он барабанит по двери и как Оскар его держит. Затем Оскар повернул руч-

ку, и они вывалились на нижнюю площадку лестницы. Оскар тоже тяжело дышал, когда они устремились вверх по ступенькам.

— Мне почти жаль ее, — произнес Оскар на полпути наверх.

Пораженный, Джо повернулся к нему:

— Да как ты смеешь!

— Мне жаль Ллл, — добавил Оскар. — Если помнишь, я один из них.

Джо опять наблюдал за собой — как он снова тащится по ступенькам, с трудом скрывая смущение.

— А мне по-настоящему ее жаль, — сказал Джо.

— Достаточно, чтобы вступить в армию? — спросил Оскар.

— Жлуц, — выругался Джо. — Разумеется.

— Я так и рассчитывал.

Когда они вышли из верхней двери на улицу, Джо прищурился от яркого света.

— Ни Тай, — мгновение спустя произнес он. — Ни сказал, что несколько дней назад приходил поговорить с Сан-Севериной.

Оскар кивнул.

— Сюда? Он видел ее такой?

Оскар снова кивнул.

— Значит, он тоже это пережил, — сказал Джо. И пошел дальше по улице.

— Надеюсь, он добрался до солнца.

* * *

— Ее не смогли как-то усыпить или загипнотизировать, — размышлял Джо, снова глазея сквозь стеклянную стену внутрь аппаратной.

— Если она засыпает, Ллл перестают строить, — объяснил Ком. — Это входит в контракт. Чтобы Ллл функционировали, владение все время должно быть сознательным.

— Этого я более или менее ожидал. Но как можно быть уверенным, что она все еще в сознании внутри этого... этого зверя? Хоть кто-нибудь может до нее достучаться?

— Этот зверь — ее защита, — объяснил Ком. — Ты готов в дорогу?

— Как никогда.

— Тогда я хочу, чтобы ты взял с собой одно комплексное утверждение, которое в дальнейшем потребует мультиплексной оценки. Единственными существенными элементами в любом обществе являются художественный и криминальный, ибо только они, посредством выяснения ценностей данного общества, способны вынудить его измениться.

— А это верно?

— Не знаю. Мультиплексно я это не оценивал. Но позволь мне далее заметить, что ты отправляешься изменять общество. Ты не получил той подготовки, как, скажем, Ни Тай, который должен проделать это художественно.

— Я уже заметил, — сказал Джо. — Скажи, Ком, а куда вообще-то направляется армия?

— К Имперской звезде, — ответил Ком. — Есть у тебя хоть какое-то представление о первом твоем криминальном действии?

Джо немного подумал:

— Ну, пока ты не сказал, каково наше место назначения, я думал, что это должен быть уход в самоволку. А теперь я не уверен.

— Хорошо, — сказал Ком. — Прощай, Джо.

— Прощай.

XIV

Джо почти сразу решил, что служба в армии ему не по вкусу.

Через три минуты его пребывания на десятимильном звездолете, пока он болтался в толпе других призывников, рядом случилось пройти принцу Нактору. Когда призывники расступились, принц Нактор увидел Дьяка. Дьяволов котенок молотил лапами по воздуху и чирикал. Когда Джо подошел взять его на руки, принц Нактор спросил:

— Это твой?

— Так точно, сэр, — отозвался Джо.

— На борт тебе его брать нельзя.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Джо. — Я прямо сейчас о нем позабочусь.

С его расширенным зрением не составляло проблемы определить на этом линкоре такое место, где он смог бы спрятать Дьяка.

Корабль был переоснащен несколько лет назад, и массу старого оборудования убрали, чтобы заменить на более компактные узлы. Старый смотровой зал, где размещался фотогенератор прямого контакта, начисто выпотрошили, и отсек у стеклянной стены корпуса вначале использовался для хранения вещей, которые уже никогда не понадобятся, а затем и вовсе был задраен.

Джо выскользнул из толпы призывников, стащил из ремонтной секции разводной ключ и нашел задраенную дверцу. Открутив все гайки, он подтолкнул Дьяка во тьму и стал было снова закрывать дверцу, но тут у него родилась идея. Джо вернулся к ремонтной секции и взял оттуда алфавитный трафарет, банку желтой краски и кисточку. Вернувшись к дверце, он изобразил на ней надпись.

САНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП
ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЦ Д-Ж-О

Наверх Джо вернулся как раз вовремя, чтобы получить форму и снаряжение. Квартирмейстер потребовал у него карточку довольствия. Джо объяснил, что у него такой не имеется. Тогда квартирмейстер пошел запросить главный компьютер. Джо снова спустился к дверце и залез внутрь. Там оказалась крохотная передняя — желтой макушкой Джо задел пыльный потолок.

И тут он услышал музыку.

Похожий инструмент Джо слышал давным-давно, еще когда был челночником. Гитара Рона. Только эта гитара играла по-другому, гораздо быстрее. И голос — он никогда такого не слышал. Голос был протяжный и богатый, как его окарина.

Джо подождал, страшно желая заглянуть и посмотреть, но противясь этому желанию. Он один раз прослушал песню, а затем мелодия повторилась. Тогда он достал свой инструмент и стал подыгрывать. Пение прервалось, гитара умолкла. Джо доиграл мелодию до конца, затем открыл дверь.

Она сидела на полу перед батареей хрустальных блоков. Стеклянная стена звездолета пропускала белый свет

Тантамаунта. Она подняла глаза от гитары, и ее лицо — прекрасное лицо, с тонкими чертами, смуглое, обрамленное роскошными каштановыми волосами, откинутыми на одно плечо, — исказилось в безмолвном ужасе.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Джо.

Она попятилась к стене из хрустальных блоков. Ее ладонь лежала на светлом корпусе гитары, пальцы скользили по древесине, оставляя на полировке мерцающие дорожки.

— Ты Дьяка не видела? — спросил Джо. — Такой большой дьяволов котенок, восемь лап, рога. Пришел сюда минут пятнадцать тому назад.

Она твердо помотала головой. Эмоциональность жеста подсказала Джо, что отрицание было общим и не связывалось с его конкретным вопросом.

— Ты кто? — спросил он.

И тут Дьяк выступил из-за хрустальной батареи, гоголем прошелся перед девушкой, лег на спину, задрыгал лапами в воздухе, замурлыкал, высунул язык — короче говоря, стал откровенно напрашиваться на ласку. Джо протянул босую ногу и большим пальцем почесал Дьяку брюшко. Он все еще не был одет после медицинского осмотра и держал в руках форму.

На девушке была строгая белая блузка с аккуратным воротничком и темная юбка до колен. То, чего она больше всего испугалась, похоже, находилось за формой в руках у Джо, поскольку она смотрела на форму так, словно старалась пронзить ее взглядом. По игре мышц ее лица Джо видел, как мысли девушки становятся все более спутанными.

— Мне понравилось, как ты поешь, — сказал Джо. — Но ты не должна бояться. Меня зовут Джо. Так что ты здесь делаешь?

Внезапно девушка захлопнула глаза и прижала ладони к ушам, позволяя гитаре упасть ей на колени.

— Я пою, — быстро проговорила она. — Просто пою. Знаешь, пение — это самое важное на свете. Я никому не причиняю вреда. Нет, ничего мне не говори. Я отказываюсь отвечать на любые вопросы.

— На вид ты очень подрастерялась, — заметил Джо. — А ты сама не хочешь задать какие-нибудь вопросы?

Девушка помотала головой, затем опустила ее на грудь, словно уклоняясь от удара.

Джо нахмурился, скривил рот сперва в одну сторону, затем в другую. Наконец, пожевав губу, он сказал:

— Не верю, что ты такая симплексная. — Девушка только еще сильней сгорбилась у хрустальных блоков. — А знаешь, я ведь на самом деле не солдат.

Она подняла глаза:

— Тогда почему у тебя форма?

— Вот видишь! Ты все-таки задала вопрос.

— Ах! — Девушка села и приложила ладонь ко рту.

— Форма у меня потому, что я чуть было не стал солдатом. Я должен носить ее только там, снаружи. Если она тебя пугает, я ее уберу. — Он швырнул форму на хрустальную батарею. Девушка опустила плечи и заметно расслабилась. — Ты от солдат прячешься, — медленно произнес Джо. — Если они тебя найдут, ты предпочитаешь казаться симплексной. Ты тоже к Имперской звезде направляешься?

Она кивнула.

— Кто ты?

Девушка взяла гитару.

— Лучше я не буду этого говорить. Не то чтобы я тебе не доверяла. Просто чем меньше людей на этом линкоре знает, кто я, тем лучше.

— Хорошо. Ответишь еще на один вопрос?

— Да. Все эти солдаты под командой принца Нактора отправляются на Имперскую звезду, чтобы меня убить. Если только я раньше туда не доберусь.

— Это не ответ на вопрос, который я собирался задать.

Девушка жутко смутилась.

— Но он, по-моему, тоже чертовски славный, — Джо улыбнулся.

Она протянула руку и почесала Дьяку брюшко.

— Когда-нибудь я непременно узнаю, как делать этот фокус с ответом раньше вопроса. Так эффектно, когда получается. Я думала, ты собираешься спросить, в чем тут соль.

Джо был озадачен. Затем он рассмеялся:

— Ты прячешься от солдат прямо у них под носом! Очень мультиплексно! Очень! — Скрестив ноги, он уселся на пол по другую сторону от Дьяка.

— А кроме того, если я отправлюсь вместе с ними, я наверняка доберусь туда не позже них. Самое худшее — одновременно с ними. — Девушка поджала губы. — Но мне надо придумать какой-то способ добраться туда раньше.

Джо тоже почесал Дьяка, и их пальцы соприкоснулись. Он ухмыльнулся:

— Вообще-то я собирался спросить, откуда ты путь держишь. Куда ты направляешься и где ты сейчас, я и так знаю.

— А, понятно, — отозвалась девушка. — Ты «мисс Перрипикер» знаешь?

— Кого?

— Не кого, а что. «Пансион благородных девиц мисс Перрипикер».

— Это еще что?

— Я оттуда прибыла. Это такое ужасное место, куда забирают изначально славных девочек из лучших семей и учат казаться такими симплексными, что ты просто не поверишь.

— Я и так не верю, — заметил Джо.

Девушка рассмеялась:

— Я одна из неудач мисс Перрипикер. Вообще-то там масса всяких удовольствий — теннис, антиграв-волейбол, водное поло, четырехстенный гандбол — мой самый любимый — и трехмерные шахматы. Туда просочилось несколько учителей, которые и впрямь что-то знают. Но петь и играть на гитаре, а именно этим мне на самом деле нравится заниматься, я выучилась сама.

— У тебя замечательно получается.

— Спасибо.

Девушка извлекла из гитары нисходящий ряд аккордов, раскрыла рот и напела мелодию, что поднималась медленными, изумительными интервалами, затрагивавшими чувствительные струны удовольствия, ностальгии и радости, какой Джо не испытывал с тех пор, как пел для Ллл.

Вдруг она остановилась:

— Эту песню написали Ллл. Она одна из моих любимых.

— Она прекрасна, — отозвался Джо, моргая. — Пожалуйста, продолжай. Допой ее до конца.

— А это все, — сказала девушка. — Она очень короткая. Только эти шесть нот. Она выполняет то, что должна, а

потом прекращается. Все, что делают Ллл, очень экономично.

— Понятно. — кивнул Джо.

Мелодия была как радуга, ненадолго зависшая над его разумом, широкая, успокоительная.

— Я спою другую...

— Не надо, — попросил Джо. — Дай мне немного про эту подумать.

Девушка улыбнулась и молча опустила руку на струны.

Рука Джо блуждала по брюшку Дьяка. Дьяволов котенок негромко ворчал.

— Скажи, — спросил Джо, — почему принц Нактор хочет убить тебя на Имперской звезде?

— Мой отец очень болен, — объяснила девушка. — Меня внезапно вызвали домой от мисс Перрипикер, потому что похоже, что он в любой день может умереть. Когда он умрет, я унаследую всю власть в Империи — если только я там окажусь. Если же нет, ее захватит принц Нактор. Мы все время друг с другом наперегонки бегаем.

— Так ты принцесса? — спросил Джо.

Она кивнула.

— Ты, должно быть, страшно важная персона, — задумчиво произнес Джо.

— Я буду никем, если не побью Нактора. Он столько лет этого ждал.

— Но почему власть должна получить ты, а не Нактор?

— Во-первых, я собираюсь освободить Ллл. А принц Нактор намерен держать их под своей защитой.

— Понятно, — Джо кивнул и подтянул к себе колени. — Тогда как ты собираешься это проделать и почему этого не сделает Нактор?

— Экономика, — объяснила девушка. — У меня есть поддержка двадцати шести богатейших людей Империи, которые доверили мне справиться со всем этим делом мультиплексно. Они ждут на Имперской звезде и хотят услышать, какой исход будет у нас с Нактором. Они отказываются его поддерживать, а потому все, что у него осталось, — это армия. Хотя человек он вполне мультиплексный, в его распоряжении есть только силовое оружие. Если ты способен толкать только в одном направлении, ты с таким же успехом можешь быть симплексным, хочешь ты того или нет. Так что

они ждут меня в зале совета с бронзовыми колоннами, пока мозаики витражных окон отбрасывают многоликие тени на синий изразец, а где-то на хрустальном ложе чахнет мой отец...

— Жлуп,— выразился Джо, потрясенный услышанным.

— Я там никогда не бывала. А про все эти красоты в романе Мюэльса Эрэйнилида прочла. Мы все у мисс Перрипикер его политическую трилогию читали. Ты с ней знаком?

Джо помотал головой.

— Знаешь...

— Что?

— Думаю, у меня для них есть сообщение — для тех, кто в зале совета.

— Правда?

— Потому я и направляюсь на Имперскую звезду. Мне надо передать сообщение, и, по-моему, я чертовски близок к тому, чтобы его передать.

— А что это за сообщение?

Теперь Джо отпустил свои колени:

— Ты ведь не позаботилась сказать, кто ты такая. Пожалуй, я лучше придержу сообщение при себе, пока не доберусь до зала совета.

— Понятно.— Девушка постаралась сделать довольный вид, но любопытство с боем прорвалось на ее лицо.

— Я вот что тебе скажу, — проговорил Джо почти с улыбкой.— Сообщение касается Ллл.

— Понятно,— повторила девушка, уже медленнее. Внезапно она опустилась на колени, склоняясь над гитарой.— Слушай, почему бы нам не заключить сделку? Без моей помощи ты в зал совета не попадешь...

— Почему?

— Никто не попадет. Великая радуга энергии, охраняющая зал, открывается только на двадцать восемь мозговых образов — про это ты лучше в своей книжке Эрэйнилида прочитай. Двадцать шесть образов уже внутри. Мой отец умирает, и я сомневаюсь, что его образ все еще распознаваем. Осталась только я. Я помогу тебе попасть в зал совета, если ты поможешь мне победить принца Нактора.

— Хорошо, — сказал Джо.— Годится. Это честно. Так какой род помощи тебе нужен?

— Точно не знаю, — ответила она, снова садясь. — Скажем, у тебя есть эта форма, так что ты можешь шнырять туда-сюда.

Джо кивнул и стал ждать продолжения.

Но девушка лишь пожала плечами. Затем вопросительно на него взглянула:

— Это уже что-то, разве нет?

— Ты хочешь сказать, что про остальное я должен сам догадаться? — осведомился Джо. — Ладно, попытаюсь. Какая помощь у тебя уже есть?

— У меня есть маленький компьютер. Он мне интерференционную картину дает.

— Возможно, я маленький, — вдруг донесся голос из-под того места, куда Джо бросил свою форму, — но я еще подрасту.

— Это еще что? — спросил Джо.

— Это Ком, — ответила девушка. — Он квазивездесущий...

— ...общелингвистический мультиплекс, — закончил Джо. — Да-да. Я уже одного встречал.

Тут он вдруг впервые сообразил, что беспорядочная батарея кристаллов представляет собой логические блоки. Но их было поразительно мало. Джо привык видеть их упорядоченными на шестидесятифутовой стене аппаратной.

— Спрятаться на линкоре — это его идея.

Джо кивнул и встал.

— Если все дружно возьмутся за дело, — сказал он, — возможно, мы его и сварганим. Хотя у меня такое чувство, что все выйдет крайне беспорядочно. К примеру, я вот что хотел спросить: к какой планете на орбите Имперской звезды мы направляемся?

Девушка очень удивилась.

— То есть мы же не на саму звезду летим?

— Похоже, он и вправду не знает, — сказал Ком. — Тебе и впрямь не мешает Эрэйнилида почитать.

— Да, пожалуй, не знает, — согласилась девушка и прикусила костяшку пальца. — Я должна ему помочь?

— Давай лучше я.

— Ты хочешь сказать, люди на звезде живут? — вмешался Джо.

— Вообще-то люди могли бы там жить, — сказал Ком. — Температура поверхности альфы Возничего, Капеллы, не

более двух тысяч градусов Фаренгейта. Звезда довольно мутная, и было бы несложно изобрести рефрижераторную установку, чтобы снизить температуру до разумной...

— Но люди там не живут, — перебила девушка. — И на орбите Капеллы нет планет.

— Тогда где...

— Позволь мне. Пожалуйста, — попросил Ком. — Капелла не только самая большая звезда в галактике: она в сотни раз больше Солнца по массе, в тысячи — по размеру. Это не просто звезда...

— Это куда более комплексная... — опять перебила девушка.

— Мультиплексная, — уточнил Ком. — Веками Капелла была известна как затменная двойная звезда. На самом же деле там по меньшей мере семь гигантских звезд — гигантских относительно Солнца, — проделывающих весьма запутанный, но тем не менее прекрасный танец друг вокруг друга.

— И вокруг одной точки, — сказала девушка. — Эта точка является центром Империи.

— Неподвижная точка, — подхватил Ком, — во вращающемся мире. Извините, это аллюзия. Там находится гравитационный центр этого колоссального мультиплекса материи. А также центр власти Империи.

— Источник имперского могущества, — добавила девушка.

— Можешь ты представить себе невероятное напряжение времени и пространства, подчиненных этой точке? Там разделяются самые фибры реальности. Темпоральное настоящее объединяет там пространственное прошлое с возможным будущим, и все они полностью перемешиваются. Только самый что ни на есть мультиплекс разумов может отправиться туда и вернуться обратно по тому же пути, каким он туда попал. Туда всегда прибываешь в среду, а отбываешь в четверг сто лет назад и в тысяче световых лет оттуда.

— Это временной и пространственный провал, — объяснила девушка. — Посредством его контроля совет сохраняет свою власть. То есть если ты можешь отправиться в будущее, чтобы посмотреть, что будет, то сперва иди в прошлое и убедись в том, что все происходит так, как тебе хочется, и тогда можно считать, что Вселенная более или менее у тебя в кармане.

— Более или менее,— повторил Джо.— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать,— ответила девушка.

— На два года младше меня,— сказал Джо.— И сколько раз ты проходила через провал у Имперской звезды?

— Ни разу,— удивленно отозвалась она.— Это вообще первый раз, когда от мисс Перрипикер уехала. Я об этом только читала.

Джо кивнул.

— Тогда ты вот что мне скажи...— Он указал на батарею логических блоков: — Этот Ком случайно не на разуме Ллл основан?

— Я скажу...— начал было Ком.

— Знаешь, а ты все-таки очень невежлив,— заявила девушка, выпрямляясь.— Какая тебе, собственно, разница?

— Никакой,— отозвался Джо.— Просто мне кажется, все это уже когда-то случалось. И еще мне кажется, что я должен очень многое вам рассказать.

— Что именно?

— О чем это он? — спросил Ком.

— Послушай,— сказал Джо.— На то, чтобы освободить Ллл, потребуется куда больше времени, чем тебе сейчас кажется. Тебе самой придется пережить невыносимую скорбь владелицы Ллл...

— Да я никогда не стала бы владеть...

— Стала бы,— грустно возразил Джо.— Ты будешь владеть столькими Ллл, сколькими никто никогда не владел. И пожалуй, это единственный способ, при помощи которого ты сможешь их освободить.— Он покачал головой.— Грядет война, и многое из того, что ты считаешь прекрасным и необходимым, будет уничтожено.

— Война, говоришь? И с кем же?

Джо пожал плечами:

— Наверное, с принцем Нактором.

— Но даже если война, я бы не стала... Правда, Ком, ты же знаешь, я бы не стала...

— Будет убита масса людей. Экономика придет в такое состояние, что ты заодно с советом решишь, что покупка Ллл является единственным способом заново все отстроить. И ты это сделаешь.

А потом тебе и совету придется нести чудовищную ношу скорби и кое-чего похуже. Но через долгое время после

того, когда произойдет то, о чем я рассказываю, ты столкнешься с одним парнишкой. — Джо взглянул на свое отражение в стеклянной стене. — Я хотел было сказать, что он очень похож на меня. Но он не похож. По крайней мере, не очень похож. Что касается его глаз, то у него нет этой стеклянной штуковины на месте правого.

Что касается его рук, то у него будут когти на левой. Он будет гораздо смуглее, потому что проводит на открытом воздухе куда больше времени, чем я в последнее время. Хотя волосы его будут такими же светлыми, как мои, они будут намного длиннее и в жутком беспорядке... — Внезапно Джо сунул руку в сумку и стал там рыться. — Вот. Храни это, пока его не встретишь. А потом отдай ему. — Он протянул девушке красную расческу.

— Хорошо, я ее сохраню, — пообещала девушка, явно озадаченная. Затем она повертела расческу в руках. — Если его речь совсем убогая, я смогу дать ему уроки дикции на интерлинге. По части дикции у мисс Перрипикер был настоящий пунктик.

— Я знаю, что сможешь, — сказал Джо. — Запомни меня и, когда он тебе попадется, постарайся сделать его как можно больше похожим на меня. А еще ты сможешь вот как его узнать. — Он указал на Дьяка. — В качестве любимца у него будет почти такой же. Он будет держать путь на Имперскую звезду, как и мы сейчас, но ты к тому времени будешь направляться совсем в другое место. Он должен будет передать сообщение, но он не будет знать, в чем оно заключается. Он будет очень неуверен в себе и не сможет понять, как ты оказалась способна заставить себя владеть такими невероятными существами, как Ллл.

— Да я и сама не понимаю как...

— К тому времени поймешь, — заверил ее Джо. — Поддержи его. Скажи ему, что он узнает, в чем заключается его сообщение к тому времени, как придет пора его передать. Он очень ненадежный парнишка.

— Из твоих слов следует, что он не выглядит очень симпатичным.

Джо пожал плечами:

— Возможно, к тому времени диапазон твоей чувствительности расширится. Что-то такое в нем определенно будет...

— А знаешь, — вдруг выговорила девушка, поднимая глаза от расчески, — по-моему, ты очень красивый парнишка. — Затем удивление и скромность возобладали над ее улыбкой.

Джо расхохотался.

— Я не хотела... Прости, если я сказала что-то...

— Нет! — Джо повалился на спину. — Нет, это просто класс! — Он задрыгал ногами в воздухе. — Все в полном порядке! — Наконец он вернулся в сидячее положение. И перестал хохотать.

Девушка смущенно теребила складки своей юбки.

— Я не хотел над тобой смеяться, — извинился Джо.

— Дело не в этом.

Он подался вперед:

— Тогда скажи, в чем дело.

— Это просто... понимаешь, с тех пор как я покинула мисс Перрипикер, со мной все время случались поразительные вещи. И все, с кем я сталкивалась, похоже, до волдуя больше моего знали про то, куда я направляюсь и что делаю.

— До волдуя?

— Ах, ну надо же. Я и этого говорить не хотела. Мисс Перрипикер наверняка бы удар хватил.

— Жлуп... да что это еще за волдуй?

Она захихикала и невольно понизила голос, подаваясь к нему:

— Это то, что все девочки у мисс Перрипикер подбирают!

Джо кивнул:

— В целом понятно. Ты ведь не так давно мультиплексна, да?

— Да. А он, — девушка указала на Кома, — всего несколько недель назад звался Кос. Симплекс, а не мультиплекс.

— На самом деле, — отреагировал Ком, — все ему рассказывать вовсе не обязательно.

— Все в порядке, — сказал Джо. — Я понимаю.

— У меня за это время столько приключений было. И все так удивительно получалось.

— Каких именно приключений? — спросил Джо. — Расскажи.

— Последнее вышло на корабле, где я была до этого. Там не нужно было прятаться. И там был один челночник,

которому я давала уроки интерлинга. Выяснилось, что он написал потрясающие стихи. Мне кажется, они полностью изменили мою жизнь... Знаю, звучит очень театрально, и думаю, ты не поймешь, как они ее изменили. Так или иначе, он представил меня Кому. Ком был его другом, прежде чем стал Комом. Ком говорит, что идея спрятаться на линкоре тоже исходила от того челночника. Наверное, за тем мальчиком тоже когда-то гонялись военные и он...

— Ни Тай уже это проделывал?

— Откуда ты знаешь его имя?

— Я знаю его стихи, — ответил Джо. — И понимаю, как они изменили твою жизнь. Он дает тебе понять, какая часть жизни твоя, а какая принадлежит истории.

— Да. Именно это меня и осенило! — Девушка обхватила руками колени. — А если ты имперская принцесса, то так много принадлежит истории, что тебе самой почти ничего не остается.

— Порой даже если ты не принцесса. — Джо сунул руку в сумку и достал окарину. — Давай поиграем.

— Хорошо, — согласилась она и взяла гитару.

Они заиграли негромкую восходящую мелодию. За стеклянной стеной мимо проносилась ночь. Эта ночь с таким же успехом могла быть неподвижной и слушать, как парень и девушка занимаются музыкой, а корабль идет вперед.

— Ты так на меня смотришь, — наконец сказала девушка, — как будто все-все про меня знаешь. Ты читаешь мои мысли?

Джо покачал головой:

— Просто симплекс, комплекс и мультиплекс.

— Ты и говоришь так, будто знаешь.

— Я знаю, что вон тот Ком базирован на сознании Мюэльса Эрэйнилида.

Девушка повернулась к Кому:

— Ком... ты мне не сказал!

— Я сам не знал. Ни Тай мне не сказал. Он просто сказал, что я базирован на разуме Ллл. Но не сказал, какого именно Ллл.

— А ты Сан-Северина.

Девушка круто развернулась назад:

— Но раньше ты говорил, что не знаешь...

— А теперь говорю, что знаю.

— Пока время идет, — констатировал Ком, — люди учатся. И в этом единственная надежда.

Сквозь стену линкора во мраке уже проглядывали пылающие громады мультиплексной системы Имперской звезды.

Сан-Северина подошла к стене и прижалась щекой к стеклу.

— Джо, а ты случайно не проходил через временной провал у Имперской звезды? Быть может, ты потому так много знаешь о будущем?

— Нет. А вот тебе предстоит.

Девушка подняла голову, и глаза ее расширились от страха.

— Но ведь ты пойдешь со мной, правда? Мне так страшно идти одной! — Она тронула его за плечо. — Джо, а ты знаешь, победим мы или проиграем?

— Я только знаю, что, победим мы или проиграем, на это уйдет куда больше времени, чем нам кажется.

Ее рука скользнула вниз и схватила его ладонь.

— Но ты мне поможешь! Ведь поможешь?

Джо поднял руки и положил ей на плечи. Сан-Северина сделала то же самое.

— Я помогу тебе, — заверил он девушку. Имперская звезда стала еще ближе. — Конечно, Сан-Северина, я тебе помогу. Как я могу не помочь после всего, что ты для меня сделала?

— А что я для тебя сделала? — спросила она, снова не на шутку озадаченная. — Тсс, — шепнул Джо и приложил палец к ее губам. — Если ты задаешь вопросы, на которые никто не может ответить, тебе просто нужно подождать и посмотреть самой.

Дьяк захихикал во сне, а Ком тактично откашлялся. Они снова повернулись посмотреть на Имперскую звезду, и я тоже выглянул из защитной впадины кости и плоти и увидел гораздо дальше. Я — Самоцвет.

XV

Мультиплексный читатель к настоящему моменту уже обнаружил, что вся эта история намного, намного длиннее, чем казалось, что она циклическая и саморазъясняющая. Мне пришлось очень многое выпустить; просто упорядочьте

ваше восприятие мультиплексно, и вы не пропустите лакуны.

«Совсем никакого конца!» — слышу я один комплексный голос.

Несправедливо. Взгляните на вторую страницу. Там я сказал вам, что конец все-таки был и что я, Дьяк и окарина до самого этого конца оставались с Джо.

Кусочек для мозаики?

Вот, пожалуйста. Конец наступает через некоторое время после того, как Сан-Северина (после множества проходов через провал), лысая, морщинистая, раненая, излеченная и состарившаяся на сотню лет, получила дозволение сдать свою верховную власть, а вместе с ней свое имя и бóльшую часть самых мучительных воспоминаний. Тогда она взяла себе в сотоварищи 3-пса, приняла имя Чароны и удалилась на спутник под названием Рис, где от нее пятьсот лет не требовалось ничего более обременительного, чем сторожить ворота транспортной зоны и проявлять доброту к детишкам, что вполне соответствовало ее возрасту.

Еще кусочек? Волдуй — это вода, которую на рассвете капля за каплей собирают с листьев лилиевидных папоротников девочки из «Пансиона благородных девиц мисс Перрипикер».

О, я мог бы изложить вам новости — хорошие и скверные, поведать об успехах и поражениях. Принц Нактор развязал войну, которая выжгла восемь миров, уничтожила пятьдесят две цивилизации и тридцать две тысячи триста пятьдесят семь полных и самостоятельных этических систем. Это малое поражение. А вот великая победа: в самом конце цепочки обстоятельств, которую я оставляю вам вывести, принц Нактор, обезумевший от страха, сплошь в липком поту, безлунной полночью бежал через джунгли Центрального парка на Земле, когда Дьяк с широким зевком появился из-за кучки деревьев и совершенно случайно на него наступил — а надо сказать, к тому времени Дьяк уже достиг своего взрослого размера в пятьдесят футов.

Я уже рассказал вам, как Сан-Северина, старая, лысая и принявшая имя Чароны, впервые кое-что объяснила про симплекс, комплекс и мультиплекс мальчугану по кличке Комета Джо под сооружением, именуемым Бруклинским мостом, в мире, именуемом Рисом. С таким же успехом я

мог бы рассказать вам, как Джо, такой же старый, морщинистый и с некоторых пор именуемый Норном, впервые обучил Сан-Северину песне, которую они вместе играли в заброшенном отсеке линкора в мире, пока что в этой истории не названном,— под местом, именуемым Бруклинским мостом.

Я мог бы рассказать вам, как на церемонии окончательного освобождения Ллл, когда толпа смолкла перед прекрасной музыкой: мужчина по имени Рон, который некогда юным челночником пел для Ллл — слезы и тогда, и теперь дрожали в уголках его глаз, а горло сжималось от эмоций,— как этот мужчина повернулся к стоявшему рядом с ним в колоссальном людском скоплении Ллл и прошептал, имея в виду не только растущее внимание толпы, невероятный эффект песни, но также и разрушительную кульминацию, которую представляло собой освобождение: «Видел ты когда-нибудь что-то подобное?»

Ллл промолчал, зато стоявший рядом с ним восточный юноша с шокирующей, едва сдерживаемой яростью откликнулся: «Ага. Я видел!» Затем он бросил Ллл: «Пошли, Мюэльс, пора отсюда выбираться». И Ллл с юношей принялись прокладывать себе дорогу к краю толпы, чтобы начать путешествие не менее невероятное, чем то, которое я описал,— а Рон остался стоять с разинутым ртом, недоверчиво глазея на столь откровенное святотатство.

Радостное поражение: это когда принц Нактор сжег тело Джо на затянутых льдом равнинах планеты, что кружила возле Тантамаунта. Радостное, ибо оно освободило Джо для использования множества других тел, других имен.

Трагическая победа: это когда всего за несколько часов до инцидента с Дьяком в Центральном парке Ком уничтожил разум принца Нактора, всей своей чудовищной массой — в несколько раз большей, чем у того Кома, которого мы видели,— врезавшись в Геодезическую исследовательскую станцию, где, глубоко внутри, принц Нактор тайно хранил свой мозг в яйце из слоновой кости, наполненном питательным раствором. Трагическая, ибо в результате этой коллизии Ком также был уничтожен.

Еще могу изложить вам самый конец, происходящий одновременно с самым началом, когда в итоге некто и впрямь пришел освободить Ллл и Комета Джо — к тому времени

все еще именуемый Норном, — Ки, Марбика и я несли сообщение от созвездия Золотой Рыбы к Имперской звезде в органиформе, но тут капсулообразующий механизм вышел из строя — и мы лишились управления. Пока остальные бились за спасение корабля, я ненадолго отвернулся и увидел, что Норн стоит впереди и глазеет на сверкающее солнце, навстречу которому мы неслись. Потом он рассмеялся.

Силясь вернуть нас обратно на курс, я гневно вопросил:

— И что тут смешного?

Не отворачиваясь от солнца, Норн сухо покачал головой:

— Скажи, Самоцвет, ты стихи Ни Тай Ли когда-нибудь читал?

Как я уже сказал, это было в самом начале и я их еще не читал. Тогда я еще и кристаллизован не был.

— Нашел время литературу обсуждать! — крикнул я, хотя вплоть до самой поломки он часами терпеливо выслушивал детальные описания книги, которую я собирался написать.

Ки подплыл из протоплазмы:

— По-моему, тут уже ничего не поделать.

Свет, пробивавшийся сквозь зеленоватый студень, мерцал на его искаженном от страха лице.

Я оглянулся на Норна, который по-прежнему не двигался, пока светлое пятно разрасталось во мраке.

— Это спутник,— крикнул из внутренней темноты Марбика.— Может, аварийная посадка удастся...

Она удалась.

В месте под названием Рис, где не было ничего, кроме монопродуктного симплексного общества с транспортной зоной.

Они погибли. Я остался один, а поскольку Норн сумел передать сообщение кому-то, кто понес его дальше, я отправился проследить, чтобы оно было передано...

Или эту часть истории я вам уже рассказывал?

Сомневаюсь.

В этой безбрежной мультиплексной Вселенной почти столько же миров под названием Рис, сколько и мест под названием Бруклинский мост. Это начало. Это конец. Оставляю вам задачу упорядочивания ваших восприятий и одоления пути от одного к другому.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

Зирн без охраны, дворец Дженгик горит, Джон Вестерли мертв

Роберт Шекли (1928—2005) жил в местечке Ред-Хук, штат Нью-Йорк. Информацию об авторе можно найти на www.sheckley.com. Один из величайших современных фантастов, автор оригинальных, острых, сатирических рассказов, обожаемых всеми, от Кингсли Эмиса, Дж. Г. Балларда, Харлана Эллисона до Роджера Желязны, с которым он тесно сотрудничал. Манера ироничного исследования вопросов природы реальности ставит его в один ряд с Филипом Диком и Куртом Воннегутом. Дебют Шекли состоялся в 1950-х, когда писатель стал одним из ведущих авторов журнала «Galaxy». Романы из-под пера Шекли начали выходить десятилетием позже и всегда отличались изящным слогом и интересными идеями.

Шекли не писал космических опер (хотя в начале карьеры работал над сценариями телесериала «Капитан Видео» («Captain Video»)). Вероятно, он не способен был воспринимать этот жанр всерьез. Но, без сомнений, Шекли мог пародировать его. Приведенный в данной антологии рассказ создан в 1972 году, когда практически все фантасты, движимые честолюбием, пытались выйти за пределы космической оперы и обратиться к более серьезной литературе. Некоторые, включая Балларда и Олдисса, называли ее литературой внутреннего пространства, другие — спекулятивной фантастикой или спекулятивной литературой; различные авторы вкладывали в эти понятия разные смыслы, но неизменно подразумевали более сложную, «взрослую» литературу, будь то научная фантастика или нет. Начиная с середины 1960-х и вплоть до конца 1970-х возникало множество пародий на космическую оперу, призванных уничтожить ее в корне. Ниже представлена одна из подобных вещей.

Брайан Олдисс в своей работе «Космические оперы» («Space Operas») говорит следующее об этом примечательном рассказе Шекли: «В научной фантастике существует почтенная традиция великих эпических приключенческих саг. Начиная, пожалуй, с Эдгара Райса Берроуза можно выстроить длинную цепь космических эпопей „Дока“ Смита, Джека Уильямсона, молодого Джона Кэмпбелла... Роберт Шекли замыкает этот ряд бесконечных эпосов, подводя жирную черту под грудой могучих томов и обрекая на гибель целый литературный жанр».

Как уже говорилось в предисловии к данной антологии, Брайан Олдисс внес огромный вклад в переосмысление термина «космическая опера». Помимо того, как уже упоминалось, его комментарии, что забавно, помогли возродить жанр в 1970-х годах.

Донесение было полустерто страхом.

— Кто-то пляшет на наших костях, — сказал Шарлеруа и оглянулся, обнимая взглядом Землю. — Это будет достойный мавзолей.

— Странны слова твои, — произнесла она. — Но кое-что в твоих манерах я нахожу привлекательным... Подойди же, незнакомец, и объяснись.

Я отступил и вытащил из ножен меч. За моей спиной зашипел металл — Окпетис Марн тоже обнажил клинок. Мы стояли бок о бок, вдвоем против наступающей мегентской орды.

— Ныне дорого продадим мы свои жизни, Джон Вестерли, — произнес Окпетис Марн с шипяще-горловым мнерианским акцентом.

— Воистину так, — отозвался я. — И немало вдов станцуют Пляску Перехода, прежде чем кончится день.

Он кивнул:

— И немало скорбящих отцов принесут одинокие жертвы богу ухудшений.

Мы улыбнулись собственным отважным словам. Но было нам не до шуток. Мегентские воины надвигались медленно и неудержимо, шагая по заросшему зеленым и лиловым мхом лугу. Их рафтии — длинные кривые обоюдоострые ножи, наводившие ужас на самые отдаленные уголки обитаемой Вселенной, — были обнажены. Мы ждали.

Первый враг скрестил свой клинок с моим. Я парировал удар, пронзил великану глотку. Он рухнул, и я повернулся к следующему противнику.

Теперь на меня кинулись двое. Позади слышалось прерывистое дыхание Окпетиса, рубившего и резавшего своим мечом. Положение было совершенно безнадежным.

Я вспомнил невероятное стечение обстоятельств, приведшее меня сюда. Вспомнил города Землянской Множественности, чье существование зависело от уже предрешенного исхода этой схватки. Я вспомнил осень в Каркассоне, туманное утро в Саскатуне, стальной дождь, секущий Черные Холмы. Неужели все это сгинет? Нет, конечно. И все же — почему нет?

— Вот факторы, вот нынешнее наше положение, — сказали мы компьютеру. — Сделай одолжение — реши нашу проблему, спаси наши жизни и жизни всех землян.

Компьютер задумался.

— Проблема не поддается решению, — ответил он.

— Так как же нам спасти Землю от разрушения?

— А никак, — отрезал компьютер.

Мы мрачно вышли. Потом Дженкинс заявил:

— Какого черта?! Это всего лишь мнение одного компьютера.

Это нас ободрило. Мы подняли головы. Мы решили консультироваться дальше.

Цыганка вытащила карту. То был аркан «Страшный суд». Мы мрачно вышли. Потом Майерс заявил:

— Какого черта?! Это всего лишь мнение одной цыганки.

Это нас ободрило. Мы подняли головы. Мы решили консультироваться дальше.

«Ты сам сказал: „Яркий кровавый цветок расцвел у него на лбу“. Ты странно глядел на меня. Должна ли я тебя любить?»

Все началось так неожиданно. Усмиренные давным-давно орды мегентских яцеров начали внезапно плодиться благодаря сыворотке, подаренной им жаждущим власти телепатом Чарльзом Энгстремом. Джон Вестерли был срочно отозван из тайной миссии на Ангот-2. Но, к величайшему несчастью, Вестерли материализовался посреди кольца Черных Сил, и произошло это благодаря нечаянному предательству его верного друга мперианина Окпетиса Марна, который был пойман в Зале Плывущих Зеркал, чтобы его рассудком смог завладеть отступник Сантис, главарь

Энтропийной гильдии. То был конец Джона Вестерли и начало конца всех нас.

Старик находился в ступоре. Я отстегнул его от дымящегося кресла перед пультом. Ноздри мои уловили характерный солено-кисловато-сладкий запах манжини — гнусного наркотика, что растет лишь в пещерах Ингидора и чье гнусное влияние подчинило себе стражу Пояса Стенных Звезд.

Я грубо встряхнул старика.

— Престон! — вскричал я. — Ради Земли, ради Магды, ради всего святого, скажи мне: что случилось?!

Глаза его закатились, губы дрогнули.

— Зирн! — выдавил он неимоверным усилием. — Зирн потерян, потерян!

Голова его запрокинулась. Черты лица исказила смерть.

Зирн потерян! Мысли мои бешено неслись. Это значит, что открыт Верхний Звездный перевал, отрицательные аккумуляторы бездействуют, робосолдаты повержены. Зирн был раной, сквозь которую вытекала кровь нашей жизни. Но должен же быть какой-то способ выбраться?

Президент Эдгарс поглядел на райский телефон. Его предупреждали никогда не использовать его, кроме как в случае страшнейшей опасности, и даже тогда, наверное, не прикасаться к нему. Но неужели нынешнее положение не оправдает?.. Президент снял трубку.

— Райская приемная. Мисс Офелия слушает.

— Это президент Эдгарс, с Земли. Я должен немедленно поговорить с Господом Богом.

— На данный момент Он покинул свой офис и связаться с Ним невозможно. Могу я вам чем-то помочь?

— Ну, видите ли, — сказал Эдгарс, — у меня на руках серьезная катастрофа. Я хочу сказать, что всему конец.

— Всему? — переспросила мисс Офелия.

— Ну, не в буквальном смысле. Но нам тут точно конец. И Земле, и всем вокруг. Если бы вы помогли мне обратить на это внимание Господа...

— Поскольку Господь всезнающ, то, я уверена, Он уже осведомлен об этом.

— Я тоже в этом уверен. Но я полагал, что если я смогу побеседовать с ним лично, только один раз...

— Боюсь, что на данный момент это невозможно. Но вы можете оставить сообщение. Господь бесконечно милостив и честен, и я уверена, что Он рассмотрит вашу проблему, как только у Него выдастся время, и сделает то, что сочтет справедливым и благим. Знаете, Он просто чудесен. Я люблю Господа.

— Как и мы все, — печально согласился Эдгарс.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Да! Вы не могли бы соединить меня с мистером Джозефом Дж. Эдгарсом?

— А кто это?

— Мой отец. Он умер около десяти лет назад.

— Извините, сэр, но это не разрешено.

— Не могли бы вы хотя бы сказать, он с вами или где-то еще?

— Прошу прощения, но подобную информацию мы не разглашаем.

— Ну так скажите хотя бы, есть там у вас хоть кто-нибудь? Я хочу сказать, есть вообще эта самая загробная жизнь? Или, кроме вас с Господом, там наверху и нет никого? Или просто кроме вас?

— За информацией касательно загробной жизни, — ответила мисс Офелия, — будьте добры, обращайтесь к ближайшему священнику, пастору, раввину, мулле или любому другому аккредитованному представителю Господа. Спасибо, что обратились к нам.

Зазвенели колокольчики. Потом в трубке воцарилась мертвая тишина.

— Что сказал большой начальник? — осведомился генерал Мюллер.

— Ничего я не получил, кроме отговорок от секретарши.

— Лично я не склонен к суевериям вроде веры в Бога, — заметил генерал. — Даже если это и правда, не верить в Него полезнее для здоровья. Ну что, продолжим?

Они продолжили.

Свидетельство робота, который мог быть доктором Заком:

«Истинная моя личность остается для меня тайной, и тайну эту при нынешних обстоятельствах вряд ли удастся

раскрыть. Но я был во дворце Дженгик. Я видел, как мегентские воины лезут через алые балюстрады, переворачивают церемониальные бронзовые котлы, ломают, убивают, рушат. Губернатор погиб с мечом в руке. Терранская гвардия заняла последний рубеж у Скорбной цитадели и сгинула до последнего человека в страшном бою. Придворные дамы защищались кинжалами столь ничтожными, что защита эта была лишь символической. Им была дарована легкая смерть. Я видел, как пламя пожирает серебряных земных орлов. Я наблюдал, как дворец Дженгик — этот шедевр архитектуры, символизирующий размах земного владычества, — беззвучно рушится в прах, из которого восстал. И понял я, что все потеряно и что Терре — планете, чьим верным сыном я себя считаю, несмотря на то что был я (скорее всего) создан, а не сотворен, произведен, а не рожден, — что божественной Терре судьба уготовила быть уничтоженной дотла, пока не сотрется даже память о ее памяти.

Ты сам сказал: „В глазу его взорвалась звезда". В эти последние часы я должна любить тебя. Слухи сегодня кишат, и алеет небо. Я люблю, когда ты поворачиваешь голову вот так. Может, и правда, что мы лишь мякина меж стальных жерновов жизни и смерти. Но я предпочитаю следить за временем по собственным часам. И я лечу в лицо очевидному, лечу с тобой.

Это конец, я люблю тебя, это конец».

III

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД / ПЕРЕОСМЫСЛИВШИЕ

(Поздние 1970-е – конец 1980-х годов)

Мне так и хочется сказать, что космическая опера все же является научной фантастикой. Этот жанр, без сомнений, близок к традиционной НФ, равно как и планетарный романс, научный романс, космический эпос, истории о супергероях и так далее. Вероятно, нет ничего удивительного, что все эти формы имеют дело с безграничностью времени, пространства или человеческих возможностей – ведь все они так или иначе посвящены способности окружающего мира удивлять нас, потрясать до глубины души, быть этакой фабрикой фантастических приключений. Полагаю, до тех пор, пока жива НФ, кто-нибудь обязательно будет изобретать космическую оперу снова и снова.

Рассел Летсон («Locus»)

ДЭВИД БРИН

Искушение

Дэвид Брин (р. 1950), физик по образованию, живет в Энсинитасе, штат Калифорния. Информацию об авторе можно найти на www.davidbrin.com. Первой его публикацией стал роман «Прыжок в солнце» («Sundiver», 1980), вышедший годом позже защиты диссертации. Роман «Звездный прилив» («Startide Rising», 1983) удостоен премий «Хьюго» и «Небьюла». Премией «Хьюго» также отмечен роман «Война за Возвышение» («Uplift War», 1987). Рассказы Брина представлены в сборниках «Река времени» («The River of Time», 1986), «Чуждость» («Otherness», 1994), «Приходит Завтра» («Tomorrow Happens», 2003). В основном писателя интересует будущее, где условия жизни человека улучшены и есть место героическим подвигам. Не так давно вышел комикс «Пожиратели жизни» («The Life Eaters», 2004), созданный на основе повести «Тор встречает Капитана Америку» («Thor Meets Captain America», 1986).

Хотя Брин известен как автор твердой НФ (один из знаменитых «трех Б»: Брин, Бенфорд, Бир), он не всегда придерживался требований жанра. Как отметил Джон Клют: «Он пишет истории, в которых физические законы, управляющие Вселенной, попираются своенравно, самым беспощадным образом». Оптимизм, умение произвести впечатление, лишенная высокопарности манера письма приближают творчество Брина к традиции Джона Кэмпбелла и Роберта Хайнлайна.

В начале его карьеры никто бы и не подумал ставить Брина в один ряд с мастерами космической оперы. Только к концу 1990-х его цикл «Возвышение» («Uplift») был назван космической оперой (прежде его относили к более уважаемым жанрам твердой и приключенческой фантастики). Брин заявил: «Серия „Возвышение" о далеком будущем, став весьма популярной, подвигла меня на создание новой трилогии на ту же тему: „Риф яркости" („Brightness Reef", 1995), „Берег бесконечности" („Infinity's Shore", 1996) и „Небесные просторы" („Heaven's Reach", 1998). Вместе с предыдущей трилогией „Прыжок в солнце", „Звездный прилив" и „Война за возвышение" они образуют приключенческий кластер в самых смелых традициях космической оперы.... Хотя я надеюсь, что идеям этих произведений присущ настоящий научно-фантастический размах». Брин является одним из первых писателей нового поколения НФ (пришедший после К. Дж. Черри и передавший эстафету

Лоис Макмастер Буджолд), предпочитающих создавать смелую космическую оперу.

Как-то у М.Джона Гаррисона, ведущего специалиста по британской НФ (www.zone-sf.com/mjharrison.html), спросили в интервью: «На ваш взгляд, в чем разница между американскими и британскими НФ и фэнтези? Есть ли точки соприкосновения, или Кен Маклеод, Иэн Бэнкс и Чайна Мьевиль пишут нечто кардинально отличное от, скажем, работ Дэвида Брина, Дэна Симмонса и Джорджа Мартина?» Гаррисон ответил: «Трудно представить, что может быть общего между Брином и Маклеодом или Брином и Мьевилем. Если книга — это некий товар, который надлежит продать, то, без сомнения, существует разница между британской и американской прозой, фантастическая она или нет. Я склонен думать, что мы здесь делаем нечто совершенно отличное от того, что создают американские коллеги, — хотя, к счастью, никто из нас и понятия не имеет, что именно».

Сейчас идет спор, является ли новая космическая опера широкомасштабным феноменом НФ, как мы пытаемся доказать на страницах данной антологии, или же все самое лучшее в фантастике — британского происхождения и политически обусловлено движением левых. Слава провидению, спор может продолжаться бесконечно долго, и, поскольку никто с точностью не может дать определение космической опере, оставим новую космическую оперу в покое.

В противоположность основным традициям жанра, Брин склонен делать главными героями своих произведений людей заурядных. В 1997 году в интервью для «Locus» он сказал: «Одним из принципов, которыми я руководствуюсь, является тот, что и простые люди могут быть вовлечены в героические события. Даже если в наличии есть протагонисты-супергерои, я склонен делать из них настоящих слэнов[1]. Я не выношу всю эту „сверхчеловечину", помешательство на сверхлюдях, переполняющее фантастические романы. Я считаю, главный герой не должен быть таким знающим и умеющим, таким повергающим в благоговейный ужас, что даже два десятка гениев с грудой мускулов, работающих круглыми сутками, не могут тягаться с ним...»

В повести «Искушение» (1999), входящей в цикл «Возвышение», человечество использует разумных дельфинов для колонизации планеты, поскольку дельфины хорошо переносят космические перелеты. На данной планете живут порожде-

[1] Брин имеет в виду персонажей романа Альфреда Ван Вогта «Слэн», сверхлюдей-изгоев.

ния генной инженерии: левиафаны, которые бороздят океаны, населенные многими разумными расами, оказавшимися в этом мире задолго до людей. Впервые повесть была опубликована на страницах антологии «Далекие горизонты» («Far Horizons»), и в предисловии Брин отметил: «Говорят, нельзя иметь все сразу. Например, если в рассказе много действия, то мало философии. Если в нем речь идет о науке, будут страдать характеры. Особенно часто это утверждают о главном жанре фантастики, иногда называемом космической оперой. Можно ли изобразить грандиозные приключения и героическую борьбу на фоне роскошных декораций будущего, включающих взрывающиеся планеты и яркие спецэффекты, и тем не менее написать нечто, достойное называться романом?

Я принадлежу к числу тех, кто считает, что стоит попробовать, — и попробовал в цикле романов „Возвышение", действие которых происходит в опасном будущем несколько сот лет спустя, в космосе, который люди только начинают понимать».

В одном из интервью Брин сказал: «Каждая история в саге о Возвышении касается аспектов извечного спора добра и зла или смутной области между ними. В последней работе я затронул тему коварного, высокомерного, но вполне распространенного заблуждения, будто слова важнее действий».

Его личный комментарий к публикуемой повести:

«В „Искушении", сюжет которого ответвляется от сюжета „Берега бесконечности", — мы сталкиваемся с извечной, болезненной идеей, давним искушением принимать желаемое за действительное. Разумные дельфины приходят к убеждению, что наука и искусство могут образовывать гармоничный сплав. Мы сами способны сочетать искренность и экстравагантное самовыражение. Мы не должны ограничивать свои возможности».

Маканай

Океан Джиджо гладил ей бока, словно прикосновением носа матери или лаской любовника. Может, это и проявление неверности, но Маканай казалось, что чуждый океан мягче и вкуснее вод Земли, ее родины, которую она не видела уже семь лет.

Легкими ударами мощных плавников Маканай и ее спутник легко удерживались рядом с огромной стаей рыбоподоб-

ных существ — с красными плавниками, фиолетовыми жабрами и длинными прозрачными хвостами, которые сверкают в наклонных лучах солнца, как искры плазмы за звездным кораблем. Стая тянется бесконечно, питаясь плавучими облаками планктона, согласованно перемещаясь по прибрежным отмелям, словно медленно извивающееся тело гигантской змеи.

Эти существа прекрасны... и очень вкусны. Стройное серое тело Маканай ловко повернулось, выхватив из кишащей массы одно существо и вызвав этим только легкую рябь среди его соседей. Такой небрежный стиль охоты, должно быть, нов для Джиджо, потому что существа как будто не замечают дельфинов. Упругая плоть по вкусу напоминает экзотические сардины.

— Не могу подавить чувство вины, — произнесла Маканай на подводном англике — языке щелканий и писков, очень хорошо приспособленном к подводному царству, где звук важнее света.

Спутник Маканай плыл рядом со стаей брюхом вверх; его спинные плавники вяло заработали, когда он тоже схватил одно из существ.

— При чем тут вина? — спросил Брукида, а жертва тем временем билась в его узких челюстях. Впрочем, ее биение не препятствовало потоку слов-глифов, поскольку пасть дельфина не участвует в создании звуков. Быстрая серия сонарных импульсов исходит из его лба. — Ты стыдишься того, что живешь? Того, что приятно снова оказаться на просторе, а теплое море трется о твою кожу и волны навевают тебе сны? Неужели тебе не хватает стоячей воды и затхлого воздуха на корабле? Или мертвых эхо твоей тесной каюты?

— Не говори глупости, — ответила Маканай.

После трех лет, проведенных в тесноте земного исследовательского корабля «Стремительный», она чувствовала себя как зародыш, зажатый в чреве. Освободиться из этого чистилища — словно родиться заново.

— Просто мы наслаждаемся тропическим раем, а наши товарищи в это время...

— ...продолжают полет в космосе, терпя все неудобства, преследуемые злобными врагами, на каждом повороте глядя в лицо смерти. Да, знаю.

Брукида выразительно вздохнул. Престарелый геофизик перешел на язык, более приспособленный для выражения ядовитой иронии:

Зимняя буря тратит
Всю свою силу на риф,
Не трогая лагуну.

Хайку тринари выразительны и суховаты. В то же время Маканай не могла не сделать врачебное заключение. Она обнаружила, что сонарные образцы речи ее старого друга насыщены полутонами праймала — природного полуязыка китообразных, которым пользуются на Земле дикие дельфины Tursiops truncatus. Представители современного вида amicus должны избегать этого языка, чтобы их сознание не подвергалось искушению пойти по древним путям. В этом языке таятся ритмы животной чистоты.

Маканай встревожилась, уловив элементы праймала в речи Брукиды, одного из немногих своих товарищей с непострадавшей психикой. Большинство дельфинов на Джиджо в той или иной степени страдали стресс-атавизмом. Утратив мыслительные способности, необходимые инженерам и космическим исследователям, они больше не могли помочь «Стремительному» в его отчаянном бегстве через пять галактик. Логичным решением казалось высадить небольшую колонию на Джиджо; Маканай должна была в мягкой мирной обстановке присматривать за регрессировавшими товарищами, а остальные члены экипажа устремились к далеким новым кризисам.

Она и сейчас слышит их, охотящихся за обильной добычей всего в ста метрах. Тридцать неодельфинов, выпускников самых престижных университетов. Лучшие специалисты, отобранные для этой экспедиции, — теперь они резвятся и пищат и думают только о пище, сексе, музыке. Их примитивные призывы больше не смущают Маканай. После того что пережили ее товарищи после отлета с Земли — они отправлялись в рутинный исследовательский полет, который вместо предусмотренного одного занял целых три адских года, — удивительно, что они вообще сохранили здравый рассудок.

Такие страдания истощили бы человека и даже тимбрими. А нашей расе всего несколько столетий. Неодельфины

храбро вступили на долгий путь Возвышения. Мы еще неуверенно держимся за разум.

И прежние тропы все еще манят нас.

Высадившись вместе с пациентами, Маканай узнала местную религию шести рас, которые тайно поселились на этой изолированной планете. В центре этой религии — концепция тропы Искупления. Считается, что спасение может быть найдено в благословенном невежестве, в отсутствии разума.

Достичь этого не на словах, а на практике оказалось очень трудно. Из всех шести «недавних» рас, которые незаконно прилетели на эту планету и искали убежища в простоте, пока это удалось только одной, и Маканай сомневалась, чтобы человеческие поселенцы смогли бы когда-нибудь вернуться к невинности животных, как бы отчаянно ни старались. В отличие от возвышенных рас люди сами трудным путем заработали свой разум на старой Земле; каждая новая способность, каждое новое вдохновение стоили им тысяч трудных тысячелетий. Они могут стать невежественными и примитивными, но никогда не опростятся. Никогда не обретут невинность.

Но для нас, неодельфинов, это просто. Мы такое короткое время пользуемся инструментами — в качестве дара от наших человеческих патронов, дара, который мы не просили. Легко отдать то, что получил без борьбы. Особенно если соблазнительно зовет альтернатива — Сон Китов, — зовет всякий раз, как ты засыпаешь.

Соблазнительное убежище. Сладкая западня безвременности.

Маканай слышала щелкающие сонарные излучения. Это ее помощники, добровольцы, полностью сохранившие сознание, старались удержать регрессировавших вместе. Здесь все так спокойно, но никто не знает, какие опасности таятся в обширном океане Джиджо.

У нас и так потерялись уже трое. Бедная маленькая Пипоу и ее два злополучных похитителя. Я обещала Каа послать группу, чтобы освободить ее. Но как? Заки и Мопол намного нас опередили, и в их распоряжении половина планеты, чтобы укрыться.

Сейчас ее ищет Ткетт, и как только пациенты окажутся в безопасности в постоянном поселении, мы расширим

поиски. Но теперь они могут уже быть на другой стороне Джиджо. Единственная надежда для Пипоу — каким-то образом сбежать от этих идиотов и приблизиться к нам, чтобы мы услышали ее призыв о помощи.

Маканай и Брукидс пора возвращаться, чтобы, в свою очередь, охранять невинных счастливых пациентов. Но ей не хотелось возвращаться. Она нервничала.

В ее пасти вода отдавала легким металлическим привкусом — привкусом *ожидания.*

Маканай поворачивала чувствительную к звукам голову в поисках разгадки. И наконец уловила далекую дрожь. С запада слабый знакомый резонанс.

Брукида этого еще не заметил.

— Что ж, — сказал он, — думаю, очень скоро мы полностью сольемся с этим миром. Спустя несколько поколений наши потомки перестанут пользоваться англиком или любым галактическим языком. Мы снова будем безвинными и невежественными, готовыми к открытию и вторичному Возвышению. Интересно, какими будут наши новые патроны.

Друг Маканай слегка насмехался над ней, описывая горькую и одновременно сладкую участь этой колонии в мире, словно нарочно созданном для китообразных. В мире, где комфорт — самый надежный способ достичь быстрого упадка их дисциплинированного разума. Без постоянных угроз и вызовов Сон Китов, несомненно, снова овладеет ими. Казалось, Брукида спокойно воспринимает такое будущее, и это тревожило Маканай.

— У нас по-прежнему есть патроны, — заметила она. — И на самой Джиджо есть люди.

— Да, люди. Но необразованные. У них нет научных знаний, необходимых для того, чтобы и дальше вести нас. Так что единственным возможным выбором для нас остается...

Он замолк, уловив наконец усиливающийся звук с запада. Маканай узнала характерное гудение скоростных саней.

— Это Ткетт, — сказала она. — Возвращается из разведывательного маршрута. Давай послушаем, что он нашел.

Ударив плавниками, Маканай вырвалась на поверхность, выдохнула пену и отработанный воздух из легких, глубоко

вдохнула сладкий кислород. Потом развернулась и поплыла в сторону звука двигателя. Брукида поплыл за ней.

За ними стая пасущихся рыбоидов только подернулась мелкой рябью в своем бесконечном танце, раскачиваясь и питаясь тем, что предоставляет щедрый океан.

У археолога была своя форма душевной болезни — мечтательность.

Ткетт получил приказ остаться и помогать Маканай отчасти потому, что его знания не были нужны «Стремительному» в его отчаянном бегстве по известной Вселенной. Компенсируя горечь изгнания, он выработал у себя одержимый интерес к Великой Середине — огромной подводной свалке, куда древние разумные обитатели Джиджо сбросили почти все искусственные объекты, изготовленные на планете, когда покинули ее полмиллиона лет назад.

— Когда мы вернемся на Землю, я представлю замечательный отчет, — рассуждал он, очевидно, в полной уверенности, что все их беды минуют, он вернется домой и опубликует результаты своих открытий. Это особая разновидность психического расстройства, без признаков стресс-атавизма или регресса. Ткетт по-прежнему превосходно владеет англиком. Работа его безупречна, а поведение доброжелательно. Он приятен, функционален и при этом совершенно безумен.

Маканай встретила его сани за километр от стада. Ткетт остановился здесь, чтобы не тревожить пациентов.

— Нашел какие-нибудь следы Пиноу? — спросила она, как только он выключил двигатель.

Ткетт — удивительно прекрасный образец Tursiops amicus, с пятнами на скользких серых боках. Постоянная дельфинья улыбка обнажала два ряда абсолютно белых конических зубов. Оставаясь на платформе управления саней, Ткетт покачал слева направо гладкой серой головой.

— Увы, нет. Я прошел примерно две сотни километров по слабым следам, которые мы засекли на сонаре далекой разведки. Но стало ясно, что источник звуков — не сани Заки.

Маканай разочарованно фыркнула.

— Тогда что это? — В отличие от громогласных морей Земли на этой невозделанной планете не должно быть шума двигателей в термально-акустических слоях.

— Вначале я воображал самые невероятные причины вроде морских чудовищ или джофурской подводной лодки, — ответил Ткетт. — Но тут мне открылась истина.

Брукида нервно кивнул, шумно выдувая пузыри из дыхала.

— И ч-ч-что же?

— Должно быть, это космический корабль. Древний хлам, который едва не разваливается...

— Конечно! — Маканай ударила хвостом. — Не все эти древние развалины поднялись в космос.

Ткетт печально сказал, что теперь это кажется совершенно очевидным. Когда «Стремительный» сделал попытку скрыться, оставив Маканай и ее пациентов на планете, земной космический корабль прятался в рое древних кораблей, которые инженеры-дельфины восстановили из груды отбросов на океанском дне. Хотя поверхность Джиджо сегодня представляет собой невозделанное царство дикарских племен, в глубоких подводных каньонах по-прежнему лежат тысячи поврежденных брошенных космических кораблей и других остатков от того времени, когда этот сектор четвертой галактики был центром цивилизации и торговли. Несколько десятков этих развалин были реактивированы, чтобы обмануть врага «Стремительного» — страшный джофурский боевой корабль, но, очевидно, некоторые корабли не смогли своевременно подняться со дна моря. И теперь обречены бесцельно плыть под водой, пока не откажут двигатели, и тогда они снова погрузятся в темные глубины.

А что касается остального, то оставшимся на планете не известно, удалось ли бегство «Стремительного», увлекшего за собой в глубины космоса страшный дредноут. По крайней мере, без него Джиджо кажется гораздо более дружелюбной планетой. Пока.

— Следовало ожидать этого, — продолжал археолог. — Когда я отплыл от шума прибоя, мне показалось, что я слышу шум по меньшей мере трех таких бесцельно плывущих кораблей. Как подумаешь, это так печально. Древние корабли, не стоившие даже попыток использовать их, когда буйуры покинули Джиджо. Они ждут в ледяной водной могиле последнего шанса взлететь в небо. И не могут им воспользоваться. Навсегда застряли здесь.

— Как мы, — проговорила Маканай.

Ткетт, казалось, не слышал.

— Мне хотелось бы вернуться и взглянуть на такой брошенный корабль.

— Зачем?

Улыбка Ткетта по-прежнему была очаровательной и заразительной... что в данных обстоятельствах казалось еще более безумным.

— Я бы использовал его как научный прибор, — сказал большой неодельфин.

Маканай почувствовала, что ее диагноз полностью подтверждается.

Пипоу

Плен оказался не таким тяжелым, как она опасалась.

Он был гораздо хуже.

У природных доразумных дельфинов иногда молодые самцы договаривались изолировать самку от стада, увести ее подальше для совокуплений — особенно если у нее начинался период гона. Действуя совместно, такие дельфины монополизировали совокупление с самкой и гарантировали успех своего воспроизводства, даже если она явно предпочитала местных самцов ранга альфа. Этот древний обычай сохранялся у диких дельфинов: у них были и традиции, и нечто вроде первобытной чести, но они не могли усвоить концепцию закона — кодекса, по которому должны жить все, потому что у сообщества есть память, превосходящая память любого индивида.

Однако у современных, возвышенных дельфинов amicus существует закон! И когда молодые хулиганы дома иногда пытались совершить подобное, их поведение называлось *насилием*. И влекло за собой суровое наказание. Как и у сексуальных маньяков среди людей, таких преступников ждала стерилизация.

И угроза наказания действовала. Спустя три столетия проявления образцов наименее желательного дикого поведения встречались все реже. Однако возвышенные неодельфины — все еще молодая раса. И время от времени сильный стресс мог вернуть ее представителей на древние пути.

А мы, члены экипажа «Стремительного», постоянно находились под сильным стрессом.

В отличие от других товарищей, которые под постоянным давлением утратили способность к разумному мышлению и к современному восприятию, Заки и Мопол поддались атавизму лишь частично. Они по-прежнему могут разговаривать и управлять сложными механизмами, но больше это не вежливые, почти застенчивые рядовые матросы, с которыми она познакомилась, когда «Стремительный» под командованием капитана Крайдайки впервые поднялся с Земли и космос еще не взорвался вокруг корабля.

Отвлеченно она понимала, какой ужасный стресс привел их к такому состоянию. И возможно, если бы предоставилась возможность убить Заки и Мопола, Пипоу нашла бы такое наказание слишком суровым.

С другой стороны, стерилизации для них мало.

Несмотря на то что дельфины и люди относятся к общей культуре и у них общие предки среди земных млекопитающих, они на многое смотрят по-разному. Пипоу больше раздражало похищение, чем насилие. Она была скорее рассержена, чем травмирована. Полностью избежать их пыла ей не удавалось, но с помощью различных трюков — играя на взаимной ревности или изображая недомогание — ей удавалось на долгие периоды избавляться от нежеланного внимания.

Но, если я узнаю, что они убили Каа, я съем их внутренности на ленч.

Проходили дни, и ее нетерпение росло. Время Пипоу приближалось. *Мой контрацептивный имплант скоро выдохнется. Заки и его приятель мечтают населить Джиджо своими потомками, но я не хотела бы подвергать планету такому проклятию.*

И она решила попытаться бежать. Но как это сделать?

Иногда она заплывала в узкий пролив между двумя островами, куда привели ее похитители, и лениво плыла, прислушиваясь. Однажды Пипоу показалось, что она услышала что-то отдаленно знакомое — слабое щелканье далекой стаи дельфинов. Но оно исчезло, и Пипоу решила, что ей послышалось. Заки и Мопол несколько дней вели сани на

предельной скорости, она была привязана к саням. Только потом остановились они у этого незнакомого архипелага и сняли с нее повязку, которая делала ее невосприимчивой к звукам. И теперь она понятия не имеет, как вернуться к берегу, у которого поселилась группа Маканай.

Сбежав от этих двух придурков, я, возможно, до конца жизни обреку себя на одиночество.

Ну хорошо, ты стремилась к жизни исследователя. Может существовать участь и похуже этого прекрасного мира, вкусной экзотической рыбы, когда проголодаешься, купания в незнакомых приливах и вслушивания в ритмы, которых не слышал ни один дельфин.

В ее фантазиях была ядовитая красота, и от этого Пипоу чувствовала себя одинокой. Ей было грустно.

В океане звучало эхо гнева, двигателей и странных шумов.

Конечно, все дело в перспективе. На шумной Земле эти волны казались бы необыкновенно тихими. Земные моря насыщены звуками транспорта, бóльшая часть этих звуков связана с неодельфинами, которые постепенно приняли на себя управление семью десятыми земной поверхности. Они занимались добычей ископаемых в глубинах, разведением рыб, присмотром за священными глубокомысленными простаками, которых именуют китами, и все большая ответственность ложилась на возвышенных финов, использующих катера, подводные лодки и другое оборудование. Вопреки непрерывным попыткам уменьшить шум, родная планета оставалась очень шумным местом.

Джиджо по сравнению с ней кажется детским садом. Естественные звукопроводящие термальные слои доносят звуки прибоя, обрушивающегося на далекие берега, и постоянные стоны мелких тектонических подвижек на океанском дне. Собственная подводная фауна Джиджо испускает мириады фырканий, щелканий, свистов. Здесь рыбоподобные существа возникли в ходе эволюции или были завезены колонистами, такими как древние буйуры. Некоторые отдаленные громыхания намекают даже на существование огромных животных, медленно и лениво передвигающихся в глубине... возможно думающих свои долгие медлительные думы.

Дни переходили в недели, и Пипоу научилась различать органические ритмы Джиджо, подчеркнутые оглушительным грохотом, когда самцы отправлялись на прогулку в санях, разгоняя стаи рыб или несясь вдоль береговой линии с красными огнями индикаторов. При таких темпах машина долго не выдержит, думала Пипоу, хотя продолжала надеяться, что один из них раньше сломает себе шею.

Если она уплывет, Заки и Мопол легко выследят ее с санями или без них. Даже когда они оставляли груды мертвой рыбы гнить на плавучих водорослях, а потом пьянели от разложившихся туловищ, эти двое никогда не становились настолько неосмотрительными, чтобы позволить ей украсть сани. Один из них постоянно лежал на санях. И поскольку у дельфинов в сон по очереди погружается только одно полушарие, их совершенно невозможно застать врасплох.

Но вот, пробыв в плену уже два месяца, Пипоу уловила поблизости нечто новое.

Впервые она услышала это, когда ныряла в глубину в поисках вкусного местного краба с мягким панцирем. Похитители забавлялись в километре от нее, ведя сани по сужающимся кругам вокруг испуганной стаи серебристых рыбоидов. Но когда Пипоу ушла ниже пограничного, термального слоя, отделяющего теплую поверхностную воду от холодной воды на глубине, шум саней неожиданно стал почти не слышен.

Благословенная тишина вдобавок к кулинарным наслаждениям. В последнее время Пипоу часто ныряла.

Однако на этот раз погружение в глубину не только избавило ее от шума саней. Оно принесло также какой-то *новый* звук. Отдаленный рокот, канализированный колеблющейся средой. С растущим возбуждением Пипоу узнала шум двигателя! Но таких ритмов она не слышала ни на Земле, ни в других местах.

Удивленная, она быстро вынырнула, заполнила легкие свежим воздухом и снова нырнула, чтобы вслушиваться дальше.

Глубоководное течение отлично переносит звук, поняла она, *не рассеивая его, а фокусируя. И в то же время*

скрывает звуковые колебания. Даже сенсоры саней не могут их уловить.

К несчастью, это означает также, что она не может сказать, как далеко источник звука.

Если бы у меня был дыхательный аппарат... если бы не нужно было подниматься на поверхность за воздухом... я могла бы далеко проплыть, прячась за этим термальным барьером. А так, когда я вынырну, чтобы вдохнуть, они легко обнаружат меня с помощью дальнего сканирования.

Некоторое время Пипоу слушала и наконец приняла решение.

Кажется, оно приближается... но медленно. Источник все еще далеко. Если сделаю попытку сейчас, далеко не уйду. Они меня настигнут.

Однако она не должна позволить Мополу и Заки уловить новый звук. Если придется ждать, нужно их отвлечь, дожидаясь удобного случая.

Есть только один способ добиться этого.

Пипоу поморщилась. Поднявшись на поверхность, она выразила отвращение с помощью вульгарной полухайку тришари:

Пусть солнце выжжет ваши спины,
Пусть жесткий песок оцарапает вам брюхо,
Пока вы не почувствуете дикий зуд...
Как от хорошего триппера!

Маканай

Послав приказ с помощью устройства нервной связи, Маканай сложила инструменты своей упряжи в углубление и сделала знак, что осмотр окончен.

Вождь кикви, маленький самец с пурпурным жаберным кольцом вокруг головы, на метр погрузился под воду, расставив все четыре перепончатые руки в жесте благословения и благодарности. Потом повернулся и повел свое племя назад, к ближайшему острову, где у них было поселение. Маканай чувствовала удовлетворение, глядя вслед строю маленьких амфибий, размахивающих копьями с каменными наконечниками.

Кто бы мог подумать, что мы, дельфины, самая молодая зарегистрированная в пяти галактиках разумная раса, сами станем патронами всего лишь несколько столетий спустя после того, как люди начали возвышать нас.

Учитывая все обстоятельства, кикви на Джиджо развивались очень хорошо. Вскоре после того, как их выпустили на коралловый атолл недалеко от берега, они начали размножаться.

В нормальных условиях какая-нибудь из старших рас нашла бы предлог, чтобы отобрать кикви у дельфинов и самой ввести такой перспективный предразумный вид в одно из богатых древних семейств, которые правят кислорододышащими цивилизациями пяти галактик. Но здесь, на Джиджо, дела обстоят по-другому. Они отрезаны от межзвездной галактической культуры с ее обширным, сбивающим с толку комплексом ритуалов, по сравнению с которым древнекитайский императорский двор кажется песочницей для малышей. В положении отрезанного от всех есть свои преимущества и недостатки.

С одной стороны, Маканай не находится под постоянным стрессом, убегая от огромных боевых флотов чужаков, чьи приспособления и устройства недоступны пониманию землян.

С другой стороны, больше нельзя посещать симфонии, оперы или пузырчатые танцы.

Больше никогда не придется ей сносить насмешливое высокомерное отношение патронов, которые считают дельфинов чуть более умными, чем обычные животные.

Но не проведет она больше ни одного ленивого воскресенья в своем уютном жилище в космополитическом Подводном Мельбурне, где за ее окнами в коралловых садах плавают стада разноцветных рыбок, а она тем временем жует пирожки с лососем и смотрит по телевизору «Двенадцатую ночь» — вся труппа состоит исключительно из дельфинов.

Маканай заброшена на необитаемую планету и, скорее всего, проведет на ней весь остаток жизни, присматривая за двумя небольшими группами колонистов и надеясь, что они будут в безопасности до наступления новой эры. Века, когда обе группы смогут продолжить свой путь Возвышения.

Если считать, что удастся наладить добычу металла, то кикви, очевидно, неплохо вписались в новое место. Конечно, их следует научить племенным табу против уничтожения на охоте какого-нибудь вида местной фауны, чтобы их присутствие не стало проклятием нового мира. Но умные маленькие амфибии уже проявляют определенное понимание, выражая эту концепцию на своем собственном эмфатическом полуязыке:

##Редкое драгоценно!##
##Не есть/охотиться на редких/драгоценных/рыб/зверей!##
##Есть/охотиться только на тех, которых много!##

Маканай чувствовала свою долю участия в этом. Два года назад, когда «Стремительный» собирался покинуть ядовитый Китруп, прячась в корпусе разбитого таннанинского боевого корабля, Маканай взяла на себя ответственность заманить проходящее мимо племя кикви с помощью их же записанных призывов, и группа любопытных кикви прошла через главный шлюз «Стремительного» непосредственно перед тем, как окружающая вода закипела от выхлопов оживших двигателей корабля. То, что тогда казалось простым актом жалости, превратилось в нечто вроде любовной связи, так как дружелюбные маленькие амфибии вскоре стали любимцами всего экипажа. И может быть, заслужили право жить в более подходящем месте, чем этот несчастный Китруп. Приятно, что «Стремительный» совершил в своей безнадежной трагической миссии хоть одно доброе дело.

А что касается дельфинов, кто может усомниться в том, что им хорошо в теплом море Джиджо? Как только узнаешь, какие рыбоиды съедобны, а каких следует избегать, жизнь превращается в выбор предпочтительного блюда, затем всплеск и отдых. Конечно, ей не хватает голозвукового устройства, с его громким воспроизведением китовых песен и барочных хоралов. Но здесь она получает удовольствие, слушая океан; чья звуковая чистота почти так же прекрасна, как его вибрирующая текстура.

Почти!..

Реагируя на слабое ощущение, Маканай повернула свою чувствительную к звукам челюсть справа налево.

Вот оно! Она снова это услышала. Отдаленное громыхание, которое в подводной какофонии Земли могло бы

остаться незамеченным. Но здесь оно явно выделяется на фоне нормального шума течений и приливов.

Ее пациенты — несколько десятков дельфинов, которых стресс-атавизм низвел до детской невинности, — называют такие шумы *буджум*. Или используют восходящую трель на дельфиньем праймале — ту самую, которая обозначает неведомых чудовищ глубин. Иногда эти далекие шумы как будто действительно намекают на существование огромных живых существ, грохочущих низким басом, самодовольно уверенных, что все обширное море принадлежит им. А может, это просто шум разлаженного двигателя какого-нибудь брошенного корабля, бесцельно блуждающего в океанской безмерности.

Оставив за собой атолл кикви, Маканай поплыла к подводному куполу, в котором они с Брукидой и несколькими сохранившими разум санитарами устроили базу, откуда можно следить за подопечными. Приятно будет хоть ненадолго уйти от непогоды. Прошлой ночью пришлось обходиться без обычных удобств: она присматривала за пациентами во время бури. Тревожное испытание.

Мы, современные неодельфины, избалованы. Потребуются годы, чтобы мы снова привыкли жить на природе, без жалоб принимая то, что она посылает нам, не строя амбициозных планов ее завоевания.

Эта человеческая сторона в нас должна угаснуть.

Пипоу

На следующее утро она предприняла попытку к бегству.

Заки спал с похмелья на большом пласте водорослей, а Мопол уплыл на санях, гоняясь за несчастными пингвиноподобными морскими птицами, которые пытались кормить своих птенцов поблизости от наветренного берега острова. Казалось, это подходящая возможность, но главная причина, по которой Пипоу выбрала именно этот момент, была простой. Подныряув под пограничный термальный слой, Пипоу установила, что отдаленный рокот ослабел, он словно свернул в сторону, затихая с каждым часом.

Теперь или никогда.

Пипоу надеялась сначала украсть что-нибудь с сацей. Инструментальную упряжь, например, или дыхательную трубку, и не только из практических соображений. В нормальной жизни мало кто из неодельфинов проводит целый день, не пользуясь киберинструментами, которые контролируются нервной связью с полушариями мозга. Но уже несколько месяцев два ее «мужа» не позволяют ей ни к чему подсоединяться. И невральный клапан за левым глазом зудел оттого, что им не пользуются.

К несчастью, Мопол почти всегда спит на платформе саней, оставляя ее только для еды и испражнений.

Он будет очень несчастен, когда сани наконец выйдут из строя, подумала Пипоу, и эта мысль слегка утешила ее.

Итак, решение принято, кости Ифни брошены. Пипоу пустилась в путь с теми способностями и оборудованием, какими снабдила ее природа. Совершенно нагая, устремилась она в неведомое море.

Для Пипоу побег начинался совсем не так, как в человеческих романах или голофантазиях. В таких историях героине труднее всего приходилось в начале, когда нужно было уйти. Но тут Пипоу не мешают ни стены, ни запертые комнаты, ни собаки, ни проволочная изгородь. «Охранники» позволяют ей уходить и приходить когда вздумается. В таком случае проблема не в начале, а в том, чтобы выиграть как можно больше времени, прежде чем Мопол и Заки поймут, что она убежала.

Сначала ей помогало скрыться погружение под пограничный термальный слой. Обнаружить ее можно, только когда она выныривает, чтобы перевести дыхание. Но долго так плыть она не может. Дельфины вида tursiops не приспособлены к жизни глубоко под водой, и в глубине ее скорость втрое ниже той, что она способна развить на поверхности.

Поэтому, когда остров еще был виден сзади на горизонте, Пипоу прекратила красться в глубине и предприняла серьезную попытку убежать — с помощью мощных изгибов тела и ударов плавниками она устремилась в сторону солнца, изредка ныряя поглубже, чтобы уточнить направление к далекому грохоту.

Было восхитительно скользить по вершинам волн, извлекая из организма все, на что он способен. Пипоу вспом-

пила, как в последний раз неслась так — рядом с ней был Каа, и тогда воды Джиджо казались теплыми, сладкими и полными возможностей.

Хотя она старалась свести к минимуму звуковые низкочастотные пощелкивания, но все же позволила себе несколько всплесков, проверяя препятствия впереди и играя с окружающей водой, воспринимая отражения звука от вызванной солнцем конвекции, позволяя звукам окутывать себя, словно колеблющимися воспоминаниями. Звуковые сигналы Пипоу оставались мягкими и тихими — не громче колебаний, создаваемых ее бьющим хвостом, но постепенно рисунок их становился все сложнее: мозг Пипоу приспособился к ритму движения. Вскоре возвращающиеся волны ее собственных звуков стали смешиваться с отражениями звуков течений и приливов, создавая звуковые образы.

Большинство этих образов оставались очень неясными, какие видишь, когда плывешь на краю сна. Но иногда несколько изображений сливались, образуя нечто большее. Сложное эхо словно изгибалось и поворачивало, когда изгибалась и поворачивала она сама. Такое впечатление, будто рядом плывет призрачный спутник, плывет там, где зрением воспринимаются только солнечные лучи и пустое море.

Каа, подумала Пипоу, узнав пыл, с каким призрак режет носом волну.

Дельфину не обязательно умереть, чтобы вернуться призраком... хотя это помогает. Иногда для этого нужна только яркость духа, а дух у Каа, несомненно, был очень ярким.

А может, близкий звуковой призрак рожден исключительно воображением Пипоу.

На самом деле дельфинья логика не видит противоречия между этими двумя объяснениями. Сущность Каа может действительно находиться здесь — и не находиться — в одно и то же время. Но реальность это или мираж, Пипоу была рада, что ее возлюбленный снова рядом с ней, там, где ему и полагается быть.

Как я по тебе соскучилась, подумала она.

Англик — неподходящий язык для фантомов. Вообще человеческая грамматика для них не годится. Возможно,

именно поэтому бедные двуногие так редко общаются со своими утраченными любимыми.

Гость Пипоу ответил более двусмысленным, истинно дельфиньим способом:

Пока цветут водоросли,
Пока под лунными лучами
раскрываются их цветы,
Я буду плыть рядом с тобой.

Пипоу была удовлетворена этим. Какое-то время ей казалось, что рядом с ней плывет настоящий спутник, ее любимый, подбадривая ее, разделяя ее скорость. Вода перед ней раздавалась, ласкала бока, как настоящий возлюбленный.

Но вдруг вмешался новый звук. Далекий рев двигателя развеял все иллюзии.

Пипоу неохотно затихла, заставив смолкнуть звуковые отражения, окружившие ее дыхало. Исчезли отражения, исчез и ее призрачный товарищ. Вода словно почернела, и Пипоу сосредоточилась, прислушиваясь.

Вот оно.

За ней, доносится сзади. Звуки двигателя, слишком знакомые, и быстро приближаются по поверхности моря.

Теперь они знают, поняла Пипоу. *Заки и Мопол знают, что я убежала, и идут за мной.*

Больше она не стала тратить времени. Поплыла еще быстрее, чем раньше. Теперь скрытность больше не нужна. Остается соревнование в скорости, выносливости и удаче.

Ткетт

Ему потребовались день и ночь, чтобы приблизиться к источнику таинственных колебаний, ведя сани на предельной скорости. Маканай приказала Ткетту не перенапрягать двигатель, поскольку никаких запасных частей у них нет.

Будь осторожен, — говорила пожилая дельфинья самка-врач, давая разрешение на эту экспедицию. — *Узнай, что это такое... может быть, это брошенный космический корабль, который вернули к жизни Суесси и инженеры. Если это так, не приближайся к нему. Немедленно возвращайся с сообщением. Мы обсудим, что делать дальше.*

Ткетт не собирался нарушать приказ. Во всяком случае, не буквально. Но если эти грохочущие звуки действительно издает корабль, возникает множество возможностей. Что, если удастся в него забраться и взять на себя управление?

Даже если он не может летать, то может плавать в океане. Я мог бы использовать его для подводных исследований и посетить Великую Середину.

Великая Середина — это гигантская подводная впадина, куда буйуры сбросили большинство остатков своей могучей цивилизации, собираясь покинуть Джиджо, чтобы вернуть планете статус невозделанной. Упаковав все то, что они собирались взять с собой, последние обитатели планеты с помощью титанических машин снесли свои города, а все здания и машины сбросили в бездну, где медленное тектоническое движение увлечет обломки внутрь, переплавит и преобразует в новые руды. А когда-нибудь в будущем, когда Джиджо будет открыта для законного поселения, этими рудами воспользуются новые обитатели.

Для археолога Середина — это возможность всей жизни.

Я так много узнаю о буйурах! Мы сможем обследовать целые классы их орудий, каких не видел ни один землянин. Буйуры были богаты и могущественны. Они могли позволить себе все достижения цивилизаций пяти галактик, тогда как новички земляне вынуждены довольствоваться только остатками. Даже то, что выбросили буйуры — их игрушки и сломанные машины, — представит Земному Совету бесценные данные.

Ткетт не был дураком. Он хорошо знал, что думают о нем Маканай и Брукида.

Они считают меня спятившим, потому что я надеюсь вернуться домой. Потому что верю, что мы еще увидим Землю, почувствуем вкус ее воды в своих челюстях и снова услышим звуки прибоя Рангароа.

Или прочитаем лекцию в университете. Или погрузимся в богатство информации земной сети, со скоростью света обмениваясь мыслями с плодородной цивилизацией. Или будем вести дискуссии с теми, кто разделяет твои интеллектуальные пристрастия.

Он записался в состав «Стремительного», чтобы сопровождать капитана Крайдайки и дельфиний элитный экипаж

в величайшем приключении, какое предстояло когда-либо группе китообразных. Это последняя проверка новой разумной расы. Но теперь Крайдайки исчез, вероятно, он мертв, а новый командир «Стремительного» изгнал Ткетта с корабля в момент самого острого кризиса. Маканай может смириться с тем, что ее отнесли к «несущественной» части экипажа, но Ткетт кипел от негодования, плавая в теплом, отвратительно спокойном море, в то время как его товарищи по-прежнему смотрят в лицо невообразимым опасностям среди окровавленных звезд.

Сзади послышался голос и помешал Ткетту еще больше погрузиться в жалость к самому себе:

#Дай мне дай мне ДАЙ МНЕ
#удовольствие толчка рыла
#удовольствие доброй драки!#

Этот резкий звук доносился с тыльного помещения саней, и Ткетт от неожиданности забил плавниками. Так легко оказалось забыть о молчаливом пассажире. Чиссис говорила редко, да и то исключительно на примитивном протоязыке — дельфиньем праймале.

Ткетт подавил раздражение. В конце концов, Чиссис больна. Как и у нескольких других членов экипажа, ее современное сознание не выдержало давления длительного испытания «Стремительного» и нашло убежище в более древних путях мысли. Надо быть снисходительным, хотя Ткетт не мог себе представить, как можно отказаться от наслаждения рациональностью, каким бы настойчивым ни казался призыв Сна Китов.

Немного погодя Ткетт осознал, что его спутница не просто бессмысленно болтает. Должно быть, Чиссис поняла смысл его сонарных щелканий. И, очевидно, разделяет его негодование по поводу решения Джиллиан Баскин оставить их на Джиджо.

— Ты тоже хотела бы оставаться в космосе? — спросил он. — Хотя и не можешь больше сидеть за приборной панелью? И даже зная, что боевые корабли Джофура и другие страшилища окружили «Стремительный», готовясь к нападению?

Он говорил на подводном англике. Большинство регрессировавших его не понимали. Но Чиссис испустила

с платформы в задней части саней звуковой поток, похожий на грохот двигателя, поток вызывающий:

#Бей джофуров! Бей акул!
#БЕЙ ИХ!#

И, сопровождая этот вопль, донесся сонарный поток, который испускали жировые слои лба Чиссис, создавая вокруг Ткетта облако иллюзий. Он на мгновение увидел Чиссис в пускающем пузыри носу торпеды класса «минога». Чиссис вела торпеду к огромному кораблю чужаков, окруженному полями, которые выводят из строя цифровые управляющие системы. Она ведет свой смертоносный снаряд с инстинктом и природной способностью, унаследованными дельфинами от предков.

Утрата речи, очевидно, не лишила «регрессировавших» ни храбрости, ни изобретательности. Ткетт рассмеялся. Джиллиан Баскин допустила большую ошибку, оставив здесь Чиссис. Очевидно, чтобы иметь сердце воина, совсем не обязателен ум инженера.

— Неудивительно, что Маканай позволила тебе сопровождать меня, — произнес Ткетт. — Ты оказываешь дурное влияние на остальных, верно?

Настала ее очередь рассмеяться, и смех ее звучал точно, как его. Воинственный призыв, единственное, что оставили мастера Возвышения. Глубокий крик китообразных, бросающих вызов трезвой Вселенной, которая многое воспринимает слишком серьезно:

#Быстрее быстрее БЫСТРЕЕ!
#Двигатели зовут нас...
#Предлагают прокатиться...#

Этот крик затронул что-то глубоко запрятанное в Ткетте, и дельфин невольно хлестнул хвостом. Без колебаний он увеличил скорость и понесся навстречу загадочному объекту, чья песня заполнила море.

Пипоу

Она чувствовала, что Заки и Мопол догоняют ее. Может быть, они придурки, но знают, чего хотят, и умеют вести сани на предельной скорости, не теряя ее из виду. Поняв,

что она убежала, они погнались за ней на санях, пользуясь сонарами дальнего обзора, которыми снабжена машина. И каждый звук их мотора она ощущает, словно легкий укус в спину. Теперь они точно знают, где она. И шум должен устрашить ее.

И он подействовал. *Не знаю, сколько я еще выдержу,* думала Пипоу, в то время как тело ее горело от усталости. Каждый изгиб спины, каждый прыжок вперед требовал все большего и большего напряжения. Больше никаких радостных ощущений, шелковая поверхность волн стала цепкой, она липала Пипоу с таким трудом завоеванной инерции движения. Снова и снова приходилось ускоряться.

Казалось, по сравнению с водой жестокий вакуум космоса предоставлял бблышие возможности. Что приобретаешь, то у тебя сохраняется. Даже мертвый остается на траектории, вечно стремясь вперед. Космические путешествия способствуют развитию концепции «прогресса». Старомодным дельфинам эта концепция казалась целепой, да и современным трудно к ней привыкнуть.

Должно быть, я очень близка к звуку, что бы его ни производило. И могла бы сказать точно, если бы эти проклятые паразиты сзади выключили свой сонар и дали мне возможность спокойно прислушаться!

Конечно, этот гудящий грохот должен лишить ее ориентации. Теперь Пипоу улавливала только отдельные звуковые глифы цели, и то лишь тогда, когда ныряла под звуконепроницаемый термальный слой. А это она делала как можно реже, потому что погружения замедляли ее продвижение вперед.

Звук двигателя саней приближался. Теперь они слишком близко. В любой момент Заки и Мопол могут пронестись мимо нее, потом начнут приближаться по спирали, загоняя ее, словно беспомощное морское существо, а сами будут фыркать и наслаждаться своим мачо, своим ощущением силы.

Придется подчиниться... придется перенести их наказание... терпеть их укусы и шлепки, пока они не поверят, что я стала покорной коровой.

Но все это расстраивало Пипоу не так, как вывод, который она сделала из своего вторичного пленения.

Видимо, это означает, что мне придется убить одного из них.

Этого она надеялась избежать. И в старину убийства среди дельфинов случались редко, а инженеры-генетики постарались создать у них врожденное отвращение к убийству. Пипоу хотела избежать такого исхода. Достаточно будет просто убежать.

Она не знала, как это сделает. Пока не знала.

Я все еще офицер земного космического флота, хотя они и считают себя дикими животными. Трудно ли мне будет это сделать?

Отчасти она понимала, что фантазирует. Возможно, таким способом подсознание пытается рационализировать предстоящую капитуляцию. Можно сдаваться немедленно, прежде чем истощение отнимет остаток сил.

Нет! Нужно продолжать двигаться.

Пипоу застонала, удваивая усилия, устремившись вперед с помощью мощных ударов хвостового плавника. Каждое мгновение продолжающейся погони означает для нее еще немного свободы. Немного достоинства.

Конечно, так не может продолжаться вечно. Хотя возбуждение и негодование заставляли делать все новые и новые броски, скорость постепенно падала: организм тратил последние резервы. Дрожа, Пипоу перешла на легкое скольжение, хватая воздух измученными легкими.

Плохо. Я ее слышу... ту подводную штуку, которую ищу... она недалеко от меня.

Но Заки и Мопол ближе...

Пипоу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что термальный барьер заглушает звуки существа внизу. Если она слышит его сейчас, пусть слабо, значит, оно...

Пипоу задрожала. Она почувствовала, как взбухает вода вокруг нее, словно ее раздвигает какое-то огромное существо. И тут же поняла, в чем дело. Одновременно она услышала сзади торжествующий крик Заки.

Оно прямо подо мной. Эта штука! Проходит внизу, во тьме.

У нее было лишь несколько мгновений на принятие решения. Судя по давлению воды, штука эта огромная и находится глубоко внизу. Но Пипоу не способна сейчас нырять: каждый вдох причиняет ей боль.

Она услышала и почувствовала, как мимо пролетели сани, видела на спине машины двух своих мучителей; они

улыбались, проносясь в опасной близости. Инстинкт заставлял ее повернуть и бежать либо погрузиться под воду, пока выдерживают легкие. Но все это ей не поможет, поэтому она осталась на месте.

Они еще немного будут наслаждаться своей победой, подумала Пипоу, надеясь, что они настолько самоуверенны, что не станут применять сканер. Да и вообще, что она может сделать на таком расстоянии?

Трудно поверить, что они до сих пор не уловили никаких сигналов от гиганта внизу. Тупые самцы. Все их усилия сосредоточены на погоне за ней.

Заки и Мопол дважды обошли ее по кругу, каждый раз подходя все ближе, насмехаясь и болтая.

Пипоу по-прежнему с трудом вдыхала воздух, чувствуя себя истощенной. Но больше ждать нельзя. И когда они начали приближаться в третий раз, она сделала последний вдох, изогнула спину и носом вперед погрузилась в глубину.

В последнее мгновение она хвостом махнула преследователям. Она надеялась, что этот ее жест они будут вспоминать с сожалением и чувством вины.

Тьма поглотила свет, Пипоу продолжала уходить вглубь, пока позволяет скромный запас воздуха. Скоро ее окружила полная темнота. Но теперь, миновав пограничный слой, она больше не нуждалась в освещении. Ее ведут звуки, глухой гул чего-то огромного, самодовольно и плавно движущегося сквозь мир, никогда не знавший солнечного света.

Ткетт

У него было несколько причин желать заполучить космический корабль, даже такой, который не способен летать. Например, такой корабль давал возможность посетить Великую Середину и исследовать ее чудеса. Частично управляемый корабль мог также оказаться полезным шести расам Джиджо, которые, как говорили, терпят поражение в кровопролитной войне с агрессорами джофурами.

Ткетт также полагал, что такая машина поможет отыскать и спасти Пипоу.

Прекрасная молодая самка-медик, одна из помощниц Маканай, была похищена вскоре после отлета «Стремитель-

ного». Никто уже не надеялся отыскать ее, поскольку океан просторен и у двух дельфиньих дебилов, Заки и Мопола, было множество возможностей, чтобы спрятать ее. Но расследование показало, что преступники бежали на санях. С другой стороны, корабль — даже развалина, пролежавшая полмиллиона лет на океанском дне,— способен покрыть гораздо большую территорию и слушать своими большими подводными сонафонами, уловив красноречивые шумы Пипоу и ее похитителей. Возможно даже найти в воде следы земной ДНК. Ткетт слышал, что такая техника продается на галактических рынках, однако стоит очень дорого. Но кто знает, какие чудеса буйуры считали на своих кораблях самым обычным делом?

К несчастью, след становился то отчетливее, то слабел. Иногда Ткетту казалось, что шум совсем рядом — это водные слои так причудливо передавали звуки. Но потом звуки совершенно исчезали.

Ткетт испытывал раздражение, но готов был попытаться еще раз. И когда Чиссис возбужденно принялась выкрикивать на праймале, что *большой зверь* бродит на юго-западе, он с готовностью повернул сани в том направлении.

И скоро был вознагражден. На контрольной панели загорелись индикаторы, по невральному каналу, соединяющему сани с клапаном, имплантированным за левым глазом Ткетта, пошли сигналы. Вдобавок к шуму, другие аномалии свидетельствовали, что где-то прямо впереди и примерно в ста метрах внизу движется огромная масса.

— Вероятно, нам стоит посмотреть, что это такое,— сказал Ткетт пассажирке, которая защелкала в знак согласия.

#Ищи ищи ищи ЧУДИЩЕ!#

И Чиссис рассмеялась, радуясь своему уму. Однако несколько минут спустя, когда они погружались в пучину моря, вслушиваясь и всматриваясь в то, что освещали лучи прожекторов, она прекратила щелкать и молчала, как могила.

Великие Спящие! Ткетт удивленно и благоговейно смотрел на возникший перед ними предмет. Не похоже ни на один корабль, который ему приходилось видеть. Гладкие металлические борта словно уходили в бесконечность, гигантская машина тяжело двигалась по дну, поднимая муть тысячами блестящих кристаллических ног.

И, словно уловив их появление, медленно раскрывался огромный шлюз Ткетт надеялся, что их встречают доброжелательно.

Это совсем не восстановленный космический корабль. Ткетт начал догадываться, что набрел на нечто совершенно иное.

Пипоу

Грудная клетка разрывалась.

Легкие Пипоу заполнились бьющейся болью, она заставляла себя уходить все глубже, гораздо глубже, чем позволяет рассудок, хотя от усталости она едва не теряла сознание.

Море в глубине совершенно черное. Глаза не различают ничего. Но зрение под водой не самое главное чувство. Сонарные щелчки, которые она испускает, делаются все быстрее; Пипоу с помощью чувствительной челюсти улавливала их отражения.

Какое огромное... подумала она, уловив первые отраженные звуки.

Отражения звуков начали соединяться, и Пипоу содрогнулась.

Не похоже на металл. Форма... скорее искусственная, чем...

По спине пробежал холодок ужаса: она поняла, что своими очертаниями эта штука впереди напоминает огромное живое существо! Гигантская масса плавников и бьющихся щупалец, похожая на чудовища из тех сказок, которые по вечерам рассказывают дельфиньим детям, чтобы удержать их на лежбищах вблизи больших земных портовых городов. То, что находилось перед Пипоу и плыло над дном каньона, казалось гораздо больше и страшнее гигантских спрутов, которые сражаются с кашалотами, самыми могучими среди китообразных.

Но Пипоу, изгибая спину, ударяя плавниками, продолжала погружаться. Ее охватило непреодолимое любопытство. И вообще она ближе к этому существу, чем к поверхности, где ее ждут Заки и Монол.

Могу и узнать, что это такое.

Любопытство — это единственное, ради чего еще стоит жить.

Когда к ней протянулось несколько щупалец, в ее сознании оставался только вопрос о смерти:

Интересно, что я встречу по ту сторону.

Маканай

Дельфины, ее пациенты, все одновременно с криками очнулись от послеобеденной сиесты.

Маканай и ее помощники присоединились к Брукиде, который был на дежурстве; они стремительно кружили вокруг испуганных регрессировавших, мешая им в панике уплыть в открытое море. Пациенты медленно успокаивались, приходя в себя от общего кошмара.

На Земле так бывало нередко: подсознательные щелканья двух или нескольких спящих дельфинов иногда налагались друг на друга и взаимодействовали, создавая ложное эхо. Призрак чего-то ужасного. То, что китообразные спят только одним полушарием, не помогает. Напротив. Это каким-то образом лишь усиливает диссонанс, делая иллюзорные звуковые образы еще страшнее.

Большинство пациентов разучились говорить и способны издавать только испуганный писк на праймале. Но был с десяток пограничных случаев, эти пациенты, возможно, даже со временем вернут себе способность речи. И вот один из этих пациентов нервно простонал что-то о *Ткетте* и *городе заклинаний.*

Другой нервно щелкал, снова и снова повторяя имя Пипоу.

Ткетт

По крайней мере в этой машине есть внутри воздух, подумал он. *Мы можем здесь выжить и кое-что узнать.*

Больше того, огромное металлическое сооружение — крупнее бывают только самые гигантские космические корабли, — казалось, проявляет услужливость. Как только сани вошли в просторный шлюз, металлические стены перед ними расступились. Пол опустился, образовав бассейн. Таким образом Ткетт и Чиссис смогли выйти из тесной рубки и поплавать вокруг. Приятно оказаться на просторе, хотя Ткетт опасался, что допустил ошибку, войдя в корабль.

Маканай приказала осмотреть объект снаружи и сразу вернуться с докладом. Но ведь они рассчитывали найти один из древних маленьких космических кораблей, которые инженеры «Стремительного» восстановили из груды обломков на дне моря. Как только Ткетт увидел огромное цилиндрическое сооружение, движущееся по морскому дну на мириаде гусеничных лап, блестящих, словно хрустальные стержни, он понял, что ничто на Джиджо не удержит его от проникновения внутрь.

Раздвинулась еще одна стена, обнаружив уходящий вперед ровный канал — вода внизу, воздух вверху; преобразуясь на глазах, канал манил к себе дельфинов. Каждая панель с блестящей прозрачностью шкуры осьминога меняла цвет, словно каждый оттенок цвета передавал какой-то смысл. Чиссис нервно била хвостом: сквозь щели в стенах начали появляться разные предметы. Время от времени на длинном подвижном стебле высовывалось нечто вроде кинокамеры и смотрело на них, когда они проплывали мимо.

Даже буйуры не могли выбросить такое чудо, думал Ткетт, наслаждаясь своей фантазией: он привозит это диво домой на Землю. В то же время инструменты его упряжи задрожали, отвечая на нервные импульсы: это мозг дельфина посылал сигналы. Никакого оружия — на случай, если здешние хозяева проявят враждебность, — у него нет.

Коридор наконец привел в просторное помещение с такими изогнутыми стенами и потолком, что трудно было определить его истинные размеры. Внутрь торчали бесчисленные выпуклости и шпили, половина из них погружена в воду, остальные подвешены в воздухе. Все они соединены кабелями и нитями, сверкающими, как паутина, в солнечный день покрытая росой. На многих ветвях висят сверкающие шары, кубы или додекаэдры, похожие на геометрические плоды, — размером от полумстра до двойной длины дельфиньего рыла.

Чиссис испустила вопль, окрашенный страхом и благоговением:

#коралл который кусает! коралл кусает кусает!
#Смотри, существа, пронзенные кораллом!#

Поняв, что она имеет в виду, Ткетт ахнул. Висячие «плоды» прозрачны. И в них существа, которые движутся... дергаются, прыгают, бегают, размахивают руками и ногами в своих тесных помещениях.

Приспособительное оптическое устройство правого глаза дельфина зажужжало, увеличивая изображение ограниченных хрустальными стенами помещений. В то же время из его лба понесся поток нервных сонарных пощелкиваний, бесполезный в воздухе, словно пытаясь отыскать смысл этой загадки.

Не могу поверить!

Он узнал волосатое существо в прозрачной клетке.

Ифни! Это хун. Миниатюрный хун!

Быстро просканировав окружение, он обнаружил представителей других видов... четырехлапых урсов с нервно подергивающимися длинными шеями, похожими на мускулистых змей... миниатюрных трейки, которые, подобно своим джофурским кузинам, напоминают высокие заостренные груды пончиков... и крошечные версии колесных г'кеков, бешено вращающих свои колеса, как будто они действительно куда-то движутся. В сущности, здесь были представлены все шесть рас Джиджо — беглые кланы, незаконно поселившиеся на этой планете за последние две тысячи лет. Всех их можно было увидеть здесь, и все они были представлены уменьшенными копиями.

По спине Ткетта пробежал холодок, когда он увидел несколько сфер с крошечными стройными двуногими фигурами. Люди с планеты Земля — размером с летучую мышь, представители расы, которая много столетий сражалась против одиночества и невежества, едва не уничтожив при этом свой мир, пока не повзрослела настолько, что смогла повести к истинному разуму остальные земные кланы. Перед изумленными глазами Ткетта представители расы патронов были сведены к прыгающим и кувыркающимся карликам в стенах свисающей хрустальной сферы.

Пипоу

Смерть не может быть такой земной... и не может причинять боль таким знакомым способом. Возвращаясь к сознанию, Пипоу ни на минуту не усомнилась в том, где находится. Это прежний космос жизни и боли.

Пипоу помнила морское чудовище, этого длинного гиганта из плавников, щупалец и фосфоресцирующих чешуек —

более километра длиной и почти такой же ширины; размахивая крыльями подобно скату-манте, это чудовище скользило над морским дном. И когда оно протянуло к ней свои щупальца, Пипоу и не подумала убегать к поверхности, где ее ждет рабство. Слишком поразили ее образы — и звуковые, и зрительные — этого истинного левиафана.

Щупальце оказалось мягче, чем она ожидала, оно подхватило несопротивляющееся тело и потащило к раскрывающейся клювообразной пасти. Когда ее тащили между двумя челюстями с острыми краями, Пипоу позволила тьме окончательно поглотить себя — за мгновение до конца. И последней ее мыслью была хайку тринари:

Высокомерие получает ответ
Когда каждого из нас призывают
Снова вернуться в пищевую цепь!

Но, как оказалось, она продолжала жить. Ожидая, что превратится в измельченную пищу для огромных внутренностей, она вместо этого обнаружила себя в другом мире.

Вначале мир расплывался. Совершенно очевидно, что она лежит в небольшом бассейне. Потребовалось несколько мгновений, чтобы зрение сфокусировалось. Между тем из изумленных сонарных щелканий образовалось отражение, которое, непрошеное, окружило Пипоу философией тринари.

В поворотах жизненного цикла,
Приводимого в движение настойчивостью Солнца и Луны,
Однажды весной буря может перебросить тебя
За рифы, в которых нет пролива,
И ты окажешься в невсдомой лагуне,
Где плавает ядовитая колючая рыба
И насмехается над тобой, заброшенной и одинокой...

Неподходящее стихотворение-мысль, и Пипоу резко оборвала его, чтобы такая жестокая соническая воображаемая поэзия не вызвала у нее панику. Туман тринари очень цепок. Его удастся рассеять только отчаянными усилиями, и он оставляет ощущение страшного предупреждения.

Поднявшись на поверхность, Пипоу высунула голову из воды и осмотрела бассейн, окруженный буйной густой растительностью. Во все стороны тянулись густые джунгли; поверх потолок грубой структуры, он накрывает джунгли и их маленьких обитателей — от летающих насекомоподобных

до карабкающихся по деревьям существ, которые украдкой выглядывают из-за скрывающих их листьев и теней.

Среда обитания, сообразила Пипоу. Существа, живущие здесь, конкурируют друг с другом, охотятся друг на друга, умирают и составляют знакомый бесконечный цикл синергии. Самые большие космические корабли часто включают экологические самовосстанавливающиеся системы, естественным образом поставляющие кислород и пищу.

Но это не космический корабль. Не может им быть. Огромное сооружение, которое я видела, не может летать. Это морское чудовище, приспособленное к подводному миру. И оно должно быть живым!

Но не может ли гигантское животное содержать в себе живую экологию, подобную бактериальным культурам, которые помогают самой Пипоу переваривать пищу?

Что теперь? Я должна каким-то образом принять в этом участие? Или просто начинаю участвовать в необычном процессе поглощения пищи?

Она решительно оттолкнулась плавниками. Дельфин без инструментов не очень подвижен в подобной среде. Ее обезьяньи кузены — люди и шимпанзе — чувствовали бы себя лучше. Но Пипоу была настроена исследовать этот мир, пока есть силы.

Из маленького бассейна вел пролив. Может, за поворотом скрывается что-то интересное.

Ткетт

Одна из колючих ветвей начала сгибаться, приближаясь к водной поверхности, где ждали они с Чиссис. На конце ее в одной из сфер находилось двуногое существо. Это урс. Изгибая шею, он всматривался блестящими черными глазами.

Ткетт кое-что знал об этом виде. Например, урсы не выносят воду в открытой жидкой форме. Самки урсов размером со взрослого человека, но эта казалась меньше маленьких самцов, от носа до хвоста в ней не больше двадцати сантиметров. В цивилизациях пяти галактик урсы известны как замечательные инженеры. Людям не нравится их запах (чувство это взаимно), но отношения между

двумя звездными кланами всегда были сердечными. Среди преследователей землян урсов не было.

Ткетт не знал, почему группа урсов несколько столетий назад явилась на эту планету, основав тайную и незаконную колонию. Ведь Институт Миграции объявил планету заповедной. Как одна из шести рас, урсы теперь скачут по прериям Джиджо, пасут стада и работают с металлом в своих кузницах, где используется тепло вулканических бассейнов лавы. И то, что один из урсов оказался здесь, под поверхностью моря, пугало Ткетта и ставило его в тупик.

Существо, казалось, не подозревает о присутствии дельфинов, наблюдающих за ними снизу. По некоторым внутренним отражениям Ткетт догадался, что прозрачность шара односторонняя. Видны были беглые сцены-отражения на противоположной внутренней стене. Ткетт разглядел холмистую местность, поросшую раскачивающейся травой. Скакали урсы так, будто никакие стены их не ограничивали.

Сфера опустилась ниже, и Ткетт увидел, что она забита бесконечным количеством микроскопических нитей, пересекающих крошечное помещение. Многие нити заканчивались в теле самки урса, особенно в подошвах ее плоских копыт.

Имитаторы сопротивления! Ткетт понял принцип, хотя никогда не видел такого его применения. На Земле проводились подобные эксперименты. Люди и шимпы надевали скафандры и шлемы и заходили в помещение, в котором пол состоял из миллионов игл, и каждая игла контролировалась компьютером. И когда посетитель шел по вымышленной местности — изображение ее он видел в очках своего шлема, иглы поднимались и опускались, имитируя какую-то грубую поверхность под ногами. Очевидно, все эти маленькие помещения действуют по тому же принципу, но гораздо более усовершенствованному и сложному. Огромное количество нитей касалось всех участков поверхности тела, позволяя чувствовать, как ветер ерошит шерсть урса или как ощущается в руке грубая поверхность инструмента... возможно, даже восхитительные ощущения совокупления.

К Ткетту и Чиссис спустилось еще множество стеблей, на конце каждого — виртуально-реальные плоды с одним существом. Были представлены все разумные расы Джиджо, хотя и уменьшенные в размерах. Чиссис особенно возбудилась, увидев миниатюрных людей, бегающих, отдыхающих

или занятых какими-то непонятными делами. Ни один из них, казалось, не знал, что за ним наблюдают.

Все это вызывало неприятное и пугающее ощущение, однако сами субъекты не казались смущенными или испуганными. Напротив, они были энергичны, деятельны, заинтересованы тем, чем занимались. Возможно, они даже не знали истины о своем странном существовании.

Чиссис фырканьем выразила свою тревогу, и Ткетт с ней согласился. Что-то странное в том, как эти микросреды демонстрируются им по очереди, словно разум или разумы, контролирующие весь огромный аппарат, что-то объясняют или хотят начать общение.

Цель — произвести на нас впечатление?

Ткетт немного подумал и неожиданно понял, что все это должно обозначать.

...присутствуют все разумные расы Джиджо...

На самом деле это уже не так. Теперь на планете есть еще одна разновидность мыслящих существ, самая молодая разумная раса из официально зарегистрированных цивилизацией пяти галактик.

Неодельфины.

Конечно, регрессировавшие, подобно бедной Чиссис, разумны лишь отчасти. И Ткетт не питал иллюзий относительно того, что думает доктор Маканай о его собственном душевном состоянии.

Тем не менее по мере того как стебель за стеблем представлял свой плод двум дельфинам, демонстрируя миниатюрные существа внутри — все занятые и, очевидно, вполне довольные своим существованием, — Ткетт начинал чувствовать, что его заманивают, его уговаривают.

— Великий Ифни... — вслух произнес он, пораженный тем, что предлагает гигантская машина. — Она хочет, чтобы мы во все это влились!

Пипоу

Следующий бассейн, в котором она оказалась, окружала деревня из маленьких сплетенных из травы хижин.

Слово «маленький» не вполне подходит для их описания. Существа, появившиеся из хижин и кишевшие на

берегу, смотрели на Пипоу широко раскрытыми глазами, расположенными в головах меньше трети нормального размера.

В основном это были люди и хуны... а также несколько трейков и глейверов... все расы, чьи родичи нормального размера живут всего в нескольких сотнях километров отсюда, на западном континенте Джиджо, известном под названием Склон.

Эти лилипуты поразили Пипоу; сами же они еще больше были удивлены ее появлением и смотрели на нее испуганно. *Я для них словно кит,* поняла она, заметив, что многие потрясают копьями и другим оружием.

Они показывали на ее длинное серое тело, и до нее доносились взволнованные разговоры. Это означает, что они достаточно развиты, чтобы обладать речью. Пипоу заметила, что головы существ непропорционально велики, отчего эти люди похожи на детей... пока не разглядишь волосатые, покрытые шрамами торсы мужчин или женские груди, набухшие от молока для голодных младенцев. С каждым мгновением шум становился все громче и возбужденнее.

Пожалуй, успокою их, чтобы не получить гарпун.

Пипоу заговорила, начав с англика, языка вновь возвышенных, который широко используется на Земле. Ее генетически модифицированное дыхало произносило звуки отчетливо и членораздельно.

— Привет, др-р-рузья! Как поживаете?

Она получила ответ, но не тот, на который надеялась. Толпа на берегу торопливо попятилась, испуская испуганные крики. Пипоу показалось, что она разобрала несколько слов на устаревшем диалекте галактического семь, поэтому попробовала этот язык.

Приветствую! Я принесла вам новости о мирном прибытии и дружелюбных намерениях!

На этот раз собравшиеся сдва не сошли с ума, возбужденно прыгая и кувыркаясь, хотя вначале трудно было понять, выражение ли это радости или негодования.

Неожиданно толпа расступилась и стихла, от ряда хижин приближалась новая фигура. Это был хун ростом выше остальных карликов. На нем был сложный головной убор, а его раскрашенный горловой мешок под подбородком дро-

жал и вибрировал, испуская гулкие звуки. Его сопровождали два помощника — люди, — один из которых бил в барабан. Остальные жители деревни повели себя удивительно. Все они опустились на колени и закрыли уши. Вскоре Пипоу различила усиливающийся гомон.

Они гудят. Думаю, они пытаются не слышать, что говорит этот важный парень!

На краю бассейна хуп поднял руки и начал петь на необычном варианте галактического шесть.

Духи неба, я призываю вас вашим именем... Катаранга!

Духи воды, я прошу вашей помощи... Дупуссиен!

Моим знанием ваших тайных имен я приказываю вам собраться и окружить чудовище. Защитите народ Истинного Пути!

Так продолжалось некоторое время. Вначале Пипоу растерялась, она словно смотрела документальный фильм о каком-то древнем человеческом племени или о проб'шерах с планеты Хорст. Но потом начала замечать кое-что странное. Из джунглей, окружающих деревню, на гудящих крыльях вылетали насекомоподобные существа. Вначале несколько, потом все больше и больше. Они кружили вокруг поющего шамана, образуя рой в форме спирали.

Тем временем боками Пипоу ощутила водную рябь: собирались еще какие-то существа — на этот раз водные — и направлялись к ближайшей к шаману точке берега.

Не могу в это поверить, подумала Пипоу. Одно дело, когда первобытный шаман пытается вызвать силы природы. Совсем другое — чувствовать, что эти силы отвечают, и отвечают быстро, недвусмысленно зловещим, угрожающим поведением.

Представители обоих роев, летающего и плавающего, начали делать стремительные вылазки в сторону Пипоу. Спинными плавниками она ощутила острые, болезненные уколы, такие же уколы чувствовались и внизу, на животе.

Они нападают на меня!

Осознание этого вывело ее из ошеломленного состояния.

Пора убираться отсюда, подумала она, когда все больше крошечных существ начало кидаться на нее со всех направлений.

Пипоу развернулась, послав к берегу волну, которая заставила шамана прервать пение и с криком спасаться бегством. И резким толчком на большой скорости начала уплывать.

Ткетт

Когда он уже подумал, что увидел достаточно, один из хрустальных плодов наклонился особенно низко, к самой поверхности воды, и остановился на уровне глаз Ткетта и Чиссис. Стены плода задрожали... и раздвинулись!

Обитатель, крошечный г'кек с колесами на оси по обе стороны от заостренного туловища, подкатил к щели и посмотрел на дельфинов глазами на четырех стебельках. Стебельки начали раскачиваться, когда он смотрел на Ткетта. Потом голосом высоким, но твердым существо заговорило на галактическом семь, правда с сильным акцентом:

Мы знаем, что в мире появилась новая раса поселенцев. Но представьте себе наше удивление, когда мы узнали, что новички плавают и нашли нас раньше, чем мы нашли их! Великое Яйцо еще не посылало призывный зов. И специальный робот-коллектор не был послан на берег, чтобы отобрать образцы. Как умно с вашей стороны прибыть вовремя. Ведь остались лишь дни или недели до того предсказанного момента, когда эта Вселенная расколется!

Чиссис нервно задышала, заполняя стерильное помещение быстрым щелканьем, а Ткетт сильно ударил по воде узкой челюстью.

— Я... понятия не имею, о чем ты говоришь, — запинаясь, ответил он.

Глазные стебельки миниатюрного г'кека переплелись. У Ткетта сложилось впечатление, что существо советуется с кем-то. Затем оно подкатилось еще ближе, расплело стебельки и помахало ими Ткетту.

Если тебе нужно объяснение, ты его получишь.

Пипоу

Внутри гиганта тянулись один за другим окруженные растительностью бассейны, соединенные настоящим лабиринтом водных путей. Вскоре Пипоу совершенно заблуди-

лась и начала сомневаться, сумеет ли найти обратную дорогу к пасти чудовища.

Большинство природных зон представляло собой густые джунгли, хотя встречались скалы и пространства, похожие на травянистые степи. Пипоу миновала также несколько деревень с крошечными обитателями. В одном месте в листве виднелось множество рамп и мостиков, все это напоминало фантастического размера американские горки, размещенные среди ветвей. По дорожкам этого удивительного сооружения из дерева скользили на своих колесах многочисленные г'кеки.

Пипоу старалась проплывать мимо деревень незаметно, но ей редко удавалось избегать внимания. Однажды ее преследовал отряд воинов, они ехали на спинах существ, похожих на черепах, стреляли крошечными стрелами и выкрикивали проклятия на странном жаргоне, который она едва понимала. В другой раз к ней устремился роскошно и ярко разодетый воин-урс, он слетел с берега на летающем ящере, который великолепно размахивал крыльями и из пасти которого вырывались крошечные, но пугающие языки пламени. Пипоу торопливо уплыла, и воин продолжал кричать ей вслед, вызывая «морское чудовище» на битву.

Казалось, она очутилась в мире, населенном существами столь же подозрительными, сколь миниатюрными. Несколько раз встречала шаманов и жрецов, стоящих на берегу, жестикулирующих и ритмично выкрикивающих что-то. Они призывали стаи пчелоподобных насекомых, которые начинали жалить Пипоу, и ей приходилось поскорее уплывать. Пипоу окончательно упала духом... и вскоре приплыла в просторный бассейн, по которому плавало множество маленьких лодок под ярко раскрашенными парусами.

К ее удивлению, на этот раз владельцы лодок при виде ее начинали кричать удивленно и радостно, без страха или гнева. С растущей надеждой она последовала за их приглашением к берегу, где под укреплениями великолепного маленького замка на деревянный причал вышла ей навстречу целая делегация.

Предводитель, человек в серой одежде и высокой заостренной шапке, улыбался, делая приветственные жесты, и заговорил на старинном варианте англика:

Многие забыли сказания Первых. Но мы узнали тебя, благородный дельфин! Мы помним о тебе из сказаний,

передаваемых с начала времен. Как удивительно, что ты явился к нам как раз сейчас, когда приближается Время Перемен. Именем Духовных Предводителей мы предлагаем тебе наше гостеприимство и множество слов власти!

Пипоу обдумывала все увиденное и услышанное.

Слова? Что ж, слова могут послужить неплохим началом.

Ей пришлось несколько раз выдуть воздух, прежде чем истратить достаточно нервной энергии, чтобы появилась возможность заговорить.

— Ну хорошо. Не можете ли начать с того, чтобы, во имя Ифни, рассказать мне, что здесь происходит?

Дарители чудес

Время Перемен пришло. Мирам предстоит разойтись.

Галактики, недавно связанные кратчайшими путями времени и пространства, скоро рассеются. Древняя цивилизация — включая все планеты, с которых вы пришли, — перестанет существовать. Больше она не будет господствовать в этой части космоса.

Изолированное, это звездное королевство, состоящее из миллиардов звезд и ранее известное под названием галактика четыре, скоро найдет свою новую судьбу, начнет новый яркий век. Было предсказано, что Джиджо даст семена великолепной культуры, не похожей ни на что предшествовавшее. Шесть... теперь уже семь разумных рас, тайно пришедших на эту планету, все беглецы. Они таились, подобно преступникам, на запретном берегу. И они расцветут так, как не в силах показать никакое самое яркое воображение. Они станут основателями великого и удивительного. Предтечами звездных рас, которые населят этот плодородный звездный водоворот.

Но каким будет это общество? Простой копией шумного, непрерывно пререкающегося, яростного конгломерата, существующего в «цивилизованном» мире? Основанного на так называемых науках? На физике, кибернетике и биологии? Мы знаем, что одержимость этими науками ведет к бездуховности. Культура, лишенная юмора, управляемая упрощенцами, которые обо всем судят на основании соотношения цена/прибыль и которые не знают истинных ценностей!

Должно быть нечто гораздо лучшее.

Вспомни, как смотрят на мир недавно возвышенные разумные расы, — смотрят с детским удивлением! Что, если можно навсегда удержать это восприятие?

Для тех, кто впервые овладел речью, она сама по себе великолепна и обладает могучей силой. Искусство слов включает в себя все, что может *когда-либо* понадобиться! Не забывая о прежних животных обычаях, молодые расы используют вновь обретенную способность к самовыражению способами, которые не доступны старшим, более «мудрым» разумам.

Особенно хороши в этом отношении люди, которые провели долгие века в одиночестве на изолированной Земле. У них есть множество названий для этой системы удивительных причин и следствий, традиций, которые возникли во множестве земных племен. Но почти все эти системы имеют общие особенности:

— представление, что мир населен духами, живущими в каждом камне, ручье или дереве;

— готовность воспринимать все события, даже сильные бури и передвижения планет, как имеющие *личное* отношение к наблюдателю;

— убеждение, что на природу могут воздействовать те, кто обладает особыми силами зрения, голоса или мозга, и эти способности возвышают их обладателя над простыми смертными;

— глубокая вера в силу слов, с помощью которых можно *управлять миром*.

«Магия» — вот слово, которым люди обозначили такой способ восприятия Вселенной.

Мы считаем, что это лучший способ, который порождает драматичность, приключения, яркость и романтику.

Но магия может существовать во множестве форм. И по-прежнему идут споры об отдельных деталях...

Различные взгляды на искушение

Вначале Ткетту это объяснение показалось странным и непонятным. Какое отношение имеет оно к необычной подводной машине, чьи внутренности заполнены хрустальными плодами, содержащими разумные существа, каждое из

которых словно получает огромное удовольствие от того, что способно воспринимать только оно?

Тем не менее, как археолог, он обладал определенными знаниями прошлого земных племен, и постепенно в его сознании возникло понимание.

— Вы... вы используете технологию, чтобы дать каждому индивиду его личный мир! Н-н-но в этом есть нечто гораздо большее, верно? Вы хотите сказать, что каждый хун, или человек, или трейк внутри этих хрустальных шаров обладает способностью создавать чары? Они не только манипулируют воображаемыми объектами, не только видят иллюзии... они выкрикивают заклинания и видят, как они осуществляются?

Ткетт несколько раз мигнул, стараясь свыкнуться с этой мыслью.

— Возьмем эту женщину. — И он носом показал на ближайший куб, в котором среди густого облака щупалец сопротивления улыбалась женщина-человек. — Если у нее есть враг, она может слепить глиняную фигурку, воткнуть в нее булавку и произнести заклинание боли?

Маленький г'кек покрутил колеса и ответил приподнятым голосом:

— Ты совершенно прав, о проницательный дельфин! Конечно, ей приходится проявлять творчество. Полезны талант и сильная воля. И она должна твердо придерживаться традиций своего имитируемого племени.

— То есть правила произвольны.

Глаза на стебельках грациозно качнулись.

— Произвольны, но изящны и постоянны. И есть еще одно совершенно обязательное требование. Прежде всего пользователь должен безусловно верить в магию.

Пипоу мигала, глядя на миниатюрного колдуна, стоящего в тени сказочного замка.

— Ты хочешь сказать, что жители этого мира могут с помощью только слов командовать птицами, насекомыми и другими животными?

Она много раз сама была свидетельницей этого, но слышать объяснение тем не менее было странно.

Человек в сером кивнул, говоря быстро и серьезно:

— Особые слова! Сила тайных имен. Условия, которые должен сохранять в тайне каждый пользователь.

— Но...

— Прежде всего, большинство животных повинуется только тем, у кого врожденный талант. Индивидам, обладающим большой силой воли. Если бы они подчинялись любому, в основе колдовства были бы страх и зависть. Если *каждый* будет способен это сделать, оно вскоре утратит всякую ценность. Чудо бледнеет, когда становится повседневным.

Говорят, в древней цивилизации именно такой была технология. Вспомни, что произошло вскоре после того, как люди научились летать. Скоро *все* летали в небе, и люди воспринимали это чудо как нечто само собой разумеющееся. Как это трагично! Здесь такого не случается. Мы храним чудеса как редкостный и ценный источник.

Пипоу фыркнула.

— Но все это... — Она слегка ударила по воде челюстями, забрызгав джунгли и крутые утесы за ними. — От всего этого несет технологией! Например, этот нелепый огнедышащий дракон. Очевидный результат биоинженерии! Кто-то создал это существо как... как...

— Как эксперимент? — Одетый в серое маг снисходительно кивнул. Борода его затряслась, и он продолжил горячо говорить писклявым голосом: — Это никогда не было тайной! С того времени, как среди шести рас Джиджо были отобраны наши предки, мы знали, что наша цель — помочь буйурам усовершенствовать их главный план.

Ткетт пораженно отпрянул, забил плавниками в воде. Он удивленно смотрел на многоглазое существо, которое только что объяснило ему суть странного музея миниатюр.

— Б-б-б-буйуры! Они покинули Джиджо миллион лет назад. Как они могли знать о человеческой культуре, тем более создать такую сложную...

— Разумеется, ответ очень прост, — ответил маленький г'кек, глядя несколькими глазами на стебельках из своей раздвинувшейся хрустальной оболочки. — Наши буйуры никогда нас не покидали! С того времени, как первый корабль с беженцами опустился на Джиджо, они незаметно наблюдают и управляют процессом, готовясь к предсказанному дню, когда силы природы перережут все нити связи между четвертой галактикой и остальными. После великой эвакуации звездных кланов из галактики четыре — пол-эпохи назад —

в этом в будущем изолированном звездном королевстве не осталось никаких техноразумных. Оно будет принадлежать нашим потомкам, живущим в культуре, совершенно не похожей на ту страшную культуру, к которой принадлежали наши предки.

Ткетт, конечно, слышал о буйурах — одном из наиболее могущественных народов цивилизации пяти галактик, к тому же обладавшим редким среди межзвездных кланов свойством — чувством юмора... хотя и очень необычным. Говорят, они любили долгие шутки, такие, которые требовалось планировать и осуществлять веками.

Может быть, потому что буйуры считали галактическую цивилизацию скучной и застойной? (Большинство землян с этим согласились бы.) Очевидно, они предвидели конвульсии и перемены, которые сегодня разрывают звездные линии, и миллион лет назад начали готовиться к беспрецедентной возможности по-своему сформировать совершенно новую ветвь будущего.

Пипоу кивнула, начиная хотя бы отчасти понимать.

— Этот левиафан... это огромное органическое существо... не единственный экспериментальный контейнер, бродящий под водой? Есть и другие! Их много?

— Много, — подтвердил маленький седовласый человек-колдун. — Плавучие помещения существуют во множестве форм, и в каждом размещается своя колония разумных существ. И каждое поселение дает своим обитателям возможность вести жизнь, насыщенную магией, хотя способы этой магии очень различаются.

Например, здесь мы, разумные, ведем физически активную жизнь в совершенно реальной среде. Изменились дикие животные, которые нас окружают. Ты ведь знаешь, что буйуры были великими мастерами генной инженерии? В этом экспериментальном царстве каждое насекомое, каждая рыба, каждый цветок знают свое уникальное и тайное *имя*. Узнавая и правильно используя эти имена, маг может располагать огромной властью.

Ткетт слушал, как жизнерадостный г'кек объясняет суть сложного эксперимента, проводимого в царстве хрустальных плодов.

— В нашем поселении каждый из нас живет в своем собственном мире — богатом, разнообразном, предлагающем многочисленные физические возможности, хотя в основном это компьютерная имитация. В пределах такой эрзац-реальности каждый из нас может быть главным жрецом общества или племени. Хрустальные плоды могут быть соединены, и тогда встречаются равные и делятся своим опытом. Это очень яркая и богатая жизнь, в ней гораздо больше стимулов и удовольствий, чем в старом так называемом мире инженерии.

Это мир, в котором вера сама по себе может быть силой, а желания способны осуществляться.

Пипоу смотрела, как серый колдун гладит бороду, объясняя размах эксперимента буйуров.

— В десятках поселений испробовано множество стилей, способов и разновидностей. В некоторых подчеркнута «ощутимая» реальность, в других физические формы полностью исключены и персонажи представляют собой электронные личности в полностью компьютеризированном мире.

Запрограммированные личности. Пипоу узнала эту концепцию. *Дома ее пробовали, но так и не осуществили, хотя утверждалось, что с точки зрения логики это возможно.*

— У всех этих экспериментов есть конечная цель, — объяснял человек, стоя на причале, словно посвящая прозелита, готового к обращению. — Мы стремимся найти наилучший способ организации общества, которое будет процветать на звездных линиях четвертой галактики, когда произойдет полное отделение и исчезнут все прежние гиперпространственные пути. Когда этот звездный остров, состоящий из ста миллиардов звезд, будет в безопасности от вмешательства старой цивилизации, настанет время начать нашу собственную. Цивилизацию, основанную на совершенно новом великолепном принципе.

Анализируя результаты эксперимента в каждом поселении, благородные буйуры совершенно точно будут знать, как организовать это новое царство магии и чудес. И тогда наступит истинно дивный век.

Слушая это, Пипоу покачала головой:

— Ты не похож на древнего средневекового колдуна. Думаю, ты что-то совсем другое, замаскированное. Ты буйур?

Г'кек поклонился в своем хрустальном шаре.

— Отличная догадка, мой друг дельфин. Хотя, конечно, истина гораздо сложнее. Настоящий буйур весит больше тонны и слегка напоминает земную лягушку!

— Тем не менее ты... — настаивал Ткетт.

— Я имею честь служить посредником...

— ...убедить вас, дельфинов, новых и очень перспективных обитателей Джиджо, присоединиться к нам. Для вас это величайшая возможность яркой жизни, полной приключений, и судьбы, насыщенной чудесами!

Маленький колдун улыбнулся, и Пипоу догадалась, что окружающие ничего не слышали или не поняли. Может быть, они заткнули уши, чтобы защититься от силы слов мага. Или здесь очень редко пользуются англиком. Может быть, это «язык силы».

Пипоу поняла также, что ее одновременно испытывают и предлагают ей сделать выбор.

В этом мире наше существование очень неопределенно. Маканай не уверена, что маленькая стая наших регрессировавших переживет следующую зиму, даже с помощью других колонистов с суши. Да и у шести рас хватает своих трудностей, они отражают нападение пришельцев с Джофура.

Приходится признать, что предложение очень соблазнительно. Пережив несколько недавних бурь на Джиджо, Пипоу понимала, насколько привлекательна перспектива для уцелевших членов экипажа «Стремительного» поселиться в уютном подводном жилище — предпочтительно с большими пространствами открытой воды — и позволить буйурской технологии уменьшить их до размеров, пригодных для новой жизни. Все равно хуже трехлетнего ада в тесных помещениях бедного «Стремительного» не будет.

Предположительно в будущем, когда эксперимент завершится, их потомкам вернут их истинный размер — после многих поколений, проведенных среди чар и заклинаний.

Это должно у нас хорошо получиться, думала Пипоу. *Мы, дельфины, мастера артистического словесного вы-*

ражения. В конце концов, что такое тринари, как не наш собственный способ словами убеждать мир? Уговаривать его воспринять яркие звуковые эхо и сноподобные образы? Убеждать видеть смысл так, как видим его мы, китообразные?

До Пипоу дошла вся соблазнительность этого предложения.

Какая у нас альтернатива? Предположим, мы найдем способ вернуться к цивилизации, зачем нам возвращаться домой? Нас ждет тяжелая участь — в лучшем случае трудная работа, когда требуется отдать полжизни, чтобы овладеть навыками, полезными в технологическом обществе.

Реальная жизнь и вполовину не так хороша, как в рассказах, которые мы читаем в учебниках. Всякий рано или поздно узнает, что мир полон разочарований — Вселенная, в которой добро редко бывает красивым, а зло не обязательно представлено горящими красными глазами. Сложное общество, полное компромиссов и способов извлечения выгоды, различных комитетов и политических противников, всегда обладающих гораздо большей властью, чем они, по твоему мнению, заслуживают.

Кто не предпочтет место, где космос можно уговорить дать тебе все, что ты хочешь? И где достаточно пожелать, чтобы желание осуществилось?

— У нас уже есть два добровольца вашей почитаемой расы, — сказал г'кек, заставив Ткетта удивленно вздрогнуть. Взмахнув глазными стебельками, колесное существо вызвало появление над водной поверхностью голограммы.

Ткетт сразу увидел двух больших самцов дельфинов, спокойно лежащих в сетчатых гамаках; над ними суетились крошечные механизмы, натягивая сеть из какого-то прозрачного материала. Чиссис, до этого задумчиво молчавшая, неожиданно узнала эту пару и закричала на праймале:

#Пойманы! Пойманы в сеть, как они того и заслуживают! #Глупый Заки — противный Мопол!#

— Ифни! — воскликнул Ткетт. — Кажется, ты прав. Но что с ними делают?

— Они уже приняли наше предложение, — уклончиво ответил посредник. — Скоро эти двое будут жить в мире

голографических и сенсуальных наслаждений на борту другой экспериментальной станции. Их будущее обеспечено, и позволь заверить тебя — они будут счастливы.

— Ты уверен, что эти двое не на борту этого корабля, близко от меня? — нервно спросила Пипоу, глядя, как Заки и Мопол превращаются в крошечное изображение после волшебной фразы и взмаха руки мага.

— Нет. Твои спутники последовали за призывом из соседней экспериментальной клетки — их чувствам она представлялась гигантом, напоминающим ваших земных голубых китов. После того как их приняли на борт, предварительный осмотр показал, что им лучше будет жить в мире чистой фантазии. Они с готовностью приняли наше предложение.

Пипоу кивнула, шокированная не только полным отсутствием собственных эмоций — положительных или отрицательных, — вызвавших окончательным избавлением от мучителей. Они ушли из ее жизни, и это было все, что ее интересовало. Пусть Ифни решит, как рассматривать их будущее — как пожизненное заключение или как своего рода рай.

Что ж, теперь, по крайней мере, в их распоряжении любая самка, какую только пожелают, подумала она. *Я счастливо от них избавилась.*

Но сейчас важнее сосредоточиться на других проблемах.

— А что вы запланировали для меня?

Серый волшебник убеждающе развел руки.

— Ничего путающего или обременительного, о достопочтенный друг дельфин! В данный момент мы просто просим тебя сделать выбор! Присоединишься ли ты к нам? Мы никого не заставляем. Но как можно отказываться? Если тебя не устраивает один стиль жизни, выбери другой! Выбирай любой из многочисленных зачарованных миров и будь уверен, что твои потомки займут достойное место среди создателей чудес, которые установят новый порядок среди миллионов солнц.

Ткетт видел последствия, далеко выходящие за рамки самого предложения. План буйуров — его размах, поразви-

тельные масштабы их замысла — на время лишил его дара речи.

Они собираются запустить целую галактическую цивилизацию, основанную на том, что считают идеальным образом жизни. Очень скоро, после того как так называемое Время Перемен оборвет старые межгалактические связи, буйуры освободятся от всяких ограничений закона и обычаев, которые правили кислорододышащими цивилизациями в течение последнего миллиарда лет.

И тогда с этой планеты поднимется новая волна кораблей, с экипажами из представителей семи рас Джиджо, ими будут командовать смелые капитаны, колдуны и короли... помесь тем старой сайенс фикшн и фэнтези... они устремятся навстречу приключениям! В течение нескольких столетий они будут сражаться с опасностями, развеивать угрозы, открывать и возвышать новые виды. Постепенно люди, урсы, трейки и остальные станут почитаемыми лидерами в галактике, вечно заполненной высокой драмой.

В этом царстве самый страшный ужас будет вызывать скука. Спокойствие станет самым тяжелым преступлением. Об этом позаботятся его подлинные хозяева — буйуры.

Подобно великому волшебнику из страны Оз, манипулирующему рычагами из-за занавеса, буйуры с помощью своей высочайшей технологии будут поставлять чудеса. Вам нужны драконы? Они с помощью генной инженерии создадут их. Тайные фабрики будут создавать морских чудовищ и кислотнодышащих чужаков, всегда готовых к битве.

Это будет галактика, управляемая волшебниками, мастерами спецэффектов! Вечный парк чудес, обитатели которого пользуются волшебными заклинаниями, вместо того чтобы изобретать и собирать то, что им нужно. Колдуны и монархи заменят скучных законодателей, порыв вытеснит расчет, а списки тайных имен встанут на место физики.

И потомки наши не станут задавать слишком много вопросов и не посмеют отдернуть занавес, чтобы выставить волшебника из страны Оз на всеобщее обозрение. Те, кто попытается это сделать, не будут иметь потомков!

Окруженные искусными махинациями, люди со временем забудут о существовании законов природы.

Они будут процветать в ярких вымышленных королевствах, вечно выступать в героические походы, триумфально возвращаться из них или храбро умирать... но никогда не станут спрашивать почему.

Ткетт размышлял об этом, заполняя окружающую воду всплесками и сонарным щелканьем. Чиссис, которая бóльшую часть сложного объяснения г'кека не поняла, раскачивалась поблизости в такт мыслям Ткетта.

Наконец он решил, что понял подлинный смысл предложения.

Ткетт подплыл к хрустальному кубу, подняв один глаз так, что он стал вровень с миниатюрным представителем могучих буйуров.

— Думаю, я понял, что здесь происходит, — сказал он.

— Да? — оживленно спросил маленький г'кек. — И каково твое мудрое мнение, о друг дельфин? Что ты думаешь о нашем великом плане?

Ткетт высоко поднял голову, взбив воду и испустив громкий хохот из дыхала. В то же время его щелкающий лоб выпустил сардоническую хайку тринари:

> Иногда болезненные натуры
> создают своими узкими мозгами
> истинно глупые шутки!

Некоторые аспекты предложения очень неприятны, как, например, самодовольное и вечное превосходство буйуров в грядущем мире. Однако Пипоу испытывала искушение.

В конце концов, что ждет нас здесь, на Джиджо? Рабство у джофуров? Или убежище в благословенной тупости, которое обещают мудрецы, если мы последуем так называемым Путем Искупления? Разве это предложение — не чудесный выход, позволяющий отказаться от выбора между двумя этими в равной степени нежелательными судьбами?

Она попыталась забыть о своих опасениях, сосредоточившись на преимуществах плана буйуров. А их, этих преимуществ, много. Например, жизнь в космосе, где скрытая технология исправляет ошибки природы. Разве не жесто-

ко со стороны Творца создать Вселенную, в которой не исполняются самые пылкие желания? Вселенную, в которой на молитвы получают ответ только в глубине души? Ведь план буйуров усовершенствует эту Вселенную для миллиардов и триллионов. Для всех обитателей галактических цивилизаций. Трудно охватить великодушие таких размеров.

Она сопоставила это честолюбивое предложение с культурой, которая ожидает выживших членов экипажа «Стремительного», если им удастся вернуться домой, в четыре галактики, где мириады соперничающих раздражительных и капризных рас бесконечно ссорятся друг с другом. Слишком полагаясь на древнюю Библиотеку развитых технологий, они редко создают что-нибудь истинно новое. И самое главное — в этом мире стремления индивида всегда подчиняются потребностям нации, расы, клана или философии.

И с этой точки зрения будущее, предлагаемое буйурами, выглядит предпочтительнее.

Какая-то часть сознания продолжала настаивать: *Это наша единственная возможность. Что, если мы найдем альтернативу этому превращению в односторонних...*

Пипоу яростно отбросила это сомнение, убрала в самые далекие отделы сознания.

— Я хотела бы узнать больше, — сказала она серому колдуну. — Как насчет моих товарищей? Остальных дельфинов, живущих на Джиджо? Разве они вам не нужны?

— Нужны, чтобы создать генетически разнообразную колонию, — согласился представитель буйуров. — Если ты согласишься присоединиться к нам, мы попросим тебя вначале попытаться убедить остальных.

— Просто из любопытства: а что будет, если я откажусь?

Колдун пожал плечами:

— Твоя жизнь будет продолжаться, как раньше, так, словно ты никогда с нами не встречалась. Мы полностью сотрем из твоей памяти воспоминания об этом посещении, и тебя отправят домой. Позже, когда у нас будет возможность усилить наше предложение, мы пошлем в вашу стаю своих представителей. Но ты услышишь наше предложение словно в первый раз.

— Понятно. И опять — у тех, кто откажется, воспоминания будут стерты... до следующего вашего возвращения. Похоже, вы оставляете за собой большие преимущества в наборе новообращенных.

— Может быть. Тем не менее мы никого не заставляем присоединиться к нам вопреки своему желанию. — Маленький человек улыбнулся. — Так каков твой ответ? Поможешь передать послание твоим товарищам? Мы чувствуем, что ты нас понимаешь и симпатизируешь нашим попыткам создать лучший мир. Поможешь обогатить Великое Блюдо Объединенных Рас деликатесным дельфиньим привкусом?

Пипоу кивнула:

— Я передам ваше послание остальным.

— Отлично! На самом деле ты уже начала, даже не выходя за пределы нашего поселения. Могу тебе сообщить, что двое твоих соотечественников находятся на борту одного из соседних судов... кажется, эти двое с трудом способны оценить чудеса предлагаемой нами жизни.

— Неужели Заки и Мопол! — Пипоу оттолкнулась спинными плавниками и нервно защелкала. Она не хочет иметь с ними ничего общего.

— Нет, нет, — успокоил ее волшебник. — Пожалуйста, подожди немного спокойно, мы откроем канал между судами, и ты сама увидишь.

Ткетт

— Здравствуй, Пипоу, — обратился он к возникшему впереди изображению. — Я рад, что ты хорошо выглядишь. Мы все очень беспокоились о тебе. Но, увидев Мопола и Заки, я понял, что ты должна быть где-то поблизости.

На голограмме видна была стройная молодая самка дельфина; выглядела она действительно прекрасно, хотя и казалась слегка уставшей; ее бассейн окружали джунгли, на берегу виднелся миниатюрный замок. Ткетт мог бы многое сказать о стиле «эксперимента» на борту именно этого корабля, просто наблюдая за толпой собравшихся на берегу туземцев. Некоторые были одеты как рыцари — в доспехах, они сидели верхом на конях, а крестьяне в жи-

вописных нарядах снимали шляпы, приветствуя проезжающих дам и господ. Совсем другой подход, чем тот, что в *этом* корабле со свисающими хрустальными плодами — полупрозрачными обиталищами, в котором каждый погружен в виртуальную реальность.

Но базовый принцип тот же самый.

Привет, Ткетт, — ответила Пипоу. — *Это Чиссис с тобой? У вас обоих все в порядке?*

— Вполне, я думаю. Хотя чувствую себя героем какого-то глупого патерналистского розы...

Разве это не замечательно? — прервала Пипоу, не давая Ткетту закончить. — *Мечтатели многие века создавали свои утопии. Но эта действительно р-р-работает!*

Ткетт удивленно смотрел на нее, не в силах поверить собственным ушам.

— Неужели? — спросил он. — А как же свободная воля

Буйуры предоставят все, что тебе нужно.

— А как же истина?

Существует много истин, Ткетт. Бесчисленное количество субъективных интерпретаций, которые расцветут в будущем, заполненном потрясающим разнообразием.

— Вот именно — субъективных! Это древнее и п-п-презренное искажение слова «истина», как тебе отлично известно. Разнообразие замечательно, конечно. Действительно, может существовать много культур, много форм искусства, даже много стилей мудрости. Но *истина* в том, чтобы найти то, что реально, что в данных условиях повторяется и поддастся проверке, нравится тебе это или нет.

Пипоу пренебрежительно фыркнула:

А в чем же здесь забава?

— Жизнь предназначена не для забавы и не для того, чтобы получать что хочешь. — Ткетт чувствовал, что у него выворачивает внутренности и в пищеводе появляется горькая желчь. — Пипоу, есть такое понятие — взросление! Это значит постигать, как на самом деле устроен мир, вопреки тому, что ты о нем думаешь. Объективность означает, что я принимаю утверждение: Вселенная не вращается вокруг меня.

Иными словами, жизнь — это ограничения.

— Которые преодолеваются с помощью знаний! С помощью новых инструментов и умений.

Инструментов, сделанных из мертвой материи, сконструированных компьютерами, произведенных в огромных количествах и проданных в магазинах.

— Да! Комитеты, группы, организации и предприятия — все это состоит из индивидов, которым приходится ежедневно подавлять свое эго, чтобы сотрудничать с другими людьми, и идти при этом на бесчисленные компромиссы. В детских фантазиях все совсем по-другому. Не это мы храним в глубине души, Пипоу. Я это знаю! Но именно взрослые и приводят мир в движение.

— И что плохого в том, чтобы купить чудо в магазине? Мы принимаем как должное чудеса, за которые наши предки отдали бы свои плавники. Разве не этого они хотели для нас? Ты предпочитаешь мир, в котором все лучшее предназначено для колдунов и королей?

Ткетт почувствовал резкий толчок в бок. Боль заставила его повернуться, хотя он был по-прежнему очень сердит и слегка сбит с толку.

— В чем дело? — резко спросил он у Чиссис, хотя знал, что маленькая самка не сможет ему ответить.

Она попятилась от его мощного корпуса и гнева и приняла положение покорности, опустив рыло. Но из ее лба послышался краткий всплеск ядовитого праймала:

#дурак дурак дурак дурак
#дурак продолжает говорить по-человечески
#а море старается научить#

Ткетт замигал. Чиссис выразила свою мысль очень ясно. Похоже на детское стихотворение-дразнилку тринари, которой его научила в детстве мать.

С огромным трудом взяв себя в руки, он заставил себя задуматься.

А море старается научить...

Это обычный для дельфинов оборот речи, означающий, что нужно заглянуть под поверхность, открыть скрытое значение.

Ткетт снова повернулся к голограмме, сожалея, что она создана существами, слишком полагающимися на зрение и не обращающими внимание на тонкости звуковой трансмиссии.

Подумай об этом, Ткетт, продолжала Пипоу, словно их разговор и не прерывался. *Дома мы, дельфины, самая мо-*

лодая разумная раса бедного презираемого клана, и нам постоянно угрожает опасность быть завоеванными или уничтоженными. Теперь же нам предлагают положение наверху нового пантеона, выше только сами буйуры.

Больше того, мы как раз для этого подходим! Подумай о том, как чувства дельфинов способны расширить возможности колдовства. Наши основанные на звуках сны и картины воображения. Наше любопытство и бесстрашное стремление к приключениям. И это только намек на возможности, которые могут перед нами открыться...

Ткетт сосредоточился на изменчивом фоне. На меняющихся импульсах, стонах и щелканьях, которые создают среду речи каждого дельфина. Вначале кажется, что Пипоу испускает самую обычную смесь сонарных и создаваемых дыхалом призвуков.

Потом он различил одну-единственную фразу на прайма́ле... вплетенную в логическую ткань разумной речи:

#спи об этом спи об этом спи об этом спи об этом#

Вначале смысл фразы ускользал от него. Казалось, он подкрепляет остальные аргументы Пипоу. Так зачем делать из него секрет?

Но тут он догадался о другом значении.

О чем-то таком, о чем не подумали даже могущественные буйуры.

Пипоу

Отплытие из подводного поселения было гораздо веселее и живописнее, чем прибытие.

Над головой летали драконы, изрыгая языки пламени, но воспринимались они очень дружелюбно. Целые флоты кораблей, начиная от каноэ и кончая украшенными драгоценными камнями галерами, на которых трудились потные гребцы, сопровождали ее из бассейна в бассейн. На берегу местные колдуны разыгрывали в ее честь грандиозные спектакли — к испугу и благоговейному восторгу зрителей. А Пипоу плыла мимо рыбьих стай, чья чешуя казалась неестественно яркой.

Смешение культур шести рас создало необыкновенное разнообразие, и каждая деревня поражала уникальностью

своего архитектурного стиля. Создавалось общее впечатление гордости и яростного соперничества. Однако сегодня все распри, все раздоры, героические поиски и благородные кампании — все это было забыто, чтобы можно было посмотреть на нее.

— Видишь, как мы предчувствуем успех твоей миссии, — заметил серый колдун, когда они достигли последнего помещения. В космическом корабле здесь много места занял бы шлюз, холодный и металлический. Но здесь, когда открылась огромная пасть, неожиданно впуская ветер и солнечный свет, почувствовалась жизнь.

Очень любезно с их стороны, что они поднялись на поверхность, избавив меня от неудобств подъема из бездны.

— Передай другим дельфинам, что их ждет радость! — крикнул вслед Пипоу маленький маг, когда она через раскрытые челюсти выплывала к свету. — Расскажи им о яркости и приключениях! Скоро дни экспериментов закончатся, и все это примет полный размер, и вся Вселенная будет нашим домом!

Пипоу растопырила плавники, тормозя, и оглянулась на маленькую фигуру с широко распростертыми руками; послушные живые существа образовали вокруг ее головы светящийся нимб.

— Обязательно скажу, — заверила она.

Пипоу повернулась и углубилась в холодное море, устремляясь к утренней встрече.

Ткетт

Он пришел в себя и с удивлением обнаружил, что плывет на полной скорости, прыгая и ныряя под широкие океанские волны, ритмично и мощно работая плавниками.

В других обстоятельствах пробуждение в стремительном движении могло бы сбить с толку. Но с обоих боков Ткетта плыли два дельфина, абсолютно синхронно повторяя каждый его прыжок и нырок. Это позволяло ему буквально спать на плаву.

Как долго это продолжается?

Он не знал. Похоже, час или два. А может, и дольше.

За собой Ткетт слышал низкое гудение двигателя саней, следовавших за тремя дельфинами на автопилоте.

Почему мы не пользуемся санями? удивился он. В крайнем случае три дельфина входят в рубку. И тогда они быстрее добрались бы до Маканай и доложили...

Он вынырнул, выдыхая затхлый воздух и вдыхая свежий, совершая каждое движение с безупречным совершенством, в то время как мозг его работал в необычном смятении.

...доложили бы, что Мопол и Заки мертвы.

Мы нашли Пипоу живой и здоровой, она плыла в открытом океане.

А что касается звуков «двигателя», которые мы должны были исследовать...

Ткетт был почему-то уверен, что за этим скрывается какая-то история. История, которую позже объяснит Пипоу. Когда решит, что настало время.

Нечто удивительное, произнес он, сам не зная почему. Словно ниоткуда устремлялся поток энергии, готовя Ткетта к восприятию, когда Пипоу сообщит дельфинам хорошую новость.

Он сам не понимал, откуда знает это, но был уверен, что за ними следуют не только сани.

— Добро пожаловать в мир живых, — приветствовала его Пипоу на сжатом подводном англике после очередного выныривания.

— Спасибо... что-то я не очень соображаю.

— Что ж, неудивительно. Ты очень долго полуспал. Можно сказать, что ты *полупроспал* нечто очень важное.

Что-то в ее словах зажгло в нем яркую искру — подсознательно, как отключенный предохранитель, нарушив плавное скольжение Ткетта в воде. Он вошел в воду под неверным углом и болезненно ударился мордой. Потребовались немалые усилия, чтобы снова занять место между двумя самками и двинуться в ритме группы.

Я... спал. Я проспал.

Вернее, проспала только половина его.

И он начинал постепенно понимать, почему это так важно.

В цивилизации, пяти галактик очень мало разумных, живущих в воде, думал он, потянув за одну из ниточек,

соткавших покрывало его спокойствия. *Думаю, буйуры никогда и не догадывались...*

В черепе слева направо прокатилась волна боли, словно часть мозга, до сих пор затекшая, внезапно ожила.

Буйуры!

Мгновенно хлынули воспоминания. Хлынули неровным потоком.

Начиная свой эксперимент, они не рассчитывали на расу водоплавающих. Они слишком много времени провели на океанском дне. У них не было возможности изучить нас. Подготовиться к встрече.

И в особенности они не учли, как работает мозг китообразных.

Дышащее воздухом животное, живущее в воде, сталкивается с особой проблемой. Даже после миллиона лет эволюции в водной среде дельфинам постоянно грозит опасность утонуть. Поэтому сон для них далеко не простая задача.

Они решили эту задачу так: полушария мозга дельфина спят по очереди.

Подобно людям, дельфины обладают сложной внутренней жизнью, их психика состоит из множества временных или постоянных подличностей, которые должны уживаться друг с другом в пределах одной личности. Этот союз стал еще более проблематичным, когда люди — генные инженеры — стали превращать невозделанных дельфинов в разумную расу. В противопоставлении полушарий сосредоточено особенно много трудностей и проблем, включая сложнейшие беседы и согласования двух половинок.

Но иногда это оказывается преимуществом.

То полушарие, которое знало о буйурах — оно спало, когда на другое полушарие была наложена амнезия, — обладало гораздо меньшими языковыми способностями. Поэтому вначале удалось выразить в словесном виде только некоторые концепции. Ткетту приходилось повторять зрительные и звуковые образы, объединяя и экстраполируя их, поддерживая сложный обмен вопросами между двумя половинами самого себя.

Это дало ему более глубокое проникновение в проблему и позволило по-настоящему оценить таких, как Чиссис.

Я был бесчувственным ублюдком, понял Ткетт.

Эта мысль выразилась в виде невысказанного извинения в сонарных эхо. И когда в следующий раз они одновременно взвились в воздух, Чиссис коснулась его боком. В этом прикосновении было прощение.

— Итак, — заметила Пипоу, когда прошло достаточно времени и мысли Ткетта обрели четкость, — мы договорились, что скажем Маканай?

Ткетт исполнился решимости.

— Мы расскажем ей все... и еще кое-что!

Чиссис согласилась с этим.

#Скажите им скажите им
#Насмешники над чудищами
#Обещают все что угодно
#Но отбирают свободу!#

Ткетт фыркнул. Какая элегантность тринари в этом всплеске праймала, созданном маленькой самкой, она напоминает экспрессивность поэта и исследователя; такой была Чиссис до того, как три года в аду на борту «Стремительного» привели ее к регрессу. Кажется, один уголок начинает поворачиваться в противоположном направлении. Может быть, это только вопрос времени и постепенно все члены экипажа вернутся к полному разуму... и ко всем тревогам, которые связаны с этой радостью.

— Что ж, — заметила Пипоу, — с какой-то точки зрения буйуры предлагают нам даже больше свободы. Наши потомки имели бы обширный круг личных выборов. У них было бы больше возможностей осуществить свои желания. Больше мечтаний осуществилось бы.

— Но в виде фантазий и эскапизма, — отозвался Ткетт. — Буйуры превратили бы всех в эгоистов... в солипсистов! В реальном мире приходится расти постепенно и учиться общаться с окружающими. Встраиваться в культуру. Уметь быть членом команды, становиться партнером. Ифни, какие усилия требуются для хорошего *брака!* Очень тяжелая работа и множество компромиссов, и все это приводит к результатам, которые каждый в отдельности не мог себе даже представить!

Пипоу коротко удивленно свистнула.

— Ай да Ткетт! Мне кажется, ты в своем пуританском, с плотно закрытыми клапанами стиле — романтик.

Чиссис присоединилась к мягкому дразнящему смеху Пипоу, так что он стереофонически доносился с обеих сторон. Человек в таком положении покраснел бы. Но дельфины не могут скрыть свои эмоции друг от друга и редко пытаются это сделать.

— Серьезно, — продолжал Ткетт. — Я буду сражаться с буйурами, потому что они намерены бесконечно держать нас в детском манеже, лишая права взрослеть и самим постигать устройство Вселенной. Магия, возможно, романтичнее науки. Но наука *честна*... и она действует.

— А ты, Пипоу? Ты почему?

Последовала долгая пауза. Потом Пипоу ответила с поразительной злостью:

— Терпеть не могу все это королевско-волшебное дерьмо! Неужели кто-то должен править, потому что его отец был помпезным правителем? Неужели все птицы, рыбы и звери должны повиноваться тебе только потому, что ты знаешь тайные слова и не желаешь делиться ими с остальными? Или потому, что у тебя громкий голос, а твой эгоизм сильнее, чем у остальных?

— На Земле мы боролись за то, чтобы освободиться от таких нелепых представлений... или люди, по крайней мере, боролись. Они никогда не помогли бы нам, дельфинам, подняться к звездам, если бы предварительно не порвали с такими дурацкими представлениями.

— Хочешь знать, почему я буду сражаться с буйурами, Ткетт? Потому что там место для Мопола и Заки. Один из них сейчас воображает себя суперменом, а другой — морским царем.

Три дельфина плыли молча, а Ткетт размышлял, что означает их решение. По всей вероятности, сопротивление окажется тщетным. Ведь буйуры невообразимо могущественны, да и готовились полмиллиона лет. И предложение их заставляет померкнуть все предыдущие искушения. Среди шести рас на берегу — да и в маленькой колонии дельфинов — многие предпочтут принять это предложение и станут помогать прилежно делать новый мир полным волшебных чудес.

У нас никогда не было такого врага, понял Ткетт. *Такого, который пользуется нашей величайшей слабостью, предлагая осуществить все наши мечты.*

Конечно, одну возможность они не стали обсуждать. Может быть, они видели только поверхностный слой гораздо более сложного плана... может быть, исключительно длинного и абсолютно несмешного розыгрыша.

Неважно, думал Ткетт. *В любом случае нам нужно сражаться, иначе мы никогда не станем достаточно сильными и мудрыми, чтобы «понять» шутку. И никогда не сможем отплатить буйурам чем-то подобным. Не сможем, если они будут контролировать нас тайными рычагами, как волшебник из страны Оз.*

На какое-то время их охватило настроение мрачной безнадежности. Все молчали, но сонарные пощелкивания всех троих объединялись и растворялись вдалеке. Возвращавшееся эхо словно приносило подтверждение моря о серьезности их положения.

Никаких шансов. Но все равно — удачи!

Наконец маленькая Чиссис прервала мрачное молчание: весь последний час она напряженно сочиняла собственный философский глиф тринари.

В каком-то смысле это было предуведомление: она готова вернуться к трудностям разумности.

В то же время глиф представлял собой ее манифест. Оказывается, у нее была другая причина бороться с буйурами. Причина, которую не выразили Пипоу и Ткетт, хотя у них она вызвала глубокий отклик.

И неясные туманы мечты,
И ослепительно яркое сияние дня
Предоставляют сокровища ищущему,
Дают возможность бесценных вдохновений.

Одно дает открытое, честное знание
И мастерство, творящее чудеса.
Но другое (столь же необходимое)
Переполняет душу и заставляет биться сердце.

Зачем нам их эрзац-магия?
Зачем нам их вымышленные чудеса?

Бог и Ифни создали космос.
Он полон чудес... давайте жить ради них!

Пипоу восхищенно вздохнула:

— Я не могла бы сказать лучше. К черту старых уродливых лягушек! Мы создадим свою магию!

Они устали, и солнце уже уходило за горизонт, когда увидели вдали очертания берега и уловили дельфинью болтовню. Но трое продолжали быстрое движение в шелковых водах Джиджо.

Несмотря на все свидетельства логики и чувств, день по-прежнему казался утром.

ДЭВИД ДРЕЙК

Бронзовые шеренги

Дэвид Дрейк (р. 1945) проживает в Северной Каролине, близ Чапел-Хилл. Информацию об авторе можно найти на www.david-drake.com. Он родился в штате Айова и там же с отличием окончил университет, получив степень бакалавра истории и классической филологии. Покинув юридическую школу, с 1969 по 1971 год служил в армии, большую часть 1970 года проработав следователем в 11-м Бронекавалерийском полку «Черная лошадь» во Вьетнаме и Камбодже. Свой первый рассказ Дрейк продал в 1966 году, еще будучи студентом, Августу Дерлету (издательство «Arkham House») и продолжал писать и в юридической школе, и в армии, и работая адвокатом. В 1979 году вышли его первая книга — сборник военной научной фантастики «Молотобойцы» («Hammer's Slammers») и первый роман «Повелитель драконов» («The Dragon Lord») в жанре «меча и магии». Дрейк самостоятельно и в соавторстве написал сорок девять книг; выступил редактором и соредактором тридцати, разработал сюжеты еще двадцати — в жизнь их воплотил другой автор. Среди последних произведений Дрейка — «Хозяин котла» («Master of the Cauldron», 2004) и «Путь к славе» («The Way to Glory», 2005).

На своем сайте он пишет: «Я, возможно, известен в основном благодаря своей боевой фантастике, но она всегда составляла лишь четверть моих трудов. Хотя я работаю только в жанре фэнтези и НФ, в этих рамках я пишу все, за исключением любовных романов, — юмористическую и эпическую фантастику, триллеры, боевую фантастику, космическую оперу, историческое фэнтези и фантастику». И еще: «Я часто пишу о солдатах и ветеранах — то есть военную НФ, и из-за этого меня обвиняют в милитаристических наклонностях те, кто не видит разницы между описанием войны и ее пропагандой, или те, кто эту разницу отвергает».

На сайте автора размещен также очерк, в котором Дрейк делится личным военным опытом и соображениями о боевой фантастике (впервые он был опубликован как послесловие к «Повелителям танков» («The Tank Lords»)), а также комментарии автора на тему литературного влияния: «С одной стороны, на меня повлияла палм-фантастика, рассказы 1930—1940-х годов, вошедшие в сборники 1950-х, когда я начал зачитываться НФ и фэнтези. В особенности

Роберт Ирвин Говард; затем, когда я поступил в колледж, — трилогия Толкина, еще до того, как она стала выходить в мягком переплете. С другой — романские и античные авторы (хотя греков я читаю в основном в переводе). На этом сайте есть специальный раздел, посвященный античным классикам, поскольку проза Тацита и Цезаря может служить образцом для любого писателя, так же как и умение некоторых поэтов (тут же приходят на ум Овидий и Тацит) ловко справляться с продолжительными действиями и краткими описаниями. Я определенно многому научился у них».

Те немногие критики, которые обращают внимание на данную литературу, считают Дрейка ведущим автором боевой фантастики двух последних десятилетий. Удачную карьеру Дрейка часто связывают с коммерческим успехом издательства «Baen Books». Когда в 1980-х произошла революция киберпанка, в агитационном журнале Брюса Стерлинга «Cheap Truth» произведения Дрейка (наравне с работами Вернона Виндж а, Дина Инга, Джанет Моррис и некоторых других) назвали одним из примеров политически неверной научной фантастики.

«В начале своего существования фантастика была халтурой, ориентированной на ограниченную группу простаков. Но границы расширялись, и фантастика стала культурно легализованной. С появлением Стратегической оборонной инициативы элементы, темы и образы действий, рожденные в фантастике, стали центральными в мировых политических дебатах.

Одна отколовшаяся группа с похвальной быстротой ухватилась за новый политический потенциал фантастики. В отличие от традиционных „ходов", эта группа писателей не может похвастаться литературными новшествами — скорее радикальной идеологией. Для краткости будем называть их „последователями Пурнелла".

У этой группы имеется ряд сильных сторон. И первая из них — крепкая издательская база... „Baen Books". Вторая — претензия на традиционность, особенно на восторженный технократизм, характеризующий жанр научной фантастики со времен Гернсбека. Еще одно важное преимущество — их идеологическая солидарность, дающая им своеобразную ударную силу вроде той, что Ленин внушил большевикам. В данном случае их Ленин — доблестный экс-марксист Джерри Пурнелл, примеривший на себя маски писателя, редактора, теоретика и политического лидера» (Брюс Стерлинг, «Cheap Truth», № 13).

В процессе язвительной атаки на эту группу Стерлинг назвал Дэвида Дрейка «верным последователем, специализирующимся на военных байках, которые претендуют на „тошнотворный гиперреализм“». Позиция Стерлинга весьма близка к политическим позициям британских и европейских научно-фантастических сообществ 1980-х годов — по существу, всех американских фантастов, пишущих на военные темы, смешивали в популярных критических дискурсах с милитаристами как вне США, так и в некоторых кругах в пределах страны, превращая их (как милитаристов) в символ заблуждений американской фантастики в США и за границей. А Дрейк тем временем продолжал свою коммерчески успешную карьеру, частенько совершая «набеги» на космическую тему и живописуя сражения среди звезд. За пределами США его работы не получили широкой известности.

Личным вкладом Дрейка в космический жанр можно назвать его роман «Бронзовые шеренги» («Ranks of Bronze», 1986). Основанный на одноименном рассказе, написанном в 1976 году, он изображает военные действия среди звезд, которые ведут в далеком будущем пропавшие римские легионы Красса.

Легион перенесен с Земли в космос — солдат используют как наемников, ими владеют и управляют некие чужаки, которым нужна лишь прибыль и которые заставляют римлян вести дешевые, низкотехнологичные войны с обитателями интересующих их планет, хотя легионеры не питают личной неприязни к местным жителям и вообще смутно понимают происходящее. Ни у кого из легиона нет шансов. Солдаты ведут себя убедительно, как и положено римским воинам. Они — весьма эффективная боевая сила, способная побеждать. Не замечая того, они перемещаются с планеты на планету и сражаются, а иногда гибнут. Они несчастны.

Вот боевая фантастика, с которой содрана оболочка современной политики. Солдаты прибывают на место. Им говорят, с кем драться. Они побеждают или умирают. И отправляются дальше. По-моему, таков и есть истинный опыт обычного сражающегося мужчины или женщины в военных организациях на протяжении всей истории. Выбор весьма ограничен. Отдельные личности ведут себя хорошо или плохо, проявляют здравомыслие или безумие, мудрость или глупость. А еще здесь играет свою роль удача. Никто не видит картины в целом, иногда она вырисовывается, когда бой окончен, а иногда и нет. Тот, кто лучше всех делает свое дело, способен выжить и порой возвыситься. Некоторые из героев — люди плохие и (или) сумасшедшие, но они не глупы — глупость ведет

к смерти. Моральный выбор невелик, но мы уважаем тех, кто нормален, осторожен и, если может, поступает по совести. А потом пытается жить со своим выбором. В боевой фантастике Дрейка нет доступа к тем, кто вершит политику. Он просто беспристрастно показывает мрачную человеческую жизнь.

Фантастику Дрейк использует как инструмент, античных наемников — как воплощение солдатских характеров. С их помощью он создает вымышленное пространство, в котором мы можем исследовать определенные виды человеческого поведения, героизм, верность, трусость, стратегию ведения военных действий и ее влияние на отдельных личностей, а также эффективность высоких или низких технологий убийства в разных ситуациях. И Дрейк делает это строго объективно, никого не обвиняя и не оправдывая. Никто из тех, кто внимательно прочитал книги Дрейка, не скажет, что он защищает войну.

Крохотная точка солнца поднималась над каменистой землей. Со стороны расположения местных к Вибулену и его когорте тянулись длинные тени. Легион построился час назад; враг пока не шевелился. С юга дул игривый ветерок, пахнущий горечью, и трибун вскинул щит, заслоняясь от бриза.

— Когда выступаем, командир? — спросил первый центурион.

Гней Клодий Кальв занял свой нынешний пост после того, как его предшественник был в лепешку расплющен булыжником во время штурма одной далекой гранитной крепости. Вибулен помнил свои первые дни в когорте весьма смутно — восемнадцатилетний мальчишка, вдруг оказавшийся во главе четырехсот восьмидесяти солдат, чьи имена он отчаянно старался выучить. Что ж, теперь он их знает. Правда, сейчас нужно держать в уме лишь имена уцелевших двухсот девяноста.

Молчаливое терпение бородатого Кальва вернуло Вибулена в настоящее.

— Когда подойдет кавалерия, мне доложат. Какой-то царек вроде как должен пригнать нам на подмогу пару тысяч, чтобы защитить фланги. Иначе...

Голос трибуна сорвался. Он смотрел на лагерь противника, раскинувшийся на каменистой равнине, вспоминая другое, давнишнее поле боя.

— Проклятые парфяне, — пробормотал Кальв, думая о том же.

Вибулен кивнул:

— Проклятый Красс[1], хочешь сказать. Он засунул нас *туда*, и потому ты *тут*. Тупой ублюдок. Но и он получил свое.

Легионеры, не нарушая построения, сидели на корточках, переговариваясь и жуя хлеб или сушеные фрукты. Они не проявляли ни показной храбрости, ни беспокойства. Слишком часто они вот так дожидались боя. Солнечный свет выкрасил забрала их шлемов в зеленый цвет, но зеленый не ядовитого оттенка яри-медянки, а в цвет морских волн гавани Брундизия[2] туманным утром.

О Матерь Веста, вздохнул про себя Вибулен. Роста он, как и большинство солдат легиона, был среднего, пять футов два дюйма, из-под шлема выбивались черные кудри, бороду трибун не отпускал. Лишь глаза выдавали истинный возраст того, кто казался юношей-подростком, — глаза усталого пятидесятилетнего человека.

В расположении отряда командующего трижды прогудел рожок.

— Становись! — рявкнул трибун, но центурионы уже выкрикивали приказы, заглушаемые стуком о камни подбитых гвоздями сандалий. Десятая когорта могла бы построиться даже во сне.

Где-то в середине шеренги плащ легионера зацепился за зарубку на ободе щита. Солдат сдернул тяжелую ткань, выругавшись по-осски в ответ на рычание Кальва. Вибулен взял себе на заметку: после сражения разобраться с центурионом. Парень должен был позаботиться о замене щитов

---

[1] *Марк Лициний Красс* — римский политический и военный деятель I века до н. э. Руководил неудачным походом против Парфии и погиб в битве при Каррах в 53 году до н. э. вместе с большей частью войска. Имя главного героя рассказа наводит на мысль о Вибулене — воине армии Красса, упоминание о котором встречается в «Анналах» Тацита.

[2] *Брундизий* — древнеримский город-порт на берегу Адриатического моря, играл важную роль в сообщении с Востоком. В настоящее время итальянский город Бриндизи.

до высадки. Он бросил взгляд на свой щит. Сколько таких же ему довелось носить? Не важно. Доспехи сменить легко. Сейчас на нем уже четвертая кираса, хотя ни одна из них не сидела так, как та, которую купил ему отец в тот день, когда Красс назначил Вибулена трибуном. О Веста...

Подлетевший к командиру когорты гонец резко осадил своего скакуна, свирепо рванув поводья. Вибулен узнал посыльного — Помпилий Фалько. Вступивший в легион поросенок теперь превратился в настоящую свинью. Хотя, говоря так, можно оскорбить славное животное.

— Выступаем без кавалерии, — крикнул гонец, наклонившись. — Подровняй шеренги.

— Кровавый член Осириса! — сплюнул трибун. — Где подкрепление?

— Придется самим, — пожал плечами Фалько и развернул скакуна.

Вибулен шагнул вперед и перехватил узду.

— Фалько, — сказал он, не делая даже попытки говорить тише, — передай нашему почтеннейшему командующему, чтобы укрепил наш левый фланг, если он хочет, чтобы Десятая выступила. Местных слишком много — они ударят с трех сторон разом.

— Боишься умереть? — ухмыльнулся гонец и дернул повод.

Но Вибулен держал крепко. Порыв ветра взметнул его плащ.

— Боюсь ли я, что мне раскроят череп? — переспросил он. — Не знаю. А ты, Фалько? — Фалько бросил взгляд на правую руку трибуна и промолчал. — Передай, мы будем драться за него, — продолжил Вибулен. — Только мы не позволим ему посылать нас на верную гибель. Однажды мы это уже проходили.

Он отпустил поводья, и посланец поскакал обратно, поднимая клубы пыли.

Сменные доспехи достаточно прочны — щиты не раскалываются, падая, и шлемы выкованы без изъяна. Но в них нет утонченности искусной работы. Они тяжелы, безжизненны. Вибулен, например, все еще носит толедский меч с костяной рукоятью, требующий регулярной заточки, но, закаленный и сбалансированный, этот меч всегда готов перерезать нить чьей-нибудь жизни, как делал уже сотни раз.

Пальцы трибуна продолжали ласкать отполированный ладонью эфес — это успокаивало солдата.

— Спасибо, командир.

Трибун оглянулся на своих людей. Стоящие в первых рядах отсалютовали ему. А благодарил Вибулена Кальв, застывший, напряженный, превратившийся в статую из красного дерева и бронзы. Коренастая фигура лучилась гордостью за своего лидера. Предводителя. Больше никого из тех, кто стоял сейчас под знаменами, нельзя было назвать этим словом, никто больше не смог бы повести этих ветеранов, хотя солдаты, безусловно, подчинились бы отдаваемым им приказам. Вибулен усмехнулся и хлопнул Кальва по крепкому плечу.

— Может, это последний бой, а потом мы отправимся домой, — сказал он.

Над вражеским лагерем поднялась пылевая завеса. Издалека невозможно было различить фигуры, но под изумрудными лучами ослепительно вспыхивало железо. Тени медленно ползли влево и вправо по равнине — это выстраивались местные. Тысячи местных, много тысяч.

— Гэй-гип!

Двадцать всадников из охраны командующего промчались позади когорты, сотрясая землю своим галопом. Они остановились на левом фланге, заслоняя уязвимую пехоту. Яркие желтые и зеленые вымпелы трепетали на копьях, упертых в специальную колодку возле правого стремени. Пестрые флажки мешали всадить острие пики слишком глубоко в тело противника — тогда его будет трудно выдернуть. Под забралами шлемов мелькали угрюмые лица. Вибулен представил, как они злятся сейчас из-за этого перемещения, совершившегося по его требованию, и опять ухмыльнулся. Телохранители, вероятно, оскорблены тем, что им придется драться, а не гордо держаться в стороне от боя. Что ж, может, этот опыт пойдет им на пользу. Или, по крайней мере, кого-то из этих высокомерных паразитов прикончат.

— Не совсем то, что я называю кавалерийским подразделением, — проворчал Кальв.

— Он выделил нам половину из того, что имел, — ответил Вибулен, пожав плечами. — Они не подпустят местных

к нашим спинам. Будем надеяться, противник близко не подойдет, уж больно жалко эти всаднички выглядят.

Центурион хлопнул по бедру щегольским жезлом:

— Жалко? Мы им покажем «жалко».

В расположении штаба вразнобой заревели все трубы разом, перекрикивая друг друга. Шутки и шарканье резко оборвались, лишь южный ветер продолжал что-то невнятно нашептывать. Вибулен в последний раз осмотрел шеренги — по пятьдесят человек в ряд. Ряды ровнехонькие, что твой натянутый ремень. Пять футов от шишки щита до шишки щита — достаточно для замаха мечом. Пять футов от защитной планки для носа одного воина до защитной планки для носа другого воина в следующем ряду, люди в любой момент могут шагнуть вперед — каждый по отдельности, чтобы заменить упавшего, или все вместе, смыкая щиты с передним рядом, чтобы возвести непробиваемую бронзовую стену. Легион — норовистый дракон, зубы его — сверкающие копья: одно вертикально застыло за каждым щитом, другое держит под наклоном каждая правая рука, готовая метнуть пику или пырнуть неприятеля.

Рога затрубили снова, штандарт с орлом накренился, и голос Вибулена присоединился к реву трех тысяч вопящих глоток — весь легион дружно сделал первый шаг. Левой — правой, левой — правой. Центурионы задавали ритм, а шеренги отвечали им мерным звонким топотом сапог и сандалий.

Широко шагая, Вибулен проверял построение своей когорты. Ему следовало бы иметь лошадь, но лошадей в легионе не осталось. Отряд командующего подыскал себе грубую замену... очень грубую. Вибулен сомневался, что принял бы такого «скакуна», даже если бы его скупые наниматели и предложили ему сесть верхом.

Его люди казались плавно тянущейся гладкой бронзовой цепью. Отлично. Девять когорт справа шагают прекрасно, но — Геркулес! — их так мало в сравнении с армадой, катящейся от лагеря местных. Кто-то оказался слишком самоуверен. Враги тоже воинственно завопили, сперва неслаженно и негромко. Но клич нарастал, обретая пульсирующий ритм, заполняя разделяющее войска пространство. Брешь между противниками сужалась со скоростью два шага в секунду. О Геркулес! Скоро они столкнутся.

Местные подошли уже достаточно близко, чтобы можно было различить детали: долговязые, длиннорукие, враги были гораздо выше легионеров. Впрочем, вооружены они плоховато. Головы прикрывают либо кожаные шлемы, либо и вовсе копны собственных волос. Щиты их, кажется, сделаны из шкур и ивовых прутьев. Кто же живет в этой каменной пустыне, если в распоряжении противника столько кожи? Но, конечно, Вибулену никто не выкладывает всю подноготную, даже касающуюся географии поля боя. Просто очередное место, на котором сойдутся две армии, — этого достаточно.

А еще у неприятеля есть железо. Черный блеск наконечников их копий кое-что напомнил трибуну, и в груди воина заныли старые раны.

— Улыбнитесь, мальчики, — весело воскликнул один из центурионов, — вот вам и компания.

Не успел он закончить фразу, как в землю с гудением вонзилось копье. Значит, у врага имеются еще и метательные устройства. Расстояние слишком велико для любой руки — Вибулен на своем веку повидал немало, чтобы утверждать это наверняка.

— Берегись! — крикнул он, когда из рядов местных взмыло по дуге еще два десятка дротиков.

Оценив степень опасности, легионеры либо вскинули щиты, либо просто не обратили внимания на летящие мимо копья. Одно ударилось о землю перед Вибуленом и развалилось на дюжину железных обломков и шишковатое древко, вроде бы ротанговое. Несколько дротиков лязгнуло о забрала шлемов, но тонкий звон потерялся в грохоте сапог. Никто из легионеров не упал.

Вибулен со вскинутым мечом опередил свою когорту на два шага, чем превратил себя в отличную мишень: десяток копий уже летел к нему. По коже трибуна побежали мурашки, бугорчатая паутина шрамов зачесалась и натянулась, точно канаты. Зато так его видит вся когорта, а кто-то должен дать знак...

— Давай! — гаркнул он, хотя из-за многоголосого рева его все равно не услышали. Рука с мечом резко упала вниз.

Три сотни глоток ухнули разом — это когорта дружно метнула свои тяжелые копья. Легкий вражеский дротик ударил Вибулена в плечо, и трибун пошатнулся. Широкая

ладонь Кальва легла на спину командира, удержав его и подарив секунду, нужную, чтобы восстановить равновесие.

Передние ряды местных разорвались — римские копья достигли цели.

В пятидесяти футах от легионеров пронзительно завопили оранжевые неприятельские солдаты, спотыкающиеся о тела своих товарищей, доспехи которых не выдержали ударов тяжелых копий.

— Вперед! — крикнул замыкающий в первой шеренге, забыв об оставшемся копье и выхватывая короткий меч.

Трубы что-то пели, но это уже не имело значения: тактика была отброшена, Десятая прорубала себе путь в гуще армии местных.

Поддавшись короткому приливу ярости, Вибулен по-прежнему держался впереди, между двумя легионерами. Местный, с золотистой кожей и ярко-карминными глазами, попытался убраться с дороги трибуна, но римское копье пронзило его щит и руку, крепко-накрепко спаяв их воедино. Меч Вибулена полоснул бойца чуть ниже подбородка. Хлынула кровь, более светлая, чем человеческая.

Шок столкновения сбил местных в кучки. Неуправляемый напор задних добавлял смятения во вражеские ряды. Вибулен перепрыгнул через все еще корчащееся тело и бросился на стену щитов и перепуганных оранжевых лиц. Направленный в него железный наконечник копья промахнулся — неприятеля оттолкнул кто-то из его солдат. Вибулен сделал выпад в сторону противника. Боец вскинул щит, принимая удар, и тут же упал — копье легионера из второго ряда вошло в оранжевое брюхо.

Запыхавшийся Вибулен, с меча которого продолжала капать чужая кровь, остановился, позволяя наступающим шеренгам обтекать себя. Резня — работа не для трибуна, но Вибулену все больше и больше хотелось ощущать стремительную свирепость схватки, освобождающую нарастающую в его душе ярость. Когорта продвигалась с уверенностью сохи, влекомой волами по сухому чернозему.

Оконце в толпе местных, образовавшееся при первом контакте, заполнилось римлянами. Вибулен вытер клинок о тело погибшего, оставив на плоти две вяло сочащиеся кровью царапины. Затем он убрал меч в ножны. Три растянувшихся друг на друге трупа создали небольшой буго-

рок. Не колеблясь, трибун ступил на возвышение, чтобы следить оттуда за ходом битвы.

Легион казался толстым шилом, протыкающим пояс из рыжей кожи. Кавалерия на левом крае держалась как бы в стороне от россыпи тел — местные не угрожали всадникам, а они сами не делали попыток отогнать неприятеля. Один из «скакунов», безволосая скотина, по виду напоминающая помесь волкодава с буйволом, лениво жевала мертвеца, заколотого своим наездником. Вибулен не ошибся, предположив, что местные станут избегать их; тысячи фланговых воинов дрожали от нерешительности, не рискуя или не догадываясь окружить легион. Чтобы атаковать похожих на жаб всадников на их жутких «скакунах», требуется гораздо больше дисциплины, чем продемонстрировал этот оранжевый сброд.

В сотне шагов за спинами легионеров в бронзовых доспехах, так контрастирующих с наготой аборигенов, находился командующий с двумя десятками оставшихся при нем телохранителей. Из трех тысяч приземлившихся на космическом корабле он один знал, зачем ведется бой, но, кажется, не собирался самолично вступать в сражение. И если тупой выродок сохранил себе половину охраны — Марс и все боги, что творится сейчас на правом фланге?!

Нечеловеческий победный крик, раздавшийся в полумиле от Вибулена, дал трибуну однозначный ответ.

— Готовьтесь к отрыву! — приказал он ближайшему центуриону.

Смуглый офицер, сын североафриканского колониста, коротко бросил что-то двум легионерам, отсылая их с приказом на передний и задний фланги. Легион никогда не разбрасывался людьми, их и так вечно не хватает, гонцы трибуну не положены, но когорта справлялась и так.

Трубы блеяли от ужаса. Местные с гиканьем клубились на правом фланге римлян. Легионеры в тылу поспешно разворачивались, повинуясь скорее инстинктам, чем приказам обескураженных офицеров. Внезапно серьезность ситуации дошла и до штабного отряда. Трое телохранителей поскакали в сторону надвигающейся оранжевой толпы. Остальные смешались с пехотой.

На левом фланге затих звон железа о сталь. Когорта остановилась, и местные получили возможность бежать

к своему лагерю. Даже те, кто не участвовал в битве, заразились всеобщей паникой и неслись, оставляя позади неуклюже раскинувшиеся тела.

— Кругом! — скомандовал Вибулен, перекрикивая ропот. — Все назад! Там варвары еще желают драться с Десятой!

Возбужденные возгласы жаждущих убивать легионеров слились с топотом кинувшейся выполнять приказ когорты.

Войско развернулось, и Вибулен побежал к новому переднему краю, бывшему задней шеренгой. Кавалеристы, приземистые и угрюмые в своих увесистых доспехах, проявили достаточно здравого смысла, чтобы направить скакунов к флангу Девятой когорты, оголенному маневром Вибулена. Метательные копья вылетали из рядов местных лишь изредка, почти не мешая продвижению римлян. Их товарищам, оставшимся подле командующего, повезло меньше.

Град дротиков мгновенно прервал вялую атаку. Два «скакуна» свалились, несмотря на толстую броню. Сам командующий распластался на камнях. Потерявший седока зверь взвыл дурным голосом над упавшим хозяином. Из холки его торчало древко случайного копья. Оранжевые воины закололи двух пытавшихся подняться всадников и повалили последнего. Полдюжины телохранителей покинули ряды пехоты и первым галопом помчались на подмогу своему нанимателю. Раненый «скакун» прыгнул на одного из уланов. Животные сплелись, и боец оказался зажат между массивными телами. Когтистая задняя лапа прошлась по его голове, и та вместе со шлемом взмыла к небесам в фонтане зеленой сукровицы.

— В атаку! — рявкнул Вибулен, и даже не услышавшие его легионеры последовали за бегущим вперед командиром.

Кавалерия и местные сцепились в четверти мили от них. Когорты правого фланга были слишком заняты обороной, чтобы подключиться к броску. Половина легиона стала бронзовым червем, ощетинившимся копьями навстречу оранжевому потоку. Без немедленной поддержки весь правый фланг будет раздавлен и превратится в окровавленный клубок покореженного металла. Десятая когорта — их единственная надежда.

— Ри-и-им! — гаркнули бывалые воины, вскидывая щиты.

Новый град дротиков обрушился на них. Задние ряды разомкнулись, в шеренгах образовались бреши. Позади оставались раненые, стискивающие вспоротые или пригвожденные к земле чужеземным деревом голени. Ну до них дело дойдет, когда спустятся спасательные команды, а они не приземлятся, если переделка завершится полным разгромом.

Осознав внезапную угрозу, местные бойцы защелкали и завыли. Собственный успех расслабил их. Цеп, молотящий ряды бронзовой пшеницы, превратился в тысячу неуправляемых грушек, теснимых римской шеренгой. Только вожаки, сгрудившиеся вокруг штабного отряда, пока не потеряли единства.

Один «скакун» еще держался на ногах. Четыре тяжеловооруженных охранника с булавами пытались окружить командующего, ворочающегося синим пятном на бурых камнях. Шквал ударов булав и парирующих копий завершился грохотом упавшей брони — проворное оранжевое тело с ножом прыгнуло на поверженного бойца. Стремительный меч Вибулена тут же вошел в горло местного.

Десятая когорта раздавила ошеломленных местных. Еще секунду назад оранжевые воины рвались вперед, торжествуя победу, — и вдруг наткнулись на нерушимую стену римлян и разбились об нее. Безжалостная и неумолимая, как восходящее солнце, Десятая гнала в панике улепетывающих противников, давая время оправиться и развернуть строй правому флангу. Земля за ними стала скользкой от крови.

Запыхавшийся Вибулен отдыхал, опустившись на одно колено. Он вытащил меч, и тот прилип к руке. Послышался рев двигателей. Через несколько минут спасательные команды займутся павшими легионерами, возвращая жизнь всем, кому не вышибли мозги или не сломали хребет. Вибулен, погрузившись в болезненные воспоминания, потер ребра.

На плечо трибуна легла чья-то рука, обтянутая голубой тканью, — без доспехов, по крайней мере таких, которые способны защитить от оружия. Из маленькой пластины под чистым круглым шлемом раздался голос командующего. На латыни, с сильным акцентом, но четко выговаривая слова, он произнес:

— Вы великолепны, вы бойцы-воители.

Вибулент хмыкнул, но не поправил чужака. Воители — это резвящиеся герои, годные лишь на то, чтобы погибнуть при встрече с настоящими, бывалыми, вымуштрованными войсками — например, с Десятой когортой.

— Я думал, Совет Федераций сошел с ума, — продолжил ровный голос, — когда постановил, что мы не должны высаживаться на обитаемые планеты с оружием, превосходящим местный уровень. Им легко говорить об опасностях знакомства варваров с современным вооружением, но как еще сокрушить местные армии без того, чтобы твой бизнес не обескровили транспортные издержки?

Командующий покачал головой, точно восхищаясь окружающей его картиной побоища. Вибулен молча вытер клинок. Перед ним Фалько пялился на зеленое солнце. Из его правой глазницы торчал дротик.

— Когда мы выкупили вас из парфянского плена, это был только эксперимент. Некоторые из нас сомневались, оправдается ли хотя бы стоимость искусственного продления жизни. Но вы в известном смысле оказались эффективнее страж-отрядов с лазерами; уступая числом противнику, вы разбили врагов их же собственным оружием. Они даже во спасение своей гордости не смогут утверждать, что тут замешана магия. Вы действовали не хуже тех, кого мы могли бы нанять в других местах. И так дешево!

— Поскольку мы удовлетворили твои требования, — сказал трибун, стараясь согнать с лица надежду, — вернут ли нас теперь домой?

— О боже, нет, — рассмеялся чужак, — вы для этого слишком ценны. Но у меня есть для вас сюрприз, и, уверен, приятный — женщины.

— Ты нашел нам настоящих женщин? — просипел Вибулен.

— Поверь, разницы ты не заметишь, — ответил командующий уверенным отеческим тоном.

В миллионах солнц от них, в усадьбе в Сабинских горах, поэт[1] взял из рук обнаженной девочки-рабыни стилус

[1] Усадьба в Сабинских горах близ Рима принадлежала поэту Квинту Горацию Флакку.

и быстро-быстро написал: «И несчастный солдат Красса принял в дар от своих пленителей жену-варварку и состарился, воюя за них».

С довольным видом поэт перечитал строчку.

— Конечно, это еще нужно отполировать, — пробормотал он. Затем мужчина обратился к рабыне: — Знаешь, Левконоя, поэзия рождается не только из вдохновения, здесь замешаны силы в тысячу раз могущественнее; но эти стихи пришли ко мне словно из воздуха.

Гораций ткнул стилусом в мерцающее ночное небо. Девушка улыбнулась ему в ответ.

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

Метеоролог

Лоис Макмастер Буджолд — несомненный мастер современной научной фантастики. Информацию об авторе можно найти на www.dendarri.com. Буджолд — единственный фантаст, четырежды удостоенный премии «Хьюго» (предыдущим «рекордсменом» был Роберт Хайнлайн) за романы «Игра форов» («The Vor Game», 1990), «Барраяр» («Barrayar», 1991), «Танец отражений» («Mirror Dance», 1994), «Паладин душ» («Paladin of Souls», 2003). Блистательный дебют Буджолд состоялся в 1986 году, когда свет увидели сразу три ее романа. Она написала несколько рассказов, но в основном выпускает крупную прозу в жанре фантастики (а в последние годы и фэнтези), принесшую ей немало наград. С 1990 года книги Буджолд неизменно входят в списки бестселлеров.

Если существует такая вещь, как новая старая космическая опера, то это именно то, к чему обратилась Буджолд в 1980-х и начале 1990-х, в период, когда внимание критиков было сосредоточено на киберпанке. Вот уже десятилетие публиковалась К.Дж.Черри, начинали Орсон Скотт Кард, Майк Резник, Дэвид Брин и другие. Это период, когда фантастика обращается к истокам жанра, выводит их на первый план, вкладывает новое звучание, интерпретирует согласно времени, но не возносит до высот, чтобы низвергнуть, подобно тому, что сделал в «Машине с Центавра» («The Centauli Device») М.Джон Гаррисон, и не доводит до абсурда, как Гарри Гаррисон в «Звездных похождениях галактических рейнджеров» («Star Smashers of the Galaxy Rangers», 1973).

Гвинет Джонс в эссе для «Locus» отмечает: «Эволюция НФ не прямолинейна. То, что завещал XXI столетию киберпанк, не является ни наукой, ни политикой, но сюжетом. В преимущественно мужской новой космической опере футуристический нуар приходит на смену барочным политическим интригам Кэролайн Черри и Лоис Макмастер Буджолд». И в ретроспективе становится очевидным, что Черри и Буджолд являлись истинными королевами космической оперы, по крайней мере в Соединенных Штатах.

Знаменитые циклы и отдельные произведения Буджолд посвящены Майлзу Форкосигану, фигуре весьма необычной

для НФ. Хромой, байронических черт антигерой — аристократ, порой космический разбойник, порой солдат. Критик Сильвия Келсо говорит: «Сюжет ранних книг резюмируется в „Ученике воина“ („The Warrior's Apprentice“, 1986): несомненная военная космическая опера... неприглядная реальность заключена в беззаботное приключенческое обрамление, образ Майлза постоянно контрастирует с традиционным представлением о герое научной фантастики.

Однажды Джоан Баэз назвала Боба Дилана „гениальным безобразником“, и эти же слова применимы к Майлзу: отвязный и непредсказуемый, он триумфально шествует там, где терпят поражение враги и лучшие из лучших, он белый Койот, живущий вне закона, берущий верх благодаря превосходству ума, а не большим кулакам или оружию. Учитывая его положение в обществе как демократичного аристократа, активное сопротивление собственному статусу, положение аутсайдера делает его настоящим антигероем.

В данном низложении стереотипной модели героя НФ комедийность всегда исполнена критики, и пусть порой она направлена на культуру и других персонажей, но в основном сосредоточена на образе Майлза».

Космическая опера Буджолд, как правило, военная и зачастую романтичная. Сама писательница так комментирует данный вопрос на своем сайте: «Психология войны и ее ведения, армия и милитаристский дух всегда меня завораживали. Просматривая кадры, где парни в форме маршируют строем, я думала: „Боже, никогда группа девчонок не окажется способна на что-либо столь же глупое и серьезное одновременно“. Военная жизнь и психология сплоченности — это, по сути, весьма странный способ заставить людей быть собранными. И без сомнения, крайне действенный».

И далее: «Как создатели спекулятивной фантастики, чтобы достоверно описать войну, которая затронет за живое даже людей, столкнувшихся с нею в реальности, мы обязаны учитывать изменения, неизбежные при смене географических условий и технологий. Мой цикл о приключениях Майлза Форкосигана не отличается оригинальностью в вопросах научно-фантастической астро-географии и основан на представлениях о перемещениях между звездными системами по определенным червоточинам в пространстве. В плане стратегии и тактики червоточина — это эквивалент пролива, горного перевала, моста или тоннеля, расположенного в странных измерениях. Так что я получаю возможность брать за основу истории реальных сражений, применять их к этим странным обстоятельствам и экстраполи-

ровать (и где-то нарочно упрощать, это же роман, сами понимаете)».

В подобные моменты на ум приходит то, что прославило Роберта Хайнлайна на века. Буджолд пока в середине своей карьеры, есть куда идти и развиваться. Она еще не достигла высот, сопоставимых с успехом Хайнлайна, но вполне на это способна.

«Метеоролог» входит в число нескольких малых произведений писательницы. Это вариация космической оперы, планетарный романс, часть более крупного произведения, эпизод, посвященный межзвездной войне и не лишенный черт твердой НФ. Действие относится к раннему периоду карьеры Майлза Форкосигана. История о молодом офицере рассказана со всей той иронией и остроумием, что однажды сделали Буджолд знаменитой.

— На корабль! — ликующе воскликнул младший лейтенант, стоявший через три человека от Майлза. Он торопливо скользил взглядом по строкам приказа о назначении, и лист тонкого пластика подрагивал в его руке. — Назначен младшим офицером по вооружению на имперский крейсер «Коммодор Форхалас»... Немедленно явиться в космопорт базы Тэнер для отправки на орбиту! — Получив тычок в спину, он совсем мальчишеским прыжком освободил место тому, кто стоял за ним.

— Младший лейтенант Плоз. — Сидевший за столом пожилой сержант с делано небрежным видом поднял двумя пальцами следующий пакет.

«Как долго занимает он эту должность в Имперской военной академии? — подумалось Майлзу. — Сколько сотен или тысяч молодых офицеров прошло перед его равнодушными глазами в этот первый, решающий момент их карьеры? Наверное, для него все они на одно лицо. Одинаковая новенькая зеленая форма. Одинаковые голубые пластиковые прямоугольники — знак только что полученного звания, — подпирающие воротничок. Одинаково голодные глаза бесшабашных выпускников самого элитарного учебного заведения Имперской армии, мечтающих о блестящей военной карьере».

«Мы не просто шагаем в будущее, мы атакуем его».

Плоз отошел в сторону, приложил большой палец к папиллярному замку и расстегнул молнию пакета.

— Ну?.. — сказал Айвен Форпатрил, стоявший перед Майлзом. — Не томи нас.

— Лингвистическое училище, — пробормотал Плоз, продолжая читать. Он в совершенстве владел четырьмя барраярскими языками.

— Студентом или инструктором? — поинтересовался Майлз.

— Студентом.

— Ага. Значит, будешь изучать галактические языки. А после этого разведка и — счастливчик! — другие планеты, — сказал Майлз.

— Необязательно, — ответил Плоз. — Меня могут засунуть в бетонную коробку у черта на рогах и заставят программировать переводящие компьютеры, пока не ослепну. — Но в его глазах светилась надежда.

Майлз милосердно умолчал о главном — что Плозу придется работать с начальником Имперской службы безопасности Саймоном Иллианом, человеком, который помнит «все». Но, вероятно, Плозу, на его уровне, не придется сталкиваться с ядовитейшим Иллианом.

— Младший лейтенант Форпатрил, — нараспев произнес сержант. — Младший лейтенант Форкосиган.

Высокий Айвен взял свой пакет, Майлз — свой, и они освободили место, отойдя к товарищам.

Айвен расстегнул пакет.

— Ага. Для меня Имперский штаб в Форбарр-Султане. Я, чтоб вы знали, буду адъютантом коммодора Джолифа из Оперативного отдела. — Он нахмурился и перевернул листок. — Фактически с завтрашнего дня.

— О-о, — протянул младший лейтенант, вытянувший назначение на корабль и потому немножко задиравший нос. — Айвен собирается стать секретарем. Только берегись, если коммодор попросит тебя посидеть у него на коленях. Я слышал, он...

Айвен с добродушным видом сделал непристойный жест.

— Зависть, низкая зависть. Я буду жить, как штатский человек. Работа с семи до пяти, своя квартира в городе, и, должен вам заметить, на этих ваших кораблях нет ни одной девочки.

Голос Айвена был ровным и веселым, только глаза выдавали разочарование. Айвен мечтал служить на корабле. Они все мечтали об этом.

Майлз, может быть, больше всех. «Корабельная служба. И в конце концов командование, как было с моим отцом, его отцом, его, его...» Надежда, мольба, мечта... Он медлил — из самодисциплины и, конечно, дикого страха. Потом решился: приложил большой палец к застежке и подчеркнуто аккуратно расстегнул пакет. В нем лежали пластиковый листок и несколько проездных документов. Показного спокойствия Майлза хватило на доли секунды, которые потребовались ему, чтобы уяснить смысл короткого текста. Не веря глазам, он остолбенело стоял, перечитывая все сначала, еще и еще раз.

— В чем дело, дружище? — Айвен заглянул через плечо Майлза.

— Айвен, — задыхаясь, произнес Майлз, — или у меня отшибло память, или у нас в научном разделе никогда не было курса по метеорологии.

— Пятимерная математика... Ксеноботаника... — Айвен перебирал названия дисциплин. — Геология и топография... Послушай, на первом курсе нам прочли несколько лекций по синоптическому обслуживанию полетов.

— Да, но...

— Ну, что еще они для тебя придумали? — спросил Плоз, готовый, смотря по обстоятельствам, поздравлять или сочувствовать.

— Я назначен старшим метеорологом базы. Где, черт ее дери, находится эта база Лажковского? Никогда о такой не слышал!

Сержант, сидящий за столом, злорадно улыбаясь, поднял голову.

— Я слышал, сэр, — вмешался он. — Она находится на острове Кайрил, рядом с Полярным кругом. Зимняя тренировочная база *для* пехоты. Пехтура именует ее лагерь «Вечная мерзлота».

— Пехоты? — переспросил Майлз.

У Айвена глаза на лоб полезли. Он уставился на Майлза.

— В пехоту? Тебя? Это несправедливо.

— Еще как, — слабым голосом ответил Майлз. На него холодным душем обрушилось сознание своей физической неполноценности.

Ценой тщательно скрываемых от всех пыток медикам как будто бы удалось скомпенсировать уродливую деформацию костей, от которой Майлз чуть не умер в детстве. Скрюченный, как лягушонок, сейчас он стоял почти прямо. Крошившиеся, как мел, кости обрели прочность. Ребенок, похожий на уродливого карлика, вырос в юношу ростом почти сто сорок пять сантиметров. Но даже это было компромиссом на грани возможного между длиной костей и их прочностью. Его врач до сих пор утверждал, что добавление последних пятнадцати сантиметров было ошибкой. Майлз достаточно часто ломал кости, чтобы согласиться с ним, но это уже не имело значения. Но он не мутант, нет... Если бы ему позволили приложить свои силы на императорской службе, он заставил бы забыть о своих слабостях. Абсолютно точно. В армии существуют тысячи занятий, при которых его необычная внешность и скрытый дефект ничего не значат. Он мог бы стать адъютантом или переводчиком в разведке. Или даже офицером по вооружению на корабле и заниматься компьютерами. Это ясно, как божий день. Но — пехота? Кто-то подставил его. Или это ошибка. И она не была бы первой. Некоторое время Майлз стоял, крепко зажав в кулаке листок, потом направился к двери.

— Ты куда? — спросил Айвен.

— Поговорить с майором Сесилом.

Айвен присвистнул.

— Желаю удачи.

Не спрятал ли сержант, сидевший за столом, легкую усмешку, когда склонился над следующей пачкой пакетов?

— Младший лейтенант Дрот, — позвал он.

Очередь продвинулась еще на шаг.

Когда Майлз вошел в кабинет и отдал честь, майор Сесил, присев на свой рабочий стол, говорил по видеотелефону.

Он взглянул на Майлза, потом на свой хронометр.

— Ага, меньше десяти минут. Я выиграл.

Пока майор отвечал на приветствие Майлза, его секретарь, кисло улыбаясь, вытащил из кармана тощую пачку денег, отделил банкноту в одну марку и молча протянул

ее начальнику. Но веселье на лице майора было явно напускным. Он кивнул на дверь, и секретарь, оторвав лист пластика с только что отпечатанным текстом, вышел из комнаты.

Майор Сесил был мужчиной лет пятидесяти, подтянутым, уравновешенным, расчетливым. Чрезвычайно расчетливым. Официально он не являлся главой управления кадров, эту должность занимал офицер более высокого звания, но Майлз давно понял, что окончательные решения принимались именно Сесилом. И разумеется, через его руки проходило каждое назначение выпускника академии. Майлзу было легко с ним, потому что учитель и ученый в майоре явно преобладали над военным. И еще потому, что этот изумительно умный человек был как никто предан своему делу. Майлз всецело доверял ему. До сегодняшнего дня.

— Сэр, — начал он, протягивая майору назначение. — Я не понимаю...

Сесил с довольным видом засунул в карман банкноту.

— Ты хочешь, чтобы я прочитал тебе приказ, Форкосиган?

— Нет, сэр. Я хочу знать... — Майлз прикусил язык. — Мне хотелось бы кое-что выяснить по поводу моего назначения.

— Начальник службы метеорологии. База Лажковского.

— Так... так, значит, это не ошибка? Это действительно мое назначение?

— Если там написано именно это, то твое.

— А вы... вы знаете, что единственным предметом, более-менее похожим на метеорологию, было синоптическое обслуживание полетов?

— Знаю. — Майор знал все, что касалось его работы.

Майлз помолчал. То, что майор отослал секретаря, означало приглашение к открытому разговору.

— В таком случае что это — наказание? Что такого я сделал?

— Почему же, младший лейтенант, — спокойно ответил Сесил. — Это совершенно обычное назначение. Разве вы ожидали чего-то экстраординарного? В мою задачу входит заполнять вакансии подходящими кандидатурами. Каждая заявка должна быть удовлетворена.

— Но эту должность может занять любой выпускник технического училища. — Майлз с трудом заставил себя разжать кулаки и говорить как ни в чем не бывало. — Там не нужен выпускник академии.

— Это верно, — согласился майор.

— Тогда почему? — воскликнул Майлз, и голос его прозвучал взволнованнее, чем ему хотелось бы.

Майор вздохнул и встал из-за стола.

— Потому что, Форкосиган, наблюдая за тобой, я заметил — а ты прекрасно знаешь, что из всех кадетов, исключая императора Грегора, ты находился под самым пристальным наблюдением, — (Майлз коротко кивнул), — что, несмотря на твои выдающиеся способности, с тобой не все благополучно. Я не имею в виду твои физические недостатки. Хотя все, кроме меня, полагали, что ты не выдержишь и года.

Майлз пожал плечами:

— Это мое больное место, сэр. Я ничего не мог поделать.

— Ладно, оставим это. Ты обнаружил слабину совсем в другой области... как бы точнее выразиться... в области дисциплины. Ты слишком много споришь.

— Это не так, сэр, — обиженно начал Майлз — и замолчал.

Сесил улыбнулся:

— Достаточно много. И потом, эта твоя неуместная привычка обращаться со старшими по званию, как с... э-э... — Майор замолчал, очевидно подыскивая нужное слово.

— Равными? — попытался подсказать Майлз.

— Как со стадом, — четко произнес Сесил, — которым нужно управлять. Ты прирожденный лидер, Форкосиган. Я наблюдаю за тобой уже три года и поражен ростом твоего влияния. Возглавляешь ты учебную группу или нет, все всегда делается по-твоему.

— Неужели я был... столь непочтителен, сэр? — похолодев, спросил Майлз.

— Наоборот. Принимая во внимание твое происхождение, ты был на редкость прост и внимателен. Но, Форкосиган, — Сесил наконец заговорил серьезно, — Имперская академия — это еще не Имперская армия. Ты заставил

своих товарищей уважать себя, потому что здесь, в академии, ценится светлая голова. Ты всегда был первым, когда требовалось раскинуть мозгами, и последним, когда речь шла о физических качествах. Да и то потому, что всем хотелось победить. И так было всегда и во всем.

— Мне нельзя отступать, сэр!

Сесил кивнул:

— Согласен с тобой. И все-таки должен же ты когда-нибудь научиться руководить обыкновенными людьми. И подчиняться приказам обыкновенных людей. Это не наказание, Форкосиган, и совсем не шутка. От моего решения зависят судьбы не только новоиспеченных офицеров, но и тех ни в чем не повинных людей, которые будут служить с ними. И если я серьезно просчитаюсь, то есть недооценю или переоценю человека, худо будет не только ему, но и окружающим. Так вот, через шесть месяцев (если не случится чего-нибудь непредвиденного) со стапелей имперской орбитальной верфи сойдет и будет укомплектовываться личным составом «Принц Зерг».

У Майлза перехватило дыхание.

— Вижу, до тебя дошло, — кивнул Сесил. — Новейший, самый быстроходный и мощный из всех кораблей его императорского величества. И с самым большим радиусом действия — он сможет находиться в автономном полете гораздо дольше, чем любой другой корабль. Это означает, что члены команды будут вынуждены все это время довольствоваться обществом друг друга. Поэтому в данном случае Верховное командование обращает особое внимание на психологическую характеристику кандидатов.

Сесил наклонился к Майлзу, и тот инстинктивно сделал то же самое.

— Теперь слушай. Если ты сумеешь с чистым послужным списком продержаться шесть месяцев в отдаленном гарнизоне, короче, если перенесешь лагерь «Вечная мерзлота», я готов верить, что тебе по плечу любое назначение. И я поддержу твой рапорт с просьбой перевода на «Принц». Но если напортачишь — ни я и никто другой тебе не поможет. Плыви или тони, младший лейтенант.

«Лети, — подумал Майлз. — Хочу летать!»

— Сэр... а что представляет собою эта дыра?

— Я не хотел бы, чтобы у вас создалось предвзятое впечатление, младший лейтенант Форкосиган, — ханжески произнес Сесил.

«Большое спасибо за информацию, сэр».

— Но почему пехота? Состояние моего здоровья... оно, конечно, не помешает службе, если будет принято во внимание, но не могу же я делать вид, что с ним все в порядке. Не лучше ли, не теряя времени даром, сейчас же спрыгнуть со стены и переломать себе ноги? — (Черт побери, если они хотят сразу убить меня, зачем я три года занимал место в самом дорогостоящем учебном заведении Барраяра?) — Мне почему-то казалось, что эти обстоятельства должны быть приняты во внимание...

— Офицер-метеоролог является техническим специалистом, младший лейтенант, — успокоил его майор. — Никто не собирается гонять тебя с полной боевой выкладкой. Не думаю, чтобы в армии нашелся офицер, согласившийся объяснять адмиралу причину твоей смерти. — И добавил немного холоднее: — Ваша светлость. Мутант.

Сесил сказал это без всякой насмешки в голосе, просто в очередной — какой по счету? — раз испытывая его. Майлз кивнул.

— Может быть, это поможет тем мутантам, которые последуют за мной.

— А ты что, уже думал об этом? — Сесил взглянул на него заинтересованно и даже одобрительно.

— Не один раз, сэр.

— Хм... — Сесил слегка улыбнулся, подошел к Майлзу и протянул руку. — Тогда удачи, лорд Форкосиган.

Майлз пожал протянутую руку:

— Благодарю вас, сэр.

Он начал перебирать свои проездные документы, сортируя их.

— Куда сначала? — спросил Сесил.

Очередная проверка. Должно быть, это стало для майора второй натурой. Неожиданно для себя Майлз ответил:

— В архивы академии.

— Что?!

— За пособием по военной метеорологии и другими материалами.

— Отлично. Кстати, твой предшественник задержится на пару недель, чтобы ввести тебя в курс дела.

— Весьма рад слышать, сэр, — искренне ответил Майлз.

— Мы не требуем от вас невозможного, младший лейтенант.

«Я понимаю. Всего лишь усложняете мне жизнь».

— Рад слышать, сэр.

Прощальное приветствие он отдал почти по всем правилам.

Последний отрезок пути на остров Кайрил Майлз проделал на автоматическом транспортном катере вместе со скучающим дежурным пилотом и восемьюдесятью тоннами продовольствия. Бо́льшую часть путешествия он провел в упорной зубрежке материалов по метеорологии. А поскольку расписание полетов было чистой формальностью — задержки на последних двух пунктах погрузки исчислялись часами, — к тому времени, когда катер приземлился на базе Лажковского, Майлз продвинулся в своих познаниях гораздо дальше, чем предполагал. В открывшуюся дверь грузового люка проникал тусклый свет лежащего на горизонте солнца. Несмотря на лето, столбик термометра показывал всего пять градусов выше нуля.

Первое, что увидел Майлз, была встречающая транспорт группа солдат в черной форме, сопровождаемых усталым капралом. Казалось, никому нет дела до вновь прибывшего. Майлз поежился под своей курткой и двинулся навстречу солдатам.

Двое в черной форме, наблюдавшие, как он спускается по трапу, перекинулись между собой несколькими фразами. Они говорили на барраярском греческом — редком диалекте земного происхождения, основательно изменившемся за столетия Изоляции. Майлз, измотанный с дороги, завидев на их лицах давно знакомое ему выражение, тотчас же решил притвориться, что не понимает языка. К тому же Плоз не раз говорил ему, что у него отвратительное произношение.

— Взгляни-ка вон туда. Это что за коротышка?

— С них станется послать нам офицером сосунка, но этот слишком уж маловат.

— Слушай, да это и не парень. Какой-то чертов гном. Акушерка при родах явно ошиблась. Разрази меня гром, если это не мутант!

Майлз с трудом сдержался, чтобы не обернуться. Уверившись, что их не понимают, собеседники заговорили в полный голос:

— А почему этот урод в форме?

— Может, это наш новый талисман?

Старые генетические страхи настолько укоренились в людях, что даже теперь они могли растерзать какого-нибудь калеку, не ведая, что творят. Майлз отдавал себе отчет в том, что его защищает положение отца, но с теми, кто стоял ниже на социальной лестнице, случались просто страшные истории. Два года назад в Форбарр-Султане бандой пьяных негодяев с помощью разбитой бутылки из-под вина был кастрирован безногий инвалид. И то, что случившееся обернулось скандалом, считалось большим прогрессом. Раньше такие вещи никого не удивляли. Недавнее детоубийство во владениях Форкосиганов лишний раз подтвердило опасность. В такой ситуации положение в обществе или в армии имеет свои преимущества, и Майлз собирался воспользоваться им немедленно.

Он одернул куртку, чтобы были видны офицерские петлицы на воротнике.

— Послушайте, капрал. Мне приказано явиться к лейтенанту Ану, метеорологу базы. Где я могу найти его?

Ему пришлось дожидаться, пока капрал соизволит поздороваться с ним согласно уставу. Наконец до того дошло, что Майлз действительно может быть офицером.

С запозданием он поднес руку к виску:

— Извините, что вы сказали, сэр?

Майлз невозмутимо отдал честь и повторил вопрос.

— А, лейтенант Ан. Он обычно прячется — то есть я хотел сказать, находится — в своем офисе. В главном административном корпусе. — Капрал взмахом руки указал на двухэтажное здание из сборного железобетона, возвышающееся позади приземистых складских помещений, расположенных вдоль асфальтированного шоссе в километре от них. — Вы не ошибетесь — это самое высокое здание базы.

К тому же, подумал Майлз, самое заметное, судя по торчащим на крыше антеннам связи. Отлично.

Не стоит ли вручить багаж этим болванам и попросить, чтобы его доставили куда надо? Или остановить их работу

и приказать довезти его на погрузчике? Он представил себя торчащим на капоте машины, подобно носовой статуе парусника, и двигающимся навстречу судьбе в сопровождении полутонны подштанников с обогревом, длинных, по две дюжины в упаковке, артикул № 6774932. И решил топать пешком.

— Благодарю вас, капрал.

С вещевым мешком за плечами Майлз зашагал в указанном направлении, остро чувствуя, что все видят его хромоту и выступающие под брюками (из-за добавочной нагрузки) стержни экзоскелета. Расстояние оказалось больше, чем ему показалось сначала, но он постарался не останавливаться и не спотыкаться, пока не исчез из виду за первым складом.

База казалась безлюдной. И неудивительно. Обычно ее заполняли пехотинцы, в зимнее время обучающиеся здесь в два потока. Сейчас здесь оставался только постоянный персонал, а большинство сотрудников вдобавок во время короткой летней передышки наверняка взяли отпуск. Поэтому Майлз дошел до административного корпуса, не встретив по пути ни одного человека.

Информационное табло с планом здания, судя по наклеенной на экран бумажке, было испорчено. Майлз пошел по единственному коридору, ведущему направо, в надежде отыскать кого-нибудь живого. В комнате с табличкой «Бухгалтерия» сидел человек, одетый в черную форму с красными лейтенантскими петлицами на воротнике. Уставившись на экран головизора с длинными колонками цифр, он вполголоса чертыхался.

— Где тут у вас метеостанция? — вежливо спросил Майлз, остановившись в дверях.

— На втором.— Лейтенант, не поворачивая головы, ткнул рукой в потолок и придвинулся к экрану, по-прежнему чертыхаясь.

Майлз не стал его больше беспокоить и тихонько пошел дальше.

Наконец он отыскал нужную ему дверь с выцветшей надписью. Остановившись перед нею, Майлз скинул вещмешок, положил на него куртку и осмотрел себя. После четырнадцатичасового путешествия его новенькая форма, конечно же, помялась. И все же он, насколько это было

возможно, сумел уберечь одежду и обувь от крошек, грязи и прочих нежелательных наслоений. Майлз сложил пилотку и аккуратно засунул ее за пояс. К этому моменту он шел полжизни и пересек полпланеты. Понадобилось три напряженнейших года в академии, чтобы как следует к нему подготовиться. И все же это была только учеба. Теперь он лицом к лицу столкнется с реальностью. Встретится со своим первым настоящим командиром. Первое впечатление, особенно в его случае, может определить всю его жизнь... Майлз глубоко вздохнул и постучал.

Из-за двери послышался приглушенный ответ, слов было не разобрать. Приглашение? Майлз толкнул дверь и вошел.

В глаза ему сразу бросились горящие экраны компьютеров и головизоров, занимающие одну из стен, а в лицо ударила волна горячего воздуха. Жара стояла несусветная. Уловив слева от себя какое-то движение — если не считать света экранов, в комнате было темно, — Майлз повернулся и отдал честь.

— Младший лейтенант Форкосиган для несения службы прибыл, сэр, — отчеканил он, вглядываясь и никого не видя.

Звуки доносились снизу. На полу, прислонившись спиной к столу, сидел небритый мужчина лет сорока в нижнем белье. Он улыбнулся Майлзу и, помахав наполовину пустой бутылкой с янтарного цвета жидкостью, пробормотал:

— Пр-рвет, парень. Ты мне нр-р-рвис-ся. — После чего медленно завалился на пол.

Майлз во все глаза смотрел на него и не мог вымолвить ни слова. А мужчина захрапел.

Прикрутив отопление, сняв китель и накинув одеяло на лейтенанта Ана (это был именно он), Майлз решил передохнуть и осмотреться. Было ясно, что без инструкций ему не обойтись. Кроме непрерывно передаваемых на экраны спутниковых изображений, сюда постоянно поступала информация с десятка раскиданных по острову автоматических метеостанций. Если руководства по управлению всем этим хозяйством и существовали, здесь их явно не было. Смущенно поглядывая на распростертого на полу

и храпящего человека, Майлз после некоторого замешательства проинспектировал ящики стола, папки с документацией, стоящие на стеллажах, затем заглянул в компьютерные файлы.

Это кое-что дало. В частности, выяснилось, что лейтенанту Ану, прослужившему двадцать лет, оставалось несколько недель до отставки. Последнее повышение в чине он получил давным-давно, а последняя перемена места службы произошла еще раньше — он был бессменным метеорологом базы в течение последних пятнадцати лет.

«Бедняга торчит на этом айсберге с тех пор, как мне исполнилось шесть лет», — прикинул Майлз — и содрогнулся. Трудно сказать, было ли пьянство Ана следствием его заточения на этом чертовом острове или причиной. Что ж, если он к завтрашнему дню протрезвеет настолько, чтобы показать Майлзу, что к чему, прекрасно. Если нет, Майлз придумает пару-тройку способов, от жестких до мягких, чтобы привести бедолагу в чувство. Когда он выложит все, что знает, пусть себе возвращается в исходное состояние, пока не придет пора грузить его в отходящий транспорт.

Решив таким образом судьбу Ана, Майлз надел китель, сунул вещмешок с пожитками в угол и отправился на разведку. Должен же здесь найтись хоть один трезвый нормальный индивидуум, выполняющий повседневную работу, иначе эта контора прогорела бы. А может, тут всем заправляют капралы? В таком случае надо отыскать самого толкового из них и принять у него командование.

В вестибюле первого этажа Майлз заметил в проеме входной двери силуэт стремительно приближающегося человека. Высокий, крепкий мужчина в тренировочных брюках, футболке и кроссовках наверняка завершал пятикилометровую пробежку, за которой, вероятно, последует несколько сот отжиманий на закуску. Стального цвета шевелюра, такие же жесткие стальные глаза — у этого сержанта наверняка несварение желудка! Заметив Майлза, незнакомец остановился, недоумевающе хмурясь.

Майлз слегка расставил ноги и, задрав подбородок, ответил ему таким же бесцеремонным взглядом. Но мужчина продолжал молча рассматривать новичка, не обращая никакого внимания на его лейтенантские нашивки, и тут Майлз не выдержал:

— Что, все санитары в отпуске? Или кто-нибудь все же заведует этим дурдомом?

Глаза мужчины вспыхнули, будто их сталь чиркнула о кремень, и эта искра зажгла в мозгу Майлза предупредительный огонь, но было поздно.

«Приветствую вас, сэр! — прозвучала в мозгу спасительная фраза, которую следовало произнести, встав по стойке „смирно" и отвесив почтительный поклон. — Я новый экспонат вашей коллекции!» Но Майлз безжалостно подавил внутренний голос. Во взирающих на него сверху вниз глазах, в лице, сплошь покрытом шрамами, не было ни капли юмора.

Раздувая ноздри, командующий базой смерил Майлза тяжелым взглядом и отчеканил:

— Я заведую, младший лейтенант.

К тому времени, когда Майлз отыскал наконец свое новое жилище, с грохочущего вдалеке моря надвинулась плотная пелена тумана. Офицерские бараки и окружающую их местность обволокла серая влажная мгла. Майлз решил, что это предзнаменование.

Видно, зима предстоит долгая.

К превеликому удивлению Майлза, когда он прибыл в офис Ана к началу следующего дня, обнаружилось, что лейтенант трезв и одет по форме. Выглядел он скверно: лицо отекло, под заплывшими глазами набрякли мешки. Тем не менее Ан прилежно взирал глазами-щелками на экран с раскрашенной картой погоды. Под действием сигналов от пульта дистанционного управления, который он сжимал в потной и трясущейся руке, изображение подрагивало.

— Доброе утро, сэр, — сочувственно произнес Майлз и осторожно прикрыл за собой дверь.

— А? — Ан обернулся, машинально отвечая на приветствие. — Кто вы, черт побери? А... младший лейтенант...

— Прибыл вам на замену, сэр. Разве вам не сказали, что я должен прилететь?

— Конечно, конечно! — Ан мгновенно расцвел. — Замечательно, входите! — Майлз, который уже вошел, молча улыбнулся. — Я хотел встретить вас, — смущенно продолжал

Ан, — но вы прибыли слишком рано. Хотя вижу, что дорогу все-таки отыскали.

— Я прилетел еще вчера, сэр.

— Вот как? В таком случае вам следовало доложиться.

— Я так и сделал, сэр.

— Неужели? — Ан встревоженно посмотрел на Майлза.

— Вы обещали объяснить мне все тонкости обращения с приборами сегодня утром, сэр, — как ни в чем не бывало прибавил Майлз.

— Да? — Ан недоуменно поморгал. — В таком случае... — начал он с некоторым облегчением и потер лицо ладонями. Решив, по-видимому, что процедура знакомства действительно состоялась накануне, он, оборвав церемонию на полуслове, с места в карьер начал рассказывать о развешанном по стенам оборудовании.

Как выяснилось, все компьютеры имели женские имена, но если не обращать внимания на странную привычку лейтенанта говорить о машинах как об одушевленных существах, причем женского пола, Ан объяснял вполне сносно, лишь изредка сбиваясь с мысли. Майлз двумя-тремя словами возвращал его к теме беседы и попутно делал заметки. Завершив довольно-таки сумбурный круиз по стенам, лейтенант перенес свое внимание на контрольные экраны и связанное с каждым из них оборудование. Потом, приготовив свежий кофе в не положенной по уставу кофеварке по имени Жоржетта, благоразумно спрятанной в угловом шкафу, повел Майлза на крышу. Там была установлена собственно метеостанция — датчики, анализаторы, пробоотборники.

Без всякого энтузиазма сержант принялся объяснять Майлзу назначение всех этих хитроумных приспособлений. Было очевидно, что длительное умственное напряжение ему не под силу. А может, у него болела голова с перепоя. Как бы то ни было, лейтенант Ан внезапно замолчал и бессмысленно уставился куда-то в даль, навалившись на ржавые перила, ограждающие метеостанцию. Майлз добросовестно последовал его примеру, изучая далекий горизонт и поглядывая на своего наставника. Не исключено, что внутренняя сосредоточенность лейтенанта была вызвана очередными рвотными позывами.

Утро было тихим, тускло светило солнце, и Майлз припомнил, что здесь оно заходит в два часа ночи. Только что

окончились самые длинные дни в году на этой широте. Майлз с любопытством разглядывал базу Лажковского и окружающую ее местность, лежавшие перед ним сейчас как на ладони.

Остров Кайрил представлял собой овальную глыбу около семидесяти километров шириной и ста шестидесяти длиной. От суши его отделяло более пятисот километров. Как остров, так и базу можно было охарактеризовать двумя эпитетами: «уродливый» и «коричневый». Большинство видневшихся вокруг зданий, включая и офицерскую казарму, в которой поселился Майлз, были простыми землянками, крытыми сверху торфом. Никто не позаботился посадить здесь хоть что-то, и остров пребывал в первозданном — барраярском — виде, правда подпорченном людьми и непогодой. Длинные, мощные торфяные насыпи прикрывали казармы, в которых зимой размещались пехотинцы. Сейчас они были пусты. Наполненные грязной водой канавы отмечали границы жилого пространства, полосы препятствий и изрытых учебных полигонов.

На юге виднелось неспокойное море глухого свинцового цвета. Далеко на севере просматривалась серая полоса, отделявшая тундру от гряды потухших вулканов.

Свой короткий учебный курс по действиям в зимних условиях Майлз проходил на Черном Сбросе, местности в самом центре второго континента Барраяра. Там, разумеется, тоже были суровый климат и снегопады, но по крайней мере воздух был сухим и бодрящим. А тут даже сейчас, в середине лета, едкая морская сырость пронизывала насквозь и заставляла ныть старые переломы. Майлз поежился под своей просторной курткой, но это не помогло.

В этот момент Ан, все еще опирающийся на ограждение, оглянулся на Майлза.

— Скажите, младший лейтенант, вы не родственник того самого Форкосигана? Я задал себе этот вопрос, еще когда прочитал фамилию в приказе.

— Это мой отец, — коротко ответил Майлз.

— Черт возьми! — Ан удивленно заморгал и попытался выпрямиться, но снова неуклюже навалился на поручень. — Черт возьми, — повторил он, удивленно прикусив губу, и оловянные глазки загорелись откровенным любопытством. — А какой он?

Что за идиотский вопрос, раздраженно подумал Майлз. Адмирал, граф Эйрел Форкосиган. Одна из самых заметных фигур в истории Барраяра за последние полвека. Покоритель Комарры, герой отступления с Эскобара. Лорд-регент в течение всех шестнадцати беспокойных лет несовершеннолетия императора Грегора, доверенный премьер-министр в последующие четыре года. Человек, разрушивший надежды претендовавшего на трон Фордариана, организатор странной победы в Третьей цетагандийской войне. Военачальник, двадцать лет державший в ежовых рукавицах раздираемый междоусобицами Барраяр. Тот самый Форкосиган.

«Я видел его смеющимся от всей души, когда он, стоя на пристани в Форкосиган-Сюрло, громко командовал мною, когда я в первый раз самостоятельно шел под парусами и, перевернувшись, без чужой помощи выровнял яхту. Видел его плачущим и гораздо более пьяным, чем был вчера ты, Ан, в тот день, когда мы узнали, что майор Дювалье казнен по обвинению в шпионаже. Видел в ярости, с таким апоплексически-красным лицом, что мы боялись за его сердце, когда пришло подробное сообщение об идиотских приказах, приведших к последним беспорядкам в Солстайсе. Видел его бродящим ранним утром по дому в нижнем белье и заставляющим сонную мать подобрать ему два одинаковых носка. Он не похож ни на кого, Ан. Он уникален».

— Он беспокоится о Барраяре, — сказал наконец Майлз, чувствуя, что молчание затянулось. — Ему... трудно подражать.

«К тому же его единственный ребенок калека. И с этим ничего не поделаешь».

— Это уж точно... — И Ан сочувственно вздохнул, хотя, может, его просто тошнило.

Майлз решил, что может смириться с таким выражением симпатии. В нем не было и следа этой чертовой покровительственной жалости и еще более часто встречавшейся затаенной брезгливости. «Это все из-за того, что я прибыл ему на смену. Если бы у меня было две головы, он все равно был бы счастлив видеть меня».

— Так, значит, вы собираетесь идти по его стопам? — поинтересовался Ан. Потом, словно спохватившись, огляделся по сторонам и удивленно добавил: — Здесь?

— Я фор, — сухо ответил Майлз. — И я исполняю свой долг. По крайней мере, стараюсь. А где — не имеет значения. Таковы правила игры.

Ан молча пожал плечами, удивляясь то ли Майлзу, то ли причудам командования, пославшего сына всемогущего лорда на остров Кайрил.

— Ну что ж. — Он с видимым трудом оторвался от перил. — Сегодня, кажется, ва-ва не будет.

— Чего не будет?

Ан зевнул и набрал ряд цифр — на взгляд Майлза, совершенно наобум — на устройстве, передающем кратковременный прогноз погоды.

— Ва-ва. Неужели вам ничего о нем не сказали?

— Нет...

— Странно. Это делается в первую очередь. Чертовски опасная штука.

Майлз старался понять, не морочит ли ему голову Ан. Грубые шутки могли заставить его позабыть о субординации и — что совсем скверно — вывести из себя. Уж лучше откровенное насилие — оно причиняло всего лишь физическую боль.

Ан между тем вновь облокотился на перила и указал вниз.

— Вы обратили внимание на канаты между зданиями? Это на случай ва-ва. За них нужно цепляться, чтобы тебя не сдуло. Если все-таки разожмете руки, не вздумайте цепляться ни за что. Сколько здесь людей со сломанными запястьями. Просто сгруппируйтесь и катитесь.

— Прекрасно, но все-таки что это такое — ва-ва?

— Жуткий ветер. Внезапный. Я был свидетелем, как за семь минут от полного штиля скорость ветра дошла до ста шестидесяти километров в час, а температура упала от плюс десяти до минус двадцати. Так может продолжаться и десять минут, и два дня. Приходит ва-ва с северо-запада. Автоматические станции на побережье дают предупреждение за двадцать минут. Мы включаем сирены. Это значит, что вы должны не расставаться с теплыми вещами и находиться не далее чем в пятнадцати минутах ходьбы от ближайшего бункера. Они есть повсюду. — Ан указал рукой вниз. Его голос звучал серьезно и вполне искренне. — Если услышите сирену, что есть силы спешите в укрытие. Иначе

при вашем весе вас просто поднимет в воздух и снесет, как пушинку, в море, а там ищи-свищи.

— Ладно, — сказал Майлз, решив при первом удобном случае проверить сказанное по метеоархивам базы. Он взглянул на передающее устройство. — А откуда вы взяли цифры, что ввели туда?

Ан растерянно воззрился на Майлза.

— Как вам сказать... В общем, это точные цифры.

— Я в этом не сомневаюсь, — терпеливо ответил Майлз. — Мне только хочется знать, откуда вы их взяли. Я ведь должен буду делать то же самое.

— Это трудно объяснить... — Ан беспомощно развел руками.

— Но вы ведь не выдумали их? — забеспокоился Майлз.

— Нет, что вы! — заверил Ан. — Я никогда не задумывался над этим, но... мне кажется, я просто чувствую их. — И он, словно иллюстрируя сказанное, глубоко втянул в себя воздух.

Майлз сморщил нос и попытался принюхаться. Он ощутил холод, запах соли и затхлый, йодистый дух гниющих водорослей, к которому примешивалась вонь нагретого пластика — от работающих приборов. Да, из той информации, которую получали его ноздри, вычленить температуру, давление и влажность воздуха было просто невозможно, не говоря уж о прогнозе на восемнадцать часов. Майлз указал на метеооборудование.

— А нет ли тут какой-нибудь штуки, которая могла бы заменить ваш нос?

Ан тревожно глянул на него, словно его внутренний анализатор вдруг дал сбой.

— К сожалению, нет. Конечно, мы получаем стандартные компьютерные прогнозы, но, честно говоря, я давно не пользуюсь ими. Они недостаточно точны.

Майлз смотрел на Ана, с ужасом постигая истинное положение вещей. Тот не лгал и ничего не придумывал. Эти способности были просто пятнадцатью годами практики, вошедшими в подсознание. Майлз же ничем не мог компенсировать отсутствие опыта. Откровенно говоря, не больно-то ему и хотелось приобретать его.

Позднее Майлз проверил удивительные способности Ана по метеоархивам базы. Тот не шутил, когда говорил о ва-ва.

Более того, он не шутил, и когда говорил о компьютерных прогнозах. Автоматизированная система предсказывала погоду в районе базы с вероятностью восьмидесяти шести процентов, которая снижалась до семдесяти трех процентов для недельных прогнозов на большие расстояния. Чудесный нос Ана обеспечивал точность прогнозов в девяносто шесть процентов, снижавшуюся до девяноста четырех процентов на недельных сроках. «Когда Ан уедет, точность упадет на десять и двадцать один процент, соответственно. Существенная разница».

Офицер-метеоролог на базе, без сомнения, был гораздо более важной персоной, чем думалось Майлзу. Здешняя погода убивала или миловала.

«И этот парень собирается оставить меня на острове наедине с шестью тысячами вооруженных людей, советуя принюхиваться к ва-ва?»

На пятые сутки, когда Майлз решил было, что его первое впечатление от Ана было обманчивым, у того случился рецидив. Майлз просидел целый час, ожидая появления чудесного носа и его хозяина на рабочем месте. Наконец, за неимением лучшего, он извлек из компьютера данные стандартного прогноза, ввел их и отправился на поиски лейтенанта.

Ан возлежал на своем неопрятном ложе и громко храпел. От него за версту несло перегаром. Фруктовое бренди? Все попытки растолкать или докричаться до него закончились неудачей: он только стонал и плотнее закутывался в одеяло. Пришлось отбросить мысль о насилии и действовать по собственной инициативе. В конце концов, думал Майлз, скоро я буду предоставлен исключительно самому себе. Надо привыкать.

Прихрамывая, он направился в гараж. Вчера они с Аном провели рутинное плановое обслуживание пяти автоматизированных метеостанций. Шесть более отдаленных остались на сегодня. Перемещения по острову осуществлялись на наземных машинах, так называемых скатах, управлять которыми оказалось столь же приятно, как и антигравом. Скаты были ярко раскрашены, имели каплевидную форму и, хотя уродовали тундру, отличались образцовой устойчивостью — любой ураган им был нипочем. Как понял

Майлз, персоналу базы надоело вылавливать утерянные антигравы из ледяного моря.

Гараж представлял собой наполовину вкопанный в землю бункер, как и остальные строения базы Лажковского, только побольше. Майлз отыскал капрала по имени Олни, накануне отправлявшего его и Ана в поездку. Помогавший ему техник, который вывел скат из подземного гаража к выходу, показался Майлзу знакомым. Хотя с чего бы? Высокий, черноволосый, в черной униформе — под такое описание подходил чуть не весь персонал базы. И только когда техник заговорил, Майлз вспомнил, где он слышал этот акцент. Так звучал один из приглушенных голосов, обсуждавших его внешность на посадочной полосе. Майлз решил не подавать виду.

Как учил его Ан, перед тем как подписать список имеющегося в наличии оборудования, он внимательно просмотрел его. По инструкции скатам в любое время суток полагалось иметь полный комплект снаряжения, позволяющего выжить при пониженных температурах. Капрал Олни с легким презрением наблюдал за Майлзом, роющимся в поисках отмеченных в списке вещей. «Ну что ж, я действительно медлителен, — пытаясь держать себя в руках, подумал Майлз. — Зеленый новичок. И только таким образом смогу стать не таким зеленым. Медленно и постепенно».

Он с трудом сдерживал себя. Болезненный опыт говорил ему, что раздражение — чертовски опасная штука. «Думай о деле, а не об этих чертовых зрителях. На тебя всегда глазели. Это неизбежно».

Майлз разложил карту на корпусе ската и указал капралу предполагаемый маршрут своей поездки. Подобная процедура, по словам Ана, также входила в инструкцию. Олни хмыкнул в подтверждение того, что все понял. На его лице появилось скучающее выражение, чуть-чуть не дотягивающее до наглого невнимания — ровно столько, чтобы в случае чего Майлзу было нечем крыть.

Техник в черной униформе, Паттас, заглянул Майлзу через плечо, поджал губы и сказал:

— Младший лейтенант, сэр! — И опять этот нажим, граничащий с издевкой. — Вы собираетесь посетить Девятую станцию?

— Да, а в чем дело?

— Я вам советую подстраховаться и припарковать скат подальше от ветра, в низине сразу за станцией. — Толстый палец указал на место на карте, отмеченное голубым цветом. — Вы ее сразу увидите. Тогда вы без проблем доберетесь назад.

— Эти машины предназначены для работы в космосе, — возразил Майлз. — Какие же тут проблемы?

Взгляд Олни на секунду ожил — и тут же затянулся пелсной безразличия.

— Разумеется, но вряд ли вы хотите, чтобы скат сдуло, когда внезапно налстит ва-ва.

«В таком случае меня сдует раньше, чем скат».

— Мне говорили, что скаты достаточно устойчивы.

— Ну, может, сдувать их и не сдувало, но случалось, что переворачивало, — пробормотал Паттас.

— Что ж, спасибо за информацию.

Капрал Олни откашлялся. Паттас подозрительно приветливо помахал Майлзу вслед.

Заметили ли эти двое, как дергается его щека? Хорошо бы нет. Майлз сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться, тронул скат и направился вглубь острова. Через несколько минут он прибавил скорость, и машина понеслась, продираясь сквозь похожую на папоротники коричневого цвета растительность. Первые полтора-два года учебы в Имперской академии ему приходилось постоянно доказывать первому встречному, что он не слабак. На третий год он, вероятно, расслабился за недостатком практики, а зря. Неужели ему суждено каждый раз нарываться на хамство, получая новое назначение? По-видимому, да, с горечью подумал Майлз и прибавил скорость. Слава богу, эта «новость» больше не застанет его врасплох.

Было тепло. Обычно бледное, солнце почти сияло, и к тому времени, когда Майлз достиг Шестой станции, находящейся на восточном побережье острова, к нему вернулось хорошее настроение. Как приятно в одиночестве заниматься своим делом. Никаких зевак, никаких словечек. Можно не спешить и не дергаться. Майлз работал неторопливо, замеряя питание, опустошая пробоотборники, проверяя петли следов коррозии, повреждений и нарушений соединений в аппаратуре. И если он и ронял инструмент, никто не отпускал идиотских замечаний о мутантах. Нервное напряжение

спало, он делал все меньше ошибок. Наконец и тик прекратился. Закончив работу, Майлз выпрямился и всей грудью вдохнул влажный воздух, наслаждаясь непривычной роскошью одиночества. Он даже задержался на несколько минут и прошелся вдоль полосы прибоя, наблюдая за множеством выброшенных на берег мелких морских обитателей.

На Восьмой станции оказался поврежденным один из датчиков — гигрометр был разбит вдребезги. К тому времени, когда Майлз заменил его, стало ясно, что составленное им расписание было слишком оптимистичным. Он покидал Восьмую станцию уже в сумерках, и, когда подъехал к Девятой станции, расположенной на границе тундры с каменистыми склонами, было почти темно.

Десятая станция, как узнал Майлз, посветив карманным фонариком на карту, располагалась где-то наверху, среди вулканических гор и ледников. Нечего было и думать разыскивать ее в темноте. Надо выждать короткие четыре часа, оставшиеся до рассвета. Он сообщил об изменении своих планов на базу, находящуюся в ста шестидесяти километрах южнее. Дежурный не выказал по этому поводу никакого удивления. Прекрасно.

И Майлз решил использовать счастливую возможность без свидетелей опробовать снаряжение, находящееся в багажнике ската. Лучше это сделать сейчас, чем в неблагоприятной ситуации. Когда он установил небольшой пузырь палатки на двух человек, та показалась Майлзу дворцом. Зимой ее нужно было утеплять уплотненным снегом. Он установил палатку с подветренной стороны ската, припаркованного в рекомендованной ему низине, в нескольких сотнях метров от станции.

Мысленно сравнивая массы палатки и ската, Майлз живо припомнил показанный ему Аном видеофильм о ва-ва. Что и говорить, передвижной галеон, несущийся по воздуху со скоростью свыше ста километров в час, являл собой незабываемое зрелище. Ан, правда, не знал, находился ли в нем кто-нибудь во время съемки. На всякий случай Майлз принял меры предосторожности, прикрепив палатку к скату короткой цепью. Удовлетворенный, он заполз внутрь.

Снаряжение работало прекрасно. Он включил подвешенный к потолку обогреватель и, сев по-турецки, нежился под излучаемым им теплом. Питательный рацион был

превосходен. Саморазогревающаяся банка тушеного мяса с рисом и овощами и вполне приемлемый фруктовый сок из порошка. Поев и убрав за собой, Майлз устроил себе удобное изголовье, вставил диск с книгой в проигрыватель и собрался провести несколько оставшихся ночных часов за чтением.

Последние недели достались ему нелегко, как, впрочем, и последние годы. Роман из жизни светского общества Беты, который порекомендовала ему мать, не имел ничего общего с Барраяром, армейскими делами, мутациями, политикой или погодой, и Майлз не заметил, как уснул.

Проснулся он неожиданно. Вглядываясь в темноту, освещенную красноватым светом от нагревателя, Майлз пытался понять, который час. Спал он, по-видимому, долго, в окошках палатки было абсолютно черно. Внезапно Майлза охватила паника. Черт возьми, что с того, если он и проспал! Не на экзамен же опаздывает. Майлз взглянул на светящееся окошко часов — да, утро. Должно быть светло. Почему такая темень?

Эластичные стенки палатки прогнулись внутрь. От первоначального объема осталось не больше трети, а пол был весь в морщинах. Майлз нажал пальцем на тонкую холодную ткань. Она подалась с трудом, как застывшее масло, и впадина от пальца так и не заполнилась. Что за черт?..

В висках у Майлза стучало, воздух был спертым и влажным. Так бывает при недостатке кислорода и избытке углекислоты, вызванных долгим пребыванием в тесном закрытом пространстве. Но откуда здесь такое? У Майлза вдруг закружилась голова; казалось, пол палатки стремительно уходит куда-то в глубь.

И тут Майлз понял: так оно и есть — отравление углекислотой. Пытаясь не поддаваться панике, он лег, стараясь дышать медленнее, а думать быстрее.

«Я под землей. Меня поглотило что-то вроде зыбучих песков».

Зыбучая грязь. Неужели эти ублюдки там, в гараже, специально подстроили все это? А он попался в их ловушку, угодил прямо в западню.

Но может, грязь не такая уж зыбучая. Ведь за время, пока он устанавливал палатку, скат не осел. Иначе он заметил

бы. Хотя, конечно, было темно. Господи, если бы он не остановился здесь надолго, если бы не уснул...

«Успокойся!» Поверхность тундры, свежий воздух могут быть в каких-нибудь десяти сантиметрах над головой. Или в десяти метрах... Успокойся! Он пошарил по палатке в поисках чего-либо, могущего служить щупом. Где-то должна быть длинная телескопическая трубка с остро заточенным краем для отбора образцов ледникового льда. Ах да, она в скате, вместе с переговорным устройством. По наклону пола Майлз прикинул, что скат должен находиться двумя с половиной метрами ниже, к северу от палатки. Именно скат и утащил его. Сам пузырь палатки просто плавал бы на замаскированной под тундру поверхности грязевого озера. Если он отсоединит цепь, поднимется ли палатка на поверхность? Слишком мало времени. Майлзу казалось, что легкие набиты ватой. Он должен пробиться на поверхность — или задохнется в этой могиле. Будут ли присутствовать родители, когда его наконец найдут и вскроют эту гробницу? Когда тяжелым подъемником вытащат скат вместе с палаткой... и глазам присутствующих откроется окоченевший труп с раскрытым от удушья ртом, заключенный в эту ужасную пародию на матку... «Успокойся!»

Майлз поднялся и начал распрямляться, преодолевая сопротивление давящей на крышу грязи. Ноги утонули в податливой поверхности пола, но ему удалось освободить одно из прогнувшихся под тяжестью ребер палатки. От этого усилия он едва не потерял сознание, однако ему удалось нащупать застежку молнии палатки и сдвинуть ее на несколько сантиметров вниз — как раз настолько, чтобы просунуть стержень. Майлз боялся, что черная грязь польется внутрь и он утонет в ней, но она начала отделяться лепешками и с характерным звуком падать вниз. Очевидная и неприятная аналогия напрашивалась сама собой. «Боже мой, если раньше мне казалось, что я по уши в дерьме, что же теперь?»

Он начал пропихивать стержень вверх. Тот шел с трудом, скользя во вспотевших ладонях. Не десять сантиметров. И не двадцать. Стержень вошел уже на метр, может быть, метр с третью, его длины оставалось чуть-чуть. Майлз переменил ладонь, ухватился покрепче и толкнул снова. Не стало ли сопротивление меньше? Достиг ли он

поверхности? Он дергал стержень вверх-вниз, но тот был залеплен грязью, и понять что-либо было невозможно.

Кто знает, может быть, между верхом палатки и поверхностью не более полутора метров. Его собственный рост. Расстояние между смертью и жизнью. Сколько понадобится времени, чтобы пробиться наверх? С какой скоростью затягиваются отверстия, прорытые в этой грязи? В глазах темнело, но не из-за слабеющего освещения. Майлз выключил обогреватель и сунул в карман куртки. В мгновенно наступившей темноте его охватил настоящий ужас. А может, это из-за недостатка кислорода? Не важно. Теперь или никогда.

Не зная зачем, он нагнулся и расстегнул застежки ботинок и пряжку пояса, потом нащупал молнию палатки, расстегнул ее пошире и начал копать по-собачьи, отбрасывая большие куски грязи вниз, в небольшое свободное пространство. Потом пролез в образовавшуюся нору, собрался с последними силами и устремился наверх.

Грудь горела, перед глазами плыло красное марево — и вдруг его голова пробила поверхность. Воздух! Он выплюнул грязь и обрывки папоротника, заморгал, без особого успеха пытаясь очистить глаза и нос, вытащил одну руку, потом другую и попытался лечь плашмя, наподобие лягушки. Наружный холод обжег его, как боль. Майлз ощущал, что ноги застряли в грязи, будто парализованные страшным проклятием. Он изо всех сил оттолкнулся от крыши палатки. Та подалась вниз, но приподняться удалось всего на сантиметр. Больше не от чего отталкиваться. Теперь — подтягиваться. Майлз уцепился за стебли папоротника. Еще, еще раз. Он почти не продвигался, жадно хватая ртом ледяной воздух. Ведьмины чары не отпускали. Ноги задергались в последнем, отчаянном усилии. И — наконец!

Ботинки и брюки так и остались в грязи. А он уже лежал, расставив руки и ноги, чтобы обеспечить себе максимальную опору на ненадежной поверхности, и смотрел в свинцовое небо. Шел мокрый снег. Форменная куртка и теплое нижнее белье промокли насквозь: один носок с обогревом потерялся, не говоря уж о ботинках и брюках.

Его нашли несколько часов спустя, скорчившимся вокруг тускло светящегося нагревателя в одной из ниш метеостанции, из которой была выпотрошена вся начинка.

Глаза на перепачканном грязью лице запали, пятки и уши побелели. Онемевшие багровые пальцы в непрерывном, гипнотическом ритме соединяли две проволочки, выстукивая армейский сигнал о помощи. Его без труда можно было прочитать, если бы, конечно, кто-нибудь удосужился взглянуть на показания внезапно забарахлившего датчика и обратить внимание на закономерности в помехах. Даже после того как Майлза вытащили из его тесного убежища, скрюченные пальцы продолжали выстукивать сигнал, а когда попытались разогнуть онемевшее тело, со спины форменной куртки посыпались осколки льда. Долгое время от него не могли добиться ни слова. Слышно было лишь какое-то прерывистое бормотание, да горели на лице запавшие глаза.

Лежа в горячей ванне, Майлз придумывал, каким способом накажет этих мерзавцев из гаража. Подвесит вверх ногами. Протащит привязанными к антиграву на малой высоте над морем. Или, еще лучше, оставит по шею в болоте во время снежной бури... Но, когда он наконец согрелся и санитар выудил его из воды, чтобы вытереть, еще раз осмотреть и накормить, он уже успокоился.

Можно ли квалифицировать пакостную шутку как покушение на убийство? Вряд ли. А значит, не имеет никакого смысла обращаться к Саймону Иллиану, шефу Имперской службы безопасности и «левой руке» его отца. Конечно, сладостно представлять, как зловещие офицеры безопасности отправляют обоих шутников в какую-нибудь мерзкую дыру, только стоит ли стрелять из лазерной пушки по воробьям? Кроме того, смогут ли они найти место хуже острова Кайрил? Без сомнения, эта парочка надеялась, что, пока он будет осматривать станцию, скат затянет и ему придется, к своему стыду, вызывать с базы грузоподъемные механизмы. Но конфуз — не убийство. Кто мог предвидеть, что Майлз пристегнет палатку к скату — поступок, едва не погубивший его. Делом может заняться в крайнем случае армейская служба безопасности или просто командование.

Майлз спустил ноги с кровати (он был единственным пациентом в лазарете) и поставил на столик тарелку. Вошел санитар.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно, — мрачно ответил Майлз.

— Но вы не доели.

— Со мной это случается. Порция велика для меня.

— Да, вы, конечно, немного... э-э... — Санитар что-то отметил в своей электронной книжке, осмотрел уши Майлза, а потом, наклонившись, опытной рукой пощупал его пятки.

— Кажется, все в порядке. Вам повезло, знаете ли.

— А много у вас случаев обморожения? — *«Или я один такой идиот?»*

— О, когда прибудет очередная смена, тут будет столпотворение. Обморожения, простуды, пневмонии, переломы, сотрясения... зимой скучать некогда. Бедняги набиваются в лазарет как сельди в бочку. Я всегда жалею инструкторов, вынужденных с ними возиться. — Санитар выпрямился и сделал еще несколько записей. — Боюсь, мне придется доложить, что вы здоровы, сэр.

— Боитесь? — Майлз удивленно поднял брови.

Санитар бессознательным движением человека, докладывающего о неприятностях, встал по стойке «смирно». На лице его было написано: сожалею, но служба есть служба.

— Вам приказано явиться в кабинет командующего базой, как только я отпущу вас, сэр.

Майлз подумал, не сказаться ли ему снова больным. Нет. Чем скорее он покончит с этой историей, тем лучше.

— Скажите, санитар, а кто-нибудь еще топил скаты?

— А как же. Обычно за сезон обучающиеся теряют по пять-шесть штук. Да пару еще затягивает в болота. Технические службы просто кипятком писают. Командующий каждый раз обещает им, что, если это повторится, он... хм! — Санитар многозначительно возвел глаза к потолку.

«Прекрасно, — подумал Майлз. — Просто замечательно». Он чувствовал, что его ожидает. И чувство это нельзя было назвать радостным.

Майлз поспешил в казарму с намерением переодеться (вряд ли больничная пижама подходит для разговора), но обнаружил, что выбор у него небогатый. Черная рабочая униформа казалась затрапезной, парадный зеленый мундир, напротив, предназначался для особо торжественных случаев, например, посещения Имперского генерального штаба в Форбарр-Султане. Брюки и ботинки от повседневной

зеленой униформы благополучно пребывали на дне болота. С собой Майлз привез только по паре того и другого. Основной багаж еще не прибыл.

И попросить что-нибудь подходящее у соседей он тоже не мог. Его форма была изготовлена на заказ и стоила раза в четыре дороже обыкновенной. На вид она ничем от нее не отличалась, но искусство портного позволяло скрыть недостатки его телосложения. Майлз чертыхнулся и скрепя сердце остановил свой выбор на парадном мундире, к которому прилагались начищенные до блеска высокие ботинки. По крайней мере они скроют стержни экзоскелета.

На нужной ему двери висела табличка: генерал Станис Метцов, командующий базой. Со времени их первого, неформального знакомства Майлз тщательно избегал встреч с генералом. Хотя в это время года база напоминала пустыню, они так и не встретились. В компании Ана это было нетрудно: он был отчаянный пелодим. Но теперь Майлз жалел, что не пытался завести разговор с офицерами в общей столовой. То, что он позволил себе при своей занятости держаться в стороне от них, было ошибкой. За прошедшие пять дней кто-нибудь непременно вспомнил бы про грязь — убийцу номер один острова Кайрил.

Капрал, сидевший за интеркомом в приемной, проводил Майлза в кабинет. Майлз волновался, но был полон решимости найти общий язык с командующим. Во что бы то ни стало. Генерал Метцов, похоже, был настроен не столь дружелюбно: он хмуро смотрел, как новичок отдал честь и встал по стойке «смирно».

Генерал был в черной рабочей форме. Принимая во внимание его пост, это означало, что командующий желает зарекомендовать себя настоящим солдатом. Единственное, что отличало его от офицеров, — безупречно отутюженная одежда. На груди Метцова красовалось всего три боевые награды. Но скромность явно была напускной: лишенные обычного лиственного орнамента ордена, мало сказать, бросались — лезли в глаза. Майлз разразился мысленными аплодисментами — Метцов прекрасно играл роль боевого командира и выглядел при этом совершенно естественно.

«Ну надо же мне так опростоволоситься», — подумал Майлз через секунду, поймав взгляд Метцова, который с

издевкой разглядывал сверкающую новизну его парадного мундира — сначала сверху вниз, потом снизу вверх. Вне всякого сомнения, он был для генерала штабным шаркуном-аристократом, не более того. Однако экзекуция затягивалась, и Майлз решил прекратить ее.

— Слушаю вас, сэр!

Скривившись, Метцов откинулся в кресле.

— Я вижу, вы отыскали себе брюки, младший лейтенант Форкосиган. И даже... э-э... ботинки для верховой езды. Только, знаете ли, лошадей на острове не водится.

«В Имперском штабе тоже, — раздраженно подумал Майлз. — Не я же придумал эти чертовы ботинки!»

Его отец пошутил как-то, что офицерам его свиты они нужны для катания на игрушечных лошадках — или гимнастическом коне. Будучи не в состоянии оспорить генеральскую остроту, Майлз молчал, замерев по стойке «смирно».

Метцов наконец оставил издевательский тон и, сцепив руки, бросил на него тяжелый взгляд.

— В результате парковки в области, ясно обозначенной как зона инверсии вечной мерзлоты, вы потеряли дорогостоящий, полностью снаряженный скат. Неужели в Имперской академии больше не учат чтению карты — или теперешним офицерам важнее знать правила чаепития?

Майлз постарался припомнить карту, и она ясно предстала у него перед глазами.

— Области, окрашенные голубым цветом, были помечены буквами «ЗИВМ». И нигде не объяснялось, что это такое.

— Значит, вы, помимо всего прочего, не потрудились даже прочитать инструкцию.

Со дня прибытия он только тем и занимался, что читал инструкции. Инструкции по составлению прогнозов погоды, технические описания аппаратуры...

— Какую именно, сэр?

— Устав базы Лажковского.

Майлз лихорадочно пытался вспомнить, держал ли он в руках диск с уставом.

— Думаю... лейтенант Ан, по всей видимости, дал мне копию. Позавчера. — На самом деле Ан просто вывалил целую коробку дисков на его койку, сказав, что начал упаковываться и в связи с этим завещает Майлзу свою библиотеку.

В тот вечер, перед тем как лечь, Майлз прочитал два диска по метеорологии. Ан вернулся к себе в комнату, где продолжил свой маленький праздник. А на следующее утро Майлз выехал на скате... Один.

— И вы до сих пор не прочитали его?

— Нет, сэр.

— Почему?

«Я в ловушке», — мысленно простонал Майлз. Он чувствовал на своей спине жадный взгляд капрала, которого Метцов так и не отпустил. Публичный стриптиз. Если бы он удосужился прочитать эту чертову инструкцию! Тогда бы и ублюдки из гаража не смогли заманить его в западню! Как бы то ни было, придется платить за ошибку.

— У меня нет оправданий, сэр.

— Так вот, младший лейтенант, в третьей главе устава базы вы найдете подробное описание всех зон инверсии вечной мерзлоты и рекомендации избегать их. Советую вам заглянуть туда — на досуге, когда выпадет часок, свободный от чаепитий.

— Слушаюсь, сэр. — Лицо Майлза вытянулось.

Генерал имел право делать с ним что угодно, хоть снять кожу виброножом, но без свидетелей. Форма младшего лейтенанта обязывала окружающих мириться с его ущербностью (Барраяр, как известно, славился своей нетерпимостью к генетическим нарушениям). И оскорбления, которыми осыпал его Метцов в присутствии рядового, обязанного чтить в Майлзе старшего по званию, смахивали на грубое нарушение армейского устава. Интересно, генерал оскорбляет его сознательно или это только от раздражения?

Между тем Метцов распалялся все больше и больше:

— Армия, может быть, и в состоянии держать никому не нужных задирающих нос форов в Имперском генеральном штабе, но здесь, в полевых условиях, тунеядцы нам не нужны. Я дослужился до генерала на поле боя. Видел жертв попытки переворота Фордариана еще до вашего рождения...

«Я сам был жертвой попытки переворота еще до своего рождения», — подумал Майлз, чувствуя, как в нем вскипает злоба. Солтоксин, чуть не убивший его беременную мать и сделавший его калекой, был боевым отравляющим веществом.

— ...и участвовал в подавлении Комаррского мятежа. Вы, сопляки, не имеете никакого представления о войне. Слишком долгие мирные периоды деморализуют армию. Если так будет продолжаться, не останется никого, кто обладал бы практическим боевым опытом.

«Неужели для того, чтобы офицеры могли продвигаться по службе, его императорское величество должен затевать войну каждые пять лет?» Майлз задумался о том, что означает выражение «практический боевой опыт». Не в нем ли кроется разгадка, почему этого находящегося в прекрасной форме офицера загнали на остров Кайрил?

А Метцов явно вошел во вкус. Он гремел хорошо поставленным голосом:

— В реальной боевой ситуации вопрос воинского оборудования есть вопрос жизни и смерти! От его сохранности зависят победа или поражение. Человек, теряющий оборудование, теряет свою эффективность, как боевая единица! Неужели вам не говорили, что безоружный беззащитен, как женщина, хуже того — бесполезен! А вы разоружили самого себя!

Майлз угрюмо подумал, согласится ли генерал с тем, что сегодня вооруженная женщина может сражаться не хуже мужчины. Вероятно нет. Барраярские служаки из поколения Метцова наверняка не потерпели бы женщин в своих рядах.

Метцов профессионально понизил тон и перешел от философии войны к практическим вопросам. Майлз облегченно вздохнул.

— Обычное наказание для человека, утопившего скат в болоте, — приказ откопать его собственными руками. Но в данном случае, насколько я понимаю, это невыполнимо, поскольку глубина, на которую вы затопили свой, — новый рекорд базы. Итак, с четырнадцати ноль-ноль вы поступаете в распоряжение лейтенанта Бонна из инженерной службы, и он подберет вам занятие.

Ну что ж, это справедливо. И может даже оказаться полезным. Майлз надеялся, что беседа подходит к концу. «Ну что, ты отпускаешь меня?» Но замолчавший наконец генерал смотрел на него в упор.

— В возмещение повреждений, нанесенных вами метеостанции, — медленно начал он, и Майлз мог поклясться,

что в его глазах загорелся красноватый огонек, а уголок жесткого рта дернулся вверх, — вы наказываетесь принудительными работами сроком на одну неделю. Четыре часа в день. Помимо исполнения основных обязанностей. Каждый день в пять ноль-ноль вы поступаете в распоряжение сержанта Ньюва из службы обеспечения.

Капрал за спиной Майлза издал приглушенный звук, значения которого Майлз не смог разобрать. Смех? Удивление?

Но это же полный идиотизм! Он потеряет массу времени, которого и так осталось немного, вместо того чтобы поучиться у Ана...

— Повреждения, которые я нанес метеостанции, были вынужденными, сэр. Это вовсе не результат глупой оплошности, как в случае со скатом. Они были необходимы, чтобы я выжил!

Метцов окинул его ледяным взглядом.

— Шесть часов в день, младший лейтенант Форкосиган.

С трудом выговаривая слова, Майлз произнес:

— Вы предпочли бы, чтобы я замерз до смерти, сэр?

Воцарилось молчание, распухавшее на глазах, как оставленный на солнце труп.

— Вы свободны, младший лейтенант, — процедил наконец генерал, глядя на Майлза сузившимися глазами.

Майлз отдал честь, сделал поворот кругом и зашагал к двери, выпрямившись, будто проглотил аршин. Он ничего не замечал, кровь стучала в висках, щека дергалась. Мимо капрала, замершего у двери, как восковая кукла, из кабинета, из приемной. Наконец он оказался в пустом коридоре административного корпуса и сначала мысленно, а потом вслух отругал себя. Он действительно не умеет подобающим образом вести себя со старшими по званию. Наверное, виной всему его чертово происхождение. Слишком много времени провел он среди генералов и адмиралов, толпившихся в доме Форкосиганов. Слишком долго просидел среди них незаметным мышонком, выслушивая их откровения и споры. Младший лейтенант должен видеть в своем командире бога, а не будущего подчиненного. Совершенно естественно со стороны генерала смотреть на новоиспеченного младшего лейтенанта, как на существо низшего сорта.

И все же... С Метцовым что-то явно не так. Майлз знавал таких, как он, — энергичных, умных вояк, пока дело не касалось политики. Как самостоятельная политическая сила они исчезли с горизонта двадцать с лишним лет назад, после кровавого провала заговора офицеров, ответственных за самоубийственное вторжение на Эскобар. И с тех самых пор мысль о возможности правого переворота, о некоей гипотетической хунте, намеревающейся спасти императора от его собственного правительства, не давала покоя его отцу.

Так, может быть, несомненный политический душок, исходивший от Метцова, и вызвал у него мурашки? Ерунда! Человек с политическими амбициями думал бы, как лучше использовать другого, но не как сильнее его оскорбить. Или, может, ты дергаешься оттого, что генерал направил тебя на унизительные штрафные работы? Садист, получающий наслаждение от издевательств над представителями класса форов, вовсе не обязательно политический экстремист. Разве не мог Метцов когда-то в прошлом обмануться в некоем высокомерном гордом форе? Словом, причиной злобы Метцова могло быть что угодно. Любые мотивы годились — политические, социальные, генетические...

И Майлз, немного придя в себя, захромал дальше, чтобы переодеться в черную рабочую униформу и отыскать инженерную службу базы. Делать нечего — он влип глубже, чем его скат. Значит, в предстоящие шесть месяцев надо потихоньку делать свою работу и избегать Метцова. То, что так хорошо получалось у Ана, получится и у него.

Инженер-лейтенант Бонн готовился к поиску ската. Это был худощавый мужчина лет двадцати восьми — тридцати, со скуластым отекшим лицом и кожей нездорового желтоватого цвета, в багровых пятнах. Оценивающий взгляд, руки умельца и несколько язвительная улыбка, которая, надеялся Майлз, не предназначалась конкретно ему. Бонн и Майлз шлепали по грязи болота, а два техника в черных защитных костюмах наблюдали за ними с тяжелой машины на антигравитационной подушке, стоявшей в безопасности на каменистом склоне. Солнце было бледным, дул нескончаемый холодный и влажный ветер.

— Попробуйте здесь, сэр, — предложил Майлз, пытаясь определиться на местности, которую он видел только в сумерках. — Я думаю, вам придется углубиться по крайней мере метра на два.

Лейтенант Бонн серьезно посмотрел на него, поднял длинный металлический щуп и погрузил в болото. Тот остановился почти сразу. Майлз озадаченно нахмурился. Не мог же скат всплыть наверх...

Бонн, однако, не удивился, налег на стержень всем своим весом и повернул его. Тот пошел вниз.

— На что вы наткнулись? — спросил Майлз.

— На лед, — проворчал Бонн. — В данный момент его толщина примерно три сантиметра. Мы стоим на корке льда. Она под поверхностным слоем грязи. Похоже на замерзшее озеро, только вместо воды — грязь.

Майлз топнул ногой. Держит. Как и тогда, когда он разбивал лагерь.

Бонн, наблюдавший за ним, добавил:

— Толщина льда зависит от погоды и бывает разной — от нескольких сантиметров до промерзания на всю глубину. В середине зимы вы можете посадить сюда тяжелый грузовой транспорт. С наступлением лета толщина начинает уменьшаться. При соответствующей температуре грязь может перейти из псевдотвердого в жидкое состояние буквально за несколько часов. И наоборот.

— Да... Мне кажется, я убедился в этом на собственном опыте.

— Нагнитесь, — кратко приказал Бонн, и Майлз, обхватив стержень, помог толкать его вниз.

Он почувствовал, как щуп с натугой проходит сквозь слой льда. А если бы в ту ночь, когда грязь оттаяла и он утонул, температура опустилась чуть ниже — смог бы он пробиться сквозь ледяную крышу? Поежившись, Майлз подтянул повыше молнию своей куртки.

— Замерзли? — спросил Бонн.

— Нет. Подумал кое о чем.

— Прекрасно. Постарайтесь, чтобы это вошло у вас в привычку. — Бонн нажал на клавишу, и от звука эхолокатора, вмонтированного в стержень, заломило зубы. На экране, в нескольких метрах от них, показался каплеобразный контур. — Вот он. — Бонн прочел показания прибора, —

Он действительно здесь. Я бы заставил вас откопать его чайной ложкой, младший лейтенант, но думаю, прежде чем вы закончите, наступит зима. — Он вздохнул и посмотрел на Майлза, как бы представляя себе эту картину.

Майлз тоже представил ее себе.

— Да, сэр, — осторожно сказал он.

Они вытащили щуп обратно. Руки в перчатках скользили по налипшей на него грязи. Бонн отметил место и махнул техникам:

— Сюда, ребята!

Те быстренько залезли в машину, а Бонн и Майлз отошли подальше и остановились там, где под ногами был камень.

Машина поднялась в воздух и зависла над болотом. Мощный силовой луч, рассчитанный на работу в космических условиях, устремился вниз, и навстречу ему с грохотом взметнулся гейзер из грязи, остатков растительности и льда. Через пару минут образовался кратер с жидкими стенками, на дне которого виднелось что-то округлое. Стенки кратера немедленно поползли вниз, но водитель сузил луч и остановил их. С чмокающим звуком скат вырвался наконец из плена. Под ним на цепи болталась обвисшая палатка. Машина осторожно подняла, а затем опустила свою ношу на каменистую поверхность.

Бонн и Майлз подошли взглянуть на раскисшие остатки.

— Вы были в этой палатке, младший лейтенант? — спросил Бонн, пнув ее.

— Да, сэр, в ней. Ожидал рассвета. И... уснул.

— Но вы же выбрались наружу?

— Нет. Когда я проснулся, она уже утонула.

Брови Бонна полезли кверху.

— И глубоко?

Майлз провел ребром ладони на уровне щеки.

— Как же вы выбрались? — удивился Бонн.

— С трудом. Вероятно, помогло отчаяние. Пришлось вылезти из ботинок и брюк. Кстати, разрешите посмотреть, что там с моими ботинками, сэр.

Бонн махнул рукой, и Майлз снова направился в болото, обходя отброшенную лучом породу и стараясь держаться на безопасном расстоянии от заполняющейся водой воронки. Он отыскал перепачканный ботинок, второго не

было видно. Не сохранить ли этот на случай, если ему ампутируют ногу? А вдруг это будет не та нога? Он вздохнул.

Бонн хмуро глядел на грязный ботинок в руке Майлза.

— Но вы же могли погибнуть, — сказал он.

— И даже несколько раз. Задохнуться в палатке, застрять в болоте или замерзнуть в ожидании помощи.

Бонн пристально смотрел на него.

— Да уж.

С безразличным видом, как бы желая осмотреться, он отошел от лежащей на земле палатки. Майлз следовал за ним. Убедившись, что техники не слышат его, Бонн остановился, окинул взглядом болото и, как бы продолжая беседу, произнес:

— До меня дошли слухи — неофициальные, разумеется, — что один из механиков гаража, Паттас, хвастался приятелю, как ловко он подстроил вам западню. И как вы глупы. Правда, похвальба обошлась бы ему дорого... если бы вы погибли.

— Тогда не имело бы никакого значения, хвастался он или нет, — пожал плечами Майлз. — То, что упустило армейское расследование, наверняка обнаружила бы Имперская служба безопасности.

— Так вы знаете, что вам подстроили ловушку? — медленно произнес Бонн, глядя на горизонт.

— Конечно.

— Тогда мне непонятно, почему вы не вызвали Имперскую службу.

— Разве это так сложно? Подумайте, сэр.

Бонн снова осмотрел Майлза, как бы исследуя его физические недостатки.

— И все-таки кое-чего я не могу понять. Почему вам разрешили поступить на службу?

— А как вы думаете?

— Привилегия форов.

— Это только одна из причин.

— Но в таком случае почему вы здесь? Вам бы служить в штабе.

— Форбарр-Султан в это время года очаровательное место, — согласился Майлз. (Как-то там поживает кузен Айвен?) — Но я хотел служить на корабле.

— И вам не смогли этого устроить? — скептическим тоном поинтересовался Бонн.

— Мне сказали, я должен заработать это назначение. Доказать, что смогу вынести тяготы армейской жизни. Или... что не смогу. Если бы я вызвал команду ищеек Службы безопасности и они перевернули базу вверх ногами в поисках заговора, которого, на мой взгляд, не существовало, разве это приблизило бы меня к моей цели?

Даже если бы ему удалось добиться официального расследования и допрос с суперпентоталом показал, что правда на его стороне, весь этот шум повредил бы его карьере гораздо больше, чем два наложенных на него наказания. Нет. Никакая месть не стоила «Принца Зерга».

— Гараж находится в ведении инженерной службы. Если Имперская безопасность займется им, они неизбежно займутся мной. — Карие глаза Бонна сверкнули.

— Вы сами вольны заниматься кем вам угодно, сэр. А если вы уместе добывать информацию по неофициальным каналам, значит, можете и передать ее кому следует. А о том, что случилось, вы знаете только с моих слов. И это еще ни о чем не говорит. — Майлз поднял бесполезный ботинок и зашвырнул его в болото.

Бонн с задумчивым видом следил за его полетом, пока тот не шлепнулся в образовавшийся пруд.

— Слово фора?

— В наше дегенеративное время оно ничего не стоит. — Майлз невесело усмехнулся. — Спросите кого угодно.

— Угу. — Бонн кивнул и пошел назад, к машине.

На следующее утро, ровно в пять, Майлз явился в гараж службы обеспечения, чтобы выполнить вторую часть работы по приведению ската в порядок — очистку оборудования от грязи. Солнце светило уже вовсю, но Майлз никак не мог до конца проснуться. Только проработав около часа, он согрелся и начал входить в ритм.

В шесть тридцать появился невозмутимый лейтенант Бонн. Он привел Майлзу двух помощников.

— А, капрал Олни и техник Паттас. Вот мы и встретились, — как ни в чем не бывало приветствовал их Майлз.

Парочка обменялась беспокойными взглядами. Майлз был сама невозмутимость.

Зато он заставил их (и себя, конечно) пошевеливаться. Разговоры свелись к коротким, сухим техническим репликам, и к тому времени, когда Майлзу надлежало поступить в распоряжение лейтенанта Ана, скат и оборудование были гораздо в лучшем состоянии, чем когда он их получал.

Майлз вполне искренне пожелал своим помощникам, к этому времени почти впавшим в панику от тревоги, удачного дня. Если они так ничего и не поняли, значит, дело дрянь. Как ему легко находить общий язык с умными людьми вроде Бонна, и какая мука — с такими вот субъектами. Сесил прав: пока он не научится командовать тупицами, ему не стать настоящим офицером. По крайней мере здесь, в лагере «Вечная мерзлота».

На следующее утро, третье из определенных ему в наказание семи, Майлз представился сержанту Пьюву. Тот снабдил его скатом, набитым оборудованием, диском с инструкциями по его обслуживанию и графиком работ по мелиорации и прокладке дренажных труб на базе Лажковского. Да уж, интересное заданис. Хотелось бы знать, откуда оно исходит? Может, от Метцова? Хорошо, если так.

В помощь Майлзу прислали тех же двоих. Эта работа была так же незнакома Олни и Паттасу, как и ему, а посему злополучная парочка не имела перед ним никаких преимуществ. Так же, как и он, они должны были вникать в инструкции. Майлз штудировал тонкости неведомого ему предмета с маниакальным упорством, тогда как его помощники-тугодумы становились все мрачнее.

Собственно говоря, оборудование для очистки труб и впрямь поражало воображение. И даже вызывало восхищение. А технология промывки трубопроводов под высоким давлением заслуживала самой высокой оценки. Некоторые используемые при этом химические компоненты обладали свойствами, незаменимыми на войне, например, способностью мгновенно растворять что угодно, включая человеческую плоть. За следующие три дня Майлз узнал об инфраструктуре базы все что можно и даже больше. Он даже рассчитал точку, в которую нужно поместить соответствующий заряд, чтобы вывести из строя всю систему, если ему взбредет в голову расквитаться с этим местечком.

На шестой день Майлза и его команду послали чистить засорившуюся трубу, отводящую воду со стрельбищ. Поднявшаяся вода почти заливала дорожную насыпь. Но когда Майлз вытащил из багажника телескопический щуп и погрузил его в воду, тот не встретил никаких препятствий — с затопленной стороны трубы ничто не преграждало путь воде. Пробка где-то дальше, вернее, глубже. Только этого не хватало! Майлз протянул щуп Паттасу, перешел на другую сторону дороги и заглянул в канаву. Труба была около полуметра диаметром.

— Дайте фонарь, — приказал он Олни.

Скинув куртку на корпус ската, он слез в канаву и направил свет фонаря в отверстие трубы. Та, видимо, слегка изгибалась, и он ни черта не увидел. Сравнив ширину плеч Олни, Паттаса и своих, Майлз вздохнул.

Существует ли занятие, более далекое от обязанностей офицера космического корабля? Копание в недрах трубы напоминало Майлзу исследование пещер в Дендарийских горах. Земля и вода против огня и воздуха. Чертовски много женского начала, хорошо, если потом прибудет мужского.

Покрепче сжав фонарь, Майлз на четвереньках кое-как втиснулся в трубу.

Колени тут же онемели от холода — черная ткань униформы пропускала воду. Затем промокла одна из перчаток, и Майлз чуть не вскрикнул: впечатление было такое, будто по запястью резанули ножом.

Он вдруг подумал об Олни и Паттасе. За эти дни между ними установились прохладные, но вполне сносные деловые отношения, основанные, как понимал Майлз, главным образом на страхе Божьем, который заронил в их души добрый ангел — лейтенант Бонн. Кстати, каким образом Бонн приобрел подобный авторитет? Надо разобраться. Конечно, он прекрасный работник, но это ли главное?

Майлз прополз искривленный участок. А вот и препятствие. Он посветил на закрывающую проход массу — и отпрянул с проклятиями. Потом собрался с духом, рассмотрел ее получше и начал пятиться.

Когда он, уже стоя в канаве, распрямлял затекшую спину, над ограждением дороги появилась голова капрала Олни.

— Ну, что там, лейтенант?

Все еще тяжело дыша, Майлз улыбнулся ему:

— Пара ботинок.

— И только? — удивился Олни.

— Они на ногах хозяина.

По переговорному устройству был вызван врач — с инструментами, мешком для тела и средствами транспортировки. Затем с помощью своей команды Майлз перекрыл верхний конец дренажной трубы пластмассовым щитом, одолженным с ближайшего стрельбища. Он уже настолько промок и окоченел, что ему было все равно, и он снова заполз в трубу — привязать веревку к обутым в ботинки лодыжкам. Когда Майлз оказался снаружи, его встретили только что прибывшие врач и санитар.

Врач, крупный лысеющий человек, подозрительно заглянул в трубу.

— Что вы смогли там увидеть, младший лейтенант? Что случилось?

— С этой стороны я не мог увидеть ничего, кроме ног, сэр, — доложил Майлз. — Кто-то застрял там. Мне кажется, что труба под ним проржавела. Нужно посмотреть, нет ли там еще чего.

— Как он там, черт побери, оказался? — Врач почесал свою покрытую веснушками лысину.

Майлз развел руками:

— Странноватый способ покончить жизнь самоубийством. Медленный и без гарантии, все равно что топиться.

Чтобы сдвинуть с места застрявшее в трубе тело, пришлось прибегнуть к помощи Олни, Паттаса и санитара. Наконец в потоке грязной воды из трубы показался труп. Паттас и Олни тут же отошли в сторону, Майлз остался возле врача. Тело в промокшей черной униформе напоминало восковую куклу грязно-синего цвета. Нашивка на рукаве и найденные в карманах документы идентифицировали мертвеца, как рядового из службы снабжения.

За исключением синяков на плечах и исцарапанных рук, на теле не было никаких повреждений. Врач начал записывать на диктофон короткое предварительное заключение, состоявшее в основном из отрицаний. Сломанных костей нет, разрывов тканей нет. Пострадавший либо утонул, либо

переохладился, либо имело место сочетание обеих причин. Смерть наступила примерно двенадцать часов назад. Выключив диктофон, он добавил через плечо:

— С полной уверенностью я смогу судить об этом, когда бедняга окажется в прозекторской.

— И часто такое здесь случается? — тихо спросил Майлз.

Врач хмуро посмотрел на него:

— Каждый год мне приходится кромсать несколько идиотов. Чего еще ждать, собирая пять тысяч мальчишек в возрасте от восемнадцати до двадцати на этом Богом забытом острове и заставляя их играть в войну. Хотя, надо признать, этот нашел весьма оригинальный способ попасть на мой стол. Я думаю, такого вы еще не видели.

— Значит, на ваш взгляд, он сам сделал это? — спросил Майлз и тут же подумал: «Наверняка. Неужели такое может прийти в голову кому бы то ни было — сначала убить человека, потом запихнуть его сюда».

Врач подошел к трубе и, сев на корточки, заглянул внутрь.

— Похоже, так. Не хотите еще раз осмотреть ее, младший лейтенант? На всякий случай?

— Хорошо, сэр.

Майлз надеялся, что этот раз действительно будет последним. Он никогда не думал, что прочистка дренажных труб может оказаться столь... волнующим занятием. Он прополз по всей трубе до установленной ими заглушки, проверяя каждый сантиметр, но нашел только оброненный погибшим ручной фонарик. Очевидно, рядовой оказался в трубе, преследуя какую-то цель. Какую? Что было на уме у этого несчастного? Зачем карабкаться по трубе в середине ночи, во время сильного дождя? Майлз выбрался назад и отдал фонарь.

Он помог врачу и санитару засунуть тело в мешок и погрузить в транспорт, после чего приказал Олни и Паттасу убрать щит и вернуть его на прежнее место. Из нижнего конца трубы с грохотом вырвался поток мутной воды и понесся по канаве. Врач, стоя рядом с Майлзом, облокотился на дорожное ограждение и смотрел, как понижается уровень воды в искусственной запруде.

— Думаете, там, на дне еще один? — меланхолично поинтересовался Майлз.

— Этот парень был единственным, кто числился пропавшим в утреннем рапорте, — ответил врач, — так что вряд ли. — Хотя чувствовалось, что биться об заклад он не стал бы.

Когда вода наконец спала, единственной вещью, оставшейся на земле, оказалась куртка рядового. Очевидно, перед тем как влезть в трубу, он снял ее и повесил на ограждение, с которого она свалилась или была сдута ветром. Врач забрал ее с собой.

— А вы даже не поморщились, — с уважением заметил Паттас, когда Майлз отошел от багажника тронувшейся медицинской машины. Он был ненамного старше Майлза.

— Вы когда-нибудь видели мертвецов? — спросил Майлз устало.

— Нет. А вы?

— Видел.

— Где?

Майлз молчал. События трехлетней давности всплыли перед его глазами. О тех нескольких месяцах, когда он, путешествуя по другим планетам, оказался втянутым в вооруженное противостояние и по воле случая столкнулся с космическими наемниками, нельзя было не то что упоминать — даже намекать. Как бы то ни было, сражения у Тау Верде наглядно ему показали, в чем разница между войной и военными играми.

— Это было давно, — неопределенно ответил Майлз. — Пришлось пару раз.

Паттас пожал плечами и отошел.

— Ну что ж, — неохотно признал он через плечо. — Вы не боитесь испачкать руки, сэр.

Майлз удивленно поднял брови. «Нет. Чего-чего, а этого я не боюсь».

Он отметил на схеме прочищенную трубу, доставил скат, оборудование и притихших Олни и Паттаса сержанту Ньюву в службу обеспечения и направился в офицерские казармы. Никогда еще он так не нуждался в горячей ванне.

Шлепая мокрыми ногами по коридору, Майлз направлялся в свою комнату, когда знакомый офицер высунул голову из двери.

— Младший лейтенант Форкосиган?
— Да?
— Недавно вам звонили по видео. Я записал номер.
— Звонили? — Майлз остановился. — Откуда?
— Из Форбарр-Султана.
Майлз похолодел. Что-нибудь случилось дома?
— Спасибо.

Он двинулся в другой конец коридора, к видеокабинке, предоставленной в распоряжение офицеров его этажа. Сев в кресло, он вызвал записанный номер. Раздалось несколько гудков, потом экран ожил. На нем материализовалось красивое улыбающееся лицо его кузена Айвена.

— А, Майлз. Наконец-то!
— Айвен! Откуда ты, черт побери? Где ты находишься?
— О, я дома. У себя дома, не у матери. Я подумал, тебе захочется взглянуть на мою новую квартиру.

У Майлза появилось смутное ощущение, будто он случайно соединился с неким параллельным измерением или другим астральным миром. Форбарр-Султан, подумать только. Когда-то и он жил в этом городе. В другом воплощении. Века назад.

Айвен между тем взял в руку камеру и обвел ею вокруг себя.

— Что, хороша квартирка? Полностью меблирована. Я снял ее у одного капитана из Оперативного отдела, которого перевели на Комарру. Недурственная сделка, правда? Только вчера переехал. Видишь балкон?

Майлз видел между балконными прутьями полуденное небо цвета меди. Вдали, купаясь в золотом мареве, раскинулся Форбарр-Султан, похожий на сказочное видение. На перилах балкона стояли цветы, такие жгуче-красные, что глазам стало больно. Майлз чувствовал, что вот-вот расплачется.

— Прекрасные цветы, — выдавил он из себя.
— Их принесла моя девушка.
— Девушка? — Ах да, когда-то человеческий род делился на два пола. От одного пахло лучше, чем от другого. Гораздо лучше.
— Которая из них?
— Татти.

— Я ее видел? — Майлз попытался вспомнить.

— Нет, новенькая.

Айвен перестал водить камерой по комнате и снова появился на экране. Раздражение Майлза немного улеглось.

— Как у вас с погодой? — Айвен взглянул на него внимательнее. — Да ты мокрый, как губка! Чем это ты там занимался?

— Судебной медициной и... трубопроводами, — помедлив, ответил Майлз чистосердечно.

— Что?!. — Брови Айвена поползли вверх.

Тут Майлз чихнул.

— Послушай, я рад тебя видеть и все такое, — собственно говоря, он действительно был рад, только эта радость почему-то причиняла боль, — но у нас середина рабочего дня.

— А я отпросился пару часов назад, — благодушно заметил Айвен. — Мы с Татти собрались пообедать. Еще немного, и ты не застал бы меня. Поэтому расскажи мне поскорее, как там живется у вас в пехоте?

— О, великолепно. Вот где настоящая служба. — Майлз не стал уточнять, что он имеет в виду. — Это тебе не... оранжереи для никому не нужных, задирающих нос форов вроде Имперского генштаба.

— Я занят важным делом! — возразил уязвленный Айвен. — Даже тебе понравилась бы моя работа. Мы обрабатываем информацию. Просто удивительно, сколько информации получает Оперативный отдел за день. Чувствуешь себя в курсе всего. Как раз для таких, как ты.

— Вот как. А мне кажется, тебе подошла бы база Лажковского, Айвен. Может, там, наверху, перепутали наши назначения, а?

Айвен почесал нос и хихикнул:

— Не думаю. — Но его легкомысленный тон тут же стал серьезным. — Ты смотри там, поосторожнее. Вид у тебя не блестящий, знаешь ли.

— Утро у меня было бурным. А если ты оставишь меня в покое, я смогу принять душ.

Ладно, ладно. Беги!

— Желаю приятно пообедать.

— Все будет отлично. Пока.

Голос из другого мира. И это притом, что Форбарр-Султан всего в двух часах суборбитального полета. Теоретически. И все же Майлз чувствовал удовлетворение оттого, что ему напомнили — планета не съежилась до свинцово-серых горизонтов острова Кайрил.

Оставшуюся часть дня Майлз с трудом заставлял себя заниматься метеорологией. К счастью, его начальник не обращал на него внимания. После того как затонул скат, Ан хранил виноватое молчание, прерывая его, только когда к нему обращались с каким-либо вопросом. Посему, освободившись, Майлз направился прямо в лазарет.

Когда он просунул голову в дверь, врач еще работал, во всяком случае, сидел за своим столом.

— Добрый вечер, сэр.

Врач недовольно поднял голову:

— В чем дело, младший лейтенант?

Несмотря на официальный тон, Майлз счел это за приглашение и вошел в комнату.

— Мне интересно, что вы узнали о том парне, которого мы утром вытащили из трубы.

Врач пожал плечами:

— Не слишком много. Его личность удостоверена. Утонул. Все признаки несомненно указывают на то, что он попал в трубу меньше чем за полчаса до смерти. Я квалифицировал это как смерть от несчастного случая.

— Да, но при каких обстоятельствах это произошло?

— Что? — Врач недоуменно поднял брови. — Если парень сам себя загубил, значит, он один и мог бы ответить на ваш вопрос, не так ли?

— Неужели вам не хочется знать наверняка?

— Зачем?

— Ну просто, чтобы знать. Быть уверенным в своей правоте.

Врач нахмурился.

— Я не ставлю под сомнение ваше медицинское заключение, сэр, — торопливо добавил Майлз. — Но все это чертовски странно. Разве вам не любопытно?

— Нисколько, — отрезал собеседник. — Я рад, что это не самоубийство и не злой умысел, а что касается деталей, то,

какими бы они ни были, в конце концов, парень погиб из-за своей дурости. Или у вас другое мнение?

Майлз подумал, что сказал бы врач о нем, если бы он утонул вместе со скатом.

— Вероятно, вы правы, сэр.

Выйдя из лазарета на холодный ветер, Майлз остановился. В самом деле, о чем он беспокоится? Труп — не по его части. Это же не игра в прятки. Он передал дело в нужные руки. И все же...

До захода солнца оставалось несколько часов. Все равно у него проблемы со сном. Майлз вернулся в комнату, переоделся в спортивный костюм, сунул ноги в кроссовки и решил пробежаться.

Дорога, ведущая к бездействующим стрельбищам, была пустынна. Солнце медленно приближалось к горизонту. Майлз с бега перешел на шаг. Скрытые брюками стержни на ногах натирали ноги. Скоро ему придется найти время, чтобы заменить хрупкие кости ног синтетическими. В конце концов, если все обернется совсем плохо, эта тривиальная операция послужит отличным предлогом покинуть остров Кайрил, не дожидаясь, пока истекут положенные шесть месяцев этой каторги. Хотя это и смахивает на мошенничество.

Майлз огляделся. Если бы он был на месте злополучного рядового, упрямо шагавшего в темноте, под проливным дождем, что бы он видел? Что могло привлечь его внимание именно к этой канаве? И вообще, какого черта его понесло сюда среди ночи? Дорога вела к полосе препятствий и огневому рубежу, больше здесь ничего не было.

Вот и канава... Нет, та была чуть дальше. На полукилометровом отрезке насыпной дороги размещалось четыре водопропускных трубы. Майлз нашел нужное место и наклонился над ограждением, вглядываясь в успокоившуюся воду. Он не заметил ничего стоящего внимания. Почему, почему, почему это случилось?

Он перешел на другую сторону, осмотрел дорожное покрытие, ограждение, заросли мокрого папоротника. Прошелся до поворота, пошел обратно. Вернулся к первой канаве. Ничего.

Майлз облокотился на ограждение и задумался. Хорошо, попытаемся мыслить логически. Какая сила заставила

рядового залезть в трубу, несмотря на опасность? Гнев? В таком случае — кому он предназначался? Страх? Тогда — кто преследовал его? Или это нелепая случайность, оказавшаяся роковой? Майлз знал толк в ошибках. А что, если этот горемыка ошибся трубой?..

И Майлз, недолго думая, соскользнул в первую канаву. Погибший мог методично проверять все водопропускные трубы. Если так, откуда он начал: со стороны базы или от стрельбищ? Или в темноте, под дождем перепутал и залез не в ту трубу, какая была нужна ему? Придется обыскать все четыре, но хорошо, если бы повезло с первого раза. Труба была немного шире, чем та, в которой рядовой нашел гибель. Майлз вытащил из-за пояса фонарик, залез в отверстие и сантиметр за сантиметром принялся исследовать круглую пустоту.

— Ага,— удовлетворенно произнес он, одолев примерно половину пути.

То, за чем он охотился, находилось здесь и было приклеено липкой лентой к верхней части трубы. Сверток, упакованный в водонепроницаемую пластиковую пленку. Интересно! Майлз быстро пополз обратно и уселся прямо в отверстии, не обращая внимания на воду.

Сверток лежал у него на колепях, и Майлз смотрел на него, словно это был рождественский подарок. Что там: наркотики, контрабанда, секретные документы, преступные деньги? Он предпочел бы секретные документы, хотя трудно представить себе человека, которого посетила бы бредовая идея засекретить что-либо на острове Кайрил — за исключением рапортов о действительном состоянии дел. Наркотики тоже неплохо, но обнаружить шпионскую сеть — это была бы настоящая удача. Он стал бы героем в глазах Службы безопасности, а там... Мысли Майлза понеслись вскачь: он уже продумывал, как поведет расследование. Он пройдет по следам мертвеца и от мелких улик выйдет на главаря, занимающего, может быть, высокий пост. Драматические аресты, благодарность в приказе от самого Саймона Иллиана... Сверток был мягким, но внутри что-то похрустывало.

С бьющимся сердцем Майлз открыл пакет — и замер.

Сласти. Десятка три маленьких конфет, глазированных, с начинкой из засахаренных фруктов, которые обычно

готовили для празднования дня летнего солнцестояния. Конфеты, пролежавшие полтора месяца...

Майлз хорошо знал казарменную жизнь, и воображение быстро подсказало ему остальное. Рядовой получает посылку от любимой, матери или сестры и прячет ее, чтобы уберечь от прожорливых, равнодушных соседей. Вероятно, скучая по дому, он разделил ее на порции и потихоньку лакомился. А может, конфеты были припрятаны для какого-то особого случая.

Два дня шли проливные дожди, и несчастный начал беспокоиться. Он пошел проведать спрятанное сокровище, но в темноте просмотрел первую трубу. Отчаянно спеша, потому что вода все прибывала, полез во вторую — и слишком поздно понял свою ошибку...

Горькая, бессмысленная гибель. Горькая, неутешительная история. Майлз вздохнул, завернул конфеты и потрусил обратно к базе, зажав под мышкой маленький сверток.

Когда Майлз добрался до лазарета и рассказал о своей находке, реакция врача была однозначной:

— А я что говорил? Отправился на тот свет по собственной дурости. — И он с рассеянным видом надкусил конфету.

На следующий день срок принудительных работ Майлза в службе обеспечения закачивался. Ничего интереснее утопленника в трубах не оказалось. Может, оно и к лучшему, потому что прибыл из отпуска служивший под началом Ана капрал, и Майлз обнаружил, что тот настоящий кладезь по части информации, которую он с такими муками добывал все эти две недели. Правда, у капрала не было носа Ана.

Ан покидал лагерь «Вечная мерзлота» почти трезвым. Он поднялся по трапу катера без посторонней помощи. Майлз, провожавший его до самой посадочной площадки, никак не мог понять, радоваться ему или грустить. Сам метеоролог выглядел счастливым. Его вечно хмурая физиономия почти сияла.

— И куда вы после отставки? — спросил Майлз.

— На экватор, — незамедлительно ответил Ан.

— Понятно. А в какое место?

— Не важно, лишь бы это был экватор, — горячо ответил Ан.

Майлз понадеялся, что там хотя бы нет вулканов.

На трапе Ан остановился и посмотрел вниз, на Майлза. Он явно хотел что-то сказать, но колебался.

— Остерегайтесь Метцова, — наконец решился он.

Это запоздалое предупреждение прозвучало крайне неопределенно. Майлз с удивлением поднял глаза на Ана.

— Кажется, я не украшаю собой список его гостей.

Ан поежился:

— Я имел в виду другое.

— Что же?

— Как вам сказать... Однажды я видел... — Ан покачал головой. — Это было очень давно. Во время Комаррского мятежа случались странные вещи... Одним словом, лучше, если б вы держались подальше от Метцова.

— Мне уже приходилось иметь дело с солдафонами.

— Метцов не то чтобы солдафон. Но у него есть одна черта, которая... Короче, он может быть опасен. Никогда не угрожайте ему, ладно?

— Мне — угрожать Метцову? — Лицо Майлза вытянулось от удивления. Может быть, он ошибся, и Ан не так трезв, как ему кажется. — Послушайте, Ан, он не может быть настолько плох, иначе его не поставили бы руководить учебным лагерем.

— Метцов не командует обучающимися, у них свое командование. Инструкторы имеют дело только с их командирами. Под началом Метцова всего лишь постоянный контингент базы. Вы — колючая штучка, Форкосиган. Никогда, никогда не доводите его до крайности, иначе пожалеете. Вот и все, что я хотел вам сказать. — И Ан решительно взбежал по трапу.

«Я уже жалею», — хотел крикнуть ему вслед Майлз. Правда, положенная ему неделя штрафных работ закончилась. Наверное, Метцов думал унизить его, но вышло так, что ему представилась возможность обрести новый опыт. Унизительно было другое — утопить свой скат, например. Но это он проделал самостоятельно. Майлз в последний раз махнул Ану, когда тот входил в люк, и двинулся по шоссе к уже привычному силуэту административного корпуса.

Во время обеда, когда капрал покинул метеоцентр, Майлз поддался искушению вытащить занозу, застрявшую в нем после разговора с Аном. Он извлек из компьютера официальное досье Метцова. Простое перечисление дат назначений и повышений мало о чем говорило, хотя знание истории помогало Майлзу читать между строк.

Стало быть, Метцов поступил на службу почти тридцать пять лет назад. Ничего удивительного, что наибольшее продвижение по служебной лестнице пришлось на время завоевания Комарры, около четверти века назад. Каким-то образом Метцов оказался на стороне власти во время попытки переворота Фордариана. До сих пор Майлз думал, что именно выступление на стороне мятежников обрекло столь компетентного офицера на прозябание во льдах острова Кайрил. Однако, как оказалось, карьера Метцова закончилась шестнадцать лет назад, во время Комаррского мятежа. Причины указано не было, если не считать ссылки на другой файл. Майлз узнал код Имперской службы безопасности. Раз так, этот конец отрублен.

А может, все-таки нет? Сосредоточенно хмурясь, Майлз набрал новый код.

— Оперативный отдел, офис коммодора Джолифа, — официально начал материализовавшийся на экране Айвен. Но в последнюю секунду он узнал Майлза и расплылся в улыбке: — А, привет! В чем дело?

— Я провожу небольшое расследование. Ты мог бы мне помочь.

— Да уж конечно, станешь ты звонить в Генштаб, чтобы просто поболтать со мной. Ну, что тебе надо?

— Ты сейчас один в офисе?

— Да, старик заседает в комитете. — Глаза Айвена сузились: он явно заподозрил неладное. — Зачем тебе знать, один ли я?

— Затем, что мне нужен один файл. История старая, к теперешним делам отношения не имеет, — успокоил его Майлз и быстро назвал код.

— Ясно. — Айвен начал набирать цифры, но вдруг остановился. — Ты с ума сошел! Это же файл данных Имперской службы безопасности. Я ничего не могу с ним поделать!

— Ну, там, где ты находишься, это не большая проблема, согласись.

Айвен упрямо покачал головой:

— Теперь уже большая. Вся база данных Имперской безопасности стала сверхсекретной. Данные оттуда можно получить только через декодер, который надо подключать к аппаратуре и за который я должен расписываться. А чтобы получить право на получение информации, я как минимум должен объяснить, зачем она мне нужна. Может, у тебя есть такое право?

Майлз сердито нахмурился:

— Но ты можешь получить эту информацию по нашей внутренней сети.

— По внутренней могу. Но как я передам данные из внутренней сети во внешнюю? Так что прости.

— Погоди. У тебя в комнате есть коммуникационное устройство внутренней сети?

— Конечно.

— Тогда, — быстро произнес Майлз, — вызови на него файл, поверни стол и пусть два видео поговорят друг с другом. Это ведь ты можешь?

Айвен почесал затылок.

— А получится?

— Да попробуй же!

Пока Айвен перетаскивал стол и крутил ручки настройки, Майлз нетерпеливо постукивал пальцами по столу. Сигнал был нечеткий, но прочитать можно.

— Оставь так, лучше не будет. Попробуй показывать файл по страницам.

Сведения были чрезвычайно интересными. Файл представлял собой подборку донесений о загадочной смерти пленного, находившегося в ведении Метцова, — мятежника с Комарры, убившего охранника и, в свою очередь, убитого при попытке к бегству. Когда служба безопасности затребовала тело убитого для вскрытия, Метцов предоставил им только пепел: он сожалеет, но если бы ему сказали об этом чуточку раньше, и т. п.

Следователь, занимавшийся делом, полагал, что Метцов пустил в ход пытки, строго запрещенные в армии (возможно, как месть за смерть охранника), но не смог собрать доказательств, позволяющих произвести медикаментозный допрос барраярских свидетелей, среди которых был младший инженер-лейтенант Ан. Следователь выразил официальный

протест против решения закрыть дело, и на этом, как водится, все закончилось. Если у жутковатой истории и было продолжение, то сведения об этом хранились только в феноменальной памяти Саймона Иллиана. Но карьере Метцова тем не менее пришел конец, жестокий конец — остров Кайрил.

— Майлз, — в четвертый раз пытался дозваться его Айвен. — Зря мы с тобой затеяли все это. Информация имеет гриф «После прочтения сжечь».

— Ну и что? Если бы в этом было что-то предосудительное, нам бы не выпала такая возможность. Чтобы вызвать файл, ты должен был прибегнуть к помощи декодера. Ты слышал когда-нибудь про шпиона, который битый час сидел бы в Генштабе, перелистывая секретнейшую информацию?

— Ты прав. — Айвен засмеялся и движением руки стер файл. Изображение на экране заметалось: кузен разворачивал стол. Затем послышались скребущие звуки: он энергично затирал подошвами следы на ковре. — Ничего не было. Никаких файлов. Никакой информации.

— Само собой. Нам с тобой далеко до шпионов. — Тут Майлз задумался, хмуря брови. — Однако... мне кажется, кто-то должен доложить Иллиану об этом небольшом проколе в мерах по обеспечению секретности.

— Только не я!

— А почему бы и нет? Представишь это наблюдение как свидетельство блестящей работы ума. Может, получишь благодарность. Только не проболтайся, что мы действительно сделали это. Хотя мы могли проверять твою теорию, а?

Айвен даже не ответил на шутку.

— Ты просто помешан на карьере. Чтоб я больше не видел твоей физиономии! Если я не дома, разумеется, — процедил он.

Майлз улыбался, глядя на исчезающего с экрана кузена. Некоторое время он сидел в тишине, наблюдая, как мелькают цвета и оттенки на голографической карте погоды, и думая о командующем своей базы, а также о том, что претерпел непокорный пленный.

Хотя все это старинные дела. Метцов через пять лет выйдет в отставку, выслужив двойной срок и двойную

пенсию, и превратится в обыкновенного несносного старика. Главное — пережить все это по возможности тихо и незаметно. И исчезнуть с базы Лажковского, не оставив следов. И Метцов будет очередным пройденным этапом.

В следующие несколько недель Майлз занимался рутинной работой, которую находил вполне терпимой. Во-первых, прибыла партия новобранцев. Целых пять тысяч. В их глазах статус Майлза почти достигал человеческого. Когда дни стали короче и темнее, на базу Лажковского обрушился первый в этом сезоне снегопад, которому сопутствовал всесокрушающий ва-ва, длившийся полдня. Прогноз обоих явлений был сделан Майлзом точно и вовремя.

К тому же Майлзу удалось наконец избавиться от репутации первейшего идиота острова Кайрил (сию печальную известность он приобрел, утопив скат) — он уступил ее группе новобранцев, которые однажды ночью умудрились, запуская шутиху, поджечь казарму. На следующий день на нудном совещании по противопожарной безопасности Майлз внес стратегическое предложение — нанести решительный удар по тыловым коммуникациям противника и уничтожить его арсеналы (то есть исключить из меню новобранцев бобовую похлебку), — но под ледяным взглядом Метцова тут же прикусил язык. Однако после совещания серьезный капитан — начальник артиллерии базы — остановил Майлза и поблагодарил его за помощь.

И это называется романтикой военной службы! Долгие часы службы Майлз проводил, сидя в одиночестве в метеоцентре, изучая теорию хаоса, свои отчеты и окружающие его стены. Три месяца прошло, три осталось. Снаружи становилось все темнее.

Майлз уже вскочил с постели и оделся, когда до его все еще затуманенного сном сознания дошло, что сигнал — вовсе не оповещение о ва-ва. Он остановился, держа ботинок в руке. Не был этот сигнал также ни пожарной, ни боевой тревогой. Поэтому, чем бы он ни был, метеоролога базы это не касалось. Ритмичные завывания прекратились. Правильно говорят — молчание золото.

Он посмотрел на светящийся циферблат часов. Еще только вечер. Он проспал два часа мертвым сном после долгой поездки на Одиннадцатую станцию, где под снегом, на ледяном ветру устранял последствия зимнего урагана. Красная лампочка на переговорном устройстве у кровати была темна. Можно улечься снова — постель еще не остыла.

Теперь именно тишина мешала Майлзу погрузиться в блаженное тепло.

Он натянул второй ботинок и высунул голову из двери. Несколько офицеров, стоя на пороге своих комнат, строили гипотезы о возможных причинах тревоги. Натягивая на ходу куртку, поспешно прошел мимо лейтенант Бонн. Лицо его было напряженным, на нем читались беспокойство и досада.

Майлз схватил куртку и поспешил следом.

— Вам не нужна помощь, лейтенант?

Бонн оглянулся на него, поджав губы.

— Может быть, — кивнул он.

И Майлз присоединился к нему, втайне польщенный этим косвенным признанием своей небесполезности.

— В чем там дело?

— Что-то произошло в одном из хранилищ отравляющих веществ. Если это тот бункер, о котором я думаю, у нас будет чем заняться сегодня ночью.

Сквозь двойные, хранящие тепло двери офицерской казармы они вышли на обжигающий ночной холод. Снег похрустывал под ботинками, восточный ветер завивал поземку. Самые крупные звезды над их головами соревновались в яркости с освещающими базу прожекторами. Мужчины сели в скат Бонна. Учащенное дыхание вылетало изо рта клубами пара, и через секунду включился вделанный в потолок влагопоглотитель. Скат, набирая скорость, уже мчался на запад от базы.

В нескольких километрах от дальних стрельбищ горбились под снегом несколько крытых торфом холмов — бункера. У одного из них стояли несколько машин — пара скатов, один из которых принадлежал начальнику пожарной команды, и «скорая помощь». Рядом суетились люди с ручными фонарями. Бонн развернулся, припарковался рядом и вышел из ската. Майлз поспешно захромал вслед за ним по утоптанному снегу.

Врач командовал двумя санитарами, грузившими в «скорую» тело, прикрытое от обморожения металлизированной пленкой. Второй пострадавший, в рабочей форме, дрожал крупной дрожью и непрерывно кашлял, ожидая своей очереди.

— Как только прибудете на место, немедленно сложите всю одежду в дезактивационный бак, — распоряжался врач, поддерживая краешек завернувшейся пленки. — Одеяла, белье, бинты — все до последней нитки. Всем пройти полную дезактивационную обработку, прежде чем займетесь сломанной ногой. Обезболивающее поможет ему вытерпеть, а если нет, все равно: дезактивация важнее. Я скоро буду.

Врач отошел от «скорой», насвистывая себе под нос что-то похоронное.

Бонн направился к двери бункера.

— Не открывайте! — тут же в один голос вскрикнули врач и начальник пожарной команды.

— Там теперь никого нет, — добавил врач. — Все эвакуированы.

— Вы мне можете объяснить наконец, что случилось? Что там произошло? — Пытаясь рассмотреть внутренности бункера, Бонн рукой в перчатке скреб замерзшее окошко в двери.

— Двое парней перемещали бочки, чтобы освободить место для прибывающей завтра новой партии, — начал начальник пожарной охраны лейтенант Яски. — Как им это удалось, не понимаю, только они опрокинули погрузчик, причем один попал под него и сломал себе ногу.

— Да, это надо умудриться, — сказал Бонн, представив себе более чем устойчивую конструкцию погрузчика.

— Вероятно, молокососы устроили там гонки, — с раздражением вмешался врач. — Но это еще не самое скверное. При этом они опрокинули несколько бочек фитаина. И по крайней мере две из них дали течь. Эта штука теперь распространилась по всему бункеру. Мы закрыли его как можно плотнее. Впрочем, очистка, — закончил врач, — это ваша забота. Я уезжаю.

Впечатление было такое, что ему не терпится вылезти не только из одежды, но и из собственной кожи. Он махнул на прощание рукой и зашагал к скату, торопясь присоединиться к проходящим дезактивацию санитарам и их пациентам.

— Фитаин? — в изумлении воскликнул Майлз. Бонн быстро отошел от двери. Фитаин был мутагенным отравляющим веществом, задуманным как оружие устрашения и никогда, насколько было известно Майлзу, не применявшимся на практике. — Я думал, эта штука давным-давно снята с производства.

— Его действительно не производят почти четверть века, — мрачно ответил Бонн. — Насколько мне известно, наше хранилище — единственное на Барраяре. Но, черт побери, проклятые бочки не должны разрушаться, даже если их сбросить с самолета!

— Да, но им уже двадцать лет, — напомнил пожарный. — Может быть, коррозия?

— В таком случае, — отрывисто спросил Бонн, — что же делать с остальными?

— Может, фитаин разрушается при нагревании? — спросил Майлз, беспокойно оглядываясь, дабы удостовериться, что они стоят с наветренной стороны бункера. — Если мне не изменяет память, все химические соединения при нагревании разлагаются на безобидные компоненты.

— Положим, не совсем безобидные, — уточнил лейтенант Яски. — Но по крайней мере они не раскручивают ДНК в наших генах.

— Лейтенант Бонн, нет ли в хранилище еще каких-нибудь взрывчатых веществ? — спросил Майлз.

— Нет, только фитаин.

— А если швырнуть в дверь пару плазменных мин, разрушится ли фитаин до того, как расплавится крыша?

— Господь с вами! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы расплавилась крыша. Или пол. Если эта штука попадет в вечную мерзлоту... Впрочем, поставить мины на замедленное тепловыделение, да еще добавить несколько килограммов термостойкого герметика, бункер может самогерметизироваться. — Бонн пошевелил губами, что-то подсчитывая про себя. — Да, ваш план может сработать. Собственно говоря, это самый простой и надежный способ разделаться с этой ерундой. Особенно если остальные бочки начнут терять герметичность.

— Все зависит от того, куда будет дуть ветер, — заметил Яски, посмотрев в сторону базы, а затем на Майлза.

— До семи ноль-ноль завтрашнего утра ожидается легкий восточный ветер и понижение температуры, — ответил Майлз на невысказанный вопрос. — Потом он переменится на северный и усилится. Условия, благоприятные для начала ва-ва, установятся вечером, около восемнадцати ноль-ноль.

— Тогда лучше осуществить задуманное сегодня, — сказал Яски.

— Идет, — решительно сказал Бонн. — Соберите свою команду, а я свою. Потом найду план бункера и рассчитаю необходимую скорость выделения тепла. Через час увидимся с вами и начальником артиллерии в административном корпусе.

Чтобы никто не подходил к бункеру, Бонн поставил на пост сержанта из пожарной команды. Незавидное задание, но в данной ситуации неизбежное. К тому же ближе к ночи, когда похолодает, часовой сможет укрыться в своем скате. Майлз вместе с Бонном поехал в административный корпус — еще раз проверить правильность своих прогнозов.

Введя в метеокомпьютер свежие данные, чтобы снабдить Бонна наиболее достоверным прогнозом направления ветра на следующие барраярские сутки (продолжительностью 26,7 часа), Майлз увидел в окно, как оба — и Бонн, и Яски — торопливо шагают куда-то в темноту. Может, решили встретиться с начальником артиллерии где-нибудь в другом месте? Майлз подумал было догнать их, но, поскольку новый прогноз мало чем отличался от старого, какой в этом смысл? Для чего ему присутствовать при сжигании ядовитой свалки? Конечно, это могло быть интересным и даже полезным зрелищем, но делать там ему решительно нечего. А будучи единственным ребенком в семье (и возможно, будущим отцом будущего графа Форкосигана), он даже и не вправе подвергать себя риску мутагенного отравления. Если ветер не переменится, непосредственной опасности для базы нет. А что если за всеми его рассуждениями скрывается элементарная трусость? Хотя, говорят, осторожность — великая добродетель.

Окончательно проснувшийся и слишком взбудораженный, чтобы думать о сне, Майлз нервно расхаживал по

метеоцентру, вызывая файлы с данными, которые не успел просмотреть утром из-за необходимости устранить неисправность. Через час он сделал все, что отдаленно напоминало работу, и, когда поймал себя на том, что в десятый раз стирает пыль с оборудования и стеллажей, понял, что пора возвращаться в постель, не важно, удастся заснуть или нет. Но тут его внимание привлек мелькнувший за окном луч света от подъехавшего ската.

А, Бонн и Яски вернулись. Уже? Быстро же они управились. Или еще не начинали? Майлз оторвал лист пластика с распечаткой свежего прогноза направления ветра и заторопился вниз, на первый этаж, где в конце коридора располагался инженерный отдел базы.

В кабинете Бонна было темно. Но из двери командующего базы падал свет. Свет и звуки сердитых голосов. Сжимая в руках распечатку, Майлз подошел ближе.

Дверь в кабинет была распахнута настежь. Метцов сидел за своим столом: одна рука, сжатая в кулак, — на полированной поверхности. Перед ним, вытянувшись, стояли Бонн и Яски. Чтобы дать знать о себе, Майлз похрустел пластиковой распечаткой.

Яски обернулся на звук и увидел Майлза.

— Пошлите Форкосигана, — не своим голосом, быстро и напористо заявил он вдруг Метцову. — Он и без того мутант.

Майлз, поздоровавшись со всеми, спокойно заметил:

— Извините, сэр, это не совсем так. Мое предыдущее знакомство с отравляющими веществами сделало меня уродом, но и только. Мои дети должны быть здоровыми, как у любого другого... Куда же вы предлагаете послать меня, сэр?

Метцов искоса взглянул на Майлза, явно не обратив внимания на дикое предложение Яски.

— Разумеется, они должны надеть защитные костюмы, — раздраженно продолжал он, обращаясь к Бонну. — Я еще не сошел с ума, чтобы отправлять туда их чуть не нагишом.

— Я понимаю, сэр. Но люди отказываются входить в бункер даже в противорадиационных костюмах, — чрезвычайно сухо и спокойно ответил Бонн. — И я не могу винить их за это. По моему мнению, обыкновенные предосторож-

ности не годятся, когда имеешь дело с фитаином. Благодаря своему молекулярному весу это вещество обладает феноменальной проникающей способностью. Проникает даже сквозь импрегнированную ткань.

— Что? Не можете винить своих подчиненных, отказывающихся повиноваться? — переспросил Метцов. — Лейтенант, вы отдали приказ. Во всяком случае, должны были отдать. Надеюсь, вам не надо объяснять, что такое приказ? И что ждет тех, кто не понимает этого?

— Я отдал приказ, сэр, однако...

— Однако дали почувствовать свою неуверенность. Свою слабость. Черт побери, приказы отдают, а не рассусоливают вокруг да около.

— И все-таки не понимаю: почему именно мы должны спасать эту штуку? — уныло произнес Яски.

— Хватит об этом, — отрезал Метцов. — Таков приказ. Тот, кто требует повиновения от других, должен уметь подчиняться беспрекословно.

«Как, не понимая, о чем речь? Слепо?»

— У ученых, несомненно, есть рецепт, — невинно вставил Майлз. — Они могут намешать еще, если будет нужно. Свеженького.

— Помолчите, Форкосиган! — прорычал Бонн, даже не взглянув на него, но Метцов соизволил обратить на него внимание:

— Еще один образчик вашего юмора, младший лейтенант, и можете отправляться на гауптвахту.

Майлз захлопнул рот и выдавил из себя натянутую улыбку. Главное — субординация. Помни о «Принце Зерге». Пусть Метцов подавится своим фитаином. На здоровье.

— Вы когда-нибудь слышали о прекрасном старом обычае расстреливать трусов, не подчиняющихся приказам, лейтенант? — продолжил Метцов, глядя Бонну в глаза.

— Я... Не думаю, что смогу угрожать этим, сэр, — твердо ответил Бонн.

«И кроме того, мы же не на войне, — подумал Майлз. — Или нет?»

— Технари! — с отвращением произнес Метцов. — Я не сказал — угрожать, я сказал — расстрелять. Расстреляйте одного, остальные станут в строй как миленькие.

Майлз подумал, что юмор Метцова еще подозрительнее, чем его собственный. Или генерал выражается фигурально?

— Сэр, фитаин — очень сильный мутаген, — устало произнес Бонн. — Я совсем не уверен, что остальные встанут в строй, чем бы ни грозило обратное. Кроме того, наш разговор зашел слишком далеко. Я, наверное, зарвался.

— Похоже на то. — Метцов холодно посмотрел на него, затем перевел взгляд на Яски, который судорожно сглотнул и, выпрямившись, всем видом показывал, что не уступит.

Майлзу хотелось провалиться сквозь землю.

— Если уж вы претендуете на то, чтобы командовать людьми, придется мне, военному, поучить вас, технарей, как это делается, — решил Метцов. — Сейчас вы оба пойдете и через двадцать минут построите своих людей возле административного корпуса. Мы устроим небольшой старомодный урок дисциплины.

— Но вы же не собираетесь на самом деле расстреливать? — беспокойно спросил Яски.

Метцов угрюмо усмехнулся:

— Не думаю, что дойдет до этого. — Он обратился к Майлзу: — Какая сейчас погода, младший лейтенант?

— Пять градусов мороза, сэр, — отчеканил Майлз. Он твердо решил открывать рот только тогда, когда к нему обратятся.

— А ветер?

— Восточный, два с половиной метра в секунду.

— Превосходно. — Глаза Метцова по-волчьи сверкнули. — Вы свободны, джентльмены. Посмотрим, как вы исполните приказ на сей раз.

Генерал Метцов в теплой куртке и перчатках стоял возле пустого флагштока перед административным корпусом и смотрел на тускло освещенную дорогу. Что он там высматривает? Майлз очень хотел бы знать это. Время приближалось к полуночи. Яски и Бонн вместе со своими людьми стояли ровной безмолвной шеренгой — полтора десятка человек в обогреваемых комбинезонах и куртках.

Майлз снова поежился, не только от холода. Иссеченное шрамами лицо Метцова выглядело усталым и ужасно

старым. Генерал напомнил Майлзу деда, когда тот был уже плох. Граф Петер, старый генерал, казался порой живой окаменелостью. Старомодные уроки дисциплины, о которых упоминал Метцов, были вполне во вкусе деда: они подразумевали применение резиновых шлангов со свинцом внутри. Хотя кто знает, чем лакомилось воображение Метцова в военной истории Барраяра.

На губах Метцова появилась нехорошая усмешка, и он повернул голову к дороге, по которой кто-то двигался. Затем подозрительно сердечным тоном обратился к Майлзу:

— Вы знаете, младший лейтенант, в чем был смысл тщательно насаждаемого соперничества между родами войск, существовавшего на старушке Земле? В случае мятежа всегда можно было уговорить пехоту стрелять в моряков и наоборот.

— Мятеж? — воскликнул Майлз, забыв о своем решении говорить только тогда, когда его спросят. Ему казалось, что он ослышался. — Я думал, речь идет совсем о другом — о страхе отравиться.

— Так было сначала. Теперь, из-за нелепого поведения Бонна, вопрос перешел в новую плоскость. — На щеке Метцова дернулся мускул. — Когда-то это должно было случиться в новой армии — мягкотелой армии. Повиновение командиру — это вопрос принципа!

Типичная для старой армии трепотня о принципах. Ох уж эти старые пердуны!

— Принципа, сэр? Какого? Это же просто уничтожение отходов. — Майлз почувствовал, что задыхается.

— Это массовый отказ подчиниться прямому приказу, младший лейтенант. Любой заштатный адвокатишка квалифицирует случившееся как бунт. К счастью, его легко искоренить; надо только поторопиться, пока бунтовщики малочисленны и неорганизованны.

По дороге маршировал взвод новобранцев в белых зимних маскировочных халатах под командой сержанта с базы — ветерана, служившего под началом Метцова еще во времена Комаррского мятежа и переведенного сюда вместе с командиром.

Новобранцы, как с ужасом убедился Майлз, были вооружены смертоносными нейробластерами, которые никоим образом не должны были попасть в их руки. И Майлз

почти физически чувствовал их нервное возбуждение: даже они, эти зеленые ребята, понимали, с чем имеют дело.

Сержант между тем расставил новобранцев вокруг онемевшей команды Бонна и пролаял приказ. Они взяли оружие на изготовку, нацелив серебристые параболоиды, поблескивающие в свете окон административного корпуса, в головы техников. Лицо Бонна стало белым, как у привидения.

— Раздеться, — сквозь зубы приказал Метцов.

Люди не верили своим ушам. В колонне возникло замешательство, только один или двое поняли приказ и начали раздеваться. Остальные, обмениваясь недоумевающими взглядами, с запозданием последовали их примеру.

— Когда вы снова будете в состоянии подчиняться, — отчетливо и громко выговорил Метцов, — можете одеваться и приступать к работе. Выбор за вами. — Он отошел назад, кивнул сержанту и занял прежнюю позицию у флагштока. — Это немного охладит их, — пробормотал он так тихо, что Майлз с трудом расслышал его.

Метцов, казалось, был уверен, что проведет здесь не более пяти минут; весь его вид свидетельствовал, что мысленно он уже в теплой комнате и наслаждается чем-нибудь горячительным.

Майлз заметил среди техников Олни и Паттаса. Были там и другие, досаждавшие ему не меньше, особенно поначалу. Кое-кого Майлз просто встречал, а кое с кем перемолвился парой фраз, когда вел свое, личное расследование биографии утонувшего рядового. Иные лица были ему вовсе не знакомы. Пятнадцать обнаженных людей била дрожь, поземка заметала их голые ноги. На пятнадцати изумленных, перепутанных лицах проступало выражение обреченности, ужаснувшее Майлза. Взгляды не отрывались от наставленных на них бластеров. Сдавайтесь, безмолвно убеждал он их. Игра не стоит свеч. Но на кого бы он ни взглянул, в глазах были решимость и отчаяние.

Будь он проклят, этот умник, изобретший фитаин! Яски, стоявший позади своих людей, окаменел. Но Бонн медленно начал разуваться.

«Нет, нет, не надо! — мысленно закричал ему Майлз. — Если ты встанешь с ними, они не сдадутся. Уверятся в том, что правы. Не делай этого, ты даже не представляешь, ка-

кая это страшная ошибка...» Бойн сбросил остатки одежды в кучу, вышел вперед, встал в строй, повернул голову и встретился взглядом с Метцовым. Глаза генерала вспыхнули ледяным огнем.

— Значит, — прошипел он, — ты сам признаешь себя виновным. Ну что ж, замерзай!

Как быстро и как плохо все обернулось. Самое время припомнить какое-нибудь неотложное дело в метеоцентре и убраться отсюда к чертовой матери. Если б только эти дрожащие, околевающие от холода самоубийцы покорились, ночь окончилась бы для него без очередного прокола!

Взгляд Метцова упал на Майлза:

— Форкосиган, можете взять оружие и принести хоть какую-нибудь пользу. Либо считайте себя свободным.

Он вправе уйти. Вправе ли? Когда он еще пару минут простоял, не двинувшись с места, к нему подошел сержант и вложил в руки нейробластер. Майлз безучастно принял его. Пытаясь собраться с мыслями (разве можно назвать мыслями ужас), он, прежде чем поднять парализатор, убедился: оружие не снято с предохранителя.

«Это уже не мятеж. Бойня».

Один из новобранцев нервно хихикнул. Что им приказали? И что они об этом думают? Эти восемнадцати-девятнадцатилетние парни — понимают ли они, что такое преступный приказ? И если да, знают ли, что предпринять в таком случае?

А он сам?

Все дело в том, что ситуация была сомнительной. Не укладывалась в схему. Майлз знал о преступных приказах. Каждый окончивший академию знал о них. В конце первого полугодия в академию прибывал его отец собственной персоной и устраивал для старшего курса однодневный семинар на эту тему. Во времена своего регентства он лично императорским указом обязал выпускников разбираться в существе проблемы. Уметь дать точное юридическое определение преступного приказа, знать, когда и каким образом можно не подчиниться ему. Все это иллюстрировалось видеофильмом, включающим примеры верного и неверного поведения. Примеры брались из истории, и даже новейшей — рассматривались, например, гибельные политические последствия Солстайской бойни (командующим тогда

был сам адмирал). Во время показа этих кадров один-два кадета неизменно покидали аудиторию, дабы освободиться от содержимого своих желудков.

Преподаватели академии ненавидели День Форкосигана, поскольку привычное течение занятий прерывалось и курсанты не могли войти в норму несколько недель. Собственно говоря, адмирал Форкосиган не читал свою лекцию в конце года именно поэтому — каждый раз приходилось уговаривать самых впечатлительных не бросать академию перед выпускными экзаменами. Майлз знал, что лекцию отца слушали только кадеты, хотя адмирал полагал нелишним записать ее на головид и включить в основной курс армейской подготовки. Некоторые места этого семинара были откровением даже для Майлза.

Но сейчас... Если бы подчиненные Бонна были гражданскими лицами, Метцов был бы не прав на сто процентов. Но если бы подобное случилось во время войны, перед лицом вражеской угрозы, Метцов просто не мог вести себя иначе. Теперешняя ситуация была промежуточной. Солдаты проявили неповиновение, но пассивное. Никакого врага нет и в помине. Ничто не угрожало персоналу базы (если не считать угрозы их здоровью и даже, может быть, жизни). Хотя, если ветер переменится и ситуация окажется иной... «Я не готов к этому, еще не готов, не так скоро. Моя карьера...» Майлза охватило что-то вроде приступа клаустрофобии — как человека, застрявшего в лифте. Бластер подрагивал в его руках. Поверх параболического отражателя он видел стоявшего молча Бонна. Уши, пальцы и ноги раздетых людей побелели. Один согнулся в три погибели, превратившись в дрожащий клубок, но не подавал знака, что сдается. Не почудилась ли в позе Метцова легкая тень сомнения?

На мгновение у Майлза промелькнула сумасшедшая мысль снять оружие с предохранителя и выстрелить в этого параноика. А что потом? Стрелять в новобранцев? Он не успеет перестрелять всех. Чей-то луч достанет его в ту же минуту.

«Вероятно, я здесь единственный, кто уже убивал, не важно, в бою или нет. Метцов и сержант, разумеется, не в счет. Новобранцы могут начать стрелять по невежеству или из любопытства. Они слишком мало знают, чтобы

ослушаться безумца. Не знают они и самого печального — то, что произойдет в следующие полчаса, останется в их памяти до конца жизни.

Что я могу — сейчас, в данную минуту? Только подчиниться приказу. Единственно разумная вещь в повальном безумии, творящемся прямо на глазах. Каждый следующий командир, под чьим началом придется служить еще годы и годы, будет требовать одного — чтобы его приказы выполнялись как можно точнее. Ты думаешь, что после этого сможешь наслаждаться службой на корабле, младший лейтенант Форкосиган? А как насчет компании околевших от холода призраков? Что ж, по крайней мере я не буду одинок...»

Все еще с бластером в руках, Майлз отступил на несколько шагов назад, выпав из поля зрения новобранцев и Метцова. Горячие слезы обожгли ему веки.

Он сел на землю. Снял перчатки, расшнуровал ботинки. На землю упала куртка, потом брюки. Поверх легло зимнее белье с обогревом, а на самом верху аккуратно пристроился нейробластер. Майлз вышел вперед. Стержни, поддерживающие ноги, казались ледяными.

«Ненавижу пассивное сопротивление. Как я его ненавижу».

— Что вы, черт возьми, делаете, младший лейтенант?! — рявкнул Метцов, когда Майлз прохромал мимо него.

— Хочу прекратить это, сэр, — спокойно ответил Майлз.

Даже сейчас некоторые из техников отодвинулись от него, словно физические недостатки были заразными. Однако Паттас не сделал этого. Бонн тоже.

— Бонн уже попытался валять дурака. Думаю, сейчас он жалеет об этом. А у вас это тем более не пройдет, Форкосиган. — Голос Метцова дрожал, почти прерывался — не от холода, разумеется.

«Ты должен был сказать „младший лейтенант". Значит ли что-нибудь фамилия?» Майлз увидел, как по рядам новобранцев прошла волна беспокойства. Да, у Бонна не получилось. Он, младший лейтенант Форкосиган, был здесь единственным, чье личное вмешательство могло переломить ситуацию. Все зависит от того, насколько далеко зашел потерявший от бешенства рассудок Метцов.

Майлз обращался прямо к нему и к новобранцам:

— Не исключено, хотя и маловероятно, что Служба безопасности не станет расследовать обстоятельства гибели лейтенанта Бонна и его людей, если вы пошлете лживый рапорт и сошлетесь на некий несчастный случай. Но гарантирую вам: обстоятельства *моей* смерти расследовать будут.

На губах Метцова появилась странная улыбка:

— А если не останется свидетелей?

Сержант Метцова держался столь же непреклонно, как и его командир. Майлз вспомнил Ана — пьяницу Ана, молчуна Ана. Какие сцены наблюдал он на Комарре? И если был свидетелем, почему ему сохранили жизнь? В благодарность за что, за какое предательство?

— Из-з-звините, сэр, но передо мной по крайней мере десять свидетелей с нейробластерами.

Серебряные параболоиды с места, где стоял Майлз, казались огромными, как тарелки. Смена точки наблюдения сильно изменила его мнение о ситуации. Она больше не казалась сомнительной. Все ясно.

— Или вы собираетесь уничтожить свою расстрельную команду и застрелиться? Служба безопасности подвергнет допросу всех возможных свидетелей. Вы не можете заставить меня замолчать. Живой или мертвый, своими устами или вашими — может, даже их устами, — но я дам показания. — Майлза трясло от холода. Удивительно, как при этой температуре чувствуется даже легкий восточный ветер. Чтобы его дрожь не приняли за что-то иное (у него действительно трясутся поджилки, да только не от страха), Майлз изо всех сил старался говорить членораздельно.

— А вдруг вы... э-э... позволите себе замерзнуть, младший лейтенант? — Тяжелый сарказм Метцова подействовал на Майлза.

Этот человек все еще думает, что правда на его стороне. Он ненормален.

Голые ноги Майлза больше не чувствовали холода. На ресницах застыл иней. Кожа покрылась сине-фиолетовыми пятнами. Майлз быстро догонял остальных благодаря маленькой массе тела.

Над занесенной снегом базой нависла мертвая тишина. Майлзу казалось, он слышит падение снежинок, стук зубов замерзающих людей, частое дыхание новобранцев. Время остановилось.

Попробовать пригрозить Метцову? Разбить его невозмутимость — намекнуть на Комарру, на то, что правда о его опале выйдет наружу?.. Или обнародовать звание отца и его положение?.. Черт побери, каким бы сумасшедшим ни был Метцов, должен же он понимать, что зашел слишком далеко. Его «старомодный» урок дисциплины сорвался, и теперь этот полоумный упорствует, готовый защищать свой авторитет до конца. Как же сказал Ан на прощание? «Он может быть весьма опасен. Никогда не угрожайте ему...» За всеми этими садистскими штучками трудно заметить страх. Но он сидит в Метцове где-то там, в глубине... И если нельзя надавить на него, может быть, стоит попробовать потянуть с другого конца?..

— Но подумайте, сэр, — Майлз старался, чтобы голос его звучал как можно убедительнее, — чего вы достигнете, прекратив все это. Во-первых, у вас теперь все доказательства факта мятежа и даже... э-э... заговора. Вы можете арестовать и посадить всех на гауптвахту. Тем самым вы приобретаете все, ничего не потеряв. Я, например, расстаюсь с мечтой о карьере, получаю позорную отставку, может быть, тюремную камеру. Вам не кажется, что смерть гораздо почетнее? Остальным за вас займется Служба безопасности, и вы только выиграете от этого.

Слова Майлза зацепили Метцова — сузившиеся стальные глаза вспыхнули, прямая шея служаки качнулась влево. Теперь дать ему заглотить наживку и ни в коем случае не дергать леску...

Метцов подошел совсем близко, нависая над тщедушным Форкосиганом, как каменная глыба, окутанная облачком пара. Понизив голос, он произнес:

— Типичный ответ Форкосигана. Твой мягкотелый папаша либеральничал с комаррскими подонками, и это обошлось нам недешево. Военный трибунал для адмиральского сыночка — как ты полагаешь, собьет это спесь с одного бездарного лицемера, а?

Майлз сглотнул ледяную слюну. Кто не знаком с собственной историей, вспомнилось ему, тот обречен постоянно натыкаться на нее. К сожалению, тот, кто знаком, — тоже.

— Сожгите этот чертов пролившийся фитаин, — хрипло прошептал он, — а там будет видно.

— Все арестованы, — неожиданно громко объявил распрямившийся Метцов. — Одевайтесь!

От нахлынувшего облегчения люди опешили. Потом, нервно поглядывая на бластеры, бросились к одежде, поспешно натягивая ее непослушными, одеревеневшими на морозе руками. Но Майлз уже минуту назад понял, что все позади. И вспомнил слова отца: «Оружие — просто инструмент, заставляющий врага изменить свою точку зрения. Полем битвы являются умы, все остальное — бутафория».

Как оказалось, лейтенант Яски в момент отвлекшего внимание всех присутствующих появления на сцене раздетого Майлза незаметно ускользнул в административный корпус. В результате на месте происшествия оказались командир курсантов, врач базы и заместитель Метцова — в надежде хоть как-то разрядить обстановку. Но к этому времени Майлз, Бонн и техники, уже одевшиеся, спотыкаясь, брели под дулами нейробластеров к бункеру гаупт-вахты.

— Надо ли говорить, как я благодарен вам? — стуча зубами, прошептал Бонн.

Они напоминали старых паралитиков: Бонн облокачивался на Майлза, Майлз висел на Бонне — и так странная пара хромала по дороге, не чувствуя под собой ног.

— Он собирается сжечь фитаин до того, как ветер переменится. Никто не умрет. Никто не станет мутантом. Мы выиграли, кажется. — С онемевших губ Майлза сорвался нелепый смешок.

— Не думал я, — произнес Бонн, тяжело дыша, — что бывают большие безумцы, чем Метцов.

— Я шел по вашей дорожке, — возразил Майлз, — только у меня получилось. Как будто получилось. Завтра все будет выглядеть по-другому.

— Да. Хуже, — угрюмым тоном предсказал Бонн.

При звуке открывающейся двери Майлз подскочил на койке. Это привели в камеру Бонна.

Майлз потер ладонями небритое лицо:

— Который час, лейтенант?

— Светает. — Бонн — бледный, небритый — выглядел именно таким преступным типом, каким ощущал себя сам

Майлз. С болезненным стоном он опустился на жесткое тюремное ложе.

— Что там творится?

— Всюду шныряет армейская Служба безопасности. Прислали капитана, только что прибыл. По-моему, он и занимается делом. Метцов, я думаю, уже напел ему. Пока что они снимают показания.

— А как с фитаином? Управились?

— Угу. — У Бонна вырвался угрюмый смешок. — Только что заставили меня проверить все и расписаться за работу. Из бункера получилась отличная печь, так что все в порядке.

— Младший лейтенант Форкосиган! — объявил охранник, конвоировавший Бонна. — Следуйте за мной.

Майлз с трудом встал на ноги и захромал к двери камеры.

— Увидимся, лейтенант!

— Без сомнения. Если встретите кого-нибудь с подносом, почему бы вам не использовать свое политическое влияние и не послать его ко мне, а? Время завтракать.

Майлз слабо улыбнулся:

— Постараюсь!

Вслед за охранником он прошел по короткому коридору. Гауптвахту базы Лажковского вряд ли можно было назвать крепостью. Она напоминала скорее казарму, двери которой запирались только снаружи, да еще отсутствовали окна. Здешний климат был лучшим сторожем, чем любая охрана, не говоря уже об опоясывающем остров рве необъятной ширины, заполненном ледяной водой.

В это утро офис Службы безопасности базы выглядел по-деловому. Возле дверей стояли двое угрюмых незнакомцев, лейтенант и могучего телосложения сержант. На их щегольских униформах виднелся глаз Гора — эмблема Имперской службы безопасности. Имперской, не армейской! Службы, охранявшей семью Майлза все годы активной политической жизни его отца. Майлз испытывал к ним почти родственную нежность.

Секретарь, на столе которого светился и мигал экран, казалось, нервничал.

— Младший лейтенант Форкосиган, сэр, мне нужно, чтобы вы оставили здесь отпечаток ладони.

— Конечно. Что я подписываю?

— Проездные документы, сэр.

— Что? — Майлз помедлил, потом поднял руки в пластиковых перчатках.

— Какая рука лучше?

— Мне кажется, правая больше подойдет, сэр.

Неуклюжей левой рукой Майлз с трудом стянул правую перчатку. Кожа блестела от мази, как глянцевая. Руки опухли, были покрыты красными пятнами и вообще выглядели неважно, но лекарство делало свое дело: пальцы уже сгибались. Майлзу пришлось трижды прикладывать руку к идентификационной пластине, прежде чем компьютер опознал его.

— Теперь вы, сэр, — кивнул клерк лейтенанту Имперской службы безопасности.

Тот приложил руку к пластине, и компьютер удовлетворенно загудел. Офицер отнял руку, подозрительно осмотрел блестящий липкий налет — след мази от обморожения — и украдкой вытер ее о брюки. Клерк поспешно прошелся по пластине рукавом форменного кителя и нажал кнопку интеркома.

— Рад видеть вас, ребята, — обратился Майлз к офицеру. — Жаль, вас здесь вчера не было.

Лейтенант в ответ не улыбнулся.

— Я всего лишь посыльный, сэр. И не уполномочен обсуждать с вами инцидент.

Из своего кабинета вынырнул генерал Метцов, одной рукой держа стопку пластиковых листков, а другой придерживая за локоть капитана армейской безопасности, который хмуро кивнул коллеге из Имперской службы безопасности.

Генерал улыбался прямо-таки по-приятельски:

— Доброе утро, младший лейтенант Форкосиган. — Он без всякого страха смотрел на людей из Имперской службы безопасности. «Черт побери, да при виде их этот убийца должен трястись от страха!» — В нашем деле оказалась тонкость, которую я не принял в расчет. Если лорд-фор принимает участие в военном мятеже, ему автоматически предъявляется обвинение в государственной измене.

— Что?! — Комок в горле заставил Майлза замолчать, но через минуту его голос снова зазвучал нормально. — Лейтенант, надо ли понимать это как арест? Неужели я арестован Имперской службой безопасности?

Лейтенант молча вытащил наручники и подошел, чтобы пристегнуть руку Майлза к руке сержанта-великана. На значке сержанта было написано «Оверман». Да уж, действительно сверхчеловек. Этому Оверману достаточно поднять руку, чтобы раздавить его, как котенка.

— Вы находитесь под арестом до окончания следствия, — четко произнес офицер.

— На какой срок?

— Срок еще не определен.

Лейтенант направился к двери, сержант и — волей-неволей Майлз — вслед за ним.

— Куда мы? — шепотом спросил он у провожатого.

— В штаб-квартиру Имперской службы безопасности.

В Форбарр-Султан!

— Мне нужно собрать вещи...

— Ваши вещи собраны.

— Вернусь ли я обратно?

— Не знаю.

К тому времени, когда скат доставил их на посадочную площадку, закат разукрасил лагерь «Вечная мерзлота» в серо-желтые тона. Суборбитальный курьерский корабль Имперской службы безопасности на обледенелом бетоне площадки выглядел, как хищная птица в голубятне. Черного цвета, обтекаемой формы и безжалостно-эффектный на вид, он, казалось, был способен, тронувшись с места, сразу же преодолеть звуковой барьер. Пилот был наготове, двигатели работали.

Майлз неуклюже взобрался по трапу вслед за сержантом; холодный металл наручников резал руку. Мелкие кристаллики льда плясали над землей, вздымаемые северо-восточным ветром. По тому, как холодный воздух покалывал носовые пазухи, Майлз решил, что к утру температура стабилизируется. Неужели он покидает базу? Бог ты мой, ему уже давно надо было убраться отсюда!

Майлз в последний раз вдохнул обжигающий воздух. Дверь корабля с шипением закрылась. Внутри стояла ватная тишина, даже звук моторов тонул в ней.

Но, по крайней мере, здесь было тепло.

Осень в Форбарр-Султане считалась лучшим временем года, и сегодняшний день не был исключением. Небо

было чистым и пронзительно-голубым, воздух — свежим и прохладным; даже обычная промышленная гарь казалась здесь каким-то тропическим ароматом. Осенние цветы еще не отцвели, но листва на деревьях земного происхождения уже пожелтела. Когда Майлза без излишних церемоний вывели из служебного фургона и повели к черным воротам гигантского прямоугольного здания, где располагалась штаб-квартира Имперской службы безопасности, он заметил одно такое дерево. Высокий клен с листвой цвета сердолика и серебристо-серым стволом стоял на другой стороне улицы. Даже когда черные ворота закрылись за ним, Майлз видел перед собой чудесное дерево совершенно отчетливо — его нельзя забывать, потому что всякое может случиться, прежде чем он снова увидит деревья и небо.

Лейтенант предъявил пропуск. Охрана у дверей молча пропустила их, и по лабиринту коридоров Майлз с сопровождающим дошли до двух лифтовых шахт. Лифт двинулся вверх. Значит, его ведут не в сверхнадежный тюремный блок, находящийся под зданием. Сердце Майлза сжалось: он с тоскливым сожалением подумал о лифте, ведущем вниз.

Арестованного провели в офис, расположенный на одном из верхних этажей. Миновав сидевшего в приемной капитана, конвоиры ввели Майлза прямо в кабинет. Из-за огромного стола с коммуникационным пультом на них взглянул хрупкий, спокойный человек в гражданской одежде. Перед ним горел экран видео.

— Благодарю вас. Можете быть свободны, — негромко обратился он к сопровождающим Майлза.

Оверман щелкнул замком, освобождая Майлза от своего запястья, а лейтенант спросил с тревогой:

— Не опасно ли это, сэр?

— Думаю, нет, — сухо ответил человек.

«Слушайте, а как же я?» — воскликнул про себя Майлз. Но те двое закрыли за собой дверь, оставив его на полу, — в буквальном смысле слова. Немытый, небритый, в грязной черной униформе, которую он впопыхах накинул на себя (неужели вчера вечером?), с обмороженным лицом и с распухшими руками и ногами — нечего сказать, хороша картинка. Все еще заключенные в пластиковые футляры, его

пятки скользили по липкой мази. От перевозбуждения Майлз чувствовал себя больным, двухчасовой перелет нисколько не освежил его. Горло горело, нос был заложен, даже дышать было больно.

Саймон Иллиан, глава Имперской службы безопасности Барраяра, скрестил руки на груди и медленно осмотрел Майлза сверху донизу. У Майлза немедленно появилось чувство, что он здесь уже не в первый раз.

Почти каждого на Барраяре пугало имя этого человека, хотя мало кто знал его в лицо. Подобной репутацией, старательно поддерживаемой самим Иллианом, он был частично (но только частично) обязан своему знаменитому предшественнику, легендарному капитану Негри. Иллиан и его организация обеспечивали безопасность отца Майлза в течение всех двадцати лет его политической карьеры и ошиблись лишь один раз. Единственным человеком, которого побаивался Иллиан, была мать Майлза. Он спросил как-то у отца, не вызвано ли это чувством вины за последствия солтоксиновой диверсии, но граф Форкосиган ответил, что Иллиан с самой первой встречи с графиней Форкосиган, тогда Корделией Нейсмит, испытывал нечто вроде страха или, скорее, боязливого почтения. Мальчиком Майлз звал Иллиана «дядя Саймон», а после того как поступил на службу — «сэр».

Сейчас, вглядываясь в лицо всемогущего шефа безопасности, Майлз подумал, что начинает понимать разницу между простым гневом и бешенством.

Иллиан, завершая свой осмотр, покачал головой и простонал:

— Замечательно. Просто замечательно.

Майлз откашлялся.

— Скажите... я действительно арестован, сэр?

— Это будет зависеть от нашей беседы. — Иллиан удобнее откинулся в кресле. — По случаю твоей выходки я на ногах с двух ночи. Слухи распространяются по Службе со скоростью их передачи по видеосети. Факты мутируют каждые сорок минут, как бактерии. Конечно, каждый сходит с ума по-своему, но неужели нельзя было придумать менее откровенный способ самоубийства? Это все равно что прилюдно пырнуть церемониальным ножом императора на параде в честь его дня рождения. Или изнасиловать

овцу на главной площади. В час пик. — Сарказм сменился неподдельной болью. — А он возлагал на тебя такие надежды. Как ты мог?!

Спрашивать, кого Иллиан имеет в виду, не было необходимости. Конечно, того самого Форкосигана.

На коммуникационном пульте Иллиана замигал огонек. Он вздохнул, быстро взглянул на Майлза и нажал кнопку. Справа от стола, бесшумно скользнув в сторону, открылась потайная дверь, и в комнату вошли двое в зеленой форме.

На премьер-министре, адмирале, графе Эйреле Форкосигане форма смотрелась так же естественно, как шкура на животном. Ростом он был не выше среднего, коренаст, седовлас, с мощной челюстью, весь и прямах — наружность головореза, но с самыми проницательными серыми глазами из всех, которые Майлз когда-либо видел. Его сопровождал адъютант, лейтенант Джоул. Майлз встречался с ним, когда в последний раз приезжал домой. Это был отважный и неглупый человек. Раньше он служил в космосе, был награжден за храбрость и сообразительность во время ликвидации тяжелой аварии на борту корабля, где получил ожоги. После лечения Джоула перевели в Генштаб, где он быстро занял место секретаря по военным делам у премьер-министра — Форкосиган славился нюхом на таланты. Он так потрясающе выглядел, этот высокий блондин, что его следовало снимать в рекламных видео. Каждый раз при виде Джоула у Майлза вырывался безнадежный вздох. Как можно быть таким совершенством! Айвен при всей его неотразимости хоть умом не отличался.

— Благодарю вас, Джоул, — жадно оглядывая Майлза, пробормотал граф Форкосиган. — Увидимся в офисе.

— Слушаюсь, сэр. — Адъютант неслышно скользнул в дверной проем, тревожно взглянув на Майлза и на своего начальника.

Дверь, зашипев, встала на свое место.

Иллиан выпрямился у пульта.

— Вы здесь официально? — спросил он графа.

— Нет.

Иллиан что-то отключил — записывающее устройство, понял Майлз.

— Отлично, — сказал он, хотя в его тоне слышались нотки сомнения.

Майлз отдал отцу честь. Тот молча обнял сына, а потом сел в единственное, не считая хозяйского, кресло, скрестил руки и ноги и распорядился:

— Продолжайте, Саймон.

Иллиан, которого прервали в разгар головомойки, разочарованно пожевал губами.

— Хватит о слухах, — сказал он Майлзу. — Что на самом деле произошло на этом чертовом острове?

В самой нейтральной и сжатой форме, которую он мог придумать, Майлз описал события предыдущей ночи, начиная с утечки фитаина и заканчивая своим арестом, или задержанием, или чем там еще. За все время его рассказа отец не произнес ни слова. Он вертел в руках световое перо, время от времени похлопывая им по колену.

Когда Майлз закончил, воцарилось молчание. Эти манипуляции со световым пером раздражали Майлза безумно. Ему хотелось, чтобы отец выбросил эту штуку куда подальше.

К его облегчению, граф засунул перо обратно в нагрудный карман, откинулся на спинку кресла и, сцепив пальцы, нахмурился.

— Давай разберемся. Ты сказал, что Метцов в нарушение устава использовал новобранцев в качестве расстрельной команды? Так?

— Да. Десять человек. Не знаю, правда, были ли они добровольцами.

— Новобранцев. — Лицо графа Форкосигана потемнело. — Мальчиков.

— Он нес какую-то ерунду, что это похоже на противостояние армии и флота, как когда-то на Старой Земле.

— Вот как? — хмыкнул Иллиан.

— Не думаю, что Метцов был вполне нормален, когда его отправили на остров Кайрил после случившегося во время Комаррского мятежа. И пятнадцать лет размышлений об этом не улучшили его настроения, отнюдь. — Майлз помедлил. — Сэр... ответит ли Метцов за свои действия?

— Если верить тебе, — отозвался Форкосиган, — генерал Метцов вовлек взвод восемнадцатилетних парней в то,

что едва не превратилось в массовое убийство под пытками.

С этим Майлз был согласен на все сто процентов. Его тело болело и ныло до сих пор.

— Вряд ли ему удастся найти достаточно глухую дыру, чтобы спрятаться там. О Метцове позаботятся, не волнуйся. — Вид у графа был внушительным, почти зловещим.

— А что делать с Майлзом и остальными мятежниками? — спросил Иллиан, помедлив.

— Боюсь, придется рассматривать это дело отдельно.

— Итак, два отдельных дела, — подытожил Иллиан.

— Пожалуй. Послушай, Майлз, что ты скажешь о тех, кому угрожали расстрелом?

— В основном они техники, сэр. Грекоговорящие. Там, на острове, их целая компания.

Иллиан вздрогнул.

— Бог мой, неужели этот идиот вообще не имеет понятия о политике?

— Насколько я понял, нет.

Майлз и сам задумался об этом аспекте проблемы лишь позже, на тюремной койке после медицинского осмотра. Поскольку больше половины замерзающих техников принадлежали к грекоговорящему меньшинству, сепаратисты немедленно устроили бы уличные беспорядки и интерпретировали приказ генерала об уничтожении фитаина как проявление расовой дискриминации. А в результате новые жертвы, хаос, воцаряющийся время от времени, как эхо Солстайской бойни...

— Мне... мне кажется, если б я погиб вместе с ними, по крайней мере, было бы ясно, что это не следствие какой-то интриги правительства. Так что все равно я остался бы в выигрыше. Или, по крайней мере, исполнил свой долг. Разве это плохая стратегия?

Величайший стратег столетия на Барраяре закрыл глаза и потер поседевшие виски, словно унимая нестерпимую боль.

— Что ж... пожалуй.

— Итак, — Майлз судорожно вздохнул, — будет ли мне предъявлено обвинение в государственной измене?

— Во второй раз за четыре года? — усмехнулся Иллиан. — Не многовато ли? Нет, черт побери! Пока все не

утихнет, я просто уберу тебя подальше. Куда, пока не знаю. Но с островом Кайрил покончено.

— Рад слышать. — Глаза Майлза сузились. — А как с остальными?

— С новобранцами?

— С техниками. Моими... друзьями-«мятежниками»!

Иллиан поморщился.

— Было бы вопиющей несправедливостью, если б я благодаря своим привилегиям фора остался в стороне, — твердо добавил Майлз.

— Публичный скандал — а суд над тобой, несомненно, обернется таким скандалом — повредит репутации центристской коалиции, возглавляемой твоим отцом. Твои моральные принципы, может быть, и хороши, но вряд ли я могу одобрить их, — сухо заметил шеф барраярской службы безопасности.

Майлз пристально смотрел на премьер-министра графа Форкосигана.

— Сэр?

Тот в задумчивости покусывал нижнюю губу.

— Ну что ж, я вправе императорским указом снять с них обвинение. Хотя за это тебе еще придется заплатить. — Пристально глядя на Майлза, граф Форкосиган наклонился вперед. — Больше ты не будешь служить. Слухи все равно пойдут, состоится суд или нет. Ни один командир не захочет иметь с тобой дело. Никто не поверит, что ты рядовой офицер, а не манекен, охраняемый привилегиями. И даже я не могу просить взять тебя; ты будешь наказанием для любого командира.

Майлз тяжело вздохнул:

— Но так уж случилось, что я оказался связанным с этими людьми. Сделай это. Сними с них обвинение!

— Тогда ты немедленно подашь в отставку! — потребовал Иллиан.

Майлза вдруг затошнило, и только сейчас он почувствовал, что дрожит, — его бил озноб.

— Я подам, — пообещал он.

Иллиан вдруг задумчиво посмотрел на аппаратуру, вмонтированную в стол.

— Майлз, а как ты узнал о сомнительных действиях Метцова во время Комаррского мятежа? Это же сверхсекретные данные!

— А разве Айвен не доложил сам о возможности доступа к файловой системе Имперской службы безопасности?

— Что ты сказал? Повтори, пожалуйста!

Чертов Айвен.

— Могу я сесть, сэр? — слабым голосом произнес Майлз. В глазах потемнело, и какие-то огненные круги, вспыхивая, пересекались друг с другом. Не ожидая разрешения, он опустился на ковер, болезненно моргая. Отец рванулся к нему, потом резко остановился. — Я заинтересовался прошлым Метцова после намеков лейтенанта Ана. Кстати, когда займетесь Метцовым, советую сперва подвергнуть медикаментозному допросу Ана. Он знает больше, чем говорит. Я думаю, вы найдете его где-нибудь на экваторе.

— Я спрашивал о моих файлах, Майлз. О моих файлах!

— Ах да, извините. Видите ли, если поставить друг против друга пульты внутренней секретной сети и наружной, можно спокойно читать файлы по видео. Конечно, при условии, что кто-то в штабе сможет установить пульты нужным образом и вызвать нужный вам файл. Я был уверен, что вы уже знаете об этом, сэр.

— Полная секретность, — заметил граф Форкосиган сдавленным голосом. Сдавленным от смеха, с удивлением заметил Майлз.

Иллиан поморщился, будто проглотил лимон.

— Как тебе удалось, — начал он, затем взглянул на графа и свирепо продолжил: — Как ты догадался?

— Но это же очевидно!

— О! Абсолютная секретность? — пробормотал граф Форкосиган, безуспешно борясь со смехом. — Дорогостоящая, абсолютно все предусматривающая система. Недоступная хитрейшим вирусам и сложнейшим аппаратным средствам. И два младших лейтенанта преспокойно манипулируют ею!

Иллиан отрезал:

— Я не обещал вам, что она будет защищена от идиотов!

Форкосиган вытер слезы и вздохнул:

— Ох уж этот человеческий фактор. Мы исправим ошибку, Майлз. Спасибо.

— Ты похож на потерявшую управление ракету, шарахающуюся куда попало! — прорычал Иллиан, привстав, чтобы взглянуть на скорчившегося на полу Майлза. — За твою предыдущую выходку с наемниками и за все остальное ты заслуживаешь... Мало посадить под домашний арест! Пока я не увижу тебя запертым со связанными за спиной руками, я не смогу спать!

Майлз, который был уверен сейчас, что за несколько часов нормального сна может убить человека, только пожал плечами. Ох, как бы вынудить Иллиана поскорее отправить его в эту дивную, тихую тюремную камеру.

Граф Форкосиган молчал. В его глазах появилось странное, отрешенное выражение. Иллиан заметил это и умолк.

— Саймон, — задумчиво произнес Форкосиган-старший, — Имперская служба безопасности, без сомнения, должна продолжать наблюдать за Майлзом. Столько же ради его блага, сколько и моего.

— А также ради блага императора Барраяра и всех прочих ни в чем не повинных людей!

— Но разве существует более эффективный для Службы способ наблюдения, чем взять подопечного, в данном случае Майлза, на службу в Имперскую безопасность?

— Что? — одновременно ужаснулись Иллиан и Майлз.

— Вы смеетесь! — воскликнул Иллиан, а Майлз быстро добавил:

— Безопасность никогда не входила в список десяти моих самых желанных назначений.

— Дело не в желании, а в профессиональной пригодности. Помню, когда-то мы с майором Сесилом говорили на эту тему. Хотя, как выразился Майлз, безопасность не входит в его список.

«Арктическая метеорология тоже не входила в него», — машинально отметил Майлз.

— А потом, вы же сами сказали, — продолжал растерявшийся Иллиан. — Его не возьмет ни один начальник. И я не исключение, честное слово!

— По правде говоря, мне больше не на кого положиться. Я всегда, — на губах графа появилась донельзя странная улыбка, — полагался на вас, Саймон.

Иллиан выглядел ошарашенным, как полководец, которого обошли с фланга.

— Кроме того, — мягко и убедительно продолжал граф Форкосиган, — это позволит нам выслать его с планеты до тех пор, пока все не успокоится.

— Насколько далеко выслать? — немного приободрился Иллиан.

По лицу графа скользнула тень, которая тут же исчезла, словно легкое облачко в солнечный день.

— Насколько потребуется, — твердо ответил он. — Это послужит сразу нескольким целям. Мы можем представить дело так, словно Майлз отправлен в неофициальную внутреннюю ссылку и это своего рода понижение и немилость. Надеюсь, такой наш шаг заставит замолчать моих многочисленных противников, которые не прочь извлечь выгоду из всей этой заварухи. Никто не посмеет сказать, будто мы смотрим сквозь пальцы на факт мятежа.

— Но это действительно ссылка. — Майлз защищался изо всех сил. — Пусть даже и неофициальная, и внутренняя.

— Ты прав, — спокойно согласился граф Форкосиган. — Но на самом деле это не немилость.

«Разве? Хотя... Он же сказал: „Выслать с планеты“, а это означает — служба на корабле! Каким бы этот корабль ни был».

Сердце Майлза бешено заколотилось в груди.

— Но можно ли ему доверять? — Иллиан, по-видимому, решил прибегнуть к последнему средству.

— По-видимому, да. — На сей раз улыбка графа сверкнула, как отточенное лезвие. — Безопасность сможет использовать его способности. Они подходят ей больше, чем другим подразделениям.

— Талант замечать очевидное?

— И менее очевидное. Многим офицерам можно доверить жизнь императора. Гораздо меньше тех, кому можно доверить его честь.

Иллиан, против воли соглашаясь, махнул рукой. Граф Форкосиган, возможно, из осторожности, решил переменить тему. Повернувшись к Майлзу, он произнес с тревогой:

— У тебя такой вид, будто тебе нужно в постель. Немедленно.

— Мне и нужно в постель.

— Лазаретная койка подойдет?

Майлз закашлялся и устало прикрыл глаза.

— Мне все равно.

— Тогда пойдем вместе поищем что-нибудь.

Майлз с трудом поднялся и уцепился за руку отца: ноги, как чужие, скользили и разъезжались в пластиковых чехлах.

— Кстати, младший лейтенант Форкосиган, как тебе показался остров Кайрил? — спросил граф. — Мать сказала, ты редко звонил ей.

— Я был занят. Учился. Овладевал специальностью метеоролога. Климат там ужасный, местность — голая, треть обитателей, включая моего непосредственного командира, бо́льшую часть времени мертвецки пьяны. Средний коэффициент умственного развития соответствует средней температуре в градусах Цельсия, на пятьсот километров в любом направлении ни одной женщины, командующий базой — псих с манией убийства. Если не считать этого, все было прекрасно.

— Похоже, за двадцать пять лет там мало что изменилось, — проговорил себе под нос Форкосиган-старший.

— Так ты там был? — прищурился Майлз. — И позволил, чтобы меня отправили в это «райское» местечко?

— Я командовал базой Лажковского в течение пяти месяцев, пока ожидал капитанского поста на крейсере «Генерал Форкрафт». В то время моя звезда, мягко говоря, несколько закатилась.

«Мягко говоря?» — о чем это отец?

— Ну и как тебе там понравилось?

— Я мало что помню, потому что бо́льшую часть времени был пьян. В лагере «Вечная мерзлота» каждый находил свой способ выживания. И мне кажется, ты справился куда лучше меня.

— Я следовал... тому способу выживания, которого вы придерживались позднее, сэр.

— Так я и думал. Но ведь это отнюдь не пример для подражания.

Майлз быстро взглянул на отца:

— Правильно ли я поступил, сэр? Прошлой ночью?

— Да, — просто ответил граф. — Поступок правильный. Может быть, не лучший из всех возможных правильных поступков. Дня через три ты бы придумал лучшую тактику, но у тебя не было времени на размышления. Я всегда старался не обсуждать действия своих подчиненных во время боя.

И в первый раз с тех пор, как он покинул остров Кайрил, у Майлза стало легко на сердце.

ИЕН БЭНКС

Культура, дары приносящая

Иэн Бэнкс (р. 1954) проживает в Файфе, Шотландия. Информацию об авторе можно найти на www.iainbanks.net. Уже первый из его опубликованных романов, «Осиная Фабрика» («The Wasp Factory», 1954), был талантливым произведением в жанре хоррор. Вторая и третья книги — «Шаги по стеклу» («Walking on Glass», 1985) и «Мост» («The Bridge», 1986), содержавшие фантастические элементы, окончательно закрепили за Бэнксом статус значимой в современном писательском мире фигуры. Затем последовал первый научно-фантастический роман «Вспомни о Флебе» («Consider Phlebas», 1987), действие которого разворачивается в сложном, необычном и крайне удаленном от современности мире Культуры, описанном Бэнксом в эссе «Немного о Культуре» («A Few Notes on the Culture»).

По словам друга писателя Кена Маклеода, «Иэн Бэнкс создал четыре полновесных книги в жанре новой космической оперы, каждую из которых неоднократно отвергали, прежде чем автора оценили как создателя произведений в жанре мейнстрима, после чего Бэнкс прорвался на арену НФ со своим четвертым по счету романом „Вспомни о Флебе“ („Consider Phlebas“). Только тогда читатели оценили и остальные его работы. Книги явились прорывом для своего времени, но надолго запомнились поклонникам НФ».

Вклад Бэнкса в развитие британской научной фантастики трудно переоценить: критик Роб Лэтэм, в обзорной статье в номере «The New York Review of Science Fiction» за 1994 год оценивая творчество писателя, заметил: «В целом я согласен с мнением Джона Клюта, изложенным в посвященной этому автору статье в „Новой энциклопедии Клюта-Николса“ („Clute-Nicholls Encyclopedia“): Бэнкс вполне заслуживает звания „величайшего из британских авторов НФ“, появившихся после 1980-х. Но характеристика Фэй Уэлдон, назвавшей Бэнкса „великой надеждой современной британской литературы“, представляется мне сомнительной».

Бэнкс опубликовал одиннадцать произведений, каждое из которых становилось в Великобритании бестселлером, обойдя по рейтингу продаж прочие научно-фантастические романы. Что же касается США, там подобного успеха пока не наблюдается. Как отмечено в предисловии к данной

антологии, массовый успех Бэнкса в Великобритании оказался для английских авторов, пишущих в жанре НФ, архетипической моделью коммерческого и профессионального успеха — особенно для космооперы начала 1990-х.

Цикл научно-фантастических романов Бэнкса о Культуре включает в себя «Игры для игрока» («The Player of Games», 1988), «Выбор оружия» («Use of Weapons», 1990), «Эксцессию» («Excession», 1996), «Инверсии» («Inversions», 1998), «Взгляд с наветренной стороны» («Look to Windward», 2000). Сборник авторских рассказов «Последнее слово техники» («The State of Art», 1989) также содержит несколько посвященных Культуре произведений. Джефф Вандермеер заметил в рецензии на последний роман Бэнкса в «The New York Review of Science Fiction»: «Нигде Бэнкс не проявил большей изобретательности, чем в романах о Культуре. Его космические оперы о Культуре, охватившей, по-видимому, всю Вселенную, оказались успешными, поскольку Бэнксу одновременно удается и оперировать научно-фантастическими штампами, и разрушать их. По крайней мере два романа о мире Культуры — „Вспомни о Флебе"(„Consider Phlebas") и „Выбор оружия" („Use of Weapon"), можно назвать шедеврами». Эти произведения стали бестселлерами в США. Среди новых романов автора — «Алгебраист» («The Algebraist»), вышедший в 2005 году: космическая опера, действие которой разворачивается в совершенно новых декорациях.

Казалось бы, куда больше? Но Бэнкс не останавливается на достигнутом. Свою миссию он видит в «возрождении высоких нравственных принципов космической оперы для левых». Автор отказывается от многих традиционных приемов жанра. Как заметил Джон Клют, «суть Культуры определяется вовсе не иерархической структурой, предназначенной для удержания власти за счет контроля над ограниченными ресурсами, поскольку ограниченность ресурсов осталась в прошлом. Культура не является ни Империей, ни повсюду запустившей свои щупальца Корпорацией; не найдете вы здесь и Анклава, где тайное знание придает его обитателям силы в борьбе за независимость против военной машины далекого Императора, восседающего на вершине вертикали власти».

Гвинет Джонс добавляет: «Читателям и авторам космической оперы нравятся концептуальные идеи, а подробности человеческой жизни интересуют их в меньшей степени. Каким бы забавным это ни казалось, но вполне естественно, что двое британских писателей, не уступающих в бескомпромиссном оптимизме американским классикам, — Иэн

Бэнкс и его собрат по перу Кен Маклеод, заняли марксистские позиции: Бэнкс с его прокоммунистическими романами о Культуре и Маклеод с его радикально-левым либертарианством. Разница между левым и правым радикализмом становится несущественна, едва заходит речь о бескомпромиссном оптимизме».

«Культура, дары приносящая» — один из немногочисленных рассказов Бэнкса. В нем, в отличие от большинства произведений, повествование ведется от лица представителя Культуры. В этом рассказе, написанном более чем за десятилетие до начала «войны с террором» в реальном мире, героя Бэнкса вынуждают совершить массовое убийство, и персонаж чувствует себя столь же неудобно, как чувствовал бы себя Люк Скайуокер, оказавшийся на месте Мохаммеда Атты.

«Деньги — признак нищеты». Старое присловье Культуры то и дело приходит мне на ум — особенно когда тянет совершить какую-нибудь глупость, где замешаны деньги (а где они не замешаны?).

Мой взгляд направлен на пистолет, настолько маленький и аккуратный, настолько несоответствующий широкой, в шрамах лапище Круйтцеля, что естественный вопрос — «где, черт подери, им удалось раздобыть эту штуку?!» — пришел на ум не сразу, а сперва вспомнилось: «Деньги — признак нищеты». Но какой бы удачной мысль ни была, толку от нее немного.

Я стою перед бескредитным игорным клубом в далеких кварталах Нижнего Вреччис-Сити в предрассветном полумраке сырой недельной ночи и смотрю на изящный, словно игрушечный, пистолетик, а двое здоровенных громил, которым меня угораздило задолжать немалую сумму, подбивают меня на кое-что опасное и не просто незаконное — много хуже... Приходится взвешивать относительные преимущества бегства (пристрелят), отказа (изобьют, и несколько ближайших недель уйдет на то, что я буду увеличивать собственный больничный счет на солидную сумму) и согласия. Если выполнить то, на что подбивают Каддас и Круйтцель, шанс выжить есть, можно даже выбраться из передряги без серьезных последствий, восстановить былую платежеспособность, но наиболее вероятный вариант — медленная

и, скорее всего, мучительная смерть в ходе сотрудничества со службой безопасности.

Каддас и Круйтцель предложили вернуть все проигранное плюс небольшую сумму сверху, как только я закончу работу. Просто чтобы расстаться без обид. У меня возникло подозрение, что осуществлять последний платеж по условиям сделки никто не собирается.

Наверное, надо приказать громилам засунуть свой выпендрежный, штучной работы пистолетик куда поглубже, после чего меня ждут мучительные и, скорее всего, бесконечные побои... Черт, нужно было вспомнить сразу, что я могу отключать боль! Культурное происхождение дает определенные преимущества. Правда, потом эти счета за лечение...

Я и так по уши в долгах.

— Ну так что, Робик? — с ленцой протягивает Круйтцель, шагнув вперед, под козырек клубного навеса.

Я стою спиной к подогретой стене, в носу — запах мокрой мостовой, во рту — металлический привкус. Автомобиль Каддаса и Круйтцеля вальяжно припаркован у поребрика. Внутри — водитель, он смотрит на нас через открытое окно. На улице за узкой аллеей — никого. Над головами пролетает патрульный крейсер, сквозь дождь мерцают огни, озаряя изнанку дождевых облаков над целым городом. Каддас бросает взгляд вверх и тут же забывает о пролетевшем патруле. Круйтцель тычет пистолетом в мою сторону. Я пробую отпрянуть.

— Бери пистолет, Робик, — устало повторяет Каддас.

Облизываю губы, неотрывно глядя на оружие.

— Не могу, — отвечаю я и засовываю руки в карманы пальто.

— Еще как можешь, — заверяет Круйтцель.

Каддас качает головой:

— Робик, зачем ты себе же хуже делаешь? Возьми! Только дотронься — заодно узнаем, точную ли информацию нам слили. Хватай!

Не отрываясь, завороженно смотрю на пистолетик.

— Бери пистолет! Только держи стволом к земле, на нас не направляй. Ты на прицеле, у водителя есть лазер. Того и гляди, решит, что ты собрался нас завалить. Бери, кому говорю!

Я не в силах ни шевелиться, ни думать. Стою, как под гипнозом. Каддас хватает меня за правое запястье, вытаскивает мою руку из кармана. Круйтцель держит пистолет прямо у меня под носом. Каддас насильно втискивает рукоять мне в ладонь. Пальцы смыкаются вокруг рукояти, точно бездушный зажим.

Пистолет оживает. Тускло блеснула пара огоньков, над рукояткой замерцал крошечный, с мигающими краями экранчик. Круйтцель отпускает руку, оставляя пистолет у меня. Каддас криво улыбается.

— Ну вот, видишь, как все просто? — спрашивает он.

Мне хочется выстрелить в этих громил, но ясно, что не смогу, и не важно, на прицеле я у водителя или нет.

— Каддас, — выговариваю я, — не могу... Все, что угодно, что скажете, но какой из меня киллер? Я не...

— А здесь не требуется профессионализм, Робик, — бесстрастно отвечает Каддас. — Нужно просто быть... Короче, по фигу, кто ты. Остается только направить ствол и сжать... вроде как с твоим парнем, — ухмыльнувшись, Каддас подмигивает Круйтцелю.

Тот скалит зубы. Я качаю головой:

— Это — безумие, Каддас! Если эта штука включилась, едва я ее взял, это еще не...

— Ну да, смешно, правда?

Каддас поворачивается к Круйтцелю, заглядывает в лицо своему более рослому напарнику, улыбается:

— Забавно, правда? Робик — и вдруг инопланетник! А с виду от нас не отличишь.

— Чужой... да еще и голубой... — хмуро ворчит Круйтцель. — Вот дерьмо!

— Послушайте, — говорю я, не отводя взгляда от пистолета, — эта штука может попросту не сработать... она... — не договариваю я.

Каддас улыбается:

— Сработает! Корабль — крупная цель, не промахнешься. — Он снова улыбается.

— А по-моему, там есть защита против...

— От *лазера и кинестетического оружия они*, Робик, отобьются, но мы приготовили для них кое-что получше... Не разбираюсь я в разных тонкостях, но знаю только, что

наши кореша-экстремисты заплатили за все это немало денег, а остальное меня просто не колышет...

«Кореша-экстремисты»? Забавно слышать такое от Каддаса. Наверное, он имеет в виду «Лучезарный путь» — тех, кого раньше считал плохими партнерами в бизнесе. Мне-то казалось, Каддас готов слить их полиции просто из принципа, даже наплевав при этом на кучу бабок. Решил сохранять нейтралитет? А может, просто пожадничал? Говорят же местные: «Преступление шепчет, деньги орут».

— Но ведь на корабле будут люди, а не только...

— Ты их все равно не увидишь. И вообще, там будут гвардейцы, военная кость, шестерки из Администрации, агенты спецслужб... Тебе-то какое дело до них? — Каддас похлопывает меня по поникшему плечу. — Справишься, не волнуйся!

Я перевожу взгляд вниз, к пистолету, к тускло мерцающему экранчику. Меня выдала собственная кожа, предало мое же прикосновение... И снова — мысли о больничных счетах. Хочется заплакать, но здесь у мужчин не принято лить слезы. Да и что я могу сказать? Когда-то я был женщиной. Когда-то Культура была моей... Но от прошлого давно удалось отказаться; сейчас я — мужчина, я — в Вольном Городе Вреччис, где за все приходится платить.

— Ну хорошо, — устало произношу я, — сделаю...

Круйтцель явно разочарован. Каддас кивает:

— Заметано. Корабль прилетает в девятый день. Знаешь, на что он похож?

Киваю.

— Значит, справишься, — криво улыбается Каддас. — А результат можно будет видеть почти из любой точки Города. — Достает деньги, запихивает пачки в карман моего пальто. — Возьми такси, в подземке сейчас неспокойно. — Слегка треплет меня по щеке; рука пахнет дорогим одеколоном. — Гляди веселей, Робик, а? Ты собьешь гребаный звездолет; не каждый день такое случается. — Каддас смотрит на меня, затем на старательно посмеивающегося Круйтцеля.

Оба возвращаются к машине. Автомобиль скрывается в ночи с мерным гудением, покрышки рассекают растекаю-

щуюся по улице воду. Я остаюсь смотреть, как наполняются лужи. Пистолет давит на ладонь, отягощая виной.

— Я — фотоплазменный проектор модели LPB-91, серия 2, разработан в А/4882, 4, мастерская 6, орбитальная станция Спаншахт-Труферра, кластер Йорвольоус. Серийный номер 3 685 706. Интеллектуальная емкость: 0,1. Самозаряжающаяся аккумуляторная батарея. Рейтинг: бесконечность. Максимальная мощность единовременного заряда: 3,1 на 8^{10} джоулей, время перезарядки — 14 секунд. Максимальная частота стрельбы: 260 выстрелов в секунду. Разрешен к применению лишь относящимися к Культуре индивидуумам с фиксированным генотипом, подтверждаемым анализом клеток эпидермиса. Использовать в перчатках или в легком снаряжении. Режим допуска включается через кнопки. Несанкционированное использование запрещено и влечет за собой наказание. Требуемый уровень мастерства — от 12 до 75 процентов.

Далее следуют подробные инструкции. Как пользоваться кнопками управления экраном для повтора, поиска, паузы или остановки...

— Инструкции. Часть первая. Введение. Модель LPB-91 является мирным оружием общего применения, функционально усложненным. Не может использоваться для масштабных боевых действий. Конструкция и функциональные параметры основаны на рекомендациях...

Пистолетик на столе рассказывает мне о себе высоким, звенящим голоском, а я, размякнув, развалившись на диване, смотрю в даль, на шумную улицу в Дальнем квартале Вреччиса. Каждые несколько минут шаткие жилые дома сотрясаются от грузовых составов подземки, на тротуарах — шумное уличное движение, богачи и полицейские рассекают небеса во флаерах и крейсерах, а надо всем этим поверху реют звездолеты.

Кажется, будто меня загнали в ловушку между двумя слоями целенаправленного движения.

Вдали над городом возвышается тонкая, сияющая башня городского левипорта: вздымается к облакам, пронзает их, достигает космоса... Почему Адмирал не захотел воспользоваться левитранспортом и решил устроить большое шоу с возвращением со звезд в собственном корабле?

Может быть, посчитал простой левипорт ниже своего достоинства? Все они — тщеславные сволочи, заслуживающие смерти (надо же как-то себя настроить)... Но почему именно мне их убивать? Проклятые фаллические звездолеты! Не то чтобы левитационная станция меньше напоминала член... И потом, если бы Адмирал решил спуститься по трубе, Каддас и Круйтцель наверняка приказали бы мне разнести ее к чертовой матери... Вот дьявол!

Я качаю головой. В руке у меня — высокий бокал с джаалем, самым дешевым крепким пойлом в Городе Вреччис. Уже второй бокал, а мне все равно не легче. Пистолет продолжает тараторить, обращаясь к стенам скромно обставленной гостиной в моей квартире. Я жду Мауста. Скучаю по нему сильнее, чем обычно. Смотрю на запястье. Судя по времени, он вот-вот вернется. Гляжу на слабый, водянистый рассвет. Так и не получилось заснуть.

Пистолет продолжает рассказ. Разумеется, по-марайски, на языке Культуры. На языке, не слышанном мною почти восемь стандартных лет. И сейчас, при звуках этой речи, я сожалею о собственной глупости. Потерять то, что досталось по праву рождения: мой народ, мое наречие! Восемь лет разлуки, восемь лет в глуши... Когда-то это виделось мне широким жестом и великим поступком: отказ от всего, что казалось стерильным и безжизненным, от чего захотелось бежать к более живой цивилизации... Сейчас широта поступка обернулась пустотой, а само действие — дурацким ребячеством.

Отпиваю еще немного едкого алкоголя. Пистолет все еще бормочет, рассказывает о лучевом диаметре, гироскопических волновых рисунках, о режимах гравитационного контура, волновой направляющей, окружных выстрелах, настройках охвата и попадания... Неплохо бы прогнать через железы что-нибудь расхолаживающее, но тотчас гоню эти мысли из-за клятвы не пользоваться больше трансформированными органами, данной себе восемь лет назад. С тех пор собственное обещание нарушалось лишь дважды, и каждый раз при этом меня терзала жестокая боль. Будь у меня достаточно мужества удалить эти чертовы железы, вернуться к первозданному человеческому состоянию, к первобытному животному наследию... но мужества у меня не было. Боль пугала, неприкрытого противостояния с ней, как у этих людей, не

получалось. Они восхищали и ужасали меня, оставаясь при этом такими же непостижимыми. Даже Мауст. Собственно, он был самым загадочным. Наверное, невозможно любить тех, кто понятен до конца.

Восемь лет изгнания. Сгинуть для Культуры, не слышать этот шелковистый, нежный, изысканно-простой язык... А сейчас я действительно слышу марайский, он исходит от пистолета, рассказывающего, как стрелять на поражение. Сколько погибнет человек: сотни? Может быть, тысячи? Конечно, это зависит от того, куда упадет корабль, взорвется ли он (да и могут ли взрываться примитивные звездолеты? Не знаю, не моя специальность).

Еще глоток. Качаю головой. Не могу!

Я — Робик Сенкилл, гражданин Вреччиса с номером... (никак не могу запомнить, нужно будет сверить с документами). Мужчина. Основная раса. Возраст — тридцать лет. Непрофессиональный журналист-фрилансер (в настоящее время в поисках работы), профессиональный игрок (в основном проигрываю, но мне нравится... вернее, нравилось до прошлой ночи).

А еще я — Баалльн-Евкорза Урбик Вресс Шеннил дам Флейссе, урожденная гражданка Культуры, смесь множества биологических видов — слишком сложная, чтобы запомнить; мне шестьдесят восемь стандартных лет, в прошлом — член подразделения Контакта.

И отступница.

Я решила воспользоваться свободой, которой так гордится предлагающая ее всем своим обитателям Культура: свободой покинуть ее. Меня отпустили и даже помогли, несмотря на собственное мое нежелание (разве мне удалось бы подделать все документы самостоятельно? Вряд ли. Теперь, изучив все формы экономики Вреччиса, я это понимаю). С тех пор как темный и беззвучный модуль взмыл ввысь, к поджидающему его звездолету, я лишь дважды пользовалась возможностями, которые дают доставшиеся в наследство от Культуры измененные биологические параметры. Вещами, изготовленными в Культуре, не пользовалась ни разу. Вилоть до настоящего момента (пистолет продолжает что-то бормотать).

Я покинула наскучивший рай, предпочтя его жестокой, жадной системе, где кипит жизнь, где играет случай,

и отправилась в место, где надеялась найти... что? Ответ был неизвестен в начале бегства. Неизвестен он и до сих пор, хотя именно на Вреччисе произошла моя встреча с Маустом и вместе с ним поиск уже не кажется таким одиноким.

Вплоть до прошлой ночи мне казалось, что в моих исканиях есть смысл. И вот пришла смертоносная посылка из сказочной страны. Непреднамеренное, случайное послание.

Где только Каддас и Круйтцель достали пистолет? Культура ревностно, прямо с маниакальной осторожностью бережет свой арсенал. Оружие Культуры невозможно купить. Оно не продается — по крайней мере, самой Культурой. Хотя, возможно, некоторые вещи просто пропадают: в том изобилии, которое свойственно Культуре, некоторые вещи можно перенаправить по ошибочному адресу. Еще глоток. Вслушиваюсь в речь пистолета. Всматриваюсь в сырое небо (сейчас сезон дождя) над крышами, башнями, летными площадками, блюдцами и куполами большого города. Может быть, оружие выскальзывает из хватких наманикюренных пальчиков Культуры гораздо чаще, чем другие продукты. Ведь оно возвещает об опасности, угрозе и требуется только там, где может легко потеряться, чтобы затем появиться вновь, подобно переходящему призу.

Потому-то и создается оружие с предохранителями, позволяющими использовать его лишь неагрессивным, нестяжающим людям Культуры (которые, само собой, использовали бы его лишь для самозащиты — например, если бы им угрожал какой-нибудь дикарь... О, самодовольная Культура с ее глупым империализмом!).

Впрочем, этот пистолет антиквареп. Нет, оружие не устарело — Культура просто не понимает, что значит «устареть», там создают на века, — оно просто вышло из моды. Не многим умнее домашней зверюшки, а вот современное оружие действительно разумно.

Наверное, в Культуре вообще перестали производить ручное оружие. Однажды мне попались изображения так называемых «дроидов персонального сопровождения». Случись такому устройству попасть в руки людей наподобие Каддаса или Круйтцеля, оно немедленно подаст сигнал о

помощи, воспользуется всей своей волевой энергией, чтобы удрать, выстрелит на поражение в любого, кто попытается воспользоваться им или схватить, постарается убедить похитителей выпустить его и самоуничтожится, если решит, что его собираются разобрать на части или как-то иначе влезть в его нутро.

Я делаю еще один глоток джааля. Мауст опаздывает. Клуб закрывают в строго установленные часы. Это из-за полиции. Им запрещено разговаривать с посетителями после работы. Обычно Мауст возвращался домой сразу же.

Я тотчас же отгоняю мимолетный укол страха. Конечно же, с ним все будет в порядке. Мне и без того есть о чем переживать.

Еще джааля.

Нет, я не смогу. Мое бегство от Культуры произошло не только из-за того, что она мне надоела, но и из-за ханжеской, двуличной морали Контакта, изредка одобрявшей поступки, запрещенные другим: подстрекательство к войне, убийство... Гнусно и мерзко. Мне никогда не доводилось общаться с отделом по особым обстоятельствам напрямую, но можно представить себе, как там ведутся дела! Отдел по особым обстоятельствам, иными словами — отдел грязных подстав, очень красноречивое иносказание, принятое в Культуре. Мне казалось недостойным жить по двойным стандартам, взамен этого мой выбор пал на откровенно эгоистичное, ненасытное общество, которое не претендует на то, чтобы быть хорошим, где не скрывают амбиций.

Но лично я веду здесь такую же жизнь, как и там: стараюсь не задевать других, оставаться собой в любых ситуациях... а остаться собой, уничтожив целый корабль с людьми, попросту невозможно! Даже если на корабле — правители жестокого, безжалостного общества. Я не смогу воспользоваться пистолетом. И не дам Каддасу и Круйтцелю меня найти. При этом я ни за что не вернусь обратно в Культуру, униженно склонив голову.

Я наливаю бокал джааля.

Бежать. Другие города, другие планеты — Вреччис не единственный мир. Бежать и скрываться. Но отправится ли Мауст вместе со мной? Снова смотрю на монитор наручных часов. Он опаздывает на полчаса. Совсем не похоже на него. Почему? Подхожу к окну, выглядываю на улицу, пытаюсь

высмотреть его. Крейсер автоматической полиции деловито рассекает уличный поток. Стандартная конфигурация: отключенные сирены, втянутые орудия. Крейсер направляется в кварталы иномирников — с недавних пор полицейские повадились устраивать там молодецкие забавы. И ни намека на стройный силуэт Мауста, летящей походкой, вразвалку, рассекающего толпу...

Это вечное беспокойство... Его могут задеть, полиция может арестовать его в клубе за непристойное поведение, за оскорбление общественной морали, за гомосексуализм... величайшее из преступлений — даже хуже, чем не заплатить по счету. И конечно же, тревога из-за того, что он может встретить кого-то еще!

Мауст, вернись домой! Только бы с тобой ничего не случилось... Пожалуйста, вернись!

Я почувствовала себя обманутой, когда к концу процедуры изменения пола оказалось, что меня по-прежнему привлекают мужчины. Но это было давно. В то время я еще принадлежала Культуре и, подобно большинству людей, любить человека своего же пола не считала нормальным. То, что мои желания, в отличие от физиологии, не изменились, казалось чудовищной несправедливостью. И только Мауст помог понять: меня не обманули. Он помог мне многое преодолеть. Мауст был моим животворящим дыханием.

В любом случае в этом обществе я не считалась женщиной!

По-моему, нужно добавить еще джааля. Я снова подхожу к стойке.

— ...не повлияет на линейную стабильность оружия, хотя отдача увеличится в зависимости от расстановки энергетических приоритетов, иными словами, увеличение мощности...

— Заткнись! — кричу я на пистолетик, попытавшись неуклюже ударить по кнопке выключения. Рука задевает курносый ствол, пистолет пролетает над столом и падает на пол.

— Предупреждаю!.. — верещит пистолетик, — внутри нет никаких подходящих для пользования деталей! При любой попытке деконструкции произойдет необратимая дезактивация или...

— Заткнись, сволочь! — ору я, и оружие наконец-то умолкает.

Я поднимаю его, кладу в карман висящей на спинке кресла куртки. Будь проклята Культура, будь прокляты все пистолеты вселенной! Нужно выпить еще. Я вновь смотрю на часы. Эта тяжесть внутри меня... Вернись, пожалуйста, вернись домой! А потом — уходи. Вместе со мной!

Я ложусь перед экраном, в животе — тугой узел страха, борюсь с подступающей тошнотой, смотрю новости, волнуюсь за Мауста и стараюсь не думать слишком о многом. В новостях множество сюжетов о казненных террористах, доблестных жертвах и героически павших в локальных войнах — против чужих, против иномирников, против недочеловеков... Последний сюжет рассказывает о восстании в городе на другой планете. О гибели гражданского населения ничего не говорится, но был кадр: широкая улица завалена обугливщимися ботинками. В конце сюжета — интервью в больнице с раненым полицейским.

На меня наплывает старый кошмар, я вспоминаю демонстрацию, на которой мне выпало оказаться три года назад. Вновь вижу стену наплывающей, полуосвещенной солнцем завесы нервно-паралитического газа; вижу, как из-за нее выступают отряды конной полиции. Они кажутся еще ужаснее, чем ощетиненные стволами машины; я вижу не всадников в шлемах и с шоковыми дубинками, а рослых зверей в противогазах, хотя и закованных в доспехи. Терроризирующие толпу чудовища из одноразового сна массового производства...

В этом состоянии животного страха меня и застал Мауст, вернувшийся через несколько часов. В клубе была облава, и ему не давали со мной связаться. Я плачу, а он обнимает меня и убаюкивает до тех пор, пока мне не удается заснуть...

— Робик, я не могу! Ризоорет запускает новое шоу для следующего сезона, и ему понадобятся новые лица! Будет отличная возможность, программа для натуралов! Вещание на Высокие кварталы! Я не могу уехать прямо сейчас! Я уже сделал первый шаг! Пойми, пожалуйста!..

Мауст, протрезвев, тянется через стол к моей руке. Я прошу:

— Я не могу сделать то, что от меня требуют! И остаться не могу, а потому мне придется уходить. Другого пути нет. — В моем голосе не осталось жизни.

Мауст принимается собирать тарелки и контейнеры, покачивая высоколобой изящной головой. А мне не хочется есть: похмелье и нервы. К тому же этим туманным, противным, сводящим с ума промозглым полуутром у домохозяина снова сломалась климатическая станция.

— Они что, и вправду требуют от тебя сделать что-то ужасное? — Мауст отработанным жестом скидывает халат и смыкает полы вокруг бедер. Я гляжу на его тонкую спину, пока Мауст направляется на кухню. — Ты так ничего мне и не рассказал. Неужели не доверяешь? — доносится голос Мауста.

Что мне сказать? Откуда я знаю, доверяю ли ему? Я люблю его, но только он знал, что я из другого мира. Откуда-то Каддас и Круйтцель узнали о моем секрете, каким-то образом проведал и «Лучезарный путь»... Мой мускулистый, сексуальный, неверный танцор, неужели ты думаешь, что если я молчу, то это значит, что мне не известно обо всех твоих изменах?

— Мауст, пожалуйста... Тебе лучше об этом не знать.

— Ах, ну надо же! — холодно смеется он. Прекрасный режущий звук, откликающийся болью изнутри. — Какие мощные страсти! Значит, ты меня защищаешь... Чудовищно мило с твоей стороны...

— Мауст, это серьезно. Эти люди принуждают меня к тому, что я просто не в состоянии совершить! Если не выполнить их требования, они... в общем, я наверняка пострадаю... Их действия непредсказуемы. Может быть, они даже попытаются шантажировать меня тобою. Вот почему меня так обеспокоило твое опоздание. Мне казалось, тебя схватили.

— Бедный старина Робби! — произнес Мауст, выглядывая из кухни. — День выдался долгим... кажется, во время последнего выступления я растянул мышцу, а после облавы нам могут не заплатить. Стэлмерс наверняка попробует воспользоваться этой отмазкой, даже если мусора и не подрезали башли. А моя задница до сих пор болит после того, как один из этих извращенцев ковырялся во мне пальцем. Это, конечно, не так романтично, как твои дела

с бандюганами и прочей крутизной, но для меня это важно. Мне и своих забот хватает. Ты слишком серьезен. Прими успокоительное или еще что-нибудь. Выспись, и все пройдет.

Я прислушиваюсь к перемещениям любимого на кухне. Где-то ревет полицейская сирена. Из квартиры снизу доносятся звуки музыки. Я подхожу к двери на кухню. Мауст вытирает руки.

— Они хотят, чтобы я сбил звездолет, на котором в девятый день прилетает Адмирал флота.

На мгновение Мауст принял ошарашенный вид, потом усмехнулся, подошел, положил руки мне на плечи:

— Вот как? А что потом? Заберешься на самую верхушку левипорта и попытаешься доехать до Луны на волшебном велосипеде? — Он успокаивающе улыбнулся: услышанное забавляло его.

Я охватываю его ладони своими, медленно отвожу его руки от своих плеч.

— Да нет же, мне придется просто сбить звездолет — вот и всё... Мне дали пистолет, из которого это можно сделать. — Я достаю оружие из куртки.

Мауст хмурится и трясет головой. На его лице мелькает удивленное выражение, а после он вновь смеется:

— Вот из этого, любовь моя? Да таким пистолетиком ты и прыгалку с моторчиком не остановишь, не то что...

— Мауст, прошу тебя, поверь: этой штукой можно и не такое сделать. Ее создавал мой народ, а корабль... В этом мире просто нет систем защиты против такого оружия.

Мауст хмыкает и забирает у меня пистолет. Мигают огоньки.

— Как он включается? — Мауст вертит оружие в руке.

— От прикосновения. Но только я могу воспользоваться этой штукой. Она считывает с моей кожи генетический код и понимает, что я — из Культуры. Не смотри на меня так. Это правда. Вот. — Я заставляю пистолет оттарабанить первую часть монолога, выключив экранчик и переведя его в режим голограммы.

Мауст изучает оружие в моей руке.

— Ты знаешь, — через некоторое время говорит он, — эта штука может оказаться очень даже ценной...

— Нет. Для остальных эта вещь абсолютно бесполезна, работает только для меня, ее никак не заставить поменять владельца: моментально дезактивируется.

— Вот это верность! — потрясен Мауст, усаживаясь и не сводя с меня взгляда. — Наверное, у вас в Культуре все продумано... А я сперва не поверил, когда ты мне рассказывал... Знаешь, любовь моя, мне казалось, ты просто хочешь произвести на меня впечатление... Кажется, теперь я тебе верю.

Я приседаю перед ним на колени, положив пистолет на стол, мои руки касаются его паха.

— Ну так поверь: я не могу выполнить то, что от меня требуют. Мне, а может быть, нам обоим угрожает опасность. Нужно бежать. Немедленно. Сегодня или завтра, пока они не придумали, как меня заставить.

Мауст с улыбкой ерошит мне волосы:

— Перепугался, да? Весь на нервах... — Наклонившись, он целует меня в лоб. — Робби, Робби... Я не могу отправиться с тобой. Если тебе нужно — поезжай, но сам я остаюсь. Разве ты не понимаешь, как это важно для меня? Я всю жизнь мечтал об этом, второго шанса может просто не быть. Я должен остаться во что бы то ни стало. Уезжай на столько, на сколько захочешь, и не говори мне, куда отправишься. Чтобы тебя мной не шантажировали. Свяжемся через общего знакомого, как только все утрясется. А там посмотрим. Может быть, ты вернешься. Может быть, я сам не смогу воспользоваться подвернувшимся шансом и отправлюсь вслед за тобой. Все будет в порядке. Мы найдем выход.

Я позволяю себе уткнуться головой ему в колени. Мне хочется плакать.

— Я не смогу бежать от тебя!

Мауст обнимает меня, укачивая:

— Ну, может быть, тебе самому понравится на новом месте. Куда бы ты ни отправился, мой красавец, ты будешь пользоваться успехом. Может быть, мне еще придется драться из-за тебя на ножах...

— Пожалуйста, пожалуйста, уедем вместе, — рыдаю я, уткнувшись в его халат.

— Не могу, любовь моя. Просто не могу. Я приду помахать тебе рукой на прощание, но не могу отправиться

с тобой. — Он обнимает меня, я плачу, а тупо молчащий, окруженный объедками от нашей трапезы пистолет лежит на столике, ближе к Маусту.

Я совершаю побег. Аварийным выходом из квартиры на рассвете. Такси от авеню Генерала Петропсиса до Межконтинентального вокзала. Потом я сяду на пневмопоезд до Брайна, а дальше — левипортом... куплю билет на любой транспорт отсюда, хоть межконтинентальный, хоть межпланетный. Мауст одолжил мне кое-что из своих сбережений. Кроме того, у меня осталась кредитка с большой суммой. Не пропаду.

Мой личный терминал оставлен в квартире. Мог бы пригодиться, но говорят, полиция в состоянии выслеживать по терминалам, и я не хочу рисковать, нося это устройство и зная, что у Каддаса или Круйтцеля в соответствующем департаменте есть свой прикормленный мент.

Вокзал, как всегда, переполнен, и здесь, среди высоких, отдающих эхом залов, в многолюдной деловой суете, я чувствую себя в относительной безопасности. Мауст приедет из клуба проводить меня, обещал проверить, чтобы не было слежки. Мне как раз хватит времени оставить пистолет в камере хранения. Ключ я отправлю Каддасу, чтобы он не бесился.

Перед камерой хранения протянулась длинная очередь. Теряя терпение, я стою следом за группой кадетов из Академии ВМФ, и те вдруг объясняют мне причину задержки. Оказывается, носильщики обыскивают все сумки и чемоданы на предмет наличия бомб: простая предосторожность.

Я выхожу из очереди и иду на встречу с Маустом. Придется отделаться от пистолета как-нибудь иначе. Отправлю проклятое оружие почтой, а может быть, просто выкину в мусорку.

Я жду в баре, попивая что-то безалкогольное. Гляжу на запястье, но тут же чувствую себя глупо: терминал-то остался в квартире. Мауст опять опаздывает...

Бар оборудован экраном, показывающим новости. Мне трудно отделаться от абсурдного ощущения, будто я беглый преступник, лицо которого покажут в новостных выпусках. Чтобы развеяться, смотрю сегодняшнюю порцию лжи. Сообщают, что возвращение Адмирала флота ожидается

в течение ближайших двух дней. Я нервно улыбаюсь экрану: «Ну да, и вы ни за что не догадаетесь, как близок был ублюдок к тому, чтобы улететь обратно на небеса!» На несколько мгновений я чувствую себя большим человеком, чуть ли не героем.

А потом — просто взрыв бомбы! Несколько слов. Кропечная вставка — из тех сюжетов, которые неминуемо вырезали бы, если бы передачу надо было сократить на несколько секунд. Вместе с Адмиралом прилетает гость: посланник от Культуры. Чуть не забываю дышать.

А вдруг, зайди я чуть-чуть дальше, именно этому человеку предстояло оказаться моей мишенью?!

Что же затевает Культура?

Посланник? Но Культуре и так все известно о Вреччисском экономическом сообществе. Она наблюдала, анализировала и знает, что предмет изучения достаточно нездоров сам по себе. Обыватели-вреччисианцы и представить себе не могут, насколько широко Культура раскинула свои руки в пространстве, впрочем, придворные и военно-морские силы, наверное, осведомлены. В самый раз для легкой параноии (хотя, окажись у них полный объем информации, от их спокойствия вообще не осталось бы следа). Так для чего же понадобился посланник?

И кто на самом деле стоит за покушением? «Лучезарному пути» судьба единственного инопланетника безразлична в сравнении с силой пропагандистского воздействия от падения целого звездолета, но что, если пистолет предоставили не они, а кто-то из придворной группировки или ВМС? На Вреччисе немало проблем: и социальных, и политических... Что, если президент и его камарилья хотят попросить Культуру о помощи? Перспективу возможных перемен некоторые из чиновников могут посчитать крайне угрожающей для прежней, сытой жизни...

Черт! Да я даже не знаю наверняка, не является ли все покушение авантюрой какого-нибудь придурка из службы безопасности или ВМС, пытающегося свести старые счеты или продвинуться на несколько ступенек по карьерной лестнице!

И тут меня вызвали.

Это заставило меня застыть на месте. Меня вызвали по вокзальному коммутатору трижды. Хотелось бы верить, что

это всего лишь звонок Мауста, собирающегося предупредить меня о задержке... но разве он стал бы называть мое имя на весь переполненный вокзал? Ведь ему должно было быть известно, что я желаю скрыться отсюда тихо и незаметно. Он не может относиться к событиям с таким легкомыслием.

Не отвечать на звонок. Даже не думать о нем. Мой экспресс отходит через десять минут. Поднимаю сумку. Меня вновь вызвали по коммутатору, но в этот раз прозвучало имя Мауста. Был ли у меня выбор? Ноги понесли меня в информаторий.

Видеозвонок.

— Робик. — Каддас вздохнул и покачал головой.

Он находился в каком-то офисе, безличном и безликом. Испуганный и бледный Мауст стоял прямо за креслом, в котором сидел Каддас. Круйтцель застыл вплотную к Маусту, ухмыляясь из-за хрупкого плеча моего любимого. Круйтцель слегка шевельнулся, Мауст дернулся от боли, было видно, как он прикусил губу.

— Робик, — вновь вздохнул Каддас, — куда ты так спешишь? По-моему, у нас была назначена встреча, а?

— Да, — тихо отвечаю я, глядя в глаза Маусту, — очень непредусмотрительно с моей стороны. Я... задержусь на... на несколько дней... Мауст, я...

Экран блекнет.

Я медленно разворачиваюсь внутри кабины, смотрю на сумку с пистолетом, поднимаю ее... удивительно, насколько тяжелой оказывается ноша.

Я стою в парке. Кругом — деревья, с которых капает вода, и битые камни. Рассекающие исстрадавшийся грунт тропинки уводят в разные стороны. Теплая земля пахнет сыростью. Я гляжу вниз с верхушки пологого склона — там, в темноте, плывут прогулочные лодки, их огни отражаются в неподвижной воде ползучего озера. Сумрачный городской квартал — как туманная площадка далекого света. Я слышу, как на деревьях вокруг перекликаются птицы.

Воздушно-транспортные огни на башне левипорта протянулись в синее вечернее небо пылающей нитью алых бусин. Над зданием парламента и Великой Площадью Внутреннего Города в знак приветствия победоносного Адмирала

(а может быть, и посланника Культуры — кто его знает?) расцвечивают небеса лазеры, поисковые прожектора и химические фейерверки.

Я сажусь на пенек, запахнув полы пальто. Пистолет остается в руке — наготове, откалиброванный, со всеми необходимыми установками. Я стараюсь сделать все аккуратно и профессионально. Чуть дальше, в кустах на дальней стороне склона, ближе к оживленной парковой трассе, остался арендованный мотоцикл. Может быть, мне удастся выкрутиться. По крайней мере, в это хочется верить. Смотрю на пистолет.

Что я хочу от этого оружия? То ли воспользоваться им для спасения Мауста, то ли покончить с собой. Вчера мне даже хотелось сдать пистолет в полицию (тоже вид самоубийства, только помедленнее). Или же связаться с Каддасом и сказать, что пистолет потерялся или не работает или что я не могу убить другого человека из Культуры, такого же как я... Сказать что угодно. Но страх не дал мне произнести ничего из этого.

Если хочу вернуть Мауста, то придется выполнять то, к чему меня принуждают.

В небесах над городом что-то засияло. Ниспадающий вниз контур золотого свечения. Центральные огни были ярче и крупнее остальных.

Моя бесстрастность дала сбой, во рту возник резкий привкус, руки затряслись. Возможно, я сорвусь, как только корабль пойдет на снижение, и выстрелю в левитранс-башню. Заставлю обрушиться всю эту махину... Вдруг часть конструкции взлетит в небеса? Может быть, попробовать и посмотреть, чем это все закончится? Отсюда можно обстрелять половину города. Черт подери, с выстрелами по изогнутой траектории можно обстрелять весь этот поганый город! Сбить эскорт, боевые корабли и полицейские крейсера! Пока меня не поймают, можно устроить во Вреччисе самую крупную заваруху!..

Корабли уже над городом. Теперь, вдали от солнечного света, зеркальные противолазерные купола кажутся более тусклыми. Корабли снижаются — может быть, сейчас они километрах в пяти от земли. Вновь проверяю оружие.

А вдруг пистолет не сработает, приходит успокаивающая мысль.

В пыли и грязи над городом шарят лазеры, оставляя на высоко реющих клочковатых облаках компактные пятна. В той же самой дымке перемещаются и гаснут огни прожекторов-поисковиков под всплески и медленное ниспадание фейерверков — подмигивающих, поблескивающих, а навстречу приветственным огням величественно снижаются корабли. Я смотрю на край обрыва, усаженный деревьями. Я тут один. Теплый ветер доносит до меня мерное ворчание транспорта от парковой трассы.

Я поднимаю пистолет и прицеливаюсь. На голографическом экране наведения возникает строй кораблей, изображение очень яркое, словно в полдень. Отрегулировав увеличение, я навожу прицел на флагманский корабль. Теперь нажать пальцем пусковую кнопку. Пистолет нашел цель и затвердел в моей руке, точно камень. Мигающая белая точка на дисплее отметила центр звездолета.

Я вновь оглядываюсь. Сердце колотится, рука сжимает застывший пистолет, но никто так и не появился, чтобы остановить меня. Глаза защипало. Корабли зависли в нескольких метрах над причальными конструкциями Внутреннего Города. В окружении звездолетов на Великую Площадь опускается центральное судно, флагманский корабль — величественное, массивное зеркало, протянутое поблескивающему городу. Пистолет в моей руке чуть поворачивается, отслеживая звездолет.

Может быть, посланника на борту этого чертового корабля вообще нет. Может быть, все это чертова подстава от Комитета по особым обстоятельствам, может быть, Культура вот-вот вмешается, а сейчас те, кто все это подстроил, развлекаются, наблюдая за мной, отступником, готовым вот-вот запустить ход событий...

Я не знаю. Я ничего не знаю, захлебываясь в океане возможностей и страдая от невыносимой жажды выбора.

Я нажимаю на курок. Пистолет дергается, все вокруг озаряет вспышка света. Мелькнуло ослепительное сияние, пронеслось от меня к звездолету, преодолев десять километров, и где-то в голове прозвучал пронзительный звук взрыва. Меня отшвырнуло на пенек.

Когда я вновь сажусь, корабль падает. На Великой Площади полыхают языки пламени, клубится дым, игриво танцуют отблески жуткого света. Лазеры и фейерверки словно

потускнели. Я стою, испуганно дрожа, в ушах звенит, а я неотрывно всматриваюсь в то, что свершилось по моей воле. Над развалинами рассекают небо скоростные птерохватчики, спохватившиеся слишком поздно, и с разлету разбиваются о землю, обманутые автоматикой и внезапностью плазменного взрыва. Наконечники-боеголовки ярко взрываются среди бульваров и строений Внутреннего Города, оставляя на нем синяк за синяком.

Эхо первого взрыва разносится на весь парк, как оглушительная пощечина.

Очнулись полицейские крейсера и корабли сопровождения. Огни полицейских крейсеров принялись высвечивать окрестности, корабль эскорта принялся медленно разворачиваться над льдистым, поблескивающим сиянием, оставшимся после кораблекрушения.

Сунув пистолет в карман, я бегу по мокрой дорожке к мотоциклу — подальше от края склона. В моей голове полыхает пламя, внутренним взором я по-прежнему вижу перед собой световой столб, на долю мгновения соединивший меня с кораблем. «Воистину лучезарный путь, — приходит мысль, и я едва не смеюсь. — Лучезарный путь в обволакивающем мраке сознания».

Я мчусь куда-то, как и прочие несчастные, бегущие от неизвестности...

IV

ВОЛОНТЕРЫ. НОВЫЕ МЕЧТАТЕЛИ

(Начало 1990-х годов)

Я предпочитаю думать, что космическая опера – это скорее
набор внешних признаков, нежели литературное течение.
Именно поэтому ее приемами пользуются и британские
«деваки», и такие авторы, как Орсон Скотт Кард, которому
космическая опера служит совсем для других целей.
Он, по существу, является истребителем чуждых галактик –
или, по крайней мере, чуждых рас, –
но при этом разъясняет, что к геноциду,
возможно, и следует относиться отрицательно,
и вообще, мол, это была подстава.
Иными словами, не исключено, что эта литературная
форма лишена самостоятельного значения.
Может быть, это просто некая совокупность аксессуаров,
бутафории, и ничего больше.

Гэри К. Вулф («Locus»)

ДЭН СИММОНС

Небесные странники

Дэн Симмонс (р. 1948) живет в пригороде Денвера, штат Колорадо. Информацию об авторе можно найти на www.dansimmons.com. Долгие годы он работал школьным учителем, но с 1987 года полностью посвятил себя писательской деятельности. Симмонс начинал в жанре хоррор. Его первый роман «Песнь Кали» («Song of Kali», 1985), удостоенный Всемирной премии фэнтези, основан на впечатлениях, которые автор получил во время годичной поездки в Индию по фулбрайтовской стипендии[1].

Первый научно-фантастический роман Симмонса, оказавшийся слишком объемным, был опубликован в двух томах: «Гиперион» («Hyperion», 1989, премия «Хьюго») и «Падение Гипериона» («The Fall of Hyperion», 1990). Писатель вернулся к изображению вселенной Гипериона в книгах «Эндимион» («Endymion», 1996) и «Восход Эндимиона» («The Rise of Endymion», 1997), составляющих единое произведение; эти четыре романа образовали цикл «Песни Гипериона» («The Hyperion Cantos»).

Произведения в жанре космической оперы, принадлежащие перу Карда, Брина, Черри, Симмонса, Буджолд и Вернора Винджа, ежегодно, с 1986 по 1993 год, получали премии за лучший роман. Очевидно, в то время космическая опера находилась в центре внимания стремящихся к популярности американских писателей (а также и читательской аудитории). Интересно отметить, что в эпоху расцвета киберпанка космическая опера являлась доминирующим направлением в популярной научной фантастике. И Симмонс был в ней центральной фигурой.

Между 1996 и 2005 годами премию за лучшее произведение получила лишь одна подобная книга. Можно отнести такой поворот на счет изменившихся вкусов публики или снижения привлекательности космической оперы для ведущих авторов. За эту декаду книга в жанре космической оперы была номинирована на получение премии только один раз. Это явно демонстрирует, что после 1995 года популярность жанра резко снизилась.

---

[1] *Программа Фулбрайт* — программа образовательных грантов, основанная сенатором США Джоном Фулбрайтом; предоставляет гранты американским и зарубежным ученым.

В 1990-е годы и позднее Симмонс написал множество произведений в различных жанрах. Среди его последних книг: «Зимние призраки» («A Winter's Haunting», 2002), получившая в 2003 году премию Колорадо (Colorado Book Award); «Илион» («Ilium», 2003) — возвращение к космической опере; «Круче некуда» («Hard as Nails», 2003) — «крутой» детектив, главным героем которого является Джо Курц, появляющийся в нескольких книгах Симмонса; и продолжение «Илиона» — «Олимп» («Olympos», 2005).

В интервью журналу «Locus» Дэн Симмонс говорит: «Почему писатели смешивают несколько жанров? Мне нравится так делать, поскольку это дает возможность освоить разные стили, ознакомиться с новыми изобразительными приемами и схемами. Наконец, просто насладиться работой в различных жанрах. Это, возможно, некая дань — так же как мой первый научно-фантастический роман „Гиперион" был данью нескольким формам научной фантастики, от Джека Вэнса до киберпанка».

Щедрая канва космической оперы неизменно привлекает Симмонса, и все его научно-фантастические романы написаны в этом стиле. В кратком предисловии к предлагаемому рассказу, действие которого происходит во вселенной Гипериона, Симмонс пишет: «Четыре книги о Гиперионе охватывают более тринадцати веков во времени, пространство протяженностью десятки тысяч световых лет, занимают более трех тысяч страниц. Здесь описывается взлет и падение по крайней мере двух крупнейших межпланетных цивилизаций и содержится множество идей, о которых не подозревает и сам автор. Другими словами, это космическая опера».

Обозреватель «Nev York Times» пишет о последней книге серии: «„Восход Эндимиона", подобно трем своим предшественникам, является стопроцентным боевиком, изобилующим сценами поединков и космических сражений, но отличается от классической космической оперы значительностью своей цели — которая есть не что иное, как спасение человеческой души». Это необычное замечание, если вспомнить слова критика Джона Клюта, который, по выражению Дэвида Прингла, «в критическом обзоре романов Дэна Симмонса придумал изрядную фразу „опера энтелехии[1]"».

---

[1] *Энтелехия* — в философии Аристотеля внутренняя сила, потенциально заключающая в себе цель и окончательный результат.

Гигантский звездолет вышел из пространства Хокинга[1] поблизости от двойной системы, состоявшей из красной и белой звезд. Пока шестьсот восемьдесят четыре тысячи триста пассажиров «Спектральной Спирали Амойета» спали глубоким сном в криогенных камерах, пять устройств искусственного интеллекта, управлявшие кораблем, провели совещание. Они столкнулись с необычным явлением, и четыре робота из пяти признали его достаточно важным, чтобы вывести огромный корабль из пространства Хокинга. Последовало оживленное обсуждение того, что же делать дальше, занявшее несколько микросекунд.

Корабль был прекрасен в слабом сиянии двух звезд. Белый и красный свет падал на его километровый корпус, мерцал на трех тысячах камер глубокого сна. Камеры были расположены по тридцать штук на ста вращавшихся вокруг корпуса штангах и мелькали так быстро, что сливались в неясное пятно; вся конструкция походила на систему гигантских вееров, а три тысячи коконов, в которых спали люди, изредка вспыхивали в красно-белом свете, словно драгоценные камни. Энейцы сконструировали корабль таким образом, что штанги располагались вокруг длинной центральной шахты под углом. Первые тридцать штанг были направлены слегка назад, а тридцать более длинных, расположенных во втором ряду, — вперед, так что ячейки проносились мимо друг друга с интервалом всего в несколько микросекунд и сливались в единое пятно. Поэтому корабль, двигавшийся на полной скорости, напоминал то, в честь чего был назван, — спираль. Наблюдатель с расстояния в несколько сотен километров от звездолета увидел бы в свете двух солнц вращающуюся двойную спираль человеческой ДНК.

Все пять роботов согласились, что лучше остановить вращение ячеек. Сначала огромные штанги изменяли положение, пока сверкающая спираль не превратилась в вереницу из трех тысяч замедляющихся «углерод-углеродных связей»

[1] *Стивен Хокинг (Hawking)* (р. 1942) — английский физик-теоретик, известный своими исследованиями в области теоретической космологии и квантовой гравитации, а также теории черных дыр.

(то есть осей, каждая — с яйцевидной ячейкой на конце), ставших видимыми при снижении скорости. Затем оси остановились и втянулись внутрь корабля. Ячейки вошли в гнезда, расположенные в корпусе, словно яйца в контейнер.

Корабль больше не напоминал спираль, он превратился в длинную, тонкую стрелу. В ее треугольном, похожем на луковицу наконечнике располагались центры управления. Двигатель Хокинга и более массивные термоядерные двигатели находились в хвостовой части; поверх втянутых внутрь корабля осей образовалось восемь слоев изоляции. Роботы единогласно проголосовали за то, чтобы, снижая скорость, направиться к белой звезде G8 с умеренным ускорением в четыреста единиц[1] и генерировать защитное поле класса двадцать. Двойная система не несла явной опасности, но более далекий красный гигант, как и следовало ожидать, выбрасывал большие количества пыли и разнообразных обломков. Один из роботов, особенно гордившийся своим навигационным искусством и осторожностью, предупредил, что траектория полета к звезде G8 должна тщательно обходить полость Роша[2] из-за массивных ударных волн, излучаемых гелиосферой в этой области. Пять роботов начали прокладывать траекторию, позволяющую избежать большей части опасного излучения. С радиационными ударными волнами можно было справиться при помощи защитного поля класса три, но роботы желали исключить малейшую угрозу безопасности шестисот восьмидесяти четырех тысяч трехсот человек, находившихся на борту звездолета.

Следующее неизбежное решение было принято единогласно. Учитывая причину замедления скорости и отклонения от курса в сторону системы G8, они сочли необходимым разбудить людей. Сайге — робот, отвечавший за личный состав, списки обязанностей и психологические портреты, — заранее позаботился о том, чтобы близко узнать каждого из шестисот восьмидесяти четырех тысяч трехсот женщин,

---

[1] То есть с ускорением, в четыреста раз превышающим земное ускорение свободного падения.

[2] *Полость Роша* — область вокруг звезды в двойной системе; для тела, находящегося в этой области, притяжение звезды преобладает и над притяжением звезды-компаньона, и над центробежной силой.

мужчин и детей. Он несколько секунд изучал список, прежде чем выбрать девять человек, которых следовало разбудить.

Дем Лиа проснулась, не ощущая и следа той заторможенности, которая оставалась после пробуждения в старых криогенных ячейках. Чувствуя себя отдохнувшей и бодрой, она села в своей «люльке», и механическая рука протянула ей традиционный стакан апельсинового сока.

— Чрезвычайная ситуация? — спросила Дем Лиа громким, четким голосом, словно проснулась после хорошего ночного отдыха.

— Ни кораблю, ни миссии ничто не угрожает, — ответил робот Сайге. — Обнаружена интересная аномалия. Древние радиосигналы из системы, в которой, вероятно, можно произвести дозаправку. У нас нет никаких проблем, корабль функционирует нормально, угрозы жизни людей нет. Все в порядке. Корабль в безопасности.

— На какое расстояние мы удалились от последней изученной нами системы? — поинтересовалась Дем Лиа.

Допив сок, она принялась натягивать костюм, украшенный изумрудно-зеленой полосой на левом рукаве и тюрбане. Традиционно ее народ носил халаты жителей пустыни, и каждый халат был того из цветов Спирали Амойета, который выбирала себе семья. Но халат — неудобная одежда для космического корабля, где невесомость — частое явление.

— На шесть тысяч триста световых лет, — сообщил Сайге.

Дем Лиа перестала моргать.

— Сколько лет прошло со дня последнего пробуждения? — тихо спросила она. — Сколько времени корабль находится в пути? И сколько прошло в остальном мире?

— Со времени последнего пробуждения прошло девять лет по корабельному времени и сто два обычных года, — ответил Сайге. — Общая продолжительность пути — тридцать шесть лет. В мире людей прошел четыреста один год, три месяца, одна неделя и пять дней.

Дем Лиа потерла затылок.

— Сколько человек вы разбудили?

— Девять.

Дем Лиа кивнула. Не тратя больше времени на болтовню с роботом, она окинула быстрым взглядом двести запечатанных саркофагов, в которых продолжали спать ее семья и друзья. Потом она заняла место в главном транспортном устройстве для перевозки людей, и машина повезла Дем Лиа на мостик, где должны были собраться остальные восемь человек.

Энсйцы по заказу пассажиров «Спектральной Спирали Амойета» сделали командный отсек корабля похожим на мостик древнего корабля-факела или морского судна, какие строили на Старой Земле, до Хиджры. Пол здесь был один, как в обычной комнате, и Дем Лиа с удовольствием отметила, что сила тяжести на корабле устойчива и равна земной. Мостик составлял примерно двадцать пять метров в диаметре: здесь располагались центры управления и связи для различных специалистов. В центре находился стол — разумеется, круглый; за ним сидели бодрствующие люди, потягивая кофе и обмениваясь обычными, всем известными шутками по поводу видений, что являются в глубоком сне. Стены кабины, выполненной в виде полушария, занимали широкие окна, из которых открывался вид на межзвездное пространство. Дем Лиа постояла минуту, разглядывая незнакомые созвездия, любуясь длинным, почти бесконечным корпусом «Спирали»: мощные фильтры приглушали ослепительное сияние огненного термоядерного хвоста, протянувшегося на восемь километров за кормой, и самой двойной системы, состоявшей из маленькой белой звезды и красного гиганта; обе звезды были ясно видны. Разумеется, это были не настоящие окна — лишь голографические изображения. Их можно было мгновенно менять, увеличивать, снижать яркость, но сейчас иллюзия была полной.

Дем Лиа обратила внимание на восьмерых человек, сидевших вокруг стола. Она познакомилась с ними во время двухлетней тренировки на корабле с Энейцами, но никого близко не знала. Все они входили в число почти тысячи избранных, которых могли разбудить во время полета. Когда люди заново знакомились за чашкой кофе, Дем Лиа рассмотрела их знаки различия.

Четверо мужчин, пять женщин. Одна из женщин также носила изумрудный цвет: он означал, что командование

может достаться ей. Разумеется, это решит голосование. Зеленая полоса в Спектре Амойета подразумевала согласие с природой, способность руководить, знакомство с технологиями и обязанность защищать существа, находящиеся в опасности, — а шестисот восьмидесяти четырех тысяч трехсот беженцев Амойета здесь, далеко за пределами освоенного людьми пространства, вполне можно было считать находящимися в опасности. Было условлено, что в случае непредвиденного пробуждения «зеленые» примут общее командование.

Кроме женщины с зеленой полосой — она была молодой, рыжеволосой, и ее звали Рес Сандре — здесь присутствовали: мужчина с красной полосой, Патек Георг Дем Мио; женщина с белой полосой, Дон Соа, — Дем Лиа познакомилась с ней на дипломатическом тренинге; мужчина с черной полосой по имени Джон Микаил Дем Алем; пожилая женщина с желтой полосой, Оам Раи, — Дем Лиа вспомнила, что та превосходно разбиралась в работе систем корабля; светловолосый мужчина с голубой полосой, Петер Делен Дем Тае, который обучался психологии; привлекательная женщина с фиолетовой полосой, наверняка выбранная потому, что она была знатоком астрономии, — ее звали Кем Лои; мужчина с оранжевой полосой, корабельный врач, с которым Дем Лиа несколько раз приходилось разговаривать, — Самуэль Риа Кем Али, известный как доктор Сэм.

После церемонии представления воцарилась тишина. Все посмотрели в окно, из которого была видна двойная система; белая звезда G8 почти терялась в ярком пламени гигантского термоядерного хвоста «Спирали».

Наконец мужчина с красным, Патек Георг, произнес:

— Ну хорошо, корабль. Объясни.

Из многочисленных динамиков раздался спокойный голос Сайге:

— Мы собирались начать поиск планет, похожих на Землю, когда наши сенсоры и астрономы заинтересовались этой системой.

— *Двойной* системой? — удивилась Кем Лои, женщина с фиолетовой полосой. — Разумеется, не системой красного гиганта?

Люди на «Спектральной Спирали Амойета» предъявляли высокие требования к планете, которую должен был

найти для них корабль, — звезда класса G2, планета с оценкой как минимум «девять» по старой шкале Солмева: синие океаны, комфортная температура — словом, рай. У них имелись впереди десятки тысяч световых лет пути и тысячи лет времени на поиски. Они были уверены, что найдут свой мир.

— В системе красного гиганта не осталось планет, — вежливо согласился робот Сайге. — По нашим оценкам, когда-то это была желто-белая карликовая звезда класса G2...

— Солнце, — пробормотал Петер Делен, мужчина с голубой полосой, сидевший справа от Дем Лиа.

— Да, — сказал Сайге. — Очень похожая на Солнце Старой Земли. Вероятно, оно потеряло стабильность на стадии горения водорода примерно три с половиной миллиона стандартных лет назад, затем увеличилось в размерах, превратилось в красный гигант и поглотило все планеты, вращавшиеся вокруг него.

— На сколько астрономических единиц[1] увеличилась эта звезда? — спросила Рес Сандре, «зеленая».

— Приблизительно на одну целую три десятых, — ответил робот.

— И там не осталось ни одной планеты? — уточнила женщина с фиолетовой полосой, Кем Лои. Люди, носившие фиолетовый цвет, на «Спирали» занимались сложными структурами, игрой в шахматы; они изучали запутанные аспекты человеческих взаимоотношений и астрономию. — Мне кажется, там должны были остаться какие-нибудь газовые гиганты или каменные планетки, ведь она расширилась на расстояние, едва превышающее радиус орбиты Старой Земли или Гипериона.

— Возможно, внешние планеты представляли собой очень маленькие тела и их унесло прочь постоянным потоком тяжелых частиц, — предположил Патек Георг, прагматик с красной полосой.

— А может быть, у этой звезды вообще не было планет, — произнесла Ден Соа, дипломат с белой полосой. — По крайней мере, в таком случае никто не погиб, когда Солнце превратилось в красный гигант.

---

[1] *Астрономическая единица* — единица измерения расстояния в астрономии, составляет приблизительно 150 миллионов километров.

— Сайге, — спросила Дем Лиа, — зачем мы направляемся к этой белой звезде? Можно увидеть данные о ней?

Над столом возникли изображения, траектории и колонки цифр.

— Что это? — воскликнула пожилая женщина с желтой лентой, Оам Раи.

— Лесное кольцо Бродяг, — ответил Джон Микаил Дем Алем. — Такой долгий путь. Мы летели столько лет. И какой-то древний корабль-сеятель Бродяг со времен Хиджры пришел сюда раньше нас.

— Пришел куда? — поинтересовалась Рес Сандре, женщина с зеленой полосой. — В этой системе есть какие-нибудь планеты, Сайге?

— Нет, мэм, — ответил робот.

— Вы думали о заселении их лесного кольца? — удивилась Дем Лиа. Согласно их плану, следовало избегать любой планеты или корабля Энейцев, Пакс или Бродяг, которые могли встретиться «Спирали» на долгом пути через неизведанное космическое пространство.

— Это орбитальное лесное кольцо необыкновенно мощное, — сообщил робот Сайге. — Но истинная причина, побудившая нас разбудить вас, направиться к этой системе и начать торможение, иная. Дело в том, что некто, обитающий на кольце или поблизости от него, передает сигнал тревоги посредством кода, который использовался во времена ранней Гегемонии. Сигнал очень слабый, но мы слышим его последние двести двадцать восемь световых лет полета.

Это заставило всех задуматься. «Спираль» отправилась в путь спустя примерно восемьдесят лет после Момента Сопричастности Эней — одного из центральных событий истории, обозначившего начало новой эры для большей части человечества. До Момента человечеством правило общество Пакс, которым манипулировала Церковь. Должно быть, эти Бродяги пропустили бóльшую часть истории Пакс и, вероятно, много веков из тысячелетней эпохи Гегемонии, которая предшествовала Пакс. А ведь «Спираль» находилась в пути уже более четырехсот лет. Если эти Бродяги были участниками Хиджры, эмигрировали со Старой Земли или из Старых соседних систем в начале Гегемонии, они, должно быть, не вступали в контакты с остальной

частью человечества полторы тысячи стандартных лет, а то и больше.

— Интересно, — произнес Петер Делен Дем Тае, голубая полоса на одежде которого указывала на полученные глубокие знания в области психологии и антропологии.

— Сайге, воспроизведи тревожный сигнал, пожалуйста, — попросила Дем Лиа.

Послышалась серия однообразных шипящих звуков, щелчков и свиста, сквозь которые с трудом можно было разобрать два слова. Они были произнесены с акцентом, характерным для сетевого английского времен Гегемонии.

— Что они говорят? — спросила Дем Лиа. — Я не могу разобрать.

— Помогите нам, — объяснил Сайге.

Обычно в голосе этого робота звучал слабый азиатский акцент; он говорил так, словно все окружающее забавляло его. На сей же раз голос Сайге был ровным и серьезным.

Девять человек, сидевших вокруг стола, снова в молчании посмотрели друг на друга. Их целью было оставить как можно дальше позади человеческую вселенную, вселенную Энейцев, для того чтобы их народ, носитель культуры Спектральной Спирали Амойета, мог жить своей жизнью и самостоятельно вершить свою судьбу. Бродяги были другой ветвью человеческого рода: они пытались держаться собственной эволюционной тропы, приспосабливаясь к жизни в открытом космосе. Их союзники, Храмовники, путешествовали вместе с Бродягами. С помощью генетических секретов они выращивали орбитальные лесные кольца и даже громадные сферические деревья, полностью окружавшие солнца.

— Сколько Бродяг, по вашим оценкам, живет на орбитальном лесном кольце? — спросила Ден Соа, женщина с белой полосой, получившая дипломатическую подготовку. Ее обязанностью было вести переговоры в случае контакта.

— Семьсот миллионов, насколько мы можем видеть, обитают на этой стороне от Солнца, — сообщил робот. — Если они расселились по всему кольцу или его большей части, то, очевидно, население должно составлять несколько миллиардов.

— Есть какие-нибудь признаки присутствия Акератели или Цепленов? — поинтересовался Патек Георг.

Гигантские лесные кольца и деревья-сферы были созданы совместными усилиями Бродяг и представителей этих двух инопланетных рас, которые действовали на стороне Бродяг и Храмовников во время падения Гегемонии.

— Никаких, — ответил Сайге. — Но взгляните на общий вид кольца, представленный в центральном окне. Мы находимся на расстоянии шестидесяти трех астрономических единиц от него... это изображение, увеличенное в десять тысяч раз.

Все повернулись, чтобы посмотреть в переднее окно: до лесного кольца, казалось, было всего несколько тысяч километров. Зеленые листья, желтые и коричневые ветви и похожий на косу основной ствол, окружавший Солнце, изгибались, скрываясь из виду, озаренные яркими лучами звезды G8.

— Что-то здесь не так, — заметила Дем Лиа.

— Это именно та странность, которая, помимо сигнала тревоги, заставила нас разбудить вас, — сказал Сайге, голос его вновь звучал слегка насмешливо. — Это орбитальное лесное кольцо сконструировано не Бродягами и не Храмовниками.

Доктор Самуэль Риа Кем Али негромко присвистнул:

— Лесное кольцо, построенное инопланетянами. Но с живущими на нем потомками Бродяг.

— Есть кое-что еще, что мы обнаружили, войдя в систему, — добавил Сайге.

Внезапно все левое окно заполнило изображение какого-то аппарата — космического корабля, — такого огромного и неуклюжего, что его невозможно было описать. Внизу экрана виднелось изображение «Спирали», приведенное для сравнения. Длина «Спирали» составляла один километр. Основание незнакомого корабля протянулось по меньшей мере на тысячу километров. Монстр был огромным и широким, толстым, уродливым, угольно-черным; он походил на какое-то насекомое, соединяя в себе самое мрачное, что породили органическая эволюция и технический прогресс. На носу корабля располагалось нечто, напоминавшее пасть со стальными зубами; зияющее отверстие обрамляли бесконечные жвала, режущие кромки и острые словно бритва зубья.

— Это похоже на молот Господень, — произнес Патек Георг Дем Мио, и его холодная ирония не могла скрыть дрожи в голосе.

— Молот Господень, клянусь своей задницей, — негромко сказал Джон Микаил Дем Алем. Как указывала его черная полоса, среди прочего он обладал навыками разведения растений; он вырос на огромных фермах Витус-Грей-Балиана Б. — Это молотилка прямо из преисподней.

— Где это находится? — начала было Дем Лиа, но Сайге уже нанес местоположение корабля на голограмму, показывающую траекторию их движения к лесному кольцу.

Отвратительный корабль-пила летел из точки над эклиптикой[1], он опередил их примерно на двадцать восемь астрономических единиц и снижал скорость быстро, но не так стремительно, как «Спираль», направляясь прямо к лесному кольцу Бродяг. Глядя на его траекторию, легко было рассчитать, что при таком ускорении машина достигнет кольца через девять стандартных дней.

— Возможно, это причина тревоги, — сухо заметила Рес Сандре, женщина с зеленой полосой.

— Если бы такое надвигалось на меня или мою планету, я бы так закричала, что и без радио было бы слышно за двести двадцать восемь световых лет! — воскликнула девушка с белой полосой, Ден Соа.

— Если мы впервые услышали слабый сигнал примерно двести двадцать восемь световых лет назад, — сказал Патек Георг, — это означает, что либо эта штука приближается к системе *очень* медленно, либо...

— Она уже бывала здесь прежде, — закончила Дем Лиа.

Она приказала роботу выключить изображения в окнах и отпустила его.

— А теперь приступим к распределению ролей, обязанностей, приоритетов и примем первоначальные решения? — предложила она.

Остальные восемь человек торжественно кивнули.

Чужаку, не принадлежащему к культуре Спектральной Спирали, следующие пять минут показались бы совершенно

---

[1] *Эклиптика* — путь на небесной сфере, по которому происходит видимое годичное движение Солнца.

непонятными. Общее согласие было достигнуто в течение первых двух минут, но лишь малая часть дискуссии проводилась при помощи речи. Этим людям достаточно было комбинации жестов, телодвижений, условных фраз и безмолвных кивков, выработанных в течение четырех столетий культурой, целью которой было достижение решения путем консенсуса. Родители, деды и прадеды этих людей понимали необходимость командной структуры и дисциплины: полмиллиона человек из их народа погибли в короткой, но кровопролитной войне с остатками Пакс на Витус-Грей-Балиане Б, а еще тридцать лет спустя сто тысяч человек были уничтожены во время грабительского налета вандалов Пакс на их систему. Но они были твердо уверены, что командира следует выбирать совместными усилиями, и потому как можно больше вопросов решали этим же способом.

В первые две минуты были определены должности каждого из них и рассмотрены детали выполняемых обязанностей.

Дем Лиа выпало командовать. Ее голос в случае необходимости мог изменить коллективное решение. Другая женщина с зеленой полосой, Рес Сандре, предпочла осуществлять контроль над движением корабля и инженерными системами в сотрудничестве с неразговорчивым роботом по имени Башо, а также использовать этот «выход» из пространства Хокинга как можно лучше, чтобы провести инвентаризацию корабля.

Мужчина с красной полосой, Патек Георг, как все и ожидали, занял должность руководителя службы безопасности — он отвечал за мощные защитные орудия звездолета и за его безопасность во время контактов с Бродягами. Только Дем Лиа могла отменять его приказы, относящиеся к вооружению корабля.

Молодой женщине с белой полосой, Ден Соа, предстояло отвечать за внешние связи и дипломатические переговоры, но она потребовала, чтобы Петер Делен Дем Тае разделил с ней ответственность. Его подготовка включала курс теоретической биологии и психологии инопланетных рас.

Доктор Сэм обязан был наблюдать за здоровьем всех находящихся на борту людей и изучать эволюционную биологию Бродяг и Храмовников на случай, если с ними придется вступить в контакт.

Мужчине с черной полосой, Джону Микаилу Дем Алем, достался контроль над системами жизнеобеспечения «Спирали». Вместе с соответствующим роботом он должен был также подготовить необходимые условия для Бродяг, если они окажутся на борту корабля.

Оам Раи, самая старшая из девяти, чемпион корабля по шахматам, согласилась координировать работу всех систем звездолета и быть главным советником Дем Лиа в случае непредвиденных ситуаций.

Кем Лои, астроном, приняла ответственность за исследование окружающего пространства, но ей явно больше всего хотелось использовать свободное время для изучения двойной системы.

— Кто-нибудь заметил, что эта белая звезда напоминает одного нашего старого друга? — спросила она.

— Тау Кита, — уверенно ответила Рес Сандре.

Кем Лои кивнула:

— Взгляните также на необычное расположение лесного кольца.

Это заметили все. Бродяги предпочитали звезды типа G2, у которых они могли выращивать орбитальные леса на расстоянии примерно одной астрономической единицы от Солнца. Это кольцо отстояло от своей звезды лишь на тридцать шесть сотых одной астрономической единицы.

— Почти на такое же расстояние центр Тау Кита удален от своего Солнца, — размышлял Патек Георг.

TC^2 — под таким именем планета была известна более тысячи лет — некогда являлась центральной планетой и столицей Гегемонии. Затем, в эпоху Пакс, она превратилась в застоявшееся болото. Так было до тех пор, пока в последние годы их правления некий кардинал Церкви не организовал переворот и не сверг папу. Тогда была уничтожена бóльшая часть заново отстроенных городов. Когда спустя восемьдесят лет после войны «Спираль» покинула населенные людьми области, Энейцы заново заселяли древнюю столицу, реставрировали прекрасные классические здания и обширные поместья — одним словом, превращали унылые руины в Аркадию. Для Энейцев.

После того как обязанности были распределены и приняты, люди обсудили возможность пробуждения своих ближайших родственников. Поскольку семьи народа Спектраль-

ной Спирали состояли из трех членов — одного мужчины и двух женщин или наоборот — и у большинства на борту имелись дети, это был непростой вопрос. Джон Микаил привел возражения с точки зрения жизнеобеспечения — они были минимальны, — но все согласились, что присутствие членов семей исключительно в качестве пассажиров затруднит принятие решений. Было решено оставить их в спячке, сделав исключение для мужа и жены Ден Соа. Молодая женщина-дипломат призналась, что будет чувствовать себя неуверенно без своих возлюбленных, и остальные согласились на это исключение, мягко указав, что супругам Ден Соа не следует заходить на мостик, если их присутствие там не требуется. Ден Соа тут же пообещала выполнить это условие. Позвали Сайге, и тот немедленно начал процесс пробуждения семьи Ден Соа. Детей у них не было.

Затем перешли к обсуждению главного вопроса.

— Значит, мы действительно собираемся приблизиться к кольцу и заняться проблемами этих Бродяг? — спросил Патек Георг. — Если принять, что их сигнал тревоги еще что-то значит.

— Они продолжают передавать его на старых частотах, — сказала Ден Соа, соединившись с коммуникационными системами корабля. Девушка со светлыми волосами сосредоточилась на чем-то, возникшим перед ее внутренним взором. — И эта машина-монстр по-прежнему направляется к ним.

— Хочу напомнить, — заметил мужчина с красной полосой, — что наша цель — избегать на пути в неисследованное пространство контактов с человеческими поселениями, которые могут принести нам неприятности.

Рес Сандре, женщина с зеленой полосой, сейчас отвечающая за техническое обеспечение корабля, улыбнулась:

— Думаю, что, когда был составлен этот план — избегать Пакс, Бродяг и Энейцев, мы не представляли, что можем встретить людей — или бывших людей — на расстоянии восьми тысяч световых лет от границ заселенного человеком пространства.

— Но это может доставить неприятности всем, — настаивал Патек Георг.

Все понимали истинный смысл слов шефа службы безопасности. Люди с красной полосой на «Спектральной Спирали» были известны храбростью, твердыми политическими

убеждениями и страстью к искусству, но они также были наделены состраданием ко всем живым существам. Восемь человек понимали: говоря, что контакт будет означать неприятности для всех, Патек имел в виду не только шестьсот восемьдесят четыре тысяч двести девяносто одного человека, спящего на борту корабля, но и самих Бродяг и Храмовников. Эти сироты, выходцы со Старой Земли, ветвь рода человеческого, развивавшаяся самостоятельно, не общались с остальными людьми по меньшей мере тысячу лет, а возможно, и дольше. Даже самый мимолетный контакт мог губительно сказаться на культуре Бродяг.

— Мы собираемся приблизиться и посмотреть, не нуждаются ли они в помощи... и заодно запастись свежей провизией, если это возможно, — объявила Дем Лиа вежливым, но решительным тоном. — Сайге, если мы будем тормозить как можно быстрее, не нарушая при этом внутренние защитные поля, сколько времени займет у нас путь до точки, расположенной на расстоянии примерно пяти тысяч километров от лесного кольца?

— Тридцать семь часов, — ответил робот.

— Следовательно, мы опередим эту уродливую машину больше чем на семь дней, — констатировала Оам Раи.

— Черт побери! — воскликнул доктор Сэм, — возможно, этот аппарат построили сами Бродяги, чтобы преодолевать области ударных волн гелиосферы на пути к системе красного гиганта. Нечто вроде грязной тележки.

— Я так не думаю, — возразила юная Ден Соа, не обратив внимания на иронию в словах мужчины.

— Ну что ж, Бродяги нас заметили, — сообщил Патек Георг, который подключился к системам связи корабля. — Сайге, включи, пожалуйста, окна. То же увеличение, что и прежде.

Внезапно комната озарилась светом звезд, солнца и отраженным сиянием от переплетений орбитального лесного кольца, очень похожего на Бобовый стебель Джека из старой сказки[1], края которого исчезали вдали, огибая бе-

[1] *«Джек и Бобовый стебель»* — английская сказка о мальчике, в саду которого вырос гигантский боб; по стволу боба можно было забраться на небо.

лую звезду. Но теперь к этой картине добавилось нечто новое.

— Это изображение в реальном времени? — прошептала Дем Лиа.

— Да, — подтвердил Сайге. — Бродяги, очевидно, заметили наш огненный хвост, как только мы вошли в систему. Теперь они приближаются, чтобы приветствовать нас.

Тысячи — нет, десятки тысяч трепещущих огненных лент отделились от лесного кольца. Они двигались, точно мерцающие светляки или огненные паутинки, прочь от переплетения гигантских листьев, коры и облака атмосферы. Тысячи светлых мотыльков направлялись в открытый космос, к «Спирали».

— Ты не мог бы увеличить это изображение еще немного? — попросила Дем Лиа.

Она обращалась к Сайге, но ее просьбу выполнила Кем Лои, которая подключилась к оптической сети корабля.

Огненные бабочки. Крылья шириной в сотню, две, пять сотен километров, улавливающие солнечный ветер и несущие своих хозяев вдоль линий магнитного поля маленькой яркой звезды. Но там были не десятки тысяч крылатых светлых ангелов или демонов, а сотни тысяч. Самое меньшее — сотни тысяч.

— Будем надеяться, что они дружелюбно настроены, — сказал Патек Георг.

— Будем надеяться, что мы сможем общаться с ними, — прошептала юная Ден Соа. — Я хочу сказать... за последние полторы тысячи лет они могли направить свою эволюцию в любую сторону.

Дем Лиа стукнула по столу легко, но достаточно громко, чтобы ее услышали.

— Я предлагаю прекратить обмениваться предположениями и оставить разговоры на момент встречи, к которой следует подготовиться и которая произойдет через... — Она смолкла.

— Двадцать семь часов и восемь минут, если Бродяги продолжат приближаться к нам, — откликнулся Сайге.

— Рес Сандре, — негромко произнесла Дем Лиа, — предлагаю вам и вашему роботу, отвечающему за полет, убедиться, что мы движемся достаточно медленно и не поджарим несколько тысяч Бродяг, вылетевших нам навстречу. Это

будет не очень приятное начало дипломатического контакта.

— Если они приближаются с враждебными намерениями, — вставил Патек Георг, — термоядерный реактор будет самым мощным оружием против...

Дем Лиа перебила его. Голос ее звучал мягко, но она дала понять, что дальнейший спор бесполезен.

— Я не собираюсь обсуждать войну с цивилизацией Бродяг до тех пор, пока мы не выясним их мотивы. Патек, можете проверить защитные системы корабля, но давайте прекратим дискуссию о враждебных действиях. Сначала мы с вами должны обговорить это лично.

Патек Георг наклонил голову.

— У кого-нибудь есть еще вопросы или замечания? — спросила Дем Лиа.

Никто не ответил. Девять человек встали из-за стола и отправились выполнять свою работу.

Спустя немногим более суток, в течение которых ей почти не удалось поспать, Дем Лиа, казавшаяся великаном, одиноко стояла в системе белой звезды. Маленькое солнце пылало всего в нескольких ярдах от ее плеча. Переплетение ветвей планеты-дерева находилось так близко, что Дем Лиа могла, протянув руку, прикоснуться к нему, обхватить его огромной ладонью; а на уровне ее груди сотни тысяч мерцающих крыльев слетались к «Спирали», огненный хвост которой почти погас. Дем Лиа ни на что не опиралась, ноги ее стояли на черной пустоте. Лесное кольцо инопланетян невесомо застыло на высоте ее талии, а россыпи созвездий и туманные облака галактик мерцали высоко вверху, вокруг и под ней.

Внезапно к ней присоединился Сайге. Виртуальное изображение монаха, словно перенесшегося из XX века, приняло свою обычную позу: он парил со скрещенными ногами прямо над эклиптикой на почтительном расстоянии в несколько ярдов от Дем Лиа. На нем не было рубахи и обуви, и круглый живот усиливал впечатление добродушия, исходившее от его сытого лица, прищуренных глазок и красных щек.

— Эти Бродяги так прекрасно летят на солнечном ветре, — тихо сказала Дем Лиа.

Сайге кивнул:

— Но тем не менее можно заметить, что на самом деле они используют ударные волны, идущие вдоль линий напряженности магнитного поля. Это дает им такую поразительную скорость.

— Мне это говорили, но сама я не видела, — ответила Дем Лиа. — Ты не мог бы...

В этот миг Солнечная система, в которой они стояли, превратилась в переплетение линий магнитного поля, исходящих от белой звезды G8. Сначала линии изгибались, затем выпрямлялись и шли параллельно друг другу, словно изгородь из лазерных копий. На картинке тщательно вычерченные линии магнитного поля были показаны красным. Бесчисленные голубые линии изображали траектории космических лучей, падавших на систему из галактики; они выравнивались в соответствии с линиями магнитного поля и образовывали спирали, идущие вверх вокруг красных нитей, подобно тому как извивающийся лосось плывет против течения реки, чтобы метать икру у ее истоков — в сердце звезды. Дем Лиа заметила, что линии напряженности магнитного поля, исходившие из Северного и Южного полюсов звезды, образовывали изгибы и петли, чтобы отражать космические волны, которые в противном случае легко бы «взобрались вверх». Дем Лиа изменила метафору: пожалуй, эта картина напоминала множество сперматозоидов, плывущих к пылающей звезде-яйцеклетке. Их отбрасывали прочь злые солнечные ветры и магнитные поля, сдували ударные волны, метавшиеся вдоль линий поля, словно кто-то натягивал проволоку или взмахивал хлыстом.

— Похоже на шторм, — заметила Дем Лиа, глядя, как множество Бродяг раскачиваются, скользят и летят на гребнях ударных волн ионов, магнитных линий и космических лучей, поддерживая равновесие с помощью крыльев, представляющих собой мерцающие силовые поля.

Солнечный ветер «дул» то вперед, вдоль линий магнитного поля, то обратно, и Бродяги, отступив было, снова устремлялись к кораблю на гребне ударной волны. Могучие порывы солнечного ветра обрушивались на медленные волны, создавая небольшие цунами. Они уносились прочь из системы, а затем возвращались обратно, подобно мощному приливу, и разбивались об огненный пляж звезды G8.

Бродяги с видимой легкостью управлялись с этим переплетением красных линий магнитного поля, желтых потоков ионов, голубых космических лучей и пестрых ударных волн. Дем Лиа бросила взгляд туда, где волны гелиосферы красного гиганта встречались с бурлящей гелиосферой яркой звезды G8. Вихри огней и красок были похожи на прибой разноцветного фосфоресцирующего океана, что обрушивается на скалы такого же яркого гигантского континента, пышущего энергией. Опасное место.

— Давай перейдем к обычному изображению, — велела Дем Лиа, и тут же звезды, лесное кольцо, крылатые Бродяги и замедлявшая движение «Спираль» — все вернулось на прежние места. Бродяги были изображены с большим увеличением, что позволяло лучше разглядеть их.

— Сайге, — попросила Дем Лиа, — пожалуйста, пригласи сюда остальных роботов.

Улыбающийся монах поднял тонкие брови:

— Всех сразу сюда?

— Да.

Вскоре они пришли, но не одновременно: одна виртуальная фигура за другой материализовалась с промежутком в пару секунд.

Первой появилась госпожа Мурасаки. Она была меньше ростом, чем Дем Лиа; при виде ее кимоно и покрывала, которым было три тысячи лет, у командира корабля перехватило дыхание. «Какой красотой пренебрегали на Старой Земле», — подумала Дем Лиа. Госпожа Мурасаки вежливо поклонилась и спрятала крошечные ладони в рукава. Лицо ее было покрыто почти белым гримом, губы и глаза сильно накрашены, а длинные черные волосы уложены в сложную прическу. Дем Лиа, которая почти всю жизнь носила короткую стрижку, и представить не могла, как можно управляться с такой массой волос — закалывать их, подхватывать, расчесывать, заплетать, укладывать и мыть.

Секунду спустя из-за виртуальной «Спирали» появился Иккую. Этот робот выбрал себе внешность старого, давно умершего поэта дзэн[1]: на вид ему было лет семьдесят, он был выше большинства японцев, почти лыс, лоб его покры-

[1] *Дзэн* — направление японского буддизма, пришедшее в Японию из Китая в XII веке.

вали озабоченные складки, но блестящие глаза были окружены морщинками смеха. Перед началом полета Дем Лиа прочитала в библиотеке корабля о поэте, монахе, музыканте и каллиграфе, жившем в XV веке. Когда настоящему Иккую было семьдесят, он влюбился в слепую певицу, моложе себя на сорок лет, и поразил молодых монахов тем, что привел возлюбленную в храм, где жил. Иккую нравился Дем Лиа.

Следующим появился Башо. Великий знаток хайку избрал себе внешность неуклюжего японского фермера XVII века в конусообразной шляпе и сабо — обычной одежде его сословия. Под ногтями у него неизменно чернела земля.

В круг грациозно вступил Рекан, облаченный в прекрасные одежды ярко-синего цвета с золотой каймой. Его длинные волосы были заплетены в косу.

— Я попросила вас всех прийти сюда, потому что эта встреча с Бродягами обещает нам сложности, — решительно начала Дем Лиа. — Из записей в бортовом журнале я узнала, что один из вас возражал против выхода из пространства Хокинга и ответа на сигнал тревоги.

— Это был я, — заявил Башо на современном английском, но грубым, гортанным голосом, похожим на ворчание самурая.

— Почему? — спросила Дем Лиа.

Башо махнул неуклюжей рукой:

— Запрограммированные в нас цели, согласованные между нами, не включали подобного события. Я решил, что оно несет в себе слишком большую опасность и слишком мало служит нашей основной задаче — найти новую колонию.

Дем Лиа сделала жест в сторону приближающегося роя Бродяг. Сейчас до них оставалось всего несколько тысяч километров. Они передавали сигналы о своих мирных намерениях по старым радиочастотам уже более одного стандартного дня.

— Ты по-прежнему считаешь, что это слишком рискованно? — спросила она у робота.

— Да, — ответил Башо.

Дем Лиа кивнула, слегка нахмурившись. У нее всегда возникало беспокойство, если роботы не были единодушны

в важных вопросах. Но именно для того, чтобы ни одна мелочь не ускользнула от внимания, Энейцы и сделали роботов автономными после разрушения Техно-Центра. И именно поэтому их было пять.

— Очевидно, остальные сочли риск приемлемым?

Госпожа Мурасаки ответила низким, спокойным голосом, почти шепотом:

— Мы увидели здесь прекрасную возможность пополнить запасы воды и продовольствия, тогда как культурные различия полагается обдумывать и преодолевать вам, это не нам решать. Разумеется, мы не заметили огромного корабля в системе, пока не вышли из пространства Хокинга. Это могло бы повлиять на наше решение.

— Это культура людей-Бродяг. Почти наверняка там присутствует значительное поселение Храмовников, которые, вероятно, не имели контактов с остальной частью человечества с начала эпохи Гегемонии, — с большим энтузиазмом заявил Иккую. — Это, возможно, самое отдаленное поселение участников Древней Хиджры. Всего человечества. Прекрасный шанс узнать что-то новое.

Дем Лиа нетерпеливо кивнула:

— Встреча состоится через несколько часов. Вы слышали их сообщение по радио: они говорят, что хотят приветствовать нас и поговорить. Мы отвечаем вежливо. Наши диалекты похожи, и автоматические переводчики могут справиться с разговором. Но как мы узнаем, что они прибыли с мирными намерениями?

Рекан откашлялся.

— Следует помнить, что в течение более тысячи лет так называемые войны с Бродягами были спровоцированы — сначала Гегемонией, затем Пакс. Старые поселения Бродяг в дальнем космосе были мирными, а эта колония, самая далекая из всех, вряд ли участвовала в конфликте.

Сайге закудахтал со своего удобного насеста в пустоте:

— Нужно также вспомнить, что во время войн Пакс с Бродягами эти мирные люди, могущие жить в открытом космосе, чтобы защитить себя, научились сооружать и использовать корабли-факелы, модифицированные звездолеты с двигателями Хокинга, плазменные орудия и даже несколько раз пользовались захваченными у Пакс орудиями

Гидеона. — Он взмахнул обнаженной рукой. — Мы провели сканирование каждого из приближающихся Бродяг, но ни у кого из них нет при себе оружия, даже деревянного копья.

Дем Лиа снова кивнула:

— Кем Лои показала мне астрономические свидетельства того, что их заякоренный корабль-сеятель был очень давно вырван из кольца — возможно, всего спустя несколько лет или месяцев после их прибытия сюда. В системе нет астероидов, а облако Оорта[1] находится слишком далеко. Весьма вероятно, что у них нет ни металлов, ни промышленности.

— Мэм, — возразил Башо, и лицо его стало озабоченным, — откуда мы можем это знать? Бродяги настолько изменили свои тела, что могут генерировать силовые поля в виде крыльев протяженностью в сотни километров. Если они приблизятся к кораблю на достаточное расстояние, то теоретически смогут использовать комбинированный плазменный эффект этих крыльев в попытке разрушить защитные поля и атаковать корабль.

— Убитые ангельскими крыльями, — негромко произнесла Дем Лиа. — Такая смерть будет насмешкой.

Роботы ничего не ответили.

— Кто непосредственно в контакте с Патеком Георгом Дем Мио разрабатывал защитные стратегии корабля? — спросила Дем Лиа молчавших роботов.

— Я, — ответил Рекан.

Дем Лиа это было известно, но все равно она подумала: «Слава богу, это не Башо». Патек Георг в достаточной степени был подвержен паранойе, и неизвестно, к чему привело бы его сотрудничество с чересчур недоверчивым роботом.

— Каковы рекомендации Патека на случай встречи, которая произойдет через несколько минут? — прямо спросила Дем Лиа у Рекана.

Робот замешкался всего лишь на мгновение. Устройства искусственного интеллекта соблюдали благоразумие и были преданны людям, с которыми им приходилось работать,

---

[1] *Облако Оорта* — гипотетическая область Солнечной системы, служащая источником комет.

но в то же время всегда выполняли приказы избранного командира корабля.

— Патек Георг собирается предложить вам расширить область действия защитного поля класса двадцать еще на сто километров, — спокойно произнес Рекан. — Привести в боевую готовность все орудия и навести их на цели — триста девять тысяч двести пять приближающихся Бродяг.

Дем Лиа слегка подняла брови.

— И сколько времени потребуется нашим системам, чтобы поразить более трехсот тысяч целей? — тихо спросила она.

— Две и шесть десятых секунды, — сказал Рекан.

Дем Лиа покачала головой:

— Рекан, пожалуйста, передай Патеку Георгу, что мы говорили с тобой об этом и я приказываю распространить защитное поле не на сто километров, а, как всегда, на один километр вокруг корабля. Это может быть по-прежнему поле класса двадцать. Бродяги увидят, какое оно мощное, и это хорошо. Но сейчас не нужно нацеливать орудия корабля на Бродяг. Вероятно, они заметили, как мы сканируем пространство в поисках целей. Рекан, ты и Патек Георг можете разрабатывать сколько угодно сценариев боя, чтобы быть уверенными в нашей безопасности. Но не включайте оружие и не наводите его на цель, пока я не прикажу.

Рекан поклонился. Башо стукнул своими виртуальными сабо, но промолчал.

Госпожа Мурасаки развернула веер и взмахнула им, наполовину скрыв лицо.

— Вы доверяете им, — спокойно сказала она.

Дем Лиа не улыбнулась:

— Не полностью. Я никогда и никому полностью не доверяю. Рекан, я хочу, чтобы ты и Патек отрегулировали систему генерации защитных полей таким образом, чтобы в случае, если хотя бы один Бродяга попытается разрушить защитное поле сфокусированным потоком плазмы со своих солнечных крыльев, оно преобразовалось в мощное поле класса тридцать пять и немедленно распространилось на пятьсот километров.

Рекан кивнул. Иккую слегка улыбнулся и произнес:

— Это будет очень быстрое путешествие для большой массы Бродяг, мэм. Их персональные энергетические системы вряд ли смогут уберечь их от шока, и они наверняка не смогут затормозить на протяжении астрономической единицы или даже дольше.

Дем Лиа кивнула:

— Это их проблемы. Не думаю, что до этого дойдет. Благодарю всех за беседу.

Шесть человеческих фигур исчезли.

Встреча оказалась мирной и плодотворной.

Первым вопросом, который Бродяги задали «Спирали» по радио двадцатью часами ранее, был: «Вы Пакс?»

Это сразу насторожило Дем Лиа и остальных. Они предполагали, что эти люди прекратили контактировать с остальным человечеством задолго до возвышения Пакс. Затем мужчина с черной полосой, Джон Микаил Дем Алем, догадался:

— Момент Сопричастности. Видимо, они тоже пережили Момент Сопричастности.

После этих слов девять человек в молчании переглянулись. Все знали, что Момент Сопричастности произошел, когда Энею пытали и убивали Пакс и Техно-Центр, и страдания ее были разделены всеми человеческими существами на освоенном людьми пространстве. Это был образ, объединивший мысли, воспоминания и знания умирающей женщины; он распространился по Связующей Бездне, по тем нитям в квантовой ткани вселенной, которые отвечают за сострадание, он ненадолго объединил всех, происходивших от человечества Старой Земли. Но здесь? На расстоянии в тысячи световых лет?

Дем Лиа внезапно поняла, как глупа эта мысль. Момент Сопричастности Эпеи, произошедший почти пятьсот лет назад, должен был охватить всю вселенную, распространяясь по квантовой ткани Связующей Бездны, затрагивая инопланетные расы и культуры настолько далекие, что ни одно человеческое средство связи или передвижения не могло достигнуть их. Первый осознанный человеческий голос прозвучал в мысленном разговоре, который идет между разумными и чувствующими существами почти двадцать миллиардов лет. Бо́льшая часть этих существ давно уже исчезли

или превратились в нечто иное, говорили Дем Лиа Энейцы, но их воспоминания и чувства по-прежнему хранятся в Связующей Бездне.

Разумеется, эти Бродяги испытали Момент Сопричастности пятьсот лет назад.

«Нет, мы не Пакс, — радировала „Спираль“ в ответ тремстам тысячам приближавшихся Бродяг. — Большая часть Пакс была уничтожена четыреста стандартных лет назад».

«У вас на борту есть последователи Энеи?» — пришло следующее сообщение от Бродяг.

Дем Лиа и остальные вздохнули. Возможно, эти Бродяги тщетно ждут какого-нибудь энейского посланца, пророка, который привез бы им причастие — ДНК Энеи, чтобы они тоже смогли стать Энейцами.

«Нет, — ответила „Спираль“. — У нас нет последователей Энеи». Затем они попытались объяснить смысл Спектральной Спирали Амойста и то, как Энейцы помогли им построить и приспособить корабль для долгого путешествия.

После паузы Бродяги спросили:

«Есть ли на борту кто-нибудь, кто встречал Энею или ее возлюбленного, Рауля Эндимиона?»

И снова девять человек безмолвно посмотрели друг на друга. Сайге, сидевший со скрещенными ногами на полу поблизости от круглого стола, заговорил.

— Никто из находящихся на борту не встречался с Энеей, — мягко произнес он. — Одна семья Спектра прятала Рауля Эндимиона и помогала ему, когда он лежал больным на Витус-Грей-Балиане Б. Но двое супругов были убиты во время войны с Пакс — одна из матерей, Дем Риа, и биологический отец, Алем Микаил Дем Алем. Их сын — мальчик по имени Бин Риа Дем Лоа Алем — также погиб во время бомбежки Пакс. Дочь Алем Микаила от предыдущего брака пропала и была сочтена погибшей. Выжившая супруга, Дем Лоа, приняла причастие и присоединилась к Энейцам несколько недель спустя после Момента Сопричастности. Она уехала с Витус-Грей-Балиана Б и не вернулась назад.

Дем Лиа и остальные ждали, зная, что робот не стал бы так подробно распространяться об этих событиях, если бы у истории не было продолжения.

И Сайге продолжил:

— Оказалось, что их дочь-подросток, Сес Амбре, которая считалась погибшей в резне гражданского населения Спектральной Спирали, устроенной Пакс на базе Бомбасино, на самом деле была увезена с планеты вместе с тысячью других детей и молодых людей. Им предстояло воспитываться в последней твердыне Пакс — на планете Святой Терезы — и заново родиться в качестве Христиан Пакс. Сес Амбре приняла крестоформ и воспитывалась под руководством религиозных стражей девять лет, прежде чем планета была освобождена Энейцами, и тогда Дем Лоа узнала, что ее дочь жива.

— Они воссоединились? — спросила юная красавица Ден Соа, дипломат. В глазах ее блестели слезы. — Сес Амбре освободилась от крестоформа?

— Воссоединение состоялось, — ответил Сайге. — Дем Лоа, узнав, что дочь жива, мгновенно перенеслась к ней. Сес Амбре попросила Энейцев уничтожить крестоформ, но заявила, что не примет от своей мачехи ДНК Энеи в качестве причастия, позволяющего присоединиться к Энейцам. В ее досье говорится, что она хотела вернуться на Витус-Грей-Балиан Б, чтобы увидеть остатки культуры, из которой ее вырвали. Она прожила там почти шестьдесят стандартных лет, работая учителем. Она приняла цвет своей бывшей семьи — голубой.

— Она столько лет жила с крестоформом, но отказалась стать одной из Энейцев, — пробормотала Кем Лои, астроном, словно отказываясь верить в услышанное.

Дем Лиа сказала:

— Она находится на борту, в глубоком сне.

— Да, — подтвердил Сайге.

— Сколько лет ей было, когда начался полет? — спросил Патек Георг.

— Девяносто пять стандартных лет, — ответил робот и улыбнулся. — Но, как и все мы, до отбытия она пользовалась энейской медициной. По внешности и умственным способностям ей можно дать чуть больше пятидесяти.

Дем Лиа потерла щеку:

— Сайге, пожалуйста, разбуди гражданку Сес Амбре. Ден Соа, будьте рядом, когда она проснется, и объясните ей ситуацию, прежде чем Бродяги взойдут на борт. По-видимому,

они больше заинтересованы увидеть кого-нибудь, кто знал мужа Энеи, чем познакомиться с культурой Спектральной Спирали.

— В то время — еще будущего мужа, — поправил мужчина с черной полосой, Джон Микаил, который был немного педантом. — Рауль Эндимион еще не был женат на Энее во время своего короткого пребывания на Витус-Грей-Балиапе Б.

— Я почту за честь быть с Сес Амбре, пока мы не встретим Бродяг, — с радостной улыбкой сказала Ден Соа.

Бродяги остановились на расстоянии пятисот километров от корабля; на борт поднялись три их посла. Они сообщили по радио, что Бродяги, не испытывая неудобств, могут переносить гравитацию, составляющую одну десятую нормальной. Приятная сферическая комната-солярий, расположенная над мостиком, была соответствующим образом подготовлена, и, кроме того, в ней поставили стулья и устроили освещение. Жители «Спирали» сочли, что беседа пойдет легче, если хотя бы слегка будет чувствоваться «верх» и «низ». Ден Соа добавила, что Бродягам, возможно, будет уютнее среди зелени. Корабль легко создал на потолке огромной оранжереи шлюз, и ожидающие смотрели, как медленно приближаются двое крылатых Бродяг, таща за собой какую-то фигурку в прозрачном скафандре. Бродяги на кольце дышали стопроцентным кислородом, и устройства корабля позаботились о соответствующей атмосфере в солярии. Дем Лиа ощутила легкое головокружение, глядя, как гостей проводят к специальным креслам, и не могла решить, что это — следствие вдыхания чистого кислорода или просто новизна обстоятельств.

Устроившись в креслах, Бродяги, казалось, принялись изучать пятерых хозяев со «Спектральной Спирали»: Дем Лиа, Ден Соа, Патека Георга, психолога Петера Делен Дем Тае и Сес Амбре, привлекательную женщину с короткими седыми волосами, сидевшую со сложенными на коленях руками. Бывшая учительница настояла на том, чтобы надеть свой полный костюм и капюшон — все это было голубого цвета. Несколько стежков, выполненных в нужных местах, мешали покрывалам волноваться при каждом движении или раздуваться, поднимая хозяйку с пола.

Делегация Бродяг представляла собой компанию трех совершенно разных существ. Слева, в наиболее тщательно оборудованном кресле с низкой гравитацией, сидел Бродяга, действительно могущий жить в открытом космосе. Человек, представившийся как Путник, был почти четырехметрового роста, отчего миниатюрная Дем Лиа казалась себе еще меньше, чем на самом деле. Люди Спектральной Спирали в основном были приземисты и коренасты, но не из-за веков, проведенных на планетах с высокой гравитацией, — просто такие гены были выбраны их предками. Бродяга мало напоминал человека. Руки и ноги его представляли собой всего лишь длинные, похожие на лапы насекомого отростки на худом туловище. Пальцы были длиной не менее двадцати сантиметров. Каждый квадратный сантиметр его тела — оно казалось почти обнаженным под прилегающим, словно вторая кожа, охлаждающим костюмом — был покрыт самогенерирующимся силовым полем. Это усиленное биополе человека позволяло ему существовать в полном вакууме. Гребни, расположенные на плечах, представляли собой постоянно действующие установки для расширения крыльев силового поля, улавливания солнечного ветра и магнитных полей. Лицо Путника, измененное с помощью генетики, сильно отличалось от лица обычного человека. Глаза превратились в черные щелки, скрытые за моргающими луковицеобразными мембранами; ушей у него вовсе не было, с одной стороны головы располагалась решетка — очевидно, радиоприемник. Рот без губ напоминал узкую щель: человек общался с себе подобными посредством желез-радиопередатчиков, находящихся в горле.

Делегация «Спектральной Спирали» была осведомлена о строении организма Бродяг. У каждого из членов команды был миниатюрный наушник, который позволял им слышать, кроме радиопередач Путника, также голоса роботов на безопасной частоте.

Второй Бродяга был частично приспособлен к жизни в безвоздушном пространстве, зато больше напоминал человека. Трехметрового роста, безволосый, тонкий, похожий на паука, он не имел постоянного поля, окутывавшего Путника, словно эктоплазма. Черты его узкого лица были четкими. Говорил он на раннем сетевом английском почти

без акцента. Он представился как Главный Лесник и историк Кил Редт, и было очевидно, что он является официальным оратором группы, а возможно, и ее подлинным главой.

Слева от Главного Лесника сидела женщина-Храмовник — молодая, лысая, с тонкими, слегка азиатскими чертами лица и с обычными для Храмовников большими глазами. Она была облачена в традиционную бурую сутану и капюшон. Женщина представилась как Истинный Глас Древа Рета Кастин. Голос ее был мягким и удивительно музыкальным.

Когда представители «Спектральной Спирали» назвали себя, Дем Лиа заметила, что двое Бродяг и Храмовник пристально разглядывают Сес Амбре, которая приятно улыбалась в ответ.

— Каким образом вы сумели забраться так далеко на подобном корабле? — спросил Главный Лесник Кил Редт.

Дем Лиа объяснила, что их целью является основание новой колонии людей Спектральной Спирали Амойета вдали от областей, занятых людьми и Эпейцами. Последовал неизбежный вопрос о происхождении культуры Спектральной Спирали Амойета, и Дем Лиа как могла кратко поведала их историю.

— Итак, если я правильно вас поняла, — произнесла Истинный Глас Древа Рета Кастин, — ваша социальная структура полностью основана на опере — развлекательном произведении, сыгранном лишь однажды, более шестисот стандартных лет назад.

— Не полностью, — поправила собеседницу Ден Соа. — Культуры, несомненно, развиваются и адаптируются к изменяющимся условиям и жизненным задачам. Но наши философские основы и культурные принципы действительно содержатся в произведении философа, композитора, поэта и художника Халпуля Амойета, исполненном один раз.

— И что этот... поэт... думал об обществе, основанном на его мультимедийной опере? — спросил Главный Лесник.

Это был деликатный вопрос, но Дем Лиа лишь улыбнулась и сказала:

— Этого мы никогда не узнаем. Гражданин Амойет погиб в горах при восхождении всего месяц спустя после ис-

полнения оперы. Первые общины Спектральной Спирали появились только через двадцать стандартных лет.

— Вы поклоняетесь этому человеку? — спросил Главный Лесник Кил Редт.

Сес Амбре ответила:

— Нет. Никто из людей Спектральной Спирали никогда не обожествлял Халпуля Амойета, хотя наше общество частично носит его имя. Но мы уважаем ценности и жизненные цели, которые он выразил в единственном, не имеющем себе равных исполнении Спектральной Спирали, и стараемся жить в соответствии с ними.

Главный Лесник удовлетворенно кивнул.

В ухе Дем Лиа раздался шепот Сайге:

— Они передают изображение и аудиозапись на очень компактной когерентной частоте. Бродяги, ожидающие снаружи, улавливают передачу и ретранслируют ее на лесное кольцо.

Дем Лиа взглянула на трех человек, сидевших перед ней, и наконец остановила взгляд на Путнике — человеке, приспособленном к жизни в космосе. Глаза его были почти скрыты поляризованными моргающими мембранами, напоминавшими защитные очки, отчего он казался очень похожим на насекомое. Сайге проследил за взглядом Дем Лиа и шепнул:

— Да. Это он ведет передачу.

Дем Лиа сложила ладони и прикрыла рот, чтобы скрыть движение губ.

— Ты подключился к пучку радиоволн?

— Разумеется, — ответил Сайге. — Все очень примитивно. Они передают всего лишь картинку и звук, никаких данных. Бродяги, ожидающие около нас или на лесном кольце, ничего не отвечают.

Дем Лиа едва заметно кивнула. «Спираль» производила полную голографическую запись встречи, включая инфракрасную съемку, томографические исследования мозговой деятельности и дюжину других скрытых, но агрессивных процедур, так что командир не могла упрекнуть Бродяг в ведении записи встречи. Внезапно щеки ее порозовели. Инфракрасные лучи. Сканирование с помощью плотных пучков света. Дистанционная томография. Разумеется, Бродяга, привычный к жизни в вакуумс, все это ощущает.

Этот человек, если он еще остался человеком, видит солнечный ветер, чувствует расположение линий магнитного поля, может проследить траектории отдельных ионов и даже космических лучей, проходящих вокруг и сквозь него в полном вакууме.

Дем Лиа еле слышно прошептала:

— Выключи все сенсоры, оставь только голографические камеры.

Сайгс в ответ промолчал: это был знак согласия.

Дем Лиа заметила, что Путник внезапно заморгал, словно кто-то погасил ослепительный свет, бивший ему в глаза. Затем Бродяга взглянул на Дем Лиа и слегка кивнул. Странная щель на месте рта, запечатанная слоем силового поля и прозрачной эктодермальной плазмой, изогнулась в некоем подобии улыбки.

В это время Храмовник Рета Кастин продолжала говорить:

— ...итак, вы видите, что мы миновали зарождавшуюся Великую Сеть и оставили заселенное людьми пространство в начале возвышения Гегемонии. Мы покинули систему Кентавра спустя некоторое время после начала первой Хиджры. Периодически наш корабль-сеятель появлялся в реальном пространстве, в нашем пути к нам присоединялись Храмовники из Рощи Богов, так что мы получали новости и информацию из первых рук о том, что происходило с Великой Сетью. Мы продолжали путь.

— Зачем вы направлялись так далеко? — спросил Патек Георг.

Главный Лесник ответил:

— Это весьма просто: в работе корабля возникла неисправность. Он держал нас замороженными несколько веков, а программное обеспечение игнорировало потенциальные системы, в которых можно было соорудить орбитальную планету-дерево. В конце концов, когда две тысячи людей, не приспособленных к такой долгой спячке, уже умерли в ячейках, системы корабля осознали свою ошибку. Корабль запаниковал и начал выходить из пространства Хокинга у каждой системы, обнаружив обычный набор звезд, вблизи которых невозможно вырастить древесное кольцо Храмовников и которые смертоносны для Бродяг. Из записей корабля мы узнали, что он чуть не поселил нас в двойной

системе, состоявшей из расположенных рядом красного гиганта и черной дыры, которая собиралась поглотить своего соседа.

— В этом случае аккреционный диск[1] представлял бы собой занимательное зрелище, — заметила Дем Соа со слабой улыбкой.

На тонких губах Главного Лесника возникла усмешка:

— Да, в течение нескольких недель или месяцев, прежде чем дыра убила бы нас. Но вместо этого, собрав остатки разума, корабль совершил последний прыжок и нашел совершенное решение — эту двойную систему с белой звездой, в гелиосфере которой мы можем существовать. И с сооруженным кем-то древесным кольцом.

— Как давно это произошло? — спросила Дем Лиа.

— Примерно две тысячи тридцать стандартных лет назад, — сообщил Путник по радио.

Женщина-Храмовник наклонилась вперед и продолжила рассказ:

— Первое, что мы обнаружили, — это орбитальное дерево не имеет никакого отношения к биогенетике, которую мы разработали в Роще Богов для строительства наших прекрасных и таинственных звездных деревьев. Его ДНК настолько отличалась от наших, что вмешательство могло погубить все кольцо.

— Вы могли начать строительство собственного кольца внутри и вокруг чужого, — сказала Сес Амбре. — Или попытаться соорудить дерево-звезду, как другие Бродяги.

Рета Кастин, Истинный Глас Древа, кивнула:

— Мы только-только начали делать это — изменять центры роста протогенов в нескольких сотнях километров от места, где среди листьев и ветвей инопланетного кольца причалил наш корабль-сеятель... — Она смолкла, словно ища подходящие слова.

— Появился Разрушитель, — сообщил по радио Путник.

— Разрушитель — это корабль, который мы заметили, приближаясь к вашему кольцу? — уточнил Патек Георг.

---

[1] *Аккреционный диск* — диск, образуемый газом, перетекающим на компактные звезды (белые карлики, нейтронные звезды, черные дыры) от звезд-компаньонов в двойных системах.

— Этот корабль,— подтвердил Путник. Казалось, он выплюнул эти два слова.

— Тот же монстр из ада,— добавил Главный Лесник.

— Он уничтожил ваш корабль-сеятель,— догадалась Дем Лиа.

Так вот почему у Бродяг не было металла, и вот почему рядом с чужим кольцом не было кольца Храмовников.

Путник покачал головой:

— Он *поглотил* корабль-сеятель вместе с более чем двадцатью восемью тысячами километров древесного кольца. Все листья, плоды, кислородную камеру, водный канал, даже наши протогенные центры роста.

— В те дни Бродяг, полностью приспособленных к жизни в безвоздушном пространстве, было меньше,— сказала Рета Кастин.— Они попытались спасти остальных, но многие тысячи людей погибли в первое посещение Разрушителя... Пожирателя... Машины. У нас много имен для него.

— Корабль из преисподней,— добавил Главный Лесник, и Дем Лиа поняла, что он буквально имел это в виду. Словно на ненависти к монстру возникла целая религия.

— Как часто он появляется? — спросила Ден Соа.

— Каждые пятьдесят семь лет,— сообщила женщина.— Ровно.

— Из системы красного гиганта? — уточнила Ден Соа.

— Да,— подтвердил Путник.— Из адской звезды.

— Если вам известна его траектория,— предположила Дем Лиа,— вы можете сказать, через какое время он... уничтожит, поглотит часть вашего лесного кольца? Вы могли бы просто не заселять или, по крайней мере, эвакуировать эти области. В конце концов, бóльшая часть древесного кольца явно пустует... площадь его поверхности должна более чем в миллион раз превышать площадь Старой Земли или Гипериона.

На тонких губах Главного Лесника Кила Редта снова появилась улыбка:

— Совсем скоро, через семь или восемь стандартных дней, Разрушитель, несмотря на огромную массу, не только закончит торможение, но и выполнит сложные маневры, после которых окажется над населенной частью кольца. Всегда над населенной областью. Сто четыре года назад

его траектория привела к скоплению кислородных камер, где жили более двадцати миллионов наших сограждан, неспособных существовать в вакууме. Там были сосредоточены транспортные трубы, мосты, башни, платформы размером с город, искусственно созданные камеры жизнеобеспечения. Все это строилось уже более шестисот стандартных лет.

— Все было уничтожено, — произнесла Истинный Глас Древа Рета Кастин с печалью в голосе. — Поглощено. Убито.

— Много людей погибли? — тихо спросила Дем Лиа.

Путник покачал головой и ответил:

— Миллионы живущих в вакууме Бродяг объединили усилия, чтобы эвакуировать тех, кто дышит кислородом. Погибли меньше ста человек.

— Вы пытались связаться с этой... машиной? — спросил Петер Делем Дем Тае.

— Многие века, — ответила Рета Кастин дрожащим от волнения голосом. — Мы применяли радио, плотные пучки, квантовые генераторы, несколько голографических передатчиков, которые у нас еще остались. Люди Путника даже использовали свои силовые крылья — многие тысячи, — чтобы передавать сообщения простым математическим кодом.

Пять людей «Спектральной Спирали Амойета» ждали.

— Ничего, — ровным тоном произнес Главный Лесник. — Она приходит, выбирает населенную часть кольца и уничтожает ее. Мы ни разу не получили ответа.

— Мы считаем, что она полностью автоматическая и очень древняя, — вступила Рета Кастин. — Возможно, ей миллионы лет. Она все еще работает по программе, созданной во время постройки инопланетного кольца. Она пожирает огромные куски кольца, сучья, ветви, сосуды с миллионами галлонов выработанной деревьями воды... а затем возвращается в систему красной звезды и через пятьдесят семь лет приходит снова.

— Раньше мы думали, что в системе красного гиганта осталась какая-то планета, — продолжал по радио Путник. — Планета, всегда скрытая от нас на противоположной стороне от этого зловещего Солнца. Планета, жители которой соорудили это кольцо в качестве источника

пропитания, возможно, прежде, чем их звезда G2 превратилась в красный гигант. И они продолжают забирать свою долю, несмотря на ущерб, приносимый нам. Но оказалось, что это не так. Такой планеты не существует. Теперь мы поняли, что Разрушитель действует самостоятельно, слепо подчиняясь древней программе. Он без всякой причины откусывает части кольца и уничтожает наши поселения. Те, кто жил в системе красного гиганта, давно покинули ее.

Дем Лиа пожалела, что здесь нет Кем Лои, их астронома. Она знала, что девушка наблюдает за обстановкой с мостика.

— Мы не заметили никаких планет во время приближения к двойной системе, — заявила командир с зеленой полосой. — Весьма маловероятно, что на какой-нибудь планете могла сохраниться жизнь во время превращения звезды G2 в красный гигант.

— Тем не менее этот Разрушитель во время своих полетов проходит очень близко к ужасной красной звезде, — возразил Главный Лесник Бродяг. — Возможно, там осталось некое искусственное сооружение — космическое поселение или выдолбленный астероид. Поселение, обитатели которого для выживания нуждаются в древесном кольце. Но это не оправдывает убийства людей.

— Если они сумели сконструировать подобную машину, то могли в свое время, когда звезда G2 начала превращение, просто покинуть свою систему, — размышлял Патек Георг. Мужчина с красной полосой взглянул на Путника. — А вы пытались уничтожить эту штуку?

На странном лице Путника, скрытом под силовым полем, возникла тонкая улыбка, похожая на оскал ящерицы.

— Много раз. Погибли десятки тысяч настоящих Бродяг. Машина обладает энергетическим защитным полем, которое превращает нас в пепел на расстоянии примерно ста тысяч километров.

— Возможно, это просто защита от метеоров, — предположила Дем Лиа.

Улыбка Путника стала еще шире, придав его лицу ужасное выражение.

— Если так, она представляет собой очень эффективное орудие уничтожения. Мой отец погиб во время последней попытки атаковать врага.

— Вы пытались добраться до системы красного гиганта? — спросил Петер Делем.

— У нас не осталось ни одного корабля, — пояснила Храмовник.

— Тогда с помощью ваших солнечных крыльев?

Очевидно, Петер мысленно произвел расчет и вычислил, сколько времени займет подобное путешествие. Годы — десятки лет, если двигаться на солнечном ветре, но Бродяги живут значительно дольше.

Узкая, с длинными пальцами рука Путника разрубила воздух.

— Турбулентность гелиосферы слишком велика, — сказал он. — Но мы сотни раз пытались проделать это. В экспедиции отправлялись десятки, а возвращались единицы или вообще никто. В одной из таких попыток шесть наших стандартных лет назад погиб мой брат.

— И сам Путник был сильно ранен, — тихо добавила Рета Кастин. — Отправились шестьдесят восемь лучших путешественников в космосе, а вернулись двое. Все оставшиеся у нас медицинские знания потребовались, чтобы спасти жизнь Путника, а это означало для него два года в специальной камере.

Дем Лиа откашлялась:

— Чего вы хотите от нас?

Двое Бродяг и Храмовник наклонились вперед. От имени всех заговорил Главный Лесник Кил Редт.

— Если вы согласны с нами в том, что в системе красного гиганта не осталось населенной планеты, уничтожьте Разрушитель немедленно. Избавьтесь от этой уборочной машины. Спасите нас от бессмысленного, никому не нужного, бесконечного уничтожения. Мы вознаградим вас так щедро, как только сможем, — дадим вам продуктов, фруктов, воды на все путешествие, поделимся передовыми генетическими технологиями, нашими сведениями о близлежащих системах — всем, что вы захотите.

Люди Спектральной Спирали переглянулись. Наконец Дем Лиа произнесла:

— Если вам здесь удобно, четверо из нас просят извинения. Нам потребуется некоторое время, чтобы обсудить этот вопрос. Сес Амбре с радостью останется с вами и поговорит, если вы пожелаете.

Главный Лесник взмахнул длинными руками с широкими ладонями:

— Нам очень удобно. И мы с восторгом воспользуемся шансом поговорить с достойной госпожой Амбре — женщиной, которая видела супруга Энеи.

Дем Лиа заметила, что молодая женщина-Храмовник, Рета Кастин, явно напугана предстоящим разговором.

— А затем вы сообщите нам свое решение, так? — спросил Путник.

Глядя на его восковое тело, огромные веки и руки, похожие на конечности инопланетянина, Дем Лиа почувствовала, что по спине у нее бежит холодок. Это существо питалось солнечным светом, улавливая достаточно энергии, чтобы приводить в движение электромагнитные солнечные крылья шириной в сотни километров; оно перерабатывало использованный воздух, воду и отходы жизнедеятельности, существовало среди абсолютного холода, сильного жара, под действием радиации, почти в полной пустоте. Человечество проделало долгий путь от ранних гоминид, появившихся в Африке, на Старой Земле.

«А если мы откажемся, — подумала Дем Лиа, — то триста тысяч рассерженных Бродяг, таких как он, приземлятся на нашем корабле, подобно гавайским дикарям, излившим свой гнев на капитана Джеймса Кука, который запретил им вытаскивать гвозди из обшивки корабля. Доброго капитана не просто жестоко убили, но еще и выпотрошили, разделали на куски и сварили». Не успела эта мысль промелькнуть у нее в голове, как Дем Лиа опомнилась. Бродяги не станут атаковать «Спираль». Это подсказывала ей интуиция. «А если они нападут, — напомнила она себе, — наши орудия превратят их в пар за две и шесть десятых секунды». Дем Лиа почувствовала себя виноватой, ей стало нехорошо от собственных мыслей. Чувство вины преследовало ее, когда она прощалась с делегацией и с тремя спутниками ехала в лифте на капитанский мостик.

— Вы видели его, — тяжело дыша от волнения, начала Истинный Глас Древа Рета Кастин, — супруга Энеи?

Сес Амбре улыбнулась:

— Мне было четырнадцать стандартных лет. Это было очень давно. Он путешествовал с планеты на планету на

скоростном транспорте и на несколько дней остановился в доме моих приемных родителей из-за болезни. У него был камень в почке. Затем солдаты Пакс схватили его и держали под арестом, ожидая прибытия следователей. Мои родители помогли ему бежать. Это продолжалось всего несколько дней, очень много лет прошло с тех пор. — Она снова улыбнулась. — И помните, тогда он еще не был супругом Эней. Он не принял причастия ее ДНК, даже не понимал тогда, что означают ее кровь и учение для человечества.

— Но вы *видели* его, — настаивал Главный Лесник Кил Редг.

— Да. Бо́льшую часть времени он лежал в горячке, терзаемый болью, солдаты приковали его наручниками к кровати моих родителей.

Рета Кастин наклонилась ближе:

— Вы не заметили вокруг него какой-нибудь... *ауры?*

— О да, аура была, — со смешком отвечала Сес Амбре. — До тех пор, пока мои родители не вымыли его губкой. Он много дней путешествовал без удобств.

Бродяги и Храмовник разочарованно откинулись на спинки кресел.

Сес Амбре подалась вперед и дотронулась до колена молодой женщины.

— Я прошу извинения за легкомысленные речи. Я понимаю важность роли, которую сыграл Рауль Эндимион в нашей истории. Но это случилось очень давно, и время было смутное. В те годы на Витус-Грей-Балиане Б я была бунтующим подростком, только и думала, как бы удрать из общины «Спирали» и принять крестоформ в каком-нибудь близлежащем городе Пакс.

Три собеседника постарались отодвинуться подальше, насколько позволяли кресла. На двух лицах, которые могли выражать эмоции, читалось потрясение.

— Вы хотели впустить это... этого *паразита* в свое тело?

Каждый человек во Вселенной, испытавший Момент Сопричастности Эней, видел, знал, ощущал реальность, следовавшую за обрядом принятия «креста бессмертия». Это была паразитическая масса узлов искусственного интеллекта, которые создавали в реальном пространстве Техно-Центра, используя нейроны и синапсы тела жертвы так, как им

было удобно. Они могли убить человека-хозяина ради нескольких последних секунд, когда перед смертью его нервная система работает на пределе возможностей. Затем Церковь с помощью технологии Техно-Центра воскрешала тело человека — и крестоформ-паразит становился все более мощным и разветвленным с каждой смертью и воскрешением.

Сес Амбре пожала плечами:

— Тогда это был доступный вид бессмертия. И шанс выбраться из нашей пыльной деревушки, присоединиться к реальному миру — миру Пакс.

Три дипломата-Бродяги смотрели на нее, не находя слов.

Сес Амбре подняла руки к воротнику и раскрыла его, обнажив горло и начало шрама, оставшегося после того, как Энейцы удалили крестоформ.

— Меня похитили, отвезли на одну из последних планет Империи и вживили крестоформ. Девять лет я с ним жила, — сказала Сес Амбре так тихо, что собеседники едва могли слышать. — И бóльшая часть этих лет прошла уже после Момента Сопричастности Энси, — продолжала Сес Амбре. — После разоблачения планов Центра поработить нас с помощью этой отвратительной вещи.

Истинный Глас Древа Рета Кастин взяла морщинистую руку Сес Амбре в свои.

— И все же вы отказались присоединиться к Энейцам после освобождения. Вы вернулись к остаткам своей культуры.

Сес Амбре улыбнулась. В глазах у нее стояли слезы, и внезапно она показалась намного старше.

— Да. Я чувствовала, что обязана сделать это ради своего народа, ведь я покинула его во время кризиса. Кто-то должен был сохранить культуру Спектральной Спирали. Мы потеряли столько людей во время войн. Еще больше мы потеряли, когда Энейцы дали нам возможность присоединиться к ним. Так трудно отказаться стать почти богом.

Путник издал ворчание, похожее на сильные радиопомехи.

— Это наша величайшая забота после Разрушителя. На лесном кольце не осталось в живых никого из тех, кто пе-

режил Момент Сопричастности. У нас есть только его детали — великое знание силы сострадания и могущества Связующей Бездны, знания Энеи, которые Энейцы могут распространять во вселенной. Но здесь возникла Церковь Энеи. И когда-нибудь часть нашего народа отвергнет наследие Бродяг и Храмовников и в один миг превратится в Энейцев.

Сес Амбре потерла щеку и снова улыбнулась:

— Теперь я вижу, что Энейцы не посещали эту систему. Вспомните, Энея призывала, чтобы никто не основывал никаких «церквей Энеи». Она не желала поклонения, причисления к лику святых или обожествления. Эта мысль преобладала во время Момента Сопричастности.

— Мы знаем это, — ответила Рета Кастин. — Но общества часто обращаются к религии в отсутствие выбора и знаний. Вероятность присутствия у вас на борту Энейцев была одной из причин, по которым мы приветствовали появление вашего могучего корабля с таким энтузиазмом и трепетом.

— Энейцы приходят не на кораблях, — мягко напомнила Сес Амбре.

Трое кивнули.

— Если этот день наступит, — сказал Путник, — то каждый Бродяга и Храмовник будет решать, советуясь со своей совестью. Что касается меня, я всегда буду летать на гигантских крыльях солнечного ветра.

В эту минуту вернулись Дем Лиа и трое ее подчиненных.

— Мы решили помочь вам, — объявила она. — Но нам нужно торопиться.

Ни за что на свете ни Дем Лиа, ни кто-либо другой из восьми людей и пяти устройств искусственного интеллекта не стали бы рисковать и вступать в открытый бой с «разрушителем», «жнецом» — и как бы еще ни назвали Бродяги свою напасть. Не просто так три тысячи камер жизнеобеспечения, несшие шестьсот восемьдесят четыре тысячи триста колонистов, находившихся в глубоком сне, имели яйцевидную форму. Путешественники буквально сложили все яйца в одну корзину и не собирались отправлять эту корзину в сражение. Башо и другие роботы уже предупредили людей

об опасности, что исходила от приближавшегося корабля-разрушителя. Космические корабли вполне могли сражаться, находясь на расстоянии двадцати восьми астрономических единиц друг от друга. Традиционным лазерным копьям и устройствам, испускающим пучки заряженных частиц, требовалось более ста девяноста шести минут, чтобы преодолеть это расстояние, но на кораблях Пакс, Гегемонии и Бродяг имелись гиперкинетические снаряды, способные на пути к цели входить в пространство Хокинга. Они могли уничтожить врага, прежде чем его радар замечал приближавшуюся ракету. Поскольку «жнец» двигался по своей обычной траектории со скоростью меньше световой, маловероятно было, что на нем имеются подобные орудия. Но слово «маловероятно» с незапамятных времен разрушило множество планов и унесло еще больше жизней воинов.

Энейцы, по просьбе инженеров «Спектральной Спирали», перестроили звездолет так, чтобы он полностью состоял из модулей. Найдя свою утопическую планету под совершенной звездой, «Спираль» должна будет сбросить секции, превратив их в зонды, летательные и спускаемые аппараты, подводные и космические станции. Каждая из трех тысяч индивидуальных камер жизнеобеспечения могла опуститься на поверхность и основать собственную колонию, хотя по плану им предстояло скопиться как можно ближе друг к другу и сначала изучить незнакомую планету. После того как «Спираль» отправит на поверхность все свои камеры, модули, зонды, шаттлы, командный узел и центральный термоядерный реактор, на орбите останется только огромный двигатель Хокинга, управляемый специальными программами технического обслуживания, и роботы, обязанные содержать его в полной готовности в течение веков, если не тысячелетий.

— Мы полетим на системном исследовательском модуле и изучим Разрушитель, — пояснила Дем Лиа.

Это был один из самых маленьких модулей, предназначенный для движения в вакууме, а не в атмосфере, хотя он был способен к кое-какой перестройке. В отличие от большей части мирных компонентов «Спирали», он был до зубов напичкан оружием.

— Можно нам сопровождать вас? — попросил Главный Лесник Кил Редт. — Никто из нашего народа не смог при-

близиться к машине на расстояние менее ста тысяч километров и остаться в живых.

— Разумеется, — согласилась Дем Лиа. — Модуль достаточно просторен, чтобы вместить тридцать—сорок человек, а с нашего корабля летят только трое. Мы зададим величину внутреннего защитного поля как одну десятую земной гравитации и соответствующим образом модифицируем кресла.

Больше всего модуль походил на старый боевой корабль-факел. Он понесся навстречу приближающейся машине с ускорением, в двести пятьдесят раз превышавшим стандартное земное ускорение силы тяжести. Внутренние защитные поля были включены на полную мощность, внешние поля также достигали максимального значения класса двадцать. Дем Лиа была пилотом. Ден Соа пыталась связаться с гигантским кораблем, посылая мирные сообщения всеми доступными средствами — от примитивных радиоволн до модулированных тахионных[1] пучков. Ответа не было. Патек Георг Дем Мио был поглощен виртуальной разработкой защиты и контратаки. Пассажиры сидели в задней части маленького мостика и наблюдали. Сайге решил сопровождать их, и его массивное голографическое изображение, с обнаженным торсом и скрещенными ногами, восседало на столе рядом с главным обзорным экраном. Дем Лиа убедилась, что их траектория не направлена точно на чудовище — возможно, оно обладало простой защитой от метеоров. Продолжая двигаться по своей траектории, они должны были пройти над кораблем на расстоянии десять тысяч километров.

— Его радар начал искать нас, — сообщил Патек Георг, когда они преодолели шестьсот километров и начали торможение. — Пассивный радар. Орудия к бою не готовы. Кажется, оно ищет нас только простым радаром. Оно не поймет, есть на борту модуля живые существа или нет.

Дем Лиа кивнула.

---

[1] *Тахион* — гипотетическая частица, движущаяся со скоростью, превышающей скорость света. Тахионы не могут передавать информацию, но во многих научно-фантастических произведениях с их помощью осуществляется связь в галактических масштабах в реальном времени.

— Сайге, — негромко начала она, — когда до этой штуки останется двести тысяч километров, пожалуйста, измени нашу траекторию таким образом, чтобы она пересекалась с траекторией машины.

Круглолицый монах кивнул.

Несколько минут спустя главные двигатели модуля взревели, звездное небо повернулось — и переднее окно заполнило изображение гигантской машины. Изображение было увеличено; казалось, до нее не больше пятисот километров. Машина была неописуемо неуклюжей. Она была предназначена для движения в вакууме; переднюю часть украшали металлические зубья и вращающиеся лезвия, встроенные в своего рода челюсти, а остальное было похоже на руины старого космического поселения, к которому тысячелетие за тысячелетием бездумно добавляли различные детали, отчего оно покрылось наростами, какими-то усиками, пузырями, опухолями и нитями.

— Дистанция сто восемьдесят тысяч километров, сближаемся, — сказал Патек Георг.

— Смотрите, как она почернела, — прошептала Ден Соа.

— И какая она старая, — добавил Путник. — Мы никогда не видели ее вблизи. Взгляните на эти кратеры в слоях углеродных отложений. Похоже на древнюю черную луну, в которую долгое время ударяли небольшие метеориты.

— Однако ее чинили, — хрипло прокомментировал Главный Лесник. — Она работает.

— Дистанция сто двадцать тысяч километров, идем на сближение, — сообщил Патек Георг. — Только что кроме поискового радара включился радар захвата цели.

— Каковы защитные меры? — невозмутимо спросила Дем Лиа.

Сайге ответил:

— Поле класса двадцать включено на полную мощность. Активированы устройства отражения пучков заряженных частиц. Гиперкинетические защитные орудия активированы. Плазменные поля на максимуме. Ракеты вооружены и находятся под контролем.

Это означало, что Дем Лиа и Патек Георг должны были лишь отдать команду «Огонь». В случае гибели людей это сделал бы Сайге.

— Дистанция сто пять тысяч километров, идем на сближение,— сказал Патек Георг. — Относительная скорость снижена до ста метров в секунду. Обнаружено еще три радара захвата цели.

— Есть какой-нибудь сигнал? — напряженным голосом спросила Дем Лиа.

— Ничего, — ответила Ден Соа, сидевшая у виртуальной консоли. — Машина, по-видимому, слепа и глуха, имеется только примитивный радар. Абсолютно никаких признаков жизни на борту. Внутренние исследования показывают, что она обладает... разумом... но это не настоящий искусственный интеллект. Скорее, компьютеры. Много серий физических компьютеров.

— *Физических* компьютеров? — переспросила шокированная Дем Лиа. — Вы хотите сказать, кремний... чипы... технология каменного века?

— Или чуть более продвинутая, — подтвердила Ден Соа. — Мы регистрируем процесс считывания памяти на цилиндрических магнитных доменах, но ничего более совершенного.

— Сто тысяч километров... — начал было Патек Георг, но тут же прервал себя: — Машина стреляет в нас.

Внешние защитные поля вспыхнули менее чем на секунду.

— Дюжина орудий, стреляющих пучками заряженных частиц, и два примитивных лазерных копья,— сообщил Патек Георг со своей виртуальной позиции.— Очень слабых. Поле класса один легко могло бы справиться с ними.

Защитное поле вновь засветилось.

— Та же комбинация,— прокомментировал Патек.— Думаю, она пустила в ход все, что у нее есть, и тратит на это энергию. Я почти уверен, что это всего лишь защита от метеоров.

— Давайте не будем недооценивать противника,— возразила Дем Лиа.— Посмотрим, что у него еще имеется.

Ден Соа выглядела потрясенной.

— Вы собираетесь атаковать его?

— Мы собираемся убедиться в том, что *можем* атаковать его, — ответила Дем Лиа. — Патек, Сайге, направьте одно копье в верхнюю часть вон того выступа.— Она навела лазерную указку на почерневший, испещренный отметинами

выступ, напоминавший рыбий плавник, который мог быть излучателем высотой два километра. — И один гиперкинетический заряд...

— Командир! — запротестовала Ден Соа.

Дем Лиа взглянула на молодую женщину и приложила палец к губам.

— Гиперкинетический заряд без плазменной боеголовки. Направьте его в переднюю часть машины, туда, где находится нижняя «челюсть».

Патек Георг повторил команду роботу. Текущие координаты цели были показаны на экране и подтверждены.

Почти в тот же миг ударил пучок заряженных частиц, превратив в пар кусок излучателя диаметром семьдесят метров.

— Она защищается с помощью поля класса поль целых шесть десятых, — сказал Патек Георг. — Видимо, это ее высший уровень защиты.

Гиперкинетический снаряд пронзил защитное поле, словно нож масло, и мгновение спустя нанес удар, разнес в клочья шестьдесят метров черного металла и вырвался из пожирающего отверстия в передней части машины-убийцы. Все находившиеся на борту увидели беззвучный взрыв и завораживающее зрелище — фонтан испарившегося металла вокруг места удара и облако пыли у выходного отверстия. Гигантская машина не ответила.

— Если бы мы выстрелили боеголовкой и целились ей в брюхо, — тихо сказала Дем Лиа, — то от машины-«жнеца» сейчас осталось бы только облако в несколько тысяч километров.

Главный Лесник Кил Редт наклонился вперед. Несмотря на низкую гравитацию, все сиденья имели системы безопасности. Сиденье активировалось.

— Прошу вас, — произнес Бродяга, пытаясь выпутаться из ремней и воздушных подушек. — Убейте ее сейчас. Остановите ее.

Дем Лиа, обернувшись, взглянула на Бродяг и Храмовника.

— Не сейчас, — ответила она. — Сначала нам нужно возвратиться на «Спираль».

— Мы снова потеряем драгоценное время, — произнес Путник с непонятным выражением.

— Да, — согласилась Дем Лиа. — Но у нас еще есть больше шести стандартных дней до того момента, как она начнет свою жатву.

Модуль устремился прочь от почерневшего, покореженного и изуродованного монстра — назад к «Спирали».

— Значит, вы не уничтожите ее? — спросил Главный Лесник.

— Не сейчас, — повторила Дем Лиа. — Возможно, она все еще служит каким-то целям построившего ее народа.

Молодая женщина-Храмовник, казалось, готова была разрыдаться.

— Но ваши инструменты — гораздо более совершенные, чем наши телескопы, — показали, что в системе красного гиганта нет никаких планет.

Дем Лиа кивнула:

— И в то же время вы сами упомянули о возможном существовании космических поселений и городов, выдолбленных астероидов. Наше исследование было поспешным и неполным. «Спираль» была сосредоточена на том, чтобы войти в вашу систему как можно более безопасно, а не на тщательном изучении системы красного гиганта.

— И ради этой крошечной вероятности, — произнес Главный Лесник напряженным, отстраненным тоном, — вы готовы пожертвовать жизнями множества наших людей?

Сайге прошептал Дем Лиа по персональному каналу:

— Роботы проанализировали сценарии массированного нападения нескольких миллионов Бродяг на корабль с помощью солнечных крыльев.

Дем Лиа ждала, не сводя взгляда с Главного Лесника.

— Корабль в состоянии справиться с ними, — добавил робот, — но есть реальная вероятность ущерба.

Дем Лиа обратилась к Главному Леснику:

— Мы собираемся отправиться на «Спирали» к красному гиганту. Вы трое можете, если пожелаете, сопровождать нас.

— Сколько времени займет путь туда и обратно? — спросил Путник.

Дем Лиа взглянула на Сайге.

— Девять дней при максимальной мощности двигателя, — ответил робот. — За это время мы сможем пройти

через перигелий[1], но у нас не останется времени, чтобы задержаться в системе и обыскать все астероиды и обломки на предмет наличия жизни.

Бродяги покачали головами. Рета Кастин опустила капюшон, скрыв лицо.

— Есть еще одна возможность, — сказала Дем Лиа.

Она указала Сайге на «Спираль», изображение которой заполняло главный экран. Море крылатых Бродяг расступилось, позволив модулю пройти сквозь защитное поле корабля к стыковочному шлюзу.

Они собрались в оранжерее, чтобы принять решение. Десять человек — муж и жена Ден Соа были приглашены участвовать в голосовании, но предпочли оставаться внизу, в каюте, пять роботов и трое жителей лесного кольца. Путник продолжал транслировать видео- и аудиозапись встречи тремстам тысячам ожидающих Бродяг и миллиардам людей на гигантском кольце.

— Ситуация такова, — начала Дем Лиа. В помещении повисла напряженная тишина. — Вам известно, что на «Спирали», нашем корабле, имеется двигатель Хокинга, модифицированный Энейцами. При движении со сверхсветовой скоростью мы наносим ущерб Связующей Бездне, но он в тысячи раз меньше вреда, причиняемого старыми кораблями Гегемонии или Пакс. Благодаря Энейцам мы смогли предпринять это путешествие. — Невысокая женщина с зеленой лентой на тюрбане помедлила и, прежде чем возобновить речь, взглянула на Бродяг и женщину-Храмовника. — Мы можем добраться до системы красного гиганта за...

— Четыре часа на достижение релятивистских скоростей, затем прыжок, — продолжила Рес Сандре. — Примерно шесть часов на замедление в системе красного гиганта. Два дня на поиск живых существ. На возвращение — также десять часов.

— Таким образом, даже если возникнут какие-либо задержки, «Спираль» вернется обратно за два дня до того, как Разрушитель нападет на вас. Если в системе красного гиганта нет жизни, мы с помощью модуля уничтожим машину-убийцу.

---

[1] *Перигелий* — точка орбиты небесного тела, ближайшая к центральному телу (звезде), вокруг которого совершается движение.

— Однако... — начал было Главный Лесник Кил Редт с весьма человеческой иронической усмешкой. Взгляд его вместе с тем был мрачен.

— Однако использовать двигатель Хокинга в системе близко расположенных звезд слишком опасно, — невозмутимо продолжила Дем Лиа. — В любом случае подобные прыжки на близкое расстояние невероятно сложно выполнять, а учитывая газ и мусор, выбрасываемые красным гигантом...

— Вы правы. Это безрассудно, — раздался по радио голос Путника. — Мой клан из поколения в поколение занимается машиностроением. Ни один командир нашего корабля-сеятеля не отважился бы на прыжок в этой двойной системе.

Истинный Глас Древа Рета Кастин переводила взгляд с одного лица на другое.

— Но у вас есть мощные термоядерные установки...

Дем Лиа кивнула.

— Башо, сколько времени займет исследование системы красного гиганта на максимальной мощности термоядерных двигателей? — спросила она.

— Три с половиной дня на перелет в соседнюю систему, — начал робот-фермер. — Два дня на осмотр. Три с половиной дня на обратный путь.

— Мы никак не можем сэкономить время? — спросила Оам Раи, женщина с желтой лентой. — Отбросить ограничения по безопасности? Выжать больше из двигателей?

Сайге ответил:

— Мы рассчитали девятидневный срок, игнорируя все меры предосторожности. И принимая мощность двигателей как сто двенадцать процентов. — Он печально покачал лысой головой. — Нет, это невозможно.

— Но двигатель Хокинга... — начала Дем Лиа. Все присутствующие, казалось, задержали дыхание, кроме Путника, который и не дышал в общепринятом смысле слова. Командир обернулась к роботам. — Какова вероятность катастрофы при попытке воспользоваться им?

Госпожа Мурасаки выступила вперед:

— Оба перехода — в пространство Хокинга и из него — произойдут слишком близко от полости Роша двойной системы. Мы оцениваем вероятность гибели «Спирали» в два

процента, вероятность повреждения систем корабля — в восемь процентов и ущерба системам жизнеобеспечения спящих пассажиров — в шесть процентов.

Дем Лиа взглянула на Бродяг и Храмовника:

— Шесть процентов вероятности потерять сотни тысяч наших спящих родных и друзей. Мы поклялись защищать их до прибытия на место назначения. Два процента вероятности того, что вся наша культура погибнет в этой попытке.

Путник печально кивнул.

— Я не знаю, какими чудесами техники ваши друзья-Энейцы снабдили вас, — проговорил он, — но я бы сказал, что цифры занижены. В этой двойной системе невозможно осуществить прыжок с помощью двигателя Хокинга.

После этого надолго воцарилась тишина. Наконец Дем Лиа произнесла:

— Мы хотели бы уничтожить машину-убийцу ради вас, хотя мы не знаем, есть ли в системе красного гиганта жизнь — а может быть, целая культура, — существование которой зависит от машины, как бы маловероятно это ни было. Но мы не можем так поступить. Наша мораль запрещает нам это.

Голос Реты Кастин прозвучал едва слышно:

— Мы понимаем.

Дем Лиа продолжала:

— Мы могли бы полететь туда обычным способом и исследовать систему. Это означает, что вам придется в последний раз испытать нашествие Разрушителя, но, если в системе красного гиганта нет жизни, мы, возвратившись сюда, уничтожим ее.

— Слабое утешение для тысяч или миллионов людей, которые липатся крова во время этого последнего визита Разрушителя, — сказал Главный Лесник Кил Редт.

— Совсем неутешительно, — согласилась Дем Лиа.

Путник поднялся во весь свой четырехметровый рост, слегка покачиваясь в воздухе при почти полном отсутствии гравитации.

— Это наши проблемы, — произнес он. — У вас нет причин рисковать жизнью своих людей. Мы благодарим вас за то, что вы рассмотрели...

Дем Лиа, подняв руку, прервала его:

— Сейчас мы намерены провести голосование. Путем голосования мы решим, стоит ли совершить прыжок к системе красной звезды с помощью двигателя Хокинга, чтобы вернуться сюда, прежде чем ваш Разрушитель начнет свою работу. Если там существует инопланетная цивилизация, возможно, мы сумеем связаться с ней за те два дня, что проведем в системе. Есть надежда, что они смогут перепрограммировать свою машину. Мы все согласились, что вероятность случайного «съедения» вашего корабля-ссятеля после высадки бесконечно мала. Тот факт, что машина продолжает уничтожать колонизированные вами области — из всего кольца, площадь которого в полмиллиона раз превышает площадь поверхности Гипериона, — говорит о том, что она запрограммирована на подобные действия, словно уничтожает ненормально выросшие участки или вредителей.

Три дипломата кивнули.

— Решение, принятое в результате голосования, — продолжала Дем Лиа, — должно быть единогласным. Одно «нет» будет означать, что мы не воспользуемся двигателем Хокинга.

Сайге, который все это время сидел, скрестив ноги, на столе, сдвинулся ближе к четырем другим, стоявшим роботам.

— Просто для протокола, — заявил маленький толстый монах. — Пять устройств искусственного интеллекта проголосовали единогласно против маневра с использованием двигателя Хокинга.

Дем Лиа кивнула.

— Мы отметим это, — сказала она. — Но я напомню, что в подобного рода случаях голос роботов не имеет силы. Лишь народ Спектральной Спирали Амойета или его представители могут решать свою судьбу. — Она обернулась к девятерым своим спутникам. — Использовать двигатель Хокинга или нет? Да или нет? Мы десятеро отвечаем за судьбы тысяч людей. Сес Амбре?

— Да. — Взгляд женщины в голубом был таким же ясным и безмятежным, как и всегда.

— Джон Микаил Дем Алем?

— Да, — хрипло ответил специалист по системам жизнеобеспечения. — Да.

— Оам Раи?

Женщина с желтой лентой колебалась. Никто на борту лучше нее не понимал опасности, грозившей системам корабля. Два процента вероятности разрушения, должно быть, казались ей неоправданно высоким риском. Она прикоснулась пальцами к губам.

— Мы решаем судьбу двух цивилизаций, — произнесла она, очевидно размышляя вслух. — А возможно, и трех.

— Оам Раи? — повторила Дем Лиа.

— Да, — решилась Оам Раи.

— Кем Лои? — обратилась командир к астроному.

— Да. — Голос молодой женщины слегка дрогнул.

— Патек Георг Дем Мио?

Глава службы безопасности ухмыльнулся:

— Да. Как говорит древняя пословица, кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Это разозлило Дем Лиа.

— Вы говорите от имени шестисот восьмидесяти четырех тысяч двухсот восьмидесяти восьми спящих людей, которые, возможно, не так бесшабашны.

Ухмылка не сошла с лица Патека Георга.

— Я голосую «за».

— Доктор Самуэль Риа Кем Али?

Врач выглядел настолько же смущенным, насколько Патек был дерзким.

— Я должен сказать... мы так мало знаем... — Он огляделся. — Да, — сказал он. — Мы должны быть уверены.

— Петер Делем Дем Тае? — спросила Дем Лиа психолога с голубой полосой.

Немолодой человек все это время грыз кончик карандаша. Он поглядел на карандаш, улыбнулся и положил его на стол.

— Да.

— Рес Сандре?

На секунду в глазах женщины с зеленой полосой, казалось, вспыхнул вызов, почти что гнев. Дем Лиа, стиснув зубы, приготовилась к отказу и к тому, что за этим последует.

— Да, — произнесла Рес Сандре. — Мне кажется, иначе поступить нельзя.

Осталась самая молодая из них.

— Деп Соа? — спросила Дем Лиа.

Молодая женщина, прежде чем ответить, откашлялась.

— Да. Пойдем и посмотрим, что там.

Взгляды присутствующих обратились к выбранному ими командиру.

— Я голосую «за», — произнесла Дем Лиа. — Сайге, подготовься к перелету с максимальным ускорением в точку, где мы перейдем в пространство Хокинга. Кем Лои, Рес Сандре и Оам Раи, ваша задача — найти оптимальную точку для выхода в обычное пространство, подходящую для поиска жизни в системе. Главный Лесник Редт, Путник, Истинный Глас Древа Кастин, если вы предпочитаете ждать здесь, мы немедленно подготовим шлюз. Если вы трое хотите лететь с нами, мы должны отправляться немедленно.

Главный Лесник, не советуясь с остальными, заявил:

— Мы желаем сопровождать вас, гражданка Дем Лиа.

Она кивнула:

— Путник, прикажите своим людям расчистить пространство позади корабля. Выходя из системы, мы пролетим над эклиптикой, но наш термоядерный хвост будет горячим, как дыхание дракона.

Бродяга сообщил:

— Я уже сделал это. Они с нетерпением ждут зрелища.

Дем Лиа негромко проворчала:

— Надеюсь, это будет не более зрелищно, чем мы планируем.

«Спираль» благополучно совершила прыжок, причинив лишь небольшой урон своим устройствам. Оказавшись на расстоянии трех астрономических единиц от поверхности красного гиганта, ее экипаж обследовал систему. Они предполагали потратить на это два дня, но все было закончено менее чем за двадцать четыре часа.

Здесь не было скрытых от наблюдателя планет, никаких планетоидов, полых астероидов, приспособленных для жилья комет или искусственных космических поселений — никаких признаков жизни. Когда по меньшей мере три миллиона лет назад звезда G2 закончила свою эволюцию, в ее гелиевых ядрах началось горение пепла в процессе вторичного высокотемпературного цикла термоядерных реакций,

а начальное горение водорода продолжалось в тонкой оболочке, находившейся далеко от ядра. В результате образовывались атомы углерода и кислорода, также вступавшие в реакции, и звезда быстро возродилась в качестве красного гиганта. Было очевидно, что в пределах досягаемости новой звезды не осталось ни внешних планет, ни газовых гигантов, ни каменных обломков. Все внутренние планеты были целиком поглощены расширявшейся звездой. Испускаемые ею пыль и жесткая радиация очистили систему от всех тел крупнее железоникелевых метеоритов.

— Итак, — сказал Патек Георг, — решено.

— Мне следует приказать роботам начать ускорение к точке обратного прыжка? — спросила Рес Сандре.

Дипломаты Бродяг переехали на мостик вместе со своими креслами. Никто не возражал против снижения гравитации, поскольку специалисты «Спектра Амойета», за исключением Сес Амбре, сидели в специальных креслах, опутанных системой управления, и находились в контакте с кораблем на нескольких уровнях. Бóльшую часть времени, потраченного на поиски, дипломаты хранили молчание, и теперь они безмолвно повернулись к Дем Лиа, сидевшей у центральной панели управления.

Командир в задумчивости потерла костяшками пальцев нижнюю губу.

— Пока нет, — решила она. В поисках они облетели вокруг звезды-гиганта и сейчас находились на расстоянии менее одной астрономической единицы от ее пылающей поверхности. — Сайге, — продолжала Дем Лиа, — ты заглядывал внутрь звезды?

— Только для того, чтобы взять образцы, — всежливо ответил робот. — Состав типичен для красного гиганта на данном этапе жизни. Яркость звезды примерно в две тысячи раз превышает яркость ее спутника G8. Мы взяли образцы из ядра — ничего необычного. В гелиевых ядрах, очевидно, протекают реакции, несмотря на их взаимное отталкивание.

— Какова температура поверхности? — спросила Дем Лиа.

— Приблизительно три тысячи градусов по Кельвину, — сообщил Сайге. — Когда она была звездой G2, ее температура была в два раза ниже.

— О Боже, — прошептала Кем Лои из своего астрономического центра связи. — Вы думаете...

— Направьте на звезду радар, — приказала Дем Лиа.

Меньше чем через двадцать минут, когда звезда развернулась, а корабль облетел ее, появились голографические изображения.

Сайге прокомментировал:

— Одна твердая планета. По размеру приблизительно четыре пятых Старой Земли. Радар показывает наличие бывших океанов и рек.

Доктор Самуэль произнес:

— Наверное, она была похожа на Землю до того, как расширяющееся Солнце испарило ее моря и унесло прочь атмосферу. Да поможет Бог тем, кто жил там.

— Какова глубина тропосферы звезды? — спросила Дем Лиа.

— Менее ста пятидесяти тысяч километров, — ответил Сайге.

Дем Лиа кивнула.

— Включите защитные поля на максимальную мощность, — негромко приказала она. — Нанесем им визит.

«Это похоже на путешествие под поверхностью красного моря», — думала Дем Лиа, когда они приближались к каменной планете. Над ними бурлила и волновалась внешняя часть атмосферы звезды, торнадо магнитных полей поднимались из глубин и исчезали вверху, а защитные поля уже светились, несмотря на хвост из тончайшего кабеля длиной сто шестьдесят тысяч километров, который тянулся за кораблем, чтобы действовать в качестве рассеивателя.

«Спираль» на час зависла на расстоянии менее двадцати тысяч километров от того, что прежде могло быть Старой Землей или Гиперионом. Разнообразные сенсоры прощупывали планету сквозь бурлящую красную мглу.

— Кремень, — сказал Джон Микаил Дем Алем.

— Кремень, наполненный жизнью, — поправила его Кем Лои, сидевшая у центра связи с сенсорами. Она вывела на экран картинку, показанную мощным радаром. — Выдолбленный изнутри. Внутренние водные океаны. По меньшей мере три миллиарда разумных организмов. Непонятно,

являются ли они гуманоидами, но у них имеются механизмы, транспорт и ульи, похожие на города. Вы можете увидеть даже шлюз, в который их машина приходит каждые пятьдесят семь лет.

— Но контакт все еще не установлен? — уточнила Дем Лои.

Корабль передавал основные математические сигналы на всех частотах с помощью имевшихся у людей технологий связи — от квантовых усилителей до модулированных тахионов. В ответ «Спираль» получала разнообразные сигналы.

— Модулированные гравитационные волны, — объяснил Иккую. — Но инопланетяне не отвечают на наши математические и геометрические сообщения. Они улавливают наши электромагнитные сигналы, но не понимают их, а мы не можем расшифровать их гравитонные[1] импульсы.

— Сколько времени понадобится на изучение модуляций и нахождение общего алфавита? — спросила Дем Лиа.

На морщинистом лице Иккую отразилось сожаление:

— По меньшей мере недели. Скорее, даже месяцы. А возможно, и годы. — Робот взглянул в разочарованные лица людей, Бродяг и Храмовника. — Мне жаль, — сказал он, разводя руками. — Человечество до сих пор вступало в контакт всего с двумя инопланетными расами, и оба раза *они* находили средства общения с *нами*. Эти... существа... абсолютно отличаются от людей. У нас слишком мало общего.

— Мы не можем здесь долго оставаться, — предупредила Рес Сандре у инженерного центра связи. — От ядра приближаются мощные магнитные бури. Мы просто не в состоянии достаточно быстро рассеивать тепло. Нам нужно уходить.

Внезапно Сес Амбре, которая занимала собственное кресло, но не имела обязанностей, поднялась, проплыла в метре над полом, застонала и медленно осела, потеряв сознание.

Доктор Сэм оказался около нее секундой раньше Дем Лиа и Дея Соа.

---

[1] *Гравитон* — гипотетическая элементарная частица, переносчик гравитационного взаимодействия.

— Всем остальным оставаться на местах, — предупредила Дем Лиа.

Сес Амбре открыла удивительные синие глаза.

— Они так отличаются от нас! Они совершенно не такие, как люди... они дышат кислородом, но не похожи на эмпатические существа Сенешаи... модульные... несколько разумов... волокнистые...

Дем Лиа подняла женщину.

— Вы можете связаться с *ними?* — настойчиво спросила она. — Послать *им* изображения?

Сес Амбре слабо кивнула.

— Отправьте им изображения их машины-«жнеца» и Бродяг, — решительно приказала Дем Лиа. — Покажите им ущерб, который их машина наносит городам Бродяг. Покажите им, что Бродяги — это люди... разумные существа. Самовольные поселенцы, но не причиняющие вреда лесному кольцу.

Сес Амбре снова кивнула и закрыла глаза. Спустя мгновение она заплакала.

— Они... так... так... *сожалеют,* — прошептала она. — Машина не передает никаких... изображений... она лишь доставляет им пищу, воду и воздух. Она запрограммирована... как вы предполагали, Дем Лиа, на уничтожение паразитов. Они так... так... *сожалеют* о гибели Бродяг. Они предлагают самоубийство... представителей их расы... если это возместит ущерб.

— Нет, нет, нет! — вскричала Дем Лиа, стиснув руку плачущей женщины. — Скажите им, что в этом нет необходимости. — Она взяла Сес Амбре за плечи. — Это будет нелегко, Сес Амбре, но вы должны спросить их, можно ли перепрограммировать «уборочную машину», приказать ей не трогать поселения Бродяг.

Сес Амбре на несколько минут замерла. В какой-то миг показалось, что она перестала дышать. Затем ее прекрасные глаза широко раскрылись.

— Да, можно. Они посылают новые данные.

— Мы зарегистрировали модулированные гравитонные импульсы, — подтвердил Сайге. — По-прежнему не поддающиеся расшифровке.

— В этом нет необходимости, — глубоко вздохнув, произнесла Дем Лиа. Она подняла Сес Амбре и помогла ей

сесть в кресло. — Нам нужно лишь записать их и повторить Разрушителю, когда мы вернемся. — Она снова сжала ладонь Сес Амбре. — Вы можете передать нашу благодарность и попрощаться?

Женщина улыбнулась:

— Я уже сделала это. Как могла лучше.

— Сайге, — сказала Дем Лиа, — выбираемся из этого ада и летим на полной скорости к точке перехода.

«Спираль» выдержала обратный прыжок через пространство Хокинга и благополучно прибыла в систему G8. Разрушитель уже направлялся к населенным областям лесного кольца. Дей Соа передала ему запись гравитонных сигналов, пока они летели к системе, и гигантская машина, ответив неразборчивым гравитонным ворчанием, послушно изменила курс и полетела к отдаленной и безлюдной части кольца. Путник с помощью своего импульсного оборудования показал экипажу «Спирали» голографические изображения сцен радости в городах, на платформах, в камерах, ветвях и башнях, а затем отключил передатчик.

Путешественники вновь собрались в оранжерее. Роботов не было, и люди, Бродяги и Храмовник сели в круг. Все взгляды были обращены на Сес Амбре. Женщина закрыла глаза.

Дей Соа очень тихо начала:

— Эти существа... на той планете... им пришлось соорудить лесное кольцо, прежде чем их звезда расширилась. Они построили машину-«жнеца». Почему они просто... не покинули свою планету?

— Эта планета была... это их дом, — прошептала Сес Амбре. Глаза ее были по-прежнему плотно закрыты. — Они как дети... не хотели покидать дом, потому что снаружи темно. Очень темно... пусто. Они любят... *дом*. — Женщина открыла глаза и устало улыбнулась.

— Почему вы не сказали нам, что вы одна из Энейцев? — мягко спросила Дем Лиа.

Сес Амбре решительно стиснула челюсти.

— Я *не* принадлежу к Энейцам. Моя мачеха, Дем Лоа, дала мне причастие, кровь Эней — со своей кровью, разумеется, — после того, как спасла меня из ада на Святой Терезе. Но я решила *не* пользоваться способностями Эней-

цев. Я *не* захотела идти вместе с другими и осталась с народом Амойета.

— Но вы телепатически общались с... — начал Патек Георг.

Сес Амбре, покачав головой, перебила его:

— Это *не* телепатия. Это... соединение... со Связующей Бездной. Я слышала голоса мертвых и живых сквозь пространство и время, сопереживала им, приобщалась к их воспоминаниям. — Девяностопятилетняя женщина, казавшаяся намного моложе, положила руку на лоб. — Это *так* утомительно. Я столько лет боролась с собой, чтобы не обращать внимания на голоса... чтобы не знать их воспоминаний. Вот почему сон в замороженном состоянии для меня... отдых.

— А другие способности Энейцев? — таким же мягким голосом спросила Дем Лиа. — Вы перемещались в пространстве?

Сес Амбре покачала головой, прикрыв глаза ладонью.

— Я не хотела *изучать* секреты Энейцев, — ответила она. В голосе ее слышалась бесконечная усталость.

— Но вы могли бы, если бы захотели, — произнесла Дея Соа с благоговейным ужасом. — Вы можете сделать один шаг — один прыжок — и оказаться снова на Витус-Грей-Балиане Б, Гиперионе, центре Тау Кита или Старой Земле через секунду, правда?

Сес Амбре опустила руку и с яростью взглянула на молодую женщину:

— Но я *не хочу*.

— Вы направитесь с нами дальше? — спросила женщина с зеленой полосой, Рес Сандре. — К нашей колонии Спектральной Спирали?

— Да, — подтвердила Сес Амбре. Это было торжественное заявление и вызов.

— Как мы сообщим об этом остальным? — размышлял Джон Микаил Дем Алем. — Присутствие Энейца... возможного Энейца... в колонии изменит... все.

Дем Лиа поднялась.

— В последние часы своего командования я могла бы отдать приказ, граждане. Но вместо этого я прошу вас проголосовать. Я чувствую, что Сес Амбре, и только Сес Амбре, должна решать, рассказывать ли нашим собратьям

Спектральной Спирали о се... даре. После достижения места назначения. — Она взглянула в лицо Сес Амбре. — Или никогда, если вы захотите этого.

Дем Лиа обернулась и посмотрела на восьмерых человек.

— Мы никогда не откроем этот секрет. Только Сес Амбре имеет право рассказать остальным. Те, кто согласен со мной, голосуют «за».

Решение было принято единогласно.

Дем Лиа повернулась к Бродягам и Храмовнику:

— Сайге заверил меня, что этот разговор не передавался жителям кольца.

Путник кивнул.

— А ваши записи общения Сес Амбре с инопланетянами через Связующую Бездну?

— Уничтожены, — ответил Бродяга.

Сес Амбре шагнула к Бродягам:

— Но вы по-прежнему нуждаетесь в моей крови... в священной ДНК Энеи. Вы должны сделать выбор.

Руки Главного Лесника Кила Редта дрожали.

— Не нам решать, распространять ли эту информацию и причастие... Семь Советов соберутся втайне... Мы проконсультируемся с Церковью Энеи... или... — Очевидно, Бродяга с болью представил себе, как миллионы его собратьев навсегда оставляют лесное кольцо, мгновенно переносясь к другим Энейцам или куда пожелают. Их вселенная станет уже другой. — Но мы трое не имеем права отвергать его.

— Но мы не смеем просить... — начала Истинный Глас Древа Рета Кастин.

Сес Амбре покачала головой и указала на доктора Самуэля. Врач протянул Храмовнику ударопрочный сосуд с небольшим количеством крови.

— Мы взяли ее недавно, — объяснил доктор.

— Вы должны принять решение, — повторила Сес Амбре. — Так бывает всегда. И это вечное проклятие.

Главный Лесник Кил Редт долго, пристально смотрел на сосуд. Наконец он дрожащими руками взял его и осторожно убрал в безопасный карман своих защитных доспехов.

— Интересно будет посмотреть, что из этого выйдет, — сказал он.

Дем Лиа улыбнулась:

— Знаете, есть древнее земное проклятие. Китайское. «Чтоб тебе жить во времена перемен».

Сайге подготовил шлюз, и дипломаты Бродяг, покинув корабль, поплыли обратно к лесному кольцу вместе с сотнями тысяч светящихся созданий, борясь с солнечным ветром, следуя вдоль линий магнитного поля, подобно светлым корабликам, уносимым быстрыми течениями.

— Если никто не возражает, — улыбнулась Сес Амбре, — я собираюсь вернуться в свою камеру и уснуть. Это были два долгих дня.

Девять человек, разбуженных роботами, подождали, пока «Спираль» благополучно перейдет в пространство Хокинга. Когда они еще находились в системе G8, двигаясь с ускорением над эклиптикой, прекрасное лесное кольцо скрыло маленькое бедое солнце, и Оам Раи указала на кормовое окно:

— Взгляните на это.

Бродяги вышли попрощаться. Несколько миллиардов энергетических крыльев сверкали на солнце.

Дня в пространстве Хокинга оказалось достаточно, чтобы посовещаться с роботами и убедиться, что корабль находится в превосходной форме, вращающиеся оси и ячейки глубокого сна функционируют должным образом, «Спираль» снова легла на курс и все идет нормально. Один за другим люди вернулись в свои ячейки: сначала Дев Соа и ее супруги, затем остальные. В конце концов на корабле осталась бодрствовать лишь Дем Лиа. Она села в «кровати» за несколько секунд до того, как закрылась крышка.

— Сайге, — произнесла она, и по голосу было понятно, что это приказ.

Появился низенький толстый буддистский монах.

— Ты знал, что Сес Амбре была Энейцем, Сайге?

— Нет, Дем Лиа.

— Как ты мог этого не знать? На корабле имеются полные генетические карты и медицинские сведения обо всех нас. Ты должен был знать.

— Нет, Дем Лиа. Уверяю вас, что медицинские данные гражданки Сес Амбре находятся в нормальных пределах,

обычных для людей Спектральной Спирали. Там нет признаков присутствия сверхчеловеческой ДНК Энеи. Никаких указаний в ее психологической характеристике.

На мгновение Дем Лиа нахмурилась, глядя на голограмму робота. Затем произнесла:

— Значит, они подделали данные? Сес Амбре или ее мачеха могли сделать это.

— Да, Дем Лиа.

Все еще опираясь на локоть, Дем Лиа продолжала:

— Насколько тебе известно — насколько известно вам, роботам, — есть ли на борту другие Энейцы, Сайге?

— Насколько нам известно, нет, — с честным лицом уверил ее толстый монах.

Дем Лиа улыбнулась.

— Энея учила нас, что эволюция имеет направление и цель, — тихо произнесла она скорее себе, чем собеседнику-роботу. — Она говорила о том дне, когда вся Вселенная зазеленеет жизнью. Разнообразие, учила она, — это одно из лучших орудий эволюции.

Сайге кивнул и ничего не ответил.

Дем Лиа легла на подушку.

— Мы думали, что Энейцы великодушно помогли нам сохранить нашу культуру — этот корабль, отдаленную колонию. Могу поклясться, что Энейцы помогли тысяче малых культур покинуть освоенное людьми пространство и отправиться в неведомое. Им нужно разнообразие — Бродяги и тому подобное. Им нужно, чтобы как можно больше таких, как мы, несли дальше их божественный дар.

Она взглянула на робота, но на лице буддистского монаха застыла обычная легкая улыбка.

— Спокойной ночи, Сайге. Позаботьтесь хорошенько о корабле, пока мы спим.

Она закрыла крышку ячейки, и устройство начало готовить ее к погружению в сон.

— Да, Дем Лиа, — ответил монах.

«Спираль» описывала гигантскую дугу сквозь пространство Хокинга. Оси и камеры жизнеобеспечения продолжали свое сложное движение, создавая двойную спираль на фоне потоков света и четырехмерных пульсирующих огоньков, которые здесь заменяли звезды.

На корабле роботы отключили гравитационное поле и свет, убрали атмосферу. Звездолет продолжал движение в темноте.

Однажды, спустя примерно три месяца, после того как корабль покинул двойную систему, зажужжали вентиляторы, включились лампы, активировалось гравитационное поле. Все шестьсот восемьдесят четыре тысячи триста колонистов продолжали спать.

Внезапно в главном коридоре, на полпути между командным пунктом и порталами, ведущими к первому кольцу ячеек, возникли три фигуры. Центральная фигура была ростом более трех метров, облачена в доспехи, усеянные остриями, обмотана хромовой колючей проволокой. Ее фасетчатые глаза светились красным сиянием. Она застыла неподвижно на том месте, где появилась.

Фигура слева оказалась мужчиной зрелых лет, с кудрявыми, начавшими седеть волосами, темными глазами и приятными чертами лица. Он был очень загорелым, в мягкой хлопчатобумажной рубашке, зеленых шортах и сандалиях. Он кивнул женщине и двинулся в сторону командного центра.

Женщина выглядела старой, несмотря на медицинские технологии Энейцев, и была одета в простое платье ровного синего цвета. Она подошла к одному из порталов, поднялась на лифте к третьей системе осей и направилась по коридору в камеру со спящими, где поддерживалась гравитация в одну десятую земной. Остановившись у одной из ячеек с централизованно контролируемыми саркофагами, женщина смахнула лед и конденсат с прозрачной панели, расположенной над лицом спящего пассажира.

— Сес Амбре, — прошептала Дем Лоа, коснувшись пальцами холодного пластика в нескольких сантиметрах от морщинистой щеки падчерицы. — Спи спокойно, дорогая. Спи спокойно.

На мостике в окружении виртуальных изображений роботов стоял высокий человек.

— Добро пожаловать, Петир, сын Энеи и Эндимиона, — с легким поклоном произнес Сайге.

— Благодарю, Сайге. Как у вас дела?

Они рассказали ему обо всем на языке, который выше языка людей и математики. Петир кивнул, слегка нахмурился и прикоснулся к плечу Башо.

— Внутри тебя слишком много противоречий, Башо. Ты хочешь мира?

Высокий японец в конусообразной шляпе и грязных сабо ответил:

— Да, прошу тебя, Петир.

Человек дружески стиснул плечо робота. Оба на мгновение закрыли глаза.

Когда Петир отпустил Башо, угрюмый крестьянин широко улыбнулся:

— Благодарю тебя, Петир.

Человек присел на край стола и сказал:

— Посмотрим, куда мы направляемся.

Перед ними появилось голографическое изображение куба высотой четыре метра. Рисунок звезд был знако́м. Долгий путь «Спирали» из человеческой вселенной был отмечен красным. Предполагаемая дальнейшая траектория — синим пунктиром; линия направлялась к центру галактики.

Петир поднялся, протянул руку к кубу и прикоснулся к маленькой звезде, расположенной справа от синей линии. Эта область немедленно была увеличена.

— Это должна быть интересная система, ее стоит проверить,— с довольной улыбкой сказал человек.— Отличная звезда типа G2. Четвертая планета оценивается примерно в семь и шесть десятых балла по старой шкале Солмева. Оценка была бы выше, но на планете существуют несколько очень опасных вирусов и весьма кровожадные животные. Весьма кровожадные.

— Шестьсот восемьдесят пять световых лет,— заметил Сайге.— Плюс сорок три световых года на коррекцию курса. Это недолго.

Петир кивнул.

Госпожа Мурасаки взмахнула веером перед накрашенным лицом и дерзко улыбнулась:

— А когда мы прибудем туда, Петир-сан, эти опасные вирусы исчезнут?

Высокий человек пожал плечами:

— Бо́льшая их часть, моя госпожа. Бо́льшая часть.— Он усмехнулся.— Но хищные животные там еще останутся.— Он обменялся рукопожатиями со всеми роботами.— Доброго вам пути, дорогие мои. И охраняйте наших друзей.

Петир трусцой пробежал обратно к девятиметровому хромированному, усеянному лезвиями чудовищу, стоявшему в главном коридоре, и как раз в это время Дем Лоа, шурша подолом по облицовке пола, присоединилась к нему.

— Все улажено? — спросил Петир.

Дем Лоа кивнула.

Сын Энеи и Рауля Эндимиона прикоснулся к стоявшему между ними монстру, приложил ладонь к его доспехам рядом с пятнадцатисантиметровым изогнутым шипом. Трое исчезли без единого звука.

«Спираль» отключила гравитацию, всосала воздух в резервуары, выключила внутреннее освещение и продолжила путь в тишине, корректируя свой курс.

КОЛИН ГРИНЛЕНД

Грезящие над кладезем

Колин Гринленд (р. 1954) живет в Англии в Кембридже. Его первой книгой стала образцовая работа по британской «новой волне»: «Энтропическая выставка. Майкл Муркок и британская „новая волна" в научной фантастике» («The Entropy Exhibition: Michael Moorcock and the British „New Wave" in Science Fiction», 1983). В 1980-е годы Гринленд выступал соредактором журнала «Interzone» и участвовал в написании знаменитой редакционной статьи в седьмом номере, призывавшей к переходу на новую, «радикальную твердую НФ». Вместе с Джоном Клютом и Дэвидом Принглом он составлял сборник «Interzone: The 1st Anthology» (1985). Согласно краткой биографии писателя, размещенной на сайте www.infinityplus.co.uk/misc/cg.htm, он «заработал себе имя своими колонками в „New Statesman", „The Face" и „Sunday Times", где терпеливо объяснял скептическому миру сущность НФ и фэнтези». В течение двух лет Гринленд являлся стипендиатом Совета искусств при Фонде научной фантастики. Его интервью с Майклом Муркоком были собраны и опубликованы под названием «Смерть не помеха» («Death Is No Obstacle», 1992). В США романы Гринленда почти не печатались, и там он известен в основном как критик.

Однако звездой космической оперы он стал в 1990 году, выпустив роман «Вернуть изобилие» («Take Back Plenty»), получивший премию Британской ассоциации научной фантастики, а также премию Артура Кларка и ставший в 1990-е годы одним из первоисточников и локомотивов британской космической оперы. Серия «Изобилие» («Plenty»), включающая еще два романа «Сезон изобилия» («Seasons of Plenty», 1995) и «Мать изобилия» («Mother of Plenty», 1998), а также сборник «Принцип изобилия» («The Plenty Principle», 1997) — истории о новых приключениях юной Табиты Джут, послужила важным образцом для британских авторов НФ, хотя в США ее влияние было заметно меньше.

В своем эссе, опубликованном в журнале «Locus», Кен Маклеод говорит: «Колин Гринленд освободил суставы и конечности космической оперы из насильственно скрюченного состояния, в котором оставил их Гаррисон[1]*; в романе „Вер-*

[1] Имеется в виду не Гарри Гаррисон, а М. Джон Гаррисон: отсчет «новой космической оперы» ведется с его романа «Машина с Центавра» (1975).

путь изобилие" он откровенно заимствует у Гаррисона, выбирая, однако, более легкий тон повествования. Название романа намекает на ту веселую наглость, с какой он присвоил себе Солнечную систему золотого века фантастики: гринлендовская Венера заросла джунглями, его Марс перепахан каналами, однако его персонажи — это космические извозчики и музыканты, которые могли бы вываливаться из любого гаррисоновского притона в холодное утро Кэмдена».

Это утверждение полностью игнорирует существование и эволюцию американской космической оперы в период 1970—1990 годов, значительная часть которой либо не печаталась в Британии, либо не признавалась космической оперой — давнишняя проблема прояснения границ жанра. Однако Маклеод справедливо подчеркивает длительное влияние произведений Гринленда на писателей Британии, где роман «Вернуть изобилие» стал глотком свежего воздуха после двух десятилетий моды на, пользуясь выражением Брайана Олдисса, «сплошной бодрящий мрак». А значение Гринленда в США было гораздо меньшим, потому что там и в 1980-е, и в 1990-е годы было сколько угодно своей космической оперы.

Мы обратились за комментариями к самому Гринленду, и он нам ответил: «Аластер Рейнольдс, Адам Робертс, Кен Маклеод, Джустина Робсон, Чарльз Стросс... Оглянувшись сейчас по сторонам, трудно поверить, что совсем еще недавно космическая опера была для британских фантастов запрещенным жанром. Хуже того, к ней относились с глубоким презрением. Ну да, признавали мы, „Звездные войны" доставляют большое удовольствие, но это же бездумное удовольствие. В начале 80-х, когда я только подступался к тому, что стало потом трилогией о Табите Джут, и любители фантастики, и коллеги-писатели в один голос убеждали меня, доброжелательно и безапелляционно, что на экране ли, на бумаге ли этот жанр полностью обанкротился, что он „несостоятелен" (так выразился Брюс Стерлинг), примитивен по самой своей природе, вызывающе империалистичен и абсолютно непригоден к употреблению каким-либо разумным существом.

А мне нечего было им возразить. На наших берегах в те давние дни НФ находилась в песках чего-то вроде мрачного пуританства. Нам позарез требовался смысл — шок от столкновения с будущим, когнитивный диссонанс, отчуждение и всякое такое, — а метафор мы стеснялись, они казались чем-то нездоровым, нечистым, политически некорректным. Термин „британская космическая опера" являлся архаизмом, который относился к работам Джона Браннера (тем, что похуже)

и особенно Теда Табба, а также массы старых добрых британских фантастов, сбитых с ног и с толку „новой волной". Хотя Брайан Олдисс, особенно в своих рассказах, вдоволь порезвился на просторах поджанра, окрещенного им „широкоэкранным барокко", вся остальная разношерстная команда Майкла Муркока последовала примеру Джеймса Балларда и вышла из „космической гонки".

Вряд ли кто-нибудь ощущал эту ситуацию острее меня, изучавшего ее в докторантуре, а затем осветившего в „Энтропической выставке". Забавно, кстати, что в это самое время двое моих оксфордских коллег увлеченно дописывали романы, оказавшиеся насквозь космооперными: Майкл Скотт Роэн свой „Побег к звездам" („Run to Stars") и Дэвид Лэнгфорд своего „Пожирателя" („Eater") — оба романа были опубликованы в 1982 году. Довольно примечательно, что ни один из этих писателей не продолжил в том же духе. Но все же что-то происходило, назревало.

Космические оперы новозеландца Филипа Манна „Мастер Паксвакса" („Master of Paxwax") и „Падение семей" („Fall of the Families") были напечатаны у нас в 1986 и 1987 годах, однако подобно двум наиболее знаменитым книгам того же периода, „Вспомни о Флебе" („Consider Phlebas") и „Игры для игрока" („The Player of Games"), они показались мне слишком уж банальными. Эта моя реакция в значительной степени объясняется ни на чем не основанным убеждением, к которому склонны все писатели, что есть некая книга, увидеть которую я очень хотел бы, — а они такими книгами не являлись. Если уж Иэн Бэнкс собирался попытать силы в НФ, я не был готов принять от него что-либо менее амбициозное и необычное, чем „Осиная Фабрика" („The Wasp Factory") или „Шаги по стеклу" („Walking on Glass"). И все же я приободрился, увидев, что есть и другие, кто, как и я, стремится ответить на страх и пошлость тэтчеровских лет видением межпланетного изобилия.

Книга, снискавшая у меня наибольшее уважение, вышла двенадцатью годами раньше. „Вот, полистай, — говорил я любому, кто выказывал к ней хоть малейший интерес, — она своеобразна, она увлекательна, она грамотно написана, она гуманна, она даже политична, и она есть не что иное, как космическая опера. Нет безнадежных жанров, нужно только работать над их исправлением". Этой образцовой книгой была „Машина с Центавра" („The Centauri Device") М. Джона Гаррисона.

Однажды я совершил ужасную ошибку, рассказав мистеру Гаррисону, как вдохновила меня „Машина с Центавра".

Гаррисон воспринял мои слова почти как оскорбление. „Ну чем там можно вдохновляться! — возмутился он. — Это очень плохая книга". Поздно, слишком поздно. Весь возможный ущерб был уже нанесен».

Хотя представленное ниже произведение было напечатано в 1996 году, в нем есть нечто от начала 1980-х, нечто до-киберпанковое, нечто стерлинговское. Это, если попытаться себе представить такой невозможный гибрид, баллардовская космическая опера о сумасшедшей художнице на Умбриеле, одном из спутников Урана, а центральным ее персонажем, как и центральным персонажем всей трилогии «Изобилие» («Plenty»), является Табита Джут — крутая, циничная женщина — космический капитан. Это в некотором роде Ли Брэкетт 1990-х годов.

На Умбриеле[1], где были найдены колодцы грез, всегда ночь — того или иного рода. Ночи большие и ночи маленькие следуют друг за другом, догоняя тьму тьмою, лишь изредка допуская на небо призрачный серебристый свет. До Солнца, даже если Уран его не заслоняет, слишком далеко, чтобы ждать от него серьезной помощи, — по пути сюда солнечный свет почти выдыхается. Поэтому день здесь является чистой условностью наподобие иррациональных чисел или географической долготы. Он вроде бы и существует, но вряд ли потревожит чей-либо сон.

На Умбриеле у вас есть полная возможность сосредоточиться на своих снах и фантазиях.

На посадочном поле, прямо под маяком, стоял один-единственный корабль. Казалось бы, с тем же успехом он мог сесть и в любом другом месте — везде одна и та же белая, словно солью присыпанная пустыня с иззубренными выходами каких-то черных пород, да и развлечений особых тут можно было не ждать, однако такие вот крошечные захолустные поселения имеют привычку отно-

[1] *Умбриель* — один из спутников Урана, названный по имени персонажа поэмы А. Поупа «Похищение локона»: «Гном Умбриель, наимрачнейший дух / Из тех, кто хочет, чтобы свет потух» (пер. В. Микушевича).

ситься к своим зонирующим законам до ужаса серьезно, а агентство столь же серьезно придерживалось своего правила: не нанимать проштрафившихся водителей вторично, а потому Табита Джут остановила свой выбор на посадочном поле.

Никто не рвался ее поприветствовать или хотя бы снабдить минимальной информацией. Не ездили машины, не сустились работяги, не замечалось даже людей, ошивающихся без дела, каких можно обычно видеть даже на самых занюханных лунах. Женский голос, ответивший при приближении ее корабля и давший разрешение на посадку, был записью.

— НЕ СЛИШКОМ ДРУЖЕЛЮБНОЕ МЕСТЕЧКО, НЕ ПРАВДА ЛИ, КАПИТАН? — заговорила Алиса.

Капитан Джут ходила на этой посудине сравнительно недавно, а потому Алисино замечание ввергло ее на мгновение в оторопь. Она сильно подозревала, что какой-то безвестный умелец похимичил с программами личности, задирая уровни чувствительности и усиливая контуры сродства. Нужно выбрать как-нибудь время и всерьез покопаться в кишках Персоны «Берген-Кобольда» 5N179476.900, как официально звали Алису, и поглядеть, чем она думает.

— Да, Алиса, не слишком дружелюбное, — согласилась она. — Да ты не бери в голову, мы здесь долго сидеть не будем.

Табита оделась и вышла на поверхность, напоминающую застывшее море. Ощущая подошвами, как беззвучно сминается под сапогами тонкая корочка наста, она медленными прыжками проследовала в контору.

Здесь ее тоже никто не встретил. За выгнутой подковою конторкой, рассчитанной человек на двенадцать, сидел, откинувшись в кресле, один-единственный человек, он увлеченно смотрел AV.

— Привет, — сказала капитан Джюс, открывая шлем.

Человек молча вскинул в приветствии вялую, безразличную руку.

Воздух в конторе был очень теплый и с повышенным содержанием кислорода. И конечно же, повторно использованный: в нем густо висел запах мятного освежителя.

На экране AV были парень и девушка, сидящие в джипе. Они делали вид, что куда-то там едут, а за окнами

джипа прокручивалась запись поездки по горной дороге. Они весело болтали и время от времени начинали смеяться.

— Сообщений для меня нет?

— Не-а, — откликнулся дежурный, не отрывая глаз от экрана.

Капитан отстегнула левый манжет и набрала место предстоящей работы.

— Вы можете объяснить мне, где это?

Дежурный скользнул взглядом по ее комсету и ткнул большим пальцем куда-то в стенку.

— Двадцать минут, — сказал он, не поворачивая головы.

— Где тут телефон?

Дежурный ткнул пальцем в том же направлении.

— Она не подойдет, — сообщил он.

Капитан Джут одним длинным шагом перенеслась к телефону, подключилась и начала нажимать кнопки.

Последовал один длинный гудок. Потом негромко заиграла какая-то давнишняя попса. Тоскливый, словно на всех обиженный женский голос что-то там пел под торопливую долбежку драм-машины. Если слова какие-нибудь и были, они явно не имели отношения к телефонному звонку.

Табита думала, что с ней поговорит хотя бы автоответчик, но так и не услышала ничего, кроме все той же музыки. Через пару минут она вытащила штекер из гнезда.

— Она никогда не подходит, — утешил дежурный, его сцепленные руки мирно покоились на животе. — Двадцать минут, — сказал он еще раз. — Это если машиной.

Он говорил с абсолютным безразличием и словно в пустоту.

— Я экономлю, — сказала Табита.

— Сорок пять минут.

Сквозь тройное стекло она видела следы многих машин — или, может быть, одной машины, долго катавшейся туда-сюда. А еще она увидела плато, на котором высился маяк.

Там, в северо-западном направлении, горбатился тускло-коричневый купол. Вдали, словно падшие звезды, сияли три или четыре огонька, немигающих и отчетливых.

На экране юная парочка так и продолжала кататься. Теперь говорил один только мужчина, а женщина смотрела на него и улыбалась. Конец шарфа, накрученного ею на голову, трепался во встречном, от вентилятора, потоке воздуха, словно вымпел боевого корабля.

— А где мне можно взять машину? — спросила капитан Джут.

— А вы подождите пару часов, и я вас туда подвезу, — предложил дежурный.

Но это ее никак не устраивало.

— Но должны же здесь быть такси.

— Сомневаюсь. Ссйчас апогей,— пояснил дежурный, словно она этого не заметила.— В апогей посетителей не бывает.

— Здесь что, бывают посетители? — сказала Табита и защелкнула свой манжет.— Так в какую там сторону?

Дежурный снова указал на восток — короткий тычок пальцев в противно надушенном воздухе.

— Здоровенный дом и весь сплошь в окнах,— сказал он, активируя для нее шлюз. И добавил: — Все равно она вас не пустит.

Капитан Джут тронула пальцем герметизатор скафандра. На базе ей дали контактное имя, Мортон Годфри. Мужское, надо думать.

— Мне же только взять отсюда груз,— сказала она.

Дежурный наблюдал за экранной парочкой с неослабным вниманием, как ревнивый любовник или шпион. Возможно, это он написал сценарий и теперь хотел убедиться, что все поставлено верно.

— Она никогда никого не пускает,— обнадежил он.

Дом стоял на дальнем возвышающемся склоне плато. Он представлял собой асимметричную груду серебристых алюминиевых блюдец. Блюдец было много, а окон в них так и вовсе была чертова уйма, думала Табита, поднимаясь по склону. И все эти окна горели, словно нанимательница мистера Годфри решила задать сказочный бал.

Камера тщательно осмотрела посетительницу, затем в ее наушниках прозвучал механический голос:

— *Изложите ваше дело.*

— От агентства «Кейруэйз» к Мортону Годфри, для приемки груза,— сказала Табита.

Она подошла к камере вплотную и показала свое запястье. «Предметы искусства» — гласило описание груза.

— *Мистер Годфри находится в недоступности.*

— Чей это дом?

— *Этот дом принадлежит принцессе Бадрульбудур,* — сказал робот. — *Она находится в недоступности.*

— Я что, спросила что-нибудь не так? — спросила капитан Джут.

— *Я не имею возможности ответить на этот вопрос,* — сказал робот. — *В настоящий момент нет никого, кто мог бы вас принять.*

Она прямо видела его, «Факто-4000», с расширенными возможностями и до крайности чопорного. Ей представилось, как он, с метелочкой из перьев в манипуляторе, неспешно движется вдоль вереницы серых гипсовых статуэток.

— Где и как я могу с ними связаться? — спросила она.

— *В настоящий момент нет никого, кто мог бы вас принять,* — сказал робот. — *Ваш визит полностью записан и зарегистрирован в ноль пять двадцать два тридцать два. Зайдите, пожалуйста, в другой раз.*

Спускаясь со склона, она обернулась на дом. В ослепительно освещенных окнах не было никого, ничто и нигде не двигалось. За домом вдали всходила постная бледно-желтая физиономия Урана.

Она связалась с кораблем:

— Ну как там все, Алиса?

— КОММУНИКАЦИОННЫЙ ТРАФИК ПОЧТИ НА НУЛЕ.

Капитан окинула взглядом маленькие пузырьковые купола, в беспорядке раскиданные по чуть волнистым просторам метанового льда. Там тоже ничего не двигалось. Живет же здесь кто-то, а зачем? С какой стати?

— ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ОДНО ПРЕДПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ.

— Бар? Тут есть бар?

— ВЕСЬМА ВЕРОЯТНО. ИМЕЕТСЯ ГОСТИНИЦА НА СТО КРОВАТЕЙ.

— Значит, кто-то и правда сюда приезжает.— При ее всегдашней удачливости, не иначе как отшельники, свихнутые

на религии. Обстановка начинала действовать ей на нервы. — А кто она такая, эта принцесса Бадрульбудур? Нам это известно? — спросила она у корабля, набирая параллельно номер гостиницы.

Телефон на секунду смолк, это Алиса наводила справки.

— ПО ЭТОМУ ИМЕНИ Я НЕ СМОГЛА НИЧЕГО НАЙТИ. СЛЕДУЕТ ЛИ МНЕ ПОСЛАТЬ ЗАПРОС?

— Нет, Алиса, чушь это все.

Гостиница ответила. Табита услышала медленную негромкую музыку и на дальнем плане разговор какой-то пары.

— Вы открыты? — спросила она.

— *Спроси меня вежливо.*

Голос был культурный, хрипловатый, доброжелательный, женский. У Табиты слегка отлегло от сердца.

— Я только что прибыла. Мне нужны свежий воздух и перезарядка.

— *Если ты, дорогая, найдешь на Умбриеле хоть что-нибудь свежее, расскажи нам, и поподробнее.*

Гостиница называлась «Грезы». Она располагалась в том самом коричневом куполе, который Табита заметила из окна конторы. В гардеробе не было ни души. Она вложила свой чип в прорезь, а скафандр повесила в шкафчик.

В коридорах «Грез» царила тишина, они были сплошь покрыты толстыми лиловыми коврами — на случай, наверное, если кто-нибудь стукнет или топнет. А еще были стрелки, направлявшие к некоему «кладезю». Капитан Джут пошла по их указаниям.

Стрелки привели ее к маленькой круглой камере, от которой расходилось два других коридора. И еще была лестница вниз. У начала лестницы стояла высокая синяя стеклянная ваза с одним-единственным цветком.

Цветок был очень большой, он выглядел вызывающе и не слишком правдоподобно. От его середины томно изгибались шесть темно-синих лепестков. А середина представляла собой лицо.

Лицо было человеческое, в натуральную величину. У него были зеленые глаза, широкий нос, лавандовые, влажно мерцающие губы. Глаза смотрели рассеянно и безучастно, но как только появилась Табита, губы чуть-чуть раздвинулись, словно издав беззвучный вздох.

Спускаясь по ступенькам в «кладезь», Табита все время ощущала, что цветок провожает ее взглядом.

«Кладезь» был сплошь облицован белым пенокамнем и винилом с отделкой из самой доподлинной сосны. В нем находились восемнадцать столиков и концертный рояль. Рояль был накрыт чехлом, а все столики пустовали.

У конца барной стойки играл музыкальный автомат, в нем под аккомпанемент одинокого саксофона неясное количество людей скорбно пело в унисон на каком-то неизвестном языке. Напротив бара было венецианское окно, дававшее прекрасный вид на безлюдный тоскливый пейзаж. Окно было тонировано в синевато-зеленый цвет, что ничуть не помогало. В помещении было шестеро человек. За стойкой стояла женщина, а еще одна женщина и четверо мужчин сидели перед ней на высоких табуретках. Все они выглядели старше Табиты. Все они смотрели на нее, когда она спускалась по лестнице.

Табита ненавидела, когда кто-нибудь ее рассматривал,— это вызывало у нее ощущение, что ей нужно поддернуть джинсы повыше и заправить в них футболку.

У барменши были тусклые блондинистые волосы и лицо, на котором жизнь прочертила глубокие неизгладимые линии.

— Ну как вам наш воздух? — бледно улыбнулась она.

— Ничего, а с пивом будет еще лучше.

— Какое берете?

— Самое дешевое,— сказала капитан Джут, а затем отошла и села за один из столиков.

Прочие клиенты перестали на нее глазеть и возобновили сонную негромкую беседу. Табиту ни они, ни все их разговоры напрочь не интересовали.

«Кладезь» был похож на любой другой гостиничный бар на любой другой планете. Местные липли к его стойке как приклеенные. Они деловито и непринужденно добивали свои печени алкоголем. На маленьком голоэкране музыкального автомата некий белокурый, бледнолицый, в мешковатом костюме лелеял и нянькал черный саксофон, испускавший белые, плавно всплывавшие к потолку яйца звука. Идеальный образчик безликости и обыденности, если бы не украшения.

По мнению Табиты, ничего они не могли украсить, но таково, надо думать, было их назначение. Все они были примерно одного размера, сантиметров тридцати, как серединка цветка при входе, и все они были установлены чуть выше уровня глаз, словно чтобы было на что смотреть.

Оттуда, где сидела Табита, было видно три штуки.

Одно представляло собой большое прозрачное яйцо, наполненное прозрачной же жидкостью, в которой скрючилась некая тварь, едва в яйце умещавшаяся. Если эта тварь и была на что-то похожа, то на помесь человека с рыбой.

И она была частично анимирована, подобно лицу в цветке. Время от времени рыбопарень начинал вроде как корчиться в своей скорлупе, и каждый такой раз из углов его рта всплывали цепочки пузырьков.

Второе украшение представляло собой другую тварь. Это был довольно точный слепок транта, изготовившегося к прыжку. И трант тоже мог немного двигаться — он периодически разминал свои длинные мускулы, никогда, однако, не сдвигая с места ступней. И он явно интересовался капитаном Джут.

Табита искренне надеялась, что все-таки эта тварь не способна прыгать. Она надеялась, что даже на Умбриеле, даже когда он в апогее, подобные номера не считаются милыми шутками. Третье украшение представляло собой попросту голову в натуральную величину. Голова была человеческая и вполне натуральная, даже слишком. У нее было мертвенно-бледное лицо и абсолютно лысый череп. Из черепа торчали во все стороны длинные железные шипы. Голова многозначительно улыбалась и облизывала губы ярко-красным языком.

— Приветик,— сказал один из мужчин, который слез за это время с табуретки и подошел к ее столику.— Разрешите, я возьму вам еще?

Табита взглянула на свое пиво. Ну так и есть, она уже все выпила.

— Почему бы и нет,— равнодушно отозвалась она.

Мужчина был темнокожий, с золотыми колечками в обоих ушах и пышной копной черных блестящих волос. Он был в легкой, без ворота, рубашке в синюю полоску и ярко-малиновом блейзере. На его подбородке черпела акку-

ратная борода, заправленная в третье золотое кольцо. Както слишком уж разодет для медвежьего угла, где никто никогда не бывает.

Ну разве что он поджидал ее.

— А вы, случаем, не Мортон Годфри?

За столиком услышали это и дружно рассмеялись. Она их гордо проигнорировала, сосредоточившись на своем новом знакомом. Тот широко улыбался.

— Нет, — сказал он, — я не Мортон Годфри. — Его взгляд внимательно ее изучал. — Я Олистер Крейн. — Звучный, хорошо поставленный голос словно допускал возможность, что она уже слышала это имя.

Она никогда его не слышала.

— Вы не возражаете, если я сяду? — спросил он, взявшись за спинку стула напротив.

— Я ни для кого его не берегу, — пожала плечами Табита.

— Так это ваш «Кобольд» стоит там на поле? — поинтересовался Крейн.

Да, подтвердила Табита, ее.

— За вами послал мистер Годфри?

Табита кивнула. Кивнула, нагло уклоняясь от истины, но это было не его, Крейново, дело, кто бы он ни был. Она допила свой тюбик и взялась за новый. Но Крейн и не думал от нее отставать.

— Вас зовут Мо, — предположил он игриво. — Вас зовут Лаки.

Но Табита не хотела играть ни в какие игры.

— Меня зовут Табита Джут, — сказала она.

Крейн на мгновение прикрыл глаза, что должно было, видимо, означать одобрение.

— Как можно понять, капитан Джут, вам известно, на кого работает мистер Годфри.

— Видимо, на принцессу.

Неизвестно чем, но Крейна этот ответ позабавил.

— На принцессу, — кивнул он.

Саксофонная запись уже пару минут как кончилась. Теперь один из клиентов наклонился над панелью музыкального автомата и тыкал кнопки, запуская что-то другое. Сначала кто-то принялся шаркать по стальной палубе стальной же щеткой; затем скрежет поутих и запела женщина. Ее

стенания звучали ничуть не радостнее, чем голоса мужиков, певших под саксофон. На экране крутилось и дергалось нечто вроде куклы-марионетки.

— Да, теперь она здесь, — сказал Крейн. — Принцесса Бадрульбудур. Озарившая нашу маленькую колонию своим неземным сиянием.

Он явно следил за реакцией Табиты. Похоже, ему хотелось, чтобы эта новость произвела на нее впечатление.

«Нет ничего тоскливее, — думала Табита, продолжавшая спокойно пить пиво, — чем люди, которым хочется произвести на тебя впечатление». Крейн был чем-то похож на ее отца. И тот бы тоже мог в конце концов дойти до этого — сидеть на захолустной, никому не нужной луне и пить, чтобы развеять тоску.

— А вы, Табита, уже видели ее? — спросила белая женщина, стоявшая за стойкой. Они уже признали ее за свою, приняли в свой маленький клуб. — В прошлом году она купила кое-что из моей ювелирки.

— Расскажи ей про свою ювелирку, Сериз, — ввязался другой мужчина, совсем уже засыпавший над своим пивом.

— Вы любите драгоценности, Табита? — Длинные светлые волосы барменши были украшены железной с бирюзой гребенкой. Она окинула Табиту цепким взглядом специалистки и резюмировала: — Вам бы следовало носить рубины. У меня есть вещички, которые просто *должны* вам понравиться.

Капитан Джут молчала и пила.

— А еще вам нужно бы ознакомиться с моими стихами, — негромко вставил Олистер Крейн. — И с Ноландовым романом, и с оперой Гидеама. — Он извлек из кармана огромный белый носовой платок и чуть тронул им уголки своих глаз, словно они увлажнились от избытка чувств — или от смехотворности предложения. На его лице играла улыбка. — И может статься, что к тому времени, как вы со всем этим покончите, принцесса соизволит разрешить вам встретиться с мистером Годфри.

Он положил свою широкую ладонь на столик — то ли как знак дружелюбия, то ли о чем-то предупреждая.

Табита читала мелкий шрифт на этикетке пивного тюбика. Когда все наконец-то оставили попытки ее разгово-

рить и вновь принялись беседовать между собой, она спросила Крейна:

— А откуда она, эта принцесса?

Это опять возбудило их всех, ее новых корешей, сидевших у стойки. Они указывали на экран автомата. Они хотели, чтобы она взглянула, что на нем происходит.

Тряпичная кукла исчезла. Теперь на голограмме была живая женщина в сером комбинезоне в обтяжку на манер гидрокостюма, только вместо ступней и ладоней ее ноги и руки заканчивались пучками электрических проводов.

Провода сплетались, расплетались и множились в такт судорожным движениям фигуры.

— Это она, — сказала Сериз. — Принцесса Б.

Табита пару секунд смотрела. Эта фигура, полуженщина-полумашина, напомнила ей некую Деверо. Деверо жила неподалеку от Деймоса, в частном хабитате. Вспоминать о ней не хотелось.

— А вам это все нравится? — спросила она Олистера Кейна, только что купившего ей очередной тюбик.

— Табита, Табита, — укоризненно качнул головой Крейн. — Вы что, и вправду не знаете принцессу? Это же она придумала трейпс!

— Это все не по моей части. Поставьте-ка лучше какой-нибудь блюз, — предложила капитан Джут.

Хрен там дадут послушать. Они нашли ей что-то более или менее похожее на ар-эн-би и тут же принялись болтать наперебой.

На них была возложена кем-то обязанность просвещать и информировать. Либо это, либо они решили покарать ее за вялый интерес к их местной знаменитости.

— И вы помните, конечно же, эту крылатую фразу: мол, нужно изобретать себя заново тридцать два раза в секунду, — сказала толстая тетка по имени Джорджинель. — Так это принцесса Бадрульбудур, это она так сказала.

— Принцесса Бадрульбудур — радикально — изменила — лицо — современной — музыки, — возгласил Гидеам, сочинитель опер.

Он был сильно пожилой и даже толще Джорджинели. Здешняя гравитация была весьма снисходительна к людям такого размера, и все равно Гидеам говорил с заметным трудом, захлебываясь от слюны:

— Она *сама* стала этим лицом.

Лицо музыки было оборудовано поразительно огромными глазами и ртом, который словно выражал крайнее недовольство мироустройством, либо условиями человеческого бытия, либо чем-то еще. «Колодезная» братия ознакомила Табиту с целым букетом принцессиных работ, исполнявшихся с различной скоростью, но равно нервозных и непременно с этим скрежещущим ритмом. Принцесса являлась народу в доброй дюжине различных одеяний — и в тряпье, и в мехах, и даже в диком складном платье, чьи секции во время танца скользили по ней вверх и вниз. Без сторонней подсказки капитан Джут могла бы и не принять всех этих женщин за одну, впрочем, их роднила пугливая нервозность, словно то, чем уж там они были недовольны, грозило сию же секунду сожрать их заживо.

У капитана Джут было ощущение, что правление этой принцессы оказалось крайне недолгим, как свойственно всем таким вещам. Она все еще не имела понятия, что такое трейнс и в чем его такое уж значение. А еще у нее было чувство, что, скажи она им, насколько глупым и бессмысленным кажется ей все это, кто-нибудь откликнется: «Вот именно».

Тем временем Крейн явно считал, что у него на Табиту есть особые права.

— Так что же привело вас сюда, — спросил он, — на этом вашем «Кобольде»?

— Я должна принять груз.

— Капитан должна принять здесь груз, — кинул Крейн остальным, не отрывая глаз от Табиты.

— Счастливица, — прохрипела барменша.

— А что вы принимаете, капитан? — спросил заплетающийся голос.

— Я должна погрузить предметы искусства.

Это нехитрое сообщение удвоило их интерес.

— Она снова творит!

Джорджинель была в полном экстазе. Она откинула голову и воззрилась на потолок, туго стиснув пухлые кулачки.

А вот Сериз так ничуть не удивилась.

— Она просто не могла уйти от дел, — заметила она таким тоном, словно это ясно всем и каждому. — Ты не

можешь *остановиться*. Если в тебе это есть, ты *не можешь* остановиться.

Она ждала согласия, подтверждения, и тут же его получила. Ты не можешь остановиться и не работать, дружно согласились все присутствовавшие. Впрочем, никто из них в данный момент не спешил приступить ни к какой работе.

Зато все они хотели знать все, что знает Табита. Табита сообщила им, что не знает ровно ничего. Она показала им свой комсет.

— Видите, что здесь написано? «Предметы искусства». И больше ничего.

— Но для чего ей вдруг понадобился транспорт? — вопросил Крейн всех вместе и никого в частности. — Она ведь может просто выпустить их, и все.

— Безопасность, Крейн, — сказал Гидеам. — Здесь нет никакой охраны. Любой, кто серьезно — того — захочет, — может украсть — все твои мысли.

— Она не хочет, чтобы люди знали, где она находится, — возгласила Сериз. Возгласила во весь голос, явно претендуя на славу первой, кто решился признать неприятную истину.

— Где она находится, это знают все, — сварливо вставил клиент, засыпáвший над пивом. Под *всеми* он явно имел в виду всех обитателей Солнечной системы, как постоянных, так и проездом.

— Принцесса Бадрульбудур, — продолжила Сериз, словно склоняясь пред волею судьбы, — может вернуть это место на карту вселенной, если она того пожелает.

— Она не должна Умбриелю ровно ничего, — вступилась за принцессу Джорджишель. — А уж нам-то и тем более ничего не должна.

Это был своего рода ритуальный довод. Ни одна из них не имела возможности переубедить другую. А может быть, это был трейпс.

— Да вы тут все художники, — сказала Крейну Табита.

— Все мы тут грезим, грезим над кладезем, — медленно произнес Крейн.

Его рука скользнула по столику и легла Табите на запястье. Крейн провел эту вылазку неспешно, тактично, глядя ей прямо в глаза. Возможно, он искренне думал, что обладает

способностью гипнотизировать. Либо это был своего рода вызов, решится ли она его осадить.

Табита убрала руку. И поднесла пивной тюбик ко рту.

— Сидите, значит, здесь и грезите, — сказала она.

Ее слова откровенно позабавили Крейна.

— Да, капитан, так мы и делаем, только не здесь. Ведь здесь отнюдь не колодец. Здесь только бар, который так называется. Своего рода шутка. Колодцы Умбриеля — вы о них слышали? — Он откинулся на спинку, внимательно вглядываясь в лицо Табиты. И медленно покачал головой. — Вы же действительно ничего не знаете, верно? — В его голосе звенело сочувствие.

— Господи, — сказала барменша, глядя через головы клиентов в травянисто-зеленое окно. — Или это она, или уж я и не знаю.

Крейн встал. Джорджинель, Гидеам и Ноланд повернулись на табуретках. Все они смотрели в окно.

По исполосованной колеями снежной пустыне к гостинице приближался громоздкий серый автомобиль.

— Это она.

Все сидевшие в баре продолжали молча смотреть. Их недавнее восхищение отставной поп-звездой словно куда-то испарилось. Они стали до странности осторожными, словно подозревая, что принцесса может услышать, как они ее обсуждают.

— Вы думаете, она сюда, к нам? — негромко хихикнула Джорджинель.

Табита встала и вышла из бара. В лиловом коридоре она с удивлением обнаружила, что не идет, а бежит. Почему? Возможно, ей просто не терпелось поскорее начать и закончить работу. Или это песни так ее достали. Возможно, она смутно опасалась, что принцесса окажется неким метастабильным короткоживущим объектом, который может исчезнуть столь же быстро и непредсказуемо, как и появился.

Серый автомобиль оказался допотопным, позапрошлого века, «роллс-ройсом», варварски поставленным на полугусеничный ход. Он плавно и бесшумно скользил на Табиту по инопланетному льду.

Под куполом «роллс» остановился, не заезжая на парковочную площадку, — кто-то, наверное, опасался, что близкое

соседство с другими машинами может его осквернить. Из распахнувшейся водительской дверцы вышел водитель, живой человек. Его униформа была тоже серая, как и кузов машины, но чуть потемнее. Его лицо скрывалось за шоферским кепи и серой, литой из пластика дыхательной маской. Он обошел машину и помог своей хозяйке выйти из задней дверцы.

На ней была точно такая же дыхательная маска и три полотна густого, черного в розовых крапинках меха — одно вокруг шеи, одно вокруг рук на манер муфты и одно свободно накинутое на лодыжки. На ее голове был шлем из черного бархата. Ее тускло-багровый, как запекшаяся кровь, костюм состоял из куртки с высокой талией и длинной, до самой земли, юбки, в которой она казалась тонкой как стебелек.

Принцесса Бадрульбудур шла высоко вскинув голову и расправив плечи. Она смотрела на парковочную площадку и вход в гостиницу, как осторожный хищник, везде подозревающий присутствие врага.

Капитан Джут двинулась по парковочной площадке ей навстречу, расстегивая на ходу манжет, чтобы показать свои документы.

— Принцесса? — спросила она. — Я от «Кейруэйз», мне нужен Мортон Годфри.

Принцесса высвободила из мехов затянутую черной перчаткой руку и нетерпеливо сдернула дыхательную маску.

— Кто это? — спросила она у шофера с таким изумленным высокомерием, что на скулах Табиты заиграли желваки. — Чего она хочет?

Капитан без труда узнала оригинал голографических клипов: голова как у древней негритянской скульптуры — с глубоко запавшими щеками и оскорбленным презрительным ртом. Глаза принцессы были точно такими же, как на снимке, а искусно наложенные тени заставляли их казаться еще огромнее.

— «Кейруэйз», — повторила Табита. — Вы отправляете в Нью-Малибу груз предметов искусства.

Она попыталась показать свой комсет, но принцесса его вовсе не заметила. В ее глазах пылала ярость.

Шофер стоял позади своей хозяйки, как-то слишком уж близко для почтительного отношения. Его грудь была серой,

гладкой и широкой, как шкаф. На его куртке сверкали два ряда серебряных пуговиц. Поп-звезда закинула руку себе за плечо, словно чтобы удостовериться, что он здесь и готов прийти к ней на помощь.

— Я не стану предполагать, что вы Мортон Годфри, — сказала Табита шоферу.

— К вашим услугам, — откликнулся шофер. В его голосе, пусть и приглушенном маской, звучала улыбка.

Принцесса резко развернулась и взглянула на него в упор, словно усмотрев в этой фразе некое оскорбление.

— Кто это такая? — спросила она не терпящим возражения тоном.

— Сколько там у вас? — спросила Табита, обращаясь исключительно к Годфри.

— Денег? — переспросил шофер.

— Груза, — отрезала Табита.

Поп-звезда с идиотским — курам на смех — псевдонимом все еще пыталась испепелить ее взглядом.

— Ничего еще не готово, — ответила она за своего шофера.

Тот самую малость, на несколько градусов, вскинул голову. Его глаза чуть поблескивали из-под шлема.

Принцесса Бадрульбудур снова развернулась и решительно прошагала мимо Табиты.

— Ничего еще не готово, ничего, — бросила она через плечо усталым, равнодушным голосом.

Шофер проследовал за хозяйкой в гостиницу. Капитан держалась в шаге за ними.

— Так когда я смогу забрать груз? — не отступала она.

— Ну как они хотят, чтобы что-то было готово, — обратилась непонятно к кому принцесса, — когда сами же не желают оставить меня в покое?

Похоже, она хотела возложить вину за свою промашку на кого угодно — на Годфри, на транспортное агентство, на Табиту, — только не на себя.

Принцесса Бадрульбудур и Мортон Годфри летели по лиловым коридорам легко и быстро, как дети при малом тяготении. Капитан Джут шагала вслед за ними, постепенно отставая.

— Мистер Годфри! — крикнула она.

— Не здесь, — откликнулся, не поворачиваясь, шофер. — Подходите к дому.

— Да я была там два часа назад, — сказала Табита, но они уже скрылись за поворотом.

Она догнала их только тогда, когда принцесса задержалась перед еще одним из здешних тошнотворных украшений. Украшение изображало хитромордого темнокожего мальчишку с наголо обритым черепом. Выглядел он лет на двенадцать. А голова его была непомерно велика для щуплого детского тельца.

Принцесса Бадрульбудур стояла в неестественной, почти пародийной позе знатока искусств: ее левая ладонь поддерживала правый локоть, длинные пальцы правой руки картинно расплескались по щеке.

— И это отнюдь не такая вот дребедень, — сказала она.

Мальчишка негодующе поджал губы.

— Жалко, иначе не скажешь, — подытожила принцесса и шлепнула мальчишку по щеке своей муфтой.

Тот никак не реагировал.

«Не дай-то бог, — подумала Табита, — если Крейн и его приятели затаились где-нибудь за углом и наблюдают эту сцену».

Принцесса Бадрульбудур снизошла наконец до того, чтобы заметить ее присутствие.

— Скорей всего, вы ожидали чего-то в этом роде, — высокомерно бросила она.

— Я всего лишь извозчик, — пожала плечами Табита.

Пальцы принцессы метнулись к ее руке и цепко сжались.

— Подойди поближе, извозчик.

Табита с трудом сдержала желание пнуть ее ногой. Ей случалось уже терять работу за отказ мириться с хамским поведением клиентов. Сейчас это было бы крайне не вовремя, и она позволила передвинуть себя в положение между певицей и статуей.

— Ну так вот. Расскажи мне, что это, по-твоему, такое.

— Уродливый мальчишка.

— Это дерьмо, — сказала принцесса без полусекунды промедления, словно таков был единственно приемлемый ответ — ответ, который должна была дать Табита. — Но как ты думаешь, это хоть отчасти интересно?

Неожиданная вкрадчивость вопроса заставила Табиту повернуться и посмотреть на нее.

Принцесса сардонически улыбалась. Под ее подбородком висела дыхательная маска того же продвинутого дизайна, что и у шофера, но только сплошь в розовых крапинках, в пандан мехам.

— Я бы не стала держать ее у себя дома, — сказала Табита.

Принцесса звучно рассмеялась, словно услышав в этом ответе больше, чем капитан собиралась в него вложить; шофер рассмеялся за ней следом.

— И где он *находится*, этот ваш дом? — спросила она.

На языке у Табиты вертелось несколько возможных ответов разной степени оскорбительности. У нее не было дома, как не было и машины. Вся ее собственность состояла из престарелого транспортника «Берген-Кобольд 009059», регистрационное название «Алиса Лидделл»[1].

Она смолчала.

— Послушай, послушай, ты! — заговорила принцесса, не знавшая, похоже, никакого удержу. — То, что тебе предстоит везти, — это первое собрание лунных грез, когда-либо экспонировавшееся в галерее. Ты сумеешь обращаться с ним должным образом?

На лице Табиты не дрогнула ни жилка.

— У вас есть все подробности страховки, — сказала она, обращаясь к Годфри, стоявшему в шаге от них. — Если вы хотите поручить свой груз заботам «Кейруэйз», я приму его. Если нет, с вас будет удержана обычная плата за отказ.

— Возможно, тебе бы стоило подумать об этом, — сказала принцесса, вся вдруг шарм и обаяние. Казалось, она не слышала ни слова из того, что говорила Табита.

— Если груз еще не готов, будет взыскана плата за простой, — сказала Табита, вновь обращаясь к шоферу.

Принцесса прикрыла огромные, обведенные черным глаза; испятнанный розовым мех хищно топорщился на ее плечах.

— Разберись со всем этим, — вполголоса бросила она своему спутнику.

Годфри заступил между нею и излишне строптивой космической извозчицей. Он явно хотел успокоить хозяйку, умиротворить ее, сколько можно, не позволяя при этом себе

[1] Имя прототипа героини Льюиса Кэрролла.

до нее дотронуться. Он достал откуда-то телефон, открыл его и заговорил — с той самой барменшей, как поняла через секунду Табита; еще через две секунды она осознала, что шофер заказывает ей номер.

В «Кладезе» все клиенты столпились у зеленого окна, наблюдая за отбытием принцессы. За недолгое время, пока Табита отсутствовала, их число значительно прибыло. И все они, похоже, все про всех уже знали. Не дожидаясь просьбы, барменша достала из холодильника новый тюбик и протянула его Табите со словами: «Все включается в счет за номер».

Серая машина выскользнула из-за изгиба купола и помчалась прочь, быстро набирая скорость.

— Уехала, — сказала Сериз, на случай, наверно, если кто-нибудь не видел.

— Ну, Табита, поздравляю, — разулыбалась Джорджинель. — Уж теперь-то ты можешь ни о чем не беспокоиться.

— Так над чем же она все-таки работает? — поинтересовался романист Ноланд.

Он был похож на усталого родителя, расспрашивающего учительницу о поведении строптивого чада.

— Она тебе что-нибудь рассказала? — жадно спросила Сериз.

— Ну конечно же, она ничего ей не сказала, — ввязался Олистер Крейн.

Он вновь оказался рядом с Табитой, щеголяя оправленной в золото бородкой и малиновым блейзером.

— Она спросила меня, смогу ли я обращаться с ее собранием лунных грез достаточно осторожно, — сказала Табита, чтобы насытить неистовое любопытство этих людей, а заодно посмотреть на их реакцию.

Все остолбенели.

— Ее *грезы?* — пискнула Сериз.

Джорджинель пробормотала нечто нечленораздельное. Мужчины иронически ухмылялись друг другу.

— Собрание лунных грез Ее Высочества, — со значением выговорил Крейн.

— И ты, считается, должна их взять и увезти? — спросил Ноланд, еле сдерживая смех.

— Пункт назначения Нью-Малибу, — кивнула Табита.

Вот тут-то все и вправду рассмеялись, все, кто там был.

Капитан Джут раздраженно поерзала на стуле: ей казалось, они смеются над ней.

— Они для какой-то там выставки, — пояснила она в надежде закрыть этот вопрос.

— Бедная *глупая* телка! — экспансивно выкрикнул Ноланд, а Джорджинель поцокала языком и покачала головой, изображая на лице сострадание.

— Никуда они не поедут, — заверил Крейн Табиту.

Табита возмущенно вскинула голову.

— Да вам-то откуда знать? — спросила она. — Возможно, она все так и сделает. А не сама, так Годфри ее уговорит.

Крейн выпятил губы и покачал пальцем перед самым ее носом.

— Нет, нет, нет и еще раз нет, — сказал он наставительным тоном, явно обращаясь к ней одной. — Грезы не выдерживают перевозки.

Он говорил с абсолютной уверенностью, словно напоминая Табите некую общеизвестную истину.

— Нью-Малибу! — воскликнула некая женщина, которую Табита не знала. Похоже, сама эта мысль казалась им очень смешной.

— А может, принцессиных грез это как-нибудь не касается? — предположила Табита. Ей хотелось получить эту работу.

К столику подошла Сериз.

— Слушай, Табита, взгляни, — сказала она, указав на лысую голову, из которой торчали шипы. — Это я. Это сон, который я приснила.

Табита присмотрелась. Голова заговорщицки ей подмигнула. Если бы не шипы да лысина, это была бы вылитая Сериз.

Теперь она окончательно запуталась — искусство это, или грубая шутка, или вообще невесть что.

— Не думаю, чтобы тебе хорошо спалось со всеми этими палками, торчащими из головы.

К ее облегчению, эти слова привели всех, кто там был, в восторг. Видимо, они усмотрели в них верное отношение к проблеме.

— А вот это, — Гидеам указал на яйцо с рыбочеловеком, — это я собственной персоной. Это предмет моей гор-

дости, лучший сон, какой я только пригрезил. Именно он подтолкнул меня к написанию «Выводков».

— Так все эти штуки и есть лунные грезы? — спросила Табита у Крейна.

Тот кивнул.

— Так что же они все-таки такое?

— Наше истинное «я», — ответил Крейн с полнейшей серьезностью.

— А который тут ты?

— Если хочешь, пошли, я тебе покажу. — Он встал и галантно протянул ей руку.

Капитан Джут тоже встала, но руки его не взяла. Крейн впереди, она сзади вышли на лестницу.

Крейн поднялся на несколько ступенек и указал на цветок с лицом. Цветок поджал губы и пару раз бессмысленно моргнул.

— Они выглядят вполне материально, — заметила Табита.

— Такие они и есть, — согласился Крейн, благоговейно потрогав один из синих лепестков. — Но лишь пока мы сами где-нибудь неподалеку. Вот потому-то мы и держим их здесь, в баре.

Похоже, эта шутка была далеко не новой и ему самому она нравилась.

Табите оставалось лишь надеяться, что принцесса Бадрульбудур не надумала отправиться в космос вместе со своей коллекцией.

— А как их делают?

— Для начала ты идешь к Колодцу, — сказал Крейн, спускаясь к ней по ступенькам. — Я тебе все покажу по порядку.

Но Табиту это в общем-то мало волновало. Долгий полет и все эти хождения туда-сюда измотали ее вконец.

— Я выжата как лимон, — сказала она. — Я вернусь на свой корабль и посплю.

— Я подвезу тебя, — предложил Крейн, быстрый, что твой змей.

— Ты забываешь, милая, что для тебя заказан здесь номер, — сказала барменша, слышавшая, видимо, весь их разговор. — Он уже совсем готов. Почему бы тебе не подняться туда и не отдохнуть немного?

Табите вяло подумалось, не хочет ли ее эта женщина предостеречь насчет Крейна. Тот стоял, сверкая малиновым блейзером, в полной готовности показать ей все свои грезы. Предупреждения ей были ни к чему.

Капитан потерла рукой висок и широко зевнула. Корабль был ее пещерой, ее гнездом, но там было тесно, не повернуться. Гостиничный номер представлялся ей куда более удобным. А в данный конкретный момент уют и удобства ей совсем не помешали бы.

Номер оказался огромным. В нем стояли три титанических дивана плюс кровать, не иначе как четырехспальная. Подчеркнутая, бьющая в глаза расточительность всей этой роскоши наводила глухую тоску. Она не смогла бы прожить здесь достаточно долго, чтобы заметно все перепортить.

— Да, Алиса, здесь явно бывают туристы, — сказала она.

— ОТКРЫТИЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КОЛОДЦЕВ ГРЕЗ МГНОВЕННО ПРИВЛЕКЛО НА УМБРИЕЛЬ ТОЛПЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЭКЗОТИКИ, — сказала Алиса, предпринявшая, видимо, собственные исследования. — ПОСЛЕ ТОГО КАК СТАЛО СОВЕРШЕННО ОЧЕВИДНО, ЧТО СУЩЕСТВОВАНИЕ КОЛОДЦЕВ СВЯЗАНО С НЕКИМ ПРИРОДНЫМ ЯВЛЕНИЕМ, КОТОРОЕ НЕ ПОДДАЕТСЯ НИ ПРИБОРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ, НИ ПРЕДСКАЗАНИЮ, НИ КОНТРОЛЮ, НАЧАЛЬНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО ЗАМЕТНО ПРИУГАСЛО.

— Заметно, — пробормотала Табита, раздвигая дверцы одного из шкафов. Там лежали в кошмарном количестве толстые пушистые полотенца нежных, пастельных тонов. — Я вот тут тоже взглянула краем глаза на это самое явление.

Она закрыла шкаф и раскрыла соседний. Это оказался холодильник, богато экипированный закусками в целлофановой упаковке, всевозможными шоколадками и тюбиками того самого пива, которое она недавно пила.

— Алиса, ты бы не сказала этим, в «Кейруэйз», что груз еще не готов и я договорилась насчет платы за простой? — произнесла она, доставая с полки тюбик.

— НЕПРЕМЕННО, КАПИТАН, — ответил верный корабль. — ДОЛЖНА ЛИ Я СООБЩИТЬ ИМ ТАКЖЕ, ЧТО ВЫ ЖДЕТЕ ОТ НИХ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ?

— Да, — согласилась капитан Джут, — скажи им и это тоже.

Она длинным прыжком перенеслась на кровать и включила AV. Каналов было так много, что ей быстро надоело нажимать кнопки. Она поставила программу на пятидесятисекундный цикл и тут же провалилась в сон, чтобы видеть сны об автодорожных катастрофах, спортивных соревнованиях, льющихся через край шипучих напитках и лощеных факельщиках в синих костюмах. У всех до единого факельщиков из голов торчали железные шипы.

Она проснулась от тактичного мелодичного звона. Это был приземистый служебный робот. Ей прислали ее скафандр, вычищенный и подзаряженный.

Капитан Джут опять уснула, проснулась, поела, долго с наслаждением купалась в настоящей воде, вытерлась, напилась, посмотрела какую-то порнуху, позвонила в контору гостиницы, позвонила на корабль. «Кейруэйз» подтвердила прием сообщения, но своих сообщений не оставила. От Годфри не было ни слова. В какой-то момент запасы в холодильнике были бесшумно пополнены.

Капитан Джут проделала все это снова, и снова, и снова в различных последовательностях. Она ела, спала и просыпалась и смотрела в окно на плавный танец Оберона с Титанией, на ночь, набегавшую на горные хребты повисшего в небе Урана.

Не прошло много времени, как скука снова загнала ее в бар. Трудно себе представить, чтобы это был все тот же самый день, какой бы системой единиц ни пользоваться, однако Крейн оказался на прежнем месте. И он был один за столиком. Он вскинул взгляд и улыбнулся, как если бы специально ждал ее.

— О'кей, — сказала Табита, — Покажите мне тогда эти колодцы.

Они ехали, не включая фар, по тревожно мерцавшему насту. В небе сверкала алмазная россыпь ослепительных, немигающих звезд. Солнце было ярчайшей из них — горячей, яростной точкой, словно кто-то из чужого пространства пытался вломиться в наше при помощи паяльной лампы.

Крейн искоса поглядывал на Табиту. Хотя его айсровер и ехал на автопилоте, он держал свои руки при себе.

— Так ты что же, — спросил он, — вот так вот и летаешь в одиночку? Всегда?

— Всегда, — подтвердила Табита.

— Ты не любишь людей.

— Я прекрасно справляюсь и одна, — сказала она и соглашаясь с этим утверждением, и слегка его смягчая.

— Ты прекрасно справляешься и одна, — повторил Крейн и коротко, беззвучно хохотнул.

Мимо километр за километром бежала мертвая промерзлая пустыня.

— Здесь тебе будет хорошо, — сказал Крейн. — Это место просто создано для людей, которые сами со всем справляются. — Его голос звучал весело и беспечно.

— Я здесь надолго не задержусь, — напомнила Табита.

— Нет, конечно же нет, — успокоил ее Крейн и опять почему-то хохотнул.

Машина у Крейна была ярко-желтая. Табита бездумно смотрела, как мчится по льду ее смутное отражение.

— А как там мистер Годфри? — спросила она.

— Он тебя беспокоит?

Табите не очень понравился отзвук некоего собственничества, ощущавшийся в этих словах.

— Это она привезла его сюда?

— Да, его привезла принцесса. — На этот раз голос поэта звучал холодно и бесстрастно. — Он ее первейший фэн. И весьма импозантный мужчина, — добавил он. — Крупный мужчина. — По его лицу скользнула улыбка.

Табита ничего не сказала.

— И лучше его не касаться.

— У меня и в мыслях не было его касаться, — сказала Табита, начиная выходить из себя.

— Нет, конечно же нет, — еще раз успокоил ее Крейн.

Табита резко, с шумом выдохнула.

Мимо бежала все та же бесплодная пустыня.

— А как насчет тебя? — спросила она через какое-то время. — Сколько ты здесь уже живешь?

— Годы, — сказал Крейн. — Годы и годы.

— Нравится, видимо.

— Я поэт, — пожал плечами Крейн. — У меня поэтическое эго. Мне нравится, что есть уголок вселенной, способный показать мое отражение.

Судя по всему, это была строчка, которую он сейчас оттачивал.

— Синий цветок? — спросила Табита.

— Согласно моей теории, это было нечто вроде шутки, — сухо заметил Крейн. На приборной доске замигали огоньки, и машина свернула в сторону продолговатого купола. — И мне он нравится, а как тебе? Лично я думаю, что здорово.

— И это получается само собой? — спросила она. — Естественным образом?

— Да в общем-то нужно и поработать, — ответил, чуть задумавшись, Крейн. — Сконцентрировать всю свою волю.

— А вот ты — ты сколько их сделал?

Крейн не ответил, а только покачал головой.

Купол выглядел простейшим утилитарным сооружением: грязно-голубой стандартный префабрикат, из которого торчало множество малых модулей.

— Это оно и есть?

— Оно и есть, — кивнул Крейн. — Есть и другие, но этот — главный.

Унылая конструкция больше походила на какое-нибудь лунное общественное здание, чем на место, куда люди приходят, чтобы грезить осязаемые грезы.

— Ты, наверно, проводишь здесь массу времени, да?

— Массу времени, — согласился Крейн. — Это вроде как делать детей, — добавил он самым невинным образом. — Прежде чем раз повезет, приходится делать уйму попыток.

— А бывает, что и никогда не повезет, — сухо отрезала Табита.

— Тоже верно, — согласился Олистер Крейн и вытер пальцами уголки рта. — Создание грез доступно далеко не каждому.

— Ну ты-то и стихи ведь пишешь, — заметила Табита.

— К слову сказать, я ведь тут думаю написать про тебя.

— Не путай меня в эти штуки, — твердо сказала Табита.

— Прекрасное название, — обрадовался Крейн.

— Я не хочу, чтобы ты про меня писал, — сказала Табита, еле сдерживая злость.

Крейн подергал себя за бородку.

— А про таких, кто не хочет, писать особенно интересно, — сказал он игривым тоном.

— Я бы тебе все-таки не советовала. — В голосе Табиты звенела почти не скрываемая угроза. — И грезить обо мне тоже не советовала бы.

— Поздно, — вздохнул Крейн. — О тебе уже грезят все и каждый.

На скулах Табиты заиграли желваки.

— Да вы не бойтесь, капитан, — успокоил ее Крейн. — Никто здесь не собирается похищать вашу душу.

Там, куда они вошли, в ближнем конце цилиндрического модуля воздух был теплый, затхлый и сырой, как в плавательном бассейне. Для полноты сходства он даже припахивал хлором. Биофлюоресцентные трубки заливали все помещение тошнотворно зеленым светом.

За конторкой сидел иссохший старик в грязной фельдшерской куртке. Они с Крейном перекинулись парой фраз про сегодняшних посетителей. Табита расслышала несколько имен, но среди них ни одного знакомого. Контролер неумело тыкал пальцем в клавиатуру.

— Как имя вашей подруги, мистер Крейн? — спросил он, считая, очевидно, что сама она говорить не умеет.

— Это капитан Джут, — представил Табиту Крейн. — Капитан Джут летает на всяких штуках.

«Только бы он не стал говорить про эту принцессу Бад», — взмолилась про себя Табита.

— Капитан Джут работает на принцессу, — продолжил Крейн.

Но все обошлось: старик только вскинул бровь и негромко рассмеялся.

Они вошли в длинный коридор. Кто-то решил, что это заведение будет выглядеть достойнее, если наляпать на стенах огромные ромбы. Ромбы были зловеще красного цвета с золотой окантовкой. Тот же самый или другой остряк расположил посреди коридора замызганный зеленый шезлонг и две большие груды чего-то точь-в-точь похожего на грязное белье. Следуя за Крейном, капитан Джут обогнула

эти препятствия. Шезлонг был, похоже, обычным шезлонгом, а белье — бельем. Она с нетерпением ждала, когда же начнутся всякие жути и чудеса.

Вдоль коридора шло множество дверей, иногда открытых. За открытыми дверьми были пустые комнаты.

— Так посетители все еще есть? — спросила Табита.

— В сезон, — коротко бросил Крейн.

У Табиты вертелся на языке вопрос, как давно закончился последний сезон. Крейн словно подслушал ее мысль.

— В них нет коммерческого потенциала, — согласился он, немного подумав. — Колодцы могут делать почти что угодно, но только не деньги.

Они миновали стеклянную стену, на которой сиротливо скучали останки какого-то научного эксперимента. Среди них был дорогой, но начисто выпотрошенный медицинский сканер. На полу валялись неподъемно тяжелый освинцованный коврик и несколько пустых газовых баллонов.

Ярдах в двадцати от них коридор пересекла женщина, завернувшаяся в простыню. Она вошла в одну из дверей, и та за ней закрылась. Она не удостоила их ни единым взглядом. Возможно, она спала на ходу.

— В первый момент, — рассказывал Крейн, — сюда бросились все кому не лень. Все, у кого свербело в заднице или в мозгу. Художники, ученые, пропагандисты. Религиозные психи, охочие до тайн. Люди с завиральными идеями. Те, у кого было слишком много времени и денег. Люди, бывшие на грани смерти, у которых времени не оставалось вовсе.

По мере того как приближался конец коридора, он говорил все тише и тише.

— Приходили и люди другого сорта — зарабатывавшие на психах, — говорил Крейн. — Толкователи. Грезоцелители вроде нашей Джорджинель.

Они ступили под купол.

— Есть люди, считающие, что всем и каждому ну прямо позарез необходимо увидеть свое собственное «я».

В главном куполе царила полумгла. Вдоль стен тянулись шеренги затененных, занавешенных отсеков, похожих на исповедальные кабинки. Тут тоже было не много порядка — старая разнокалиберная мебель, какие-то научные приборы. Вокруг большого округлого бассейна была проложена промышленная, с большой силой сцепления, ковровая дорожка.

— И всегда неизбежное разочарование, — говорил Крейн. — Ведь истина путающа и пуглива. По большей части. Она редко приходит при свете дня.

Вокруг бассейна через равные промежутки располагались подставки с наборами разного рода орудий с длинными ручками: грабель, багров и сачков. В верхней части каждой подставки имелась полка из блестящей отшлифованной нержавейки; едва ли не все они пустовали.

— Ну, люди и двинулись дальше, — говорил Крейн, приближаясь к краю бассейна. — Искатели решили, что лучше бы им поискать что-нибудь еще в каком-нибудь другом месте.

— Легко их понимаю, — сухо съязвила Табита.

Крейн ее словно не слышал. Он всматривался в дальний берег бассейна, где стояла небольшая палатка; в ней лежал какой-то человек, представлявшийся сквозь плотный молочно-белый пластик смутным продолговатым пятном. Крейн привстал на правое колено.

— А кое-кто остался, — завершил он. — Грезящие над кладезем. Бог уж знает, чего они ищут.

Он слегка засучил рукав и макнул руку в воду.

Только эта вода не была водой. Она была темной, как пиво. И с пальцев она стекала не так — медленными жирными каплями.

А на ближайшей полке из нержавейки что-то все-таки было, что-то округлое. И, как в намек, размером с человеческую голову.

Капитан Джут стиснула кулаки и пошла посмотреть.

Это было нечто вроде жирной курицы с кургузыми пеньками вместо лап и кричаще-ярким, неопрятным оперением. В пустой глазнице проглядывала какая-то грязно-желтая мерзость, и все это, похоже, понемногу разлагалось.

— Ладно, пойдем отсюда, — сказала Табита. Ее голос звучал тоном выше обычного и предательски срывался.

Крейн встал, отвернулся от Колодца и вытер руку рукой. Его лицо буквально светилось — то ли внезапно нахлынувшей радостью, то ли злобой.

— В чем дело, капитан? Это всего лишь сон...

С другой стороны бассейна донесся жалобный вопль, искаженный отзвуками от стен до полной невразумительности. Из палатки торчала мужская голова. «Любопытно, — подумала Табита, — от каких таких снов мы его пробудили».

Дежурный сидел, глубоко утонув в своем кресле и закинув ноги на конторку. Его глаза были мирно сомкнуты.

Крейн улыбнулся и постучал по конторке костяшками пальцев.

— Тебе бы стоило спать там, а не здесь.

Старик широко улыбнулся беззубым ртом.

— Только не я, мистер Крейн,— весело прохрипел он.— У меня нет способностей.

От агентства так и не было ни слуху ни духу. Табита скучала на исполинской кровати.

— Ты бы, Алиса, только видела эти штуки,— сказала она.

— ВОЗМОЖНО, Я ИХ СКОРО И УВИЖУ,— негромко откликнулось из угла, где располагалась стенная розетка и где лежал сейчас комсет, поставленный на подзарядку.

— Если Крейн и вся эта компания окажутся правы, ничего ты не увидишь.— Она перекатилась на живот, немного подумала и вернулась в прежнее положение.— Сдуреть же можно, столько времени псу под хвост.

По AV гоняли бессчетную серию идиотского сериала про двух марсианских торговцев солью и их взбалмошного верблюда. На кровати валялись пластиковые тарелки с объедками, одежда и пустые пивные тюбики. Вернувшись из колодезного заведения, она убила весь остаток дня на бесплодные розыски кого-нибудь, у кого можно было бы нанять грузовик.

— Лежа здесь на боку, мы не зарабатываем ни гроша. Пожалуй, стоило бы зарегистрироваться и поискать здесь что-нибудь вроде работы.

— ЭТО, КАПИТАН, БЫЛО БЫ ПРЯМЫМ НАРУШЕНИЕМ ВАШЕГО КОНТРАКТА С ФИРМОЙ «КЕЙРУЭЙЗ». РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ, ПАРАГРАФ ЧЕТЫРЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ: ДО ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ДАННОГО ДОГОВОРА ОПЕРАТОР НЕ ДОЛЖЕН ВСТУПАТЬ В КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО ДРУГИЕ ЛИБО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ...

— Слушай, Алиса, не читай мне эту хрень. Они и понятия не имеют, как тут все устроено.

— ВОЗМОЖНО, КАПИТАН, ВАМ БЫ СТОИЛО ОТНОСИТЬСЯ К ПРОСТОЮ КАК К ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОТПУСКУ, — предложил заботливый корабль. — КАК ПРАВИЛО, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА ФУНКЦИОНИРУЮТ ЗАМЕТНО ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ПЕРИОДЫ АКТИВНОЙ РАБОТЫ ЧЕРЕДУЮТСЯ С ПЕРИОДАМИ ОТДЫХА И РАЗВЛЕЧЕНИЙ.

— Не дай-то бог, чтобы тебя услышал Крейн. — Капитан Джут завернулась в покрывало и сладко зевнула. — Он понимает развлечения несколько по-своему. Если ничего тут в ближайшее время не сдвинется, я посылаю все на хрен. Я знаю, что я...

Телефон нежно заворковал.

Табита выпростала из-под покрывала левую руку и нащупала кнопку.

— Да?

— *Тут к тебе, милая, заявился Мортон Годфри.*

— Господи. Наконец-то. Я сейчас спущусь.

— *Угу. А он как раз поднимается.* — Бармешша длинно закашлялась. — *Я хотела его попридержать, но не смогла.*

— Господи! Господи!

Капитан Джут слетела с кровати как ошпаренная и принялась ногами запихивать под нее всякий мусор. Забыв про слабость здешнего тяготения, она преуспела лишь в том, что раскидала мусор по всей комнате. Тут же выяснилось, что на ее рубашку неизвестным образом пролилось нечто ярко-розовое. Яростная обработка пятна скомканным носовым платком не дала никаких результатов; тогда она схватила одной рукой свою куртку, а другой — дистанционный пульт, пытаясь одновременно надеть куртку и вырубить телевизор. Она уже успела просунуть одну руку в рукав и вырубить звук, когда дверь тактично звякнула.

— Сейчас! — проорала она, лихорадочно пытаясь нашарить за спиной второй рукав.

— КАПИТАН, — рассудительно сказала Алиса, — ВОЗМОЖНО...

— Выключи голос! — приказала капитан и направила пульт на дверь.

Аки чудесное видение из какого-то давнего, элегантного века, на пороге стоял Мортон Годфри. Высокие, до колен,

сапоги «Репеллекс» сияли умопомрачительно. Ниоткуда исходящий свет гостиничного коридора превращал его униформу в стальные, прекрасного покроя латы.

Он снял шоферское кепи и сунул его под мышку.

— Капитан Джут.

Табита двигалась ему навстречу не слишком изящными прыжками.

— Не нужно вам было подниматься сюда.

Ее голос звучал довольно сердито.

— Извините за вторжение,— сказал Мортон Годфри, переступая порог.

Он высился над ней, как колокольня. Без кепи и маски он выглядел абсолютно безукоризненно, как, конечно же, и должно выглядеть сноспешнику сиятельной особы. Он исходил строгим благоуханием стерильно чистой больницы.

— Принцесса готова.

— Сейчас? Посреди ночи?

Шофер стоял, уперев руки в боки и разглядывая фигурки, беззвучно склочничавшие на экране исполинского AV.

— Здесь всегда посреди ночи,— заметил он.

— Я уже легла,— возразила Табита.

Мортон Годфри смотрел в некую точку между ее глазами.

— Так мне это представляется,— согласился он и на мгновение оплел каждое свое запястье пальцами другой руки.

Табита ощутила, как кровь бросилась ей в лицо.

— Я весь день пыталась раздобыть транспорт,— сказала она.

— У нас есть транспорт,— сказал Мортон Годфри, глядя опять на AV.

В том, как он отводил от нее глаза, было нечто натужное, преднамеренное.

— Второй сезон,— сказал он, кивнув на экран.— После ухода Калигулы Проберта все это стало совсем не то.

Тут даже шоферы ходили в искусствоведах.

Он снова взглянул на переносицу Табиты, а затем скользнул глазами по растерзанной кровати, по завалам одежды и объедков.

— Я скоро вернусь,— сказал он.— Ровно в шесть. Вы можете быть готовой к этому времени?

— Я долго была готова, — грубо отрезала Табита. — Так долго, что даже устала.

— Но сейчас-то вы не готовы, — невозмутимо напомнил ей Мортон Годфри.

— О'кей, — сказала Табита. — Едем.

— Нет, — качнул головой Мортон. — Вы сейчас лучше поспите, а я зайду за вами попозже. — Он вроде как подмигнул и значительно воздел указательный палец. — В шесть.

Затворив за ним дверь, Табита с размаху плюхнулась на кровать.

Секунды через две она осознала, что злится в общем-то не на него, а на себя. Она вела себя в высшей степени непрофессионально. Он в полном праве направить в агентство жалобу и потребовать, чтобы ее заменили.

Она перекатилась на спину.

— Включи голос, — сказала она.

Обрадованный сетком замигал огоньками.

— БЫЛ ЛИ ЭТО МОРТОН ГОДФРИ, КАПИТАН?

— Да. А что?

— НАПРЯЖЕННЫЕ ИНТОНАЦИИ ЕГО ГОЛОСА ВЕСЬМА СХОДНЫ С АНАЛОГИЧНЫМИ ИНТОНАЦИЯМИ В ГОЛОСЕ ОЛИСТЕРА КРЕЙНА, — доложила Алиса.

После долгих стараний Табита сумела наконец выключить AV.

— Правда, что ли? — спросила она.

— ЭТО ДАЕТ ОСНОВАНИЯ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ОН ТОЖЕ ТЕБЯ ЖЕЛАЕТ, — сказала Алиса.

Капитан ощутила, что кровь снова прилила к ее лицу. Только этого ей и не хватало.

— Да нет, Алиса, я так не думаю, — сказала она. — А этот разговор ты сотри, пожалуйста.

— ДА, КАПИТАН, — прошептало из угла.

— Люди ее просто обожают, — сказал Мортон Годфри. — Обожают, я вам точно говорю. А вот каналы на нее ополчились все как один.

Поразительно, сколько здесь было людей, желавших ей что-нибудь рассказать.

Они сидели за стойкой и пили кофе. Барменша то исчезала по каким-то своим делам, то появлялась. А больше — никого, ни души. У Табиты снова возникло чувство, что они затаились где-то в засаде и подсматривают. Наблюдают издалека из боязни спугнуть любезную парочку.

Годфри развернулся на табурете и сидел теперь лицом к ней. Он держал чашку обеими руками и водил большими пальцами по ее краешку, словно лаская. Капитан Джут без труда представляла себе, как эти большие ладони ласкают щеки и шею невротической звезды, ее еле намеченные груди.

— Они ее не понимают, — продолжал Годфри. — Не понимают и боятся.

Он вскинул на нее глаза, чтобы понять, поняла ли она. Увидев, что Табита не реагирует, он кивнул, словно его слова нуждались в чьем-нибудь — хоть даже в его собственном — подтверждении, и лишь потом можно было продолжить.

— Они завидуют ее таланту.

Как назло, возникли некие обстоятельства, тормозившие дело. Либо принцессе все эти радости были совсем некстати, и она преднамеренно ставила палки в колеса. К шести часам Табита уже встала, оделась и была готова идти. В полседьмого позвонил Годфри — сказать, что «график немного изменился» и он приедет к восьми. К тому моменту, когда появился его синий двухместный слайдер «Гигнуки», время шло уже к девяти. Теперь было почти одиннадцать, а они все еще сидели в баре. Впрочем, Табиту его общество не тяготило. И какая разница, что там болтает Алиса; ничего она не понимает. Мортон Годфри был естественным, прирожденным спутником, так же неспособным изменить свою траекторию, как Умбриель или Луна. Если в его жизни и был хоть какой-то свет, весь этот свет исходил от центрального светила.

— Так глянем мы когда-нибудь на все это хозяйство? — спросила Табита.

— Да, — кивнул Мортон Годфри. — Скоро.

Он поставил чашку рядом со своим кепи, которое лежало на стойке вверх ободком, как пустая тарелка, и, похоже, с трудом подавил вздох. Возможно, они с хозяйкой крупно сегодня поцапались.

Барменша разгружала посудомоечную машину. Годфри посигналил ей рукой.

— Дорин, — сказал он. — Поставь, пожалуйста, «Знаешь».

Но барменше в данный момент это было совсем некстати. Она молча указала подбородком на свои руки, полные мытых стаканов.

Годфри встал, подошел к музыкальному автомату и нажал пару кнопок.

На голографическом экране возникла тонкая, как лоза, фигурка в черной рубашке и непомерно просторном, синем с прозеленью мужском костюме.

— Вы это уже видели, — сказал Годфри.

— Может, и видела, — устало откликнулась Табита. — А может, и нет — откуда мне знать?

Кукла, танцевавшая на экране, вращала бедрами. Сквозь нее просвечивали часть стены и украшения, словно она была целлофановой.

— Тридцать четыре дубля, — с гордостью произнес Годфри и отпил глоток давно остывшего кофе. — И тридцать четвертый она делала с той же энергией, что и первый. Она всегда выкладывается до конца.

Его преданность умиляла до слез.

На крупных планах принцесса Бад выглядела высокомерно и бесполо. Тогда, во время съемок, ее глаза были поуже, либо их делали уже при помощи грима или чего там еще. Она исполняла некий утонченный жеманный танец, а тем временем ее голос пел с фонограммы что-то о снеге. Всем своим видом, всеми ужимками она была ну прямо вылитый японец-трансвестит.

— Вы оцените эту глубину, эту проработку мельчайших деталей. Теперь такой работы уже не встретишь.

Было трудно понять, кого это он хвалит: принцессу Бадрульбудур или оператора. И как, интересно, отнеслась бы к таким комплиментам сама принцесса? Возможно, они бы ей и понравились. Возможно, как раз о таком двоении она и мечтала в своих одиноких раздумьях.

Музыка зазвучала чуть громче, а затем стихла, изображение расплылось и исчезло.

— Этот снег имел для нее особую важность, — доверительно сообщил Годфри.

— Капитан Джут недавно говорила, что принцесса снова работает, — встряла Дорин, вытирая руки о фартук.

Возможно, она заметила все нараставшую нервозность Табиты и решила ей помочь.

— Ну да, в общем-то.

Вмешательство Дорин было очень некстати шоферу, не желавшему включать ее в число своих слушателей. Он глядел на опустевший экран, словно в надежде, что призрак принцессы снова появится и направит его на верный путь.

— Она никогда и не прекращала, — сказал он в конце концов.

— И она теперь делает грезы, — добавила Дорин.

— Ну да. — Шофер развернул свою кофейную чашку на сто восемьдесят градусов. — Ваша луна пошла ей на пользу, — сказал он задумчиво. — Ее новое произведение лучше всего, что делалось ею прежде.

— Мне очень хотелось бы на них взглянуть, — заметила Дорин вполне благодушно, но вроде как и с обидой.

Она подхватила поднос со стаканами и исчезла в неведомых далях служебных помещений.

Мортон Годфри проводил ее взглядом и что-то пробормотал. Видя, что Табита никак не реагирует, он повторил негромким отчетливым голосом:

— Принцесса не демонстрирует незавершенных работ никогда и никому. Они это прекрасно знают.

Он допил холодный кофе и аккуратно, с хирургической точностью установил свою чашку посредине блюдца. Было видно, что верный поклонник вне себя от самой уже мысли, что кто-то посмел усомниться в целостности творческого облика его повелительницы.

Капитан Джут взглянула на лунные грезы, украшавшие бар, — шипованную голову и маленького транта, все так же игравшего мышцами.

— Мне говорили, — сказала она осторожно, — что вдали от создателей все эти штуки быстро погибают.

Годфри взглянул на нее в упор впервые с того момента, как на экране возникла принцесса. В его взгляде была странная беззащитность, мольба об участии. Он словно говорил ей: ну не надо так, делай как я, даже словом не заикайся, что все ее надежды впустую.

— Нужно ехать, — сказал Годфри. — Она уже ждет.

Однако сам он не двигался, а только сидел с несчастным видом и смотрел на Табиту.

Табита решила взять события в свои руки и посмотреть, не этого ли он ждет.

— Позвоните ей, — предложила она. — Скажите, что мы уже едем.

Не отводя от нее глаз, Мортон Годфри наполовину вытащил телефон из кармана. И тут же затолкал его обратно.

Его рука поднялась и прошла над плечом Табиты, широкая ладонь легла ей на затылок.

— Из машины позвоню, — хрипло сказал Годфри, а потом слегка приоткрыл рот и отчаянно, словно ради спасения собственной жизни, впился ей в губы.

За краткие доли секунды Табита успела и возмутиться, и позабавиться возникшей ситуацией. Она крепко, что было сил, уперлась руками в широченную грудь шофера и ощутила колючую боль от серебряных пуговиц, врезавшихся ей в ладони. Плотно зажмурившись, с бешено колотящимся сердцем, она резко повернула голову, хватила глоток воздуха и увидела через плечо Годфри синюю вазу с грезовым цветком Олистера Крейна, а рядом с ней — принцессу Бадрульбудур, холодно наблюдавшую за происходящим.

От неожиданности она дернулась еще сильнее и свалилась с табурета.

Капитан Джут закрыла правый передний шлюз и закинула шлем в пустующий гамак второго пилота.

— Алиса, приготовься к отбытию.

— НО ВЕДЬ ТРЮМ ЕЩЕ ПУСТ, КАПИТАН, — напомнил корабль. — ЗАКАЗАННЫЙ К ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗ НЕ БЫЛ ЕЩЕ ЗАГРУЖЕН.

— Я и сама знаю, что этот долбаный груз не был еще загружен!

Она была в ярости: на себя, на «Кейруэйз», на Мортона Годфри, на принцессу, драть ее и резать, Бадрульбудур. Это ж нужно было быть такой дурой: притащиться в эту чертову даль — и все лишь затем, чтобы битую неделю пить в три горла и смотреть идиотский AV и чтобы тут всякие придурки пускали на тебя слюни. А теперь ей ни шиша не заплатят, и Бад уж точно сохранила достаточно связей, чтобы ее имя попало в черные списки всех до единого транспортных агентств внешней системы.

Гравитация на Умбрисле низкая, а потому ее падение было не столько болезненным, сколько унизительным. Столь же унизительна была минута, пока она старалась отдышаться и вставала на ноги. А когда встала, их уже не было.

Дорин, помогавшая ей подняться, рассказала потом, что вернулась в бар и увидела спину принцессы, молча уходившей по лестнице.

— А этот Годфри, он стоял и таращил глаза, словно увидел знамение, — сказала Дорин.

— Какое еще знамение? — спросила Табита, потирая ушибленное бедро.

— Знамение, — повторила Дорин и написала пальцем в воздухе невидимые буквы. — ИЕРУСАЛИМ, — продекламировала она, — ЗАКРЫТО ДЛЯ ПЛАНОВОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ. Затем он схватил эту свою шапку, нахлобучил ее и бросился следом. Боже милосердный, дал бы ты мне хоть одного мужика, чтобы так за мною бегал. А ты-то как, милая, отошла? Налить тебе кофе?

— Трижды... придурок, — сказала Табита и добавила несколько совсем уж непристойных выражений.

Дорин смотрела на нее с откровенным интересом, а затем, когда поток ругательств иссяк, спросила:

— Он тебе что-нибудь повредил?

— Он меня, на хрен, поцеловал! — продолжала кипеть Табита.

Дорин заметила на стойке лужицу кофе и принялась ее вытирать.

— Значит, не все в убыток, был хоть какой-то плюс, — сказала она, продолжая драить стойку.

— По-твоему, это смешно? — возмутилась Табита.

Дорин вскинула руки в знак безоговорочной капитуляции.

— Поостынь, дорогуша, поостынь. Ты знаешь, что это за мужик? Да он же клеится к каждой встречной и поперечной. Так что ты не обижайся, — проворковала она, — но иначе и быть не могло. — От избытка чувств она встряхнула кудряшками. — И если принцесса об этом не знала, ей предстояло узнать, и не сегодня, так завтра.

— А как она выглядела?

— Со спины не больно-то разберешь, но, судя по походке и по тому, как дергались плечики, она готова была на

стенку лезть, — сказала барменша и вдруг рассмеялась; это было настолько неожиданно, что ее поддержала и Табита.

Отсмеявшись, Табита села за стойку и попросила налить ей кофе.

— Господи, — пробормотала она, — ну почему я никогда не могу получить простую, нормальную работу? Ну хоть бы раз для разнообразия.

— Знаешь, милая, — вздохнула Дорин, — если ты найдешь в этой системе хоть что-то простое и нормальное, непременно расскажи нам, мы очень порадуемся. Слушай, а как ты насчет плеснуть в кофе виски? Настоящего, из личных запасов тети Дорин.

Пока барменша копалась под стойкой, Табита размышляла, что, когда местные шутки начинают повторяться, это вернейший знак, что пора двигать дальше.

И вот теперь она сидела в кокпите своего «Кобольда», готовясь к отлету и размышляя на совсем другую тему — как скоро ей достанет духу снова появиться в агентстве «Кейруэйз».

— Если так и дальше дело пойдет, скоро мне придется просить Санжау о новом одолжении, — сказала она вслух.

Ей претила сама эта мысль. Это бы было равнозначно признанию, что ей не под силу совладать с кораблем, что дал ей Великий Старик.

— ТЫ ОБЕЩАЛА БАЛТАЗАРУ ПЛЮМУ, ЧТО БУДЕШЬ ПОДДЕРЖИВАТЬ С НИМ КОНТАКТ, — тактично напомнил ей корабль.

— Ну его к черту, этого Балтазара! — отмахнулась Табита. — Он ничем не лучше Мортона Годфри.

— Я НЕ ВПОЛНЕ УВЕРЕНА, КАПИТАН, ЧТО ВЕРНО ПОНИМАЮ ЭТУ РЕМАРКУ, — сказала Алиса, знавшая далеко не все.

— Чушь это все. А ты, Алиса, радуйся, что ты железная.

— ЕСЛИ СТРОГО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ФАКТОВ, — обиделся корабль, — ЖЕЛЕЗО ИГРАЕТ В МОЕЙ КОНСТРУКЦИИ КРАЙНЕ МАЛУЮ РОЛЬ. ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ, ПОШЕДШИЙ НА СОЗДАНИЕ МОЕЙ ЛИЧНОСТИ, — ЭТО ПАРНЫЙ ПОЛИСАХАРИД КРЕМНИЯ.

— Ты не больно-то умничай, — нелюбезно оборвала ее Табита. — Доложи, пожалуйста, текущую ситуацию.

— ЗАПРОС НА ВНЕОРБИТАЛЬНЫЙ ПОЛЕТ ПОДАН И ПРИНЯТ, — сказала корабельная личность. — БАЛАНС ПЛАЗМЫ СОРОК ШЕСТЬ ПРОЦЕНТОВ, НАРАСТАЕТ. ОСЦИЛЛЯЦИЯ ИМПУЛЬСА СТО ДВАДЦАТЬ — ДВАДЦАТЬ ДВА. ПРИВЯЗКА ОРИЕНТАЦИИ К ОСИ ВРАЩЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕЛА ЗАФИКСИРОВАНА. ПРИБЛИЖАЕТСЯ МАШИНА.

— Чего?

На мониторах появился серый «роллс-ройс», лихо мчавшийся по льду посадочного поля.

Капитан Джут длинно и цветисто выругалась.

— Спешит мне сказать, что он не может меня отпустить, так, что ли?

Но секунду спустя она увидела, что «роллс-ройсом» управляет робот — коренастый, с посеребренной грудью «Факто-4000».

— Сбрасывай мощность, Алиса, — сказала Табита, торопливо крутившая увеличение, пытаясь рассмотреть, кто сидит в машине сзади, на пассажирских местах. — Господи, да она это или нет? И чего ей от меня нужно? Если она думает, что мне нравились его приставания, я рассмеюсь ей в лицо, точно рассмеюсь.

Но робот был в машине один.

Аккуратно припарковав «роллс» рядом с «Кобольдом», он распахнул дверцу и столь же аккуратно опустился на лед. Затем он подкатился к левому переднему шлюзу, перестроил конфигурацию мобилаторов и стал подниматься по трапу.

Внутри корабля робот вскинул свою плоскую башку и уставился прямо на Табиту.

— *Работник, командированный агентством «Кейруэйз», я имею сообщение к вам от принцессы Бадрульбудур,* — сказал робот. — *Она готова разрешить вам начать погрузку.*

— Это сообщение я уже получала, так что спасибо и до свидания, — сказала Табита и потянулась к кнопке герметизации шлюза.

— *Данное сообщение отменяет сообщение, доставленное вам в поль восемь восемьдесят четырнадцать Мортоном*

Годфри, — сказал робот. — *Данное сообщение было составлено в пятнадцать ноль шесть тридцать шесть.*

— Вы шутите, — сказала Табита. — Нет ли там заодно и извинения за неавторизованное и неправомочное вмешательство в сферу межличностных отношений, произведенное одним из работников Ее Высочества?

Какое-то время робот гудел, явно не справляясь с перегрузкой.

— *В этом вопросе содержится свыше десяти процентов терминов, не имеющих определения либо мне незнакомых,* — сказал он в конце концов. — *Я не имею возможности на него ответить. Я имею только возможность препроводить вас к дому и помочь вам в исполнении ваших инструкций, отданных вам агентством «Кейруэйз» и подробно изложенных в контракте агентства «Кейруэйз» девяносто пять тэ-а-эф девять у четыре ноль-ноль два.*

Капитан Джут присвистнула, встряхнула ошарашенно головой и потянулась за своим шлемом.

— А можно я поведу машину? — спросила она.

— *В настоящий момент данный экипаж способен принимать только мои указания,* — совершенно серьезно ответствовал робот.

— Вот так вот, значит? — спросила Табита, переводя параллельно Алису на поддержание в рабочем режиме. — А что случилось с мистером Годфри?

— *Я не имею возможности ответить на этот вопрос,* — ответил «Факто-4000».

Дворец принцессы Бадрульбудур все так же сиял огнями. Кроме нее, во дворце не было никого, зато она уж была здесь везде. Все оформление интерьера состояло из хроматических вариаций ее собственной личности.

При входе вас сразу встречал голографический, в натуральную величину портрет молоденькой принцессы в белоснежном платье. Стараниями визажистов она была точь-в-точь похожа на древнюю кинозвезду Мерилин Монро, но только с черными волосами. Когда вы шли, она поворачивала голову и смотрела вам вслед, а когда воздух из вентиляции вздувал ей юбку, вы могли заметить, что она без трусов.

— В этот дом приходят люди двух разновидностей, — сказала живая хозяйка дворца, выходя из золоченой клетки

лифта. Она указала на свою копию, которая вихляла задом, лучезарно улыбалась и пыталась, но никак не могла совладать со своим платьем. — Те, что сразу же это замечают и начинают ходить кругами и заглядывать под подол, и те, кто и подумать не может о поведении столь вульгарном. — Ее голос звучал устало, но при этом спокойно и чуть игриво. — А к какой разновидности относитесь вы?

— Я довольно вульгарна, — сказала Табита, не двигаясь с места.

Ей пришлось сказать это очень громко, чтобы перекричать музыку.

Прихожая представляла собой округлое помещение, вымощенное большими прямоугольными плитками чего-то жемчужно-серого. Везде, куда ни посмотри, периодически вспыхивали крошечные изображения принцессы Бад, подобные язычкам оранжевого и ярко-зеленого пламени, в то время как ее же голограмма в полный рост сверкала и трепетала. Видимо, каждая из этих плит представляла собой экран. Музыка и близко не напоминала те номера, которые Табита слышала в баре, но была чем-то вроде неспешных взрывов — громыхание и белый шум, безжалостно перегружающие аппаратуру. От этих звуков ее сразу стало подташнивать. Вполне вероятно, что именно в этом и было их предназначение.

Певица была просто великолепна в своей тунике из лилового переливчатого шелка, пузырящихся шароварах и сетчатой накидке. На ней были туфли на высоких каблуках и безумная масса арабских побрякушек. Немного возбужденная, она была явно довольна собой; от недавней ярости, как, впрочем, и от высокомерия, не осталось и следа.

— Вульгарность — это все, что у нас осталось! — сказала, вернее, прокричала она.

Похоже, принцесса сочла Табиту своей единомышленницей, своей союзницей в противостоянии враждебному миру — неожиданность, совершенно сбивавшая с толку.

Очень жаль, что я тут провозилась так долго, — продолжила она, направляя Табиту к лифту. — Ведь можно не сомневаться, что все это ожидание было для вас жутким, ужасным кошмаром.

Дверца лифта громко, с клацаньем захлопнулась, оставив Табиту лицом к лицу с принцессой Бадрульбудур. На всякий случай Табита решила четко обрисовать ситуацию.

— Я отправлюсь сразу же, как только получу от вас груз.

Но принцесса ее не слушала, предпочитая говорить сама.

— Я ведь все пыталась, и пыталась, и пыталась сделать выбор, — говорила она, уставив на Табиту огромные, в пол-лица, глаза. — И никак не могла решить. И знаете почему? Потому что с самого начала единственным разумным решением было послать *все*.

Поднявшись на один этаж, лифт остановился, и они вышли в искривленный коридор с влажно лоснящимися розовыми стенами, смыкавшимися над головой наподобие арки. В добавление к оглушительной музыке воздух здесь был густо напоен головокружительным запахом мускуса. Весь дворец казался пародийным подобием женского тела, его структура была словно срисована с потаенных внутренностей хозяйки.

— Все, — повторила принцесса Бадрульбудур. — Это более чем логично. Выставка.

Из ямки в стене приветливо улыбалась маленькая голограмма принцессы. Когда живая принцесса и Табита прошли мимо, голограмма насупилась и помрачнела.

— Выставка. Это тут главное, центральный стержень.

Организаторша грядущего показа одарила Табиту лучезарной улыбкой, неприятный случай в баре был полностью забыт. Возможно, Дорин была права и разнузданность Годфри не стала для принцессы такой уж неожиданностью.

Принцесса распахнула дверь и ввела Табиту в комнату.

Комната была очень просторная, с белыми стенами и огромными картинами на них — сплошной абстрактной тоской, какими-то цветными треугольниками на грязно-белом или бежевом фоне. В дальнем углу располагалась компактная автоматическая кухня. Там же находился стеклянный столик, над которым парила белая шаровидная лампа. Лампа была включена, как и все светильники во дворце принцессы Бадрульбудур. На столике стояла открытая банка меда с воткнутой в нее ложкой и валялась груда скомканных пакетов из белой инсулитовой пленки, оставшихся от какой-то еды. На полу, словно скатившись со столика, валялось нечто похожее на черный, с откромсанным краем арбуз.

Принцесса Бад уверенно направилась к этому предмету, словно собираясь то ли поднять его, то ли пнуть ногой.

Капитан Джут держалась в стороне; было невозможно сказать, какой еще номер выкинет эта женщина.

Принцесса остановилась рядом с арбузом и широким царственным жестом пригласила Табиту взглянуть.

Табита подошла и взглянула.

В надколотой черной скорлупе влажно поблескивала бурая вязкая масса. Из этой массы проступало лицо принцессы, будто из нее же и вылепленное. Подбородок принцессы был вскинут, глаза зажмурены, а рот широко, словно в экстазе, раскрыт. Была тут и правая рука, во всяком случае, высовывались ее пальцы. Пальцы то сжимались, то разжимались, словно грезовая женщина пыталась выбраться, вытолкнуться из цепко державшей ее трясины.

— А теперь, — говорила принцесса, — попробуйте себе представить. — Она взяла что-то со столика. — Вы заходите в комнату — точно так, как сделали это сейчас, а там...

Она сунула предмет, что-то взятое ею со столика, прямо Табите в руки.

Табита рефлекторно не дала этому чему-то упасть. Она удивленно взглянула на принцессу и только потом опустила глаза на предмет, оказавшийся у нее в руках.

Это была длинная проволока для резки сыра, снабженная на концах гладкими канареечно-желтыми ручками. Принцесса Бадрульбудур вложила эти ручки прямо ей в руки.

Табита взглянула на сырорезную проволоку, взглянула на черное яйцо с его страшным шевелящимся содержимым. Какие мысли копошатся в мозгу у этой женщины? Кто знает, но уж точно не нормальные.

— Ничего я не хочу себе представлять, — ответила Табита и торопливо вернула сырорезку на столик.

— Нет так нет, — пожала плечами принцесса. — Во всяком случае, вы получили общее представление. Размещение, вспомогательное оборудование — это все подробно расписано в сопроводительных документах. Но только вы же понимаете, им нужно увидеть что-нибудь вроде этого, но, с другой стороны, если они увидят что-нибудь вроде вот этого.....

Не закончив фразу, певица — или теперь ее нужно было называть художницей? — длинным прыжком перенеслась

в другой конец комнаты, распахнула высокие белые двери и пропала из виду.

Ошарашенная, Табита подавила брезгливое отвращение и упрямо последовала за ней.

Здесь были джунгли в миниатюре, царство тропических растений. К громыханию музыки теперь примешивались звуки льющейся воды и многоголосое пение птиц.

Смотреть на то, что собиралась показать эта женщина, Табите было и противно, и даже страшновато. Но это оказалось вполне безобидное и даже симпатичное изображение той же самой принцессы, с головы до ног одетой в яркие перья. В этом комичном наряде она походила на попугая, а еще больше — на клоуна.

— И это ваши грезы? — спросила Табита и тут же сама ощутила слабость, неадекватность этого слова.

— Только не говорите мне снова всю эту ерунду про страховку, — высокомерно сказала принцесса, отталкиваясь от чего-то, одной лишь ей известного. — Я знаю, что их никто не застрахует, их нельзя, *невозможно* сохранить. Но это-то как раз и интересно.

Она выудила из тропической зелени еще одну голову. На этот раз голова была изжелта-белая, как иссушенная временем кость. Ее глаза были закрыты, рот широко распахнут. Там, где положено быть зубам, сверкали два иззубренных лезвия, две стальные пилы.

— Ведь это и есть настоящая, подлинная эксклюзивность.

Глаза принцессы истерически блестели, она вертела голову в руках, словно соображая, куда бы ее закинуть. Из шеи головы торчало что-то странное и волокнистое вроде зубного корня. Корня, замаранного кровью.

Принцесса Бад рассмеялась, прикрыв рот тыльной стороной ладони; создавалось впечатление, что она может в любой момент потерять равновесие и рухнуть спиной в буйные заросли.

— Экс-позиция и экс-клюзивность, — сказала она, с трудом ворочая языком. — Слышь, а ну его все это на хрен, я хочу вина.

Табита с тоской подумала, что теперь придется вернуться в комнату, где по полу катается этот черный арбуз, но принцесса повела ее куда-то вперед по облицованной сос-

ной и неким желтым металлом галерее, обегавшей по кругу весь дворец, мимо ряда широких окон, выходивших на ледяную пустыню. Там, за окнами, ничего не двигалось. И не будет двигаться, подумала Табита, не будет никогда.

И почти сразу художница вернулась к своей любимой теме, словно и не она предложила ее оставить.

— Экспозиция и эксклюзивность. Принцесса Б. которую никто не видит. Ни даже... — Она оборвала фразу, а секунду спустя заговорила снова, спокойно и рассудительно. — Куда ты уходишь, когда закрываешь глаза? С этого все и началось. С этого и с того, что происходит, когда ты уходишь от самой себя.

Табита решила, что наелась всем этим по уши, и заговорила сама:

— Мне-то казалось, что всем нам полагается заново изобретать себя тридцать два раза в секунду, что бы это ни значило.

— Так именно об этом я и говорю, — сказала принцесса, вводя ее в другой, на этот раз вполне обыкновенный лифт. — Принцесса Бадрульбудур стала пленницей этой фразы. Люди приковали меня к ней намертво. Те самые люди, которых она, эта фраза, должна была освободить. Они не хотят, чтобы их освобождали от них самих, — говорила она медленно и презрительно, а тем временем лифт опускал их вглубь ледяного холма. — Не хотят даже на одну тридцать вторую долю секунды. Они по уши влюблены в свои тупоумные эго. И в принцессу — трижды долбаную Бадрульбудур.

Принцесса взглянула на пилозубую голову, прихваченную ею с собой. Словно чтобы подчеркнуть справедливость ею сказанного, голова открыла невидящие глаза, взглянула ими на нее и нежно улыбнулась.

— К чему я сама же их и подталкивала, — сказала принцесса. — Знаю, я все прекрасно знаю.

Капитан Джут смотрела на свое отражение в стальных раздвижных дверях.

В помещение, куда доставил их лифт, было слишком темно, чтобы увидеть хоть что-нибудь. В воздухе пахло затхлостью. К музыке, сопровождавшей их по всему дворцу, добавились какие-то всхрапы и жужжание. Мотив воды продолжал присутствовать, но стал потише и поспокойнее,

больше походил на бульканье в большой кастрюле, чем на плеск огромной реки.

— Они превратили меня в женщину, сказавшую эту фразу, — говорила принцесса, уходя в темноту. — Мне теперь не позволено заново придумывать себя, не позволено бросаться в объятия необычности.

«Если уж кто и влюблен в себя нежной любовью, — подумала Табита, — так это принцесса Бад. Говорит, говорит и не может остановиться, даже чтобы включить здесь свет».

— Вино, — пробормотал голос принцессы. — Включить освещение.

Когда со всех сторон полился бледный мягко-янтарный свет, Табита увидела, что они находятся в спальне. Потому, наверное, и храп, рассудила она. Над большой круглой кроватью свисала бронзовая курильница для благовоний, а посреди этой кровати валялась та самая пилозубая репа.

Широкие мраморные ступеньки вели от кровати к небольшому бассейну, отдаленно похожему на джакузи; вот отсюда и исходило непонятное бульканье — от темной воды, непрерывно кипевшей в этом бассейне.

Куда ни посмотри, твой взгляд натыкался на одежду — одежду, висевшую на вешалках и валявшуюся на полу, одежду, аккуратно сложенную или беспорядочно скомканную, одежду, запихнутую на переполненные полки. То там, то сям, по углам и закоулкам из этих завалов одежды выглядывали головы и фигуры, большие и маленькие. Одна из фигур, с лысым как колено черепом и несколькими руками, валялась на спине в шаге от джакузи и судорожно жестикулировала.

И все они, сколько их было, изображали ее. В случае принцессы Бад ее истинным, потаенным «я» была совокупность ее внешних проявлений. Видимо.

— Вот все они и поедут, — сказала созидательница и прообраз всех этих образов. Она стояла на другом краю комнаты, за круглой кроватью, и наливала в два больших бокала густое красное вино. — Пытаясь что-то здесь отобрать, я угробила попусту дикую массу времени, — объяснила она еще раз. — Теперь я отчетливо вижу, что главная фишка в том, чтобы выставить их все до единой. Вот, держите.

— Нет, спасибо, — качнула головой Табита.

Но принцесса ее словно не слышала, а так и стояла, протянув над кроватью руку с бокалом вина.

— Показать им всем, что может здесь сделать настоящий художник, — заключила она, надменно вскинув подбородок.

И какие там бассейны, какие джакузи! Конечно же, эта темная лужа была одним из колодцев. Принцесса Бад сумела обзавестись своим собственным, частным Колодцем Грез. А вокруг него она построила вот этот самый свой дворец.

Вода в Колодце была темная, а при слабом рассеянном свете и почти непрозрачная. И все же Табита разглядела в ее мелкопузырчатом кипении, что вблизи от поверхности формируется новый образ.

— А вы уверены, что со всеми этими штуками ничего не случится?

Принцесса громко расхохоталась.

Потом она долго рассуждала об особых преимуществах своего дворца, о его «гомеостатических системах». Так говорят не всемирно знаменитые поп-звезды, а скорее уж бойкие риелторы. Если и было у Табиты хоть какое-то перед ней благоговение, то теперь оно исчезло окончательно.

— Посмотрим, как там идет погрузка, — предложила принцесса Бад.

В светлом просторном гараже не было никого, кроме знакомого робота. Он вытаскивал из грузового лифта зеленые пластиковые контейнеры и препровождал их во вместительный кузов большого, с шипованными колесами грузовика. Контейнеры полнились грезами; Табита видела, как моргали глаза этих грез, как, словно в прощании, махали их крошечные ручки.

У стены стоял синий айсровер «Гигнуки». А Годфри как не было, так и не было.

Еще издалека, как только позволила мощность рации, с ними связался дежурный таможенник. Это был тот же самый мужик, что и в прошлый раз. Вероятно, у него не было дома телевизора.

— А ведь она меня впустила, — сказала Табита, наклонившись к микрофону.

Робот остановил грузовик прямо перед конторой. Они ждали и ждали, но дежурный все не появлялся.

— Так вы хотите хотя бы взглянуть? — спросила Табита.

Чтобы видеть через стекло конторы дежурного, она наполовину слезла с сиденья. А ему там было тепло и уютно, ему совсем не хотелось наряжаться в скафандр и вылезать наружу, где холод собачий и почти полный вакуум.

— *Да ладно,* — сказал он, — *вы просто задиктуйте мне цифры.*

Табита принялась задиктовывать ему все цифры в установленном правилами порядке: вес нетто, вес брутто, объем, классификационный код.

— Пятьдесят восемь человеческих голов, — сказала она. — Страховая стоимость: ноль.

Ожидаемого смеха не последовало. Сквозь слоеное стекло едва проглядывали контуры чиновника — серое пятно, согнувшееся над клавиатурой.

Робот выкатил грузовик на поле и поставил его рядом с «Алисой Лидделл», точно в то же самое место, куда он ставил в прошлый раз «роллс-ройс».

Капитан Джут приказала Алисе открыть грузовой трюм. Вместе с воздухом наружу вырвался мелкий мусор — частицы бог весть скольких различных миров, пренебрежимо малая добавка к массе мира этого. В облаке пыли она распознала давно потерянную отвертку, пустой пакетик от крекеров с крилем.

В трюме от стенок стали отстегиваться держатели груза.

— С этим хозяйством, — сказала Табита, герметизируя свой скафандр, — справятся и робогрузчики.

— АКТИВИРУЮ, — благодушно сообщил корабль.

После короткой паузы на лед вразвалочку вышли четыре коренастые фигуры, похожие на космовокзальных чистильщиков сапог.

В кабине грузовика принцессин «четырехтысячный», сидевший рядом с Табитой, любознательно удлинил свою шею, превратив ее в толстый стержень. Покрутив секунду-другую свой набор сменных глаз, он выбрал из них самые подходящие.

— *Я имею возможность переместить доверенный мне груз самостоятельно,* — сказал его голос в наушниках Табиты, выпрыгнувшей на лед.

— Помоги, если хочешь, — предложила она.

Робот выбрался наружу, не спуская глаз с робогрузчиков. Во всем его поведении явно сквозило недоверие. Подойдя к самому крайнему, он помигал ему что-то цветными огоньками.

Робогрузчик развернул свой верхний кожух и помигал в ответ.

«Четырехтысячный» развернул свою голову на Табиту, открывавшую задний борт грузовика.

— *Возможности этой модели заметно ниже моих собственных,* — сообщил он ей.

— Только их здесь четыре штуки, а тебя только одна, — заметила Табита. — Так что ты уж там поосторожнее.

Пока сознание корабля расписывало маршрут к астероидному поясу, капитан Джут гуляла по узеньким мосткам, обегавшим трюм по кругу, и наблюдала за работой стальной бригады. Роботы дружно и слаженно выгрузили из грузовика пятьдесят восемь масок и статуэток, поясных и в рост принцессы Бадрульбудур, и погрузили их на «Алису Лидделл».

На это ушло порядочно времени. Лунные грезы отличались склонностью высовываться из контейнера и болтаться из стороны в сторону. Одна из них вылезла из контейнера полностью; капитан соскользнула по трапу и отловила ее, чтобы, не дай-то бог, не залезла куда не надо и не устроила какую-нибудь пакость.

Беглая греза была поясной статуэткой длиной сантиметров тридцать. Она была совсем голая и целомудренно прикрывала свои груди рукой. Ее кожа имела цвет и текстуру графита. Капитан подхватила беглянку под мышки и держала ее перед собой, как ребенка. Греза не шевелилась. Она вяло висела у нее на руках, словно оглушенная бледным унылым светом Урана. Капитан запоздало спохватилась, не нужно ли было защитить все эти штуки от вакуума.

— Я же говорила, что не беру на себя никакой ответственности, — напомнила она фигурке.

И то ли увидела, как серые губы пошевелились, то ли это ей померещилось.

Принцессин робот подкатился поближе и вперил в нее осуждающий, иначе и не скажешь, взгляд. За его спиной робогрузчики начинали растягивать грузокрепящие сетки.

— Подождите, подождите, — остановила их Табита. — Тут еще эту забыли, последнюю. — И запихнула серый холодный торс назад в контейнер.

Корабль устремился в черный холодный провал, зиявший под желтым диском Урана, и черный провал его принял.

— Вот так-то будет лучше, — сказала Табита, когда исчезли последние признаки веса и она мирно воспарила в своем гамаке над пультом управления и приборами.

Космос был для нее родной стихией, и при каждом взлете, вот в такой примерно момент, она непременно об этом думала — ей нравились безбрежность, бездонность и одиночество. Другим людям всегда от тебя чего-то нужно, и, как правило, чего-то такого, чего у тебя и в помине нет. Имея хороший корабль, ты можешь оставить за кормой все их сложности и путаности вкупе с их тяготением. Пока курсовые компьютеры вносили в программу полета последние уточнения, она стала думать о Мортоне Годфри, о нужде в его глазах, о беспросветном отчаянии в его поцелуе. Как безнадежно запутаться должен он был в бесконечно двоящейся и ветвящейся личности принцессы Бадрульбудур.

— КАПИТАН, МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВАМ БЫ СТОИЛО ПРОВЕРИТЬ ГРУЗ, — сказала Алиса.

— Господи милосердный, — вздохнула Табита и принялась выводить на мониторы картинки из разных точек трюма. — Там-то еще что?

— У МЕНЯ СОЗДАЛОСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО ТАМ ИМЕЕТ МЕСТО НЕКОТОРАЯ ПОРЧА, — бесстрастно ответствовал корабль.

Табита отстегнула карабины гамака, подплыла к внутреннему люку трюма и торопливо его открыла.

Они находились в десяти тысячах километров от Умбриеля, и грезы уже выказывали явные признаки разложения. Вдали от своего творца, без его постоянной поддержки они кривились и расплывались.

Капитан сунула руку в отверстие сетки и вытащила большой черный шар с неправильной формы отверстием. Внутри шара было нечто иссохшее и шелушащееся, похожее на безногую курицу, виденную ею во время поездки к колодцу. Лицо почти уже отсутствовало и не поддавалось узнаванию.

Она не успела еще задаться вопросами, что же теперь делать и огорчает ее все это или нет, как заработал коммуникатор.

— *Бызываю Браво Кило*[1] *ноль-ноль-дебатка-ноль-пятерка-дебатка. Звами аварит полица. Демедлено верните, повторяю: верните да Убриэль.*

Ну что же, можно не сомневаться, это они и есть, копы. Да и этот грубый, нелюдской акцент говорил сам за себя. И все же капитан одним толчком перенеслась обратно к пульту и взглянула для проверки на экран.

И вот оно, пожалуйста, в кошмарном, не для человеческого глаза цвете: синяя, гладко выбритая собачья морда какой-то эладельди из транспортной полиции

— *Капитад Жут,* — скомандовала полицейская. — *Демедлено верните да Убриэль.*

Само собой, инспектором была тоже эладельди. Она ни на секунду не расставалась с антиаллергенным ингалятором и с того самого момента, как вышла в сопровождении двоих своих подчиненных, непрерывно демонстрировала, насколько он ей необходим, прерывая все дела, чтобы тщательно попрыскать в одну и в другую ноздрю.

— Жют, Табита, капитад, — сказала она, как положено по закону. — Я уболдомочена обыскад баш кораб.

Табита очень жалела, что нет у нее под рукой, да и вообще нигде нет своего собственного ингалятора. И не на Умбриель была у нее аллергия, и даже не на эладельди. У нее была аллергия на копов. Один уже вид полицейского превращал ее в нервозную, дурно воспитанную, крайне раздражительную особу. Из рефлекторной своей поперечности она заранее отключила Алису.

— С какой такой стати? — вопросила она, не вставая и не отходя от пульта. — В чем дело?

— Я уболдомочена обыскад баш кораб, — повторила инспекторша. — Атстегниде, пожаста, баш гамак и адайдиде ад бульда.

Сквозь стекло иллюминатора был виден патрульный корабль: каледонский «Кумулюс» громоздился над посадочным

[1] *Браво Кило* — по американскому авиационному алфавиту БК, то есть в данном случае «Берген-Кобольд».

полем как средних размеров крепость. Почерневшие дюзы двигателей выступали из его корпуса словно крупнокалиберные орудия, угрожавшие грязному льду полным уничтожением.

Засунув лапы в карманы форменного плаща, инспекторша стояла в самом центре кабины. Молча, легким движением морды она направила одного из своих подчиненных в основную часть корабля. Тот рысцой миновал трюмный люк, загерметизированный Табитой перед заходом на посадку, и скрылся в узком проходе, который вел на корму, к жалкому подобию капитанской каюты.

— Поищи там, поищи, может, что-нибудь и найдешь! — крикнула вслед ему Табита. — Лично у меня не получается.

Она враждебно нахмурилась на правоохранительницу, та же хмурилась на нее с откровенным подозрением, а затем окинула неприязненным взглядом раскиданный по кабине хлам — пустые упаковки от еды и нестираные майки, опять поднесла к носу свой ингалятор и пару раз им длинно прыснула.

— Капитад Жут, одойдиде, пажаста, од булда, — сурово приказала она. — Я брошу вас бежливо.

— А я вот вежливо вас прошу объяснить мне, что за херня здесь происходит, — сказала Табита, но все же расстегнула свой гамак, выбралась из него и неохотно отошла от пульта.

И тут же на ее месте оказался другой полицейский, он вставил в вертушку какой-то диск без этикетки и начал стучать по клавиатуре.

— Вы там с ней поосторожнее, — охолодила Табита оккупанта, — а то шарахнете не по той клавише, и будет вам весело, как не знаю что.

Инспекторша уставилась на Табиту, явно намереваясь что-то сказать, но тут послышался грохот сапог по палубе, и из прохода вылетел полицейский с маленьким пластиковым пакетом какой-то сушеной травы. Остановившись перед начальницей, он вручил ей свою добычу на осмотр.

— Орегано, — сказала Табита.

Инспекторша устало взглянула на пакет, сунула его в карман плаща и коротким взмахом лапы послала замершего в ожидании полицейского продолжать обыск.

— И где он только его нашел? — поразилась Табита.

— Одгройде трум, — приказала ей инспекторша.

— Только имейте в виду, что там жуткий бардак, — предупредила Табита. — Этот ее груз малость попортился. Я ей заранее говорила, что так не совстуют. В смысле — говорила этой самой Бад. Принцессе Бадрульбудур. Уж это-то имя вам наверняка знакомо.

Из глубины гортани инспекторши выкатился низкий фыркающий звук.

Трюмный люк широко распахнулся. Бардачность бардака, царившего в трюме, превысила все ожидания. Многие изображения взорвались наподобие венерианских грибов-дождевиков, их желтые липкие ошметки забрызгали пол и все стены, как в древние времена подгоревший кухонный жир. У Табиты мелькнула на мгновение мысль, что с них теперь станется отобрать у нее лицензию за санитарное нарушение.

Собакомордая инспекторша подошла к ровным рядам зеленых контейнеров. Просунув между прутьями решетчатого ящика задний конец своей авторучки, она потыкала им вялые останки попугая-принцессы. В воздухе стоял приторно-сладковатый запах тления и распада.

— Капитад Жуд, бде бы были бчера бежду одидадцатью доль-доль и пятдацатью доль-доль?

— Здесь, — пожала плечами Табита, — прямо здесь я и была. Впрочем, в одиннадцать я была еще, пожалуй, по пути сюда. От «Кладезя».

— И какой же это был Кободец?

— Это бар так называется, гостиничный бар.

— Ясссдо, — выдохнула инспекторша.

Достав стандартный пакет для сбора вещественных доказательств, она с траурным видом препроводила в него липкий комок погибшей грезы, приставший к ее авторучке.

— Кто бас там бидел? Бидел в гостибице?

— Ну, само собой, Дорин. И Мортон Годфри — я с ним завтракала.

Инспекторша взглянула на Табиту в упор. Ее пасть была приоткрыта, кончик фиолетового языка загнут назад. Было трудно сказать, что это значило, да и значило ли что-нибудь.

— Затем появилась принцесса Бад, и они уехали. Они, эти двое. Вместе.

— Фбесте, — повторила инспекторша.

— Да, — кивнула Табита. — Ну, в общем-то она ушла, а он за ней последовал. Демедленно.

Инспекторша пропустила издевательство мимо ушей и снова принялась ковыряться авторучкой в ящиках со сгинувшими грезами.

— Куда бы заходили бежду баром и возвращением сюда? — спросила она, продолжая ковыряться.

— Куда? — повторила Табита. — Никуда. Я прямо сюда и вернулась.

— Что бы делали потоб?

У Табиты заколотилось в висках. Эти эладельди искренне уверены, что невиновных не бывает, виноваты все. Вопрос только в том, чтобы узнать, в каком конкретно преступлении ты виноват.

— Я начала готовиться к старту.

Инспекторша отложила ручку-ковырялку, достала ноутбук и вызвала на экран какую-то информацию.

— Отчеты с беста, — сказала она секунд через двадцать, — регистрируют старт б двадцать два двадцать бять. Окопчание погрузки б дбадцать себьдесят себь. Начало погрузки в дбадцать тридцать.

Она устремила на Табиту черные блестящие глаза, давно и подробно знакомая с привычкой людей к недоговоренностям, уловкам и обману, в вечной надежде хоть на какой-нибудь проблеск истины.

— Я собиралась улететь еще раньше, — сказала Табита. — Думала, принцесса отменит заказ. Потом приехал робот и сказал, что все остается в силе. Это было примерно в пятнадцать ноль-ноль. Ну, может, чуть позже. А что бы вам не спросить его самого? Это «четырехтысячный», вы с ним должны прекрасно поладить. И вообще, что тут за хрень такая происходит?

Инспекторша принялась ковыряться в содержимом другого ящика.

— Вы думаете, я сперла это хозяйство или что?

Инспекторша громко, раскатисто фыркнула и начала вытягивать из лицкой охристой массы некий осязаемый предмет.

Это оказался длинный кусок проволоки. Эладельди вытащила его из ящика и из-под сетки, подцепив концом

авторучки; она походила на осторожного едока, впервые в своей жизни столкнувшегося со спагетти.

На обоих концах проволоки болтались желтые деревянные ручки. Когда проволока высвобождалась из ящика, одна из ручек застряла в решетке. Инспекторша достала из кармана кусок грубой ткани и осторожно, без рывков ее высвободила.

— А это что такое, по вашему бдению?

Табита потерла лоб тыльной стороной ладони.

— Это похоже на эту штуку для резки сыра, — сказала она. — А в общем не знаю. Я не знала, что оно здесь, в контейнере. Это не мое.

— Но вы знаете эту вещь.

— Да, — подтвердила Табита со странным ощущением близкой опасности. — Она принадлежит принцессе. Она сама мне ее показала. Тогда, во дворце. В смысле — в своем доме.

Она протянула руку, чтобы взять обсуждаемый предмет у инспекторши, но та неожиданно взлаяла и отдернула сырорезку прочь. В тесном, замкнутом помещении трюма ее лай прозвучал оглушительно громко и угрожающе.

— Эта штука была с одним из экспонатов, — сказала Табита. — Там, в доме. Наверное, робот запаковал ее по ошибке. А может, так и надо, чтобы они были вместе, я не знаю.

Инспекторша осторожно, сосредоточенно укладывала кольца проволоки в другой, побольше, пакет для вещественных доказательств.

Появился и по-уставному приложил лапу к уху полицейский, проводивший обыск в кормовой каюте. Несколькими словами их мягкого, словно чихающего языка инспекторша поручила Табиту его заботам и ушла из трюма в кабину.

— Вы что, хотите посадить меня за кражу обрывка проволоки?! — крикнула ей вслед Табита.

Ответа не последовало. Полицейский прижал ее лицом к обжигающе холодной стальной переборке, заставил растопырить руки и ноги.

Пока она изо всех сил сопротивлялась громадной синей лапище, державшей ее за затылок, он бесцеремонно ее обшарил и не нашел, конечно, ничего. Затем отвел ее в кабину и засунул в правый воздушный шлюз.

В тот момент, когда дверь шлюза начала закрываться, капитан Джут бросила последний взгляд на две синие шерстистые фигуры, оставшиеся в кабине. Инспекторша сравнивала записи в автоматическом бортовом журнале с чем-то из своего ноутбука. У ее подчиненного был потерянный вид; похоже, результаты сверки были совсем не тем, чего инспекторша ожидала. Ее уши понуро повисли.

— Ничего им не говори, Алиса! — крикнула капитан, когда ее скафандр был уже герметизирован и воздух из шлюза начал выходить. — Пусть сами ищут, чего им надо!

Она прекрасно знала, что отключенная личность корабля ее не слышит.

Во взлетно-посадочной конторе дежурный сидел, сложив руки на животе, и смотрел телевизор. Тут же сидел и еще один полицейский, человеческой породы. Когда дверь конторы открылась, полицейский встал, повернулся и отдал честь конвоиру Табиты. Табита тоже отдала ему честь — так, для хохмы. Судя по кислым лицам присутствующих, никого эта хохма не рассмешила.

— Вольно, ребята! — скомандовала она.

Конвоир силой, без всяких разговоров усадил ее на стул и махнул лапой копу-человеку, который тут же подошел, отсканировал капиллярные узоры ее пальцев и надел на нее наручники.

Собакомордый коп ушел. Табита старалась держать себя в руках. На нее попеременно накатывали волны страха, недоумения и ярости. Судя по всему, они отнюдь не собирались сказать ей, что же такое она, по их мнению, сделала. Коп и дежурный не отрывались от экрана.

— А можно и я посмотрю? — спросила она.

Через пару секунд коп поддернул сползавшие брюки, потянулся и подошел к ней. На мгновение ей показалось, что он хочет ее ударить, но вместо этого он сунул руки ей под мышки, вздернул ее на ноги и грубо подтащил к телевизору.

Когда она увидела, что творится на экране, очередная хохма увяла у нее на губах, не успев родиться. Там было изображение человека, мужчины. Он лежал прямо на здешнем льду.

Затем появился другой снимок того же самого человека. Одежды на нем не было. Лицо его было синюшно-багро-

вым, выпученные глаза почти вываливались из орбит. Черная мерзость, торчавшая из его рта, была, надо думать, его языком. Было в этих снимках нечто тусклое, безразличное и в то же время ирреальное, и это подсказывало Табите, что она смотрит отнюдь не на компьютерную графику какого-нибудь фильма ужасов.

И как бы то ни было, этот мужчина был ей знаком.

— Мортон Годфри, — сказала она.

Коп и дежурный смотрели на нее с тем же вниманием, как до того на экран.

— Ваш друг? — спросил полицейский.

— Нет, — качнула головой Табита. — Он работал у принцессы Бад.

Шея и нижняя челюсть шофера кошмарно раздулись. Он выглядел как багровый взбесившийся лунный бред.

— Я пила вместе с ним вчера утром, — услышала Табита свой голос. — Кажется, меня сейчас стошнит.

Дежурный пинком подкинул ей корзину, и очень вовремя. Ей потребовалось какое-то время, чтобы досуха проблеваться.

— Что это с ним? — спросила она дрожащим шепотом.

Мужчины переглянулись, словно соображая, много ли удовольствия можно будет извлечь из того, чтобы ничего ей не рассказывать.

— Спутник заметил его в два девяносто, — снизошел в конце концов коп. — Кто-то задушил его и выкинул тело на лед.

— А ведь крупный был мужчина, — задумчиво заметила Табита.

— Ваш любимый тип? — поинтересовался таможенник.

— Да иди ты!.. — вспылила Табита. — Господи, ну с какой такой стати все вы вяжетесь ко мне?

— Вы были последней, кого видели в его обществе, — напомнил коп.

— Да не душила я его, не душила!

Искаженное смертью лицо шофера стало приближаться и заполнило все пространство экрана, превратилось в безжалостный крупный план. Таможенник жал кнопки на пульте управления.

— Но кто-то же это сделал, — заметил он рассудительно.

На экране бугрилась багровая плоть.

— Все, что им теперь нужно, — это найти ту веревку, — сказал таможенник.

— Проволоку, — поправил его кот. — Отмотай чуть-чуть назад. Вот, посмотри. Видишь, какая глубокая борозда и какая узкая? Видишь? Словно не душили, а ножиком резали.

За их спинами распахнулась дверь, и вошла инспекторша со всей своей командой. Полицейский вскочил и вытянулся по стойке смирно.

Табиту охватило какое-то вялое оцепенение. В ее голове стоял неумолчный шум, словно от сотни моторов, работающих на малых оборотах.

— Вы решили меня арестовать? — спросила она.

Инспекторша едва удостоила ее взглядом. Ее уши торчали торчком, шерсть на затылке недовольно топорщилась.

— Бы будеде задержады для пробедежия допроса, — пролаяла она и достала из кармана плаща прозрачный пакет с мотком сырорезной проволоки.

Как заряжается электричеством воздух перед грозой, воздух в комнате мгновенно зарядился следовательской лихорадкой.

— Одлечатки бальцев, — приказала инструкторша, передавая пакет своему подчиненному-человеку.

Табите снился сон.

Ей снилось, что она плавает в зеленом море, а вдали смутно виднеются красноватые скалы каких-то островов. Она отчетливо ощущала вкус и запах морской воды. Она была не совсем уверена, стоит ли ей сейчас плавать. Море было неспокойное и грозило утащить ее под воду. А еще в море были фонтаны, она видела, как их струи бьют в небо и рассыпаются. Она знала, вернее, чувствовала, что, если удастся доплыть до одного из фонтанов, она будет в безопасности. Под фонтанами в зеленом море скользили синие, едва различимые тени. Это были киты, это они выпускали в небо фонтаны. Там, во сне, было жизненно важно, чтобы она подныряла под один из фонтанов, чтобы этим спасти некое существо, не вполне отличное от нее самой. В какой-то момент неожиданно оказалось, что она держит за плавники какое-то крупное, лилового цвета морское животное и пытается подтащить его к себе. Она тут же поняла, что это китеныш, хотя он походил скорее на тюленя.

А затем она проснулась, не понимая, кто она и где. Она села на жесткой койке, а затем и встала. Жесткий пенопласт, напыленный на пол камеры, неприятно царапал босые ноги. В узенькое как щель окно светил Уран, только-только прошедший фазу полноурания. Она стояла и стояла, ни о чем не думая, а тем временем дверь со скрипом открылась, и вошел коп-человек.

— Шевелитесь, — сказал он. — Собирайте свои вещички.

Голос тюремщика звучал скучно и не слишком дружелюбно.

— А что такое? — спросила Табита. — Куда это вы меня?

— На Гавайи, — сказал коп; он взял ее за руку и повел по проходам «Кумулюса», где пахло собаками, дезинфекцией и черным отчаянием.

На самом верху сходного пандуса стоял маленький письменный столик. Олистер Крейн сидел за столиком перед раскрытым блокнотом и что-то писал перьевой авторучкой. Уж не та ли это поэма, которой он грозился, мелькнуло у Табиты.

— Это что же теперь, меня отпустили на поруки? — спросила она.

На Крейне были все тот же малиновый блейзер и золотое колечко вокруг бороды. Он закрутил колпачок авторучки и аккуратно положил ее в нагрудный карман. Ногти у него были длинные, но абсолютно чистые и красивой формы.

— Они уже знают, капитан, что это не вы его задушили, — сказал он будничным голосом.

Загрузившись в его желтый «ровер», они помчались от «Кумулюса» прочь по безмолвным промерзшим просторам. Табита с трудом отходила от пережитого. Она чувствовала себя грязной и насухо выжатой.

— Мне срочно нужен душ, — сказала она, подергав себя за волосы.

— И выпить бы тоже очень не мешало, вы согласны?

В лиловом коридоре грез они миновали уродливого мальчишку, так возмущавшего принцессу Бадрульбудур. Мальчишка пожирал их глазами и придурочно улыбался.

— А это чей? — спросила Табита.

— Один из моих, — гордо признался Крейн. — Симпатичный паршивец, верно?

По местному счету было четыре часа ночи, однако бар все еще был открыт. «Закрывают ли его когда-нибудь вообще?» — подумала Табита.

А в баре сидела Джорджинель. Сидела и пила в одиночку. Услышав, как обошлись с Табитой, она безмерно возмутилась.

— Само собой, никто и не почешется перед тобой извиниться, — сказала она с сознанием своего превосходства над всем этим жалким неправедным миром.

Табита говорила мало. О сырорезной проволоке она не сказала вообще ничего.

Она огляделась по сторонам. Жутковатые украшения выглядели безвкусно и неестественно, словно даже временного отсутствия их творцов было достаточно, чтобы лишить их некой толики жизни.

На этот раз Крейн сидел рядом с Табитой.

— Отведи меня в дом, — попросила она, потрогав его за руку.

— В дом? — вскинул брови Крейн. — В смысле — в мой дом?

Табита знала: он прекрасно понимает, какой дом она имела в виду, но по неким причинам хочет, чтобы она сказала это вслух.

По пути они увидели в небе три голубые стрелы — флареры патрульного корабля спешили навестить принцессу Бад. Табите представилось, как там, под землей, в лишенной окон спальне принцесса ожидает их, сидя на своей круглой кровати. Она снова увидела ее в окружении лунных грез, безвозвратно погибших в трюме «Алисы»: арбуза и попугая, пилозубки и черепа, всех фантастических версий на тему себя самой, какие закатившаяся поп-звезда произвела за годы своих одиноких раздумий. Капитан Джут буквально видела, как она сидит, упершись взглядом в студенистую воду, пытаясь вызвать из нее еще один, последний, всеобъемлющий портрет, в котором все образы всех персонажей, когда-либо ею сыгранных, соединились вокруг единого центра, как грани алмаза.

Еще задолго до того, как показался дворец алюминиевых блюдец, серебристые отсветы его огней затопили полнеба, заставив померкнуть звезды.

— Все равно вас туда не пустят,— негромко сказал Крейн.

— Ну почему все спешат с этим пророчеством? — Табита торопливо герметизировала скафандр.— Сбросьте меня на том повороте, — попросила она,— а сами поезжайте прямо к главному входу, это будет отвлекающий маневр.

— Отвлекающий маневр,— лениво хохотнул Крейн и покачал головой.— Вы что, думаете, это кино?

Без малейшего звука, ведь воздуха здесь не было, «ровер» помчался дальше, все выше и выше по склону. Уж что-нибудь он там устроит, в этом Табита ничуть не сомневалась. Ну, скажем, организует копам небольшую читку поэзии.

Остаток пути она пробежала на четвереньках, используя для укрытия профиль местности. Она почти ощущала, как невозможный холод инолунного льда заползает ей под скафандр. И никто не попался ей по дороге.

У двери в гараж ее встретил робот.

— *В настоящий момент в доступности нет никого, кто мог бы вами заняться,*— прозвучал его голос в наушниках.

— Это я,— сказала Табита.— Я, капитан Джут. Да ты же меня помнишь.

После недавнего приезда полиции робот окончательно перестал понимать, что может быть и чего не может. Среди вариантов, предусмотренных программой немудреного «четырехтысячного», не числился конец света.

— Я пришла за остатками произведений искусства,— пояснила Табита.

— *Ваше утверждение нуждается в проверке,*— усомнился робот.

— А ты спроси у принцессы,— предложила Табита.

Она знала, что полиция должна была первым делом изолировать хозяйку дворца от всех его систем, для чего есть такие удобные маленькие диски.

— *Принцесса Бадрульбудур занята,*— сказал упорный робот.— *Все ваши слова были записаны и зарегистрированы вкупе со временем...*

— Но я не могу ждать,— возмутилась Табита.— Если я улечу, оставив их здесь, принцесса будет крайне недовольна.

Робот тревожно заморгал красными огоньками.

— *Ваше утверждение будет при первой возможности препровождено принцессе Бадрульбудур,*— не сдавался он.— *Вернитесь, пожалуйста, позднее.*

Капитан Джут попыталась изобразить нервозную спешку. Она замахала руками, а затем обняла себя за плечи и стала переминаться с ноги на ногу.

— Через пятнадцать минут я буду вынуждена отсюда уехать, — сказала она. — Мне бы очень не хотелось доставлять принцессе огорчение.

Вместо красных огоньков заморгали янтарно-желтые: скорее всего, робот делал новую попытку связаться с хозяйкой. Табите оставалось только надеяться, что коты не отслеживают его разговоры.

— Ладно, — вздохнула она, — ничего тут, видно, не поделаешь. Тебе что говори, что не говори. Но ты непременно расскажи принцессе, что я приходила, а ты меня не пустил. И передай ей, мол, мне очень жаль, что я не имела возможности сделать, как она просила.

Огоньки на роботе погасли, остался только один.

Красный.

Какую-то, и немалую, долю секунды робот продолжал упорствовать.

А потом красный свет сменился зеленым.

— *Я провожу вас к принцессе,* — сказал «четырехтысячный», распахивая дверь.

— Нет, нет, — заторопилась Табита, — подожди меня здесь. Ты еще потребуешься, чтобы отвезти меня на посадочное поле. А до того тебе еще нужно подготовить грузовик.

«Четырехтысячный» развернул голову, выпустил еще одну пару глаз и стал задумчиво разглядывать грузовик, громоздившийся в углу гаража на гигантских шипованных колесах. К тому времени, как он что-то решил и захотел взглянуть на Табиту, та уже входила в лифт.

В коридоре она прошла мимо голограммы молодой и довольно толстой принцессы Бадрульбудур, танцевавшей в невесомости. Ей и в голову не пришло задержаться и рассмотреть голограмму получше. Теперь она знала буквально все, что хотел передать этот бешеный танец.

В принцессиной спальне горели все лампы и кишмя кишели полицейские. Они обшаривали своими детекторами все шкафы, все полки с безделушками и даже балдахин над кроватью.

Из лифта ее не выпустили, а героически задержали и начали звать начальство.

Тут же был и тот коп, который обшаривал раньше «Алису»; он стоял за круглой кроватью со скапером на шее. Узнав Табиту, он что-то пролаял инспекторше.

Инспекторша даже не повернула головы, ей было некогда. Ее плечи хищно сутулились, уши стояли торчком. Она стояла на чуть согнутых задних лапах, упершись передними в колени, ее плащ был расстегнут.

Все ее внимание было сосредоточено на принцессе Бадрульбудур.

Принцесса стояла перед ней в белой рубашке с капюшоном и черных легтинсах — и она накинула себе на плечи шоферскую куртку с серебряными пуговицами. Изящный штрих, ухмыльнулась про себя Табита.

Принцесса была тонкая как тростинка. Ее ненакрашенное лицо оказалось пористым и морщинистым, огромные глаза покраснели от слез. Она выглядела так, словно не спала всю ночь, репетируя роль несправедливо обиженной женщины.

Принцессин Колодец Грез продолжал кипеть. Люди в стерильных комбинезонах из белой бумаги что-то в нем разглядывали при ослепительном свете прожекторов. Ими командовала женщина в гидрокостюме и с аквалангом, стоявшая тут же.

— Бад, — сказала Табита через головы героических копов, — все твои грезы погибли.

Принцесса оглушительно взвизгнула. Искателей аудиоследов словно подбросило, они стали поспешно срывать со своих голов наушники.

— *Вот она!* Преступник возвращается на место преступления, — возгласила принцесса мелодраматическим клокотанием в голосе. — Держите ее, держите крепче, — приказала она полицейским. — Не дайте ей убежать.

— А я никуда и не бегу, — сказала Табита и сложила руки на груди.

С негромким медленным всплеском прыгнула в воду аквалангистка.

Инспекторша раздраженно встряхнулась. Это дело было слишком сложным и муторным, чтобы отвлекаться по пустякам. Взмахом лапы она приказала полицейским пропустить Табиту в спальню.

— Зачем бы пришли? — спросила она. — Бы что, хотите бде что-дибудь сказадь? — И отрешенно вздохнула.

— Нет, — нагловато улыбнулась Табита. — Сейчас вы сами все узнаете.

Тем временем принцесса Бадрульбудур запела свою арию.

Впоследствии Табита много раз думала, что это был, наверное, величайший из ее спектаклей. Одетая под бежепку, она стояла посреди чрезмерно жаркой, слишком сильно освещенной спальни и выжимала слезу из зачарованной аудитории, сплошь состоявшей из копов. В самой ее песне ничего оригинального не было, только простейшие никчемные мысли, ставшие за последние годы всей ее сущностью, зато исполнение было изумительным, оставляло полное впечатление искренности. С минуту или около того она оглашала надушенный воздух страдальческими рыданиями, а тем временем остатки ее здравого рассудка осыпались с нее осколками разбитой скорлупы.

— Это она, инспектор! Грязная шлюха, которую я застала с Мортоном в этой второразрядной ночлежке. И я ведь видела ее насквозь и его предупреждала, только он ведь был слабый, мягкий. Никаких защит. Вот, посмотрите на нее! Женщины такого пошиба думают, что могут получить все, что им только захочется. Прилететь, попользоваться приглянувшимся им мужчиной и тут же упорхнуть без единой мысли о чужих судьбах, походя ею разбитых.

Ее голос сорвался, узкая грудь судорожно вздымалась и опадала. Жилы на ее шее натянулись тугими веревками, превратив большой тонкогубый рот в презрительно перевернутый полумесяц.

— Она убила его. Она *убила* его. Бог весть чего такого она от него хотела, а он не мог, не хотел сделать, потому что был слишком честный и порядочный... — Ее голос смягчился, теперь в нем звучала печаль. — Она хотела его, но не могла получить, потому что он был мой, и тогда она его убила.

Принцесса крупно, всем телом передернулась, ее голос опять нарастал *con tremolo*[1].

[1] С дрожью *(ит.)*.

— Потому что она ревновала ко мне. Они все ко мне ревнуют, буквально все. Все женщины, которым недостает таланта, или смелости, или удачи для того, чтобы быть мною.

Принцесса Бадрульбудур взяла инспекторшу, пришедшую ее арестовать, за плечо.

— Заберите ее, инспектор, — приказала она. — Заберите ее, и заприте в самом темном каземате вашего огромного черного корабля, и увезите ее прочь, в ледяные просторы космоса. А потом, подобрав самое темное место этого космоса, откройте люк и вышвырните ее наружу. И пусть в те мгновения, когда пустота будет высасывать ее легкие через рот, она подумает о мужчине, которого убила, и о женщине, чью жизнь она сломала.

Она развела руки, откинула плечи и повернула голову сперва налево, а затем направо, взывая к полицейским словно к хору, который должен сию же секунду сомкнуть руки и откликнуться на ее чувства громогласной гармонией.

Но криминалисты будто не видели ее и не слышали. Похожие на охотников за сувенирами, они продолжали дотошно обыскивать спальню этой былой знаменитости.

А внизу, где кончалась мраморная лестница, тянувшаяся от самой кровати, жирная вода Колодца Грез наконец-то утихла, разрешившись своим последним бременем. Итоговая греза принцессы лежала на большой белой клеенке, куда положила ее аквалангистка. Табита видела эту грезу в просвете между спинами полицейских. Малость недоделанная, она все же была вполне узнаваема.

В отличие от всех лунных грез, встречавшихся до того Табите, у этой было две головы, большая и поменьше. То, что соединяло эти головы, можно было с натяжкой считать тонкой змеистой шеей, так что греза напоминала двухголовое существо, глядящее само на себя. Большая голова склонилась над малой, как Мадонна над младенцем.

Лицо большой головы кривилось и дрожало, как плохо настроенная голограмма. Ее глаза периодически выпучивались, как капризные губы. Возможно, подумала Табита, этот образ безмерно ярился, что его, недозревшего, силой вырвали из минеральной утробы.

Нижняя, меньшая голова была вскинута вверх. На ней, грубой и неподвижной, полностью отсутствовали все детали.

Ее лоб выпирал вперед, как козырек фуражки, почти закрывая подобие лица. Оттуда, где Табита стояла, она могла рассмотреть только нечто вроде улыбки, блаженной улыбки преданного поклонника, сидящего на концерте в первом ряду.

А вокруг шеи, соединявшей две головы, была захлестнута блестящая липкая нить. Концы этой нити были крепко зажаты в руках — в маленьких, тонкопалых, паучьего вида руках с каким-то диким количеством пальцев, — выступавших из-под подбородка верхней беззвучно хохочущей головы.

Раз за разом на глазах Табиты и копов эти маленькие ручки туго натягивали влажную нить.

ПИТЕР ГАМИЛЬТОН

Путь к спасению

Питер Гамильтон (р. 1960) живет вблизи Ратленд-Уотер, в Англии. Информацию об авторе можно найти на www.peterfhamilton.com.uk. Первый рассказ писателя «День смерти» («Death Day») был опубликован на страницах журнала «Fear» в 1989 году. В начале 1990-х вышли три фантастических детектива Гамильтона «Восход звезды разума» («A Mindstar Rising», 1993), «Квантовое убийство» («A Quantum Murder», 1994), «Наноцветок» («The Nano Flower», 1995). Но по-настоящему прославился он благодаря трилогии «Пришествие ночи» («The Night's Dawn»), в которую входят романы «Дисфункция реальности» («The Reality Dysfunction», 1996), «Нейтронный алхимик» («The Neutronium Alchemist», 1997) и «Обнаженный бог» («The Naked God», 2000). В Соединенных Штатах каждая книга была разделена на две части, так что трилогия превратилась в шеститомник. Сборник рассказов «Второй шанс в Эдеме» («A Second Chance at Eden», 1998) является дополнением к трилогии. Весь цикл настолько сложен, что Гамильтон выпустил приложение «Путеводитель по Конфедерации: руководство к циклу „Пришествие ночи"» («The Confederation Handbook: The Essential Guide to the Night's Dawn Series», 2000). Две из трех недавних работ писателя относятся к жанру космической оперы: «Дракон поверженный» («Fallen Dragon», 2001) и «Звезда Пандоры» («Pandora's Star», 2004). После Иэна Бэнкса Гамильтон является самым популярным в Британии автором космической оперы последнего десятилетия.

Его вселенная не соответствует канонам твердой НФ: погибшие души возвращаются, чтобы запугивать живых и устанавливать власть над ними. Вот что говорит сам писатель в интервью, данном журналу «Locus» в 1990-х годах: «Несмотря на то что в моих работах фигурирует военная техника и люди то и дело убивают друг друга, очевидно, что в первой книге цикла, да и в какой-то степени во второй проблему нельзя решить с помощью оружия. Это не милитаристская НФ. Ты не можешь пойти и застрелить Захваченного, потому что ты уничтожишь живую душу и тем самым пополнишь ряды тех, кто хочет вернуться». О том, как воспринимали новую космическую оперу, Гамильтон рассказывает следующее: «Я пытаюсь придать моим мирам — обществу, экономике, политике — столько реалистичности, сколько возможно. Сюжет „Восхода звезды разума", по сути,

построен вокруг размышлений, какой может стать политическая ситуация: правое крыло национализировано, левое денационализировано. Реакция оказалась весьма показательна. Социалистов я сделал плохими парнями просто по ходу действия, но в результате британские критики обрушились на меня с яростной критикой, поскольку им по душе левые взгляды. Тремя годами позже я описал закат правых — и бурных упреков не последовало».

Сравните этот комментарий с тем, что говорит в более позднем эссе для журнала «Locus» Кен Маклеод по поводу новой космической оперы: «Британская новая космическая опера создается людьми и для людей, которые любят американскую НФ. Или, если совсем уж откровенно, левая НФ пишется теми и для тех, кто любит правую НФ (примерно здесь следует расположить фигуру Питера Гамильтона, ближе к красной части спектра, справа от Иэна Бэнкса)».

Похоже, Гамильтон почти аполитичен, как и Стивен Бакстер. Его ориентация на американскую НФ очевидна. В том же интервью Гамильтон так отзывается о «Доке» Смите: «Роль „Дока" Смита огромна. Его произведения переиздавались в Англии в начале 1970-х, тогда-то я и прочел их. И был потрясен и очарован. Дистанция в шестьсот лет между тобой и описываемым будущим позволяет делать вещи, которые недоступны на сорокалетней дистанции, когда ты вынужден быть аккуратным в деталях. Ты получаешь больше пространства для воображения. <...> Я бы возненавидел „Дока" Смита, прочти я его книги снова. Ведь я храню такие замечательные воспоминания! Что еще нужно тринадцатилетнему подростку? Идеальный возраст для такой литературы...»

Когда Гарднер Дозуа поместил приведенный ниже рассказ в антологию «Лучшее за год» 1998 года («The Year's Best Science Fiction»), он отнес его к современной барочной космической опере. И перечислил прочих авторов, пишущих в том же стиле: «„Дисфункция реальности" („The Reality Dysfunction"), в отличие от более ранних работ, получила множество отзывов, и внезапно сделала из Гамильтона писателя, заслуживающего пристального внимания, и, вероятно, потенциального соперника Дэну Симмонсу, Иэну Бэнксу, Полу Макоули, Грегу Бенфорду, К.Дж. Черри, Стивену Дональдсону, Колину Гринленду и прочим „крупным" игрокам современной барочной космической оперы, невероятно популярной сегодня». Дозуа, одним из первых подметивший новый этап в развитии космической оперы 1990-х, не задумываясь смешивает британских и американских авторов, рассматривая новые веяния как интернациональное явление. Мы принимаем данную точку зрения.

«Путь к спасению» — повесть, связанная со вселенной Конфедерации. В ней присутствуют приключения, космические технологии и огромный таинственный объект, который надлежит исследовать. Капитан Марк и его команда получили заказ разведать астероиды на предмет залежей золотой руды. Там герои обнаруживают древний космический корабль пришельцев. Возраст его — тринадцать тысяч лет, а недра полны продвинутой техники.

Марк Калверт никогда не видывал на астероидах таких дыр. Пещера на Соноре была в диковинку даже для человека, прослужившего тридцать лет капитаном космического корабля. В центре гигантской скалы высверлена цилиндрическая дыра двенадцать километров длиной и пять шириной. Обычно дно такого «колодца» засыпали землей и засаживали фруктовыми деревьями и травой. Однако на Соноре колодец попросту затопили. Получилось небольшое пресноводное море, окруженное отвесными скалами.

Серая водная гладь была усеяна паромами, на которых стояли отели, бары, рестораны. Между паромами и двумя причалами у вертикальных стен искусственной долины сновали водные такси.

Марк и двое членов его экипажа примчались на катере-такси к бару «Ломас». Бар располагался на пароме, похожем на помесь китайского дракона и колесного парохода с Миссисипи.

— Куда мы отправимся теперь, капитан? — спросила Кэтрин Маддокс, астронавигатор «Леди Макбет».

— Этого наш агент не уточнил, — признался Марк. — Сказал только, что клиент — частное лицо, а не корпорация.

— Надеюсь, нам не придется ни от кого отстреливаться? — спросила Кэтрин с нотками недовольства в голосе.

Ей было около пятидесяти лет; в ее семье, как и в семье Калвертов, потомство издавна подвергали генетическому усовершенствованию. «Усовершенствованные» легко переносили и свободное падение, и высокое ускорение. У них была более толстая кожа, более прочные кости. «Усовершенствованных» никогда не тошнило в невесомости, лицо

не раздувалось. Они всегда выглядели невозмутимыми. Кэтрин не была исключением.

— Если запахнет пальбой, мы откажемся, — успокоил ее Марк.

Кэтрин переглянулась с Романом Зукером, инженером бортового ядерного реактора, и откинулась в кресле.

В действительности Марк не исключал варианта боевых действий. «Леди Макбет» была хорошо вооружена, а астероид Сонора принадлежал планете, стремящейся к автономии. Беспокойное сочетание... Однако капитан отметил два месяца назад свой шестьдесят седьмой день рождения и искренне надеялся, что впредь избежит опасных переделок.

— Наверное, это они, — предупредил Роман, глядя, как еще один катер-такси приближается к парому. В красных кожаных креслах катера сидели двое пассажиров.

Марк наблюдал, как они покидают катер и поднимаются на паром. Открыв свежую ячейку памяти, он записал обоих в визуальный файл. Первым с достоинством выступал мужчина, длинолицый и широконосый, лет тридцати пяти, в богатой одежде.

Его спутница выглядела скромнее. Ей можно было дать около тридцати лет; судя по виду, она тоже относилась к когорте «усовершенствованных». Восточные черты лица хорошо гармонировали с туго стянутыми белыми волосами.

Они сразу подошли к столику Марка и представились. Мужчину звали Антонио Рибейро, женщину — Виктория Киф. Антонио щелчком пальцев подозвал официантку и заказал бутылку «Норфолкских слез».

— Предлагаю тост: за успех нашей сделки, друзья! В любом случае насладимся прекрасным деньком и волшебным напитком. Вы не согласны?

Марк сразу испытал к нему недоверие. Даже если бы от Антонио не так разило фальшью, Марк прислушался бы к голосу интуиции, а она никогда не дремала. Друзья в шутку называли это паранойей, однако интуиция подводила его крайне редко. Это было наследственным качеством, подобно любви к странствиям, одолеть которую было не под силу даже самой изощренной генной инженерии.

— Агент предупредил, что вы собираетесь предложить нам рейс, — возразил Марк. — О сделке он ничего не сообщил.

— Простите мою осведомленность, капитан Калверт, но вы прибыли сюда порожняком. Такое может себе позволить только очень богатый человек.

— Просто обстоятельства вынудили нас покинуть Аяхо раньше намеченного времени.

— Ага, — буркнула Кэтрин. — Нечего путаться с чужими дамами.

Марк ничего другого не ждал и снисходительно улыбнулся. На протяжении всего обратного пути команда только тем и занималась, что перемывала ему кости.

Антонио принял у официантки поднос с драгоценной бутылочкой в форме груши и жестом отказался от сдачи.

— Прошу извинить мою дерзость, капитан, но, насколько я знаю, ваши финансы находятся в данный момент не в самом благоприятном состоянии, — витиевато заявил Антонио.

— Бывало и лучше.

Антонио сделал первый глоток «Норфолкских слез» и блаженно улыбнулся.

— Лично я с самого рождения недоволен своим материальным положением. Мне всегда хотелось его поправить.

— Господин Рибейро, я наслышан о схемах быстрого обогащения. У них есть одно общее свойство: они не работают. В противном случае я бы тут с вами не прохлаждался.

— Одобряю вашу осторожность, капитан. Я тоже не сразу принял это предложение. Если вы наберетесь терпения и выслушаете меня, то поймете, что от вас не потребуется никаких затрат. В худшем случае вы просто получите лишний повод посудачить с коллегами-капитанами.

— Так уж никаких затрат?

— Абсолютно! У вас есть корабль, и этого достаточно. А прибыль поделим пополам.

— Пожалуй, я уделю вам пять минут. Вы ведь поставили выпивку, и ее надо прикончить.

— Благодарю вас, капитан. Мы с коллегами хотим отправиться в исследовательскую экспедицию.

— Искать планеты? — спросил Роман.

— Нет. Как ни печально, даже обнаружение планет, похожих на Землю, не гарантирует прибыли. За права поселенцев можно выручить всего парочку миллионов, да и то

только после благоприятного заключения о биологических параметрах среды, а на это уходит много лет. Мы же рассчитываем на быстрый результат. Ведь вы только что вернулись с Дорад?

— Точно, — подтвердил Марк.

Эта система, открытая шесть лет назад, состояла из красного карлика и кольца мелких камней вокруг него. Камни покрупнее оказались кусками чистого металла. Неудивительно, что система получила название по аналогии с легендарным Эльдорадо: тот, кто сумел бы найти применение такому богатству, оказался бы обладателем колоссальных ресурсов. Дальнейшее нетрудно было предвидеть: власти Омуты и Гариссы бросились оспаривать друг у друга права на разработку Дорад.

Победила в этой войне Гарисса, которой Ассамблея Конфедерации предоставила права поселения. Правда, после жесточайших схваток с использованием антиматерии победителей осталось немного.

— Вы тоже мечтаете найти горсть металлических астероидов?

— Не совсем, — молвил Антонио. — После открытия Дорад компании устремились на поиски аналогичных кольцевых систем, но успеха не имели... Виктория, дорогая, будь так добра, расскажи нашим друзьям подробности.

Женщина кивнула и поставила бокал на столик.

— По образованию я астрофизик. Раньше работала в «Форрестер-Кортни» — компании, сейчас производящей приборы наблюдения для космических кораблей, хотя их специализация — исследовательские станции. До самого последнего времени отрасль росла как на дрожжах. Консорциумы рассылали экспедиции во все кольцевые системы Конфедерации. Однако, как сказал Антонио, никто не нашел ничего даже отдаленно похожего на Дорады. Меня это не удивляет: я знала, что от станций «Форрестер-Кортни» не будет никакого толку. Их приборы производят только спектральный анализ. Нет, если кто и найдет новые Дорады, то разве только эдениты: их корабли создают мощное поле искажения, обнаруживающее массу. Кусок металла с поперечником пятьдесят километров они заметят на расстоянии полумиллиона километров — по его плотности. Чтобы с ними конкурировать, нужны еще более мощные датчики.

— И вы их создали? — поинтересовался Марк.

— Не совсем. Я просто предложила продолжить работу с детекторами магнитной аномалии. Это очень старая технология, появившаяся на Земле еще в XX веке. Тогда военные самолеты оснащали магнитоскопами, засекавшими подводные лодки. «Форрестер-Кортни» оборудует сходными приборами низкоорбитальные спутники для составления карт природных ресурсов и получает неплохие результаты. К сожалению, они отвергли мое предложение под тем предлогом, что при расширении масштаба магнитоскоп даст худшие результаты, чем спектрограф. К тому же спектрограф работает быстрее.

— Пусть «Форрестер-Кортни» останется с носом, — сказал Антонио со свирепым выражением лица. — Виктория пришла ко мне с предложением и поделилась одним нехитрым наблюдением...

— Спектрографы могут обнаруживать только относительно крупные куски металла. Корабль, пролетающий на расстоянии пятидесяти миллионов километров от кольца, легко засекает кусок металла диаметром пятьдесят километров. Но чем меньше кусок, тем больше должно быть разрешение или меньше расстояние. Это ясно как день. Зато мой детектор магнитной аномалии может обнаруживать гораздо более мелкие куски металла, чем на Дорадах.

— Подумаешь! Чем они мельче, тем меньше цена, — вмешалась Кэтрин. — Ценность Дорад — в их величине. Я видела, чем занимаются гариссианцы. У них достаточно металла, чтобы снабжать промышленные станции сплавами на протяжении двух тысяч лет! Мелочь никуда не годится.

— Не обязательно, — возразил Марк. То ли интуитивно, то ли благодаря логике он улавливал ход мыслей Виктории Киф. — Смотря какая мелочь.

Антонио вежливо похлопал в ладоши:

— Браво, капитан! Я так и думал, что вы нам подойдете.

— Откуда вы знаете, что удастся что-нибудь отыскать? — спросил Марк.

— Доказательство — само существование Дорад, — ответила Виктория. — Кольца вокруг звезд могут образовываться из материала двух типов. Первый тип — вещества, оставшиеся после образования звезды. Нам это ни к чему,

потому что здесь в основном легкие элементы: чаще всего карбонуклеиды с небольшими вкраплениями алюминия, и то если повезет. Второй тип — осколки, возникшие в результате столкновений. Мы считаем, что именно так образовались Дорады: это фрагменты планетоподобных образований с ядрами из расплавленного металла. Образования разваливались, ядра охлаждались и сливались в эти лакомые для нас куски.

— Железоникелевая руда будет не единственной, — подхватил Марк, радуясь, что угадывает ход мыслей собеседницы. — Там найдутся и другие лакомые кусочки.

— Именно так, капитан, — довольно сказал Антонио. — Теоретически там может быть представлена вся периодическая таблица. Плыви над кольцом и выуживай необходимые в данный момент элементы — вот и вся задачка. Прощай, трудоемкий и дорогостоящий процесс извлечения металлов из руды! Они будут нас ждать в чистом виде: золото, серебро, платина, иридий. У вас еще не потекли слюнки?

«Леди Макбет» находилась у причала в космопорту Соноры. Она представляла собой гладкую серую сферу диаметром пятьдесят семь метров. Все космические корабли адамитов имели одинаковую форму, диктуемую параметрами пространственного прыжка. Этот прыжок требовал безупречной симметрии. В центре сферы располагались четыре отдельных жилых отсека, собранные в пирамиду; имелся также цилиндрический ангар для космолета, ангар поменьше для многоцелевого летательного аппарата, пять главных грузовых отсеков. Весь остальной внутренний объем сферы был занят механизмами и техническими емкостями. Силовой блок представлял собой три термоядерных двигателя, способных сообщить кораблю ускорение 11 g, и трубу для инжекции антивещества, позволяющую увеличить ускорение во много раз. Одно это делало корабль пригодным к бою. Непоследовательность в законодательстве Конфедерации вела к тому, что двигатель, работающий на антиматерии, считался законным, тогда как обладание самим антивеществом квалифицировалось как тяжкое преступление.

По трубам, уходящим в чрево корабля, осуществлялось его заполнение всем необходимым для полета. Марк с удо-

вольствием избежал бы этих расходов, пробивавших в его финансах еще одну брешь. Но до старта оставалось все меньше времени. Судьба уже распорядилась кораблем. Интуиция подсказывала капитану, что схема Антонио Рибейро отнюдь не столь безупречна, но он никак не мог подыскать нужных аргументов.

Он терпеливо ждал, пока экипаж разместится в салоне жилого отсека. Вай Чо, пилот многоцелевого летательного аппарата, проникла в салон через люк в потолке и защелкнула на ногах «капканы», удерживающие человека на месте в невесомости. Ее хитрая улыбка, адресованная Марку, граничила с насмешкой. За последние пять лет она неоднократно посещала его каюту. Ничего серьезного в этом не было, но Марк любил на досуге вспомнить былой пыл. Неудивительно, что она относилась к капитану терпимее, чем остальные.

Полной противоположностью был Карл Джордан, наладчик систем корабля, главный в экипаже энтузиаст и скандалист, при этом самый серьезный человек из всех. Последнее определялось его возрастом: двадцать пять лет! Служба на «Леди Макбет» была лишь вторым назначением в его космической карьере.

Что касается Шуца, космоника корабля, то о его чувствах нетрудно было догадаться, хотя он их никак не проявлял. В отличие от Марка, он не был генетически приспособлен для космических полетов; после десятилетий работы на кораблях и в космопортах в его костях осталось совсем мало кальция, мышцы атрофировались, сердечно-сосудистая система тоже. На каждом астероиде были сотни таких, как он: все они постепенно заменяли свои отказавшие органы искусственными. Некоторые даже внешне переставали походить на людей. Шуц в свои шестьдесят три года еще сохранял человеческий облик, хотя органики в нем оставалось от силы двадцать процентов. Но, в принципе, это мало беспокоило капитана: главное — Шуц был превосходным инженером.

— Нам предложили долю в прибыли, — обратился Марк ко всем, после чего объяснил теорию Виктории о кольцевых системах и методе обнаружения магнитной аномалии. — Рибейро обеспечит нас расходными веществами и полной криогенной загрузкой. От нас требуется одно — долететь на

«Леди Макбет» до какой-нибудь кольцевой системы и обнаружить золото.

— Здесь, должно быть, кроется какой-то подвох, — сказала Вай. — Не верю я в золотые горы, плавающие в космосе и ждущие, чтобы их отыскали.

— Напрасно сомневаешься, — возразил Роман. — Ты сама видела Дорады. Почему бы и другим элементам не существовать в том же виде?

— Не знаю. Просто не верю в простые способы разбогатеть.

— Потому что ты пессимистка.

— А что ты сам об этом думаешь, Марк? — обратилась Вай к капитану. — Что подсказывает твоя хваленая интуиция?

— Насчет экспедиции — ничего. Меня больше тревожит Антонио Рибейро.

— Действительно, очень подозрительный тип, — согласилась Кэтрин.

— Зато Виктория Киф производит впечатление здравомыслящего человека, — заметил Роман.

— Странное сочетание... — пробормотал Марк. — Плейбой и астрофизик. Не представляю, как они спелись.

— Оба — уроженцы Соноры, — подсказала Кэтрин. — Я просмотрела местные базы данных и получила подтверждение: оба родились здесь. Земляки, так сказать.

— А как у них насчет конфликтов с законом? — поинтересовалась Вай.

— Никак. Антонио за последние семь лет трижды судился — все по поводу налогов — и каждый раз расплачивался.

— Не любит платить налоги. Хороший парень, — подал голос Роман.

— Тяжбы с налоговым ведомством — обычное занятие богачей, — заметила Вай.

— Он не так уж богат, — возразила Кэтрин. — Я ознакомилась со списком почетных граждан Соноры. Рибейро-старший нажился на разведении рыбы: получил от корпорации по развитию астероида лицензию на заселение вод. В двадцать один год Антонио стал обладателем пятнадцати процентов акций фирмы, которые тут же продал за восемьсот тысяч долларов. Папаша продажу не одобрил, скандал выплеснулся в прессу.

— Выходит, он тот, за кого себя выдает, — середнячок с запросами миллионера, — подытожил Роман.

— В таком случае непонятно, как он может оплачивать магнитные детекторы, которые мы должны развернуть, — сказала Вай. — А если он смоется, повесив на нас неоплаченный счет?

— Детекторы уже доставлены и ждут погрузки, — сообщил Марк. — У Антонио несколько партнеров. Все они такие же середняки, и все не прочь рискнуть.

Вай покачала головой, так и не избавившись от своих сомнений.

— И все же что-то здесь не так...

— Они согласились потратить на детекторы собственные деньги. Какие еще тебе нужны гарантии?

— Кстати, о каких суммах речь? — спросил Карл. — Каким богатством мы могли бы набить корабль?

— В грузовых отсеках «Леди Макбет» поместится примерно пять тысяч тонн золота, — ответил Марк. — Это резко снизит маневренность, но управление корабль не потеряет.

— Для справки... — Роман улыбнулся Карлу. — Нынешняя цена золота — три с половиной тысячи за килограмм.

Карл уставился в пространство, производя мысленный подсчет.

— Это же семнадцать миллиардов долларов!

— За один рейс.

— Как Рибейро предлагает делить выручку? — спросил Шуц.

— Мы получаем одну треть, — ответил Марк. — Это примерно пять и восемь десятых миллиарда. Тридцать процентов от этой суммы мои, остальное делится поровну между всеми вами, как предусмотрено нашим контрактом.

— Здорово... — прошептал Карл. — Когда старт, капитан?

— Еще есть возражения? — спросил Марк, пристально глядя на Вай.

— Делай как знаешь, — уступила она. — Только помни: отсутствие трещин на поверхности еще не говорит об отсутствии усталости металла.

Подъемная ферма вознесла «Леди Макбет» над кратером космопорта. Тут же развернулись световые батареи, выдвинулись во все стороны длинные штанги с гроздьями

приборов. Бортовой компьютер принял визуальную и радарную информацию и передал ее непосредственно нейронам капитана. Тот лежал на ускорительной койке посредине капитанской рубки с закрытыми глазами и видел мысленным взором россыпи звезд за оболочкой корабля. Одна иконка открывалась за другой, разноцветные таблицы с телеметрией молниеносно сменяли друг друга.

«Леди Макбет» окуталась оранжевым дымом и, влекомая химическими вспомогательными двигателями, покинула подъемник. Цепочка оранжевых точек — вектор курса — потянулась в сторону газового гиганта. Марк включил более мощные ионные двигатели, и корабль обогнал оранжевые точки.

Газовый гигант Закатека и его спутник Лазаро имели тот же видимый размер, что и «Леди Макбет», которая уносилась прочь от космопорта. Сонора была одним из пятнадцати астероидов, удерживаемых в точке Лагранжа — зоне равновесия их гравитационных полей. Лазаро выглядел сейчас как серый полумесяц, усеянный оспинами белых кратеров. Учитывая малые для газового гиганта размеры Закатеки — всего сорок тысяч километров в диаметре, наличие у него естественного спутника не могло не удивлять. Лазаро имел диаметр девять тысяч километров и внешнюю ледяную корку толщиной пятьдесят километров. Этот лед и привлек первоначально интерес банков и межзвездного финансового консорциума. Астероиды были идеальными источниками металла и минералов для индустриальных станций, однако на них не хватало легких элементов, необходимых для поддержания жизни. Близость астероидного архипелага и неисчерпаемых запасов льда сулила заманчивые перспективы.

Радар «Леди Макбет» показывал Марку цепочку из однотонных ледяных кубиков, которая тянулась от экватора Лазаро в точку Лагранжа. Именно таким способом на Соноре появилось ее непревзойденное море.

Лед использовался на всех астероидах архипелага и был одним из источников их успешного экономического развития. Такой успех неизбежно приводит к недовольству местного населения, жаждущего независимости — в данном случае от власти компаний-разработчиков. Близость поселений друг к другу создавала у их жителей чувство общности и

распаляла гнев. Стремление архипелага к автономии стало особенно ощутимым в последние годы. Ситуацию еще больше обостряли насильственные действия и акты диверсий, предпринимавшиеся против администрации консорциума.

Во внешних слоях атмосферы газового гиганта бушевали янтарные и изумрудные штормы — результат приливных сил, порождаемых спутником. По экватору Закатеки стремительно бежал приливный вихрь размером с океан. По его краям сверкали молнии — зигзаги длиной в сотни километров, вонзавшиеся в циклонические вихри из аммония и метана.

Корабль разогнался уже до двух g. Из всех трех сопел вырывалась радужная плазма. Корабль огибал гигантскую планету. Вектор курса медленно отклонялся, устремляясь к звезде, находящейся на расстоянии тридцати восьми световых лет, где Антонио наметил произвести разведку. Информации об этой звезде было крайне мало: известно лишь, что это звезда класса К с кольцом.

Через семь тысяч километров после перигея Марк выключил термоядерные двигатели. Световые панели и штанги с приборами ушли в углубления на корпусе, и корабль опять превратился в безупречную сферу. Генераторы приступили к зарядке энергетических узлов. Оранжевые круги в голове у Марка отмечали параболу траектории, выпрямлявшуюся по мере удаления от газового гиганта. Последний круг погасил его, как чуть заметную звездочку.

Горизонт событий[1] поглотил корабль. Спустя пять миллисекунд он превратился в ничто.

— А что ты скажешь вот на это? — не унималась Кэтрин. — Почему золото или другие минералы должны слипаться в такие огромные куски? Наличие планетоида с раскаленным ядром еще не приводит к появлению металлического эквивалента фракционной дистилляции. Этого не происходит на планетах, не произойдет и здесь. Если там и есть золото, платина и все то, что вы нафантазировали, то только в составе руды, как это бывает всегда.

---

[1] *Горизонт событий* — расстояние от физического тела до черной дыры, преодолев которое материальные объекты вплоть до атомов распадаются, разорванные притяжением.

— Значит, Антонио преувеличил, посулив сокровище в чистом виде, — сказал Карл. — Будем искать в кольце самые насыщенные куски. Если мы получим только пятьдесят процентов от намеченного, это все равно очень много. Мы и этого не сумеем потратить.

Марк не прерывал их споры. С момента старта с Соноры пять дней назад это была единственная занимавшая всех тема. Кэтрин присвоила себе роль главного скептика. Иногда к ней присоединялись Шуц и Вай. Остальные пытались опровергнуть их доводы. Марк знал, в чем состоит главная проблема: никто ничего толком не знал и не мог привести достаточно авторитетных аргументов. Одно его радовало: прекратились пересуды о причинах внезапного отлета с Аяхо.

— Если планетоиды действительно породили руду, то она должна была рассыпаться при столкновении, которое привело к образованию кольца, — гнула свое Кэтрин. — Так что никаких кусков размером с гору, одни камешки!

— Ты давно любовалась кольцом? — спросил Роман. — Кажется, крупных частиц в нем хватает.

Услышав эти слова, Марк не удержался от улыбки. Материал кольца вызвал его беспокойство еще два дня назад, когда они оказались в окрестностях звезды. «Леди Макбет» проникла вглубь системы и вынырнула в трех миллионах километров над эклиптикой. Лучшей точки для наблюдения нельзя было придумать. В центре кольца диаметром сто шестьдесят миллионов километров горела маленькая оранжевая звезда. Отдельных полос, как в кольцах вокруг газовых гигантов, заметно не было: сплошная однородная пелена, затмевавшая половину Вселенной. Но непосредственно рядом со звездой было пусто: частицы, находившиеся там когда-то, давно испарились, оставив бездну шириной три миллиона километров вокруг светила.

«Леди Макбет» удалялась от звезды с ускорением пять сотых g, находясь на попятной орбите. Именно при таком векторе движения магнитоскопы могли эффективнее всего прощупать кольцо. При этом резко возрастала опасность столкновения. Пока радар засекал только стандартные сгустки межпланетной пыли, однако Марк распорядился, чтобы за пространством вокруг корабля непрерывно наблюдала смена из двух членов экипажа.

— Время очередного запуска, — объявил он.

Вай проводила с помощью бортового компьютера диагностику всех систем.

— Опять Йорг куда-то подевался, — пожаловалась она. — Не пойму, где его носит.

Йорг Леон был вторым спутником Антонио Рибейро, отправившимся вместе с ним в экспедицию. Его представили экипажу как высококлассного специалиста, руководившего сборкой зондов. В отличие от общительного Антонио, он был «вещью в себе» и пока что не проявлял к своим зондам ни малейшего интереса. Обязанность знакомить экипаж с разворачиваемыми системами взяла на себя Виктория Киф.

— Надо бы просветить его нашим медицинским сканером, — предложил Карл со смехом. — Интересно, что у него внутри. Как бы не целый арсенал боевых имплантатов.

— Отличная идея! — подхватил Роман. — Только ты сам ему это предложи. Я его боюсь.

— Ты вот что мне объясни, Кэтрин, — продолжил Карл прерванный спор. — Если в диске нет золота, зачем им было брать с собой наемного убийцу, которому поручено не допустить, чтобы мы смылись со своей долей?

— Уймись, Карл! — не выдержал Марк. — Довольно! — Он взглядом указал на открытый люк в полу. — Подготовьте зонд к запуску.

Карл покраснел и приступил к стыковке коммуникационных систем корабля и зонда.

— Системы зонда в полной готовности, — доложила Вай.

Марк дал бортовому компьютеру команду выпустить зонд. Тот, свободный от держателей, отделился от оболочки корабля. Ионные ускорители понесли его к ровной абрикосовой поверхности кольца.

Виктория отладила зонды так, чтобы они проносились на высоте пяти тысяч километров над кочующими частицами кольца. По достижении заданной высоты они распускали параллельно кольцу сеть тончайших оптических волокон. Длина одной волоконной нити, покрытой отражающей магниточувствительной пленкой, составляла сто пятьдесят километров.

Колебания частицы, находящейся в магнитосфере кольца, улавливались пленкой, у которой от этого изменялась отражательная способность. Фиксируя их с помощью лазера, можно было составить картину хаотического движения магнитных волн в кольце. Далее специальные программы должны были определить происхождение каждой волны.

На «Леди Макбет» поступал колоссальный объем информации. Один зонд выбрасывал сеть, покрывавшую площадь двести пятьдесят тысяч квадратных километров. Антонио Рибейро убедил «Движение за автономию Соноры» раскошелиться на пятнадцать таких зондов. Риск был огромный, ответственность лежала на нем одном. Еще не прошло и двух суток после запуска первого зонда, а напряжение, вызванное ответственностью, уже начало сказываться. Антонио больше не смыкал глаз. Он бодрствовал в каюте, отведенной ему Марком, где были установлены бесчисленные приборы. Сорок часов подряд в его голове мелькали малопонятные таблицы. Сорок часов он теребил серебряное распятие на груди и твердил молитвы.

Медицинские приборы сообщали об избыточном количестве токсинов утомления в его крови и предупреждали об опасности обезвоживания. Пока он не обращал на все это внимания, убеждая себя, что открытие произойдет с минуты на минуту. Ему очень хотелось, чтобы искомое было обнаружено не позже чем через первые пять часов работы.

И вот ему, кажется, повезло: появилось сообщение об обнаружении седьмым зондом трехкилометровой частицы. Началось ее подробное зондирование.

— Что это? — спросил Антонио, открыв глаза и косясь на Викторию, расположившуюся рядом.

— Уже интересно...— пробормотала она.— Как будто оловянная руда. В планетоидах определенно содержалось олово.

— Черт! — Он ударил кулаком по ручке кресла. Ремни впились ему в грудь, не дав покинуть кресло. — Плевать мне на олово! Мы прилетели совсем за другим!

— Знаю, знаю, — сдержанно ответила она.

— Извини, — сказал он. — Пресвятая Богоматерь, мы ведь уже должны были обнаружить...

— Осторожно! — предупредила она его по нейронной связи. — Не забывай, этот проклятый корабль усеян внутренними сенсорами.

— Я отлично помню про элементарные требования секретности, — ответил он тем же способом.

— Ты устал. В этом состоянии легко наделать ошибок.

— Дело не в усталости. Просто я ждал результатов, хоть каких-то результатов, а тут...

— Какие-то результаты уже есть, Антонио. Зонды обнаружили три отдельных куска урановой руды.

— Всего по сто килограммов! Нам нужно значительно больше.

— Да пойми ты, мы уже доказали, что она здесь есть! Это само по себе потрясающее открытие! Найти больше — дело времени.

— Это ты пойми: речь не о теоретической астрологии, а мы не в университете, из которого тебя вышвырнули! Мы выполняем важное задание и не можем вернуться с пустыми руками. Уяснила? Не можем!

— Астрофизика.

— Что?!

— Астрология — занятие гадалок, а не ученых.

— Неужели? Хочешь, я угадаю, долго ли ты протянешь, если мы не найдем то, ради чего прилетели?

— Ради бога, Антонио! — сказала она громко. — Шел бы ты спать!

— И пойду. — Он почесал затылок и поморщился: волосы стали жирными. Надо бы в душ... — Я вызову Йорга, пусть он поможет тебе.

— Хорошо. — Она закрыла глаза.

Антонио отстегнул ремни, удерживавшие его на месте. За время полета он, как и все остальные, почти не видел Йорга: тот не выходил из своей каюты. Совет «Движения» отправил его в эту экспедицию с заданием привести экипаж корабля в чувство, когда станет ясно, что никакого золота им не видать. Эту предосторожность подсказал сам Антонио, но его тревожило, какие инструкции Йорг получил в отношении его самого на случай экстренной ситуации.

— Погоди! — окликнула его Виктория. — Гляди, какая странная штуковина!

Антонио зацепился ногами за ручку кресла и удержался на месте. В голове снова появилась картинка. Зонд номер

одиннадцать обнаружил частицу с невероятным соотношением массы и плотности; кроме того, у частицы было собственное магнитное поле, причем очень сложное.

— Пресвятая Богоматерь, что это? Чужой корабль?

— Нет, для корабля великовато. Скорее, это космическая станция. Только что́ ей понадобилось там, в кольце?

— Обогащение руды? — насмешливо предположил Антонио.

— Сомневаюсь.

— Тогда не будем обращать на нее внимания.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет. Забудем, если это не представляет для нас опасности.

— Господи, Антонио! Если бы я не знала, что ты родился богатым, то испугалась бы твоей глупости.

— Где твоя осторожность, Виктория?

— Послушай, есть всего два варианта. Первый: мы засекли коммерческие разработки. Они наверняка нелегальны, потому что никто еще не регистрировал прав на промышленное использование этой системы. — Она многозначительно покосилась на Антонио.

— Думаешь, они добывают уран? — спросил он по нейронной связи.

— Что же еще? Если это пришло в голову нам, то почему то же самое не мог придумать какой-нибудь из «черных» синдикатов? До магнитоскопов они не додумались, вот и действуют по старинке. И во-вторых, — продолжила она громко, — это может оказаться секретной военной станцией. Если так, то они следят за нами с момента нашего появления. В любом случае за нами наблюдают. Необходимо узнать, кто это, прежде чем двигаться дальше.

— Станция? — переспросил Марк. — Здесь?

— Выходит, так, — хмуро подтвердил Антонио.

— Вы хотите узнать, кто это такие?

— Полагаю, этого требует осторожность, — ответила Виктория, — учитывая то, чем мы здесь занимаемся.

— Хорошо, — сказал Марк. — Карл, сориентируйте на них коммуникационный диск и передайте наш код. Посмотрим, ответят ли они.

— Будет исполнено, сэр, — отчеканил Карл.

— Пока мы ждем, ответьте на один вопрос, Антонио, — сказала Кэтрин, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Марка.

На лице Антонио появилась его обычная притворная улыбка.

— С радостью отвечу, если только смогу.

— Дороговизна золота объясняется его редкостью, правильно?

— Конечно.

— А мы тем временем собираемся набить грузовые отсеки «Леди Макбет» пятью тысячами тонн этого редкого металла! Более того, вы придумали способ, с помощью которого люди смогут добывать золото миллионами тонн. Если мы попытаемся продать свою добычу посреднику или банку, то как долго, по-вашему, мы будем оставаться в роли миллиардеров? По моим прикидкам, от силы недели две.

— Золото никогда не было такой уж редкостью! — ответил Антонио со смехом. — Его цена вздута искусственно. Самые большие запасы золота у эденитов. Точная цифра неизвестна, потому что банк «Джовиан» ее не сообщает. Однако они контролируют рынок и поддерживают цену, влияя на сбыт. Мы сыграем в ту же игру. Наше золото будет продаваться небольшими партиями в различных планетарных системах на протяжении нескольких лет. Что касается разведки с помощью магнитоскопов, то, мягко говоря, мы не станем пропагандировать эту технологию.

— Прими мои соболезнования, Кэтрин, — усмехнулся Роман. — Придется тебе довольствоваться доходом всего в сто миллионов в год.

Она показала ему средний палец и оскалила зубы.

— Ответа нет, — доложил Карл. — Полное молчание.

— Продолжай запрашивать, — приказал Марк. — Что вы собираетесь предпринять теперь, Антонио?

— Надо обязательно разобраться, кто это такие, — сказала Виктория. — Антонио уже объяснил, почему мы не можем допустить, чтобы за нами подсматривали.

— А меня больше беспокоит, чем здесь занимаются они сами, — сказал Марк, хотя его интуиция, как ни странно, безмятежно безмолвствовала, не посылая на сей счет никаких сигналов тревоги.

— По-моему, непосредственный контакт — единственное, что нам остается, — сказал Антонио.

— Мы находимся на попятной орбите, на расстоянии тридцати двух миллионов километров, и все время удаляемся. Пришлось бы сжечь слишком много горючего, чтобы до них добраться.

— Разве горючее оплачено не мной?

— Хорошо, встреча так встреча.

— А вдруг им не понравится, что мы здесь появились? — вмешался Шуц.

— Если мы засечем запуск боевой ракеты, то немедленно выскочим из этой системы, — сказал Марк. — Гравитационное поле кольца не так велико, чтобы помешать «Леди Макбет» сделать это. Мы сможем убраться отсюда, когда захотим.

На завершающем отрезке сближения Марк привел корабль в боевую готовность. Обратный прыжок мог быть совершен в любое мгновение. Панели батарей были убраны, приборы прощупывали пустоту в поисках приближающихся ракет.

— Они не могут не знать о нашем приближении, — сказала Вай, когда до неизвестного объекта оставалось всего восемь тысяч километров. — Почему они не выходят на связь?

— Спроси у них самих, — грубо отрезал Марк.

«Леди Макбет» неуклонно снижала скорость, но не поддерживала постоянного курса, чтобы было невозможно рассчитать ее траекторию и выставить мины. Маневрирование требовало от капитана максимальной сосредоточенности.

— Полное отсутствие электромагнитного излучения во всех спектрах, — доложил Карл. — Они не отслеживают нас активными сенсорами.

— Наши сенсоры определили их температурный режим, — доложил Шуц. — Средняя температура — тридцать шесть градусов Цельсия.

— Это с нагретой стороны, — заметила Кэтрин. — Может быть, у них барахлит система климата.

— Посмотрите, какую картинку дают радары, капитан, — посоветовал Шуц.

Марк приказал бортовому компьютеру передать ему по нейронной связи изображение и увидел мысленным взором

тонкую алую сеть, а под ней — станцию, прикрепившуюся к крупной частице кольца. Таких станций Марк никогда не видел. Это была изящно изогнутая клинообразная конструкция длиной четыреста метров, шириной максимум триста и минимум сто пятьдесят. Частица кольца представляла собой сплющенный железорудный эллипсоид с осью в восемь километров. Кончик этой скалы был спилен, чтобы станция могла пристыковаться к плоской поверхности диаметром один километр. Остальные изменения, которые претерпела скала, были куда значительнее. С одной стороны в ней был пробурен гладкостенный кратер с поперечником четыре километра. Из середины кратера торчала антенна-башня высотой девятьсот метров, увенчанная целым пучком зазубренных наконечников.

— Боже... — прошептал Марк со смесью страха и восторга. — Что вы на это скажете? — спросил он, неуверенно улыбаясь.

— На это я как-то не рассчитывала... — пролепетала Виктория.

Антонио оглядел всех собравшихся в командирской рубке. Его красивый лоб перерезала глубокая морщина. Все были ошеломлены, одна Виктория светилась от энтузиазма.

— Наверное, это радиоастрономическая станция, — предположил Антонио.

— Похоже, — сказал Марк. — Только не наша: мы таких не строим. Это инопланетяне.

«Леди Макбет» зависла в километре над инопланетной станцией. Отсюда кольцо выглядело особенно зловеще. Самая мелкая его частица весила не меньше миллиона тонн. Все до одной частицы пребывали в непрерывном беспорядочном движении; те, что находились ближе к внешней поверхности кольца, были подсвечены янтарным заревом, а дальше, в глубине, ворочались призрачные силуэты, затмевающие свет окрестных звезд.

— Это не станция, — уточнил Роман. — Это корабль, потерпевший аварию.

Марку пришлось согласиться с ним: теперь камеры передавали на мониторы прекрасное изображение. Нижняя и верхняя поверхности инопланетного корабля были выполнены из какого-то серебристо-белого материала. Больше всего это походило на оболочку фюзеляжа. Бока клиновидной

конструкции были бурыми, сквозь них проглядывал каркас. Все вместе напоминало кусок, выдранный из какой-то еще более крупной конструкции. Марк попытался представить себе, какой она была изначально, и увидел мысленным взором изящный дельтовидный летательный аппарат. Космические корабли такими быть никак не могли...

Он поправил себя: это люди строили космические корабли по совсем другому принципу. Что значит рассекать межзвездное пространство в аппарате, похожем на те, что создаются для полетов в плотных атмосферных слоях, со скоростью в сотни световых скоростей? Наверное, это захватывающее приключение!

— Бессмыслица какая-то! — воскликнула Кэтрин. — Если катастрофа произошла при посещении телескопа, зачем им было пристыковываться к астероиду? Можно просто перейти в помещения при телескопе.

— Можно было бы, если бы таковые имелись, — сказал Шуц. — У нас почти все научные станции работают в автоматическом режиме. А они, судя по тому, что мы видим, сильно обогнали нас в области технологии.

— Если они такие развитые, зачем им было строить такой огромный радиотелескоп? — возразила Виктория. — Это крайне непрактично. Люди уже много столетий используют комплексный подход. Пять небольших тарелок на расстоянии миллиона километров друг от друга обеспечивают несравненно лучший прием. И потом, зачем размещать радиотелескоп именно здесь? Во-первых, частицы, составляющие кольцо, постоянно сталкиваются. Вы сами видите кратеры, а вот этот угол, по-моему, отломан в результате столкновения. Во-вторых, кольцо загораживает добрую половину Вселенной. Очень неудачная точка для наблюдения! Нет, радиоастрономией здесь даже не пахнет.

— А что, если они прилетели сюда только для того, чтобы построить «тарелку»? — предположила Вай. — А затем отбуксировали бы ее на какую-нибудь дальнюю исследовательскую станцию. Но произошла катастрофа, помешавшая им осуществить задуманное.

— Это все равно не объясняет, зачем им понадобилась именно эта система. Любая звезда лучше этой.

— По-моему, Вай права в том, что они прилетели издалека, — сказал Марк. — Если бы поблизости от Конфедера-

ции существовала такая развитая инопланетная цивилизация, мы бы про нее знали. Они бы сами установили с нами контакт.

— Может, это кинты? — предположил Карл.

— Не исключено, — отозвался Марк.

Кинты, загадочная инопланетная раса, по уровню технического развития далеко обогнали Конфедерацию. При этом они были крайне скрытны. Что касается межзвездных путешествий, то кинты утверждали, что давным-давно перестали осваивать космос.

— Если это их корабль, то очень древний.

— Но все равно действующий! — подхватил Роман. — Вы только представьте, чем он набит! Его внутренности обогатят нас гораздо больше, чем золото. — Он улыбнулся Антонио, но тот был так мрачен, что его ничто не могло приободрить.

— Непонятно, зачем кинтам строить здесь радиотелескоп, — буркнула Виктория.

— Какая разница? — воскликнул Карл. — Если нужны добровольцы, чтобы туда сунуться, я первый, капитан!

Марк не обратил на него внимания. Он настроил объективы камер так, чтобы хорошенько рассмотреть антенну, потом место на скале, к которому крепились останки инопланетного корабля. Его интуиция ускоренно перебрасывала логические мостики между самыми смелыми предположениями.

— По-моему, это не радиотелескоп, — пробормотал он. — Скорее, маяк, передававший сигналы бедствия.

— Маяк с поперечником четыре километра? — недоверчиво воскликнула Кэтрин.

— Почему бы и нет, если они прилетели с другого края галактики? Межзвездный газ и пыль мешают разглядеть отсюда даже ее центр. Чтобы сигнал дошел, нужно было построить нечто колоссальное.

— А что, очень может быть, — проговорила Виктория. — Значит, вы считаете, что они просили своих о помощи?

— Да. Предположим, от родного созвездия их отделяют три-четыре тысячи световых лет, а то и больше. Они прилетели сюда с научно-исследовательскими целями и потерпели аварию, лишились трех четвертей корабля, в том числе силовой установки. Их технология не позволяет вернуться

обратно, зато дает возможность расширить существующий на астероиде кратер, что они и делают. Получается «тарелка», с помощью которой передатчик способен послать сигнал бедствия на громадное расстояние. Команда могла продержаться в оставшемся обломке корабля до прибытия спасателей. Кстати, даже люди со своим уровнем технологического развития могли бы осуществить нечто подобное.

— Согласна, — сказала Вай и подмигнула Марку.

— А я нет, — возразила Кэтрин. — Попав в беду, они должны были бы обратиться к сверхсветовому источнику связи. Вы только приглядитесь к этому кораблю: пройдут века, прежде чем мы достигнем примерно такого же уровня.

— Почему? Корабли эденитов для дальнего космоса очень неплохи, — напомнил Марк. — Просто у нас более скромные масштабы. Конечно, технологии у этих инопланетян на более высоком уровне, но законы физики едины для всей Вселенной. Мы достаточно хорошо разбираемся в квантовой относительности, чтобы строить сверхсветовые межзвездные корабли, но даже четырех с половиной столетий не хватило, чтобы придумать метод сверхсветовой связи. А все потому, что такого попросту не существует.

— Если экспедиция не возвратилась в срок, соплеменники должны были отправить за ними спасательную команду, — заявил Шуц.

— Для этого нужно в точности знать курс корабля, — возразила Вай. — Если спасатели имели возможность их найти, зачем было строить маяк?

Марк ничего не ответил. Он знал, что прав. Остальные рано или поздно согласятся с его сценарием, как бывало всегда.

— Предлагаю прекратить спор о том, что с ними случилось и зачем они построили свою «тарелку», — сказал Карл. — Когда мы туда отправимся, капитан?

— А про золото вы забыли? — не выдержал Антонио. — Мы прилетели сюда за ним, так давайте же его искать! А корабль подождет.

— Вы с ума сошли! Этот корабль стоит в сто раз больше вашего золота.

— Сильно в этом сомневаюсь. Это всего лишь древний, брошенный командой корабль. Я терпеливо вас слу-

шал, но теперь вынужден напомнить о главной цели экспедиции.

Марк встрепенулся. Антонио вызывал у него уже не неприязнь, а сильную тревогу. Любой, кто хотя бы немного разбирался в финансах и законах рынка, знал, что́ можно получить за подобную находку. А ведь Антонио родился в семье богачей и должен был разбираться в подобных вещах.

— Виктория, — произнес Марк, не сводя взгляда с Антонио, — данные от магнитоскопов продолжают поступать?

— Конечно. — Она дотронулась до руки Антонио. — Капитан прав. Мы можем продолжать зондирование и одновременно обследовать инопланетный корабль.

— Вам светит двойной барыш, — напомнила Кэтрин с невинным выражением лица.

Антонио сжал челюсти.

— Отлично, — выдавил он. — Я подчиняюсь твоему мнению специалиста, дорогая Виктория. Действуйте, капитан.

В нерабочем состоянии скафандр SII представлял собой широкий сенсорный воротник с торчащей из него респираторной трубкой и черный шар программируемого силикона размером с футбольный мяч. Марк продел голову в воротник, засунул в рот трубку и по нейронной связи отдал приказ активации. Силиконовый шар начал менять форму и разлился по всему его телу и голове, как масляная пленка. Сенсоры из воротника заменили глаза и стали передавать визуальные образы непосредственно по нейронной связи.

Вместе с Марком в шлюзе находились трое: Шуц, способный выходить в открытый космос без всякого скафандра, Антонио и Йорг Леон. Желание этой парочки обследовать корабль стало для Марка сюрпризом, но он не подал виду, что удивлен. С другой стороны, оставлять их на «Леди Макбет» было опасно, тем более что Вай тоже покинула корабль: она пилотировала многоцелевой летательный аппарат.

Полностью запечатавшись в силиконовую оболочку, Марк залез в бронированную капсулу с газовым двигателем. Прокола силикона можно было не опасаться, но оболочка капсулы должна была уберечь от удара метеорита.

Люк шлюза открылся, и Марк увидел в пятнадцати метрах многоцелевой аппарат. Отдав по нейронной связи приказ силовой установке капсулы, он подлетел к маленькому яйцеобразному летательному аппарату. Вай приветствовала его всеми тремя руками-манипуляторами.

Дождавшись, чтобы четверо пассажиров уселись в многоцелевой аппарат, Вай устремилась к кольцу. Астероид, цель их полета, не столько вращался вокруг своей оси, сколько кувыркался, полностью оборачиваясь за сто двадцать часов. При приближении аппарата на освещенной стороне как раз появлялась его плоская грань с «тарелкой». Это была причудливая заря: на серо-бурой поверхности лежали резкие черные тени, «тарелка» походила на черное озеро с торчащим из него шестом — зазубренной антенной. Инопланетный корабль уже был залит янтарным светом и отбрасывал на гладкую скалу густую ровную тень. В скале было столько рудных и минеральных вкраплений, что Вай показалось, будто она пролетает над горой отполированного оникса. Если верить теории Виктории, это могло оказаться не иллюзией, а действительностью.

— Летим к узкой части клина, — приказал Марк по нейронной связи. — Там любопытные темные прямоугольнички.

— Хорошо, — ответила Вай, и многоцелевой аппарат послушно устремился в нужном направлении.

— Видите разницу в окраске корпуса ближе к рваному краю? — спросил Шуц. — Можно подумать, что обломок подвержен гниению.

— Наверное, они используют что-то вроде наших генераторов молекулярного сцепления, чтобы не допустить вакуумного испарения, — ответил Марк. — Потому, наверное, главная часть корабля осталась целой.

— В таком случае она могла пробыть здесь невесть сколько времени.

— Могла. Ответ дадут образцы вещества, которые Вай возьмет на антенне.

Прямоугольников, привлекших внимание капитана, оказалось пять, каждый длиной полтора метра и шириной метр. Они были расположены цепочкой, к ним вели маленькие углубления в корпусе.

— Прямо как лестницы! — удивился Антонио. — Неужели это люки?

— Не могу поверить, что все так просто, — откликнулся Шуц.

— Почему бы и нет? — возразил Марк, пользуясь, как и все, нейронной связью. — Корабль такого размера должен быть оборудован несколькими шлюзами.

— Сразу пятью в одном месте?

— Аварийная предосторожность.

— При такой продвинутой технологии?

— Это мы так рассуждаем. Корабль-то все равно взорвался.

Вай зависла в пятидесяти метрах от корпуса корабля.

— Радар ничего не видит, — доложила она. — Оболочка — отличный электромагнитный рефлектор, поэтому невозможно определить, что находится под ней. Когда вы туда залезете, нам будет трудно поддерживать связь.

Марк вынул башмаки из держателей и включил двигатели своей капсулы. Оболочка корабля оказалась скользкой как лед, на ней невозможно было удержаться даже при помощи магнитных подошв.

— Повышенная химическая валентность, — определил Шуц, паривший над корпусом и прижимавший к груди сенсорный блок. — Гораздо более сильное поле, чем у «Леди Макбет». Сложный химический состав: резонансный сканер определяет присутствие в оболочке титана, кремния, бора, никеля, серебра и различных полимеров.

— Серебра я не ожидал, — отозвался Марк. — Но раз там есть никель, наши магнитные подошвы должны действовать.

Он приблизился к одному из прямоугольников, который находился в пятисантиметровом углублении, однако швов между прямоугольником и поверхностью корпуса невозможно было обнаружить. Марк нашел на прямоугольнике две десятисантиметровые лунки и заключил, что это клавиши управления, если перед ним действительно люк. У людей такие приспособления отличались простотой. Марк не ждал от инопланетян ничего другого.

Он прикоснулся пальцем к одной из лунок, и та загорелась ярким синим светом.

— Выброс энергии! — передал Шуц по нейронной связи. — Несколько сетей высокого напряжения под оболочкой. Как вы этого добились, Марк?

— Просто попытался открыть люк.

Материал прямоугольника растекся к краям, изнутри хлынул интенсивный белый свет.

— Остроумно! — прокомментировал Шуц.

— То же самое, что наш программируемый силикон, — небрежно вставил Антонио.

— Мы не используем программируемый силикон в оболочках космических аппаратов.

— Одно мы, по крайней мере, выяснили, — передал Марк. — Это не кинты. Сами видите, какого размера шлюз.

— Действительно. Что дальше?

— Будем учиться проходить через шлюз. Я попробую управлять им изнутри. Если он не откроется через десять минут, попробуйте надавить на лунку. Не добьетесь результата — разрежьте оболочку лучом.

Внутренняя камера шлюза оказалась, к счастью, просторнее, чем сам люк: это была пятиугольная труба шириной два метра и длиной пятнадцать метров. Четыре стенки трубы ярко светились, пятая оставалась темно-коричневой. Марк немного поплавал в трубе, потом сделал кувырок и оказался лицом к люку. Рядом с люком он увидел четыре лунки.

— Первая! — передал он и прикоснулся к одной из лунок. Ничего не произошло. — Вторая!

Лунка засветилась, люк закрылся. Марк врезался левым плечом в темную полосу внутри трубы. Сила удара была такова, что респираторная трубка вылетела у него изо рта. Он застонал от боли. Нейронная система заблокировала болевые рецепторы, и он облегченно перевел дух.

Господи! На корабле оказалась искусственная гравитация. Он лежал на спине: капсула и маневровый двигатель весили слишком много. С какой бы планеты ни прилетели хозяева корабля, тяготение на ней было в полтора раза сильнее земного. Марк расстегнул зажимы, выбрался из капсулы и с трудом встал на ноги. На «Леди Макбет» он привык к более высоким перегрузкам. Однако там они длились совсем недолго.

Он снова прикоснулся к первой лунке. Гравитация исчезла, люк опять открылся.

— Поздравляю, мы стали миллиардерами, — передал он и испытал остальные две лунки.

Третья по счету герметизировала, четвертая разгерметизировала шлюзовую камеру.

Атмосфера, которой дышали инопланетяне, представляла собой в основном смесь кислорода и азота; помимо этих газов, в ней присутствовали один процент аргона и шесть процентов углекислого газа. Влажность была ужасающей, давление низким, температура высокой — сорок два градуса по Цельсию.

— В этой жаре без скафандров не обойтись, — передал Марк. — Содержание углекислого газа тоже убийственное. При возвращении на «Леди Макбет» нам надо будет пройти дезинфекцию.

Они стояли вчетвером в дальнем конце шлюзовой камеры. Капсульные оболочки остались лежать на полу. Марк передал Вай и остальному экипажу, что первая вылазка займет час.

— Вы предлагаете проникнуть внутрь корабля без оружия? — удивленно спросил Йорг.

Марк перевел взгляд на человека, выдававшего себя за техника.

— Надеюсь, среди нас нет параноиков. При первом контакте оружие не используется, даже не демонстрируется. Таков закон. Ассамблея бдительно следит за его соблюдением. Да и вообще, вам не кажется, что если на этом корабле остались выжившие, то они будут рады компании? Тем более компании существ, умеющих перемещаться в космическом пространстве.

— Боюсь, ваши рассуждения наивны, капитан. Вы твердите, что этот корабль свидетельствует о высочайшем уровне технологического развития его создателей, тем не менее он потерпел катастрофу. Повреждения так велики, что трудно предположить простую случайность. Разве не логичнее объяснить их боевыми действиями?

Марку с самого начала не давала покоя та же мысль. Трудно представить, что подобный корабль оказался выведен из строя в результате тривиальной аварии. Однако закон Мерфи действовал во всей Вселенной, как и законы физики. Капитан так отважно проник в шлюз потому, что интуиция подсказывала, что лично ему здесь ничего не угрожает. Но такого человека, как Йорг, подобная аргументация не могла убедить.

— Если перед нами боевой корабль, то он оснащен системами предупреждения. Пожелай команда или бортовой компьютер нас уничтожить, мы уже были бы покойниками. «Леди Макбет», конечно, великолепное судно, но относится к другому классу. Так что если они притаились за шлюзовой камерой и собираются на нас наброситься, то каким бы оружием мы с вами ни увешались, оно бы нас не спасло.

— Что ж, действуйте, как считаете нужным.

Марк дотронулся до одной из лунок у дальнего люка. Лунка посинела.

Нельзя сказать, что инопланетный корабль сильно разочаровал Марка, однако в нем росло чувство неудовлетворенности. Искусственная гравитация вызывала восхищение, атмосфера была чуждой человеческому организму, план помещений и обстановка поражали своей экзотичностью. Однако во всем остальном это был корабль как корабль, построенный с соблюдением универсальных правил инженерной логики. Было бы куда интереснее повстречаться с самими инопланетянами — неизвестными существами с собственной историей и культурой. Однако они исчезли, и Марк ощущал себя не исследователем, а археологом.

Сначала они осмотрели первую палубу, состоявшую из крупных помещений и широких переходов. Внутренние перегородки были бледно-нефритового цвета, чуть шероховатые на ощупь, как змеиная кожа. Все поверхности изгибались, углы отсутствовали. С потолков струился яркий белый свет. Все арочные проходы оказались открытыми, хотя при нажатии на неизмеримые лунки они заплывали. Непонятным оставалось разве что предназначение линзообразных пузырей диаметром полметра, которыми были покрыты без всякой системы и пол и потолок.

Четверка отчаянно спорила о том, что представляют собой сами инопланетяне. Не вызывали разногласий только их рост (ниже среднего человеческого) и наличие нижних конечностей, поскольку на корабле были винтовые лестницы, правда с очень широкими ступенями, по которым было трудно подниматься двуногим. В салонах стояли длинные столы с широкими круглыми табуретами на четырех опорах.

Первых пятнадцати минут хватило, чтобы убедиться: с корабля забрали все, что можно было забрать. Шкафы со

стандартными оплывающими дверцами оказались пусты. Повсюду остались только предметы обстановки, ничего более.

На второй палубе крупных отсеков не оказалось, одни длинные коридоры с рядами серых кругов по центру стен. Антонио дотронулся до лунки рядом с таким кругом, и тот превратился в дверь, ведущую в сферическую каюту диаметром примерно три метра. За полупрозрачными стенами каюты было заметно мельтешение цветов.

— Спальные места? — предположил Шуц. — Не многовато ли?

— Возможно, — сказал Марк, пожимая плечами.

Ему не терпелось спуститься на следующую палубу. Но вскоре он замедлил шаг — их преследовали три полусферических пузыря: два скользили по стене, один — по полу. Когда капитан остановился, замерли и они. Он подошел к ближнему и поводил перед ним сенсорным блоком.

— Высокое напряжение, сложная электронная схема.

Остальные трое встали с ним рядом.

— Их «производят» стены или это автономные устройства? — спросил Шуц.

— Не знаю, — ответил Марк, изучая показания датчиков на блоке. — Не нахожу ни малейшей границы между этим пузырем и стеной. Впрочем, при их владении материалами это не удивляет.

— А вот еще пять, — сказал Йорг.

Теперь по стене ползли три пузыря, по полу — два. Не приближаясь к людям, они замерли.

— Кто-то или что-то знает о нашем присутствии, — заметил Антонио.

Марк нашел в своей нейронной памяти универсальную систему общения с инопланетянами. Он загрузил ее много лет назад: все профессиональные космоплаватели были обязаны обладать этими файлами, как и миллионами других, столь же мало применимых. Раз пузыри реагируют на их присутствие, значит, они оснащены какими-то устройствами для приема электромагнитных колебаний. Блок связи переключился на лазерный, потом на магнитный режим.

— Бесполезно, — резюмировал Марк.

— Может быть, их центральному компьютеру надо больше времени, чтобы расшифровать наш код? — предположил Шуц.

— С этим справился бы любой компьютер, а не только центральный.

— В таком случае их компьютеру не о чем с нами разговаривать.

— Тогда зачем высылать за нами соглядатаев?

— Вдруг они действуют самостоятельно?

Марк снова проверил пузырь, но показания приборов остались прежними. Он выпрямился, поморщившись от боли в спине, вызванной перегрузкой.

— Скоро час, как мы здесь находимся. Давайте вернемся на «Леди Макбет». Там и решим, что делать дальше.

Пузыри проводили их до лестницы, по которой гости спускались на вторую палубу. В широком центральном переходе верхней палубы пузырей прибавилось: они выползали из других коридоров и соседних отсеков и следовали за пришельцами по пятам.

Внутренний люк шлюзовой камеры был по-прежнему открыт, зато капсульные оболочки исчезли.

— Черт! — передал Антонио. — Держу пари, эти проклятые инопланетяне притаились где-то поблизости.

Марк прикоснулся к лунке и облегченно перевел дух, когда люк заплыл, оставив их внутри камеры. После герметизации открылся внешний люк.

— Вай! — позвал Марк. — Забирай нас, и побыстрее.

— Сейчас, Марк.

— Что за странный способ общения? — удивился Шуц. — Зачем было забирать оболочки? Если они хотели оставить нас на своем корабле, то могли бы просто отключить управление люками.

Из-за края фюзеляжа появился летательный аппарат. Пламя из его сопел отразилось в обшивке.

— Действительно глупо, — согласился Марк. — Но ничего, разберемся.

Мнения разделились: команда хотела продолжить изучение инопланетного аппарата, Антонио и его спутники не желали лезть на рожон. Марк стал подозревать, что Карл был прав в отношении Йорга.

— Итак, «тарелка» — это просто скала с алюминиевым покрытием, — начала Кэтрин. — Алюминия, впрочем, осталось совсем мало, почти весь он изъеден вакуумом. Баш-

ня-антенна — это боркремниевое напыление на титановом стержне. Образцы, взятые Вай, оказались очень хрупкими.

— Как насчет радиоуглеродного анализа? — спросила Виктория.

— А вот это уже любопытнее. — Кэтрин обвела слушателей многозначительным взглядом. — Нашей находке примерно тринадцать тысяч лет.

Марк присвистнул:

— Боже Всемогущий!

— Значит, одно из двух: либо их спасли, либо они давно истлели, — сказал Роман. — Неудивительно, что внутри пусто.

— Куда же тогда подевались наши капсульные оболочки? — угрюмо осведомился Антонио.

— Не знаю. Но согласитесь: существа, построившие такой грандиозный корабль, не стали бы заниматься мелким воровством. Нет, здесь что-то другое...

— Кое-кто пожелал нас задержать.

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Это боевой корабль, он побывал в сражении. Выжившие не знают, кто мы, не принадлежим ли к числу их старых врагов. Если бы они сумели нас задержать, то, изучив, получили бы ответы на свои вопросы.

— По прошествии тринадцати тысяч лет война могла бы завершиться; и потом, с чего вы взяли, что это боевой корабль?

— Логика подсказывает, — тихо вставил Йорг.

— А если оболочки подобрал какой-нибудь самодвижущийся механизм? — обратился Роман к Марку. — Загляни вы в их шкафчики, наверняка нашли бы оболочки в каком-нибудь из них аккуратно сложенными.

— Автоматы, видимо, по-прежнему функционируют, — поддержал Романа Шуп. — С пузырями мы уже познакомились. Возможно, есть и другие устройства.

— Но ведь это-то и удивительно! — подхватил Марк. — Мы знаем возраст антенны. Зато внутренности корабля выглядят совершенно новенькими: ни пыли, ни каких-либо признаков износа. Освещение работает безупречно, гравитация тоже, влажность не оставила никаких следов. Разве не поразительно? Как будто все пребывает в «нулевом тау».

А ведь генераторы молекулярного связывания защищают только оболочку. Внутри, во всяком случае на тех палубах, где мы побывали, они не работают.

— И тем не менее факт налицо: корабль выглядит как новенький. Представляете, сколько для этого нужно энергии? Не говоря уж о гравитации, поддержании состава атмосферы и так далее... И притом — перед нами конструкция, простоявшая тринадцать тысяч лет?

— Прямой переход массы в энергию, — предположила Кэтрин. — Или прямое использование энергии звезды. А мы-то воображали, что монополия на это чудо принадлежит эденитам!

— В общем, нам придется туда вернуться, — подытожил Марк.

— Нет! — крикнул Антонио. — Сперва надо найти золото. Потом можете возвращаться на корабль сами. А я не позволю менять задачи экспедиции.

— Очень жаль, что на обломке корабля вам довелось пережить неприятные минуты, — сказала Кэтрин спокойно. — Но источник энергии, проработавший бесперебойно тринадцать тысяч лет, — это гораздо более ценная добыча, чем груз золота, которое к тому же придется сбывать из-под полы.

— Корабль зафрахтовал я! Вы обязаны мне подчиняться. Наша цель — золото.

— У нас партнерские отношения. Мне будет уплачено за полет только в том случае, если мы наткнемся на жилу. Вот мы на нее и наткнулись. Только это не золото, а инопланетный корабль. Есть ли разница, каким способом разбогатеть? Мне казалось, что цель экспедиции — прибыль.

Антонио негодующе фыркнул и, оттолкнувшись, провалился в люк, по пути громко ударившись локтем о край.

— Виктория! — произнес Марк, нарушив неловкое молчание. — Ваши зонды уже обнаружили в диске вкрапления тяжелых металлов?

— Следы золота и платины имеются, но не такие значительные, чтобы заниматься разработкой.

— В таком случае мы приступим к подробному изучению инопланетного корабля. — Марк перевел взгляд на Йорга. — Ваше мнение?

— Разумное решение. Вы уверены, что одновременно мы сможем продолжать зондирование диска?

— Уверен.

— Отлично! Можете на меня рассчитывать.

— Спасибо. Вы, Виктория?

Ее смутил, даже испугал ответ Йорга, однако и она кивнула.

— Вы, Карл, лучше остальных разбираетесь в компьютерных сетях. Вам тоже придется там побывать, чтобы установить контакт с действующей системой.

— Установлю, не сомневайтесь.

— Разобьемся на смены по четыре человека. Давайте установим сенсоры для непрерывного наблюдения за люками и подумаем о способе связи со сменой, работающей внутри инопланетного корабля. Вай, наша с тобой задача — опуститься в «Леди Макбет» прямо на обшивку корабля. За дело!

Как и следовало ожидать, на обшивке не действовало ни одно из обычно применяемых в космосе вакуумных связующих веществ. Пришлось пришвартоваться, обмотав весь инопланетный обломок прочными фалами.

Пробыв внутри три часа, Карл вызвал Марка.

Из корпуса «Леди Макбет» выдвинулся герметический рукав. Пристыковать его к люку на обшивке инопланетного корабля не удалось, но так, по крайней мере, можно было обойтись без многоцелевого аппарата и капсул. В люк опустили оптический кабель. Материал «крышки» не перерезал его, а плотно обхватил.

Марк нашел Карла в шлюзе: он сидел на полу, обложившись процессорами, в окружении восьми медленно перемещающихся пузырей; на стенке красовались еще два неподвижных пузыря.

— Роман оказался почти прав, — передал Карл по нейронной связи, как только перед ним предстал Марк. — Ваши оболочки действительно прибрали. Только механический дворецкий здесь ни при чем. Смотрите!

Он бросил на пол пустую коробочку из-под кассеты. Один из пузырей двинулся к ней. Зеленый пол под коробочкой стал мягким, потом жидким. Пузырь втянул в себя коробочку вместе с жидкостью.

— Я назвал их кибермышами, — передал Карл. — Они всюду ползают, наводят чистоту. Своих капсульных оболочек вы больше не увидите: они их сожрали, как пожирают все, что не является элементом корабля. На нас они не покушаются только потому, что мы слишком большие и активные; возможно, они принимают нас за гостей. По сути, они правы. Но ночевать здесь мне бы не хотелось.

— Значит, мы не сможем оставить здесь свои приборы?

— Пока нет. Я насилу отбил у них блок связи с оптическим кабелем.

— Как вам это удалось?

Карл указал на два неподвижных пузыря на стене:

— Я их отключил.

— Значит, вы подсоединились к системе управления?

— Нет. Мы с Шуцем просветили одну из мышек и выявили ее электросхему. Осталось только запустить стандартные программы дешифровки. Как эти штуковины действуют, я пока объяснить не могу, но некоторые базовые команды управления нашел. Существует код отключения, который можно передавать по нейронной связи. Есть также код повторного включения и некоторые другие. Могу вас обрадовать: у инопланетян простой язык программирования. Вот, например, код отключения. — Потолок вокруг блока связи мигом потемнел. — Пока я овладел только локальным доступом. Надо будет прощупать всю сеть, чтобы найти порты.

— А снова включить можно?

— Пожалуйста! — Темный участок потолка опять засветился. — С помощью кодов можно управлять и дверями. Поднесите свой приборный блок к лункам — и дверь откроется.

— Ускоренная процедура пользования лунками...

— Да, пока все.

— Это не упрек, Карл, начало блестящее! Каков будет следующий шаг?

— Хочу пробраться на другой уровень программной архитектуры кибермыши. Тогда можно будет научить их узнавать и не трогать приборы. Но это займет гораздо больше времени: на «Леди Макбет» нет аппаратуры, предназначенной для решения подобной задачи. Зато когда мы

с ней совладаем, получим более полное представление обо всех их системах. Я уже сейчас могу заключить, что главное в конструкции кибермыши — молекулярный синтезатор.

Карл включил резак. Появилось бледно-желтое лезвие, потом — оплавленный надрез в полу. Одна из кибермышей немедленно поползла к надрезу. Пол размяк, обугленные гранулы исчезли в пузыре. Непорядок был полностью устранен.

— Никаких изменений в молекулярной структуре, — передал Карл. — Вот вам и ответ, почему корабль выглядит изнутри как новенький и почему все работает как часы уже тринадцать тысяч лет. Кибермыши все регенерируют. При наличии энергии и массы этот корабль попросту вечен.

— Почти как аппараты фон Неймана!

— Почти. Все-таки у такого маленького синтезатора должны быть ограничения. Если бы можно было воспроизвести что угодно, они построили бы себе новый корабль. Но принцип ясен, капитан. Вы только представьте, какой толчок это даст нашей промышленности!

Марк был рад, что силиконовый скафандр не передает мимику. Технология репликации вызвала бы в человеческом обществе подлинную революцию — и у адамитов, и у эденитов.

Увы, старикам революции противопоказаны. Он прилетел за деньгами, а не для того, чтобы взорвать устоявшийся образ жизни на восьмистах звездных системах.

— Отлично, Карл! Где остальные?

— На третьей палубе. После того как раскрылась тайна исчезнувших оболочек, они решили, что могут спокойно продолжить обход корабля.

— Разумно. Я их разыщу.

— Не могу поверить, что ты согласился им помогать! — бушевал Антонио. — Кому, как не тебе, знать, что успех нашего дела зависит от преданности!

Улыбку Йорга невозможно было расшифровать. Они теснились вдвоем в его спальной ячейке — единственном месте на корабле, где их не могли подслушать приборы: Йорг специально захватил в экспедицию блок глушения.

— Вспомни, — заметил Йорг, — каждый из зондов обошелся нам в полтора миллиона. Бо́льшая часть этих денег происходит из источников, которые потребуют компенсации независимо от исхода нашей борьбы.

— Зонды несравнимо дешевле антиматерии.

— Согласен. Но в них есть смысл только в том случае, если удастся отыскать уран.

— Обязательно отыщем! Виктория докладывает о многочисленных следах. Надо только набраться терпения — и успех обеспечен.

— Возможно. Не спорю, Антонио, замысел хорош. Новоиспеченной политической организации с ограниченным финансированием трудно раздобыть компоненты водородной бомбы. Одна-единственная ошибка — и контрразведка нас разгромила бы. Нет, старая добрая атомная бомба — разумная альтернатива. Даже если бы мы не сумели произвести обогащение урана, необходимое для создания оружия, можно было бы угрожать смертельным радиоактивным заражением. Ты правильно говоришь, что мы обречены на победу. Сонора добьется независимости, и мы образуем первое правительство с полным доступом к казне. Все внесшие вклад в освобождение будут щедро вознаграждены.

— Вот видишь! Зачем же нам отвлекаться на какую-то груду инопланетного лома? Йорг, ты обязан поддержать меня! Калверт послушается, если мы надавим на него вдвоем.

— Понимаешь, Антонио, появление этой груды инопланетного лома привело к полному изменению правил игры. Точнее, мы с тобой теперь играем в разные игры. Искусственная гравитация, неисчерпаемый источник энергии, молекулярный синтез... Если Карл полностью овладеет системой, то мы сумеем разобраться даже в их принципах передвижения и создать нечто подобное! Ты только представь, какие радикальные перемены благодаря этому произойдут в Конфедерации. Крах целых отраслей! Экономический спад, какого не бывало с момента изобретения современных способов передвижения в глубоком космосе! Человечеству потребуются десятилетия, чтобы вернуться к сегодняшней стабильности. Мы, конечно, станем богаче и сильнее, но когда? Не хотелось бы мне жить на астероиде, шантажом добившемся

преждевременного предоставления независимости. Кто в таких условиях станет финансировать переоборудование наших промышленных станций?

— Об этом я как-то не подумал...

— Этим ты не отличаешься от экипажа «Леди Макбет». Исключение — один Калверт. Понаблюдай за ним, Антонио. Он все предвидит, все знает наперед: его капитанскому статусу и свободе придет конец. У остальных же просто кружится голова от предвкушения безумного богатства.

— Что же нам делать?

Йорг положил руку Антонио на плечо:

— Нам улыбнулась удача. Наша экспедиция зарегистрирована как совместный полет. Не важно, что́ именно мы ищем. По закону определенная часть инопланетных технологий принадлежит нам. Так что, дружище, мы, считай, уже миллиардеры. Вернувшись, мы сможем КУПИТЬ Сонору. Да что там Сонору — весь архипелаг Лагранжа!

Антонио выдавил улыбку, хотя по его лбу стекал пот.

— Ладно, Йорг, ты меня убедил. Нам действительно больше ни о чем не придется беспокоиться. Вот только...

— Что еще?

— Я понимаю, что за зонды мы сможем расплатиться. Но как быть с Советом? Вдруг он...

— Здесь тоже не о чем тревожиться. Совет будет ходить перед нами на цыпочках. Инопланетный корабль погубила не авария. Это был боевой корабль, Антонио. Сам знаешь, что это означает. Где-то на борту должно оставаться оружие. Их оружие!

Вай уже в третий раз приближалась в многоцелевом летательном аппарате к инопланетному кораблю. Максимальное время, которое каждый мог провести на его борту, не превышало двух часов. От гравитационного поля ломило мышцы, а два часа были равны по нагрузке суточному марш-броску.

Шуц и Карл никуда не ушли от шлюзовой камеры: они по-прежнему прозванивали кибермышей и расшифровывали их программы. Это было самое многообещающее направление работы: овладев языком программирования инопланетян, они смогли бы получить ответ на любой вопрос, касающийся корабля. В том случае, конечно, если существовала общая

сть управления... Но Вай не сомневалась в этом. Слишком много систем было задействовано: атмосфера, энергия, гравитация.

Тем временем остальные обходили корабль. Его схема уже была записана в мозгу Вай и дополнялась всякий раз, когда кто-либо из спутников возвращался. В узкой части клиновидного обломка могло насчитываться до сорока палуб, поэтому до дна было еще очень далеко. В некоторые зоны невозможно было проникнуть: там, видимо, располагалось оборудование. Марк руководил поиском генератора, исследуя главные силовые линии корабля магнитными сенсорами.

Вай брела за Романом, двигавшимся вдоль трассы кабеля в коридоре восьмой палубы.

— Тут столько ответвлений! Прямо рыбья кость какая-то! — пожаловался Роман, остановившись в том месте, где от главного кабеля ответвлялись пять второстепенных. Он провел по стене сенсорным блоком. — Сюда!

Роман свернул в другой коридор.

— Впереди лестница номер пять, — предупредила Вай, мысленно сверившись со схемой.

На восьмой палубе кибермышей оказалось больше, чем на других: за Романом и Вай следовало больше тридцати штук, создавая сильную рябь на полу и стенах. Вай заметила, что чем глубже они опускаются во чрево корабля, тем больше становится мышей. Впрочем, уже после второго посещения она перестала обращать на них внимание. Секции по бокам коридоров ее тоже не интересовали — все они были пусты.

Роман остановился на первой ступеньке винтовой лестницы.

— Лестница ведет вниз, — передал он.

Спускаться тоже было тяжело. Гравитационный спуск облегчил бы задачу, но ничего подобного на корабле не оказалось.

— По-моему, Марк прав: «тарелка» — это действительно аварийный маяк, — передала Вай. — Сколько ни размышляю, не могу найти другой причины, чтобы затевать такую грандиозную стройку.

— Марк всегда прав. Это, конечно, тяжело выносить. С другой стороны, поэтому я с ним и летаю.

— Я не могла с ним согласиться, потому что меня поразила степень их веры.

— Объясни.

— То, как свято эти инопланетяне верили в себя. Прямо дрожь пробирает. Люди совсем не такие. Ты только представь: даже если до их родной звезды всего две тысячи световых лет, то как раз столько времени и будет добираться туда сигнал маяка. И тем не менее они послали его, убежденные, что найдется кому принять сигнал и прийти на помощь. А как поступили бы мы, если бы «Леди Макбет» потерпела аварию на расстоянии тысячи световых лет? Как ты думаешь, был бы смысл посылать Конфедерации сигнал бедствия и уходить в «нулевое время», чтобы дождаться помощи?

— Если их технология настолько долговечная, то и цивилизация может протянуть столько же.

— В нашей технике я не сомневаюсь, но цивилизация крайне неустойчива. По-моему, Конфедерация не проживет тысячи лет.

— Эдениты, например, никуда не денутся, все планеты тоже, по крайней мере в физическом смысле. Некоторые общества достигнут, вероятно, уровня развития кинтов, другие, наоборот, вернутся к варварству. Но принять сигнал и прийти на выручку кто-нибудь да сможет.

— Ты неисправимый оптимист!

Спустившись на девятую палубу, они наткнулись на глухую стену.

— Что за чепуха? — возмутился Роман. — Если дальше ничего нет, зачем здесь лестничная площадка?

— Это изменение, появившееся после аварии.

— Возможно. Но зачем изолировать целый отсек?

— Понятия не имею. Хочешь продолжать спуск?

— Обязательно. Ты сама назвала меня оптимистом. Меня не пугают призраки, населяющие подвал. Тем более что они обычно живут на чердаках.

— Лучше бы ты не упоминал призраков.

Десятая палуба тоже оказалась изолирована.

— Еще одна палуба — и у меня отвалятся ноги, — передала Вай. — Ладно, последняя — и назад.

На одиннадцатой палубе обнаружилась дверь — единственная закрытая на весь корабль. Вай дотронулась до

лунки, и дверь исчезла. Вай сделала шаг вперед, сфокусировала окуляры.

— Вот это да!.. — задохнулась она.

Девятая и десятая палубы были разобраны, чтобы получить свободное пространство, по размерам подобное громадному собору. В центре помещался «алтарь» — непонятная конструкция из матового материала диаметром восемь метров и с отверстием диаметром пять метров. Больше всего это походило на гигантский пончик. Воздух вокруг был полон непонятного сиреневого сияния. «Пончик» возлежал на пяти изогнутых подпорках высотой четыре метра.

— Думаю, ключевую роль здесь играет расположение, — передала Вай. — Недаром они построили все это в самом центре уцелевшего обломка. Скорее всего, из соображений максимальной безопасности.

— Наверное, — согласилась Кэтрин. — Это определенно что-то очень для них важное. После такой серьезной аварии можно расходовать ресурсы только на то, что помогает выжить.

— Что бы это ни было, оно потребляет огромное количество энергии, — передал Шуц. Он обходил сооружение на почтительном расстоянии, работая сенсорным блоком. — К каждой опоре подведен силовой кабель.

— Каков спектр излучения? — спросил Марк.

— Только видимый плюс ультрафиолет. Это все. Но энергия должна куда-то уходить.

— Должна-то она должна...

Марк подошел к одной из опор и сфокусировал окуляры на отверстии в «пончике». Оно было затянуто серым туманом. Попытался сделать еще один шаг — и с его вестибулярным аппаратом произошло что-то странное: ноги поехали вперед, оторвались от пола. Он откинулся и чуть не упал. Йорг и Карл успели его подхватить.

— Под этой штукой отсутствует искусственная гравитация, — передал Марк по нейронной связи. — Зато вокруг сильное гравитационное поле. — Он помолчал. — Правильнее сказать, я испытал толчок...

— Толчок? — тревожно переспросила Кэтрин.

— Да.

— Господи!

— Ты понимаешь, что это такое?

— Может быть. Держи меня за руку, Шуц.

Шуц крепко стиснул руку Кэтрин. Та попробовала поднести сенсорный блок к самому «пончику», но ей помешала могучая отталкивающая сила, словно она пыталась сблизить два однополюсных магнита. Сантиметров двадцать — максимальная дистанция, на которую «пончик» подпускал к себе. Но и на этом расстоянии была возможность определить его молекулярную структуру.

Взглянув на дисплей, Кэтрин понятилась.

— Ну? — не выдержал Марк, когда молчание затянулось.

— Не знаю, можно ли назвать этот предмет твердым в общепринятом смысле. Видимость поверхности способна создаваться граничным эффектом. Спектроскопия нулевая, прибор не обнаруживает ни атомной структуры, ни химической валентности.

— То есть перед нами энергетическое кольцо?

— Я этого не говорила. Вдруг это какая-то экзотическая материя?

— В каком смысле «экзотическая»? — спросил Йорг.

— У нее отрицательная плотность энергии. Сразу упреждаю ваш вопрос: это не антигравитация. Экзотическая материя — буду называть ее так — имеет единственное применение: держать открытой червоточину.

— Так это ворота червоточины? — вскричал Марк.

— Скорее всего.

— Куда же она может вести?

— Точных космических координат назвать не могу, но догадываюсь, где открывается противоположный конец. Инопланетяне не вызывали спасательный корабль. Они создали червоточину с экзотической материей, чтобы придать ей прочность, и таким образом спаслись. Это вход в тунель, ведущий прямиком к ним домой.

Шуц нашел Марка в пассажирском отсеке: капитан парил над креслами, не включая свет. Шуц зацепился носками ботинок за скобу, чтобы удержаться на месте.

— Ты не очень-то любишь ошибаться.

— Не люблю, но дело не в этом. — Марк включил освещение и изобразил улыбку. — Я все еще считаю, что не

ошибся насчет «тарелки», вот только никак не могу сообразить, как это доказать.

— Разве ворота червоточины не исчерпывающее доказательство?

— Это вообще не доказательство. Если они могли протянуть червоточину прямо до своей родной звезды, зачем было строить «тарелку»? Кэтрин права в другом: при аварии такого масштаба надо посвятить все силы выживанию. Одно из двух: либо взывать о помощи, либо возвращаться через червоточину. Делать то и другое совершенно бессмысленно.

— А если антенна не их, если они прилетели, чтобы ее обследовать?

— Сразу две неведомые инопланетные расы с высочайшим технологическим развитием? Маловероятно. Нет, нам никуда не уйти от первого вопроса: если антенна с «тарелкой» не аварийный маяк, тогда что это, черт побери?

— Уверен, рано или поздно ответ появится.

— Знаю, мы всего лишь экипаж коммерческого рейса с ограниченными исследовательскими возможностями. Однако ничто не мешает нам ставить фундаментальные вопросы. Например, зачем держать открытой червоточину на протяжении стольких тысяч лет?

— Это в русле их технологии. Им подобное не кажется странным.

— Меня удивляет не то, что она столько проработала, а то, что им понадобилось оставлять действующим канал доступа к никчемному обломку.

— С позиций нормальной логики такой «ход» действительно выглядит нелепо. Ответ, наверное, кроется в сфере их психологии.

— Отговорки! Нельзя записывать в чуждое все, чего не понимаешь. Но у меня припасен последний, самый сногсшибательный вопрос: если они умеют с такой ювелирной точностью открывать червоточины на расстоянии бог знает какого количества световых лет, то зачем им вообще космический корабль? По-твоему, опять психология?

— Хорошо, Марк, ты уложил меня на лопатки. Так зачем же им это?

— Не могу себе представить! Я просмотрел все файлы, связанные с червоточинами, пытаясь уловить в происходящем смысл, но все без толку. Неразрешимый парадокс!

— Значит, остается один-единственный выход...

Марк уставился на огромного космоника:

— Какой?

— Пройти сквозь червоточину и спросить их самих.

— Возможно, я так и сделаю. Кто-то все равно должен на это решиться. А что говорит на сей счет Кэтрин? В каком виде мы должны туда сунуться? Облитыми силиконом?

— Она все еще полагается на приборы. Серый туман в отверстии не преграда. Кэтрин уже просунула туда трубку с проводкой. Это что-то вроде мембраны, не пропускающей внутрь атмосферу корабля.

— Еще одна игрушка ценой в миллиард! — вздохнул Марк. — Господи, что делать с таким богатством? Придется выработать шкалу приоритетов.

Очередной приказ, отданный по нейронной связи, предписывал всем собраться в командном отсеке.

Последним появился Карл. Молодой инженер выглядел утомленным. При виде Марка он нахмурился:

— Я думал, вы все еще в инопланетном обломке.

— Уже нет.

— Но ведь вы... — Он потер пальцами виски. — Ладно, не важно.

— Как успехи? — спросил его Марк.

— Относительные. Молекулярный синтезатор и вся его сеть заключены в одной кристаллической решетке. Это как если бы мышца работала по совместительству мозгом.

— Смотри не зайди со своими аналогиями слишком далеко, — предостерег Роман.

Карл даже не улыбнулся. Взяв из раздатчика тюбик с шоколадом, он принялся высасывать содержимое.

Марк повернулся к Кэтрин:

— Мне удалось ввести в червоточину визуально-спектральный датчик. Света там маловато, только тот, что просачивается сквозь мембрану. Изнутри червоточина представляет собой прямой туннель. Предполагаю, что инопланетяне специально отключили под воротами искусственную

гравитацию. Теперь мне хотелось бы снять с нашего многоцелевого аппарата лазерный радар и применить его в туннеле.

— Если в червоточине присутствует экзотическая материя, это может помешать тебе вернуться.

— Возможно. Зато мы смогли бы добраться до противоположного конца...

— И что дальше?

Все заговорили одновременно, Кэтрин громче всех. Марк поднял руку, призывая к тишине.

— Прошу внимания! Согласно законам Конфедерации если лицо, назначенное командиром корабля, либо контролирующий механизм космического аппарата или свободно перемещающейся космической структуры прерывает свои функции на год и один день, то его права считаются утраченными. С точки зрения закона этот инопланетный корабль является брошенным, и мы вправе, как первооткрыватели, подать на него заявку.

— А как же контролирующая сеть? — спросил Карл.

— Это второстепенная система,— возразил Марк.— Закон не допускает двойного толкования: если у корабля вышел из строя бортовой компьютер, то процессоры, управляющие работой все еще функционирующих водородных двигателей, не считаются контролирующими механизмами. Нашу заявку никто не сможет оспорить.

— А сами инопланетяне? — спросила Вай.

— Давайте не нагромождать проблемы. В данный момент мы в юридически выигрышной ситуации. Появление инопланетян нам попросту невыгодно.

Кэтрин понимающе кивнула:

— Ты хочешь сказать, что, начав исследовать червоточину, мы спровоцируем их возвращение?

— Такая вероятность не исключена. Лично мне было бы очень интересно с ними познакомиться. Но скажи честно, Кэтрин, ты действительно надеешься с помощью наших приборов выяснить, как создавать экзотическую материю и открывать червоточины?

— Ты сам знаешь, что это невозможно, Марк.

— Правильно. Точно так же немыслимо узнать принцип искусственной гравитации и разгадать другие чудеса, которых на этом корабле полно. Давайте поставим пе-

ред собой выполнимую задачу: перечислим и опишем все, что сможем, и определим участки, требующие дальнейшего изучения. Потом вернемся сюда со специалистами, которым станем платить солидные деньги за их профессионализм. Неужели никто из вас еще не понял главного? Найдя этот корабль, мы перестали быть командой космического корабля и превратились в самых состоятельных корпоративных менеджеров в галактике. Мы уже не первопроходцы, а хозяева. Нам осталось нанести на схему недостающие палубы, проследить силовые кабели и найти установки, которые они снабжают энергией. После этого мы стартуем.

— Я уверен, что сумею расшифровать их язык программирования, — сказал Карл. — Тогда мы смогли бы управлять кораблем.

В его тоне прозвучала уязвленная гордость, и Марк улыбнулся:

— Я бы очень обрадовался этому, Карл. Мы обязательно захватим с собой кибермышь, а может, и не одну. Этот молекулярный синтезатор послужит убедительным доказательством того, какое сокровище попало нам в руки. Надо показать банкам что-то вещественное.

— Не знаю, что произойдет, если попытаться оторвать мышь от пола или от стены, — ответил Карл. — Пока они нас не трогают, но если система решит, что мы представляем опасность для корабля...

— Думаю, мы способны на большее, чем просто оторвать кибермышь от пола. Будем надеяться, что ты сможешь войти в сеть и отдать команду воспроизвести для нас молекулярный синтезатор. На корабле должно быть место, где они производятся.

— Скорее всего. Если только эти кибермыши не размножаются самостоятельно.

— Представляю, какое это зрелище: одна кибермышь лезет на другую... — радостно подхватил Роман. — Бр-р-р!

Нейронные часы подсказали Карлу, что он проспал девять часов. Выбравшись из спального мешка, он прилпыл в салон и набрал в кубрике пакетиков с едой. Корабль еще спал, поэтому Карл сначала не торопясь позавтракал и только потом обратил внимание на показания бортового компьютера.

После этого он нырнул в люк в полу и оказался в рубке, где дежурила Кэтрин.

— Кто здесь? — спросил он задыхаясь. — Кто еще находится на корабле?

— Только Роман. Все остальные перешли на инопланетный корабль. А что?

— Дьявол!

— Да в чем дело?

— У тебя есть доступ к бортовому компьютеру?

— Я дежурная. Конечно, у меня есть доступ.

— Я имею в виду не телеметрию нашего корабля, а данные по зондам Виктории.

Кэтрин недоверчиво улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что они нашли золото?

— Какое золото! Зонд номер семь передал, что три часа назад обнаружил искомое. Я вошел непосредственно в сеть зондирования, чтобы запросить параметры поиска. И что же я вижу? Оказывается, эти мерзавцы ищут не золото, а уран!

— Уран? — Кэтрин пришлось загрузить программу поиска и отыскать в нейронной энциклопедии соответствующую позицию. — Господи, вот что им понадобилось...

— Представляешь? Его нельзя добыть ни на одной планете без ведома местных властей, потому что разработчиков живо засечет спутник. Но залежи урановой руды могут быть на астероидах. Здесь никто не разнюхает их затею.

— Я знала! Просто чуяла, что басня про золотые горы высосана из пальца.

— Вот и гадай теперь, кто они такие: террористы, сумасшедшие борцы за независимость Соноры, посланцы «черного» синдиката... Надо предупредить остальных: эту троицу нельзя пускать на «Леди Макбет»!

— Погоди, Карл. Кем бы они ни были, мы не можем бросить людей на инопланетном обломке. Если ты готов обречь их на смерть, это еще не значит, что капитан примет такое же решение.

— Как ты не понимаешь: если они вернутся, то ни ты, ни я, ни капитан уже не сможем принимать никаких решений. Ведь они знали, что мы догадаемся про уранинит, когда повстречаем рудный астероид, знали, что мы не захотим добровольно брать его на борт. Значит, они готовы на

все. У них есть оружие или боевые имплантаты. Йорга я давно разгадал: это наемный убийца. Нет, Кэтрин, их нельзя пускать на наш корабль.

— Господи... — Она схватилась за ручки кресла. К такой тяжелейшей ответственности Кэтрин не готовилась.

— Мы сможем уведомить капитана по нейронной связи? — спросил Карл.

— Не знаю. Теперь, когда кибермыши отключены, на лестницах инопланетного корабля установлены наши реле связи, но они не очень надежны: этот обломок ужасно искажает сигналы.

— Кто с капитаном в паре?

— Виктория. Вай работает с Шуцем, Антонио — с Йоргом.

— Свяжись с Вай и Шуцем. Пусть они вернутся первыми. Потом вызови капитана.

— Хорошо. Ступай вместе с Романом в шлюзовую камеру. Я возьму мазерные карабины... Черт!

— Что случилось?

— Ничего не выйдет. Командные коды доступа к оружию есть только у Марка. Без него мы бессильны.

Четырнадцатая палуба ничем не отличалась от других, где Марк и Виктория уже успели побывать.

— Около шестидесяти процентов площадей недоступны, — передал Марк. — Наверное, это главный инженерный уровень.

— Да, здесь столько кабелей, что мне трудно вносить их в каталог. — Виктория медленно водила из стороны в сторону магнитным сенсором.

Блок связи капитана зафиксировал кодированный сигнал с «Леди Макбет». От удивления он замедлил шаг и нашел в нейронной библиотеке код расшифровки.

— Капитан!

— В чем дело, Кэтрин?

— Вам необходимо вернуться на корабль. Немедленно, капитан! Причем без Виктории.

— Почему?

— На связи Карл. Зонды ищут не золото и не платину, а уран. Антонио и его дружки — террористы. Они мечтают об атомном арсенале.

Марк перевел взгляд на Викторию, дожидавшуюся его чуть поодаль.

— Где Шуц и Вай?

— Они уже возвращаются, — передала Кэтрин. — Мы ждем их через пять минут.

— Меня вам придется ждать не меньше получаса. — Не хотелось думать о четырнадцати этажах подъема при такой гравитации. — Готовьте корабль к старту.

— Капитан, Карл считает, что они вооружены.

И тут блок связи Марка зафиксировал еще один сигнал на нейронной линии.

— Карл совершенно прав, капитан, — передал Йорг. — Мы не только во всеоружии, но также располагаем великолепными программами дешифровки. Промашка, капитан: ваш код устарел еще три года назад.

Видя, что Виктория направляется к нему, Марк спросил:

— Что скажете про урановую руду?

— Согласен, она была бы нам полезна, — ответил Йорг. — Но обнаружение инопланетного корабля изменило Конфедерацию до неузнаваемости. Ведь так, капитан?

— Возможно.

— Не возможно, а совершенно точно. Теперь нам уран ни к чему.

— Какая резкая смена ориентиров!

— Прошу вас проявить серьезность, капитан. Мы не отключили зонды только потому, что не хотели вызывать у вас подозрений.

— Спасибо за заботу.

— Капитан! — вмешалась Кэтрин. — Шуц и Вай уже в шлюзовой камере.

— Надеюсь, вы не надумали улететь без нас? — спросил Йорг. — Это было бы в высшей степени неразумно.

— Вы собирались нас убить! — вмешался Карл.

— Прекратите истерику! С ваших голов не упало бы ни единого волоса.

— Допускаю, но только при условии, если бы мы вам повиновались и помогли убить тысячи людей.

Марк предпочел бы, чтобы Карл не был так категоричен. Ситуация осложнялась с каждой секундой.

— Что скажете, капитан? — обратился к нему Йорг. — «Леди Макбет» приспособлена к ведению боевых дейст-

вий. Не будете же вы утверждать, что никогда никого не убивали?

— Нам доводилось вступать в бой, но только с другими космическими кораблями.

— Только не выставляйте себя моралистом, капитан! Война есть война, не важно, какими средствами и с кем она ведется.

— Только когда солдаты сражаются с солдатами. В противном случае это не война, а террор.

— Послушайте, капитан, сейчас это не имеет значения. Глупо ссориться. Слишком велик выигрыш, который нас ждет, если мы будем заодно.

Йорг и Антонио обследовали палубы двенадцать и тринадцать. Добраться до шлюза раньше их было невозможно. К тому же они были вооружены. С другой стороны, пустить их теперь на «Леди Макбет» было бы верхом безрассудства.

— Они идут, капитан, — передала Кэтрин. — Их засек блок связи на лестнице.

— Виктория, приведи капитана в шлюз, — распорядился Йорг. — Всем сохранять спокойствие. Гарантирую жизнь. И конечно, долю в прибыли.

Марк представил себе варианты самообороны без оружия. Черная безликая фигура перед ним не шевелилась.

— Ну? — поддразнил Марк Викторию.

Программа тактического анализа подсказывала, что выбор у его противницы невелик. Из приказа Йорга можно было сделать вывод, что она вооружена, однако на поясе у Виктории не было ничего, кроме ядерного резака. Если она попытается достать спрятанное оружие, у Марка будет мгновение, чтобы напасть первым. В противном случае он просто сбежит. Она была гораздо моложе его, у нее лучше реакция, но генетические усовершенствования должны были при повышенной гравитации дать ему кое-какую фору.

Виктория отбросила свой сенсорный блок и потянулась рукой к поясу. Момент был благоприятный. Марк врезался в нее, используя свою массу как таран. Она покачнулась, а дальнейшее сделала гравитация: Виктория тяжело рухнула на пол. Марк выбил у нее из руки оружие, но оно не улетело далеко — помешала та же гравитация.

Виктория почувствовала резкую боль. Нейронная медицинская программа сообщила о переломе ключицы, но боль была тут же почти полностью заблокирована. Подчиняясь программе и не сознавая, что делает, Виктория увернулась от новых ударов, перекатилась по полу, шаря вокруг в поисках оружия. Марк бросился в конец коридора. Виктория выстрелила вдогонку, даже не успев прицелиться.

— Йорг! — передала она. — Я его упустила.

— Быстрее за ним!

Сенсоры сообщили Марку о зажигательных капсулах, отлетевших от стены в метре от него. Видимо, его подвергли обстрелу из лазерного оружия.

— Кэтрин! — передал он. — Немедленно убрать герметический рукав «Леди Макбет»! Закрыть внешний люк на кодовый замок. Они не должны попасть на корабль.

— Слушаюсь. Но как вернетесь вы сами?

— Действительно, капитан? — вставил Йорг.

— Пусть Вай будет наготове. Она мне понадобится.

— Надеетесь разрезать оболочку изнутри, капитан? У вас всего-навсего ядерный резак, а эту оболочку «охраняет» генератор молекулярного сцепления.

— Попробуй только напасть на капитана! — предостерег Карл. — Мы мигом вас изжарим. «Леди Макбет» вооружена мазерными пушками.

— А как насчет командных кодов? Сомневаюсь, что они у вас есть. Что скажете, капитан?

— Тишина в эфире! — приказал Марк. — Я выйду на связь, когда потребуется.

Усовершенствованные мышцы позволяли Йоргу подниматься по лестнице втрое быстрее Антонио. Вскоре тот безнадежно отстал. Йорг знал: главное — достичь шлюза. Поднимаясь, он свинчивал грозное оружие из внешне невинных предметов, висевших у него на поясе.

— Виктория! Ты его перехватила?

— Нет. Он сломал мне плечо. Не знаю, куда он исчез.

— Двигайся к ближайшей лестнице. Уверен, он бросился туда. Антонио, вернись к Виктории. Ищите его вместе.

— Ты шутишь? — возмутился Антонио. — Мало ли где он мог спрятаться...

— У него нет выбора. Он поднимается к шлюзу.

— Да, но...

— Хватит спорить! Не убивайте его, когда найдете: он понадобится нам живым. Капитан — наш пропуск наружу, понятно?

— Да, Йорг.

Добравшись до шлюза, Йорг задраил и загерметизировал внутренний люк, после чего открыл внешний. В пятнадцати метрах он увидел фюзеляж «Леди Макбет». Переходной рукав уже был убран.

— Так мы ни к чему не придем, капитан, — передал он. — Поднимитесь в шлюзовую камеру. Вам придется договариваться со мной, другого выхода нет. Мы втроем оставим на инопланетном корабле свое оружие и вернемся вместе с вами на «Леди Макбет». После возвращения в любой из космопортов никто из нас не упомянет о нашей размолвке. Разумное предложение?

Едва Шуц добрался до капитанской рубки, как поступило нейронное сообщение от Йорга.

— Дьявол! Он отсоединил наш кабель от блока связи, — сказал Карл. — Мы не можем связаться с капитаном.

Шуц мягко опустился на ускорительную кушетку и закрепил себя ремнями.

— Что теперь? — спросил Роман. — Без командных кодов мы совершенно беспомощны.

— Можно взломать оружейные шкафы и без кодов, — откликнулся Шуц. — Капитана им все равно не поймать. Мы отправимся туда с карабинами и выследим всю троицу.

— Этого я позволить не могу, — ответила Кэтрин. — Кто знает, чем они вооружены.

— Тогда голосуем.

— Я дежурная и несу полную ответственность за происходящее. Никакого голосования! Последний приказ капитана — ждать!

Она запросила у бортового компьютера канал связи с многоцелевым летательным аппаратом.

— Доложи готовность, Вай.

— Идет зарядка. Буду готова к полету через две минуты.

— Спасибо.

— Надо что-то делать! — не выдержал Карл.

— Для начала успокойся, — посоветовала ему Кэтрин. — Спешкой мы только навредим Марку. Он приказал Вай быть наготове, а значит, имел план.

Тут дверь капитанской каюты открылась, и в салон влетел Марк собственной персоной. Вся четверка изумленно вытаращила глаза.

— Если честно, никакого плана у меня не было.

— Как вам удалось вернуться? — спросил Роман.

Марк покосился на Кэтрин и криво усмехнулся:

— Мне помогла уверенность в своей правоте. «Тарелка» — это все-таки аварийный маяк.

— Ну и что? — непонимающе пролепетала Кэтрин.

Марк подплыл к своей ускорительной койке и надел ремни.

— А то, что червоточина не ведет на родину инопланетян.

— Вы догадались, как ею пользоваться! — воскликнул Карл. — Вы проникли в нее и вышли уже в «Леди Макбет»...

— Нет. Выхода из червоточины не существует. Инопланетяне действительно создали ее, чтобы спастись. Это их путь к спасению — здесь вы правы. Но не в пространстве, а во времени.

Интуиция привела Марка в зал с воротами. Как-никак, инопланетяне искали спасения именно здесь. Марк полагал даже, хотя не особенно стремился развивать эту мысль, что оказаться на родине инопланетян было бы для него предпочтительнее, чем быть пойманным Йоргом.

Он медленно обошел ворота. Бледно-сиреневое сияние, разлившееся в воздухе, не позволяло толком рассмотреть отверстие. Только это сияние и неясный гул свидетельствовали об огромном потреблении энергии объектом. Его тысячелетняя неизменность была насмешкой, бросала вызов здравому смыслу.

Вопреки всякой логике Марк остался при убеждении, что Кэтрин ошибалась. Зачем строить гигантский маяк, когда есть ЭТО? И другой вопрос: зачем поддерживать ЭТО в рабочем состоянии?

Видимо, хозяева придавали кораблю большое значение. Они построили червоточину в самом его центре и позаботились, чтобы ей ничто не угрожало. Им потребовалась надежность на многие тысячелетия. Но зачем спасательной установке одноразового пользования действовать тринадцать тысяч лет? Причина должна была существовать. Единственная причина, отвечающая элементарным требованиям логики, состояла в том, что хозяева рассчитывали когда-нибудь вернуться...

Силиконовый костюм не позволил Марку улыбнуться, но ничто не могло помешать его конечностям похолодеть. Догадка была проста и невероятна.

— Мы с вами решили, что инопланетяне должны были перейти в «пулевое время» и дожидаться спасателей, — объяснял Марк в рубке «Леди Макбет». — Люди поступили бы именно так. Однако уровень развития позволяет им решать проблемы принципиально иначе.

— Червоточина ведет в будущее! — проговорил Роман в восхищении.

— Вообще-то, она никуда не ведет, потому что ее внутренняя протяженность исчисляется в единицах времени, а не пространства. Пока существуют ворота, остается возможность путешествия. Инопланетяне построили свою «тарелку», тут же вошли в червоточину и вышли из нее, когда к ним прибыл спасательный корабль. Вот почему они постарались, чтобы ворота продержались так долго: ведь они должны были перенести их через огромный временной промежуток.

— Каким же образом червоточина помогла вам попасть сюда? — спросила Кэтрин. — Ведь вы оказались в инопланетном корабле сейчас, а не когда-то в прошлом.

— Червоточина существует до тех пор, пока существуют ворота. Это труба, открытая в любую секунду целого периода существования. Вы можете путешествовать по ней в любую сторону.

Марк приблизился к одной из черных изогнутых опор. Непосредственно под «пончиком» искусственная гравитация не действовала, чтобы инопланетяне могли в него забраться.

Он начал штурмовать опору. Сначала это было очень трудно: обхватив опору, он подтягивался на руках, что при такой сильной гравитации было крайне тяжело. Наконец он прополз по всей изогнутой опоре и оказался над червоточиной. Марк балансировал на узкой перекладине, сознавая, что падение может стоить ему жизни.

Отсюда «пончик» имел тот же вид: кольцо вокруг серой мембраны. Марк перенес одну ногу через край экзотической материи и прыгнул.

Мембрана не оказалась препятствием. Внутри червоточины гравитация отсутствовала, но двигаться было очень трудно. Казалось, конечности обволокло какой-то жидкостью, хотя сенсоры регистрировали абсолютный вакуум.

Стенки червоточины казались неплотными, их вообще нелегко было разглядеть в слабом свете, просачивающемся сквозь мембрану. Потом на равном расстоянии от внутренней поверхности появилось пять узких желтых полосок света. Они протянулись от края мембраны к точке в невообразимой дали.

Марка притянуло к стенке, его ладонь прилипла к ней. Он отодрал ладонь, вернулся к мембране, просунул сквозь нее руку, а затем с опаской и голову.

В зале не было заметно каких-либо перемен. Марк включил блок связи в поисках сигнала и нащупал волну реле, установленного на лестнице. Провала во времени не произошло.

Он вернулся в червоточину. Он не мог себе представить, что инопланетянам приходилось проползать ее насквозь: ведь противоположный конец отстоял от мембраны на тринадцать тысяч лет! Марк нашел в нейронной библиотеке инопланетный код активации и запустил его. Полосы света из желтых стали синими.

Он поспешно отключил код, и полосы снова пожелтели. Марк выбрался из червоточины. На сей раз блок связи не принимал никаких сигналов.

— Это было десять часов назад,— объяснил Марк своей команде.— Я вылез из люка и прошел по рукаву в корабль. По пути я миновал тебя, Карл.

— Вот черт! — прошептал Роман.— Машина времени...

— Сколько вы были в червоточине? — спросила Кэтрин.

— Какую-то пару секунд.

— Десять часов за две секунды. — Она помолчала, производя вычисления. — Год за полчаса. Черепаший шаг! Как же они умудрились перенестись в будущее на две тысячи лет?

— Возможно, время идет быстрее по мере погружения, — предположил Шуц. — Еще вероятнее, что для изменения скорости требуются специальные коды доступа.

— Может быть, — согласился Марк, после чего подключился к бортовому компьютеру и отсоединил крепления, удерживавшие «Леди Макбет» на инопланетном корабле. — Прошу определить готовность к старту.

— А как же Йорг и остальные? — спросил Карл.

— Мы допустим их на борт только на своих условиях, — ответил Марк. — Они должны явиться к нам безоружными и сразу перейти в «нулевое время». Дома, на Транквилити, мы передадим их Службе безопасности.

В его мозгу возник багровый вектор курса. Он включил маневровые двигатели. «Леди Макбет» поднялась над оболочкой инопланетного корабля.

Йорг увидел «фонтанчики». Это был отстрел креплений. Он прощупал окулярами всю окружность и обнаружил фалы — узенькие серые змейки на фоне оранжевых частиц кольца. Потом по окружности корабля заработали маневровые двигатели, выбрасывая янтарные языки раскаленного газа.

— Что вы затеяли, Кэтрин? — встревоженно спросил Йорг.

— Она выполняет мои приказания, — ответил за нее Марк. — Идет подготовка корабля к пространственному прыжку.

Йорг наблюдал, как поднимается корабль. Несмотря на свои колоссальные размеры, он двигался необыкновенно грациозно. Йоргу показалось, что в его дыхательную трубку перестал поступать кислород, все его мышцы словно парализовало.

— Калверт... Но как?!

— Как-нибудь потом расскажу. А сейчас ты должен согласиться на ряд условий. Только в этом случае я впущу тебя и твоих друзей на борт.

Йорга охватила лютая злоба, он машинально потянулся за оружием. Калверт обвел его вокруг пальца!

— Немедленно назад!

— Ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

«Леди Макбет» поднялась уже на двести метров. Йорг прицелился. В его мозгу появилась зеленая прицельная таблица. Мишенью был один из водородных двигателей. Он отдал по нейронной связи приказ лазеру открыть огонь.

— Падение давления в третьем водородном двигателе! — крикнул Роман.

— Пробита обшивка нижнего отражательного кольца. Он в нас попал, Марк! Господи, он открыл огонь из лазера!

— Откуда у него подобное оружие? — прошептал Карл.

— Не важно. Главное, у него не хватит энергии на много выстрелов, — сказал Шуц.

— Позвольте мне дать по нему залп! — взмолился Роман. — От него мокрого места не останется!

— Марк! — крикнула Кэтрин. — Теперь он угодил в узел пространственного прыжка. Останови его!

Марк мысленным взором увидел комплексную схему всех систем корабля, потом схему каждой системы в отдельности. Он знал все их параметры наизусть. Боевые системы уже приводились в действие, мазерные пушки напитывались энергией. Через семь секунд прицеливание, потом — залп.

Но семь секунд — недопустимо долго. Существовал один-единственный агрегат, способный на более стремительный отклик.

— Держитесь! — крикнул Марк.

Через две секунды после включения ожили водородные двигатели, предназначенные для боевого маневрирования. Два пера раскаленной плазмы прожгли сначала оболочку инопланетного обломка, потом стали прожигать одну его палубу за другой. Шлюз, в котором засел Йорг, находился далеко от мест, в которые били огненные струи, но его судьба все равно была незавидной: на таком малом расстоянии силиконовый скафандр не мог уцелеть.

От чудовищного нагрева все, что могло взорваться на инопланетном корабле, разом взорвалось. Астероид озарило ослепительным светом и сотрясло могучей взрывной волной. Огромные куски породы разлетелись в разные стороны. Башня-антенна сломалась у основания и канула во тьму.

Потом процесс уничтожения как будто пошел вспять. Световой шар съежился и потух, словно задутый нечеловеческим дыханием.

На протяжении финального этапа катастрофы инопланетного корабля экипаж «Леди Макбет» терпел ускорение в пять g. В мозгу Марка появились сигналы навигационной системы.

— Возвращаемся, — передал он по нейронной связи. При этом ускорении было невероятно трудно произносить слова. — Господи, даже при такой тяге нас тащит обратно...

Огненный шар за бортом становился сиреневым, астероид пошел чудовищными черными трещинами и окончательно раскололся на куски.

Капитан приказал бортовому компьютеру включить системы пространственного прыжка.

— Не подведи, старушка! — С этой мыслью Марк отдал команду совершить прыжок.

Горизонт событий поглотил фюзеляж «Леди Макбет».

Позади, в сердце новорожденной микрозвезды, разрушалась под действием гравитационного поля червоточина. Вскоре на том месте не осталось ничего, кроме распадающегося на глазах комочка углей.

На расстоянии трех прыжков от Транкилити Кэтрин заглянула в каюту Марка. «Леди Макбет» неслась к координатной точке следующего прыжка. Марк сидел в черном пенокерамическом кресле. Впервые Кэтрин заметила, что капитан уже не молод.

— Я пришла, чтобы попросить прощения, — сказала она. — Напрасно я в тебе усомнилась.

Он слабо махнул рукой:

— «Леди Макбет» создана для сражений. Она может вынести нас из самых мощных гравитационных полей. С другой стороны, у меня не было выбора. Не беда: мы лишились

всего трех двигателей, считая тот, в который попал беднягa Йорг.

— Корабль непревзойденный, а ты отличный капитан. Я остаюсь с тобой, Марк.

— Спасибо. Только я не знаю, как все сложится дальше. Замена трех двигателей — дорогое удовольствие. Я снова сильно задолжаю банкам.

Кэтрин показала на ряд прозрачных пузырей с древними электронными платами.

— Ты можешь и дальше торговать навигационными компьютерами из отделяемых аппаратов серии «Аполлон».

— По-моему, это барахло уже мало кому нужно. Ничего, я знаком с одним капитаном на Транкилити, который купит у меня еще несколько штук. Так я, по крайней мере, смогу расплатиться с вами за полет.

— Брось, Марк, вся индустрия астронавтики по уши в долгах. Никогда не понимала экономических основ космоплавания!

Он закрыл глаза и устало улыбнулся:

— Еще немного, и мы бы стали спасителями всей человеческой экономики.

— Да, не хватило совсем чуть-чуть.

— С помощью червоточины я изменил бы прошлое. Технология инопланетян изменила бы будущее. Мы могли бы переписать историю.

— По-моему, это не такая уж блестящая идея. Но как вышло, что ты не предупредил нас о Йорге, когда вылез из червоточины?

— Наверное, от испуга. Я слишком плохо разбираюсь в теории временны́х перемещений, чтобы проверять рискованные парадоксы. Более того, я не уверен даже, что остался тем самым Марком Калвертом, который причалил на «Леди Макбет» к обломку инопланетного корабля. Представь, что путешествие во времени невозможно, зато существуют параллельные реальности. В таком случае я не сбежал в прошлое, а просто сместился чуть в сторону.

— По-моему, вид и голос у тебя совершенно такие же, какие были раньше.

— Могу сказать то же самое о тебе. И все же: вдруг мой экипаж по-прежнему томится в обломке, дожидаясь результатов моих переговоров с Йоргом?

— Прекрати, — тихо сказала Кэтрин. — Ты — Марк Калверт и находишься там, где должен находиться, — на своем корабле «Леди Макбет».

— Конечно.

— Инопланетяне не создали бы червоточину, если бы не были уверены, что попадут с ее помощью на свою планету, а не куда-нибудь еще. Они — народ толковый.

— Да, они действовали безошибочно.

— Интересно все-таки, откуда они прилетели?

— Теперь мы никогда этого не узнаем. — Марк поднял голову и попытался разогнать свою меланхолию иронической улыбкой. — Надеюсь, что они благополучно вернулись домой.

ДЭВИД ВЕБЕР

Гардемарин Харрингтон

Дэвид Вебер (р. 1952) живет в Южной Каролине. Информацию об авторе можно найти на www.davidweber.net. Краткая биографическая справка гласит: «Дэвид Марк Вебер является членом Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA), Американской ассоциации малого бизнеса (The American Small Business Association) и Национальной стрелковой ассоциации (National Rifle Association). Среди его увлечений — военная история, стратегические и ролевые компьютерные игры военной тематики, художественные миниатюры и стрельба из пистолетов и винтовок». На просьбу рассказать о себе более подробно Вебер ответил следующее: «В пятнадцать лет я начал писать рекламные тексты... После школы работал копирайтером, наборщиком (бьюсь об заклад, я один из последних в целом мире, кто умеет работать на линотипе), корректором и время от времени верстальщиком». Он посещал два колледжа, получил высшее образование в области истории, окончил магистратуру и вернулся домой, чтобы заняться рекламным агентством матери. «Видите ли, я не слишком вписывался в политическую и идеологическую атмосферу студенческих кампусов конца 1970-х», — говорит он.

«Я немного занимался дизайном военных компьютерных стратегий, а в середине 1980-х я и Стив Уайт начали обмениваться рассказами по мотивам игровой вселенной „Звездного Огня“ („StarFire“)... Мы осознавали, что взялись, по сути, за написание крупного произведения, хотя в то время ни один из нас серьезно о таких вещах не думал. В результате наш опус насчитывал двести восемьдесят тысяч слов». Претерпев значительные сокращения, роман был издан в 1989 году издательством «Баен Books», которое вскоре после этого приобрело у Вебера права на издание еще семи романов.

Таким образом, начиная с 1990-х все его работы, будь то фэнтези или НФ, печатало именно это издательство. Вебер весьма плодовитый автор и до сих пор охотно сотрудничает с другими писателями.

Среди недавних работ — «Тень Саганами» («The Shadow of Saganami», 2004), «Нас мало» («We Few», 2005), «Болo!» («Bolo!», 2005). Издательская аннотация сообщает: «Диапазон его таланта весьма широк: от эпического

фэнтези („Клятва мечей" („Oath of Swords", 1995), „Гвардия бога войны" („The War God's Own", 1998)) до захватывающей дух космической оперы („Дорога ярости" („Path of the Fury", 1992), „Наследие Армагеддона" („The Armageddon Inheritance", 1994) и военной научной фантастики (знаменитый и невероятно популярный цикл о Хонор Харрингтон[1])». Менее чем за десять лет Вебер стал, пожалуй, самым продаваемым автором космической оперы в Соединенных Штатах.

В «Википедии» о Вебере сказано следующее: «Многие из его произведений затрагивают военную, в частности военно-морскую тематику и относятся к милитаристскому направлению научной фантастики. Он бросает вызов современной системе гендерных ролей в военной среде, допуская, что в будущем положение полов окажется равным. Вебер зачастую делает главным персонажем женщину, которая становится свидетелем и активным участником различных военных и политических событий. Цикл о самой известной его героине — Хонор Харрингтон — насчитывает тринадцать романов и четыре антологии».

Вебер говорит: «Это же очевидно, что если мы сосредоточимся не просто на гендерном равенстве, а на равенстве человеческом, то лет этак через пятьсот или тысячу последнее сделается свершившимся фактом». И продолжает: «Даже в западной цивилизации равноправие полов не повсеместно, а за ее пределами оно вообще превращается в пустые слова. Для дискуссий на подобные темы идеальна фантастика, описывающая ближайшее будущее. Но НФ о далеком будущем более подходит для описания борьбы за равенство, которая заканчивается победой. Так происходит во вселенной Хонор Харрингтон».

Хонор Харрингтон — молодая женщина, поднимающаяся по карьерной лестнице военного флота Мантикоры на протяжении всего сериала. Она напоминает дерзких, ярких, бесстрашных героинь Роберта Хайнлайна. У нее есть друг-пришелец, шестилапый разумный древесный кот, всегда сидящий на ее плече и прекрасно понимающий человеческую речь, хотя сам он говорить не может. Нимиц — так его зовут — способен воспринимать чужие эмоции и транслировать их в сознание Хонор, что позволяет ей распознавать любую ложь. На создание цикла о Харрингтон повлияла серия романов Сесила Форестера о Горацио Хорнблауэре, капитане британского королевского флота конца

[1] В русских изданиях, как правило, Виктория Харрингтон.

XVIII — начала XIX веков. Вебер склонен долго и подробно описывать корабельные маневры и боевую тактику, порой в ущерб сюжетной линии, но большинство фанатов находят эту черту весьма привлекательной.

«С самого начала я планировал нечто большее, чем просто цикл произведений о Хонор Харрингтон. Эта сага действительно о ней. Но кроме того, это еще и попытка рассказать историю о долгой войне с точки зрения каждой из воюющих сторон. У меня появляется возможность, редкая, как мне кажется, в данном жанре, исследовать некоторые действительно серьезные вопросы. Я уверен, что авторы военной НФ несут ответственность за то, что пишут. Следует избегать смягчения красок там, где показана жестокость, нельзя считать обыденными причины и особенно последствия военного конфликта. А зачастую автор идет по пути упрощения, например изображает противника жестоким, бездушным, бесчеловечным. В своем цикле о Харрингтон я постарался не делать этого».

Отзыв одного из поклонников таланта Вебера, Шелдона Брауна, на его же веб-сайте (www.sheldonbrown.org/honorharrington.html): «Мантикора — это капиталистическая система, основанная на принципе невмешательства и делающая кого угодно преуспевающим и богатым. Народная Республика Хевен — это благодатный край, где семьдесят пять процентов населения живет на пособия. Хевен пропагандирует политику „хлеба и зрелищ", но, поскольку трудоспособность населения невелика, единственный способ поддерживать экономику на плаву — завоевывать более продуктивных, но хуже вооруженных соседей». Иными словами, это та самая космическая опера, которую большинство британских читателей «любят ненавидеть» за милитаризм и правую политику. Несмотря на это, цикл занимает ведущее место среди фантастических бестселлеров в США, обзоров данной серии немного. Современная американская критика НФ, под стать британской, не жалует ни военную фантастику, ни Вебера. Тем не менее и жанр, и писатель невероятно популярны и востребованы.

Сам Вебер говорит: «В данный момент существуют замыслы еще как минимум пятнадцати книг о Хонор Харрингтон. События последних двух-трех произведений явно намекают на то, что Хонор, ее друзей и многих ее врагов ждут новые, куда более опасные во всех отношениях приключения. Думаю, смена сюжетной линии поможет циклу сохранить свежесть и привлекательность».

— Похоже, это ваш салага, главстаршина.

В низком голосе морпеха-часового слышалось злорадное сочувствие. Подобным тоном морпехи обычно сообщали флотским «звездоплюям» о том, что на них горят брюки или о чем-нибудь столь же занимательном. Главный старшина Роналд Шелтон проигнорировал тон «бронецефала» с привычным пренебрежением высшей формы жизни к низшей. Хотя на сей раз сделать это было немного труднее обычного. Проследив за едва заметным кивком капрала, Шелтон взглядом выхватил указанный объект из толпы, заполнявшей галерею космического дока. Конечно, она была *чьим-то* салагой: наметанный глаз старшины не мог ошибиться. Гардемаринская униформа безупречна и, как и плывший следом антигравитационный сундучок, такая новая, что, казалось, поскрипывала. Сундучок, кстати, выглядел странно — как будто сверху к нему было принайтовлено еще что-то в половину его размера. Шелтон не придал этому большого значения: гардемарины вечно появлялись с чудными личными вещами, которые, по их мнению, не нарушали Устава. В большинстве случаев новички заблуждались, но разобраться с этим можно будет позже, если салага окажется на борту корабля Шелтона. А она, похоже, направлялась именно к стыковочному рукаву «Воительницы» — хотя, возможно, и по ошибке.

Хорошо бы.

Гардемарин была высокой девушкой, выше Шелтона, с коротко подстриженными темно-каштановыми волосами и серьезным угловатым лицом, на котором особенно выделялись нос — его милосердно можно было назвать крупным — и огромные миндалевидные глаза. И огонь, горевший в этих глазах, был достаточно ярок, чтобы любой опытный старшина застонал от безысходности.

Выглядела она лет на тринадцать — значит, скорее всего, являлась реципиентом пролонга третьего поколения. Но оттого что старшина понял это, девушка не показалась ему более зрелой. Однако, признал он с неохотой, на нее приятно смотреть. Она двигалась грациозно, с уверенностью, не свойственной юности, и лавировала в толпе легко, словно танцуя.

Если бы Шелтон увидел только это, то он, вероятно (предварительно и с определенной надеждой), оценил бы

девушку немного выше среднего уровня тех молодых людей, которых флотским старшинам приходилось превращать из неуклюжих новичков в профессионалов. Но, к сожалению, было еще кое-что. Шелтону потребовался весь его тридцатичетырехлетний опыт службы, чтобы не выдать смятения при виде остроухого, усатого шестилапого сфинксианского древесного кота, восседавшего у салаги на плече.

Древесный кот. Древесный кот на *его* корабле! И в гардемаринском кубрике к тому же! Одной этой мысли было достаточно, чтобы вызвать зуд у человека, уважающего порядок и флотские традиции. Шелтон чувствовал сильное искушение развернуться и придушить морпеха, усмехавшегося у него за плечом.

Еще несколько секунд главный старшина позволял себе надеяться, что девушка пройдет мимо «Воительницы» к другому кораблю или что она просто заблудилась. Но эти жалкие надежды неумолимо таяли по мере ее приближения к стыковочной трубе тяжелого крейсера.

Шелтон и морпех отдали честь, и девушка ответила им с решительностью, в которой смешались возбуждение новичка и странная зрелость. Новенькая смерила Шелтона мимолетным, почти незаметным взглядом, но слова ее были адресованы исключительно часовому.

— Гардемарин Харрингтон прибыла, чтобы присоединиться к экипажу, капрал, — произнесла она с отчетливым сфинксианским акцентом, достала из кармана кителя карту памяти в стандартном флотском чехле и протянула ему.

Морпех взял карту и вставил ее в свой планшет. Старшина отметил, что у новенькой мягкое и мелодичное сопрано, неожиданное для девушки такого роста. В ее голосе не прозвучало ни колебаний, ни смущения, однако Шелтон засомневался, способен ли человек, выглядящий так молодо, проявить надлежащую для командования властность? Он не позволил этим мыслям отразиться на лице, но кот на плече девушки повернул голову и, подергивая усами, уставился на Шелтона яркими травянисто-зелеными глазами.

— Так точно, мэм, — сказал морпех, когда данные карты совпали с занесенными в его планшет и он получил под-

тверждение того, что у миз[1] гардемарин Харрингтон имеется соответствующее распоряжение, а следовательно, официальное право подняться на борт «Воительницы». Он вынул карту, вернул ее девушке, а затем кивком указал на старшину.— Полагаю, что главный старшина Шелтон ожидал вас,— произнес он все с той же раздражающей ноткой плохо скрываемого веселья.

Харрингтон повернулась к главстаршине и приподняла бровь. Это слегка удивило Шелтона. Он более тридцати стандартных лет наблюдал салаг, которые прибывали для прохождения практики, и блеск в глазах девушки явственно свидетельствовал о том, что она была так же возбуждена и напряжена, как и любой из них. Но в этой приподнятой брови ощущалась властность или, возможно, уверенность в себе — ни в коем случае не то нарочитое превосходство, которое иной салага напускает на себя, чтобы скрыть тревогу или отсутствие самообладания. Нет, это движение было слишком естественным. Этот спокойный, безмолвный вопрос, в котором не было ни высокомерия, ни самозащиты, породил в Шелтоне слабую надежду. Главстаршина подумал, что в девчонке может оказаться стальной стержень. В то же мгновение кот опять повел усами в его сторону, и старшина мысленно встряхнулся.

— Главный старшина Шелтон, мэм,— услышал он собственный голос.— Если вы последуете за мной, я провожу вас к старпому.

— Благодарю, главстаршина,— ответила она и направилась вслед за ним в трубу.

Вместе с котом.

Плывя по трубе за главстаршиной Шелтоном, Хонор Харрингтон очень старалась не показывать волнения, но это было нелегко. Она стремилась к этому мгновению добрую половину жизни, ради него много трудилась на Острове Саганами последние три с половиной стандартных года. Теперь она была здесь, и возбуждение стремительно росло. Достигнув конца трубы, она ухватилась за поручень и вслед за Шелтоном забралась в область внутренней гравитации

[1] Современное американское обращение к женщине вне зависимости от ее семейного положения.

тяжелого крейсера. Для самой Харрингтон это был символический момент перехода с космической станции Его Величества «Гефест» на борт КЕВ[1] «Воительницы». Сердце ее забилось сильнее от вида королевского космического корабля, от его особенных, ни с чем не сравнимых звуков и запахов. Все вокруг неуловимо отличалось от того, что было на космической станции, оставшейся позади. Несомненно, это всего лишь игра воображения — ведь на самом деле обстановка на всех космических объектах была схожей, — но ощущение чего-то иного, особенного, ожидающего именно ее не оставляло Харрингтон.

Древесный кот у нее на плече издал мягкий ворчливый звук, и ее губы чуть изогнулись в ответ. Нимиц понимал радость Хонор и неизбежный в этой ситуации трепет. Но, как и все коты-эмпаты, он был прагматиком до глубины души и оценил состояние девушки как излишнее возбуждение. А он сознавал, что ей необходим полный самоконтроль, чтобы правильно поставить себя с первой же минуты пребывания на борту «Воительницы». Хонор почувствовала, как когти Нимица вонзились в специально укрепленное плечо кителя, напоминая о том, что надо держать себя в руках.

Она потрепала кота по ушам, признавая его правоту. В тот же миг ее ноги коснулись палубы «Воительницы» перед самой линией, обозначающей официальную границу между космической станцией и кораблем. Харрингтон, по крайней мере, не попала в неловкую ситуацию, в отличие от своего однокурсника, приземлившегося не с той стороны такой линии во время одного из коротких тренировочных полетов в ближнем космосе. Она едва не рассмеялась при воспоминании об уничтожающем взгляде, которым тогда наградил беднягу-гарда дежурный офицер. Но Хонор подавила неуместный порыв, немедленно вытянулась по стойке смирно и отдала честь дежурному офицеру этого шлюпочного отсека.

— Прошу разрешения подняться на борт, чтобы присоединиться к экипажу, мэм! — отчеканила она.

Энсин с песочного цвета волосами смерила Хонор прохладным, оценивающим взглядом и отдала честь в ответ.

---

[1] *КЕВ* — Корабль Его Величества.

Отняв руку от края берета, она сразу, без лишних слов протянула ее. Харрингтон достала карту с приказами. Дежурный офицер проделала все то же, что и морпех-часовой: вставила карту в планшет, кивнула, вынула карту и возвратила владелице.

— Разрешение дано, миз Харрингтон, — произнесла энсин менее решительно, чем Хонор, но с куда большим достоинством. Все-таки она была минимум на стандартный год старше Харрингтон, и ее практика благополучно осталась позади. Энсин бросила взгляд на Шелтона, и Хонор отметила, что плечи офицера чуть расслабились и голос прозвучал не столь официально, когда она обратилась к нему: — Действуйте, главный старшина.

— Есть, мэм, — ответил Шелтон и вежливо предложил Харрингтон следовать за ним к лифтам.

Лейтенант-коммандер Абнер Лэйсон, сидя за столом, делал вид, что придирчиво изучает документы той, что могла стать его новой головной болью. Гардемарин Харрингтон замерла, выпрямившись и сложив руки на коленях; голени ее составляли с палубой идеально прямой угол, взгляд был прикован к переборке сантиметрах в пятнадцати над головой Лэйсона. Когда коммандер предложил ей сесть в кресло, вместо того чтобы оставить стоять, пока он не закончит с документами, она вроде бы смутилась. Но даже если это было так, в дальнейшем Харрингтон выглядела вполне уверенной в себе. Разве что ее древесный кот все время подергивал кончиком хвоста — возможно, как раз потому, что гардемарин испытывала больше беспокойства, чем старалась показать. Лэйсон не сомневался в правильности своей догадки, и ему было интересно, как Харрингтон удавалось так легко скрывать смущение.

Взгляд его вернулся к экрану и побежал по скупым официальным строчкам, составлявшим личное дело Хонор Харрингтон. Лэйсон гадал, что же заставило капитана Бахфиша специально запросить такой... странный приз при распределении гардемаринов на практику.

Молода, подумал он. Хотя пролонг третьего поколения и заставлял ее выглядеть моложе своих календарных лет, все-таки ей было только двадцать. Академия гибко подходила к возрасту поступающих в нее, но большинство

становились гардемаринами примерно в восемнадцать-девятнадцать стандартных лет. Харрингтон при поступлении едва исполнилось семнадцать. Это было еще более удивительно при, казалось, полном отсутствии аристократических связей, патроната и заинтересованности в верхах. С другой стороны, баллы Харрингтон на Острове Сагами были великолепными — за исключением нескольких скверных оценок по математике, — а от инструкторов командных и тактических симуляторов она получила одни только «отлично» и «превосходно». Это стоило отметить. Хотя, напомнил себе Лэйсон, многие отличники Академии в условиях реальной флотской службы оказывались сущим разочарованием. Отменные результаты теста на кинестезию[1], хотя данное качество в последнее время считалось все менее важным. Также очень высокие баллы за пилотажный спецкурс, более того — брови Лэйсона едва заметно приподнялись, — новый рекорд Академии по планированию! Но она, вероятно, очень упряма. Может быть, даже безрассудна — об этом свидетельствовал официальный выговор в ее личном деле за пренебрежение показаниями приборов. И коллекция замечаний за несоблюдение дисциплины в воздухе тоже настораживала. Хотя все они, похоже, относились к одному и тому же происшествию...

Лэйсон заглянул в соответствующий раздел досье Харрингтон и, не удержавшись, фыркнул. Он сумел замаскировать свою реакцию достаточно убедительным кашлем, но, когда взялся читать приложенную заметку, его губы тронула улыбка. Так-так, пролетела на бреющем над яхтой Коменданта во время Регаты? Неудивительно, что Хартли обрушил на нее громы и молнии! Хотя он наверняка был о ней высокого мнения, раз ограничился замечаниями. Впрочем, возможно, дело тут в ее напарнице по преступлению. Не мог же Хартли исключить из Академии племянницу короля, верно? Уж во всяком случае, не за что-то менее тяжкое, чем предумышленное убийство...

Лэйсон вздохнул, откинулся в кресле, потирая переносицу, и взглянул на Хонор из-под руки. Древесный кот его

[1] *Кинестезия* — чувство положения собственного тела и его членов, отточенная координация движений.

беспокоил. Лейтенант знал, что формального повода для тревоги нет, поскольку предписания по этому вопросу были недвусмысленны со времен правления королевы Адриенны. Нет законного основания разлучать девушку с этим созданием, к тому же они вместе сумели пройти Академию, явно не подняв большой волны. Но космический корабль намного меньше Острова Саганами, и она будет не единственным гардемарином на борту.

Во время длительного выполнения задания сложно будет контролировать зависть и ревность, а Харрингтон окажется единственным человеком на борту, которому позволено взять с собой домашнее животное... Да, Лэйсон знал, что коты не были на самом деле домашними животными. Он никогда этим особенно не интересовался, но разумность древесных котов являлась доказанным фактом, так же как и то, что, установив эмпатическую связь с человеком, они не могут разлучиться с ним без тяжелых последствий для обеих сторон. Но они *выглядели* как домашние животные, а большинство граждан Звездного Королевства знали о них еще меньше Лэйсона, и это порождало непонимание и недовольство. А новый помощник тактика, которого направило на «Воительницу» Главное управление личного состава (в обязанности офицера, занимавшего эту должность, обычно входило наблюдение за дисциплиной и ходом обучения доставшихся кораблю гардемаринов), только усугублял тревогу Лэйсона по поводу вероятных последствий пребывания кота на борту. У старпома еще не нашлось времени как следует узнать помощника тактика, но то, что он уже успел понять, не внушило Лэйсону большой уверенности в компетентности новичка.

Но даже присутствие кота заботило Лэйсона меньше, чем другое обстоятельство. У капитана должна была быть какая-то причина, чтобы запросить себе Харрингтон, но как бы старпом не силился, он не мог вообразить, в чем же она заключается. Подобные запросы обычно представляли собой фишки в игре патроната, в которую столь усердно играли старшие офицеры Флота. Оказывая поддержку сыну, дочери или другому младшему родственнику высокопоставленного патрона, можно было заручиться его признательностью или, наоборот, отблагодарить за такую же услугу. Однако Харрингтон была дочерью йомена,

и, по всей видимости, с аристократией ее связывало только то, что она прожила чуть более двух лет в одной комнате с младшей дочерью графа Золотого Пика. Это было достаточно почетное знакомство, но Лэйсон не видел, каким образом капитан смог бы им воспользоваться. Так в чем же тогда причина? Лэйсон не понимал, и это его беспокоило: ведь хороший старший помощник обязан знать обо всем, что может повлиять на отлаженную работу экипажа, за которую он отвечает перед своим капитаном.

— Кажется, все в порядке, миз Харрингтон, — сказал он через мгновение, опустив руку и позволив креслу вновь выпрямиться. — Лейтенант Сантино, наш помощник тактика, будет ответственным за ваше обучение. Когда мы с вами закончим, главстаршина Шелтон проводит вас до Салажьего Уголка. Вы разместитесь, а потом сможете доложиться Сантино. Но я завел себе привычку беседовать несколько минут с каждым прибывающим гардемарином. Это дает мне возможность узнать его и прикинуть, насколько он впишется в экипаж «Воительницы».

Он сделал паузу, и Хонор почтительно кивнула.

— Возможно, вам стоит начать с того, чтобы описать мне — вкратце, конечно, — причины, которые привели вас на службу, — предложил он.

— Причин было несколько, сэр, — произнесла она после короткой паузы. — Мой отец был флотским врачом до того, как ушел в отставку и завел частную практику, так что лет до одиннадцати я вела жизнь флотского сорванца. Еще я всегда интересовалась историей Флота, начиная со времен Земли до эры Расселения. Но, полагаю, самой важной причиной была Народная Республика, сэр.

— В самом деле? — Лэйсон не до конца сумел скрыть удивление.

— Да, сэр. — Тон ее был одновременно почтительным и задумчивым, но, кроме того, очень серьезным. — Я верю в то, что война с Хевеном неизбежна, сэр. Не прямо сейчас, но через некоторое время это произойдет.

— И вы хотите быть там, где слава и приключения, так ведь?

— Нет, сэр. — Выражение лица Хонор не изменилось, несмотря на укол в вопросе старшего помощника. — Я хочу

помочь защитить Звездное Королевство. И я *не желаю* жить под владычеством хевов.

— Понимаю, — сказал Лэйсон и еще несколько секунд изучал ее.

Подобную точку зрения он ожидал бы услышать от кого-то из более старших — как в смысле звания, так и возраста — офицеров, но не от двадцатилетнего гардемарина. Однако именно по этой причине Королевский Флот Мантикоры в настоящее время переживал самое значительное расширение за всю свою историю, а выпуск Хонор был на десять процентов больше предыдущего. И все же, как только что отметила Харрингтон, неизбежная война относилась к неопределенному будущему.

Ответ Хонор так и не пролил свет на то, почему капитан Бахфиш хотел видеть ее на борту «Воительницы».

— Что ж, миз Харрингтон, — наконец произнес Лэйсон, — если вы хотите помочь защитить Звездное Королевство, то вы, безусловно, пришли туда, куда следует. И у вас будет возможность приступить к делу даже немного раньше, чем вы ожидали, поскольку мы отправляемся в Силезию в антипиратский патруль. — При этих словах девушка еще больше выпрямилась в кресле, а кот перестал дергать хвостом, который, изогнувшись, застыл в форме вопросительного знака. — Но если вы не лелеете мечту о славе, то постарайтесь и не думать о ней в ближайшем будущем. Вы наверняка уже устали это выслушивать, но именно практика станет для вас настоящим выпускным экзаменом.

Он помедлил, внимательно ее разглядывая, а она серьезно кивнула. Харрингтон, как и все гардемарины, занимала неопределенное положение. Официально она являлась кандидатом в офицеры, имеющим звание гардемарина, но не аттестованным как офицер. Такое звание давало ей временное место в цепочке командования «Воительницы», однако это не означало, что у нее будет хоть какая-нибудь должность где бы то ни было *после* завершения рейса. Диплом Академии девушке, безусловно, выдадут, учитывая ее оценки и общую успеваемость, но проваленная практика запросто могла стоить ей карьеры, ведущей к командованию кораблем. В конце концов, Флот всегда испытывал потребность в штабных офицерах, которые по долгу службы

оказывались вне цепочки командования. Кандидата, упустившего первый шанс принять на себя ответственность за пределами учебного заведения, никто не желал видеть в роли капитана королевского корабля. Ну а если Хонор проколется в рейсе слишком сильно, то может вместе с дипломом получить официальное извещение Короны о том, что в ней не нуждаются *ни в каком качестве*.

— Вы здесь для того, чтобы учиться, а мы с капитаном будем внимательно оценивать ваши успехи. Если вы надеетесь сами однажды стать капитаном, рекомендую постараться, чтобы эти оценки были положительными, — произнес наконец Лэйсон. — Надеюсь, вы это понимаете?

— Да, сэр!

— Хорошо. — Он смерил ее долгим взглядом и слегка улыбнулся. — Согласно флотской традиции, гардемарин, выживший на Острове Саганами, должен быть подобен кошке. Швырните его прямо в службу, и он приземлится на ноги. По крайней мере, именно такой тип гардемаринов Академия *пытается* вывести, и именно этого будут ожидать от вас как от члена экипажа «Воительницы». Однако в вашем случае есть особое, отягчающее обстоятельство. И я уверен, вы понимаете. А именно, — старпом подбородком указал на древесного кота, устроившегося поперек спинки ее кресла, — ваш... спутник.

Он сделал паузу, наблюдая за ее реакцией. Но Харрингтон все так же спокойно смотрела ему в глаза, и Лэйсон мысленно отметил ее самообладание.

— Без сомнения, вы гораздо лучше меня знакомы с разделом Устава, касающимся пребывания котов на борту корабля, — продолжал он тоном, который ясно давал понять, что ей *лучше* и вправду знать этот раздел. — Я ожидаю от вас соблюдения его до буквы. Тот факт, что вы вместе сумели пройти Остров Саганами, внушает мне надежду, что вы справитесь и на борту «Воительницы». Но хочу предупредить: этот мирок гораздо меньше того, что был в Академии. С правом находиться здесь вместе вы одновременно получили обязанность избегать любых ситуаций, способных негативно повлиять на работу экипажа. Верю, что и это вам понятно. Вам обоим.

— Да, сэр, — вновь сказала она, и Лэйсон кивнул.

— Рад это слышать. В таком случае главстаршина Шелтон покажет вам ваше жилище. Удачи, миз Харрингтон.

— Спасибо, сэр.

— Свободны, — сказал он и повернулся к экрану терминала.

Гардемарин вновь вытянулась по стойке смирно и вслед за главстаршиной Шелтоном покинула отсек.

Хонор застлала койку (простынями с меткой «Остров Саганами» и одеялом, натянув его так туго, что на нем могла подпрыгнуть пятидолларовая монета), отсоединила пристыкованный к сундучку модуль, а сам сундучок задвинула на кронштейны переборки. Хонор усмехнулась, вспомнив незадачливого однокурсника, который происходил из семьи землепашцев с Грифона, никак не связанной с Флотом. Парень проявил глубокое невежество в тот день, когда курсантам выдали их первые сундучки, — он громко поинтересовался, почему они непременно должны быть абсолютно одинаковых размеров. Ответ стал очевидным во время первого же учебного полета... Хонор установила сундучок на место, открыла дверцу, отключила антиграв и, дождавшись, пока сундучок обретет полный вес, активировала блокирующие магниты.

Загорелись индикаторы полного захвата, но она все равно подергала сундучок для проверки. Иной раз показаниям индикаторов не стоило слишком доверять, но сейчас все было в порядке. Хонор закрыла дверцу и принялась крепить модуль к раме своей койки. К этому делу она подошла даже внимательнее, чем к установке сундучка, а Нимиц пристально наблюдал за ее действиями, улегшись на подушку. В отличие от сундучка, который являлся стандартным флотским инвентарем, за этот модуль Харрингтон — а точнее, отцу, который подарил его дочери к выпуску, — пришлось заплатить почти семнадцать тысяч мантикорских долларов. По мнению Хонор, деньги были потрачены не зря: этот модуль жизнеобеспечения предназначался для того, чтобы спасти Нимица в случае разгерметизации отсека. Хонор убедилась, что модуль надежно закреплен, нажала на кнопку самотестирования и кивнула, когда контрольная панель ожила и программа диагностики

подтвердила полную исправность устройства. Нимиц ответил на ее кивок довольным мяуканьем. Теперь, до возвращения главстаршины Шелтопа, у Харрингтон было время оглядеть кубрик, известный под достаточно неромантичным названием «Салажий Уголок».

Это был довольно просторный отсек для такого маленького — и старого — корабля, как «Воительница». По сути, он оказался почти вдвое больше комнаты Харрингтон в общежитии на Острове Саганами. Конечно, в той комнате располагались только двое: Хонор и ее подруга Мишель Хенке, а это помещение рассчитано на шестерых. Однако в настоящий момент застлано было только четыре койки. Похоже, «Воительница» отправляется в патруль не перегруженной гардемаринами.

«Это и хорошо и плохо», — отметила Хонор, усевшись в одно из спартанских, немеханизированных кресел возле видавшего виды стола. Хорошо, что у нее и троих ее соседей будет чуть больше места, но в то же самое время это означает, что на них четверых ляжет вся нагрузка. Все знают, что гардемарину во время практики приходится большей частью выполнять тренировочные упражнения и задания, придуманные офицером, ответственным за обучение новичков, а не заниматься чем-то жизненно важным для корабля. Но многое все же было настоящим делом. Гардемарины являлись офицерами короля — возможно, нижайшими из низких и только на время, но все равно офицерами, — и от них требовалось принять на себя часть необходимой работы на борту.

Хонор взяла Нимица на колени и начала медленно перебирать пальцами его мягкую, пушистую шерсть, улыбаясь тихому пощелкиванию статического электричества, сопровождавшему ее касания. Кот едва слышно мяукнул и прижался к ней головой, наслаждаясь лаской, а девушка глубоко вздохнула. Впервые с сегодняшнего утра, когда Хонор закончила паковать в сундучок свои скудные пожитки на Острове Саганами, она смогла по-настоящему расслабиться. И передышка предстояла короткая.

Хонор закрыла глаза и стала прокручивать перед мысленным взором беседу с коммандером Лэйсоном. Старшим королевского корабля был как минимум полубогом, стоящим по правую руку от Капитана. Так что действия и суж-

дения Лэйсона не должны были подвергаться сомнению каким-то гардемарином. Но в его вопросах было нечто, некий подтекст, который Харрингтон никак не могла уловить или обозначить. Она еще раз попыталась убедить себя, что все это только последствия волнения первого дня на борту корабля. Он старпом, а старпом обязан знать все, что можно, о своих подчиненных, даже если речь идет всего лишь о гардемаринах. Но Хонор чувствовала странную убежденность, возникавшую редко, но никогда не подводившую, что дело было в чем-то еще. Но, так или иначе, Харрингтон не сомневалась в одном: Лэйсон расценил появление Нимица на борту «Воительницы» как возможную проблему. Да и главстаршина Шелтон, кажется, чувствовал то же самое.

Хонор вздохнула. Это не было ни первым, ни вторым, ни даже двадцатым случаем, когда она сталкивалась с подобным отношением. Как и предположил коммандер Лэйсон, она разбиралась в предписаниях, касающихся древесных котов и принятых ими людей. Однако большинство флотских не отличались подобной осведомленностью, поскольку связи между древесным котом и человеком были нечастыми даже на родном для Хонор Сфинксе. Шестилапые древесные жители почти не встречались за пределами планеты, и во Флоте были еще более редкими гостями, чем на гражданке. Хонор тайно провела небольшое исследование: насколько она смогла установить, из всех находящихся в настоящее время на действительной службе, включая ее, — приняты были не более дюжины. Это число казалось ничтожным в сравнении с общей численностью персонала Флота, а значит, ничего удивительного, что появление кота всегда вызывало некое оживление.

Однако проблема не решалась от того, что Хонор понимала причину ее возникновения. Девушка испытывала болезненную уверенность в том, что присутствие Нимица большинство людей, незнакомых с этими созданиями, расценивают как потенциальную угрозу. Даже те, кто разбирался в этом вопросе лучше других, часто относились к котам как к чрезвычайно умным домашним животным, а большинство, к сожалению, и не пыталось разобраться, даже если им предоставлялась такая возможность. То, что коты не были способны издавать что-либо похожее на человеческую речь,

только усугубляло ситуацию; а то, что они выглядели мило и приятно, ничуть не ослабляло недовольства их присутствием.

Конечно, ни один человек, хоть раз видевший разъяренного древесного кота, не назвал бы это «милое и приятное» существо «безобидным». Их внушительное естественное оружие было еще одной причиной, которая волновала и даже пугала некоторых людей, хотя Нимиц, например, ни за что не причинил бы человеку вред, разве что при самообороне. Или защищая Хонор, что для него было совершенно равноценно. А люди, никогда не видевшие ярости древесных котов, имели обыкновение умиляться при виде этих животных и сожалеть, что *у них* нет такого восхитительного питомца. Или испытывать негодование в адрес того, у кого он есть. Хонор и Нимицу не раз приходилось сталкиваться с подобным отношением в Академии, и только то, что Устав был на их стороне, и то, что у Нимица имелся природный талант дипломата (абсолютно беспринципного), выручало их в некоторых малоприятных ситуациях.

«Что ж, если нам удавалось это на Острове Саганами, удастся и здесь», — сказала сама себе Хонор, и тут...

Люк в отсек распахнулся без предупреждения. Хонор вскочила, подхватив Нимица на руки, и повернулась к входу. Она знала, что индикатор «занято» горит и подобное вторжение считалось серьезным нарушением корабельного этикета. Кроме того, это являлось вмешательством в частную жизнь, что было строго запрещено Уставом, за исключением экстренных случаев. От неожиданности Хонор смутилась, к собственному удивлению, и замерла при виде стоящего в проеме крепко сбитого старшего лейтенанта семью или восьмью годами старше ее. Он был на два-три сантиметра ниже ростом, отличался демонстративной привлекательностью, но что-то в его глазах вызвало в ней инстинктивную неприязнь. Или, возможно, это было из-за его позы: он подбоченился, наклонился вперед, приподнявшись на носках, и сердито уставился на Харрингтон.

— Разве салаг не учат, что в присутствии старшего офицера надо вставать по стойке смирно? — пренебрежительным тоном поинтересовался он, и вспышка гнева румянцем проступила на высоких скулах Хонор.

При виде этого глаза старлея заблестели, а Харрингтон почувствовала неслышное рычание Нимица. Она предупреждающе сжала его, но кот и так знал, что не стоит публично выражать свое недовольство кем-то занимающим более высокое положение по отношению к его человеку. Он явно полагал, что это одно из самых глупых ограничений выбранной Хонор карьеры, но был готов потакать ей в том, что для нее так важно.

Она продержала Нимица еще мгновение, усиленно стараясь передать по эмпатической связи, насколько необходимо ему на этот раз вести себя хорошо, затем поставила кота на стол и вытянулась по стойке смирно.

— Уже лучше, — прорычал лейтенант и вошел в кубрик. — Я — лейтенант Сантино, помощник тактика, — проинформировал он Харрингтон, продолжая упираться руками в бока, пока она стояла навытяжку. — Это означает, что за мои грехи на меня свалилась ответственность за Салажий Уголок в этом рейсе. Так скажите мне, миз Харрингтон, какого черта вы делаете *здесь*, вместо того чтобы доложиться мне?

— Сэр, мне было дано распоряжение разложить вещи и обустроиться здесь. Насколько я поняла, главстаршина Шелтон...

— А что заставляет вас думать, что старшина более важен, чем офицер, миз Харрингтон? — прервал ее лейтенант.

— Сэр, я этого не говорила, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал по возможности ровно, несмотря на нарастающий гнев.

— Вы явно имели это в виду, когда сказали, что его инструкции важнее моих!

Хонор сжала зубы и не ответила. Он переиначивает в своих целях все, что она говорит, и она не собирается играть в эту глупую игру.

— Вы ведь *это* имели в виду, миз Харрингтон? — потребовал он ответа, после того как молчание продлилось несколько секунд.

Хонор взглянула ему прямо в глаза:

— Нет, сэр. — Слова ее были безукоризненно корректными, тон спокойным и ни капли не вызывающим, но выражение темно-карих глаз оставалось твердым.

Что-то промелькнуло во взгляде Сантино, губы его сжались, но Харрингтон просто продолжала стоять.

— Так что вы имели в виду? — вкрадчиво спросил он.

— Сэр, я ничего не имела в виду. Я просто пыталась ответить на ваш вопрос.

— Так отвечайте! — взорвался помощник тактика.

— Сэр, коммандер Лэйсон сказал, — Хонор не сделала ударения на имени старпома, но заметила, как глаза Сантино сузились, а губы вновь сжались, — что мне следует оставаться здесь до возвращения главстаршины, который отведет меня к вам для представления.

Сантино сверкнул глазами, но упоминание Лэйсона поставило его в тупик. От чего потом будет только хуже, решила Хонор.

— Ну вот он я, миз Харрингтон! — снова прорычал он после продолжительного молчания. — Так что можете приступать к докладу.

— Сэр! Гардемарин Хонор Харрингтон докладывает о прибытии на место службы, сэр! — выпалила она с той парадной четкостью, которой на борту корабля козыряют только идиоты или абсолютные новички.

В глазах Сантино горела ярость, но Харрингтон встретила его взгляд совершенно спокойно.

«Абсолютно, абсолютно глупо вступать с ним в такую конфронтацию, девочка! — произнес внутри ее голос, удивительно похожий на голос Мишель Хенке. — Ты ведь уже достаточно сталкивалась с подобной гадостью в Академии и должна понимать!»

Но Хонор ничего не могла с собой поделать. Да и как бы она ни вела себя — в конечном счете это, скорее всего, не будет иметь большого значения.

— Замечательно, миз Харрингтон, — произнес Сантино ледяным тоном. — Теперь, когда вы снизошли до того, чтобы присоединиться к нам, давайте пройдем в штурманскую рубку. Полагаю, у меня есть задание, которое займет вас до ужина.

Хонор присоединилась к компании офицеров, стоящих перед входом в обеденную каюту капитана Бахфиша. Она надеялась, что никто не заметит, насколько сильно она волнуется. «Воительница» покинула орбиту Мантикоры всего

три дня назад, и гардемарины по меньшей мере удивились, узнав, что у капитана есть привычка приглашать офицеров на ужин. Это казалось особенно поразительным, если учесть, что «Воительница» была спущена со стапелей почти тридцать пять лет назад и размерами заметно уступала другим кораблям своего класса. Каюта капитана здесь была, разумеется, гораздо больше и роскошнее Салажьего Уголка, но все-таки теснее и проще, чем капитанские каюты новых, больших кораблей. Капитан Бахфиш с трудом мог разместить у себя даже полдюжины гостей. «Учитывая такой дефицит свободного пространства, — подумала Харрингтон, — капитан вряд ли каждый вечер приглашает одних и тех же офицеров. Видимо, он регулярно меняет гостей, чтобы все по очереди могли составлять ему компанию».

Это было практически неслыханно. Но капитан Курвуазье, любимый наставник Хонор в Академии, однажды заметил, что мудрый командир должен как можно лучше узнать своих офицеров, а также постараться, чтобы и они узнали его. Харрингтон догадывалась, что капитан Бахфиш добивался именно этого, но, что бы ни было у капитана на уме, любой салага занервничает, обнаружив себя в списке его гостей, особенно если это произойдет в самом начале рейса.

Стюард капитана открыл люк, и Хонор проследовала за старшими офицерами. Она постаралась оглядеться как можно незаметнее. Будучи самым младшим из присутствующих офицеров, она, разумеется, шла в арьергарде. В этом был, с одной стороны, плюс: по крайней мере, ей не пришлось первой перешагнуть порог; но, с другой стороны, когда Харрингтон вошла в каюту, все остальные уже заняли свои места и теперь пристально за ней наблюдали. Хонор ощущала тяжесть взглядов вышестоящих и спрашивала себя, правильно ли она поступила, взяв с собой Нимица. Согласно Уставу, это было разрешено при условии, что приглашение не содержит соответствующего запрета, но тем не менее Харрингтон чувствовала себя не в своей тарелке. Внезапно она испугалась, что это ее решение может показаться старшим излишне самонадеянным, и пришла в замешательство. Неуверенность породила неловкость, словно Хонор вновь превратилась в неуклюжую, здоровенную кобылу, каковой считала себя до тех пор, пока старшина Макдугал не пробудил

в ней серьезный интерес к *coup de vitesse*[1]. Хонор едва не покраснела, но усилием воли сумела справиться со смущением. Ужин и без того обещал стать напряженным, так что дополнительного адреналина не требовалось. Но, по крайней мере, Элвиса Сантино не было, и Хонор возблагодарила судьбу за такой подарок. Вот гардемарину Макирс, например, пришлось вынести это суровое испытание в присутствии помощника тактика...

Хорошо еще, что невысокое положение Харрингтон не оставляло сомнений в том, какое место ей предназначено, и она вполне могла бы обойтись без незаметного жеста стюарда, направившего ее к самому концу стола. Хонор постаралась сесть как можно более непринужденно, а Нимиц, зная не хуже ее о том, как важно соблюдать приличия, аккуратно устроился на спинке стула.

Стюард обошел стол, чтобы налить кофе, двигаясь в тесном помещении с грацией, приобретенной в результате долгой практики. Хонор всегда терпеть не могла этот напиток и накрыла чашку рукой, когда стюард подошел к ней. Тот вопросительно посмотрел на нее, но двинулся дальше, не сказав ни слова.

— Мы не любим кофе, да?

Вопрос задал старший лейтенант слева от Хонор, и она быстро взглянула на него. Курносый офицер с каштановыми волосами на вид был ровесником Сантино плюс-минус год или два. Однако, в отличие от Сантино, его лицо казалось дружелюбным, а голос — приятным, лишенным оскорбительной насмешки, которая так легко давалась помощнику тактика.

— Боюсь, что нет, сэр, — ответила Хонор.

— Это может стать помехой для флотской карьеры, — жизнерадостно заявил лейтенант. Он посмотрел через стол на круглолицую, темнокожую лейтенант-коммандера и ухмыльнулся. — Некоторые из нас, — заметил он, — предпочитают думать, что корабли Его Величества работают на кофеине, а не на реакторной массе. Мало того, *кое-кто* считает, что регулярно заправляться этим самым кофеином — наша прямая обязанность.

---

[1] *Coup de vitesse* — «быстрый удар» *(фр.)* — вымышленное боевое искусство.

Лейтенант-коммандер свысока посмотрела на него, отпила из своей чашки, а потом поставила ее точно в центр блюдца.

— Надеюсь, лейтенант, что вы не собирались распространять клевету относительно количества кофе, которое старшие офицеры, обремененные тяжким трудом, потребляют, находясь на мостике? — спросила она.

— Конечно же нет! Я шокирован тем, что вы могли предположить такое, мэм!

— Да-да, конечно, — согласился коммандер Лэйсон, сидевший на другом конце стола, справа от еще пустующего стула капитана. Он посмотрел на Хонор. — Миз Харрингтон, позвольте вас представить. Слева от вас лейтенант Сондерс, помощник астрогатора. Слева от него лейтенант-коммандер Ла Ваше, главный инженер, а справа от вас лейтенант-коммандер Хираке, наш тактик.

Ла Ваше, миниатюрная, удивительно миловидная блондинка, сидела напротив Лэйсона, расположившегося справа от Хираке. Лэйсон махнул рукой в сторону Хонор:

— Дамы и господа, миз гардемарин Харрингтон.

Когда старпом называл офицеров, те по очереди кивали Хонор, и теперь она вежливо кивнула в ответ, отметив, что никто из них не выражал самодовольного превосходства, которым отличался Элвис Сантино.

Едва Сондерс открыл рот, чтобы добавить что-то еще, как переборка, ведущая в гостиную капитана, открылась, и в кают-компанию вошел высокий худощавый мужчина в форме капитана первого ранга. Все офицеры встали, и Хонор поспешно последовала их примеру. Они продолжали стоять до тех пор, пока капитан Бахфиш не занял своего места и не сделал короткий пригласительный жест.

— Прошу садиться, дамы и господа, — произнес капитан, и стулья тихо заскрипели под тяжестью его подчиненных.

Разворачивая белоснежную льняную салфетку и раскладывая ее на коленях, Хонор украдкой наблюдала за Бахфишем. Знакомство с человеком, который был вторым после Бога на борту «Воительницы», породило в ней какую-то смутную неудовлетворенность. У капитана Бахфиша было худое морщинистое лицо и темные сердитые глаза. Он больше соответствовал образу бухгалтера, у которого никак

не сходится баланс, чем жившему в сознании Хонор представлению о капитане корабля Его Величества — грозы проклятого пиратства. И слегка гнусавый тенор капитана отнюдь не подходил для такой высокопоставленной особы. Хонор почувствовала явственный укол разочарования.

Но эти мысли отступили, как только у стола вновь возник стюард с подносом в руках. Поданные блюда были великолепны — намного лучше той пищи, которая обычно доставалась скромным салагам, — и Хонор с энтузиазмом принялась за еду. Во время трапезы почти никто не разговаривал, чему Хонор была только рада. Это дало ей возможность насладиться деликатесами, не волнуясь о том, обязан ли какой-то гардемарин участвовать в застольной беседе или нет. Капитан Бахфиш ел молча, как будто и не замечая своих гостей. Несмотря на благодарность, которую Хонор испытывала за то, что ей позволили поужинать спокойно, она задавалась вопросом, зачем капитану вообще понадобилось приглашать офицеров, если он их игнорирует. Все это казалось очень странным.

После салата и отличного картофельного супа подали глазированного цыпленка с миндалем, воздушным рисом, с обжаренными в масле овощами и грибами, свежим зеленым горошком и рулетами. Завершался ужин тремя разными десертами. Всякий раз, когда Хонор отрывалась от тарелки, стюард неизменно оказывался поблизости, предлагая добавку, и она с удовольствием соглашалась. Пускай капитан Бахфиш и не соответствовал ее представлению об энергичном и выдающемся командире звездного корабля, зато у него был прекрасный стол. Такой вкусной еды ей не доводилось пробовать с тех пор, как она в последний раз была дома.

Яблочный пирог оказался еще более восхитительным, чем глазированный цыпленок. Когда стюард, заговорщицки подмигнув, предложил добавку, Хонор не нужно было долго упрашивать. Со стороны лейтенанта Сондерса послышался звук, подозрительно напоминавший смешок. Хонор краем глаза взглянула на помощника астрогатора, но его лицо сохраняло похвальную невозмутимость, и лишь в глазах поблескивал огонек. Хонор не сердилась: как прямой потомок первой волны Мейердала, она успела привыкнуть к реакции, которую вызывал у неподготовленных соседей

по столу ее аппетит, обусловленный ускоренным метаболизмом. Особенно она любила сладкое.

Выловив ложкой остатки растаявшего мороженого, она выпрямилась с тихим вздохом удовлетворения. Молчаливый расторопный стюард возник снова, чтобы собрать пустые тарелки и волшебным образом отправить их в какую-то местную разновидность черной дыры. На смену тарелкам появились бокалы для вина, и стюард подал капитану Бахфишу старомодную стеклянную бутылку с сургучной печатью. Хонор принялась наблюдать за капитаном еще внимательнее: Харрингтон-старший, ее отец, был известным ценителем вин, насколько позволяли его скромные возможности, и она сразу увидела в капитане такого же ценителя. Стюард сломал печать, вытащил пробку и вручил ее капитану. Бахфиш деликатно понюхал ее, пока стюард наливал немного рубиновой жидкости в его бокал; затем капитан отложил пробку и попробовал вино. Он задумался на миг и одобрительно кивнул. Стюард наполнил его бокал, а затем обошел стол, чтобы налить каждому из гостей.

Когда стюард наполнил бокал Хонор, она вновь занервничала. Она знала, что требуется от нее — самой младшей из офицеров. Подождав, пока стюард закончит и отойдет в сторону, девушка встала и подняла бокал.

— Дамы и господа, за короля!

Хонор обрадовалась, что ее голос прозвучал спокойно. Похоже, никто не заметил, как она волнуется.

— За короля! — Ответ оказался слишком громким для тесной обеденной каюты.

Хонор быстро опустилась на стул, чувствуя немалое облегчение от того, что обошлось без конфуза.

Атмосфера за столом изменилась, как будто верноподданнический тост явился сигналом, которого ждали собравшиеся. Хонор отметила, что офицеры стали вести себя раскованнее: с бокалами в руках откинулись на стульях, а лейтенант-коммандер Хираке даже положила ногу на ногу.

— Джозеф, надеюсь, вы разобрались с теми картами? — спросил капитан Бахфиш.

— Да, сэр, — ответил лейтенант Сондерс. — Вы были правы, капитан, они просто неверно маркированы. Хотя мы с коммандером Добреску *до сих пор* в некотором недоумении, почему кто-то решил, что нам нужны обновленные

карты Народной Республики, когда мы направляемся прямо в противоположную сторону.

— Тут все ясно, — объявила лейтенант-коммандер Хираке. — Предполагаю, что первый астрогатор «Воительницы» затребовал их для ее первого рейса. Видите ли, прошло всего-навсего тридцать шесть стандартных лет. Как раз типичный срок выполнения запросов.

Раздались смешки, и Хонор с трудом удалось скрыть удивление, когда испещренное морщинами, недовольное лицо капитана Бахфиша тоже расплылось в улыбке. Капитан погрозил тактику пальцем и покачал головой.

— Мы не можем позволить вам говорить в подобном тоне о командовании тыла, Дженис, — сурово произнес он. — Хотя бы потому, что вы тем самым пробуждаете надежды, которым не суждено сбыться.

— Не знаю, сэр, — сказал коммандер Лэйсон. — Разве не столько же времени у нас ушло на замену головки излучателя для Гразера-четыре?

— Да, но тут виной не только командование тыла, — вставила лейтенант-коммандер Ла Ваше. — Для нас ее нашли лентяи на верфи «Гефеста», помните? Едва не пришлось требовать ее под дулом пульсера, но все-таки они *достали* ее. Они наверняка держали головку на складе пять-шесть лет, пока какой-то другой бедный крейсер безуспенно ждал ее, а мы просто взяли и перехватили.

Это вызвало новые смешки, и изумление Хонор возросло. Мужчины и женщины в отсеке внезапно изменились. Они уже совсем не походили на тех, что провели формальный ужин практически в полной тишине, но больше всех изменился сам капитан Бахфиш. На глазах Хонор он склонил голову и с почти шутливым выражением лица обратился к коммандеру Лэйсону:

— Надеюсь, пока Джозеф разбирался с картами, вы с Дженис сумели придумать список заданий, которые заставят всех на борту ненавидеть нас, Абнер?

— В общем, мы попытались, сэр. — Лэйсон вздохнул и покачал головой. — Старались изо всех сил, но, вероятно, найдется трое-четверо рядовых в инженерном, которым мы просто сильно не понравимся.

— Хм-м... — Капитан Бахфиш нахмурился. — Я немного разочарован. Когда в экипаже корабля так много новичков,

у хорошего старшома не должно возникать проблем с составлением тренировочной программы, которая заставит их попотеть.

— А, ну *это* нам удалось, сэр. Просто Ирма сумела удержать бóльшую часть первоначального состава вахтенных смен, а им уже известны все наши трюки.

— Да? Что ж, с этим обстоятельством мы не можем ничего поделать,— согласился капитан Бахфиш и взглянул на лейтенант-коммандера Ла Ваше.— Значит, это вы виноваты, Ирма? — поинтересовался он.

— Виновата, сэр,— признала Ла Ваше.— Это оказалось не так легко, когда Главное управление личного состава все время стояло над душой и пыталось забрать самых опытных людей.

— Знаю, что сложно,— произнес капитан, и в первый раз в его одобрительном тоне не проскользнуло дразнящей нотки.— Я просмотрел часть вашей переписки с капитаном Аллертоном. До самой последней минуты я думал, что мы потеряем старшину Хейсмана, но вы ловко обошли Аллертона. Надеюсь, это не будет стоить старшине нового шеврона. Он нужен нам, но я не хочу, чтобы в результате он пострадал.

— Он не пострадает, сэр,— ответил Лэйсон за Ла Ваше.— Мы с Ирмой обсудили это, прежде чем она прибегла к аргументу, что Хейсман «необходим для эффективной работы экипажа». В одном только инженерном у нас не хватает двух главстаршин... И мы пробудем в Силезии достаточно долго, так что вы сможете по собственному усмотрению повысить Хейсмана, чтобы заполнить одну из вакансий.

— Замечательно,— произнес Бахфиш.— Вот это мне нравится! Умные офицеры, которым ничего не стоит перехитрить своих естественных врагов из Управления личного состава!

Хонор с трудом заставила себя не таращиться на весельчака, который вдруг сменил сурового, неулыбчивого человека во главе стола. Бахфиш отвернулся от Лэйсона и Ла Ваше и взглянул прямо на Харрингтон. На этот раз в его глубоко посаженных глазах явственно поблескивали огоньки.

— Я заметил, что ваш спутник просидел весь ужин на спинке стула, миз Харрингтон,— произнес он.— Мне

казалось, что коты обычно едят одновременно со своими людьми.

— Э... да, сэр... — сказала Хонор.

Она почувствовала, что щеки горят, и глубоко вздохнула. По крайней мере, подшучивание Бахфиша над старшими офицерами дало ей возможность подготовиться, прежде чем он повернул орудия в ее сторону. Она постаралась взять себя в руки.

— Да, сэр, — произнесла она намного увереннее. — Обычно Нимиц ест вместе со мной, но овощи не очень полезны для него, а мы не знали, что приготовит ваш стюард. Поэтому Нимиц поужинал в кубрике.

— Ясно. — Капитан секунду глядел на нее, потом кивнул в сторону стюарда. — Старшина Стеннис хорошо справляется, миз Харрингтон. Если вы предоставите ему список продуктов, подходящих для вашего спутника, я уверен, что старшина сумеет подготовить прекрасное меню для следующего ужина.

— Да, сэр, — отозвалась Хонор, безуспешно пытаясь скрыть облегчение: Нимицу здесь были рады, а не просто терпели. — Спасибо, сэр.

— Не за что, — ответил Бахфиш и улыбнулся. — Тем временем можем ли мы предложить ему хоть что-нибудь в качестве послеобеденной закуски, пока мы наслаждаемся вином?

— Если у старшины Стенниса осталось немного сельдерея от салата, это будет в самый раз, сэр. Хотя котам и не очень хорошо от овощей, но *все* они обожают сельдерей!

— Джексон? — Капитан посмотрел на стюарда.

Тот улыбнулся и кивнул:

— Думаю, я смогу это устроить, сэр.

Старшина Стеннис растворился в буфетной, а капитан Бахфиш снова переключился на коммандера Лэйсона и лейтенанта-коммандера Хираке. Хонор поудобнее устроилась на стуле и затылком почувствовала довольное урчание Нимица. Если бы она сама была кошкой, то тоже заурчала бы — и, уж несомненно, куда громче. Она наблюдала, как капитан «Воительницы» болтает с приглашенными офицерами, и чувствовала подлинное восхищение. Такой Бахфиш — это вам не официальный, холодный командир, который председательствовал во время ужина. Хонор все еще

не понимала, почему он тогда казался таким сдержанным, но могла сполна оценить умение, с которым он теперь вовлекал в разговор каждого из своих подчиненных. К тому же, признала она, капитан без каких-либо усилий помог простому гардемарину почувствовать себя комфортно в новой — и старшей — компании.

Несмотря на то что в вопросах капитана Бахфина было много шуток, демонстрирующих его остроумие, он заставлял офицеров обсуждать серьезные проблемы, направляя беседу как настоящий лидер, а не просто старший по званию. Харрингтон опять вспомнила слова Курвуазье о том, что капитан обязан знать своих офицеров, и поняла, что Бахфин преподал ей прекрасный урок того, как добиться взаимопонимания.

Этот урок стоило бы запомнить, отметила она и тут же улыбнулась, протянув руку за тарелкой с сельдереем, которую подал ей старшина Стеннис.

— ...как видите, наши аварийные посты автономного управления энергетическим оружием прошли модернизацию согласно плану А-три,— пробубнила старшина Макартур.

На рукаве этой крепкой некрасивой женщины виднелись нашивки, свидетельствующие о двадцати пяти стандартных годах военной службы, а ленточки наград на груди подтверждали, что старшина дорого заплатила за свои боевые навыки. Жаль, что ей так и не удалось овладеть ораторским искусством... Несмотря на то что Хонор очень интересовалась вопросами, в которых была сведуща Макартур, гардемарину нелегко было удержаться от зевоты во время этой абсолютно сухой лекции.

Они с Одри Брадлю, еще одной девушкой-гардемарином «Воительницы», стояли в четвертом бортовом проходе, заглядывая через плечо Макартур в небольшой бронированный отсек. В нем почти не оставалось места для людей, которые должны будут стать к орудиям, как только корабль приступит к боевым действиям. Каждый квадратный сантиметр занимали мониторы, приборы, клавиатуры и панели. Между основной аппаратурой были зажаты амортизированные ложа и разъемы для систем жизнеобеспечения.

— Когда звучит сигнал, экипажу дается максимум пятнадцать минут, чтобы облачиться в скафандры и занять свои посты, — проинформировала Макартур, и Хонор с Брадло кивнули, как будто раньше об этом не слышали. — Конечно, на самом деле получается быстрее, хотя во время тренировочных полетов иногда выходило и дольше. Но учтите, — старшина обернулась к своей аудитории, — капитан не слишком терпим с теми, кто портит его учебную статистику, поэтому мешкать я не советую.

У нее дрогнуло веко, что на более выразительном лице сошло бы за подмигивание, и неожиданно для себя Хонор улыбнулась старшине. Нельзя сказать, что обязанности орудийного расчета были самой веселой темой, которую можно придумать. Хонор знала их наизусть: недаром она провела десятки часов в симуляторах, которые воссоздавали каждую деталь находившейся перед ней станции автономного управления. Улыбка пропала, когда гардемарин представила сигнал тревоги. Ее живое воображение нарисовало суету, сопровождаемую пронзительным визгом сирены, мигающие огоньки боевых установок и внезапную клаустрофобию, когда команда подключает систему жизнеобеспечения скафандров, задраиваются тяжелые люки и мощные насосы выкачивают воздух из проходов и отсеков. Вакуум вокруг бронированной капсулы на самом деле должен был защитить людей от ударов и сотрясений, передаваемых атмосферой, не говоря уже о пожаре. Но Хонор сомневалась, что кто-то мог подумать об этом способе без атавистической дрожи.

Нимиц поежился на ее плече, уловив внезапную перемену настроения Хонор, и она легонько коснулась его головы. Кот прижался к ее ладони, и Хонор успокаивающе промурлыкала ему.

— Если старшина Макартур наводит на вас скуку, миз Харрингтон, — неожиданно проскрежетал неприятный голос, — я уверен, что мы сможем найти какую-нибудь дополнительную обязанность, чтобы занять вас.

Напрягшись, Харрингтон быстро обернулась, и при виде Элвиса Сантино ее лицо превратилось в маску — не хуже, чем у самой старшины Макартур. Помощник тактика, вероятно, подкрался из-за угла, пока они с Брадло слушали лекцию, и Хонор рассердилась, что позволила застать

себя врасплох. Теперь Сантино гневно воззрился на нее, снова уперев руки в бока и выпятив губы.

Она молча глядела на него. Что бы она ни сказала или ни сделала, все могло ей только навредить, поэтому Хонор молчала. Что, конечно, тоже было неправильно.

— Ну, миз Харрингтон? Если вам скучно, просто скажите. У старшины Макартур наверняка найдутся занятия поважнее. Итак, вам скучно?

— Нет, сэр. — Хонор выдала единственно возможный ответ так спокойно, как только могла.

Сантино гадко усмехнулся:

— В самом деле? А я бы ни за что так не подумал, глядя на то, как вы тут сюсюкали и играли со своим любимцем.

И опять у нее не нашлось ответа, который не дал бы ему нового повода для нападок. Хонор ощущала сочувствие стоящей рядом Брадло, но Одри тоже молчала. Она ничем не могла помочь и на собственной шкуре не раз испытывала придирки Сантино. Макартур чуть подвинулась и обернулась к лейтенанту; ее невыразительное лицо казалось уместным как никогда.

— Со всем уважением, сэр, — заявила она, откашлявшись, чтобы прочистить горло, — юные леди были сегодня очень внимательны.

Сантино хмуро посмотрел на нее:

— Не припомню, чтобы я спрашивал ваше мнение об их внимательности, старшина Макартур. — Его тон был резок, но Макартур и бровью не повела.

— Я понимаю, сэр. Но, опять-таки со всем уважением, вы только что подошли, а я работала с миз Харрингтон и миз Брадло последние полтора часа. Мне просто показалось, что я должна сообщить вам о том, что они слушали очень внимательно все это время.

— Понятно.

На миг Хонор подумала, что лейтенант обрушится и на Макартур за то, что та посмела вмешаться. Однако даже Элвис Сантино был не настолько глуп, чтобы заводить официальный спор со старшиной, имеющей такой стаж, как Макартур, и к тому же числящейся в его подразделении. Несколько секунд он покачался на пятках, а потом вновь уставился на Хонор.

— Как бы вы ни были внимательны, нет оправдания безделью, — заявил он. — Я понимаю, что Устав разрешает вам носить с собой это существо при исполнении служебных обязанностей, но предупреждаю: не злоупотребляйте этой привилегией. И прекратите играть с ним, когда вы должны быть сосредоточены на том, что обязаны изучать! Вам ясно?

— Да, сэр, — деревянным тоном ответила Хонор. — Абсолютно ясно.

— Отлично! — отрезал Сантино и, развернувшись, зашагал прочь.

— Господи, да *что* ему надо? — простонал Нассиос Макира.

Приземистый гардемарин забрался на свою верхнюю койку и сел на край, свесив ноги. Хонор долго не могла понять, почему он так любит эту позу. Да, он меньше ее ростом, но потолок был так низок, что даже Нассиос не мог полностью выпрямиться, сидя на верхней койке. Может быть, *именно* потому, что Хонор была выше ростом, он туда и забирался? И в самом деле, Нассиос был одним из самых низкорослых людей на борту «Воительницы». Наверное, оттого он и любил залезать куда-нибудь, словно кот или обезьяна со Старой Земли, потому что только так мог подняться до уровня глаз остальных...

— Не знаю, — отвстила Одри Брадло, не отрывая взгляда от ботинка, лежащего у нее на коленях. Хотя никакого имени и не прозвучало, она, казалось, ничуть не сомневалась в том, о ком говорит Нассиос. — Зато знаю, что жалоба на него только все ухудшит, потому что угодит к нему же на стол, — добавила рыжая девушка-гардемарин и потянулась к обувному крему, стоявшему на столе кубрика.

— Эй, дай человеку высказаться, — вступил Басанта Лакхия. Темнокожий юный гардемарин с удивительно светлыми волосами лежал, удобно вытянувшись, на своей койке. — Никто же не собирается ябедничать Сантино на него самого. А даже если бы и собирался, Устав не запрещает обсуждать вышестоящих офицеров.

— Только пока такое обсуждение не отражается на дисциплине, — поправила Хонор.

К своему немалому удивлению, она обнаружила, что по результатам успеваемости является лучшей среди гардема-

ринов «Воительницы». Это, к сожалению, только осложняло проблему с Сантино, поскольку старшинство Харрингтон — каким бы оно ни было — заставляло помощника тактика общаться с ней более плотно, чем с другими гардемаринами. Оно также вынуждало ее быть голосом разума во время бесед гардемаринов. Хонор подняла голову и бросила резкий взгляд на Макиру.

Харрингтон сидела за столом возле Брадло, расчесывая шерсть Нимица. Необычным было то, что все они оказались свободны одновременно, но гардемаринов назначали на вахты по плавающему графику, и сегодня время отдыха у них совпало. Одри и Басанта должны были заступить на пост еще только через два часа.

— Хонор, ты же знаешь, что я никогда, никогда не сомневался в необходимости дисциплины, — сладким голосом заявил Нассиос. — И ничто из того, что сделал *я*, не могло повредить дисциплине сильнее, чем *он*, — добавил гардемарин вполголоса.

— Басанта прав в том, что никто не побежит доносить, Нассиос, — сказала Одри, наконец подняв взгляд. — Это может заставить Сантино — и старпома тоже — обрушиться на тебя подобно шаттлу с отказавшим антигравом.

— Я знаю, знаю, — вздохнул Нассиос. — Но ты должна согласиться, что он зашел уже слишком далеко, Одри! А то, как он продолжает нападать на Хонор из-за Нимица...

— Быть может, он думает, что это входит в обязанности офицера-наставника, — предположила Хонор. Она закончила расчесывать Нимица и тщательно собрала шерсть, чтобы она не попала в воздушные фильтры кубрика.

— Ха! Ну конечно! — фыркнул Басанта.

— Я не говорю, что согласна с ним в этом, — невозмутимо продолжила Хонор. — Но ты не хуже меня знаешь главный принцип старой школы — «прессуй их сильнее, чтобы сделать круче».

— Но эта школа отмирает, — возразил Нассиос. — Большинство из тех, кто продолжает так думать, — старые пердуны. Они все еще уверены, что космические корабли летают на паровых или реактивных двигателях... или даже на веслах! Сантино для этого дерьма слишком молод. Тем более что это все равно не объясняет, отчего он так взъелся на Нимица!

— Может быть, да, а может — и нет, — задумчиво произнес Басанта. — Возможно, ты попала в точку, Хонор. По крайней мере, в отношении того, почему он такой засранец. Он не намного старше нас, но если его преподаватели вели себя именно так, то он просто следует традиции.

— А почему он нападает на Нимица? — не унимался Нассиос.

— Может быть, он из тех, кто никак не может уяснить, что древесные коты — это не просто тупые животные? — предположила Брадло. — Видит Бог, *я* не ожидала что этот чертенок настолько умен. И никогда бы не поверила в это только со слов Хонор.

— Возможно, в этом все дело, — согласилась Харрингтон. — Большинство людей начинают понимать разницу между домашними животными и древесными котами, лишь когда с ними сами столкнутся. Но кому-то и близкое знакомство не помогает. Думаю, многое тут зависит от воображения. От того, насколько оно развито.

— А воображение — далеко не то, чем он мог бы похвастаться, — заметил Басанта Лакхия. — Это возвращает нас к тому, что сказала Хонор. Если у него не хватает воображения, — судя по тону, на языке у Басанты вертелось другое слово, — то он, вероятнее всего, относится к нам точно так же, как относился к нему его наставник. Получив однажды указание, как себя вести, он не может представить ничего иного.

— Не думаю, что ему требовалось указание, — проворчал Нассиос, и Хонор с ним согласилась.

Она и сама считала, что поведение Сантино является следствием его характера, и никаких дополнительных примеров ему не было нужно. Хонор ни секунды не сомневалась в том, что, сделай кто-нибудь из старших офицеров ему замечание, Сантино в свою защиту заявил бы, что действовал «ради блага гардемаринов».

— Если когда-то и требовалось, то больше нет, это верно, — согласился Басанта, а затем встряхнулся. — Эй, кто-нибудь видел, что за симуляцию готовит нам коммандер Хираке?

— Нет, но старшина Уоллес предупредил, что она будет очень сложной, — подхватила Одри, радуясь перемене темы.

Под эту болтовню Хонор пересела и взяла Нимица на руки. Ей следовало бы быть счастливее, чем когда-либо в жизни, и во многих отношениях так оно и было. Но Элвис Сантино делал все, что мог, чтобы омрачить это счастье. И преуспел. Что бы Хонор ни говорила другим, она не сомневалась, что саркастическое, высокомерное, оскорбительное его отношение ко всем гардемаринам, а особенно к ней и Нимицу, проистекало из естественной задиристости Сантино. Хуже того, она подозревала, что эта его черта усугублялась природной глупостью.

А он *был* глуп. Хонор убедилась в этом, лишь несколько раз понаблюдав за тем, как Сантино исполняет обязанности помощника тактика «Воительницы».

Она мысленно вздохнула и поджала губы, в который раз предупреждая себя об опасности неуважения к кому-то старшему. Даже если она не позволяет себе проявить даже намек на подобное отношение, оно все равно влияет на то, как она реагирует на приказы Сантино и его бесконечные лекции о «подобающем исполнении обязанностей офицера». И в дальнейшем ситуация может стать только хуже, хотя хуже, кажется, некуда. Но Хонор ничего не могла с собой поделать. Любимыми ее предметами в Академии были тактика и судовождение, и Харрингтон знала, что у нее есть талант к этому. А у Сантино — нет. Он был лишен воображения и ленился лишний раз пораскинуть мозгами. Его бездарность прикрывалась сверху абсолютной компетентностью босса — лейтенант-коммандера Хираке — и подкреплялась снизу не меньшим профессионализмом главстаршины дель Конте. Харрингтон только раз или два видела действия Сантино в симуляторе, и тогда у нее пальцы зудели от желания отодвинуть его в сторонку и самой занять консоль тактика.

Возможно, это одна из главных причин, почему он так донимает ее, иногда думала Хонор. Она изо всех сил старалась не проявлять неуважения, но ведь у Сантино был доступ к ее делу из Академии, и он абсолютно точно знал, насколько высоки успехи Хонор в тактике. И если Сантино не был еще глупее, чем она полагала (возможно, но маловероятно; в конце концов, он же мог самостоятельно надеть ботинки), он должен был понимать, что Харрингтон уже сейчас способна делать его работу как минимум вдвое лучше его.

«И это я еще слишком скромна», — язвительно подумала Хонор.

Она опять вздохнула, на сей раз вслух, прижалась лицом к шерсти Нимица и призналась, но только себе самой, в истинной причине отвращения к Элвису Сантино. Он неизбежно напоминал ей мистера гардемарина Павла Юнга — самодовольного, безмозглого кретина голубых кровей, который сделал все, чтобы уничтожить ее и ее карьеру на Острове Саганами.

Губы Харрингтон сжались; Нимиц заворчал и потянулся, чтобы погладить ее щеку длинными пальцами своей передней лапы. Хонор закрыла глаза, снова борясь с воспоминаниями о той ужасной ночи в душевой, затем сделала глубокий вдох, расслабилась и посадила Нимица обратно на колени.

— С тобой все в порядке, Хонор? — тихо спросила Одри; голос ее был едва слышен на фоне напряженного обсуждения Нассиосом и Басантой заслуг нового футбольного тренера Академии.

— А? О да. — Хонор улыбнулась рыжеволосой соседке. — Просто задумалась.

— Тоска по дому? — Одри улыбнулась в ответ. — И на меня находит время от времени. Конечно, — добавила она, — у меня нет древесного кота, который мог бы составить компанию, когда это случается!

Ее задорная улыбка смягчила горечь последней фразы. Одри понарила в боковом кармане и вытащила растрепанный, завядший стебель сельдерея. Все гардемарины, жившие в Салажьем Уголке вместе с Хонор, принялись запасаться сельдереем с того момента, как обнаружили неодолимую тягу к нему Нимица. Одри вновь улыбнулась — теперь с нежностью, — глядя, как резво кот ухватил стебель и жадно принялся его есть.

— Ну спасибо тебе, Одри! — проворчала Хонор. — Ты только что совершенно испортила ему аппетит перед обедом!

— Конечно, ты оказалась бы права, если бы где-то у него внутри не было черной дыры, — ответила Одри.

— Как знает каждый образованный человек, это называется желудком, а не черной дырой, — твердо заявила Хонор.

— Конечно. Просто он *работает* как черная дыра, — вмешался Басанта.

— Я тоже видела тебя за столом, парень, — сказала ему Одри, — и на твоем месте не стала бы кидать в него камни!

— У меня просто растущий организм, — парировал Басанта с видом полнейшей невинности, и Хонор присоединилась к взрыву смеха.

«Если уж я вынуждена терпеть Сантино, то хотя бы это происходит в отменной компании друзей по несчастью», — подумала она.

КЕВ «Воительница» неуклонно двигался вперед в гиперпространстве. Двойная система Грегора и расположенный в ней терминал Мантикорской Туннельной Сети неделю как остались позади; до Силезской Конфедерации был еще почти месяц пути, и экипаж тяжелого крейсера начал срабатываться. Это не проходило безболезненно. Как следовало из разговора капитана Бахфиша с коммандером Лэйсоном, большинство членов экипажа были на корабле новичками: крейсер только что прошел капитальный ремонт, и Управление личного состава за время длительной стоянки в доке безжалостно растащило почти всю прежнюю команду. Конечно, это всегда случалось при переоснащении, но расширение Флота осложняло дело. Каждый офицер и рядовой знал, что этот процесс еще только набирает обороты, и, значит, ситуация будет ухудшаться, если король Роджер и его министры не откажутся от своего намерения построить флот, способный противостоять хевам. Перед Правительством и Адмиралтейством возникала неизбежная задача — балансировать между затратами на новое оборудование — особенно на инфраструктуру верфей — и расходами на персонал, которому предстояло использовать это оборудование. И флотское начальство было полно решимости заставить работать каждый пенни каждого доллара, который оно сумеет выклянчить у Парламента.

Таким образом, в экипаже «Воительницы» оказалось значительно больше рекрутов и недавно произведенных старшин, чем хотелось бы ее офицерам. Между новыми членами экипажа, впервые попавшими в длительный рейс, то и дело возникали трения, главстаршин, призванных принимать

меры в таких ситуациях, катастрофически не хватало из-за общей проблемы Флота с персоналом.

Хонор, как и ее товарищи-гардемарины, ощущала эту скрытую напряженность. Кроме того, ей очень помогало наблюдение за реакцией Нимица.

Конечно, корабль вряд ли можно было назвать стоящим на грани мятежа, но острые углы в отношениях и неналаженный распорядок работы создавали общее впечатление неустроенности. Временами Харрингтон спрашивала себя, не это ли витающее в воздухе ощущение каким-то образом повинно в раздражительности Сантино? Но, задавая этот вопрос, она уже знала, что подобное предположение — чушь, не более чем бессмысленная попытка придумать оправдание офицеру, который унижает и травит гардемаринов, попавших под его опеку. Тем не менее Хонор приходилось признать, что эта неустроенность влияет и на *нее*. Ни в одном из относительно коротких тренировочных полетов в Академии не происходило ничего подобного. Конечно, ни один из кораблей, на которых проходили те полеты, не был только что отремонтированным крейсером с экипажем, состоящим в основном из новичков. Однако являлась ли такая обстановка нормой или же скорее исключением? Харрингтон всегда понимала, что Академия — это закрытый мирок, в котором все сглажено, и распорядок соблюдается строго, как бы инструкторы ни наседали на гардемаринов. Без сомнения, такая же «идеальная комната для занятий» была устроена и на кораблях, приписанных к Острову Саганами, в то время как «Воительница» представляла собой реальный тяжелый крейсер. Хонор воспринимала это как вызов, возможность доказать, что она способна справиться с новыми для нее трудностями вселенной взрослых.

«Конечно, одного Элвиса Сантино более чем достаточно, чтобы любую вселенную сделать ущербной», — думала Харрингтон, двигаясь по проходу. Их наставник находился сегодня даже в худшем настроении, чем обычно, и все гардемарины понимали, что ему невозможно будет угодить. Но им ничего не оставалось, кроме как попытаться. Вот почему Хонор направлялась теперь во второй ракетный погреб пересчитывать лазерные боеголовки, чтобы подтвердить правильность компьютерных данных. Это было совершенно бессмысленным заданием, придуманным только для

того, чтобы чем-то ее занять и дать Сантино возможность лишний раз продемонстрировать свою власть. Но Харрингтон не возражала: только бы убраться от него подальше!

Она свернула налево — в Первый Осевой, большой центральный проход, расположенный как раз на продольной оси крейсера. «Воительница» была достаточно старым кораблем, и система ее лифтов оставляла желать много лучшего. Хонор могла бы почти весь путь от мостика до погреба проделать в одном из лифтов, но это заняло бы больше времени. Кроме того, ей *нравился* Первый Осевой. В нем внутренняя гравитация «Воительницы» была снижена до двух десятых *g*, и Хонор перешла на длинные прыжки, которые позволяла такая сила тяжести.

Современные боевые корабли отказались от подобного прохода в пользу рационально спланированной лифтовой системы, а большинство торговых судов его сохранило. Первый Осевой проход был удобен во многих отношениях, но, по мнению Бюро кораблестроения, являлся слабым местом боевого корабля. В отличие от меньших по размеру лифтовых шахт, проходы вроде Первого Осевого создавали немало трудностей при проектировании взрывоустойчивых люков и аварийных шлюзов. Вдобавок обширное свободное пространство в центре корабля ослабляло его общую структурную прочность. По крайней мере, так рассудили в Бюро кораблестроения. Хонор не была уверена, что согласна с этими выводами. Но поскольку ни один из флаг-офицеров или конструкторов не изъявил желания поинтересоваться ее мнением, она просто решила наслаждаться представившейся возможностью.

Нимиц вцепился в плечо Хонор, заурчав от удовольствия, когда оба они с безупречной грацией заскользили по проходу. Это было почти так же забавно, как полеты на дельтаплане дома, на Сфинксе. Пушистый хвост кота развевался по воздуху. Они были далеко не единственными, кто пользовался Первым Осевым, и Хонор сознавала, что превышает установленный здесь лимит скорости. Но ей было наплевать. Она считала, что ее на этом не поймают; а если и поймают, она всегда сможет оправдаться тем, что Сантино приказал ей: «Двигай побыстрее, салага!»

Хонор почти добралась до места, когда это случилось. Она не заметила причины столкновения, но последствия

были налицо. Рабочая группа машинного отделения из трех человек, которая буксировала антигравитационный поддон, уставленный ящиками с электронными компонентами, столкнулась с ракетным техником, управлявшим погрузчиком с пятью модулями основных двигателей ракет. То, что все отделались синяками, было почти чудом, но первы участников пострадали гораздо сильнее, чем их шкуры.

— ...и убери с дороги эту чертову бесполезную груду гребаного мусора! — рычал ракетный техник.

— Мать твою и твоей лошади! — не осталась в долгу старшая из рядовых рабочей группы. — Никто не говорил тебе, что к носу надо двигаться по правому борту, а к корме по левому? Или ты для этого слишком глуп? Ты вместе с этим куском дерьма выперся не на свою полосу! Чудо, что не угробил никого из нас!

Чтобы подкрепить свои слова, рядовая яростно пнула связку двигателей. К сожалению, при этом она не учла низкую гравитацию, и результат вместо устрашающего вышел комичным. Рядовая отправилась в полет к центру прохода, где и приземлилась на собственный зад, а двигатели даже не шелохнулись. Это не унялo ее раздражения, зато еще сильнее разъярило ракетного техника. Тот отстегнул ремни и поднялся с сиденья погрузчика с явно убийственными намерениями. Один из рядовых машинного отделения двинулся ему наперерез. В общем, дело принимало опасный оборот, когда Хонор дотянулась до поручня на переборке и затормозила.

— Отставить!

Ее сопрано прозвучало немногим громче обычного, но хлестнуло, словно кнутом. Ссорящиеся повернулись в удивлении, которое только возросло при виде гардемарина с растрепанными волосами, отдавшего этот приказ.

— Я не знаю, кто и что тут кому сделал, — резко произнесла Харрингтон, пока все пялились на нее, — и мне это безразлично. Главное, чтобы вы разобрали этот бардак и направились прямиком туда, куда должны были. — Она выдержала недолгую паузу, а затем ткнула пальцем в старшую из рядовых машинного отделения. — Вы, — обратилась Хонор к женщине, — подберите рассыпанные ящики, загрузите их обратно на поддон, но на сей раз надежно закрепите! Вы и вы, — она указала на оставшихся двух членов рабочей

группы, — помогите ей. А *вы*, — она повернулась к ракетному технику, который начал было ухмыляться при виде потрясенных лиц оппонентов, — вернитесь к управлению погрузчиком. Затяните крепления антигравов на этих ракетных двигателях, пока они окончательно не выпали, и оставайтесь на правой полосе для движения тяжелых грузов до самого конца пути!

— Э... есть, мэм!

Ракетный техник среагировал на командный тон, несмотря на то что он исходил от гардемарина, похожего на чью-то малолетнюю сестренку, и решил не раздражать офицера. Техник даже вытянулся по стойке смирно, а затем вернулся к двигателям и молча стал подтягивать крепления антигравов. Рабочая группа из машинного, придя к тому же выводу, принялась собирать свои ящики и аккуратно составлять их на поддон. Хонор мягко притопывала ногой по палубе, Нимиц с интересом наблюдал за работой с ее плеча, а суетящиеся рядовые, самый младший из которых был как минимум на шесть лет старше Харрингтон, до смешного напоминали малых детей под надзором строгой гувернантки.

Наведение порядка заняло примечательно короткое время, и все четверо рядовых повернули тщательно лишенные выражения лица к Хонор.

— Так лучше, — произнесла она одобрительно. — А теперь, полагаю, вам следует вернуться к своим обязанностям, только будьте аккуратнее.

Так точно, мэм, — отозвался хор голосов, и она кивнула.

Они продолжили работу — намного спокойнее, чем раньше, как подозревала Харрингтон, а она возобновила свое прерванное путешествие.

«Вышло неплохо», — подумала Хонор, скользя по Первому Осевому и не догадываясь об улыбавшемся главстаршине, который возник за ее спиной как раз вовремя, чтобы стать свидетелем этого эпизода.

— Итак, Пулеголовый, — начал главный корабельный старшина Фланаган, — что ты теперь думаешь об этом сборище беспомощных маменькиных деток?

— Кто, я? — Главный старшина Шелтон сидел откинувшись в кресле и забросив ноги на стол главстаршинской

кают-компании. Шелтон улыбнулся, покачивая в руках стакан с пивом. Не многим дозволялось в глаза называть его так, но они с Фланаганом знали друг друга больше двадцати стандартных лет. А кроме того, что, возможно, было даже более важным, Фланаган являлся боцманом «Воительницы», то есть самым старшим из неофицерской части экипажа.

— Да, ты, — подтвердил Фланаган. — Ты когда-нибудь в своей жизни видел настолько беспомощную компанию? Клянусь, кое-кто из них не сразу сообразит, который из люков шлюза следует открывать первым!

— О, не все они настолько плохи, — возразил Шелтон. — Есть кое-какие проблемы — черт, будем честны, есть *уйма* проблем! — но они понемногу решаются. К нашему прибытию в Силезию гардемарины будут вполне готовы. А некоторые из них не так плохи уже сейчас.

— Полагаешь? — Брови Фланагана приподнялись, и главстаршина кивнул в ответ. — И кто именно, если не секрет, удостоился этой похвалы?

— Юная Харрингтон, если хочешь знать, — ответил Шелтон. — Я встретил ее в Первом Осевом сегодня утром, когда она снимала стружку с пары рабочих групп, умудрившихся врезаться друг в друга. Ящики с электроникой разбросаны по всей палубе, антигравитационный поддон на боку, погрузчик уткнулся в переборку, полдюжины ракетных двигателей готовы выскользнуть из креплений — хороша картина? Не говоря уж о паре рядовых, которые вот-вот начнут выбивать пыль друг из друга, выясняя, кто самый тупой. И она — стоит там и усмиряет их. Построила эти жалкие задницы за считаные минуты.

Фланаган с трудом скрывал удивление: в голосе Шелтона не каждый день услышишь столь одобрительные нотки.

— Не думал, что у нее хватит децибел для усмирения толпы, — заметил боцман, внимательно наблюдая за выражением лица своего друга. — С ее-то нежным голосом, она, полагаю, выглядела довольно глупо, когда кричала на грубых космонавтов.

— Не-а, — с улыбкой ответил Шелтон. — В том-то и вся прелесть: она не кричала, даже ни разу не повысила голос. Ей это не было нужно. Она пока салага, но эта юная леди может подпалить краску на бронированной переборке

одной только интонацией. Не видел ничего подобного за многие годы.

— Если так, то этот дерьмоголовый Сантино мог бы кое-чему поучиться у своих салаг, — съязвил Фланаган, и настала очередь Шелтона удивляться. За все те годы, что они были знакомы, Шелтон мог бы по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда его друг выражался подобным образом в адрес офицеров. Ну, может быть, пришлось бы задействовать пару пальцев второй руки. Правда, на этот раз главстаршина был вполне согласен с боцманом.

— На самом деле, полагаю, он мог бы научиться у Харрингтон чертовски многим вещам, — отозвался Шелтон через мгновение. — Да и не только у нее — у всей этой компании. Если бы сумел продержать рот закрытым достаточно долго, чтобы их услышать.

— И насколько *это* вероятно? — фыркнул Фланаган.

— Не очень, — заключил Шелтон. — Этот человек наслаждается звуком собственного голоса.

— Я бы не имел ничего против, если бы он не был таким ублюдком, — сказал Фланаган, по-прежнему с оттенком горького осуждения.

Шелтон взглянул на него через стол, начиная испытывать тревогу.

— Ты не хочешь ничего мне рассказать по этому поводу, Ян?

— Думаю, ничего такого, чего бы ты сам не знал, — угрюмо произнес Фланаган. — Только то, что он — полная задница. Черт, тебе должно быть лучше меня известно, как он втаптывает в грязь салаг! И со своими людьми в тактической секции обращается точно так же. Прекрасно понимая, что не стоит злить старшин, он вчера обрушился как перегрузка в пять же на своего сигнальщика за ошибку, которая целиком и полностью была его собственной. Знаешь, мне не по душе офицер, который срывается на своих подчиненных, когда *сам* же и напортачил. Этот человек — самая бесполезная куча дерьма, какую я только видел в офицерской форме, Пулеголовый.

— Не знаю, готов ли я зайти так далеко, — ответил Шелтон рассудительным тоном. — Я, знаешь ли, повидал достаточно паршивых офицеров. Некоторые могли бы даже посоревноваться с Сантино. С другой стороны, не могу

сказать, чтобы хоть кто-то из них был *хуже* его. — Он помедлил и вопросительно взглянул на друга. — Знаешь, Ян, а ведь это не по Уставу: собраться двум главным старшинам и злословить об офицере за пивком.

— Но ты же не видел, чтобы я делал это с кем-то еще, не так ли? — парировал Фланаган и поморщился. — Черт, Пулеголовый, ты же, как и я, знаешь, что Сантино — худший офицер на этом корабле. Ну, будь честен. Ты ведь обеспокоен тем, как он обращается с салагами, так?

— Верно, — признал Шелтон. — Вот я вижу подростка вроде Харрингтон — да любого из них, но особенно Харрингтон, — вижу его потенциал, а вот вижу Сантино, который изо всех сил старается выбить это из них. Я имею в виду, что одно дело быть с ними суровым и совершенно другое — гонять их двадцать два часа в сутки из чистой подлости, поскольку ты знаешь, что они ничего не могут тебе сделать.

— Я думаю то же самое, — согласился Фланаган. — Мало того, что Устав на его стороне, так вдобавок салаги знают, что он может спустить в шлюз их карьеру в любой удобный момент, если они не будут целовать его в зад достаточно часто.

— Может быть. Но должен тебе сказать, Ян, что я не знаю, сколько еще сможет все это выносить Харрингтон, — покачал головой Шелтон. — У меня были сомнения, когда она появилась с этим древесным котом. В первый раз я встретил кого-то из них на борту корабля. Я полагал, что это создаст проблемы как минимум в Салажьем Уголке и что Харрингтон станет задирать нос, оттого что он у нее есть. Я ошибся и в том и в другом. Эта девочка способна на многое. Она далеко пойдет... если только Сантино не прижмет ее слишком сильно. У Харрингтон есть характер, как бы она ни пыталась это скрыть, и Сантино стоит у нее костью поперек горла. Однажды она сорвется, и тогда...

Двое старшин уставились друг на друга через стол, и ни один из них больше не испытывал желания шутить.

— Скажите мне, миз Харрингтон, — произнес Элвис Сантино, — возможно ли такое, что благодаря какому-то бурному полету фантазии вы и правда считаете эту работу завершенной?

Лейтенант стоял в каземате Гразера-три, второго энергетического орудия левого борта «Воительницы». Они с Хонор были в скафандрах, как требовал Устав, поскольку от вакуума каземат отделял не полноценный шлюз, а только люк. Когда корабль готовится к бою, каземат открывается прямо в космос, блок излучателя разворачивается и силовые приводы выдвигают орудие целиком наружу, пока головка излучателя не окажется за пределами корабля, где сможет безопасно задействовать гравитационные линзы. В глубине души Хонор всегда забавляло то, что современные энергетические орудия «выкатывают», как какие-то заряжавшиеся с дула пушки времен парусных флотов на Старой Земле. Однако сейчас она чувствовала только глухо бурлившее негодование на чертова наставника.

Сантино принял свою излюбленную позу, подбоченясь и широко расставив ноги. «Все, что ему нужно для завершения образа звезды головидения, — это прищуриться в лучах яркого солнца», — насмешливо подумала Хонор и в который раз задалась вопросом: неужели болван и впрямь не понимает, какое впечатление эта поза производит на подчиненных? И в настоящий момент подобный вопрос не был риторическим, поскольку шестеро из этих подчиненных — включая главстаршину Шелтона — молчаливыми свидетелями стояли за спиной Харрингтон.

— Да, сэр. — Хонор заставила голос звучать ровно, но Сантино все равно оскалился.

— Тогда я могу только сказать, что ваше суждение сомнительно, миз Харрингтон, — заявил он. — Даже отсюда я вижу, что на первом силовом приводе все еще открыта сервисная панель!

— Да, сэр, — согласилась Хонор. — Когда мы открыли ее...

— Не припомню, чтобы интересовался вашими оправданиями, миз Харрингтон! — отрезал он. — Открыта сервисная панель или нет?

Хонор сжала зубы и порадовалась, что Нимица нет поблизости. У кота не было скафандра. Поэтому он, к счастью, не имел допуска в каземат и, значит, не мог ощетиниться и зарычать в ответ на такое поведение Сантино.

— Да, сэр, открыта, — повторила Хонор спустя мгновение таким тоном, словно говорила это впервые.

— И вы, возможно, в курсе, что действующие правила требуют, чтобы по завершении проверки и планового обслуживания все сервисные панели закрывались? — продолжал давить помощник тактика.

— Да, сэр. — Голос Хонор звучал жестче обычного, и уголок ее рта начал подергиваться.

Когда Сантино увидел это, его глазах блеснули. Лейтенант подался вперед.

— Так какого черта ты тут стоишь и называешь это «компетентно» выполненной работой? — жестко потребовал он ответа.

— Потому, сэр, что первый силовой привод серьезно неисправен, — ответила Хонор. — Должно быть, в основном приводе со времени последнего планового обслуживания произошло короткое замыкание. Внутри корпуса видны следы искрения, а первый и пятый этапы диагностики выдают красные сигналы. Согласно действующим правилам, я немедленно поставила в известность коммандера Ла Ваше. Она велела мне выключить главный рубильник, повесить на привод красную бирку и оставить сервисную панель открытой до того, как коммандер пришлет команду ремонтников. И все это, сэр, есть в моем рапорте.

Хонор невозмутимо встретила его взгляд и тут же мысленно дала себе пинка за этот срыв, поскольку увидела вспышку гнева в глазах Сантино. Она говорила спокойно, но общий тон ее ответа — особенно последней фразы насчет рапорта — переходил все границы. Никто не сможет этого доказать, но и она, и Сантино оба знали, что поступила она так нарочно, желая досадить ему. Он побагровел от злости.

— Полагаю, что тебе известно, какое наказание полагается за нарушение субординации, — прокрежетал он.

Хонор ничего не ответила, и он побагровел еще сильнее.

— Салага, я задал тебе вопрос! — рявкнул он.

— Прошу прощения, сэр, я не поняла, что это был вопрос. Он прозвучал как утверждение.

Харрингтон едва верила собственной дерзости. Она чувствовала удивление главного старшины Шелтона и остальных наблюдавших за этой сценой. «Что со мной? — подумала Хонор. — Во имя всего святого, зачем я так его злю?»

— Но это был вопрос! — отрезал Сантино. — Так что отвечай!

— Да, сэр, — сказала она. — Мне известно наказание за нарушение субординации.

— Это здорово, салага, потому что ты только что повесила его себе на шею! А теперь убирайся прочь с моих глаз! Отправляйся в свой кубрик и оставайся там до дальнейших распоряжений.

— Есть, сэр! — Она встала по стойке смирно, резко отдала честь, повернулась на каблуках и промаршировала наружу, высоко держа голову.

А человек, во власти которого было уничтожить карьеру Харрингтон еще до ее начала, в ярости глядел ей вслед.

Когда прозвучал сигнал, коммандер Лэйсон оторвался от дисплея и нажал кнопку допуска. В открывшийся проем шагнул лейтенант Сантино.

— Вы хотели меня видеть, сэр? — спросил он.

Лэйсон кивнул, но не произнес ни слова. Он глядел на помощника тактика прохладным, задумчивым взглядом. Лицо коммандера не выражало ни гнева, ни раздражения, но Сантино вздрогнул под этим бесстрастным взором. Он пока не первничал, но дело явно шло к этому, а молчание все продолжалось. В конце концов, по истечении как минимум трех минут, Сантино не выдержал и откашлялся.

— Э-э... разрешите спросить, почему вы хотели видеть меня, сэр?

— Разрешаю.

Лэйсон откинулся в кресле и сложил руки на животе. Он просидел так несколько секунд, не отрывая взгляда от лица Сантино, чем еще сильнее напряг лейтенанта, а затем произнес ровным тоном:

— Насколько я понял, сегодня у вас возникли... проблемы с гардемарином Харрингтон, лейтенант. Полагаю, вы расскажете мне, в чем дело.

Сантино моргнул, затем покраснел. Он еще никому не докладывал о проступке Харрингтон, но девчонка, выходит, уже наябедничала обо всем старпому. Ничего другого от нее нельзя было ожидать! Сантино знал, с кем ему придется иметь дело, еще до того, как эта смутьянка взошла на борт. Он был благодарен за предупреждение, даже если помощнику тактика и не положено обсуждать до рейса

салаг, которые окажутся на его попечении. Она же, со своим мерзким зверем и особым отношением, которое оба получили, оказалась еще хуже, чем его предупреждали. Сантино, конечно, заметил высокомерие в ее глазах и плохо скрываемую уверенность в собственном превосходстве. И то и другое он хотел из нее выбить в слабой надежде, что остатков хватит, чтобы слепить из нее достойного офицера. И хотя сегодняшний эпизод нанес смертельный удар по этой надежде, помощник тактика испытывал удивление, что у нее хватило духу пойти плакаться старпому, после того как он, Сантино, запретил ей покидать кубрик — что, как она прекрасно знала, также исключало общение по комму. Что же, он просто добавит это в доклад о ее профпригодности.

Осознав, что старпом ждет, он снова моргнул и встряхнулся.

— Конечно, сэр, — произнес Сантино. — Ей поручили проверку планового обслуживания Гразера-три. Когда я пришел проконтролировать ее работу, она приказала инспекционной команде заканчивать и приготовилась к докладу. Однако я заметил, что панель сервисного доступа на одном из силовых приводов все еще открыта, в нарушение существующих правил. Когда я указал на это Харрингтон, ее реакция была дерзкой и подрывающей дисциплину, а речь неподобающей, поэтому я отправил ее в кубрик.

— Понятно.— Лэйсон едва заметно нахмурился.— И как же именно она дерзила и подрывала дисциплину?

— Дело в том, сэр,— осторожно ответил Сантино,— что я спросил ее, считает ли она работу завершенной, и она ответила — да. Тогда я указал на открытую панель и спросил, знакома ли она с действующими правилами, которые требуют, чтобы такие панели закрывались, когда они не используются во время инспекции или ремонта. Тон и манеры Харрингтон были вызывающими, когда она ответила, что знает надлежащую процедуру. И лишь когда я потребовал обстоятельных объяснений, она сообщила мне, что обнаружила неисправность в силовом приводе и доложила об этом в Инженерный. Разумеется, я никак не мог знать об этом до ее объяснения, но ее манеры по-прежнему были неподобающими, а тон и выбор слов, по моему мнению, намеренно выражали презрение к старшему офицеру. При

таких обстоятельствах я не нашел иного выхода, кроме как освободить ее от обязанностей в ожидании дисциплинарного взыскания.

— Понятно, — вновь сказал Лэйсон и резко выпрямился в кресле. — К сожалению, лейтенант, я уже выслушал другую версию разговора, которая не вполне соответствует вашей.

— Сэр? — Сантино вытянулся и расправил плечи. — Сэр, если Харрингтон пыталась...

— Я не говорил, что услышал это от гардемарина Харрингтон, — ледяным тоном оборвал его Лэйсон, и Сантино со стуком закрыл рот. — И я также не говорил, что слышал это только от одного человека, — продолжал старпом все так же бесстрастно. — На самом деле у меня имеется шесть свидетелей, и никто из них — ни один, лейтенант Сантино, — не описывает события так, как вы. Не желаете прокомментировать это маленькое несоответствие?

Сантино облизнул губы и почувствовал, как под каймой берета зачесался вспотевший лоб.

— Сэр, я могу передать только собственные впечатления, — сказал он. — При всем уважении, сэр, за эти восемь недель у меня было достаточно возможностей понаблюдать за поведением и манерой держаться Харрингтон. Полагаю, это даст мне, ее обучающему офицеру, немного лучшее представление о ее характере, нежели старшине и рабочей команде.

— Главный старшина, о котором идет речь, — тихо произнес Лэйсон, — состоит на королевской службе на семь лет дольше, чем вы прожили на свете, лейтенант Сантино. За это время он успел повидать больше гардемаринов, чем вы — обедов. Я не собираюсь выслушивать никаких предположений относительно того, что он недостаточно опытен, чтобы сформировать разумное и достойное доверия мнение о личности миз Харрингтон. Я понятно говорю?

— Да, сэр!

Теперь пот уже вовсю струился по лицу Сантино. Лэйсон встал.

— Более того, мистер Сантино, — отчеканил он, — несколько дней назад, когда до меня стали доходить тревожные сообщения о наших кандидатах в офицеры, я попросил главстаршину Шелтона поделиться со мной впечатлением, основанном на его многолетнем опыте. Поэтому он

действовал по моему прямому указанию, когда излагал мне свою версию вашей... дискуссии с миз Харрингтон. Честно говоря, я рад, что он присутствовал при ней, поскольку этот эпизод подтверждает то, что я уже сам начал подозревать. А именно, мистер Сантино, что вы явно слишком тупы, чтобы не описать собственные ботинки без письменной инструкции!

На последнем предложении голос старпома хлестнул, словно плеткой, и Сантино вздрогнул. Затем его лицо побагровело и губы сжались.

— Сэр, я возмущен вашими намеками и решительно протестую против ваших слов! Ничто в военном Уставе не обязует меня терпеть оскорбления и злоупотребления!

— Но Устав *заставляет* миз Харрингтон и ее товарищей гардемаринов терпеть *ваши* оскорбления и злоупотребления? — Голос Лэйсона внезапно стал подобен шелку, за которым скрывается лезвие кинжала. — Не это ли вы имеете в виду, мистер Сантино?

— Я... — начал Сантино, но замолчал и вновь облизнул губы, сообразив, что старпом поймал его в ловушку.

— Сэр, это разные ситуации, — наконец сказал он. — Харрингтон и другие салаги только что прибыли из Академии. Они еще не поняли, что никто на Флоте не будет носиться с ними и утирать им носы. Если им показалось или главный старшина Шелтон решил, что я злоупотребляю своим положением, то я просто старался подтянуть их и превратить в достойных королевских офицеров!

Он вызывающе смотрел в глаза Лэйсона, и губы старпома скривились.

— Я почему-то предвидел, что вы это скажете, лейтенант, — заявил он. — И конечно, никто не сумеет доказать, что вы лжете. Если бы я *мог* это доказать, вы очутились бы под следствием так быстро, что закружилась бы голова. Поскольку я не могу, я просто объясню вам кое-что. Но только один раз, и попробуйте не послушаться!

Старпом не повысил голос, но Сантино с усилием сглотнул, когда Лэйсон обошел стол, прислонился к его краю бедром, сложил руки на груди и посмотрел прямо в глаза лейтенанту:

— К вашему сведению, мистер Сантино, эти юноши и девушки уже стали королевскими офицерами. Это правда,

что они на последнем курсе Академии и находятся здесь не только для обучения, но и для оценки. Но пока они на борту корабля, они такие же члены экипажа и королевские офицеры, как и *вы*. Это значит, что к ним следует относиться с уважением, особенно старшим по званию. Считается, что рейс гардемаринов должен быть трудным. Гардемарин должен оказаться под сильным давлением, чтобы мы смогли оценить его способность работать в стрессовой ситуации, а также — убедить *его*, что он в состоянии справиться со сложными заданиями. Они *не должны* подвергаться оскорблениям, запугиванию или незаслуженному презрению со стороны старшего офицера, который настолько туп, что не знает собственных обязанностей.

— Сэр, я никогда не оскорблял и не запугивал...

— Лейтенант, вы никогда не прекращали запугивать их! — рявкнул Лэйсон. — Вот, например, слово «салага». Несмотря на то что повсеместно принято так называть гардемарина в учебном рейсе, офицеру-наставнику не пристало обращаться таким образом к своим подопечным! Вы оскорбляли и травили их с самого начала — и как я подозреваю, делали это потому, что вы не только идиот, но и трус. Действительно, кто ожидает, что простой гардемарин выступит против старшего офицера? Особенно если она знает, что этот старший офицер может спустить ее карьеру в шлюз плохим докладом о профпригодности?

Сжав челюсти, Сантино напряженно стоял, а Лэйсон разглядывал его с ледяным презрением.

— Начиная с этого момента вы освобождены от должности ответственного за обучение кандидатов в офицеры, лейтенант Сантино. Я доложу об этом капитану, и он, конечно, найдет другого человека для этого занятия. Тем временем вы подготовите все записи о гардемаринах, бывших под вашим руководством, для немедленной передачи новому наставнику. Далее, по отношению к гардемарину Харрингтон, любому другому гардемарину на борту, главстаршине Шелтону и любому члену рабочей команды миз Харрингтон вы не будете предпринимать ничего, что капитан или я могли бы расценить как месть. Если вы пойдете на это, то, уверяю вас, пожалеете. Все ясно?

Сантино судорожно кивнул, и Лэйсон наградил его ледяной улыбкой.

— Боюсь, я не расслышал вас, мистер Сантино. Я спросил: понятно ли вам?

— Да, сэр. — Ответ прозвучал приглушенно, и Лэйсон наконец улыбнулся.

— Отлично, лейтенант, — тихо произнес он. — Свободны.

Хонор так и не узнала, что́ именно коммандер Лэйсон сказал Сантино в тот день, но ненависть, полыхавшая во взгляде помощника тактика, давала понять, что разговор был не из приятных. Когда коммандер Лэйсон объявил гардемаринам, что лейтенант Сондерс назначен их новым наставником, они постарались — и в основном успешно — сдержать свою радость. Но ее невозможно было скрывать от всех в таком замкнутом мирке, как космический корабль.

Условия в Салажьем Уголке улучшились сразу и резко. Жизнерадостный Сондерс был строгим и требовательным во всем, что касалось службы, но издевательски насмешливые манеры Сантино были абсолютно чужды астрогатору. Он и не нуждался в них, поскольку лишь идиот — а среди гардемаринов «Воительницы» их не было — не стал бы воспринимать Сондерса всерьез. Также Сондерс не привык изводить подопечных просто для развлечения, и одного этого вполне хватило, чтобы он им понравился.

К сожалению, полностью избегать Сантино было невозможно, даже после того как Сондерс пришел ему на смену. Тактика являлась одной из важнейших флотских дисциплин, собственно, поэтому помощник главы этой службы традиционно и становился наставником кандидатов в офицеры. То, что Сантино отстранили от этой должности — и вполне обоснованно, — должно было серьезно подпортить его послужной список. И это только усугубляло сжигавшую его ненависть.

Вдобавок новое распределение обязанностей оказалось неудобным для всех. Сантино выгнали из наставников, но, что бы старпом и капитан ни высказали ему лично, его не освободили ни от какой другой работы. Хонор заметила, что лейтенант-коммандер Хираке стала уделять гардемаринам гораздо больше времени, но доложить ей о решении обучающей задачи, не оказавшись поблизости от Сантино, было почти невозможно. По меньшей мере в половине случаев Элвис Сантино наблюдал за их тренировочными си-

муляциями, и никому из гардемаринов это не доставляло удовольствия. Впрочем, и Сантино тоже. Из осторожности он свел общение с ними к формальному минимуму, но пламя в его взгляде недвусмысленно говорило о том, как нелегко ему сдерживаться. У кого-нибудь другого, не у Хонор Харрингтон, нынешнее положение Сантино могло бы даже вызвать жалость. Ведь, учитывая обстоятельства его отставки, любая встреча с гардемаринами напоминала ему о собственном позоре.

Хонор отлично понимала, что должен был чувствовать помощник тактика, но уж она-то ни в малейшей степени не испытывала искушения пожалеть его. К тому же Элвис Сантино оставался Элвисом Сантино: ему даже не приходило в голову винить в том, что случилось с ним, кого-то еще, кроме Хонор Харрингтон. Несмотря на все, что ему сообщил старпом, Сантино не был способен побороть или хотя бы скрыть ненависть. Его чувства не изменились ни на йоту, что бы Хонор ни делала; ну и она, в свою очередь, не собиралась заставлять себя сочувствовать тому, кто целиком заслужил свою участь.

Теперь, когда его убрали, ей в каком-то смысле стало едва ли не хуже. Не только Сантино был вынужден сдерживать ярость в тех случаях, когда они сталкивались по службе, но и от Хонор требовалось вести себя так, будто ничего не случилось. Хонор знала, что Лэйсон не мог сделать почти ничего, чтобы сократить их контакты. Или не хотел. Убрать Сантино с горизонта вообще значило полностью освободить его от обязанностей офицера-тактика вслед за воспитательными. Этот шаг стал бы вполне логичным, но он окончательно унизил бы Сантино и пустил его карьеру под откос.

Иной раз Хонор задавалась вопросом: а не было ли у старпома еще одной причины оставить помощника тактика? Это хороший способ выяснить, как она и ее товарищи гардемарины будут держаться в подобной напряженной обстановке.

Однако в остальном Хонор чувствовала, что растет и совершенствуется. Наконец-то она могла, не оглядываясь ни на кого и не ожидая ежесекундно окрика, погрузиться в обучающий опыт, которого с избытком хватало в этом рейсе. То, что «Воительница» вскоре после избавления

гардемаринов от Сантино прибыла в пространство Силезии, стало еще одним поводом для радости, хотя Хонор допускала, что кому-то будет трудно это понять.

Силезская Конфедерация представляла собой змеиный клубок противоборствующих фракций, революционных правительств и коррумпированных губернаторов. Ее центральное правительство поддерживало слабую видимость власти только при молчаливом согласии всего этого гнезда и благодаря тому, что многочисленные непокорные группировки не были способны объединиться против правительства точно так же, как друг против друга. Случайного наблюдателя — особенно случайного гражданского наблюдателя — можно было понять, если бы он нашел такую обстановку весьма неуютной. Но Харрингтон смотрела на это с другой точки зрения: ведь именно непрекращающиеся беспорядки привели сюда ее корабль, и она с нетерпением ожидала возможности испытать себя.

В некотором роде как раз нестабильностью Силезии объяснялись огромные возможности, которые Конфедерация предоставляла мантикорским торговцам. Она не имела надежных поставщиков для удовлетворения всех нужд большинства собственных граждан, что открывало широчайшие возможности ловким дельцам извне. К сожалению, эта же нестабильность способствовала распространению многочисленных каперов и пиратов — охотников за торговыми судами Звездного Королевства. За много лет Королевский Флот Мантикоры выработал бескомпромиссно четкие, воистину драконовские правила в отношении пиратов. Следить за соблюдением этих правил и предстояло «Воительнице».

Действия Королевского Флота причиняли джентльменам удачи большой урон; но захват даже одного торгового судна в семь-восемь миллионов тонн мог принести пиратской команде миллионы и миллионы долларов, а алчность — мощная мотивация. Даже наиглупейший разбойник знал, что Флот Звездного Королевства не сможет контролировать все торговые пути. И никто, кроме, возможно, андерманцев, даже не пытался заняться чем-либо подобным.

Таким образом, Силезская Конфедерация десятилетиями являлась тренировочной базой для Королевского Фло-

та Мантикоры. Это было лучшее место для того, чтобы выковать экипаж, закалить командиров кораблей, получить тактический опыт в небольших сражениях и ознакомить флотский персонал с реалиями теневой политики, в то же самое время занимаясь полезным практическим делом — защитой торговли Звездного Королевства.

Для компании по борьбе с пиратством хронически недоставало боевых кораблей. Так было и прежде, но в последние годы ситуация стала ухудшаться из-за постоянного наращивания военного флота. Увеличивалось число крупных кораблей и фортов для туннельной сети, все труднее становилось укомплектовывать их экипажами — и в итоге количество легких единиц, способных развернуться в такой области, как Силезия, резко сократилось.

Все это означало, что на КЕВ «Воительница» и лично миз гардемарин Харрингтон ляжет дополнительная нагрузка. Чем меньше кораблей добиралось до Силезии, тем обильнее приходилось потеть счастливцам, которые все же там оказывались.

Хонор вошла в офицерскую кают-компанию с Нимицем на плече. Согласно бортовым часам «Воительницы» был поздний вечер, дежурство Хонор закончилось, она устала, но спать еще не хотелось. Тяжелый крейсер завершил альфа-переход в нормальный космос в системе Мелкор сектора Сагинау незадолго до конца вахты Хонор. У нее была удобная позиция, с которой гардемарин могла наблюдать за процессом перехода: на этот месяц ее определили в астрогацию. С точки зрения Хонор, здесь были свои преимущества и недостатки. Немало увлекательных минут она провела, подстраховывая лейтенанта-коммандера Добреску во время подхода к альфа-стене. Добреску, астрогатор «Воительницы» и начальник лейтенанта Сондерса, был асом в своем деле, и ему едва ли требовалась помощь Хонор в маневре, который он выполнял сотни раз. Но все равно сидеть в кресле помощника рядом с коммандером и наблюдать за тем, как гипержурнал отсчитывает приближение точки перехода... это даже не столько восхищало, сколько доставляло *удовольствие*. Несмотря на то что Харрингтон все равно предпочитала тактику астрогации — во всяком случае, когда рядом не маячил Сантино, — все же было

нечто особенное в человеке, направляющем корабль среди звезд.

Если бы только ей хоть чуть-чуть это удавалось...

Хонор понимала, что на самом деле ее астрогация практически в полном порядке. *Теорию* она знала в совершенстве и, когда ее оставляли одну в обществе компьютеров, она не сомневалась, что сумеет проложить курс в Галактике. К сожалению, Хонор была гардемарином и всего лишь проходила подготовку. Для Флота, включая Добреску и лейтенанта Сондерса (каким бы он ни был прекрасным человеком), Харрингтон являлась учеником, а ученикам полагалось демонстрировать способность выполнять простые вычисления с калькулятором и стилусом. Что для Хонор превращалось в настоящую му́ку. Как бы хорошо она ни знала теорию астрогации и многомерную математику, с ее реальными вычислительными навыками дело обстояло совсем иначе. Математика никогда не давалась Хонор, что лишь сильнее раздражало ее: ведь, учитывая ее способности, она должна была преуспевать и в этом.

Если Харрингтон оставляли в покое и не стояли над душой, ожидая от нее немедленного ответа, она могла выдать правильный результат. Более того, если у нее не было времени вспомнить, что она ноль в математике, правильный ответ выходил достаточно быстро. Но во время обучения салаг такой роскоши ей не предоставляли, и сердце Хонор обливалось кровью всякий раз, как Добреску поручал ей задачу. Что, с ее точки зрения, было не только несправедливо, но и глупо.

Ведь ни Добреску, ни любой другой астрогатор не выполняли вычисления вручную. Сама идея просто смехотворна! В первую очередь для этого и существуют компьютеры, а если на корабле произойдет настолько сильный сбой системы, что астрогация отключится, то вычисление местоположения окажется наименьшей проблемой. Хонор хотелось бы посмотреть, как кто-нибудь будет управляться с гипергенератором, компенсатором инерции или гравитационным сжатием в термоядерном реакторе без помощи компьютера! Но власть имущих не слишком интересовала точка зрения какого-то там гардемарина, и потому Харрингтон продиралась сквозь старомодный, трудоемкий, раздражающий, *глупый* метод пера и пергамента, как ма-

ленькая послушная салага, каковой, в сущности, и являлась.

По крайней мере, у лейтенант-коммандера Добреску имелось чувство юмора.

И по крайней мере, они благополучно вернулись в нормальное пространство с тремя старыми добрыми измерениями.

Вот если бы еще Мелкор оказался интересной звездой, учитывая, сколько усилий Хонор, с ее устаревшей техникой, приложила для того, чтобы превозмочь недостатки корабельных компьютеров и привести сюда «Воительницу» в целости и сохранности! К сожалению, это было не так. Система могла похвастаться тремя очень большими газовыми гигантами, между орбитами которых расположились четыре пояса астероидов; но из семи планет только одна представляла хоть какой-то интерес для людей. Это была Арианна - единственная обитаемая планета системы. Она вращалась вокруг Мелкора на расстоянии девяти световых минут, одиннадцать световых минут внутри гиперграницы звезды.

Арианна отличалась сухой, гористой местностью, с узкими, мелкими морями, совсем небольшими ледниками и низкой, засухоустойчивой растительностью. Планету заселили более двухсот стандартных лет назад, но колония едва сводила концы с концами, пока пятьдесят лет назад андерманский горнодобывающий консорциум не решил вплотную заняться добычей полезных ископаемых на местных астероидах. Внешние инвестиции и последующее открытие месторождения редких металлов привели к экономическому буму и привлекли в звездную систему больше иммигрантов, чем правительство Мелкора когда-либо могло ожидать.

К несчастью для андерманцев, губернатор сектора усмотрел в буме прежде всего возможность набить собственные карманы. В Силезии это не было редкостью, и финансовые воротилы андерманского консорциума не особенно удивились, когда губернатор начал вмешиваться в их инвестиции. Взятки и откаты были нормой жизни в Конфедерации, и люди вроде губернатора сектора Сагипау знали, как вымогать их. Через десять лет он и его семья владели более чем тридцатью процентами всего консорциума, и

первоначальные андерманские спонсоры начали продавать свои акции другим силезцам. Еще через десять лет все горнодобывающее предприятие находилось в руках местных дельцов и, как и многие другие силезские компании, управлялось очень и очень плохо.

Но на сей раз большинство акционеров желали восстановить свои былые доходы, и из Звездного Королевства был приглашен картель Диллингэм, чтобы привести дела в порядок. Это главным образом и объясняло присутствие «Воительницы» в Мелкоре.

Диллингэм выписал мантикорских экспертов по добывающей промышленности и начал планомерно обновлять оборудование, успевшее износиться под силезским управлением. Хонор подозревала, что картель был вынужден платить высокие премии за риск всем мантикорцам, которые согласились переехать сюда. Кроме того, как сообщил экипажу «Воительницы» капитан Бахфиш, Диллингэм счел нужным установить поистине впечатляющие защитные системы для охраны своих добывающих комплексов и самой Арианны. Они вряд ли были способны устоять против регулярных вооруженных сил, но заставили бы серьезно призадуматься любой пиратский сброд.

К сожалению, центральное правительство Конфедерации не желало допускать частные военные корабли на свою территорию, поэтому Диллингэму пришлось ограничиваться орбитальными системами. По мнению Хонор, запрет на частные боевые корабли являлся одним из многих глупых законов Конфедерации. Без сомнения, это было попыткой сократить число вооруженных судов, попадавших в руки пиратов, но и после введения закона положение не сильно изменилось. Он связал руки в первую очередь тем, кто мог бы обеспечить всю звездную систему относительной безопасностью, весьма редкой в Силезии. Стационарные защитные системы картеля создали внутри системы Мелкора зоны, куда не мог сунуться ни один пират, но при входе или выходе из системы торговые суда оставались по-прежнему беззащитными.

Разумеется, это вряд ли заботило Конфедерацию. В эти дни почти все прибывающие и уходящие корабли в системе Мелкора были мантикорскими, кроме горстки андерманских, которые все еще останавливались там. «Если ино-

странцы боятся обжечься, пусть убираются из кухни» — так, вероятно, рассуждало Правительство. — Или, как в случае «Воительницы», призовут на подмогу собственные власти.

Конечно, Конфедерация не горела желанием признавать, что нуждается в иностранном флоте для патрулирования собственной территории. Но все понимали, что Мантикора вышлет военные корабли для защиты своей торговли, чего бы там ни хотелось силезцам, — так что гости смогут взять на себя еще и Мелкор. А если Звездное Королевство потеряет несколько торговых судов с экипажами — что ж, так этим нахальным иностранцам и надо.

Хонор не была настолько наивной, чтобы удивляться подобной ситуации. Разумеется, такое положение дел не могло ей нравиться, но, как и все, кто стремился к командованию королевским кораблем, Хонор признавала охрану торговли — сердца, крови и мышц экономического могущества Звездного Королевства — одной из важнейших задач Флота. Гардемарин не сожалела о том, что находится здесь для защиты жизни и собственности мантикорцев, несмотря на ее невысокое мнение о так называемом местном правительстве, благодаря которому ее присутствие стало необходимым.

И все же Харрингтон не слишком верила, что «Воительнице» попадется нечто по-настоящему интересное. Как частенько предупреждал капитан Курвуазье, жизнь на боевом корабле состояла из десяти процентов тяжелого труда, восьмидесяти девяти процентов скуки и одного процента настоящего, ошеломительного ужаса. В таком месте, как Силезия, процентное соотношение могло слегка измениться, но с большей вероятностью — именно в пользу скуки.

Хонор знала об этом, но все же немного волновалась и не хотела идти спать. Кроме того, ее мучил голод. Опять. Всех этих причин было вполне достаточно, чтобы завернуть в кают-компанию.

Войдя, Хонор оглядела помещение с легким беспокойством, но быстро расслабилась. Гардемарин в кают-компании — это почти как младший член закрытого клуба во время испытательного срока, только еще бесправнее. Салаг не гонят отсюда, но по традиции они должны быть тише воды, ниже травы, пока кто-то из старших членов клуба не

позволит им открыть рот. Вдобавок гардемаринам приходилось выполнять разные поручения. Едва ли кто-нибудь из этих старших пожертвует хотя бы минутой своего с таким трудом заработанного отдыха, чтобы встать и пройти в другой конец каюты, когда вместо этого можно послать более молодые ноги. Собственно говоря, обычай отправлять гардемаринов по всяким поручениям был еще одной давней флотской традицией, частью испытания, обрядом посвящения молодых в таинства племенной мудрости, и Хонор не возражала против него. Во всяком случае, по большей части.

На этот раз ей повезло. Сантино, разумеется, не дежурил — иначе бы и ноги Хонор в кают-компании не было, — но также отсутствовала и лейтенант-коммандер Ла Ваше. Она, будучи вполне приятной особой во всем остальном, обнаружила явный талант в выдумывании занятий для гардемаринов — и бесстыдно этим наслаждалась. Лейтенант Сондерс на миг оторвался от чтения и приветственно кивнул Хонор. Коммандер Лэйсон и лейтенант Джефферс, офицер снабжения, не поднимали взглядов от шахматной доски, а лейтенанты Ливанос и Тергесен — соответственно первый и второй инженеры Ла Ваше — были заняты какой-то карточной игрой с энсином Бауманн.

Помимо Сондерса, с его беглым приветствием, никто, кажется, не заметил Хонор, и она двинулась прямиком к столику с едой. Угощение в кают-компании было значительно хуже того, что подавали в офицерской столовой, но заслуживало оценку на несколько звездочек выше, чем внеслужебные рационы, доступные обитателям Салажьего Уголка. И самое важное, по мнению Хонор, — было более обильным!

Нимиц встрепенулся на плече, когда она передала ему палочку из сельдерея с сырной начинкой. Затем Хонор вытянула маслину из миски со слегка помятой горкой салата и сунула ее в рот, чтобы заглушить голод, пока она будет сооружать полноценный сандвич. Майонез, ломтики холодного мяса, горчица, швейцарский сыр, колечки лука, еще один слой мяса, соленые огурцы, новый слой швейцарского сыра, немного салата из миски, кольца помидора — и готово! Хонор добавила внушительную, но насыпанную без особой жадности горку картофельных чипсов, чтобы сэнд-

вич не скучал в одиночестве, налила себе большой стакан холодного молока, захватила пару кексиков на закуску и еще несколько палочек сельдерея для Нимица и наконец устроилась за одним из свободных столов.

— Бог ты мой, как вам удалось собрать эту штуковину без антиграва?

Она повернула голову и улыбнулась вопросу коммандера Лэйсона. Старпом глядел на ее кулинарный шедевр еще секунду, затем ошеломленно потряс головой, а лейтенант Джефферс тихо засмеялся.

— Я начинаю понимать, почему нам все время не хватает продовольствия, — заметил он. — Я всегда знал, что у гардемаринов бездонные желудки, но...

Настал его черед качать головой, а Лэйсон громко расхохотался.

— А вот я не могу понять, — немного жалобно произнесла лейтенант Тергесен, которая оторвалась от карт, услышав смех старпома, — как можно так объедаться и при этом не набирать и килограмма? — Темноволосая инженер тридцати с небольшим лет была слегка полновата. — Я бы раздулась, как грузовое судно, если бы проглотила хоть половицу этих калорий! — продолжала она.

— Ну, я много тренируюсь, мэм, — ответила Хонор, что звучало вполне правдоподобно, хотя и не вполне соответствовало действительности. Такого предубеждения против джини, как раньше, больше не существовало, но люди, подобные Хонор, которые произошли от генетически модифицированных предков, все еще опасались открываться тем, кого не знали хорошо.

— И еще как тренируется, — сухо вставила энсин Бауманн. — Я видела вчера их спарринг с сержантом Таусигом. — Энсин оглядела присутствующих и сморщила нос. — Она работала в полный контакт с Таусигом.

— С Таусигом?! — Лэйсон повернулся в кресле, чтобы лучше видеть Хонор. — Скажите мне, миз Харрингтон, а насколько хорошо вы знакомы с лейтенантом медицинской службы Чимом?

— Лейтенантом Чимом? — Хонор нахмурилась. — Разумеется, я отмечалась у него по прибытии на корабль, сэр. И один раз мы виделись на ужине у капитана... но я не очень хорошо знаю доктора. А что?

На этот раз смех был всеобщим, и Хонор покраснела в недоумении, в то время как Нимиц, тоже забавляясь, мяукал со спинки ее кресла. В веселье старших не чувствовалось ни капли насмешливого презрения или снисхождения, чего можно было ожидать от кого-то вроде Сантино, но она абсолютно искренне не могла понять, в чем же тут дело.

Лейтенант Сондерс заметил недоумение Хонор и улыбнулся ей.

— Судя по вашей реакции, вы не знали, что милый сержант занял третье место на прошлогоднем чемпионате Флота по рукопашному бою, миз Харрингтон, — сообщил он.

— Что он... — Хонор замолчала, вытаращившись на лейтенанта, закрыла рот и покачала головой. — Нет, сэр, я не знала. Он ни разу... в смысле эта тема ни разу не всплывала. Третье место в чемпионате *Флота?* Правда?

— Правда, — ответил за лейтенанта Лэйсон, и тон его был сухим. — А все знают, что методика обучения сержанта Таусига обычно состоит в том, чтобы дубасить учеников, пока они либо не очнутся в лазарете, либо, достигнув определенного мастерства, не отдубасят его самого. Так что если вы с доктором Чимом не стали близкими знакомыми, то это значит, что вы оказались весьма хороши.

— Ну, я стараюсь, сэр. И я была в демонстрационной команде *coup de vitesse* в Академии, но... — Хонор вновь помолчала. — Но мне еще очень далеко до сержанта. Мне удалось нанести несколько ударов только потому, что он это позволил.

— Разрешите не согласиться, — произнес Лэйсон суше, чем когда-либо. — Миз Харрингтон, у меня у самого черный пояс, а сержант Таусиг не стеснялся пинками гонять мою офицерскую задницу по всему спортзалу. И никогда не «позволял» мне попадать. Я думаю, это против его правил. И я очень сомневаюсь, что он сделал бы исключение для вас. Так что если вам «удалось нанести несколько ударов», вы добились большего, чем девяносто пять процентов всех, кто стоял с ним на одном мате.

Хонор моргнула, все еще держа сандвич наготове. Она знала, что Таусиг — один из лучших бойцов, с кем она когда-либо занималась, и что в мастерстве он на сотни световых лет впереди ее. Но у Хонор никогда бы не хватило духу попросить его тренироваться с ней, если бы она знала,

что он занял такое высокое место во флотском чемпионате. Он, должно быть, подумал, что она выжила из ума! Но почему он согласился и пошел ей навстречу? И почему был так терпелив с ней? Что бы ни думал коммандер Лэйсон, Хонор не могла поверить, что...

Высокий, пронзительный звук оборвал ее размышления. Сандвич упал из рук и развалился на тарелке, когда рефлекс вытолкнул Хонор из кресла. Она схватила Нимица и с котом на руках выскочила из кают-компании еще до того, как тарелка соскользнула со стола и ошметки несъеденного ужина разлетелись по палубе.

Когда Хонор появилась на мостике, лейтенант Сондерс оторвался от дисплея и взглянул через плечо сперва на нее, а затем на установленный на переборке хронометр. Когда Хонор пересекла мостик, лейтенант кивнул и улыбнулся. Устав предоставлял ей дополнительные пять минут до прибытия на боевой пост, чтобы она могла устроить Нимица в его герметичном модуле в кубрике салаг. Однако Харрингтон управилась всего за тринадцать минут. Помогло то, что Салажий Уголок располагался относительно недалеко от мостика, но гораздо сильнее — то, что на Острове Саганами Хонор посвятила много дополнительных часов тренировкам со скафандрами, зная, что в случае тревоги ей придется позаботиться не только о себе, но и о Нимице.

«Но даже такая практика не делает быстрое подключение сантехнической арматуры скафандра менее дискомфортным», — язвительно подумала она, осторожно опускаясь в кресло помощника астрогатора. В настоящий момент Сондерс занимал пост астрогатора, поскольку коммандер Добреску вместе с коммандером Лэйсоном находились на резервном мостике. Там работала полноценная команда. В последнее время на тяжелых крейсерах резервный мостик стал редкостью, поскольку устройство подобного поста на корабле считалось пустой тратой полезного пространства, которое можно было бы отвести под оружие или оборонительные системы. На современных кораблях подобного класса вместо резервного мостика на другом конце корпуса был предусмотрен дополнительный пост управления огнем, в котором могли бы разместиться старпом и группа персонала секции тактики. Но раз уж «Воительница» была

достаточно стара, чтобы иметь данный атавизм, капитан Бахфиш подобрал надежную команду в помощь коммандеру Лэйсону на случай неблагоприятного развития событий.

Хонор была рада находиться на мостике, пост помощника астрогатора достался ей, поскольку в настоящее время она проходила практику по курсу астрогации. Басанта Лаккия занимал аналогичный пост при коммандере Добреску на резервном мостике. Но единственная, кому завидовала Хонор, была Одри Брадло, сидевшая подле лейтенант-коммандера Хиракс на тактическом посту. Хонор отдала бы левую руку — ну ладно, как минимум пару пальцев на ней, — чтобы оказаться на месте Одри, но Харрингтон все равно повезло больше, чем Нассиосу. Капитан Бахфиш пожертвовал коммандеру Лэйсону более опытного астрогатора, но старшего тактика приберег себе. Лэйсону достался ненавистный Элвис Сантино... и Нассиос угодил в его помощники.

«Да уж, — заключила Хонор, — бывают обязанности и похуже тренировок в астрогации».

Она отбросила эти мысли, приведя в готовность свою консоль. Когда на ней появилась и стабилизировалась астрокарта, возбуждение Хонор растаяло и на секунду сжался желудок... На астрокарте отсутствовали многие подробности, отображавшиеся на тактических дисплеях Хиракс и капитана Бахфиша, но имевшейся информации было достаточно, чтобы понять: это не учения. «Воительница» вмешивалась в ход жуткой драмы. Иконка торговца на карте Хонор воспроизводила транспондерный код мантикорского судна, но менее чем в четырех сотнях километров от него находился еще один корабль, обозначенный злобной красной меткой неизвестного, потенциально враждебного объекта. На неидентифицированном корабле клин был активен, на торговце — нет, и алфавитно-цифровой код транспондера торговца был окаймлен пульсирующим зазубренным малиновым кольцом.

— Уверенная идентификация торговца, шкипер, — четко доложила лейтенант-коммандер Хиракс. — Он есть в нашем реестре: мантикорское торговое судно «Гордость Грифона». Корабль картеля Диллингэма, все точно. Пять с половиной миллионов тонн, чистый грузовоз, без помещений для пассажиров. Он передает код «семнадцать».

Едва заметный холодный ветерок пронесся по мостику, когда доклад тактика подтвердил то, что все уже и так видели. Код «семнадцать» был аварийным сигналом, означавшим: «Меня берут на абордаж пираты».

— Расстояние до цели? — Тенор капитана Бахфиша больше не гнусавил. Он был отрывистым, холодным и четким. Хонор бросила взгляд через плечо. Капитан сидел в своем кресле выпрямившись, но расслабив плечи и скрестив ноги. Он пристально глядел на тактический дисплей, висевший перед креслом. Узкое лицо капитана выражало непреклонную решимость, и взгляд темных глаз больше не казался хмурым. Увидев эти горящие, свирепые глаза хищника, Хонор повернулась к собственному дисплею с легкой дрожью.

— Девять миллионов триста десять тысяч километров, — ответила Хираке, и если голос капитана был отрывист, то ее звучал уныло. — И угол тоже неудачен, — продолжала она все так же разочарованно. — Бандит уже удирает, и нам никак не выжать достаточно, чтобы перехватить его.

— Астрогатор, подтверждаете?

— Так точно, сэр, — сказал Сондерс не менее недовольно. — Наш вектор скорости направлен в сторону от торговца и составляет почти одиннадцать тысяч километров в секунду, капитан. Одно только торможение до нуля относительно их займет сорок пять минут. А согласно моим данным, бандит выдает не менее пяти сотен же.

— Пятьсот тридцать, — подтвердила Хираке.

— Даже наша полная мощность на двадцать же меньше, сэр, — продолжил Сондерс. — На номинальном максимуме у них превосходство над нами более чем в один и два километра в секунду. А они движутся с ускорением в противоположном нашему текущему курсу направлении.

— Вижу, — сказал Бахфиш.

Хонор вполне понимала разочарование, прозвучавшее в его голосе. Чтобы достичь такого ускорения, пиратский корабль должен был быть меньше «Воительницы», а значит, и легче вооруженным; но в данных условиях все эти подробности не значили ничего. Их взаимные позиции и векторы скоростей предоставили пирату возможность бежать, а его большее ускорение означало, что тяжелый крейсер

никак не сумеет сократить дистанцию настолько, чтобы можно было использовать ракеты.

— Очень хорошо, — через мгновение произнес капитан. — Астрогатор, проложите курс на перехват торговца. Связь, продолжайте их вызывать.

— Есть, сэр. — Тихое подтверждение Сондерса громом прозвучало в наполненной горечью тишине мостика.

Пока «Воительница» сближалась с торговцем, ответа на постоянные запросы лейтенанта Сочука так и не поступило. Напряженное молчание на мостике тяжелого крейсера с каждой минутой становилось все более мрачным и горестным. На то, чтобы затормозить до нуля относительно торгового судна и затем начать его нагонять, потребовалось больше двух часов. «Гордость Грифона» продолжала дрейф с постоянной скоростью, в тишине и безразличии. Крейсер, выходивший на рандеву, выглядел мелкой рыбешкой рядом с китом-торговцем, превосходившим его массой раз в тридцать. Но, в отличие от кита, рыбешка была вооружена. Взвод морской пехоты в ее шлюпочном отсеке забирался в скафандры и проверял оружие, пока рулевой капитана Бахфиша с филигранной точностью выводил корабль на позицию.

Хонор больше не несла вахту на мостике. Когда Бахфиш вызвал по внутренней связи майора Маккинли, командира роты морской пехоты, размещенной на «Воительнице», и приказал ей подготовить абордажную команду, его взгляд бесстрастно скользнул по Хонор, но затем вернулся и задержался на ее лице.

— Я также пошлю с вами пару флотских офицеров, — уведомил Маккинли капитан Бахфиш, все еще глядя на Хонор.

— Есть, сэр, — ответила майор, и капитан отпустил тангенту.

— Коммандер Хираке, — сказал он, — будьте добры спуститься в шлюпочный отсек и присоединиться к абордажной команде. И возьмите с собой миз Харрингтон.

— Есть, сэр, — отозвалась тактик и встала. — Примите пост, миз Брадло.

— Есть, мэм, — в свою очередь произнесла Одри и бросила короткий завистливый взгляд на соседку по кубрику.

— Пойдемте, миз Харрингтон, — буднично бросила Хираке, и Хонор немедленно вскочила.

— Разрешите идти, сэр? — обратилась она к Сондерсу, и лейтенант кивнул.

— Вы свободны, миз Харрингтон, — столь же формально ответил он.

— Спасибо, сэр. — Хонор повернулась, чтобы следовать за Хираке, но капитан Бахфиш, подняв руку, остановил их.

— На этот раз не забудьте ваше личное оружие, — многозначительно сказал он Хираке, и та кивнула. — Славно, в таком случае приступайте, — и коротким жестом отправил их в путь.

В лифте Хираке не произнесла ни слова. Несмотря на возраст «Воительницы» и необычное расположение ее лифтовых шахт, путь от мостика до шлюпочного отсека был относительно коротким. Но и этого времени с лихвой хватило, чтобы Хонор успела помучиться от нетерпения и страха. Она понятия не имела, почему капитан выбрал именно ее, но инструкторы и сержанты в Академии рассказывали достаточно жутких историй, чтобы Хонор понимала, что ее ожидает. Впрочем, охота на пиратов — и расчистка оставленного ими разгрома — были частью той работы, на которую она подписалась, и даже подступающая тошнота не могла заглушить возбуждения.

Второй взвод под командованием лейтенанта Блэкберна ожидал их в шлюпочном отсеке. Тот факт, что там же находились капитан[1] Маккинли и старший сержант Куткин, несколько удивил Хонор. Она полагала, что Маккинли пошлет кого-то из своих офицеров, но они с Куткином явно собирались участвовать в операции лично: оба надели скафандры, а с плеча старшего сержанта свисала импульсная винтовка. У майора Маккинли винтовки не было, но пульсер в кобуре, пристегнутой к бедру, казался практически частью тела, и рукоять его выглядела изрядно потертой.

Голубые глаза морского пехотинца отстраненно и с некоторым неодобрением изучали прибывших. Хираке вздохнула.

---

[1] В данном случае обращение «майор» используется потому, что традиционно капитаном на корабле называют только одного человека, а всех прочих капитанов называют на ранг выше во избежание путаницы. А вообще командир роты должен быть именно капитаном.

— Ну ладно, Катинго, — смиренно сказала она. — Шкипер уже настучал мне по голове, так что давай сюда эту чертову пушку.

— Хорошо, *хоть кто-то* на борту знает Устав, — заметила Маккинли и кивнула сержанту, стоявшему рядом с ней.

Сперва Хонор не обратила на него внимания, но, когда он шагнул вперед и протянул тактику форменный ремень с пульсером в кобуре, гардемарин узнала сержанта Таусига. Лейтенант-коммандер Хираке осторожно приняла ремень и затянула его на талии. Для Хонор было очевидно, что флотский офицер чувствует себя с оружием не в своей тарелке. Хираке достала пульсер, быстро, но тщательно проверила предохранитель и индикатор магазина и засунула его обратно в кобуру.

— Возьмите, мэм, — сказал Таусиг, и Хонор протянула руку за таким же ремнем.

Она чувствовала, что и майор, и старший сержант наблюдают за ней, но, не подав виду, затянула ремень и подогнала его поудобнее. Затем Хонор, встав в пол-оборота к остальным, достала пульсер — тщательно следя, чтобы не направить дуло на кого-нибудь, — проверила предохранитель, индикаторы магазина и источника питания, затем достала магазин и опустошила казенник, чтобы быть уверенной, что оружие разряжено. Она вставила назад магазин и вернула пульсер в кобуру. Кобура с клапаном военного образца была громоздкой и неуклюжей по сравнению с полусамодельной гражданской, которую Хонор всегда надевала, отправляясь в заросли Сфинкса, но пульсер на бедре был знакомой тяжестью, и, когда Хонор вновь подняла взгляд, она увидела в глазах сержанта Таусига огонек одобрения.

— Итак, вы все знаете дело, — сказала Маккинли, повысив голос и обернувшись к взводу Блэкберна. — Помните, всем работать по Уставу. Я лично займусь задницами тех, кто проколется.

Она не спросила, поняли ли ее. Незачем, подумала Хонор. Нет смысла задавать вопросы, когда заявление делается подобным тоном. Конечно, было бы просто здорово, если бы кто-нибудь объяснил ей, в чем состоит «дело», но ведь это несовершенная вселенная. Хонор следует просто поглядывать на других и поступать так же, как они. Судя по

словам Маккинли, гардемарин Харрингтон здесь не единственная, кому нужна нянька.

Бот был точь-в-точь такой же, как десятки тех, на борту которых Харрингтон побывала за время обучения в Академии. Но теперь, в компании сорока шести суровых морпехов со всем их оружием, Хонор чувствовала себя совершенно иначе. Она вместе с лейтенант-коммандером Хираке сидела в задней части пассажирского отсека и смотрела через ближайший иллюминатор, как бот преодолевает последние из нескольких сотен километров, разделявших «Воительницу» и «Гордость Грифона». Громадный грузовоз вырастал, по мере того как они подлетали к нему сзади. Пилот бота заглушил клин, перешел на реактивные двигатели и направил судно по спирали вверх и вокруг гигантского корпуса.

Хонор и Хираке были включены в коммуникационную сеть морской пехоты. Но никто не разговаривал. Хонор чувствовала напряжение, с которым морпехи-ветераны, сидевшие возле иллюминаторов, всматриваются в грузовоз. Затем раздался голос пилота.

— Вижу мусор, майор, — сказал он ровным тоном профессионала. — На десять часов, сверху. — И добавил после нескольких секунд тишины: — Похоже на тела, мэм.

— Вижу, рулевой, — отозвалась Маккинли без выражения.

Хонор сидела у другого борта; она не могла пригнуться к иллюминатору и взглянуть туда, куда указал пилот. Но Харрингтон не слишком огорчилась. Ей было бы стыдно, если бы Хираке и морпехи увидели, как она выгибает шею, чтобы попялиться на трупы, словно какой-то извращенец или бездушный журналист.

— Приближаемся к главному шлюзу правого борта, мэм, — спустя несколько минут доложил пилот. — Похоже, грузовые люки все еще задраены, но передний шлюз открыт. Будем стыковаться?

— Нет, сделаем все по Уставу, — ответила Маккинли. — Удерживайте позицию в двух сотнях метров.

— Есть, мэм.

Пилот вывел бот на стационарную позицию относительно грузовоза. Расстояние от кончика раскинувшихся крыльев

бота до исполинского корпуса было именно таким, каким следовало. Старший сержант Куткин поднялся из кресла и вытянулся во весь свой двухметровый рост. Лейтенант Блэкберн отстал от него не более чем на секунду, обернулся к взводу и напутствовал:

— Так, пехота, приступаем. Каррас, идешь первым. Джексен, прикроешь нас. Все остальные по обычной схеме. Точно как на учениях.— Он помедлил, наблюдая, как двое или трое из его подчиненных меняют позиции, и одобрительно кивнул.— Закрыть шлемы — и вперед! — завершил он.

Хонор отстегнула свой шлем с нагрудного замка и надела его. Слегка подергала, чтобы убедиться в надежности соединения, и, подняв левую руку, нажала соответствующую кнопку на пульте, укрепленном на предплечье. ИЛС[1] ее шлема немедленно пробудился к жизни, и первым делом Хонор автоматически проверила индикаторы герметизации и запаса кислорода. Оба были в норме, и Харрингтон, в соответствии со своим низким статусом, заняла место в конце очереди, выстроившейся к люку в левом борту бота. Вместо того чтобы пропускать такое количество людей через шлюз, члены экипажа просто распахнули люк и спустили воздух из пассажирского отсека. В течение нескольких секунд, пока улетучивался воздух, Хонор чувствовала, как некий невидимка тянет ее к люку за руки и за ноги. Но затем это ощущение прошло, и в скафандре воцарилась абсолютная тишина вакуума.

Капрал Каррас — Хонор внезапно узнала морпеха, стоявшего на посту у трубы, когда она прибыла на корабль,— оттолкнулся от бота. Отплыв на безопасное для остальных расстояние в четыре-пять метров, он задействовал двигатели скафандра. Опытной рукой управляя ими, капрал плавно приближался к грузовозу с грацией гигантской хищной птицы. Его подчиненные последовали за ним.

Наконец настал черед Хираке и Хонор. Несмотря на все попытки изобразить такой же холодный профессионализм, как у вояк Блэкберна, Хонор чувствовала дрожь возбуждения и беспокойства, подходя вслед за Хираке к открытому люку. Лейтенант-коммандер стартовала с той же грацией, что и морская пехота, но все же чем-то неуловимо от них

[1] *ИЛС* — индикатор на лобовом стекле.

отличаясь. Она отплыла от бота, и Хонор направилась вслед за тактиком.

На таком расстоянии центральная звезда казалась жалкой пародией на светило. И вдобавок сейчас она находилась с другой стороны грузовоза. Бот и его бывшие пассажиры плыли, укрытые чернильно-черной тенью. Эбеновая чернота поглощала лучи прожекторов бота и меньших по размеру нашлемных фонарей скафандров. Мощные прожекторы отбрасывали неподвижные сияющие круги на корпус «Гордости Грифона», выхватывая закрытый грузовой люк и находящийся перед ним открытый шлюз для персонала, но в отсутствие рассеивающего свет воздуха лучи были невидимы. Меньшие круги плясали по освещенной области и выскакивали в окружающую темноту, когда нашлемные фонари морпехов сканировали корпус. Когда двигатели скафандра Хонор толкнули ее к судну, она зажгла и свой фонарь, — хотя, кажется, глаза ее блестели ничуть не менее ярко. Хонор вовсе не считала себя героиней голодрамы, направляющейся навстречу грандиозным приключениям, но сердце ее бешено колотилось. Она едва сдерживалась, чтобы прямо сейчас не схватиться за рукоять пульсера.

Затем что-то шевельнулось во тьме. Неясная тень, которая, вращаясь вокруг судна, промелькнула в пятне света от чьего-то фонаря. Хонор, плавно развернувшись, направила луч в сторону этой тени — и внезапно, в один миг все происходящее перестало казаться ей приключением.

Женщина из экипажа торгового судна была не более чем несколькими стандартными годами старше Хонор... и взрослеть дальше ей было уже не суждено. Скафандра на ней не было. Более того, и стандартный корабельный костюм, который она когда-то носила, оказался почти сорванным и парил в черноте как какой-то неуклюжий, сморщенный саван, удерживаясь только на руках. Лицо девушки выражало несказанный ужас, различимый даже сквозь застывшую на губах и ноздрях кровавую пену. Кроме того, ужасная смерть привела к расслаблению сфинктеров. Это была не просто смерть. Это было осквернение, дикость, и, увидев это, Хонор Харрингтон похолодела. Она вспомнила каждый из случаев, когда она или ее друзья по Академии подначивали друг друга, в шутку угрожая выкинуть в космос за какую-нибудь реальную или вымышленную провинность. Теперь это не казалось смешным.

Хонор не знала, как долго она там висела, освещая труп, который совсем недавно был юной женщиной, пока ее не вышвырнули за борт, как какой-то мусор. Казалось, минуло столетие, но на самом деле не могло пройти больше нескольких секунд, прежде чем Хонор с усилием отвела взгляд. «Я отклонилась от курса», — механически отметила она. Лейтенант-коммандер Хираке была в двадцати или тридцати метрах впереди справа. Хонор взглянула на ИЛС и ввела команду корректировки курса на панели управления двигателями. Харрингтон удивилась тому, что ее пальцы управляли сервомеханизмами перчаток скафандра с ледяной уверенностью. Наконец она плавно начала двигаться в черноте, догоняя тактика.

«Это было интересно...» — промелькнуло где-то в подсознании. Несмотря на весь ужас, Хонор была очень собранна и практически спокойна.

Но теперь она очень и очень осторожно выбирала объекты, на которые стоит направлять луч наплемного фонаря.

— ...вот так вот, сэр, — вздохнул коммандер Лэйсон и положил планшет с записями на край стола капитана Бахфиша. — Выживших нет. Непохоже даже, что кого-то держали в живых достаточно долго, чтобы допросить о содержимом трюмов «Гордости Грифона». — Старпом откинулся в кресле и устало потер глаза. — Они просто взошли на борт, поразвлекались и перебили весь экипаж. Одиннадцать мужчин и пять женщин. Всзучих убили сразу. Остальных... — Лэйсон запнулся и молча потряс головой.

— Не совсем то, что мы предполагали увидеть, — тихо произнес Бахфиш, тоже откинулся на спинку кресла и уставился на переборку.

— Нет, но это же Силезия, — констатировал Лэйсон. — Единственное, чего здесь стоит ожидать, — это то, что психи, управляющие дурдомом, окажутся еще более чокнутыми, чем пациенты, — горько добавил он. — Временами мне хочется, чтобы мы махнули на все рукой, передали это чертово место анди — и точка. И пусть эти больные ублюдки имеют дело с флотом анди.

— Ну, Абнер, — мягко произнес Бахфиш. — Не следует бросаться предложениями, которые, как вы знаете, способны вызвать в правительстве серию сердечных приступов.

Не говоря уже о реакции картелей на одно только упоминание о том, чтобы передать кому-то другому контроль над одной из основных торговых зон! Кроме того, вы и правда хотели бы предложить кому-то вроде андерманцев такой здоровый куш?

— Кроме шуток, сэр, это могло бы оказаться для нас не так уж и плохо. Анди всегда проводили медленную и постепенную экспансию. Откусывали кусочек за кусочком, делая паузы, чтобы прожевать. Если они прыгнут в яму со змеями типа Силезии — это будет все равно что поймать гексапуму за хвост. Может, они ее и удержат, но шесть комплектов когтей сделают это упражнение нескучным. И вдруг оно окажется достаточной головной болью, чтобы анди навсегда забыли об экспансии?

— Хотелось бы верить, Абнер. Хотелось бы верить. — Бахфиш поднялся из кресла и встревоженно зашагал по тесному кабинету. — Я говорил в Адмиралтействе, что нам надо здесь *больше кораблей*, — сказал капитан и фыркнул. — Не думаю, что они впервые услышали это от меня! К сожалению, «больше кораблей» — это именно то, чего у нас нет. И, учитывая хевов, точащих зуб на Звезду Тревора, в обозримом будущем кораблей, которые можно отправить сюда, не появится. И проклятые силезцы это знают.

— Хотел бы я, чтобы вы были не правы, сэр. К сожалению, я слишком многого хочу.

— Знать бы еще, что хуже, — проворчал Бахфиш, — обыкновенные садисты и убийцы вроде тех, которые расправились с «Гордостью Грифона», или же чертовы «патриоты» и их так называемые каперы!

— Полагаю, я предпочел бы каперов, — отозвался Лэйсон. — Их не так много, и как минимум некоторые из них соблюдают элементарные правила. И у них есть хоть какое-то чувство ответственности перед правительством, или революционным комитетом, или кем бы то ни было, черт побери, кто выписал им каперский патент.

— Знаю я эту логику. — Бахфиш правой рукой рубанул воздух. — И знаю, что иногда удается прижать их пиматателей, чтобы заставить *их правильно себя вести*. Или выдать нам тех, кто ведет себя *плохо*. Но это бывает лишь тогда, когда мы знаем, кто они или откуда взялись. И все,

что мы выгадываем здесь, мы теряем в другой ситуации из-за своих ограниченных возможностей.

Лэйсон кивнул. Чтобы быть успешным пиратом, вовсе не обязательно располагать полноценным боевым кораблем. За исключением очень немногочисленных специализированных конструкций, вроде вооруженных пассажирских лайнеров картеля Гауптмана, торговцы были большими, медленными, неуклюжими мишенями, беззащитными даже перед самым легким корабельным вооружением. К тому же ни один здравомыслящий пират — а какими бы социопатами ни были многие из них, пираты в целом проявляли завидное здравомыслие в вопросах выживания — не собирался вступать в бой с военным кораблем. Даже здесь, в Силезии, команды регулярного флота были сильнее пиратских банд.

Кроме того, пиратский корабль представлял собой капитальное вложение. Он был предназначен для бизнеса, для того, чтобы добывать деньги, а не тратить их на ремонт. При условии, что после стычки с боевым кораблем было что ремонтировать.

Каперы — другое дело. Как и в случае с пиратами, финансисты, вкладывающие деньги в капера, ожидали от него прибыли. Но каперы обладали определенной респектабельностью, поскольку межзвездное право продолжало относиться к ним как к законному способу ведения войны, невзирая на протесты государств, подобных Звездному Королевству Мантикора, — тех, кто владел обширным торговым флотом и, естественно, отвергал любую легализацию частного рейдерства. Что до Бахфиша и Лэйсона, для них разница между каперами и пиратами на деле была невелика, если вообще была. Однако малые государства, неспособные построить и поддерживать сильный флот, неуклонно сопротивлялись любой попытке поставить каперство вне закона. О да, они посещали конференции, которые Мантикора и другие державы периодически устраивали для обсуждения этого вопроса. Но в конце концов сводили все к тому, что, с их точки зрения, каперы были эффективным способом, даже для слабой стороны, нанести чувствительный удар по коммерческой державе вроде Звездного Королевства и занять значительную часть ее флота оборонительными мероприятиями.

Бахфиш и Лэйсон видели в этом определенную логику. Но каперство в силезском варианте очень уж отличалось от красивых теорий в изложении его защитников на межзвездных конференциях. Мятежные правительства и небывалое разнообразие «народных движений» размножались по всей Конфедерации, как сорняки на хорошо перегнившей куче компоста. Как минимум половина из них выдавали, точнее, продавали каперские патенты. Как минимум половина этих патентов оказывалась в руках откровенных пиратов. Пиратство, согласно межзвездным законам, было тяжким преступлением; каперов же рассматривали как вариант ополченцев, как гражданских волонтеров на службе государства, выдавшего им патент. В результате их корабль мог быть конфискован, но сами они находились под защитой закона. Худшее, что могло с ними случиться (по крайней мере, официально), — это заключение совместно с другими военнопленными. Разумеется, если они были достаточно осторожными, чтобы не попасться на убийствах, пытках и насилии, как привыкли поступать пираты с экипажем захваченного корабля.

В некоторых отношениях истинные патриоты были даже хуже. Они гораздо реже оказывались замешаны в зверствах, но их корабли обычно были больше и лучше вооружены. И они всерьез считали себя поддержкой Флота. Это заставляло их идти на риск, который для нормальных пиратов — охотников за добычей — был никак не приемлем. Вплоть до нападений на легкие боевые корабли тех, против кого они бунтовали на этой неделе. Это не слишком заботило бы Королевский Флот Мантикоры, если бы не тот факт, что даже лучшие из каперов оставались дилетантами военного дела и временами, путаясь, атаковали совершенно не те цели.

Еще одним неудобством было то, что некоторые каперы воображали, будто атака на торговый флот могучей державы — вроде Мантикоры — каким-то образом может заставить эту самую державу вмешаться в их междоусобные свары и ради защиты своих коммерческих интересов навязать внешнее решение. Звездное Королевство все эти годы однозначно давало понять, что обрушится, как гнев Господа, на любое революционное движение, которое решится преднамеренно атаковать мантикорских торговцев. Но

постоянно, то здесь, то там, возникали очередные группы психов, уверенных, что уж *они-то* смогут манипулировать Звездным Королевством, хотя все остальные на этом погорели. Флот в конце концов преподавал им тот же урок, что и бесчисленным предшественникам, но в целом это была проигрышная стратегия. Данная конкретная группа сумасшедших после визита КФМ уже ни на кого не нападет, но, пока до них дойдут руки, пираты успеют нанести ущерб многим космонавтам мантикорского торгового флота. И через год-другой неизбежно найдется еще кто-нибудь, желающий нарваться на подобный урок...

В настоящий момент в секторе Сагинау (где находилась система Мелкор) наблюдалось еще менее спокойное, чем обычно, положение. Минимум две входящие в него системы — Звезда Кригера и Призма — подняли открытый мятеж против центрального правительства. Еще полдюжины теневых правительств и освободительных движений пока не выходили на поверхность. РУФ[1] полагало, что некоторые мятежники сумели установить связь друг с другом и добиться мало-мальской координации действий, что застало — в который уже раз — врасплох ту нелепую пародию на правительство, которая была у Конфедерации.

Хуже того, достопочтенный Янко Вегенер, губернатор сектора Сагинау, оказался даже более коррумпированным, чем многие его коллеги. Для РУФ было очевидно, что он рассматривает беспорядки в зоне своей ответственности как еще одну возможность набить карманы. Вегенер доблестно сражался, чтобы подавить восстания в секторе, и одновременно брал деньги как минимум у трех освободительных движений за то, что смотрел на их деятельность сквозь пальцы. Существовали убедительные доказательства того, что он, за немалый процент от прибыли, позволял каперам выставлять захваченные суда на публичные аукционы. Вегенер был близким родственником министра внутренних дел нынешнего правительства, а через жену — еще и премьера. Согласно законам кумовства, непоколебимо правящим Конфедерацией, это значило, что все подобное будет сходить ему с рук — по крайней мере, до той поры, пока игра политических партий Конфедерации не

[1] *РУФ* — разведывательное управление флота.

посадит в кресло премьера другого человека. Все свидетельствовало о том, что в отставку Вегенер выйдет поистине богачом.

Между тем КЕВ «Воительница» и ее экипажу оставалось только делать все, что было в их силах, дабы удержать крышку на котле, который столь усердно подогревал губернатор.

— Если бы мы только могли высвободить дивизион-другой кораблей стены и отправить их с визитом к губернатору Сагинау... Может, тогда что-то и изменилось бы к лучшему, — заметил Бахфиш спустя какое-то время. — А так, как оно есть, — мы просто пытаемся тушить лесной пожар, мочась в огонь. — Он поглядел вдаль, затем тряхнул головой и улыбнулся. — Что, в конце концов, для Силезии и является нормой, не так ли?

— Боюсь, вы правы, сэр, — уныло согласился Лэйсон. — Хотелось бы только начать с того, чтобы заполучить на дальность действия ракет ублюдка, прикончившего «Гордость Грифона».

— Мне тоже, — фыркнул Бахфиш. — Но согласитесь, Абнер, нам уже и так повезло больше, чем мы могли рассчитывать. Нам удалось захватить торговое судно. Если бы они не теряли время на... развлечение с экипажем и сразу увели торговца или просто вырубили транспондер, чтобы не дать нам понять, что происходит, — тогда они могли уйти вчистую. Нам достался хотя бы корпус. Это, может, не так и много, но все же лучше, чем ничего.

— Ну да, страховые компании будут счастливы, — вздохнул Лэйсон, затем встрепенулся и помрачнел. — Простите, сэр. Я знаю, что вы не это имели в виду. И знаю, что страховщики были бы счастливы не меньше нас, если бы нам удалось спасти и команду. Просто...

— Знаю, — сказал Бахфиш, отмахиваясь от извинений. Капитан сделал последний круг по кабинету и снова уселся в кресло за столом. Взял планшет Лэйсона и нажал на экран, чтобы проглядеть краткий отчет. — По крайней мере, Маккинли и ее люди очистили судно на ходу, — заметил он. — И я вижу, что даже Дженис не забыла на этот раз взять оружие!

— С небольшим напоминанием, — согласился Лэйсон, и они улыбнулись друг другу. — Полагаю, проблема Дженис

в том, что она рассматривает все, что меньше ракеты или бортового орудия, как нечто недостойное офицера-тактика, — добавил старпом.

— Еще хуже, — кивнул Бахфиш. — Она выросла в центре Лэндинга и вряд ли в детстве проводила много времени на природе. — Капитан пожал плечами. — Дженис не умела обращаться с оружием до Академии. С тех пор оно ей так ни разу и не пригодилось по-настоящему при исполнении обязанностей. Для этого есть морская пехота.

— Сержант Таусиг упомянул, что миз Харрингтон в этом отношении выглядела вполне компетентной, — заметил Лэйсон, старательно не делая акцентов.

— Славно, — отозвался Бахфиш. — Конечно, у ее семьи есть милое маленькое поместье в Медностенных горах. Это вотчина гексапум, и, как я понимаю, Харрингтон выросла с привычкой брать оружие, отправляясь на прогулку. Полагаю, она и впрямь неплохо справилась. Во всяком случае, не рассталась с обедом, пока они подбирали и упаковывали тела.

Лэйсон едва сдержал удивление. Он, естественно, знал, что Харрингтон выросла на Сфинксе, но про Медностенные горы ему ничего не было известно. Так откуда об этом узнал капитан? Старпом секунду глядел на Бахфиша, а затем сделал глубокий вдох.

— Простите, сэр. Я понимаю, что это никоим образом не мое дело, но я знаю, что у вас должна была быть причина потребовать, чтобы миз Харрингтон назначили к нам.

Это звучало одновременно вопросом и утверждением. Бахфиш откинулся в кресле и уставился на старпома.

— Вы правы, причина была, — ответил он после недолгого размышления. — Вы случайно не знакомы с капитаном Раулем Курвуазье, Абнер?

— Капитаном Курвуазье? — Лэйсон наморщил лоб. — А, конечно! Он глава факультета тактики на Саганами, так?

— В настоящее время, — произнес Бахфиш. — По слухам, ему дадут контр-адмирала в ближайшее время. Перепрыгнет звание коммодора и, вероятно, возглавит Военный Колледж, как только получит звание.

— Я знаю, что у него отменная репутация, сэр, но неужели он и правда так хорош? — Лэйсон, задавая вопрос,

был немало изумлен. Даже при нынешних темпах расширения получить в КФМ повышение сразу на два ранга было... необычно.

— Еще лучше, — ответил Бахфиш. — На деле он, вероятно, лучший тактик и один из трех лучших стратегов, под чьей командой я имел честь служить.

Это больше чем просто удивило Абнера Лэйсона — поскольку именно такими словами *он сам* охарактеризовал бы капитана Томаса Бахфиша.

— Если бы происхождение Рауля было выше — или если бы он изъявил готовность играть в игры подхалимов, — он стал бы коммодором много лет назад, — продолжал Бахфиш, не подозревая о мыслях старпома. — С другой стороны, полагаю, в Академии он принес больше пользы, чем дюжина коммодоров. Это Рауль Курвуазье поведал мне, что одна из его курсантов обещает, на его взгляд, стать самым выдающимся офицером своего поколения. Он попросил приютить ее в моем Салажьем Уголке, и я, естественно, не отказался. Кроме того, ей и так нелегко будет делать карьеру.

— Прошу прощения, сэр? — Вопрос вырвался сам собой, поскольку Лэйсон все еще переваривал столь неожиданную оценку перспектив Хонор Харрингтон. Безусловно, он и сам не раз приятно удивлялся ее способностям, но *самый выдающийся* офицер всего поколения?..

— Я сказал, что ей нелегко будет делать карьеру, — повторил Бахфиш и фыркнул при виде изумления Лэйсона. — Что? Вы решили, будто я был настолько глуп, чтобы запросить Элвиса Сантино на должность офицера-наставника? Помилуйте, Абнер!

— Но... — начал было Лэйсон, но замолчал и поглядел на Бахфиша, прищурившись. — Я полагал, — очень медленно произнес старпом, — что Сантино являет собой превосходный образчик способности Управления личного состава затыкать круглые отверстия квадратными пробками. Вы говорите, что это не так, сэр?

— Не могу этого доказать, но и обратное отстаивать не буду. О, все может быть достаточно невинным. Именно поэтому я не стал ничего говорить вам раньше времени... и именно поэтому я был так рад, когда он дал вам достаточное основание обрушиться на него. Сплетни поползут

все равно, какими бы ни были ваши мотивы. Но никто, прочитав ваш рапорт и доклады Шелтона и Фланагана, — никто не сможет оспорить, что Сантино отставили за дело.

— Но зачем кому бы то ни было оспаривать это решение?

— Вы встречались с Дмитрием Юнгом?

На этот раз, несмотря на все усилия, Лэйсон заморгал от удивления:

— Э-э... нет, сэр. Не думаю даже, чтобы это имя было мне знакомо.

— Неудивительно, и вы ничего не потеряли, — сухо заметил Бахфиш. — Он служил задолго до вас. Унаследовав от отца титул, вышел в отставку в звании коммандера, чтобы продолжить карьеру в политике.

— Титул? — осторожно повторил Лэйсон.

— Сейчас он граф Северной Пустоши. И, судя по тому, что я о нем слышал, — все тот же пустой человечишка. Плохо то, что он оставил потомство, и его старший сын, Павел, учился на Саганами курсом старше Харрингтон.

— Почему-то мне кажется, что сейчас я услышу не очень приятную историю, сэр?

— Потому что у вас хорошая интуиция. Похоже, у мистера гардемарина Юнга и миз гардемарин Харрингтон вышла некоторая... ссора однажды вечером в душе.

— В ду... — начал было Лэйсон, но осекся. — Бог ты мой! — продолжил он мгновение спустя совершенно другим тоном, — как же она, должно быть, отпинала его задницу!

— Так и было, — подтвердил Бахфиш, с интересом глядя на старпома.

— Чертовски ожидаемый исход, — продолжил Лэйсон со злобной усмешкой. — Миз Харрингтон работает в полный контакт с сержантом Таусигом, сэр. И временами пробивает его защиту.

— Да ну? — Бахфиш покачал головой. — Ладно, поверю на слово. Полагаю, это объясняет кое-что, не так ли? — Он отстраненно уставился на переборку, пару секунд улыбался чему-то, затем продолжил: — В общем, Харрингтон отправила его в лазарет с достаточно серьезными повреждениями, и он так и не смог объяснить, что́ пытался сделать с ней в душе и почему она принялась выбивать из него дерь-

мо? Но и она, к сожалению, не выдвинула против него обвинения. Нет, — снова покачав головой, произнес Бахфиш, прежде чем Лэйсон успел задать вопрос, — я не знаю, почему она так поступила, и я не знаю, почему Хартли не смог переубедить ее. Она не выдвинула обвинений, этот ублюдок выпустился вместе со своим курсом и угодил прямиком в объятия системы покровительства.

— И теперь попытается разрушить карьеру Харрингтон? — На этот раз радости в голосе Лэйсона не было, и Бахфиш кивнул.

— По крайней мере, так полагает Рауль, — подтвердил капитан, — а я доверяю его чутью. Кроме того, в отличие от вас, *я* знал отца Юнга. Очень сомневаюсь, что он стал лучше с годами. Это одна из причин, которые заставляют меня думать, что Сантино достался нам неспроста. Северная Пустошь, может быть, и не служит больше, но у Юнга-старика чертовски сильная позиция в Палате Лордов, а сам он заседает в Комитете по делам Флота. Так что если он хочет наказать миз Харрингтон за «унижение» его драгоценного сыночка, то имеет для этого все возможности.

— Понимаю, сэр. — Лэйсон откинулся на спинку кресла, усердно размышляя.

Дело оказалось даже сложнее, чем он сперва подумал. Старпом даже забеспокоился при мысли о положении врагов, против которых, по-видимому, выступал капитан. Но, хорошо зная Бахфиша, Лэйсон прекрасно его понял. Во многих отношениях Королевских Флотов на Мантикоре было два. В одном — к нему принадлежали Павел Юнг и Элвис Сантино — в первую очередь смотрели на то, кто с кем состоит в родстве. Во втором, породившем офицеров вроде Томаса Бахфиша и — он надеялся на это — Абнера Лэйсона, единственным основанием для получения звания была готовность поставить долг и ответственность выше самой жизни. И так же как Флот покровительства и невидимых нитей присматривал за своими, так и Флот преданности и способностей защищал и пестовал *своих*.

— А Харрингтон знает? — спросил Лэйсон. — Я имею в виду, знает ли, что Юнг и его семья пытаются навредить ей?

— Не знаю. — Капитан пожал плечами. — Если она настолько наблюдательна, насколько я думаю, или хотя бы

на четверть так же хороша в анализе межличностных отношений, как в тактическом симуляторе, — то можно уверенно ставить на то, что знает. С другой стороны, она же не выдвинула против него обвинений, что оставляет вопросы, не так ли? В любом случае я не думаю, что гардемаринский рейс посреди Силезии представляет собой наилучшие место и время, чтобы мы принялись ей что-то объяснять. Как полагаете?

— Вы обладаете редкостным тактом, сэр.

— Скромный дар, но он находит себе применение, — признал Бахфиш. Затем взял планшет и вернул его Лэйсону. — Но хватит пока о миз Харрингтон, — сказал он. — Прямо сейчас нам с вами надо решить, куда мы направимся. Я тут подумал, что стоило бы на какое-то время застрять здесь, в Мелкорс, и устроить ловушку для пиратов, поскольку в настоящий момент система как магнит притягивает наши транспорты. Но если мы сделаем это слишком открыто, местные пираты — и, вероятно, Всгенер — только посмеются. Так что я полагаю...

Коммодор Андерс Дунецкий просмотрел краткое сообщение и сжал челюсти, чтобы не выругаться.

— Это подтверждено? — спросил он курьера, не поднимая глаз от дисплея.

— Так точно, сэр. ФС[1] сделал официальное заявление на прошлой неделе. Согласно их коммюнике, они уничтожили «Лидию» несколько недель назад, а коммандер Пресли задерживается почти на месяц. — Невзрачный человек в гражданской одежде грустно хмыкнул. — Согласно ФС, они взяли его у Геры, а именно там он планировал крейсерство «Лидии». Конечно, у нас нет абсолютной уверенности в том, что это был именно он, но все факты сходятся.

— Но согласно этому, — Дунецкий мотнул головой в сторону голографического экрана, где еще отображался конец сообщения, — его поймал тяжелый крейсер. — Коммодор помолчал, выжидающе глядя на курьера, и собеседник кивнул. — В таком случае я хочу знать, — как, к дьяволу, ФС смог отправить такой мощный корабль, чтобы мы об этом не услышали? Джон Пресли никогда не попался бы в засаду,

[1] *ФС* — флот Силезии.

если бы заранее знал о крейсере. И он, черт побери, должен был это знать!

Ярость, которую Дунецкий стремился скрыть, вырвалась наружу с последней фразой, и курьер замер. Андерс Дунецкий был ужасен в гневе. Курьер, внутренне сжавшись, успокаивал себя тем, что он только принес новости, но никак не отвечает за их содержание.

— Я не знал коммандера Пресли так хорошо, как вы, сэр, — через некоторое время произнес курьер. — И так долго. Но я знаком с его послужным списком в Совете. И, исходя из него, я должен согласиться, что коммандер, конечно, принял бы все необходимые меры предосторожности, если бы знал об угрозе. На самом деле, насколько мы можем судить, как минимум два, если не три тяжелых крейсера были переведены в Сагинау за последние полтора месяца. Очевидно, — он позволил себе улыбнуться, несмотря на напряженность, царившую в каюте Дунецкого, — что потери в секторе стали очень серьезными. Вот почему флот усилил свои позиции.

— Что, вероятно, хорошо. Или, по меньшей мере, свидетельствует о том, что мы стали по-настоящему беспокоить их, — согласился Дунецкий, но его ясные зеленые глаза были ледяными, и улыбка курьера быстро исчезла. — В то же самое время, — холодно продолжил коммодор, — если они увеличили свои силы в секторе, это значит, что риск для нас всех возрастает... как вот для коммандера Пресли. Что, в свою очередь, делает своевременное получение информации об их перемещениях еще более важным, чем прежде. И по этой причине мне особенно интересно выяснить, почему Вегенер не смог своевременно предупредить нас, чтобы «Лидия» знала, что ей стоит быть более осторожной.

— Он мог не знать сам, — предположил курьер, и Дунецкий яростно фыркнул:

— Черт побери! Этот человек — *племянник* министра внутренних дел Вегенера! И в придачу зять премьера Столара, не говоря уже о том, что он и сам — глава правительства и главнокомандующий силами сектора! — Коммодор поморщился. — Ты действительно думаешь, что они послали бы столько тяжелых кораблей в зону его ответственности, даже не упомянув об этом?

— Если смотреть на ситуацию с такой точки зрения, это кажется маловероятным, — согласился курьер. — Но если он знал об этом, то почему не предупредил нас? Да, мы потеряли «Лидию» и с ней заметную часть наших сил. Теперь нам будет труднее захватывать корабли. А это напрямую ведет к уменьшению прибыли губернатора Вегенера.

— Если бы речь шла о ком-то, кто стоит ниже, я бы согласился, что он мог не узнать обо всем заранее, — сказал Дунецкий. — Как вы заметили, потеря «Лидии» сильно сократит его доходы, а мы-то знаем, что единственная цель Вегенера — деньги. Но абсолютно точно никто во флоте или правительстве конфедератов и не подумал бы отправить сюда несколько дивизионов тяжелых крейсеров, не уведомив губернатора. Особенно учитывая его связи в самом кабинете! Тогда Столар или дядя Вегенера могли бы решить, что кто бы ни был ответствен за сокрытие информации, он не доверяет честному губернатору. А это стоило бы карьеры любому. Нет, Вегенер знал об этом и не захотел ничего нам говорить.

— Но почему? — спросил курьер задумчиво, словно говорил сам с собой.

— Видимо, он решил, что пришло время покончить с нами, — мрачно заметил Дунецкий.

Курьер с удивлением взглянул на него, и коммодор захохотал. Это был скрипучий звук, без малейшей нотки юмора, и оскал Дунецкого едва ли можно было назвать улыбкой.

— Подумайте сами, — предложил он. — Мы только что согласились, что Вегенер был с нами лишь из-за денег. Он, несомненно, не разделял наших убеждений и нашего стремления достичь независимости Призмы. Впрочем, он, безусловно, понимает, что мы рассматриваем Призму только как первый шаг в освобождении всего сектора. Если бы нам удалось добиться этого — даже если бы мы только на пару шагов приблизились к этому, — никакие связи в кабинете не спасли бы его. Дьявол, да эти родственнички могли бы даже выставить его ответчиком в суде только для того, чтобы показать, как чисты и невинны они сами! Вегенер не настолько глуп, чтобы этого не понимать, несмотря на всю свою жадность. Следовательно, он всегда знал, что порвет

с нами в какой-то момент. И приложит все усилия, чтобы уничтожить Совет и восстановить контроль над системой. Исходя из того, что случилось с «Лидией», и того, что вы выяснили про дополнительные силы, я думаю, что мы действовали достаточно успешно. И он наконец решил, что пришло время избавиться от нас.

— Если вы правы, это просто ужасно, — пробормотал курьер, сложив руки на коленях и беспокойно уставившись на них. — Потеря источника информации плоха сама по себе... но гораздо хуже то, что Вегенер знает чертовски много про планы Совета на будущее. Если он станет действовать исходя из этого... — Курьер не договорил и поднял взгляд на Дунецкого.

— Он знает не так много, как думает. — Тон Дунецкого удивил курьера, и его изумление выросло еще больше, когда коммодор широко улыбнулся. — Разумеется, не много. Совет всегда понимал, что он отвернется от нас в тот момент, когда решит, что поддерживать нас не в его интересах. Именно поэтому мы просто вытягивали из него информацию и не посвящали в стратегическое или оперативное планирование. Мы всегда были осторожны и использовали подставные фигуры или анонимную связь, когда имели дело с Вегенером. Да, он знает членов Совета из независимого правительства на Призме, но их знают все. Чего он *не* знает — так это личностей всех остальных. И ему известно только про те корабли, которые он «потерял», а мы нашли. Например, про «Лидию».

Курьер медленно кивнул. Совет Независимой Призмы существовал десятилетия, и он был в его составе почти с самого начала. Но, в отличие от Дунецкого, никогда не входил во внутренний круг. Курьер был уверен, что Совет доверяет ему, — иначе он никогда не получил бы нынешнее задание. Но курьер знал, что все его поручения можно объяснить и иначе — готовностью Совета пожертвовать им как расходным материалом. И поскольку он был таким расходным материалом — и мог попасть во вражеские руки, — руководство всегда тщательно ограничивало его осведомленность. Однако, будучи активным членом движения достаточно долго, он понимал, что СНП стал заметным (даже по весьма гибким стандартам Силезии) игроком только в последние четыре или пять лет. Курьер не имел представления

о том, каким образом незначительная группа вдруг превратилась в организацию, захватившую контроль над половиной звездной системы. Но, несомненно, Андерс Дунецкий и его брат Хенрик сыграли в этом ведущие роли. И хотя преданность курьера главным целям СНП была невероятно сильна, она отнюдь не исключала амбиций. Их у него было ничуть не меньше, чем у любого, кто отдал двадцать лет жизни насильственному установлению нового политического порядка.

Курьер глядел на коммодора Дунецкого, пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица, и надеялся, что сейчас узнает больше. Не из простого любопытства (хотя и из него тоже), а потому, что решение поделиться с ним информацией могло означать, что его долгая верная служба наконец-то будет вознаграждена заметным продвижением.

Дунецкий спокойно встретил его взгляд. Он точно знал, о чем думает собеседник, и хотел бы избежать дальнейшего его посвящения. Не то чтобы он не доверял этому человеку. И тем более коммодор не хотел лишать его надежды выдвинуться с неблагодарной и опасной роли курьера. Это было привычкой, только и всего. После стольких лет, когда от того, что левая рука не знала, где находится правая, зависело само выживание, он просто не мог доверять человеку больше абсолютно необходимого минимума.

К несчастью, как и Андерс, Хенрик проводил операцию за пределами системы Призмы. Дунецкий мог бы с помощью брата убедить Совет, что изменившееся отношение к ним губернатора Вегенера означает необходимость переходить к следующему этапу операции. Но в отсутствие Хенрика Дунецкому требовался кто-то другой, и курьер оставался единственным кандидатом.

— Вегенер знает только про легкие крейсера и фрегаты, — наконец сказал коммодор, — главным образом потому, что он и коммодор Нильсен сами продали их нам. — Заметив округлившиеся глаза курьера, он усмехнулся. — Нильсен, я подозреваю, был уверен, что передает их обычным пиратам, но Вегенер-то с самого начала знал, что имеет дело с СНП. Помимо прочего, он уже получал от нас деньги, чтобы закрыть глаза на то, как мы поднимаем организацию в Призме. Так что у него не было причин отка-

заться заработать еще немного денег, позволив нам купить несколько «устаревших» кораблей, если Нильсен собирался списать их. Конечно, Нильсен доложил начальству, что корабли отправились на слом, но я сомневаюсь, что кто-то поверил в это. Однако для Нильсена будет как минимум неприятно, если какой-нибудь «разобранный» корабль окажется захваченным регулярными подразделениями Конфедерации. Хотя, без сомнения, у него имеются документы, которые доказывают, что он якобы продал корабли подлинным перерабатывающим компаниям. И конечно, это они сплавили корпуса мятежникам, а потом исчезли.

Но можно быть вполне уверенными в том, что ни Вегенер, ни Нильсен не знают об эсминцах, а также об «Аннике», «Астрид» и «Маргит». Мы приобрели эсминцы в секторе Тумулт, а «Анника», «Астрид» и «Маргит» получены... из совершенно другого источника.

Дунецкий вновь сделал паузу, разглядывая курьера. Возможно, его собеседник уже знает все, о чем Дунецкий сейчас рассказал ему, — кроме, вероятно, того факта, что эсминцы недавно созданного Космического Флота Призмы были из Тумулта. Но, судя по выражению лица, курьер начал делать выводы из полученной информации.

— Дело в том, — продолжал Дунецкий, — что Вегенер и Нильсен, вероятно, оценивают наши силы по кораблям, которые сами нам и продали. Они могут допустить наличие еще одного-двух легких кораблей, не больше. Мы очень аккуратно вели беседы с «верным союзником», чтобы ему было очевидно: все наши корабли получены от него. Мы даже пропустили два-три лакомых кусочка, на которые указал Вегенер, потому что у нас якобы не оказалось подходящего корабля для захвата.

— Э-э... прошу прощения, сэр, — заговорил курьер, — но мне известно, что и вы, и ваш брат оба захватывали суда. Не значит ли это, что они знают как минимум об «Аннике» и «Астрид»?

— Нет, — ответил Дунецкий. — Хенрик и я принимали особые меры предосторожности. Никто из нас не продал ни одного судна здесь, в Конфедерации. У нас есть... друзья и связи в Народной Республике Хевен, согласившиеся помочь славным революционерам. — Курьер прищурился, а коммодор усмехнулся еще раз. — Не стоит беспокоиться.

Законодатели так же революционно настроены, как кусок никеля. Но это позволяет им достаточно безопасно для себя поддерживать образ «борцов за народ», а также приносит деньги. А для наших целей неплохо иметь место, где легальные каперы могут продать свои призы и выгрузить их команды без лишних вопросов. Жаль, что хевы не хотят снабжать нас кораблями и оружием.

— То есть Вегенер, Нильсен и Флот Конфедерации считают, что у нас вполовину меньше сил, чем на самом деле? — медленно произнес курьер.

— Скорее, в три раза, — поправил Дунецкий. — Корабли, о которых им известно, — это конфедератский хлам, такой же, как их собственные суда. И конечно, они не знают о систематических улучшениях головок самонаведения и систем РЭБ. Так что даже корабли, которые они ожидают встретить, будут заметно сильнее, чем они полагают.

— Понятно, — ответил курьер. — Но разве это так важно в стратегическом смысле? Я имею в виду, что при всем моем уважении, сэр... даже если мы сумеем серьезно потрепать Нильсена, за ним стоит весь флот Силезии. Возможно, вы правы, называя их «хламом», но у них намного больше кораблей.

— Да, это так. Но есть еще один факт, о котором вам раньше знать было не положено. — Дунецкий откинулся в кресле и холодно, оценивающе взглянул на курьера. — Вы никогда не задумывались, как мы смогли заполучить почти новые эсминцы и тяжелые крейсера? *Андерманские* эсминцы и тяжелые крейсера?

— Изредка, — признался курьер. — Я всегда полагал, что мы, должно быть, нашли кого-то вроде Нильсена в самой Империи. В смысле, вы и ваш брат оба имеете контакты во флоте Анди и...

— В ИАФ?[1] Вы думаете, что в ИАФ есть кто-то, кто продает первоклассные боевые корабли на черном рынке? — Дунецкий громко расхохотался. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки и вытереть слезы. — Я дослужился до капитана в ИАФ, а Хенрик до коммандера, так что поверьте мне, Имперский флот совсем не похож на конфедератский. Даже если бы нашелся кто-то, пожелавший

[1] *ИАФ* — Императорский Андерманский Флот.

украсть корабль, там слишком много проверок и инспекций. Нет,— Дунецкий покачал головой,— Для того чтобы все организовать, Хенрик и я использовали связи в империи, но не во флоте. Вернее, не напрямую во флоте.

— Тогда с кем же вы работали? — спросил курьер.

— Скажем, есть *люди* — и кое-кто из довольно видных семей,— которые мирились с тем, что их инвестиции украл Вегенер с семейкой. Но лишь до тех пор, пока Вегенер не пригласил других иностранцев, чтобы управлять предприятиями. Это переполнило чашу терпения наших андерманских друзей. Они поговорили со своими видными родственниками после того, как я и Хенрик встретились с *ними* как раз перед нашим возвращением в Призму. Что подводит меня к вопросу, который вам нужно будет поставить перед Советом, когда вы отправитесь домой.

— Да, сэр.— Курьер выпрямился в кресле, весь во внимании, и Дунецкий поглядел ему прямо в глаза.

— Андерманские деловые люди, которые предоставили нам корабли, узнали, что Имперское правительство наконец готово действовать. Наша задача — нанести достаточный урон местным силам, чтобы дать Императору повод. Империя объявит, что волнения в этой области Конфедерации настолько возросли, что угрожают, по ее мнению, общей дестабилизацией в регионе. И тогда, чтобы предотвратить эту дестабилизацию, Имперский флот выдвинется в Сагинау и объявит прекращение огня на условиях, согласно которым Империя признает Совет как фактическое правительство Призмы.

— Вы серьезно? — Курьер недоверчиво уставился на Дунецкого.— Каждый знает, что анди годами хотели двинуться в Конфедерацию, но манти всегда препятствовали этому.

— Это так, но сейчас манти сфокусированы на Хевене. У них нет ни ресурсов, ни воли, чтобы противостоять Империи в таком малозначительном для них месте, как Сагинау.

— Но что анди получат из всего этого?

— Империя получит прецедент успешного вторжения в сектор Конфедерации для восстановления там порядка, который они смогут использовать как основу для новых вторжений. На этот раз они не потребуют никаких территориальных

уступок. Но в следующий раз история окажется немножко иной, а дальше... — Дунецкий помолчал и злобно улыбнулся, — посмотрим. Что касается наших спонсоров, то дипломаты Императора будут настаивать, чтобы Вегенер, или кем там его заменит Столар, отозвал торговые концессии, выданные манти в Мелкоре, и вернул их первоначальным инвесторам. Так что каждый получит то, что хочет... ну, кроме Конфедератов и манти.

— Бог ты мой! — Курьер потряс головой. — А ведь это действительно может сработать.

— Черт побери, это *сработает*, — холодно произнес Дунецкий. — Именно это Совет планирует последние три года. Однако мы не ожидали такого внезапного поворота. В Империи все давно ждут, только никто из нас пока не готов действовать. Но я сопоставил информацию от моих источников в Империи с тем, что случилось с «Лидией», и думаю, что у нас просто нет времени на раскачку. Если Вегенер и Нильсен решили выступить против нас, вместо того чтобы сотрудничать с нами, мы должны реагировать быстро. Сейчас мне надо, чтобы вы отправились назад к Совету и попросили отправить курьеров к Хенрику и капитану Трейнору на «Маргит» с инструкциями о начале полномасштабных операций против флота конфедератов.

— Я все понял, сэр, но я не уверен, что они послушаются меня. — Курьер криво усмехнулся. — Я понимаю, что вы используете меня только потому, что больше некого. Я ведь не вхожу во внутренний круг, и эта новость будет для них абсолютно неожиданной. Что если они откажутся?

— Нет, они не смогут, — уверенно заявил Дунецкий. — А если все-таки попытаются, просто передайте им следующее, — он мрачно посмотрел прямо на курьера, — что бы они ни решили, «Анника» начнет активные действия против ФС ровно через одну стандартную неделю.

— А я все равно считаю, что должен быть лучший способ. — Тон гардемарина Макиры казался необычно ворчливым.

Хонор взглянула на него через стол и покачала головой.

— Ты самый противоречивый человек из всех, кого я когда-либо встречала, Нассиос, — сурово заявила она.

— Что ты имеешь в виду? — возмутился Макира.

— То, что капитан никогда не сможет придумать ничего, что могло бы тебе понравиться. Не говорю, что ты придира — хотя человек менее уравновешенный, чем я, назвал бы тебя придирой, — но у тебя просто талант находить слабые места в любом плане, не обращая никакого внимания на его сильные стороны.

— Ну, — Макира ответил неожиданно серьезно, — может быть, ты и права. У меня действительно есть склонность в первую очередь обращать внимание на проблемы. Возможно, потому, что при таком подходе любые сюрпризы оказываются приятными. Помнишь, капитан Курвуазье говорил, что все равно ни один план не выдерживает столкновения с противником? С моей точки зрения, это делает пессимиста во многих отношениях идеальным командиром.

— Может быть. Пока твой пессимизм не убивает твою же уверенность и не мешает перехватить инициативу у плохих парней, — возразила Хонор.

Они сидели за столом в Салажьем Уголке. Нимиц, внимавший словам своего человека, поднял взгляд и кивнул с истинно авторитетным видом. Макира хихикнул.

— Нечестно! — запротестовал он, потянувшись, чтобы погладить кота по ушам. — Вы с Нимицем снова объединились *против меня*!

— Только потому, что ты не прав, — заявила Хонор с ноткой самодовольства.

— Ну нет! Это не так! Я просто говорю, что, придерживаясь теперешнего плана действий, мы защищаем только одну систему из всей нашей зоны патрулирования. А теперь, — он откинулся и скрестил руки на груди, — давай объясни, где в этом утверждении ошибка.

— Ошибки нет, — признала Хонор. — Проблема в том, что идеально решить вопрос большого числа звездных систем и недостаточного количества крейсеров — невозможно. Что бы мы ни делали, мы можем быть только в одном месте зараз. Если мы попробуем метаться между слишком многими системами, то бóльшую часть времени потратим на переходы в гипере и вообще ничего не добьемся в нормальном пространстве. — Хонор пожала плечами. — Учитывая все обстоятельства, в том числе и то, что присутствие

Звездного Королевства в Мелкорс достаточно стабильно, полагаю, что разумно закинуть блесну на пиратов именно здесь.

— И пока мы будем это делать, — возразил Макира, — практически наверняка где-то в нашей зоне торговец, которого мы должны защитить, влипнет в историю. И некому будет ему помочь.

— Ты, скорее всего, прав. Но в любом случае, не зная графика движения и задач каждого из торговцев во всем секторе Сагинау, просто невозможно предсказать, где какое судно окажется в данный момент. Да если бы даже, отправляясь с Мантикоры, мы имели детальные графики движения каждого гражданского судна в нашей зоне ответственности. Что с того? К настоящему времени они бы уже безнадежно устарели, и ты это знаешь. А этих графиков вообще-то не существует. Поэтому каждый мантикорский корабль в Силезии — все равно что иголка в огромном стоге сена. Так что, даже курсируй мы из системы в систему, слишком велика вероятность того, что мы не окажемся в нужном месте, чтобы помочь торговцу, о котором ты говоришь. А если мы все-таки сумеем ему помочь, это будет просто слепая удача, и ты понимаешь это не хуже меня.

— Но у нас хотя бы появится шанс ухватить эту слепую удачу! — упрямо возразил Макира. — А так у нас и того не будет!

— Верно. Зато будет кое-что получше: приманка. Мы *знаем*, что каждому пирату в секторе известно о деятельности картеля Диллингэма здесь, в Мелкоре. Они могут быть практически уверены в том, что мантикорские суда станут появляться в этой системе регулярно. Я уже не говорю о возможности для них ухватить удачу за хвост и провернуть успешный налет на недвижимость картеля, несмотря на оборонительные сооружения. Это и есть основная идея капитана! Вместо того чтобы носиться от системы к системе без малейших гарантий, что удастся поймать хоть кого-то из пиратов, тем более с поличным, он предпочел устроить здесь засаду на тех, кто вздумает нанести удар по людям Диллингэма. Я бы сказала, что шансы подловить несколько пиратов, лежа в засаде, будут выше, чем при каком-нибудь другом способе.

— Но мы даже не показываем флаг в других системах, — пожаловался Макира. — Нигде больше в секторе и не пахнет нашим присутствием, чтобы отпугнуть пиратов.

— Это, вероятно, единственное серьезное возражение против нашего плана, — согласилась Хонор. — К сожалению, у капитана есть только один корабль, который не в состоянии охранять большое пространство. Каковы шансы «Воительницы» на перехват данного пирата в данный момент времени? — Она покачала головой. — Нет, пока Адмиралтейство не даст капитану как минимум пару дивизионов крейсеров, я не вижу возможности достаточно веско заявить о нашем присутствии, которое и правда могло бы отпугнуть того, кто уже решился стать пиратом.

— Так зачем вообще было посылать нас? — Впервые в голосе Макиры проявилась нотка истинной горечи. — Если все, что мы делаем, — это пытаемся удержать воздух в шлюзе, натянув сеточку от комаров? Какой в этом, черт побери, смысл?

— Такой же, что и всегда, я полагаю, — отозвалась Хонор. — Один корабль не способен отпугнуть пиратов в зоне патрулирования величиной с сектор Сагиппау. Но если нам удастся выловить двух-трех ублюдков, то слух об этом дойдет и до тех, в кого нам пострелять не удастся. По крайней мере, мы заставим призадуматься некоторых ребят, которых привлекает карьера пирата. Более того, пройдет слух, что мы особое внимание уделяем Мелкору. Это им напомнит, как Звездное Королевство умеет разбираться с теми, кто нападает на его подданных. К сожалению, мы здесь на самом деле во многом для того, чтобы побуждать местных пиратов заняться чьим-то еще торговым флотом, оставив наш в покое.

— Это не то, что нам говорили в Академии, — заметил Макира. — Нам говорили, что наша работа — подавлять пиратство, а не побуждать пиратов заняться торговцами, которые имеют несчастье принадлежать к нации, не имеющей достойного флота!

— Конечно, именно так нам и говорили. И в идеале они правы. Но мы живем в несовершенном мире, Нассиос, и в последние годы он становится все более несовершенным. Смотри, — Хонор, с чрезвычайно серьезным выражением лица, наклонилась вперед, облокотившись о стол, — у Флота

есть столько кораблей и людей, сколько есть. Как бы важна ни была Силезия — и жизни мантикорских торговцев, — мы не в состоянии задействовать больше кораблей, чем имеем. Раньше, до того, как хевы принялись захватывать все, на что упадет их взгляд, мы и в самом деле могли каждый год посылать в Силезию часть кораблей, достаточную для того, чтобы держать пиратство в постоянном страхе. Но теперь, когда Флоту приходится присматривать за хевами в местах типа Звезды Тревора и Василиска, больше так поступать мы не можем. У нас просто не хватит корпусов для подобного назначения. Так что я уверена: все в Адмиралтействе прекрасно понимают, что мы никоим образом не сумеем «подавить» пиратство в зоне нашего патрулирования. Я готова поставить и на то, что любой не окончательно слабоумный пират понимает это так же хорошо, как и мы. И уж совсем наверняка это понимают анди!

Нассиос Макира откинулся в кресле. Легкое возмущение на его лице сменилось сильным удивлением. Он знал, что все гардемарины «Воительницы» имеют абсолютно одинаковый доступ к информации. Однако внезапно обнаружилось, что Хонор собрала эту информацию в куда более полную и согласованную картину, чем он.

— Так зачем было посылать нас? — повторил он, на этот раз не вызывающим тоном, а почти жалобным. — Если мы не можем принести пользы, и все это знают, то зачем мы здесь вообще?

— Я не говорила, что мы не можем принести пользы, — ласково произнесла Хонор. — Я сказала, что от нас нельзя ожидать *подавления* пиратства. То, что мы не способны их прихлопнуть или хотя бы вытеснить значительную часть разбойников из этой области, не избавляет нас от моральной ответственности за то, что мы сделать в состоянии. Мы отвечаем за защиту соотечественников в той степени, в которой это возможно. Мы не вправе позволить пиратам — или анди — решить, что мы просто забыли о своих обязанностях в Силезии, какой бы недостаток в кораблях мы ни испытывали. И когда я заявила, что мы пытаемся заставить пиратов пойти поискать себе другую жертву, я не имела в виду, что мы направляем их на кого-то конкретного. Я только хотела сказать, что наша задача состоит в том, чтобы убедить местных: атаковать наше судоходство куда

более опасно, чем чье-либо еще. Знаю, дома найдутся люди, ратующие за то, что в наших стратегических интересах натравить пиратов на тех, кто конкурирует с нашими торговцами. Но эти люди – идиоты. Да, мы, конечно, можем получить определенную прибыль, если активность пиратов напугает тех, кому необходимо осуществлять перевозки в Силезии, и они обратятся к нашим торговцам. Но в конечном счете это обойдется нам недешево. Кроме того, если все начнут пользоваться мантикорским транспортом, то у пиратов не будет другого выхода, кроме как нападать на нас, потому что у них не останется никаких иных мишеней! На самом деле, — задумчиво добавила она секунду спустя, — может найтись и дополнительная выгода в том, чтобы натравить пиратов на кого-то еще. Вот уже полтора столетия мы изображаем из себя здешнюю полицию. Хотя мы далеко не единственные, кому не все равно, что происходит в Силезии. Уверена, что в свое время Правительство и Адмиралтейство приложили все силы к тому, чтобы нас восприняли как полицию Силезии. Хотя бы для того, чтобы пресечь всякие поползновения анди в этом направлении. Но сейчас, когда мы вынуждены сосредоточить наши силы вдоль границы с хевами, нам нужен здесь кто-то, кто возьмет часть нашей работы на себя. И боюсь, единственный возможный выбор — анди. Конфедераты-то уж точно ничего сделать не смогут! Так что, выходит, я не сразу заметила еще один плюс того, чтобы перенацелить пиратов с наших торговцев на андерманских. В таком случае флот анди обратит на них больше внимания, пока мы заняты в другом месте.

— Хм...— Макира почесал бровь, обдумывая все сказанное Хонор. Это имело смысл. Это имело большой смысл, и теперь, когда она все разложила по полочкам, ему было не до конца понятно, как же он сам не пришел к подобному заключению.

— Хорошо, — сказал он. — Я понимаю твою точку зрения и не знаю, что тут возразить. Но я все еще полагаю, что мы могли бы сделать больше, появляясь более чем в одной системе. Я имею в виду, что если Мелкор будет единственным местом, где мы поймаем хоть одного пирата — а мы пока и того не добились, — то наше воздействие окажется очень ограниченным и локальным.

— «Ограниченным» оно будет в любом случае, что бы мы ни делали. Это неизбежное следствие того, что у нас только один корабль, — весело заявила Хонор. — Но, как я и сказала, слухи неизбежно разойдутся. «Пиратское братство», назовем его так за неимением лучшего термина, всегда быстро распространяло слухи. Капитан Курвуазье говорил, что если какое-то место оказывается особенно опасным для их здоровья, весть об этом разлетается стремительно. Так что мы сможем временно выставить их из Мелкора. С другой стороны, с чего ты решил, что Мелкор будет *единственным* местом, к которому капитан намерен присмотреться за время нашего рейса? Это место занимает его *в настоящий момент*, но почему бы нам не перелететь в другую систему, после того как мы будем достаточно уверены, что припугнули местное отребье. Я полагаю, что картель Диллингэма подготовил нам наилучшие охотничьи угодья из всего, что мы сможем найти. И похоже, капитан думает так же. Но подобная тактика сработает столь же успешно и в любом другом месте, где проявится активность пиратов. Я буду очень удивлена, если мы не проведем некоторое время, забрасывая блесну и в других системах.

— Тогда почему ты не сказала этого с самого начала? — с досадой потребовал ответа Макира. — Ты уже который день наблюдаешь, как меня бесит одержимость капитана этой системой! А теперь сидишь здесь и заявляешь, что все это время ожидала, что однажды он поступит именно так, как я и *хотел?*

— Ну, — хихикнула Хонор, — я же не виновата, что ты заставлял себя слышать не совсем то, что я говорила, так? Кроме того, тебе не следовало столь энергично критиковать капитана, если ты не обдумал тщательно то, о чем говорил!

— Ты злая и непременно плохо кончишь, — мрачно произнес Макира. — И я это увижу, если во вселенной существует хоть какая-то справедливость.

Хонор ухмыльнулась, и Нимиц издал ленивый смешок со стола.

— Смейтесь... пока можете, — зловеще сказал Макира обоим, — но настанет день, когда вы вспомните этот разговор и горько о нем пожалеете.

Он задрал нос и громко втянул воздух. Нимиц повернул голову, чтобы взглянуть на своего человека. Взгляды их встретились в совершенном согласии... И вдруг Нассиос Макира бешено замахал руками, когда древесный кот серой молнией метнулся со стола и плотно обернулся вокруг его шеи. Гардемарин попытался закричать, но сумел издать только совершенно неподобающий военному высокий звук. Длинные ловкие пальцы Нимица нашли подмышки Макиры и безжалостно принялись его щекотать. Гардемарин, воя, опрокинулся вместе с креслом, а Хонор выпрямилась, сложила руки на груди и принялась наблюдать за тем, как безжалостно ее спутник приводит в исполнение кару за произнесение зловещих угроз.

— Ну, вот мы и здесь, — заметил коммандер Обрад Байкуза.

Его тон давал понять, что коммандер не слишком доволен услышанным. И это на самом деле было так. Байкуза очень уважал коммодора Дунецкого и как командира-тактика, и как военного стратега. Но план данной операции не нравился Байкузе с того самого мгновения, когда коммодор изложил его более шести стандартных месяцев назад. И основная причина состояла не в том, что Байкуза не доверял андерманским... э-э... коллегам коммодора (хотя он *не* доверял им настолько, насколько это вообще возможно). Просто коммандер был убежден в том, что любой, кто рискнет задираться с Королевским Флотом Мантикоры, без сомнений, заслуживает Дарвиновскую премию[1]. На первый взгляд план Дунецкого казался прямолинейным и рациональным, особенно учитывая обещанную поддержку Имперского Андерманского Суда. Конечно, размышляя логически, трудно было найти слабые места в аргументах коммодора. Но, к сожалению, у флота манти имелась прискорбная привычка вышибать мозги тем, кто пытался их разозлить. Обрад Байкуза ни капли не желал стать объектом подобной операции.

С другой стороны, приказ есть приказ, а у манти не было ни его имени, ни адреса. Все, о чем ему следовало

[1] *Дарвиновская премия* — шуточная премия, присуждаемая за самую глупую смерть: «за избавление собственной смертью человеческого генофонда от носителя гена глупости».

беспокоиться, — это чтобы так оно в дальнейшем и оставалось.

— Хорошо, Хью, — сказал Байкуза старпому. — Давай углубимся и посмотрим, что тут можно найти.

— Есть, сэр! — ответил лейтенант Вэйкфилд, и фрегат КФП[1] «Дротик» направился вглубь системы, к ровно горящей звезде по имени Мелкор.

— Так-так... Что тут у нас?..

Главный старшина Джепсен дель Конте повернул голову, услышав шепот. Сенсорный техник первого класса Франсина Алькотт явно не подозревала, что задает вопросы вслух. Если у дель Конте и были какие-то сомнения в этом, то сосредоточенное выражение на темном напряженном лице Алькотт, склонившейся к дисплею, быстро их развеяло.

Главстаршина наблюдал, как пальцы сенсорного техника порхали по панели с бессознательной точностью дающего концерт пианиста. Дель Конте нисколько не сомневался в том, что́ именно Алькотт делает, и, сжав зубы, постарался мысленно на нее воздействовать.

К сожалению, она оказалась нечувствительна к телепатии, и дель Конте проглотил беззвучное проклятие. Алькотт была чрезвычайно хороша в своем деле. У нее имелись как природное дарование, так и энергия, и чувство ответственности. Все вместе и составляло разницу между просто удовлетворительным и превосходным исполнением обязанностей. Дель Конте был в курсе намерений коммандера Хираке еще до окончания текущего рейса повысить Алькотт до старшины, несмотря на ее относительную молодость.

Но при всех своих несомненных технических талантах, Алькотт была потрясающе нечувствительна к атмосфере тактического подразделения «Воительницы». Ухудшало ситуацию то, что ее перевели в вахту дель Конте менее двух недель назад. Но главстаршина был совершенно уверен, что Алькотт проявляла бы такую же слепоту, даже будь она в составе этой вахты с самого отбытия с Мантикоры.

Дель Конте как можно незаметнее оглянулся и снова чуть было не выругался. На вахте был лейтенант Сантино.

---

[1] *КФП* — Космический Флот Призмы.

Он сидел в капитанском кресле по центру мостика и казался компетентным флотским офицером. Руки его покоились на подлокотниках кресла. Развернутые плечи столь же уверенно опирались на спинку; высоко поднятая голова, мужественный профиль. Но глаза его зияли практически *полным, ужасающим отсутствием интеллекта.*

Дженсен дель Конте не мог сосчитать, сколько он видел офицеров за время своей флотской службы. Некоторые были лучше, некоторые — хуже, но ни один не опускался до глубины, с легкостью покорившейся Элвису Сантино. Дель Конте знал, что лейтенант-коммандер Хираке в курсе проблемы, но она мало что могла с этим поделать. И уж чего она *никак* не могла — так это нарушить железные нормы этикета и традиций службы, признавшись старшине, каким бы главным он ни был, что его непосредственный начальник — полная и совершенная задница. Главстаршина скорее полагал, что лейтенант-коммандер и шкипер предоставят Сантино веревку в надежде, что тот сумеет самостоятельно повеситься. Но эта робкая надежда не слишком-то облегчала жизнь бедолагам, оказавшимся под его непосредственным командованием, — вроде некоего главстаршины дель Конте.

Алькотт продолжала свою возню с приборами, и дель Конте горячо пожелал, чтобы кресло Сантино отлетело хотя бы на несколько метров дальше. Учитывая его близость, можно было ожидать, что лейтенант услышит все, что бы дель Конте ни попытался сказать Алькотт. Вообще-то технику очень повезло, что Сантино еще не обратил внимания на ее озабоченность. Поза воплощенного внимания лейтенанта не могла обмануть никого из присутствующих на мостике; но как раз в духе Сантино было бы выйти из его нормального состояния самолюбования в самый неподходящий для Алькотт момент. Но пока этого не произошло, дель Конте стоял перед очень неприятной дилеммой.

Главстаршина потянулся и произвел несложные манипуляции со своей панелью. Когда его собственный дисплей показал копию дисплея Алькотт, старшина нахмурился. Он сразу увидел, что именно привлекло ее внимание, хотя и не был уверен, что заметил бы это без тех манипуляций, которые она уже произвела. Даже сейчас след

импеллера был призрачным, и компьютеры явно не разделяли убежденности Алькотт в том, что она видит нечто реальное. Они настаивали на пометке иконки быстро пульсирующим янтарным кружком неуверенного контакта, что обычно являлось плохим знаком. Но у компьютеров не было интуиции Алькотт. Лично дель Конте не сомневался, что она выявила истинный контакт.

Проблему усугублял тот угол, под которым приближался неизвестный. Кто бы это ни был, он обгонял их, подходя сзади и очень «высоко» — так, что между ним и гравитационными сенсорами Алькотт оказалась верхняя полоса импеллера «Воительницы». В теории компьютеры БИЦ[1], знавшие точную мощность клина тяжелого крейсера, могли делать поправку на создаваемые им помехи. В теории. На практике, однако, клин привносил неопределенность в любые сделанные сквозь него наблюдения. Именно поэтому военные корабли намного больше полагались на датчики, размещенные побортно и на носовой и кормовой оконечностях, где им не мешал клин. Верхние и нижние массивы датчиков, конечно, устанавливали, но в большинстве случаев все к ним относились — заслуженно — как к простой перестраховочной мере. Однако же теперь единственным датчиком, способным видеть неизвестный корабль, оказался верхний. Известная ненадежность его данных вдобавок к крайней слабости просочившегося сквозь клин сигнала означала, что контакт (если это вообще был контакт) еще не преодолел барьер автоматических фильтров БИЦ и что там пока никто не был в курсе его существования.

Но Алькотт была в курсе, а теперь — за свои грехи — был и дель Конте. Действующие приказы на случай подобной ситуации являлись четкими, и Алькотт, к сожалению, следовала им... Она и впрямь сделала именно то, что от нее ожидалось на вахте лейтенант-коммандера Хираке. Лейтенант-коммандер доверяла своим людям: если кто-то из них замечал объект, на который, по его или ее мнению, стоило обратить внимание Хираке, то он просто перебрасывал результат своих наблюдений к ней на дисплей. Стандартная процедура требовала, кроме того, устного объявления, но

[1] *БИЦ* — боевой информационный центр.

Хираке предпочитала, чтобы ее техники занимались проверкой сомнительных данных, а не тратили время на доклады.

Лейтенант-коммандер могла позволить себе некоторое отступление от стандартных процедур. Она являлась компетентным и грамотным офицером, она уважала своих подчиненных и доверяла их умениям. И теперь все было бы просто замечательно, окажись на вахте кто угодно вместо Элвиса Сантино. Потому что Алькотт сделала в точности то, чего хотела бы лейтенант-коммандер Хираке: она перенаправила картинку со своего монитора на экран номер два Сантино... а этот самовлюбленный осел даже ничего не заметил!

Если бы контакт был достаточно силен, чтобы БИЦ зафиксировал его как устойчивый, то Сантино уже доложили бы об этом. Если бы Алькотт сообщила устно, он бы тоже знал. Если бы Сантино потрудился отвлечься от своей роли идеального флотского офицера из голодрамы и понаблюдал за своими дисплеями, он бы опять-таки знал. Но ничего из этого не произошло, так что помощник тактика до сих пор не имел представления о контакте. Но когда БИЦ наконец-таки изменит его статус контакта на устойчивый, даже Сантино увидит по мигающей метке времени, что Алькотт идентифицировала объект несколькими минутами ранее. Более того, он сообразит, что когда капитан Бахфиш и коммандер Лэйсон будут просматривать записи, *они* поймут, что ему следовало знать о контакте задолго до того, как он наконец-то доложил им. Учитывая натуру Сантино, последствия для Алькотт выйдут абсолютно предсказуемыми. И какого черта главный старшина Флота Его Величества сейчас в поте лица придумывает способ защитить талантливую женщину от злобной мести совершенно бездарного и глупого офицера?

Что бы ни случилось потом, Дженсен дель Конте больше не мог позволить лейтенанту Сантино оставаться в блаженном неведении. Каждая секунда промедления только ухудшит ситуацию. Так что он сделал глубокий вдох.

— Сэр, — объявил он максимально уважительным тоном, — у нас потенциальный неидентифицированный импеллер. Приближается с один-шесть-пять на один-один-пять.

— Что? — Сантино встрепенулся.

Мгновение он выглядел совершенно растерянным, затем его взгляд упал на дисплей, находившийся у его кресла, и Сантино напрягся.

— Почему БИЦ не доложил?! — рявкнул он, и дель Конте с трудом подавил желание ответить в выражениях, которые даже у Сантино не оставили бы сомнений относительно того, что о нем думает главстаршина.

— Контакт еще слишком зыбкий, — вместо этого сказал дель Конте. — Если бы не меры, принятые Алькотт, мы бы его вообще не заметили. Я уверен, что, пока сигнал не станет хоть немного сильнее, фильтры БИЦ его не пропустят.

Он придал голосу все возможные четкость и профессионализм, отчаянно молясь, чтобы Сантино не догадался посмотреть на отметку времени и понять, сколько минут прошло, прежде чем подчиненные соизволили привлечь его внимание.

Как минимум секунду казалось, что Бог его услышал. Сантино был слишком заворожен видом мерцающего контакта, чтобы заметить что-то еще, и дель Конте вздохнул с облегчением.

С преждевременным облегчением, как оказалось.

Элвис Сантино глядел на эту иконку с выражением, чрезвычайно напоминающим панику. Не то чтобы он боялся этого возможного контакта... Нет, дело было в том, что он отлично помнил: капитан и эта задница Лэйсон имеют на него зуб. Лэйсон, без сомнения, оставил в его личном деле едкое примечание к записи о снятии его с поста офицера-наставника. Будь связи Сантино в аристократической среде Флота чуть хуже, это поставило бы крест на его карьере! Но так уж случилось, что его семья обладала достаточным влиянием, и карьера его, скорее всего, выдержит это без особых последствий. Но даже у покровительства есть пределы, и Сантино не стоило давать ублюдкам дополнительное оружие против себя.

Он *все-таки* обратил внимание на отметку времени, которая ясно свидетельствовала, что они — персонал вахты, а точнее, его собственный тактический персонал — засекли возможный контакт почти за шесть минут до того, как обратили на это его внимание. Сантино уже почти наяву ви-

дел холодно-формальную, безупречно корректную и безжалостную манеру, в которой Бахфиш (или, хуже того, этот подхалим Лэйсон) отчитают его за недостаточно быструю реакцию. Мысль об этой беседе была единственным, что удержало Сантино в кресле, не позволив вырвать глотки Алькотт и дель Конте за преднамеренную задержку информации. Но Лэйсон уже проявил склонность использовать рядовых и старшин как шпионов и доносчиков. У Сантино не было сомнений в том, что старпом для прикрытия задницы с удовольствием добавит к собственному рапорту о случившемся версию дель Конте.

В итоге вместо того, чтобы отвесить столь заслуженный пинок этим дерзким уродам, Элвис Сантино заставил себя сделать вид, что не раскрыл их заговор. Однажды настанет время расплаты по счетам, но заняться этим прямо сейчас помощник тактика не посмел.

Тем временем надо было решить, как действовать в данной ситуации. Сантино прикусил нижнюю губу, усиленно размышляя. Дель Конте — подлый ублюдок — был, несомненно, прав насчет причин молчания БИЦ. Но если Алькотт права (а судя по всему, это так), то сигнал пробьется через фильтры БИЦ не позже чем через пять-десять минут, даже при использовании верхних грависенсоров. Когда это произойдет, у Сантино не останется иного выбора, кроме как доложить капитану, и тот факт, что Алькотт и дель Конте передали ему информацию заметно раньше, неизбежно станет частью официальной записи. А то, что они преднамеренно скрыли информацию, не объявив о ней вслух, Бахфиш и Лэйсон, конечно, полностью проигнорируют, сосредоточившись только на том, что он «растратил» столько «драгоценного времени», прежде чем доложил им о контакте. И особенно Лэйсон, слишком мстительно настроенный по отношению к Сантино. Конечно, он не упустит возможности подчеркнуть, что именно помощник тактика упустил вероятные преимущества, предоставленные ему блестящим персоналом тактической секции, так рано зафиксировавшим контакт.

Огорчение, ярость, негодование и страх бурлили у него внутри, пока он пытался решить, что же делать. Это была такая *малость!* Что с того, что Алькотт и дель Конте выявили контакт шестью или даже пятнадцатью минутами —

черт, да даже получасом! — раньше БИЦ? Контакт был более чем в двух с половиной световых минутах позади «Воительницы». Это больше пятидесяти миллионов километров, а максимальное ускорение контакта, по версии Алькотт, составляло только около пятисот *g*. С начальным превосходством в скорости менее чем в тысячу километров в секунду незнакомцу, кем бы он ни был, потребуется более пяти часов, чтобы обогнать «Воительницу». Так на что вообще может повлиять это «упущенное время»? И тем не менее Сантино знал, что Бахфиш и Лэйсон не упустят возможности снова подпортить его личное дело.

Его мечущиеся мысли внезапно замерли. Конечно! Как он не подумал об этом раньше! Сантино с трудом подавил триумфальную улыбку, когда перед ним явилось решение проблемы. Его «блестящие» подчиненные доложили о контакте раньше, чем БИЦ, так? Ну и замечательно! Он вахтенный офицер, и не его ли это обязанность — установить как можно быстрее, является ли этот контакт истинным? Даже до того, как это сможет сделать тренированная команда БИЦ? Конечно его! И именно *это* было причиной задержки доклада капитану: подтверждение того, что *возможный* контакт был реальным.

Сантино повернулся к рулевому и четко произнес:

— Готовность к перекату семьдесят градусов на левый борт и повороту на два-два-три.

Дель Конте не удержался и развернулся в кресле к центру мостика. Он прекрасно понял, что́ намеревается сделать лейтенант, но не мог поверить, что даже Элвис Сантино может быть *настолько* глуп. Отданный предварительный приказ являлся классическим маневром. Флотские офицеры называли его «очистить клин», поскольку в результате одновременного переката и поворота наиболее чувствительные бортовые массивы сенсоров могли прощупать зону, прежде закрытую клином. Но подобный маневр выполняли только боевые корабли, а «Воительница» немало сил приложила для того, чтобы притвориться толстым, беспомощным, *невооруженным* грузовиком — специально для приманки рейдеров на дальность применения оружия. Если этот болван...

— Сэр, я не думаю, что это удачная идея, — заметил главстаршина.

— К счастью, *я* думаю, — не удержавшись, осадил Сантино дерзкого подчиненного.

— Но, сэр, мы же должны выглядеть как торговец, а если...

— Я прекрасно знаю, как мы должны выглядеть, главный старшина! Но если это и в самом деле контакт, а не плод чьего-то воспаленного воображения, то, очистив клин, мы это подтвердим, вам так не кажется?

— Да, сэр, но...

— Они просто пираты, главный старшина, — хлестко сказал Сантино. — Мы сможем очистить клин, зафиксировать их в БИЦ и вернуться на первоначальный курс прежде, чем они что-либо заметят!

Дель Конте открыл было рот, чтобы продолжить дискуссию, но затем с легким стуком захлопнул его. Спорить не было смысла. Существовала слабая вероятность, что Сантино прав и контакт не заметит такой краткой перемены их курса. Но если гравитационные сенсоры контакта не перекрыты клином, то «Воительница» находится как минимум в девяти или десяти световых минутах в пределах дальности их действия. На таком расстоянии даже краткая перемена курса будет предельно очевидной для тактиков любого военного корабля. Конечно, если перед ними типичный малограмотный пират, то Сантино мог совершить маневр и незамеченным. Маловероятный, но *возможный* исход.

«И если этот придурок ошибется, то как минимум *мои* руки будут чисты. Я сделал все возможное, чтобы не дать ему проколоться, и голосовая запись докажет это. Так что вперед, лейтенант!»

Главстаршина еще пять бесконечных секунд смотрел в глаза лейтенанта, борясь с собой. Чувство долга требовало еще раз попытаться спасти ситуацию, но все внутри восставало против. И в конце концов дель Конте развернулся к своему экрану без единого слова.

Сантино удовлетворенно фыркнул и обратился к рулевому.

— Исполняйте приказ, рулевой! — четко произнес он.

Рулевой подтвердил приказ; «Воительница» перекатилась на борт и слегка отклонилась от первоначального курса. Ее бортовые массивы сенсоров немедленно зафиксировали контакт.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как он резко меняет курс и мчится прочь от «грузовоза», который только что очистил клин.

— Я не могу *поверить* этому... этому... этому...

Коммандер Абнер Лэйсон потряс головой, не уверенный, ошеломлен он больше или разъярен, а капитан Бахфиш гневно буркнул, выражая согласие. Они сидели в каюте капитана, плотно закрыв люк, а дисплей на столе отображал запись с дисплея Франсины Алькотт, остановленную в тот момент, когда пират, которого вся команда так долго и старательно заманивала в ловушку, умчался прочь.

— Я знал, что он идиот, — продолжил после паузы коммандер с несколько меньшим отвращением в голосе, — но считал, что он, по крайней мере, способен исполнять приказы, которые были детально разъяснены всем офицерам на борту.

— Согласен, — ответил Бахфиш, но потом хмыкнул и откинулся на спинку кресла. — Согласен, — устало повторил он, — но я, кажется, понимаю, что именно случилось.

— Прошу прощения, сэр, но *случилось* то, что вахтенный офицер нарушил действующий приказ — информировать вас немедленно после обнаружения потенциально враждебного корабля. Хуже того, он по собственной инициативе выполнил маневр, который убийственно очевидно — и с предсказуемыми последствиями — выдал, что мы боевой корабль!

— Согласен. Но ты, как и я, хорошо знаешь, что он сделал это лишь потому, что знал: мы оба только и ждем, когда он нарушит что-нибудь, чтобы размазать его по палубе.

— Ну... он только что сам на это напросился, — мрачно отметил Лэйсон.

— Думаю, да, — сказал Бахфиш, массируя глаза кончиками пальцев. — Конечно, я предполагаю, что его карьера может выдержать даже это, в зависимости от того, кто его покровители. Не хочу признавать это, но, будь я таким покровителем, я указал бы Управлению личного состава, что действия Сантино, хоть и заслуживают осуждения, явились предсказуемым результатом враждебного окружения, кото-

рое мы создали для лейтенанта, отстранив его от обязанностей офицера-наставника.

— Со всем должным уважением, сэр, — он полное дерьмо и как наставник. И мы это знаем.

— Конечно знаем. В то же время в моих словах была крошечная доля истины. Мы определенно враждебны к нему, ведь так, Абнер?

— Да, черт побери! — сказал Лэйсон и фыркнул, когда капитан улыбнулся ему. — Хорошо, хорошо, сэр. Я понял вас. Все, что нам остается, — это доложить наверх нашу точку зрения и надеяться, что власти предержащие согласятся с нами. А пока надо решить на месте, что мы собираемся с ним делать. Я определенно не хочу, чтобы он отстоял еще одну вахту без присмотра!

— Как и я. Также я не желаю видеть его в тактической секции. Даже если он просто будет дублировать Джепис. Само по себе плохо, когда человек глуп, но теперь уже и подчиненные помогают ему перерезать собственную глотку!

— Вы тоже заметили это, сэр?

— Помилуйте, Абнер! Я еще не впал в маразм. Дель Конте точно знал, что произойдет.

— Думаю, это сказано слишком сильно, сэр, — осторожно произнес Лэйсон. Он без особой уверенности надеялся, что капитан может не обратить внимания на очевидное решение главстаршины замолчать и перестать пререкаться с начальством. — Я имею в виду, — продолжил старпом, — Сантино прямо приказал ему...

— Оставьте, Абнер! Дель Конте — опытный человек. Ему, черт его побери, не должно было помешать то, что старший офицер — полный ноль. И не важно, как разозлен он был и насколько оправданны его действия. Ты знаешь это, я тоже знаю. И я ожидаю, что ты проследишь, чтобы старшине дель Конте стало абсолютно ясно: если он *еще хоть раз* позволит такому случиться — у него моими стараниями появится новая дырка в заднице! Полагаю, что выразился достаточно ясно?

— Думаю, да, сэр.

— Хорошо. — Бахфин усмехнулся и махнул рукой. — Как только ты ему это разъяснишь и будешь уверен, что он все понял, — конец истории. — Капитан сделал вид, что

не заметил, как чуть расслабились плечи Лэйсона. — Он не должен был позволить этому произойти, но ты прав — он сделал в точности то, что ему приказал вышестоящий офицер. Что для нас немалая проблема. Когда старшина с таким опытом, как дель Конте, с ухмылкой глядит, как его офицер отстреливает собственную ногу, польза от такого офицера для нас ниже ноля. И это заслуживает максимального осуждения. Даже если бы я не боялся, что это может повториться, я не хочу, чтобы королевский офицер, который смог добиться такого отношения подчиненных, был на моем корабле или где угодно поблизости.

— Не могу винить вас за это, сэр. Я и сам не хочу видеть его на «Воительнице». Но мы никуда от него не денемся.

— Ну уж нет, — ухмыльнулся Бахфиш, — мы все еще не отправили «Гордость Грифона» домой. Я думаю, лейтенант Сантино только что заслужил пост призового мастера.

Глаза Лэйсона округлились, он начал что-то говорить, но мигом замолчал. Капитан назначал своих офицеров руководить призами по двум причинам. Одна из них — наградить офицера, дав ему возможность независимого командования, что может обратить на него внимание лордов Адмиралтейства. Вторая — это способ освободить себя от кого-либо не заслуживающего доверия. По мнению Лэйсона, всем станет очевидно, какая именно причина была в данном случае. Он, конечно, поддерживал решение Бахфиша избавиться от Сантино; но, как старпом «Воительницы», не мог не отметить новую трудность.

— Прошу прощения, сэр, — после небольшой паузы сказал Лэйсон, — но, как бы слаб он ни был в тактике, он единственный помощник Дженис. И если мы отошлем его...

Он замолчал, а Бахфиш кивнул. В идеале на «Воительнице» должно было быть два помощника тактика. В обычной ситуации Хираке помогали бы Сантино и младший лейтенант или энсин. Хроническая нехватка персонала в стремительно расширяющемся Мантикорском Флоте подвела корабль и на этот раз.

Капитан барабанил пальцами по столу, оценивая различные варианты. Ни один из них не был особенно заманчивым, но...

— Меня не волнует нехватка рук, — произнес он наконец. — Это гораздо лучше, чем оставить Сантино. Дженис просто придется обходиться без него.

— Но, сэр... — в отчаянии начал Лэйсон, но Бахфиш поднял руку.

— Он отправляется, Абнер, — сказал он тоном капитана, прекращавшим все обсуждения. — Это уже решено.

— Так точно, сэр, — ответил Лэйсон, и Бахфиш слегка улыбнулся.

— Я знаю, что это будет трудно для тебя, Абнер, и мне жаль. Но представь, как будет замечательно, когда Элвис Сантино окажется в сотнях световых лет отсюда. А затем просто скажи, как закрыть образовавшуюся брешь.

— Я думаю об этом, сэр. А разве капитан ничего не предложит?

— На самом деле, если принять во внимание то, о чем мы говорили прежде... Я думаю, да, — сказал Бахфиш. — Я предлагаю всерьез рассмотреть возможность повышения гардемарина Харрингтон до исполняющего обязанности помощника тактика.

— Вы уверены, сэр? — спросил Лэйсон. Капитан приподнял бровь, и старпом пожал плечами. — Она уже добилась очень многого, сэр. Но она *салага*.

— Согласен, она неопытна, — ответил Бахфиш. — Ради опыта, вообще-то говоря, мы и посылаем гардемаринов в рейс. Но, полагаю, она доказала, что обладает всеми задатками, необходимыми для того, чтобы занять должность помощника тактика. Она уже сейчас намного сообразительнее, талантливее и надежнее, чем когда-либо был Сантино.

— Не могу с этим поспорить, сэр. Но если уж зашла речь о том нашем разговоре, напомню вам, что вы говорили про Северную Пустошь. Если они действительно дергали за нити, чтобы Сантино стал офицером-наставником, и вы не только отстраните его от должности и потом отошлете прочь, а еще и поставите на его место гардемарина... Ха, да они решат, что вы намеренно выгнали его, чтобы продвинуть *ее*?.. — Старпом потряс головой.

— Ты прав. Это *разъярит* их, не так ли? — довольно ухмыльнулся Бахфиш.

— Скорее, это может поместить *вас* в список их врагов следом за ней, — сердито сказал Лэйсон.

— Даже если и так, я мог бы очутиться в куда худшей компании, верно? И произойдет это или нет — оно никак не повлияет на конкретную проблему, которую нам надо решить здесь и сейчас. Думай, отодвинув все посторонние соображения: есть ли в команде человек, который, по твоему мнению, лучше подходит на должность помощника тактика, чем Харрингтон?

— Конечно нет. Я не уверен, что присвоение ей этой должности будет легко оправдать перед Управлением личного состава — как минимум официально, — если они воспримут его в штыки. Но у меня нет никаких сомнений, что она — лучший выбор, если рассматривать только ее способности. И все-таки она салага. Несмотря на это повышение, сразу скажу, что Дженис будет наблюдать за Харрингтон еще пристальнее, чем прежде. Да я и сам теперь стану за ней приглядывать.

— Отлично! — На этот раз Бахфиш уже не пытался скрыть улыбку. — И пока ты размышляешь обо всей дополнительной работе для тебя и Дженис, оцени, как Харрингтон почувствует себя, когда осознает, какую ответственность мы на нее возложили. Посмотрим, запаникует она или нет, когда ты скажешь ей об этом. А чтобы она не вздумала задрать нос от временного повышения перед остальными салагами, можешь добавить, что, хотя острая необходимость Королевской службы и требует от Харрингтон принять дополнительную ответственность, мы вряд ли сможем освободить ее от тренировок.

— Вы имеете в виду?.. — В глазах Лэйсона заплясали чертики, и Бахфиш кивнул.

— Именно, коммандер. Вы с Дженис будете наблюдать за ней. Но мне кажется, что мы должны рассматривать это не как дополнительную ответственность, а как *возможность*. Думайте об этом как о шансе преподать ей персональные уроки искусства тактики. Ты знаешь тысячу и один способ, которыми умный враг может удивить, запутать и разбить даже лучшего тактика. Просто займись разработкой тренировочных симуляций для нее. И убедись, что она знает обо всех усилиях, которые вы с Дженис прилагаете.

— Это жестоко, сэр, — с восхищением сказал Лэйсон.

— Я шокирован — *именно шокирован* — тем, что вы можете так думать, коммандер Лэйсон!

— Конечно, сэр.

— Ну, все-таки «шокирован» — это чересчур сильно сказано, — уступил Бахфиш. — Но серьезно, Абнер, я хочу посмотреть, как она перенесет нагрузку, которую мы на нее взвалили. Думаю, что Рауль мог быть прав, когда говорил, кем она обещает стать. По-моему, наступило время придать ей хорошее ускорение.

— Разумеется, сэр. Я и сам хочу увидеть, как далеко и быстро она сможет продвинуться. Конечно, — старпом улыбнулся капитану, — я не жду, что она оценит все те усилия и жертвы, на которые мы с Дженис пойдем, когда посвятим наше время составлению специальных задач для нее.

— Конечно нет. Она в своем первом рейсе, Абнер. Но если она начнет истощать вашу с Дженис изобретательность — дайте мне знать. Я буду рад лично придумать для нее пару маленьких задач.

— О, я уверен, что *это* она оценит, сэр.

— Кажется, вы правы, сэр, — сказал коммандер Бэзил Амами.

Его смуглое лицо светилось энтузиазмом, но Обрад Байкуза заставил себя промолчать. Амами являлся более чем компетентным офицером. Вдобавок он был старше Байкузы, правда всего лишь на несколько месяцев выслуги. При других обстоятельствах Байкуза оспорил бы заключения Амами, чтобы охладить его пыл. Но, к несчастью, Амами был старшим помощником коммодора Дунецкого. По мнению Байкузы, Амами получил это назначение потому, что боготворил Дунецкого. Конечно, едва ли коммодор искал себе подхалима — по крайней мере, осознанно. В первую очередь Дунецкий высоко ценил способности Амами: они были очевидны и никому не оставляли повода подозревать об иных причинах этого назначения. Возможно, тот факт, что старпом *всегда* соглашался с ним, должен был насторожить такого опытного командира, как Дунецкий, но этого не произошло, и за долгие месяцы совместной службы коммодор стал относиться к молодому офицеру почти по-отечески.

Каковы бы ни были их отношения, Байкуза давно заметил, что Дунецкий и Амами объединялись против любого, кто не соглашался с ними. И вновь ничего нельзя было возразить: они и должны были держаться командой.

И в данном случае Байкуза сознавал, что высказывание Амами только подкрепило вывод, к которому уже пришел коммодор. Это означало, что ни один простой коммандер в своем уме не станет с ними спорить, на каких бы незначительных, по его мнению, фактах ни было основано их умозаключение.

— Возможно, я прав, а возможно — и нет, — ответил Дунецкий Амами, но, по мнению Байкузы, это замечание было скорее формальным, нежели искренним. Коммодор кивнул Байкузе. — «Дротик» отличился, капитан, — сказал он. — Я ценю ваши усилия и хочу, чтобы вы передали это всей команде.

— Спасибо, сэр, — ответил Байкуза. Затем он решил проверить, не сможет ли заставить Дунецкого задуматься об осторожности. Не напрямую, конечно... — Они находились ближе к достижению своей цели, чем может показаться по записям, — сообщил он. — Их РЭБ была очень хороша. Мы приблизились почти до двух световых минут, и у меня не возникало даже подозрения, что это военный корабль, пока они не очистили клин. Я догонял их осторожно, потому что не хотел привлечь внимание. Но я и предположить не мог, что «купец» окажется крейсером!

— Могу понять, почему это явилось таким сюрпризом, — согласился Дунецкий.

— Особенно в системе, где так плотно обосновались проклятые манти, — вставил Амами, и Байкуза резко кивнул.

— Я тоже об этом подумал, — ответил он. — Манти не приглашают крейсера Конфедерации для того, чтобы защищать их интересы. Обычно все происходит наоборот, — добавил Байкуза, искоса глядя на коммодора.

Дунецкий нахмурился, и на секунду коммандеру показалось, что тот обдумывает вопрос, который его, Байкузу, так беспокоил. Но Дунецкий пожал плечами.

— Да, это так, — согласился он. — Но показания ваших сенсоров ясно свидетельствуют о том, что это был или здоровенный легкий крейсер, или очень маленький тяжелый. Бог знает, о чем думают конфедераты и кого они могут послать присматривать за Мелкором. Но у манти нет ни одного легкого крейсера такого тоннажа. К тому же манти неуклонно списывают старые тяжелые крейсера, с тех пор как началось перевооружение. У них не может остаться много

таких кораблей. Но самое главное: манти не настолько неуклюжи — или глупы — как этот! Очистить клин в двух световых минутах, надо же! После всех усилий, приложенных, чтобы убедить нас, что они — простой грузовик. Бывает такое? — Коммодор покачал головой. — Я встречал много офицеров манти, коммандер, и ни один из них не был настолько тун, тем более что их противником являлся маленький и быстрый фрегат.

Байкуза хотел было продолжить обсуждение, но, поразмыслив, признал, что Дунецкий прав. На самом деле прав. Как бы он ни любил «Дротик», Байкуза отлично понимал, почему крупные флоты больше не строят фрегатов, а те, кто имеют их, — стремительно списывают. Это были самые маленькие военные корабли, способные к гиперпереходу. По массе фрегат являлся чем-то средним между курьером и эсминцем, так что места для оружия на нем оставалось мало. «Дротик» был вооружен немногим лучше, чем легкий атакующий корабль, хотя его ракеты обладали большей дальностью и у него имелись *хоть какие-то* погреба. Фрегатам не оставалось почти ничего, кроме как служить дальними разведчиками. Но даже эту функцию они теряли по мере совершенствования беспилотных разведывательных аппаратов, которые приобретало большинство флотов. Байкуза подозревал, что в конце концов фрегаты станут выполнять роль дешевого, очень легкого эскорта для охоты на еще более легких пиратов... Или же будут заниматься просто рейдерством (а то и пиратством без прикрас).

Так что — да, коммодор Дунецкий, вероятно, прав. Какой капитан мантикорского крейсера в здравом уме позволит *чему бы то ни было* подойти так близко, не обнаружив это? А если он обнаружил «Дротик», то почему, во имя Господа, он очистил клин до того, как корабли сблизились на расстояние выстрела? Уж точно не потому, что боялся последствий!

— Нет, — Дунецкий покачав головой, — кем бы ни был этот клоун, он не манти. И мы точно знаем, что андерманских кораблей в Мелкоре в настоящее время нет. Так что нам остается только один вариант, верно? Что означает: он идеально нам подходит. И, будучи таким маленьким, он, разумеется, не выстоит против залпов «Ашики».

— Именно так, сэр, — с энтузиазмом подхватил Амами.

— Но он может там не задержаться, — Дунецкий думал вслух, — и я не хочу его упустить. Или, еще хуже, обнаружить, что Вегенер, обеспокоенный своими инвестициями, удвоил там пикет. И выставил что-нибудь такое, что может дать нам настоящий бой. Это означает, что нам надо пошевеливаться, но для начала важно скоординировать действия, коммандер Байкуза. Пока я поведу «Аннику» в Мелкор для проверки ситуации, я собираюсь послать ваш «Дротик» в Лютрел. Если мой брат придерживается расписания, которое он прислал мне в последней депеше, вы должны найти «Астрид» там. Хенрик, возможно, пошлет вас на Призму с сообщениями, но порадуйте его, что вскоре наш добрый друг губернатор обнаружит у себя недостачу одного крейсера.

Он улыбнулся, и Байкуза улыбнулся в ответ. Наконец-то он полностью поверил суждениям Дунецкого.

Хонор, попятываясь, ввалилась в кубрик и со стоном рухнула лицом вниз на свою койку. Нимиц в последнее мгновение спрыгнул с ее плеча и приземлился на подушку. Он поглядел на Хонор, с укором помахивая хвостом, но она не обратила на это никакого внимания. Тогда кот тихо мяукнул и свернулся подле нее, уткнувшись носом в короткий ежик шелковистых волос.

— Вижу, что мы работаем допоздна, мэм, — раздалось бодрое замечание, и Хонор повернула голову на звук, не отрываясь от подушки. Налитый кровью и полный осуждения глаз уставился на Одри Брадло.

— Рада, что хоть кому-то ситуация кажется забавной, — простонала Харрингтон, и Одри в ответ хихикнула.

— Ну нет, Хонор! Не кому-то, а *всему экипажу!* И это выглядит вполне... по-честному. Я имею в виду, что раз уж вы с дель Конте позаботились избавиться от этого говнюка Сантино, то справедливо, что вы двое оказались в одной вахте и исполняете его работу. Куда лучше его исполняете, могу добавить. Конечно, забавно наблюдать, как капитан и коммандер Лэйсон, не говоря уже о коммандере Хираке, гоняют тебя по симулятору каждый божий день. И конечно, я нисколько не обижаюсь на тебя за то, что на прошлой неделе ты в симуляторе безжалостно разносила в пух и прах нас с Нассиосом. Да, если припомнить, и нас с Басантой в прошлый вторник.

— Ты омерзительно злобная, — заявила Хонор. — И Бог тебя накажет за такие издевательства надо мной в тот момент, когда я слишком слаба и изнурена, чтобы подобающим образом защититься.

— Конечно, конечно, — согласилась Одри. — Как только Он сможет унять смех!

Хонор проворчала что-то невнятное, закрыла глаза и вновь уткнулась в подушку. Она испытала облегчение, когда поняла, что Одри и прочие гардемарины восприняли ее повышение без зависти. Но в словах Одри, к сожалению, была доля истины.

Хонор пришла в ужас, когда коммандер Лэйсон вызвал ее к себе, чтобы проинформировать о решении капитана назначить ее исполняющим обязанности помощника тактика. Как бы высоко для гардемарина она ни оценивала свои возможности тактика и как бы ни обрадовало ее такое известие, но она никоим образом не считала себя готовой взвалить на свои плечи такую ответственность. Не польстило ей и откровенное разъяснение причин, вынудивших капитана Бахфиша вознести ее на такую высоту. Коммандер Лэйсон абсолютно четко заявил, что у капитана не оставалось другого выхода. Некого было назначить на эту должность, только и всего. Если бы у них нашелся хоть кто-то (что старпом дал понять весьма недвусмысленно), то этого кого-то они бы, безусловно, и выбрали. Но поскольку все, что у них есть, — это миз гардемарин Харрингтон, ей и придется заняться этой работой.

И в качестве завершающего удара коммандер Лэйсон, с таким видом, как будто оказывал большое одолжение, известил ее, что он, а также коммандер Хираке и сам капитан Бахфиш будут просто счастливы помочь миз Харрингтон совершенствовать навыки, необходимые на ее новом посту.

Конечно, Хонор поблагодарила его. Ничего другого ей не оставалось, какие бы предчувствия ее ни мучили. И предчувствия не обманули. Ни один из этой троицы, возможно, не был столь дьявольски изощрен, как капитан Курвуазье, но капитан Курвуазье возглавлял факультет тактики на Острове Саганами. И не располагал временем, оказавшимся в распоряжении новых инструкторов Хонор. И безусловно, он не мог посвящать все свое внимание единственной несчастной жертве.

Как и сказала Одри, Хонор не привыкла уступать в упражнениях по тактике. На самом деле, призналась себе Хонор, она привыкла с долей самодовольства выбивать пыль из других, и серия целительных разгромов, устроенных ей триадой тактиков КЕВ «Воительница», стала для нее холодным душем. Как и было задумано. Ее повышение никоим образом не отменило гардемаринскую практику. Когда Хонор вставала на вахту (слава богу, что никто даже не помышлял назначить ее *начальником* вахты), она на самом деле становилась вахтенным тактиком. Но вне мостика она по-прежнему оставалась миз гардемарин Харрингтон, и никто не видел оснований освобождать ее от получения «полезного опыта», что было участью салаг КФМ с незапамятных времен.

В результате на нее свалилась нагрузка даже большая, чем во время выпускного курса на Острове Саганами. Что было ужасно несправедливо, учитывая, насколько меньший кампус представляла собой «Воительница»!

— Тебя и правда довели до изнеможения? — через секунду спросила Одри, оставив насмешливый тон.

— Нет, — рассудительно ответила Хонор. — «Изнеможение» — слишком бледное и невыразительное слово.

Видно было, что это только отчасти шутка. Не больше чем наполовину.

— В таком случае почему бы тебе не снять обувь и не вздремнуть? — предложила Одри.

— Не выйдет, — отозвалась Хонор, вновь открыв глаза. — Инспекция кубрика будет меньше чем через четыре часа!

— Ну да, — согласилась Одри. — Но вы с Пассиосом вчера прикрыли меня от лейтенанта Сондерса с его картами. Так что, полагаю, ты можешь позволить себе несколько часов сна, пока мы прибираемся. Твой сундучок, знаешь ли, не похож на зону стихийного бедствия.

— Но... — начала было Хонор.

— Заткнись и спи, — отрезала Одри, и Нимиц мягко, но столь же настойчиво промяукал согласие.

Хонор хотела еще посопротивляться для виду, но быстро передумала. Она сделала уже достаточно, чтобы сохранить лицо, и была чересчур изможденa, чтобы проявлять благородства больше, чем необходимо.

— Спасибо,— пробормотала она и отключилась, прежде чем Одри успела пожелать ей спокойного сна.

— Вот и они, сэр,— сказал коммандер Амами.— Как вы и предполагали.

— Вот, *кажется*, и они,— скрупулезно поправил Андерс Дунецкий. Что бы ни думал Байкуза, коммодор замечал постоянное поддакивание Амами.— Это может быть и обычный торговец,— прибавил Дунецкий, и Амами начал задумчиво теребить нижнюю губу.

— Они движутся вполне подходящим курсом для одного из кораблей снабжения Диллингэма, сэр,— выдал он через секунду.— Но, согласно данным разведки, судов Диллингэма здесь быть не должно еще как минимум месяц. Да и прочих перевозчиков в этой системе сейчас мало.

— Верно,— согласился Дунецкий.— Но, с другой стороны, если кораблей мало, то увеличивается вероятность, что какой-то торговец проскочит мимо наших разведчиков, и они не предупредят нас.

— Принимается, сэр,— согласился Амами.— Так как же нам поступать в данном случае?

— Именно так, как мы планировали с самого начала,— сказал Дунецкий.— Я подчеркнул, что это *может* оказаться торговец, но на самом деле я в это не сильно верю. Да это и не имеет значения. Если торговец — то получится, что мы просто слегка перестраховались, относясь к нему как к конфедератскому крейсеру. А вот если это крейсер, а мы будем полагать обратное, то получится неприятный сюрприз. Так что продолжаем сближение, тупо и самодовольно. Мы ничего не подозреваем и делаем то, чего он ожидает.

Он взглянул поверх дисплея в глаза Амами. Их акульи улыбки были отражением друг друга.

— Контакт продолжает сближение, сэр,— доложила лейтенант-коммандер Хираке с экрана коммуникатора, расположенного у локтя капитана Бахфиша.

Старший тактик «Воительницы» вновь находилась вместе с коммандером Лэйсоном на резервном мостике. Но в этот раз на основном была Хонор. Она предпочла бы считать, что оказалась здесь, поскольку капитан уверен в ее способностях. К сожалению, она знала, что все обстоит с точностью

до наоборот. Капитан предпочитал лично приглядывать за ней и на случай какого-нибудь происшествия с основным мостиком хотел оставить в помощь Лэйсону более опытного тактика.

— Я это заметил, — с легкой улыбкой отозвался Бахфиш. — Видимо, целью последнего доклада было тактично привлечь мое внимание к тому, что данный контакт выглядит чертовски здоровым и мощным «пиратом»?

— Что-то в этом роде, сэр. — Хираке улыбнулась в ответ, но на ее лице читалась подлинная озабоченность. — По данным БИЦ, он тяжелее нас минимум на шестьдесят тысяч тонн.

— Пусть так, — согласился Бахфиш. — Но он явно не подозревает, что мы не очередной грузовик, который только и дожидается, чтобы его выпотрошили. Вот если бы это был хев или анди, я бы начал беспокоиться насчет превосходства в массе. Но регулярный военный корабль ни за что не стал бы приближаться к торговцу подобным образом, так что это однозначно рейдер. То есть либо просто пират, либо капер. Ни в том ни в другом случае на нем не может быть команды, сравнимой с нашей. Не волнуйтесь, Дженис. Я не буду самоуверенным и не стану полагаться на авось, но я не боюсь кораблей такого размера, если это не анди. И уж тем более — если это вооружено железяками, сделанными по технологии Конфедерации! В любом случае пираты и каперы — это именно то, с чем мы и должны разбираться, так что приступим.

— Как скажете, сэр, — ответила Хираке, и Хопор улыбнулась, глядя на свой дисплей.

Лейтенант-коммандер исполнила свой долг, напомнив капитану (как бы тактично это ни прозвучало) о размерах и потенциальной огневой мощи противника, но уверенности в ее голосе было не меньше, чем у Бахфиша. И правильно, сделала вывод Хопор. Столь уверенно приближавшийся к ним контакт явно не представлял, кого на самом деле преследует, иначе он шел бы на сближение куда более осторожно.

— Капитан, контакт нас вызывает, — внезапно доложил лейтенант Сочук.

— Да? — Бахфиш поднял бровь. — Подключите главный экран, Юрий, и давайте послушаем, что он желает сказать.

— Есть, сэр.

Взгляды всех присутствующих на мостике «Воительницы» устремились на главный экран коммуникатора, на котором появилось изображение мужчины в форме флота Силезской Конфедерации.

— «Лесная роща», — начал он, называя их именем грузовика картеля Гауптмана, чей транспондерный код они позаимствовали для маскировки, — говорит капитан Денби, флот Конфедерации. Пожалуйста, сохраняйте текущие курс и ускорение, пока мой корабль не выйдет на рандеву.

— О, ну конечно же, — услышала Хонор из-за спины почти неслышное бормотание главстаршины дель Конте.

— Полагаю, мы должны ответить господину капитану, Юрий, — через мгновение сказал Бахфиш. — Перепроверьте фильтры и дайте мое изображение.

— Есть, сэр, — отозвался Сочук. Он внимательно проверил установки своего пульта, затем кивнул. — Вы в эфире, шкипер.

— Капитан Денби, говорит капитан Буллард, — заговорил Бахфиш. Хонор знала, что компьютеры «Воительницы» преобразуют его изображение, наряжая капитана в униформу торговца вместо черного с золотом мундира КФМ, так же как и компьютеры рейдера облачают *собеседника* Бахфиша в форму конфедерата. — Не поймите меня превратно, — продолжал Бахфиш, — но тут не самые спокойные места. Не то чтобы я не верил вам, но мне хотелось бы знать, для чего вам потребовалась стыковка с нами?

— Конечно, капитан Буллард. — Человек на экране ответил чуть более напряженным тоном офицера, которому не по нраву выслушивать от какого-то торгового капитана сомнение в попытках его флота поддерживать порядок в пределах собственных границ. — У меня на борту семнадцать ваших соотечественников, выживших из экипажей двух мантикорских грузовиков. Мы на прошлой неделе перехватили капера, напавшего на их корабли. Похоже, что самым быстрым способом репатриации будет передать их менеджеру Диллингэма здесь, в Мелкоре.

— Понимаю. — Ответ Бахфиша прозвучал куда теплее и спокойнее. Он даже восхитился ловкостью «капитана Денби», поскольку тот назвал действительно вескую причину, чтобы торговец здесь, в Силезии, позволил боевому кораблю приблизиться. Кроме того, «Денби» говорил совершенно

уместным тоном оскорбленного достоинства. — В таком случае, капитан, — заключил Бахфиц, — мы безусловно будем выдерживать курс и ускорение для стыковки.

— Спасибо, капитан Буллард, — отозвался человек с экрана. — Денби, конец связи.

— Как деликатно с их стороны позволить нам сохранить курс, — заметила Дженис Хираке Абнеру Лэйсону.

— У них нет другого выбора, если они хотят взять нас тепленькими, — ответил Лэйсон, и Хираке кивнула.

Боевые корабли развивали куда большее ускорение, чем гигантские туши торговцев, и более проворным по традиции приходилось выполнять все маневрирование при стыковке в глубоком космосе.

— Все равно очень удачно, что они так высоко над эклиптикой. Это держит их выше нас и не с той стороны от нашего клина.

— Почему-то мне не кажется, что они все это подстроили, чтобы сделать нам одолжение, — сухо сказал Лэйсон. — С другой стороны, подкрадываясь к кому-то, иногда можешь сам оказаться не в лучшей позиции, так ведь?

— В самом деле, — злобно улыбнувшись, ответила Хираке.

— Хотелось бы мне, чтобы угол обзора для сенсоров был получше, сэр, — пробормотал лейтенант Куинн.

Лейтенант-коммандер Аседо бросил на него заинтересованный взгляд. Аседо являлся тактиком «Анники», а Куинн — самым младшим из подчиненных ему офицеров. Но у молодого человека был нюх на неприятности, которому Аседо научился доверять — или, по крайней мере, прислушиваться.

— Я и сам хотел бы иметь лучший обзор, — ответил лейтенант-коммандер. — Но, спасибо «Дротику», мы уже достаточно хорошо представляем, с кем имеем дело. В настоящий момент я не могу не согласиться с коммодором — намного важнее оставлять его в неопределенности, избегая его сенсоров. И тот факт, что он держит клин между собой и *нашими* сенсорами, должен убеждать его, что мы не знаем, что он тоже является боевым кораблем.

— Возразить нечего, сэр, — признал Куинн. — Полагаю, мне просто хочется добиться идеала, а иногда это просто недостижимо.

— Это так, — согласился Аседо. — Но можно подобраться достаточно близко. И Старику это, кажется, удалось.

Два крейсера неумолимо сближались. Каждый считал, будто в точности знает, что собой представляет другой и будто тот не догадывается, чем является *он*... И оба заблуждались. Дистанция таяла на глазах, и торможение «Анники» сокращало разницу скоростей с такой же неуклонностью.

— Сближение до ноля через пять минут, сэр, — объявила Хонор. Ее сопрано не выдавало волнения, которое гардемарин испытывала. Хонор подняла голову, чтобы взглянуть на капитана. — Дистанция двести шестнадцать тысяч километров, разность скоростей — тысяча триста тридцать один километр в секунду. Торможение постоянное, четыреста пятьдесят же.

— Спасибо, тактик, — ответил Бахфиш.

Его спокойный, сдержанный тон невероятно успокаивающе действовал на Харрингтон. Ее волновало, что их сенсорам еще ни разу не удалось как следует прощупать контакт, но она твердо взяла себя в руки. «Это тоже часть искусства командования», — подумала она. При всей своей выдержке, капитан *знал* о контакте ничуть не больше самой Хонор, но частью его работы было излучать уверенность, которая в подобные моменты так необходима всем подчиненным. Капитан Курвуазье не раз подчеркивал, что, даже если он не прав — *особенно* если не прав, — командир не должен забывать о выражении своего лица. Ничто не может нарушить слаженность действий экипажа быстрее паники, и ничто не может вызвать панику быстрее, чем предположение, что командир потерял уверенность в себе. Но на сей раз это оказалось труднее обычного. Рейдер уже находился внутри радиуса действия энергетического оружия. И его экипаж, как и команда «Воительницы», был готов открыть огонь в любую секунду. На столь близком расстоянии дуэль на энергетическом оружии окажется смертоносной, что хорошо... для того, кто выстрелит первым.

Конечно, рейдер ожидал встретить всего лишь невооруженное торговое судно. Какими бы подготовленными пираты себя ни считали, но, внезапно оказавшись борт к борту с королевским кораблем, они испытают шок и растеряются

как минимум на мгновение. И вполне возможно, что они даже не держат на всех постах орудийные расчеты, — они ведь ожидают встречи с простым с торговцем.

— Готовность, мистер Сондерс, — спокойно произнес капитан. — Изготовиться к перемене курса на ноль-девять-ноль градусов вправо и к перекату на левый борт на дистанции сто десять тысяч километров.

— Есть, сэр, — подтвердил лейтенант Сондерс. — Готовы к перемене курса на ноль-девять-ноль градусов вправо и к перекату на левый борт на дистанции сто десять тысяч километров.

— Готовность к открытию огня по моей команде, миз Харрингтон, — добавил Бахфиш.

— Есть, сэр. Готовы к открытию огня по вашей команде.

— Готовьтесь, коммандер Аседо, — тихо сказал Андерс Дунецкий. — На таком расстоянии он не рискнет вызывать нас или требовать сдачи. То же относится и к нам. В тот самый момент, как он повернет, очищая клин, развейте его по всему космосу.

— Так точно, сэр! — отозвался Аседо со свирепой ухмылкой.

Ощущал он себя так же уверенно, как и выглядел. У их противника было преимущество — только он знал точно, когда намерен совершить разворот, — но у «Анники» имелся более существенный плюс. Командир вражеского крейсера наверняка абсолютно уверен, что одурачил «Аннику», — иначе он ни за что не позволил бы ей так приблизиться. А единственная вещь, более опасная, чем внезапность засады, — это изумление сидящего в засаде, когда намеченная им жертва оказывается вовсе не удивленной.

— Подходим к отметке сто десять тысяч километров, сэр!

— Выполняйте маневр, мистер Сондерс! — рявкнул Томас Бахфиш.

— Есть, сэр!

«Воительница» немедленно начала маневр, резко разворачиваясь вправо и заваливаясь на левый борт. Батареи правого борта взмыли навстречу рейдеру. Хонор подалась вперед, кровь пульсировала в висках, губы пересохли. На

дисплее перед ней вспыхнули иконки. Казалось, что рейдер сам внезапно изменил курс и местоположение — его кроваво-красная отметка прыгнула навстречу пульсирующему янтарному кольцу захвата цели.

— Готовность, миз Харрингтон!

— Есть готовность, сэр.

Янтарное кольцо накрыло красную отметку контакта и полыхнуло малиновым. Рука Хонор застыла над клавишей открытия огня.

— *Огонь!*

Оба корабля выстрелили в одно и то же мгновение.

С расстояния меньше трети световой секунды лазеры и грязеры с легкостью пробивали гравистены. Загремели сигналы тревоги, когда сфокусированные потоки энергии выгрызли громадные рваные раны в броне. Обе стороны оказались захвачены врасплох. Коммодор Дунецкий успешно заставил капитана Бахфиша поверить, что «Анника» совершенно не готова к бою; но, несмотря на спор с командером Байкузой, Дунецкий ни на мгновение не допускал, что «Воительница» может оказаться чем-то иным, нежели силезским военным кораблем. И вдруг *мантикорский* тяжелый крейсер!

Идеально тренированная команда «Воительницы» была на голову выше по боевым навыкам, чем экипаж любого конфедератского корабля. Мантикорцы выдали первый залп на две секунды раньше, чем предполагал Дунецкий. Хуже того, силезские военные корабли делали упор на ракетное вооружение для боя на больших дистанциях. Их энергетические батареи были относительно слабы — так что мощь огня, обрушившегося на «Аннику», оказалась поистине чудовищной по сравнению с тем, чего мог ожидать Дунецкий.

Но хотя он и не был готов к столь бешеному обстрелу с «Воительницы», мантикорский крейсер все равно уступал его кораблю в размере и мощи брони. К тому же и капитан Бахфиш принимал «Аннику» за типичного пирата и рассчитывал на несколько секунд форы, пока «капитан Денби» будет осознавать, что «грузовик», за которым он гнался, внезапно превратился из домашней кошечки в гексапуму. Но этих секунд Бахфиш не получил.

Стыковка обернулась дуэлью на автоматах с десяти шагов. Оба корабля содрогались от изливавшейся на них смертоносной энергии.

Вселенная вокруг Хонор Харрингтон сошла с ума.

Во время долгого сближения Хонор чувствовала, как все внутри ее сжимается, как пересыхает во рту и каждый нерв вибрирует сам по себе, точно ее нервы — это струны арфы, которые перебирает ледяной ветер. Она боялась сильнее, чем когда-либо в жизни, и не только за себя. За время долгих недель полета она обрела на борту «Воительницы» друзей, и этим друзьям сейчас грозила такая же опасность, как и ей. А еще был Нимиц, одинокий в своем модуле жизнеобеспечения в Салажьем Уголке. Хонор упорно старалась не думать о том, что произойдет, если его модуль окажется поврежден в бою... или если она сама погибнет. Принявшие людей коты, как правило, не могли пережить смерть своего человека. Хонор знала об этом задолго до поступления на Остров Саганами, и это едва не заставило ее отказаться от мечты о флотской службе: ведь, подвергая опасности себя, она тем самым рисковала и *им*. Только настойчивость Нимица, явно желавшего, чтобы она следовала за мечтой, привела Хонор к дверям Академии. Однако теперь потенциальная опасность стала для них реальностью. Темный, огромный страх — не смерти или ранения, но потери — холодным свинцовым грузом лег на сердце Хонор.

И кроме того, она вдруг с ужасом осознала, что и сама не бессмертна. Что кровавая лава битвы может унести ее с той же легкостью, как и любого другого члена экипажа. Несмотря на все тренировки, все занятия, весь ее интерес к военно-морской и просто военной истории, по-настоящему Хонор поняла это только сейчас. Все долгие, выматывающие часы постепенного сближения «Воительницы» с контактом Харрингтон провела в попытках подготовиться и в раздумьях, как она себя поведет, когда окончательно осознает, что происходящее — не симуляция. Что за иконкой на ее дисплее скрываются реальные люди. Люди, которые всеми силами будут стараться уничтожить ее корабль — вместе с ней — настоящим оружием... и которых она, в свою очередь, тоже будет пытаться уничтожить! Хонор собралась

и постаралась принять это, несмотря на страх. И она думала — надеялась, — что готова ко всему, что может произойти.

Она заблуждалась.

КЕВ «Воительница» сотрясался под ударами «Анники», как галеон, попавший в шторм. Капер нес меньше пусковых установок ракет, но гораздо более мощное энергетическое оружие, чем аналогичные корабли силезского флота. Его гразеры, словно какие-то адские кузнечные молоты, крушили бортовые гравистены «Воительницы». Генераторы гравистен делали все возможное, чтобы преломить и отвести этот ураган энергии от намеченной цели, но четыре мощных демонических луча все-таки прорвались. Второй гразер, вторая и четвертая пусковые, второй гравидетектор, второй радар и третий лидар, восьмая пусковая и четвертый погреб, первый шлюпочный отсек, второй отсек систем жизнеобеспечения... Отсеки и казематы на дисплее контроля повреждений окрашивались в кровавый цвет целыми гроздьями, по мере того как вражеский огонь прогрызал путь к сердцу «Воительницы». Шквал докладов о повреждениях обрушился на Хонор, как приливная волна на Сфинксе, а корабль стонал и содрогался. Аварийная сигнализация завывала, добавляя свой голос к какофонии, царившей в отсеках тяжелого крейсера. Облака воздуха и водяного пара вырывались из зияющих в его бронированной шкуре ран.

— Тяжелые потери на второй пусковой! — рявкнул главстаршина дель Конте, в то время как вторичные взрывы еще продолжались. — Шестой гразер сигнализирует потерю централизованного управления. Четвертый погреб — разгерметизацию! Мы...

Он так и не закончил доклад. Все тело Хонор содрогнулось, когда мощный взрыв вынес переборку мостика. Он походя, как какой-то гигантский жестокий ребенок, подбросил главстаршину и разорвал его на части прямо у Хонор на глазах. Кровь и ошметки того, что только что было человеком, казалось, разлетелись *повсюду*. Взрыв убил на месте как минимум пятерых: кого — ударной волной, кого — осколками переборки. Хонор качнулась в своем бронированном кресле, а волна разрушения помчалась дальше по мостику «Воительницы»... прямо к стоящему в центре креслу капитана.

Капитан Бахфиш успел только наклониться вперед и поднять руку в инстинктивной попытке закрыть лицо. Удар обрушился справа-сзади, и это спасло капитану жизнь. Поднимая руку, Бахфиш толкнул кресло влево, и основная сила удара пришлась на бронеспинку. Но этого оказалось недостаточно, чтобы защитить капитана. Ударной волной его швырнуло на дальнюю переборку. Он ударился о нее и мешком, без звука рухнул на палубу.

Капитан был далеко не единственным пострадавшим. Тот же самый взрыв, что вышвырнул его из кресла, метнул метровый осколок брони в сторону секции связи. Он обезглавил лейтенанта Сочука с аккуратностью палача и, продолжив путь, словно топором разрубил грудь лейтенанта Сондерса. Разум Хонор пытался отгородиться от окружавших ее хаоса, неразберихи и ужаса, к которым никакая симуляция, никакая лекция не могли подготовить. Свист утекавшего воздуха она расслышала даже сквозь вопли и стоны раненых. Сострадание побуждало ее броситься на помощь потерявшим сознание, вовремя закрыть им шлемы. Но Хонор этого не сделала. Правила, безжалостно вколоченные в нее инструкторами на Острове Саганами за четыре долгих стандартных года, пересилили ужас и стремление помочь другим. Хонор захлопнула шлем, но взгляд ее не отрывался от дисплея. Она не имела права оставить пост даже ради того, чтобы помочь капитану, прежде чем резервный мостик и лейтенант-коммандер Хираке возьмут управление на себя.

Энергетическое оружие «Воительницы» выдало второй залп, и рейдер также продолжал огонь. Очередная серия смертей и разрушений постигла корабль. Тяжелый крейсер содрогнулся от удара, пришедшегося прямиком в заднее импеллерное кольцо. Два альфа- и половина бета-узлов мгновенно отключились. Вновь завыли сигналы тревоги, и пятая часть экипажа «Воительницы» перешла в разряд погибших. Одной из них стала лейтенант-коммандер Ла Ваше. Другой удар пришелся в центральный пост контроля повреждений, убил десяток рядовых и старшин и тяжело ранил лейтенанта Тергесен.

Гразеры «Воительницы» продолжали бить в более крупного, более мощного и куда более молодого врага. Хонор испытала новую, еще более острую вспышку ужаса, осоз-

нав, что они до сих пор выполняют программу, введенную *ею* по приказу капитана Бахфиша. Резервный мостик должен был почти сразу же взять на себя управление... но не сделал этого.

Хонор повернула голову и сквозь дым, валивший из-за разрушенной переборки, вгляделась в то, что еще недавно было пультом главстаршины дель Конте. Сердце ее замерло, когда она отыскала на отображавшейся там схеме резервный мостик. Сам по себе отсек выглядел нетронутым, но его окружала красно-белая пунктирная линия, означавшая полную потерю связи. Резервный мостик был отрезан не только от основного, но и от корабельных компьютеров.

За считаные секунды «Воительница» была серьезно покалечена, и тактическое командование на ней перешло к двадцатилетнему гардемарину, проходящему практику.

На мостике царил ад. Половина пультов была разбита или как минимум обесточена. Четверть персонала — убита или ранена. Трое из тех, кому следовало оставаться на своих местах, яростно разгребали завалы, захлопывали шлемы и герметизировали костюмы потерявших сознание товарищей. Раны, нанесенные кораблю, Хонор ощущала как свои собственные; и все, чего она в данный момент хотела, — это чтобы кто-то — *хоть кто-нибудь!* — сказал ей, что же делать.

Но больше никого не было. Она — это все, что осталось у «Воительницы». Взгляд Хонор вернулся к дисплею, и она глубоко вдохнула.

— Рулевой, перекат девяносто градусов на левый борт!

Никто на этом полуразрушенном мостике, равно как и сама Хонор, не узнал холодное, четкое сопрано, уверенно прорезавшее хаос. Но рулевой, цеплявшийся за остатки здравого смысла, распознал твердый тон приказа.

— Есть перекат девяносто градусов на левый борт! — рявкнул он, и КЕВ «Воительница» круто развернулся, выводя поврежденный правый борт из-под бешеного огня неприятеля.

В момент переката что-то изменилось внутри Хонор Харрингтон. Паника исчезла. Страх остался, но внезапно он превратился в нечто далекое и не важное, что никак не может дотянуться и повлиять на нее. Гардемарин Харрингтон взглянула прямо в лицо смерти — не только собственной, но и всего корабля, и всех, кто на нем был. Хонор не сомневалась,

что смерть пришла за ними всеми. Но страх вытеснило нечто совершенно иное. Холодная решимость, наполнявшая все ее существо.

Миндалевидные глаза Хонор уперлись в пустые глазницы смерти, а душа оскалилась и дерзко зарычала.

— Левый борт, готовность к ведению огня по плану «Дельта-семь», — вновь прозвучало сопрано.

Посыпались подтверждения от установок неповрежденного борта, пока огонь «Аники» продолжал бессмысленно биться в непроницаемое днище клина «Воительницы».

Мысли Хонор неслись ледяным потоком. Первым побуждением было оторваться, поскольку она хорошо понимала, насколько серьезны повреждения. Хуже того, теперь она знала, что их противник намного мощнее — и с гораздо лучшей командой, — чем считали на «Воительнице». Но именно эти факторы и делали бегство невозможным. Разница в скоростях двух кораблей составляла менее шестисот километров в секунду, а с выведенной из строя половиной заднего импеллерного кольца «Воительница» не имела шансов уйти от врага. Даже будь ее двигатель не поврежден, попытка оторваться неизбежно оказалась бы самоубийственной, поскольку подставила бы врагу для продольного огня заднюю горловину клина.

«Нет, — холодно подумала Хонор. — Бегство — не выход». Ее пальцы пробежались по пульту тактика, вводя новые команды, когда она нашла для своего корабля — *своего* корабля — единственный путь к спасению.

— Рулевой, готовность к повороту один-три-пять градусов на правый борт, погружению носом на сорок градусов и перекату вправо по моей команде!

— Есть, мэм!

— Орудийным расчетам, — продолжала Харрингтон, — готовность открыть огонь согласно программе. Передаю данные для ручного наведения...

Голос Хонор, который сама она по-прежнему не вполне узнавала, звучал спокойно и уверенно. Одной интонацией он, как по волшебству, гасил зарождавшуюся панику.

Хонор нажала кнопку, и параметры прицеливания, которые она заложила в главные компьютеры, начали передаваться во вторичные, размещенные непосредственно в казематах под контролем ожидающих расчетов. Если новые

повреждения отрежут их, то люди, по крайней мере, будут знать, что она задумала.

Как только это было завершено, Хонор откинулась в кресле, наблюдая за иконкой врага, продолжавшего двигаться наперерез курсу «Воительницы». Расстояние уменьшилось до пятидесяти двух тысяч километров, сокращаясь на пятьсот шесть километров каждую секунду. Хонор напряженно ждала, а кроваво-красная отметка противника приближалась к ее кораблю.

Когда крейсер повернулся набок, коммодор Андерс Дунецкий грязно выругался. Они повредили этот корабль, серьезно повредили, и Дунецкий это знал. Но и тот нанес им повреждения куда большие, чем ожидал коммодор. «Ты стал небрежен», — сказал Дунецкому внутренний голос — его собственным, спокойным и злым тоном. Коммодор слишком долго сражался с конфедератами, позволил себе расслабиться и привык, что вольности сходят ему с рук. Но на этот раз его противник не из Силезии. Дунецкий выругался еще более грязно, осознав, чем на самом деле был тот корабль.

Манти. Он атаковал боевой крейсер *манти*, тем самым совершив непростительную ошибку, которую ни одному пирату или каперу не удавалось совершить дважды. Корабль манти был так же готов к бою, как и «Анника».

И именно поэтому весь план по привлечению поддержки андерманцев для Совета Независимой Призмы только что отправился псу под хвост! Как бы ни отвлекала Народная Республика на себя внимание Мантикорского правительства, ответ КФМ был неизбежен, как тепловая смерть Вселенной.

«Но только если они поймут, кто это сделал, — холодно подсказал внутренний голос. — Только если узнают, в какую систему посылать свои эскадры. У этого корабля должны быть детальные записи сигнатуры „Анники". Сравнив эти записи с базой данных Конфедерации, они неизбежно нас идентифицируют. Даже если они не получат однозначного ответа, Вегенер догадается, кто это мог быть, и направит их прямо на нас. Но ему не удастся натравить на нас манти без минимальных улик. А единственная улика — в компьютерах этого корабля».

Только одним способом можно не допустить, чтобы эти данные попали в чужие руки.

Коммодор повернулся и посмотрел на коммандера Амами. Старпом все еще выслушивал доклады о повреждениях, но Дунецкий в них не особо нуждался. Взгляда на основную схему было достаточно, чтобы понять — весь левый борт «Анники» представляет собой месиво. Невредимыми остались меньше трети энергетических орудий и пусковых установок. Генераторы гравистены выдавали только сорок процентов мощности. Но манти должен был пострадать как минимум так же сильно. Более того, у корабля Дунецкого имелось преимущество в скорости, а мощность импеллера противника резко снизилась. «Анника» была больше, новее, лучше бронирована и более маневренна. А значит, у сражения мог быть только один исход.

— Перекат один-восемь-ноль градусов на правый борт, сохранять курс, — жестко приказал коммодор своему рулевому. — Установкам правого борта готовность к стрельбе по завершении поворота!

Хонор наблюдала за перекатом вражеского корабля. Как и «Воительница», большой корабль отворачивал поврежденный борт от огня противника. Но на этом он не остановился, и у Хонор вспыхнула крошечная искорка надежды. Вот он повернулся другим бортом и обрушил новый ураган огня на «Воительницу». Днище импеллерного клина мантикорского корабля без следа поглощало весь этот огонь, но цель была в другом, и Хонор это знала. Противник вел тщательно выверенную, последовательную пальбу — с таким расчетом, чтобы *что-то* постоянно долбило в клин. Если только «Воительница» начнет перекат, намереваясь продолжить дуэль, этот непрерывный огонь наверняка подловит ее в момент поворота, нанесет повреждения и выведет из строя как минимум часть оставшегося оружия, прежде чем у Хонор появится шанс выстрелить в ответ. Это была умная и безжалостная тактика, некрасивая, но действенная.

Но, в отличие от неприятеля, Хонор не могла позволить себе ввязаться в мясорубку «орудие против орудия». Не против того, кто настолько превосходит их размерами и кто уже успел наглядно продемонстрировать свою огневую мощь. Так что у Харрингтон не было иного выбора, кроме как противопоставить хитрость грубой силе.

Хонор полностью сосредоточилась на изображении, выводившемся на дисплей. Когда она убедилась, что противник поддерживает постоянное ускорение, ее губы растянулись в ухмылке. Медленно тянулись секунды. Шестьдесят секунд. Семьдесят. Девяносто...

— Рулевой! По моей команде дайте полную аварийную мощность. Все за красную черту — и исполняйте предыдущий приказ! — Она слышала подтверждение рулевого, но взгляд ее не отрывался от дисплея, а ноздри раздувались.

— *Давай!*

У Андерса Дунецкого было несколько стремительных секунд, чтобы понять, что он совершил еще одну ошибку. Манти шел прежним курсом, прячась за клином, и Дунецкий не задумывался, почему он так поступал: из-за паники или осознания, что не сможет биться на равных с «Анникой».

Но причина имела значение. Капитан противника не запаниковал, он *понял*, что не в силах сражаться борт к борту... Но он и не собирался этого делать!

Возможно, это нельзя было считать ошибкой Дунецкого. Расстояние оказалось слишком близким для современных кораблей: даже не тысячи, а сотни километров. Ни один флотский офицер в здравом уме даже не подумал бы вступать в схватку в таких условиях. Ни Дунецкий, ни Бахфиш ничего подобного и не планировали, поскольку каждый из них рассчитывал начать и закончить битву одним залпом, который должен был захватить противника врасплох. Но что бы они там ни думали, их корабли оказались в такой позиции. Однако ни в одном флоте офицеров не готовили к проведению боевого маневрирования в столь тесной близости от вражеского корабля. И поэтому Андерс Дунецкий, при всем своем опыте, оказался совершенно не готов к тому, что сделала «Воительница».

Зазвенел сигнал тревоги: компенсатор инерции КЕВ «Воительница» протестовал против свалившейся на него нагрузки. Другой сигнал взвыл оттого, что нагрузка на узлы импеллера тяжелого крейсера скакнула на сорок процентов за красную черту. Несмотря на поврежденное заднее кольцо, «Воительница» внезапно прыгнула вперед почти на пятистах пятидесяти *g*. Ее нос резко развернулся

к «Анинке» и нырнул вниз, чтобы не позволить капсру произвести смертоносный выстрел «в глотку», что явилось бы неминуемым концом для «Воительницы».

«Анника» в ответ тоже начала отчаянно разворачиваться, но маневр противника был слишком неожиданным. У Дунецкого не осталось времени уклониться, прежде чем рывок раненой «Воительницы» вынес ее за корму врага.

Это не было совершенным выстрелом «под юбку» — мечтой любого тактика. Не было чистого пересечения курса под углом девяносто градусов с последовательной стрельбой из орудий. Вместо этого получился отчаянный рывок — бешеная смертельная схватка раненой гексапумы и скального медведя. Орудия Хонор не могли воспроизвести подобающую последовательность выстрелов вдоль оси вражеского корабля, но и того, что им удалось, оказалось более чем достаточно.

Шесть прямых попаданий гразеров пришлись на заднюю четверть «Анники». Лучи проникли сквозь открытую заднюю горловину клина, где не было гравистены, которая могла бы остановить или ослабить их. Броня молотообразной оконечности корабля брызнула осколками под огненным прикосновением. Лучи прошли глубоко внутрь корпуса, калеча и круша все на своем пути, уничтожая заднее погонное вооружение. Задняя треть бортовых стен капера замерцала и погасла.

«Анника» отчаянно разворачивалась в попытке вновь навести на «Воительницу» бортовые орудия. Но Хонор Харрингтон только что обнаружила в себе убийцу ничуть не менее безжалостного, чем Андерс Дунецкий. Ее пальцы запорхали по пульту, вводя небольшие корректировки, и «Воительница» вновь выстрелила. Каждый гразер со уцелевшего борта отправил поток смертоносной энергии прямо в прореху в гравистене «Анники», и дьявольски яркий шар плазмы поглотил корабль каперов.

Когда Хонор Харрингтон остановилась перед морпехом, стоявшим на часах у кабинета капитана, Нимиц у нее на плече сидел прямо и неподвижно. Рядовой глядел на гардемарина долгое мгновение, затем потянулся к кнопке сигнала.

— Да? — Голос принадлежал Абнеру Лэйсону, а не Томасу Бахфицу.

— Миз Харрингтон прибыла к капитану, сэр! — четко доложил морпех.

— Впустите,— послышался другой голос, и морской пехотинец шагнул в сторону от открывшегося люка.

Хонор благодарно кивнула, проходя мимо. Всего на одну секунду профессионально непроницаемое выражение исчезло с лица морпеха, и он ободряюще подмигнул Харрингтон, а затем люк вновь закрылся.

Хонор пересекла кабинет и застыла по стойке смирно. За столом капитана сидел коммандер Лэйсон, но капитан тоже присутствовал. Командир «Воительницы» расположился на диване, придвинутом к самой длинной переборке кабинета. Выглядел он ужасно — весь в синяках и ссадинах; левая рука и правая нога в гипсе. При других обстоятельствах капитан Бахфиш находился бы сейчас в лазарете; если бы потребовалось, лейтенант Чим держал бы его там под прицелом пульсера. Но лазарет был переполнен теми, у кого оказались более опасные раны. Там лежал Басанта Лакхия, Нассиос Макира — нет: удар «Анники» застал его в заднем отсеке. Ремонтные бригады пока не нашли его тело.

Хонор стояла перед старпомом и капитаном, и погибшие, восемнадцать процентов экипажа «Воительницы», тихо и выжидающе стояли у нее за плечом.

— Вольно, миз Харрингтон,— произнес капитан почти шепотом, и Хонор слегка расслабила спину.

Бахфиш смотрел на нее несколько долгих секунд, и она встретила его взгляд так спокойно, как только могла.

— Я просмотрел записи с мостика, - наконец продолжил Бахфиш и кивнул в сторону Лэйсона.— То же сделали старпом и коммандер Хираке. У вас есть что добавить к этим записям, миз Харрингтон?

— Нет, сэр,— ответила она.

Ее щеки порозовели от смущения, и Хонор выглядела еще более юной, чем всегда. Древесный кот, сидевший у нее на плече, склонил голову, пристально изучая двух ее начальников.

— Совсем ничего? — Капитан наклонил голову почти так же, как Нимиц, затем пожал плечами.— Ну, полагаю и в самом деле больше ничего не требуется. Все есть в записях.

Он помолчал еще мгновение, затем здоровой рукой указал на коммандера Лэйсона.

— Мы с коммандером пригласили вас сюда из-за того, что есть в этих записях, миз Харрингтон,— тихо проговорил

капитан. — Очевидно, что у «Воительницы» нет другого выбора, кроме как прервать рейс и вернуться в Звездное Королевство для ремонта. В обычных обстоятельствах для вас это означало бы перевод на другой корабль для завершения практики, что, к сожалению, задержало бы вашу аттестацию на полгода или даже стандартный год. Однако в данном случае мы с коммандером Лэйсоном приняли решение внести в ваше личное дело запись об успешном завершении практики. Та же запись появится у гардемаринов Брадло и Лакхия. Мы также внесем соответствующую запись в дело гардемарина Макиры вместе с рекомендацией присвоить ему посмертно звание младшего лейтенанта.

Он вновь сделал паузу и Хонор осторожно откашлялась.

— Спасибо, сэр, — сказала она. — Особенно за Нассиоса. Думаю, я могу говорить от имени всех нас.

— Безусловно можете, — отозвался Бахфиш. Он потер нос, а затем удивил ее кривой усмешкой. — Не имею ни малейшего понятия, что произойдет с моей карьерой, когда мы вернемся на Мантикору, — заявил он. — Многое, без сомнения, будет зависеть от выводов следственной комиссии. Но можно смело предположить, что какая-то доля критики непременно последует. И небезосновательно.

Хонор удивленно захлопала глазами от неожиданной откровенности его признания. Но он спокойно продолжал:

— Я стал слишком самоуверен, миз Харрингтон. Я ни капли не сомневался в том, что наш противник окажется типичным силезским пиратом. Да, — Бахфиш взмахнул здоровой рукой, — очень редко можно встретить пирата или капера с такой огневой мощью и настолько сильной командой. Но быть готовым к неожиданному — и есть работа капитана, а я с этим не справился. Надеюсь, что вы не забудете этот урок, когда однажды сами станете командовать королевским кораблем.

Он вновь замолчал, явно ожидая от нее реакции. Хонор едва удержалась, чтобы опять не закашляться.

— Я, безусловно, постараюсь не забыть, сэр, — ответила она.

— Уверен, что так и будет. А исходя из того, что вы продемонстрировали здесь, в Мелкоре, я уверен, что вы в этом преуспеете, — тихо произнес Бахфиш и слегка встряхнул головой.

— Тем временем, однако, у нас есть пара насущных проблем, которые требуется уладить. Как вы знаете, мы понесли тяжелые потери. Лейтенант Ливанос возьмет на себя двигатели, а энсин Мастерс — связь. Нам повезло, что на резервном мостике все уцелели, но у нас будет очень напряженная ситуация с офицерами, готовыми самостоятельно нести вахту на пути к Мантикоре. Поэтому я решил утвердить вас на посту помощника тактика с полевым званием младшего лейтенанта и постоянным производством моей властью в звание энсина.

Глаза Хонор расширились, и уголки губ против ее воли поползли к ушам.

— В данной ситуации, — заключил Бахфиш, — я думаю, можно смело надеяться на то, что Управление личного состава утвердит это производство. Независимо от результатов расследования в отношении меня.

— Сэр, я... Я не знаю, что сказать. Спасибо... — выдавила Хонор через мгновение, а он усмехнулся:

— Это самое меньшее, что я могу сделать, чтобы отблагодарить вас за спасение корабля и экипажа, миз Харрингтон. Хотелось бы мне произвести вас сразу в младшие лейтенанты, но я сомневаюсь, что Управление это утвердит, даже в подобных обстоятельствах. Все, что вы на самом деле получаете, — это преимущество пять-шесть месяцев перед вашими однокашниками.

— А еще, — тихо добавил коммандер Лэйсон, — я испытываю уверенность, что Служба не оставит незамеченным, как и почему состоялось ваше производство. Никто из тех, кто не знает вас, не мог ожидать, что вы так проявите себя, миз Харрингтон. Однако те, кто вас знает, меньшего и не ожидали.

Лицо Хонор вспыхнуло. Нимиц жестом собственника положил переднюю лапу ей на берет, выражая полное согласие с реакцией ее начальников.

— Полагаю, мы засмущали вас достаточно для одного утра, миз Харрингтон. — В голосе Бахфиша смешивались удовольствие, одобрение и симпатия. Взгляд Хонор вновь обратился к нему. — Однако я жду вас с коммандером Хираке на ужин сегодня вечером, где мы обсудим реорганизацию службы тактиков. Надеюсь, это будет удобно?

— Конечно, сэр! — с усилием произнесла Хонор.

— Замечательно. А я прослежу, чтобы у старшины Стенниса был достаточный запас сельдерея.

Нимиц с ее плеча с энтузиазмом мяукнул, а Хонор почувствовала, что впервые с момента взрыва «Анники» может улыбнуться от души. Бахфиш это заметил и одобрительно кивнул.

— Так намного лучше, энсин Харрингтон! Но теперь, учитывая проблемы с персоналом, вас наверняка ожидают какие-то дела, не так ли?

— Да, сэр. Уверена, что дела найдутся.

— В таком случае, думаю, вам следует заняться ими. Приступайте, энсин.

— Есть, сэр! — ответила энсин Харрингтон, вновь вытянулась по стойке смирно, резко развернулась и промаршировала из капитанского кабинета навстречу будущему.

„A Gift from the Culture" copyright © 1987 by Iain M. Banks

„Enchantress of Venus" copyright © 1949 by Leigh Brackett

„Temptation" copyright © 1999 by David Brin

„Weatherman" copyright © 1990 by Louis McMaster Bujold

"Empire Star" copyright © 1966 by Ace Books, Inc., renewed 1994 by Samuel R. Delany. Used by permission of the author and his agents, Henry Morrison, Inc. (USA)

"Ranks of Bronze" copyright © 1986 by David Drake

"The Well Wishers" copyright © 1997 by Colin Greenland. First published in *The Plenty Principle*, by Colin Greenland (HarperCollins 1997) and reprinted by permission of the author

"The Star Stealers" copyright © 1929 by Edmond Hamilton

"Escape Route" copyright © 1987 by Peter Hamilton. First published in *Interzone*, July 1987

"The Swordsman of Varnis" copyright © 1953 by Clive Jackson. Originally published as „by Geoffrey Cobbe"

"Zirn Left Unguarded, the Jenghik Palace in Flames, Jon Westerly Dead" copyright © 1972 by Robert Sheckley

"Orphans of the Helix" copyright © 1999 by Dan Simmons

"The Game of Rat & Dragon" copyright © 1955 by Cordwainer Smith

"Ms. Midshipwoman Harrington" copyright © 2001 by David Weber

„The Prince of Space" copyright © 1931 by Jack Williamson

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Как барахло стало бриллиантом: определение и переопределение космической оперы
Дэвид Дж. Хартвелл и Кэтрин Крамер. Пер. Тимура Туганова . 5

I
Писатели, открытые заново

Эдмонд Гамильтон. ПОХИТИТЕЛИ ЗВЕЗД
Пер. О. Ратниковой 23
Джек Уильямсон. ПРИНЦ КОСМОСА. *Пер. О. Ратниковой* . 64
Ли Брэкетт. ВЕНЕРИАНСКАЯ КОЛДУНЬЯ
Пер. Б. Александрова, Г. Грэя 150
Клайв Джексон. МЕЧЕНОСЦЫ ВАРНИСА
Пер. И. Русаковой 223

II
Призывники
(1960-е годы)

Кордвайнер Смит. ИГРА С КРЫСОДРАКОНОМ
Пер. Р. Германа 229
Сэмюэль Дилэни. ИМПЕРСКАЯ ЗВЕЗДА
Пер. М. Кондратьева 247
Роберт Шекли. ЗИРН БЕЗ ОХРАНЫ, ДВОРЕЦ ДЖЕППИК ГОРИТ, ДЖОН ВЕСТЕРЛИ МЕРТВ.
Пер. В. Серебрякова 335

III
Переходный период / Переосмысливние
(Поздние 1970-е — конец 1980-х годов)

Дэвид Брин. ИСКУШЕНИЕ. *Пер. Л. Грузберга* 343
Дэвид Дрейк. БРОНЗОВЫЕ ШЕРЕНГИ. *Пер. В. Двининой* . . 405
Лоис Макмастер Буджолд. МЕТЕОРОЛОГ
Пер. И. Дернова-Пигарева 420
Иен Бэнкс. КУЛЬТУРА, ДАРЫ ПРИНОСЯЩАЯ
Пер. А. Соколова 505

IV
Волонтеры. Новые мечтатели
(Начало 1990-х годов)

Дэн Симмонс. НЕБЕСНЫЕ СТРАННИКИ
Пер. О. Ратниковой 529
Колин Гринленд. ГРЕЗЯЩИЕ НАД КЛАДЕЗЕМ
Пер. М. Пчелинцева 594
Питер Гамильтон. ПУТЬ К СПАСЕНИЮ. *Пер. А. Кабалкина* . 663
Дэвид Вебер. ГАРДЕМАРИН ХАРРИНГТОН
Пер. Н. Габриелевой, Д. Горбачева, LazyImp 724

К 71 **Космическая** опера: Антология / Пер. с англ. Б. Александрова, Н. Габриелевой, Р. Германа и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 864 с.

ISBN 978-5-9985-0791-5

Впервые под одной обложкой лучшие повести и рассказы в жанре космической оперы!

Уникальное издание, снабженное подробным предисловием и развернутыми комментариями составителей, является своеобразным путеводителем по жанру космической оперы. Любители приключенческой фантастики получат возможность не просто насладиться блестящими работами прославленных мастеров, но и проследить развитие жанра в историческом и культурном контексте.

Продолжительные межзвездные перелеты, покорение новых миров, масштабные космические сражения и встречи с инопланетными существами, — все это вы найдете в захватывающих произведениях Эдмонда Гамильтона, Роберта Шекли, Лоис Макмастер Буджолд, Дэна Симмонса и других не менее знаменитых авторов.

Многие произведения впервые публикуются на русском языке!

УДК 82/89
ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редакторы Андрей Ермолаев, Александр Семенов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Елена Терскова, Татьяна Никонова, Елена Орлова, Светлана Федорова
Верстка Алексея Положенцева

Подписано в печать 16.12.2009.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 45,36. Заказ № 20629.

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Издательская Группа «Азбука-классика»

Санкт-Петербург:
ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Почта: 191014, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38
факс: (812) 321-66-60
E-mail: **office@azbooka.spb.ru**

Москва:
тел./факс (495) 951-74-36, 959-55-69
info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

Впервые под одной обложкой лучшие повести и рассказы в жанре космической оперы!

Уникальное издание, снабженное подробным предисловием и развернутыми комментариями составителей, является своеобразным путеводителем по жанру космической оперы. Любители приключенческой фантастики получат возможность не просто насладиться блестящими работами прославленных мастеров, но и проследить развитие жанра в историческом и культурном контексте. Продолжительные межзвездные перелеты, покорение новых миров, масштабные космические сражения и встречи с инопланетными существами, — все это вы найдете в захватывающих произведениях Эдмонда Гамильтона, Роберта Шекли, Лоис Макмастер Буджолд, Дэна Симмонса и других не менее знаменитых авторов.

Многие произведения впервые публикуются на русском языке!

ISBN 978-5-9985-0791-5 01

9 785998 507915

www.azbooka.ru